

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ШЕСТОЙ

**ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГОМЕРА
«ИЛИАДА». «ОДИССЕЯ»**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ШЕСТОЙ

**ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГОМЕРА
«ИЛИАДА». «ОДИССЕЯ»**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ШЕСТОЙ

**ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГОМЕРА
«ИЛИАДА». «ОДИССЕЯ»**

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Москва 2010

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 08-04-16204

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жиликова, Ф. З. Канунова, В. С. Киселев, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, А. В. Петров, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 6. Переводы из Гомера: «Илиада». «Одиссея» / Ред. В. С. Киселев, А. С. Янушкевич. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 736 с.

ISBN 978-5-9551-0413-3

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

Состав 6-го тома определили переводы Жуковского из Гомера. «Отрывки из Илиады» (1828), «Одиссея» (1842—1848), «Илиада» (1849) стали этапами в постижении русским поэтом гомеровского эпоса. Они вошли в историю русской литературы как замечательные памятники русской переводческой культуры. В разделе «Из черновых и незавершенных текстов» впервые публикуется фрагмент грандиозного замысла Жуковского, связанного с гомеровским эпосом, — «Повесть о войне Троянской».

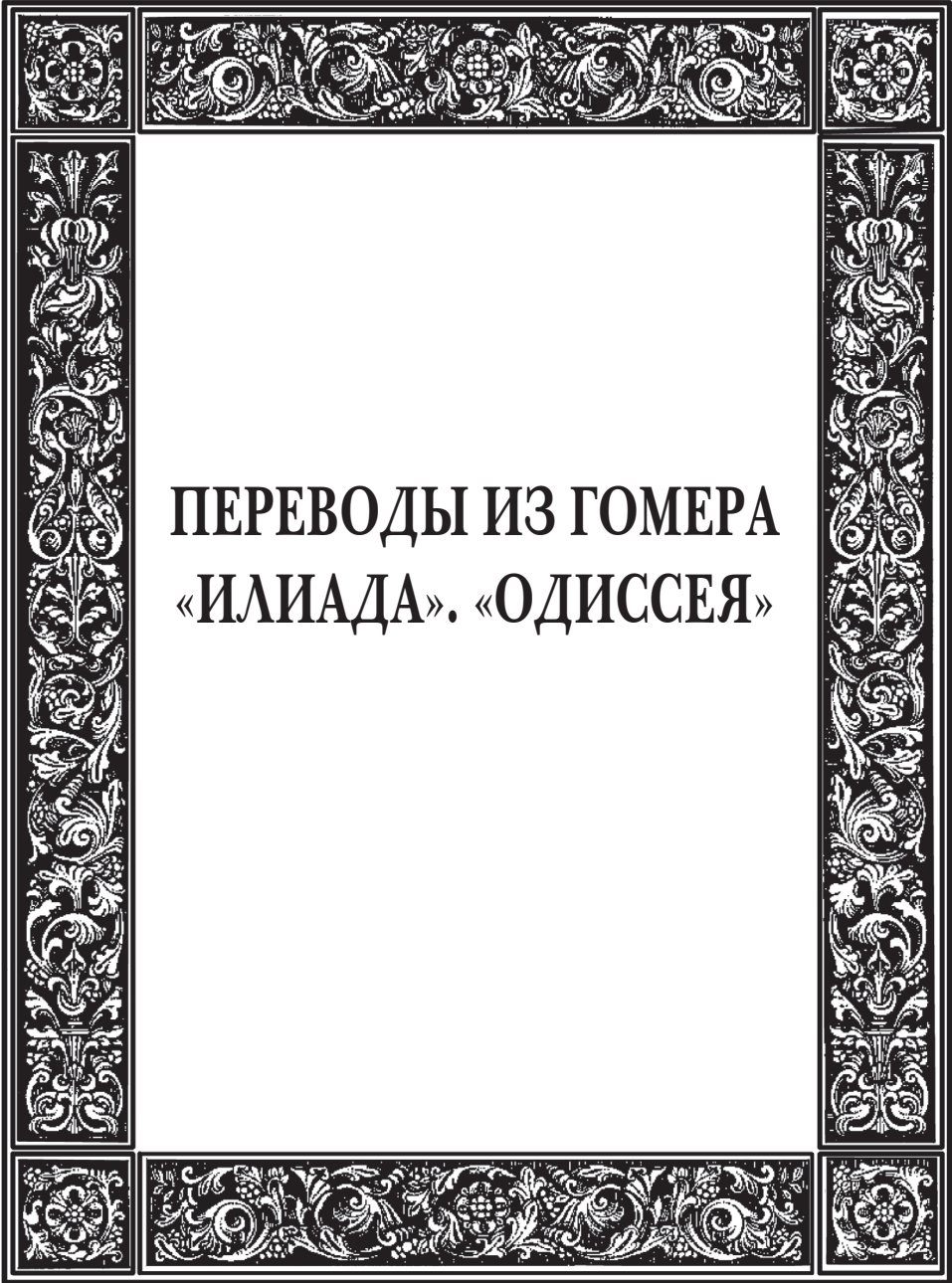
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

*На фронтисписе:
В. А. Жуковский. Копия А. П. Елагиной
с оригинала Ф. Т. Гильдебрандта (1840)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0413-3

© В. С. Киселев, А. С. Янушкевич. Редакция тома 6, 2010
© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2010

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГОМЕРА
«ИЛИАДА». «ОДИССЕЯ»

ОТРЫВКИ ИЗ «ИЛИАДЫ»

Жертву принесши богам, да пошлют Иллиону спасенье.
Гектор поспешно потек по красиво устроенным стогнам;
Замок высокий Пергама пройдя, наконец он достигнул
Скейских ворот, ведущих из града в широкое поле!
5 Там Гетеонову дочь Андромаху, супругу он встретил;
С нею был сын. На груди у кормилицы нежный младенец
Тихо лежал: как звезда лучезарная, был он прекрасен,
Гектор Скамандрием назвал его; от других он был прозван
Астианаксом (понеже лишь Гектор защитой был града).
10 Ласково руку пожавши ему, Андромаха сказала:
«Неумолимый! отважность погубит тебя. Не жалеешь
Ты ни о сыне своем в пеленах, ни о бедной супруге,
Скоро вдове безотрадной! Ахейцы тебя неизбежно,
15 Силою всею напав, умертвят. Для меня же бы лучше
В землю сокрыться, тебя потеряв: что будет со мною,
Если тебя, отнятого роком могучим, не станет?
Горе! уж нет у меня ни отца, ни матери нежной;
Мой отец умерщвлен Ахиллесом божественным; Фивы,
Град киликийн с блестящим золотом вратами разрушив,
20 Сам он убил Гетеона, но не взял оружия; чуждый
Мысли такой, он с оружием вместе сожжению предал
Кости родителя, в почесть ему погребальный насыпал
Холм и платанами горные нимфы тот холм обсадили.
Семеро братьев еще у меня оставалось в отчизне —
25 Все они, в день единый, повержены в бездну Анда:
Всех беспощадной рукой умертвил Ахиллес быстроногий.
Мать царицу от пажитей густолесистого Плака
В рабство добычей войны он увлек, но за выкуп великий
Скоро ей отдал свободу, чтоб пала от стрел Артемиды.
30 Гектор, ты все мне теперь: и отец и нежная мать;
Ты мой единственный брат, о Гектор, цветущий супруг мой.
Будь же ко мне сострадательн, здесь останься на башне;
Сыну не дай сиротства, супруге не дай быть вдовою;
Там на холме смоковницы войско поставь: нападенье

35 Легче оттуда на град; там открыты для приступа стены.
 С той стороны уже трикраты на нас покушались
 Оба Аякса, Идоменей, Диомед и Атриды».

Кротко отвечает гривистым шлемом украшенный Гектор:
 «О Андромаха, и я о том же печалюсь; но стыд мне

40 Будет тогда от троянских мужей и от жен Илиона,
 Если, как робкий, сюда удалось, уклоняся от боя;
 То запрещает и сердце; доньше привык я спокойно
 Бодрствовать духом и биться у всех впереди, охраняя
 Трои, великую славу отца и мою; но предвидит

45 Вещее сердце и тайно гласит мне тревожное чувство:
 Некогда день сей наступит — падет священная Троя,
 С нею Приам и народ царя копыеносного бодрый.
 Но не Трои грядущее горе, не участь Гекубы,
 Ни же Приамова гибель, ни же столь многих, столь храбрых

50 Братьев моих истребленье, тогда неизбежно падающих
 В прах под рукою врага, сокрушают ныне так сильно
 Душу мою, как мысль о тебе, Андромаха, когда ты,
 Вслед за одеянным медною броней мужем ахейским,
 Плача, отсюда пойдешь, лишённая света свободы,

55 Или в Аргосе будешь с рабынями ткать для царицы,
 Иль утомленная, тяжким сосудом в ключе гиперейском
 Черная воду, будешь в слезах поминать о Пергаме.
 Может быть, видя, как плачешь в своем одиночестве, скажут:
 «Вот вдова знаменитого Гектора, бывшего первым

60 В войске троянском, в те дни, как сражались у стен Илиона.
 То услыша, ты с новою вспомнишь тоской, что на свете
 Нет уж того, кто от рабства надежною был бы защитой.
 Нет! я лучше хочу, чтоб меня бездыханного скрыли
 В землю, чем слышать о плаче твоём и крушительном плене».

65 Так отвечив Гектор, и к сыну руки простер он;
 Робко от них отклонился, и к лону кормилицы с криком
 Бросился милый младенец, дичаясь отца, утраченный
 Ярким блистанием лат и косматою гривую шлема,
 Грозно над ним зашумевшею с медноогромного гребня.

70 С грустной улыбкой и мать и отец посмотрели на сына.
 Шлем с головы снимает поспешно блистательный Гектор,
 Бранный убор на землю кладет и, на руки взявши
 Сына, целует его с умиленьем, и нежно лелеет.

Громко зовет потом он к бессмертным богам и Зевесу:
 75 «Царь Зевес! вы, боги Олимпа! молю вас, да будет
 Некогда сын мой, как я, благолюбием первый в народе,
 Столько же мышцею крепок и мощно господствует в Трое.
 Пусть со временем скажут: *отца своего превзошел он!*
 80 Видя его, из сраженья идущего с пышною броней,
 Снятой с врага — и такая хвала да порадует мать».

Так сказав, положил он в объятия нежной супруги
 Сына. Она, улыбаясь сквозь слезы, душистым покровом
 Персей одела его; и, глубокой печалию полный,
 Гектор, ее приласкавши рукою, приветно сказал ей:
 85 «Бедная, ты не должна обо мне сокрушаться так много;
 Против судьбы я никем преждевременно сослан не буду
 В темный Аид; но судьбы ни единый еще не избежал
 Смертный, родившийся раз на земле, ни смелый, ни робкий.
 С миром же в дом свой пойдя: занимайся порядком хозяйства,
 90 Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабы и рабыни в работе
 Были прилежны своей; о войне же иметь попечение —
 Дело троянских мужей и мое из всех наиболее».

Кончив, свой гривистый шлем поднимает блистательный Гектор.
 Медленным шагом, и часто назад озираясь, и слезы
 95 Горькие молча лия, Андромаха пошла и достигла
 Скоро обители Гектора; много служительниц было
 Собрано там за работою; все сокрушались с нею;
 Заживо Гектор был в доме оплакан своим. Неизбежно,
 Мнили они, он погибнет; мы вечно его не увидим.
 100 *Истину вещая скорбь предсказала им; время настало
 Сбыться тому, что давно предназначено было; но прежде
 Славой великой покрылся могучий защитник Пергама.
 Пал Патрокл от руки благородного Гектора; втуне
 Шлем Ахиллесов и щит покрывали его; неизбежный
 105 Час судьбы наступил — и с Патроклова хладного трупа
 Гектор совлек Ахиллесову броню, и сеча зажглася
 Вокруг бездыханного юноши, прежде столь бодрого в битве.*

«Я к кораблям Антилоха послал возвестить Ахиллесу
 110 Гибель Патрокла; но знаю, что к нам не придет он на помощь,
 Сколь ни кипел бы на Гектора злобою... он безоружен.
 Нам одним защищать умерщвленного друга. Упорно
 Будем стоять за него; спасем бездыханное тело». —

Так говорил Менелай Теламонову сыну Аяксу.
 «Правда, Атрид знаменитый», — Аякс отвечал Менелаю, —
 115 Ты с Мерионом Патрокла храни; поклонитесь и тело,
 Взяв на плеча, несите из боя. Мы ж, оба Аякса,
 Равные мужеством сердца, всегда неразлучные в битве,
 Будем стременье Троян и великого Гектора дружно
 120 Грудью своей отражать, охраняя нашествие ваше». —
 Царь Менелай с Мерионом поднимают Патроклово тело
 Сильной рукою с земли: ужаснулись Трояне, увидя
 Тело во власти ахейн и бросились с воплем за ними.
 Словно как псы, упредя зверорловцев младых, на лесного
 Вепря, когда он поранен, кидаются вдруг, но лишь только
 125 Бешеный он, ошетинясь, на них обернется, в испуге
 Все рассыпаются — так и трояне сначала стремятся
 Бодро вперед, подымая мечи и двуострые копыя;
 Но лишь только Аяксы в лицо им лицом обратятся —
 Все бледнеют и боя начать ни один не дерзает.
 130 *Царь Менелай с Мерионом бесстрашно, медлительным шагом,
 Идут вперед, унося из сраженья Патроклово тело;
 Их защищают Аяксы; блистательный Гектор с Энеем
 Рвутся, как львы разъяренные, силясь добычу похитить;
 Страшной грозой к кораблям приближается шумная битва.*
 135 Робко меж тем Антилох к Ахиллесовой ставке подходит.
 Он сидел впереди кораблей недалеко от моря,
 Мрачен, тревожимый думой о том, что уже совершилось.
 «Горе! — он мыслил: зачем к кораблям в беспорядке теснятся
 140 Снова ахейцы, покинув сражение? Страхуюсь, что со мною
 Сбудется то, что давно предсказала мне мать: что должен
 Прежде меня от Троян мирмидонец погибнуть храбрейший.
 Сердце дрожит; уж не пал ли Менетиев сын? Непреклонный
 Друг! а я умолял уйти к кораблям, отразивши
 145 Вражий пожар и отнюдь не испытывать с Гектором силы».

Так размышлял Ахиллес — и пред ним с сокрушительной вестью
 Сын престарелого Нестора, слезы лиющий, явился.
 «Горе мне! сын благородный Пелея, ты должен о страшной
 150 Слышать беде, какой никогда не должно бы случиться!
 Пал Патрокл; уж теперь за его бездыханное тело
 Бьются; он наг — оружие Гектор могучий похитил».

Мрачное облако скорби лицо Ахиллеса покрыло.

Обе он горсти наполнивши пеплом, главу им осыпал;
 Лик молодой почернел, почернела одежда и сам он,
 Телом великим пространство покрывши великое, в прахе
 155 Был распростерт, и волосы рвал и бился об землю.
 Девы, им купно с Патроклом плененные, в страхе из ставки
 Выбежав, громко вопили над ним и перси терзали.
 С ними стонал Антилох; заливаясь слезами, всей силой
 Он Ахиллесовы руки держал, чтоб в безумии горя
 160 Сам он себе не пронзил изощренным оружием груди.
 С страшным воплем он плакал. Его услышала мать,
 В доме седого отца, на дне глубокого моря,
 Громко она зарыдала, и к ней собрались Нереиды,
 Сестры молодые, морской глубины златовласые девы.
 165 Полон был ими подводный, серебряный дом, поражали
 Все они перси, печалась с сестрой. Им Фетида сказала:
 «Милые сестры, Нерея бессмертные дочери, много,
 Много печали на сердце моем; о горе мне бедной!
 Мне, Ахиллеса великого матери! мною рожденный
 170 Сын, столь душой благородный, столь мужеством славный, в героях
 Первый... он цвел, как младое прекрасное древо; с любовью
 Нежной воспитанный, вырос, и мной наконец к Илиону
 Посланный, поплыл туда в кораблях острогрудых... и вечно
 Мне уж его не увидеть в отеческом доме Пелея;
 175 Но доколе и жив он, сиянием дня озаренный,
 Он осужден на страданье и мать ему не поможет.
 Милые сестры, покинем глубокое море; мне должно,
 Должно сына увидеть, мне должно проведать, какое
 Новое горе ему, не вступившему в бой, приключилось».

180 Так сказав, из пещеры выходит Фетида, и с нею
 Сестры, Нереевы дочери, слезы лиющие. Волны
 Моря кругом их шумят, разделяясь. Достигнувши Трои,
 На берег всходят одна за другою в том месте, где зрелись
 Все корабли мирмидонян кругом Ахиллесовой ставки.
 185 Мать к нему подошла, зарыдала над ним и, обнявши
 Нежной рукой преклоненную голову сына, сказала:
 «Что же ты плачешь? Что бодрюю душу твою сокрушило?
 Будь откровенен со мною! Зевес громовержец исполнил
 Все, о чем ты молился, подымая здесь руки. Ахейцы
 190 Много стыда претерпели, утратив тебя и, теснимы

Силой врагов к кораблям, безнадежно тебя призывали». Тяжко, тяжело вздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий: «Мать, не тщетно молил я, исполнил Зевес громовержец Все; но какая в том польза, когда потерял я Патрокла,
 195 Друга нежнейшего, милого мне, как сиянье дневное? Он погиб, и оружие Гектор убийца похитил, Крепкое, дивное, дар от богов олимпийских Пелею В оный день, как тебя сочетали, бессмертную, с смертным. Было бы лучше, когда б ты осталась богиней моря,
 200 Лучше, когда бы простой, не бессмертной супруги супругом Был Пелей: бесконечной тоской по утраченном сыне Будешь ты ныне крушиться; уж вечно его не увидишь В доме отца. Да и сердце мое запрещает мне доле Здесь меж живыми скитаться; но прежде Гектор заплатит
 205 Мне за Патроклову жизнь, под мою ногой издыхая». Мать, лиющая слезы, отвечает: «То, что сказал ты, Мне возвещает, что жизни твоей прекращение близко: Сам ты за Гектором вслед неминуемо должен погибнуть — Так повелела судьба». Ахиллес возразил ей угрюмо:
 210 «Пусть я погибну теперь! Что в жизни, если Патрокла Мне защитить не дано? Далеко от любимой отчизны Пал он, а я не пришел отразить ненавистную гибель. Что я? Родительских мирных полей суждено не видеть мне; Жизни Патрокла спасти я не мог; не мог быть защитой
 215 Стольким друзьям благородным, от сильного Гектора падшим. Здесь я сижу, позади кораблей, бесполезное бремя Свету, я, Ахиллес, из всех меднолатных ахеев В битве храбрейший, хотя на совете другим уступаю. О! да погибнут вражда и гнев, отменяющий часто
 220 Разум мудрейшим! сначала он сладостней меда, но скоро Пламень снедающий в сердце, вкусившем его, зажигает. Так и меня раздражил Агамемнон, царей повелитель. Но пусть будет прошедшим прошедшее; сколь ни прискорбно Сердцу оно — раздраженное сердце должно покориться.
 225 Я иду — не избегнешь меня ты, Патроков убийца, Гектор. Свой жребий принять я готов, когда ни назначат Вечный Зевес и бессмертные боги Олимпа; и мне ли Ныне роптать на судьбу, когда и Алкид благородный, Сын Громовержца любимый, был некогда ею постигнут?

230 Если подобный удел и меня ожидает, пусть лягу
 В землю, дыхание утратив; но славу великую прежде
 Здесь соберу, быстротечная жизни в замену; здесь многих
 Дев полногрудых дарданских принужу крушиться и слезы
 С юных ланит отирать, закрывши руками
 235 Лица и вздохи спирая в груди, раздираемой горем.
 Скоро узнают, что я отдохнул. А ты не надейся,
 Мать, меня удержать: никогда я не буду покорен».
 «Истину ты говоришь, — отвечала Фетида, — похвально
 Быть для друзей от беды и от смерти защитой. Но Троя
 240 Ныне владеет твоими блестящими латами; хищный
 Гектор, украшенный ими, ликует — хотя и недолго
 В них величаться ему: предназначенный час недалеко;
 Но безоружный, мой сын, не бросайся в тревогу Арея;
 Здесь помедли, доколе меня не увидишь.
 245 Завтра сюда на рассвете, лишь только подыметесь солнце,
 С пышной броней, скованной богом Ифестом, приду я».
 Так говорила богиня и с сыном могучим простилась.
 К юным сестрам, среброногим богиням, потом обратясь,
 «Милые сестры, — сказала, — теперь погрузитесь в море,
 250 В дом возвратитесь Нерея и старцу седому пучины
 Всё возвестите. А я на вершину Олимпа к Ифесту
 Прямо отсель полечу умолять, чтоб оружие дал нам».
 Кончила; в лоно зыбей погрузились младые богини.
 Быстро к вершине Олимпа от них полетела Фетида.
 255 Тою порою ахейцы от грозного Гектора с громким
 Воплем бежали к своим кораблям, на берега Эллиспонта,
 Сияясь напрасно исторгнуть из боя Патроклово тело;
 Гектор, как бурное пламя, гнался за ним; уж трикраты
 За ногу мертвого сзади хватал он, готовый добычу
 260 Вырвать из рук у ахейян. И кликал троян, и трикраты
 Силою всею Аяксы его отражали от трупя.
 Яростный, пламенный, все низвергал он; то, бегая быстро,
 Бился в толпе; то, стоя недвижим, сзывал громогласно
 В битву своих и рвался неотступно на холодное тело.
 265 Так над растерзанной ланью, голодный, очами сверкая,
 Лев космолапый сидит, не тревожась пастырей криком.
 Тщетно Аяксы отважные борются с ним; овладел бы
 Он неизбежно Патроклом с великою славой, когда бы

Ира с небес не послала Ириду к Пелееву сыну:
 270 «Сын Пелеев, беги, беги на помощь к Патроклу;
 Битва уже подошла к кораблям. Посмотри: убивают
 Страшно друг друга, одни — отбиваясь, другие — стремясь
 Тело схватить; Одолеют трояне; блистательный Гектор
 Скоро похитит Патрокла, и в Трою умчит, и на башне
 275 Выставит голову, снятую с плеч в посрамленье ахеян.
 Полно медлить: иль псам напитаться Патроковым телом.
 Встань, безоружный, взбеги на раскат; покажися троянам;
 Образ твой ужас нагонит на них; ободрятся ахейцы».
 Так Ахиллесу богиня Ирида сказала и скрылась.
 280 Гласом ее возбужденный, вскочил Ахиллес. И Афина
 Мощные плечи ему облачила эгидой ужасной,
 Огненной тучей главу обвила, и с нее заблестали
 Грозно лучи, озаряя окрестность. Как дым, извиваясь,
 285 Выходит далеко на острове, ратью врагов обложенном
 (Бодро весь день осажденные бьются, но сядет лишь солнце,
 Всюду костры зажигают, и с яркими искрами пламя
 Выходит великим столбом и, окрест отраженное морем,
 Светит, чтоб видели путь корабли, приносящие помощь),
 Так с головы Ахиллеса блистанье в эфир подымалось.
 290 Он взбежал на раскат и, став на виду у ахеян,
 Крикнул... пронзительный крик повторила Паллада Афина
 Отзывом громким: Троян обуял неописанный ужас.
 Так оглушительный гром боевья трубы, возвещая
 Приступ, незнапно мутит осажденных. Едва Ахиллесов
 295 Голос послышался, дрогнуло каждого сердце; все кони,
 Гибель почуя, подняли гривы и с топотом громким
 Всячь понесли колесницы; правители их в испуге,
 С бледным лицом, обратясь назад, неподвижным смотрели
 300 Оком на грозный лица Ахиллесева блеск. Троекратно
 Крикнул он с валу на них — троекратно, разбитые страхом,
 Войска троян и союзных назад в беспорядке бросались.
 Тут от своих колесниц и от собственных копий двенадцать
 Храбрых дардания погибло. Ахейцы, похитив Патрокла,
 305 В ставке простерли его на одре, и друзья окружили
 Тело. Пришел Ахиллес. Залился он слезами, увидя
 Друга, пред ним на одре неподвижно лежащего, острой
 Медью пронзенного: сам он недавно его на сраженьи,

Броней своей облекши, послал: но назад не пришел он.
 Тою порой, постоянный в течении Гелнос, волю
 310 Иры свершая, сошел неохотно к водам Океана,
 В них потонувшее солнце исчезло, и войско ахеян
 После губительной брани в глубокий покой погрузилось.
*Но трояне вкусить не могли ни покоя, ни пищи,
 Смутно они собрались на совет. Опершись на копья,
 315 Все стояли, и сесть не дерзал ни единый, и всем им
 Сердце тревожила мысль о явившемся в бой Ахиллесе.
 Полидамант благомыслящий, Гекторов друг осторожный,
 Первый подал совет: покинув поле сраженья,
 В Трою войти. «Нам теперь благовонная ночь благосклонна. —
 320 Так он сказал. — Ахиллеса держит она. Но завтра,
 В поле увидя нас, выйдет он в битву. Тогда неизбежно
 Многие будут добычею псов. Удалимся же в Трою, покуда
 Время, на торжище ночь проведем под небом открытым;
 С первым же блеском денницы сберем на стены; пускай он
 325 Боя отведать приблизится к ним; лишь напрасно могучих
 Коней своих утомит; но и в Трою ему не ворваться».*
 Сумрачен, брови нахмуря, ответственвал пламенный Гектор:
 «Полидамант, осторожный совет твой теперь бесполезен;
 Нам ли, как робким, бежать в огражденную башнями Трою?
 330 Мы ль не устали еще, за стенами теснясь, укрываться?
 Некогда город Приамов, меж всеми народами славный,
 Был знаменит на земле изобилием меди и золота;
 Но уж давно из печальных жилищ изобилие скрылось.
 Мы раздражили Зевеса: во Фригии, в крае союзном
 335 Пишной Меонии, проданы лучшие утвари наши.
 Ныне ж, когда мне могучий Кроний, Зевес Вседержитель,
 Славу послал отразить к кораблям меднолатных ахеян,
 Я ли укроюсь в Трое? Какой же совет подаешь ты?
 Кто из троян покорится ему? Здесь я повелитель.
 340 Слушайте ж слово мое и мою исполните волю:
 Пищу пускай по дружинам разделят; насытитесь, но каждый
 Будь осторожен, и страж да не дремлет на страже. Завтра
 С первым слянем денницы, оружие медное взявши,
 345 Мы побегим к кораблям на решительный приступ. И если
 Правда, что встал Ахиллес, то недоброе время он выбрал;
 Я не страшуся его, беспощадного, встретить; отважно

Стану пред ним, не забоясь, меня ли, его ли украсит
 Славою бой... неподкупен Арей, и разящих разит он».

Гектор сказал, и трояне, согласные с ним, отвечали
 350 Плеском шумящим... слепцы! им Паллада затмила рассудок:
 Злое благому они предпочли и остались в поле.
 В горе и плаче ту ночь над Патроковым телом ахейцы,
 Глаз не смыкая, всю провели. Ахиллес, положивши
 Мощные руки на грудь неподвижную друга, со стоном

355 Плакал. Так львица грозная рычет, когда звероловец
 Львенка младого ее из глубокого лога похитил:
 Злобяся, рыщет она по ущелиям с жалобным ревом.
 Так Ахиллес вопиял, окруженный толпой мирмидонян:
 «Боги! сколь были надежды мои безрассудны, когда я,

360 Тщась утолить сокрушенья Менетия, дал обещанье
 Вместе с украшенным славой Патроком в Опунт возвратиться,
 Трои разрушив и много богатой добычи скопивши,
 Смертный замыслит одно, а Зевес совершает иное!
 Оба единую землю мы кровью своей напитаем

365 Здесь, в отдаленном Троянском краю. И меня не увидят
 Вечно в жилище отцов ни Пелей, мой родитель
 Дряхлый, ни мать Фетида. Здесь лягу, покрытый могилой,
 Если же после Патрокла назначено в землю сойти мне,
 О мой Патрокл! я твое совершу погребенье, повергнув

370 Голову Гектора с броней его пред тобой и двенадцать
 Юношей пленных, сынов благороднейших Трои, зажавши
 В почесть твою и обиженной тени твоей в утешенье!
 С миром же спи у моих кораблей в ожидании мести;
 Пусть троянки, плененные нами, и денно и ночью

375 Плачут дотоле над телом твоим и перси терзают».

С сими словами друзьям повелел Ахиллес благородный,
 Чистой водою огромный котел треножный наполнив,
 Прах с запекшейся кровию смыть с Патроклова тела.
 Ставят треножник на яркий огонь, и шумящей струею

380 Льется в него ключевая вода и хворост бросают
 В пламя: оно обхватило котел, и вода закипела
 В медном звенящем сосуде. Омытое теплою влагой,
 Тело умаслили тучным елеем; потом, ароматной
 Девятилетней мазью наполнивши раны, простерли

385 Тихо его на одре и, покрыв полотном драгоценным,

Купно и тело и ложе блестящею тканью одели.
 Эос младая в одежде багряной, бессмертным и смертным
 День приносящая, встала из вод Океана. Фетида
 С дивной, Ифестом ей данной броней пришла к Ахиллесу;
 390 Он распростертый лежал над бездушным Патроклом и громко
 Плакал; окрест мирмидоняне в мрачном молчанье сидели.
 Тихо меж ними прошла среброногая мать богиня
 К сыну и, за руку взявши его, умиленно сказала:
 «Сын мой, оставим покоиться мертвого, сколько б о нем мы
 395 В сердце своем ни крушились; он силой бессмертных постигнут.
 Я принесла невредимую броню от бога Ифеста,
 Чудо красы: ни на ком из людей не бывало подобной».
 Так сказав, положила Фетида к ногам Ахиллеса
 Броню; громкий оружие звук издало: мирмидонян
 400 Ужас проникнул: взглянуть не посмел ни единый богине
 Прямо в лицо, и все трепетали. Но гневом сильнейшим,
 Броню узря, закипел Ахиллес; глаза засверкали
 Искрами, вспыхнув под тенью ресниц, как ужасное пламя;
 Жадной рукою он броню схватил и, даром чудесным
 405 Бога Ифеста плененный, им стал любоваться; но скоро
 Снова сделался мрачен; потом, обратясь к Фетиде,
 «Мать, — сказал он, — оружие дивно твое, и немедля
 Выйду я в битву. Но сердце мое беспокойно; он будет
 Здесь бездыханный лежать; насекомые жадные могут
 410 В раны влететь, в них червь поселится и может гниенье,
 В тело проникнувши, образ его опозорить прекрасный».
 «Будь, мой возлюбленный сын, беззаботен, — сказала Фетида, —
 С ним неразлучная, стану сама разгонять насекомых,
 415 Жадно снедающих тело убитого мужа; хотя бы
 Медленный года над ним совершился полет, я нетленным
 Тело его сохранию, и еще он прекраснее будет».
 С сими словами она проливает на раны Патрокла
 Сок благовонный амброзии с нектаром светлопурпурным.
 420 *Берегом моря поспешно потек Ахиллес благородный;
 На голос звучный его собралися ахейцы. Прискорбно
 Руку он подал Атриду, и был примирительной жертвой
 Поздний меж ними союз утвержден. Агамемнон могучий
 Дал повеленье дары отнести к Ахиллесу. Немедля
 Царь Одиссей с сыновьями почтенного Нестора, с славным*

425 Сыном Филия Мегитом, с Фоантом и с ними Креонов
 Сын Ликомед, Мерион, Меланипп к Агамемнону в ставку
 Идут и, выбрав семь драгоценных треножников, двадцать
 Светлых сосудов, двенадцать коней и семь рукодельных
 430 Пленниц с осью Бризейдой, отходят в шатер Ахиллесов,
 Царь Одиссей впереди с десятью талантами злата.
 Все потом, окружив Ахиллеса, его приглашают
 С ними обед разделить: но, тяжело вздохнув, отвечал он:
 «О друзья! умоляю вас, если хоть мало я дорог
 Вашему сердцу, не требуйте ныне, чтоб я насладился
 435 Вашею пищею: горе всю душу мою раздирает.
 Нет, не коснусь ни к чему до самых поздних ночи».

Все полководцы простились тогда с Ахиллесом; остались
 Оба Атрида, Идомений, Одиссей благородный,
 Нестор и старец Феникс. Прояснить омраченную душу
 440 Друга старались они разговором веселым; но тщетно.
 Сумрачен был он, лишь битвы единой алкал, непрестанно
 Думал о мертвом, об нем лишь одним говорил непрестанно:
 «О, сколь часто бывало, что сам ты заботливо, бедный,
 В ставку мою прибегал с подкрепительной утренней пищей,
 445 Мне возвещая, что войско ахейн шатры покидало,
 Снова с троянами в битву готовое выйти: а ныне
 Здесь ты лежишь, бездыханный! Не может мое услаждаться
 Сердце ни пищей, ни сладким вином без тебя. Я толь сильным
 Не был бы горем сражен, и услышав о смерти Пелея,
 450 Люющего слезы во Фтии своей обо мне отдаленном,
 Бьющемся в чуждом краю за обиду Елены презренной,
 Ни же печальную весть получивши о сыне, в Скиросе
 Мне расцветающем, богоподобном Неоптоleme,
 Если он жив!» — Я донныне всегда упованием тайным
 455 Сердце свое утешал, что погибну один, разлученный
 С славным конями Аргосом, в Троянской земле, что в пределы
 Фтии родной возвратяся, ты сам в кораблях белокрылых
 Сына в Скиросе возьмешь и ему покажешь в отчизне
 Все богатства мои, рабов и царевы чертоги.
 460 Чувствовал я, что тогда уж Пелей иль в земле, бездыханный,
 Будет лежать, иль, может быть, грустно свой век доживая,
 Будет согбен от печали и лет, все боясь, что от Трои
 Вестник придет и скажет ему: «Ахиллеса не стало».

Так говорил он и плакал. Сидевшие с ним вздыхали,
 465 Каждый о том помышляя, что в доме далеко оставил.
 Взор сострадательный с неба Зевес на печальных склонивши,
 Быстро к богине Палладе крылатую речь обращает:
 «Или, Паллада, покинут тобой Ахиллес благородный?
 470 Видишь, как он на берегу, у своих кораблей черногрудых,
 Плача о мертвом Патрокле, сидит одинокий. Другие
 Утренней пищей себя подкрепляют; но он не приемлет
 Пищи. Лети ж и во грудь Ахиллесу амброзии сладкой
 С нектаром влей, чтоб от голода сил он своих не утратил».
 Так Зевес говорил, упреждая желанье Афины.
 475 Быстро она — как орел с необъятными крыльями, с звонким
 Криком — к шатрам полетела с небес. Уж ахейцы толпились,
 В бой ополчаясь. Во грудь Ахиллеса амброзии сладкой
 С нектаром тайно Афина влила, чтоб от голода силы
 Он не утратил, и снова потом возвратилась в обитель
 480 Зевса. Ахейцы волнами текли, корабли покидая,
 Словно, как частый, клоками сыплющий снег, уносимый
 Северным, быстро эфир проясняющим ветром, из ставок
 Сыпались шлемы бесчисленны, рой за сверкающим роем,
 Круто согбенные латы, из ясеня твердого копыа,
 485 С острою бляхой щиты; до небес восходило сиянье;
 В блеске оружий смеялась земля; под ногами бегущих
 Берег гремел. Посреди их броней Ахиллес облекался.
 Зубы его скрежетали, и очи, как быстрое пламя,
 Рдели, сверкая; Но сердце его нестерпимой печалью
 490 Было наполнено. Злобой кипя, на троян разъяренный,
 Взял он доспехи, чудесное бога Ифеста создание;
 Голени в светлые, гладкие поножи прежде облекши,
 Каждую пряжкой серебряной туго стянул он; огромным
 Панцирем мощную грудь обложил; на плечо драгоценный
 495 Меч с рукоятью серебряной, с лезвием медным повесил.
 После надел необъятный, тяжкий, блеском подобный
 Полному месяцу щит: как далекий маяк мореходцам
 Светит во мгле, пламенея один на вершине утеса —
 Буря же вдаль от друзей их несет по шумящему морю —
 500 Так лучезарно светился божественный щит Ахиллесов,
 Чудо искусства. Потом на главу он надвинул тяжелый
 Гривистый шлем; он сиял, как звезда, и густым златовласым

Конским хвостом был украшен на нем воздымавшийся гребень.
 Броней одетый, силу свою Ахиллес испытует:
 505 Двигался в ней он свободно, и члены обнявшая броня
 Легче казалась крыл и как будто его подымала.
 Тут он отцово копье из ковчега прекрасного вынул,
 Тяжкоогромное — в сонме ахейн его ни единый
 510 Двинуть не мог, но легко им играла рука Ахиллеса:
 Ясень могучий с гордой главы Пеллона срубивши,
 Создал Хирон то копье для Пелея, врагам на погибель.
 Автомедон и Алким на коней возложили поспешно
 Светлую сбрую и удилы силой втеснили им в зубы;
 Туго потом натянувши бразды, впереди колесницы
 515 Их укрепили. Автомедон в колесницу с блестящим
 Прянул бичом. Ахиллес, изготовясь в кровавую битву,
 Стал позади, как Гелиос дивной броней сияя.
 Тут громогласно к Пелеевым бодрым коням он воскликнул:
 «Ксанф и Валий, славные дети Подарги, вернее,
 520 Добрые кони, вы ныне правителю вашему будьте;
 Сытого боем его к кораблям возвратите; не мертвым
 В поле оставьте, подобно Патроклу». На то легконогий,
 Дышащий пламенем Ксанф отвечал, до копыт наклонивши
 Гордую голову — пышная грива упала на землю;
 525 Ира лилейной рукой разрешила язык — он промолвил:
 «Так, мы живого еще тебя принесем, сын Пелеев;
 Но предназначенный день твой уж близко. Не нашей
 Волей, но силою бога и строгой судьбой то свершилось;
 Нет, не мы замедльем своим и безвременной ленью
 530 Дали троянам похитить Патроклову крепкую броню;
 Сын густовласья Литы, бог неизбежный постигнул
 В битве его и Гектора честью победы украсил.
 Пусть на бегу мы полет опережаем Зефира, из легких
 Ветров легчайшего веяньем крыл благовонных — но ведай:
 535 Ты от могучего бога и смертного мужа погибнешь».
 Он сказал, и язык обезмолвила сила Эринний.
 Сумрачен ликом, ему отвечал Ахиллес быстроногий:
 «Ксанф, для чего бесполезно мне смерть прорицаешь? И сам я
 540 Знаю, что мне, далеко от отца и от матери, должно
 Здесь по закону судьбы умереть. Но я все не престану
 Биться и мучить троян ненасытной битвой».

Звучно он крикнул, и с топотом громким помчались кони;
Следом за ним из заград побежали ахейцы. Трояне
Ждали их в поле, густыми толпами построясь на холме.
565 Вечный Зевес с многоглавой вершины Олимпа Фемиду
Всех богов пригласить на совет посылает. Богиня
Им повелела собраться в обителях неба. Предстали
Все, и самые боги потоков и в тенистых рощах,
В темных долинах, в источниках тайных живущие нимфы;
570 Древний один Океан не явился. В чертогах, Ифестом
Созданных с дивным искусством по воле Зевеса, на тронах
Боги сидели кругом Громовержца. Призванью Фемиды
Сам Посидон покорился. Он вышел из вод и с другими
Сел на совет. Наконец спросил он владыку Зевеса:
575 «Бог громоносный, зачем ты призвал нас в чертоги Олимпа?
Или решить замыслиаешь ты участь троян и ахейан,
Вышедших в поле и снова исполненных яростью битвы?»
В тучах гремящий Зевес, отвечая, сказал Посидону:
«Бог, колебатель земли, ты мои помышления знаешь,
580 Знаешь, о чем сей совет. И о гибнущих ум мой печется.
Здесь я буду сидеть, на скале высочайшей Олимпа,
Зрелищем боя себя услаждая. Но вам позволяю
К войскам троян и ахейан идти, и можете помощь
Той стороне подавать, на которую склонит вас сердце.
585 Если один Ахиллес нападет на троян — ни мгновенья
В поле они не подержатся против Пелидовой силы;
Трепет их всех поразил при едином его появлении.
Ныне ж, когда он так сильно разгневан погибелью друга,
Я страшусь, чтоб, судьбе вопреки, не разрушил и Трои».
590 Так говорил Зевес, и вспыхали бессмертные боем.
С неба они, разделяясь, ко враждующим ратам слетели.
Мощная Ира пошла к кораблям с Палладой Афиной;
С ней Посидон, облегающий землю, и Эрмий, обильный
Козьями, щедрый податель богатства, и медленно-тяжкий,
595 Пламенноокий Ифест, чрез силу влекущий хромую
Ногу. Но шлемом блестящий Арей обратился к троянам,
С ним полнокудрый Феб и меткостью стрел Артемиды
Гордая, Лито, и Ксанф, и Киприда с улыбкой приветной.
Был надменны ахейцы, пока не вмешались боги
600 В бой — Ахиллес появлением своим, по долгом покое,

Их ободрил, а трояне при виде Пелеева сына,
Блеском брони Арею подобного, все трепетали, —
Но лишь только сошли олимпийцы ко смертным, Эриннис
Страшно свирепствовать вдруг начала. То стоя на вале,
585 Подле глубокого рва, то на бреге шумящего моря
Гласом могучим Афина кричала. И черной подобен
Буре, Арей завывал, то с горней вершины Пергама
Клича троян , то бегая взад и вперед у высокой
Каликолоны, вне стен, не вдали Симонсова брега.
590 Так олимпийские боги рать на рать возбуждали.
Скоро везде запылал разрушительный бой истребленья.
Страшно гремел всемогущий отец людей и бессмертных
С неба; внизу колебал Посидон необъятную землю;
Горы тряслись; от подошвы богатой потоками Иды
595 Всё от вершины ее и Пергам с кораблями дрожало.
В царстве глубокой подземная тьмы Айдоней возмутился;
Бледен с престола сбежал он и крикнул, страшася, чтоб свыше
Твердой земли не пронзил Посидон Сокрушитель, чтоб оку
Смертных людей и богов неприступный Аид не открылся,
600 Страшный, мгlistый, пустой и бессмертным самим ненавистный.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ГОСУДАРЮ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ

свой труд

с глубочайшим почтением

посвящает

В. Жуковский

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

ОТРЫВОК ПИСЬМА

.....

Вы спросите, как мне пришло в голову приняться за «Одиссею», не зная греческого языка, и из мечтателя романтика сделаться трезвым классиком? Вот вам простой ответ: перешедши на старости в спокойное пристанище семейной жизни, я захотел повеселить душу *первобытною поэзией*, которая так светла и тиха, так животворит и покоит, так мирно украшает все нас окружающее, так не тревожит и не стремится ни в какую туманную даль. Старость — второе ребячество; под старость любишь рассказы; поэтому и мне захотелось присоседиться к простодушнейшему из всех рассказчиков, и не имея в запасе собственных басен, повторить по-русски его греческие стародавние басни. Одним словом, цель моя была: потешить самого себя на просторе поэтической болтовнею; это мне и удалось: XII песен Одиссеи кончены; были бы кончены и все XXIV, но в последние два года всякого рода тревоги помешали мне приняться за продолжение труда моего. Пока моя главная цель достигнута, муза Гомерова озолотила много часов моей устарелой жизни; но то, что меня самого так сладостно, так беззаботно утешало, будет ли утехой и для читателей-соотечественников, с которыми хочу поделиться своими сокровищами, занятыми у Гомера? Не знаю. Если это случится — то меня будет радовать мысль, что на Руси останется твердый памятник поэтической моей жизни. Быть верным представителем Гомера... но как же, спросите вы, не зная Гомерова языка, гово-

рить языком его по-русски? Это я должен вам объяснить. Мне помогла немецкая совестливая, трудолюбивая ученость. В Дюссельдорфе (где я прожил три года) я нашел профессора Грасгофа, великого эллиниста, который в особенности занимается объяснением Гомера. Он взял на себя помочь моему невежеству. Собственноручно, весьма четко он переписал мне в оригинале всю Одиссею; под каждым греческим словом поставил немецкое слово, и под каждым немецким грамматический смысл оригинального. Таким образом, я мог иметь перед собою весь буквальный смысл Одиссеи и имел перед глазами весь порядок слов; в этом хаотически-верном переводе, недоступном читателю, были, так сказать, собраны передо мною все материалы здания; недоставало только красоты, стройности и гармонии. И вот в чем состоит собственно труд мой: мне надлежало из данного нестройного выгадывать скрывающееся в нем стройное, чутьем поэтическим отыскивать красоту в безобразии и творить гармонию из звуков, терзающих ухо; и всё это не во вред, а с верным сохранением древней физиономии оригинала. В этом отношении и перевод мой может назваться произведением оригинальным. На вопрос: имел ли я успех? сам не могу быть себе судьей, ибо не могу сравнивать. Вы можете слышать самого Гомера — спросите у него, доволен ли он своим гиперборейским представителем, и сообщите мне его мнение. Я старался переводить слово в слово, сколько это возможно без насилия языку (от чего верность рабская становится рабскою изменою), следовал за каждым словом и в особенности старался соблюдать *их место в стихе* тем словам, которые на этом месте производят особенное поэтическое действие. Повторю здесь то, что сказал о труде моем в другом месте: «Перевод Гомера не может быть похож ни на какой другой. Во всяком другом *поэте, не первобытном*, а уже поэте-художнике, встречаешь с естественным его вдохновением и работу искусства. В Гомере этого искусства нет; он младенец, видевший во сне все, что есть чудного на земле и небесах, и лепечущий об этом звонким, ребяческим голосом на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, широкая, светлая река без волн, отражающая чисто и верно и небо, и берега, и все, что на берегах живет и движется; видишь одно верное отражение, а светлый кристалл отражающий как будто не существует: око его не чувствует. Переводя Гомера (и в особенности Одиссею), недалеко уйдешь, если займешься фортуною каждого стиха отдельно, ибо у него, т. е. у Гомера, нет отдельно разительных стихов, а есть поток их, который надобно схватить *весь*, во всей его полноте и светлости: надобно сохранять каждому стиху его физиономию, но так, чтобы его отдельность сливалась с стройностию целого и в ней исчезала. И в вы-

боре слов надлежит наблюдать особенного рода осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и не годится для Гомера; всё имеющее вид новизны, затейливости нашего времени, все необыкновенное — здесь не у места; оно есть, так сказать, анахронизм; надобно возвратиться к языку первобытному, потерявшему уже свою свежесть, потому что все его употребляли; заимствуясь у праотца поэзии, надобно этому обветшалому, изношенному языку вернуть его первоначальную свежесть и новость и отказаться от всех нововведений, какими язык поэтический, удаляясь от простоты первобытной, по необходимости заменил эту младенческую простоту. Одним словом, переводя Гомера, надобно отказаться от всякого щегольства, от всякой украшенности, от всякого покушения на эффект, от всякого кокетства; надобно производить действия неощутительно целым, простотою, неразительностию, неприметностию выражений, стройностию широких, обильных периодов, иногда прерываемых как будто без намерения, отдельными стихами, мало блестящими, так, чтобы каждый стих в периоде и каждое слово в стихе составляли одну общую гармонию, не нарушая ее никаким отдельным, разительным, часто диким звуком. Эта работа весьма трудная; для нее нет ясных правил; должно руководствоваться одним чутьем; и для меня эта работа была тем труднее, что я в этом отношении не мог согласоваться с оригиналом, ибо его не знаю, а мог только угадывать. Но зато какое очарование в этой работе, в этом подслушивании первых вздохов Анадиомены, рождающейся из пены моря (ибо она есть символ Гомеровою поэзии) — в этом простодушии слова, в этой первобытности нравов, в этой смеси дикого с высоким и прелестным, в этой живописности без излишества, в этой незатейливости и непорочности выражения, в этой болтовне, часто чересчур изобильной, но принадлежащей характеру безыскусственности и простоты, и в особенности в этой меланхолии, которая нечувствительно, без ведома поэта, кипящего и живущего с окружающим его миром, всё проникает, ибо эта меланхолия не есть дело фантазии, созидающей произвольно грустные сетования, а заключается в самой природе вещей тогдашнего мира, в котором все имело жизнь, пластически могучую в *настоящем*, но и все было ничтожно, ибо душа не имела за границею мира никакого *будущего* и улетаала с земли безжизненным призраком, и вера в бессмертие, посреди этого кипения жизни настоящей, никому не шептала своих великих всеоживляющих утешений». Вот вам моя поэтическая исповедь. Прибавлю: я везде старался сохранить простой, сказочный язык, избегая всякой натяжки, пользовался, где мог, возвышенностию церковно-славянского диалекта, но

строго держался языка русского, присвоенного общим употреблением; и по возможности соглашал его формы с формами оригинала (которые все материально для меня сохранены в переводе подстрочном), соглашал так, чтобы Гомеровский стих был ощутителен в стихе русском, не принуждая его кривляться по-гречески.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ ПЕСНИ

Первый день

Собрание богов. Они определяют, что Одиссей, преследуемый Посидоном и против воли удерживаемый нимфою Калипсо на острове Огигии, должен наконец возвратиться в свое отечество Итаку. Афина, под видом Ментеса, является Телемаку и дает ему совет посетить Пилос и Спарту и выгнать женихов Пенелопы из Одиссеева дома. Телемак в первый раз говорит решительно с матерью и женихами. Ночь.

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
5 Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, —
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
10 Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
15 Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращеньем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Всё не избег от тревог), преисполнились жалостью боги
20 Все; Посидон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,

Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны.
 Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
 (Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
 Бог светonosный, другие, где всходит), чтоб там от народа
 25 Пишную тучных быков и баранов принять экатомбу.
 Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
 Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
 С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
 В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов
 30 Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
 Слово к собранью богов обращает Зевес Олимписец:
 «Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
 Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
 Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
 35 Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
 Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
 Гибель он верную ведал; от нас был к нему остроокий
 Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство
 Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.
 40 «Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
 В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет», так было
 Сказано Эрмием — тщетно! не тронул Эгистова сердца
 Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он».

Тут светлоокая Зевсова дочь Афинейя Паллада
 45 Зевсу сказала: «Отец наш, Кронийон, верховный владыка,
 Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
 Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце
 Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
 Страдает, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом
 50 Пуне широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
 Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
 Все глубины и который один подпирает громаду
 Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.
 Силой Атланта дочь Одиссея, лиющего слезы,
 55 Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
 Память надеясь в нем истребить. Но, напрасно желая
 Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
 Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
 В сердце твое, Олимписец? Тебя ль не довольно дарами

60 Читл он в троянской земле, посреди кораблей там ахейских
 Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?»
 Ей возражая, отвечивал туч собиратель Кронион:
 «Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
 Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,
 65 Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
 Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?
 Нет! Посидон, обволнитель земли, с ним упорно враждует,
 Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
 Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоосою нимфой,
 70 Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,
 Был он рожден от ее с Посидоном союза в глубоком
 Гроте. Хотя колебатель земли Посидон Одиссея
 Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
 Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,
 75 Как бы отчизну ему возратить. Посидон отказаться
 Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
 Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет».

Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
 Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка!
 80 Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
 Мог Одиссеей хитроумный, то Эрмий аргуособийца,
 Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
 К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
 Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
 85 В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
 Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
 Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
 Он на совет густовласых ахеян и в дом Одиссеев
 Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим
 90 Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
 Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
 Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье,
 Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава».

Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
 95 Амброзиальные, всюду ее над водой и над твердым
 Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром;
 После взяла боевое копьё, заостренное медью,
 Твердое тяжкоогромное, им же во гневе сражает

Силы героев она, громоносного бога рождение.
¹⁰⁰ Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
 Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома,
 Стала она с медноострым копьём, облеченная в образ
 Гостя, тафийцев властителя, Ментеса; собранных вместе
 Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;
¹⁰⁵ В кости играя, сидели они перед входом на кожах
 Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
 Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
 Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
 Губкой оmyвши столы, их сдвигали и, разного мяса
¹¹⁰ Много нарезав, его разносили. Богиню Афину
 Прежде других Телемак богоравный увидел. Прискорбен
 Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
 Где благородный отец и как, возвратясь в отчизну,
 Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,
¹¹⁵ Власть воспримет и будет опять у себя господином.
 В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афину;
 Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
 В сердце, что странник был ждатель принужден за порогом; приблизясь
 Взял он за правую руку пришельца, копьё его принял,
¹²⁰ Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
 «Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя угостим мы;
 Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищей».
 Кончив, пошел впереди он, за ним Афиней Паллада.
 С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой
¹²⁵ Прямо с копьём подошел он и спрятал его там в поставе
 Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
 Конья царя Одиссея, в бедах постоянного, были.
 К креслам богатым, искусной работы, подведши Афину,
 Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной
¹³⁰ Тканью; для ног же была там скамейка; потом он поставил
 Стул резной для себя в отдаленье от прочих, чтоб гостю
 Шум веселящейся буйно толпы не испортил обеда,
 Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
 Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
¹³⁵ Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
 Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
 Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса

Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
 Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
 140 Кубки златые на браном столе перед ними поставил;
 Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаще
 Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
 Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
 Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им в корзинах;
 145 Отроки светлым наитком до края им налили чаши.
 Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
 Был удовлетворен голод их лакомою пищею, вошло им
 В сердце иное — желание сладкого пенья и пляски:
 Пиру они украшенья; и звонкую цитру глашатай
 150 Фемию подал, певцу, перед ними во всякое время
 Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он.
 Тут осторожно сказал Телемак светлоокой Афине,
 Голову к ней приклонив, чтоб его не слышали другие:
 «Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
 155 Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;
 Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
 Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
 Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.
 Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,
 160 Вместо того, чтоб кошить и одежды и золото, стали
 Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
 Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
 Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
 Вести, что он возвратится, — ему уж возврата не будет.
 165 Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
 Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
 Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
 Прибыл в Итаку и кто у тебя корабельщики? В край наш
 (Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.
 170 Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
 В первый ли раз посетил ты Итаку, иль здесь уж бывалый
 Гость Одиссеев? В те дни иноземцев сбиралося много
 В нашем доме: с людьми обхожденье любил мой родитель».

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
 175 «Все откровенно тебе расскажу; я царя Анхиала
 Мудрого сын, именуюся Ментесом, правлю народом

Веслолюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
 Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
 Морем к народам иного языка; хочу я в Темесе
¹⁸⁰ Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;
 Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым
 На поле, в пристани Ретре, далеко от города. Наши
 Предки издавна гостями друг другу считаются; это,
 Может быть, слышишь нередко и сам ты, когда посещаешь
¹⁸⁵ Деда героя Лаэрта... а он, говорят, уж не ходит
 Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
 Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покая,
 Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачаясь
 По полю взад и вперед посреди своего винограда.
¹⁹⁰ Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
 Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
 Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;
 Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъётом
 Острове заперт живой он иль, может быть, страдает в неволе
¹⁹⁵ Хищников диких, насильственно им овладевших. Но слушай
 То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги
 В сердце вложили, чему неминуемо сбыться, как сам я
 Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.
 Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы
²⁰⁰ Связан железными узами был; но домой возвратиться
 Верное средство отыщет: на вымыслы он хитроумен.
 Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
 Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чудно
²⁰⁵ С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я
 Помню его; в старину мы друг с другом видалися часто;
 Было то прежде отплытия в Трою, куда из ахейн
 Лучшие с ним в крутобоких своих кораблях устремились.
 С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде не встречались».

«Добрый мой гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
²¹⁰ Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
 Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:
 Ведать о том, кто отец наш, наверное, нам невозможно.
 Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
 Муж был отцом: во владеньях своих он до старости б поздней
²¹⁵ Дожил. Но, если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих

Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди». Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы в грядущем Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали
220 Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая, Что здесь у вас происходит? Какое собрание? Даешь ли Праздник, иль свадьбу пируешь? Не складочный пир здесь, конечно. Кажется только, что гости твои необузданно в вашем Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними
225 Быть устыдится, позорное их поведение вида».—
«Добрый мой гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, — Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно. Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.
230 Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши Участь его неприступною тьмою для целого света; Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер: Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он Иль у друзей на руках, перенесли войну, здесь скончался,
235 Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом, Сыну б великую славу на все времена он оставил... Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он, Светом забытый, безгробный, одно сокрушение и вопли Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином
240 Плачу; другое великое горе мне боги послали: Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны, Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа, Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу Нудят упорно ко браку и наше имяние грабят;
245 Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно Наше добро, и меня самого напоследок погубят». С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
250 «Горе! Я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленный Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными сладить. О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно, В шлеме, щитом покровенный, в руке два копыя медноострых!.. Так впервые увидел его я в то время, когда он В доме у нас веселился вином, посетивши в Эфире

255 Ила, Мермерова сына (и той стороны отдаленной
 Царь Одиссей достигал на своем корабле быстроходном;
 Яда, смертельного людям, искал он, дабы напоить им
 Стрелы свои, заощренные медью; но Ил отказался
 Дать ему яда, всезрящих богов раздражить опасаясь;
 260 Мой же отец им его наделил по великой с ним дружбе).
 Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
 Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
 Но — того мы, конечно, не ведаем — в лоне бессмертных
 Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить их
 265 В этом жилище, иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,
 Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.
 Слушай же то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
 Завтра, созвав на совет благородных ахеян, пред ними
 Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;
 270 После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлись;
 Матери ж, если супружество сердцу ее не противно,
 Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
 Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
 Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он.
 275 Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
 Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
 Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
 В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
 Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
 280 Пилос сперва посетив, ты узнай, что божественный Нестор
 Скажет; потом Менелая найди златовласого в Спарте:
 Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахеян.
 Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,
 Жди его год, терпеливо снося притесненья; когда же
 285 Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
 То, незамедленно в милую землю отцов возвратясь,
 В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную пышно
 Тризну по нем соверши; Пенелопе ж склони на замужство.
 После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,
 290 Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай средство,
 Как бы тебе женихов, захвативших насильственно дом ваш,
 В нем погубить иль обманом, иль явною силой; тебе же
 Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;

Знаешь, какую божественный отрок Орест перед целым
295 Светом украсился честью, отмстивши Эгисту, которым
Был умерщвлен зловарно его многославный родитель?
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой
300 К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпением и скукой.
Ты ж о себе позаботься, уваживши то, что сказал я». —
«Милый мой гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.
305 Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь прохладой
Баней и члены и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощаяся, гости друг друга дарили».
310 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Нет! Не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;
Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши».
315 С сими словами Зевесова дочь светлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаковом сердце, живет
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою
Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.
320 Тут к женихам он, божественный муж, подошел; перед ними
Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахейан из Трои возврате,
Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.
В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,
325 Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная: вместе сошли с ней
Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
330 Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:

«Фемий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
 Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;
 335 Спой же из них, пред собранием сидя, одну; и в молчанье
 Гости ей будут внимать за вином; но прерви начатую
 Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
 Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;
 Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшем,
 340 Столь преисполнившем славою своею и Элладу и Аргос». —
 «Милая мать, — возразил рассудительный сын Одиссеев, —
 Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
 То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
 В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше
 345 Людям высокого духа по воле своей вдохновенье.
 Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
 Петь — с похвалою великою люди той песне внимают,
 Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;
 Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали уладу:
 350 Был не один от богов осужден потерять день возврата
 Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.
 Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
 Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
 Были своей: говорить же не женское дело, а дело
 355 Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель». —
 Так он сказал; изумясь, обратно пошла Пенелопа;
 К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
 Верхнем своем затворясь, в кругу приближенных служанок
 Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
 360 Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
 Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
 Споря о том, кто из них с Пенелопою ложе разделит.
 К ним обратясь, сказал рассудительный сын Одиссеев:
 «Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
 365 Станем спокойно теперь веселиться: прервите ваш шумный
 Спор; нам приличней вниманье склонить к песнопевцу, который,
 Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
 Завтра же утром вас всех приглашаю собраться на площадь.
 Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы
 370 Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
 Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.

Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
 Всем одного разорять произвольно, без платы, — сожрите
 Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит
 375 Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
 Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами».

Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
 Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
 Но Антиной, сын Эвпейтов, ему отвечал, возражая:
 380 «Сами боги, конечно, тебя, Телемак, научили
 Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
 В волнообъятой Итаке, по воле Крониона, будешь
 Нашим царем, уж имея на то по рождению и право!»
 Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
 385 «Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
 Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.
 Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
 Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
 Доме скопляется скоро, и сам он в чести у народа.
 390 Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
 Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними
 Вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея.
 В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает
 Власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах».

395 Тут Эвримах, сын Полибиев, так отвечал Телемаку:
 «О Телемак, мы не знаем — то в лоне бессмертных сокрыто, —
 Кто над ахейцами волнообъятой Итаки назначен
 Царствовать; в доме ж своем ты, конечно, один повелитель;
 Нет, не найдется, пока обитаема будет Итака,
 400 Здесь никого, кто б дерзнул на твое посягнуть достоянье.
 Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.
 Как его имя? Какую своим он отечеством славит
 Землю? Какого он рода и племени? Где он родился?
 С вестью ль к тебе о желанном возврате отца приходил он?
 405 Иль посетил нас, по собственной нужде заехав в Итаку?
 Вдруг он отсюда пропал, не дождавшись, чтоб с ним хоть немного
 Мы ознакомились; был человек не простой он, конечно». —
 «Друг Эвримах, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
 День свиданья с отцом навсегда мной утрачен; не буду
 410 Более верить ни слухам о скором его возвращенье,

Ниже напрасным о нем прорицаньям, к которым, сзывая
 В дом свой гадателей, мать прибегает. А нынешний гость наш
 Был Одиссеевым гостем; он родом из Тафоса, Ментес,
 Сын Анхиала, царя многоумного, правит народом
 45 Веслолюбивых тафийцев». Но так говоря, убежден был
 В сердце своем Телемак, что богиню бессмертную видел.
 Те же, опять обратившись к пляске и сладкому пенью,
 Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
 Черная ночь посреди их веселого шума настала,
 420 Все разошлись по домам, чтоб предаться беспечно покою.
 Скоро и сам Телемак в свой высокий чертог (на прекрасный
 Двор обращен был лицом он с обширным пред окнами видом),
 Всех проводивши, пошел, про себя размышляя о многом.
 Факел зажженный неся, перед ним с осторожным усердьем
 425 Шла Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса;
 Куплена в летах цветущих Лаэртом она — заплатил он
 Двадцать быков, и ее с благонравной своею супругой
 В доме своем уважал наравне, и себе не позволил
 Ложа коснуться ее, опасаясь ревности женской.
 430 Факел неся, Эвриклея вела Телемака — за ним же
 С детства ходила она и ему угождала усердней
 Прочих невольниц. В богатую спальню она отворила
 Двери; он сел на постелю и, тонкую снявши сорочку,
 В руки старушки заботливой бросил ее; осторожно
 435 В складки сложив и угладив, на гвоздь Эвриклея сорочку
 Подле кровати, искусно точеной, повесила; тихо
 Вышла из спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
 Крепко задвижку ремнем затянула; потом удалилась.
 Он же всю ночь на постеле, покрытый овчиною мягкой,
 440 В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ ПЕСНИ

Второй день — до рассвета третьего дня

Рано поутру Телемак повелевает глашатаям созвать граждан Итаки на площадь и требует всенародно, чтоб женихи покинули дом его.

Антиной дерзко ему ответствует. Предвещательное явление орлов; его толкует Галиферд, которому грубо возражает Эвримах. Телемак требует корабля для отплытия в Пилос. Ментор упрекает народ в равнодушии к сыну Одиссею; против него восстает Леокрит, который потом самовольно распускает народное собрание. Афина, под видом Ментора, ободряет молящегося ей Телемака обещанием дать ему корабль и провожатых. Ключница Эвриклея готовит запас на дорогу. Афина, получив от Нэомона корабль, prepares его к отплытию; потом, усыпив женихов, пировавших в доме Одиссея, уводит с собою Телемака на берег моря, куда приносят и все приготовленные на дорогу запасы. Телемак вместе с мнимым Ментором, не простясь с Пенелопею, пускается в море.

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
 Ложе покинул тогда и возлюбленный сын Одиссея;
 Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
 После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
 5 Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
 Звонкоголосых глшатаев царских созвав, повелел он
 Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых ахеян;
 Кликнули те; собралися на площадь другие; когда же
 Все собралися они и собрание сделалось полным,
 10 С медным в руке он копьем перед сонмом народным явился —
 Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
 Образ его несказанной красой озарила Афина,
 Так что дивилися люди, его подходящего видя.
 Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовом.
 15 Первое слово тогда произнес благородный Эгипций,
 Старец, согбенный годами и в жизни издевавший много;
 Сын же его Антифонт копьевержец с царем Одиссеем
 В конеобильную Трою давно в корабле крутобоком
 Поплыл; он был умерщвлен Полифемом свирепым в глубоком
 20 Гроте, последний, похищенный им для вечерняя пища.
 Три оставалися старцу: один, Эврином, с женихами
 Буйствовал; два помогали отцу обрабатывать поле;
 Но о погибшем не мог позабыть он; об нем он все плакал,
 Все сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
 25 «Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
 Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
 Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалися.

Кто же нас собрал теперь? Кому в том внезапная нужда?
 Юноша ли расцветающий? Муж ли, годами созрелый?
 30 Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?
 Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?
 Или о пользе народной какой предложить нам намерен?
 Должен быть честный он гражданин; слава ему! Да поможет
 Зевс помышлениям добрым его совершиться успешно».

35 Кончил. Словами его был обрадован сын Одиссеев;
 Встать и к собранию речь обратить он немедля решился;
 Выступил он пред людей, и ему, к ним идущему, в руку
 Скипетр вложил Певсенéор, глашатай, разумный советник.
 К старцу сперва обратясь, ему он сказал: «Благородный

40 Старец, он близко (и скоро его ты узнаешь), кем здесь вы
 Собраны, — это я сам, и печаль мне великая ныне.
 Я не слыхал о идущей на нас неприятельской силе;
 Вас остеречь не хочу, наперед все подробно разведав,
 Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.

45 Ныне о собственной, дом мой постигшей, беде говорю я.
 Две мне напасти; одна: мной утрачен отец благородный,
 Бывший над вами царем и всегда, как детей, вас любивший;
 Более ж злая другая напасть, от которой весь дом наш
 Скоро погибнет и все, что в нем есть, до конца истребится,

50 Та, что преследуют мать женихи неотступные, наших
 Граждан знатнейших, собравшихся здесь, сыновья; им противно
 Прямо в Икаршев дом обратиться, чтоб их предложенье
 Выслушал старец и дочь, наделенную щедро приданым,
 Отдал по собственной воле тому, кто приятнее сердцу.

55 Нет; им удобней, вседневно врываясь в дом наш толпою,
 Наших быков, и баранов, и коз откóрмленных резать,
 Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
 Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
 Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.

60 Сами же мы беспомощны теперь, равномерно и после
 Будем, достойные жалости, вовсе без всякой защиты.
 Если бы сила была, то и сам я нашел бы управу;
 Но нестерпимы обиды становятся; дом Одиссеев
 Грабят бесстыдно. Ужель не тревожит вас совесть? По крайней

65 Мере чужих устыдитесь людей и народов окружных,
 Нам сопредельных, богов устрашитесь мщенья, чтоб гневом

Вас не постигли самих, негодуя на вашу неправду.
 Я ж к олимпийскому Зевсу взываю, взываю к Фемиде,
 Строгой богине, советы мужей учреждающей! Наше
 70 Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
 Горем оставьте. Иль, может быть, мой благородный родитель
 Чем оскорбил здесь умышленно меднообутых ахеян;
 Может быть, то оскорбленье на мне вы умышленно мстите,
 75 Грабить наш дом возбуждая других? Но желали бы лучше
 Мы, чтоб и скот наш живой и лежачий запас наш вы сами
 Силою взяли; тогда бы для нас сохранилась надежда:
 Мы бы дотеле по улицам стали скитаться, моля вас
 Наше отдать нам, покуда не все бы нам отдано было;
 Ныне ж вы сердце мое безнадежным терзаете горем.
 80 Так он во гневе сказал и повергнул на землю свой скипетр;
 Слезы из глаз устремились: народ состраданье проникло;
 Все неподвижно-безмолвны сидели; никто не решился
 Дерзостным словом ответить сыну царя Одиссея.
 Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:
 85 «Что ты сказал, Телемак, необузданный, гордоречивый?
 Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замыслиешь?
 Нет, обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
 Должен теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу.
 Три совершилося года, уже наступил и четвертый
 90 С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду
 Всем, и каждому пороэнь себя обещает, и вести
 Добрые шлет к нам, недоброе в сердце для нас замыслия.
 Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:
 Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
 95 Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
 «Юноши, ныне мои женихи, — поелику на свете
 Нет Одиссея, — отложим наш брак до поры той, как будет
 Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
 Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
 100 Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
 Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
 Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова».
 Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
 Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
 105 Факел зажегши, сама все натканное днем распускала.

Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
 Но когда обращением времен приведен был четвертый —
 Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
 Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
 110 Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
 Ты же нас слушай; тебе отвечаем, чтоб мог ты все ведать
 Сам и чтоб ведали все равномерно с тобой и ахейцы:
 Мать отошли, повелев ей немедля, на брак согласившись,
 Выбрать меж нами того, кто отцу и самой ей угоден.
 115 Если же долее будет играть сыновьями ахейя...
 Разумом щедро ее одарила Афина; не только
 В разных она рукодельях искусна, но также и много
 Хитростей знает, неслыханных в древние дни и ахейским
 Женам прекрасно-кудрявым неведомых; что ни Алкмене
 120 Древней, ни Тиро, ни пышно-венчанной царевне Микене
 В ум не входило, то ныне увертливый ум Пенелопы
 Нам ко вреду изобрел; но ее изобретенья тщетны;
 Знай, не престанем твой дом разорять мы до тех пор, покуда
 Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами
 125 В сердце вложенных; конечно, самой ей в великую славу
 То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
 Мы, говорю, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
 Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа». —
 «О Антиной, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
 130 Я не дерзну и помыслить о том, чтоб велеть удалиться
 Той, кто меня родила и вскормила; отец мой далеко;
 Жив ли, погиб ли, — не знаю; но трудно с Икарием будет
 Мне расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
 Вышлю — тогда я подвергнусь и гневу отца и гоненью
 135 Демона: страшных Эриний, свой дом покидая, назовет
 Мать на меня, и стыдом пред людьми я покроюсь вечным.
 Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова.
 Вы же, когда хоть немного тревожит вас совесть, покиньте
 Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
 140 Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
 Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
 Всем одного разорять произвольно, без платы, — сожрите
 Все; но на вас я богов призову, и Зевес не замедлит
 Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,

¹⁴⁵ Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами». Так говорил Телемак. И внезапно Зевес громовеждец
Свыше к нему двух орлов ниспослал от горы каменистой;
Оба сначала, как будто несомые ветром, летели
Рядом они, широко распутивши огромные крылья;
¹⁵⁰ Но, налетев на средину собрания, полного шумом,
Начали быстро кружить с непрерывными взмахами крыльев;
Очи их, сверху на головы глядя, сверкали бедою;
Сами потом, расцарапав друг другу и груди и шею,
Вправо умчались они, пролетев над соборьем и градом.
¹⁵⁵ Все, изумленные, птиц провожали глазами, и каждый
Думал о том, что явление их предвещало в грядущем.
Выступил тут пред народом Галифёрд, многоопытный старец,
Сын Масто́ров; из сверстников всех он один по полету
Птиц был искусен гадать и пророчил грядущее; полный
¹⁶⁰ Мыслей благих, обратясь к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки.
Прежде, однако, дабы женихов образумить, скажу я
Им, что беда неизбежная мчится на них, что недолго
Будет в разлуке с семейством своим Одиссеей, что уже он
¹⁶⁵ Где-нибудь близко таится, и смерть и погибель готова
Всем им, что также и многим другим из живущих в Итаке
Горновозвышенной бедствие будет. Размыслим же, как бы
Вовремя нам обуздать их; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то ныне всего бы полезней
¹⁷⁰ Было для них: не безопытно так говорю, но наверно
Зная, что будет; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
Здесь предсказал перед тем, как пошли кораблями ахейцы
В Троию и с ними пошел Одиссеей многоумный. По многих
Бедствиях (так говорил я) и спутников всех потерявши,
¹⁷⁵ Всем незнакомый, в исходе двадцатого года в отчизну
Он возвратится. Мое предсказанье свершается ныне».
Кончил. Ему отвечал Эвримах, сын Полибиев: «Лучше,
Старый рассказчик, домой возвратись и своим малолетним
Детям пророчествууй там, чтоб беды им какой не случилось.
¹⁸⁰ В нашем же деле вернее тебя я пророк; мы довольно
Видим летающих на небе в светлых лучах Гелиоса
Птиц, но не все роковые. А царь Одиссеей в отдаленном
Крае погиб. И тебе бы погибнуть с ним вместе! Тогда бы

Здесь ты не стал предсказаний таких вымышлять, возбуждая
 185 Гнев в Телемаке, уже раздраженном, и, верно, надеясь
 Что-нибудь в дар от него получить для себя и домашних.
 Слушай, однако, — и то, что услышишь, исполнится верно, —
 Если ты этого юношу с старым своим многознанием
 Будешь пустыми словами на гнев возбуждать, то, конечно,
 190 Это в сугубое горе ему самому обратится;
 Против нас всех он один ничего совершить не успеет.
 Ты ж, безрассудный старик, навлечешь на себя наказание,
 Тяжкое сердцу: мы горько заставим тебя сокрушаться.
 Ныне я боле полезный совет предложу Телемаку:
 195 Матери пусть повелит он к Икарию в дом возвратиться,
 Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
 Милую дочь, как прилично то сану ее, наделит он.
 Иначе, думаю, мы, сыновья благородных ахейян,
 Мучить ее не престанем своим сватовством. Никого здесь
 200 Мы не боимся, ни полного звучных речей Телемака,
 Ниже пророчеств, которыми ты, говорун поседельный,
 Всем докучаешь, — ты нам оттого ненавистней; а дом их
 Весь разорим мы на наши пиры, и от нас воздаянья
 Им не иметь никакого, пока на желаемый нами
 205 Брак не решится она; ожидая вседневно, кто будет
 Ею из нас, наконец, предпочтен, мы к другим обратимся
 Медлим невестам, чтоб выбрать, как следует, жен между ними».

Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
 «О Эвримах, и вы все, женихи знаменитые, боле
 210 Вас убеждать не хочу и вперед не скажу вам ни слова;
 Боги все ведают, все благородным ахейцам известно.
 Вы же мне прочный корабль с двадцатью приобыкшими быстро
 По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
 Спарту и Пилос песчаный сперва посетить, чтоб проведать,
 215 Есть ли там слухи какие о милом отце и какая
 В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
 Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
 Если узнаю, что жив он, что он возвратится, то буду
 Ждать его год, терпеливо снося притеснения; когда же
 220 Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
 То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
 В честь ему холм гробовой здесь насыплю и должную пышно

Тризну по нем совершу; Пенелопе ж склоню на замужество».

 Кончив, он сел и умолкнул. Тогда поднялся неизменный

 225 Спутник и друг Одиссея, царя беспорочного, Ментор.

 Вверил ему Одиссей при отплытии дом, быть покорным

 Старцу Лаэрту и все сберегать повелевши. И полный

 Мыслей благих, обратясь к согражданам, так им сказал он:

 230 «Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки:

 Кротким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый

 Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,

 Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,

 Если могли вы забыть Одиссея, который был нашим

 235 Добрым царем и народ свой любил, как отец благодушный.

 Нужды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких

 В том, что они, самовластвуя здесь, замыслиют худое.

 Сами своею играют они головой, разоряя

 Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим.

 Вас же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись,

 240 Вы равнодушно сидите и слова не скажете против

 Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое».

 Сын Эйвеноров тогда, Леокрыт, негодуя, воскликнул:

 «Что ты сказал, безрассудный, злоумышленный Ментор? Смирить нас

 245 Гражданам ты предлагаешь; но сладить им с нами, которых

 Также немало, на пиршестве трудно. Хотя бы внезапно

 Сам Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой

 Нас, женихов благородных, в его веселящихся доме,

 Выгнать оттуда замыслил, его возвращенье в отчизну

 250 Было б жене, тосковавшей так долго по нем, не на радость:

 Злая погибель его бы постигла, когда бы нас многих

 Вздумал один одолеть он; неумное слово сказал ты.

 Вы ж разойдитесь, люди, и каждый займися домашним

 Делом. А Ментор пускай и мудрец Галиферд, Одиссею

 255 Верность свою сохранившие, в путь снарядят Телемака:

 Долго, однако, я думаю, здесь просидит он, собирая

 Вести; пути же ему своего совершить не удастся».

 Так он сказав, распустил самовольно собрание народа.

 Все, удалясь, по своим разошлись домам; женихи же

 В дом Одиссея, царя благородного, вновь возвратились.

 260 Но Телемак одиноко пошел на песчаное взморье.

 Руки соленою влагой умыв, возгласил он к Афине:

«Ты, посетившая дом мой вчера и в туманное море
 Плыть повелевшая мне, чтоб разведал я, странствуя, нет ли
 Слухов о милом отце и его возвращенье, богиня,
 265 Мне помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняют;
 Паче ж других женихи многосильные, полные злобы».

Так говорил он, молясь, и пред ним во мгновение ока,
 Сходная с Ментором видом и речью, предстала Афина.
 Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
 270 «Смел, Телемак, и разумен ты будешь, когда обладаешь
 Тою великою силой, с какою и словом и делом
 Все твой отец, что хотел, совершал; и достигнешь желанной
 Цели, свой путь беспрепятственно кончив; когда ж не прямой ты
 Сын Одиссеев, не сын Пенелопин прямой, то надежды
 275 Нет, чтоб успешно ты мог совершить предпринятое дело.
 Редко бывают подобны отцам сыновья; все большею
 Частью хуже отцов и немногие лучше. Но будешь
 Ты, Телемак, и разумен и смел, поелику не вовсе
 Ты Одиссеевой силы великой лишен; и надежда
 280 Есть для тебя, что успешно свершишь предпринятое дело.
 Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляют — оставь их;
 Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
 Смерти своей не предвидят, ни черной судьбы, ежедневно
 К ним подступающей ближе и ближе, чтоб вдруг погубить их.
 285 Ты же свое предпринять путешествие можешь немедля;
 Будучи другом твоим по отцу твоему, снаряжу я
 Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.
 Но возвратися теперь к женихам; а тебе на дорогу
 Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды;
 290 Пусть и в амфоры вина нацедят и муки, мореходца
 Снеди питательной, в кожаных, плотных мехах приготовят.
 Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
 Морем объятой, немало и новых и старых; меж ними
 Лучший я выберу сам; и немедленно будет он нами
 295 В путь изготовлен, и спустим его на священное море».

Так говорила Афина, Зевесова дочь, Телемаку.
 Голос богини услышав, он берег немедля покинул.
 В дом возвратися с печалию милого сердца, нашел он
 Там женихов многосильных: одни обдирали в покоех
 300 Коз, а другие, зарезав свиной, на дворе их палили.

С колкой усмешкой к нему подошел Антиной и, насильно
 За руку взявши его и назвавши по имени, молвил:
 «Юноша вспыльчивый, злой говорун, Телемак, не заботься
 Боле о том, чтоб вредить нам иль словом, иль делом, а лучше
 305 Дружески с нами без всяких забот веселись, как бывало.
 Волю ж твою не замедлят ахейцы исполнить: получишь
 Ты и корабль и отборных гребцов, чтоб скорее достигнуть
 В Пилос, любезный богам, и узнать об отце отдаленном».
 Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
 310 «Нет, Антиной, неприлично мне с вами, надменными, вместе
 Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;
 Будьте довольны и тем, что имущество лучшее наше
 Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен.
 Ныне ж, когда, возмужав и советников слушая умных,
 315 Все я узнал и когда уж во мне пробудилася бодрость,
 Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликав,
 Так ли, иначе ли, съездив ли в Пилос, иль здесь отыскавши
 Средство. Я еду — и путь мой напрасен не будет, хотя я
 Еду попутчиком, ибо (так было устроено вами)
 320 Здесь мне иметь своего корабля и гребцов невозможно».
 Так он сказал и свою из руки Антиновой руку
 Вырвал. Меж тем женихи, изобильный обед учреждая,
 Многими колкими сердце его оскорбляли речами.
 Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
 325 «Нас Телемак погубить не на шутку замыслил; быть может,
 Многих он в помощь себе приведет из песчаного Пилоса, многих
 Также из Спарты; о том он, мы видим, заботится сильно.
 Может случиться и то, что богатую землю Эфиру
 Он посетит, чтоб, добывши там яду, смертельного людям,
 330 Здесь отравить им кратеры и разом нас всех уничтожить». —
 «Но, — отвечали другие насмешливо первым, — кто знает!
 Может случиться легко, что и сам, как отец, он погибнет,
 Долго бродив по морям далеко от друзей и домашних.
 Тем он, конечно, и нас озаботит: тогда нам придется
 335 Все разделить меж собой их имущество; дом же уступим
 Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами».
 Так женихи. Телемак же пошел в кладовую отцову,
 Зданье пространное; злата и меди там кучи лежали;
 Много там платья в ларях и душистого масла хранилось;

340 Кувфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
 Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток
 В недре глубоком, на случай, когда Одиссей возвратится
 В дом, претерпевши тяжелых скорбей и превратностей много.
 Двери двустворные, дважды замкнутые, в ту кладовую
 345 Входом служили; почтенная ключница денно и ночью
 Там с многоопытным, зорким усердем в порядке держала
 Все Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса.
 В ту кладовую позвав Эвриклею, сказал Телемак ей:
 «Няня, амфоры наполни вином благовонным, вкуснейшим
 350 После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
 Помня о нем, о несчастном, и все уповая, что в дом свой
 Царь Одиссей возвратится, и смерти и Парк избежавши.
 Им ты двенадцать наполни амфор и амфоры закупорь;
 Так же и кожаных, плотных мехов приготовь, оржаною,
 355 Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалось двадцать
 Мер; но об этом ты ведай одна; собери все припасы
 В кучу; за ними приду ввечеру я, в то время, когда уж
 В верхний покой свой уйдет Пенелопа, о сне помышляя.
 Спарту и Пилос песчаный хочу посетить, чтоб проведать.
 360 Нет ли там слухов о милом отце и его возвращеньи».
 Кончил. Ему Эвриклея, усердная няня, заплакав,
 С громким рыданьем крылатое бросила слово: «Зачем ты,
 Милое наше дитя, отворяешь таким помышленьям
 Сердце? Зачем в отдаленную, чуждую землю стремишься
 365 Ты, утешение наше единое? Твой уж родитель
 Встретил конец меж народов враждебных от дома далеко;
 Здесь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроят
 Ков, чтоб известь и тебя, и твое все богатство разделят.
 Лучше останься у нас при своем; ни малейшей нет нужды
 370 В страшное море тебе на беды и на бури пускаться».
 Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
 «Няня, мой друг, не тревожься; не мимо богов я решился
 В путь, но клянись мне, что мать от тебя ни о чем не узнает
 Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать,
 375 Или покуда не спросит сама обо мне, иль другой кто
 Тайны не скажет, — боюсь, чтоб от плача у ней не поблекла
 Свежесть лица». Эвриклея богами великими стала
 Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,

Тотчас она, благовонным вином все амфоры наливши,
 320 Кожаных плотных мехов приготовила, полных мукою.
 Он же, домой возвратившись, там с женихами остался.
 Умная мысль родилась тут в сердце Паллады Афины:
 Вид Телемака принявши, она обежала весь город;
 К каждому встречному ласково речь обращая, собраться
 325 Всех пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.
 После, пришед к Ноэмону, разумного Фрония сыну,
 Дать ей просила корабль — Ноэмон согласился охотно.
 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
 Легкий корабль на соленую влагу спустив и запасы,
 330 Нужные каждому прочному судну, собравши, на самом
 Выходе в море из бухты его поместила богиня.
 Люди сошлись, и в каждом она возбудила отважность.
 Новая мысль родилась тут в сердце Паллады Афины:
 В дом Одиссея, царя благородного, вшедши, богиня
 335 Сладкий сон на пирующих там женихов навела, помутила
 Мысли у пьющих и вырвала кубки из рук их; влеченью
 Сна уступивши, они по домам разошлись и недолго
 Ждали его, не замедлил он пасть на усталые вежды.
 Тут светлоокая Зевсова дочь Телемаку сказала,
 400 Вызвав его из устроенной пышно палаты столовой,
 Сходная с Ментором видом и речью: «Пора, Телемак, нам;
 Все собрались уж светлообутые спутники наши;
 Сидя у весел, они ожидают тебя с нетерпеньем;
 405 Время идти; не годится нам доле откладывать путь свой».
 Кончив, Паллада Афина пошла впереди Телемака
 Быстрым шагом; поспешно пошел Телемак за богиней.
 К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там
 Спутников густокудрявых нашли у песчаного берега.
 К ним обратилась тогда Телемакова сила святая:
 410 «Братья, принесть поспешим путевые запасы; они уж
 Все приготовлены в доме, и мать ни о чем не слыхала;
 Также ничто и рабыням не сказано; тайну одна лишь
 Знает». И быстро пошел впереди он; за ним все другие.
 Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне
 415 Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссея.
 Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
 Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом

Сел Телемак, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
 Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.
 420 Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер попутный,
 Свежий повеял зефир, ошумляющий темное море.
 Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемак им скорее
 Снасти устроить; ему повинуюсь, сосновую мачту
 Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
 425 В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
 Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
 Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
 Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;
 Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.
 430 Тут корабельщики, черное быстрое судно устроив,
 Чаши наполнили сладким вином и молясь сотворили
 Должное вечнорожденным, бессмертным богам возлиянье,
 Паче ж других светлоокой богине, великой Палладе.
 Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕЙ ПЕСНИ

Третий и четвертый день, до вечера пятого

Прибытие Телемака в Пилос. Он находит Нестора, приносящего на берегу моря жертву Посидону вместе с народом. Нестор, по просьбе Телемака, рассказывает о том, что случилось с ним, с Менелаем и некоторыми другими ахейскими вождями после разрушения Трои. Он советует Телемаку посетить Менелая в Лакедемон^е? Телемак остается ночевать в доме Нестора. На другой день, по совершении жертвы, обещанной Нестором Афине, Телемак вместе с младшим сыном Нестора Пизистратом отправляется в путь; они ночуют у Диоклеса и на следующий вечер приезжают в Лакедемон.

Гелиос с моря прекрасного встал и явился на медном
 Своде небес, чтоб снять для бессмертных богов и для смертных,
 Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
 Тою порою достигнул корабль до Нелеева града
 5 Пышного, Пилоса. В жертву народ приносил там на бреге

Черных быков Посидону, лазурнокудрявому богу;
 Было там девять скамей; на скамьях, по пяти сот на каждой,
 Люди сидели, и девять быков перед каждою было.
 Сладкой отдавая утробы, уже сожигали пред богом
 10 Бедрa в то время, как в пристань вошли мореходцы. Убравши
 Снасти и якорем шаткий корабль утвердивши, на землю
 Вышли они; Телемак, за Афиною следуя, также
 Вышел. К нему обратясь, богиня Афина сказала:
 «Сын Одиссеев, теперь уж застенчивым быть ты не должен;
 15 Ибо затем мы и в море пустились, чтоб сведать, в какую
 Землю отец твой судьбиною брошен и что претерпел он.
 Смело приближся к коней обуздателю Нестору; знать нам
 Должно, какие в душе у него заключаются мысли.
 Смело его попроси, чтоб тебе объявил он всю правду;
 20 Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим». —
 «Но, — отвечал рассудительный сын Одиссеев богине, —
 Как подойти мне? Какое скажу я приветствие, Ментор?
 Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен;
 Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать старших?»
 25 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
 «Многое сам, Телемак, ты своим угадаешь рассудком;
 Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
 Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан».
 Кончив, богиня Афина пошла впереди Телемака
 30 Быстрым шагом; за нею пошел Телемак; и поспешно
 К месту подходят они, где пилийцы, собравшись, сидели;
 Там с сыновьями и Нестор сидел; их друзья, учреждая
 Пир, суетились, вздевали на вертелы, жарили мясо.
 Все, иноземцев увидя, пошли к ним навстречу и, руки
 35 Им подавая, просили их сесть дружелюбно с народом.
 Первый, их встретивший, Несторов сын, Пизистрат благородный,
 Ласково за руки взявши обоих, на бреге песчаном
 Место на мягких разостланных кожах занять пригласил их
 Между отцом престарелым и братом младым Фрасимедом.
 40 Сладкой утробы отведавать им дав, он вином благовонным
 Кубок наполнил, вина отхлебнул и сказал светлоокой
 Дочери Зевса эгидодержавца Палладе Афине:
 «Странник, ты должен призвать Посидона владыку: вы ныне
 Прибыли к нам на великий праздник его; совершивши

45 Здесь, как обычай велит, перед ним возлиянье с молитвой,
 Ты и товарищу кубок с напитком божественно-чистым
 Дай; он, я думаю, молится также богам, поелику
 Все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду.
 Он же моложе тебя и, конечно, ровесник со мною;
 50 Вот почему я и кубок тебе наперед предлагаю».

Кончив, он передал кубок с вином благовонным Афине.
 Был ей приятен поступок разумного юноши, первой
 Ей предложившего кубок с вином благовонным; и стала
 Голосом громким она призывать Посидона владыку:
 55 «Царь Посидон земледержец, молюся тебе, не отвергни
 Нас, уповающих здесь, что желания наши исполнишь.
 Нестору славу с его сыновьями, во-первых, даруй ты;
 После богатую милость яви и другим, благосклонно
 Здесь от пилийцев великую ныне приняв экатомбу;
 60 Дай нам потом, Телемаку и мне, возвратиться, окончив
 Все, для чего мы приплыли сюда в корабле крутобоком».

Так помолясь, совершила сама возлиянье богиня;
 После двурусный кубок она подала Телемаку;
 В свой помолится черед и возлюбленный сын Одиссеев.
 65 Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
 Роздали части и начали пир многославный; когда же
 Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
 Речь обратил к посетителям Нестор, герой Геренейский:
 «Странники, мне уж теперь неприлично не будет спросить вас,
 70 Кто вы, понеже уж пищею вы насладились довольно.
 Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой;
 Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
 Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчая,
 Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
 75 С духом собравшись, на то рассудительный сын Одиссеев
 Так, отвечая, сказал (и Афина ему ободрила
 Сердце, чтоб Нестора мог он спросить об отце отдаленном,
 Также чтоб в людях о нем утвердилась добрая слава):
 «Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
 80 Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
 Мы из Итаки, под склоном лесистым Нейона лежащей;
 Прибыли ж к вам не за общим народным, за собственным делом;
 Странствую я, чтоб, молву об отце вопрошая, проведать,

85 Где Одиссеей благородный, в бедах постоянный, с которым
 Ратуя вместе, вы град Илион, говорят, сокрушили.
 Прочие ж, сколько их ни было, против троян воевавших,
 Бедственно, слышали мы, в стороне отдаленной погибли
 Все; а его и погибель от нас неприступно Кронион
 Скрыл; где нашел он конец свой, не знает никто: на земле ли
 90 Твердой он пал, пересиленный злыми врагами, в зыбях ли
 Моря погиб, поглощенный холодной волной Амфитриты.
 Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
 Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
 95 Видел глазами иль что от какого услышал случайно
 Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
 Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
 Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
 Если же чем для тебя мой отец, Одиссеей благородный,
 Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
 100 В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
 Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне».

Так Телемаку отвечивал Нестор, герой Геренейский:
 «Сын мой, как сильно напомнил ты мне о напастях, в земле той
 Встреченных нами, ахейцами, твердыми в опыте строгом,
 105 Частью, когда в кораблях, предводимые бодрым Пелидом,
 Мы за добычей по темно-туманному морю гонялись,
 Частью, когда пред крешким Приамовым градом с врагами
 Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали:
 Лег там Аякс бедоносный, там лег Ахиллес, и советов
 110 Мудростью равный бессмертным Патрокл, и лежит там мой милый
 Сын Антилох, беспорочный, отважный, и столько же дивный
 Легкостью бега, сколь был он бесстрашный боец. И немало
 Разных других испытали мы бедствий великих, о них же
 Может ли все рассказать хоть один из людей земнородных?
 115 Если б и целые пять лет и шесть лет ты мог беспрестанно
 Вести собирать о бедах, приключившихся бодрым ахейцам,
 Ты бы, всего не узнав, недоволен домой возвратился.
 Девять трудились лет мы, чтоб их погубить, вымышляя
 Многие хитрости, — кончить насилу решился Кронион.
 120 В умных советах никто там не мог наряду быть поставлен
 С ним: далеко опереживал всех изобретеньем многих
 Хитростей царь Одиссеей, благородный родитель твой, если

Подлинно сын ты его. С изумленьем смотрю на тебя я;
С ним и речами ты сходен; но кто бы подумал, чтоб было
¹²⁵ Юноше можно так много с ним сходствовать умною речью?
Я ж постоянно, покуда войну мы вели, на совете ль,
В сонме ль народном, всегда заодно говорил с Одиссеем;
В мненьях согласные, вместе всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцам полезней.
¹³⁰ Но когда, ниспровергнувши город Приама великий,
Мы к кораблям возвратилися, бог разлучил нас: Кронион
Бедственный путь по морям приготовить замыслил ахейцам.
Был не у каждого светел рассудок, не все справедливы
Были они — потому и постигнула злая судьбина
¹³⁵ Многих, разгневавших дочь светлоокою страшного бога.
Сильную распрю богиня Афина зажгла меж Атридов:
Оба, созвать вознамерясь людей на совет, безрассудно
Собрали их не в обычное время, когда уж садилось
Солнце; ахейцы сошлись, вином охмеленные; те же
¹⁴⁰ Стали один за другим объяснять им причину собрания:
Требовал царь Менелай, чтоб аргивские мужи в обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамемнон отвергнул: ахейцев еще удержать он
Мыслил затем, чтоб они, совершив экатомбу святую,
¹⁴⁵ Гнев примирили ужасной богини... младенец! Еще он,
Видно, не знал, что уж быть не могло примирения с нею:
Вечные боги не скоро в своих изменяются мыслях.
Так, обращая друг к другу обидные речи, там оба
Брата стояли; собрание светлообутых ахеян
¹⁵⁰ Воплем наполнилось яростным, на два разрознившись мненья.
Всю ту мы ночь провели в неприязненных друг против друга
Мыслях: уж нам, беззаконным, готовил Зевес наказание.
Утром одни на прекрасное море опять кораблями
(Взяв и добычу и дев, глубоко опоясанных) вышли.
¹⁵⁵ Но половина другая ахеян осталась на бреге
Вместе с царем Агамемноном, пастырем многих народов.
Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали
Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.
Скоро пришед в Тенедос, принесли мы там жертву бессмертным,
¹⁶⁰ Дать нам отчизну моля их, но Дий непреклонный еще нам
Медлил дозволить возврат: он вторичной враждой возмутил нас.

Часть за царем Одиссеем, подателем мудрых советов,
 В многовесельных пускась кораблях, устремилась в обратный
 Путь, чтоб Атриду царю Агамемнону вновь покориться.
 165 Я же поспешно со всеми подвластными мне кораблями
 Поплыл вперед, угадав, что готовил нам бедствие демон;
 Поплыл со всеми своими и сын бедоносный Тидея;
 Позже отправился в путь Менелай златовласый: в Лесбосе
 Нас он нагнал, нерешимых, какую избрать нам дорогу:
 170 Выше ль скалами обильного Хиоса путь свой на Псиру
 Править, ее оставляя по левую руку, иль ниже
 Хиоса мимо открытого воющим ветрам Миманта?
 Дня молили мы знаменье дать нам; и, знаменье давши,
 Он повелел, чтоб, разрезавши море по самой середине,
 175 Шли мы к Эвбее для скорого близкой беды избежания;
 Ветер попутный, свистя, зашумел, и, рыбообильный
 Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли
 К ночи; от многих быков возложили мы тучные бедра
 Там на алтарь Посидонов, измерив великое море.
 180 День совершился четвертый, когда, добежав до Аргоса,
 Все корабли Диомеда, коней обуздателя, стали
 В пристани. Прямо тем временем в Пилос я плыл, и ни разу
 Ветер попутный, вначале нам посланный Дием, не стихнул.
 Так возвратился я, сын мой, без всяких вестей; и донныне
 185 Сведать еще я не мог, кто погиб из ахейян, кто спасся.
 Что ж от других мы узнали, живя под домашнею кровлей,
 То вам, как следует, я расскажу, ничего не скрывая.
 Слышали мы, что с младым Ахиллеса великого сыном
 Все мирмидоны его, копьеносцы домой возвратились;
 190 Жив, говорят, Филоктет, сын Пеанов возлюбленный; здраво
 Идомений (никого из сопутников, с ним избежавших
 Вместе войны, не утративши на море) Крита достигнул;
 К вам же, конечно, и в дальнюю землю дошел об Атриде
 Слух, как домой возвратился он, как умерщвлен был Эгистом,
 195 Как и Эгист, наконец, по заслуге приял воздаянье.
 Счастье, когда у погибшего мужа останется бодрый
 Сын, чтоб отмстить, как Орест, поразивший Эгиста, которым
 Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель!
 Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
 200 Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили».

Выслушав Нестора, так отвечал Телемак благородный:
 «Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
 Правда, отмстил он, и страшно отмстил, и ему от народов
 Честь повсеместная будет и будет хвала от потомства.
²⁰⁵ О, когда б и меня одарили такую же силой
 Боги, чтоб так же и я мог отмстить женихам, наносящим
 Столько обид мне, коварно погибель мою замышляя!
 Но благодати великой такой ниспослать не хотели
 Боги ни мне, ни отцу — и удел мой отныне терпенье».
²¹⁰ Так Телемаку отвечивал Нестор, герой Геренейский:
 «Сам ты, мой милый, о том мне своими словами напомнил;
 Слышали мы, что, твою благородную мать притесняя,
 В доме твоём женихи беззаконного делают много.
 Знать бы желал я: ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
²¹⁵ Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
 Мы же не ведаем; может случиться легко, что и сам он
 Их, возвратясь, погубит, один ли, созвав ли ахеян...
 О! когда б возлюбить светлоокая дева Паллада
 Так же могла и тебя, как она Одиссея любила
²²⁰ В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы!
 Нет, никогда не бывали столь боги в любви откровенны,
 Сколь откровенна была с Одиссеем Паллада Афина!
 Если бы ею с такою ж любовью и ты был присвоен,
 Самая память о браке во многих из них бы пропала.
²²⁵ Нестору так отвечал рассудительный сын Одиссеев:
 «Старец, несбыточно, думаю, слово твое; о великом
 Ты говоришь, и ужасно мне слушать тебя; не случится
 То никогда ни по просьбе моей, ни по воле бессмертных».
 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
²³⁰ «Странное слово из уст у тебя, Телемак, излетело;
 Богу легко защитит нас и издали, если захочет;
 Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
 Сладостный день возвращения увидеть, чем, бедствий избегнув,
 В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий
²³⁵ Пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста.
 Но и богам невозможно от общего смертного часа
 Милого им человека избавить, когда он уж предан
 В руки навек усыпляющей смерти судьбиною будет».
 Так отвечал рассудительный сын Одиссеев богине:

240 «Ментор, не станем о том говорить мы, хотя и крушит нам
Сердце оно; уж его возвращения мы не увидим:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о ином вопрошая, хочу обратиться
К Нестору — правдой и мудростью всех он людей превосходит;
245 Был, говорят, он царем, повелителем трех поколений,
Образом светлым своим он бессмертному богу подобен —
Сын Нелеев, скажи, ничего от меня не скрывая,
Как умерщвлен был Атрид Агамемнон пространнодержавный?
Где Менелай находился? Какое губящее средство
250 Хитрый Эгист изобрел, чтоб удобнее сладить с сильнейшим?
Иль, не достигнув Аргоса, еще меж чужими людьми он
Был и врага своего тем отважил на злое убийство?» —
«Друг, — Телемаку отвечивал Нестор, герой Геренейский, —
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
255 Подлинно так все случилось, как думаешь сам ты; но если б
В братнем жилище Эгиста живого застал, возвращаясь
В дом свой из брани Троянской, Атрид Менелай златовласый,
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
Хищные птицы и псы бы его растерзали, без чести
260 В поле далеко за градом Аргосом лежащего, жены
Наши его б не оплакали — страшное дело свершил он.
Тою порою, как билися мы на полях илионских,
Он в безопасном углу многоконного града Аргоса
Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой.
265 Прежде самой Клитемнестре божественной было противно
Дело постыдное — мыслей порочных она не имела;
Был же при ней песнопевец, которому царь Агамемнон,
В Трою готовясь плыть, наблюдать повелел за супругой;
Но, как скоро судьбина ее предала преступлению,
270 Тот песнопевец был сослан Эгистом на остров бесплодный,
Где и оставлен: и хищные птицы его растерзали.
Он же ее, одного с ним желавшую, в дом пригласил свой;
Множество бедр на святых алтарях он сожег пред богами,
Множеством вкладов, и златом и тканями, храмы украсил,
275 Дерзкое дело такое с нежданным окончив успехом.
Мы же, покинувши землю троянскую, поплыли вместе,
Я и Атрид Менелай, сопряженные дружбою тесной.
Были уж мы пред священным Сунионом, мысом Аттийским;

260 Вдруг Менелаева кормщика Феб Аполлон невидимо
 Тихой своею стрелой умертил: управляя бегущим
 Судном, кормило держал многоопытной твердой рукою
 Фронтис, Онеторов сын, наиболее из всех земнородных
 Тайну проникший владеть кораблем в наступившую бурю.
 265 Путь свой замедлил, хотя и спешил, Менелай, чтоб на бреге
 Честь погребения другу воздать с торжеством надлежащим;
 Но когда на своих кораблях крутобоких опять он
 В темное море пошел и высокого мыса Малей
 Быстро достиг — повсеместно гремящий Кроннион, замыслив
 270 Гибель, нагнал на него многошумное ветра дыханье,
 Поднял могучие, тяжкие, гороогромные волны.
 Вдруг корабли разлучив, половину их бросил он к Криту,
 Где обитают кидоны у светлых потоков Ярдана.
 Виден там гладкий утес, восходящий над влагой соленой,
 275 В темное море вдвигаясь на крайних пределах Гортины;
 Там, где великие волны на западный берег у Феста
 Нот нагоняет и малый утес их дробит, отшибая,
 Те корабли очутились; проворством спаслися от смерти
 Люди; суда ж их погibli, разбившись об острые камни.
 280 Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,
 Ветер могучий и волны ко берегу Египта примчали.
 Там Менелай, собирая сокровищ и золота много,
 Странствовал между народов иного языка, и в то же
 Время Эгист совершил незаконное дело в Аргосе,
 285 Смерти предавши Атрида, — народ покорился безмолвно.
 Целые семь лет он властвовал в златообильной Микене;
 Но на восьмой из Афин возвратился ему на погибель
 Богоподобный Орест; и убийцу сразил он, которым
 Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель.
 290 Пир учредив для аргивян великий, свершил погребенье
 Он и преступнице матери вместе с Эгистом презренным.
 В самый тот день и Атрид Менелай, вызыватель в сраженье,
 Прибыл, богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться.
 Ты же недолго, мой сын, в отдаленье от родины странствуй,
 295 Дом и наследье отца благородного бросив на жертву
 Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
 Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
 Но Менелая Атрида (советую, требую) должен

Ты посетить; он недавно в отечество прибыл из чуждых
 Стран, от людей, от которых никто, занесенный однажды
 320 К ним по широкому морю стремительным ветром, не мог бы
 Жив возвратиться, откуда и в год долететь к нам не может
 Быстрая птица — толь страшно великой пучины пространство.
 Ты же поедешь отсюда иль морем со всеми своими,
 Или, когда пожелаешь, землю: коней с колесницей
 325 Дам я, и сына с тобою пошлю, чтоб тебе указал он
 Путь в Лакедемон божественный, где Менелай златовласый
 Царствует; можешь ты сам обо всем расспросить Менелая;
 Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим».

Кончил. Тем временем солнце померкло и тьма наступила.
 330 К Нестору слово свое обративши, сказала Афина:
 «Старец, твои рассудительны речи, но медлить не станем;
 Должно отрезать теперь языки, и царю Посидону
 Купно с другими богами вином сотворить возлиянье;
 Время подумать о ложе покойном и сне миротворном;
 335 День на закате угас, и уж боле не будет прилично
 Здесь нам сидеть за трапезой богов; удалиться пора нам».

Так говорила богиня; почтительно все ей внимали.
 Тут для умывтия рук им служители подали воду;
 Отроки, светлым кратеры до края наполнив нашитком,
 340 В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
 Бросив в огонь языки, сотворили они возлиянье,
 Стоя; когда ж сотворили его и вином насладились,
 Сколько желала душа, Телемак благородный с Афиной
 Стали к ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.

345 Нестор, гостей удержавши, сказал: «Да отнюдь не позволят
 Вечный Зевес и другие бессмертные боги, чтоб ныне
 Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
 Разве одежд не найдется у нас? Неужели я нищий?
 Будто уж в доме моем ни покровов, ни мягких постелей
 350 Нет, чтоб и сам я и гости мои насладились покойным
 Сном? Но покровов и мягких постелей найдется довольно.
 Можно ль, чтоб сын столь великого мужа, чтоб сын Одиссеев
 Выбрал себе корабельную палубу спальней, пока я
 Жив и мои сыновья обитают со мной под одною
 355 Кровлей, чтоб всех, кто пожалует к нам, угощать дружелюбно?»
 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:

«Умное слово сказал ты, возлюбленный старец, и должен
 Волю исполнить твою Телемак: то, конечно, приличней.
 Здесь я оставляю его, чтоб покойно под кровлей твоею
 360 Ночь он провел. Самому ж мне на черный корабль возвратиться
 Должно, чтоб наших людей ободрить и о многом сказать им:
 Я из спутников наших старейший годами; они же
 (Все молодые, ровесники все Телемаку) по доброй
 Воле, из дружбы его в корабле проводить согласились;
 365 Вот для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
 Завтра ж с зарею пойти мне к народу отважных кавконов
 Нужно, чтоб там заплатили мне люди старинный, немалый
 Долг. Телемака же, после того как у вас погостит он,
 370 С сыном своим в колеснице отправь ты, коней повелевши
 Дать им проворнейших в беге и силою самых отличных».

Так им сказав, светлоокая Зевсова дочь удалилась,
 Быстрым орлом улетев; изумился народ; изумился,
 Чудо такое своими глазами увидевши, Нестор.
 За руку взяв Телемака, ему дружелюбно сказал он:
 375 «Друг, ты, конечно, и сердцем не робок и силою крепок,
 Если тебе, молодому, так явно сопутствуют боги.
 Здесь из бессмертных, живущих в обителях светлых Олимпа,
 Был не иной кто, как Диева славная дочь Тритогена,
 Столь и отца твоего отличавшая в сонме аргивян.
 380 Будь благосклонна, богиня, и к нам и великую славу
 Дай мне, и детям моим, и супруге моей благоденственной;
 Я же теллицу тебе однолетнюю, лбистую, в поле
 Вольно бродящую, с игом еще незнакомую, в жертву
 385 Здесь принесу, ей рога изукрасивши золотом чистым».

Так говорил он, молясь; и Палладю был он услышан.
 Кончив, пошел впереди сыновей и зятьев благородных
 В дом свой богато украшенный Нестор, герой Геренейский;
 С Нестором в царский богато украшенный дом и другие
 Также вступили и сели порядком на креслах и стульях.
 390 Старец тогда для собравшихся кубок наполнил до края
 Светлым вином, чрез одиннадцать лет из амфоры налитым
 Ключницею, снявшей впервые с заветной амфоры той кровлю.
 Им он из кубка свое сотворил возлиянье великой
 395 Дочери Зевса эгидодержавца; когда ж и другие
 Все, сотворив возлиянье, вином насладились довольно,

Каждый к себе возвратился, о ложе и сне помышляя.
 Гостю желая спокойствия, Нестор, герой Геренейский,
 Сам Телемаку, разумному сыну царя Одиссея,
 В звонкопространном покое кровать указал прорезную;
 400 Лег близ него Пизистрат, копьeverжец, мужей предводитель,
 Бывший из братьев один неженатый в жилище отцовом.
 Сам же, во внутренний царского дома покой удаляся,
 Лег на постели, перестланной мягко царицею, Нестор.
 Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
 405 С мягкой поднялся постели и Нестор, герой Геренейский,
 Вышел из спальни, он сел на обтесанных, гладких, широких
 Камнях, у двери высокой служивших седалищем, белых,
 Ярko сиявших, как будто помазанных маслом, на них же
 Прежде Нелей восседал, многоумием богу подобный;
 410 Но уж давно уведен был судьбой в обитель Аида.
 Ныне ж на камнях Нелеевых Нестор воссел, скиптроносный
 Пестун ахеян. К нему сыновья собралися, из спален
 Вышел: Эхэфрон, Персёй, Стратион, и Аретос, и юный
 Богу подобный красой Фрасимед; наконец и шестой к ним,
 415 Младший из братьев, пришел Пизистрат благородный. И рядом
 С Нестором сесть приглашен был возлюбленный сын Одиссеев.
 Речь обратил тут к собравшимся Нестор, герой Геренейский:
 «Милые дети, мое повеленье исполнить спешите:
 Паче других преклонить я желаю на милость Афину,
 420 Видимо, бывшую с нами на празднике бога великом.
 В поле один за телицей беги, чтоб немедленно с поля
 Выгнал ее к нам пастух, за стадами смотрящий; другой же
 Должен на черный корабль Телемаков пойти и позвать к нам
 Всех мореходных людей, там оставя лишь двух; напоследок
 425 Третьим пусть будет немедленно златоискусник Лаэрокс
 Призван, чтоб золотом чистым рога изукрасить телице.
 Прочие ж все оставайтесь при мне, повелевши рабыням
 В доме устроить обед изобильный, расставить порядком
 Стулья, дрова приготовить и светлой воды принести нам».
 430 Так он сказал; все заботиться начали: с поля телицу
 Скоро пригнали; пришли с корабля Телемаковы люди,
 С ним переплывшие море; явился и златоискусник,
 Нужный дляковки металлов принесши снаряд: наковальню,
 Молот, клещи драгоценной отделки и все, чем обычно

435 Дело свое совершал он; пришла и богиня Афина
 Жертву принять. Тут художнику Нестор, коней обуздатель,
 Золота чистого дал; оковал им рога он телицы,
 Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине.
 440 Взяли телицу тогда за рога Стратийон и Эхефрон;
 Воду им руки умыть в обложенной цветами лохани
 Вынес из дома Аретос, в другой же руке он с ячменем
 Короб держал; подошел Фрасимед, ратоборец могучий,
 С острым в руке топором, поразить изготовился жертву;
 445 Чашу подставил Персей. Тут Нестор, коней обуздатель,
 Руки умывши, ячменем телицу осыпал и, бросив
 Шерсти с ее головы на огонь, помолился Афине;
 Следом за ним и другие с молитвой телицу ячменем
 Так же осыпали. Несторов сын, Фрасимед многосильный,
 Мышцы напрягши, ударил, и, в шею глубоко вонзенный,
 450 Жилы топор пересек; повалилась телица; вскричали
 Дочери все, и невестки царицы, и с ними царица,
 Кроткая сердцем, Климе́нова старшая дочь Эвридика.
 Те же телицу, приникшую к лону земли путеносной,
 Подняли — разом зарезал ее Пизистрат благородный.
 455 После, когда истошилася черная кровь и не стало
 Жизни в костях, разложивши на части ее, отделили
 Бедрa и сверху их (дважды обвивши, как следует, кости
 Жиром) кровавого мяса кусками покрыли; все вместе
 Нестор зажег на костре и вином оросил искрометным;
 460 Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями.
 Бедрa сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
 Всё разрубили на части и стали на вертелах жарить,
 Острые вертелы тихо в руках над огнем обращая.
 Тою порой Телемак Поликастою, дочьерью младшей
 465 Нестора, был отведен для омытия в баню; когда же
 Дева его и омыла и чистым натерла елеем,
 Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
 Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный;
 Место он занял близ Нестора, пастыря многих народов.
 470 Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
 Сели за вкусный обед, и заботливо начали слуги
 Бегать, вино наливая в сосуды золотые; когда же
 Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,

475 Нестор, герой Геренейский, сказал сыновьям благородным:
 «Дети, коней густогривых запрячь в колесницу немедля
 Должно, чтоб мог Телемак по желанию в путь устремиться».
 То повеление царское было исполнено скоро;
 Двух густогривых коней запрягли в колесницу; в нее же
 480 Ключница хлеб и вино на запас положила, с различной
 Пищей, какая царям лишь, питомцам Зевеса, прилична.
 Тут в колесницу блестящую стал Телемак благородный;
 Рядом с ним Несторов сын Пизистрат, предводитель народов,
 Стал; натянувши могучей рукою бразды, он ударил
 485 Сильным бичом по коням, и помчались быстрые кони
 Полею, и Пилюс блистательный скоро исчез позади их.
 Целый день мчались кони, тряся колесничное дышло.
 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
 Путники прибыли в Феру, где сын Орзилоха, Алфеем
 Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
 490 Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
 Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
 Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
 Быстро на ней со двора через портик помчались звонкий,
 Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
 495 Пышных равнин, изобильных пшеницей, достигнув, они там
 Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;
 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПЕСНИ

Вечер пятого дня и весь шестой день

Телемак и Пизистрат, прибыв в Лакедемон, вступают во дворец царя Менелая, который, празднуя свадьбу сына и дочери, приглашает их на семейственный пир свой. И он, и Елена узнают Телемака. Средство, употребленное Еленою для развеселения гостей; она и Менелай рассказывают о подвигах Одиссея. На другое утро Менелай, по просьбе Телемака, сообщает ему все то, что сам слышал от прорицателя Протея о судьбе вождей ахейских и о заключении Одиссея на острове Калипсо; потом он убеждает Телемака погостить несколько времени в доме его.

Тем временем женихи, узнав об отплытии Телемака, приходят в ужас и замышляют умертвить его на возвратном пути. Скорбь Пенелопы, узнавшей от глашатая Медона о замысле их и об отплытии сына. Афина, тронутая молитвою горестной матери, посылает ей ободрительное сновидение. Антиной со своею дружиною пускается в море и останавливается близ острова Астера ждать Телемака.

В царственный град Лакедемон, холмами объятый, прибывши,
К дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
Сына и дочери милья празднуя в царском жилище.
5 К сыну губителя ратей Пелида свою посылал он
Дочь, уж давно с ним в троянской земле договор заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;
Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту
В град мирмидонский, где царствовал светлый жених, снарядил он.
10 В Спарте же дочь он Алектора выбрал невестой для сына,
Крепкого силой, прижитого им с молодою рабыней
В поздних годах, Мегапента. Елене ж детей не хотели
Боги с тех пор даровать, как желанная ей родилася
Дочь Эрмиона, подобная дивной красой Афродите.
15 Шумно пируя в богато украшенных царских палатах,
Сродники все и друзья Менелая, великого славой,
Полны веселия были; на лире певец вдохновенный
Громко звучал перед ними, и два прыгуна, соглашая
С звонкою лирой прыжки, посреди их проворно скакали.
20 Тою порой Телемак благородный с младым Пизистратом,
К царскому дому прибыв, на дворе из своей колесницы
Вышли; им встретился прежде других Этеон многотимый,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
С вестью о них по дворцу побежал он к владыке Атриду;
25 Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
«Царь Менелай, благородный питомец Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно из племени Дия.
Что повелишь нам? Отпрячь ли их быстрых коней? Отказать ли
Им, чтоб они у других для себя угощенья искали?»
30 С гневом великим ему отвечал Менелай златовласый:
«Ты, Этеон, сын Воэтов, еще никогда малоумен
Не был, теперь же бессмысленно стал говорить, как младенец;

Сами не раз испытав гостелюбие в странствии нашем,
 Мы напоследок покоимся дома, и Дий да положит
 35 Бедствиям нашим конец. Отпрягите коней их; самих же
 Странников к нам пригласить на семейственный пир наш обоих».

Так говорил Менелай. Этеон побежал, за собою
 Следовать многим из царских проворных рабов повелевши.
 Иго с ретивых коней, опененное потом, сложили;
 40 К яслям в царевой конюшне голодных коней привязали;
 В ясли же полбы насыпали, смешанной с ярким ячменем;
 К светлой наружной стене прислонили потом колесницу.
 Странники были в высокий дворец введены; озираясь,
 Дому любезного Зевсу царя удивлялися оба:
 45 Все лучезарно, как на небе светлое солнце или месяц,
 Было в палатах царя Менелая, великого славой.
 Очи свои, наконец, удовольствовав сладостным зреньем,
 Начали в гладких купальнях они омываться; когда же
 Их омыла и чистым елеем натерла рабыня,
 50 В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
 Рядом они с Менелаем властителем сели на стульях.
 Тут поднесла на лохани серебряной руки умыть им
 Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
 Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
 55 Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
 Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
 Мясa различного крайчий принес и, его предложив им,
 Кубки златые на браном столе перед ними поставил.
 Сделав рукою приветствие, светлый сказал им хозяин:
 60 «Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
 Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди?
 В вас не увяла, я вижу, порода родителей ваших;
 Оба, конечно, вы дети царей, порожденных Зевесом,
 Скиптродержавных; подобные вам не от низких родятся».

Тут он им подал бычатины жареной кус, из почетной
 65 Собственной части его отделивши своею рукою.
 Подняли руки они к предложенной им пище и голод
 Свой утолили роскошной едой и питьем изобильным.
 Голову к спутнику тут приклонив, чтоб подслушать другие
 70 Речи его не могли, прошептал Телемак осторожно:
 «Нестеров сын, мой возлюбленный друг, Пизистрат благородный,

Видишь, как много здесь меди сияющей в звонких покаях;
 Блещет все золотом, серебром, янтарями, слоновою костью;
 Зевс лишь один на Олимпе имеет такую обитель;
 75 Что за богатство! Как много всего! С изумленьем смотрю я».

Вслушался в тихую речь Телемака Атрид златовласый;
 Голос возвысив, обоим он бросил крылатое слово:
 «Дети, нам, смертным, не можно равняться с владыкою Зевсом,
 Ибо и дом и сокровища Зевса, как сам он, нетленны;
 80 Люди ж иные поспорят богатством со мной, а иные

Нет; претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
 Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.
 Видел я Кипр, посетил финикиян, достигнув Египта,
 К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов;
 85 В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы рождаются,
 Где ежегодно три раза и козы и овцы кидаются;
 В той стороне и полей господин и пастух недостатка
 В сыре и мясе и жирно-густом молоке не имеют;
 Круглый там год изобильно бывают доимы коровы.
 90 Той же порой, как в далеких землях я, собирая богатства,
 Странствовал, милый в отечестве брат мой погиб от убийцы
 Тайно, никем не предвиденно, хитрым предательством женским.
 С тех пор и все уж мои мне сокровища стали постылы.
 Но об этом, кто б ни были вы, уж, конечно, отцы вам
 95 Все рассказали... О, горестно было мне зреть истребленье
 Дома, толь светлого прежде, толь славного многим богатством!
 Рад бы остаться я с третью того, чем владею, лишь только б
 Были те мужи на свете, которые в Трое пространной
 Кончили жизнь, далеко от Аргоса, питателя коней.
 100 Часто, их всех поминая, об них сокрушаясь и плача,
 Здесь я сижу одиноко под кровлей домашней; порою
 Горем о них услаждаю я сердце, порой забывая
 Горе, понеже нас скоро холодная скорбь утомляет.
 Но сколь ни сетую в сердце своем я, их всех поминая,
 105 Мысль об одном наиболее губит мой сон и лишает
 Пищи меня, поелику никто из ахейн столь много
 Бедствий не встретил, как царь Одиссей; на труды и печали
 Был он рожден; на мою же досталось часть сокрушаться,
 Видя, как долго отсутствие длится его; мы не знаем,
 110 Жив ли он, умер ли; плачет о нем безутешный родитель

Старец Лаэрт, с Пенелопой разумной, с младым Телемаком,
 Бывшим еще в пеленах при его удаленье из дома.
 Так он сказав, неумышленно скорбь пробудил в Телемаке.
 Крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом
 115 Имени; в обе схвативши пурпурную мантию руки,
 Ею глаза он закрыл; то увидя, Атрид догадался;
 Долго, рассудком и сердцем колеблясь, не знал он, что делать:
 Ждать ли, чтоб сам говорить о родителе юноша начал,
 Или вопросами выведать все от него понемногу?
 120 Тою порой, как рассудком и сердцем колеблясь, молчал он,
 К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена
 Вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде.
 Кресла богатой работы подвинула сесть ей Адреста;
 Мягкий ковер шерстяной положила ей в ноги Алкиппа;
 125 Фило пришла с драгоценной корзиной серебряной, даром
 Умной Алкандры, супруги Полиба, в египетских Фивах
 Жившего, много сокровищ имея в обители пышной.
 Две сребролитные дал он Атриду купальни и с ними
 Два троеножных сосуда и золотом десять талантов;
 130 Также царице Елене супруга его подарила
 Прялку златую с корзиной овальной; была та корзина
 Вся из серебра, но края золотые; и эту корзину
 Фило, пришедши, поставила подле царицы Елены,
 Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
 135 С шерстью волнистой пурпурного цвета. На креслах Елена
 Села, прекрасные ноги свои на скамью протянувши.
 Сев, с любопытством она у царя Менелая спросила:
 «Мог ли узнать ты, Атрид благородный, питомец Зевеса,
 Кто иноземные гости, наш дом посетившие ныне?
 140 Я же скажу — справедливо ли, нет ли, не знаю, — но сердце
 Нудит сказать, что еще никогда (с изумленьем смотрю я)
 Мне ни в жене не случилось, ни в муже подобного встретить
 Сходства, какое наш гость с Телемаком, царя Одиссея
 Сыном, имеет; младенцем его Одиссей благородный
 145 Дома оставил, когда за меня, недостойную, все вы,
 Мужа ахейские, в Трою пошли истребительной ратью».
 Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
 «Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливым.
 Дивное сходство! Такие же ноги, такие же руки,

150 То же в глазах выражение, та ж голова и такие ж
 Кудри густые на ней; а когда, помянув Одиссея,
 Стал говорить я о бедствиях, им за меня претерпенных,
 Пала с ресницы его, я заметил, слеза, и, схвативши
 В обе пурпурную мантию руки, он ею закрылся».

155 Тут Пизистрат благородный сказал Менелаю Атриду:
 «Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
 Спутник мой подлинно сын Одиссеев, как думаешь сам ты;
 Но, осторожный и скромный, он мнит, что ему неприлично,
 Вас посетивши впервые, себя выставлять в разговоре

160 Смелом с тобою, пленящим всех нас божественной речью.
 Старец, родитель мой, Нестор его повелел в Лакедэмон
 Мне проводить; у тебя ж он затем, чтоб ему благосклонно
 Дать наставление ты соизволил: что делать? Немало
 Горя бывает в родительском доме для сына, когда он

165 Розно с отцом, не имея друзей, сиротствует, как ныне
 Сын Одиссеев: отец благородный далеко; в народе ж
 Нет никого, кто б ему от гонений помог защититься».

Царь Менелай, отвечая, сказал Пизистрату младому:
 «Боги! Так подлинно сын несказанно мне милого друга,
 170 Столько тревог за меня претерпевшего, дом посетил мой.
 Я ж самого Одиссея отличное прочих ахейя
 Встретить надеждой ласкался, когда б в кораблях быстроходных
 Путь нам домой по волнам отворил громовержец Кронон;
 Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища;

175 Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном,
 С целым народом; и область для них бы очистил, моими
 Близко людьми населенную, мой признающую скипетр;
 Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы
 Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого

180 Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти.
 Но столь великого блага нам дать не хотел непреклонный
 Бог, запретивший ему, несчастливцу, возврат вожделенный».

Так говоря, неумышленно всех Менелай опечалил;
 Громко Елена Аргивская, Диева дочь, зарыдала;
 185 Сын Одиссеев заплакал, и с ними Атрид прослезился;
 Плача не мог удержать и младой Пизистрат: он о брате
 Вспомнил, о брате своем Антилохе прекрасном, который
 Был умерщвлен лучезарной Денницы возлюбленным сыном.

190 Вспомнив о брате, Атриду он бросил крылатое слово:
 «Подлинно, царь Менелай, ты разумнее всех земнородных.
 Так говорит и отец престарелый наш Нестор, когда мы
 Дома в семейных беседах своих о тебе вспоминаем.
 Ныне ж послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
 Слез за вечерней трапезою — скоро подымется Эос,
 195 В раннем тумане рожденная. Мне же отнюдь не противен
 Плач о возлюбленных мертвых, постигнутых общей судьбиной;
 Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почеть:
 Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле.
 Брата утратил и я; не последний меж бранных аргивян
 200 Был он; его ты, конечно, видал; а со мной никогда здесь
 Он не встречался; его я не знал; но от всех был отличен,
 Слышали мы, он и легкостью ног и отважностью в битвах».

Царь Менелай златовласый отвечив так Пизистрату:
 «Друг, основательно то, что сказал ты; один лишь разумный
 205 Муж и годами старейший тебя говорить так способен.
 Вижу из слов я твоих, что отца своего ты достойный
 Сын; без труда познается порода мужей, для которых
 Счастье и в браке и в племени их угодовал Кронион;
 Так постоянно и Нестору он золотые свивает
 210 Годы, чтоб весело в доме своем он старел, окруженный
 Бодрой семьей сыновей, и разумных, и с копыями первых.
 Мы же, печаль отложив и отерши пролитые слезы,
 Снова начнем пировать; для умывтия рук подадут нам
 Светлой воды, а наутро опять разговор с Телемаком
 215 Я заведу, и окончим мы завтра начатое ныне».

Так он сказал, и умыться им подал воды Асфалион,
 Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
 Подняли руки они к предложенной им лакомой пище.
 Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
 220 В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
 Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
 Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
 Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
 Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
 225 Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
 Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
 Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;

Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
 Им наделила; земля там богатообильная много
 230 Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых;
 Каждый в народе там врач, превышающий знаньем глубоким
 Прочих людей, поелику там все из Пеанова рода.
 Соку в вино подмешав и вино разнести повелевши,
 Стала царица Елена беседовать снова с гостями:
 235 «Царь Менелай благородный, питомец Зевеса, и все вы,
 Дети отцов знаменитых, различное людям различным,
 Злое и доброе, Дий посылает, все Дию возможно.
 Радуйтесь ныне, сидя за трапезой вечерней и сладким
 Сердце свое веселя разговором; а я о бывалом
 240 Вам расскажу — хоть всего рассказать и припомнить нельзя мне,-
 Как Одиссеей, непреклонный в бедах, подвизался, и что он,
 Дерзко-решительный муж, наконец, предпринял и исполнил
 В крае троянском, где много вы бед претерпели, ахейцы.
 Тело свое беспощадно иссекши бичом недостойным,
 245 Рубищем бедным покрывши плеча, как невольник, вошел он
 В полный сияющих улиц народа враждебного город;
 Образ принявши чужой, он в разодранном платье казался
 Нищим, каким никогда меж ахейян его не видали.
 Так посреди он троян укрывался; без смысла, как дети,
 250 Были они; я одна догадалась, кто он; вопросы
 Стала ему предлагать я- он хитро от них уклонился;
 Но когда, и оmyвши его и натерши елеем,
 Платье на плечи ему возложила я с клятвой великой
 Тайны его никому не открыть в Илионе враждебном
 255 Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобоким,
 Все мне о замысле хитром ахейян тогда рассказал он.
 Многих троян длинноострою медью меча умертвивши,
 Выведал в городе все он и в стан невредим возвратился.
 Многие вдовы троянские громко рыдали, в моем же
 260 Сердце веселие было: давно уж стремилось в родную
 Землю оно, и давно я скорбела, виной Афродиты
 Вольно ушедшая в Трою из милого края отчизны,
 Где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга,
 Столь одаренного светлым умом и лица красотою».
 265 Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
 «Истинно то, что, жена, рассказала ты нам о бывалом;

Случай имел я узнать помышленья, поступки и нравы
 Многих людей благородных, и много земель посетил я,
 Но никогда и нигде мне досель человек, Одиссею,
 270 Твердому в бедствиях мужу, подобный, еще не встречался.
 Вот что, могучий, он там, наконец, предпринял и исполнил,
 В чреве глубоком коня (где ахейцы избранные были
 Скрыты) погибельный ков и убийство врагам приготовив;
 К нам ты тогда подошла — по внушению злomu, конечно,
 275 Демона, дать замышлявшего славу враждебным троянам, —
 Вслед за тобою туда же пришел Деифоб благородный;
 Трижды громаду ты с ним обошла и, отсюда оцупав
 Ребра ее, начала вызывать поименно аргивян,
 Голосу наших возлюбленных жен подражая искусно.
 280 Мне ж с Диомедом и с бодрым царем Одиссеем, сокрытым
 В темной утробе громады, знакомые слышались звуки.
 Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
 Выйти наружу иль громко тебе изнутри отозваться;
 Но Одиссей опрометчивых нас удержал; остальные ж,
 285 В чреве коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
 Только один Антиклес на призыв твой подать порывался
 Голос; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
 Рот безрассудному, тем от погибели всех нас избавил;
 С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины».

290 Тут Менелаю сказал рассудительный сын Одиссеев:
 «Царь благородный Атрид, богоизбранный пастырь народов,
 Вдвое прискорбней, что он не избег от губящего рока;
 Было ли в пользу ему, что имел он железное сердце?..
 Время, однако, уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко
 295 В сон погрузившись, на них успокоить усталые члены».

Так он сказал, и Елена велела немедля рабыням
 В сенях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
 Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
 Мягким покровом для тела косматые мантии бросить.
 300 Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
 Все приготовлено было гостям, проводил их глашатай;
 В сенях легли на постелях и скоро покойно заснули
 Сын Одиссеев и спутник его Пизистрат благородный.
 Скоро во внутренней спальне заснул и Атрид златовласый,
 305 Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной.

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
 Ложе покинул и царь Менелай, вызыватель в сраженье;
 Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
 После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
 310 Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
 Сев к Телемаку, его он поздравствовал; после спросил он:
 «Что побудило тебя по хребту беспредельного моря
 В царственный град Лакедемон прибыть, Телемак благородный?
 Нужда какая? Своя иль народная? Правду скажи мне».
 315 Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаяу:
 «Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
 Здесь я затем, чтоб узнать от тебя о судьбе Одиссея.
 Гибнет мое достоянье, мои разоряются земли,
 Дом мой во власти грабителей жадных, безжалостно бьющих
 320 Мелкий наш скот и быков криворогих и медленноходных;
 Мать Пенелопу они сватовством неотступным терзают.
 Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
 Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
 Видел глазами иль что от какого случайно услышал
 325 Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
 Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
 Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
 Если же чем для тебя мой отец Одиссей благородный,
 Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
 330 В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
 Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне».
 С гневом великим воскликнул Атрид Менелай златовласый:
 «О, безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
 Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
 335 Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
 Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
 Стала б по горным лесам, по глубоким, травой обильным
 Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище —
 Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
 340 Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
 Если б, — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
 В виде таком, как в Лезбосе, обильно людьми населенном,
 Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
 Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, —

345 Если бы в виде таком женихам Одиссеей вдруг явился,
 Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
 То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
 Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
 Что самому возвестил мне морской пронизательный старец,
 350 То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
 Все еще боги в отечество милое мне из Египта
 Путь заграждали: обещанной я не свершил экатомбы;
 Боги же требуют строго, чтоб были мы верны обетам.
 На́ море шумно-широком находится остров, лежащий
 355 Против Египта; его именуют там жители Фáрос;
 Он от берегов на таком расстоянии, какое удобно
 В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.
 Пристань находится верная там, из которой большие
 В море выходят суда, запасенные темной водою.
 360 Двадцать там дней я промедлил по воле богов, и ни разу
 С берега мне не подул благосклонный отплытию ветер,
 Спутник желанный пловцам по хребту многоводного моря.
 Мы уж истратили все путевые запасы и люди
 Бодрость теряли, как, сжалясь над нами, спасла нас богиня,
 365 Хитрого старца морского цветущая дочь Идофея.
 Сердцем она преклонилась ко мне, повстречавшись со мною,
 Шедшим печально стезей одинокой, товарищей бросив:
 Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
 Острогобенными крючьями удили — голод терзал их.
 370 С ласковым видом ко мне подошедши, сказала богиня:
 «Что же ты, странник? Дитя ль неразумное? Сердцем ли робок?
 Лень ли тобой овладела? Иль сам ты своим веселишься
 Горем, что долго так медлишь на острове нашем, не зная,
 Что предпринять, и сопутников всех повергая в унылость?»
 375 Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
 «Кто б ни была ты, богиня, всю правду тебе я открою:
 Нехотя здесь я в бездействии медлю; быть может, нанес я
 Чем оскорбленье богам, беспредельного неба владыкам.
 Ты же скажи мне (всё ведать должны вы, могучше боги),
 380 Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
 Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»
 Так вопросил я, и так, отвечая, сказала богиня:
 «Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;

375 Здесь пребывает издавна морской пронидательный старец,
 Равный бессмертным Протей, египтянин, изведавший моря
 Все глубины и царя Посидона державе подвластный;
 Он, говорят, мой отец, от которого я родилася.
 Если б какое ты средство нашел овладеть им внезапно,
 Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль
 390 Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?
 Если ж захочешь, божественный, скажет тебе и о том он,
 Что у тебя и худого и доброго дома случилось
 С тех пор, как странствуешь ты по морям бесприютно-пустынным».

Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
 395 «Нас ты сама научи овладеть хитромысленным старцем
 Так, чтоб не мог наперед он намеренье наше проникнуть:
 Трудно весьма одолеть человеку могучего бога».

Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
 «Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
 400 Здесь ежедневно, лишь Гелиос неба пройдет половину,
 В веянье ветра, с великим волнением темная влага,
 Вод глубину покидает морской пронидательный старец:
 Вышел из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
 Вкруг тюлени хвостонogie, дети младой Алозидны,
 405 Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой,
 Смерд отвратительный моря на всю разливают окрестность.
 Только что явится Эос, я место найду, где удобно
 Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищам сильным
 Трем повели за собою прийти с кораблей крутобоких.
 410 Я же тебе расскажу о волшебствах коварного старца:
 Прежде всего тюленей он считать и осматривать станет;
 Их осмотрев и сочтя по пяти, напоследок и сам он
 Ляжет меж ними, как пастырь меж стада, и в сон погрузится.
 Вы же, увидя, что лег и что в сон погрузился он, силы
 415 Все соберите и им овладейте; жестоко начнет он
 Биться и рваться — из рук вы его не пускайте; тогда он
 Разные виды начнет принимать и являться вам станет
 Всем, что ползет по земле, и водою, и пламенем жгучим;
 Вы ж, не робея, тем крепче его, тем сильнее держите.
 420 Но, как скоро тебе человеческий голос подаст он,
 Снова принявши тот образ, в каком он заснул, — вы немедля
 Бросьте его; и тогда, благородному старцу свободу

Давши, спроси ты, какой из богов раздражен и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?»
425 Кончив, она погрузилась в морское глубокое лоно.
Я же пошел к кораблям, на песке неподвижно стоявшим,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
430 Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака младая с перстами багряными Эос;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному берегу, с молитвой
Прежде колена склонив пред богами, пошел я; со мною
Были три спутника сильных, на всякое дело отважных.
435 Тою порой, погрузившись в глубокое море, четыре
Кожы тюленя из вод принесла нам богиня; недавно
Содраны были они. Чтоб отца обмануть, на песчаном
Береге ямы она приготовила нам и сидела,
Нас ожидая. Немедля все четверо к ней подошли мы.
440 В ямы улавши и кожами сверху покрыв нас, богиня
Там повелела нам ждать, притаясь; нестерпимо нас мучил
Смрад тюленей, напивавшихся горечью влаги соленой -
Сносно ль меж чудами моря живому лежать человеку?
Но Идофея беде помогла и страдание наше
445 Кончила, ноздри амброзией нам благовонной помазав:
Был во мгновение запах чудовищ морских уничтожен.
Целое утро с мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли из вод, наконец, тюлени и рядами
Друг подле друга вдоль шумного берега все улеглись.
450 В полдень же с моря поднялся и старец. Своих тюленей он
Жирных увидя, пошел к ним, и начал считать их, и первых
Счел меж своими подводными чудами нас, не проникнув
Тайного кова; и сам напоследок меж ними улегся.
Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе
455 Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромною льва обратился;
После предстал нам драконом, пантерой, вопрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.
460 Он напоследок, увидя, что все чародейства напрасны,
Сделался тих и ко мне, наконец, обратился с вопросом:

«Кто из бессмертных тебе указал, Менелай благородный,
Средство обманом меня пересилить? Чего ты желаешь?»
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
465 «Старец, тебе уж известно (зачем притворяться?), что медлю
Здесь я давно поневоле, не зная, на что мне решиться,
Сердцем тревожась и спутников всех повергая в унылость.
Лучше скажи мне (всё ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
470 Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»
Так у него я спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Должен бы Зевсу владыке и прочим богам экатомбу
Ты, с кораблями пускаясь в путь, совершить, чтоб скорее,
Темное море измерив, в отчизну свою возвратиться.
475 Знай, что тебе суждено не видеть ни возлюбленных ближних
В светлом жилище своем, ни желанного края отчизны
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь экатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам.
480 Иначе боги увидеть отчизну тебе не позволяют».
Так он сказал, и во мне растерзалось милое сердце:
Было мне страшно, предавшись тревогам туманного моря,
Вновь продолжительнотрудным путем возвращаться в Египет.
Так напоследок, ответствуя, хитрому старцу сказал я:
485 «Что повелел ты, божественный старец, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего от меня не скрывая:
Все ль в кораблях невредимы ахейцы, с которыми в Трое
Мы разлучились, Нестор и я, возвратились в отчизну?
Кто злополучный из них на дороге погиб с кораблями?
490 Кто на руках у друзей, перенесши тревоги, скончался?»
Так я спросил у него, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Царь Менелай! Не к добру ты меня вопрошаешь, и лучше б
Было тебе и не знать и меня не расспрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всем расскажу я подробно.
495 Многих уж нет; но и живы остались многие; двум лишь
Только вождям меднолатных аргивян домой возвратиться
Смерть запретила (кто пал на сраженье, то ведаешь сам ты);
Третий живой средь пустынного моря в неволе крушится.
С длинновесельными в бурю морскую погиб кораблями
500 Сын Оилеев Аякс; Посидон их к великой Гирейской

Бросил скале; самого же Аякса из вод он исторгнул;
 Спасся б от гибели он вопреки раздраженной Афине,
 Если б в безумстве изречь не дерзнул святотатного слова:
 Он похвалился, что против богов избежит потопления.
 505 Дерзкое слово царем Посидоном услышано было;
 Сильной рукой он во гневе схватил свой ужасный трезубец,
 Им по Гирейской ударил скале, и скала раздвоилась;
 Часть устояла: кусками рассыпавшись, в море другая
 Рухнула вместе с сидевшим на ней святотатным Аяксом;
 510 С нею и он погрузился в широкошумящее море;
 Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой.
 Брат твой сначала судьбы избежал: невредимо ко берегу
 Он с кораблями достиг, сохраненный владычицей Ирой.
 Но тогда, как в виду неприступных утесов Малеи
 515 Был он, внезапно воздвигнулась буря, и рыбообильным
 Морем его, вопиющего жалобно, к крайним пределам
 Области бросило той, где Фiest обитал и где после
 Царское было жилище Фiestова сына, Эгиста.
 Скоро, однако, опять успокоилось море, и боги
 520 Ветер попутный им дали: в отечество их проводил он.
 Радостно вождь Агамемнон ступил на родительский берег.
 Стал целовать он отечество милое; снова увидя
 Землю желанную, пролил обильно он теплые слезы.
 Но издалека с подозрной стоянки увидел Атрида
 525 Сторож, Эгистом поставленный (злое замысля, ему он
 Дать обещал два таланта); и там наблюдал он уж целый
 Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратяся внезапно.
 С вестью о нем роковой побегал он в жилище Эгиста.
 Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:
 530 Двадцать отважных мужей из народа немедля он выбрав,
 Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;
 Взяв колесницы с конями, к царю он Атриду навстречу
 С ласковым зовом пошел, замышляя недоброе в сердце;
 Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом
 535 Пире его он убил, как быка убивают при яслях;
 Люди, с Атридом пришедшие, все до единого пали,
 Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли.
 Так он сказал, и во мне растерзалось милое сердце:
 Горько заплакав, упал я на землю; мне стала противна

540 Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
 Плакал, и долго лежал на земле, безутешно рыдая.
 Но напоследок сказал мне морской пронизательный старец:
 «Царь Менелай, сокрушать столь жестоко себя ты не должен;
 Слезы твои ничему не помогут: а лучше подумай,
 545 Как бы тебе самому возвратиться скорее в отчизну.
 Или застанешь его ты живого, иль будет Орестом
 Он уж убит; ты тогда подоспеешь к его погребенью».
 Так он сказал, ободрился мой дух, и могучее снова
 Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.
 550 Голос возвысив, я бросил Протею крылатое слово:
 «Знаю теперь о двоих; объяви же, кто третий, который,
 Морем объятый, живой, говоришь ты, в неволе крушится?
 Или уж нет и его? Сколь ни горько, но слушать готов я».
 Так я Протея спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
 555 «Это Лаэртос божественный сын, обладатель Итаки.
 Видел его я на острове, льющего слезы обильно
 В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
 Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
 Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
 560 Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
 Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
 Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
 Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
 Послан богами — туда, где живет Радамант златовласый
 565 (Где пробегают светло беспечальные дни человека,
 Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает,
 Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
 С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным),
 Ибо сунруг ты Елены и зять громовержца Зевеса».
 570 Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
 Я же с друзьями отважными вновь к кораблям возвратился,
 Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
 К морю пришел и к моим кораблям, на вечернюю пищу
 Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
 575 Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
 Сдвинули с берега мы корабли на священное море;
 Мачты подняв и развев паруса, на судах собралися

Все мореходные люди и, севши у весел на лавках,
 580 Разом могучими веслами вспенили темные воды.
 Снова направил к бегущему с неба потоку Египту
 Я корабли и успешно на бреге его совершил экатомбу;
 После ж, когда примирил я богов, совершив экатомбу,
 Холм гробовой Агамемнону брату на вечную память
 585 Там я насыпал; и поплыли мы, и послали попутный
 Ветер нам боги; в отечество милое нас проводил он.
 Ты ж, Телемак, у меня погостишь и отсель не поедешь
 Прежде, пока не свершится одиннадцать дней или двенадцать;
 После тебя отпущу с дорогими подарками; дам я
 590 Трех быстроногих коней с колесницей блестящей, и с ними
 Редкой работы кувшин, из которого будешь вседневно
 Ты, поминая меня, пред богами творить возлиянье». —
 «Царь Менелай, — отвечал рассудительный сын Одиссеев. —
 Долго меня не держи, тороплюсь домой я безмерно;
 595 Здесь у тебя я с великою радостью мог бы и целый
 Год провести, не подумав в отчизну к родным возвратиться,
 Так несказанно твои разговоры и речи пленяют
 Душу мою; но сопутники в Пилосе ждут с нетерпением
 Ныне меня: ты ж, напротив, желаешь, чтоб здесь я промедлил.
 600 Дай мне в подарок такое, что мог бы удобно хранить я
 Дома; коней же в Итаку мне взять невозможно: оставь их
 Здесь утешеньем себе самому; ты владеешь землею
 Тучных равнин, где родится обильно и лотос и галгант
 С яркой пшеницей, и полбой, и густо цветущим ячменем.
 605 Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
 Горные пажити наши для коз, не для коней привольны;
 Редко лугами богат и коням легконогим приютен
 Остров, объятый волнами; Итака же менее прочих». —
 Он замолчал. Улыбнулся Атрид, вызыватель в сраженье;
 610 Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказал он:
 «Вижу из слов я твоих, что твоя благородна порода,
 Сын мой; но вместо коней я могу подарить и другое,
 Это легко мне; из многих сокровищ, которыми дом мой
 615 Полон, я самое редкое, лучшее выберу ныне;
 Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
 Вся из серебра, но края золотые, искусной работы
 Бога Ифеста; ее подарил мне Федим благородный,
 Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,

В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь».

620 Так говорили о многом они, беседа сладко.
 В доме царя собралися тем временем званные гости,
 Коз и овец приведа и вина дорогого принеши
 (Хлеб же прислали их жены, ходящие в светлых повязках).
 Так все готовилось к пиру в высоких палатах Атрида.

625 Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
 Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
 Все на мощеном дворе, где бывали их буйные игры.
 Но Антиной с Эвримахом прекрасным сидели особо,
 Прочих вожди, перед всеми отличные мужеской силой.

630 Фрониев сын Ноэмон, подошед к ним, сидевшим особо,
 Слово такое сказал, обратясь к Антиною с вопросом:
 «Может ли кто мне из вас, Антиной, объявить, иль не может,
 Скоро ль назад Телемак из песчаного Пилоса будет?
 Взят у меня им корабль — самому мне он надобен ныне:

635 Плыть мне в Элиду широкополянную нужно; двенадцать
 Там у меня кобылиц и табун лошаков работающих;
 Дикие все; я хотел бы поймать одного, чтоб объездить».

Так он сказал; женихи изумились; войти не могло им
 В мысли, чтоб был он в Нелеевом Пилосе; мнили, напротив,

640 Все, что ушел он иль в поле к стадам, иль к своим свинопасам.
 Строго тогда Антиной, сын Эвнейтов, спросил Ноэмона:
 «Все объяви нам по правде: когда он уехал? Какие
 Были с ним люди? Свободные ль, взятые им из народа?
 Или наемники? Или рабы? Как успел он то сделать?

645 Также скажи откровенно, чтоб истину ведать могли мы:
 Силою ль взял у тебя он корабль быстроходный, иль сам ты
 Отдал его произвольно, как скоро о том попросил он?»
 Фрониев сын Ноэмон, отвечая, сказал Антиною:
 «Отдал я сам произвольно, и всякий другой поступил бы

650 Так же, когда бы к нему обратился такой огорченный
 С просьбою муж — ни один бы ему отказать не помыслил.
 Люди ж, им взятые, все молодые, из самых отличных
 Выбраны граждан; и их предводителем был, я заметил,
 Ментор иль кто из бессмертных, облекшийся в Менторов образ:

655 Ибо я был изумлен несказанно — божественный Ментор
 Встретился здесь мне вчера, хоть и сел на корабль он с другими».

Так он сказавши, пошел, чтоб к родителю в дом возвратиться.
 Но Антиной с Эвримахом исполнены были тревоги;

Бросив игру, женихи собралися и сели кругом их.
 660 К ним обратясь, сказал Антиной, сын Эвнейтов, кипящий
 Гневом, — и грудь у него подымалась, теснимая черной
 Злобой, и очи его, как огонь пламенеющий, рдели:
 «Горе нам! Дело великое сделал, так смело пустившись
 В путь, Телемак; от него мы подобной отваги не ждали:
 665 Нам вопреки, он, ребенок, отсюда ушел самовольно,
 Прочный добывши корабль и отличнейших взяв из народа.
 Будет вперед нам и зло и беда от него. Но погибни
 Сам от Зевеса он прежде, чем бедствие наше созреет!
 Вы ж мне корабль с двадцатью снарядите гребцами, чтоб мог я,
 670 В море за ним устремившись, его на возвратной дороге
 Между Итакой и Замом крутым подстеречь, чтоб в погибель
 Плаванье вслед за отцом для него самого обратилось».
 Так он сказал, изъявили свое одобренье другие.
 Вставши, все вместе они возвратилися в дом Одиссеев.
 675 Но Пенелопа недолго в незнание осталась о хитром
 Буйных ее женихов заговоре на жизнь Телемака;
 Все ей Медон, благородный глшатай, открыл: недалеко
 Был он, когда совещались они, и подслушал их речи.
 С вестью немедленно он по дворцу побежал к Пенелопе.
 680 Встретив его на пороге своем; Пенелопа спросила:
 «С чем ты, Медон, женихами сюда благородными прислан?
 С тем ли, чтоб мне объявить, что рабыням царя Одиссея
 Должно, оставив работы, обед им скорей приготовить?
 О, когда бы они от меня отступились! Когда бы
 685 Это их пиршество было последним в обители нашей!
 Вы, разорители нашего дома, губящие жадно
 Все достояние в нем Телемаково, или ни разу
 В детских вам летах от ваших разумных отцов не случилось
 690 Слышать, каков Одиссей был в своем обхождении с ними,
 Как никому не нанес он ни словом, ни делом обиды
 В целом народе; хотя многосильным царям и обычно
 Тех из людей земнородных любить, а других ненавидеть,
 Но от него не видал оскорбления никто из живущих.
 Здесь же лишь ваше бесстыдство, лишь буйные ваши поступки
 695 Видны; а быть за добро благодарными вам неуместно».
 Умные мысли имея, Медон отвечал Пенелопе:
 «О царица, когда бы лишь в этом все зло заключалось!
 Но женихи величайшей, ужаснейшей нам угрожают

Ныне бедой — да успеха не даст им Зевес громовержец!
700 Острым мечом замышляют они умертвить Телемака,
Выждав его на возвратном пути: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакедемон». Так он сказал; задрожали колена и сердце у бедной
Матери; долго была бессловесна она, и слезами
705 Очи ее затмевались, и ей не покорствовал голос.
С духом собравшись, она, наконец, отвечая, сказала:
«Что удалиться, Медон, побудило дитя мое? Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?
710 Иль захотел он, чтоб в людях и имя его истребилось?»
Выслушав слово ее, благородный Медон отвечал ей:
«Мне неизвестно, внушенью ль он бога последовал, сам ли
В сердце отплытие в Пилос замыслил, чтоб сведать, в какую
Землю родитель судьбиною брошен и что претерпел он».
715 Кончив, разумный Медон удалился из царского дома.
Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Доле на стуле она не могла; хоть и много их было
В светлых покоях ее, но она на пороге сидела,
Жалобно плача. С рыданием к ней собрались рабыни,
720 Сколько их ни было в царском жилище и юных и старых.
Сильно скорбя посреди их, сказала им так Пенелопа:
«Слушайте, милые; дал мне печали Зевес Олимпиец
Более всех, на земле современно со мною рожденных;
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
725 Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос.
Ныне ж и милый мой сын не со мною; бесславно умчали
Бури отсюда его, и о том я не сведала прежде;
О вы, безумные, как ни одной, ни одной не пришло вам
730 Вовремя в мысли меня разбудить? А, конечно, уж знали
Все вы, что он собрался в корабле удалиться отсюда.
О! для чего не сказал мне никто, что отплыть он замыслил!
Или тогда б, отложивши отъезд, он остался со мною,
Или сама б я осталася мертвою в этом жилище.
735 Но позовите скорее ко мне старика Долиона;
Верный слуга он; в приданое дан мне отцом и усердно
Смотрит за садом моим плодоносным. К Лаэрту немедля
Должен пойти он и, сев близ него, о случившемся ныне

740 Старцу сказать; и Лаэрт, все разумно обдумав, быть может,
С плачем предстанет народу, который губить допускает
Внука его, Одиссеева богоподобного сына.
Тут Эвриклея, усердная няня, сказала царице:
«Свет наш царица, казнить ли меня беспощадною медью
Ты повелишь, иль помилуешь, я ничего не сокрою.
745 Было известно мне все; по его повелению дала я
Хлеб и вино на дорогу; с меня же великую клятву
Взял он: молчать до двенадцати дней, иль пока ты не спросишь,
Где он, сама, иль другой кто отъезда его не откроет.
Свежесть лица твоего, он боялся, от плача поблекнет.
750 Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пойди и молитву
Там сотвори перед дочерью Зевса эгидодержавца;
Ею, конечно, он будет спасен от грозящего смерти.
Но не печаль старика, уж печального; вечные боги,
755 Думаю я, не совсем отвратились еще от потомков
Аркезиада; и род их всегда обладателем будет
Царского дома, и нив, и полей плодоносных в Итаке».
Так Эвриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
760 Вместе с рабынями в верхний покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнив ячменем, она возгласила к Афине:
«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Афина,
Если когда Одиссей благородный в сем доме обильно
Тучные бедра быков и овец сожигал пред тобою,
765 Вспомни об этом теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моих женихов злонамеренных ныне разрушив».
Так помолилась она, и не втуне осталась молитва.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели.
Так говорили иные из них, безрассудно надменных:
770 «Верно, теперь многославная наша царица готовит
Свадьбу, не мысля о том, что от нас приготовлено сыну».
Так говорили они, не предвидя того, что и всем им
Было готово. Созвав их, сказал Антиной, негодуя:
«Буйные люди, советую вам от таких неразумных
775 Слов воздержаться, чтоб кто-нибудь здесь разгласить их не вздумал.
Лучше, отсель удаляясь в молчанье, исполним на деле
То, что теперь на совете согласном своем положили.
Выбрав отважнейших двадцать мужей из народа, поспешно

С ними пошел к кораблям он, стоявшим на берегу песчаном.
760 Сдвинув с песчаного берега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на нем, все уладили снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса натянули. Когда же
765 Смелые слуги с оружием их собрались, все вместе,
Сев на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они в ожиданье пришествия ночи.
Той порою в высоком покое своем Пенелопа
Грустно лежала одна, ни еды, ни питья не вкушавши,
790 Мыслью о том лишь тревожась, спасется ли сын беспорочный,
Или погибнет, сраженный рукою убийц вероломных?
Словно как лев, окружаемый мало-помалу стрелками,
С трепетом видит, что скоро их цепью он будет обхвачен,
Так от своих размышлений она трепетала. Но мирный
795 Сон прилетел и ее улеял, и все в ней утихло.
Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Призрак она сотворила, имевший наружность прекрасной
Дочери старца Икаррия, светлой Ифтимы, с которой
Царь фессалийския Феры, могучий Эвмел, сочетался.
В дом Одиссеев послала тот призрак Афина, дабы он
800 Там, подошед к погруженной в печаль Пенелопе, ей слезы
Легкой рукою отер и ее утолил сокрушенье.
В спальню проникнул, ремня у задвижки не тронув, бесплотный
Призрак, подкрался и, став над ее головою, промолвил:
«Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскует ли милое сердце?
805 Боги, живущие легкою жизнью, тебе запрещают
Плакать и сетовать: твой Телемак невредим возвратится
Скоро к тебе; он богов никакой не прогневал виною».
Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала,
Полная сладкой дремоты в безмолвных вратах сновидений:
810 «Друг мой, сестра, как пришла ты сюда? Ты доньше так редко
Нас посещала, в далеком отсюда краю обитая.
Как же ты хочешь, чтоб я перестала скорбеть и крушиться,
Горе, объявшее дух мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
815 Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос;
Ныне ж и милый мой сын не со мной: он отважился в море,
Отрок, нужды не видавший, с людьми говорить не обыкший.

230 Боле о нем я крушуся теперь, чем о бедном супруге;
 Сердце дрожит за него, чтоб беды с ним какой не случилось
 На море злом иль в чужой стороне у чужого народа.
 Здесь же враждебные люди его стерегут, приготовив
 В мыслях погибель ему на возвратной дороге в отчизну».
 Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
 235 «Будь же спокойна и сердца не мучь, безрассудно тревожась.
 Спутница есть у него и такая, которой бы всякий
 Смертный с надеждою вверил себя — для нее все возможно, —
 Дочь громовержца Афина сама. О тебе сожалея,
 Доброю вестью твой дух ободрить мне велела богиня».
 230 Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала:
 «Если ты вправду богиня и слышала голос богини,
 То, умоляю, открой и его мне печальную участь.
 Где он, несчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
 Или его уж не стало и в область Анда сошел он?»
 235 Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
 «Я ничего не могу объявить о судьбе Одиссея;
 Жив ли, погиб ли, сказать мне нельзя; пусторечие вредно».
 Призрак тогда, сквозь замочную скважину двери провевя
 Воздухом легким, пропал. Пробудясь от сна, Пенелопа
 240 Ложе покинула; сердцем она ожила, поелику
 Явно в глубокую полночь предстал ей пророческий образ.
 Тою порой женихи в корабле водяною дорогой
 Шли, неизбежную мысленно смерть Телемаку готовя.
 Есть на равнине соленого моря утесистый остров
 245 Между Итакой и Замом гористым; его именуют
 Астером; он невелик; корабли там приютная пристань
 С двух берегов принимает. Там стали на страже ахейцы.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТОЙ ПЕСНИ

Седьмой день до конца тридцать первого

Совет богов. Они посылают Эрмия к нимфе Калипсо с повелением отпустить немедленно Одиссея. Калипсо дает Одиссею орудия, нужные для постройки плота. В четыре дня судно готово, и на пятый день

Одиссей пускается в путь, получив от Калипсо все нужное на дорогу. Семнадцать дней плавание продолжается благополучно. На восемнадцатый Посидон, возвращаясь от эфиопов, узнает в море Одиссея, плывущего на легком плоту своем; он посылает бурю, которая разрушает плот; но Одиссей получает от Левкотеи покрывало, которое спасает его от потопления; целые три дня носят его бурные волны; наконец ввечеру третьего дня он выходит на берег феакийского острова Схерии.

Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
 На небо вышла сиять для блаженных богов и для смертных.
 Боги тогда собрались на великий совет; председал им
 В тучах гремящий Зевес, всемогущею властью первый.
 5 Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
 В сердце тревожася долгой неволей его у Калипсо:
 «Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
 Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
 Царь скиptronосный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
 10 Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело, —
 Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
 Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный;
 Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
 В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно
 15 Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
 Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
 Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
 Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемака,
 В море внезапно напав на него: о родителе сведать
 20 Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакедемон».

Ей возражая, ответственвал туч собиратель Кронийон:
 «Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
 Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
 Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемака ж
 25 Ты проводи осторожно сама — то, конечно, ты можешь;
 Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится:
 Пусть и они, не свершив злодеянья, придут в Итаку».

Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
 «Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой
 30 Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
 Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному; путь свой

Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
 Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
 В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
 35 Где обитают родные богам феакийцы; и будет
 Ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть:
 В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
 Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
 Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи
 40 Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.
 Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных ближних,
 Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит».

Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.
 К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
 45 Амброзиальные, всюду его над водой и над твердым
 Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
 Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
 Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
 В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.
 50 Скоро, достигнув Пиерии, к морю с эфира слетел он;
 Быстро помчался потом по волнам рыболовом крылатым,
 Жадно хватающим рыб из отверстого бурею недра
 Бездны бесплодносоленой, купаю в ней сильные крылья.
 Легкою птицей морской пролетев над пучиною, Эрмий
 55 Острова, морем вдали сокровенного, скоро достигнул.
 С зыби широко-туманной на твердую землю подыавшись,
 Берегом к темному гроту пошел он, где светлокудрявой
 Нимфы обитель была, и ее самое там увидел.
 Пламень трескучий сверкал на ее очаге, и весь остров
 60 Был накурен благовонием кедра и дерева жизни,
 Ярко плававших. И голосом звонко-приятным богиня
 Пела, сидя с челноком золотым за узорною тканью.
 Густо разросшись, отвсюду пещеру ее окружали
 Тополы, ольхи и сладкий лиющие дух кипарисы;
 65 В лиственных сених гнездились там длиннокрылые птицы,
 Копчики, совы, морские вороны крикливые, шумной
 Стаей по взморью ходящие, пищи себе добывая;
 Сетью зеленою стены глубокого грота окинув,
 Рос виноград, и на ветвях тяжелые грозды висели;
 70 Светлой струею четыре источника рядом бежали

Близко один от другого, туда и сюда извиваясь;
 Вкруг зеленели густые дуга, и фиалок и злаков
 Полные сочных. Когда бы в то место зашел и бессмертный
 Бог — изумился б, и радость в его бы проникнула сердце,
 75 Был изумлен и богов благовестник, сразитель Аргуса;
 Но, посмотревши на все с изумленьем и радостью сердца,
 В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого взгляда
 Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя узнала
 (Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
 80 Даже когда б и великое их разлучало пространство).
 Но Одиссея, могучего мужа, там Эрмий не встретил;
 Он одиноко сидел на утесистом бреге и плакал;
 Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
 85 Взор, помраченный слезами, вперив на пустынное море.
 Эрмия сесть приглася на богато украшенных креслах,
 Нимфа, богиня богинь, у него с любопытством спросила:
 «Эрмий, носитель жезла золотого, почтенный и милый
 90 Гость мой, зачем прилетел? У меня никогда не бывал ты
 Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
 Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
 Прежде, однако, ты должен принять от меня угощенье».
 С сими словами богиня, поставивши стол перед гостем,
 С сладкой амброзией нектар ему подала пурпуровый.
 95 Пищи охотно вкусил благовестник, убийца Аргуса.
 Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
 Словом таким он отвечивал нимфе прекраснокудрявой:
 «Знать от меня ты — от бога богиня — желаешь, зачем я
 Здесь? Объявлю все поистине, волю твою исполняя.
 100 Послан Зевесом, не сам произвольно сюда прилетел я, —
 Кто произвольно захочет измерить бесплодного моря
 Степь несказанную, где не увидишь жилищ человека,
 Жертвами чтущего нас, приносящего нам экатомбы?
 Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
 Между богов ни один от себя отклонить, ни нарушить.
 105 Ведомо Дню, что скрыт у тебя злополучнейший самый
 Муж из мужей, перед градом Приама сражавшихся девять
 Лет, на десятый же, град ниспровергнув, отплывших в отчизну;
 Но при отплытии дерзко они раздражили Афину:
 Бури послала на них и великие волны богиня.

¹¹⁰ Он же, спутников верных своих потеряв, напоследок,
 Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
 Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
 Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
 Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную
¹¹⁵ Землю и светло-устроенный дом свой опять он увидел».

Так он сказал ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
 Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
 «Боги ревнивые, сколь вы безжалостно к нам непреклонны!
 Вас раздражает, когда мы, богини, приемлем на ложе
¹²⁰ Смертного мужа и нам он становится милым супругом.
 Так Орион светоносною Эос был некогда избран;
 Гнали его вы, живущие легкою жизнью боги,
 Гнали до тех пор, пока златотронная он Артемиды
 Тихой стрелою в Ортигии не был внезапно застрелен.
¹²⁵ Так Язион был прекраснокудрявой Деметрою избран;
 Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
 На поле, три раза вспаханном; скоро о том извещен был
 Зевс, и его умертвил он, низринувши пламенный гром свой.
 Ныне я вас прогневала, боги, дав смертному мужу
¹³⁰ Помощь, когда, обхватив корабельную доску, в волнах он
 Гибнул — корабль же его быстроходный был пламенным громом
 Зевса разбит посреди беспредельнопустынного моря:
 Так он, спутников верных своих потеряв, напоследок,
 Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
¹³⁵ Здесь приютивши его и заботясь о нем, я хотела
 Милому дать и бессмертье и вечноцветущую младость.
 Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
 Между богов ни один отклонить от себя, ни нарушить;
 Пусть он — когда уж того так упорно желает Кронион —
¹⁴⁰ Морю неверному снова предастся; помочь я не в силах;
 Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
 Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
 Дать лишь совет осторожный властна я, дабы он отсюда
 Мог беспрепятственно в милую землю отцов возвратиться».

¹⁴⁵ Ей отвечая, сказал благовестник, убийца Аргуса:
 «Волю Зевеса уважив, немедля его отошли ты,
 Или, богов раздражив, на себя навлечешь наказание».

Так отвечав, удалился бессмертных крылатый посланник.

Светлая нимфа пошла к Одиссею, могучему мужу,
150 Волю Зевеса принявши из уст благовестного бога.
Он одиноко сидел на утесистом бреге, и очи
Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и, хладный
Сердцем к богине, с ней ночи свои он делил принужденно
155 В гроте глубоком, желанью ее непокорный желаньем.
Дни же свои проводил он, сидя на прибрежном утесе,
Горем, и плачем, и вздохами душу питая и очи,
Полные слез, обратив на пустыню бесплодного моря.
Близко к нему подошедши, сказала могучая нимфа:
160 «Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушенье
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревен больших нарубив топором медноострым и в крепкий
Плот их связав, по краям утверди ты перила на толстых
Бруснях, чтоб по морю темному плыть безопаснее было.
165 Хлебом, водой и вином пурпуровым снабжу изобильно
Я на дорогу тебя, чтоб и голод и жажду легко ты
Мог утолять; и одежды я дам; и пошлю за тобою
Ветер попутный, чтоб милой отчизны своей ты достигнул,
Если угодно богам, беспредельного неба владыкам, —
170 Мне же ни разумом с ними, ни властью равняться не можно».
Так говорила она. Одиссей, постоянный в бедах, содрогнулся;
Голос возвысив, он бросил богине крылатое слово:
«В мыслях твоих не отъезд мой, а нечто иное, богиня;
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
175 Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный
Редко по ней пробегает с Зевесовым ветром попутным?
Нет! против воли твоей не взойду я на плот ненадежный
Прежде, куда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что мне никакого вреда не замыслила ныне».
180 Так говорил он. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвечала:
«Правду сказать, ты хитрец, и чрезмерно твой ум осторожен;
Странное слово, однако, ответствуя мне, произнес ты.
Но я клянусь и землей плодоносной и небом великим,
185 Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной
Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,
В том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне.

Нет, я советую то, что сама для себя избрала бы,
 Если б в таком же была, как и ты, затрудненье великом;
 190 Правда святая и мне дорога; не железное, верь мне,
 Бьется в груди у меня, а горячее, нежное сердце».

Кончив, богиня богинь впереди Одиссея поспешным
 Шагом пошла, и поспешно пошел Одиссей за богиней.
 С нею (с бессмертною смертной), достигнув глубокого грота,
 195 Сел Одиссей на богатых, оставленных Эрмием, креслах.
 нимфа Калипсо, ему для еды и питья предложивши
 Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
 Место напротив его заняла за трапезой; рабыни
 Ей благовонной амброзии подали с нектаром сладким.
 200 Подняли руки они к приготовленной лакомою пище:
 После ж, когда утолен был их голод питьем и едою,
 нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
 В милую землю отцов, наконец, предприняв возвратиться,
 205 Хочешь немедля меня ты покинуть — прости! Но когда бы
 Сердцем предчувствовать мог ты, какие судьба назначает
 Злые тревоги тебе испытать до прибытия в дом свой,
 Ты бы остался со мною в моем безмятежном жилище.
 Был бы тогда ты бессмертен. Но сердцем ты жаждешь свиданья
 210 С верной супругой, о ней ежечасно крушась и печалась.
 Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройным
 Станом не хуже ее; да и могут ли смертные жены
 С нами, богинями, спорить своею земной красотою?»

Ей возражая, отвечивал так Одиссей многоумный:
 215 «Выслушай, светлая нимфа, без гнева меня; я довольно
 Знаю и сам, что не можно с тобой Пенелопе разумной,
 Смертной жене с вечно юной бессмертною богиней, ни стройным
 Станом своим, ни лица своего красотою равняться;
 Всё я, однако, всечасно крушась и печалась, желаю
 220 Дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить,
 Если же кто из богов мне пошлет потопление в темной
 Бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:
 Много встречал я напастей, немало трудов перенес я
 В море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно
 225 Дию». Он кончил. Тем временем солнце зашло, и ночная
 Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,

Там насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
 Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
 Встал Одиссей и поспешно облекся в хитон и хламиду.
 230 Светлосеребряной ризой из тонковоздушных тканей
 Плечи одела богиня свои, золотым драгоценным
 Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
 Кончив, она собирать начала Одиссея в дорогу;
 Выбрала прежде топор, по руке ему сделанный, крепкий,
 235 Медный, с обеих сторон изощренный, насаженный плотно,
 С ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой;
 Острую скобель потом принесла и пошла с Одиссеем
 Вместе во внутренность острова: множество там находилось
 240 Тополей черных, и ольх, и высоких, дооблачных сосен,
 Старых, иссохших на солнечном зное, для плаванья легких.
 Место ему показав, где была та великая роща,
 В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
 Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;
 Двадцать он бревен срубил, их очистил, их острою медью
 245 Выскоблил гладко, потом уравнил, по шнуру обтесавши.
 Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась.
 Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их,
 Длинными болтами сшив и большими просунув шипами;
 250 Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое
 Муж, в корабельном художестве опытный, строит на прочном
 Судне, носящем товары купцов по морям беспредельным.
 Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок
 В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
 Мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну,
 255 Сделал кормило, дабы управлять поворотами судна,
 Плот окружил для защиты от моря плетнем из ракидных
 Сучьев, на дно же различного грузу для тяжести бросил.
 Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
 Крепкой ему принесла. И, устроивши парус (к нему же
 260 Все, чтоб его развивать и свивать, прикрепивши веревки),
 Он рычагами могучими сдвинул свой плот на священное море.
 День совершился четвертый, когда он окончил работу.
 В пятый его снарядила в дорогу богиня Калипсо.
 Баней его освежив и душистой облекши одеждой,
 265 Нимфа три меха на плот принесла: был один драгоценным

Полон напитком, другой ключевою водою, а третьей
 Хлебом, дорожным запасом и разною лакомой пищей.
 Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.
 Радостно парус напруг Одиссей и, попутному ветру
 270 Вверившись, поплыл. Сидя на корме и могучей рукою
 Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
 Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
 В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
 Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно
 275 Круг свой, себя никогда не купая в водах океана.
 С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
 Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
 Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился он в море;
 Вдруг на осьмнадцатый видимы стали вдали над водами
 280 Горы тенистой земли феакиан, уже недалеко:
 Черным щитом на туманистом море она простиралась.
 В это мгновенье земли колебатель могучий, покинув
 Край эфиопян, с далеких Солимских высот Одиссея
 В море увидел: его он узнал; в нем разгневалось сердце;
 285 Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой, он воскликнул:
 «Дерзкий! Неужели боги, пока я в земле эфиопян
 Праздновал, мне вопреки, согласились помочь Одиссею?
 Чуть не достиг он земли феакиан, где встретить напастей,
 Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я
 290 Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить».
 Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
 Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду прикликав
 Ветры противные; облако темное вдруг обложило
 Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.
 295 Разом и Эвр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
 Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
 В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
 Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
 «Горе мне! Что претерпеть, наконец, мне назначило небо!
 300 С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась
 Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
 Встречу напасти великие: все исполняется ныне.
 Страшными тучами вокруг обложил беспредельное небо
 Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг, отовсюду
 305 Ветры противные скликав. Погибель моя наступила.

О, троекратно, стократно счастливы данаи, в пространной
 Трое нашедшие смерть, угождая Атридам! И лучше б
 Было, когда б я погиб и судьбу неизбежную встретил
 В день тот, как множество медноокованных копий трояне
 310 Бросили разом в меня над бездыханным телом Пелида;
 С честью б я был погребен, и была б от ахейн мне слава;
 Ныне ж судьба мне бесславно-печальную смерть посылает...»
 В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
 Вся над его головою; стремительно плот закружился;
 315 Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши
 Руль из руки; повалилася мачта, сломясь под тяжелым
 Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом;
 В море далеко снесло и развившийся парус и райну.
 Долго его глубина поглощала, и сил не имел он
 320 Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
 Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
 Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
 Горькую воду, с его бороды и кудрей изобильным
 Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил
 325 Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
 Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;
 Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
 Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
 Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,
 330 По морю так беззащитное судно повсюду носили
 Ветры; то быстро Борею его перебрасывал Нот, то шумящий
 Эвр, им играя, его предавал произволу Зефира.
 Но Одиссея увидела Кадмова дочь Левкотея,
 Некогда смертная дева, приветноречивая Ино,
 335 После богиня, бессмертия честь воспрившая в море.
 Стало ей жаль Одиссея, свирепой гонимого бурей.
 С моря нырком легкокрылым она поднялася, взлетела
 Легким полетом на твердосколоченный плот и сказала:
 340 «Бедный! За что Посидон, колебатель земли, так ужасно
 В сердце разгневан своим и с тобою так упорно враждует?
 Вовсе, однако, тебя не погубит он, сколь бы ни тщился.
 Сам на себя положишься теперь (ты, я вижу, разумен);
 Скинувши эту одежду, свой плот уступи произволу
 Ветров и, бросившись в волны, руками работая смело,
 345 Вплавь до земли феаклян достигни: там встретишь спасенье.

Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь
 Грудь, и тогда не страшися ни бед, ни в волнах потопления.
 Но, лишь окончишь свой путь и к земле прикоснешься рукою,
 Сняв покрывало, немедля его в многоводное море
 350 Брось от земли далеко и, глаза отвратив, удалися».

Кончив, богиня ему подала с головы покрывало.
 После, спорхнув на шумящее море, она улетела
 Быстрокрылатым нырком, и ее глубина поглотила.
 Начал тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
 355 Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
 «Горе! Не новую ль хитрость замыслив, желает богиня
 Гибель навлечь на меня, мне советуя плот мой оставить?
 Нет, я того не исполню; не близок еще, я приметил,
 360 Берег земли, где, сказала она, мне спасение будет.
 Ждать я намерен по тех пор, покуда еще невредимо
 Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
 С бурей сражаясь, по тех пор с него не сойду я.
 Но, как скоро волнение могучее плот мой разрушит,
 Брошусь впасть: я иного теперь не придумаю средства».

365 Тою порою, как он колебался рассудком и сердцем,
 Поднял из бездны волну Посидон, потрясающий землю,
 Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно он грянул
 Ею в него: как от быстрого вихря сухая солома,
 Кучей лежавшая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,
 370 Так от волны разорвалися брусья. Один, Одиссеем
 Пойманный, был им, как конь, убежавший на волю, оседлан.
 Сняв на прощанье богиней Калипсою данное платье,
 Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным,
 Руки простерши и плыть изготовась, потом он отважно
 375 Кинулся в волны. Могучий земли колебатель при этом
 Виде лазурнокудрявой потрянул головой и воскликнул:
 «По морю бурному плавай теперь на свободе, покуда
 Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примут;
 Будет с тебя! Не останешься, думаю, мной недоволен».

380 Так он сказавши, погнал длинногривых коней и умчался
 В Эгию, где обитал в светлозданных, высоких чертогах.
 Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
 Ветрам другим заградивши дорогу, она повелела
 385 Им, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
 Бурно свирепствовать: волны ж сама укрощала, чтоб в землю

Веслолюбивых, угодных богам феакиян достигнуть
 Мог Одиссей благородный, и смерти и Парк избежавши.
 Так он два дня и две ночи носим был повсюду шумящим
 Морем, и гибель не раз неизбежной казалась; когда же
 390 С третьим явилася днем лучезарнокудрявая Эос,
 Вдруг успокоилась буря, и на море все просветлело
 В тихом безветрии. Поднятый кверху волной и взглянувши
 Быстро вперед, невдалеке пред собою увидел он землю.
 Сколь несказанною радостью детям бывает спасенье
 395 Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
 В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся),
 После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных, —
 Столь Одиссей был обрадован берега и леса явленьем.
 Поплыл быстрее он, ступить торопяся на твердую землю.
 400 Но, от нее на таком расстоянье, в каком человеческий
 Внятен нам голос, он шум бурунов меж скалами слышал;
 Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
 С моря бросаясь, и весь он был облит соленою пеной;
 Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места,
 405 Вкруть берега подымались; торчали утесы и рифы.
 В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце;
 Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
 «Горе! На что мне дозволил увидеть нежданную землю
 Зевс? И зачем до нее, пересиливши море, достиг я?
 410 К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ;
 Острые рифы повсюду; кругом, расшибаясь, блещут
 Волны, и гладкой стеной воздвигается берег высокий;
 Море ж вблизи глубоко, и нет места, где было б возможно
 Твердой ногой опереться, чтоб гибели верной избежать.
 415 Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
 Схвачен и брошен на камни зубчатые, тщетно истратив
 Силы; а если кругом поплыву, чтоб узнать, не найдется ль
 Где-нибудь берег отлогий или пристань, страшуся, чтоб снова
 Бурей морскою я не был похищен, чтоб рыбообильным
 420 Морем меня, вопиющего жалобно, вдаль не умчало,
 Или чтоб демон враждебный какого из чуд, Амфитритой
 В море питаемых, мне на погибель не высладал из бездны:
 Знаю, как злобствует против меня Посидон земледержец».

Тою порой, как рассудком и сердцем он так колебался,
 425 Быстрой волною помчал его на утесистый берег;

Тело б его изорвалось и кости б его сокрушились,
 Если б он вовремя светлой богиней Афиной наставлен
 Не был руками за ближний схватиться утес; и к нему прицепившись,
 Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала
 430 Мимо; она пробежала, но вдруг, отразясь, на возврате
 Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.
 Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
 Множество крупинок камня к его прилепляется ножкам:
 К резкому так прилепилась утесу лоскутьями кожа
 435 Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
 В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
 Если б отважности в душу его не вложила Афина.
 Вынырнув вбок из волны, устремившейся прыгнуть на камни,
 Поплыл он в сторону, взором преследуя землю и тща
 440 Где-нибудь берег отлогий или мелкое место приметить.
 Вдруг он увидел себя перед устьем реки светловодной.
 Самым удобным то место ему показалось: там острых
 Не было камней, там всюду от ветров являлась защита.
 К мощному богу реки он тогда обратился с молитвой;
 445 «Кто бы ты ни был, могучий, к тебе, столь желанному, ныне
 Я прибегаю, спасаясь от гроз Посидонова моря.
 Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
 Бедного странника, кто бы он ни был, когда он подобен
 Мне, твой поток и колена объявшему, много великих
 450 Бед претерпевшему; сжался, могучий, подай мне защиту».
 Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил
 Волны и, на море тишь наведя, отворил Одиссею
 Устье реки. Но под ним подкосились колена; повисли
 Руки могучие: в море его изнурилося сердце;
 455 Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
 Воду морскую, он пал, наконец, бездыханный, безмасный,
 Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.
 Но напоследок, когда возвратились и память и чувство,
 С груди своей покрывало, богиню данное, снявши,
 460 Бросил его он в широкую, с морем слиянную реку.
 Быстро помчалась ткань по теченью назад, и богиня
 В руки ее приняла. Одиссеей, от реки отошедши,
 Скрылся в тростник, и на землю, ее лобызая, простерся.
 Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:

465 «Горе мне! Что претерпеть я еще предназначен от неба!
 Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
 Утренний иней и хладный туман, от воды восходящий,
 Вовсе меня, уж последних лишённого сил, уничтожат:
 Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром.
 470 Если же там, на пригорке, под кровом сенистого леса
 В чаще кустов я засну, то, конечно, не буду проникнут
 Хладом ночным, отдохну, и меня исцелит миротворный
 Сон; но страшусь, не достаться б в добычу зверям плотоядным».

Так размышлял он; ему, наконец, показалось удобней
 475 Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалеко
 Росший на холме открытом. Он там две сплетенные крепко
 Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
 Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,
 Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;
 480 Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода: так густо
 Были они сплетены. Одиссеей, угнездившись под ними,
 Лег, наперед для себя приготовив своими руками
 Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая
 Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
 485 В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там скрыться.
 Грудю увидя, обрадован был Одиссеей несказанно.
 Бросаясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся листьях.
 Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
 В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя
 490 В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара,
 Так Одиссеей, под листьями зарывшись, грелся, и очи
 Сладкой дремотой Афина смежила ему, чтоб скорее
 В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТОЙ ПЕСНИ

Тридцать второй день

Афина в сновидении побуждает Навзикаю, дочь феакийского царя Алкиноя, идти вместе с подругами и рабынями мыть платя в потоке.

Они собираются близ того места, где находится Одиссей, погруженный в глубокий сон. Их голоса пробуждают Одиссея. Он приближается к Навзикае и просит ее дать ему одежду и убежище; царевна приглашает его следовать за нею в город и дает ему нужные наставления. Он провожает Навзикаю до Палладиной рощи, находящейся недалеко от города.

Так постоянный в бедах Одиссей отдыхал, погруженный
 В сон и усталость. Афина же тою порой низлетела
 В пышноустроенный город любезных богам феакиям,
 Живших издавна в широкополяннй земле Иперейской,
 5 В близком соседстве с циклопами, диким и буйным народом,
 С ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;
 Но напоследок божественный вождь Навзитой поселил их
 В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
 Там он им город стенами обвел, им построил жилища,
 10 Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.
 Но уж давно уведен был судьбой он в обитель Аида.
 Властвовал царь Алкиной, многоумием богу подобный.
 В дом Алкиной вступила богиня Афина Паллада;
 Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
 15 В тайную девичью спальню проникла она, где покойно,
 Станом и видом богине подобясь молодой, почивала
 Дочь Алкиной, любезного Зевсу царя, Навзикая.
 Подле порога дверей с двух сторон две служанки, Харитам
 Юным подобные, спали, и накрепко заперты были
 20 Светлые двери. К царевне воздушной стопою приближась,
 Стала над самым ее изголовьем богиня Афина,
 Образ принявшая девы молодой, мореходца Диманта
 Славного дочери, дружной с царевною, с ней однолетней.
 В виде таком подошед к Навзикае, богиня сказала:
 25 «Видно, тебя беззаботною мать родила, Навзикая!
 Ты не печешься о светлых одеждах; а скоро наступит
 Брачный твой день: ты должна и себе приготовить заране
 Платья и тем, кто тебя поведут к жениху молодому.
 Доброе имя одежды опрятностью мы наживаем;
 30 Мать и отец веселятся, любуются нами. Проснись же,
 Встань, Навзикая, и на реку муть соберитесь все вы
 Утром; сама я приду помогать вам, чтоб дело скорее
 Кончить. Недолго останешься ты незамужнею девой;

Много тебе женихов меж людьми знаменитого рода
 35 В нашей земле, где сама знаменитою ты родилась.
 Встань и явися немедля к отцу многославному с просьбой:
 Дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно
 Взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также
 Ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично —
 40 Путь к водоемам от стен городских утомительно долог».

Так ей сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
 Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
 Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,
 Где не подьмет метелей зима, где безоблачный воздух
 45 Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;
 Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.
 Давши царевне совет свой, туда полетела Афина.
 Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
 Светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,
 50 Тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о виденье
 Чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
 Близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
 Нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
 Встретился ей и отец: на совет он владык многоумных
 55 Шел, приглашенный туда от знатнейших мужей феакийских.
 С видом приветным к отцу подошед, Навзикая сказала:
 «Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
 Дать мне, чтоб я, в ней уклад все богатые платья, которых
 Много скопилось нечистых, отправилась на реку мыть их.
 60 Должно, чтоб ты, заседа в высоком совете почетных
 наших вельмож, отличался своею опрятной одеждой;
 Пять сыновей воспитал ты и вырастил в этом жилище:
 Два уж женаты, другие три юноши в годах цветущих;
 В платьях, мытьем освеженных, они посещать хороводы
 65 Наши хотят. Но об этом одна я забочусь в семействе».

Так говорила она; о желанном же браке ей было
 Стыдно отцу помянуть; догадался он сам и сказал ей:
 «Дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;
 70 Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,
 Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб».

Кончив, рабам повеление дал он. Ему повинуюсь,
 Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
 Вывели мулов и к дышлу, как следует, их привязали.

75 Взяв из хранильницы платья и в короб уклад их, царевна
 Все поместила на быстроколесной, большой колеснице,
 Мать же корзину со всякой едой, утоляющей голод,
 Ей принесла; отпустила с ней полный вином благородным
 Мех; не забыла и лакомства дать. В колесницу царевна
 80 Стала, приняв от царицы фиал золотой с благовонным
 Маслом, чтоб после купанья себя и рабынь натереть им.
 Бич и блестящие вожжи взяла Навзикая и звучно
 Мулов стегнула; затопав, они побежали проворной
 Рысью, везя нелениво и груз и царевну. За нею
 Следом пошли молодые подруги ее и служанки.
 85 К устью реки многоводной достигли они напоследок.
 Были устроены там водоемы: вода в них обильно
 Светлой струею лилася, нечистое все омывая.
 К месту прибыв, отвязали от дышла они утомленных
 Мулов и их по зеленому берегу потока пустили
 90 Сочно-медвяной травой питаться; потом с колесницы
 Сняли все платья и в полные их водоемы ногами
 Крепко втоптали, проворным усердием споря друг с другом.
 Начали платья они полоскать и потом, дочиста их
 Вымыв, по взморью на мелко-блестящем хряще, наносимом
 95 На берег плоский морскою волною, их все разостлали.
 Кончив, они искупались в реке и, натершись елеем,
 Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой,
 Влажные платья оставив сушить лучезарному солнцу.
 Пищей насытив себя, и подруг, и служанок, царевна
 100 Вызвала в мяч их играть, головные сложив покрывала;
 Песню же стала сама белорукая петь Навзикая.
 Так стрелоносная, ловлей в горах веселясь, Артемида
 Многовершинный Тайгет и крутой Эвримант обегает,
 Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;
 105 С нею, прекрасные дочери Зевса эгидодержавца,
 Бегают нимфы полей — и любитесь ими Латона;
 Всех превышает она головой, и легко между ними,
 Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа.
 Так красотою девичьей подруг затмевала царевна.
 110 Стали они, наконец, собираться домой; в колесницу
 Мулов опять заложили и в короб уклали одежды.
 Тут светлоокая дева Паллада придумала средство,
 Как пробудить Одиссея, чтоб, с ним повстречавшись, царевна

В город людей феакийских ему указала дорогу:
115 Бросила мяч Навзикая в подружек, но, в них не попавши,
Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прынул;
Громко они закричали; их крик пробудил Одиссея.
Он поднялся и, колеблясь рассудком и сердцем, воскликнул:
«Горе! К какому народу зашел я? Быть может, здесь область
120 Диких, не знающих правды людей? Иль, может быть, встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных?
Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют;
125 Или достиг, наконец, я жилища людей говорящих.
Встанем же; должно мне все самому испытать и разведать».
С сими словами из чаши кустов Одиссей осторожно
Выполз; потом жоловатою рукою покрытых листьями
Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело.
130 Вышел он — так, на горах обитающий, силою гордый,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый гладом,
Мелкий скот похищать подбегает к пастушьим заградам.
135 Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым
Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою.
Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиною;
В трепете все разбежались врозь по высокому берегу.
Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина
140 Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость.
Стала она перед ним; Одиссей же не знал, что приличней:
Оба ль колена обнять у прекраснокудрявых девы?
Или, в почтительном став отдаленье, молить умиленным
Словом ее, чтоб одежду дала и приют указала?
145 Так размышляя, нашел, наконец, он, что было приличней
Словом молить умиленным, в почтительном став отдаленье
(Тронув колена ее, он прогневал бы чистую деву).
С словом приятноласкательным он обратился к царевне:
«Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю.
150 Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким;
Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины живущих,

То несказанно блаженны отец твой и мать, и блаженны
 155 Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
 В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
 Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.
 Но из блаженных блаженнейшим будет тот смертный, который
 В дом свой тебя уведет, одаренную веном богатым.
 160 Нет, ничего столь прекрасного между людей земнородных
 Взоры мои не встречали доньше; смотрю с изумленьем.
 В Делосе только я — там, где алтарь Аполлонов воздвигнут, —
 Юную стройно-высокую пальму однажды заметил
 (В храм же зашел, окруженный толпою сопутников верных,
 165 Я по пути, на котором столь много мне встретилось бедствий).
 Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
 Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
 Так и тебе я дивлюсь! Но, дивясь тебе, не дерзаю
 Тронуть коленей твоих: несказанной бедой я постигнут.
 170 Только вчера, на двадцатый мне день удалось избегнуть
 Моря: столь долго игралищем был я губительной бури,
 Гнавшей меня от Огигии острова. Ныне ж сюда я
 Демоном брошен для новых напастей — еще не конец им;
 Верно, немало еще претерпеть мне назначили боги.
 175 Сжался, царица; тебя, испытавши превратностей много,
 Первую здесь я молитвою встретил; никто из живущих
 В этой земле не знаком мне; скажи, где дорога
 В город, и дай мне прикрыть обнаженное тело хоть лоскут
 Грубой обертки, в которой сюда привезла ты одежды.
 180 О, да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
 Давши супруга по сердцу тебе с изобилием в доме,
 С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
 Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
 Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
 185 Людям на зависть и горе, себе на великую славу».
 Дочь Алкиноя, ответствуя, так Одиссею сказала:
 «Странник, конечно твой род знаменит: ты, я вижу, разумен.
 Дий же и низким и рода высокого людям с Олимпа
 Счастье дает без разбора по воле своей прихотливой:
 190 Что ниспослал он тебе, то прими с терпеливым смиреньем.
 Если ж достигнуть ты мог и земли и обителей наших,
 То ни в одежде от нас и ни в чем, для молящего, много
 Бед претерпевшего странника нужном, не встретишь отказа.

Град наш тебе укажу; назову и людей, в нем живущих.
 195 В граде живет и землей здесь владеет народ феакий;
 Я Алкиноя, царя благодушного, дочь; Алкиноя ж
 Ныне державным владыкой своим признают феакийцы».

Тут обратилась царица к подругам своим и служанкам:
 «Стойте! Куда разбежались вы, устращась иноземца?
 200 Он человек незломысленный; нет вам причины страшиться;
 Не было прежде, вы знаете, нет и теперь и не может
 Быть и вперед на земле никого, кто б на нас, феакий,
 Злое замыслил; нас боги бессмертные любят; живем мы
 Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах
 205 Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.
 Ныне же встретился нам злополучный, бездомный скиталец:
 Помощь ему оказать мы должны — к нам Зевес посылает
 Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
 Страннику пищи с питьем принести поспешите, подруги;
 210 Прежде ж его искупайте, от ветров защитное место
 Выбрав в потоке». Сказала; сошлись ободренные девы.
 В месте, от ветров защитном, его посадив, как велела
 Им Навзикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
 Мантию с тонким хитоном они близ него положили.
 215 После, принесши фиал золотой с благовонным елеем,
 Стали его приглашать к омовению в светлом потоке.
 Но Одиссей благородный отрекся и так отвечал им:
 «Девы прекрасные, станьте поодаль: без помощи вашей
 Смою с себя я соленую тину и сам наелею
 220 Тело: давно уж елей благовонный к нему не касался.
 Но перед вами купаться не стану я в светлом потоке;
 Стыдно себя обнажить мне при вас, густовласые девы».

Так он сказал; и они, удаляся, о том известили
 Царскую дочь. Одиссей же, в поток погрузившись, тину,
 225 Грязно облекшую плечи и спину его и густые
 Кудри его облепившую, смыл освежительной влагой;
 Чисто омывшись, он светлое тело умаслил елеем;
 После украсился, данным младою царственною платьем.
 Дочь светлоокая Зевса Афина тогда Одиссея
 230 Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
 Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
 Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
 Девой Палладой и богом Ифестом наставленный в трудном

Деле своим, чудесами искусства людей изумляет;
 235 Так красотою главу облекла Одиссею богиня.
 Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
 Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
 Слово потом обратила она к густовласым подругам:
 «Слушайте то, что скажу вам теперь, белорукие девы;
 240 Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый
 Этот скиталец в страну феакиян божественных прибыл;
 Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
 Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
 О, когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
 245 Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!
 Вы ж чужеземцу еды и питья принесите, подруги».

Так говорила царевна. Ее повинуюся воле,
 Девы немедля еды и питья принесли Одиссею.
 С жадностью голод и жажду свою утолил богоравный,
 250 Твердый в бедах Одиссей: уж давно не касался он пищи.
 Добрая мысль пробудилась тут в сердце разумной царевны:
 Чистые платья собрав, в колесницу она их уклала,
 Мулов потом запрягла крепконогих и, став в колесницу,
 Так Одиссею, его приглашая с собою, сказала:
 255 «Время нам в город; вставай, чужеземец, и следуй за нами;
 Дом, где живет мой отец, я тебе укажу; там, конечно,
 Встретишь и всех знаменитых людей феакийских; но прежде
 Мой ты исполни совет (ты, я вижу, разумен): покуда
 Будем в полях мы, трудом человека удобренных, следуй
 260 С девами вместе за быстрой моей колесницею ровным
 С мулами шагом — у вас впереди я поеду; потом мы
 В город прибудем... с бойницами стены его окружают;
 Пристань его с двух сторон огибает глубокая; вход же
 В пристань стеснен кораблями, которыми справа и слева
 265 Берег уставлен, и каждый из них под защитною кровлей;
 Там же и площадь торговая вокруг Посидонова храма,
 Твердо на тесаных камнях огромных стоящего; снасти
 Всех кораблей там, запас парусов и канаты в пространных
 Зданьях хранятся; там гладкие также готовятся весла.
 270 Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота
 Наша о мачтах, и веслах, и прочных судах мореходных;
 Весело нам в кораблях обтекать многошумное море.
 Я ж от людей порицанья избегнуть хочу и обидных

275 Толков; народ наш весьма злоязычен; нам встретиться может
 Где-нибудь дерзкий насмешник; увидя нас вместе, он скажет:
 «С кем так сдружилась царевна? Кто этот могучий, прекрасный
 Странник? Откуда пришел? Не жених ли какой иноземный?
 Что он? Морскою ли бурей к нам занесенный из дальних
 280 Стран человек (никаких мы в соседстве не знаем народов)?
 Или какой по ее неотступной молитве с Олимпа на землю
 Бог низлетевший — и будет она обладать им отныне?
 Лучше б самой ей покинуть наш край и в стране отдаленной
 Мужа искать; меж людей феакийских никто не нашелся
 Ей по душе, хоть и много у нас женихов благородных».
 285 Вот что рассказывать могут в народе; мне будет обидно.
 Я ж и сама бы, конечно, во всякой другой осудила,
 Если б, имея и мать и отца, без согласия их стала,
 В брак не вступивши, она обращаться с мужчинами вольно.
 Ты же совет мой исполни (тогда и родитель мой помощь
 290 Скорую даст и отечество ты не замедлишь увидеть):
 Есть близ дороги священная роща Афины из черных
 Тополей; светлый источник оттуда бежит на зеленый
 Луг; там поместье царя Алкиноя с его плодоносным
 Садам в таком расстоянье от града, в каком человеческий
 295 Внятен нам голос. Там сев, подожди ты до тех пор, покуда
 Мы не прибудем на место и царских палат не достигнем; когда же
 Ты убедишься, что царских палат уж могли мы достигнуть,
 Встань и во внутренность града войди и расспрашивай встречных,
 Где обитает родитель мой, царь Алкиной многославный.
 300 Дом же его ты узнаешь легко: бессловесный младенец
 Может дорогу к нему указать; ни один феакиец
 Здесь не имеет такого жилища, в каком обитает
 Царь Алкиной. Окруженный строениями двор перешедши,
 Шагом поспешным пройди ты сквозь залу к покоям царицы;
 305 Там перед ярко блестящим ее очагом ты увидишь
 С чудным искусством прядущую тонкопузурные нити
 Подле колонны высокой, в кругу приближенных служанок.
 Там же и кресла царицы стоят у огня, и, на них он
 Сидя, вином утешается, светлomu богу подобный.
 310 Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колена
 Матери милой моей, умоляй, чтоб она поспешила
 День возвращенья в отчизну тебе даровать, чужеземцу.
 Если моление твое с благосклонностью примет царица,

315 Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».
Кончив, ударила звучно блестящим бичом Навзикая
Мулов; затопав, они от реки побежали проворной
Рысью; другие же, пешие, следом пошли; но царица
Мулов держала на крепких вожжах, чтоб от них не отстали
320 Девы и странник, и хлопала звучным бичом осторожно.
Солнце садилось, когда к благовонной Палладиной роще
Вместе достигли они. Одиссеей, там оставшись, начал
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе молиться:
«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
325 Ныне вонми ты молитве, тобою не внятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;
Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских».
Так говорил он, моляся; и был он Палладой услышан;
Но перед ним не явилась богиня сама, опасаясь
330 Мощного дяди, который упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ СЕДЬМОЙ ПЕСНИ

Вечер тридцать второго дня

Одиссей входит в город; у ворот встречается с ним Афина под видом феакийской девы; она окружает его мглою, и он, никем не примеченный, приближается к Алкиноеву дому. Описание царского дома и сада. Вошел в палату, где царь в то время пировал с гостями, Одиссей приближается к царице Арете, и мгла, его окружавшая, исчезает. Он молит царицу о даровании ему способа возвратиться в отчизну. Царь приглашает его сесть за трапезу. По окончании пиршества гости расходятся. Одиссей, оставшись один с Алкиноем и Аретою, рассказывает им, как он покинул остров Огигию, как буря его бросила на берега Схерии и как получил он свою одежду от царицы Навзикаи. Алкиной дает ему обещание отправить его на корабле феакийском в Итаку.

Так Одиссей богоравный, в бедах постоянный, молился.
Тою порою царицу везли крепконогие мулы
В город. Достигнув блестящих царевых палат, Навзикая

5 Взъехала прямо на двор и сошла с колесницы; навстречу
 Вышли ее молодые, бессмертным подобные, братья;
 Мулов отпрягну, в покои они отнесли все одежды.
 Царская дочь на свою половину пошла; развела там
 Яркий огонь ей рабыня эпирская Эвримедуза
 (Некогда в быстром ее корабле увезли из Эпира,
 10 В дар Алкиною почетный назначив, понеже, над всеми
 Он феакийцами властвуя, чтим был как бог от народа.
 Ею была Навзикая воспитана в царском жилище).
 Яркий огонь разведя, приготовила ужин старушка.
 В город направил тем временем путь Одиссей: но Афина
 15 Облаком темным его окружила, чтоб не был замечен
 Он никаким из надменных граждан феакийских, который
 Мог бы его оскорбить, любопытствуя выведать, кто он.
 Но, подошед ко вратам крепкозданным прекрасного града,
 Встретил он дочь светлоокою Зевса богиню Афину
 20 В виде несущей скудель молодой феакийския девы.
 Встретившись с нею, спросил у нее Одиссей богоравный:
 «Дочь моя, можешь ли мне указать те палаты, в которых
 Ваш обладатель, божественный царь Алкиной, обитает?
 Многоиспытанный странник, судьбою сюда издалека
 25 Я заведен; мне никто не знаком здесь, никто из живущих
 В городе вашем, никто из людей, обитающих в поле».
 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
 «Странник, с великой охотой палаты, которых ты ищешь,
 Я укажу; там в соседстве живет мой отец беспорочный;
 30 Следуй за мною в глубоком молчанье; пойду впереди я;
 Ты же на встречных людей не гляди и не делай вопросов
 Им: иноземцев не любит народ наш: он с ними не ласков;
 Люди радушного здесь гостелюбия вовсе не знают;
 Быстрым вверяя себя кораблям, пробегают бесстрашно
 35 Бездну морскую они, отворенную им Посидоном;
 Их корабли скоротечны, как легкие крылья пль мысли.
 Кончив, богиня Афина пошла впереди Одиссея.
 Быстрым шагом, поспешно пошел Одиссей за богиней.
 Улицы с ней проходя, ни одним из людей феакийских,
 40 На море славных, он не был замечен; того не хотела
 Светлокудрявая дева Паллада: храня Одиссея,
 Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
 Он изумился, увидевши пристани, в них бесконечный

45 Ряд кораблей, и народную площадь, и крепкие стены
 Чудной красоты, неприступным извне огражденные тыном.
 Но, подошед к многославному дому царя Алкиноя,
 Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
 «Странник, с тобою пришли мы к палатам, которых искал ты;
 В них ты увидишь любезного Зевсу царя Алкиноя
 50 В сонме гостей за роскошной трапезой; войди, не страшая;
 Мужу бесстрашному, кто бы он ни был, хотя б чужеземец,
 Всё по желанью вернее других исполнять удастся.
 Прежде всего подойди ты, в палату вступивши, к царице;
 Имя царицы Арета; она от одних происходит
 55 Предков с высоким супругом своим Алкиноем; вначале
 Сын Навзитой Посидоном земли колебателем прижит
 Был с Перибоей, всех дев затмевавшей своей красотой,
 Младшею дочерью мужа могучего Эвримедона,
 Бывшего прежде властителем буйных гигантов; но сам он
 60 Свой погубил святотатный народ и себя самого с ним.
 Дочь же его возлюбил колебатель земли; от союза
 С ней он имел Навсифоя; и первым царем феакийян
 Был Навсифой; от него родились Рексенор с Алкиноем;
 Но Рексенор, сыновей не имев, сребролуким застрелен
 65 Был Аполлоном на пире вторичного брака, оставив
 Дочь сиротою, Арету; и, с ней Алкиной сочетавшись,
 Так почитает ее, как еще никогда не бывала
 В свете жена, свой любящая долг, почитаема мужем;
 Нежную сердца любовь ей всечасно являют в семействе
 70 Дети и царь Алкиной; в ней свое божество феакийцы
 Видят, и в городе с радостно-шумным всегда к ней теснятся
 Плеском, когда меж народа она там по улицам ходит.
 Кроткая сердцем, имеет она и возвышенный разум,
 Так, что нередко и трудные споры мужей разрешает.
 75 Если моления твои с благосклонностью примет царица,
 Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
 Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».
 Так говоря, светлоокая Зевсова дочь удалилась;
 Морем бесплодным от Схерии тучной помчавшись, достигла
 80 Скоро она Марафона; потом в многолюдных Афинах
 В дом крепкозданный царя Эрехтея вошла. Одиссеей же
 Тою порой подошел ко дворцу Алкиноя; он сильно
 Сердцем тревожился, стоя в дверях перед медным порогом.

85 Все лучезарно, как на небе светлое солнце пль месяц,
Было в палатах любезного Зевсу царя Алкиноя;
Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали;
Вход затворен был дверями, литыми из чистого злата;
Притолки их из серебра утверждались на медном пороге;
90 Также и князь их серебряный был, а кольцо золотое.
Две — золотая с серебряной — справа и слева стояли,
Хитрой работы искусного бога Ифеста, собаки
Стражами дому любезного Зевсу царя Алкиноя:
Были бессмертны они и с течением лет не старели.
95 Стены кругом огибая, во внутренность шли от порога
Лавки богатой работы; на лавках лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежных работниц;
Мужи знатнейшие града садились чином на этих
Лавках питьем и едой наслаждаться за царской трапезой.
100 Зрелися там на высоких подножиях лики златые
Отроков: светочи в их пламенели руках, озаряя
Ночью палату и царских гостей на пирах многославных.
Жило в просторном дворце пятьдесят рукодельных невольниц:
Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,
105 Нити сучили другие и ткали, сидя за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя; ткани ж
Были так плотны, что в них не впиталось и тонкое масло.
Сколь феакийские мужи отличны в правлении были
Быстрых своих кораблей на морях, столь отличны их жены
110 Были в тканье: их богиня Афина сама научила
Всем рукодельным искусствам, открыв им и хитростей много.
Был за широким двором четырехдесятилетний богатый
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
115 Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих;
Круглый там год, и в холодную зиму и в знойное лето,
Видимы были на ветвях плоды; постоянно там веял
Теплый зефир, зарождая одни, наливая другие;
120 Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Грозд пурпуровый за гроздом сменялися там, созревая.
Там разведен был и сад виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,

125 Частию ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь; иные
 Были давимы в чанах; а другие цвели иль, осыпав
 Цвет, созревали и соком янтарно-густым наливались.
 Саду границей служили красивые гряды, с которых
 Овощ и вкусная зелень весь год собирались обильно.
 Два там источника были; один обтекал, извиваясь,
 130 Сад, а другой перед самым порогом царева жилища
 Светлой струею бежал, и граждане в нем черпали воду.
 Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев.
 Долго, дивясь, стоял перед ним Одиссей богоравный;
 Но, поглядевши на все с изумленьем великим, ступил он
 135 Смелой ногой на порог и во внутренность дома проникнул.
 Там он узрел феакийских вождей и старейшин, творящих
 Зоркому богу, убийце Аргуса, вином возлиянье
 (Он от грядущих ко сну был всегда призываем последний).
 Быстро палату пиров перешел Одиссей богоравный;
 140 Скрытый туманом, которым его окружила Афина,
 Прямо к Арете приблизился он и к царю Алкиною,
 Обнял руками колена царицы, и в это мгновенье
 Вдруг расступилась его облекавшая тьма неземная.
 Все замолчали, могучего мужа внезапно увидя;
 145 Все в изумленье смотрели. Царице Арете сказал он:
 «Дочь Рексенора, подобного силой бессмертным, Арета,
 Ныне к коленам твоим, и к царю, и к пирующим с вами
 Я прибегаю, плачевный скиталец. Да боги пошлют вам
 Светлое счастье на долгие дни; да наследуют ваши
 150 Дети ваш дом и народом вам данный ваш сан знаменитый.
 Мне ж помогите, чтоб я беспрепятственно мог возвратиться
 В землю отцов, столь давно сокрушенный разлукой с своими».
 Кончив, к огню очага подошел он и сел там на пепле.
 Все неподвижно молчали, и долго молчание длилось.
 155 Но, наконец, Эхеней, благородного племени старец,
 Ранее всех современных ему феаклян рожденный,
 Сладкоречивый, и старые были и многое знавший,
 Добрых исполненный мыслей, сказал, обратясь к Алкиною:
 «Царь Алкиной, неприлично тебе допускать, чтоб молящий
 160 Странник на пепле сидел очага твоего перед нами.
 Почесть ему оказать ожидаем твоих повелений;
 С пепла поднявши, на стул среброкованный с нами его ты
 Сесть пригласи и глашатаю в чаши вина золотого

165 Влить повели, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих
 Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье.
 Гостю ж пускай из запаса даст ключница пищи вечерней».

Так он сказав, пробудил Алкиноеву силу святую.
 За руку взяв Одиссея, объятого думой глубокой,
 С пепла он поднял его и на креслах богатых с собою

170 Рядом за стол посадил, повелев уступить Лаодаму,
 Сыну любимому, подле сидевшему, место пришельцу.
 Тут для умывтия рук поднесла на богатой лохани
 Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
 Гладкий потом пододвинула стол; на него положила

175 Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
 Выданным ею охотно. Едой и питьем изобильным
 Сердце свое насладил Одиссей, многославный страдалец.
 Тут Понтоною глашатаю бросил крылатое слово
 Царь феакиян: «Наполни кратеры вином и подай с ним

180 Чаши гостям, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих
 Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье».

Так он сказал, и, наполнив медвяным вином все кратеры,
 В чашах пирующим подал его Понтоной; возлиянье
 Стоя они совершили и вдоволь питьем насладились.

185 Царь Алкиной, обратившись к гостям, произнес: «Приглашаю
 Выслушать слово мое вас, мужей феакийских, дабы я
 Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
 Кончился пир наш; теперь по домам на покой разойдитесь;
 Завтра же утром, с собою и прочих вельмож пригласивши,

190 Снова придите, чтоб странника здесь угостить и бессмертным
 Вместе свершить экатомбу. Потом учредим отправленье
 Гостя почтенного так, чтоб под нашей надежной защитой
 Он без тревог и препятствий поспешно и весело прибыл
 В край, им желаемый, сколь бы отсюда он ни был далеко;

195 Также, чтоб он ни печали, ни зла на дороге не встретил
 Прежде, пока не достигнет отчизны; когда же достигнет,
 Пусть испытает все то, что судьба и могучие Парки
 В нить бытия роковую ввели для него при рождении.
 Если же кто из бессмертных под видом его посетил нас,

200 То на уме их, конечно, есть замысел, нам неизвестный;
 Ибо всегда нам открыто являются боги, когда мы,
 Их призывая, богатые им экатомбы приносим;
 С нами они пировать без чинов за трапезу садятся;

Даже когда кто из них и один на пути с феакийским
 205 Странником встретится — он не скрывается; боги считают
 Всех нас родными, как диких циклопов, как племя гигантов».

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Царь Алкиной, не тревожься напрасно таким помышленьем;
 Вечным богам, беспредельного неба владыкам, ни видом
 210 Я не подобен, ни станом; простой человек я, из всех, вам
 В мире известных людей земнородных, судьбою гонимых,
 Самым злосчастнейшим бедственной жизнью моей я подобен.
 Боле других бы я мог рассказать о великих напастях,
 Мною претерпенных с трудом непомерным по воле бессмертных;
 215 Но несказанным, хотя и прискорбен, я голодом мучусь;
 Нет ничего нестерпимей грызущего голода: нами
 Властвуя, он о себе вспоминать ежечасно неволит
 Нас, и печальных и преданных скорби душой. Сколь ни сильно
 Скорби душою я предан, но тощий желудок мой жадно
 220 Требует пищи себе и меня забывать принуждает
 Все претерпенное мной, о себе лишь упорно заботясь.
 Вы же, молю вас, как скоро пробудится светлая Эос,
 Мне, злополучному, путь учредите в отчизну возвратный;
 Много я бед претерпел, но готов и погибнуть, лишь только б
 225 Светлый свой дом, и семью, и рабов, и богатства увидеть».
 Кончил; они, изъявив одобренье, решили в отчизну
 Гостя отправить, пленившего всех их столь умною речью.
 После, свершив возлиянье и вкусным вином насладившись,
 Каждый в свой дом удалился, о ложе и сне помышляя.
 230 Но Одиссей богоравный остался в палате столовой;
 Царь Алкиной и царица Арета остались с ним вместе; рабыни
 Тою порой со столов всю посуду поспешно убрали.
 Тут белорукая с гостем беседовать стала Арета.
 Мантию с тонким хитоном, сотканные ею самою
 235 Дома с рабынями, в платье пришельца узнавши, царица
 Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
 «Странник, сначала сама я тебя вопрошу; отвечай мне:
 Кто ты? Откуда? И платье свое от кого получил ты?
 Нам ты сказал, что сюда был морской непогодой брошен».

240 Светлой царице ответствовал так Одиссей хитроумный:
 «Трудно, царица, мне будет тебе рассказать всю подробно
 Повесть о бедствиях, встреченных мною по воле рожденных
 Древним Ураном богов, — об одном расскажу откровенно:

В море находится остров Огигия; там обитает
 245 Хитроковарная дочь кознодея Атланта Калипсо,
 Светлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водят
 Общества с нею ни вечные боги, ни смертные люди.
 Я же один, злополучный, на остров ее был враждебным
 Демоном брошен, когда мой корабль сокрушительным громом
 250 Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря.
 Спутников всех (поглотила их бездна) тогда я утратил.
 Сам же, на киле разбитого судна, обхваченном мною,
 Девять носившись дней по волнам, на десятый с наставшей
 Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо,
 255 Светлокудрявая нимфа, живет. И, приют благосклонно
 Дав мне, богиня меня угощала, кормила, хотела
 Мне, наконец, даровать и бессмертье и вечную младость.
 Сердца, однако, она моего обольстить не успела.
 Целые семь лет утратил я там, и текли непрестанно
 260 Слезы мои на одежды, мне данные нимфой бессмертной.
 Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
 Вдруг мне она повелела покинуть свой остров — не знаю,
 Зевса ль она убоялась, сама ль изменилася в мыслях?
 Сел я на крепкосколоченный плот, и она, наделивши
 265 Хлебом меня, и душистым вином, и нетленной одеждой,
 Следом послала за мной благовеющий ветер попутный.
 Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился я в море;
 Вдруг на осьмнадцатый видима стала вдали над водами
 Ваша земля, и во мне оживилось милое сердце,
 270 Столь несказанно страдавшее. Много, однако, еще мне
 Бед колебатель земли Посидон непреклонный готовил:
 Ветры подняв, заградил предо мной он дорогу, и море
 Все беспредельное вдруг затревожилось; был я не в силах,
 Жалобно стонущий, судном владеть на взволнованной бездне:
 275 Буря его изломала в куски, и, в кипящую влагу
 Бросаясь, пустился я вплавь: напоследок примчали
 К вашему берегу меня многоручные ветры и море;
 Гибели б мне не избежать, когда б на утесистый берег
 Был я волною, скалами его отшибаемой, кинут:
 280 Силы напрягши, я в сторону поплыл и скоро достигнул
 Устья реки — показалось то место приятным, там острых
 Не было камней, там всюду от ветров являлась защита;
 На берег вышел, в бессилие впал я; божественной ночи

285 Тьма наступила; тогда, удалясь от потока, небесным,
 Зевсом рожденного, я приютился в кустах и в опадших
 Спрятался листьях; и сон бесконечный послали мне боги.
 Там под защитою листьев, с печалью милого сердца,
 Проспал всю ночь я, все утро и за полдень долго;
 290 Солнце садилось, когда усладительный сон мой был прерван:
 Дев, провожавших царевну твою, я увидел на бреге;
 С нею, подобные нимфам, они, там резвяся, играли.
 К ней обратил я молитву, и так поступила разумно
 Юная царская дочь, как немногие с ней одинаких
 295 Лет поступить бы могли, — молодежь рассудительна редко.
 Сладкой едой и вином искрометным меня подкрепивши,
 Мне искупаться в потоке велела она и одежду
 Эту дала мне. Я кончил, поистине все рассказав вам».

Он умолкнул. Ему Алкиной отвечал благосклонно:
 «Странник, гораздо б приличнее было для дочери нашей,
 300 Если б она пригласила тебя за собою немедля
 Следовать в дом наш: к ней первой ты с просьбой своей обратился».

Так он сказал, и ему возразил Одиссей хитроумный:
 «Царь благородный, не делай упреков разумной царевне;
 305 Следовать мне за собою она предложила немедля;
 Я ж отказался — мне было бы стыдно; при том же подумал
 Я, что, меня с ней увидя, на нас ты разгневаться мог бы:
 Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди».

Царь Алкиной, возражая, отвечивал так Одиссею:
 «Странник, в груди у меня к безрассудному гневу такому
 310 Сердце несклонно; приличие ж должно во всем наблюдать нам.
 Если б — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
 Если б нашелся подобный тебе, в помышленьях со мною
 Сходный, супруг Навзикае, возлюбленный зять мне, и если б
 315 Здесь поселился он... Дом и богатства бы дал я, когда бы
 Волей ты с нами остался; насильно же здесь иноземца
 Мы не задержим, то было бы Зевсу отцу негодно.
 Твой же отъезд я устрою, чтоб было тебе то известно,
 320 Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшись, будешь
 Сонный в спокойном безветрии плыть и достигнешь
 В землю отцов или в иную какую желанную землю,
 Сколь бы она ни лежала далеко, хотя бы в Эвбею,
 Дале которой уж нет ничего, по сказанью отважных

325 Наших пловцов, с златовласым туда Радамантом ходивших, —
Тития, сына Земли, посетил он и, сколь ни далек был
Путь по глубокому морю, его без труда совершили
В сутки они, до Эвбеи доплыв и назад возвратившись.
Сам ты узнаешь, как быстры у нас корабли, как отважно
Веслами море браздят мореходцы мои молодые.
330 Так он сказал; пролилося веселие в грудь Одиссея;
Голос возвысивши свой, произнес он такую молитву:
«Дий, наш отец, да исполнится все, что теперь обещал мне
Царь Алкиной, и да будет всегда на земле плодоносной
Слава ему! А меня проводи безопасно в отчизну».
335 Так говорили о многом они, беседа сладко.
Тою порой повелела царица Арета рабыням
В сенях поставить кровать, на нее положить пурпуровый
Мягкий тюфяк и богатый ковер разостлать; на ковер же
Теплым покровом для тела косматую мантию бросить.
340 Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Было совсем приготовлено мягко-упругое ложе,
Близко они подошед к Одиссею, ему доложили:
«Странник, иди почивать; для тебя приготовлено ложе».
345 Радостно было усталому гостю призыванье к покою;
Сладко-целительный сон, наконец, он вкусил безмятежно,
В звонко-просторных сенях на кровать прорезную возлегши.
Скоро и царь Алкиной, с ним простоя, во внутренней спальне
Лег на постель и заснул близ супруги своей благодравной.

ПЕСНЬ ОСЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ОСЬМОЙ ПЕСНИ

Тридцать третий день

Алкиной, предложив собравшимся на площади гражданам устроить отправление Одиссея в его отечество, приглашает вельмож и людей корабельных к себе на обед. Пение Демодока во время пира. Потом игры: бег, бросание диска, борьба, кулачный бой. Одиссей, оскорбленный Эвриалом, бросает камень и всех изумляет своею силою. Пляска, во время которой Демодок поет об Арее и Афродите. Все возвращаются во дворец. Одиссей одарен изобильно. За вечернюю трапезою Демодок

поет о коне деревянном и подвигах вождей ахейских. Песнь его увлекает слезы из очей Одиссея; царь Алкиной вопрошает плачущего о причине его скорби и просит, чтобы он рассказал свои приключения.

Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос —
Мирный покинула сон Алкиноева сила святая;
Встал и божественный муж Одиссей, городов сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повел знаменитого гостя
5 На площадь, где невелики кораблей феакийцы сбирались.
Сели, пришедши, на гладко обтесанных камнях друг с другом
Рядом они. Той порою Паллада Афина по улицам града,
В образ облекшись глашатая царского, быстро ходила;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
10 К каждому встречному ласково речь обращала богиня:
«Вы, феакийские люди, вожди и владыки, скорее
На площадь все соберитесь, дабы иноземца, который
В дом Алкиной премудрого прибыл вчера, там увидеть:
Бурей к нам брошенный, богу он образом светлым подобен».
15 Так говоря, возбудила она любопытное рвенье
В каждом, и скоро наполнилась площадь народом; и сели
Все по местам. С удивленьем великим они обращали
Взор на Лаэртина сына: ему красотой несказанной
Плечи одела Паллада, главу и лицо озарила,
20 Стан возвеличила, сделала тело полнее, дабы он
Мог приобрести от людей феакийских приязнь и вселил в них
Трепет почтительный мужеской силой на играх, в которых
Им испытать надлежало его, отличась пред народом.
Все собрались они, и собрание сделалось полным.
25 Тут, обратясь к ним, царь Алкиной произнес: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, людей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Гость иноземный — его а не знаю; бездомно скитаясь,
Он от восточных народов сюда или от западных прибыл —
30 Молит о том, чтоб ему помогли мы достигнуть отчизны.
Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможем;
Ибо еще ни один чужеземец, мой дом посетивший,
Долго здесь, плача, не ждал, чтоб его я услышал молитву.
Должно спустить на священные воды корабль чернобокий,
35 В море еще не ходивший; потом изберем пятьдесят два

Самых отважных меж лучшими здесь молодыми гребцами;
 Весла к скамьям прикрепив корабельным, пускай соберутся
 В царских палатах они и поспешно себе на дорогу
 Вкусный обед приготовят; я всех их к себе приглашаю.
 40 Так от меня объявите гребцам молодым; а самих вас,
 Скиптродержавных владык и судей, я прошу в мой пространный
 Дом, чтоб со мною, как следует, там угостить иноземца;
 Всех вас прошу, отказаться не властен никто; позовите
 Также певца Демодока: дар песней приял от богов он
 45 Дивный, чтоб все воспевать, что в его пробуждается сердце».

Кончив, пошел впереди он; за ним все судьи и владыки
 Скиптродержавные; звать Понтоной побежал Демодока.
 Скоро по воле царя пятьдесят два гребца, на отлогом
 Бреге бесплодносоленого моря собравшись, вместе
 50 К ждавшему их на песке кораблю подошли, совокупной
 Силою черный корабль на священные сдвинули воды,
 Подняли мачты, устроили все корабельные снасти,
 В крепкоременные петли просунули длинные весла,
 Должным порядком потом паруса утвердили. Отведши
 55 Легкий корабль на открытое взморье, они собралися
 Все во дворце Алкиноя, царем приглашенные. Скоро
 Все переходы палат, и дворы, и притворы народом
 Сделались полны — там были и юноши, были и старцы.
 Жирных двенадцать овец, двух быков криворогих и восемь
 60 Остроклычистых свиней Алкиной повелел им резать;
 Их ободрав, изобильный обед приготовили гости.
 Тою порой с знаменитым певцом Понтоной возвратился;
 Муза его при рождении злом и добром одарила:
 Очи затмила его, даровала за то сладкопенье.
 65 Стул среброкованный подал певцу Понтоной, и на нем он
 Сел пред гостями, спиной прислонясь к колонне высокой.
 Лиру слепца на гвозде над его головою повесив,
 К ней прикоснуться рукою ему — чтоб ее мог найти он —
 Дал Понтоной, и корзину с едою принес, и подвинул
 70 Стол и вина приготовил, чтоб пил он, когда пожелает.
 Подняли руки они к предложённой им пище: когда же
 Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
 Муза внушила певцу возгласить о вождах знаменитых,
 Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой,

75 Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее,
 Как между ними однажды на жертвенном пире великом
 Распря в ужасных словах загорелась и как веселился
 В духе своем Агамемнон враждой знаменитых ахейн:
 Знаменьем добрым ему ту вражду предсказал Аполлонов
 80 В храме Пифийском оракул, когда через каменный праг он
 Бога спросить перешел, — а случилось то в самом начале
 Бедствий, ниспосланных богом богов на троян и данаев.
 Начал великую песнь Демодок; Одиссей же, своею
 Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,
 85 Голову ею облек и лицо благородное скрыл в ней.
 Слез он своих не хотел показать феакийцам. Когда же,
 Пенье прервав, сладкогласный на время умолк песнопевец,
 Слезы отерши, он мантию снял с головы и, наполнив
 Кубок двудонный вином, совершил возлиянье бессмертным.
 90 Снова запел Демодок, от внимавших ему феакиян,
 Гласом его очарованных, вызванный к пенью вторично;
 Голову мантией снова облек Одиссей, прослезаясь.
 Были другими его не замечены слезы, но мудрый
 Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
 95 Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
 Он феакиянам веселюбивым сказал: «Приглашаю
 Выслушать слово мое вас, судей и вельмож феакийских;
 Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
 Пищей и звуками лиры, подруги пиров сладкогласной;
 100 Время отсюда пойти нам и в мужеских подвигах крепость
 Силы своей оказать, чтоб наш гость, возвратясь, домашним
 Мог возвестить, сколь других мы людей превосходим в кулачном
 Бое, в борьбе утомительной, в прыганье, в беге проворном».
 Кончив, поспешно пошел впереди он, за ним все другие.
 105 Звонкую лиру приняв и повесив на гвоздь, Демодока
 За руку взял Понтоной и из залы пиршественной вывел;
 Вслед за другими, ведя песнопевца, пошел он, чтоб видеть
 Игры, в которых хотели себя отличить феакийцы.
 На площадь все собрался: толпой многочисленно-шумной
 110 Там окружил их народ. Благородные юноши к бою
 Вышли из сонма его: Акроней, Окиал с Элатреем,
 Навтий, Примней, Анхиал, Эретмей с Анабазиоменом;
 С ними явились Понтей, Прореон и Фоон с Амфиалом,

115 Сыном Поиния, внуком Тектона; пристал напоследок
К ним и молодой Эвриал, Навболид, равносильный Арею:
Всех феакиян затмил бы чудесной своей красотой он,
Если б его самого не затмил Лаодам беспорочный.
К ним подошли, наконец, Лаодам, Галлионт с богоравным
120 Клитонеоном — три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые в беге себя испытали они. Устремившись
С места того, на котором стояли, пустился разом,
Пыль подымая, они через поприще: всех был проворней
Клитонеон благородный — какую по свежему полю
Борозду плугом два мула проводят, настолько оставив
125 Братьев своих назади, возвратился он первый к народу.
Стали другие в борьбе многотрудной испытывать силу:
Всех Эвриал одолел, превзошедши искусством и лучших.
В прыганье был Анхиал победителем. Тяжкого диска
Легким бросаньем от всех Эретмей отличился. В кулачном
130 Бое взял верх Лаодам, сын царя Алкиноя прекрасный.
Тут, как у всех уж довольно насытилось игрой сердце,
К юношам речь обративши, сказал Лаодам, Алкиноев
Сын: «Не прилично ли будет спросить нам у гостя, в каких он
Играх способен себя отличить? Он не низкого роста,
135 Голенн, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жировата, он мышцами крепок; годами
Также не стар; но превратности жизни его изнурили.
Нет ничего, утверждаю, сильнее и губительнее моря;
Крепость и самого бодрого мужа оно сокрушает».-
140 «Умным, — сказал, отвечая на то, Эвриал Лаодаму, —
Кажется мне предложенье твое, Лаодам благородный.
Сам подойди к иноземному гостю и сделай свой вызов».
Сын молодой Алкиноя, слова Эвриала услышав,
Вышел вперед и сказал, обратясь к царю Одиссею:
145 «Милости просим, отец иноземец; себя покажи нам
В играх, в каких ты искусен, — но, верно, во всех ты искусен, —
Бодрому мужу ничто на земле не дает столь великой
Славы, как легкие ноги и крепкие мышцы, яви же
Силу свою нам, изгнав из души все печальные думы.
150 Путь для тебя уж теперь недалек; уж корабль быстроходный
С берега сдвинут, и наши готовы к отплытию люди».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:

«Друг, не обидеть ли хочешь меня ты своим предложением?
 Мне не до игр: на душе несказанное горе; довольно
 155 Бед испытал и немало великих трудов перенес я;
 Ныне ж, крушимый тоской по отчизне, сижу перед вами,
 Вас и царя умоляя помочь мне в мой дом возвратиться».

Но Эвриал Одиссею отвечивал с колкой насмешкой:
 «Странник, я вижу, что ты не подобисься людям, искусным
 160 В играх, одним лишь могучим атлетам приличных; конечно,
 Ты из числа промышленных людей, обтекающих море
 В многовесельных своих кораблях для торговли, о том лишь
 Мысля, чтоб, сбыв свой товар и опять корабли нагрузивши,
 Боле нажить барыша: но с атлетом ты вовсе несходи».

165 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
 «Слово обидно твое; человек ты, я вижу, злоумный.
 Боги не всякого всем наделяют: не каждый имеет
 Вдруг и пленительный образ, и ум, и могущество слова;
 Тот по наружному виду внимания мало достоин —
 170 Прелестью речи зато одарен от богов; веселятся
 Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твердым
 Или с приветливой кротостью; он украшенье собраний;
 Бога в нем видят, когда он проходит по улицам града.
 Тот же, напротив, бессмертным подобен лица красотой,
 175 Прелести ж бедное слово его никакой не имеет.
 Так и твоя красота беспорочна, тебя и Зевес бы
 Краше не создал; зато не имеешь ты здравого смысла.
 Милое сердце в груди у меня возмутил ты своею
 Дерзкою речью. Но я не безопытен, должен ты ведать,
 180 В мужеских играх; из первых бывал я в то время, когда мне
 Свежая младость и крепкие мышцы служили надежно.
 Ныне ж мои от трудов и печалей истрачены силы;
 Видел немало я браней и долго среди бедоносных
 Странствовал вод, но готов я себя испытать и лишенный
 185 Сил; оскорблен я твоим безрассудно-ругательным словом».

Так отвечав, поднялся он и, мантии с плеч не сложивши,
 Камень схватил — он огромней, плотней и тяжеле всех дисков,
 Брошенных прежде людьми феакийскими, был; и с размаха
 Кинул его Одиссей, жилватую руку напрягши;
 190 Камень, жужжа, полетел; и под ним до земли головами
 Веслолюбивые, смелые гости морей, феакійцы

Все наклонились; а он далеко через все перемчался
 Диски, легко улетев из руки; и Афина под видом
 Старца, отметивши знаком его, Одиссею сказала:
 195 «Странник, твой знак и слепой различит без ошибки, оцупав
 Просто рукою; лежит он отдельно от прочих, гораздо
 Далее всех их. Ты в этом бою победил; ни один здесь
 Камня ни дале, ни так же далеко, как ты, не способен
 Бросить». От слов сих веселье проникло во грудь Одиссея.
 200 Радуюсь тем, что ему хоть один благосклонный в собрание
 Был судия, с обновленной душой он сказал предстоявшим:
 «Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
 Брошу другой я и столь же далеко, быть может и дале.
 Пусть все другие, кого побуждает отважное сердце,
 205 Выйдут и сделают опыт: при всех оскорбленный, я ныне
 Всех вас на бой рукопашный, на бег, на борьбу вызываю;
 С каждым сразиться готов я — с одним не могу Лаодамом:
 Гость я его — подыму ли на друга любящего руку?
 Тот неразумен, тот пользы своей различать не способен,
 210 Кто на чужой стороне с дружелюбным хозяином выйти
 Вздумает в бой; несомненно себе самому повредит он.
 Но меж другими никто для меня не презрителен, с каждым
 Рад я схватиться, чтоб силу мою, грудь на грудь, испытать с ним.
 Знайте, что я ни в каком не безопытен мужеском бое.
 215 Гладким луком и самым тугим я владею свободно:
 Первой стрелой поражу я на выбор противника в тесном
 Сонме врагов, хоть кругом бы меня и товарищей много
 Было и меткую каждый стрелу на врага бы нацелил.
 Только одним Филоктетом бывал я всегда побеждаем
 220 В Трое, когда мы, ахейцы, там, споря, из лука стреляли.
 Но утверждаю, что в этом искусстве со мной ни единый
 Смертный, себя насыщающий хлебом, сравниться не может;
 Я не дерзнул бы, однако, бороться с героями древних
 Лет, ни с Ираклом, ни с Евритом, метким стрелком эхалийским;
 225 Спорить они и с богами в искусстве своем не страшились;
 Еврит великий погиб от того; не достиг он глубокой
 Старости в доме семейном своем; раздражив Аполлона
 Вызовом в бой святотатным, он из лука был им застрелен.
 Дале коньем я достигнуть могу, чем другие стрелою;
 230 Может случиться, однако, что кто из людей феакийских

В беге меня победит: окруженный волнами, я силы
 Все истощил, на неверном плоту не вкушая столь долго
 Пищи, покоя и сна; и мои все разрушены члены».

Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
 Но Алкиной, возражая, отвечивал так Одиссею:

²³⁵ «Странник, ты словом своим не обидеть нас хочешь; ты только
 Всем показать нам желаешь, какая еще сохранилась
 Крепость в тебе; ты разгневан безумцем, тебя оскорбившим
 Дерзкой насмешкой, — зато ни один, говорить здесь привыкший

²⁴⁰ С здравым рассудком, ни в чем не помыслит тебя опорочить.
 Выслушай слово, однако, мое со вниманьем, чтоб после
 Дома его повторить при друзьях благородных, когда ты,
 Сидя с женой и детьми за веселой семейной трапезой,
 Вспомнишь о доблестях наших и тех дарованьях, какие

²⁴⁵ Нам от отцов благодатью Зевеса достались в наследство.
 Мы, я скажу, ни в кулачном бою, ни в борьбе не отличны;
 Быстры ногами зато несказанно и первые в море;
 Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску,
 Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.

²⁵⁰ Но пригласите сюда плясунов феакийских; зову я
 Самых искусных, чтоб гость наш, увидя их, мог, возвратясь
 В дом свой, там всем рассказать, как других мы людей превосходим
 В плаванье по морю, в беге проворном, и в пляске, и в пенье.
 Пусть принесут Демодок его звонкогласную лиру;

²⁵⁵ Где-нибудь в наших просторных палатах ее он оставил».
 Так Алкиной говорил, и глашатай, его исполняя
 Волю, поспешно пошел во дворец за желаемой лирой.
 Судьи, в народе избранные, девять числом, на средину
 Поприща, строгие в играх порядка блюстители, вышли,

²⁶⁰ Место для пляски угладили, поприще сделали шире.
 Тою порой из дворца возвратился глашатай и лиру
 Подал певцу: пред собранье он выступил; справа и слева
 Стали цветущие юноши, в легкой искусные пляске.
 Топали в меру ногами под песню они; с наслаждением

²⁶⁵ Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился.
 Лирой гремя сладкозвучною, пел Демодок вдохновенный
 Песнь о прекраснокудрявой Киприде и боге Арее:
 Как их свидание первое в доме владыки Ифеста
 Было; как, много истратив богатых даров, опозорил

270 Ложе Ифеста Арей, как открыл, наконец, все Ифесту
 Гелиос зоркий, любовное их подстерегши свиданье.
 Только достигла обидная весть до Ифестова слуха,
 Мщение в сердце замыслив, он в кузнице плаху поставил,
 275 Крепко свою наковальню уладил на ней и проворно
 Сети сковал из железных, крепчайших, ничем не разрывных
 Проволок. Хитрый окончивши труд и готова Арею
 Стыд, он пошел в тот покой, где богатое ложе стояло.
 Там он, сетями своими опутав подножье кровати,
 Их на нее опустил с потолка паутиною тонкой;
 280 Были не только невидимы оку людей, но и взорам
 Вечных богов неприметны они: так искусно сковал их,
 Мщение готова, Ифест. Западно перед ложем устроив,
 Он притворился, что путь свой направил в Лемнос, крепкозданный
 Город, всех боле других городов на земле им любимый.
 285 Зорко за ним наблюдая, Арей златоуздный тогда же
 Сведal, что в путь свой Ифест, многославный художник, пустился.
 Сильной любовью к прекрасновенчанной Киприде влекомый,
 В дом многославного бога художника тайно вступил он.
 Зевса отца посетив на высоком Олимпе, в то время
 290 Дома одна, отдыхая, сидела богиня. Арей, подошедши,
 За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
 «Милая, час благосклонен, пойдем на роскошное ложе;
 Муж твой Ифест далеко; он на остров Лемнос удалился,
 Верно к суровым синтиям, наречия грубого людям».
 295 Так он сказал, и на ложе охотно легла с ним Киприда.
 Мало-помалу и он и она усypились. Вдруг сети
 Хитрой Ифеста работы, упав, их схватили с такою
 Силой, что не было средства ни встать им, ни тронуться членом;
 Скоро они убедились, что бегство для них невозможно;
 300 Скоро и сам, не свершив половины пути, возвратился
 В дом свой Ифест многоумный, на обе хромающий ноги:
 Гелиос зоркий его обо всем известить не замедлил.
 В дом свой вступивши с печалию милого сердца, поспешно
 Двери Ифест отворил, и душа в нем наполнилась гневом;
 305 Громко он начал вопить, чтоб его все слышали боги:
 «Дий вседержитель, блаженные, вечные боги, сверитесь
 Тяжкообидное, смеха достойное дело увидеть:
 Как надо мной, хромоногим, Зевесова дочь Афродита

Гнусно ругается, с грозным Ареем, губительным богом,
 310 Здесь сочатавшись. Конечно, красавец и тверд на ногах он;
 Я ж от рождения хром — но моею ль виною? Виновны
 В том лишь родители. Горе мне, горе! Зачем я родился?
 Вот посмотрите, как оба, обнявшись нежно друг с другом,
 Спят на постели моей. Несказанно мне горько то видеть.
 315 Знаю, однако, что так им в другой раз заснуть не удастся;
 Сколь ни сильна в них любовь, но, конечно, охота к такому
 Сну в них теперь уж прошла: не сниму с них дотле я этой
 Сети, пока не отдаст мне отец всех богатых подарков,
 Им от меня за невесту, бесстыдную дочь, полученных.
 320 Правда, прекрасна она, но ее переменчиво сердце».

Так он сказал. Той порой собрались в медностенных палатах
 Боги; пришел Посидон земледержец; пришел дароносец
 Эрмий; пришел Аполлон, издалека разящий стрелами;
 Но, сохраняя пристойность, богини остались дома.
 325 В двери вступили податели благ, всемогущие боги:
 Подняли все они смех несказанный, увидя, какое
 Хитрое дело ревнивый Ифест совершить умудрился.
 Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
 «Злое не впрок; над проворством здесь медленность верх одержала;
 330 Как ни хромает Ифест, но поймал он Арея, который
 Самый быстрейший из вечных богов, на Олимпе живущих.
 Хитростью взял он; достойная мзда посрамителю брака».

Так говорили, друг с другом беседа, вечные боги.
 К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса:
 335 «Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестоносец,
 Искренне мне отвечай, согласился ль бы ты под такую
 Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?»
 Зоркий убийца Аргуса отвечивал так Аполлону:
 «Если б могло то случиться, о царь Аполлон стреловержец,
 340 Сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил,
 Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели,
 Только б лежать на постели одной с золотою Кипридой!»
 Так отвечал он; бессмертные подняли смех несказанный.
 Но Посидон не смеялся; чтоб выручить бога Арея,
 345 К славному дивным искусством Ифесту он, голос возвысив,
 С просьбой своей обратился и бросил крылатое слово:
 «Дай им свободу; ручаюсь тебе за Арея; как сам ты

Требуешь, все доплати при бессмертных богах он заплатит».
Бог хромоногий Ифест, отвечая, сказал Посидону:
350 «Нет, от меня, Посидон земледержец, того ты не требуй.
Знаешь ты сам, что всегда неверна за неверных порука.
Чем же тебя, всемогущий, могу я к уплате принудить,
Если свободный Арей убежит и платить отречется?»
Богу Ифесту отвечал так Посидон земледержец:
355 «Если могучий Арей, чтоб не быть принужденным к уплате,
Скроется тайно, то все за него заплатить обязуюсь
Я». Хромоногий Ифест отвечал Посидону владыке:
«Воли твоей, Посидон, не дерзну и не властен отвергнуть».
С сими словами разрушила цепи Ифестова сила.
360 Бог и богиня — лишь только их были разрушены цепи —
Быстро вскочив, улетели. Во Фракию он удалился;
Скрылася в Кипр золотая с улыбкой приветной Киприда;
Был там алтарь ей в Пафосском лесу благовонном воздвигнут;
Там, искупавши ее и натерши душистым, святое
365 Тело одних лишь богов орошающим маслом, Хариты
Плечи ее облачили одеждою прелести чудной.
Так воспевал вдохновенный певец. Одиссей благородный
В сердце, внимая ему, веселился; и с ним веселились
Веселюбивые, смелые гости морей, феакійцы,
370 Но Алкиной повелел Галионту вдвоем с Лаодамом
Пляску начать: в ней не мог превосходством никто победить их.
Мяч разноцветный, для них рукодельным Полибием сшитый,
Взяв, Лаодам с молодым Галионтом на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мяч к облакам темносветлым
375 Бросил один; а другой разбежался и, прыгнув высоко,
Мяч на лету подхватил, до земли не коснувшись ногами.
Легким бросаньем мяча в высоту отличась пред народом,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать; и затопали юноши в меру ногами,
380 Стоя кругом, и от топота ног их вся площадь гремела.
Долго смотрев, напоследок сказал Одиссей Алкиною:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакійских,
Ты похвалился, что пляскою с вами никто не сравнится;
Правда твоя; то глазами я видел; безмерно дивлюся».
385 Так он сказав, возбудил Алкиноеву силу святую.
Царь феакіиам веселюбивым сказал: «Приглашаю

Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских;
 Разум великий имеет, я вижу, наш гость иноземный;
 Должно ему, как обычай велит, предложить нам подарки;
 390 Областью нашею правят двенадцать владык знаменитых,
 Праведно-строгих судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый
 Чистое верхнее платье с хитоном и с полным талантом
 Золота нашему гостю в подарок назначит обычный.
 Всё повелите сюда принести и своими руками
 395 Страннику сдайте, чтоб весел он был за трапезою нашей.
 Ты ж, Эвриал, удовольствуй его, перед ним повинившись,
 Дав и подарок: его оскорбил неприличным ты словом».

Так он сказал, изъявили свое одобренье другие;
 Каждый глашатая в дом свой послал, чтоб подарки принес он.
 400 Но Эвриал, повинувась, отвечивал так Алкиною:
 «Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
 Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.
 Медный свой меч с рукоятью серебряной в новых
 Чудной работы ножнах из слоновья кости охотно
 405 Дам я ему, и, конечно, он дар мой высоко оценит».

Так говоря, среброкованный меч свой он снял и возвысил
 Голос и бросил крылатое слово Лаэртову сыну:
 «Радуйся, добрый отец иноземец! И если сказал я
 Дерзкое слово, пусть ветер его унесет и развеет;
 410 Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
 В дом возвратяся по долгопечальной разлуке с семьею».

Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Радуйся также и ты и, хранимый богами, будь счастлив.
 В сердце ж своем никогда не раскайся, что мне драгоценный
 415 Меч подарил свой, повинным меня удовольствовав словом».

Так отвечав, среброкованный меч на плечо он повесил.
 Солнце зашло; все богатые собраны были подарки;
 Их поспешили глашатаи в дом отнести Алкиноев;
 Там сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,
 420 Отдали матери их, многоумной царице Арете.

Царь же повел знаменитого гостя со всеми другими
 В дом свой, и сели, пришедши, они на возвышенных креслах.
 Тут, обратяся к царице Арете, сказал благородный
 Царь: «Принеси нам, жена, драгоценнейший самый из многих
 425 наших ковчегов, в него положивши и верхнее платье
 С тонким хитоном. Поставьте котел на огонь, вскипятите

Воду, чтоб гость наш омылся и, все осмотревши подарки,
 Им полученные здесь от людей феакийских, был весел,
 С нами сидя за вечерней трапезой и пенью внимая.
 430 Я же еще драгоценный кувшин золотой на прощанье
 Дам, чтоб, меня вспоминая, он мог из него ежедневно
 Дома творить возлияние Зевсу и прочим бессмертным».

Так он сказал, и царица Арета велела рабыням
 Яркий огонь разложить под огромным котлом троеножным.
 435 Тотчас котел троеножный на ярком огне был поставлен.
 Налили воду в котел и усилили хворостом пламя;
 Чрево сосуда оно обхватило, вода закипела.
 Тою порою Арета прекрасный ковчег из покоев
 Внутренних вынесла гостю; в ковчег положила подарки,
 440 Золото, ризы и все, что ему феакийские мужи
 Дали; сама ж к ним прибавила верхнее платье с хитоном.
 Кончив, она Одиссею крылатое бросила слово:
 «Кровлей накрыв и тесьмою опутав ковчег, завяжи ты
 Узел, чтоб кто на дороге чего не похитил, покуда
 445 Будешь покоиться сном ты, плывя в корабле чернобоком».

То Одиссей богоравный, в бедах постоянный, услышав,
 Кровлей накрыл и тесьмою опутал ковчег и искусный
 Узел (как был научен хитроумной Цирцеею) сделал.
 Тут пригласила его домовитая ключница в баню
 450 Члены свои оживить омовеньем; и теплой купальне
 Рад был испытанный муж Одиссей, той услady лишенный
 С самых тех пор, как покинул жилище Калипсо, в котором
 Нимфы ему, как бессмертному богу, служили. Когда же
 Тело омыла ему и елеем натерла рабыня,
 455 Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
 Вышел он свежий из бани и к пьющим гостям в пировую
 Залу вступил. Навзикая царевна, богиня красою,
 Подле столба, потолок подпиравшего залы, стояла.
 Взор изумленный подняв на прекрасного гостя, царевна
 460 Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
 «Радуйся, странник, но, в милую землю отцов возвратяся,
 Помни меня; ты спасением встрече со мною обязан».

Юной царевне отвечив так Одиссей многоумный:
 «О Навзикая, прекрасноразцветущая дочь Алкиноя,
 465 Если мне Иры супруг, громоносный Кронион, дозволит
 В доме отеческом сладостный день возвращения увидеть,

Буду там помнить тебя и тебе ежедневно, как богу,
 Сердцем молиться: спасением встрече с тобой я обязан».

Так отвечав ей, на креслах он сел близ царя Алкиноя.
 470 Было уж роздано мясо; уж чаши вином наполнялись.
 Тою порой возвратился глашатай с певцом Демодоком,
 Чтимым в народе. Певец посреди светлозданной палаты
 Сел пред гостями, спиной прислонившись к колонне высокой.
 Полную жира хребтовую часть острозубого вепря

475 Взявши с тарелки своей (для себя же оставя там доле),
 Царь Одиссей многославный сказал, обратясь к Понтоною:
 «Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
 Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно.
 480 Всем на обильной земле обитающим людям любезны,
 Всеми высоко честимы певцы; их сама научила
 Пению Муза; ей мило певцов благородное племя».

Так он сказал, и проворно отнес от него Демодоку
 Мясо глашатай; певец благодарно даяние принял.
 Подняли руки они к приготовленной пище; когда же

485 Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
 Так, обратясь к Демодоку, сказал Одиссей хитроумный:
 «Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю;
 Музою, дочьерю Дия, иль Фебом самим наученный,
 Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
 490 Что совершили они и какие беды претерпели;
 Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
 Все очевидцев узнал ты. Теперь о коне деревянном,
 Чудном Энеоса с помощью девы Паллады создание,
 Спой нам, как в город он был хитроумным введен Одиссеем,

495 Полный вожей, напоследок святой Илион сокрушивших.
 Если об этом по истине все нам, как было, споешь ты,
 Буду тогда перед всеми людьми повторять повсеместно
 Я, что божественным пением боги тебя одарили».

Так он сказал, и заел Демодок, преисполненный бога:

500 Начал с того он, как все на своих кораблях крепкозданных
 В море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
 Брошенный стан свой, как первые мужи из них с Одиссеем
 Были оставлены в Трое, замкнутые в конской утробе,
 Как напоследок коню Илион отворили трояне.

505 В граде стоял он; кругом, нерешимые в мыслях, сидели
 Люди троянские, было меж ними троякое мнение:

Или губительной медью громаду пронзить и разрушить,
 Или, ее докативши до замка, с утеса низвергнуть,
 Или оставить среди Илиона мирительной жертвой
 510 Вечным богам: на последнее все согласились, понеже
 Было судьбой решено, что падет Илион, отворивши
 Стены коню, где ахейцы избранные будут скрываться,
 Черную участь и смерть приготовив троянам враждебным.
 После воспел он, как мужи ахейские в град ворвались,
 515 Чрево коня отворив и из темного выбежав склепа;
 Как, разъяренные, каждый по-своему град разоряли,
 Как Одиссей к Деифобову дому, подобный Арею,
 Бросился вместе с божественно-грозыным в бою Менелаем.
 Там истребительный бой (продолжал песнопевец) возжегши,
 520 Он, наконец, победил, подкрепленный великой Палладой.
 Так об ахейцах пел Демодок; несказанно растроган
 Был Одиссей, и ресницы его орошались слезами.
 Так сокрушенная плачет вдовица над телом супруга,
 Падшего в битве упорной у всех впереди перед градом,
 525 Силясь от дня рокового спасти сограждан и семейство.
 Видя, как он содрогается в смертной борьбе, и, прижавшись
 Грудью к нему, злополучная стонет; враги же, нещадно
 Древками копий ее по плечам и хребту поражая,
 Бедную в плен увлекают на рабство и долгое горе;
 530 Там от печали и плача ланиты ее увядают.
 Так от печали текли из очей Одиссеевых слезы.
 Всеми другими они незамечены были; но мудрый
 Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
 Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
 535 Он феакиянам веселюбивым сказал: «Приглашаю
 Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских.
 Пусть Демодок звонкострунную лиру заставит умолкнуть;
 Здесь он не всех веселит нас ее сладкогласием дивным:
 С тех пор, как пенье божественный начал певец на вечернем
 540 Нашем пиру, непрестанно глубоко и тяжело вздыхает
 Странник; конечно, прискорбие сердцем его овладело.
 Должен умолкнуть певец, чтоб могли здесь равно веселиться
 Гость наш и все мы; конечно, для нас то приятнее будет.
 Здесь же давно к отправлению в путь иноземца готово
 545 Все; и подарки уж собраны, данные дружбою нашей.
 Странник молящий не менее брата родного любезен

Всякому, кто одарен от богов не безжалостным сердцем.
 Ты же теперь, ничего не скрывая, ответствуй на то мне,
 Гость наш, о чем я тебя вопрошу: откровенность похвальна.
 550 Имя скажи мне, каким и отец твой, и мать, и другие
 В граде твоём и отечестве милом тебя величают.
 Между живущих людей безыменным никто не бывает
 Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный,
 Имя свое от родителей в сладостный дар получает;
 555 Землю, и град, и народ свой потом назови, чтоб согласно
 С волей твоей и корабль наш свое направление выбрал;
 Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
 Нужного каждому судну, на наших судах не имеем;
 560 Сами они понимают своих корабельщиков мысли;
 Сами находят они и жилища людей и поля их
 Тучнообильные; быстро они все моря обтекают,
 Мглою и туманом одетые; нет никогда им боязни
 Вред на волнах претерпеть или от бури в пучине погибнуть.
 Вот что, однако, в ребячестве я от отца Навсифоя
 565 Слышал: не раз говорил он, что бог Посидон недоволен
 Нами за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
 Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
 Странника в землю его, возвращался морем туманным,
 Будет разбит Посидоном, который высокою горою
 570 Град наш задвинет. Исполнит ли то Посидон земледержец,
 Иль не исполнит — пусть будет по воле великого бога!
 Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
 Где по морям ты скитался? Каких человек ты земли
 Видел? Светлонаселенные их города опиши нам:
 575 Были ль меж ними свирепые, дикие, чуждые правды?
 Были ль благие для странника, чтущие волю бессмертных?
 Также скажи, отчего ты так плачешь? Зачем так печально
 Слушаешь повесть о битвах данаев, о Трое погибшей?
 Им для того ниспослали и смерть и погибельный жребий
 580 Боги, чтоб славною песнею были они для потомков.
 Ты же, конечно, утратил родного у стен илионских,
 Милого зятя иль тестя, которые нашему сердцу
 Самые близкие после возлюбленных сродников кровных?
 Или товарища нежноприветного, кроткого сердцем,
 585 Там потерял ты? Не менее брата родного любезен
 Нам наш товарищ, испытанный друг и разумный советник».

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯТОЙ ПЕСНИ

Вечер тридцать третьего дня

Одиссей начинает рассказывать свои приключения. Отплытие от берегов троянских. Разрушение Измара, города киконов, и гибель многих сопутников Одиссея. Буря. Посещение лотофагов. Прибытие в область циклопов. Одиссей, оставя у Козьего острова свои корабли, с одним собственным кораблем пристает к недалекому берегу циклопов. Выбрав двенадцать из своих корабельных товарищей, он входит с ними в пещеру Полифема. Гибель шести из сопутников Одиссеевых, сожранных циклопом. Опьянив его, Одиссей пронзает ему глаз и потом хитростью спасает себя и товарищей от его бешенства. Они похищают циклопово стадо и возвращаются на Козий остров. Полифем призывает отца Посидона и молит, чтобы он отомстил за него Одиссею.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей богоравный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Сладко вниманье свое нам склонять к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
5 Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая; как гости
Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми; как из кратер животворный напиток
10 Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может.
Но от меня о плачевных страданиях моих ты желаешь
Слышать, чтоб сердце мое преисполнилось плачем сильнейшим:
Что же я прежде, что после и что наконец расскажу вам?
15 Много Ураниды боги мне бедствий различных послали.
Прежде, однако, вам имя свое назову, чтоб могли вы
Знать обо мне, чтоб, покуда еще мной не встречен последний
День, и в далекой стране я считался вам гостем любезным.
Я Одиссей, сын Лаэртот, везде изобретеньем многих
20 Хитростей славный и громкой молвой до небес вознесенный.
В солнечносветлой Итаке живу я; там Нерион, всюду
Видимый с моря, подьмлет вершину лесистую; много

Там и других островов, недалеких один от другого:
 Там, и Дулихий, и лесом богатый Закинф; и на самом
 25 Западе плоско лежит окруженная морем Итака
 (Прочие ж ближе к пределу, где Эос и Гелиос всходят);
 Лоно ее каменисто, но юношей бодрых питает;
 Я же не ведаю края прекраснее милой Итаки.
 Тщетно Калипсо, богиня богинь, в заключении долгом
 30 Силой держала меня, убеждая, чтоб был ей супругом;
 Тщетно меня чародейка, владычица Эи, Цирцея
 В доме держала своим, убеждая, чтоб был ей супругом, —
 Хитрая лесть их в груди у меня не опутала сердца;
 Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
 35 Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
 Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых.
 Если, однако, велишь, то о странствии трудном, какое
 Зевс учредил мне, от Трои плывущему, все расскажу я.
 Ветер от стен Илиона привел нас ко граду киконцов,
 40 Измару: град мы разрушили, жителей всех истребили.
 Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много,
 Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой участок.
 Я ж настоял, чтоб немедля стопою поспешною в бегство
 Все обратились: но добрый совет мой отвергли безумцы;
 45 Полные хмеля, они пировали на бреге песчаном,
 Мелкого много скота и быков криворогих зарезав.
 Тою порою киконы, из града бежавшие, многих
 Собрали живших соседственно с ними в стране той киконцов,
 Сильных числом, приобъкших сражаться с коней и не мене
 50 Смелых, когда им и нешим в сраженье вступать надлежало.
 Вдруг их явилось так много, как листьев древесных пль ранних
 Вешних цветов; и тогда же нам сделалось явно, что злую
 Участь и бедствия многие нам приготовил Кронион.
 Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходных,
 55 Острые копья, обитые медью, бросая друг в друга. Покуда
 Длилося утро, пока продолжал подыматься священный
 День, мы держались и их отбивали, сильнейших; когда же
 Гелиос к позднему часу волов отпряженья склонился,
 В бег обратили киконы осиленных ими ахеян.
 60 С каждого я корабля по шести броненосцев отважных
 Тут потерял; от судьбы и от смерти ушли остальные.
 Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых

Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
 Я ж не отвел кораблей легкоходных от берега, покуда
 65 Три раза не был по имени назван из наших несчастных
 Спутников каждый, погибший в бою и оставленный в поле.
 Вдруг собирающий тучи Зевес буреносца Борея,
 Страшно ревущего, выслал на нас; облака обложили
 Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
 70 Мчались суда, погружаясь в волны носами; ветрила
 Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
 Мы, избегая беды, в корабли их, свернув, уложили;
 Сами же начали веслами к ближнему берегу править;
 Там провели мы в бездействии скучном два дня и две ночи,
 75 В силах своих изнуренные, с тяжелой печалью сердца.
 Третий нам день привела светлозарнокудрявая Эос;
 Мачты устроив и снова подняв паруса, на суда мы
 Сели; они понеслись, повинувся кормилу и ветру.
 Мы невредимо бы в милую землю отцов возвратились,
 80 Если б волнение моря и сила Борея не сбили
 Нас, обходящих Маллею, с пути, отдалив от Китеры.
 Девять носила нас дней раздраженная буря по темным
 Рыбообильным водам; на десятый к земле лотофагов,
 Пищей цветочной себя насыщающих, ветер примчал нас.
 85 Вышел на твердую землю и свежей водою запасишь,
 Наскоро легкий обед мы у быстрых судов учредили.
 Свой удовольствовал голод питьем и едою, избрал я
 Двух расторопнейших самых товарищей наших (был третий
 С ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы достигли
 90 Людям, вкушающим хлеб на земле, изобильной дарами.
 Мирных они лотофагов нашли там; и посланным нашим
 Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской
 Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только
 Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно
 95 Все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться,
 Вдруг захотел в стороне лотофагов остаться, чтоб вкусный
 Лотос собирать, навсегда от своей отказавшись отчизны.
 Силой их, плачущих, к нашим судам притащив, повелел я
 Крепко их там привязать к корабельным скамьям; остальным же
 100 Верным товарищам дал приказанье, нимало не медля,
 Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них никоторый,
 Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся.

Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
 Разом могучими веслами вспенили темные воды.
¹⁰⁵ Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
 Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
 Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
 Все, ни руками не сеют, ни плугом не пахут; земля там
 Тучная щедро сама без пахания и сева дает им
¹¹⁰ Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
 Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплождает.
 Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
 В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
 Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
¹¹⁵ Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.
 Есть островок там пустынный и дикий; лежит он на темном
 Лоне морском, ни далеко, ни близко от берега циклопов,
 Лесом покрытый; в великом там множестве дикие козы
 Водятся; их никогда не тревожил шагов человека
¹²⁰ Шум; никогда не заглядывал к ним звероловец, за дичью
 С тяжким трудом по горам крутобоким со псами бродящий;
 Там не пасутся стада и земли не касаются плуги;
 Там ни в какие дни года не сеют, не пахут; людей там
 Нет; без боязни там ходят одни тонконогие козы,
¹²⁵ Ибо циклопы еще кораблей красногрудых не знают;
 Нет между ними искусников, опытных в хитром строенье
 Крепких судов, из которых бы каждый, моря обтекая,
 Разных народов страны посещал, как бывает, что ходят
 По морю люди, с другими людьми дружелюбно знакомясь.
¹³⁰ Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;
 Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалось к сроку;
 Сходят широкой отлогостью к морю дуга там густые,
 Влажные, мягкие; много б везде разрослось винограда;
 Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
¹³⁵ Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна.
 Есть там надежная пристань, в которой не нужно ни тяжкий
 Якорь бросать, ни канатом привязывать шаткое судно;
 Может оно простоять безопасно там, сколько захочет
 Плаватель сам иль пока не подымет ветер попутный.
¹⁴⁰ В самой вершине залива прозрачно ввергается в море
 Ключ, из пещеры бегущий под сению тополей черных.
 В эту мы пристань вошли с кораблями; в ночной темноте нам

Путь указал благодетельный демон: был остров невидим;
Влажный туман окружал корабли; не светила Селена
145 С неба высокого; тучи его покрывали густые;
Острова было нельзя различить нам глазами во мраке;
Видеть и длинных, широко на берег отлогий бегущих
Волн не могли мы, пока корабли не коснулись берега.
Но лишь коснулись берега они, паруса мы свернули;
150 Сами же, вышед на берег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо Денницы.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Весь обошли с удивленьем великим мы остров пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
155 Коз с обвеваемых ветрами гор, для богатой нам пищи;
Гибкие луки, охотничьи легкие копья немедля
Взяли с своих кораблей мы и, на три толпы разделяя,
Начали битву; и бог благосклонный великой добычей
Нас наградил: все двенадцать моих кораблей запасли мы,
160 Девять на каждый досталось по жеребью коз; для себя же
Выбрал я десять. И целый мы день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались,
Ибо еще на моих кораблях золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельных сосудов
165 Сладким напитком, разрушивши город священный киконов.
С острова ж в области близкой циклопов нам ясно был виден
Дым; голоса их, блянье их коз и баранов могли мы
Слышать. Тем временем солнце померкло, и тьма наступила.
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
170 Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
«Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблем и моими людьми удаляясь,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает,
175 Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?»
Так я сказал и, вступив на корабль, повелед, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавках у весел,
180 Разом могучими веслами вспенили темные воды.
К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,

Густо одетую лавром, просторную, где собирался
 Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
 185 Грубо набросанных камней был двор обведен, и стояли
 Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
 Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
 Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
 Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
 190 Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
 Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
 Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
 Спутника верным моим повелел я остаться на берегу
 Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
 195 Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
 С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным
 Мехом: Марон, Аполлона великого жрец, Эвантеев
 Сын, обитавший в разрушенном Измаре, им наделил нас
 В дар, благодарный за то, что его мы с женою и с сыном —
 200 Сан уважая жреца — пощадили во граде, где жил он
 В роще густой Аполлона; меня ж одарил он особо:
 Золота лучшей доброты он дал мне семь полных талантов;
 Дал серебролитную дивной работы кратеру и налил
 Целых двенадцать больших мне скуделей вином, драгоценным,
 205 Крепким, божественно-сладким напитком; о нем же не ведал
 В доме никто из рабов и рабынь и никто из домашних,
 Кроме хозяина, умной хозяйки и ключницы верной.
 Если когда тем пурпурно-медвяным вином насладиться
 В ком пробуждалось желанье, то, в чашу его нацедивши,
 210 В двадцать раз боле воды подбавляли, и запах из чаши
 Был несказанный: не мог тут никто от питья воздержаться.
 Взял я с собой тем напитком наполненный мех и съестного
 Полный кошель: говорило мне вешнее сердце, что встречу
 Страшного мужа чудовищной силы, свирепого нравом,
 215 Чуждого добрым обычаем, чуждого вере и правде.
 Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
 Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеко.
 Начали всё мы в пещере просторной осматривать; много
 Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах
 220 Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в порядке
 Там размещенные: старшие с старшими, средние подле
 Средних и с младшими младшие; ведра и чаши

Были до самых краев налиты простоквашей густою.
 Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
²²⁵ Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
 Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей
 Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
 Я на беду отказался полезный совет их исполнить;
 Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
²³⁰ Даст нам подарок: но встретиться с ним не на радость нам было.
 Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
 Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
 Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
 С ношею дров, для варенья вечерняя пища, явился
²³⁵ Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
 Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши
 Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
 Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
 Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
²⁴⁰ Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
 Камень, который и двадцать два воза четырехколесных
 С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
 Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
 Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
²⁴⁵ Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
 Клад сосуна. Половину отлив молока в плетеницы,
 В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра;
 Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
 Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.
²⁵⁰ Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он
 Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
 «Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
 Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
²⁵⁵ Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась,
 Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
 Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
 Голос гремящий и образ чудовища в трепет привел нас.
 Но, ободрясь, напоследок отвечив так я циклопу:
 «Все мы ахейцы: плывем от далекия Трои; сюда же
²⁶⁰ Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.
 В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
 Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу.

Служим мы в войске Атрида, царя Агамемнона; он же
 Всех земнородных людей превзошел несказанною славой,
 265 Город великий разрушив и много врагов истребивши.
 Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
 Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок
 Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.
 Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
 270 Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кроннион,
 Бог гостелюбец, священного странника вождь и заступник».

Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
 «Видно, что ты издалека, иль вовсе безумен, пришелец,
 Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
 275 Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих
 Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей;
 Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
 Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
 Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы
 280 К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
 Должен я». Так, искушая, он хитро спросил. Остерегшись,
 Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу:
 «Бог Посидон, колебатель земли, мой корабль уничтожил,
 Бросив его недалеко от здешнего берега на камни
 285 Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
 Мне ж и со мною немногим от смерти спастись удалось».

Так я сказал, и, ответа не дав никакого, он быстро
 Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
 Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
 290 Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
 Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
 Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый глodom,
 Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
 Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном
 295 К Дню отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
 Чрево наполнив свое человеческим мясом и свежим
 Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
 Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
 Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца,
 300 Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящую медью
 Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень.
 Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:

С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
 Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
 305 Слабую нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
 С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос:
 Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
 Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
 Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
 310 Клял сосуна; окончавши с заботливым спехом работу,
 Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
 Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.
 Мощной рукою оттолкнувши утес приворотный, им двери
 Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.
 315 С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
 Я ж, в заключение оставленный, начал выдумывать средство,
 Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.
 Вот что, размыслив, нашёл, наконец, я удобным и верным:
 В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий
 320 Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,
 Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним; подобен
 Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
 С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
 Был он, конечно, как мачта длиною, толщиной и весом.
 325 Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя,
 Выглядить чисто отрубков велел я товарищам; скоро
 Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
 После, обжегши на углях острый конец, мы поспешно
 Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
 330 Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
 Кончив, своих пригласил я сопутников жеребий кинуть,
 Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
 Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предается.
 Жеребий дал четырех мне, и самых надежных, которых
 335 Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью пятый.
 Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
 Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо
 Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
 (Было ли в нем подозренье, иль демон его надомнил).
 340 Снова пещеру задвинув скалой необъятно тяжелой,
 Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
 Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он

Клад сосуна. И окончив работу, рукой беспощадной
 Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.
 365 Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
 Полную чашу вина золотого ему предлагая:
 «Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытись
 Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
 Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
 370 Милость в тебе обрести: но свирепствуешь ты нестерпимо.
 Кто же вперед, беспощадный, тебя посетит из живущих
 Многих людей, о твоих незаконных поступках услышав?»
 Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
 Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
 375 Чаши. «Налей мне, — сказал он, — еще и свое назови мне
 Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
 Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
 Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплождает;
 Твой же напиток — амброзия чистая с нектаром сладким».

380 Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
 Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
 Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
 Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
 «Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
 385 С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?
 Я называюсь *Никто*; мне такое название дали
 Мать и отец, и товарищи так все меня величают».

С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
 «Знай же, *Никто*, мой любезный, что будешь ты самый последний
 390 Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок».

Тут повалился он навзничь, совсем оьянелый; и набок
 Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
 Сон овладел им; вино и куски человеческого мяса
 Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.

395 Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
 Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
 Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
 Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
 Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
 400 Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
 Стали боков — божество в них, конечно, вложило отважность;

Кол обхватили они и его острием раскаленным
 Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
 Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,
 375 Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
 Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
 Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
 Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
 Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
 390 Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши.
 Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
 В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
 Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
 Влаге: так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный.
 395 Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.
 В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью вырвав
 Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
 Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступленье
 Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
 400 Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром, вершинах.
 Громкие вопли услышав, отовсюду сбежались циклопы;
 Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
 Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
 Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?
 405 Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
 Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?»
 Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
 Ревом: «*Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
 Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали циклопы:
 410 «Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если
 Болен, то воля на это Зевеса, ее не избегнешь.
 В помощь отца своего призови, Посидона владыку».
 Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
 Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.
 415 Охая тяжело, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
 Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
 Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
 Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
 Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
 420 Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,

Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
 Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
 Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.
 Вот что, по думанью долгом, удобнейшим мне показалось:
 425 Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
 Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шелк, волновалось.
 Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
 Их из рогожи, служившей постелею злому циклопу,
 По три барана связал; человек был подвязан под каждым
 430 Средним, другими двумя по бокам защищенный; на каждом
 Трех был один из товарищей наших; а сам я?.. Дебелый,
 Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран; обхвативши
 Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
 Брюхом; а руки (в руно несказанно-густое впустив их)
 435 Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
 С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос.
 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
 К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
 Матки ж, еще недоенные, жалко блеяли в закутах,
 440 Брызжа из длинных сосцов молоко; господин их, от боли
 Охая, шупал руками у всех, пробегающих мимо,
 Пышные спины; но, глупый, он был угадать не способен,
 Что у иных под волнистой скрывалось грудью; последний
 Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный
 445 Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время о многом.
 Спину ощутив его, с ним циклоп разговаривать начал:
 «Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
 Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
 Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
 450 Сладкорастущей травую питаться; ты в полдень к потоку
 Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру;
 Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь сам ты,
 Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
 Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
 455 Ум отуманил; его называют *Никто*; но еще он
 Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
 Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
 Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
 Оземь ударив его и на части раздернув; отместил бы

460 Я за обиду, какую *Никто*, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес». Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал, и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
465 Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
470 Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыв расстояние, в каком человеческий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
475 «Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес и другие
480 Боги блаженные». Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалось море от падшей громады;
485 Хлынув, большая волна побежала стремительно к берегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно
Прочь отвалил; а товарищам молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
490 Близкой беды; все, нагнувшись, разом ударили в весла.
Быв на двойном расстоянии от страшного берега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.
«Дерзкий, — они говорили, — зачем ты чудовище дразнишь?
495 В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.
Если теперь он чей голос или слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,

Бросив утес остробокий: до нас же он верно добросит».
 500 Так говорили они, но, упорствуя дерзостным сердцем,
 Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
 «Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
 Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
 Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта
 505 Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой мой».
 Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул:
 «Горе! Пророчество древнее ныне сбилось надо мною;
 Некогда был здесь один предсказатель великий и мудрый,
 Телем, Эвримнев сын, знаменитейший в людях всевидец;
 510 Жил и состарился он, прорицая, в земле у циклопов.
 Ведая все, что должно совершиться в грядущем, предрек он
 Мне, что рука Одиссеева зренье мое уничтожит.
 Я же все думал, что явится муж благовидный, высокий
 Ростом, божественной силою мышц обладающий смертный...
 515 Что же? Меня малорослый урод, человечинко хилый
 Зренья лишил, наперед вероломно вином опьянивши.
 Если ж ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
 Стану молить Посидона, чтоб путь совершил ты безбедно
 По морю; сын я ему; он отцом мне слывет; и один он,
 520 Если захочет, погибшее зренье мое возвратить мне
 Может — один он, никто из людей и никто из бессмертных».
 Так говорил Полифем. Я, ответствуя, громко воскликнул:
 «О, когда бы я так же мог верно и гнусную вырвать
 Душу твою из тебя и к Аиду низвергнуть, как верно
 525 То, что тебе колебатель земли не воротит уж глаза!»
 Так отвечал я; тут начал он, к звездному небу поднявши
 Руки, молиться отцу своему, Посидону владыке:
 «Царь Посидон земледержец, могучий, лазурнокудрявый,
 Если я сын твой и ты мне отец, то не дай, чтоб достигнул
 530 В землю свою Одиссей, городов сокрушитель, Лаэртов
 Сын, обладатель Итаки, меня ослепивший. Когда же
 Воля судьбы, чтоб увидел родных мой губитель, чтоб в дом свой
 Царский достигнул, чтоб в милую землю отцов возвратился,
 Дай, чтоб по многих напастях, утратив спутников, поздно
 535 Прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе».
 Так говорил он, моляся, и был Посидоном услышан.
 Тут он огромнейший первого камень схватил и с размаху

В море его с непомерною силою швырнул; загудевши,
 Он позади корабля темноносого с шумом великим
 540 Грянулся в воду так близко к нему, что едва не расплюснул
 Нашей кормы; всколыхалось море от падшей громады;
 Судно ж волною помчалось вперед к недалекому берегу
 Острова Коз; и вошли мы обратно в ту пристань, где наши
 В месте защитном оставлены были суда, где печально
 545 Спутники в скуке сидели и ждали, чтоб мы воротились.
 К берегу пристав, быстроходный корабль на песок мы встали;
 Сами же вышли на брег, поражаемый шумно волнами.
 Тучных циклоповых коз и баранов собравши, добычу
 Стали делить мы, чтоб каждому должный достался участок;
 550 Мне же от светлообутых сопутников в дар был особо
 Главный назначен баран, и его принесли мы на бреге
 В жертву Кронииону, туч собирателю, Зевсу владыке.
 Тучные бедра пред ним мы сожгли. Но, отвергнув он жертву,
 Стал замышлять, чтоб, беды претерпев, напоследок и всех я
 555 Спутников верных и всех кораблей крепкозданных лишился.
 Жертву принеся, мы целый там день до вечернего мрака
 Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
 Тою порою померкнуло солнце, и тьма наступила;
 Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
 560 Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
 Спутников верных созвав, я велел, чтоб они на проворных
 Все кораблях собрались и все отвязали канаты.
 Спутники все собрались и, севши на лавках у весел,
 Разом могучими веслами вспенили темные воды.
 565 Далее поплыли мы в сокрушение великом о милых
 Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслись от смерти.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

СОДЕЖАНИЕ ДЕСЯТОЙ ПЕСНИ

Вечер тридцать третьего дня

Одиссей продолжает рассказывать свои приключения. Прибытие на остров Эолию. Эол, повелитель ветров, дает Одиссею проводником Зефира и вручает ему крепко завязанный мех с заключенными в нем

прочими ветрами. Находясь уже в виду Итаки, Одиссей засыпает. Его спутники развязывают мех; подымается сильная буря, которая приносит их обратно к Эолову острову. Но раздраженный Эол повелевает Одиссею удалиться. Лестригоны истребляют одиннадцать кораблей Одиссеевых; с последним пристаёт он к острову Цирцеи. Волшебница превращает в свиней его спутников; но Эрмий даёт ему средство нарушить её чародейство. Одиссей, одолев Цирцею, убеждает её возвратить человеческий образ его спутникам. Проведя год на её острове, он требует наконец, чтобы она возвратила его в отечество; но Цирцея повелевает ему прежде посетить Океан и у входа в область Аида вопрошить прорицателя Тиресия о судьбе своей. Смерть Ельпенора.

Скоро на остров Эолию прибыли мы; обитает
 Иппотов сын там, Эол благородный, богами любимый.
 Остров плавучий его неприступною медной стеною
 Весь обнесен; берега ж подымаются гладким утесом.
 5 Там от супруги двенадцать детей родилося Эолу,
 Шесть дочерей светлоликих и шесть сыновей многочисленных.
 Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество отдал.
 Днём с благородным отцом и заботливой матерью вместе
 Все за трапезой, уставленной яствами, сладко пируют
 10 В зале они, благовонной от запаха пищи и пеньем
 Флейт оглашаемой; ночью же, каждый с своею супругой,
 Спят на резных, дорогими коврами покрытых кроватях.
 В град их прибывши, мы в дом их богатый вступили; там целый
 Месяц Эол угощал нас радушно и с жадностью слушал
 15 Повесть о Трое, о битвах аргивян, о их возвращенье;
 Все любопытный заставил меня рассказать по порядку.
 Но напоследок, когда обратился я, в путь изготавясь,
 С просьбой к нему отпустить нас, на то согласясь благосклонно,
 Дал он мне сшитый из кожи быка девятигодового
 20 Мех с заключенными в нем буреносными ветрами; был он
 Их господином, по воле Крониона Дия, и всех их
 Мог возбуждать или обуздывать, как приходило желанье.
 Мех на просторном моем корабле он серебряной нитью
 Туго стянул, чтоб ни малого быть не могло дуновенья
 25 Ветров; Зефиру лишь дал повеленье дыханьем попутным
 Нас в кораблях по водам провожать; но домой возвратиться
 Дий не судил нам: своей безрассудностью все мы погибли.

Девять мы суток и денно и ночью свой путь совершали;
 Вдруг на десятые сутки явился нам берег отчизны.
 30 Был он уж близко; на нем все огни уж могли различить мы.
 В это мгновенье в глубокий я сон погрузился, понеже
 Правил до тех пор кормилом один, никому не желая
 Вверить его, чтоб успешней достигнуть отчизны любезной,
 Спутники тою порой завели разговор; полагали
 35 Все, что с собою имел серебра я и золота много,
 Мне на прощание данных царем благородным Эолом.
 Глядя друг на друга, так рассуждали они меж собою:
 «Боги! Как всюду его одного уважают и любят
 40 Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумал
 Он посетить. Уж и в Трое он много сокровищ от разных
 Собрал добыч; мы одно претерпели, один совершили
 Путь с ним — а в дом свой должны возвратиться с пустыми руками.
 Так и Эол; лишь ему одному он богатый подарок
 Сделал; посмотрим же, что им так плотно завязано в этом
 45 Мехе: уж верно найдем серебра там и золота много».
 Так говорили одни; их одобрили все остальные.
 Мех был развязан, и шумно исторглися ветры на волю;
 Бурю воздвигнув, они с кораблями их, громко рыдавших,
 Снова от берега отчизны умчали в открытое море.
 50 Я пробудился и долго умом колебался, не зная,
 Что мне избрать, самого ли себя уничтожить, в пучину
 Бросясь, иль, молча судьбе покорясь, меж живыми остаться.
 Я покорился судьбе и на дне корабля, завернувшись
 В мантию, тихо лежал. К Эолийскому острову снова
 55 Бурею наши суда принесло. Все товарищи с плачем
 Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою,
 Наскоро легкий обед мы у быстрых судов совершили.
 Свой удовольствовав голод едой и питьем, я с собою
 Взял одного из товарищей наших с глашатаем; прямо
 60 К дому Эола царя мы пошли и его там застали
 Вместе с женой и со всеми детьми за семейным обедом.
 В двери палаты вступив, я с своими людьми на пороге
 Сел; изумилась царева семья; все воскликнули вместе:
 «Ты ль, Одиссей? Не зловредный ли демон к тебе прикоснулся?
 65 Здесь мы не всё ль учредили, чтоб ты беспрепятственно прибыл
 В землю отцов иль в иную какую желанную землю?»

Так говорили они; с сокрушеньем души отвечал я:
 «Сон роковой и безумие спутников мне приключили
 Бедствие злое; друзья, помогите; вам это возможно».
 70 Так я сказал, умоляющим словом смягчить их надеясь.
 Все замолчали они; но отец мне отвечивал с гневом:
 «Прочь, недостойный! Немедля мой остров покинь; неприлично
 Нам под защиту свою принимать человека, который
 Так очевидно бессмертным, блаженным богам ненавистен.
 75 Прочь! Ненавистный блаженным богам и для нас ненавистен».
 Кончив, меня он, рыдавшего жалобно, из дому выслал.
 Далее поплыли мы в сокрушении сердца великом.
 Люди мои, утомаясь от гребли, утратили бодрость,
 Помощи всякой лишены собственным жалким безумством.
 80 Денно и ночью шесть суток носясь по водам, на седьмые
 Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов,
 Ламосу. Там, возвращаясь с поля, пастух вызывает
 На поле выйти другого; легко б несонливый работник
 Плату двойную там мог получать, выгоняя пастись
 85 Днем белорунных баранов, а ночью быков криворогих:
 Ибо там паства дневная с ночью сближается паствой.
 В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы,
 Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
 Устья великими, друг против друга из темныя бездны
 90 Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая.
 Люди мои, с кораблями в просторную пристань проникнув,
 Их утвердили в ее глубине и связали, у берега тесным
 Рядом поставив: там волн никогда ни великих, ни малых
 Нет, там равниною гладкою лоно морское сияет.
 95 Я же свой черный корабль поместил в отдаленье от прочих,
 Около устья, канатом его привязав под утесом.
 После взошел на утес и стоял там, кругом озираясь:
 Не было видно нигде ни быков, ни работников в поле;
 Изредка только, взвиваясь, дым от земли подымался.
 100 Двух расторопнейших самых товарищей наших я выбрал
 (Третий был с ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы
 Людям, вкушающим хлеб на земле плодоносной, достигли?
 Гладкая скоро дорога представилась им, по которой
 В город дрова на возах с окружающих гор доставлялись.
 105 Сильная дева им встретилась там; за водою с кувшином

За город вышла она; лестригон Антифат был отец ей;
Встретились с нею они при ключе Артакийском, в котором
Черпали светлую воду все, жившие в городе близком.
К ней подошедши, они ей сказали: «Желаем узнать мы,
110 Дева, кто властвует здешним народом и здешней страной?»
Дом Антифата, отца своего, им она указала.
В дом тот высокий вступивши, они там супругу владыки
Встретили, ростом с великую гору — они ужаснулись.
Та же велела скорей из собрания царя Антифата
115 Вызвать; и он, прибежав на погибель товарищей наших,
Жадно схватил одного и сожрал; то увидя, другие
Бросились в бегство и быстро к судам возвратилися; он же
Начал ужасно кричать и встревожил весь город; на громкий
Крик отовсюду сбежалась толпа лестригонов могучих;
120 Много сбежалось их, великанам, не людям подобных.
С крути утесов они через силу подъемные камни
Стали бросать; на судах поднялася тревога — ужасный
Крик убиваемых, треск от крушенья снастей; тут злосчастных
Спутников наших, как рыб, нанизали на колья и в город
125 Всех унесли на съеденье. В то время как бедственно гибли
В пристани спутники, острый я меч обнажил и, отсекиши
Крепкий канат, на котором стоял мой корабль темноносый,
Людам, собравшимся в ужасе, молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
130 Близкой беды: уstraшенные дружно ударили в весла.
Мимо стремнистых утесов в открытое море успешно
Выплыл корабль мой; другие же все невозвратно погибли.
Далее поплыли мы, в сокрушение великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
135 Мы напоследок достигли до острова Эи. Издавна
Сладкоречивая, светлокудрявая там обитает
Дева Цирцея, богиня, сестра кознодея Аэта.
Был их родителем Гелиос, бог, озаряющий смертных;
Мать же была их прекрасная дочь Океанова, Перса.
140 К берегу крутому пристав с кораблем, потаенно вошли мы
В тихую пристань: дорогу нам бог указал благосклонный.
На берег вышел, на нем мы остались два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжелой печалию сердца.
Третий нам день привела светозарнокудрявая Эос.

¹⁴⁵ Взявши копьё и двуострый свой меч опоясав, пошел я
С места, где был наш корабль, на утесистый берег, чтоб сведать,
Где мы? Не встречу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь голос?
Став на вершине утеса, я взором окинул окрестность.
Дым, от земли путеносной вдали восходящий, увидел
¹⁵⁰ Я за широко разросшимся лесом в жилище Цирцеи.
Долго рассудком и сердцем колеблясь, не знал я, идти ли
К месту тому мне, где дым от земли подымался багровый?
Дело обдумав, уверился я наконец, что удобней
Было сначала на брег, где стоял наш корабль, возвратиться,
¹⁵⁵ Там отобедать с людьми и, надежнейших выбрав, отправить
Их за вестями. Когда ж к кораблю своему подходил я,
Сжалился благостный бог надо мной, одиноким: навстречу
Мне он оленя богаторогатого, тучного высла;
Пажить лесную покинув, к студеной реке с несказанной
¹⁶⁰ Жаждой бежал он, измученный зноем полдневного солнца.
Меткое бросив копьё, поразил я бегущего зверя
В спину: ее проколовши насквозь, острием на другой бок
Вышло копьё; застонав, он упал, и душа отлетела.
Ногу уперши в убитого, вынул копьё я из раны,
¹⁶⁵ Подле него на земле положил и немедля болотных
Гибких тростиннок нарвал, чтоб веревку в три локтя длиною
Свить переплетши тростинки и плотно скрутив их, веревку
Свивши, связал я оленю тяжелому длинные ноги;
Между ногами просунувши голову, взял я на плечи
¹⁷⁰ Ношу и с нею пошел к кораблю, на копьё опираясь;
Просто ж ее на плечах я не мог бы одною рукою
Снести: был чрезмерно огромен олень. Перед судном на землю
Бросил его я, людей разбудил и, приветствовал всех их,
Так им сказал: «Ободритесь, товарищи, в область Аида
¹⁷⁵ Прежде, пока не наступит наш день роковой, не сойдем мы;
Станем же ныне (едой наш корабль запасен изобильно)
Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голод».
Было немедля мое повеленье исполнено; снявши
Верхние платья, они собрались у бесплодного моря;
¹⁸⁰ Всех их олень изумил, несказанно-великий и тучный;
Очи свои удовольствовал сладостным зреньем, умыли
Руки они и поспешно обед приготовили вкусный.
Целый мы день до вечернего сумрака, сидя на бреге,

Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались;
 185 Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная;
 Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
 Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
 Спутников верных своих на совет пригласив, я сказал им:
 «Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный:
 190 Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос;
 Где светonosный под землю спускается Гелиос, где он
 На небо всходит; должны мы теперь совокупно размыслить,
 Можно ли чем от беды нам спастися; я думаю, нечем.
 С этой крутой высоты я окрестность окинул глазами:
 195 Остров, безбрежною бездной морской, как венцом, окруженный,
 Плоско на влаге лежащий, увидел я; дым подымался
 Густо вдали из широко растущего, темного леса».
 Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце:
 В память пришли им и злой лестригон Антифат и надменный
 200 Силой своею циклоп Полифем, людоед святотатный;
 Громко они застонали, обильным потоком проливши
 Слезы, — напрасно: от слез и от стонов их не было пользы.
 Тут разделить я решился товарищей меднообутых
 На две дружины; одною дружиной начальствовал сам я;
 205 Избран вождем был дружины другой Еврилох благородный.
 Жеребьи в медноокованном шлеме потом потрясли мы —
 Вынул жеребий твердому сердцем вождю Еврилоху.
 В путь собрался он, и с ним двадцать два из товарищей наших.
 С плачем они удалились, оставя нас, горем объятых.
 210 Скоро они за горами увидели крепкий Цирцеин
 Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
 Около дома толпилися горные львы и лесные
 Волки: питьем очарованным их укротила Цирцея,
 Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они подбежали
 215 К ним миролюбно и, их окруживши, махали хвостами.
 Как к своему господину, хвостами махая, собаки
 Ласться — им же всегда он приносит остатки обеда, —
 Так остропаные львы и шершавые волки к пришельцам
 Ластились. Их появленьем они приведенные в ужас,
 220 К дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспешно
 Все устремились. Там голосом звонко-приятным богиня
 Пела, сидя за широкой, прекрасной, божественно-тонкой

Тканью, какая из рук лишь богини бессмертной выходит.
 К спутникам тут обратяся, Политос, мужей предводитель,
 225 Мне меж другими вернейший, любезнейший друг мой, сказал им:
 «Слышите ль голос приятный, товарищи? Кто-то, за тканью
 Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность.
 Кто же? Богиня иль смертная? Голос скорей подадим ей».
 Так он сказал им; они закричали, чтоб вызвать певиду.
 230 Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
 В дом пригласила вступить их; забыв осторожность, вступили
 Все; Еврилох лишь один назади, усомнившись, остался.
 Чинно гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
 Смесь из сыра и меду с ячменной мукой и с прамнейским
 235 Светлым вином подала им, подсыпав волшебного зелья
 В чашу, чтоб память у них об отчизне пропала; когда же
 Ею был подан, а ими отведан напиток, ударом
 Быстрым жезла загнала чародейка в свиную закуту
 Всех; очутился там каждый с щетинистой кожей, с свиною
 240 Мордой и с хрюком свиным, не утратив, однако, рассудка.
 Плачущих всех заперла их в закуте волшебница, бросив
 Им желудей, и свидины, и буковых диких орехов
 В пищу, к которой так лакомы свиньи, любящие рылом
 Землю копать. К кораблю Еврилох прибежал той порою
 245 С вестью плачевной о бедствии, спутников наших постигшем.
 Долго не мог, сколь ни силился, слова сказать он, могучим
 Горем проникнутый в сердце; слезами наполнены были
 Очи его, и душа в нем терзалась от скорби; когда же
 Все мы его в изумленье великом расспрашивать стали,
 250 Так рассказал он мне повесть о бедствии посланных наших:
 «Лес перешедши, как ты повелел, Одиссей многославный,
 Скоро мы там за горами увидели крепкий Цирцеин
 Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
 В нем, мы услышали, пела прекрасно певица, за тканью
 255 Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчас мы голос
 Подали; вышла она и, блестящую дверь растворивши,
 В дом нас вступить пригласила; забыв осторожность, вступили
 Все; я остался один назади, предузнавши гибель;
 Все там исчезли они, и обратно никто уж не вышел.
 260 Долго я ждал; напоследок ушел, ничего не узнавши».
 Так он сказал; и немедля, надев на плечо среброгвоздный,

Медный, двуострый мой меч и схвативши свой туго согбенный
 Лук, я велел Еврилоху меня проводить, возвратившись
 Той же дорогой со мною; но он, на колена в великом
 265 Страхе упав, мне с рыданием бросил крылатое слово:
 «Нет, повелитель, позволь за тобой не ходить мне; уверен
 Я, что ни сам ты назад не придешь, ни других не воротишь
 Спутников наших; советую лучше, как можно скорее,
 Бегством спастись, иль все мы ужасного дня не минуем».
 270 Так говорил Еврилох, и, ему отвечая, сказал я:
 «Друг Еврилох, принуждать я тебя не хочу; оставайся
 Здесь, при моем корабле, утешаться питьем и едою;
 Я же пойду; непреклонной нужде покориться мне должно».
 С сими словами пошел я от моря, корабль там оставив.
 275 Той же порой, как, в святую долину спустясь, уж был я
 Близко высокого дома волшебницы хитрой Цирцеи,
 Эрмий с жезлом золотым пред глазами моими, неожиданный,
 Стал, заступив мне дорогу; пленительный образ имел он
 Юноши с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном
 280 Младости цвете. Мне ласково руку подавши, сказал он:
 «Стой, злополучный, куда по горам ты бредешь одиноко,
 Здешнего края не ведая? Люди твои у Цирцеи;
 Всех обратила в свиней чародейка и в хлев заперла свой.
 Их ты избавить спешишь; но и сам, опасаясь, оттуда
 285 Цел не уйдешь; и с тобою случится, что с ними случилось».
 Слушай, однако: тебя от беды я великой избавить
 Средство имею; дам зелья тебе; ты в жилище Цирцеи
 Смело поди с ним; оно охранит от ужасного часа.
 Я же тебе расскажу о волшебствах коварной богини:
 290 Пойло она приготовит и зелья в то пойло подсыплет.
 Но над тобой не подействуют чары; чудесное средство,
 Данное мною, их силу разрушит. Послушай: как скоро
 Мощным жезлом чародейным Цирцея к тебе прикоснется,
 Острый свой меч обнажив, на нее устремись ты немедля,
 295 Быстро, как будто ее умертвить вознамерясь; в испуге
 Станет на ложе с собою тебя призывать чародейка —
 Ты не подумай отречься от ложа богини: избавишь
 Спутников, будешь и сам гостелюбно богинею принят.
 Только потребуй, чтоб прежде она поклялася великой
 300 Клятвой, что вредного замысла против тебя не имеет:

Иначе мужество, ею расслабленный, все ты утратишь».
 С сими словами растение мне подал божественный Эрмий,
 Вырвав его из земли и природу его объяснив мне:
 Корень был черный, подобен был цвет молоку белизною;
 305 *Моли* его называют бессмертные; людям опасно
 С корнем его вырывать из земли, но богам все возможно.
 Эрмий, подав мне растение, на светлый Олимп удалился.
 Я же пошел вдоль лесистого острова к дому Цирцея,
 Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
 310 Став перед дверью прекраснокудрявой богини, я громко
 Начал ее вызывать; и, услышав мой голос, немедля
 Вышла она, отворила блестящие двери и в дом дружелюбно
 Мне предложила вступить; с сокрушением сердца вступил я.
 Введши в покои меня и на стул посадив среброгвоздный
 315 Редкой работы (для ног же была там скамейка), богиня
 В чашу златую влила для меня свой напиток; но прежде,
 Злое замыслив, подсыпала зелье в него; и когда он
 Ею был подан, а мною безвредно отведан, свершила
 Чару она, дав удар мне жезлом и сказав мне такое
 320 Слово: «Иди и свиньей валяйся в закуте с другими».
 Я же свой меч изощренный извлек и его, подбежав к ней,
 Поднял, как будто ее умертвить вознамерившись; громко
 Вскрикнув, она от меча увернулась и, с плачем великим
 Сжавши колена мои, мне крылатое бросила слово:
 325 «Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?
 Я в изумленьи; питья моего ты отведал и не был
 Им превращен; а доселе никто не избег чародейства,
 Даже и тот, кто, не пив, лишь губами к питью прикасался.
 Сердце железное бьется в груди у тебя; и, конечно,
 330 Ты Одиссеей, многохитростный муж, о котором давно мне
 Эрмий, носитель жезла золотого, сказал, что сюда он
 Будет, на черном плывя корабле от разрушенной Трои.
 Вдвинь же в ножны медноострый свой меч и со мною
 Ложе мое раздели: сочетавшись любовью на сладком
 335 Ложе, друг другу доверчиво сердце свое мы откроем».
 Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
 «Как же могу, о Цирцея, твоим быть доверчивым другом,
 Если в свиней обратила моих ты сопутников? Мне же,
 Гибельный, верно, замысля обман, ты теперь предлагаешь

340 Ложе с тобой разделить, затворившись в твоей почивальне, —
 Там у меня, безоружного, мужество все ты похитишь.
 Нет, не надейся, чтоб ложе твое разделил я с тобою
 Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
 Клятвы, что вредного замысла против меня не имеешь».

345 Так я сказал, и Цирцея богами великими стала
 Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
 С нею в ее почивальне я лег на прекрасное ложе.
 Тою порою заботились в светлых покоях четыре
 Девы, служанки проворные, все учреждавшие в доме;

350 Все они дочери были потоков и рощ, и священных,
 Рек, в необъятное лоно глубокого моря бегущих.
 Дева одна, положивши на кресла подушки, постлала
 Пышные сверху ковры, на ковры ж полотняные ткани.
 К каждому креслам другая серебряный чудной работы

355 Стол пододвинула с хлебом в золотых драгоценных корзинах.
 Третья смешала в кратере серебряной воду с медвяным,
 Сладким вином; на столы же поставила кубки золотые.
 Светлой воды принесла напоследок четвертая дева:
 Яркий огонь разложив под треножным котлом, вскипятила

360 Воду она; вскипятивши же воду в котле, осторожно
 Стала сама, из котла подливая воды вскипяченной
 В свежую воду, плеча орошать мне и голову теплой
 Влагой: и тем прекратилось томившее дух расслабление
 Тела. Когда ж и омыт я и чистым натерт был елеем,

365 Легкий надевши хитон и косматую мантию, с девой
 В светлый покой я вступил, и она к серебровозным, богатым
 Креслам меня проводила, — была там для ног и скамейка.
 Тут принесла на лохани серебряной руки умыть мне
 Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,

370 Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
 Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса,
 Выданным ею охотно, и стала меня дружелюбно
 Потчевать вкусною пищей; но пища была мне противна.
 Думой объятый, сидел я с недобрым предчувствием в сердце.

375 Видя, что думой объятый сижу и что к лакомой пище
 Рук не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
 Близко ко мне подошедши, крылатое бросила слово:
 «Что у тебя на душе, Одиссей? Отчего так уныло

Здесь ты сидишь, как немой, ни еды, ни питья не вкушая?
 Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасен
 320 Страх твой; ты слышал, тебе поклялась я великою клятвой».

Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
 «О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящий,
 Муж согласится себя утешать и питьем и едою
 325 Прежде, пока не увидит своими глазами спасенья
 Спутников? Если желаешь, чтоб пищи твоей я коснулся,
 Спутников дай мне спасенье своими глазами увидеть».

Так я сказал, и немедля с жезлом из покоев Цирцея
 Вышла, к закуте свиной подошла и, ее отворивши,
 390 Их, превращенных в свиней девятигодовалых, оттуда
 Вывела; стали они перед нею; она ж, обошед их
 Всех, поочередно помазала каждого мазью, и разом
 Спала с их тела щетина, его покрывавшая густо
 С самых тех пор, как Цирцея дала им волшебного зелья;
 395 Прежний свой вид возвратив, во мгновение все стали моложе,
 Силами крепче, красивей лицом и возвышенной станом;
 Все во мгновение узнали меня и ко мне протянули
 Радостно руки; потом зарыдали от скорби; их воплем
 Дом огласился; проникнула жалость и в душу Цирцеи.

400 Близко ко мне подошедши, богиня богинь мне сказала:
 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссеей благородный,
 Медлить не должно; поди на песчаное взморье и верным
 Спутникам всем совокупно втащить повели на зыбучий
 405 Берег корабль твой; потом, все богатства и снасти в пещере
 Скрыв и товарищей взявши с собою, сюда возвратися».

Так мне сказала, и я покорился ей мужеским сердцем.
 Шагом поспешным пришел к кораблю на песчаное взморье,
 Близ корабля я на бреге нашел всех товарищей верных,
 Стоящих громко, из глаз изобильные слезы лиющих.

410 Как запертые в закутах телята, увидя идущих
 С паствы коров, напивавшихся сочной травой луговой,
 Все им навстречу бегут, из заград вырываяся тесных,
 Все окружают, мыча, возвратившихся с пажити маток:
 Так побежали толпою, увидя меня издалека,

415 Спутники все мне навстречу; и сильно проникла их сердце
 Радость, как будто б в родную они возвратились Итаку,
 В наше отечество милое, где родились и цвели мы.

Горько заплакав, они мне крылатое бросили слово:
«Радостно нам возвращенье твое, повелитель, как будто б
420 В наше отечество, в нашу Итаку мы вдруг возвратились.
Но не скрывайся, скажи, где товарищи? Что их постигло?»
Так говорили они, вопрошая; им так отвечал я:
«Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучий
Берег втащите; в пещере потом все богатства и снасти
425 Скройте; потом соберитесь и следуйте смело за мною.
К спутникам вас поведу я в святую обитель Цирцеи.
Всех их, питьем и едой веселящихся, там вы найдете». —
Было немедля мое повеленье исполнено ими.
Но Еврилох, вопреки мне, хотел удержать их; он смело,
430 Голос возвысив, товарищам бросил крылатое слово:
«Стойте: куда вы, безумцы? За ним по следам вы хотите
В дом чародейки опасной идти? Но она превратит вас
Всех иль в свиней, иль в шершавых волков, иль в лесных густогривых
Львов, чтоб ее стерегли вы жилище; там с вами случится
435 То ж, что случилось в пещере циклопа, куда безрассудно
Наши товарищи следом за дерзким вошли Одиссеем.
Он, необузданный, был их погибели жалкой виною». —
Так говорил Еврилох, и меня побуждало уж сердце
Меч длинноострый схватить и его обнаженною медью
440 Голову с плеч непокорного сбросить на землю, хотя он
Был мне и родственник близкий; но спутники все, удержавши
Руку мою, обратили ко мне миротворное слово:
«Если желаешь, божественный, пусть Еврилох остается
У моря здесь с кораблем и его сторожит неусыпно;
445 Мы же пойдем за тобою в святую обитель Цирцеи». —
Всех их от моря повел я, корабль наш покинув на бреге;
Но Еврилох не остался один с кораблем и за нами
Следом пошел, приведенный моими угрозами в трепет.
Тою порой остальные товарищи в доме Цирцеи
450 Баней себя освежили; душистым натершись елеем,
В легкий хитон и косматую мантию каждый облекся.
Я, возвратясь, их нашел за роскошной трапезой сидящих.
Свидясь с друзьями и все рассказав о случившемся с ними,
Громко они зарыдали, их воплем весь дом огласился.
455 Близко ко мне подошедши, богиня Цирцея сказала:
«Царь Одиссей, многохитростный муж, Лаэртид благородный,

Все вы свою укротите печаль и от слез воздержитесь;
 Знаю довольно я, что на водах многорыбного моря,
 Что на земле от свирепых людей претерпели вы, — горе
 460 Бросив теперь, наслаждайтесь питьем и едою, покуда
 В вашей груди не родится то мужество снова, с которым
 Некогда в путь вы пустились, расставшись с отчизною милой,
 С вашей суровой Итакою. Ныне в бессилии робком,
 Все помышляя о странствии бедственном, сердце веселью
 465 Вы затворяете, — были велики страдания ваши».

Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
 С тех пор вседневно, в течение мы целого года
 Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
 Но когда, наконец, обращеньем времен совершен был
 470 Круг годовой, миновались месяцы, дни пролетели,
 Спутники все приступили ко мне с убедительной речью:
 «Время, несчастный, тебе о возврате в Итаку подумать,
 Если угодно богам, чтоб спаслись мы, чтоб мог ты увидеть
 Светло-богатый свой дом, и отчизну, и милых домашних».

475 Так мне сказали, и я покорился им мужеским сердцем.
 Весело весь мы тот день до вечернего позднего мрака
 Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
 Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная.
 Спутники все предались в потемневших палатах покою.

480 Я ж, возвратясь к Цирцее, с ней рядом на ложе роскошном
 Лег, и колена ее обхватил, и богине, склонившей
 Слух свой ко мне со вниманием, бросил крылатое слово:
 «О Цирцея, исполни свое обещанье в отчизну
 Нас возвратить; сокрушается сердце по ней; в сокрушенье

485 Спутники все приступают ко мне и мою раздирают
 Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобным плачем».

Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
 В доме своем я тебя поневоле держать не желаю.

490 Прежде, однако, ты должен, с пути уклоняся, проникнуть
 В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона.
 Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
 Душу Тиресия фивского должно тебе спросить там.
 Разум ему сохранен Персефоной и мертвому; в аде

495 Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют».

Так говорила богиня; во мне растерзалось сердце;
 Горько заплакал я, сидя на ложе; мне стала противна
 Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
 Рвался, и долго, простершись на ложе, рыдал безутешно.
 Но напоследок, богине ответствуя, так я сказал ей:
 500 «Кто ж, о Цирцея, на этом пути провожатым мне будет?
 В аде еще не бывал с кораблем ни один земнородный».
 Так спросил я богиню, и так мне она отвечала:
 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
 505 Верь, кораблю твоему провожатый найдется; об этом
 Ты не заботься; но, мачту поставив и парус поднявши,
 Смело плыви; твой корабль передам я Борею; когда же
 Ты, Океан в корабле поперек переплывши, достигнешь
 510 Низкого берега, где дико растет Персефонин широкий
 Лес из раquit, свой теряющих плод, и из тополей черных,
 Вдвинув на брег, под которым шумит Океан водовратный,
 Черный корабль свой, вступи ты в Аидову мгlistую область.
 Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
 Вместе с Коцитом, великою ветвию Стикса; утес там
 515 Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки.
 Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под утесом
 Выкопав яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
 Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
 Первое смесью медвяной, другое вином благовонным,
 520 Третье водою и, все пересыпав мукою ячменной,
 Дай обещанье безжизненно-веющим теням усопших:
 В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
 Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
 Бросить, Тирезия ж более прочих уважить, особо
 525 Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
 После (когда обещание дашь многославным умершим)
 Черную овцу и черного с нею барана, — к Эребу
 Их обратив головою, а сам обратясь к Океану, —
 В жертву теням принеси; и к тебе тут немедля великой
 530 Придут толпою отшедшие души умерших; тогда ты
 Спутникам дай повеленье, содравши с овцы и с барана,
 Острой зарезанных медью, лежащих в крови перед вами,
 Кожу, их бросить немедля в огонь и призвать громогласно
 Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону;

535 Сам же ты, острый свой меч обнаживши и с ним перед ямой
 Сев, запрещай приближаться безжизненным теням усопших
 К крови, откуда ответа не даст вопрошенный Тирезий.
 Скоро и сам он, представ пред тобой, повелитель народов,
 Скажет тебе, где дорога, и долог ли путь, и успешно ль
 540 Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься».

Так говорила она; той порой златотронная Эос
 Встала; богиня, в хитон и хламиду меня облачивши,
 Светло-серебряной ризой из тонковоздушныя ткани
 Нежные плечи одела свои, золотым драгоценным
 545 Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
 Я же, чертоги ее перешедши, товарищей верных
 Всех разбудил и, приветствие каждому сделав, сказал им:
 «Время, друзья, вам от сладкого сна пробудиться; покиньте
 Ложе; пойдем; нас богиня сама побуждает к отъезду».

550 Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
 Но и оттуда не мог я отплыть без утраты печальной:
 Младший из всех на моем корабле, Эльenor, неотличный
 Смелостью в битвах, щедро умом от богов одаренный,
 Спать для прохлады ушел на площадку возвышенной кровли
 555 Дома Цирцеи священного, крепким вином охмеленный.
 Шумные сборы товарищей, в путь уж готовых, услышав,
 Вдруг он вскочил и, от хмеля забыв, что назад обратиться
 Должен был прежде, чтоб с кровли высокой сойти по ступеням,
 Прянул спросонья вперед, сорвался и, ударясь затылком
 560 Оземь, сломил позвоночную кость, и душа отлетела
 В область Аида. Тем временем спутникам так говорил я:
 «Мыслите, верно, друзья, вы, что в милую землю отчизны
 Мы возвращаемся? Путь нам иной указала Цирцея:
 565 В царстве Аида, где властвует страшная с ним Персефона,
 Душу Тиресия фивского должен сперва спросить я».

Так я сказал; в их груди сокрушилось милое сердце;
 Пали на землю они, в испуге волосы рвали,
 Всё понапрасну — от слез и от воплей нам не было пользы.
 Все к своему кораблю, на песчаном стоявшему берегу,
 570 Вместе пошли мы, печальные, льющие слезы обильно.
 Тою порою на брег привела чернорунную овцу
 С черным бараном Цирцея и, там их оставя, меж нами
 Тихо прошла, невидимая... Смертным увидеть не можно
 Бога, когда, приходя к ним, он хочет остаться невидим.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ СОДЕРЖАНИЕ ОДИННАДЦАТОЙ ПЕСНИ

Вечер тридцать третьего дня

Одиссей продолжает рассказывать свои приключения. Северный ветер приносит корабль его к берегам киммериян, где поток Океана ввергается в море; совершив жертву теням, Одиссей призывает их. Явление Ельпенора; он требует погребения. Тень Одиссеевой матери. Явление Тиресия и его предсказания. Беседа Одиссея с тенью матери. Тени древних жен выходят из Эреба и рассказывают о судьбе своей Одиссею. Он хочет прервать свою повесть, но Алкиной требует, чтобы он ее кончил, и Одиссей продолжает. Явление Агамемнона, Ахиллеса с Патроком, Антилохом и Аяксом. Видение судящего Миноса, зверо-ловящего Ориона, казней Тития, Тантала и Сизифа, грозного Гераклова образа. Внезапный страх побуждает Одиссея возвратиться на корабль; и он плывет обратно по течению вод Океана.

К морю и к ждавшему нас на песке кораблю собралися
Все мы и, сдвинувши черный корабль на священные воды,
Мачту на нем утвердили и к ней паруса привязали.
Взявши барана и овцу с собой, на корабль совокупно
5 Все мы взошли, сокрушенные горем, лиющие слезы.
Был нам по темным волнам провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней;
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
10 Плыли; корабль наш бежал, повинуюсь кормилу и ветру.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
15 Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.
20 Судно, прибыв, на песок мы встали; барана и овцу
Взяли с собой и пошли по течению вод Океана

Берегом к месту, которое мне указала Цирцея.
 Дав Перимеду держать с Еврилохом зверей, обреченных
 В жертву, я меч обнажил медноострый и, им ископавши
 25 Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
 Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе:
 Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
 Третье водой и, мукою ячменной все пересыпав,
 Дал обещанье безжизненно-веющим теням усопших:
 30 В дом возвратясь, корову, тельцов не имевшую, в жертву
 Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
 Бросить; Тиресия ж более прочих уважить, особо
 Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
 Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
 35 Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
 Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
 Души усопших, из темных бездн Эреба поднявшись:
 Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
 Дев молодых, о утрате недолгия жизни скорбящих,
 40 Бранных мужей, медноострым копьём пораженных смертельно
 В битве и брони, обрызганной кровью, еще не сложивших.
 Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
 Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным.
 Кликнув товарищей, им повелел я с овцы и с барана,
 45 Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед нами,
 Кожу содрать и, огню их предавши, призвать громогласно
 Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону.
 Сам же я меч обнажил изощренный и с ним перед ямой
 Сел, чтоб мешать приближаться безжизненным теням усопших
 50 К крови, пока мне ответа на даст вопрошенный Тиресий.
 Прежде других предо мною явилась душа Ельпенора;
 Бедный, еще не зарытый, лежал на земле путеносной.
 Не был он нами оплакан; ему не свершив погребенья,
 В доме Цирцеи его мы оставили: в путь мы спешили.
 55 Слезы я пролил, увидя его; состраданье мне душу проникло.
 Голос возвысив, я мертвому бросил крылатое слово:
 «Скоро же, друг Ельпенор, очутился ты в царстве Аида!
 Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быстроходном».
 Так я сказал; простонавши печально, мне так отвечал он:
 60 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей многославный,

Демоном злым погублен я и силой вина несказанной;
 Крепко на кровле заснув, я забыл, что назад надлежало
 Прежде пойти, чтоб по лестнице с кровли высокой спуститься;
 Бросясь вперед, я упал и, затылком ударившись оземь,
 65 Кость изломал позвоночную; в область Аида мгновенно
 Дух отлетел мой. Тебя же любовью к отсутственным милым,
 Верной женою, отцом, воспитавшим тебя, и цветущим
 Сыном, тобой во младенческих годах оставленным дома,
 Ныне молю — (мне известно, что, область Аида покинув,
 70 Ты в корабле возвратишься на остров Цирцеи) — о! вспомни,
 Вспомни тогда обо мне, Одиссеей благородный, чтоб не был
 Там не оплаканный я и безгробный оставлен, чтоб гнева
 Мстящих богов на себя не навлек ты моею бедою.
 Бросивши труп мой со всеми моими доспехами в пламень,
 75 Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря седого;
 В памятный знак же о гибели мужа для поздних потомков
 В землю на холме моем то весло водрузите, которым
 Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны тревожил».

Так говорил Ельпенор, и, ему отвечая, сказал я:
 80 «Все, злополучный, как требуешь, мною исполнено будет».

Так мы, печально беседуя, друг подле друга сидели,
 Я, отгоняющий тени от крови мечом обнаженным,
 Он, говорящий со мною, товарища прежнего призрак.
 Вдруг подошло, я увидел, ко мне привиденье умершей
 85 Матери милой моей Антиклеи, рожденной великим
 Автоликоном, — ее меж живыми оставил я дома,
 В Трою отплыв. Я заплакал, печаль мне проникнула душу;
 Но и ее, сколь ни тяжело то было душе, не пустил я
 К крови: мне не дал ответа еще прорицатель Тиресий.
 90 Скоро предстал предо мной и Тиресия фивского образ;
 Был он с жезлом золотым, и меня он узнал и сказал мне:
 «Что, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссеей благородный,
 Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
 Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?
 95 Но отклонися от ямы и к крови мечом не препятствуй
 Мне подойти, чтоб, напившись, мог я по правде пророчить».

Так он сказал; отклоняся от ямы, я меч среброгвоздный
 Вдвинул в ножны; а Тиресий, напившись черная крови,
 Слово ко мне обратил и сказал мне, по правде пророча:

¹⁰⁰ «Царь Одиссей, возвращения сладкого в дом свой ты жаждешь.
 Бог раздраженный его затруднит несказанно, понеже
 Гонит тебя колебатель земли Посидон; ты жестоко
 Душу разгневал его ослеплением милого сына.
 Но, и ему вопреки, и беды повстречав, ты достигнуть
¹⁰⁵ Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйных
 Спутников; с ними ты к острову знойной Тринакрии, бездну
 Темно-лазурного моря измерив, корабль приведешь свой;
 Тучных быков и волнистых баранов пасет там издавна
 Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает.
¹¹⁰ Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
 Если воздержисься руку поднять на стада Гелиоса;
 Если же руку подымеешь на них, то пророчу погибель
 Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избежнешь
 Смерти, но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море
¹¹⁵ Всех потеряв, на чужом корабле, и не радость там встретишь:
 Буйных людей там найдешь ты, твое достоянье губящих,
 Мучащих дерзким своим сватовством Пенелопу, дарами
 Брачными ей докучая; ты им отомстишь. Но когда ты,
 Праведно мстя, женихов, захвативших насильственно дом твой,
¹²⁰ В нем умертвишь иль обманом, иль явною силой — покинув
 Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
 Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
 Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
 Также не зревших еще ни в волнах кораблей быстроходных,
¹²⁵ Пурпурно-грудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
 Их по морям, — от меня же узнай несомнительный признак:
 Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
 «Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?»-
 В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
¹³⁰ Долгое странствие. Мощному там Посидону принесши
 В жертву барана, быка и свиной оплодителя вепря,
 В дом возвратись и великую дома сверши экатомбу
 Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
 Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
¹³⁵ Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
 Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
 Счастьем богатый. И сбудется все, предреченное мною».
 Так говорил мне Тиресий; ему отвечая, сказал я:

«Старец, пускай совершится, что мне предназначили боги.
140 Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Матери милой я вижу отшедшую душу; близ крови
Тихо сидит неподвижная тень и как будто не смеет
Сыну в лицо поглядеть и завести разговор с ним. Скажи мне,
Старец, как сделать, чтоб мертвая сына живого узнала?»
145 Так я его спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Легкое средство на это в немногих словах я открою:
Та из безжизненных теней, которой приблизиться к крови
Дашь ты, разумно с тобою начнет говорить; но безмолвно
Та от тебя удалится, которой ты к крови непустишь».
150 С сими словами обратнo отшедши в обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мне мой сказавшая жребий.
Я ж неподвижно остался на месте; но ждал я недолго:
К крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
С тяжким вздохом она мне крылатое бросила слово:
155 «Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную область
Аида? Здесь все ужасает живущего; шумно бегут здесь
Страшные реки, потоки великие; здесь Океана
Воды глубокие льются; никто переплыть их не может
Сам; то одним кораблям крепкозданным возможно. Скажи же,
160 Прямо ль от Трои с своим кораблем и с своими людьми ты,
По морю долго скитавшись, прибыл сюда? Неужели
Все не видал ни Итаки, ни дома отцов, ни супруги?»
Так говорила она, и, ответствуя, так ей сказал я:
«Милая мать, приведен я к Аиду нуждой всемогущей;
165 Душу Тиресия фивского мне спросить надлежало.
В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Нашей еще не видал, бесприютно скитаюсь повсюду
С самых тех пор, как с великим царем Агамемноном поплыл
В град Илион, изобильный конями, на гибель троянам.
170 Ты ж мне скажи откровенно, какую из Парк непреклонных
В руки навек усыпляющей смерти была предана ты?
Медленно ль тяжким недугом? Иль вдруг Артемида богиня
Тихой стрелою своею тебя без болезни убила?
Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною:
175 Царский мой сан сохранился ли им? Иль другой уж на место
Избран мое и меня уж в народе считают погибшим?
Также скажи мне, что делает дома жена Пенелопа?

С сыном ли вместе живет, неизменная в верности мужу?
 Иль уж с каким из ахейских владык сочеталася браком?»
 180 Так я ее спросил; Антикля мне так отвечала:
 «Верность тебе сохраняя, в жилище твоём Пенелопа
 Ждет твоего возвращения с тоскою великой и тратит
 Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали;
 Царский твой сан никому от народа не отдан; бесспорно,
 185 Дома своим Телемак достоянием владеет, пирами
 Всех угощает, как то облеченному саном высоким
 Следует; все и его угощают. Лаэрт же не ходит
 Более в город; он в поле далеко живет, не имея
 Там ни одра, ни богатых покровов, ни мягких подушек;
 190 Дома в дождливое зимнее время он вместе с рабами
 Спит на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
 В летнюю ж знойную пору иль поздней порою осенней
 Всюду находит себе на земле он в саду виноградном
 Ложе из листьев опалых, насыпанных мягкою грудой.
 195 Там он лежит, и вздыхает, и сердцем крушится, и плачет,
 Все о тебе помышляя; и старость его безотрадн.
 Кончилось так и со мной; и моя совершилась судьбина.
 Но не сестра Аполлонова с луком тугим Артемиды
 Тихой стрелою своею меня без болезни убила,
 200 Также не медленный, мной овладевший недуг, растерзавши
 Тело мое, из него изнуренную душу исторгнул:
 Нет; но тоска о тебе, Одиссей, о твоём миролюбном
 Нраве и разуме светлом до срока мою погубила
 Сладостномилую жизнь». И умолкла она. Увлеченный
 205 Сердцем, объять захотел я отшедшую матери душу;
 Три раза руки свои к ней, любовью стремимый, простер я,
 Три раза между руками моими она проскользнула
 Тенью иль сонной мечтой, из меня вырывая стенанье.
 Ей, наконец, сокрушенный, я бросил крылатое слово:
 210 «Милая мать, для чего, из объятий моих убегая,
 Мне запрещаешь в жилище Аида прижаться к родному
 Сердцу и скорбною сладостью плача с тобой поделиться?
 Иль Персефона могучая вместо тебя мне прислала
 Призрак пустой, чтоб мое усугубить великое горе?»
 215 Так говорил я; мне мать благородная так отвечала:
 «Милый мой сын, злополучнейший между людьми, Персефона,

Дочь громовержца, тебя приводить в заблужденье не мыслит.
 Но такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью.
 Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;
 220 Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный
 Все, лишь горячая жизнь охладелые кости покинет:
 Вовсе тогда, улетевши, как сон, их душа исчезает.
 Ты же на радостный свет поспеши возвратиться; но помни,
 Что я сказала, чтоб все повторить при свиданье супруге».

225 Так, беседея, мы говорили. Тогда мне явились
 Призраки жен — их прислала сама Персефона; то были
 В прежнее время супруги и дочери славных героев;
 Черную кровь обступили они, подбежав к ней толпою;
 Я же обдумывал, как бы мне их спросить поочередно
 230 Каждую; вот что удобнейшим мне, наконец, показалось:
 Меч длинноострый немедля схватил и, его обнаживши,
 К крови приблизиться им не позволил я всею толпою;
 Друг за другом они по одной подходили и имя
 Мне называли свое; и расспрашивать каждую мог я.

235 Прежде других подошла благороднорожденная Тиро,
 Дочь Салмонеева, славная в мире супруга Крефея,
 Сына Эолова; все о себе мне она рассказала:
 Сердце свое Энишеем, рекою божественно-светлой,
 Между реками земными прекраснейшей, Тиро пленила;

240 Часто она посещала прекрасный поток Энипея;
 В образ облекся его Посидон земледержец, чтоб с нею
 В устье волнистокипячем реки сочетаться любовью;
 Воды пурпурные встали горой и, слившись прохладно прозрачным
 Сводом над ними, сокрыли от взоров и бога и деву.

245 Девственный пояс ее развязал он, ей очи смеживши
 Сном: и когда, распаленный, свое утолил вожделенье,
 За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
 «Радуйся, богом любимая! Прежде чем полный свершится
 Год, у тебя два прекрасные сына родятся (бесплоден

250 С богом союз не бывает), и их воспитай ты с любовью.
 Но, возвратясь к домашним, мое называть им страшися
 Имя; тебе же откроюсь: я бог Посидон земледержец».

255 Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
 В срок от нее близнецы Пелиас и Нелей родилися;
 Слуги могучие Зевса эгидоносителя были

Оба они; обладая стадами баранов, в Иолхосе
 Тучнополяннистом жил Пеллиас; а Нелей жил в песчаном
 Пилосе. Но от Крефея еще родились у прекрасной
 Тиро Эзон, и Ферет, и могучий ездок Амифаон.
 260 После нее мне предстала Асопова дочь Антиопа.
 Гордо хвалилась она, что объятия Дий отворил ей:
 Были плодом их любви Амфион и Цетос; положили
 Первое Фив семивратных они основанье и много
 Башен воздвигли кругом, поелику в широкоравнинных
 265 Фивах они, и могучие, жить не могли б без ограда.
 Амфитрионову после узрел я супругу Алкмену;
 Сына Иракла, столь славного силой и мужеством львиным,
 Зевсу она родила, целомудренно с ним сочетавшись.
 После явилась Мегара; Креон, необузданно-смелый,
 270 Был ей отцом; а супругом Иракл, в испытаниях твердый.
 Вслед за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;
 Страшно-преступное дело в незнание она совершила,
 С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшись браком.
 Скоро союз святотатный открыли бессмертные людям.
 275 Гибельно царствовать в Кадмовом доме, в возлюбленных Фивах
 Был осужден от Зевеса Эдип, безотрадный страдалец,
 Но Эпикаста Андовы двери сама отворила:
 Петлю она роковую к бревну потолка прикрепивши,
 Ею плачевную жизнь прервала; одинок он остался
 280 Жертвой терзаний от скликанных матерью страшных Эриний.
 После явилась Хлорида; ее красотою пленяся,
 Некогда с ней сочетался Нелей, дорогими дарами
 Деву прельстивший; был царь Афион Иасид, Орхомена
 Града Минийского славный властитель, отец ей; царица
 285 Пилоса, бодрых она сыновей даровала Нелею:
 Нестора, Хромия, жадного почестей Периклимена;
 После Хлорида и дочь родила, многославную Перу,
 Дивной красоты; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь
 Дочь непреклонный Нелей назначал, кто быков круторогих
 290 С поля Филакии стонит, отняв у царя Ификлеса
 Силой все стадо его. Беспорочный взялся прорицатель
 Смелое дело свершить; но ему положили преграду
 Злая судьба, и темничные узы, и пастыри стада.
 Но когда миновались месяцы, дни пробежали и годы,
 295 Круг совершился и Оры весну привели, — Ификлесу

Тайны богов он открыл; Ификлессова сила святая
 Узы его прервала, и исполнилась воля Зевеса.
 Славная Леда, супруга Тиндара, потом мне явилась;
 Ей родилися от брака с Тиндаром могучим два сына:
 300 Коней смиритель Кастор и боец Полидевк многосильный.
 Оба землю они жизнодарною взяты живые;
 Оба и в мраке подземном честимы Зевесом; вседневно
 Братом сменяется брат; и вседневно, когда умирает
 Тот, воскресает другой; и к бессмертным причислены оба.
 305 Ифимедею, жену Алоэя, потом я увидел;
 С ней сочелася, — хвалилась она, — Посидон земледержец;
 Были плодом их союза два сына (но краток был век их):
 Отос божественный с славным везде на земле Эфиальтом.
 Щедрая, станом всех выше людей их земля возрастила;
 310 Всех красотой затмевали они, одному Орioniу
 В ней уступая; и оба, едва девяти лет достигнув,
 В девять локтей толщиной, вышиною же в тридевять были.
 Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их
 Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;
 315 Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
 Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
 Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли
 Мужеской силы; но сын громовержца, Латоной рожденный,
 Прежде, чем младости пух отенил их ланиты и первый
 320 Волос пробился на их подбородке, сразил их обоих.
 Федру я видел, Прокриду; явилась потом Ариадна,
 Дочь кознодея Минноса: из Крита бежать с ним в Афины
 Деву прекрасную бодрый Тезей убедил; но не мог он
 С ней насладиться любовью; убила ее Артемида
 325 Тихой стрелой, наущенная Вакхом, на острове Дие.
 Видел я Мойру, Климену, злодейку жену Эрифилу,
 Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотым ожерельем...
 Всех их, однако, я счесть не могу; мне не вспомнить, какие
 Там мне явились жены и дочери древних героев;
 330 Целой бы ночи не стало на то; уж пора мне предаться
 Сну, удаляясь ль на быстрый корабль ваш к товарищам бодрым,
 Здесь ли оставшись; а вы мой отъезд учредите с богами».
 Так говорил Одиссей, — все другие сидели безмолвно
 В светлой палате, и было у всех очаровано сердце.
 335 Тут белорукая слово к гостям обратила Арета:

«Что, феакияне, скажете? Станом, и видом, и силой
 Разума всех изумляет нас гость чужеземный. Хотя он
 Собственно *мой* гость, но будет ему угощенье от всех нас;
 В путь же его отсылать не спешите; нескупо дарами
 340 Должно его, претерпевшего столько утрат, наделить нам:
 Много у всех вас, по воле бессмертных, скопилось богатства».

Тут поднялся Эхеней, благородного племени старец,
 Ранее всех современных ему феакиан рожденный.
 «С нашим желаньем, друзья, — он сказал, — и намереньем нашим
 345 Слово разумной царицы согласно; ему покориться
 Должно, а царь Алкиной пусть на деле то слово исполнит».

Кончил. Ответствовал так Алкиной благородному старцу:
 «Будет, что сказано, мною на деле исполнено так же
 350 Верно, как то, что я жив и что царь я в земле феакиан
 Веселюлюбивых. Но странник, хотя и безмерно спешит он
 В путь, подождет до утра, чтоб имели мы время подарки
 Наши собрать; отправленье в отчизну его есть забота
 Общая всем вам, моя ж наипаче: я здесь повелитель».

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 355 «Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
 Если б и целый здесь год продержать вы меня захотели,
 Мой учреждая отъезд и дары для меня собирая,
 Я согласился б остаться, понеже мне выгодно будет
 С полными в милую землю отцов возвратиться руками.
 360 Больше почтен и с живейшею радостью принят я буду
 Всеми, кто встретит меня при моем возвращенье в Итаку».

Он умолкнул; ему Алкиной отвечал дружелюбно:
 «Царь Одиссей, мы, внимая тебе, не имеем обидной
 Мысли, чтоб был ты хвастливый обманщик, подобный
 365 Многим бродягам, которые землю обходят, повсюду
 Ложь рассевая в нелепых рассказах о виденном ими.
 Ты не таков; ты возвышен умом и пленителен речью.
 Повесть прекрасна твоя; как разумный певец, рассказал ты
 Нам об ахейских вождах и о собственных бедствиях; кончить
 370 Должен, однако, ты повесть. Скажи ж, ничего не скрывая,
 Видел ли там ты кого из могучих товарищей бранных,
 Бывших с тобой в Илионе и черную встретивших участь?
 Ночь несказанно долга; и останется времени много
 Всем нам для сна безмятежного. Кончи ж начатую повесть;
 375 Слушать тебя я готов до явления светлой Денницы,

Если рассказывать нам о напастях своих согласишься».
 Так говорил он; отвечив так Одиссей хитроумный:
 «Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
 Время на все есть; свой час для беседы, свой час для покоя;
 320 Если, однако, желаешь теперь же дослушать рассказ мой,
 Я повинуюсь и все расскажу, что печального после
 Я претерпел: как утратил последних сопутников; также
 Кто из аргивян, избегши погибели в битвах троянских,
 Пал от убийцы, изменой жены, при возврате в отчизну.
 325 После того как рассеяться призракам жен Персефона,
 Ада царица, велела и все, разлетевшись, пропали —
 Тень Агамемнона, сына Атревеева, тихо и грустно
 Вышла; и следом за нею все тени товарищей, падших
 В доме Эгиста с Атридом, с ними вместе постигнутых роком.
 330 Крови напившись, меня во мгновение узнал Агамемнон.
 Тяжко, глубоко вздохнул он; заплакали очи; простерши
 Руки, он ими ко мне прикоснуться хотел, но напрасно:
 Руки не слушались: не было в них уж ни сил, ни движенья,
 Некогда члены могучего тела его оживлявших.
 335 Слезы я пролил, увидя его; состраданье проникло
 Душу мне; мертвому другу я бросил крылатое слово:
 «Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
 Паркой какую ты в руки навек усыпляющей смерти
 Предан? В волнах ли тебя погубил Посидон с кораблями,
 340 Бурею бездну великую всю сколебавши? На суше ль
 Был умерщвлен ты рукою врага, им захваченный в поле,
 Где нападал на его криворогих быков и баранов,
 Или во граде, где жен похищал и сокровища грабил?»
 Так спросил я его, и, отвечуя, так мне сказал он:
 345 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный!
 Нет, не в волнах с кораблями я был погублен Посидоном,
 Бурные волны воздвигшим на бездне морской: не на суше
 Был умерщвлен я рукою противника явного в битве;
 Тайно Эгист приготовил мне смерть и плачевную участь;
 340 С гнусной женою моею заодно, у себя на веселом
 Пире убил он меня, как быка убивают при яслях;
 Так я погиб, и товарищи верные вместе со мною
 Были зарезаны все, как клычистые вепри, которых
 В пышном доме гостелюбца, скопившего много богатства,
 345 Режут на складочный пир, на роскошный обед иль на свадьбу.

Часто без страха видал ты, как гибли могучие мужи
 В битве, иной одиноко, иной в многолюдстве сраженья, —
 Здесь же пришел бы ты в трепет, от страха бы обмер, увидя,
 Как меж кратер пировых, меж столами, покрытыми брашном,
 420 Все на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
 Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
 Близко услышал я: нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
 Подле меня; полумертвый лежа на земле, попытался
 Хладную руку к мечу протянуть я: она равнодушно
 425 Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,
 Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.
 Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
 Дерзко-бесстыдной жены, замышляющей хитро такое
 Дело, каким навсегда осрамилась она, приготовив
 430 Мужу, богами ей данному, гибель. В отечество думал
 Я возвратиться на радость возлюбленным детям и ближним —
 Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка
 Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
 Пол свой и даже всех жен, повеленьем своим беспорочных».

Так говорил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
 «Горе! Конечно, Зевес громовержец потомству Атрея
 Быть навсегда предназначил игралищем бедственных женских
 Козней; погибло немало могучих мужей от Елены:
 Так и тебе издалека устроила смерть Клитемнестра».

440 Выслушав слово мое, мне отвечивал царь Агамемнон:
 «Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегись с женою;
 Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
 Вверх ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
 Но для тебя, Одиссей, от жены не опасна гибель;
 445 Слишком разумна и слишком незлобна твоя Пенелопа,
 Старца Икария дочь благонравная; в самых цветущих
 Летах, едва сопряженный с ней браком, ее ты покинул,
 В Трою отплыв, и грудной, лепетать не умевший, младенец
 С ней был оставлен тогда; он, конечно, теперь заседает
 450 В сонме мужей; и отец, возвратись, с ним увидится; нежно
 К сердцу родителя сам он, как следует сыну, прижмется...
 Мне ж кознодейка жена не дала ни одним насладиться
 Взглядом на милого сына; я был во мгновение зарезан.
 Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что скажу я:
 455 Скрой возвращенье свое и войди с кораблем неприметно

В пристань Итаки: на верность жены полагаться опасно.
 Сам же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
 Мог ли ты что-нибудь сведать о сыне моем? Не слышал ли,
 Где он живет? В Орхомене ль? В песчаном ли Пилосе? В Спарте ль
 460 Светлопространной у славного дяди, царя Менелая?
 Ибо не умер еще на земле мой Орест благородный».

Так спросил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
 «Царь Агамемнон, о сыне твоём ничего я не знаю;
 Где он и жив ли, сказать не могу; пустословие вредно».

465 Так мы, о многом минувшем беседа, друг подле друга
 Грустно сидели, и слезы лилися по нашим ланитам.
 Тень Ахиллеса, Пелеева сына, потом мне явилась;
 С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов
 470 Бодрый Аякс, меж ахейцами мужеским видом и силой
 После Пелеева сына великого всех превзошедший.
 Тень быстрого внука Эакова, став предо мной,
 Мне, возрыдавши, крылатое бросила слово: «Зачем ты
 Здесь, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный?»
 Что, дерзновенный, какое великое дело замыслил?

475 Как проникнул в пределы Аида, где мертвые только
 Тени отшедших, лишённые чувства, безжизненно веют?»
 Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
 «О Ахиллес, сын Пелеев, меж всеми данаями первый,
 Здесь я затем, чтоб Тиресий слепец прорицатель открыл мне
 480 Способ вернейший моей каменистой Итаки достигнуть;
 В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
 Милой еще не видал; я скитаюсь и бедствую. Ты же
 Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем
 Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтили;
 485 Здесь же, над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как в жизни
 Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богоравный».

Так говорил я, и так он отвечал, тяжело вздыхая:
 «О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
 Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
 490 Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
 Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый.
 Ты же о сыне известием душу теперь мне порадуй.
 Был ли в сражение мой сын? Впереди ли у всех он сражался?
 Также скажи, Одиссей, не слышал ли о старце Пелее?
 495 Все ли по-прежнему он повелитель земли мирмидонской?»

Иль уж его и в Элладе и Фтии честить перестали,
 Дряхлого старца, без рук и без ног, изнуренного в силах?
 В области дня уж защитником быть для него не могу я;
 Ныне уж я не таков, как бывало, когда в отдаленной
 500 Трое губил ополченья и грудью стоял за ахейн.
 Если б таким хоть на миг я в жилище отцовом явился,
 Ужас бы сильная эта рука навела там на многих,
 Власти Пелея не чтущих и старость его оскорбивших).
 Так говорил Ахиллес, и, ему отвечая, сказал я:
 505 «Сведать не мог ничего я о старце Пелее великом;
 Но о твоём благородном, возлюбленном Нептоleme
 Все, Ахиллес, как желаешь, тебе расскажу я подробно.
 Сам я его в корабле крутобоком моем от Скироса
 Морем привез к меднолатным данаям в троянскую землю;
 510 Там на советах вождей о судьбе Илиона всегда он
 Голос свой прежде других подавал и в разумных суждениях
 Мною одним лишь и Нестором мудрым бывал побеждаем.
 В поле ж троянском широком, где гибельной медью мы бились,
 Он никогда близ дружин и в толпе не хотел оставаться;
 515 Быстро вперед выбегал он один, упреждая храбрейших;
 Много врагов от него в истребительной битве погибло;
 Я ж не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
 В крае троянском побил он, где грудью стоял за аргивян.
 Так Эврипила, Телефова сына, губительной медью
 520 Он ниспроверг, и кругом молодого вождя все кетейцы
 Пали его, златолюбия женского бедственной жертвой.
 После Мемнона, подобного богу, был всех он прекрасней.
 В чрево коня, сотворенного чудно Эпееосом, скрыться
 Был он с другими вождями назначен; а двери громады
 525 Мне отворять, затворять и стережь поручили ахейцы.
 Все, при вступлении в конские недра, вожди отирали
 Слезы с ланит, и у каждого руки и ноги тряслися;
 В нем же едином мои никогда не подметили очи
 Страху; не помню, чтоб он от чего побледнел, содрогнулся
 530 Или заплакал. Не раз убеждал он меня из затвора
 Дать ему выйти и, стиснув одною рукою двуострый
 Меч, а другою обитое медью копьё, порывался
 В бой на троян. А когда был разрушен Приамов великий
 Град, он с богатой добычей, с дарами почетными поплыл
 535 В край свой, ни издали метким копьём, ни вблизи длинноострой

Медью меча не пронзенный ни разу, как часто бывает
 В жарком бою, где убийство кипит и Арей веселится».

Так говорил я: душа Ахиллесова с гордой осанкой
 Шагом широким, по ровному Асфодилонскому дугу
 540 Тихо пошла, веселяся великою славою сына.
 Души других знаменитых умерших явились; со мною
 Грустно они говорили о том, что тревожило сердце
 Каждому; только душа Теламонова сына Аякса
 Молча стояла вдали, одинокая, все на победу
 545 Злобясь мою, мне отдавшую в стане аргивян доспехи
 Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелела
 Дать их Фетида; судили трояне; их суд им Афина
 Тайно внушила... Зачем, о, зачем одержал я победу,
 550 Мужа такого низведшую в недра земные? Погиб он,
 Бодрый Аякс, и лица красотою и подвигов славой
 После великого сына Пелеева всех превзошедший.
 Голос возвысив, ему я сказал миротворное слово:
 «Сын Теламонов, Аякс знаменитый, не должен ты, мертвый,
 Доле со мной враждовать, сокрушаясь о гибельных, взятых
 555 Мною оружиях; ими данаям жестокое боги
 Зло приключили: ты, наша твердыня, погиб; о тебе мы
 Все, как о сыне могучем Пелея, всечасно крушились,
 Раннюю смерть поминая твою; в ней никто не виновен,
 Кроме Зевеса, постигшего рать копьеносных данаев
 560 Страшной бедою; тебя он судьбине безвременно предал.
 Но подойди же, Аякс; на мгновенье беседой с тобою
 Дай насладиться мне; гнев изгони из великого сердца».

Так я сказал; не отвечивал он; за другими тенями
 Мрачно пошел; напоследок сокрылся в глубоком Эребе.
 565 Может быть, стал бы и гневный со мной говорить он иль я с ним,
 Если б меня не стремилو желание милого сердца
 Души других знаменитых умерших увидеть. И скоро
 В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса;
 Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он,
 570 Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
 Ждали в просторном с вратами широкими доме Анда.
 После Миноса явилась гигантская тень Ориона;
 Гнал по широкому Асфодилонскому дугу зверей он —
 Их же своею железной ничем не крушимой дубиной
 575 Некогда сам он убил на горах неприступно-пустынных.

Тития также увидел я, сына прославленной Геи;
 Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
 Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали
 Печень его и терзали когтями утробу. И руки
 520 Тщетно на них подымал он. Латону, супругу Зевеса,
 Шедшую к Пифию, он осрамил на лугу Панопейском.
 Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнью:
 В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
 Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
 525 Только что голову к ней он склонял, упоая напиться,
 С шумом она убежала; внизу ж под ногами являлось
 Черное дно, и его осушал во мгновение демон.
 Много росло плодоносных деревьев над его головою,
 Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
 530 Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих.
 Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
 Разом все ветви деревьев к облакам подымались темным.
 Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью:
 Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
 535 В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
 Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины
 С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой,
 Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.
 Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши,
 600 Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью.
 Видел я там, наконец, и Ираклову силу, один лишь
 Призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе
 Сладость блаженства вкушал близ супруги Гебен, цветущей
 Дочери Зевса от златообутой владычицы Иры.
 605 Мертвые шумно летали над ним, как летают в испуге
 Хищные птицы; и, темной подобясь ночи, держал он
 Лук напряженный с стрелой на тугой тетиве, и ужасно
 Вдруг озирался, как будто готовясь выстрелить; страшный
 Перевязь блеск издавала, ему поперек перерезав
 610 Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным искусством
 Львы грозноокне, дикие вепри, лесные медведи,
 Битвы, убийства, людей истребленье изваяны были:
 Тот, кто свершил бы подобное чудо искусства, не мог бы,
 Сам превзошедши себя, ничего уж создать совершенней.
 615 Взор на меня устремив, угадал он немедленно, кто я;

Жалобно, тяжко вздохнул и крылатое бросил мне слово:
 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
 Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играет
 Так же, как мной под лучами всезрящего солнца играла?
 620 Сын я Крониона Зевса; но тем от безмерных страданий
 Не был спасен; покориться под власть недостойного мужа
 Мне повелела судьба. И труды на меня возлагал он
 Тяжкие. Так и отсюда был пса троеглавого должен
 Я увести: уповал он, что будет мне труд не по силам.
 635 Я же его совершил, и похищен был пес у Аида;
 Помощь мне подали Эрмий и дочь громовержца Афина».

Так мне сказав, удалился в обитель Аидову призрак.
 Я ж неподвижно остался на месте и ждал, чтоб явился
 Кто из могучих героев, давно знаменитых и мертвых.
 630 Видеть хотел я великих мужей, в отдаленные веки
 Славных, богами рожденных, Тезея царя, Пиритоя,
 Многих других; но, толпою бесчисленной души слетевшись,
 Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным,
 В мыслях, что хочет чудовище, голову страшной Горгоны,
 635 Выслать из мрака Аидова против меня Персефона,
 Я побежал на корабль и велел, чтоб, не медля нимало,
 Люди мои на него собрались и канат отвязали.
 Все на корабль собрались и сели на лавках у весел.
 Судно спокойно пошло по течению вод Океана,
 640 Прежде на веслах, потом с благовеющим ветром попутным.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЙ ПЕСНИ

Вечер тридцать третьего дня

Одиссей оканчивает свое повествование. Возвращение на остров Эю. Погребение Ельпенора. Цирцея описывает Одиссею опасности, ему на пути предстоящие. Он покидает ее остров. Сирены. Бродящие скалы. Плавание между утесов Харибды и Скиллы, которая разом похищает шестерых из спутников Одиссея. Вопреки Одиссею, корабль его останавливается у берегов Тринакрии. Спутники его, задержанные на острове противными ветрами, истощив все свои запасы, терпят голод и наконец, нарушив данную ими клятву, убивают быков Гелиоса. Раз-

драженный бог требует, чтобы Зевес наказал святотатство, и корабль Одиссея, вышедший снова в море, разбит Зевесовым громом. Все погибают в волнах, кроме Одиссея, который, снова избегнув Харибды и Скиллы, брошен наконец на берег Калипсина острова.

Быстро своим кораблем Океана поток перерезав,
 Снова по многоиспытанному морю пришли мы на остров
 Эю, туда, где в жилище туманно рожденные Эос
 Легкие Оры ведут хороводы, где Гелиос всходит;
 5 К берегу пристав, на песок мы корабль быстроходный всталили;
 Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
 Сну предались в ожиданье восхода на небо Денницы.
 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
 Спутников скликая, послал я их к дому Цирцеи, чтоб взять там
 10 Труп Эльпеноров, его принести и свершить погребенье.
 Много дерев нарубив, мы на самом возвышенном месте
 Берега предали тело земле с сокрушеньем и плачем.
 После ж того как сожжен был со всеми доспехами мертвый,
 Холм гробовой мы насыпали, памятный столб утвердили.
 15 Гладкое в землю на холме воткнули весло; и священный
 Долг погребения был совершён. Но Цирцея узнала
 Скоро о нашем прибытии к ней от пределов Аида.
 Светлой одеждой облекшись, она к нам пришла; и за нею
 С хлебом, и мясом, и пеннопурпурным вином молодые
 20 Девы пришли; и богиня богинь, к нам приблизясь, сказала:
 «Люди железные, заживо зревшие область Аида,
 Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды,
 Бросьте печаль и беспечно едой и питьем утешайтесь
 Ныне, во все продолжение дня, с наступеньем же утра
 25 Далее вы поплывете; я путь укажу и благое
 Дам наставленье, чтоб снова какая безумием вашим
 Вас не постигла напасть, ни на суше, ни на море темном».
 Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
 Жертву принеся, мы целый там день до вечернего мрака
 30 Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
 Солнце тем временем скрылось, и тьма наступила ночная.
 Люди в том месте легли, где корабль утвержден был канатом;
 Мне же Цирцея приветливо руку дала; и когда я
 Сел в отдаленье от прочих, легла близ меня и вопросы

35 Стала мне делать; и ей обо всем рассказал я подробно.
 Светлая так напоследок сама мне сказала богиня:
 «Дело одно совершил ты успешно; теперь со вниманьем
 Выслушай то, что скажу, что потом и от бога услышишь.
 Прежде всего ты увидишь сирен; неизбежную чарой
 40 Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных.
 Кто, по незнанию, к тем двум чародейкам приблизишься, их сладкий
 Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетних
 В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
 Пением сладким сирены его очаруют, на светлом
 45 Сидя луку; а на этом луку человеческих белеет
 Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.
 Ты ж, заклеив товарищам уши смягченным медвяным
 Воском, чтоб слышать они не могли, проплыви без оглядки
 Мимо; но ежели сам роковой пожелаешь услышать
 50 Голос, вели, чтоб тебя по рукам и ногам привязали
 К мачте твоей корабельной крепчайшей веревкой; тогда ты
 Можешь свой слух без вреда удовольствовать гибельным пенем.
 Если ж просить ты начнешь иль приказывать станешь, чтоб сняли
 Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжут.
 55 После, когда вы минуете остров сирен смертоносный,
 Две вам дороги представятся; дать же совет здесь, какую
 Выбрать из двух безопаснее, мне невозможно; своим ты
 Должен рассудком решить. Опишу я и ту и другую.
 Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их
 60 Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазеревоокой;
 Имя *бродящих* дано им богами; близ них никакая
 Птица не смеет промчатся, ни даже амброзию Зевсу
 Легким полетом носящие робкие голуби; каждый
 Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;
 65 Каждый раз и Зевес заменяет убитого новым.
 Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
 Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
 Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
 Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
 70 Их миновал — посетитель Аэта, прославленный Арго;
 Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
 Там не прошел, провожаемый Ирой, любившей Язона.
 После ты две повстречаешь скалы: до широкого неба

Острой вершиной восходит одна, облака окружают
 75 Темногущенные ту высоту, никогда не редяя.
 Там никогда не бывает ни летом, ни осенью светел
 Воздух; туда не взойдет и оттоль не сойдет ни единый
 Смертный, хотя б с двадцатью был руками и двадцать
 80 Ног бы имел, — столь ужасно, как будто обтесанный, гладок
 Камень скалы; и на самой ее середине пещера,
 Темным жерлом обращенная к мраку Эреба на запад;
 Мимо ее ты пройдешь с кораблем, Одиссей многославный;
 Даже и сильный стрелок не достигнет направленной с моря
 Быстролетящей стрелою до входа высокой пещеры;
 85 Страшная Скилла живет искони там. Без умолку лая,
 Визгом пронзительным, визгу щенка молодого подобным,
 Всю оглашает окрестность чудовище. К ней приближаться
 Страшно не людям одним, но и самым бессмертным. Двенадцать
 Двигается спереди лап у нее; на плечах же косматых
 90 Шесть подымается длинных, изгибистых шей; и на каждой
 Шее торчит голова, а на челюстях в три ряда зубы,
 Частые, острые, полные черною смертью, сверкают;
 Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь из пещеры,
 Всеми глядит головами из лога ужасная Скилла.
 95 Лапами шаря кругом по скале, обливаемой морем,
 Ловит дельфинов она, тюленей и могучих подводных
 Чуд, без числа населяющих хладную зыбь Амфитриты.
 Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
 С легким пройти кораблем: все зубастые пасти разинув,
 100 Разом она по шести человек с корабля похищает.
 Близко увидишь другую скалу, Одиссеей многославный:
 Ниже она; отстоит же от первой на выстрел из лука.
 Дико растет на скале той смоковница с сенью широкой.
 Страшно все море под тою скалою тревожит Харибда,
 105 Три раза в день поглощая и три раза в день извергая
 Черную влагу. Не смей приближаться, когда поглощает:
 Сам Посидон от погибели верной тогда не избавит.
 К Скиллиной ближе держася скале, проводи без оглядки
 Мимо корабль быстроходный: отраднее шесть потерять вам
 110 Спутников, нежели вдруг и корабль потопить, и погибнуть
 Всем». Тут умолкла богиня; а я, отвечая, сказал ей:
 «Будь откровенна, богиня, чтоб мог я всю истину ведать:

Если избегнуть удастся Харибды, могу ли отбиться
 Силой, когда на сопутников бросится жадная Скилла?»
 115 Так я спросил, и, ответствуя, так мне сказала богиня:
 «О необузданный, снова о подвигах бранных замыслил;
 Снова о бое мечтаешь; ты рад и с богами сразиться.
 Знай же: не смертное зло, а бессмертное Скилла. Свирепа,
 Дико-сильна, ненасытна, сражение с ней невозможно.
 120 Мужество здесь не поможет; одно здесь спасение — бегство.
 Горе, когда ты хоть миг там для тщетного боя промедлишь:
 Высунет снова она из своей недоступной пещеры
 Все шесть голов и опять с корабля шестерых на пожранье
 Схватит; не медли ж; поспешно пройди; призови лишь Кратейю:
 125 Скиллу она родила на погибель людей, и одна лишь
 Дочь воздержат от второго на вас нападения может.
 Скоро потом ты увидишь Тринакрию остров; издавна
 Гелиос тучных быков и баранов пасет там на пышных,
 Злачных равнинах; семь стад составляют быки; и бараны
 130 Столько ж; и в каждом их стаде числом пятьдесят; и число то
 Вечно одно; не плодятся они, и пасут неусыпно
 Их Фаэтуса с Лампетией, пышнокудрявые нимфы.
 Гелиос их Иперийон с божественной прижил Неерой.
 Светлая мать, дочерей воспитавши, в Тринакрии знойной
 135 Их поселила, чтоб там, от людей в удалении, девы
 Тучных быков и баранов отцовых пасли неусыпно.
 Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
 Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
 Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
 140 Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избежнешь
 Смерти; но, всех потеряв, одинок возвратишься в отчизну».
 Так говорила она. Златотронная Эос явилась
 На небе; в дом свой богиня пошла, разлучившись со мною.
 Я ж, к своему кораблю возвратясь, повелел, чтоб немедля
 145 Спутники все на него собрались и канат отвязали;
 Все на него собрались и, севши на лавках у весел,
 Разом могучими веслами вспенили темные воды.
 Был нам на темных водах провожатым надежным попутный
 Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
 150 Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней.
 Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно

Плыли; корабль наш бежал, повинуюсь кормилу и ветру.
 Я ж, обратясь к сопутникам, так им сказал, сокрушенный:
 «Должно не мне одному и не двум лишь, товарищи, ведать
 155 То, что нам всем благосклонно богиня богинь предсказала:
 Всем вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы бесстрашно
 Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избегнуть.
 Прежде всего от волшебного пенья сирен и от луга
 Их цветоносного нам уклониться велела богиня;
 160 Мне же их голос слышать позволила; прежде, однако,
 К мачте меня корабельной веревкой надежною плотно
 Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
 Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
 Узы, — двойными скрутите мне узами руки и ноги».
 165 Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.
 Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя, приближался
 К острову страшных сирен, провожаемый легким попутным
 Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
 На море: демон уладил пучины зыбучее лоно.
 170 Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сценили
 С мачты его, уложили на палубе, снова на лавки
 Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
 Я же, немедля медвяного воску укрут изрубивши
 В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони
 175 Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
 Гелиос, бог жизнедатель, лучом разогрел теплоносным.
 Уши товарищам воском тогда заклеп я; меня же
 Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
 К мачте так крепко, чтобы нельзя мне ничем шевельнуться.
 180 Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
 Но в расстоанье, в каком призывающий голос бывает
 Внятен, сирены увидели мимо плывущий корабль наш.
 С берегом он их поравнялся; они звонкогласно запели:
 «К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
 185 К нам с кораблем подойди; сладкопеньем сирен насладися,
 Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
 Сердцеуладного пенья на нашем лугу не послушав;
 Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав.
 190 Знаем мы всё, что случилось в троянской земле и какая
 Часть по воле бессмертных постигла троян и ахеян;

Знаем мы всё, что на лоне земли многодарной творится».
 Так нас они сладкопеньем пленительным звали. Влекомый
 Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
 Узы мои разрешили; они же удвоенной силой
 195 Начали гресть; а, ко мне подошед, Перимед с Эврилохом
 Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.
 Но когда удалился корабль наш и более слышать
 Мы не могли уж ни гласа, ни пенья сирен бедоносных,
 Верные спутники вынули воск размягченный, которым
 200 Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты.
 Остров сирен потеряли мы из виду. Вдруг я увидел
 Дым и волненья великого шум повсеместный услышал.
 Выпали весла из рук у гребцов уstraшенных; повиснув
 Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно
 205 Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к бегу.
 Я же его обежал, чтоб людей ободрить оробелых;
 Каждому сделав приветствие, ласково всем им сказал я:
 «Спутники в бедствиях, мы не безопытны; всё мы сносили
 Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
 210 Нас, заключенных в пещере свирепую силой циклопа.
 Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
 Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю; будьте ж
 Смелы и ныне, исполнив покорно все то, что велю вам.
 Силу удвойте, гребцы, и дружнее по влаге зыбучей
 215 Острыми веслами бейте; быть может, Зевес покровитель
 Нам от погибели близкой уйти невредимо поможет.
 Ты же внимание, кормщик, удвой; на тебя попеченье
 Главное я возлагаю — ты правишь кормой корабельной:
 В сторону должен ты судно отвести от волненья и дыма,
 220 Видимых близко, держися на этот утес, чтоб не сбиться
 Вбок по стремленью — иначе корабль несомненно погибнет».
 Так я сказал; все исполнилось точно и скоро; о Скилле ж
 Я помянуть не хотел: неизбежно чудовище было;
 Весла б они побросали от страха и, гресть переставши,
 225 Праздно б столпились внутри корабля в ожиданье напасти.
 Сам же я, вовсе забыв повеление строгой Цирцеи,
 Мне запретившей оружие брать для напрасного боя,
 Славные латы на плечи накинул и, два медноострых
 В руки схвативши копья, подошел к корабельному носу

230 В мыслях, что прежде туда из глубокого жадная Скилла
 Бросится лога и там ей понавшихся первых похитит.
 Тщетно искал я очами ее, утомил лишь напрасно
 Очи, стараясь проникнуть в глубокое недро утеса.
 В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;
 235 Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
 Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
 Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
 С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
 Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
 240 Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
 Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
 Волны шибились, и в недре утробы открытом кипели
 Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
 В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.
 245 Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
 Силой товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
 Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
 Только их руки и ноги вверху над своей головою
 Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
 250 Имя мое прокричали с последнею скорбью сердца.
 Так рыболов, с каменистого берега длинносогбенной
 Удой кидаящий в воду коварную рыбам приманку,
 Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
 Выхватив, на берег жалко трепещущих быстро бросает:
 255 Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллою.
 Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
 Громко и руки ко мне простирающих в лютом терзанье.
 Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне
 Зреть никогда в продолжение странствий моих не случилось.
 260 Скиллин утес миновав и избегнув свирепой Харибды,
 Прибыли к острову мы, наконец, светоносного бога.
 Там на зеленых равнинах быки криворогие мирно
 С множеством тучных баранов паслись, Гелиосово стадо.
 С моря уже, находясь на палубе, явственно мог я
 265 Тяжкое слышать мычанье быков, на свободе гулявших,
 С шумным бляньем баранов; и тут же пришло мне на память
 Слово слепого пророка Тиресия фивского с строгим
 Словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный

Остров, где властвовал Гелнос, смертных людей утешитель.
270 Тут к сокрушенным спутникам речь обратил я такую:
«Верные спутники, слушайте то, что, печальный, скажу вам:
Сведать должны вы пророка Тиресия фивского слово
С словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвует Гелнос, смертных людей утешитель.
275 Там несказанное бедствие ждет нас, они утверждают.
Мимо, товарищи, черный корабль провести поспешите». —
Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце.
Мне ж, возражая, ответствовал так Еврилох непокорный:
«Ты, Одиссей, непреклонно-жесток; одарен ты великой
280 Силой; усталости нет для тебя, из железа ты скован.
Нам, изнуренным, бессильным и столь уж давно не вкушавшим
Сна, запрещаешь ты на берег выйти. Могли б приготовить
Ужин мы вкусный на острове, сладко на нем отдохнувши.
Ты ж нас идти наудачу в холодную ночь принуждаешь
285 Мимо приютного острова в темное, мглистое море.
Ночью противные ветры шумят, корабли истребляя.
Кто избежит потопления верного, если во мраке
Вдруг с неожиданной бурей на черное море примчится
Нот иль Зефир истребительно-быстрый? От них наиболее
290 В бездне морской, вопреки и богам, корабли погибают.
Лучше теперь, покорившись велению темных ночи,
На берег выйдем и ужин вблизи корабля приготовим.
Завтра ж с Денницею пустимся снова в пространное море». —
Так говорил Еврилох, и товарищи с ним согласились.
295 Стало мне ясно тогда, что готовил нам бедствие Демон.
Голос возвысив, безумцу я бросил крылатое слово:
«Здесь я один, оттого и ответ, Еврилох, твой так дерзок.
Слушайте ж: мне поклянитесь великою клятвой, что, если
Встретите стадо быков криворогих иль стадо баранов
300 Там, на зеленых лугах, святотатной рукой не коснетесь
К ним и убить ни быка, ни барана отнюдь не дерзнете.
Пищею нас на дорогу обильно снабдила Цирцея». —
Спутники клятвой великою мне поклялися; когда же
Все поклялися и клятву свою совершили, в заливе
305 Острова тихом мы стали с своим кораблем крепкозданным.
Близко была ключевая вода; все товарищи, вышед
На берег, вкусный проворно на нем приготовили ужин;

Свой удовольствовав голод обильным питьем и едою,
 Стали они поминать со слезами о милых погибших,
 310 Схваченных вдруг с корабля и растерзанных Скиллою пред нами.
 Скоро на плачущих сон, усладитель печалей, спустился.
 Треть совершилася ночи, и темного неба на оппол
 Звезды склонилися — вдруг громовержец Кронион Борей,
 Страшно ревушего, выслал на нас, облака обложили
 315 Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
 Черный корабль свой от бури мы скрыли под сводом пещеры,
 Где в хороводы веселые нимфы полей собирались.
 Тут я товарищей всех пригласил на совет и сказал им:
 320 «Черный корабль наш, друзья, запасен и питьем и едою.
 Бойтесь же здесь на стада подымать святотатную руку;
 Бог обладает здесь всеми стадами быков и баранов,
 Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает».
 Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
 325 Но беспрестанно весь месяц свирепствовал Нот; все другие
 Ветры молчали; порою лишь Эвр подымался восточный.
 Спутники, хлеба довольно имея с вином пурпуровым,
 Были спокойны; быков Гелиосовых трогать и в мысли
 Им не входило, когда же съестной наш запас истощился,
 330 Начали пищу охотой они промыслять, добывая
 Что где случалось: стреляли дичину иль рыбу
 Острогобенными крючьями удили — голод томил их.
 Раз, помолиться желая богам, чтоб они нам открыли
 Путь, одинокой дорогой я шел через остров: неволью,
 335 Тою дорогой идя, от товарищей я удалился;
 В месте, защитном от ветра, я руки умыл и молитвой
 Теплою к бессмертным владыкам Олимпа, к богам обратился.
 Сладкий на вежды мне сон низвели нечувствительно боги.
 Злое тогда Еврилох предложение спутникам сделал:
 340 «Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный;
 Всякий род смерти для нас, земнородных людей, ненавистен;
 Но умереть голодною смертью всего ненавистней.
 Выберем лучших быков в Гелиосовом стаде и в жертву
 Здесь принесем их богам, беспредельного неба владыкам.
 345 После — когда возвратимся в родную Итаку, воздвигнем
 В честь Гелиоса, над нами ходящего бога, богатый

Храм и его дорогими дарами обильно украсим;
 Если ж, утратой своих круторогих быков раздраженный,
 Он совокушно с другими богами корабль погубить наш
 350 В море захочет, то легче, в волнах захлебнувшись, погибнуть
 Вдруг, чем на острове диком от голода медленно таять».

Так говорил Еврилох, и сопутники с ним согласились.
 Лучших тогда из быков Геллиосовых, вольно бродивших,
 355 Взяли они — невдали корабля темноносого стадо
 Жирных, огромнорогатых и лбистых быков там гуляло, —
 Их обступили, безумцы; воззвавши к богам олимпийским,
 Листьев нарвали они с густоглавого дуба, ячменя
 Боле в запасе на черном своем корабле не имея.
 360 Кончив молитву, зарезав быков и содравши с них кожи,
 Бедрa они все отсекли, а кости, обвитые дважды
 Жиром, кровавыми свежего мяса кусками обклали.
 Но, не имея вина, возлиянье они совершили
 Просто водою и бросили в жертвенный пламень утробу,
 Бедрa сожгли, остальное же, сладкой утробы отведав,
 365 Всё изрубили на части и стали на вертелах жарить.
 Тут улетел усладительный сон, мне ресницы смыкавший.
 Я, пробудившись, пошел к кораблю на песчаное взморье
 Шагом поспешным; когда ж к кораблю подходил, благовонным
 Запахом пара мясного я был поражен; содрогнувшись,
 370 Жалобный голос упрека вознес я к богам олимпийским:
 «Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
 Вы на беду обольстительный сон низвели мне на вежды;
 Спутники там без меня святотатное дело свершили».

Тою порой о убийстве быков Гиперионов светлый
 375 Сын извещен был Лампетией, длинноодеянной девой.
 С гневом великим к бессмертным богам обратясь, он воскликнул:
 «Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
 Жалуюсь вам на людей Одиссея, Лаэртова сына!
 Дерзко они у меня умертвили быков, на которых
 380 Так любовался всегда я — всходил ли на звездное небо,
 С звездного ль неба сходил и к земле ниспускался.
 Если же вами не будет наказано их святотатство,
 В область Аида сойду я и буду светить для умерших».

Гневному богу отвечивал так тученосец Кронийон:
 385 «Геллиос, смело сияй для бессмертных богов и для смертных,

Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
 Их я корабль чернобокый, низвергнувши пламенный гром свой,
 В море широком на мелкие части разбить не замедлю.
 (Это мне было открыто Калипсой божественной; ей же
 390 Все рассказал вестносец крылатый Кронионов, Эрмий).
 Я, возвратясь к кораблю своему на песчаное взморье,
 Спутников собрал и всех одного за другим упрекал; но исправить
 Зла нам уж было не можно; быки уж зарезаны были.
 Боги притом же и знаменье, в страх нас приведшее, дали:
 395 Кожи ползли, а сырое на вертелах мясо и мясо,
 Снятое с вертелов, жалобно рев издавали бычачий.
 Целые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
 Били отборных быков Гелиоса и ели их мясо;
 Но на седьмой день, предызбранный тайно Кронионом Зевсом,
 400 Ветер утих, и шуметь перестала сердитая буря.
 Мачту поднявши и белый на мачте расправивши парус,
 Все мы взошли на корабль и пустились в открытое море.
 Но, когда в отдалении остров пропал и исчезла
 Всюду земля и лишь небо, с водами слиянное, зрелось,
 405 Бог громовежец Кронион тяжелую темную тучу
 Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
 Море. И краток был путь для него. От заката примчался
 С воем Зефир, и восстала великая бури тревога;
 Лопнули разом веревки, державшие мачту; и разом
 410 Мачта, сломясь, с парусами своими, гремящая, пала
 Вся на корму и в паденье тяжелым ударом разбила
 Голову кормщику; череп его под упавшей громадой
 Весь был расплюснут, и он, водолазу подобно, с высоких
 Ребр корабля кувырнувшись вглубь, там пропал, и из тела
 415 Дух улетел. Тут Зевес, заблистав, на корабль громовую
 Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
 Серным его обхватило. Все разом товарищи были
 Сброшены в воду, и все, как вороны морские рассеясь,
 В шумной исчезли пучине — возврата лишил их Кронион.
 420 Я ж, уцелев, меж обломков остался до тех пор, покуда
 Киль водой не отбило от ребр корабельных: он поплыл;
 Мачта за ним поплыла; обвивался сплетенный из крепкой
 Кожи воловьей ремень вокруг нее; за ремень уцепившись,
 Мачту и киль им поспешно опутал и плотно связал я,

⁴²⁵ Их обхватил и отдался во власть беспредельного моря.
 Стихнул Зефир, присмирела сердитая буря; но быстрый
 Нот поднялся: он меня в несказанную ввергнул тревогу.
 Снова обратной дорогой меня на Харибду помчал он.
 Целую ночь был туда я несом; а когда воссияло
⁴³⁰ Солнце — себя я узрел меж скалами Харибды и Скиллы.
 В это мгновение влагу соленую хлябь поглощала;
 Я, хватаясь за смоковницу, росшую там, прицепился
 К ветвям ее, как летучая мышь, и повис, и нельзя мне
 Было ногой ни во что упереться — висел на руках я.
⁴³⁵ Корни смоковницы были далеко в скале и, расширясь,
 Ветви объемом великим Харибду кругом осеняли;
 Так там, вися без движения, ждал я, чтоб вынесли волны
 Мачту и киль из жерла, и в тоске несказанной я долго
 Ждал — и уж около часа, в который судья, разрешивши
⁴⁴⁰ Юношей тяжбу, домой вечером, утомленный, уходит
 С площади, — выплыли вдруг из Харибды желанные бревна.
 Бросился вниз я, раскинувши руки и ноги, и прямо
 Тяжестью всею упал на обломки, несомые морем.
 Их оседлавши, я начал руками, как веслами, править.
⁴⁴⁵ Скилле ж владыка бессмертных Кронион меня не позволил
 В море приметить: иначе была б неизбежна гибель.
 Девять носился я дней по водам; на десятый с наставшей
 Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо
 Царствует, светлокудрявая, сладкоречивая нимфа.
⁴⁵⁰ Принят я был благосклонно богиней. Об этом, однако,
 Мне говорить уж не нужно: вчера описал я подробно
 Все и тебе и царице; весьма неразумно и скучно
 Снова рассказывать то, что уж мы рассказали однажды».

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ТРИНАДЦАТОЙ ПЕСНИ

Тридцать четвертый день и утро тридцать пятого

Одиссей, одаренный щедро царем Алкиноем, царицею Аретою и феакийцами, покидает с наступлением ночи их остров. Он засыпает. Тем временем корабль феакийский, быстро совершив свое плавание,

достигает Итаки. Вошедши в пристань Форкинскую, мореходцы выносят Одиссея на берег сонного и там оставляют его со всеми сокровищами, полученными им от феакийцев. Они удаляются. Раздраженный Посидон превращает корабль их в утес. Одиссей пробуждается, но не узнает земли своей, которую Афина покрыла густым туманом. Богиня встречается с ним под видом юноши. Он рассказывает ей о себе вымышленную повесть; тогда Афина открывается ему, приняв на себя образ девы. Спрятав сокровища Одиссеевы в гроте наяд, богиня дает ему наставление, как отомстить женихам, превращает его в старого нищего и, повелев ему идти во внутренность острова к свинопасу Евмею, сама улетает в Лакедемон к Телемаку.

Так Одиссей говорил; и ему в потемневшем чертоге
 Молча внимали другие, и все очарованы были.
 Тут обратилась к нему Алкиноева сила святая:
 «Если мой дом меднокованный ты посетил, благородный
 5 Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствий не встретишь
 Ныне, в отчизну от нас возвращаясь, хотя и немало
 Бед испытал ты. А я обращуся теперь, феакийцы,
 К вам, ежедневно вино искрометное пьющим со мною
 В царских палатах, внимая струнам золотым песнопевца.
 10 Все уж в ковчеге лежит драгоценном; и данные гостю
 Ризы, и чудной работы златые сосуды, и много
 Разных подарков других от владык феакийских; пускай же
 К ним по большому котлу и треножнику прочной работы
 Каждый прибавит; себя ж наградим за убытки богатым
 15 Сбором с народа: столь щедро дарить одному не по силам».
 Так Алкиной говорил; и, одобрив его предложенье,
 Все по домам разошлись, о ложе и сне помышляя.
 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
 Каждый поспешно отнес на корабль меднолитную утварь;
 20 Как же ту утварь под лавками судна укласть (чтоб работать
 Веслами в море могли, не вредя ей, гребцы молодые),
 Сам Алкиной, обошедший корабль, осторожно устроил.
 Все они в царских палатах потом учредили обед свой.
 Тут собирателю туч, громоносцу Кронниону Зевсу,
 25 В жертву быка принесла Алкиноева сила святая.
 Бедра предавши огню, насладились роскошною пищею
 Гости; и, громко звуча вдохновенною лирой, пред ними

Пел Демодок, многотимый в народе. Но голову часто
Царь Одиссей обращал на всемирно-светящее солнце,
30 С неба его понуждая сойти, чтоб отъезд ускорить свой.
Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
Плугом, и весело день провожает он взором на запад —
Ташится тяжелой стопою домой он готовить свой ужин.
35 Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
Дня. Тогда, обратясь ко всем феакиянам вместе,
Слово такое сказал он, смотря на царя Алкиноя:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
В путь снарядите меня, сотворив возлиянье бессмертным;
40 Сами же радуйтесь. Все уж готово, чего так желало
Милое сердце, корабль и дары; да пошлют благодать мне
Боги Ураниды ныне, чтоб я, возвратясь в отчизну,
Дома жену без порока нашел и возлюбленных ближних
Всех сохраненных; а вы благоденствуйте каждый с своею
45 Сердцем избранной супругой и с чадами; всё да пошлют вам
Доброе боги; и зло никакое чтоб вас не коснулось».
Кончили; и все, изъявив одобренье, решили немедля
Гостя, пленившего их столь разумною речью, отправить
В путь. Обратясь тогда к Понтоною, сказал феакиян
50 Царь благородный: «Наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши, дабы, помолившись владыке Крониону Зеву,
Странника в милую землю отцов отпустили мы с миром».
Так он сказал и, кратеры наполнив вином благовонным,
Подав с ним чаши гостям Понтоной; и они возлиянье
55 Им совершили богам, беспредельного неба владыкам,
Каждый на месте своем. Одиссей хитромысленный, вставши,
Подав царице Арете двурусный кубок; потом он,
Голос возвысив, ей бросил крылатое слово: «Царица,
Радуйся ныне и жизнь проводи беспечально, доколе
60 Старость и смерть не придут в обреченное каждому время.
Я возвращаюсь в отеческий дом свой; а ты благоденствуй
Дома с детьми, с домочадцами, с добрым царем Алкиноем».
Слово такое сказав, через медный порог перешел он,
С ним повелев Понтоною идти Алкиной, чтоб ему он
65 Путь указал к кораблю и к песчаному берегу морскому.
Так же царица Арета послала за ним трех домашних служанок,

С вымытой чисто одеждой одну и с хитоном, другую
 С отданным ей в сохраненье блестящим ковчегом, а третью
 С светлопурпурным вином и с запасом еды на дорогу.
 70 К берегу морскому они подошли, и, принявши из рук их
 Платье, ковчег, и вино, и дорожную пищу, немедля
 Всё на корабль отнесли быстроходный гребцы и на гладкой
 Палубе мягко-широкий ковер с простыней полотняной
 75 Подле кормы разостлали, чтоб мог Одиссей бестревожно
 Спать. И вступил Одиссей на корабль быстроходный; и молча
 Лег он на мягко-широкий ковер. И на лавки порядком
 Сели гребцы и, канат отвязав от причального камня,
 Разом ударили в весла и взбрызнули темную влагу.
 Тою порой миротворно слетал Одиссею на вежды
 80 Сон непробудный, усладный, с безмолвною смертию сходный.
 Быстро (как полем широким коней четверня, беспрестанно
 Сильных гонимых бичом, поражающим всех совокупно,
 Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершает
 Путь свой) корабль, воздвигая корму, побежал, и, пурпурной
 85 Сзади волной напирая, его многошумное море
 Мчало вперед; беспрепятственно плыл он; и сокол, быстрееший
 Между пернатыми неба, его не догнал бы в полете,-
 Так он стремительно, зыбь рассекая, летел через море,
 Мужа неся богоравного, полного мыслей высоких,
 90 Много встречавшего бед, сокрушающих сердце, средь бурной
 Странствуя зыби, и много великих видавшего браней —
 Ныне же спал он, забыв претерпенное, сном беззаботным.
 Но поднялася звезда лучезарная, вестница светлой,
 В сумраке раннем родившейся Эос; и, путь свой окончив,
 95 К берегу Итаки достигнул корабль, обтекающий море.
 Пристань находится там, посвященная старцу морскому
 Форку; ее образуют две длинные ветви крутого
 Брега, скалами зубчатыми в море входящего; ветрам
 Он возбуждает извне нагонять на спокойную пристань
 100 Волны тревожные; могут внутри корабли на притонном
 Месте без привязи вольно стоять, не страшась непогоды;
 В самой вершине залива широкосенистая зрится
 Маслина; близко ее полутемный с возвышенным сводом
 Грот, посвященный прекрасным, сльвущим наядами нимфам;
 105 Много в том гроте кратер и больших двоеручных кувшинов

Каменных: пчелы, гнездяся в их недрах, свой мед составляют;
 Также там много и каменных длинных станов; за стенами
 Сидя, чудесно одежды пурпурные ткнут там наяды;
 Вечно шумит там вода ключевая; и в гроте два входа:
 110 Людям один лишь из них, обращенный к Борею, доступен;
 К Ноту ж на юг обращенный богам посвящен — не дерзает
 Смертный к нему приближаться, одним лишь бессмертным открыт он.
 Зная то место, к нему подошли мореходцы; корабль их
 Целой почти половиною на берег вспянул — так быстро
 115 Мчался он, веслами сильных гребцов понуждаемый к бегу.
 Стал неподвижно у брега могучий корабль. Мореходцы,
 С палубы гладкой царя Одиссея рукой осторожной
 Сняв с простынею и с мягким ковром, на которых лежал он,
 Спящий глубоко, его положили на бреге песчаном;
 120 После, богатства собрав, от разумных людей феакийских
 Им полученные в дар по внушенью великой Афины,
 Бережно склади у корня оливы широколистной
 Все, от дороги поодаль, дабы никакой проходящий,
 Пользуясь сном Одиссея глубоким, чего не похитил.
 125 Кончив, пустились в море они. Но земли колебатель,
 Помня во гневе о прежних угрозах своих Одиссею,
 Твердому в бедствиях мужу, с такой обратился молитвой
 К Зевсу: «О Зевс, наш отец и владыка, не буду богами
 Боле честим я, когда мной ругаться начнут феакийцы,
 130 Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;
 Ведал всегда я, что в дом свой, немало тревог испытавши,
 Должен вступить Одиссей; я не мог у него возвращенья
 Совсе похитить: ты прежде уж суд произнес свой.
 Ныне ж его феакийцы в своем корабле до Итаки
 135 Спящего, мне вопреки, довели, наперед одаривши
 Золотом, медью и множеством риз, драгоценно-сотканных,
 Так изобильно, что даже из Трои подобной добычи
 Он не привез бы, когда б беспрепятственно в дом возвратился».

Гневному богу отвечив туч собиратель Кронион:
 140 «Странное слово сказал ты, могучий земли колебатель;
 Ты ль не в чести у богов, и возможно ль, чтоб лучший,
 Старший и силою первый не чтим был от младших и низших?
 Если же кто из людей земнородных, с тобою неравных
 Силой и властью, тебя не почитит, накажи беспощадно.

¹⁴⁵ Действуй теперь, как желаешь ты сам, как приятнее сердцу».
 Бог Посидон, колебатель земли, отвечал громовержцу:
 «Смело б я действовать стал, о Зевес чернооблачный, если б
 Силы великой твоей и тебя раздражить не страшился;
 Ныне же мной феакийский прекрасный корабль, Одиссея
¹⁵⁰ В землю его проводивший и морем обратно плывущий,
 Будет разбит, чтоб вперед уж они по водам не дерзали
 Всех провожать; и горою великой задвину их город».

Гневному богу отвечив так громовержец Кронион:
 «Друг Посидон, полагаю, что самое лучшее будет,
¹⁵⁵ Если (когда подходящий корабль издалека увидят
 Жители града) его перед ними в утес обратишь ты,
 Образ плывущего судна ему сохранивши, чтоб чудо
 Всех изумило; потом ты горою задвинешь их город».

Слово такое услышав, могучий земли колебатель
¹⁶⁰ В Схерию, где обитал феакийский народ, устремился
 Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
 Быстро. К нему подошел, колебатель земли во мгновение
 В камень его обратил и ударом ладони к морскому
 Дну основанием крепко притиснул; потом удалился.

¹⁶⁵ Шумно словами крылатыми спрашивать стали друг друга
 Веслолюбивые, смелые гости морей феакийцы,
 Глядя один на другого и так меж собой рассуждая:
 «Горе! Кто вдруг на водах оковал наш корабль быстроходный,
 К берегу шедший? Его уж вдали различали мы ясно».

¹⁷⁰ Так говорили они, не постигнув того, что случилось.
 К ним обратился тогда Алкиной и сказал: «Феакийцы,
 Горе! Я вижу, что ныне сбылося все то, что отец мой
 Мне предсказал, говоря, как на нас Посидон негодует
 Сильно за то, что развозим мы всех по морям безопасно.

¹⁷⁵ Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
 Странника в землю его, возвращая морем туманным,
 Будет разбит Посидоном, который высокою горою
 Град наш задвинет. Так мне говорил он, и все совершилось.
 Вы ж, феакийские люди, исполните то, что скажу вам:

¹⁸⁰ С этой поры мы не станем уже по морям, как бывало,
 Странников, наш посещающих град, провожать; Посидону ж
 В жертву немедля двенадцать быков принесем, чтоб на милость
 Он преклонился и града горой не задвинул великой».

Так он сказал, и быков приготовил на жертву объятый
 185 Страхом народ; и, усердно молясь Посидону владыке,
 Все феакийские старцы, вожди и вельможи стояли
 Вкруг алтаря. Той порой Одиссей, привезенный в отчизну
 Сонный, проснулся, и милой отчизны своей не узнал он —
 Так был отсутствен давно; да и сторону всю ту покрыла
 190 Мглою туманною дочь громовержца Афина, чтоб не был
 Прежде, покуда всего от нее не услышит, кем встречен
 Царь Одиссей, чтоб его ни жена, ни домашний, ни житель
 Града какой не узнали, пока женихам не отмстит он;
 Вот почему и явилось очам Одиссея столь чуждым
 195 Все, и излучины длинных дорог, и залив меж стенами
 Гладких утесов, и темные сени дерев черноглавых.
 Вставши, с великим волненьем он начал кругом озираться;
 Скорбь овладела душою его, по бедрам он могучим
 Крепко ударив руками, в печали великой воскликнул:
 200 «Горе! К какому народу зашел я! Здесь, может быть, область
 Диких, не знающих правды, людей, иль, быть может, я встречу
 Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных.
 Где же я скрою богатства мои и куда обратиться
 Мне самому? Для чего меж людьми феакийскими доле
 205 Я не остался! К другому из сильных владык в их народе
 Я бы прибегнул, и он бы помог мне достигнуть отчизны;
 Ныне ж не знаю, что делать с своим мне добром; без храненья
 Здесь не оставлю его, от прохожих расхищено будет.
 Горе! Я вижу теперь, что не вовсе умны и правдивы
 210 Были в поступках со мною и царь и вожди феакийцев:
 Ими я брошен в краю, мне чужом; отвезти обещались
 В милую прямо Итаку меня и нарушили слово;
 Их да накажет Зевес, покровитель лишенных покрова,
 Зрящий на наши дела и карающий наши злодейства.
 215 Должно, однако, богатства мои перечесть, чтоб увидеть,
 Цело ли все, не украли ль чего в корабле быстроходном».

Он сосчитал все котлы, все треножки, все золотые
 Утвари, все драгоценно-сотканые ризы, и целым
 Все оказалось; но горько он плакал о милой отчизне,
 220 Глядя на шумное море, бродя по песчаному берегу
 В тяжелой печали. К нему подошла тут богиня Афина,
 Образ приняв пастуха, за овечьим ходящего стадом,

Юного, нежной красою подобного царскому сыну;
 Ей покрывала двойная широкая мантия плечи,
 225 Ноги сияли в сандалиях, легким копьём подпиралась.
 Радуюсь встрече такой, Одиссеей подошел к светлоокой
 Деве и, голос возвысив, ей бросил крылатое слово:
 «Друг, ты в земле незнакомой мне, страннику, встретился первый;
 Радуйся; сердце ж на милость свое преклони; сбереги мне
 230 Это добро, и меня самого защити; я как бога,
 Друг, умоляю тебя и колена твои обнимаю:
 Мне отвечай откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
 Где я? В какой стороне? И какой здесь народ обитает?
 Остров ли это гористый, иль в море входящий, высокий
 235 Берег земли матерой, покровенной крутыми горами?»
 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
 «Видно, что ты издалека пришелец, иль вовсе бессмыслен,
 Если об этом не ведаешь крае? Но он не бесславен
 Между краями земными, народам земным он известен
 240 Всем, как живущим к востоку, где Эос и Гелиос всходят,
 Так и живущим на запад, где область туманные ночи;
 Правда, горист и суров он, коням неприволен, но вовсе ж
 Он и не дик, не бесплоден, хотя не широк и полями
 Беден; он жатву сторицей дает, и на нем винограда
 245 Много родится от частых дождей и от рос плодотворных;
 Пажитей много на нем для быков и для коз, и богат он
 Лесом и множеством вод, безущербно год целый текущих.
 Странник, конечно, молва об Итаке дошла и к пределам
 Трои, лежащей, как слышно, далеко от края ахейн».
 250 Кончила. В грудь Одиссея веселье от слов сих проникло;
 Рад был услышать он имя отчизны из уст светлоокой
 Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Афины;
 Голос возвысив, он бросил крылатое слово богине
 (Правду, однако, он скрыл от нее хитроумною речью,
 255 В сердце своем осторожно о пользе своей помышляя):
 «Имя Итаки впервые услышал я в Крите обширном,
 За морем; ныне ж и сам я пределов Итаки достигнул,
 Много сокровищ с собою привезши и столько же дома
 Детям оставив; бежал я оттуда, убив Орсилоха,
 260 Идоменея милого сына, который в обширном
 Крите мугей предприимчивых всех побеждал быстротою

Но; он хотел у меня всю добычу троянскую (столько
 Злых мне тревог приключившую в те времена, как во многих
 Бранях я был и среди бедоносного странствовал моря)
 265 Силой отнять, поелику его я отцу отказался
 В Трое служить и своими людьми предводил; но его я,
 Шедшего с поля, с товарищем подле дороги укрывшись,
 Метко направленным медным копьём умертвил из засады:
 Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой нас
 270 Видеть не мог человек; и не сведал никто, что убийца
 Я; но, копьём медноострым его умертвив, не замедлил
 Я, к кораблю финикийских людей благородных пришедши,
 Их убедить предложеньем даров, чтоб, меня на корабль свой
 Взявши и в Пилос привезши, там на берег дали мне выйти
 275 Или в Элиду, священную область эпеян, меня проводили:
 Но берегов их достигнуть нам не дал враждующий ветер,
 К горю самих мореходцев, меня обмануть не хотевших;
 Сбившись с дороги, сюда мы приплыли ночью порою;
 В пристань на веслах ввели мы корабль, и никто не помыслил,
 280 Сколь ни стремил к тому нас желанье об ужине; все мы,
 Вместе сошед с корабля, улеглись на бреге песчаном;
 В это мгновенье в глубокий я сон погрузился; они же,
 Взявши пожитки мои с корабля, их сложили на землю
 Там, где заснувший лежал на песке я; потом, возвратясь
 285 Все на корабль, к берегам многолюдной Сидонии путь свой
 Быстро направили. Я же остался один, сокрушенный».

Кончил. С улыбкой Афина ему светлоокая щеки
 Нежной рукой потрепала, явившись прекрасною, с станом
 Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девою.
 290 Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
 «Должен быть скрытен и хитр несказанно, кто спорить с тобою
 В вымыслах разных захочет; то было бы трудно и богу.
 Ты, кознодей, на коварные выдумки дерзкий, не можешь,
 Даже и в землю свою возвратясь, оторваться от темной
 295 Лжи и от слов двоясмысленных, смолоду к ним приучившись;
 Но об этом теперь говорить бесполезно; мы оба
 Любим хитрить. На земле ты меж смертными разумом первый,
 Также и сладкою речью; я первая между бессмертных
 Мудрым умом и искусством на хитрые вымыслы. Как же
 300 Мог не узнать ты Паллады Афины, тебя неизменно

В тяжких трудах подкреплявшей, хранившей в напастях и ныне
 Всем феакиянам сердце к тебе на любовь преклонившей?
 Знай же теперь: я пришла, чтоб, с тобой все разумно обдумав,
 К месту прибрать здесь все то, что от щедрых людей феакийских
 305 Ты получил при отъезде моим благосклонным внушеньем;
 Также, чтоб знал ты, какие судьба в многославном жилище
 Царском беды для тебя приготовила. Ты же мужайся;
 Но берегись, чтоб никто там, ни муж, ни жена, не проникли
 Тайны, что бедный скиталец- ты сам, возвратившийся; молча
 310 Все оскорбленья сноси, нагледам уступая без гнева».
 Светлой Афине отвечив так Одиссей богоравный:
 «Смертный, и самый разумный, с тобою случайно, богиня,
 Встреться, тебя не узнает: во всех ты являешься видах.
 Помню, однако, я, сколь ты бывала ко мне благосклонна
 315 В те времена, как в троянской земле мы сражались, ахейцы.
 Но когда, ниспровергнувши город Приамов великий,
 Мы к кораблям возвратились, разгневанный бог разлучил нас.
 С тех пор с тобой не встречался я, Диева дочь; не приметил
 Также, чтоб ты, на корабль мой вступивши, меня от какого
 320 Зла защитила. С разорванным сердцем, без всякой защиты,
 Странствовал я: наконец от напастей избавили боги.
 Только в стране плодоносной мужей феакийских меня ты
 Словом своим ободрила и в город мне путь указала.
 Ныне ж, колена объемя твои, умоляю Зевесом
 325 (Я сомневаюсь, чтоб был я в Итаке: я в землю пную
 Прибыл; ты, так говоря, без сомненья испытывать шуткой
 Хочешь мне сердце; ты хочешь мой разум ввести в заблужденье),
 Точно ль, скажи мне, поистине милой отчизны достиг я?»
 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
 330 «В сердце моем благосклонность к тебе сохранилась та же;
 Мне невозможно в несчастье покинуть тебя: ты примешь
 Ласково каждый совет, ты понятлив, ты смел в исполненье;
 Всякий, на чуже скитавшийся долго, достигнув отчизны,
 Дом свой, жену и детей пламенеет желаньем увидеть;
 335 Ты ж, Одиссей, не спеши узнавать, воздержись от расспросов;
 Прежде ты должен жену испытать; неизменная сердцем,
 Дома она ожидает тебя с нетерпением, тратя
 Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали.
 Я же сомнения в том никогда не имела — напротив,

340 Знала, что, спутников всех потеряв, ты домой возвратишься;
 Но неприлично мне было вражду заводить с Посидоном,
 Братом родителя Зевса, тобой оскорбленным: ты сильно
 Душу разгневал его умерщвлением милого сына.
 Но, чтоб ты мог мне поверить, тебе я открою Итаку.

345 Здесь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
 В самой вершине залива широкосенистую видишь
 Маслину; близко ее полутемный с возвышенным сводом
 Грот, посвященный прекрасным, слывающим наядами, нимфам
 (Самый тот хладный, в утесе таящийся грот, где столь часто

350 Ты приносил экатомбы богатые чистым наядам).
 Вот и гора Нерпон, покровенная лесом широким».
 Кончив, богиня туман разделила; окрестность явилась;
 В грудь Одиссея при виде таком пролился веселье;
 Бросился он целовать плододарную землю отчизны;

355 Руки подняв, обратился потом он с молитвой к наядам:
 «Нимфы наяды, Зевесовы дочери, я уж не думал
 Здесь вас увидеть; теперь веселитесь моею веселой,
 Нимфы, молитвой; и будут дары вам обычные, если
 Дочь броненосная Зевса Афина и мне благосклонно

360 Жизнь сохранит и милого сына спасет от напасти».
 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
 «Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен;
 Должен, напротив, сокровища в недре пространныго грота
 Спрятать свои, чтоб из них ничего у тебя не пропало.

365 После, все дело обдумав, мы выберем то, что полезней».
 Кончив, богиня во внутренность грота вошла и рукою
 Темные стен закоулки ощупала; сын же Лаэртос
 Все, и нетленную медь, и богатые платья, и золото,
 Им от людей феакийской земли полученные, собрал;

370 В гроте их склав, перед входом его положила огромный
 Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Афина.
 Оба тогда, под широкосенистою маслиной севши,
 Стали обдумывать, как погубить женихов многобуйных.
 Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:

375 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
 Выдумай, как бы тебе женихов наказать беззаконных,
 Боле трех лет самовластно твоим обладающих домом,
 Муча докучным своим сватовством Пенелопу; она же,

Сердцем в разлуке с тобою крушась, подает им надежду
 320 Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
 Добрые шлет к ним, недоброе в сердце для них замышляя».

Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
 «Горе! И мне б, как царю Агамемнону, сыну Атрея,
 Жалостной гибели в царском жилище моем не избежать,
 325 Если бы вовремя мне ты всего не открыла, богиня!
 Дай мне теперь наставление, как отомстить им; сама же
 Мне помоги и такую ж даруй мне отважность, как в Трое,
 Где мы разрушили светлые стены Приамова града.
 Стой за меня и теперь, как тогда, светлоокая; смело
 390 Выйти готов и на триста мужей я, хранимый твоею
 Силой божественной, если ко мне ты еще благосклонна».

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
 «Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставлен
 Мной и тогда, как приступим мы к делу; и, думаю, скоро
 395 Лоно земли беспредельной обрызжется кровью и мозгом
 Многих из них, незаконных, твое достоянье губящих.
 Прежде, однако, тебя превращу я, чтоб не был никем ты
 Узнан: наморщю блестящую кожу твою на могучих
 400 Членах, сниму с головы златотемные кудри, покрою
 Рубищем бедным плеча, чтоб глядел на тебя с отвращеньем
 Каждый, и струпом глаза, столь прекрасные ныне, подерну;
 В виде таком женихам ты, супруге и сыну (который
 Дома тобой был оставлен), неузнанный, будешь противен.
 Прежде, однако, отсюда ты должен пойти к свинопасу,
 405 Главному здесь над стадами свинными смотрителю; верен
 Он и тебе, и разумной твоей Пенелопе, и сыну;
 Встретишь его ты у стада свиней; близ утеса Коракса,
 Подле ключа Аретузы лазоревой стадо пасется,
 Жадно питаяся там желудьми и водой запивая
 410 Пищу, которая тушу свиную густым наливает
 Жиром; с ним сидя, его обо всем ты подробно расспросишь.
 Тою порою я в женопрекрасный пойду Лакедемон
 Вызвать к тебе, Одиссей, твоего Телемака отсюда:
 Он же в широкоравнинную Спарту пошел, чтоб услышать
 415 Весть о тебе от Атрида и, жив ли еще ты, проведать».

Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
 «Ведая все, для чего же ему не сказала ты правды?

Странствуя, многим и он сокрушениям подвергнуться может
На море бурном, во власти грабителей дом свой оставив».
420 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Много о том, Одиссей, ты тревожиться сердцем не должен.
Я проводила его, чтоб людей посмотрел и меж ними
Нажил великую славу; легко все окончив, теперь он
В доме Атреева сына сидит и роскошно пирует.
425 Правда, его женихи стерегут в корабле темногрудом,
Злую погибель готовя ему на возвратной дороге;
Я им, однако, того не дозволю; и прежде могила
Многих из них, разоряющих дерзостно дом твой, поглотит».
430 С сими словами богиня к нему прикоснулася тростью.
Разом на членах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело,
Спали с его головы златотемные кудри, сухою
Кожею дряхлого старца дрожащие кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струном,
Плечи оделись тряпичей, в лохмотье разорванным, старым
435 Рубищем, грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма;
Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку,
Всю в заплатках, висящую вместо ремня на веревке,
С ним разлучилась богиня; что делать, его научивши,
440 К сыну его полетела она в Лакедемон священный.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ПЕСНИ

Тридцать пятый день

Одиссей приходит к Евмею; позавтракав с ним, он уверяет старого свинопаса, что господин его скоро возвратится, и подтверждает то клятвою; но Евмей ему не верит. Одиссей рассказывает ему вымышленную о себе повесть. Вечеру все другие пастухи возвращаются с паствы. Евмей убивает откормленную свинью на ужин. Холодная ночь; Одиссей вымышленным о себе рассказом побуждает Евмея дать ему теплую мантию на ночь. Все засыпают в доме; один Евмей уходит наблюдать за стадом, оставленным в поле.

Тою порою из пристани вкруг по тропинке нагорной
 Лесом пошел он в ту сторону, где, по сказанью Афины,
 Жил свинопас богоравный, который усерднее прочих
 Царских рабов наблюдал за добром своего господина.
 5 Он на дворе перед домом в то время сидел за работой;
 Дом же стоял на высоком, открытом и кругообзорном
 Месте, просторный, отвсяду обходный; его для свинных там
 Стад свинопас, не спросясь ни с царицей, ни с старцем Лаэртом,
 Сам, поелику его господин был отсутствен, из твердых
 10 Камней построил; ограда терновая стены венчала;
 Тын из дубовых, обтесанных, близко один от другого
 В землю вколоченных кольев его окружал; на дворе же
 Целых двенадцать просторных закут для свиней находилось:
 Каждую ночь в те закуты свиней загоняли, и в каждой
 15 Их пятьдесят, на земле неподвижно лежащих, там было
 Заперто — матки одни для расплода; самцы же во внешних
 Спали закутах и в меньшем числе; убавляли, пируя,
 Их женихи богоравные (сам свинопас принужден был
 Лучших и самых откормленных им посылать ежедневно);
 20 Триста их там шестьдесят боровов налицо оставалось;
 Их сторожили четыре собаки, как дикие звери
 Злобные: сам свинопас, повелитель мужей, для себя их
 Выкормил. Сидя тогда перед домом, кроил он из крепкой
 Кожи воловьей подошвы для ног; пастухи же другие
 25 Были в отлучке: на пажити с стадом свиней находились
 Трое, четвертый самим повелителем послан был в город
 Лучшую в стаде свинью женихам необузданным против
 Воли отдать, чтоб, зарезав ее, насладились едою.
 Вдруг вдалеке Одиссея увидели злые собаки;
 30 С лаем они на него побежали; к земле осторожно,
 Видя опасность, присел Одиссей, но из рук уронил он
 Посох, и жалкую гибель в своем бы он встретил владенье,
 Если бы сам свинопас, за собаками бросясь поспешно,
 Выбежать, кинув работу свою, не успел из заграды:
 35 Крикнув на бешеных псов, чтоб пугнуть их, швырять он большими
 Камнями начал; потом он сказал, обратясь к Одиссею:
 «Был бы, старик, ты разорван, когда б опоздал я минуту;
 Тяжким упреком легло б мне на сердце такое несчастье;
 Мне же и так уж довольно печалей бессмертные дали:

40 Здесь, о моем господине божественном сетуя, должен
 Я для незваных гостей бороров Одиссеевых жирных
 Прочить, тогда как, быть может, он сам без покрова, без пищи
 Странствует в чуждых землях меж народов иного языка
 (Если он только еще где сиянием дня веселится).
 45 В дом мой последуй за мною, старик; я тебя дружелюбно
 Пищею там угощу и вином; отдохнувши, ты скажешь,
 Кто ты, откуда, какие беды и напасти где встретил.
 Кончил, и в дом с Одиссеем вошел свинопас богоравный;
 Там он на кучу его посадил многолиственных, свежих
 50 Сучьев, недавно нарубленных, прежде косматою кожей
 Серны, на ней же он спал по ночам, их покрыв. Одиссею
 Был по душе столь радушный прием; он сказал свинопасу:
 «Зевса молю я и вечных богов, чтоб тебе ниспослали
 Всякое благо за то, что меня ты так ласково принял».
 55 Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
 «Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой
 Гостя почтить сохранили бы свято — Зевес к нам приводит
 Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
 Слишком же щедрыми быть нам не можно, рабам, в беспрестанном
 60 Страхе живущим, понеже теперь господра молодые
 Властвуют нами. Кронион решил, чтоб лишен был возврата
 Он, столь ко мне благосклонный; меня б он устроил, мне дал бы
 Поле, и дом, и невесту с богатым приданым, и, словом,
 Все, что служителям верным давать господин благодушный
 65 Должен, когда справедливые боги успехом усердые
 Их наградили, как здесь и меня за труды награждают;
 Так бы со мною здесь милостив был он, когда б мог достигнуть
 Старости дома; но нет уж его... о! зачем не Еленин
 Род истреблен! От нее сокрушились колена славнейших
 70 наших героев: и он за обиду Атрида с другими
 В Трою неволей пошел истребить Илион многоконный».
 Так говорил он и, поясом легкий хитон свой стянувши,
 К той отделенной закуте пошел, где одни поросята
 Заперты были; взяв двух пожирней, он обоих зарезал,
 75 Их опалил, и на части рассек, и, на вертел наткнувши
 Части, изжарил их; кончив, горячее мясо он подал
 Гостю на вертеле, ячной мукою его пересыпав.
 После, медвяным вином деревянный наполнивши кубок,

Сел против гостя за стол и, его приглашая к обеду:
 20 «Странник, — сказал, — не угодно ль тебе поросятины, нашей
 Пищи убогой, отведать — свиней же одни беспощадно
 Жрут женихи, не страшась никакого за то наказания;
 Дел беззаконных, однако, блаженные боги не любят:
 Правда одна, и благие поступки людей им угодны;
 25 Даже разбойники, злые губители, разные земли
 Грабить обыхшие, — многой добычей, им данной Зевесом,
 Свой нагруживши корабль и на нем возвращаясь в отчизну, —
 Страх наказания великий в душе сохраняют; они же
 (Видно, им бога какого пророческий слышался голос),
 90 Веря, что гибель постигла его, ни свое, как прилично,
 Весть сватовство не хотят, ни к себе возвратиться не мыслят,
 В доме, напротив, пируют его и бесчинно все грабят;
 Каждую Зевсову ночь там и каждый ниспосланный Зевсом
 День не одну и не две мы свиньи на съеденье им режем;
 95 Там же они и вино, неумеренно пьянствуя, тратят.
 Дом же его несказанно богат был, никто из живущих
 Здесь благородных мужей — на твердыне ли черного Зама
 Или в Итаке — того не имел; получал он дохода
 Боле, чем десять у нас богачей; я сочту по порядку:
 100 Стад криворогих быков до двенадцати было, овечьих
 Также, и столько ж свиных, и не менее козых (пасут их
 Здесь козоводы свои и наемные); также на разных
 Паствах еще здесь гуляет одиннадцать козых особых
 Стад; и особые их стерегут на горах козоводы;
 105 Каждый из тех козоводов вседневно, черед наблюдая,
 В город с жирнейшей козою, меж лучшими выбранной, ходит;
 Так же вседневно и я, над стадами свинными здесь главный,
 Лучшего борова им на обед посылать приневолен».

Так говорил он, а гость той порою ел мясо, усердно
 110 Пил и молчал, женихам истребление в мыслях готовя.
 Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
 Кубок он свой, из которого сам пил, хозяину подал
 Полный вина — и его свинопас с удовольствием принял;
 Гость же, к нему обратившись, бросил крылатое слово:
 115 «Друг, расскажи мне о муже, которым ты куплен, который
 Был так несметно богат, так могуч и который, сказал ты,
 В Трое погиб, за обиду отмщая Атреева сына;

Все Расскажи мне, чтоб знал я, не встретился ль где он случайно
 Мне — и Зевес и другие бессмертные знают, могу ли
¹²⁰ Что про него рассказать вам — я странствовал так же немало».

Так свинопас, повелитель мужей, отвечал Одиссею:
 «Старец, теперь никакой уж из странников, много бродивших,
 Радостной вестью об нем ни жены не обманет, ни сына.
 Часто в надежде, что их, угостив, одарят, здесь бродяги
¹²⁵ Лгут, небылицы и басни о нем вымышляя; и кто бы,
 Странствуя в разных землях, ни зашел к нам в Итаку, уж верно
 Явится к нашей царице с нелепою сказкой о муже;
 Ласково всех принимает она и рассказы их жадно
¹³⁰ Служает все, и с ресниц у внимающей падают капли
 Слез, как у всякой жены, у которой погиб в отдаленье
 Муж. Да и ты нам, старик, небылицу расскажешь охотно,
 Если хламиду тебе иль хитон за труды посулим мы.
 Нет! уж, конечно, ему иль собаки, иль хищные птицы
 Кожу с костей оборвали — и с телом душа разлучилась,
¹³⁵ Или он рыбами съеден морскими, иль кости на взморье
 Где-нибудь, в зыбком песке глубоко погребенные, тлеют;
 Так он погиб, в сокрушенье великом оставив домашних
 Всех, наипаче меня; никогда, никогда не найти уж
 Мне господина столь доброго, где бы я ни жил, хотя бы
¹⁴⁰ Снова по воле бессмертных к отцу был и к матери милой
 В дом приведен, где родился, где годы провел молодые.
 Но не о том я крушуся, хотя и желал бы хоть раз их
 Образ увидеть глазами, хоть раз посетить их в отчизне, —
 Нет, об одном Одиссее далеко я плачу; ах, добрый
¹⁴⁵ Гость мой, его и далекого здесь не могу называть я
 Просто по имени (так он со мною был милостив); братом
 Милым его я, хотя и в разлуке мы с ним, называю».

Царь Одиссей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
 «Если, не веря вестям, утверждаешь ты, друг, что сюда он
¹⁵⁰ Боле не будет, и если уж так ты упорен рассудком,
 Я не скажу ничего; но лишь в том, что наврное скоро
 К вам Одиссей возвратится, дам клятву; а мне ты заплатишь
 Только тогда, как входящего в дом свой его здесь увидишь:
 Платье тогда подаришь мне, хитон и хламиду; до тех пор,
¹⁵⁵ Сколь ни великую бедность терплю, ничего не приму я;
 Мне самому ненавистней Аидовых врат ненавистных

Каждый обманщик, ко лжи приневомленный бедностью тяжелой;
 Я же Зевесом владыкой, твоей гостелюбной трапезой,
 Также святым очагом Одиссея дома клянуся
 160 Здесь, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я;
 Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
 Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
 Вступит он в дом свой; и мщенье тогда совершится над каждым,
 Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидел».

165 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
 «Нет, ни за вести свои ты от нас не получишь награды,
 Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придет; успокойся ж,
 Пей, и начнем говорить о другом; мне и слышать об этом
 Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мне
 170 Кто здесь хоть словом напомнит о добром моем господине.
 Также и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нет ли
 К нам господин мой, как все бы желали мы — я, Пенелопа,
 Старец Лаэрт и подобный богам Телемак, — но о сыне
 Боле теперь, чем о славном, родившем его Одиссее,
 175 Я сокрушаюсь: как ветвь молодая, воспитан богами
 Был он; я мнил, что со временем, мужеской силы достигнув,
 Будет подобно отцу он прекрасен и видом и станом, —
 Знать, неприязненный демон какой иль враждующий смертный
 Разум его помутил: чтоб узнать об отце отдаленном,
 180 В Пилос божественный поплыл он; здесь же, укрывшись в засаде,
 Ждут женихи, чтоб, его умертвив на возвратной дороге,
 В нем и потомство Аркезия все уничтожить в Итаке.
 Мы же, однако, оставим его — попадется ль им в руки
 Он, избежит ли их козней, спасенный Зевесом, — теперь ты
 185 Мне расскажи, что с тобой и худого и доброго было
 В свете? Скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
 Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
 Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
 Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
 190 (Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты».

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
 Если б мы оба с тобой запаслися на долгое время
 Пищей и сладким питьем и глаз на глаз остались двое
 195 Здесь шировать на просторе, отправив других на работу,

То и тогда, ежедневно рассказ продолжая, едва ли
 В год бы я кончил печальную повесть о многих напастях,
 Мною претерпленных с трудом несказанным по воле бессмертных.
 Славлюсь я быть уроженцем широкоравнинного Крита;
 200 Сын я богатого мужа; и вместе со мною других он
 Многих имел сыновей, им рожденных и выросших дома;
 Были они от законной супруги; а я от рабыни,
 Купленной им, родился, но в семействе почтен как законный
 Сын был отцом благородным, Кастором, Гилаксовым сыном;
 205 Он же от всех обитателей Крита, как бог, уважаем
 Был за богатство, за власть и за доблесть сынов многославных;
 Но приносящие смерть, беспощадно-могучие Керы
 В область Аида его увели; сыновья же, богатства
 Все разделив меж собою по жеребью, дали мне самый
 210 Малый участок и дом небольшой для житья; за меня же
 Вышла богатых родителей дочь; предпочтен был другим я
 Всем женихам за великую доблесть; на многое годный,
 Был я в деле военном не робок... но все миновалось;
 Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний
 215 Колос легко распознаешь ты; ныне ж я бедный бродяга.
 С мужеством бодрым Арей и богиня Афина вселили
 Мне боелюбие в сердце; не раз выходил я, созвавши
 Самых отважнейших, против врагов злонамеренных в битву;
 Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
 220 Первый, напротив, всегда выбегал я с копьем, чтоб настичь
 В поле противника, мне уступавшего ног быстрою;
 Смелый в бою, полевого труда не любил я, ни тихой
 Жизни домашней, где милым мы детям даем воспитанье;
 Островесельные мне корабли привлекательней были;
 225 Бой и крылатые стрелы и медноблестящие конья,
 Грозные, в трепет великий и в страх приводящие многих,
 Были по сердцу мне — боги любовь к ним вложили мне в сердце:
 Люди не сходны, те любят одно, а другие другое.
 Прежде, чем в Троию пошло броненосное племя ахеев,
 230 Девять я раз в корабле быстроходном с отважной дружиной
 Против людей иноземных ходил — и была нам удача;
 Лучшее брал я себе из добыч, и по жеребью также
 Много на часть мне досталось; свое увеличив богатство,
 Стал я могуч и почтен меж народами Крита; когда же

²³⁵ Грозно гремящий Зевес учредил роковой для ахеян
 Путь, сокрушивший колена столь многих мужей знаменитых,
 С Идоменеем, царем многославным, от критян был избран
 Я с кораблями идти к Илиону; и было отречься
 Нам невозможно: мы властью народа окованы были.
²⁴⁰ Девять там лет воевали упорно мы, чада ахеян;
 Но на десятый, когда, ниспровергнув Приамов великий
 Град, мы к своим кораблям возвратились, бог разлучил нас.
 Мне, злополучному, бедствия многие Зевс приготовил.
 Целый месяц провел я с детьми и с женою в семейном
²⁴⁵ Доме, великим богатством моим веселясь; напоследок
 Сильно в Египет меня устремило желание; выбрав
 Смелых товарищей, я корабли изготовил; их девять
 Там мы оснастили новых; когда ж в корабли собрались
 Бодрые спутники, целых шесть дней до отплытия все мы
²⁵⁰ Там пировали; я много зарезал быков и баранов
 В жертву богам, на роскошное людям моим угощенье;
 Но на седьмой день, покинувши Крит, мы в открытое море
 Вышли и с быстропопутным, пронзительнохладным Бореем
 Плыли, как будто по стремю, легко; и ничем ни один наш
²⁵⁵ Не был корабль поврежден; нас, здоровых, веселых и бодрых,
 По морю мчали они, повинуясь кормилу и ветру.
 Дней через пять мы к водам светлоструйным потока Египта
 Прибыли: в лоне потока легкоповоротные наши
 Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
²⁶⁰ Там, на морском берегу, сторожить их остались; другим же
 Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.
 Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
 Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
 Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
²⁶⁵ Зверски мужей убивая, — тревога до жителей града
 Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралась
 Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
 Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
 В жалкое бегство моих обратил, отразить ни единый
²⁷⁰ Силы врага не поспел, и отвсюду нас смерть окружила;
 Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
 Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
 Я благовременно был вразумлен всемогущим Зевесом.

(О, для чего избежал я судьбины и верной не встретил
 275 Смерти в Египте! Мне злее беды приготовил Кронион.)
 Сняв с головы драгоценно-украшенный кожаный шлем мой,
 Щит мой сложивши с плеча и копьё медноострое бросив,
 Я подбежал к колеснице царя и с молитвой колена
 Обнял его; он меня не отвергнул; но, сжалясь, с ним рядом
 280 Сесть в колесницу велел мне, лиющему слезы, и в дом свой
 Царский со мной удалился — а с копыями следом за нами
 Много бежало их, смертию мне угрожавших; избавлен
 Был я от смерти царем — он во гнев привести гостелюбца
 Зевса, карателя строгого дел злочестивых, страшился.
 285 Целых семь лет я провел в стороне той и много богатства
 Всякого собрал: египтяне щедро меня одарили;
 Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
 Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
 Злой кознодей, от которого много людей пострадало;
 290 Он, увлекательной речью меня обольстив, Финикию,
 Где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним:
 Там я гостил у него до скончания года. Когда же
 Дни протекли, миновалися месяцы, полного года
 Круг совершился и Оры весну привели молодую,
 295 В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
 Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем;
 Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил;
 С ним и поехал я, против желанья, добра не предвидя.
 Мы с благосклонно-попутным, пронзительнохладным Бореем
 300 Плыли; уж Крит был за нами... Но Дий нам готовил погибель;
 Остров из наших очей в отдаленье пропал, и исчезла
 Всюду земля, и лишь небо, с водами сливанное, зрелось;
 Бог громовеждец Кронион тяжелую темную тучу
 Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
 305 Море; и вдруг, заблестав, он с небес на корабль громовую
 Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
 Серным его обхватило; все разом товарищи были
 Сброшены в воду, и все, как вороны морские, рассеяся,
 В шумной исчезли пучине — возврата лишил их Кронион
 310 Всех; лишь объятого горем великим меня надоумил
 Вовремя он корабля остроносого мачту руками
 В бурной тревоге схватить, чтоб погибели верной избегнуть;

315 Ветрам губящим во власть отдался я, привязанный к мачте.
 Девять носившихся дней по волнам, на десятый с наставшей
 320 Ночью ко берегу феспротов высокобегающей волною
 Был принесен я; Федон, благомыслящий царь их, без платы
 Долго меня у себя угощал, поелику я милым
 Сыном его был, терзаемый голодом, встречен и в царский
 Дом приведен: на его я, покуда мы шли, опирался
 325 Руку; когда же пришли мы, он дал мне хитон и хламиду.
 Там я впервые узнал о судьбе Одиссея; сказал мне
 Царь, что гостил у него он, в отчизну свою возвращаясь;
 Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он:
 Золото, медь и железную утварь чудесной работы;
 330 Даже и внукам в десятом колене достанется много —
 Столько сокровищ царю Одиссей в сохраненье оставил;
 Сам же пошел, мне сказали, в Додону затем, чтоб оракул
 Темно-сенистого Диева дуба его научил там,
 Как, по отсутствию долгом — открыто ли, тайно ли, — в землю
 335 Тучной Итаки ему возвратиться удобнее будет?
 Мне самому, совершив возлияние в доме, поклялся
 Царь, что и быстрый корабль уж устроен и собраны люди
 В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
 Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
 340 Был для феспротов, в Дулихий, богатый пшеницею, шедших;
 Он повелел, чтоб к Акасту царю безопасно я ими
 Был отвезен. Но они злонамеренным сердцем иное
 Дело замыслили, в бедствие ввергнуть меня сговорившись.
 Только от берега феспротов корабль отошел мореходный,
 345 Час наступил, мне назначенный ими для жалкого рабства.
 Силой сорвавши с меня и хитон и хламиду, они мне
 Вместо их бедное рубище дали с нечистой рубашкой,
 В жалких лохмотьях, как можешь своими глазами ты видеть.
 Вечером прибыли мы к берегам многогорной Итаки.
 350 Тут с корабля крепкозданного — прежде веревкою, плотно
 Свитою, руки и ноги связав мне,- все на берег вместе
 Вышли, чтоб, сев на зыбучем песке, там поужинать сладко.
 Я же от тягостных уз был самими богами избавлен.
 Голову платьем, изорванным в тряпки, свою обернувши,
 355 Бережно с судна я к морю, скользя по кормилу, спустился;
 Бросясь в него, я поспешно, обеими правя руками,

Поплы и силы свои напрягал, чтоб скорее из глаз их
 Скрыться; в кустарнике, густо покрытом цветами, лежал я,
 Клубом свернувшись; они ж в бесполезном искании с криком
 355 Бежали мимо меня; напоследок, нашед неудобным
 Доле напрасно бродить, возвратились назад и, собравшись
 Все на корабль свой, пустились в путь; так самими богами
 Был я спасен, и они же меня проводили в жилище
 Многоразумного мужа: еще не судьба умереть мне».

360 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
 «Бедный скиталец, все сердце мое возмутил ты рассказом
 Многих твоих приключений, печалей и странствий далеких.
 Только одно не в порядке: зачем о царе Одиссее
 Ты помянул? И зачем так на старости лет бесполезно
 365 На ветер лжешь? По несчастью, я слишком уверен, что мне уж
 Здесь не видать моего господина; жестоко богами
 Был он преследуем; если б он в Трое погиб на сраженье,
 Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
 Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
 370 Сыну б великую славу на все времена он оставил...
 Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он.
 Я же при стаде живу здесь печальным пустынником; в город
 К ним не хожу я, как разве когда Пенелопой бываю
 Призван, чтоб весть от какого пришельца услышать; они же
 375 Гостиya вопросами жадно, усевшись кругом, осыпают
 Все — как и те, кто о нем, о возлюбленном, искренно плачут,
 Так и все те, кто его здесь имущество грабят без платы.
 Я ж не терплю ни вестей, ни расспросов о нем бесполезных
 С тех пор, как был здесь обманут бродягой этольским, который,
 380 Казни страшась за убийство, повсюду скитался и в дом мой
 Случаем был заведен; я его с уважением принял;
 «Видел я в Крите, в царевом дворце Одиссея, — сказал он, —
 Там исправлял он свои корабли, потерпевшие в бурю.
 Летом иль осенью (так говорил Одиссей мне), в Итаку
 385 Я и товарищи будем с несметно-великим богатством».

Ты же, старик, испытавший столь много, нам посланный Дием,
 Баснею мне угодить иль меня успокоить не думай;
 Мной не за это уважен, не тем мне любезен ты будешь —
 Нет! я Зевеса страшусь гостелюбца, и сам ты мне жалок».

390 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:

«Подлинно, слишком уж ты недоверчив, мой добрый хозяин,
 Если и клятва моя не вселяет в тебя убежденья;
 Можем, однако, мы сделать с тобой уговор, и пускай нам
 Будут обоим поруками боги, владыки Олимпа:
 395 Если домой возвратится, как я говорю, господин твой —
 Дав мне хитон и хламиду, меня ты в Дулихий, который
 Сердцем так жажду увидеть, отсюда отправишь; когда же,
 Мне вопреки, господин твой домой не воротится — всех ты
 400 Слуг соберешь и с утеса низвергнешь меня, чтоб вперед вам
 Басен нелепых не смели рассказывать здесь побродяги».

Страннику так, отвечая, сказал свинопас богоравный:
 «Друг, похвалу б повсеместную, имя бы славное нажил
 Я меж людьми и теперь и в грядущее время, когда бы,
 405 В дом свой принявши тебя и тебя угостив, как прилично,
 Жизнь дорогую твою беззаконным убийством похитил;
 С сердцем веселым Крониону мог бы тогда я молиться.
 Время, однако, нам ужинать; скоро воротятся люди
 С паствы — тогда и желанную вечерю здесь мы устроим».

Так говорили о многом они, беседею сладко.
 410 Скоро с стадами своими пришли пастухи свиноводы;
 Стали свиней на ночлег их они загонять, и с ужасным
 Визгом и хрюканьем свиньи, спираясь, ломились в закуты.
 Тут пастухам подчиненным сказал свинопас богоравный:
 «Лучшую выбрать свинью, чтоб, зарезав ее, дорогого
 415 Гостя попотчевать, с ним и самим насладиться едою;
 Много тяжелых забот нам от наших свиней светлозубых;
 Плод же тяжелых забот пожирают без платы другие».

Так говоря, топором разрубал он большие полена;
 Те же, свинью пятилетнюю, жирную, взяв и вогнавши
 420 В горницу, с ней подошли к очагу: свинопас богоравный
 (Сердцем он набожен был) наперед о бессмертных подумал;
 Шерсти щепотку сорвав с головы у свиньи светлозубой,
 Бросил ее он в огонь; и потом, всех богов призывая,
 Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
 425 Тут он ударил свинью сбереженным от рубки поленом;
 Замертво пала она, и ее опалили, дорезав,
 Тотчас другие, рассекли на части, и первый из каждой
 Части кусок, отложенный на жир для богов, был Евмеем
 Брошен в огонь, пересыпанный ячной мукой; остальные ж

430 Части, на острые вертелы вздев, на огне осторожно
 Начали жарить, дожарив же, с вертелов сняли и кучей
 Все на подносные доски сложили. И поровну начал
 Пищею всех оделять свинопас: он приличие ведал.
 На семь частей предложенное все разделив, он назначил
 435 Первую нимфам и Эрмию, Майину сыну, вторую;
 Прочие ж каждому, как кто сидел, наблюдая порядок,
 Роздал, но лучшей, хребтовую частью свиньи острозубой
 Гостя почтил; и вниманьем таким несказанно довольный,
 Голос возвысив, сказал Одиссей хитроумный: «Да будет
 440 Столь же, Евмей, и к тебе многомилостив вечный Кронион,
 Сколь ты ко мне, сироте старику, был приветлив и ласков».
 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
 «Ешь на здоровье, таинственный гость мой, и нашим доволен
 Будь угощением; одно нам дарует, другого лишает
 445 Нас своеравный в даяньях Кронион; ему все возможно».
 С сими словами он, первый кусок отделивши бессмертным
 В жертву, пурпурным наполненный кубок вином Одиссею
 Градорушителю подав; тот сел за прибор свой; и мягких
 Хлебов принес им Мезавлий, который, в то время как в Трое
 450 Царь Одиссей находился, самим свинопасом из денег
 Собственных был, без согласия царицы, без спроса с Лаэртом,
 Куплен, для разных прислуг, у тафийских купцов мореходных.
 Подняли руки они к приготовленной лакомой пище.
 После ж, когда насладились довольно питьем и едою,
 455 Хлеб со стола был проворным Мезавлием снят; а другие,
 Сытые хлебом и мясом, на ложе ко сну обратились.
 Мрачно-безлунна была наступившая ночь, и Зевесов
 Ливень холодный шумел, и Зефир бушевал дожденосный.
 Начал тогда говорить Одиссей (он хотел, чтоб хозяин
 460 Дал ему мантию, или свою, иль с кого из других им
 Снятую, ибо о нем он с великим радушием пекся):
 «Слушай, Евмей, и послушайте все вы: хочу перед вами
 Делом одним я похвастать — вино мне язык развязало;
 Сила вина несказанна: она и умнейшего громко
 465 Петь и безмерно смеяться и даже плясать заставляет;
 Часто внушает и слово такое, которое лучше б
 Было сберечь про себя. Но я начал, и должен закончить.
 О, для чего я не молод, как прежде, и той не имею

470 Силы, как в Трое, когда мы однажды сидели в засаде!
 Были Атрид Менелай с Одиссеем вождами; и с ними
 Третий начальствовал я, к ним приставший по их приглашению;
 К твердо-высоким стенам многославного града пришедши,
 Все мы от них недалеко в кустарнике, сросшемся густо,
 475 Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали
 Тихо. Была неприязненна ночь, прилетел полуночный
 Ветер с морозом, и сыпался шумно-холодной метелью
 Снег, и щиты хрусталием от мороза подернулись тонким.
 Теплые мантии были у всех и хитоны; и спали,
 Имн одевшись, спокойно они под своими щитами;
 480 Я ж, безрассудный, товарищу мантию отдал, собравшись
 В путь, не подумав, что ночью дрожать от мороза придется;
 Взял со щитом я лишь пояс один мой блестящий; когда же
 Треть совершилася ночи и звезды склонилися с неба,
 Так я сказал Одиссею, со мною лежавшему рядом,
 485 Локтем его подтолкнув (во мгновение он понял, в чем дело):
 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
 Смертная стужа, порывистый ветер и снег хладоносный
 Мне нестерпимы; я мантию бросил; хитон лишь злой демон
 Взять надоумил меня; никакого нет средства согреться».
 490 Так я сказал. И недолго он думал, что делать: он первый
 Был всегда и на умный совет и на храброе дело.
 Шепотом на ухо мне отвечал он: «Молчи, чтоб не мог нас
 Кто из ахейн, товарищей наших, здесь спящих, подслушать».
 Так отвечав мне, привстал он и, голову локтем подперши,
 495 «Братья, — сказал, — мне приснился божественный сон; мы далеко,
 Слишком далеко от наших зашли кораблей; не пойдет ли
 Кто к Агамемнону, пастырю многих народов, Атриду,
 С просьбой, чтоб в помощь людей нам прислать с кораблей не замедлил».
 Так он сказал. Поднялся, пробудившись, Фоас Андремонид;
 500 Сбросив для легкости с плеч пурпуровую мантию, быстро
 Он побежал к кораблям; я ж, оставленным платьем одевшись,
 Сладко проспал до явления златопрестольной Денницы.
 О! для чего я не млад и не силен, как в прежние годы!
 Верно, тогда бы и мантию дали твои свинопасы
 505 Мне — из приязни ль, могучего ль мужа во мне уважая.
 Ныне ж кто хилого нищего в рубище бедном уважит?»
 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:

«Подлинно чудною повестью нас ты, мой гость, позабавил;
 Нет ничего неприличного в ней, и на пользу рассказ твой
 510 Будет: ни в платье ты здесь и ни в чем, для молящего, много
 Бед испытавшего странника нужном, отказа не встретишь;
 Завтра, однако, в свое ты оденешься рубище снова;
 Мантий у нас здесь запасных не водится, мы не богаты
 515 Платьем; у каждого только одно: он его до износа
 С плеч не скидает. Когда же возлюбленный сын Одиссеев
 Будет домой, он и мантию даст и хитон, чтоб одеться
 Мог ты, и в сердце желанную землю ты будешь отправлен».
 Кончив, он встал и, пошед, близ огня приготовил постелю
 520 Гостю, накрывши овчиной ее и косматую козьей
 Шкурою; лег Одиссей на постель; на него он набросил
 Теплую, толсто-сотканную мантию, ею ж во время
 Зимней, бушующей дико метели он сам одевался;
 Сладко на ложе своем отдыхал Одиссей; и другие
 525 Все пастухи улеглись кругом. Но Евмей, разлучиться
 С стадом свиной опасаясь, не лег, не заснул; он, поспешно
 Взявши оружие, в поле идти изготовился. Видя,
 Как он ему и далекому верен, в душе веселился
 Тем Одиссей. Свинопас же, на крепкие плечи повесив
 Меч свой, оделся косматой, от ветра защитной, широкой
 530 Мантией, голову шкурой козы длинношерстной окутал,
 После конье на собак и на встречу с ночным побродягой
 Взял и в то место пошел ночевать, где клычатые свиньи
 Спали под сводом скалы, недоступным дыханью Борей.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЙ ПЕСНИ

Тридцать пятый и тридцать шестой день. Утро тридцать седьмого

Афина, являя во сне Телемаку, побуждает его возвратиться в отечество. Одаренный щедро Менелаем и Еленою, он покидает вместе с Пизистратом Лакедемон. Ночлег у Диоклеса. На другой день, миновав Пилос, Телемак садится на корабль, берет с собою Феоклимена и пускается в море. Тем временем Одиссей объявляет Евмею, что он намерен идти в город просить подаяния и вступить в службу к женихам.

Евмей его удерживает у себя и советует ему дожидаться возвращения Телемакова. По просьбе Одиссея он рассказывает ему о его отце и о его матери, наконец и о том, что с ним самим в жизни случилось. Телемак, прибывши рано поутру к берегам Итаки, посылает корабль свой в город, а сам идет к Евмею.

Тою порой в Лакедемон широкоравнинный достигла
 Зевсова дочь, чтоб Лаэртова внука, ему об Итаке
 Милой напомня, понудить скорей возвратиться в отцовский
 Дом; и она там нашла Телемака с возлюбленным сыном
 5 Нестора, спящих в сенях Менелаева славного дома.
 Сладостным сном побежденный, лежал Писистраг неподвижно.
 Полон тревоги был сон Одиссеева сына: во мраке
 Ночи божественной он об отце помышлял и крушился.
 Близко к нему подошедши, богиня Афина сказала:
 10 «Сын Одиссеев, напрасно так долго в чужой стороне ты
 Медлишь, наследье отца благородного бросив на жертву
 Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
 Всё, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
 Встань; пусть немедля отъезд Менелай, вызыватель в сраженье,
 15 Вам учредит, чтоб еще без порока застать Пенелопу
 Мог ты: ее и отец уж и братья вступить понуждают
 В брак с Эвримахом; числом и богатством подарков он прочих
 Всех женихов превзошел и приносит дары беспрестанно.
 Могут легко и твое там похитить добро; ты довольно
 20 Знаешь, как женщина сердцем изменчива: в новый вступаю
 Брак, лишь для нового мужа она помышляет устроить
 Дом, но о детях от первого брака, о прежнем умершем
 Муже не думает, даже и словом его не помянет.
 В дом возвратяся, там все, что твое, поручи особливо
 25 Самой надежной из ваших рабынь, чтоб хранила, покуда
 Боги тебе самому не укажут достойной супруги.
 Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
 Выбрав отважнейших в шайке своей, женихи им велели,
 Между Итакой и Замом крутым притаяся в засаде,
 30 Злую погибель тебе на возвратном пути приготовить.
 Я же того не дозволю; и прежде могила поглотит
 Многих из них, беззаконно твое достоянье губящих;
 Ты ж, с кораблем от обоих держась островов в отдаленье,

35 Мимо их ночью пройди; благовеющий ветер попутный
Бог благосклонный, тебя берегущий, пошлет за тобою.
Но, подошед к каменисто-высокому берегу Итаки,
В город со всеми людьми отпусти свой корабль быстроходный;
Сам же останься на бреге и после поди к свинопасу,
40 Главному там над свинными стадами смотрителю; верный
Твой он слуга; у него ты почуеться; его же с известьем
В город пошлешь к Пенелопе разумной, дабы объявил ей
Он, что в отчизну из Пилоса ты невредим возвратился».
Кончив, богиня Паллада на светлый Олимп возвратилась.
Тут от покойного сна пробудил Телемак Пизистрата,
45 Пяткой толкнувши его и сказавши ему: «Пробудися,
Несторов сын Пизистрат; и коней громозвучнокопытных
В нашу скорее впряги колесницу; в дорогу пора нам».
Несторов сын благородный отвечив так Телемаку:
«Сын Одиссеев, хотя и спешить ты отъездом, но в путь нам
50 Темною ночью пускаться не должно; рассвет недалеко.
Должно притом подождать, чтоб Атрид благородный, метатель
Славный копья, Менелай, положив в колесницу подарки
Мне и тебе, отпустил нас с прощальным приветливым словом:
Сладостно гостю, простившись с хозяином дома, о нежной
55 Ласке, с какою он был угощен, вспоминать ежедневно».
Так он сказал. Воссияла с небес златотронная Эос.
К ним тут пришел Менелай, вызыватель в сраженье, поднявшись
С ложа от светлокудрявой супруги, прекрасной Елены.
Сын Одиссеев, его подходящего вида, поспешно
60 Тело блестящее чистым хитоном облек и широкой
Мантией крепкие плечи, герой многославный, украсил;
Встретив в дверях Менелая и ставши с ним рядом, сказал он,
Сын Одиссеев, подобный богам Телемак благородный:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
65 В милую землю отцов мне теперь возвратиться позволь ты;
Сердце мое несказанно по доме семейном тоскует».
Кончил. Ему отвечал Менелай, вызыватель в сраженье:
«Сын Одиссеев, тебя здесь удерживать боле не буду,
Если так сильно домой ты желаешь. И сам не одобрю
70 Я гостелюбца, который безмерною лаской безмерно
Людам скучает: во всем наблюдать нам умеренность должно;
Худо, если мы гостя, который хотел бы остаться,

Нудим в дорогу, а гостя, в дорогу спешащего, держим:
 Будь с остающимся ласков, приветно простишься с уходящим.
 75 Но подожди, Телемак, чтоб в твою колесницу подарки
 Я уложил, их тебе показав, и чтоб также рабыне
 Сытный вам завтрак велел на отъезд во дворце приготовить:
 Честь, похвала и услада хозяину, если гостей он,
 Едущих в дальнюю землю, насыщенных в путь отпускает.
 80 Если ж ты хочешь Аргос посетить и объехать Элладу, —
 Сам я тебе проводник; дай коней лишь запрячь в колесницу;
 Многих людей города покажу я: никто не откажет
 Нам в угощение, везде и подарок обычный получим:
 Иль дорогой меднолитный треножник, иль чашу, иль крепких
 85 Мулов чету, иль сосуд золотой двоеручный». Атриду
 Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
 «Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
 Должно прямым мне скорей возвратиться путем — без надзора
 Дом и богатства мои, отправляясь в путь, я оставил;
 90 Может, пока за отцом я божественным буду скитаться,
 Там приключится беда иль похитится что дорогое».

Царь Менелай, вызыватель в сраженье, при этом ответе
 Тотчас Елене, супруге своей, и домашним рабыням
 Завтрак велел для гостей на отъезд во дворце приготовить.
 95 Близко к Атриду тогда подошел Этеон, сын Воэтов,
 Только что вставший с постели: он жил от царя недалеко.
 Царь повелел Этеону огонь разложить и немедля
 Мяса изжарить; и тот повеленье с покорностью принял.
 Сам же в чертог кладовой благовонный сошел по ступеням
 100 Царь, не один, но с Еленой и с сыном своим Меганентом;
 Вшел в благовонный чертог кладовой, где хранились богатства,
 Выбрал Атрид там двурусный кубок, потом Меганенту
 Сыну кратеру велел сребролитную взять; а Елена
 К тем подошла запертым на замок сундукам, где лежало
 105 Множество пестрых, узорчатых платьев ее рукоделья.
 Стала Елена, богиня меж смертными, пестрые платья
 Все разбирать и шитьем богатейшее, блеском как солнце
 Яркое, выбрала; было оно там на самом исподе
 Спрятано. Кончив, они по дворцу к Телемаку навстречу
 110 Вместе пошли; Менелай златовласый сказал: «Благородный
 Сын Одиссеев, желанное сердцем твоим возвращенье

В дом твой тебе да устроит супруг громоогненный Иры!
Я же из многих сокровищ, которыми здесь обладаю,
Самое редкое выбрал тебе на прощальный подарок;
¹¹⁵ Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из серебра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь».
¹²⁰ С сими словами вручил Телемаку двуярусный кубок
Сын благородный Атреев; кратеру работы Ифеста
Подав, пришедши, ему Мегапент, Менелаев могучий
Сын, серебролитную. Светло-образная, с пестрым пришедши
Платьем, Елена его позвала и, сказала: «Одежду
¹²⁵ Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтоб меня ты
Помнил, чтоб этой, мной сшитой одеждой на брачном веселом
Пире невесту украсил свою; а дотоль пусть у милой
Матери будет храниться она; ты ж теперь возвратишься
С сердцем веселым в Итаку, в отеческий дом многославный».
¹³⁰ Кончив, одежду она подала; благодарно он принял.
Тут осторожно дары уложил Пизистрат в колесничный
Короб, с большим удивленьем все порознь сперва осмотревши.
Всех в пировую палату повел Менелай златовласый;
Там поместились они по порядку на креслах и стульях.
¹³⁵ Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомоийник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб было для всех угощенье;
¹⁴⁰ Мясо на части разрезал и подал гостям сын Воэтов;
Кубки златые наполнил вином Мегапент многославный;
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Сын Одиссеев и Несторов сын Пизистрат привязали
¹⁴⁵ К дышлу коней и, в богатую ставши свою колесницу,
Выехать в ней со двора через звонкий готовились портик.
Вышел за ними Атрид Менелай златовласый, держащий
В правой руке драгоценный, вином благовонным налитый
Кубок, чтоб их на дорогу почтить возлияньем прощальным;
¹⁵⁰ Стал впереди он коней и, вина отхлебнувши, воскликнул:

«Радуйтесь, дети, и Нестору, пестуну многих народов,
 Мой отвезите поклон; как отец, был ко мне благосклонен
 В те времена он, когда мы сражались в Трое, ахейцы».

Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаяу:
 155 «Нестору все, что о нем ты сказал нам, Зевесов питомец,
 Мы перескажем, прибывши к нему. О, когда б, возвратяся
 В дом мой, в Итаку, и я мог отцу моему Одиссею
 Так же сказать, как любовно меня угощал ты, как много
 Разных привез я сокровищ, тобою в подарок мне данных!»

160 Кончил; и в это мгновение справа орел темнокрылый
 Шумно поднялся, большого домашнего белого гуся
 В сильных когтях со двора унеся; и толпою вся дворня
 С криком бежала за хищником; он, подлетев к колеснице,
 Мимо коней прошумел и ударился вправо. При этом
 165 Виде у всех предвещанием радостным сердце взыграло.
 Несторов сын, Пизистрат благородный, сказал Менелаяу:
 «Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни нам,
 Знаменье это Кронийон послал, для тебя ли, для нас ли?»
 Так он спросил; и, Арея любимец, задумался бодрый
 170 Царь Менелай, чтоб ответ несомнительный дать Пизистрату.
 Длиннопокровная слово его упредила Елена:
 «Слушайте то, что скажу вам, что мне всемогущие боги
 В сердце вложили и что, утверждаю я, сбудется верно.
 Так же, как этого белого гуся, вскормленного дома,
 175 Сильный похитил орел, прилетевший с горы, где родился
 Сам и где вывел могучих орлят, так, скитавшийся долго,
 В дом возвратясь, Одиссеей отомстит; но, быть может, уже он
 Дома; и смерть женихам неизбежную в мыслях готовит».

Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
 180 «Если то Иры супруг, громоносный Кронийон, позволит,
 Буду, тебя поминая, тебе я как богу молиться».

Так отвечав ей, он сильным ударил бичом; понеслися
 Быстро по улицам города в поле широкое кони.
 Целый день мчались кони, тряся колесничное дышло.
 185 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
 Путники прибыли в Феру, где сын Орзилоха, Алфеем
 Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
 Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
 Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.

190 Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
 Быстро на ней со двора через портик помчались звонкий,
 Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
 Скоро достигли они до великого Пилоса града.
 Сын Одиссеев сказал Пизистрату, к нему обратясь:
 195 «Можешь ли, Несторов сын, обещанье мне дать, что исполнишь
 Просьбу мою? Мы гостями друг другу считаемся с давних
 Лет по наследству любви от отцов; мы ровесники; этот
 Путь, совершенный вдвоем, неразрывнее дружбой связал нас.
 Друг, не минуи моего корабля; но позволь мне остаться
 200 Там, чтоб отец твой меня в изъявление любви не принудил
 В доме промедлить своем — возвратиться безмерно спешу я».

Так он сказал; Пизистрат колебался рассудком и сердцем,
 Думая, как бы свое обещанье исполнить; обдумав
 Все, напоследок уверился он, что удобнее будет
 205 Звонкокопытных коней обратить к кораблю и к морскому
 Брегу. Вступя на корабль, положил на корме он подарки:
 Золото, платье и все, чем Атрид одарил Телемака.
 После, его понуждая, он бросил крылатое слово:
 «Медлить не должно; все люди твои собрались; уезжайте
 210 Прежде, пока, возвратясь домой, не успел обо всем я
 Старцу отцу рассказать; убежден я рассудком и сердцем
 (Зная упрямство его), что тебя он не пустит, что сам он
 Вслед за тобой с приглашеньем сюда прибежит и отсюда,
 Верно, один не воротится, так он упорствовать будет».

215 Кончив, бичом он погнал долгогривых коней и помчался
 В город пилийцев и славного города скоро достигнул.
 К спутникам тут обратясь, сказал Телемак благородный:
 «Братья, скорей корабля чернобокого снасти устройте,
 Все соберитесь потом на корабль, и отправимся в путь свой».

220 То повеление было гребцами исполнено скоро;
 Все на корабль собрались и сели на лавках у весел.
 Тою порой Телемак приносил на корме корабельной
 Жертву богине Палладе; к нему подошел, он увидел,
 Странник. Убийство свершив, он покинул Аргос и скитался;
 225 Был прорицатель; породу же вел от Мелампа, который
 Некогда в Пилосе жил овцеводном. В роскошных палатах
 Между пилийцев Меламп обитал, отличаясь богатством:
 Был он потом принужден убежать из отчизны в иную

230 Землю, гонимый надменным Нелеем, из смертных сильнейшим
 Мужем, который его всем богатством, пока продолжался
 Круг годовой, обладал, между тем как в Филаковом доме
 В тяжких оковах, в глубокой темнице был жестоко мучим
 Он за Нелееву дочь, погруженный в слепое безумство,
 Душу его омрачившее силою страшных Эриний.
 235 Керы, однако, избегнул и громкомычащих коров он
 В Пирос угнал из Филакии. Там, отомстивши за злое
 Дело герою Нелею, желанную к брату родному
 В дом проводил он супругу, потом удалился в пную
 240 Землю, в Аргос многоконный, где был предназначен судьбою
 Жить, многочисленным там обладая народом аргивян.
 В брак там вступив, поселился он в пышноустроенном доме;
 Двух он имел сыновей: Антифата и Мантия, славных
 Силой. Родил Антифат Оиклея отважного. Сыном
 Был Оиклеевым Амфиарай, волнователь народов,
 245 Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
 Но до порога дней старых ему не судили достигнуть
 Боги: он в Фивах погиб златолюбия женского жертвой.
 Были его сыновья Алкмеон с Амфилохом. Мелампов
 Младший сын Мантий родил Полифейда пророка и Клита.
 250 Клита похитила, светлой его красотою пленяся,
 Златопрестольная Эос, чтоб был он причислен к бессмертным.
 Силу пророчества гордому дав Аполлон Полифейду,
 Сделал его знаменитым меж смертных, когда уж не стало
 Амфиарая; но он в Гиперезию жить, раздраженный
 255 Против отца, перешел; и, живя там, пророчил всем людям.
 Тот же странник, которого сын Одиссеев увидел,
 Был Полифейдов сын, называвшийся Феоклименом;
 Он Телемаку, Афине тогда приносившему жертву,
 С просьбой к нему обратившись, бросил крылатое слово:
 260 «Друг, я с тобой, совершающим жертву, встречаясь, твоею
 Жертвой тебя, и твоим божеством, и твоей головою,
 Также и жизнью сопутников верных твоих умоляю:
 Мне на вопрос отвечай, ничего от меня не скрывая,
 Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?»
 265 Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
 «Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать:
 Я из Итаки; отцом же моим Одиссеей богоравный

Некогда был; но теперь он погибелью горькой постигнут;
 Спутников верных созвав, в корабле чернобоком за ним я,
 270 Долго отсутственным, странствую, вести о нем собирая».

Феоклимен богоравный ответственвал внуку Лаэрта:
 «Странствую также и я — знаменитый был мною в отчизне
 Муж умерщвлен; в многоконном Аргосе он много оставил
 Сродников ближних и братьев, могучих в народе ахейском;
 275 Гибель и мстящую Керу от них опасаясь встретить,
 Я убежал; меж людей бесприютно скитаться удел мой.
 Ты ж, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
 Иначе будет мне смерть: я преследуем сильно их злобой».

Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
 280 «Друг, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.
 Едем; и в доме у нас с гостелюбием будешь ты принят.
 Так он сказал и, копьё медноострое взяв у пришельца,
 Подле перил корабельных его положил на помосте.
 Сам же, вступив на корабль, оплывающий темное море,
 285 Сел у кормы корабельной, с собою там сесть пригласивши
 Феоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.
 Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемак им немедля
 Снасти убрать, и, ему повинуюсь, сосновую мачту
 290 Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
 В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
 Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
 Тут светлоокая Зевсова дочь им послала попутный,
 Зыби эфира пронзающий ветер, чтоб темносолоной
 295 Бездною моря корабль их бежал, не встречая преграды.
 Круно и Халкис они светловодный уже миновали;
 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
 Феу корабль, провожаемый Зевсовым ветром, оставив
 Сзади, прошел и священную область эпеян Элиду.
 Острые тут острова Телемак в отдаленье увидел.
 300 Плыл он туда, размышляя, погибнет ли там, или спасется.
 Тою порой Одиссей с свинопасом божественным пищу
 Ели вечернюю, с ними и все пастухи вечеряли.
 Свой удовольствием голод обильно-роскошной едою,
 Так им сказал Одиссей (он хотел испытать, благосклонно ль
 305 Сердце Евмея к нему, пригласит ли его он остаться
 В хижине с ним, или его отошлет неприязненно в город):

«Слушай, мой добрый Евмей, и послушайте все вы: намерен
 Завтра поутру я в город идти, чтоб собирать подаянье
 Там от людей и чтоб вашего хлеба не есть вам в убыток.
 310 Дай мне, хозяин, совет и вели, чтоб дорогу мне в город
 Кто указал. Я по улицам буду бродить, и, конечно,
 Кто-нибудь даст мне вина или краюшку мне вынесет хлеба;
 В дом многославный царя Одиссея пришедши, скажу там
 Людям, что добрые вести о нем я принес Пенелопе.
 315 Также пойду и к ее женихам многобуйным; уж верно
 Мне, так роскошно пируя, они не откажут в подаче.
 Я же и сам быть могу им на всякую службу пригоден;
 Ведать ты должен и выслушай то, что скажу: благодатен
 Эрий ко мне был, богов благовестник, который всем смертным
 320 Людям успех, красоту и великую славу дарует;
 Мало найдется таких, кто б со мною поспорил в искусстве
 Скоро огонь разводить, и сухие дрова для варенья
 «Пищи колоть, и вино подносить, и разрезать мясо,
 Словом, во всем, что обязанность низких на службе у знатных».
 325 С гневом на то отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
 «Стыдно тебе, чужеземец; как мог ты такие позволить
 Странные мысли себе? Ты своей головы не жалеешь,
 В город собираясь идти к женихам беззаконным, которых
 Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба:
 330 Там не тебе, друг, чета им рабы подчиненные служат;
 Нет! Но проворные, в платьях богатых, в красивых хитонах,
 Юноши светлокудрявые, каждый красавец — такие
 Служат рабы им; и много на гладко-блестящих столах там
 Хлеба, и мяса, и кубков с вином благовонным. Останься
 335 Лучше у нас. Никому ты, конечно, меж нами не будешь
 В тягость: ни мне, ни товарищам, вместе со мною живущим.
 После ж, когда возвратится возлюбленный сын Одиссеев,
 Ты от него и хитон и другую одежду получишь;
 Будешь им также и в сердце желанную землю отправлен».
 340 Голос возвысив, ему отвечал сын Лаэртвов: «Да будешь,
 Добрый хозяин мой, ты и великому Зевсу владыке
 Столь же любезен, как страннику мне, о котором с такою
 Лаской печешься! Несносно бездомное странствие; тяжкой
 Мучит заботой во всякое время голодный желудок
 345 Бедных, которым бродить суждено по земле без приюта.

Здесь я охотно дождусь Телемака, а ты Расскажи мне
Все, что о славной в женах Одиссеевой матери знаешь,
Все, что с отцом, на пороге оставленном старости, было —
Если еще Гелисовым блеском они веселятся;
350 Или уж нет их, и оба они уж в Андовом доме?»
Сыну Лаэртову так отвечал свинопас богоравный:
«Все по порядку тебе расскажу, ничего не скрывая:
Жив благородный Лаэрт, но всечасно Зевеса он молит
Дома, чтоб душу его он исторгнул из дряхлого тела;
355 Горько он плачет о долго-отсутственном сыне, лишившись
Доброй, разумной и сердцем избранной супруги, которой
Смерть преждевременно в дряхлость его погрузила: о милом
Сыне крушась неутешно и сетуя, с светлую жизнью
Рано рассталась она. Да не встретит никто из любимых
360 Мною и мне оказавших любовь столь печальной кончины!
Я же, покуда ее сокрушенная жизнь продолжалась,
В город к ней часто ходил, чтоб ее навестить, поелику
Был я в ребячестве с дочерью доброй царицы, Клименой,
Самою младшею между другими, воспитан; я с нею
365 Рос и, почти как она, был любим в их семействе; когда же
Мы до желанного возраста младости зрелой достигли,
Выдали замуж в Самосе ее, взяв большие подарки.
Был награжден я красивой хламидой и новым хитоном,
Также для ног получил и сандалии; после царица
370 В поле к стадам отослала меня и со мной дружелюбней
Прежнего стала. Но все миновалось. Блаженные боги
Щедры, однако, успехом прилежный мой труд наградили;
Им я кормлюсь, да и добрых людей угощать мне возможно.
Но от моей госпожи ничего уж веселого ныне
375 Мне не бывает, ни словом, ни делом, с тех пор как вломились,
В дом наш грабители: нам же, рабам, иногда так утешно
Было б ее навестить, про себя ей все высказать, сведать
Все про нее и, за царским столом отобедав, с подачей
Весело в поле домой на вседневный свой труд возвратиться».
380 Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Чудно! Так в детстве еще ты, Евмей свинопас, из отчизны
В землю далекую был увезен от родителей милых?
Все мне теперь Расскажи, ничего от меня не скрывая:
Город ли тот, населенный обильно людьми, был разрушен,

385 Где твой отец и твоя благородная мать находились,
 Или, оставшись у стада быков и баранов один, ты
 Схвачен морским был разбойником; он же тебя здесь и продал
 Мужу тому, от него дорогую потребовав цену?»-
 «Друг, — отвечал свинопас богоравный, людей повелитель,-
 390 Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно;
 Слушай, в молчании сладко-душистым вином утешаясь;
 Ночи теперь бесконечны, есть время для сна, и довольно
 Времени будет для нашей радушной беседы; не нужно
 Рано ложиться в постелю нам: сон неумеренный вреден.
 395 Все же другие, кого побуждает желанье, пусть идут
 Спать, чтоб при первых лучах восходящей Денницы на паству
 В поле, позавтракав дома, с господскими выйти свиньями;
 Мы на просторе здесь двое, вином и едой веселяся,
 Память минувших печалей веселым о них разговором
 400 В сердце пробудим: о прошлых бедах поминает охотно
 Муж, испытавший их много и долго бродивший на свете.
 Я же о том, что желаешь ты знать, расскажу откровенно.
 Есть (вероятно, ты ведаешь) остров, по имени Сира,
 Выше Ортигии, где поворот совершает свой солнце;
 405 Он необильно людьми населен, но удобен для жизни,
 Тучен, приволен стадам, виноградом богат и пшеницей:
 Там никогда не бывает губящего голода; люди
 Там никакой не страшатся заразы; напротив, когда там
 Хилая старость объемлет одно поколение живущих,
 410 Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят
 Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать им.
 Два есть на острове города, каждый с своею отдельной
 Областью; был же владельцем обоих родитель мой Ктезий,
 Сын Орменонов, бессмертным подобный. Случилось, что в Сиру
 415 Прибыли хитрые гости морей, финикийские люди,
 Мелочи всякой привезши в своем корабле чернобоком.
 В доме ж отцовом рабыня жила финикийская, станом
 Стройная, редкой красы, в рукодельях искусная женских.
 Душу ее обольстить удалось финикийцам коварным:
 420 Мыла она, невдали корабля их, белье; тут один с ней,
 Тайно в любви сочетался — любовь же всегда в заблужденье
 Женщин, и самых невинных своим поведением, вводит.
 Кто и откуда она, у рабыни спросил обольститель?

Дом указав своего господина, она отвечала:
425 «Я уроженца меднобогатого града Сидона:
Там мой отец Арибант знаменит был великим богатством;
Силой морские разбойники, злые тафийцы схватили
Шедшую с поля меня и сюда увезли на продажу
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену».
430 Ей отвечая, сказал финикиец, ее обольститель:
«Будешь, конечно, ты рада в отчизну свою возвратиться
С нами; опять там увидишь и мать и отца в их блестящем
Доме: они же, мы ведаем, живы и славны богатством».
Выслушав то, что сказал он, ему отвечала рабыня:
435 «Я бы на все согласилась охотно, когда б, мореходцы,
Вы поклялись в отчизну меня отвезти без обиды».
Так отвечала рабыня; и те поклялись; когда же
Все поклялись они и клятву свою совершили,
К ним обратясь, рабыня крылатое бросила слово:
440 «Будем теперь осторожны; молчите; из вас никоторый
Слова не молви со мной, где меня бы ему ни случилось
Встретить, на улице ль подле колодца ль, чтоб кто господину,
Нас подсмотрев, на меня не донес: раздраженный, меня он
В цепи велит заключить, да и вам приготовит погибель».
445 Скуйте ж язык свой; окончите торг поскорей, и когда вы
В путь изготовитесь, нужным запасом корабль нагрузивши,
В доме царевом меня обо всем известите немедля;
Золота, сколько мне под руки там попадется, возьму я;
Будет при том от меня вам еще и особый подарок:
450 Знать вы должны, что смотрю я за сыном царя малолетним;
Мальчик смысленный; со мною гулять из дворца он вседневно
Ходит; я с ним на корабль ваш приду: за великую цену
Этот товар продадите вы людям иного языка».
Так им сказавши, она возвратилась в палаты цареvy.
455 Те же, год целый оставшись на острове нашем, прилежно
Свой крутобокий корабль нагружали, торгуя, товаром;
Но когда изготовился в путь нагруженный корабль их,
Ими был вестник о том к финикийской рабыне отправлен;
В дом он отца моего дорогое принес ожерелье:
460 Крупный электрон, оправленный в золото с чудным искусством;
Тем ожерельем моя благородная мать и рабыни
Все любовались; оно по рукам их ходило, и цену

Разную все предлагали. А он, по условию, молча
 Ей головою кивнул и потом на корабль возвратился.
 465 Из дому, за руку взявши меня, поспешила со мною
 Выйти она; проходя же палату, где множеством кубков
 Стол был уставлен для царских вельмож, приглашенных к обеду
 (Были в то время они на совете в собрание народном),
 Три двоеручных сосуда проворно она, их под платьем
 470 Скрыв, унесла; я за нею пошел, ничего не размыслив.
 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
 Пристани славной, поспешно идя, наконец, мы достигли:
 Там, оплыватель морей, ожидал нас корабль финикийский;
 Все собрались на корабль, и пошел он дорогою влажной,
 475 Взяв нас, меня и ее, и Зевес ниспослал нам попутный
 Ветер; шесть суток и денно и ночью мы по морю плыли.
 Но на седьмой день, как то предназначено было Зевесом,
 Вдруг Артемиду изменницу быстрой убила стрелою:
 Мертвая на пол она корабельный упала морскою
 480 Курицей — рыбам ее и морским тюленям на съеденье
 Бросили в море; а я там остался один, сокрушенный.
 Волны и ветер попутный корабль принесли наш в Итаку;
 Здесь я Лаэртом на деньги его был у хищников куплен.
 Так я Итаку впервые своими глазами увидел».

485 Выслушав повесть, Евмею сказал Одиссей богоравный:
 «Добрый Евмей, несказанно всю душу мою ты растрогал,
 Мне повествуя, какие с тобою беды приключились;
 С горем, однако, и радость тебе ниспослал многодарный
 Зевс, проводивший тебя, претерпевшего много, в жилище
 490 Кроткого мужа, который тебя и поит здесь и кормит
 С нежной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мне же
 Участь не та — без приюта брожу меж людей земнородных».

Так говоря о былых временах, напоследок и сами
 В сон погрузились они, но на малое время; был краток
 495 Сон их: взошла светлотронная Эос. В то время у берега,
 Снасти убрав, Телемаковы спутники мачту спустили,
 Быстро к причалу на веслах корабль привели и, закинув
 Якорный камень, надежным канатом корабль утвердили у берега;
 Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волною,
 500 Вкусный обед приготовили с сладким вином пурпуровым.
 Свой удовольствовав голод питьем и роскошной едою,

Так мореходцам сказал рассудительный сын Одиссеев:
 «В город на веслах теперь отведите корабль чернобокий;
 Сам же я в поле пойду навестить пастухов и порядком
 505 Все осмотреть там; а вечером в город пешком возвращуся;
 Завтра ж, друзья, в благодарность за ваше сопутствие, вас я
 В дом наш со мной отобедать и выпить вина приглашаю».

Феоклимен богоравный тогда спросил Телемака:
 «Сын мой, куда же пойти присоветуешь мне ты? К какому
 510 Жителю горно-суровой Итаки мне в дом обратиться?
 Или прямою дорогою в ваш дом пойти к Пенелопе?» —

«Феоклимен, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
 В прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы в дом свой
 Я пригласил: мы тебя угостили б как должно; теперь же
 515 Худо там будет тебе без меня; ты увидеть не можешь
 Матери милой; она, на глаза женихам не желая
 Часто являться, сидит наверху за тканьем одиноко;
 Но одного я из них назову, он доступнее прочих:
 То Эвримах благородный, Полибия умного сын; на него же
 520 Смотрит в Итаке народ, как на бога, с почтеньем великим.
 Он, без сомнения, лучший меж ними; усердней других он
 С матерью брака, чтоб место занять Одиссеево, ищет;
 Но лишь единый в эфире живущий Зевес Олимпиец
 525 Ведает, что им судьбой предназначено — брак или погибель?»

Кончил; и в это мгновение справа поднялся огромный
 Сокол, посол Аполлонов, с пронзительным криком; в когтях он
 Дикого голубя мчал и ощипывал; перья упали
 Между Лаэртovým внуком и судном его быстроходным.
 Феоклимен, то увидя, отвел от других Телемака,
 530 За руку взял, и по имени назвал, и шепотом молвил:
 «Знай, Телемак, не без воли Зевеса поднялся тот сокол
 Справа; я вещью птицу, его рассмотрев, угадал в нем.
 Царственной вашего царского рода не может в Итаке
 535 Быть никакой; навсегда вам владычество там сохранится».

Феоклимену отвечал сын Одиссеев разумный:
 «Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
 Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
 Так изобильно, что каждый, с кем встретишься, счастьем такому
 540 Будет дивиться». Потом он сказал, обратясь к Пирею:
 «Клитиев сын, благородный Пирей, из товарищей, в Пилос

Вместе со мною ходивших, ты самый ко мне был усердный.
Будь же таков и теперь, пригласи моего чужеземца
В дом свой, и пусть там живет он, откуда я сам не приду к вам».
Выслушав, так отвечал Телемаку Пирей копьeverжец:
545 «Сделаю все, и сколь долго бы в доме моем он ни прожил,
Буду его угощать, и ни в чем он отказа не встретит».
Кончил Пирей и, вступив на корабль, приказал, чтоб немедля
Люди взошли на него и причальный канат отвязали.
Люди, взошед на корабль, поместились на лавках у весел.
550 Тут, в золотые сандалии сын Одиссеев обувши
Ноги, свое боевое копьe, заощренное медью,
С палубы взял; а гребцы отвязали канат и на веслах
К городу поплыли, судно отчалив, как то повелел им
Сын Одиссеев, подобный богам, Телемак благородный.
555 Сын Одиссеев тем временем шел и пришел напоследок
К дому, где множество было в закутах свиней и где с ними,
Сторож их, спал свинопас, Одиссеев слуга неизменный.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЙ ПЕСНИ

Тридцать седьмой день

Телемак приходит в жилище Евмея, который принимает его с не-
сказанною радостию. Он посылает Евмея в город возвестить Пенелопе
о возвращении сына. Одиссей, повинувшись Афине, открывается Теле-
маку; они обдумывают вместе, как умертвить женихов. Сии последние
тем временем, подстрекаемые Антиноем, составляют заговор против
Телемаковой жизни; но Амфином советует им наперед узнать волю Зе-
веса. Пенелопа, сведав о замысле, делает упреки Антиною; Эвримах ли-
цемерно старается ее успокоить. Евмей возвращается в хижину.

Тою порою Одиссей с свинопасом божественным, рано
Встав и огонь разложив, приготовили завтрак. Насытись
Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. К Телемаку
Бросились дружно навстречу Евмеевы злые собаки;
5 Ласться к идущему, прыгали дикие звери; услышав
Топот двух ног, подходящих поспешно, Лаэртос разумный

Сын, изумившийся, бросил крылатое слово Евмею:
 «Слышишь ли, добрый хозяин? Там кто-то идет, твой товарищ
 Или знакомец; собаки навстречу бегут и, не лая,
 10 Машут хвостами; шаги подходящего явственно слышу».

Слов он еще не докончил, как в двери вошел, он увидел,
 Сын; в изумленье вскочил свинопас; уронил из обеих
 Рук он сосуды, в которых студеную смешивал воду
 С светло-пурпурным вином. К своему господину навстречу
 15 Бросаясь, он голову, светлые очи и милые руки

Стал у него целовать, и из глаз полилися ручьями
 Слезы; как нежный отец с несказанной любовью ласкает
 Сына, который внезапно явился ему через двадцать
 Лет по разлуке — единственный, поздно рожденный им, долго
 20 Жданный в печали, — с такой свинопас Телемака любовью,

Крепко обнявши, всего целовал, как воскресшего; плача
 Взрыд, своему господину он бросил крылатое слово:
 «Ты ль, ненаглядный мой свет, Телемак, возвратился? Тебя я,
 В Пилюс отплывшего, видеть уже не надеялся боле.
 25 Милости просим, войди к нам, дитя мое милое; дай мне

Очи тобой насладить, возвратившимся в дом свой; доньше
 В поле не часто к своим пастухам приходил ты; но боле
 В городе жил меж народа: знать, было тебе не противно
 Видеть, как в доме твоём без стыда женихи бунтовали».

30 Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
 «Правду сказал ты, отец; но теперь для тебя самого я

Здесь: повидаться пришел я с тобою, Евмей, чтоб проведать,
 Дома ль еще Пенелопа, иль браком уже сочеталась
 С кем из своих женихов, Одиссеево ж ложе пустое
 35 В спальней стоит одиноко, покрытое злой паутиной?»

Кончил. Ему отвечая, сказал свинопас богоравный:
 «Верность тебе сохраняя, в жилище твоём Пенелопа
 Ждет твоего возвращения с тоскою великой и тратит
 Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали».

40 Так говоря, у него он копьё медноострое принял;
 В дом тут вступил Телемак, через гладкий порог перешедши.

С места поспешно вскочил перед ним Одиссей; Телемак же,
 Место отрекшись принять, Одиссею сказал: «Не трудися,
 Странник, сиди; для меня уж, конечно, найдется местечко
 45 Здесь; мне очистить его не замедлит наш умный хозяин».

Так он сказал; Одиссей возвратился на место; Евмей же
Прутьев зеленых охапку принес и покрыл их овчиной;
Сын Одиссеев возлюбленный сел на нее; деревянный
С мясом, от прошлого дня сбереженным, поднос перед милым
50 Гостем поставил усердный Евмей свинопас, и корзину
С хлебом большую принес, и наполнил до самого края
Вкусно-медвяным вином деревянную чашу. Потом он
Сел за готовый обед с Одиссеем божественным рядом.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
55 Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Так свинопасу сказал Телемак богоравный: «Отец мой,
Кто чужеземный твой гость? На каком корабле он в Итаку
Прибыл? Какие его привезли корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел он».
60 Так отвечал Телемаку Евмей, свинопас богоравный:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Он уроженец широковалинного острова Крита,
Многих людей города, говорит, посетил и немало
Странствовал: так для него уж судьбиною соткано было.
65 Ныне ж, бежав с корабля от феспротов, людей злоковарных,
В хижину нашу пришел он; тебе я его уступаю;
Делай что хочешь: твоей он защите себя поверяет».
Сын Одиссеев разумный отвечивал так свинопасу:
«Добрый Евмей, ты для сердца печальное слово сказал мне;
70 Как же могу я в свой дом пригласить твоего чужеземца?
Я еще молод; еще я своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду;
Мать же, рассудком и сердцем колеблясь, не знает, что выбрать,
Вместе ль со мною остаться и дом содержать наш в порядке,
75 Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль, наконец, предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Ищет супружества с ней и дары ей щедрее приносит;
Но чужеземцу, которого гостем ты принял, охотно
Мантию я подарю, и красивый хитон, и подошвы
80 Ноги обути; да и меч от меня он получит двуострый;
После и в сердце желанную землю его я отправлю;
Пусть он куда живет у тебя, угощаемый с лаской;
Платье ж сюда я немедля пришлю и с запасом для вашей
Пищи, дабы от убытка избавить тебя и домашних.

85 В город ходить к женихам я ему не советую; слишком
 Буйны они и в поступках своих необузданно-дерзки;
 Могут обидеть его, для меня бы то было прискорбно;
 Сам же я их укротить не могу: против многих и самый
 Сильный бессилен, когда он один; их число там велико».

90 Царь Одиссей хитроумный отвечив так Телемаку:
 «Если позволишь ты мне, мой прекрасный, сказать откровенно, —
 Милым я сердцем жестоко досаую, слыша, как много
 Вам женихи беззаконные здесь оскорблений наносят,
 Дом захвативши такого, как ты, молодого героя:

95 Знать бы желал я, ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
 Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
 Или, быть может, ты братьев винишь, на которых отважность
 Муж полагается каждый при общем великом раздоре?
 Если б имел я и свежую младость твою и отважность —

100 Или когда бы возлюбленный сын Одиссеев, иль сам он,
 Странствуя, в дом возвратился (еще не пропала надежда) —
 Первому встречному голову мне бы отсечь я позволил,
 Если бы, им на погибель, один не решился проникнуть
 В дом Одиссея, Лаэртова сына, чтоб выгнать оттуда

105 Шайку их. Если б один я с толпой и не сладил, то все же
 Было бы лучше мне, в доме моем пораженному, встретить
 Смерть, чем свидетелем быть там бесчинных поступков и видеть,
 Как в нем они обижают гостей, как рабынь принуждают
 Их угождать вожделям гнусным в обителях царских,

110 Как расточают и хлеб и вино, беспощадно запасы
 Все истребляя и главного дела окончить не мысля». —
 «Добрый наш гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
 Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
 Нет, ни мятежный народ не враждует со мною, ни братьев

115 Также моих не могу я винить, на которых отважность
 Муж полагается каждый при общем раздоре, понеже
 В каждом колене у нас, как известно, всегда лишь один был
 Сын; одного лишь Лаэрта имел прародитель Аркезий;
 Сын у Лаэрта один Одиссей; Одиссей равномерно

120 Прижил меня одного с Пенелопой. И был я младенцем
 Здесь им оставлен, а дом наш заграбили хищные люди.
 Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
 Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,

Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
 125 Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
 Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
 Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
 Наше добро и меня самого напоследок погубят.
 Но, конечно, того мы не знаем, что в лоне бессмертных
 130 Скрыто. Теперь побегу ты, Евмей, к Пенелопе разумной
 С вестью о том, что из Пироса я невредим возвратился.
 Сам же останусь я здесь у тебя; приходи к нам скорее.
 Но берегись, чтоб никто не проведал, опричь Пенелопы,
 Там, что я дома: там многие смертию мне угрожают.
 135 Так Телемаку сказал ты, Евмей, свинопас богоравный:
 «Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, что велишь ты,
 Будет исполнено; ты же еще мне скажи откровенно,
 Хочешь ли также, чтоб с вестью пошел я и к деду Лаэрту?
 Бедный старик! Он до сих пор, хотя и скорбел о далеком
 140 Сыне, но все наблюдал за работами в поле и, голод
 Чувствуя, ел за обедом и пил, как бывало, с рабами.
 С той же поры, как пошел в корабле чернобоком ты в Пирос,
 Он, говорят, уж не ест и не пьет, и его никогда уж
 В поле никто не встречает, но, охая тяжело и плача,
 145 Дома сидит он, исчахлый, чуть дышащий, кожа да кости».
 Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
 «Жаль! Но его, как ни горько мне это, оставить должны мы;
 Если бы всё по желанию смертных, судьбине подвластных,
 150 Делалось, я пожелал бы, чтоб прибыл отец мой в Итаку.
 Ты же, увидевши мать, возвратись, заходить не заботясь
 В поле к Лаэрту, но матери можешь сказать, чтоб немедля,
 Тайно от всех, и чужих и домашних, отправила к деду
 Ключницу нашу обрадовать вестью неожиданною старца».
 Кончив, велел он идти свинопасу. Взяв в руки подошвы,
 155 Под ноги их подвязал он и в город пошел. От Афины
 Не было скрыто, что дом свой Евмей, удаляся, покинул;
 Тотчас явилась богиня, младую, прекрасною, с станом
 Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девою;
 В двери вступив, Одиссею предстала она; Телемаку ж
 160 Видеть себя не дала, он ее не приметил: не всем нам
 Боги открыто являются; но Одиссей мог очами
 Ясно увидеть ее, и собаки увидели также:

Лаять не смея, они, завизжав, со двора побежали.
 Знак головою она подала. Одиссей, догадавшись,
 165 Вышел из хижины; подле высокой заграды богиню
 Встретил он; слово к нему обращая, сказала Афина:
 «Друг Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
 Можешь теперь ты открыться и все рассказать Телемаку;
 Оба, условясь, как женихам приготовить их гибель,
 170 Вместе подите немедля вы в город; сама я за вами
 Скоро там буду, и мстительный бой совершим совокупно».
 Кончив, железом золотым прикоснулась она к Одиссею:
 Тотчас опрятным и вымытым чисто хитоном покрылись
 Плечи его; он возвышенней сделался станом, моложе
 175 Светлым лицом, посмуглевшие щеки стали полнее;
 Черной густой бородою покрылся его подбородок.
 Собственный образ ему возвративши, богиня исчезла.
 В хижину снова вступил Одиссей; Телемак, изумленный,
 Очи потушил: он мыслил, что видит бессмертного бога.
 180 В страхе к отцу обратясь, он бросил крылатое слово:
 «Странник, не в прежнем теперь предо мной ты являешься виде;
 Платье не то на тебе, и совсем изменился твой образ;
 Верно, один из богов ты, владык беспредельного неба;
 Будь же к нам благостен; золота много тебе принесем мы
 185 Здесь с экатомбой великой, а ты нас, могучий, помилуй».
 Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
 «Нет, я не бог; как дерзнул ты бессмертным меня уподобить?
 Я Одиссей, твой отец, за которого с тяжким вздыханьем
 Столько обид ты терпел, притеснителям злым уступая».
 190 Кончив, с любовью сына он стал целовать, и с ресницы
 Пала на землю слеза — удержать он ее был не в силах.
 Но — что пред ним был желанный отец Одиссей, не поверя, —
 Снова, ему возражая, сказал Телемак богоравный:
 «Нет, не отец Одиссей ты, но демон, своим чародейством
 195 Очи мои ослепивший, чтоб после я горестней плакал;
 Смертному мужу подобных чудес совершать невозможно
 Собственным разумом: может лишь бог превращать во мгновенье
 Волей своей старика в молодого и юношу в старца;
 Был ты сначала старик, неопратно одетый: теперь же
 200 Вижу, что свой ты богам, беспредельного неба владыкам».
 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:

«Нет, Телемак, не чуждайся отца, возвращенного в дом свой;
 Также и бывшему чуду со мною не слишком дивися;
 К вам никакой уж другой Одиссей, говорю я, не будет,
 205 Кроме меня, претерпевшего в странствиях много и ныне
 Волей богов приведенного в землю отцов через двадцать
 Лет. А мое превращение было богини Афины,
 Мощной добычницы, дело; возможно ей все; превращен был
 210 Прежде я в старого нищего ею, потом в молодого,
 Крепкого мужа, носящего чистое платье на теле;
 Вечным богам, беспредельного неба владыкам, легко нас,
 Смертных людей, наделять и красой и лицом безобразным».

Так он ответствовав, сел; Телемак в несказанном волненье
 Пламенно обнял отца благородного с громким рыданьем.
 215 В сердце тогда им обоим проникло желание плача:
 Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; как стонет
 Сокол иль крутокогистый орел, у которых охотник
 Выкрал еще некрылатых птенцов из родного гнезда их,
 Так, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
 220 Громко; и в плаче могло б их застать заходящее солнце,
 Если бы вдруг не спросил Телемак, обратись к Одиссею:
 «Как же, отец, на каком корабле ты, какую дорогой
 Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
 (Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты».

225 Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
 «Все я, мой сын, расскажу, ничего от тебя не скрывая;
 Славные гости морей феакийцы меня привезли к вам;
 Всех, кто их помощи просит, они по морям провожают.
 Спал я, когда мы достигли Итаки, и сонный был ими
 230 На берег вынесен (щедро меня, отпуская в дорогу,
 Золотом, медью и платьем богатым они одарили:
 Все то по воле бессмертных здесь спрятано в гроте глубоком).
 Прислан сюда я богиней Афиной затем, чтоб с тобою
 Вместе врагов истребление здесь на свободе устроить.
 235 Ты же теперь назови женихов и число их скажи мне;
 Должно, чтоб ведал я, кто и откуда они и как много
 Там их, дабы, все подробно обдумав рассудком и сердцем,
 Мы разрешили, возможно ль двоим, никого не призвавши
 В помощь, их всех одолеть, иль другие помощники нужны?»

240 Кончил. Ему отвечая, сказал Телемак благородный:

«Слышал я много, отец, о деяньях твоих многославных;
 Как ты разумен в совете, какой копьeverжец могучий —
 Но о несбыточном мне ты теперь говоришь, невозможно
 Двум нам со всею толпой женихов многосильных бороться.
²⁴⁵ Должен ты знать, что числом их не десять, не двадцать: гораздо
 Более; всех перечесть их тебе я могу по порядку;
 Слушай: пришло их с Дулихия острова к нам пятьдесят два,
 Знатны все родом они, шесть служителей с ними; с Закинфа
 Острова прибыло двадцать; а с темнолесистого Зама
²⁵⁰ Двадцать четыре: все знатных отцов сыновья; напоследок
 К ним мы и двадцать должны из Итаки причесть, при которых
 Фемий, певец богоравный, глашатай Медон и проворных
 Двое рабов, соблюдать за обедом порядок искусных.
 Если с такою толпою бороться одни мы задумаем,
²⁵⁵ Будет нам мщение горько, возврат твой погибелен будет;
 Лучше подумай о том, не найдется ль помощник, который
 Мог бы за нас постоять, благосклонно подавши нам руку?»
 Сыну отвечив так Одиссей, в испытаниях твердый:
 «Выслушай то, что скажу, и в уме сохрани, что услышишь:
²⁶⁰ Если б Кроннион отец и Паллада великая были
 Наши помощники, стали ль тогда б мы прискивать новых?»
 Кончил. Ему отвечая, сказал Телемак богоравный:
 «Подлинно ты мне надежных помощников назвал; высоко,
 Правда, они в облаках обитают; но оба не нам лишь
²⁶⁵ Смертным одним, но и вечным богам всемогуществом страшны».
 Сыну отвечив так Одиссей, в испытаниях твердый:
 «Оба они не останутся долго от нас в отдаленье
 В час воздаянья, когда у меня с женихами в жилище
 Царском последний Ареев расчет смертоносный начнется.
²⁷⁰ Завтра поутру, лишь только подымется Эос, ты в город
 Прямо пойдешь; там останься в толпе женихов многобуйных.
 Позже туда я приду с свинопасом Евмеем под видом
 Старого нищего в рубище бедном. Когда там ругаться
 Станут они надо мною в жилище моем, не давай ты
²⁷⁵ Милому сердцу свободы, и что б ни терпел я, хотя бы
 За ногу вытащен был из палаты и выброшен в двери,
 Или хотя бы в меня чем швырнули — ты будь равнодушен.
 Можешь, конечно, сказать иногда (чтоб унять их буянство)
 Кроткое слово, тебя не послушают; будет напрасно

260 Все: предназначенный день их гибели близко; терпенье!
 Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
 Я в ту минуту, когда свой совет мне на сердце положит
 Втайне Афина, тебе головою кивну; то заметя,
 Все из палаты, какие ни есть там, доспехи Арея
 265 Вверх отнеси и оставь там, их кучею в угол сложивши;
 Если ж, приметив, что нет уж в палате там бывших оружий,
 Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: «В палате
 Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
 290 Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Трою, покинул:
 Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.
 Мне же и вышью в сердце влагает Зевес осторожность:
 Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
 Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится:
 Само собой прилипает к руке роковое железо».
 295 Нам же двоим два копыя, два меча ты отложишь и с ними
 Два из воловьей кожи щита приготовишь, чтоб в руки
 Взять их, когда нападение начнем; женихам же, конечно,
 Ум ослепят всемогущий Зевес и Афина Паллада.
 Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
 300 Если ты вправду мой сын и от крови моей производишь,
 Тайну храни, чтоб никто о моем возвращенье не сведал
 Здесь, ни Лаэрт, мой отец, ни Евмей свинопас, ни служитель
 Царского дома какой, ни сама Пенелопа: мы двое —
 Ты лишь да я — наблюдать за рабынями нашими будем;
 305 Также и многих рабов испытанью подвергнем, чтоб сведать,
 Кто между ними тебя и меня уважает и любит,
 Кто, нас забыв, оскорбляет тебя, столь достойного чести».
 Так, возражая отцу, отвечал Телемак многославный:
 «Сердце мое ты, отец, уповаю я, скоро на самом
 310 Деле узнаешь; и дух мой не слабым найдешь ты, конечно.
 Думаю только, что опыту всех подвергать бесполезно
 Будет для нас; я об этом тебя убеждаю размыслить:
 Много истратится времени, если испытывать всех их,
 Каждую порознь, начнем мы тогда, как враги беззаботно
 315 Будут твой дом разорять и твое достояние грабить.
 Но я желаю и сам, чтоб, подвергнувши опыту женщин,
 Мог отличить ты порочных от честных и верных; рабов же
 Трудно испытывать всех, одного за другим, на работе

Порознь живущих; то сделаешь после в досужное время,
 320 Если уж подлинно знак ты имел от владыки Зевеса.
 Так говорили о многом они, беседа сладко.
 Тою порой крепкозданный корабль, Телемака носивший
 В Пилос с дружиной, приблизился к берегу Итаки. Когда же
 В пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,
 325 На берег вздвинуть они поспешили его совокупной
 Силой; а слуги проворные, судно совсем разгрузивши,
 В Клитиев дом отнесли все подарки царя Менелая.
 В царский же дом Одиссеев был вестник пловцами немедля
 Послан сказать Пенелопе разумной, что сын, возвратясь,
 330 В поле пошел, кораблю же прямою дорогою в город
 Плыть повелел (чтоб, о сыне отсутственном в сердце тревожась,
 Плакать напрасно о нем перестала царица). Тот вестник
 Встретился, путь свой окончить спеша, с свинопасом, который
 С вестью подобной к своей госпоже Телемаком был послан.
 335 К дому царя многославного оба пришли напоследок.
 Вслух перед всеми рабынями вестник сказал Пенелопе:
 «Прибыл обратно в Итаку возлюбленный сын твой, царица».
 Но свинопас подошел к Пенелопе и на ухо все ей,
 Что Телемак повелел рассказать, прошептал осторожно.
 340 Кончив рассказ и исполнив свое поручение, царский
 Дом он оставил и в поле к свиньям возвратился поспешно.
 Но женихи, пораженные, духом уныли; покинув
 Залу, они у ограды высокого царского дома
 Рядом на каменных гладких скамьях за воротами сели.
 345 Так говорить им тогда Эвримах, сын Полибиев, начал:
 «Горе нам! Дело великое сделал, так смело отправясь
 В путь, Телемак, от него мы подобной отваги не ждали.
 Должно нам, черный, удобнейший к бегу, корабль изготовив,
 В нем мореходных отправить людей, чтоб они убедили
 350 наших товарищей в город как можно скорей возвратиться».
 Кончить еще не успел он, как, с места на пристань взглянувши,
 Только что к берегу приставший корабль Амфином усмотрел там;
 Снасти и весла на нем убирали пловцы. Обратясь
 С радостным смехом к товарищам, так он сказал: «Не трудитесь
 355 Вести своей посылать понапрасну: они возвратились.
 Видно, их бог надоумил какой иль увидели сами
 Быстро бегущий корабль и настигнуть его не успели».

Так он сказал; те, поднявшись, пошли всей толпою на пристань.
 На берег скоро был вздвинут корабль чернобокий пловцами,
 360 Бодрые слуги немедля сгрузили с него всю поклажу;
 Сами ж на площади все женихи собрались; но с собою
 Там никому заседать не дозволили. Так напоследок,
 К ним обратясь, Ангиной, сын Эвпейтов надменный, сказал им:
 «Горе! Бессмертные сами его от беды сохранили!
 365 Каждый там день сторожа на лобзаемых ветром вершинах
 Друг подле друга толпою сидели; когда ж заходило
 Солнце, мы, берег покинув, всю ночь в корабле быстроходном
 По морю плавали взад и вперед до восхода Денницы,
 Тщетно надеясь, что встретим его и немедля погубим.
 370 Демон тем временем в пристань его проводил невредимо.
 Мы же над ним совершить, что замыслили вместе, удобно
 Можем и здесь; он от нас не уйдет; но до тех пор, покуда
 Жив он, исполнить намеренье наше мы будем не в силах;
 Он возмужал и рассудком созрел для совета и дела;
 375 Люди ж Итаки не с прежней на нас благосклонностью смотрят.
 Должно нам прежде — пока он народа не созвал на помощь —
 Кончить, понеже он медлить, как я в том уверен, не станет.
 Злобой на нас разразившись, при целом народе он скажет,
 Как мы его погубить сговорились и в том не успели;
 380 Тайного нашего замысла, верно, народ не одобрит;
 Могут, озлобясь на наши поступки, и нас из отчины
 Выгнать, и все мы тогда по чужим сторонам разбредемся.
 Можем напасть на него мы далеко от города в поле,
 Можем близ города выждать его на дороге; тогда нам
 385 Все разделить их придется имущество; дом же уступим
 Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами.
 Если же вам не угоден совет мой и если хотите
 Жизнь вы ему сохранить, чтоб отцовским владел достояньем, —
 То пировать нам по-прежнему, в доме его собираясь,
 390 Будет нельзя, и уж каждый особо, в свой дом возвратясь,
 Свататься станет, подарки свои присылая; она же
 Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней».
 Так говорил он; сидя неподвижно, внимали другие.
 Тут, обратясь к собранью, сказал Амфином благородный,
 395 Низов блистательный сын, от Аретовой царственной крови;
 Злачный Дулихий, пшеницей богатый, покинув, в Итаке

Он отличался от всех женихов и самой Пенелопе
 Правился умною речью, благими лишь мыслями полный.
 Так, обратясь к собранью, сказал Амфином благородный:
 400 «Нет! Посягать я на жизнь Телемака, друзья, не желаю;
 Царского сына убийство есть страшно-безбожное дело;
 Прежде богов вопросите, чтоб сведать, какая их воля;
 Если Зевесом одобрено будет намеренье наше,
 Сам соглашусь я его поразить и других на убийство
 405 Вызову; если ж Зевес запретит, мой совет: воздержитесь».
 Так он сказал, подтвердили его предложение другие.
 Вставши, все вместе они возвратились в дом Одиссея;
 В дом же вступив, там на стульях они поместились гладких.
 Но Пенелопа разумная, дело иное придумав.
 410 Вышла к своим женихам многобуйным из женских покоев;
 Слух к ней достигнул о замысле тайном на жизнь Телемака:
 Все благородный глашатай Медон ей открыл; и, поспешно,
 Взявши с собой двух служанок, она, божество меж женами,
 В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
 415 Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
 Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим.
 Речь к Антиною свою обратив, Пенелопа сказала:
 «Злой кознодей, Антиной необузданный, словом и делом
 Ты из товарищей самый разумнейший — так здесь в Итаке
 420 Все утверждают. Но где же и в чем твой прославленный разум?
 Бешеный! Что побуждает тебя Телемаку готовить
 Смерть и погибель? Зачем ты сирот притесняешь, любезных
 Зевсу? Не прав человек, замышляющий ближнему злое.
 Иль ты забыл, как отец твой сюда прибежал, уstraшенный
 425 Гневом народа, которым гоним был за то, что, приставши
 К шайке тафийских разбойников, с ними ограбил феспротов,
 наших союзников верных? Его здесь народ порывался
 Смерти предать и готов у него был исторгнуть из груди
 Сердце и все, что имел он в Итаке, предать истреблению;
 430 Но Одиссеей, за него заступившись, народ успокоил;
 Ты ж Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея
 Мучишь своим сватовством, Одиссееву сыну готовишь
 Смерть. Удержись! Говорю и тебе и другим в осторожность».
 Тут Эвримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
 435 «О многоумная старца Икарня дочь, Пенелопа,

Будь беззаботна; зачем ты такой предаешься тревоге?
 Не было, нет и не будет из нас никого, кто б помыслил
 Руку поднять на убийство любимца богов Телемака.
 Нет! И покуда я жив и покуда очами я землю
 440 Вижу, тому не бывать, иль — скажу перед всеми, и верно
 Сбудется слово мое, — обольется убийца своею
 Кровью, моим пораженный копьём; Одиссеей, не забыл я,
 Брал здесь нередко меня на колени и мяса куски мне
 Крал на ладонь и вина благовонного выпить давал мне.
 445 Вот почему и всех боле людей я люблю Телемака.
 Нет! Никогда он убийства не должен страшиться, по крайней
 Мере от нас, женихов. Но судьбы избежать невозможно».

Так говорил он, ее утешая, а мыслил иное.
 Но Пенелопа, к себе возвратясь, там в светлых покоех
 450 Плакала горько о милом своем Одиссее, покуда
 Сладкого сна не свела её на очи богиня Афина.
 Смерклось, когда к Одиссею и к сыну его возвратился
 Старый Евмей. Он нашел их, готовящих ужин, зарезав
 Взятую в стаде свинью годовалую. Прежде, однако,
 455 Тайно пришел, Одиссея богиня Афина ударом
 Трости своей превратила по-прежнему в хилого старца,
 Рубищем жалким одевши его, чтоб Евмей благородный
 С первого взгляда его не узнал и (сберечь неспособный
 Тайну) не бросился в город обрадовать вестью царицу.
 460 Встретив его на пороге, сказал Телемак: «Наконец ты,
 Честный Евмей, возвратился. Скажи же, что видел? Что слышал?
 В город обратно пришли ль, наконец, женихи из засады?
 Или еще там сидят и меня стерегут на дороге?»
 Так, отвечая, сказал Телемаку Евмей благородный:
 465 «Сведать о них и расспрашивать мне не входило и в мысли;
 В городе я об одном лишь заботился: как бы скорее
 Данное мне порученье исполнить и к вам возвратиться.
 Шедши ж туда, я с гонцом, от ходивших с тобой мореходцев
 Посланным, встретился — первый он все объявил Пенелопе;
 470 Только одно расскажу я, что видел своими глазами:
 К городу близко уже, на вершине Эрмейского холма,
 Был я, когда быстролетный, в глубокую нашу входящий
 Пристань, корабль усмотрел; я приметил, что было в нем много
 Ратных; щитами, двуострыми копьями ярко блистал он;

475 Это они, я подумал: но правда ли? Знать мне не можно.
Так он сказал. Телемакова сила святая блеснула
Легкой улыбкою в очи отцу, неприметно Евмею.
Кончив работу и пищу состряпав, они с свинопасом
Сели за стол, и порадовал душу им ужин; когда же
480 Был удовлетворен голод их сладкой едою, о ложе
Каждый подумал и сна благодать ниспослали им боги.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ СОДЕРЖАНИЕ СЕМНАДЦАТОЙ ПЕСНИ

Тридцать восьмой день

Телемак уходит в город, повелев Евмею проводить туда и своего гостя. Встреченный радостно матерью и домашними, он потом идет на площадь и приводит оттуда с собою Феоклимена. Пенелопа расспрашивает его о том, что с ним было во время путешествия; Феоклимен пророчествует ей возвращение Одиссея. Тем временем Евмей отправляется с Одиссеем в город; дорогою встречают они Мелантия, который их обоих оскорбляет. Пришед к своему дому, Одиссей видит на дворе свою старую собаку, которая, узнавши его, умирает. Он входит в пировую палату, просит милостыни у женихов; Антиной, ругаясь им, бросает в него скамейкой. Пенелопа зовет его к себе, желая расспросить об Одиссее; он обещается прийти к ней ввечеру.

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Сын Одиссеев, любезный богам, Телемак благородный,
К светлым ногам привязав золотые сандалии, в руку
Взяв боевое копьё, заощренное медью, которым
5 Ловко владел, и готовый в дорогу, сказал свинопасу:
«В город иду я, отец, чтоб утешить свиданьем со мною
Милую мать: без сомненья, дотоле крушиться и горько
Плакать она, безутешная, будет, пока не увидит
Сына своими глазами; тебе же, Евмей, поручаю
10 Этого странника; в город поди с ним, дабы подаяньем
Мог он себя прокормить; там подаст, кто захочет,
Хлеба ему иль вина. Мне нельзя на свое попеченье
Всякого нищего брать; и своих уж забот мне довольно;

Если же этим обидится твой чужеземец, тем хуже
15 Будет ему самому; я люблю говорить откровенно».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Здесь неохотно и сам бы я, друг, согласился остаться;
Нашему брату обед добывать подаянием легче
В городе, нежели в поле: там каждый дает нам, что хочет.
20 Мне ж не по летам смотреть за скотиной и всякую службу
С тяжким трудом отправлять, пастухам повинуюся. Добрый
Путь, мой прекрасный; меня же проводит хозяин, когда я
Здесь у огня посогреюсь, когда на дворе потеплеет;
В рубище этом мне холодно; тело насквозь пронизает
25 Утренник резкий; до города ж, вы говорите, не близко».
Так отвечал Одиссей. Телемак благородный поспешным
Шагом пошел со двора, и недоброе в мыслях готовил
Он женихам. Наконец он пришел беспрепятственно в дом свой.
Там, боевое копьё прислонивши к высокой колонне,
30 Он через двери высокий порог перешел и увидел
Первую в доме усердную няню свою Эвриклею:
Мягкие кляла на стулья овчины старушка. Потокотом
Слез облилася, увидя его, Эвриклея; и скоро
Все собрались Одиссеева дома рабыни; и с плачем
35 Голову, плечи и руки они у него лобызали.
Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная; сына она обняла и с любовью нежной
Светлые очи, и руки, и голову стала, рыдая
40 Громко, ему целовать и крылатое бросила слово:
«Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сын, возвратился? Тебя я
Видеть уже не надеялась боле, отпльвшего в Пилос
Тайно, со мной не простясь, чтоб узнать об отце отдаленном.
Все Расскажи мне теперь по порядку, что видел, что слышал».
45 Ласково ей отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Милая мать, не печаль мне души и тревоги напрасной
В грудь не вливай мне, спасенному чудно от гибели верной;
Но, сотворив омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой поди и с молитвой
50 Там обещание дай принести экатомбу бессмертным,
Если врагов наказать нам поможет Зевес Олимпиец.
Сам я на площадь пойду, чтоб позвать чужеземца, который

Ныне со мною, когда возвращался я, прибыл в Итаку:
Вместе с моими людьми он сюда наперед был отправлен;
55 В город его проводить поручил я Пирею, дабы он
В доме его подождал моего возвращения с поля».
Так говорил он, и слово его не промчалось мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вечным богам обещала она принести экатомбу,
60 Если врагов наказать им поможет Зевес Олимписец.
Тою порою Телемак из высокого царского дома
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки;
Образ его несказанной красой озарила Афина
Так, что дивились люди, его подходящего вида.
65 Все вокруг него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе с ним говорил, замышляя недоброе в сердце.
Скоро, от их многолюдной толпы отделись, подошел он
К месту, где Ментор сидел и при нем Антифат с Галифердом,
В сердце своем сохранившие верность царю Одиссею.
70 Севши близ них, о себе он им все рассказал, что случилось.
Скоро явился Пирей, копьeverжец, и Феоклимен с ним
Вместе пришел, погулявши по улицам города; не был
Долго к нему Телемак без вниманья; к нему подошел он.
Первое слово сказал тут Пирей Одиссееву сыну:
75 «В дом мой пошли, Телемак благородный, невольниц, чтоб взяли
Там все подарки, которые ты получил от Атрида».
Так, отвечая Пирею, сказал Телемак богоравный:
«Нам неизвестно, мой верный Пирей, чем окончится дело;
Если в жилище моем женихами надменными тайно
80 Буду убит я, они все имущество наше разделят;
Лучше тогда, чтоб твоим, а не их те подарки наследством
Были; но если на них обратится губящая Кера —
Все мне, веселому, сам веселящийся, в дом принесешь ты».
Кончив, повел за собою он многострадавшего гостя
85 В дом свой, и скоро туда беспрепятственно прибыли оба.
Там, положивши на кресла и стулья свои все одежды,
Начали в гладких купальнях они омываться. Когда же
Их и омыла и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
90 Вышел из гладких купален, они поместились на стульях.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им

Полный студеной воды золотой рукоюинок рабыня,
 Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
 Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
 95 Выданным ею охотно, чтоб пищей они насладились.
 Против же них, недали от двухстворных дверей, Пенелопа
 В креслах за пряжей сидела и тонкие нити сучила.
 Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
 Был удовлетворен голод их сладкой едой, Пенелопа,
 100 Старца Икарня дочь многоумная, сыну сказала:
 «Видно, мне лучше на верх мой уйти и лежать одиноко
 Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
 Слез обливаемой с самых тех пор, как в далекую Трою
 Мстить за Атрида пошел Одиссей, — ты, я вижу, не хочешь,
 105 Прежде чем здесь женихи многобуйные вновь соберутся,
 Мне рассказать, что узнал об отце: возвратился ль он, жив ли?» —
 «Милая мать, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
 Слушай, я все расскажу, ничего от тебя не скрывая.
 Прежде мы прибыли в Пилос, где пастырь людей многославный
 110 Нестор меня в благолепно-устроенном принял жилище,
 Принял так нежно, как сына отец принимает, когда он
 В дом возвращается, долго напрасно им жданный; так Нестор
 Сам и его сыновья многославные были со мною
 Ласковы. Но об отце ничего рассказать он не мог мне;
 115 Жив ли, скитается ль где на земле, иль погиб уж, об этом
 Слухов к нему не дошло. К Менелаю Атриду меня он,
 Дав мне коней с колесницею кованой, в Спарту отправил.
 Там я увидел Елену Аргивскую, многих ахеян,
 Многих троян погубившую, волей богов всемогущих.
 120 Царь Менелай, вызыватель в сраженье, спросил, за какою
 Нуждою прибыл к нему я в божественный град Лакедемон?
 Все рассказал я подробно ему, ничего не скрывая.
 Так на мои мне слова отвечал Менелай златовласый:
 125 «О безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
 Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
 Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
 Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
 Стала по горным лесам, по глубоким, травкою обильным
 Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище —
 130 Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;

Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
 Если б, — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
 В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном, —
 Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
¹³⁵ Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, —
 Если бы в виде таком женихам Одиссеей вдруг явился,
 Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
 То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
 Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
¹⁴⁰ Что самому возвестил мне морской пронизательный старец,
 То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
 Видел его на далеком он острове, льющего слезы
 В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
 Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
¹⁴⁵ Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
 Он безопасно пройти по хребту многоводного моря».

Вот что сказал мне Атрид Менелай, вызыватель в сраженье.
 Спарту покинув, я поплыл назад, и послали попутный
 Ветер нам боги — в отечество милое нас проводил он».

¹⁵⁰ Кончил рассказ Телемак: взволновалась душа Пенелопы.
 Феоклимен богоравный тогда ей сказал: «Не крушился,
 Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа,
 Знает не все он; теперь на мое обратися вниманьем
 Слово: я то, что случиться должно, предскажу вам наверно;
¹⁵⁵ Сам же Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,
 Также святым очагом Одиссеева дома клянуса
 В том, что в отечестве милом уже Одиссеей, что сокрыт он
 Где-нибудь в доме иль ходит, незнаемый, все узнавая
 Здесь, и беду женихам неизбежную в мыслях готовит.
¹⁶⁰ Вещая птица, которую видел вблизи корабля я,
 То мне открыла, и все я тогда ж объявил Телемаку».

Феоклимену разумная так отвечала царица:
 «Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
 Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
¹⁶⁵ Столь изобильно, что счастьем такому все будут дивиться».

Так говорили о многом они, беседуя сладко.
 Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
 Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
 Все на мощеном дворе, где бывали их шумные игры.

170 Но когда отовсюду с полей на обед им пригнали
 Мелкий скот пастухи, приводившие к ним ежедневно
 Коз и баранов, их кликнул глашатай Медон; был любимец
 Он женихов, и вседневно к столу их его приглашали.
 «Юноши, — он им сказал, — вы играли довольно; войдите
 175 В дом, и начнем наш обед совокупною силой готовить:
 Знаете сами, что вовремя пища нам вдвое вкуснее».

Так он сказал им. Они, покоряся его приглашенью,
 Встали и к дому пошли всей толпою; когда же вступили
 В дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
 180 Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
 Жиром налитых свиней убивать; был зарезан и тучный
 Бык. И за стряпанье все принялися они. Той порою
 В город идти с Одиссеем Евмей собрался; и, готовый
 В путь, он сказал наконец, обратясь к Лаэртovu сыну:
 185 «Добрый мой гость, ты желаешь, чтоб нынче ж тебя проводил я
 В город, как нам повелел господин мой, — сказать откровенно,
 Лучше хотел бы я сторожем дома тебя здесь оставить;
 Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господин мой
 Будет за это меня; а господская брань неприятна.
 190 Время, однако, идти нам; уж боле прошло половины
 Дня; с наступлением вечера холод пронзителен будет».

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссеей хитроумный:
 «Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, как желаешь,
 Точно исполню; пойдем же, и будь ты моим провожатым.
 195 Только сыщи мне какой бы то ни было посох, чтоб мог я
 Чем подпираться: дорога столь трудная, слышно, что шею
 Можно сломить». Так сказав, на плеча он набросил котомку,
 Всю в заплатках, висевшую вместо ремня на веревке.
 Дал ему в руки Евмей суковатую палку; и оба
 200 Вместе пошли, пастухов и собак сторожами оставив
 Дома. И в город повел свинопас своего господина
 В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
 Посохом, рублище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
 Тихо идя каменной, негладкой тропой, напоследок
 205 К городу близко они подошли. Находился там светлый
 Ключ; обложен был он камнем, и брали в нем граждане воду.
 В старое время Итак, Нерион и Поликтор прекрасный
 Создали там водоем; окружен он был рощею темных

Ольх, над водою растущих; и падал студеной струею
 210 Ключ в водоем со скалы, на вершине которой воздвигнут
 Нимфам алтарь был; всегда приносили там путники жертву.
 Там козовод повстречался им — сын Долионов Мелантий;
 Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно,
 В город он гнал женихам на обед; с ним товарищей двое
 215 Было. Увидя идущих, он начал ругаться, и громко
 Их поносил, и разгневал в груди Одиссеевой сердце.
 «Подлинно здесь негодяй негодяя ведет, — говорил он, —
 Права пословица: равного с равным бессмертные сводят.
 Ты, свинопас бестолковый, куда путешествуешь с этим
 220 Нищим, столов обирателем, грязным бродягой, который,
 Стоя в дверях, неопрятные плечи об притолку чешет,
 Крохи одни, не мечи, не котлы получая в подарок.
 Мог бы у нас он, когда бы его к нам прислал ты, закуты
 Наши стеречь, выметать их, козлятам подстилки готовить;
 225 Скоро бы он раздобыл, простоквашей у нас обжираясь,
 Это, однако, ему не по праву, одно тунеядство
 Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
 По миру, хлебом чужим набивать ненасытный желудок.
 Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно;
 230 Если войти он отважится в дом Одиссея — скамеек
 Много из рук женихов на его полетит там пустую
 Голову; ребра, таская его, там ему обломают
 Об пол». И, так говоря, Одиссея он, с ним поравнявшись,
 Пяткою в ляжку толкнул, но с дороги не сбил, не принудил
 235 Даже шатнуться. И в гневе своем уж готов был Лаэртов
 Сын, побежавши за ним, суковатою палкою душу
 Выбить из тела его иль, взорвавши на воздух, ударить
 Оземь его головою. Но он удержался. Евмей же
 Начал ругать оскорбителя; руки подняв, он воскликнул:
 240 «Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вам
 Туком обвитые бедра козлов и баранов здесь в жертву
 Царь Одиссей приносил, не отриньте мольбы, возвратите
 Нам Одиссея; да благостный демон его нам проводит!
 Выгнал тогда б из тебя он надменные мысли, забыл бы
 245 Ты как шальной по дорогам шататься и бегать без дела
 В город, стада под надзором неопытных слуг оставляя».
 Кончил. Мелантий, на то возражая, сказал свинопасу:

«Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслил?
 Дай срок, тебя, как товар, в корабле чернобоком отсюда
 Я увезу и продам в иноземье за добрые деньги;
 250 Здесь же иль сам Аполлон сребролукий сразит Телемака
 Тихой стрелой, иль, мечом женихов пораженный, погибнет
 Он, как отец, на чужбине утративший день возвращенья».

Так он сказал и ушел, на дороге оставив обоих,
 255 Медленней шедших; достигнув обители царской, он прямо
 Там в пировую палату вступил и за стол с женихами
 Сел Эвримаха напротив, к которому был он усердней,
 Нежели к прочим; ему предложил тут служитель мясного,
 Ключница хлеба дала и еды из запаса; он начал
 260 Есть. Той порой Одиссеей подошел с свинопасом Евмеем
 К царскому дому: и вдруг им оттуда послышались струны
 Цитры глубокой, потом раздалось и пенне; Фемий
 Пел; Одиссеей, ухватясь за Евмееву руку, воскликнул:
 «Друг, мы, конечно, пришли к Одиссееву славному дому.
 265 Может легко быть он узнан меж всеми другими домами:
 Длинный ряд горниц просторных, широкий и чисто мощный
 Двор, обведенный зубчатой стеною, двойные ворота
 С крепким замком — в них ворваться насильно никто не помыслит.
 Думаю я, что теперь там обедают; пар благовонный
 270 Мяса я чувствую; слышу и стройно звучащие струны
 Цитры, богами в сопутницы пиру веселому данной».

Так отвечал Одиссею Евмей, свинопас богоравный:
 «Правда, и все ты, как есть, угадал; человек ты разумный;
 275 Прежде, однако, должны мы размыслить о том, что нам сделать
 Лучше: тебе ли во внутренность дома вступить и явиться
 Там на глаза женихов многобуйных, а мне здесь остаться?
 Или тебе на дворе подождать одному, а войти к ним
 Мне? Ты, однако, не медли, чтоб кто здесь с тобой не подрался
 Или в тебя не швырнул чем, — я так говорю в осторожность».

280 Голос возвысив, ему отвечал Одиссеей хитроумный:
 «Знаю, все знаю, и мысли твои мне понятны; войди ты
 Прежде один: я покуда остануся здесь; я довольно
 В жизни тревожных ударов сносил; и швыряемо было
 Многим в меня; мне терпеть не учиться, немало видал я
 285 Бурь и сражений; пусть будет и ныне со мной, что угодно
 Дню. Один лишь не может ничем побежден быть желудок,

Жадный, насильственный, множество бед приключаящий смертным
 Людям: ему в угожденье и крепкоробристые ходят
 Морем пустым корабли, принося разоренье народам».

290 Так говорили о многом они в откровенной беседе.
 Уши и голову, слушая их, подняла тут собака
 Аргус; она Одиссеева прежде была, и ее он
 Выкормил сам; но на лов с ней ходить не успел, принужденный
 Плыть в Илион. Молодые охотники часто на диких

295 Коз, на оленей, на зайцев с собою ее уводили.
 Ныне ж, забытый (его господин был далеко), он, бедный
 Аргус, лежал у ворот на навозе, который от многих
 Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб после
 Им Одиссеевы были поля унавожены тучно;

300 Там полумертвый лежал неподвижно покинутый Аргус.
 Но Одиссееву близость почувствовал он, шевельнулся,
 Тронул хвостом и поджал в изъявление радости уши;
 Близко ж подползть к господину и даже подняться он не был
 В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу, от Евмея

305 Скрытно, обтер Одиссей, и потом он сказал свинопасу:
 «Странное дело, Евмей; там на куче навозной собаку
 Вижу, прекрасной породы она, но сказать не умею,
 Сила и легкость ее на бегу таковы ль, как наружность?
 Или она лишь такая, каких у господ за столами

310 Часто мы видим: для роскоши держат их знатные люди».

Так, отвечая, сказал ты, Евмей свинопас, Одиссею:
 «Это собака погибшего в дальнем краю Одиссея;
 Если б она и поныне была такова же, какою,
 Плыть собираясь в троянскую землю, ее господин мой

315 Дома оставил, — ее быстроте и отважности верно б
 Ты подивился; в лесу ни в каком захолустье укрыться
 Дичь от нее не могла; в ней чутье несказанное было.
 Ныне же бедная брошена; нет уж ее господина,
 Вчуже погиб он; служанки ж о ней и подумать ленятся;

320 Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
 К делу его, за работу он сам не возьмется охотой:
 Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
 Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет».

325 Кончил и, в двери светло-населенного дома вступивши,
 Прямо вошел он в столовую, где женихи пировали.

В это мгновение Аргус, увидевший вдруг через двадцать
 Лет Одиссея, был схвачен рукой смертоносною Мойры.
 Прежде других Телемак богоравный Евмея, который,
 Ходя кругом, озирался, увидел; ему головою
 330 Подал он знак, чтоб к нему подошел; осмотревшись, пустую
 Взял он скамью, на которой всегда за столом раздаватель
 Пищи сидел, чтоб ее рассыпать женихам по порядку.
 Эту скамью пододвинув к столу Телемакову, сел он
 Против него; предложил тут, приблизившись с блюдом, глашатай
 335 Мяса вареного часть им и хлеб, из корзины им взятый.
 Вслед за Евмеем явился и сам Одиссей богоравный
 В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
 Посохом, с бедной котомкою, рубище в жалких лохмотьях;
 Сел он в дверях на пороге, спиной прислоняся к дубовой
 340 Притолке (выскоблил острою скобелью плотник искусный
 Гладко ее, наперед топором по шнуру обтесавши).
 Тут свинопасу Евмею сказал Телемак, подавая
 Хлеб, из корзины меж лучшими взятый, и вкусного мяса,
 Сколькo в обеих горстях уместиться могло: «Отнеси ты
 345 Это, Евмей, старику и скажи, чтоб потом обошел он
 Всех женихов и у них попросил подаянья — стыдливym
 Нищему, тяжкой нуждой удрученному, быть неприлично».
 Так он сказал, и Евмей, повинувшись, пошел к Одиссею.
 Близко к нему приступивши, он бросил крылатое слово:
 350 «Это прислал Телемак; и велел он сказать, чтоб потом ты,
 Всех обойдя женихов, попросил подаянья — стыдливym
 Нищему быть, говорит он, в жестокой нужде неприлично».
 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Зевс да пошлет благоденствие между людьми Телемаку,
 355 Дав совершиться всему, что теперь замышляет он в сердце!»
 Так он сказал и, обеими взявши руками подачу,
 Мясо и хлеб близ себя положил на убогой котомке.
 Начал он есть; той порой вдохновенно запел пред гостями
 Фемий; когда же тот вдоволь наелся, а этот умолкнул —
 360 Начали вновь женихи бушевать; но богиня Афина,
 Тайно приблизясь к Лаэртову сыну, ему повелела
 Встать и ходить вокруг столов их, прося подаянья: хотела
 Видеть она, кто из них благодушен и кто беззаконник;
 В мыслях же всех без изъятия смерти предать назначала.

365 Встав, он пошел и у каждого начал просить подаянья,
 Руку к нему простирая, как нищий, скитаться обыкший.
 С жалостным сердцем они на него в изумленье смотрели,
 Знать любопытствуя, кто и откуда пришел он. Сидевший
 С ними пастух козовод, забияка Мелантий, сказал им:
 370 «Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видел
 Этого нищего, с ним на дороге сюда повстречавшись;
 Думаю, был он сюда приведен свинопасом Евмеем;
 Сам же не знаю я, кто и в какой стороне родился он».

Так он сказал. Антиной на Евмея с досадою крикнул:
 375 «Ты, свинопас, негодяй всем известный, зачем ты приводишь
 В город таких развращенных бродяг? Уж и здешняя сволочь
 Этих столов обирателей нам нестерпимо докучна;
 Мало, конечно, тебе, что от нищих домашних все ваши
 Гибнут запасы — чужого еще ты привел к нам обжору».

380 Так, возражая, Евмей свинопас отвечал Антиною:
 «Ты, Антиной, неразумное мне и недоброе молвил
 Слово теперь. Приглашает ли кто человека чужого
 В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:
 385 Или гадателей, или врачей, иль искусников зодчих,
 Или певцов, утешающих душу божественным словом, —
 Их приглашают с охотою все земнородные люди;
 Нищего ж, каждому скучного, кто пригласит произвольно?
 Ты же из всех женихов Пенелопы к рабам Одиссея
 Самый неласковый был навсегда, и ко мне особливо;
 390 Я не печалюсь об этом, покуда моя здесь царица
 Здравствует с сыном своим Телемаком, моим господином».

Кротко Евмею сказал рассудительный сын Одиссеев:
 «Полно, Евмей, замолчи; говорить с ним не должен ты много;
 395 Знаешь, как скор Антиной на обидное слово; он любит
 Ссориться сам и других на раздор подбивает охотно».

Тут, обратясь к Антиною, он бросил крылатое слово:
 «Ты обо мне, как о сыне отец благодушный, печешься,
 Друг Антиной, выгоняя своим повелительным словом
 Странников, в дом мой входящих, — но будет ли Дий тем доволен?
 400 Дай, что захочешь; не спорю я; сам приглашаю, напротив;
 Матери также моей не страшися; тебя не осудит
 Здесь и никто из рабов, в Одиссеевом доме живущих.
 Но, конечно, подобные мысли тебе не приходят

В сердце: себе все берешь ты, другим же давать не охотник».

405 Кончил, и гневно ему возразил Антиной, сын Эвпейтов:
 «Что ты сказал, Телемак необузданный, гордоречивый?
 Если б вот это от каждого здесь жениха получил он —
 Верно, сюда бы три месяца вновь заглянуть не подумал».

Так говоря, он скамейку схватил, на которую ноги

410 Клял под столом, и, грозяся, ее показал Одиссею.
 Прочие ж все подавали, котомку его наполняя
 Хлебом и мясом. И, много собрав, Одиссей уж готов был
 Сесть на порог свой, чтоб данной насытиться пищей; но прежде

Он подошел к Антиною и бросил крылатое слово:

415 «Дай мне и ты. Не последним тебя здесь считаю, но первым,
 Лучшим и самым знатнейшим; царю ты подобисься видом!
 Щедродаянье должно быть тебе и приличней и легче
 Всех их; и славить тебя я отныне по всей беспредельной

Буду земле. Я и сам меж людьми не всегда бесприютно

420 Жил: и богатоустроенным домом владел, и доступен
 Всякому страннику был, и охотно давал немущим;
 Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
 Люди живут и за что величает их свет богачами.

Все уничтожил Кроннон — была, без сомненья, святая

425 Воля его, чтоб с дружиной отважных добычников поплыл
 Я в отдаленный Египет (он там приготовил мне гибель).
 В лоне потока Египта легкоповоротные наши
 Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди

Там, на морском берегу, сторожить их остались; другим же

430 Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.
 Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
 Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
 Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
 Зверски мужей убивая, — тревога до жителей града

435 Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
 Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
 Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
 В жалкое бегство моих обратил; отразить ни единый

440 Силы врага не посмел, и отвсюду нас смерть окружила;
 Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
 Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
 Я же был жителю Крита, в Египет прибывшему, продан

Дметору, сыну Язона, владевшего Кипром; в Итаку
 Прибыл из Кипра я, много имев на пути злключенияй».

445 Гневно сказал, отвечая ему, Антиной, сын Эвпейтов:
 «Верно, нам демон такую чуму посылает, такую
 Порчу пиров! Отойти от стола моего; на середине
 Стой там, чтоб не было хуже тебе и Египта и Кипра.
 Что за наглец неотступный! Какой побродяга бесстыдный!

450 Всех почередно ты здесь обошел; и тебе, что попало
 Под руки каждому, подали все, не из щедрости: здесь им
 Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся ж
 Прочь». От стола отступив, отвечал Одиссей хитроумный:
 «Горе! Так, видно, с лицом у тебя твой рассудок несходен:

455 В доме своем ты и соли шепотку мне дать пожалел бы,
 Если уж здесь, за обедом чужим прохладаяся, хлеба
 Корку жалеешь мне бросить; а стол ваш, я вижу, обилен».

Так он сказал. Антиной, рассердясь, на него исподлобья
 Грозно очами сверкнул и бросил крылатое слово:

460 «Если еще грубиянить ты вздумал, бродяга, то даром
 Это тебе не пройдет, и добром ты не выйдешь отсюда».

Тут он скамейкой швырнул — и жестоко ударила в спину
 Подле плеча Одиссея она; как утес, не шатнувшись,
 Он устоял на ногах, не сраженный ударом; он только

465 Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
 К двери потом возвратясь, он сел на порог и, котомку
 На пол с едой положивши, сказал женихам: «Обратите
 Слух ваш ко мне, женихи многославной царицы, дабы я
 Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.

470 Не было б в том ни беды, ни прискорбия тяжкого сердцу,
 Если бы кто, за именье свое, за быков, за блестящих
 Шерстью овец заступаяся, вытерпел злые побои;
 Мне ж от руки Антиноя побои достались за гнусный,
 Жадный и множество бед приключающий людям желудок.

475 Если же боги и мщенье Эриний живут и для бедных —
 Смерть, Антиной, а не брак вожденный ты встретишь, обидчик».

Гневно, ему возражая, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
 «Ешь и молчи, негодай; иль беги неоглядкой отсюда;
 Иначе, так нагрубив мне, ты за ноги будешь рабами

480 Вытащен в дверь, и все кости твои обломаются об пол».

Кончил; угрозы его не одобрил никто; негодая,

Так говорили иные из юношей дерзко-надменных:
 «Ты, Антиной, поступил непохвально, обиду нанеши
 485 Этому нищему; что же, когда он один из бессмертных?
 Боги нередко, облекшись в образ людей чужестранных,
 Входят в земные жилища, чтоб видеть своими очами,
 Кто из людей беззаконствует, кто наблюдает их правду».

Так женихи говорили; но речи их были напрасны.
 Злою обидой глубоко в душе Телемак сокрушался
 490 Вместе с обиженным; слезы свои утаивши, он только
 Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
 Но Пенелопа разумная, слыша, что был чужеземец
 В доме их так оскорблен, обратясь к рабьям, сказала:
 «О, когда бы его поразил Аполлон сребролукий!»

495 Ей Эвринома, разумная ключница, так отвечала:
 «Если бы все исполнялось согласно с желанием нашим,
 Завтра же светлой Денницы из них ни один бы не встретил».

Кончила. Ей Пенелопа разумная так возразила:
 «Правда, мне все ненависты они, нам от всех притесненье;
 500 Но Антиной наиболее с черною Керою сходен:
 Принят в наш дом чужеземец и, ходя кругом, подаянья
 Просит у всех он гостей, приневоленный строгой нуждою, —
 Подали все, и свою он наполнил котомку; лишь этот,
 505 Вместо подачи, в него, как безумный, скамейкою бросил».

Так Пенелопа рабьям своим говорила в покоях
 Верхних своих. Одиссей же, сидя на пороге, обедал.
 Кликнуть к себе повелев свинопаса, царица сказала:
 «Слушай, Евмей благородный, скажи иноземцу, что я с ним
 510 Здесь повидаться желаю, чтоб знать от него, не слышал ли
 Он о супруге моем и ему не случилось ли где с ним
 Встретиться: кажется мне человеком он, много выдавшим».

Так Пенелопе отвечивал ты, свинопас богоравный:
 «Если б твои женихи хоть на миг поутихли, царица,
 515 Милое сердце твое он своим бы рассказом утешил.
 Три дня и три ночи он уж гостит под моею убогой
 Кровлей; пришел же ко мне, с корабля убежав от феспротов.
 Мне о своих приключениях еще он не кончил рассказа;
 Но как внимают певцу, вдохновенному свыше богами,
 520 Песнь о великом поющему людям, судьбине подвластным,
 В них возбуждая желание слушать его непрестанно,

Так я внимал чужеземцу, сидя перед ним неподвижно;
 С ним Одиссей по отцу, говорит он, считается гостем;
 В Крите широкоравнинном, отчизне Миноса, рожденный,
 Прибыл оттоле сюда он и много превратностей встретил,
 525 Скудно мирским подаяньем питаюсь; и слышал он, будто
 Края феспротов, соседнего с нашей Итакой, достигнул
 Царь Одиссей, возвращаясь в дом свой с великим богатством».

Кончил. Разумная так отвечала ему Пенелопа:
 «Кликни его самого; я желаю, чтоб сам рассказал он
 530 Все мне подробно, покуда игрой на дворе перед дверью
 Или во внутренних горницах будут они забавляться;
 Дома они про себя сберегают свои все запасы,
 Хлеб и вино золотое; их тратят домашние люди;
 Им же удобней, вседневно врываясь в дом наш толпою,
 535 наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
 Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
 Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
 Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.
 Если же он возвратится и снова отчизну увидит,
 540 С сыном своим он отметит им за все». Так царица сказала.
 В это мгновенье чихнул Телемак, и так сильно, что в целом
 Доме как гром раздалось; засмеявшись, Евмею, поспешно
 Кликнув его, Пенелопа крылатое бросила слово:
 «Добрый Евмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;
 545 Слово мое зачихнул Телемак; я теперь несомненно
 Знаю, что злые мои женихи неизбежно погибнут
 Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы.
 Выслушай то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
 Если меня без обмана он доброю вестью утешит,
 550 Мантию дам я ему, и хитон, и красивую обувь».
 Кончила. Ей повинувась, пошел свинопас к Одиссею;
 Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
 «Слушай, отец чужеземец, разумная наша царица,
 555 Мать Телемака, тебя приглашает к себе; о супруге
 Хочет она расспросить, сокрушаясь о нем беспрестанно.
 Если ее без обмана ты доброю вестью утетишь,
 Мантию ты, и хитон, и красивую обувь получишь.
 Хлеб же, чтоб свой успокоить желудок, по улицам ходя,
 В городе можешь собирать от людей — там подаст, кто захочет».

560 Так Одиссей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
 «Все без обмана я мог бы теперь рассказать Пенелопе,
 Старца Икария дочери многоразумной; я много
 Знаю о муже ее: мы одно с ним терпели на свете.
 Но женихов я боюсь необузданно-дерзких, которых
 565 Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба;
 Видел ты сам, как в меня, там ходившего смирно и мысли
 Злой не имевшего, этот неистовый бросил скамейкой —
 Кто ж за меня заступился? Никто. Промолчал и прекрасный
 Сын Одиссеев. Пускай же царица, хотя нетерпенье
 570 В ней и велико, дождется, чтоб Гелиос скрылся; тогда я
 Все, что узнать пожелает она о супруге далеком,
 Ей расскажу, поместясь у огня, чтоб согреться: одет я
 Плохо — то ведаешь сам ты, тебя я здесь первого встретил».
 Так он сказал; и Евмей, повинувся, пошел к Пенелопе;
 575 Встретив его на пороге своем, Пенелопона спросила:
 «Он не с тобою, Евмей? Для чего же прийти не хотел он,
 Бедный? Боится ль обиды какой? На глаза ль показаться
 Людям стыдится? Стыдливому нищему плохо на свете».
 Так Пенелопе отвечивал ты, свинопас богоравный:
 580 «Нет; он умно рассуждает, и с ним ты должна согласиться;
 Он, женихов необузданно-дерзких, царица, бояся,
 Просит тебя терпеливо дожждаться, чтоб Гелиос скрылся;
 Думаю также и я, что гораздо удобнее будет,
 Если его ты одна обо всем на досуге расспросишь».
 585 Выслушав, умная так отвечала Евмею царица:
 «Странник твой, кто бы он ни был, умно рассуждает; и прав он:
 В целом свете, нигде посреди земнородных невозможно
 Встретить людей, столь неистовых, столь беззаконно-развратных».
 Так отвечала Евмею она. Свинопас богоравный,
 590 Все передав ей, пошел к женихам; с Телемаком в столовой
 Встретился он и, приблизившись, бросил крылатое слово
 Шепотом в ухо ему, чтоб его не слышали другие:
 «Милый, теперь я иду; за свиньями, за домом, за всеми
 595 В доме запасами должно смотреть мне; а ты осторожен
 Будь здесь, себя береги и смотри, чтоб с тобой никакого
 Зла не случилось: зломысленных много тебя окружает.
 Зевс да погубит их прежде, чем бедствие наше созреет!»
 Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:

600 «Добрый совет ты даешь мне, отец; но ты сам, ночевавши
Дома, сюда возвратися поутру с отборной свиньей.
Боги мой ум просветят и меня надоумят, что делать».
Так отвечал Телемак. Свинопас поместился на гладком
Стуле; поужинав сытно и свой удовольствовав голод,
605 В поле пошел он к свиньям острозубым, оставивши царский
Дом, оглашаемый шумом пирующих; пеньем и пляской
Там веселились. Тем временем темная ночь наступила.

ПЕСНЬ ОСЬМНАДЦАТАЯ СОДЕРЖАНИЕ ОСЬМНАДЦАТОЙ ПЕСНИ

Тридцать восьмой день

Бой Одиссея с Иром. Он напрасно советует Амфиному расстаться с женихами. Пенелопа подает им надежду на скорый брак; они приносят ей подарки. Меланто оскорбляет Одиссея. Эвримах бросает в него скамейкою. Женихи расходятся по домам.

В двери вошел тут один всем известный бродяга; шатаясь
По миру, скудным он жил подаяньем и в целой Итаке
Славен был жадным желудком своим, и нахальством, и пьянством;
5 Силы, однако, большой не имел он, хотя и высок был
Ростом. По имени слыл Арнеоном (так матерью назван
Был при рождении), но в городе вся молодежь величала
Иром его, потому что у всех он там был на посылках.
В двери вступив, Одиссея он стал принуждать, чтоб покинул
Дом свой; и бросил ему, раздраженный, крылатое слово:
10 «Прочь от дверей, старичишка, иль за ноги вытащен будешь;
Разве не видишь, что все мне мигают, меня понуждая
Вытолкать в двери тебя; но марать понапрасну своих я
Рук не хочу; убирайся, иль дело окончится дракой».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
15 «Ты сумасброд, я не делаю зла никому здесь; и сколько б
Там кто ни подал тебе, я не стану завидовать; оба
Можем на этом пороге сидеть мы просторно; нет нужды
Спор заводить нам. Ты, вижу, такой же, как я, бесприютный
Странственник; бедны мы оба. Лишь боги даруют богатство.

20 Воли, однако, рукам не давай; не советую; стар я:
 Но, рассердясь, я всю грудь у тебя разобью и все рыло
 В кровь; и просторнее будет тогда мне на этом пороге
 Завтра, понеже уж, думаю, ты не придешь во второй раз
 Властвовать в доме царя Одиссея, Лаэрта сына,
 25 Ир в несказанной досаде воскликнул, ему отвечая:
 «Он же, прожора, и умничать вздумал! Не хуже стряпухи
 Старой лепечет! Постой же; тебя проучить мне порядком
 Должно, приняв в кулаки и из челюстей зубы повыбив
 Все у тебя, как у жадной свиньи, истребляющей ниву.
 30 Полно ж сидеть; выходи, покажи нам свое здесь уменье;
 Вот поглядим мы, ты сладишь ли с тем, кто тебя посильнее».

Так меж обоими нищими в бранных словах загорелась
 Ссора на гладком пороге дверей. То заметила прежде
 Всех Антиноева сила святая. И с хохотом громким
 35 Он, к женихам обратясь, воскликнул: «Друзья, поглядите,
 Что там в дверях происходит. Подобного мне не случилось
 Видеть нигде; нам чудесную Дий посылает забаву:
 С старым бродягой поссорился Ир, и, конечно, уж скоро
 Драка там будет; пойдем поскорее, нам должно стравить их».

40 Так он сказал; женихи, засмеявшись, вскочили поспешно
 С мест и соперников, грязным одетых тряпьем, обступили.
 Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Эвпейтов, сказал им:
 «Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю;
 Козьи желудки лежат там на угольях; сами на ужин

45 Их для себя отложили мы, жиром и кровью наливши;
 Я предлагаю, чтоб тот, кто из двух победителем будет,
 Взял для себя из желудков обжаренных лучший; потом мы
 Будем вседневно его приглашать и к обеду; другим же
 Нищим собирать здесь столовые крохи вперед не дозволим».

50 Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
 Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
 «В бой выходить с молодым старику, изнуренному в силах
 Нищенской жизнью, трудно, друзья; но докучный желудок
 Нудит меня согласиться, хотя б и стерпеть здесь побой.

55 Слушайте ж то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
 Мне, что, потворствуя Иру, никто на меня не подымет
 Рук и сопернику верх надо мной одержать не поможет».

Так говорил Одиссей; женихи поклялись; когда же

Все поклялись они и клятву свою совершили,
 60 Слово к отцу обративши, сказал Телемак богоравный:
 «Если ты сам добровольно желаешь и смело решился
 Выступить в бой с ним, то страха не должен иметь: кто посмеет
 Руку поднять на тебя, тот с собою здесь многих поссорит,
 Я здесь хозяин, защитник гостей, и, конечно, со мною
 65 Будут теперь заодно Антиной, Эвримах и другие».
 Так он сказал. Женихи согласились. Тогда сын Лаэртос
 Рубище снял и себя им, пристойность храня, опоясал.
 Тут обнаружились крепкие ляжки, широкие плечи,
 Твердая грудь, жиливатые руки, и сделала выше
 70 Ростом его, неприметно к нему подошедши, Афина.
 Все женихи на него с изумленьем великим смотрели;
 Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
 «Иру беда; за нахальство теперь он заплатит. Какие
 Крепкие мышцы под рубищем этого нищего скрыты!»
 75 Так говорили они. Обуяла великая трусость.
 Ира его, опоясав, рабы притащили насильно;
 Бледный, дрожащий от страха, едва на ногах он держался.
 Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
 «Лучше тебе, хвостуну, умереть иль совсем не родиться
 80 Было бы, если теперь так дрожишь, так бесстыдно робеешь
 Ты перед этим, измученным бедностью, старым бродягой.
 Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно:
 Если тебя победит он и силой своей одолеет,
 Будешь ты брошен на черный корабль и на твердую землю
 85 К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан.
 Уши и нос беспощадною медью тебе он обрежет,
 В крохи изрубит тебя и собакам отдаст на съеденье».
 Так говорил он. Ужасная робость проникнула Ира;
 Силою слуги его притащили; и подняли руки
 90 Оба. Себя самого тут спросил Одиссей богоравный:
 Сильно ль ударить его кулаком, чтоб издох он на месте?
 Или несильным ударом его опрокинуть? Обдумав
 Все, напоследок он выбрал несильный удар, поелику
 Иначе мог бы в сердцах женихов возбудить подозренье.
 95 Оба тут вышли; в плечо кулаком Одиссея ударил
 Ир. Одиссей же его по затылку близ уха: вдавилась
 Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася

Ртом; он, завыв, опрокинулся; зубы его скрежетали,
 Об пол он пятками бил. Женихи же, всплеснувши руками,
 100 Все помирали от смеха. А сын благородный Лаэртот,
 За ногу Ира схватив, через двери и портик к воротам
 Дома его через двор протащил; и, его приневолив
 Сесть там, спиною к стене прислонил, суковатую палку
 105 Втиснул ему, полумертвому, в руки и гневное бросил
 Слово: «Сиди здесь, собак и свиной отгоняй; и нахально
 Властвовать в доме чужом не пытайся вперед, высылая
 Нищих оттуда, сам нищий бродяга: иль будет с тобою
 Хуже беда». Он сказал и, на плечи набросив котомку,
 110 Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке,
 К двери своей возвратился и сел на пороге. А гости
 Встретили смехом его и, к нему подступивши, сказали:
 «Молим мы Зевса и вечных богов, чтоб они совершили
 Все то, чего наиболее теперь ты желаешь, о чем ты
 Молишь их сам; навсегда ты избавил от злого прожоры
 115 Край наш. Он нами немедленно будет на твердую землю
 К злomu Эхету царю, всех людей истребителю, сослан».

Так женихи говорили; был рад Одиссей прорицанью.
 С угольев снявши желудок, наполненный жиром и кровью,
 120 Подал Лаэртоту сыну его Антиной; и, два хлеба
 Взяв из корзины, принес их ему Амфином; он наполнил
 Кубок вином и сказал Одиссею, его поздравляя:
 «Радуйся, добрый отец иноземец! Теперь нищетою
 Ты удручен; да пошлют, наконец, и тебе избылье
 125 Боги!» Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Ты, Амфином, благомысленный юноша, вижу я; знатен
 Твой благородный отец, повсеместно молвою хвалимый,
 Нис, уроженец Дулихия многобогатый; его ты
 Сын, мне сказали; и сам испытал я, сколь ты добродушен.
 Слушай же, друг, и размысли, размысли о том, что услышишь:
 130 Все на земле изменяется, все скоротечно; всего же,
 Что ни цветет, ни живет на земле, человек скоротечней;
 Он о возможной в грядущем беде не помыслит, куда
 Счастлием боги лелеют его и стоит на ногах он;
 Если ж беду ниспошлют на него всемогущие боги,
 135 Он негодует, но твердой душой неизбежное сносит:
 Так суждено уж нам всем, на земле обитающим людям,

Что б ни послал нам Кроннион, владыка бессмертных и смертных.
 Некогда славен и я меж людьми был великим богатством;
 Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовал много
¹⁴⁰ Я, на отца и возлюбленных братьев своих полагаясь.
 Горе тому, кто себе на земле позволяет неправду!
 Должно в смиренье, напротив, дары от богов принимать нам.
 Вижу, как здесь женихи, самовластно бесчинствуя, губят
 Все достоянье царя и наносят обиды супруге
¹⁴⁵ Мужа, который, я мыслю, недолго с семьею и с отчизной
 Будет в разлуке. Он близко. О друг, да хранительный демон
 Вовремя в дом твой тебя уведет, чтоб ему на глаза ты
 Здесь не попался, когда возвратится в отеческий дом он.
 Здесь не пройдет без пролития крови, когда с женихами
¹⁵⁰ Станет вести свой расчет он, вступая под домашнюю кровлю».

Так он сказал и вина золотого, свершив возлиянье,
 Выпил; и кубок потом возвратил Амфиному. И тихим
 Шагом пошел Амфином, с головой наклоненной, с печалью
 Милого сердца, как будто предчувствием бедствия полный;
¹⁵⁵ Но не ушел от судьбы он; его оковала Паллада,
 Пасть от коня Телемакова вместе с другими назначив.
 Сел он на стул свой опять, к женихам возвратяся беспечно.
 Тут светлокая дочь громовержца вложила желанье
 В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
¹⁶⁰ Выйти, дабы, женихам показавшись, сильнейшим желаньем
 Сердце разжечь им, в очах же супруга и милого сына
 Боле, чем прежде, явиться достойною их уваженья.
 Так улыбнуться уста приневолив, она Эвриноме,
 Ключнице старой, сказала: «Хочу я — чего не входило
¹⁶⁵ Прежде мне в ум — женихам ненавистным моим показаться;
 Также хочу и совет там подать Телемаку, чтоб боле
 С шайкою их, многобуйных грабителей, он не водился;
 Добры они на словах, но недобрые мысли в уме их».

Ей Эвринома, усердная ключница, так отвечала:
¹⁷⁰ «То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
 Вдь к ним и милому сыну подай откровенно совет свой.
 Прежде, однако, омойся, натри благовонным елеем
 Щеки; тебе не годится с лицом, безобразным от плача,
 К ним выходить; красота увядает от скорби всегдашней.
¹⁷⁵ Сын же твой милый созрел, и тебе, как молила ты, боги

Дали увидеть его с бородою расцветшего мужа.
 Ключнице верной ответствуя, так Пенелопа сказала:
 «Нет, никогда, Эвринома, для них, ненавистных, не буду
 Я омыться и щеки натирать благовонным елеем.
¹⁸⁰ Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
 В самый тот час, как пошел Одиссей в отдаленную Троию.
 Но позови Гипподамию, с нею пускай Автоноя
 Также придет, чтоб меня проводить в пировую палату:
 К ним не пойду я одна, то стыдливости женской противно».
¹⁸⁵ Так говорила царица. Поспешно пошла Эвринома
 Кликнуть обеих служанок, чтоб тотчас послать к госпоже их.
 Умная мысль родилась тут в сердце Афины Паллады:
 Сну мирноносцу велела богиня сойти к Пенелопе.
 Сон прилетел и ее улеял, и все в ней утихло.
¹⁹⁰ В креслах она неподвижно сидела; и ей, усыпленной,
 Все, чем пленяются очи мужей, даровала богиня:
 Образ ее просиял той красой несказанной, какую
 В пламенно-быстрой и в сладостно-томной с Харитами пляске
 Образ Киприды, венком благовонным венчанной, сияет;
¹⁹⁵ Стройный ее возвеличился стан, и все тело нежнее,
 Чище, свежей и блистательней сделалось кости слоновой.
 Так одаривши ее, удалилась богиня Афина.
 Но белорукие обе рабыни, вбежавши поспешно
 В горницу, шумом нарушили сладостный сон Пенелопы.
²⁰⁰ Щеки руками спросонья потерши, она им сказала:
 «Как же я сладко заснула в моем сокрушеньи! О, если б
 Мне и такую же сладкую смерть принесла Артемида
 В это мгновенье, чтоб я непрерывной тоской перестала
 Жизнь сокрушать, все не ведая, где Одиссей, где супруг мой,
²⁰⁵ Доблестью всякой украшенный, между ахейан славнейший».
 Кончив, по лестнице вниз Пенелопа сошла; вслед за нею
 Обе служанки сошли, и она, божество красоюю,
 В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
 Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
²¹⁰ Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
 Справа и слева почтительно стали служанки. Колена
 Их задрожали при виде ее красоты, и сильнее
 Вспыхнуло в каждом желание ложе ее разделить с ней.
 Сына к себе подозвавши, его Пенелопа спросила:

215 «Сын мой, скажи мне, ты в полном ли разуме? В возрасте детском
 Был ты умней и приличие всякое более ведал.
 Ныне ж ты мужеской силы достигнул, и кто ни посмотрит
 Здесь на тебя, чужеземец ли, здешний ли, каждый породу
 Мужа великого в светлой твоей красоте угадает.
 220 Где же, однако, твой ум? Ты совсем позабыл справедливость.
 Дело бесчинное здесь у тебя на глазах совершилось;
 Этого странника в доме своем допустил ты обидеть;
 Что же? Когда чужеземец, доверчиво твой посетивший
 Дом, оскорбленный там будет сидеть и ругаться им станет
 225 Всякий — постыдный упрек от людей на себя навлечешь ты».

Матери так отвечал благомысленный сын Одиссеев:
 «Милая мать, твой упрек справедлив; на него не могу я
 Сетовать. Ныне я все понимаю; и мне уж не трудно
 Зло отличать от добра; из ребячества вышел я, правда;
 230 Но не всегда и теперь удается мне лучшее выбрать:
 Наши незваные гости приводят мой ум в беспорядок;
 Злое одно замышляют они; у меня ж руководителя
 Нет. Но сражение странника с Иром не их самовольством
 Было устроено; высшая здесь обнаружилась воля.
 235 Если б, о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
 Все женихи многобуйные в нашей обители ныне,
 Кто на дворе, кто во внутренних дома покоях, сидели,
 Головы свесив на грудь, все избитые, так же, как этот
 Ир побродяга, теперь за воротами дома сидящий!
 240 Трепетной он головою мотает, как пьяный; не может
 Прямо стоять на ногах, ни сидеть, ни подняться, чтоб в дом свой
 Медленным шагом добресть через силу; совсем он изломан».

Так про себя говорили они, от других в отдаленье.
 Тут, обратясь к Пенелопе, сказал Эвримах благородный:
 245 «О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
 Если б могли все ахейцы язийского Аргоса ныне
 Видеть тебя, женихов бы двойное число собралось
 В доме твоём пировать. Превосходишь ты всех земнородных
 Жен красотой, и возвышенным станом, и разумом светлым».

250 Так говорил Эвримах. Пенелопа ему отвечала:
 «Нет, Эвримах, красоту я утратила волей бессмертных
 С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
 В Троию, и с ними пошел мой супруг, Одиссеей богоравный.

Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
 255 В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна.
 Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
 В самый тот час, как отчизну свою он готов был покинуть,
 Взявши за правую руку меня, он сказал на прощанье:
 260 «Думать не должно, чтоб воинство меднообутых ахеян
 Все без урона из Трои в отчизну свою возвратилось;
 Слышно, что в бое отважны троянские мужи, что копья
 Метко бросают; в стрельянии из лука зорки; искусно
 Грозно-летучими, часто сражение меж двух равносильных
 Ратей решащими разом, конями владеют. Наверно
 265 Знать не могу я, позволит ли Дий возвратиться сюда мне,
 Или погибель я в Трое найду. На твое попечение
 Все оставляю. Пекись об отце и об матери милой
 Так же усердно, как прежде, и даже усердней: понеже
 Буду не здесь я; когда же наш сын возмужает, ты замуж
 270 Выдь, за кого пожелаешь, и дом наш покинь». На прощанье
 Так говорил Одиссей мне; и все уж исполнилось. Скоро,
 Скоро она, ненавистная ночь ненавистного сердцу
 Брака наступит для бедной меня, всех земных утешений
 Зевсом лишенной. На сердце моем несказанное горе.
 275 В прежнее время обычай бывал, что, когда начинали
 Свататься, знатного рода вдову иль богатую деву
 Выбрав, один пред другим женихи отличиться старались;
 В дом приводя к нареченной невесте быков и баранов,
 Там угощали они всех друзей; и невесту дарили
 280 Щедро; чужое ж имущество тратить без платы стыдились».

Кончила. В грудь Одиссея проникло веселье, понеже
 Было приятно ему, что от них пожелала подарков,
 Лстя им словами, душою же их ненавистя, царица.
 Ей отвечая, сказал Антиной, сын Эвпейтов надменный:
 285 «О многоумная старца Икарня дочь, Пенелопа,
 Всякий подарок, тебе от твоих женихов подносимый,
 Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарят нам.
 Мы же, ты знай, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
 Место, пока ты из нас по желанью не выберешь мужа».

290 Так говорил Антиной; согласились все с ним другие.
 Каждый потом за подарком глашатая в дом свой отправил.
 Посланный длинную мантию с пестрым шитьем Антиною

Подал; двенадцать застежек ее золотых украшали,
 Каждая с гибким крючком, чтоб, в кольцо задеваясь, держал он
 295 Мантию. Цепь из обделанных в золото с чудным искусством,
 Светлых, как солнце, больших янтарей принесли Эвримаху.
 Серьги — из трех, с шелковичной пурпурною ягодой сходных
 Шариков каждая — подал проворный слуга Эвридаму;
 Был молодому Пизандру, Поликтора умного сыну,
 300 Женский убор принесен, ожерелье богатое; столь же
 Были не скупы и прочие все на подарки. Приняв их,
 Вверх по ступеням высоким обратно пошла Пенелона.
 С ней удалились, подарки неся, и молодые рабыни.
 Те же, опять обратившись к пляске и сладкому пенью,
 305 Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
 Черная ночь посреди их веселого шума настала,
 Три посредине палаты поставив жаровни, наклали
 Много поленьев туда, изошренной нарубленных медью,
 Мелких, сухих, и лучиною тонкой зажгли их, смолистых
 310 Факелов к ним подложивши. Смотреть за огнем поочередно
 Были должны Одиссеева дома рабыни. И с ними
 Так говорить Одиссей хитромысленный начал: «Подите
 Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда в покои
 Вашей царицы, Икария дочери многоразумной;
 315 Сядьте с ней, тонкие нити сучите и волну руками
 Дергайте, горе ее развлекая своим разговором.
 Я же останусь смотреть за огнем, и светло здесь в палате
 Будет, хотя бы они до утра пировать здесь остались;
 Им не удастся меня утомить; я терпеть научился».
 320 Так говорил он. Рабыни одна на другую взглянули
 С громким смехом; и грубо ему отвечала Меланто,
 Дочь Долиона (ее воспитала сама Пенелона
 С детства и много игрушек и всяких ей лакомств давала;
 Сердце ж ее нечувствительно было к печалям царицы;
 325 Тайно любовный союз с Эвримахом она заключила);
 Так отвечала она Одиссею ругательным словом:
 «Видно, совсем потерял ты рассудок, бродяга; не хочешь,
 Видно, искать ты ночлега на кузнице, или в закуте,
 Или в шинке; здесь, конечно, приятней тебе; но слова ты
 330 Дерзок в присутствии знатных господ; и душою не робок;
 Знать, от вина помутился твой ум, иль, быть может, такой уж

Ты от природы охотник без смысла болтать; пль, осилив
 Бедного Ира, так поднял ты нос — берегися, однако;
 Может с тобою здесь встретиться кто-нибудь Ира сильнее;
 335 Зубы твои все своим кулаком он железным повывьет;
 Вытолкнут в дверь по затылку им будешь ты, кровью облитый».

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
 «Я на тебя Телемаку пожелаю, злая собака;
 В мелкие части, болтунью, тебя искрошить он прикажет».

340 Слово его испугало рабынь; и они во мгновение
 Все из палаты ушли; их колена дрожали от страха;
 Думали все, что на деле исполнится то, что сказал им
 Странник. А он у жаровен стоял, наблюдая, чтоб ярче
 Пламя горело; и глаз не сводил с женихов, им готова

345 Мыслию все, что потом и на самом исполнилось деле.
 Тою порой женихов и Афина сама возбуждала
 К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
 Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
 Так говорить Эвримах, сын Полибнев, начал (обидеть

350 Словом своим Одиссея, других рассмешивши, хотел он):
 «Слух ваш склоните ко мне, женихи Пенелопы, дабы я
 Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
 Этот наш гость, без сомнения, демоном послан, чтоб было
 Нам за трапезой светлей; не от факелов так все сияет

355 Здесь, но от плечи его, на которой нет волоса боле».

Так он сказал и потом, обратясь к Одиссею, примолвил:
 «Странник, ты, верно, поденщиком будешь согласен наняться
 В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
 Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;

360 Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу,
 Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.
 Думаю только, что будешь худой ты работник, привыкнув
 К лени, без дела бродя и мирским подаяньем питаюсь:
 Даром свой жадный желудок кормить для тебя веселее».

365 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Если б с тобой, Эвримах, привелось мне поспорить работой,
 Если б весною, когда продолжительней быть начинают
 Дни, по косе, одинаково острой, обоим нам дали
 В руки, чтоб, вместе работая с самого раннего утра

370 Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,

Или, когда бы, запрягши нам в плуг двух быков круторогих,
 Огненных, рослых, откормленных тучной травой, могучей
 Силою равных, равно молодых, равно работающих,
 Дали четыре нам поля вспахать для посева, тогда бы
 375 Сам ты увидел, как быстро бы в длинные борозды плуг мой
 Поле изрезал. А если б войну запалил здесь Кронион
 Зевс и мне дали бы щит, два копья медноострых и медный
 Кованный шлем, чтоб моей голове был надежной защитой,
 Первым в сражение меня ты тогда бы увидел; тогда бы
 380 Мне ты не стал попрекать ненасытностью жадной желудка.
 Но человек ты надменный; твое неприязненно сердце;
 Сам же себя, Эвримах, ты считаешь великим и сильным
 Лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых.
 Если б, однако, не жданный никем, Одиссей вам явился —
 385 Сколь ни просторная плотником сделана дверь здесь, она бы
 Узкой тебе, неоглядкой бегущему, вдруг показалась.
 Он замолчал. Эвримах, рассердясь, на него исподлобья
 Грозно очами сверкнул и слово крылатое бросил:
 «Вот погоди, я с тобою разделаюсь, грязный бродяга:
 390 Дерзок в присутствии знатных господ и не робок душой ты;
 Видно, вино помутило твой ум, иль, быть может, такой уж
 Ты от природы охотник без смысла болтать иль, осилив
 Бедного Ира, так сделался горд — берегись, однако».
 Так он сказал и скамейку схватил, чтоб пустить в Одиссея;
 395 Но Одиссей, отскочивши, к коленам припал Амфинома;
 Мимо его прошумев, виночерпия сильно скамейка
 В правую треснула руку, и чаша, в ней бывшая, на пол
 Грянулась; тот, опрокинутый, навзничь упал, застонавши.
 Начали громко шуметь женихи в потемневшей палате;
 400 Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
 «Лучше бы было, когда б, до прихода к нам, этот незванный
 Гость на дороге издох, не завел бы у нас он такого
 Шума. Теперь мы за нищего ссоримся; пир наш испорчен;
 Кто при великом раздоре таком веселиться захочет?»
 405 К ним обратилась тогда Телемакова сила святая:
 «Буйные люди, вы все помешались; не можете боле
 Скрыть вы, что хмель обуял вас. Знать, демон какой поджигает
 Всех на раздор; пировали довольно вы, спать уж пора вам;
 Может, кто хочет, уйти; принуждать никого я не буду».

410 Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
 Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
 Тут, обратясь к собранью, сказал Амфином благородный,
 Нисов блистательный сын, от Аретовой царственной крови:
 415 «Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
 Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
 Старого странника; также оставьте в покое и прочих
 Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
 Пусть виночерпий опять нам наполнит вином благованным
 Кубки, чтоб мы, возлияв, на покой по домам разошлись;
 420 Странника ж здесь почевать в Одиссеевом доме оставим,
 На руки сдав Телемаку: он гость Телемакова дома.
 Так Амфином говорил, и понравилось всем, что сказал он.
 Тут Мулион, дулихийский глашатай, слуга Амфиномов,
 Муж благородной породы, вина намешавши в кратеры,
 425 Кубки наполнил до края и подал гостям; совершивши
 Им возлиянье блаженным богам, осушили все кубки
 Гости; когда ж, совершив возлиянье, вином насладились
 Вдоволь они, все пошли по домам, чтоб предаться покою.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ПЕСНИ

Вечер тридцать осьмого дня

Одиссей вместе с Телемаком выносит оружия из столовой, потом остается один. Меланто снова его оскорбляет. Он рассказывает Пенелопе вымышленную о себе повесть и уверяет ее, что Одиссей скоро возвратится в дом свой. Эвриклея узнает его по рубцу на ноге; он повелевает ей молчать. Пенелопа рассказывает ему сон свой, потом говорит, что отдаст руку свою тому из женихов, который победит других стрельбою из Одиссеева лука; наконец Пенелопа удаляется.

Все разошлись; один Одиссей в опустевшей палате
 Смерть замышлять женихам совокупно с Афиной остался.
 С ним Телемак; и сказал он, к нему обратясь: «Мой милый
 Сын, наперед надлежит все оружия вынести отсюда.
 5 Если ж, приметив, что нет уж в палате, как прежде, оружий,

Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: «В палате
 Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
 Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Трою, покинул:
 Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.
 10 Также и высую в сердце вложил мне Зевес осторожность:
 Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
 Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится —
 Само собой прилипает к руке роковое железо».

Так он сказал. Телемак, повинувшись родителю воле,
 15 Кликнул старушку, усердную няню свою Эвриклею;
 «Няня, — сказал он, — смотри, чтоб служанки сюда не входили
 Прежде, куда наверх не отнес я отцовых оружий;
 Здесь без присмотра они; все испорчены дымом; отца же
 Нет. Я доньше ребенок бессмысленный был, но теперь я
 20 Знаю, что должно отнести их туда, где не может их портить
 Копоть». Сказал. Эвриклея старушка ему отвечала:
 «Дельно! Пора, мой прекрасный, за разум приняться, и дома
 Быть господином, и знать обходиться с отцовым богатством.
 Кто же, когда покидать не велишь ты служанкам их горниц,
 25 Факелом будет зажженным тебе здесь светить за работой? «
 Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
 «Этот старик; не трудясь, никто, и хотя б он чужой был,
 В доме моем, получая наш корм, оставаться не должен».

Кончил. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетело
 30 Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
 Тотчас она. Одиссей с Телемаком тогда принялся
 Медные с гребнями шлемы, с горбами щиты, с остриями
 Длинными конья наверх выносить; и Афина Паллада
 Им невидимо, держа золотую лампаду, светила.

35 Тем изумленный, сказал Телемак Одиссею: «Родитель,
 В наших очах происходит великое, думаю, чудо;
 Гладкие стены палаты, сосновые средние брусья,
 Все потолка перекладкины, все здесь колонны так ясно
 Видны глазам, так блистают, как будто б пожар был кругом их, —
 40 Видно, здесь кто из богов олимпийских присутствует тайно».

Так он спросил; отвечая, сказал Одиссей хитроумный
 Сыну: «Молчи, ни о чем не расспрашивай, бойся и мыслить:
 Боги, владыки Олимпа, такой уж имеют обычай.
 Время тебе на покой удалиться, а я здесь останусь;

65 Видеть хочу поведенье служанок; хочу в Пенелопе
 Сердце встревожить, чтоб, плача, меня обо всем расспросила».

Так он сказал. Телемак из палаты немедленно вышел;
 Факел зажженный неся, он пошел в тот покой почивальный,
 Где по ночам миротворному сну предавался обычно.

50 В спальню пришедши, он лег и заснул в ожиданье Денницы.
 Тою порою один Одиссей в опустевшей палате
 Смерть замышлять женихам совокупно с Палладой остался.

Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
 Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой

55 Сходная. Сесть ей к огню пододвинули стул, из слоновой
 Кости точеный, с оправой серебряной, чудной работы
 Икмалиона (для ног и скамейку приделал художник
 К дивному стулу). Он мягко-широкой покрыт был овчиной.
 Многоразумная села на стул Пенелопа. Вступивши

60 С ней белорукие царского дома служанки в палату,
 Начали всё убирать там: столы с недоеденным хлебом,
 Кубки и множество чаш, из которых надменные гости
 Пили; и, выбросив на пол золу из жаровен, наклали
 Новых поленьев туда, чтоб нагрелась палата и был в ней

65 Свет. А Меланто опять привязалась ругать Одиссея:
 «Здесь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
 Дать нам, бродя здесь как тень, чтоб подметить, что в доме служанки
 Делают. Вон! Говорю я тебе, побродяга; наелся
 Здесь ты довольно! Уйди, иль швырну я в тебя головнею».

70 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
 «Что ж так нестово ты на меня, сумасбродная, злишься?
 Или противно тебе, что в грязи я, что, в рубище бедном
 По миру ходя, прошу подаянья? Что ж делать? Я нищий.
 Жребий такой уж нам всем, безотрадно бродящим скитальцам.

75 В прежние дни я и сам меж людьми не совсем бесприютно
 Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен
 Всякому страннику был, и охотно давал нищим;
 Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
 Люди живут и за что величает их свет богачами.

80 Все уничтожил Кроннон — так было ему то угодно.
 Ты, безрасудная, так же (кто знает, как скоро!) утратишь
 Всю красоту молодую, которую так здесь гордишься;
 Станешь тогда ты противна своей госпоже; да и может

Сам Одиссей возвратиться — надежда не вовсе пропала;
 85 Если же он и погиб и возврата лишен, то еще здесь
 Сын Одиссеев, молодой Телемак, Аполлонов питомец,
 Здравствует; знает он все поведенье служанок домашних,
 Скрыться не может ничто от него; он из детства уж вышел».

Так он сказал. Пенелопа, услышав разумное слово,
 90 Речь обратила свою, раздраженная, к дерзкой служанке:
 «Ты, как собака, бесстыдница, злишься; меня ж не обманешь;
 Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь.
 Разве не слышала ты, как сюда пригласить я велела
 Этого странника, мысля, что может сказать мне какую
 95 Весть о супруге моем, о котором давно так я плачу?»
 Тут, обратясь к Эвриноме, сказала она: «Эвринома,
 Стул пододвинь поскорее, покрытый овчиною мягкой;
 Должно, чтоб здесь иноземец покойно сидел, и свои нам
 Все рассказал приключения, и мне отвечал на вопрось».

Так говорила она. Эвринома немедленно гладкий
 100 Стул принесла и покрыла его густошерстной овчиной;
 Сесть приглашен был на стул Одиссей богоравный женою.
 Так, обратясь к нему, начала говорить Пенелопа:
 «Странник, сначала тебя я сама вопрошу, отвечай мне:
 105 Кто ты, мой добрый старик? Кто отец твой? Кто мать? Где родился?»
 Так, отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
 «О царица, повсюду и все на земле беспредельной
 Люди тебя превозносят, ты славой до неба достигла;
 Ты уподобиться можешь царю беспорочному; страха
 110 Божия полный и многих людей повелитель могучий,
 Правду творит он; в его областях изобильно родится
 Рожь, и ячмень, и пшено, тяготеют плодами деревья,
 Множится скот на полях и кипят многорыбием воды;
 Праведно властвует он, и его благоденствуют люди.

Ты же, царица, меня вопрошай обо всем; не касайся
 115 Только отчизны моей, и семьи, и семейного дома:
 Горе мне душу глубоко проникнет, когда говорить здесь
 Буду, о них вспоминая; страдал я немало. В чужом же
 Доме, в беседе с людьми, предаваться слезам неприлично.
 120 Слезы напрасны: бедам не приносят они исцеления.
 Может, притом, и на мысли прийти здесь рабыням, сама ты
 Можешь подумать, что слезы от хмеля мои происходят».

Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
 «Странник, мою красоту я утратила волей бессмертных
 125 С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
 В Троию, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
 Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
 В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна;
 Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
 130 Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
 Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
 Первые люди утесистой, солнечно-светлой Итаки,
 Нудят упорно ко браку меня и наш дом разоряют;
 Мне ж не по сердцу никто: ни просящий защиты, ни странник,
 135 Ниже глашатай, служитель народа; один есть желанный
 Мной — Одиссей, лишь его неотступное требует сердце.
 Те же твердят непрестанно о браке; прибегнуть к обману
 Я попыталась однажды; и демон меня надоумил
 Стан превеликий поставить в покоях моих; начала я
 140 Темно-широкую ткань и, собрав женихов, им сказала:
 «Юноши, ныне мои женихи — поелику на свете
 Нет Одиссея, — отложим наш брак до поры той, как будет
 Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
 Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
 145 Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
 Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
 Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова».
 Так я сказала; они покорились мне мужеским сердцем.
 Целый я день за тканьем проводила; а ночью, зажегши
 150 Факел, сама все, натканное днем, распускала. Три года
 Дилася хитрость удачно, и я убеждать их умела.
 Но когда, обращеньем времен приведенный, четвертый
 Год совершился, промчались месяцы, дни пролетели —
 Все им открыла одна из служанок, лихая собака;
 155 Сами они тут застали меня за распушенной тканью:
 Так и была приневолена ими я труд мой окончить.
 Способа нет уж теперь избежать мне от гнусного брака;
 Хитрости новой на ум не приходит: меня все родные
 Нудят к замужеству; и сын огорчается, видя, как дом наш
 160 Грабят; а он уж созрел и теперь за хозяйством способен
 Сам наблюдать, и к нему уваженье Зевес пробуждает

В людях. Скажи ж откровенно мне, кто ты? Уж, верно, не отрасль
 Славного в древности дуба, не камень от груди утеса».

Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:

¹⁶⁵ «О многоумная старца Икарня дочь, Пенелопа,
 Вижу, что ты о породе моей неотступно желаешь
 Сведать. Я все расскажу, хоть печаль и усилит рассказ мой
 В сердце моем. Так бывает со всяким, кто долго в разлуке
 С милой семьей, сокрушенный, как я, меж людей земнородных

¹⁷⁰ Странствует, их посещая обители, сам бесприютный.
 Но отвечать на вопросы твои я с охотою буду.
 Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
 Тучный, отсюда объятый водами, людьми изобильный;
 Там девяносто они городов населяют великих.

¹⁷⁵ Разные слышатся там языки: там находишь ахеян
 С первоплеменной породой воинственных критян; кидоны
 Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
 В городе Гноссе живущих. Едва девяти лет достигнув,
 Там уж царем был Минос, собеседник Крониона мудрый,

¹⁸⁰ Дед мой, родитель великого Девкалиона, который
 Идоменея родил и меня. В корабле крутоносом
 Идоменей, многославный мой брат, в отдаленную Трою
 Поплы с Атридом; мое ж знаменитое имя Аитон;
 После него родился я; он старший и властью сильнейший.

¹⁸⁵ В Крите гостил Одиссей; и он мною, как гость, одарен был.
 В Крит же его занесло буреносною силою ветра:
 В Трою плывя и у мыса Мален застигнутый бурей,
 В устье Амизия ввел он свой быстрый корабль и в опасной
 Пристани стал близ скалы Элифийской, богами спасенный.

¹⁹⁰ К Идоменею он в город пришел, утверждая, что гостем
 Был он царю, что его почитал и любил несказанно.
 Но уж дней десять прошло иль одиннадцать с тех пор, как поплы
 Царь в кораблях крутоносых в троянскую землю. Я принял
 Вместо царя во дворце Одиссея, и мной угощен был

¹⁹⁵ Он дружелюбно с великою роскошью; было запасов
 Много у нас; и спутники все Одиссеевы хлебом,
 Собранным с мира, и огненноцветным вином, и прекрасным
 Мясом быков угощаемы досыта были; двенадцать
 Дней провели богоравные люди ахейские с нами:

²⁰⁰ В море идти не пустил их Борей, бушевавший с такою

Силой, что было нельзя на ногах устоять и на суше;
Демон его разъярил; на тринадцатый день он утихнул.
В море пустились они». Так неправду за чистую правду
Он выдавал им. И слезы из глаз их лилися; так тает
205 Снег на вершинах высоких, заоблачных гор, теплоносным
Эвром согретый и прежде туда нанесенный Зефиром, —
Им же растаянным реки полнеют и льются быстрее, —
Так по щекам Пенелопы прекрасным струею лилися
Слезы печали о милом, пред нею сидевшем, супруге.
210 Он же, глубоко проникнутый горьким ее сокрушеньем
(Очи свои, как железо иль рог неподвижные, крепко
В темных ресницах сковав и в нее их вперив, не мигая),
Воли слезам не давал. И, насытятся горестным плачем,
Так напоследок ему начала говорить Пенелопа:
215 «Странник, я способ имею, тебя испытанью подвергнув,
Выведать, подлинно ль ты Одиссея и спутников, бывших
С ним, угощал там в палатах царя, как теперь уверяешь.
Можешь ли мне описать ты, какое в то время носил он
Платье, каков он был видом и кто с ним сопутники были?»
220 Ей отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
«Трудно ответствовать мне на вопрос твой, царица; уж много
Времени с этой поры протекло, и тому уж двадцатый
Год, как, мою посетивши отчизну, супруг твой пустился
В море; но то, что осталось в памяти, вам расскажу я:
225 В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облечен; золотою прекрасной с двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял; как живая, она трепетала; и страшно
230 Пес на нее разъяренный глядел, и, из лап порываясь
Выдраться, билась ногами она: в изумленье та бляха
Всех приводила. Хитон, я приметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя
235 Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
Я же — заметь ты — не ведаю, где он такую одежду
Взял? Надевал ли уж дома ее до отбытия в Троию?
В дар ли ее получил от кого из своих при отъезде?
Взял ли в подарок прощальный как гость? Одиссея любили

240 Многие люди; сравниться же мало могло с ним ахеян.
 Меч медноострый, двойную пурпурную мантию, с тонким,
 Сшитым по мерке хитоном ему подарив на прощанье,
 С почестью в путь проводил я его в корабле крепкозданном.
 С ним находился глашатай; немного постаре годами
 245 Был он; его и теперь описать вам могу я: горбатый,
 Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на теле;
 Звали его Эврибатом; его всех товарищей боле
 Читл Одиссей, поелику он ведал, сколь был он разумен».

Так говорил он. Усилилось горе в душе Пенелопы:
 250 Все Одиссеевы признаки ей описал он подробно.
 Горестным плачем о милом, далеком супруге насытясь,
 Так напоследок опять начала говорить Пенелопа:
 «Странник, до сих пор одно сожаленье к тебе я имела, —
 Будешь отныне у нас ты любим и почтен несказанно.
 255 Платье, которое мне описал ты, сама я сложила
 В складки, достав из ларца, и ему подала, золотою
 Бляхой украсив. И мне уж его никогда здесь не встретить
 В доме семейном, в отечестве милом! Зачем он, зачем он
 Нас покидал! Неприязненный демон его с кораблями
 260 В море увел, к роковым, к несказанным стенам Илиона».

Ей возражая, отвечив так Одиссей богоравный:
 «О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
 Нежной своей красоты не губи сокрушеньем; не сетуй
 Так безутешно о милом супруге. Тебя укорять я
 265 В этом не буду: нельзя не крушиться жене об утрате
 Сердцем избранного мужа, с которым в любви родились ей
 Дети; красой же богам Одиссей, говорят, был подобен.
 Ты успокойся, однако, и выслушай то, что скажу я:
 Правду одну я скажу, ничего от тебя не скрывая,
 270 Все объявив, что узнал о прибытии к вам Одиссея
 В области тучной феспротов, от здешних берегов недалекой.
 Жив он; и много везет на своем корабле к вам сокровищ,
 Собранных им от различных народов; но спутников верных
 Всех он утратил; его крутобокий корабль, виноцветным
 275 Морем от знойной Тринакрии плывший, Зевес и блестящий
 Гелиос громом разбили своим за пожранье священных,
 Солнцу любезных быков — все погибли в волнах святотатцы.
 Он же, схвативший оторванный киль корабля, был на острове

Выброшен, где обитают родные богам феакійцы;
 260 Почесть ему оказали они, как бессмертному богу;
 Щедро его одарили и даже сюда безопасно
 Сами хотели его проводить. И давно б уж в Итаке
 Был он; но, здраво размысливши, он убедился, что прежде
 Разные земли ему для скопления богатств надлежало
 265 Видеть. Никто из людей земнородных не мог с ним сравниться
 В знании выгод своих и в расчетливом, тонком рассудке —
 Так говорил мне о нем царь Федон благодушный, который
 После, бессмертным богам совершив возлиянье, поклялся
 Мне, что и быстрый корабль уж устроен и собраны люди
 290 В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
 Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
 Был для феспротов, в Дулихий, обильный пшеницею, шедших;
 Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он.
 Даже и внукам в десятом колене достанется много —
 295 Столько добра им оставлено было царю в сохраненье.
 Сам же, сказали, пошел он в Додону затем, чтоб оракул
 Темносенистого Диева дуба его научил там,
 Как по отсутствию долгом, в отчизну, в желанную землю
 Милой Итаки ему возвратиться удобнее будет.
 300 Жив он, ты видишь сама; и, конечно, здесь явится скоро;
 Верно, теперь и от милых своих и от родины светлой
 Он недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;
 Зевсом метателем грома, отцом и владыкой бессмертных,
 Также святым очагом Одиссеева дома клянуса
 305 Вам, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я.
 Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
 Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
 Вступит он в дом свой». Ему отвечая, сказала царица:
 «Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
 310 Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
 Столь изобильно, что счастьем такому все будут дивиться.
 Мне же не то предвещает мое сокрушенное сердце:
 Нет! И сюда Одиссей не придет, и тебя не отправим
 В путь мы отсюда: недобрые люди здесь властвуют в доме;
 315 Здесь никого не найдется такого, каков Одиссей был,
 Странников всех угощавший и всем на прощанье даривший
 Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,

Мантией теплой покрытую, здесь приготовьте, чтоб мог он
 Спать, не озябнув, до первых лучей златотронной Денницы.
 320 Завтра ж поутру его вы, в купальне омывши, елеем
 Чистым натрите, дабы он, опрятный, за стол с Телемаком
 Сел и с гостями обедал. И горе тому, кто обидеть
 Вновь покусится его непристойно: ему никакого
 Места вперед здесь не будет, хотя б он и сильно озлился.
 325 Иначе, странник, поверишь ли ты, чтоб хоть мало от прочих
 Жен я возвышенных духом и светлым умом отличалась,
 Если я грязным тебя и нечисто одетым за стол наш
 Сесть допущу? Нам ненадолго жизнь достается на свете;
 Кто здесь и сам без любви и в поступках любви не являет,
 330 Тот ненавистен, пока на земле он живет, и желают
 Зла ему люди; от них поносим он нещадно и мертвый;
 Кто ж, беспорочный душой, и в поступках своих беспорочен —
 Имя его, с похвалой по земле разносимое, славят
 Все племена и народы, все добрым его величают».
 335 Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоровный:
 «О многоумная старца Икарня дочь, Пенелопа,
 Теплая мантия мне и роскошное ложе противны
 С тех пор, как Крита широкого снегом покрытые горы,
 В длинновесельном плывя корабле, из очей потерял я.
 340 Дай мне здесь спать, как давно уж привык я, на жесткой постели.
 Много, много ночей провалялся в бессоннице тяжелой
 Я, ожидая пришествия златопрестольной Денницы;
 Также и ног омовение мне не по сердцу; по крайней
 Мере к моим прикоснуться ногам ни одной не позволю
 345 Я из рабынь молодых, в Одиссеевом доме служащих.
 Нет ли старушки, любящей заботливо службу и много
 В жизни, как сам я, и зла и добра испытавшей? Охотно
 Ей прикоснуться к моим с омовеньем ногам я дозволю».
 Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
 350 «Странник, немало до сих пор гостей к нам из близких, из дальних
 Стран приходило — умней же тебя никого не случилось
 Встретить мне; речи твои все весьма рассудительны. Есть здесь
 В доме старушка, советница умная, полная добрых
 Мыслей; за ним, злополучным, ходила она; он был ею
 355 Выкормлен, ею в минуту рождения на руки принят.
 Ей, хоть она и слаба, о тебе поручу я заботу;

Встань, Эвриклея, моя дорогая разумница, вымой
 Ноги ему, твоего господина ровеснику; с ним же,
 Может быть, сходен и видом уж стал Одиссей, изнуренный
 360 Жизнь трудной: в несчастьи люди стареются скоро».

Так говорила она; Эвриклея закрыла руками
 Очи, но слезы пробилась сквозь пальцы; она возопила:
 «Свет мой, дитя мое милое! Где ты? За что же Кроннион
 Так на него, столь покорного воле богов, негодует?
 365 Кто ж из людей перед громоигрателем Зевсом такие
 Тучные бедра быков сожигал и ему экатомбы
 Так приносил изобильно, моля, чтоб он светлую старость
 Дал ему дома провесть, расцветающим радуясь сыном?
 Были напрасны молитвы; навеки утратил возврат он.
 370 Горе! Быть может, теперь, никому не родной, на чужбине,
 Где-нибудь, впущенный в дом богача, он от глухих служанок
 Встречен такой же там бранью, какой был от этих собак ты,
 Странник, обижен; зато и не хочешь им, дерзким, позволить
 Ноги омыть у тебя. То, однако, порядком исполнить
 375 Мне повелела моя госпожа Пенелопа. Охотно
 Сделаю все, и не волю одну госпожи исполняя.
 Нет! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
 Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
 Странников бедных немало в наш дом приходило; но сердце
 380 Мне говорит, что из них ни один (с удивленьем смотрю я)
 Не был так голосом, ростом, ногами, как ты, с Одиссеем
 Сходен». Сказала. Ей так отвечал Одиссей хитроумный:
 «Правда, старушка, и сам от людей я, которым обоих
 385 Нас повстречать удавалось, слышал, что во многом друг с другом
 Мы удивительно сходны, как то мне и ты говоришь здесь».

Так отвечал он. Сияющий таз, для мытья ей служивший
 Ног, принесла Эвриклея; и, свежей водою две трети
 Таза наполнив, ее долила кипятком. Одиссей же
 Сел к очагу; но лицом обернулся он к тени, понеже
 390 Думал, что, за ногу взявши его, Эвриклея знакомый
 Может увидеть рубец, и тогда вся откроется разом
 Тайна. Но только она подошла к господину, рубец ей
 Бросился прямо в глаза. Разъяренного венря кльком он
 Ранен был в ногу тогда, как пришел посетить на Парнасе
 395 Автоликона, по матери деда (с его сыновьями),

Славного хитрым притворством и клятв нарушением, — Эрмий
 Тем дарованьем его наградил, поелику он много
 Бедр от овец и от коз приносил благосклонному богу.
 Автоликон, посетив плодоносную землю Итаки,
 400 Новорожденного сына у дочери милой нашел там.
 Выждав, когда он окончит свой ужин, ему на колена
 Внука пришла положить Эвриклея. Она тут сказала:
 «Автоликон, богоданному внуку ты выдумать должен
 Имя, какое угодно тебе самому: ты усердно
 405 Зевса о внуке молил». То приняв предложенье, сказал он
 Зятю и дочери: «Вашему сыну готово уж имя;
 Вас посетить собираясь, я рассержен несказанно
 Многими был из людей, населяющих тучную землю;
 Пусть назовется мой внук Одиссеем; то значит: *сердитый*.
 410 Если ж когда он, достигнувши мужеских лет, пожелает
 Дедовский дом посетить на Парнасе, где наша обитель,
 Будет он мной угощен и с богатым отпущен подарком».
 Внук возмужал и пришел за подарком обещанным к деду.
 Автоликон с сыновьями своими его благосклонно
 415 Встретил руки пожиманьем и сладко-ласкательным словом;
 Бабка ж его Амфитея в слезах у него целовала
 Очи, и руки, и голову, громко рыдая. Богатый
 Пир приказал сыновьям многославным своим приготовить
 Автоликон. И они, исполняя родителя волю,
 420 Тотчас пригнать повелели быка пятилетнего с поля;
 Голову снявши с быка и его распластавши, на части
 Мясо они разрубили и части, взоткнув их на вертел,
 Начали жарить; изжарив же, их разнесли по порядку.
 Сидя они за обедом весь день до вечернего мрака,
 425 Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
 Солнце тем временем село, и ночь наступила; о ложе
 Каждый подумал, и сна благодать ниспослали им боги.
 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
 Автоликоновы все сыновья, на охоту собравшись,
 430 Скликали быстрых собак. Сын Лаэртвов отправился с ними.
 Долго они по крутому, покрытому лесом, Парнасу
 Шли; напоследок достигли глубоких, ветристых ущелий;
 Гелиос только что начал поля озарять, подымаясь
 Тихо с глубоких, лиющих медленно вод Океана;

435 В дикую дебрь углубились охотники все; перед ними,
След открывая, бежали собаки; с собаками вместе
Автоликоновы дети и сын многославный Лаэртов
Быстро бежали, имея в руках длиннотенные копья.
Страшно-огромный кабан там скрывался, в кустах закопавшись
440 Диких: в тенистую глубь их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий,
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода — так густо
Были они слетены; и скопилось там много опавших
Листьев. Когда же приблизился шум от собак и от ловчих,
445 Быстро бежавших, кабан им навстречу из дикого лога
Прянул; щетину встопоршив, ужасно сверкая глазами,
Он заступил им дорогу; и первый, к нему подбежавший,
Был Одиссей. Он копьё длинноострое поднял, готовый
Зверя пронзить; но успел Одиссею поранить колено
450 Острым клыком разъяренный кабан; и он выхватил много
Мяса, нагрянувши бешено сбоку, но кость уцелела.
В правое зверю плечо боевое копьё сын Лаэртов
Сильно всадил; и, плечо проколов, острием на другой бок
Вышло копьё; повалился кабан, и душа отлетела.
455 Автоликоновы дети убитого зверя велели
Должным порядком убрать и потом Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Заговорили. И все напоследок к отцу возвратились.
Автоликон и его сыновья Одиссея, от раны
460 Дав исцелиться ему и его одаривши богато,
Сердцем веселого, сами веселые, с миром послали
В землю Итаки; отец и разумная мать несказанно
Были его возвращению рады; они расспросили
Сына подробно о ране, и он рассказал по порядку,
465 Как, на Парнасе ловитвой зверей веселясь с сыновьями
Автоликона, он вепрем клычистым был ранен в колено.
Эту-то рану узнала старушка, ощупав руками
Ногу; отдернула руки она в изумленье; упала
В таз, опустившись, нога; от удара ее зазвенела
470 Медь, покачнулся водою наполненный таз, пролилася
На пол вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи от слез затуманились, ей не покорствовал голос.
Сжав Одиссею рукой подбородок, она возгласила:

«Ты Одиссей! Ты мое золотое дитя! И тебя я
 475 Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!»
 Кончив, она на свою госпожу обратила поспешно
 Взоры, чтоб ей возвестить возвращение милого мужа.
 Та ж не могла ничего, обратясь глазами в другую
 Сторону, видеть: Паллада ее овладела вниманьем.
 480 Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло
 Няню свою, а другою ее подойти приневолив
 Ближе к нему, прошептал ей: «Ни слова! Меня ты погубишь;
 Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпевши немало,
 Волей богов возвратился я в землю отцов через двадцать
 485 Лет. Но — уж если твои для узнания тайны открылись
 Очи — молчи! И чтоб в доме никто обо мне не проведал!
 Иначе, слушай — и то, что услышишь, исполнится верно, —
 Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
 Здесь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитан, не стану
 490 В час тот, когда над рабынями строгий мой суд совершится».

Сыну Лаэртову так, отвечая, сказала старушка:
 «Странное слово из уст у тебя, Одиссей, излетело;
 Ведаешь сам ты, как сердцем тверда я, как волей упорна:
 Все сохраняю, постоянной, чем камень, целей, чем железо;
 495 Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что услышишь.
 Если Зевес истребить женихов многобуйных поможет,
 Всех назову я рабынь, обитающих здесь, чтоб меж ними
 Мог отличить ты худых и порочных от добрых и честных».

Ей возражая, ответствовал так Одиссей хитроумный:
 500 «Нет, Эвриклея, их мне называть не трудись понапрасну;
 Сам все увижу и буду уметь все подробно разведать.
 Только молчи. Произволу богов предадим остальное».

Так говорил Одиссей; и поспешно пошла Эвриклея
 Теплой воды принести, поелику вся прежняя на пол
 505 Вылилась. Вымыв и чистым елеем умасливши ноги,
 Снова скамейку свою Одиссей пододвинул к жаровне;
 Сев к ней, чтоб греться, рубец свой отрешьями рублища скрыл он.
 Умная так, обратясь к нему, Пенелопа сказала:
 «Странник, сначала сама я тебя вопрошу, отвечай мне:
 510 Скоро наступит пора насладиться покоем; и счастлив
 Тот, на кого и печального сон миротворный слетает.
 Мне ж несказанное горе послал неприязненный демон;

Днем, сокрушаясь и сетуя, душу свою подкрепляю
 Я рукодельем, хозяйством, присмотром за делом служанок;
 515 Ночью ж, когда все утихнет и все вокруг меня, погрузившись
 Сладостно в сон, отдыхают беспечно, одна я, тревогой
 Мучась, в бессоннице тяжелой сижу на постели и плачу;
 Плачет Аида, Пандарова дочь бледноликая, плачет;
 Звонкую песню она заунывно с началом весенних
 520 Дней благовонных поет, одиноко таясь под густыми
 Сениями рощи, и жалобно льется рыдающий голос;
 Плача, Итилосо милого, сына Цетосова, медью
 Острой печально ею сраженного, мать поминает.
 Так, сокрушенная, плачу и я, и не знаю, что выбрать, —
 525 С сыном ли милым остаться, смотря за хозяйством, за светлым
 Домом его, за работой служанок, за всем достойным,
 Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
 Иль, наконец, предпочесть из ахейцев того, кто усердней
 Брака желает со мной и щедрее дары мне приносит?
 530 Сын же, покуда он отроком был неразумным, расстаться
 С матерью нежной не мог и супружеский дом мне покинуть
 Сам запрещал; но теперь он, уж мужеской силы достигнув,
 Требует сам от меня, чтоб из дома я вышла немедля;
 Он огорчается, видя, как наше имущество грабят.
 535 Ты же послушай: я видела сон; мне его растолкуй ты;
 Двадцать гусей у меня есть домашних; кормлю их пшеницей;
 Видеть люблю, как они, на воде полоскаясь, играют.
 Снилось мне, что, с горы прилетевший, орел крутоносый,
 Шею свернув им, их всех заклевал, что в пространной столовой
 540 Мертвые были они на полу все разбросаны; сам же
 В небо умчался орел. И во сне я стонала и горько
 Плакала; вместе со мною и много прекрасных ахейских
 Жен о гусях, умерщвленных могучим орлом, сокрушалось.
 Он же, назад прилетев и спустясь на высокую кровлю
 545 Царского дома, сказал человеческим голосом внятно:
 «Старца Икария умная дочь, не крушись, Пенелопа.
 Видишь не сон мимолетный, событие верное видишь;
 Гуси — твои женихи, а орел, их убить прилетавший
 Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами
 550 Ныне тебе возвращенный твоим женихам на погибель».
 Так он сказал мне, и в это мгновенье мой сон прекратился;

Я осмотрелась кругом: на дворе, я увидела, гуси
 Все налицо; и, толпяся к корыту, клюют там пшеницу».
 Умной супруге своей отвечал Одиссей богоравный:
 555 «Сон, государыня, твой толковать бесполезно: он ясен
 Сам по себе; сокровенного нет в нем значенья; и если
 Сам Одиссей предсказал женихам их погибель — погибнут
 Все: ни один не уйдёт от судьбы и от мстительной Керь».
 Так, отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:
 560 «Странник, конечно, бывают и темные сны, из которых
 Смысла нельзя нам извлечь; и не всякий сбывается сон наш.
 Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
 В мир наш; одни роговые, другие из кости слоновой;
 Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
 565 Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;
 Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
 Верны; сбываются все приносимые ими виденья.
 Но не из этих ворот мой чудесный, я думаю, вышел
 Сон — сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.
 570 Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
 Завтра наступит он, день ненавистный, в который покинуть
 Дом Одиссеев принудят меня; предложить им стрелянье
 Из лука в кольца хочу я: супруг Одиссей здесь двенадцать
 С кольцами ставил, бывало, жердей, и те жерди не близко
 575 Ставил одну от другой, и стрелой он пронизывал кольца
 Все. Ту игру женихам предложить я теперь замышляю;
 Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
 Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
 Кольц, я с тем удалюся из этого милого дома,
 580 Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
 Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться».
 Ей возражая, отвечивал так Одиссей богоравный:
 «О многоумная старца Икарня дочь, Пенелопа,
 585 Этой игры, мой совет, не должна ты откладывать. Верь мне,
 В доме своем Одиссей многохитростный явится прежде,
 Нежели кто между ими, рукою ошупавши гладкий
 Лук, тетивую натянет его и сквозь кольца прострелит».
 Так, отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:
 «Если б ты, странник, со мною всю ночь согласился в палате
 590 Этой сидеть и меня веселить разговором, на ум бы

Сон не пришел мне; но вовсе без сна оставаться нам, слабым
Смертным, не должно. Здесь всем нам, землей многодарной кормимым,
Боги бессмертные меру, особую каждому, дали.
Время, однако, наверх мне уйти, чтоб лежать одиноко
595 Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как супруг мой отсюда
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
Там отдохну я, а ты ночевать, иноземец, останься
Здесь; и ложись на постелю или на пол, как сам пожелаешь».
600 Так Пенелопа сказавши, пошла по ступеням высоким
Вверх — не одна, все рабыни за нею пошли; и, в покое
Верхнем своем затворясь, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, куда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ СОДЕРЖАНИЕ ДВАДЦАТОЙ ПЕСНИ

Ночь с тридцать восьмого на тридцать девятый день.

Утро и полдень тридцать девятого дня

Одиссей ложится спать в сенях; жалобы Пенелопы его пробуждают. Добрые знамения. Столовую приготавливают к пиру. Являются сперва Евмей, потом Мелантий, который опять оскорбляет Одиссея, и, наконец, Филойтий, смотрящий за стадами коров. Знамение удерживает женихов, имевших намерение умертвить Телемака. За столом Ктезипп оскорбляет Одиссея. Чувства женихов приходят в расстройство: Феоклимен предсказывает им близкую гибель.

Тут приготовил в сенях для себя Одиссей богоравный
Ложе из кожи воловьей, еще не дубленной; покрывши
Кожу овчинами многих овец, женихами убитых,
Лег он; и теплым покровом его Эвриклея одела.
5 Там Одиссей, женихам истребление в мыслях готовя,
Глаз не смыкая, лежал. В ворота, он увидел, служанки,
Жившие в тайной любви с женихами, толпой побежали,
С хохотом громким, болтая, шумя и крича непристойно.

10 Вся его внутренность пламенем гнева зажглась несказанным.
 Долго не знал он, колеблясь рассудком и сердцем, что делать —
 Встать ли и, вслед за бесстыдными бросившись, всех умертвить их?
 Или остаться, дав волю в последний им раз с женихами
 Свидеться? Сердце же злилось его; как рычит, оценившись,
 Злобная сука, щеняток своих защищая, когда их
 15 Кто незнакомый берет, и за них покусаться готовясь,
 Так на бесстыдниц его раздраженное сердце роптало.
 В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу:
 «Сердце, смирись; ты гнуснейшее вытерпеть силу имело
 В логе циклопа, в то время, когда пожирал беспощадно
 20 Спутников он злополучных моих, — и терпенье рассудку
 Выход из страшной пещеры для нас, погибавших, открыло».
 Так умирал он себя, обращая к милому сердцу.
 Милое сердце ему покорилося, и снова терпенье
 В грудь пролилося его; но ворочался с боку он на бок.
 25 Как на огне, разгоревшемся ярко, ворочают полный
 Жиром и кровью желудок туда и сюда, чтоб отсюда
 Мог быть он сочно и вкусно обжарен, огнем не прижженный,
 Так на постели ворочался он, беспрестанно тревожась
 В мыслях о том, как ему одному с женихов многочисленной
 30 Шайкою сладить. К нему подошла тут Паллада Афина,
 С неба слетевшая в виде молодой, расцветающей девы.
 Тихо к его изголовью приблизясь, богиня сказала:
 «Что же не спишь ты, из всех земнородных несчастнейший? Разве
 Это не дом твой? Не верно ль в доме ты встречен женою?
 35 Сын же таков твой, что всякий ему бы отцом захотел быть».
 Светлой богине отвечив так Одиссей хитроумный:
 «Истину ты говоришь мне, богиня; но сердцем я крепко
 (В том принужден пред тобой повиниться) тревожусь, не зная,
 Буду ли в силах один с женихов многочисленной шайкой
 40 Сладить? Они всей толпою всегда собираются в доме.
 Но и другою тревогой мое озабочено сердце:
 Если по воле твоей и Крониона всех истреблю я —
 Как мне спастись от мщенья родни их? Подумай об этом».
 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
 45 «Ты, малoverный! Надеются ж люди в беде и на слабых
 Смертных, ни делом помочь, ни совета подать неспособных, —
 Я же богиня, тебя неизменно всегда от напасти

Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:
 Если бы вдруг пятьдесят из засады на двух нас напало
 50 Ратей, чтоб нам совокупно погибель устроить, — при них же
 Мы бы похитили коз их, овец и быков круторогих.
 Спи, ни о чем не тревожась: несносно лежать на постели,
 Глаз не смыкая; твои же напасти окончатся скоро».
 С сими словами богиня ему затворила дремотой
 55 Очи, потом на Олимпе улетела. И всех усладитель
 Наших тревог, разрешающий сладко усталые члены,
 Сон овладел им. Супруга ж его, от тревоги проснувшись,
 Села бессонная в горьких слезах на постели; слезами
 60 Вдоволь свою сокрушенную грудь утолив, громогласно
 Стала она призывать Артемиду и так ей молилась:
 «О Артемида, богиня великая, дочь громовержца,
 Тихой стрелою твоею меня порази и из тела
 Выведи душу мою. О, когда бы меня ухватила
 Буря и мглистой дорогой со мною умчалась в край тот,
 65 Где начинается свой путь Океан, круговратно бегущий!
 Были ж Пандаровы дочери схвачены бурею. Боги
 Мать и отца погубили у них; сиротами остались
 В доме семейном они; Афродита богиня питала
 Их молоком, сладкотающим медом, вином благовонным;
 70 Ира дала им, от всех отличая их дев земнородных,
 Ум и красу; Артемида пленительной стройностью стана
 Их одарила; Афина их всех научила искусствам.
 Но когда на высокий Олимп вознеслась Китерея
 Там умолять, чтоб супружества счастье дал непорочным
 75 Девам Зевес громолюбец, который, все ведая в мире,
 Благо и зло земнородным по воле своей посылает, —
 Гнусные Гарнии, дев беззащитных похитя, их в руки
 Предали грозных Эриний, чудовищам в рабство. О, если б
 Так и меня олимпийские боги с земли во мгновение
 80 Сбросили! Если б меня, с Одиссеем в душе, Артемида
 Светлокудрявая в темную вдруг затворила могилу
 Прежде, чем быть мне подругою мужа, противного сердцу!
 Но и тяжелые скорби становятся легче, когда мы,
 В горьких слезах, в сокрушении сердца день целый проведши,
 85 Ночью в объятия сна предаемся — мы все забываем,
 Зло и добро, лишь коснется очей он целебной рукою;

Мне же и сон мой терзает виденьями страшными демон;
 Виделось мне, что лежал близ меня несказанно с ним сходный,
 Самый тот образ имевший, какой он имел, удаляясь;
 90 Я веселилась; я думала: это не сон — и проснулась».

Так говорила она. Поднялась златовласая Эос.
 Жалобы плачущей в слух Одиссеев входили; и, слыша
 Их, он подумал, что ею был узнан; ему показалось
 Даже, что образ ее над его изголовьем летает.
 95 Сбросив покров и овчины собрав, на которых лежал он,
 Все их сложил Одиссеей на скамейке, а кожу воловью
 Вынес на двор. Тут к Зевесу он поднял с молитвою руки:
 «Если, Зевес, наш отец, ты меня и землей и водою
 100 В дом мой (хотя и подвергнув напастям) привел невредимо,
 Дай, чтоб от первого, кто здесь проснется, мной вешее слово
 Было услышано; сам же мне знаменьем сердце обрадуй».

Так говорил он, молясь, и Кроннион молитву услышал:
 Страшно ударившим громом из звезднобестучного неба
 Зевс отвечал. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.
 105 Слово же первое он от рабыни, моловшей на царской
 Мельнице близкой, услышал; на мельнице этой двенадцать
 Было рабынь, и вседневно от раннего утра до поздней
 Ночи ячмень и пшено там они для домашних мололи.
 Спали другие, всю кончив работу; а эта, слабее
 110 Прочих, проснулась ране, чтоб труд довершить неготовый.
 Жернов покинув, сказала она (и пророчество было
 В слове ее Одиссею): «Зевес, наш отец и владыка,
 На небе нет облаков, и его наполняют, сверкая,
 Звезды, а гром твой гремит, всемогущий! Кому посылаешь
 115 Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится ныне
 Слово мое: да последним в жилище царя Одиссея
 Будет сегодняшний пир женихов многобуйных! Колена
 Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству
 Их угождая, — да нынешним кончатся все здесь пиры их!»
 120 Так говорила рабыня, был рад Одиссеей прорицанью
 Грома и слова, и в сердце его утвердилась надежда.
 Тут Одиссеева дома рабыни сошлись из разных
 Горниц и жаркий огонь на большом очаге запалили.
 Ложе покинул свое и возлюбленный сын Одиссеев;
 125 Платье надев, изношенный свой меч на плечо он повесил;
 После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,

Взял боевое копьё, лучезарно блестящее медью;
 Так он ступил на порог и сказал, обратясь к Эвриклею:
 «Няня, доволен ли был угощением странник? Покойно ль
 130 Спал он? Иль вы не хотели о нем и подумать? Обычай
 Матери милой я знаю; хотя и разумна, а часто
 Между людьми иноземными худшему почести всякой
 Много окажет, на лучшего ж вовсе и взгляда не бросит».

Так говорил Телемак. Эвриклея ему отвечала:
 135 «Ты понапрасну, дитя, невинную мать обвиняешь;
 С нею сидя, здесь вином утешался он, сколько угодно
 Было душе; но не ел, хоть его и просили. По горло
 Сыт я, сказал. А когда он подумал о сне и постели,
 Мягкое ложе она приготовить велела рабыням.

140 Он же, напротив, как жалкий, судьбою забытый бродяга,
 Спать на пуховой постеле, покрытой ковром, отказался;
 Кожу воловью постлал на полу и, овчин положивши
 Сверху, улегся в сених; я покрыла его одеялом».

Так Эвриклея сказала. Тогда Телемак из палаты
 145 Вышел с копьём; две лихие за ним побежали собаки.
 На площадь, главное место собрания ахейян, пошел он.
 Тут всех рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
 Им Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
 «Все на работу! Одни за метлы; и проворнее выместь

150 Горницы, вспырынув полы; на скамейки, на кресла и стулья
 Пестро-пурпурные ткани постлать; ноздреватую губкой
 Начисто вымыть столы; всполоснуть пировые кратеры;
 Чаши глубокие, кубки двудонные вымыть. Другие ж
 Все за водою к ключу и скорее назад, поелику

155 Нынешний день женихи не замедлят приходом, напротив,
 Ранее все соберутся: мы праздник готовим великий».

Так Эвриклея сказала. Ее повинуюся воле,
 Двадцать рабынь побежали на ключ темноводный; другие
 Начали горницы все прибирать и посуду всю чистить.

160 Скоро прислали и слуг женихи: за работу принявшись,
 Стали они топорами поленья колоть. Воротились
 С свежей рабыни водой от ключа. Свинопасом Евмеем
 Пригнаны были три борова, самые жирные в стаде:
 Заперли их в окружённую частым забором заградю.

165 Сам же Евмей подошел к Одиссею, спросил дружелюбно:
 «Странник, учтивее ль стали с тобой Телемаковы гости?»

Иль по-вчерашнему в доме у нас на тебя нападают?»
 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Добрый Евмей, да пошлют всемогущие боги Олимпа
 170 Им воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, с какою
 Здесь, не стыдяся, они расхищают чужое богатство!»
 Так говорили о многом они в откровенной беседе.
 К ним подошел козовод, за козами смотрящий, Мелантий;
 Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно,
 175 В город пригнал он, гостям на обед; с ним товарищей было
 Двое. И, коз привязавши под кровлей сеней многозвучных,
 Так Одиссею сказал, им ругаяся, дерзкий Мелантий:
 «Здесь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
 180 Дать нам вздохнуть; мой совет, убирайся отсюда скорее;
 Иль и со мной у тебя напоследок дойдет до расправы;
 Можешь тогда и моих кулаков ты отведать; ты слишком
 Стал уж докучен; не в этом лишь доме бывают обеды».
 Кончил. Ему Одиссей ничего не ответил; только
 Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
 185 Третий тут главный пастух подошел к ним, коровник Филойтий;
 Коз он отборных привел с нетелившейся, жирной коровой.
 В город же их привезли на судах перевозчики, всех там,
 Кто нанимал их, возившие морем рабочие люди.
 Коз и корову Филойтий оставил в сенях многозвучных;
 190 Сам же, приблизясь к Евмею, спросил у него дружелюбно:
 «Кто чужеземец, тобою недавно, Евмей, приведенный
 В город? К какому себя причисляет он племени? Где он
 Дом свой отцовский имеет? В какой стороне он родился?
 195 С виду он бедный скиталец, но царственный образ имеет.
 Боги бездомно-бродящих людей унижают жестоко;
 Но и могучим царям испытанья они посылают».
 Тут к Одиссею, приветствие правою сделав рукою,
 Ласково он обратился и бросил крылатое слово:
 «Радуйся, добрый отец чужеземец; теперь нищетою
 200 Ты удручен — но пошлют, наконец, и тебе избылье
 Боги. О Зевс! Ты безжалостней всех, на Олимпе живущих!
 Нет состраданья в тебе к человекам; ты сам, наш создатель,
 Нас предаешь беспощадно беде и грызущему горю.
 Потом прошибло меня и в глазах потемнело, когда я
 205 Вспомнил, взглянув на тебя, о царе Одиссее: как ты, он,
 Может быть, бродит в таких же лохмотьях, такой же бездомный.

Где он, несчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
 Или его уж не стало и в область Анда сошел он?
 О благодушный, великий мой царь! Над стадами коров ты
 210 Здесь в стороне Кефалленской меня молодого поставил;
 Много теперь расплодилось их; нет никого здесь другого,
 Кто бы имел столь великое стадо коров крепколобых.
 Горе! Я сам приневолен сюда их водить на пожранье
 Этим грабителям. Сына они притесняют в отцовом
 215 Доме; богов наказание не страшно им; между собою
 Все разделить уж богатство царя отдаленного мыслят.
 Часто мне замысел в милое сердце приходит (хотя он,
 Правду сказать, и не вовсе похвален: есть в доме наследник),
 Замысел в землю чужую со стадом моим, к иноземным
 220 Людям уйти. Несказанное горе мне, здесь оставаясь,
 Царских прекрасных коров на убой отдавать им; давно бы
 Эту покинул я землю, где столько неправды творится,
 Стадо уведши с собою, к иному царю перешел бы
 В службу — но верится все мне еще, что воротится в дом свой
 225 Он, наш желанный, и всех их, грабителей, разом погубит».
 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Видно, порода твоя не простая, мой честный коровник;
 Сердцем, я вижу, ты верен и здравый имеешь рассудок;
 Радость за то объявляю тебе и клянуся великой
 230 Клятвой, Зевесом отцом, гостеприимною вашей трапезой,
 Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
 Здесь, что еще ты отсюда уйти не успеешь, как сам он
 Явится; можешь тогда ты своими глазами увидеть,
 Если захочешь, какой с женихами расчет поведет он».
 235 Кончил. Ему отвечал пастухов повелитель Филойтий:
 «Если ты правду сказал, иноземец (и Дий да исполнит
 Слово твое), то и я, ты увидишь, не празден останусь».
 Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
 Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
 240 Так говорили о многом они, от других в отдаленье.
 Тою порой женихи, согласившись предать Телемака
 Смерти, сходились; но в это мгновение слева поднялся
 Быстрый орел, и в когтях у него трепетала голубка.
 Знаменем в страх приведенный, сказал Амфином благородный:
 245 «Замысел наш умертвить Телемака, друзья, по желанию
 Нам не удастся исполнить. Подумаем лучше о пире».

Так он сказал; подтвердили его предложенье другие.
 Все они вместе пошли и, когда в Одиссеев вступили
 Дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
 250 Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
 Жирных свиней убивать; и корову зарезали также.
 Были изжарены прежде одни потроха, и в кратеры
 Влито с водою вино. Свинопас двоеручные кубки
 255 Подал, потом и в прекрасных корзинах коровник Филойтий
 Хлебы разнес; а Мелантий вином благовонным наполнил
 Кубки. И подняли руки они к приготовленной пище.
 Но Одиссею, с намереньем хитрым в уме, на пороге
 Двери широкой велел Телемак поместиться; подвинув
 260 К ней небольшую, простую скамейку и низенький столик,
 Часть потрохов он принес, золотой благовонным наполнил
 Кубок вином и, его подавая, сказал Одиссею:
 «Здесь ты сиди и вином утешайся с моими гостями,
 Новых обид не страшась; рукам женихов я не дам уж
 Воли; мой дом не гостиница, где произвольно пирует
 265 Всякая сволочь, а дом Одиссеев, царев жилище.
 Вы ж, женихи, воздержите язык свой от слов непристойных,
 Также и воли рукам не давайте; пль будет здесь ссора».
 Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
 Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
 270 Но, обратясь к женихам, Антиной, сын Эвпейтов, воскликнул:
 «Как ни досадно, друзья, Телемаково слово, не должно
 К сердцу его принимать нам; пускай он грозится! Давно бы,
 Если б тому не препятствовал вечный Кроний, его мы
 275 Здесь упокоили — стал он теперь говорун нестершимый».
 Кончил; но слово его Телемак без вниманья оставил.
 В это время народ через город с глашатаем жертву
 Шел совершать: в многотенную рощу метателя верных
 Стрел Аполлона был ход густовласых ахеян направлен.
 280 Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
 Роздали части и начали пир многославный. Особо
 Тут принесли Одиссею проворные слуги такую ж
 Мяса подачу, какую имели и сами; то было
 Так им приказано сыном его, Телемаком разумным.
 Тою порою Афина сама женихов возбуждала
 285 К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
 Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.

Там находился один, от других беззаконной отличной
 Дерзостью, родом из Зама; его называли Ктезиппом.
 Был он несметно богат и, гордяся богатством, замыслил
 290 Спорить с другими о браке с женою Лаэртова сына.
 Так, к женихам обратясь, сказал им Ктезипп многобуйный:
 «Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю:
 Мяса, как следует, добрую часть со стола получил уж
 Этот старик, — и весьма б непохвально, несправедно было,
 295 Если б гостей Телемаковых кто их участка лишал здесь.
 Я ж и свою для него приготовил подачу, чтоб мог он
 Что-нибудь дать за купанье рабыне, иль должный подарок
 Сделать кому из рабов, в Одиссеевом доме живущих».
 Тут он, схвативши коровью, в корзине лежавшую ногу,
 300 Сильно ее в Одиссея швырнул; Одиссей, отклонивши
 Голову вбок, избежал от удара; и страшной улыбкой
 Стиснул он губы; нога ж, пролетевши, ударила в стену.
 Грозно взглянув на Ктезиппа, сказал Телемак раздраженный:
 «Будь благодарен Зевесу, Ктезипп, что удар не коснулся
 305 Твоей головы чужеземца: он сам от него отклонился;
 Иначе острым копьем повернее в тебя бы попал я;
 Стал бы не брак для тебя — погребенье отец твой готовить.
 Всем говорю вам: отныне себе непристойных поступков
 В доме моем позволять вы не смейте; уж я не ребенок,
 310 Все уж теперь понимаю; все знаю, что надобно делать.
 Правда, еще принужден я свидетелем быть терпеливым
 Здесь истребленья баранов, и коз, и вина, и богатых
 Наших запасов, — я с целой толпою один не управлюсь;
 Новых обид мне, однако, я вам не советую делать;
 315 Если ж намеренье ваше меня умертвить, то, конечно,
 Будет пристойней, чтоб, в доме моем пораженный, я встретил
 Смерть там, чем зрителем был беззаконных поступков и видел,
 Как обижают моих в нем гостей, как рабынь принуждают
 Злым угождать вожделям в священных обителях царских».
 320 Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
 Но Агелай, сын Дамасторов, так отвечал напоследок:
 «Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
 Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
 Старого странника; также оставьте в покое и прочих
 325 Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.

Я ж Телемаку и матери светлой его дружелюбно
 Добрый и, верно, самим им угодный совет предложу здесь:
 В сердце своем вы доньше питали надежду, что боги,
 Вашим молитвам внимая, домой возвратят Одиссея;
 330 Было доньше и нам невозможно на медленность вашу
 Сетовать, так поступать вам советовал здравый рассудок
 (Мог после брака внезапно в свой дом Одиссеей возвратиться);
 Ныне ж сомнения нет нам: мы знаем, что он невозвратен.
 Матери умной своей ты теперь, Телемак благородный,
 335 Должен сказать, чтоб меж нами того, кто щедрей на подарки,
 Выбрала. Будешь тогда ты свободно в отеческом доме
 Жить; а она о другом уж хозяйстве заботиться станет».

Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
 «Нет, Агелай, я Зевесом отцом и судьбой Одиссея
 340 (Что бы с ним ни было: жив ли, погиб ли) клянусь перед всеми
 Вами, что матери в брак не мешаю вступить, что, напротив,
 Сам убеждаю ее по желанию выбрать, и много
 Дам ей подарков; но из дома выслать ее поневоле
 Я и помыслить не смею — то Зевсу не будет угодно».

Так говорил Телемак. В женихах несказанный Афина
 345 Смех пробудила, их сердце смутив и рассудок расстроив.
 Дико они хохотали; и, лицами вдруг изменившись,
 Ели сырое, кровавое мясо; глаза их слезами
 Все затуманились; сердце их тяжелой заняло тоскою.

350 Феоклимен богоравный тогда поднялся и сказал им:
 «Вы, злополучные, горе вам! Горе! Невидимы стали
 Головы ваши во мгле и невидимы ваши колена;
 Слышен мне стон ваш, слезами обрызганы ваши ланиты.
 Стены, я вижу, в крови; с потолочных бежит перекладин
 355 Кровь; привиденьями, в бездну Эреба бегущими, полны
 Сени и двор, и на солнце небесное, вижу я, всходит
 Страшная тень, и под ней вся земля покрывается мраком».

Так он сказал им. Безумно они хохотать продолжали.
 Тут говорить женихам Эвримах, сын Полибиев, начал:
 360 «Видно, что этот, друзья, чужеземец в уме помешался;
 На площадь должно его проводить нам, пусть выйдет на свежий
 Воздух, когда уж ему так ужасно темно здесь в палате».

Феоклимен богоравный сказал, обратясь к Эвримаху:
 «Нет, Эвримах, в провожатых твоих не имею я нужды;

365 Две есть ноги у меня, и глаза есть и уши; рассудок
 Мой не расстроен, и память свою я еще не утратил.
 Сам убегу я отсюда; я к вам подходящую быстро
 Слышу беду; ни один от нее не уйдет; не избегнет
 370 Силы ее никоторый из вас, святотатцев, губящих
 Дом Одиссеев и в нем беззаконного много творящих».

Так он сказал, и, поспешно палату покинув, к Пирею
 Прямо пошел, и Пиреем был с прежнею ласкою принят.
 Тою порой, поглядевши с насмешкой один на другого,
 Начали все Телемака дразнить женихи, над гостями

375 Дома его издеваясь, и так говорили иные:
 «Друг Телемак, на отбор негодян тебя посещают;
 Прежде вот этот нечистый пожаловал в дом твой бродяга,
 Хищник обеденных крох, ни в какую работу не годный,
 380 Слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное бремя;
 Гость же другой помешался и начал беспутно пророчить.
 Выслушай лучше наш добрый совет, Телемак многомудрый:
 Дай нам твоих благородных гостей на корабль крутобокий
 Бросить, к сикелам отвезть и продать за хорошие деньги».

Так говорили они; Телемак, их словам не внимавший,
 385 Молча смотрел на отца, дожидаясь спокойно, чтоб подал
 Знак он, когда начинать с беззаконною шайкой расправу.
 В горнице ближней на креслах богатых в то время сидела
 Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа;
 Было ей слышно все то, что в собранье гостей говорилось.

390 Весел беспечно, и жив разговором, и хохотом шумен
 Был их обед, для которого столько настряпали сами;
 Но никогда, и нигде, и никто не готовил такого
 Ужина людям, какой приготовил с Палладою грозный
 Муж для незваных гостей, беззаконных ругателей правды.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ПЕСНИ

Тридцать девятый день

Пенелопа приносит лук и стрелы Одиссеевы; при виде их Евмей и Филоитий проливают слезы; Антиной насмехается над ними. Телемак

устанавливает жерди для стрельбы и пытается натянуть лук; Одиссей подает ему знак, чтобы он его оставил. Женихи напрасно стараются натянуть его. Одиссей открывает себя Евмею и Филойтию; они готовятся к умерщвлению женихов. После неудачного Эвримахова опыта натянуть лук Антиной предлагает отложить стрельбу до другого дня. Одиссей просит, чтоб ему позволили сделать опыт; женихи тому противятся; но, по приказанию Телемака, лук подан Одиссею; он его натягивает, стреляет и попадает в цель.

Дочь светлоокая Зевса Афина вселила желанье
 В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртина сына,
 Лук женихам Одиссеев и грозные стрелы принесши,
 Вызвать к стрельбам в цель их и тем приготовить им гибель.
 5 Вверх по ступеням высоким поспешно взойшла Пенелопа;
 Мягкоодутой рукою искусственно выгнутый медный
 Ключ с рукоятью из кости слоновой доставши, царица
 В дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
 Где Одиссеевы все драгоценности были хранимы:
 10 Золото, медь и железная утварь чудесной работы.
 Там находился и тугосгибаемый лук, и набитый
 Множеством стрел бедоносных колчан. Подарен Одиссею
 Этот был лук со стрелами давно в Лакедемонии гостем
 Ифитом, богоподобного Еврита сыном. Они же
 15 Встретились прежде друг с другом в Мессене, где нужно обоим
 Дом посетить Орхилока разумного было. В Мессене
 Тяжбу с гражданами вел Одиссей. Из Итаки мессенцы
 Мелкого много скота увели; с пастухами оттуда
 Триста быков круторогих разбойничье судно украло.
 20 Их Одиссей там отыскивал; юноша, свежести полный,
 Был он в то время; его же послали отец и геронты.
 Ифит отыскивал также пропажу: коней и двенадцать
 Добрых жеребых кобыл и могучих работников мулов.
 Ифиту иск удался; но погибелью стала удача:
 25 К сыну Зевесову, славному крепостью силы великой
 Мужу, Ираклу, свершителю подвигов чудных, пришел он —
 В доме своем умертвил им самим приглашенного гостя
 Зверский Иракл, посрамивши Зевесов закон и накрытый
 Им гостелюбно для странника стол, за которым убийство
 30 Он совершил, чтоб коней громозвучнокопытных присвоить.

Ифит, в Мессену за ними пришед, Одиссея там встретил.
 Эвритов лук он ему подарил; умирая, великий
 Эврит тот лук злополучному сыну в наследство оставил.
 Ифита острым мечом и копьем одарив длиннотенным,
 35 Гостем остался ему Одиссей; но за стол пригласить свой
 Друга не мог: прекратил сын Зевесов, Иракл беспощадный,
 Жизнь благородному Ифиту, Еврита славного сыну,
 Давшему лук Одиссею и стрелы. И не брал с собою
 Их никогда Одиссей на войну в корабле чернобоком:
 40 Память о госте возлюбленном верно храня, их берег он
 В доме своем; но в отечестве всюду имел при себе их.
 Близко к дверям запертым кладовой подошел, Пенелопа
 Стала на гладкий дубовый порог (по шнуру обтесавши
 Брус, тот порог там искусно уладил строитель, дверные
 45 Притолки в нем утвердил, и на притолки створы навесил);
 С скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
 Ключ свой вложила царица в замок; отодвинув задвижку,
 Дверь отперла; завизжали на петлях заржавевших створы
 Двери блестящей; как дико мычит выгоняемый на лук
 50 Бык круторогий — так дико тяжелые створы визжали.
 Взлезши на гладкую полку (на ней же ларцы с благовонной
 Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку
 Снять Одиссеев с гвоздя ненатянутый лук протянула;
 Бережно был он обернут блестящим чехлом; и, доставши
 55 Лук, на колена свои положила его Пенелопа;
 Сев с ним и вынув его из чехла, зарыдала и долго,
 Долго рыдала она; напоследок, насытившись плачем,
 Медленным шагом пошла к женихам многобуйным в собрание,
 Лук Одиссеев, сгибаемый туго, неся и великий
 60 Тул, медноострыми быстросмертельными полный стрелами.
 Следом за ней принесен был рабынями ящик с запасом
 Меди, железа и с разною утварью бранной. Царица,
 В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
 Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
 65 Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
 Справа и слева почтительно стали служанки. И, слово
 К буйным своим женихам обратив, Пенелопа сказала:
 «Слушайте все вы, мои женихи благородные: дом наш
 Вы разоряете, в нем на пиры истребляя богатство

70 Мужа, давно разлученного с милой отчиною; права
 Нет вам на то никакого; меня лишь хотите принудить
 Выбрать меж вами, на брак согласясь ненавистный, супруга.
 Можете сами теперь разрешить вы мой выбор. Готова
 Быть я ценою победы. Смотрите, вот лук Одиссеев;
 75 Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
 Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
 Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
 Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
 Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться».

80 С сими словами велела она свинопасу Евмею
 Лук Одиссеев и стрелы подать женихам благородным.
 Взрыд он заплакал, принявши его; к женихам он пошел с ним;
 Лук Одиссеев узнав, зарыдал и коровник Филойтий.
 К ним обратясь обоим, сказал Антиной, негодуя:

85 «Вы, деревенщина! грубая, только одним ежедневным
 Занят ваш ум! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
 В сердце хотите своей госпожи? И без вас уж довольно
 Скорбью томится она бесполезною в долгой разлуке
 С мужем; сидите же тихо и ешьте; а если хотите

90 Плакать, уйдите отсюда, оставя и лук ваш и стрелы
 Нам, женихам, на решительный бой. Сомневаюсь, однако,
 Я, чтоб легко натянул кто такой несказанно упорный
 Лук. Много сильного мужа такого, каков Одиссей был,
 Нет между нами. Его я в то время видал — и поныне

95 Помню о нем, хоть тогда и ребенком еще был неумным».

Так говоря про других, про себя уповал он, что сладит
 С луком, натянет легко тетиву и все кольца прострелит.
 Бедный слепец, он не думал, что первую жертвою будет
 Стрел Одиссея, который им в собственном доме так дерзко

100 Был оскорблен, на которого там и других возбуждал он.
 Тут к женихам обратись, им сказал Телемак богоравный:
 «Горе! Конечно, мой разум привел в беспорядок Кроннион!
 Милая мать, столь великим умом одаренная, слышу,
 Здесь говорит, что с супругом другим соглашается светлый

105 Дом мой покинуть; и я, тем довольный, смеюсь, как безумец.
 Час наступил; женихи, приготовьтесь к последнему делу.
 В целой ахейской земле вы такой не найдете невесты —
 Где б ни искали, в священном ли Пилосе, или в Аргосе,

Или в Микенах, иль в нашей Итаке, иль там, на пространстве
 110 Черной земли матерой, — но хвала не нужна; вы довольно
 Знаете сами; пора начинать нам свой опыт; берите
 Лук Одиссеев и силу свою окажите на деле.
 Я ж и себя самого испытанью хочу здесь подвергнуть.
 Если удастся мне лук натянуть и стрелою все кольца
 115 Метко пробить, удаление матери милой из дома
 С мужем другим и мое одиночество будет сноснее
 Мне, уж владеть небессильному луком отца Одиссея».

Кончив, он с плеч молодых пурпуровую мантию сбросил;
 Встал и, с мечом медноострым блестящую перевязь снявши,
 120 Жерди в глубоких для каждой особенно вырытых ямках,
 Их по шнуру уравнив, утвердил; основанья ж, чтоб прямо
 Все, не шатаясь, стояли, землей отоптал. Все дивились,
 Как он искусно порядок, ему незнакомый, устроил.
 Стал Телемак у порога дверей и, схватив Одиссеев
 125 Лук, попытался на нем натянуть тетиву; и погнул он
 Трижды его, но, упорствуя, трижды он вновь разогнулся.
 Им овладеть, наценив тетиву, уповая, в четвертый
 Раз он готов был с удвоенной силой приняться за дело;
 Но Одиссеей по условию кивнул головой; отложивши
 130 Труд, обратился к отцу и сказал Телемак богоравный:
 «Горе мне! Видно, я слабым рожден и останусь бессильным
 Вечно; я молод еще и своею рукой не пытался
 Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду.
 Ваша теперь черед, женихи, вы сильнее; пусть каждый
 135 Лук Одиссеев возьмет и свершить попытается подвиг».

Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
 К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
 С ним и стрелу перьяную он к ручке замочной приставил.
 Сел он на стул свой потом, к женихам возвратясь беспечно.
 140 Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Эвпейтов, сказал им:
 «С правой руки подходите один за другим вы, начавши
 С места, откуда вино подносить на пиру начинают».

Так Антиной предложил, и одобрили все предложение.
 Первый, поднявшийся с места, пошел Леодей, сын Эйнопов.
 145 Жертвогадатель их был он и подле кратеры на самом
 Крае стола за обедом садился. Их буйство противно
 Было ему; и нередко он их порицал, негодуя.

Первый он должен был взяться за лук роковой, наблюдая
 Очередь. Став у порога дверей, он схватил Одиссеев
 150 Лук; но его и погнуть он не мог; от напрасных усилий
 Слабые руки его онемели. Он с горем воскликнул:
 «Нет! Не по силам мне лук Одиссеев; другой попытайся
 Крепость его одолеть; но у многих мужей знаменитых
 Душу и жизнь он возьмет. И, конечно, желаннее встретить
 155 Смерть, чем живому скорбеть о утрате того, что так сильно
 Нас привлекало вседневно сюда чародейством надежды.
 Все мы теперь уповаем, во всех нас пылает желанье
 Брак заключить с Пенелопой, женой Одиссея; но каждый,
 Лук испытал Одиссеев и силу над ним утомивши,
 160 С горем в душе принужден за другую ахейскую деву
 Свататься будет, подарки свои расточая; она же
 Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней».

Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
 К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
 165 С ним и стрелу перьяную он к ручке замочной приставил.
 Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
 Гневно к нему обратившись, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
 «Странное слово из уст у тебя, Леодей, излетело,
 Слово печальное, страшное; слышать его мне противно.
 170 Душу и жизнь, говоришь ты, у многих людей знаменитых
 Лук Одиссеев возьмет, потому, что его не способен
 Ты натянуть. Но бессильным от матери был благородной
 Ты, без сомненья, рожден, не могучим властителем лука;
 Многие будут в числе женихов благородных способней
 175 Сладить с ним». Кончил. Потом, козоведа Мелантия кликнув,
 «Слушай, Мелантий, — сказал, — здесь огонь ты разложишь; к огню же
 Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
 Жирного сала потом принесешь нам укруг, чтоб могли мы
 Им, на огне здесь его разогревши, помазывать крепкий
 180 Лук Одиссеев: тогда он удобней натянут быть может».

Так он сказал. И Мелантий, огонь разложив превеликий,
 Близко поставил скамейку, покрытую мягкой овчиной;
 Сала принес напоследок укруг; и, растаявши сало,
 Начали мазать им лук женихи; но из них некоторый
 185 Лука не мог и немного погнуть — несказанно был тут он;
 Взяться за опыт тогда в свой черед Антиной с Эвримахом

Были должны, меж другими отличные мужеской силой.
 В это мгновение, разом поднявшись, из дома вместе
 Вышли Евмей свинопас и коровник Филойттий; за ними
 190 Следуя, залу покинул и царь Одиссей; он, широкий
 Двор перейдя, за ворота двустворные вышел. Позвавши
 Там их обоих, он ласково-сладкую речь обратил к ним:
 «Верные слуги, Евмей и Филойттий, могу ль вам открыться?
 Или мне лучше смолчать? Но меня говорить побуждает
 195 Сердце. Ответствуйте: что бы вы сделали, если б внезапно,
 Демоном вдруг приведенный каким, Одиссей, господин ваш,
 Здесь вам явился? К нему ль, к женихам ли тогда б вы пристали?
 Прямо скажите мне все, что велит вам рассудок и сердце».
 Кончил. Ему отвечал простодушный коровник Филойттий:
 200 «Царь наш Зевес, о, когда бы на наши молитвы ты отдал
 Нам Одиссея! Да благостный демон его к нам проводит!
 Сам ты увидишь тогда, что и я не остануся празден».
 Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
 Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
 205 В верности сердца и в доброй их воле вполне убедясь,
 Так им обоим сказал, наконец, Одиссей богоравный:
 «Знайте же, я Одиссей, претерпевший столь много напастей,
 В землю отцов приведенный по воле богов через двадцать
 210 Лет. Но я вижу, что здесь из рабов моего возвращения
 Только вы двое желаете; я не слышал, чтоб другой кто
 Здесь помолился богам о свидании скором со мною.
 Слушайте ж, вам расскажу обо всем, что случиться должно здесь:
 Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
 215 Вам я обоим найду по невесте, приданое каждой
 Дам и построю вам дома вблизи моего, и, как братья,
 Будете жить вы со мною и с сыном моим Телемаком.
 Вам же и признак могу показать, по которому ясно
 Вы убедитесь, что я Одиссей: вот рубец, вам знакомый;
 Вепрем, вы помните, был я поранен, когда с сыновьями
 220 Автоликона охотой себя забавлял на Парнасе».
 Так говоря, он колено открыл, распахнувши тряпицы
 Рубища. Те ж, рассмотревши прилежно рубец, им знакомый,
 Начали плакать; и, крепко обняв своего господина,
 Голову, плечи, и руки, и ноги его целовали.
 225 Головы их со слезами и он целовал, и за плачем

Их бы могло там застать захождение солнца, когда бы
 Им не сказал Одиссей, успокоившись первый: «Отрите
 Слезы, чтоб, из дому вышедши, кто не застал вас, так горько
 Плачущих: тем преждевременно тайна откроется наша.
 230 Должно, чтоб снова — один за другим, а не вместе — вошли мы
 В залу, я первый, вы после. И ждите, чтоб мной был вам подан
 Знак. Женихи многобуйные, думаю я, не позволят
 В руки мне взять там мой лук и колчан мой, набитый стрелами;
 Ты же, Евмей, не дождавшись приказа, и лук и колчан мне
 235 Сам принеси. И потом ты велишь, чтоб рабыни немедля
 Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
 Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
 Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
 Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь.
 240 Ты же, Филойтий, возьми ворота на свое попечение.
 Крепко запри их на ключ и ремнем затяни их задвижку».

Так говорил Одиссей им. Он, в двери столовой вступивши,
 Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке.
 После явились один за другим свинопас и Филойтий.
 245 Лук Одиссеев держал Эвримах и его над пылавшим
 Жарко огнем поворачивал, грея. Не мог он, однако,
 Крепость его победить. Застонало могучее сердце;
 Голос возвысив, кипящий досадой, он громко воскликнул:
 250 «Горе мне! Я за себя и за вас, сокрушенный, стыжуся:
 Нет мне печали о том, что от брака я должен отречься, —
 Много найдется прекрасных ахейских невест и в Итаке,
 Морем объятой, и в разных других областях кефаленских.
 Но столь ничтожными крепостью быть с Одиссеем в сравненье —
 Так, что из нас ни один и немного погнуть был не в силах
 255 Лука его, — то стыдом нас покроет и в позднем потомстве».

Но Антиной, сын Эвпейтов, воскликнул, ему возражая:
 «Нет, Эвримах благородный, того не случится, и в этом
 Сам ты уверен. Народ Аполлонов великий сего дня
 Празднует праздник: в такой день натягивать лук неприлично;
 260 Спрячем же лук; а жердей выносить нам не нужно отсюда.
 Пусть остаются; украсть их, конечно, никто из живущих
 В доме царя Одиссея рабов и рабынь не помыслит.
 Нам же опять благовонным вином пусть наполнит глашатай
 Кубки, а лук Одиссеев запрем, совершив возлиянье.

²⁶⁵ Завтра поутру пускай козовод, наш разумный Мелантій,
 Коз приведет нам отборных, чтоб здесь принести Аполлону,
 Лука сгибателю, бедра их в жертву. Согнуть он поможет
 Лук Одиссеев; и силы над ним не истратим напрасно».

²⁷⁰ Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
 Тут для умывтия рук им глшатаи подали воду;
 Отроки, светлым кратеры до края наполнив напитоком,
 В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
 Вкусным питьем насладились они, сотворив возлиянье.

²⁷⁵ Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
 «Слух ваш ко мне, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
 Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
 Вот вам — тебе, Эвримах, и тебе, Антиной богоравный,
 Столь рассудительно дело решившие, — добрый совет мой:
 Лук отложите, на волю бессмертных предав остальное;

²⁸⁰ Завтра решит Аполлон, кто из вас победителем будет;
 Мне же отведать позвольте чудесного лука; узнать мне
 Дайте, осталось ли в мышцах моих изнуренных хоть мало
 Силы, меня оживлявшей в давнишнее младости время,
 Или я вовсе нуждой и бродячим житьем уничтожен».

²⁸⁵ Кончил. Но просьбы его не одобрил никто. Испугался
 Каждый при мысли, что с гладкоблистающим луком он сладит.
 Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
 «Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль рассудка лишился?
 Мало тебе, что спокойно, допущенный в общество наше,

²⁹⁰ Здесь ты пируешь, обедая с нами, и все разговоры
 Слушаешь наши, чего никогда здесь еще никакому
 Нищему не было нами позволено? Все недоволен!
 Видно, твой ум отуманен медвяным вином; от вина же
 Всякой, его неумеренно пьющий, безумеет. Был им

²⁹⁵ Некогда Эвритион, многославный кентавр, обезумлен.
 В дом Пиритоя, великою славного силой, вступивши,
 Праздновал там он с лапифами; разума пьянством лишенный,
 Буйствовать зверски он вдруг принялся в Пиритоевом доме.
 Все раздражились лапифы; покинув трапезу, из залы

³⁰⁰ Силой его утащили на двор и нещадною медью
 Уши и нос обрубилы они у него; и рассудка
 Вовсе лишенный, кентавр убежал, поношеньем покрытый.
 Злая зажглась от того у кентавров с лапифами распря;

Он же от пьянства там первый плачевную встретил погибель.
 305 Так и с тобою случится, бродяга бессмысленный, если
 Этот осмелишься лук натянуть; не молвою прославлен
 Будешь ты в области нашей; на твердую землю ты будешь
 К злему Эхету царю, всех людей истребителю, сослан;
 Там уж ничем не спасешься от гибели жалкой. Сиди же
 310 Смирно и пей; и на старости силой не спорь с молодыми.
 Он замолчал. Возражая, сказала ему Пенелопа:
 «Нет, Антиной, непохвально б весьма и несправедно было,
 Если б гостей Телемаковых кто здесь лишил их участка.
 Или ты мыслишь, что этот старик, натянувши великий
 315 Лук Одиссеев, на силу свою полагаясь, помыслит
 Мной завладеть и свою безрассудно мне руку предложит.
 Это, конечно, ему не входило и сонному в мысли;
 Будьте ж спокойны и доле таким опасеньем не мучьте
 Сердца — ни вздумать того, ни на деле исполнить невозможно».
 320 Тут Эвримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
 «О многоумная старца Икарня дочь, Пенелопа,
 Мы не боимся, чтоб дерзость такую замыслил он, — это
 Совсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
 Толков, чтоб кто не сказал меж ахейцами, низкий породой:
 325 «Жалкие люди они! За жену беспорочного мужа
 Вздумали свататься; лука ж его натянуть не умеют.
 Вот посетил их наш брат побродяга, покрытый отреньем;
 Легкой рукой тетиву натянул и все кольца стрелюю
 Метко пробил он». Так скажут. И будет нам стыд нестерпимый».
 330 Кончил. Разумная старца Икарня дочь возразила:
 «Нет, Эвримах, на себя порицанье и стыд навлекают
 Люди, которые дом и богатства отсутственных грабят,
 Правду забывши; а тут вам стыда никакого не будет;
 Этот же странник, и ростом высокий и мышцами сильный,
 335 Родом не низок: рожден, говорит он, отцом знаменитым.
 Дайте же страннику лук Одиссеев — увидим, что будет.
 Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится верно),
 Если натянет он лук и его Аполлон тем прославит,
 Мантию дам я ему, и красивый хитон, и подошвы
 340 Ноги обути; дам копы на собак и на встречу с бродягой;
 Также и меч он получит, с обеих сторон заощренный,
 После и в сердце желанную землю его я отправлю».

Ей возражая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
 «Милая мать, Одиссеевым луком не может никто здесь
 345 Властвовать: дать ли, не дать ли его, я один лишь на это
 Право имею — никто из живущих в гористой Итаке
 Иль на каком острове, с многоконной Элидою смежном.
 Если придет мне на ум, здесь никто запретить мне не может
 Страннику стрелы и лук подарить и унести их позволить.
 350 Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
 Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
 Были; судить же о луке не женское дело, а дело
 Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».

Так он сказал; изумясь, обратно пошла Пенелопа;
 355 К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
 Верхнем своем затворясь, в кругу приближенных служанок
 Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
 Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
 Тою порою, взяв стрелы и лук, свинопас к Одиссею
 360 С ними пошел. На него всей толпой женихи закричали.
 Так говорили одни из ругателей дерзконадменных:
 «Стой, свинопас бестолковый! Куда ты бредешь, как безумный,
 С луком? Ты будешь своим же собакам, которых вскормил здесь
 Сам, чтоб свиной сторожить, на съедение выброшен, если
 365 Нам Аполлон и блаженные боги даруют победу».

Так говорили они. Свинопас, оглушенный их криком,
 Лук, оробев, уж готов был поставить на прежнее место;
 Но Телемак, на него погрозяся, разгневанный, крикнул:
 «С луком сюда! Ты, Эвмей, ошалел; уж не хочешь ли воле
 370 Всех угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и стар ты, я в поле
 Камнями сам провожу: молодой старика одолеет.
 Если бы силой такой я одарен был, какую
 Все совокупно имеют они, женихи Пенелопы,
 В страхе тогда по своим бы домам разбежались разом
 375 Все они, в доме моем беззаконий творящие много».

Так он сказал им. Они неописанный подняли хохот.
 В сердце, однако, у них на него присмирела досада.
 Волю его исполняя, Эвмей, через залу прошедши,
 Лук и колчан со стрелами вручил Одиссею; потом он,
 380 Кликнув усердную няню его Эвриклею, сказал ей:
 «Слушай, тебе повелел Телемак, чтоб рабыни немедля

Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
 Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
 Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
 375 Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь».

Кончил. Не мимо ушей Эвриклея его пролетело
 Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
 Тотчас она; а Филойтей, покинув украдкою залу,
 Вышел на двор, обнесенный оградой, и запер ворота;
 390 Был там в сенях корабельный пеньковый канат; им связал он

Крепко затвор у ворот и, в столовую снова вступивши,
 Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке,
 Очи вперив в Одиссея, который, в руках обращая
 395 Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал, целы ль

Роги и не было ль что без него в них попорчено червем.
 Глядя друг на друга, так женихи меж собой рассуждали:
 «Видно, знаток он и с луком привык обходиться; быть может,
 Луки работает сам и, имея уж лук, начатой им
 Дома, намерен его по образчику этого сладить;
 400 Видите ль, как он, бродяга негодный, его разбирает?» —

«Но, — отвечали другие насмешливо первым, — удастся
 Опыт уж верно ему! И всегда пусть такую ж удачу
 Встретит во всем он, как здесь, с Одиссеевым сладивши луком».

Так женихи говорили, а он, преисполненный страшных
 405 Мыслей, великий осматривал лук. Как певец, приобывший

Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь,
 Строит ее и упругие струны на ней, из овечьих
 Свитые тонкотягучих кишок, без труда напрягает —
 Так без труда во мгновение лук непокорный напряг он.
 410 Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею

Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе.
 Дрогнуло сердце в груди женихов, и в лице изменились
 Все — тут ужасно Зевес загремел с вышины, подавая
 Знак; и живое веселие в грудь Одиссея проникло:
 415 В громе Зевесовом он предвещанье благое услышал.

Быструю взял он стрелу, на столе от него недалеко
 Вольно лежавшую; прочие ж заперты в тесном колчане
 Были — но скоро их шум женихам надлежало услышать.
 К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным,
 420 Сидя на месте своем, натянул и, прицеляясь, в кольца

Выстрелил, — быстро от первого все до последнего кольца,
Их не задев, пронизала стрела, заощренная медью.
Тут, обратясь к Телемаку, воскликнул стрелец богоравный:
«Видишь, что гость твой тебе, Телемак, не нанес посярмленья.
425 В цель я попал; да и лук натянуть Одиссеев не много
Было труда мне. Еще не совсем я, скитаясь, утратил
Силы, хотя женихи и ругаются мной беспощадно.
Должно, однако, покуда светло, угощение иное
Им приготовить; и пение с звонкою цитрой, душою
430 Пира, на новый, теперь им приличнейший лад перестроить».
Так он сказал и бровями повел. Телемак богоравный
Понял условленный знак; он немедля свой меч опоясал,
В руки схватил боевое копьё и за стулом отцовым
Стал, ко всему изготоясь, оружием медным блестящим.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ПЕСНИ

Тридцать девятый день

Одиссей убивает Антиноя, открывается женихам и отвергает мирное предложение Эвримаха. Телемак приносит сверху оружия; он забывает затворить дверь, и в нее входит Мелантий, который снабжает оружием женихов; но схвачен потом Евмеем и Филойтием; они запирают его, связанного, наверху. Явление Афины, сперва в виде Ментора, потом в виде ласточки; она приводит в расстройство чувства женихов. Все они, кроме глашатая Медона и певца Фемиа, умерщвлены. Одиссей повелевает вынести трупы из столовой. Казнь рабынь и Меланфия. Одиссей посылает Эвриклею позвать Пенелопу.

Рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный
Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
На пол у ног и потом, к женихам обратясь, воскликнул:
5 «Этот мне опыт, друзья женихи, удался окончить;
Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет».
Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиноя.

Взяв со стола золотую с двумя рукоятями чашу,
10 Пить из нее Антиной уж готов был вино; беззаботно
Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
Не было в нем. И никто из гостей многочисленного пира
Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
Дерзко ударить и разом предать их губительной Кере.
15 Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзил
Горло стрела; острее смертоносное вышло в затылок;
На бок упал Антиной; покатила по полу чаша,
Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он
20 Стол и его опрокинул: вся пища (горячее мясо,
Хлеб и другое), смешавшись, свалилась на пол. Ужасный
Подняли крик женихи, Антиноя узрев умерщвленным.
Всею толпою со стульев вскочили они и, глазами
Бегая вокруг по стенам обнаженным, искали оружием —
25 Не было там ни щита, ни коня, заостренного медью.
Гневными начали все упрекать Одиссея словами:
«Выстрел твой будет бедою тебе, чужеземец; последний
Сделал ты выстрел теперь; ты погиб неизбежно; убил ты
Мужа, из всех, обитающих в волнообъятый Итаке,
30 Самого знатного; будешь за то ястребами расклеван».
Мнили они, что случайно стрелой чужеземца товарищ
Их умерщвлен был. Безумцы! Они в слепоте не видали
Сети, которою близкая всех их опутала гибель.
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
35 «А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа
Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшась ни гнева
40 Их, ни от смертных людей за дела беззаконные мести!
В сеть неизбежной гибели все, наконец, вы попали».
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.
Тут Эвримах, сын Полибиев, бросил крылатое слово:
45 «Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоём и в твоих областях совершилось; но здесь он,

Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
 Мертвый лежит. Он один, зломысленный всегдашний зачинщик,
 50 Нас поджигал: не о браке одном он с твоей Пенелопой
 Думал; иное, чего не позволил Кронион, таилось
 В сердце его: похищение власти царя; Телемака,
 Власти державной наследника, смерти предать замыслил он.
 Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас,
 55 Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
 Сам, за вино, за еду и за все, что истрчено нами;
 То, что здесь стоят откормленных двадцать быков, даст охотно,
 Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
 Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы не ропщем».

60 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
 «Нет, Эвримах, — и хотя бы вы с вашим сполна все богатства
 Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много чужого, —
 Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда
 Кровию вашей обиды моей дочиста не омою.

65 Выбор теперь вам один: или со мной, защищаясь, бейтесь,
 Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти, —
 Знайте, однако, что Керы вас всех на пути переловят».

Так говорил он; у них задрожали колена и сердца.
 Тут Эвримах, обратясь к женихам уstraшенным, воскликнул:

70 «Этот свирепый безжалостных рук не уймет, завладевши
 Луком могучим и полным стрелами колчаном; до тех пор
 Будет с порога высокого стрелы пускать он, покуда
 Всех не положит нас мертвых. Друзья, не дадимся ж без боя
 В руки ему; обнажите мечи и столами закройте

75 Против налета убийственных стрел; всей толпою наперши,
 Можем мы, сбивши с порога его и из притолок двери
 Вытеснив, выбежать из дома, броситься в город и в помощь
 Скликать людей; расстреляет он скоро ужасные стрелы».

Так он сказав, из ножен, ободрившийся, выхватил меч свой,

80 Медный, с обеих сторон заостренный, и с криком ужасным
 Прянул вперед. Но навстречу ему Одиссей богоравный
 Выстрелил; грудь близ сосца проколола и, в печень вонзившись,
 Крепко засела в ней злая стрела. Из руки ослабевшей
 Выронил меч он, за стол уцепиться хотел и, споткнувшись,

85 Вместе упал со столом; вся еда со стола и двудонный
 Кубок свалились наземь; он об пол стучал головою,

Болью проникнутый; ноги от судорог бились; ударом
 Пяток он стул опрокинул; его, наконец, потемнели
 Очи. Тогда Амфином благородный, вскочив, устремился
 90 В бой; уповая, что против него Одиссей не замедлит
 Выйти, сошедши с порога, свой меч обнажил он; но сзади
 Бросил копьё Телемак, заостренное медью; вонзилось
 Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
 Треснулся об пол лицом Амфином. Телемак же проворно
 95 Прочь отскочил; он копьё не хотел из убитого вырвать,
 Сердцем тревожась, чтоб, в это мгновение, сбоку напавши,
 Кто из ахейн его, занятого копьё исторженьем,
 Острым мечом не пронзил неожиданно; свой совершивши
 Смертный удар, под защиту отца поспешил он укрыться.
 100 Близко к нему подбежавши, он бросил крылатое слово:
 «Щит, два копьё медноострых, родитель, и крепкий из твердой
 Меди, к твоей голове приспособленный, шлем принесу я;
 Сам же надену и латы; Евмею с Филойтнем верным
 Также надеть их велю; безопаснее в латах нам будет».
 105 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Дельно! Беги и, пока не истратил я стрел, возвратися;
 Иначе буду, оставшись один, оттеснен от защитных
 Притолок». Так он сказал; Телемак все исполнил поспешно:
 Бросаясь в ту верхнюю горницу, где находились доспехи,
 110 Взял Телемак там четыре щита, и четыре с хвостами
 Конскими шлема и восемь блестящей окованных медью
 Копий; и с ношей своей он к отцу возвратился немедля;
 Прежде, однако, надел на себя меднолитные латы;
 Медными латами также облекшись, Евмей и Филойтий
 115 Стали с боков Одиссея, глубокою полного думой.
 Он же, покуда еще оставались пернатые стрелы,
 Каждой стрелой в одного из врагов попадал, не давая
 Промаха; друг подле друга валяся, они издыхали.
 Но напоследок, когда истошились стрелы, великий
 120 Лук Одиссей опустил, не имея в нем более нужды,
 К притолке светлой его прислонил и стоять там оставил.
 Четверокожным щитом облачивши плеча, на могучей
 Он голове укрепил меднокованный шлем, осененный
 Конским хвостом, подымавшимся страшно на гребне, и в руку
 125 Взял два копьё боевых, заостренных смертельною медью.

Там недалеко от главных дверей находилась другая,
 Тайная дверь; от высокого зала пространной порога
 Тесный был этою дверью на улицу выход из дома;
 Доступ желая к нему заградить, Одиссей свинопасу
¹³⁰ Стать приказал перед дверью, чем всякий исход был отрезан.
 Тут Агелай, к женихам обратясь, им крылатое слово
 Бросил: «Друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
 Выбежать, крикнуть тревогу и нам поскорее на помощь
 Вызвать людей? Уж свои расстрелял он последние стрель».
¹³⁵ Кончил. Мелантий, на то возражая, сказал Агелая:
 «Нет, Агелай благородный, нельзя; потаенные двери
 Слишком у них на виду, да и выход так тесен, что целой
 Может толпе заградить там дорогу один небессильный.
 Но погодите, оружие вам я найти не замедлю;
¹⁴⁰ Горницу знаю, в которой доспехи, из этой палаты
 Взятые, кучею скрал Одиссей, помогаемый сыном».

Так Агелая сказав, злоковарный Мелантий обходом
 В горницу тайно прокрался, где складены были доспехи.
 Вынес оттуда двенадцать великих щитов он, двенадцать
¹⁴⁵ Копий и столько же медных, хвостами украшенных шлемов.
 С ними назад возвратясь, женихам их поспешно он роздал.
 В ужас пришел Одиссей, задрожали колена, когда он,
 Вдруг оглянувшись, увидел их в шлемах, с щитами, трясущих
 Длинными копьями; гибель ему неизбежной явилась.
¹⁵⁰ К сыну тогда обратившись, он бросил крылатое слово:
 «Верно, какая из наших рабынь, Телемак, изменивши
 Нам, помогает противникам нашим, иль хитрый Мелантий?»
 Робко на то отвечал рассудительный сын Одиссеев:
¹⁵⁵ «Горе! Мое небрежение причиной всему; я виновник
 Этой беды — заспешив, позабыл оружейной палаты
 Дверь запереть; и лазутчик, хитрее меня, побывал там.
 Слушай, мой честный Евмей, побегу ты туда и за дверью
 Стань там и жди; кто придет, ты увидишь: служанка ль какая,
 Или Мелантий? Я сам на него подозренье имею».
¹⁶⁰ Так говорили о многом они, беседуя тайно.
 Тою порой за оружием хитрый Мелантий собрался
 Снова прокрасться наверх. То приметив, Евмей богоравный
 На ухо так прошептал Одиссею, стоявшему близко:
 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,

165 Вот он, предатель; его угадал я; он крадется, видишь,
 Снова туда за оружием; что, государь, повелишь мне
 Сделать? Убить ли крамольника, если удастся с ним сладить?
 Или насильно сюда притащить, чтоб над ним наказание
 Сам совершил ты за наглое в доме твоём поведенье?»
 170 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «С сыном моим Телемаком я здесь женихов многобуйных
 Буду удерживать, сколь бы ни сильно их бешенство было;
 Ты ж и Филойтий предателю руки и ноги загни
 На спине; после, скрутив на спине их, его на веревке
 175 За руки вздерните вверх по столбу и вверху привяжите
 Крепким узлом к потолочине; двери ж, ушедши, замкните;
 В страшных мученьях пускай там висит ни живой он, ни мертвый».

То повеление царское было исполнено скоро:
 Вместе пошли свинопас и Филойтий; подкравшись, стали
 180 Справа и слева они у дверей дожидаться, чтоб вышел
 Он к ним из горницы, где женихам во второй раз доспехи
 Брал. И лишь только Мелантий ступил на порог (нес прекрасный
 Гривистый шлем он одною рукою, а в другой находился
 185 Старый, широкий, подернутый плесенью щит, в молодые
 Давние годы герою Лаэрту служивший, теперь же
 Брошенный, вовсе худой, без ремней, с перегнившими швами),
 Кинулись оба на вора они; в волоса уцепившись,
 На пол его повалили, кричащего громко, и крепко
 190 Руки и ноги ему, их с великою болью загнувши
 На спину, сзади скрутили плетеным ремнем, как велел им
 Сын Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный.
 Вздернувши после веревкою вверх по столбу, привязали
 К твердой его потолочине; там и остался висеть он.
 С злобной насмешкой ему тут сказал свинопас богоравный:
 195 «Будь здесь покуда заботливым сторожем, честный Мелантий;
 Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю.
 Верно, теперь не проспишь златотронной, в тумане рожденной
 Эос в ее восхождении с вод Океана и в пору
 Коз на обед женихам многославным отборных пригонишь».

200 Кончил. И, бросив его там, висящего в страшных мученьях,
 Оба с оружием, дверь за собой затворив, удалились.
 К месту они подошли, где стоял Одиссей хитроумный.
 Яростью все там кипели. В дверях на высоком пороге

Четверо грозно стояли; другие толпились в палате.
 205 К первым тогда подошла светлоокая дочь громовержца,
 Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина.
 Ей Одиссеей, ободрившийся, бросил крылатое слово:
 «Ментор, сюда! Помогите нам; бывалое дружество вспомни;
 Много добра от меня ты имел, мой возлюбленный сверстник».
 210 Так говорил он, а внутренне мыслил, что видит Афины.
 Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
 Первый сказал Агелай, сын Дамасторов: «Будь осторожен,
 Ментор, не слушай его убеждений, не думай в сраженье
 С нами вступать, подавая ему безрассудную помощь.
 215 С нами один он не сладит, свое мы возьмем; но, когда мы,
 Их пересилив обоих, отца уничтожим и сына,
 С ними тогда умертвим и тебя, ненавистного, если
 Вздумаешь здесь к ним пристать; головою заплатишь за дерзость,
 После ж, когда уничтожит вас медь беспощадная, всё мы,
 220 Что ни имеешь ты дома иль в поле, возьмем и, смешавши
 Вместе с добром Одиссеевым, между собою разделим;
 Выгоним из дому ваших детей; сыновьям, дочерям здесь
 Вашим не жить; и расстанутся ваши с Итакою жены».
 Кончил он. Дерзость его раздражила богиню Афины.
 225 Гневными стала она упрекать Одиссея словами:
 «Нет уж в тебе, Одиссеей, той отваги могучей, с которой
 Ты за Елену Аргивскую, дочь светлорукую Зевса,
 Девять с троянами лет так упорно сражался; в то время
 Много погибло врагов от тебя в истребительной битве;
 230 Хитрость твоя, наконец, и Приамов разрушила город.
 Что ж? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссеей, с женихами
 Так нерешительно, медленно к битве теперь приступаешь?
 Друг, ободришь; на меня погляди; ты увидишь, как смело
 Против врагов, на тебя нападающих здесь совокупно,
 235 Выступит Ментор Алкимид, тебе за добро благодарный».
 Кончив, она Одиссею не вдруг даровала победу:
 Бодрость царя и разумного сына его Телемака
 Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
 Вдруг превратилась, взвилась к потолку и на черной от дыма
 240 Там перекладине легкою, сизою ласточкой села.
 Тою порою Агелаем, Дамастора сыном отважным,
 Димоптолем, Эврином и Пизандр, сын Поликторов бодрый,

С Амфимедоном и умным Политосом яростно были
 В бой подстрекаемы (силой они отличались от прочих,
 245 Сколько еще их там было живых и спастись уповавших
 Боем; другие же, все умерщвленные, кучей лежали).
 Так, обратясь к остальным, Агелай благородный воскликнул:
 «Этот свирепый, я думаю, скоро от боя уймется;
 Ментор покинул его, бесполезно нахвастав; один он
 250 С ними теперь на высоком пороге стоит беззащитный.
 Разом всех копий своих медноострых, друзья, не бросайте;
 Бросьте сначала вы шесть; и великая будет нам слава,
 Если его поразим, ненавистного, с помощью Зевса;
 С прочими ж сладить нетрудно, лишь только б сломить Одиссея».
 255 Так он сказал, и, ему повинувся, пустили другие
 Разом шесть копий; но сделала тщетным удар их Афина:
 Вкось полетевши, глубоко вонзилося в притолку гладкой
 Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
 Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену; когда же
 260 Всех, женихами в них брошенных копий они избежали,
 Так, обратясь к своим, Одиссей хитроумный сказал им:
 «Очередь наша теперь; приступите, товарищи, к делу,
 Копья нацельте и бросьте в толпу женихов, уничтожить
 Нас замышляющих, прежде столь много обид нам нанесши».
 265 Так он сказал. И, прицелясь, они медноострые копья
 Кинули разом; и Димптолема сразил много сильный
 Сам Одиссей, Телемак — Эвриада, Филотий — Пизандра,
 Старый Евмей свинопас поразил Элатопа; и разом
 Все повалились они, с скрежетанием стиснувши зубы.
 270 Прочие, к дальней стене отбежавши толпой и поспешно
 Вырвав из трупов кровавых вонзенные в недра их копья,
 Снова их разом в противников, метко прицелясь, пустили;
 Снова Афина могучая сделала тщетным удар их.
 Вкось полетевши, глубоко вонзилося в притолку гладкой
 275 Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
 Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену. Однако
 Амфимедон Телемака поранил, в ручную попавши
 Кисть: пролетая, копье острием оцарапало кожу.
 Тронул плечо над щитом у Евмея Ктезипп длинноострой
 280 Медью; копье же, над ним прошумев, водрузилося в землю.
 Стоя с боков Одиссея, ужасною полного думой,

Снова они в женихов неизбежные бросили копья.
 Эвридаманта сразил Одиссей, городов сокрушитель;
 Амфимедон был пронзен Телемаком, Полиб — свинопасом;
 285 Метко нацелив копьем медноострым, Филотий Ктезиппу
 Грудь просадил; и, удачным ударом хвалясь, он воскликнул:
 «Сын Полифердов, лихой на обидные речи, теперь ты
 Дерзкий язык свой уймешь от ругательств нахальных; предайся
 В волю богов; им одним подобает и слава и сила.
 290 Я же тебя отдарил здесь за ногу коровью, которой
 Так благосклонно попотчевал ты Одиссея бродягу».
 Так говорил криворогих быков сторожитель Филотий.
 Тою порой умерщвлен был Дамасторов сын Одиссеем,
 Сын Леокритов, младой Эйвенор, был убит Телемаком:
 295 Острою медью в живот пораженный, лицом он, со всех ног
 Грянувшись, об пол ударился, жалобно охнул и умер.
 Тут с потолка наклонила над их головами Паллада
 Страшную людям эгиду: и ужас расстроил их чувства.
 Начали бегать они, ошавев, как коровы, когда их
 300 Вешней порою (в то время, как дни прибывать начинают)
 Густо осыплют на пажити слепни сердитые. Те ж их
 Били, как соколы кривокогитые с выгнутым клювом,
 С гор прилетевшие, бьют испугавшихся птиц, — и густыми
 Стаями с неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;
 305 Соколы ж гонят их, ловят когтями, и нет им пощады,
 Заперт и путь для спасенья, и травлею тешатся люди;
 Так женихов (разогнав их по горнице) справа и слева,
 Как ни попало, они убивали; поднялся ужасный
 Крик; был разбрызган их мозг, был дымящейся кровью их залит
 310 Пол. К Одиссею тогда подбежал Леодей, и колена
 Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
 «Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
 В доме твоём ни одной из рабынь, в нём живущих, ни словом
 Я не обидел, ни в дело не ввел непристойное; сам я
 315 Многих, напротив, удерживать здесь от постыдных поступков
 Тщился — напрасно! От зла не отвел я их рук святотатных;
 Страшную участью все неизбежно постигнуты ныне.
 Я же, их жертвогадатель, ни в чём не повинный, ужели
 320 Лягу здесь мертвый? Такое ли добрым делам воздаянье?»
 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:

«Если ты подлинно жертвогадателем был между ними,
 То, без сомнения, часто в жилище моем ты молился
 Дню, чтоб мне возвратиться домой запретил, чтоб с тобою
 В дом твой моя удалилась жена и чтоб с нею детей ты
 325 Прижил, — за это теперь и людей ужасающей смерти
 Ты не избежнешь». Сказал. И, могучей рукою схвативши
 Меч, из руки Агелая в минуту его умерщвления
 Выпавший, им он молящего сильно ударил по шее;
 Крикнул он — в крике неконченом с плеч голова покатилась.
 330 Но от губительной Керы избежал сын Терпиев, славный
 Песнями Фемий, всегда женихов на пирах веселивший
 Пеньем; с своею он цитрой в руках к потаенной прижавшись
 Двери, стоял там, колеблясь рассудком, не зная, что выбрать,
 Выйти ли в дверь и сидеть на дворе, обнимая великий
 335 Зевсов алтарь, охраняющий дом, на котором так часто
 Жирные бедра быков сожигал Одиссеей многославный,
 Или к коленям его с умоляющим броситься криком?
 Дело обдумав, уверился он, что полезнее будет,
 Став на колена, Лаэртова сына молить о пощаде.
 340 Цитру свою положив звонкострунную бережно на пол
 Между кратерой и стулом серебряногвоздным, поспешно
 К сыну Лаэртову дивный певец подбежал, и колена
 Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
 «Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
 345 Сам сожалеть ты и сетовать будешь, когда песнопевца,
 Сладко бессмертным и смертным поющего, смерти предашь здесь;
 Пению сам я себя научил; вдохновением боги
 Душу согрели мою; и тебя, Одиссей, я, как бога,
 Буду гармонией струн веселить. Не губи песнопевца.
 350 Будет свидетелем мне и возлюбленный сын твой, что волей
 В дом ваш входить никогда я не мыслил, что сам не просился
 Песнями здесь на пиру забавлять женихов, что, напротив,
 Силой сюда приводим был и пел здесь всегда принужденно».
 Так он сказав, возбудил Телемакову силу святую.
 355 Громко отцу закричал Телемак, находившийся близко:
 «Стой! Не губи неповинного яростной медью, родитель!
 С ним и к Медону глашатаю благостен будь: обо мне он
 В детстве моем неусыпно имел попеченье. Но где он,
 Честный Медон? Не убили ль его свинопас или Филотий?

Или он сам, злополучный, попал под удар твой смертельный?»
 Так говорил Телемак; и дошло до Медона благое
 Слово; дугою согнувшись, под стулом лежал он, коровьей,
 Только что содранной кожей покрытый, чтоб Керы избежать.
 Выскочил он из-под стула и, сбросивши кожу коровью
 С плеч, подбежал к Телемаку и, ноги его обхвативши,
 Стал целовать их и в трепете бросил крылатое слово:
 «Здесь я, душа Телемак; заступись за меня, чтоб отец твой
 Грозномогучий на мне не отместил беспощадною медью
 Злым женам, столь давно, столь нахально его достоянье
 Грабившим здесь и тебя самого оскорблявшим безумно».

370
 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
 «Будь благодарен ему; он тебя сохранил, чтоб отныне
 Ведал и сам ты и людям другим говорил в поученье,
 Сколь здесь благие дела нам спасительней дел беззаконных;

375
 Слушай теперь: из палаты, убийством наполненной, вышел,
 Сядь на дворе у ворот с песнопевцем, властителем слова;
 Я же остануся в доме и все здесь устрою, что нужно».

Так он сказал; и Медон с песнопевцем, из горницы вышел,
 Оба вблизи алтаря, посвященного Зевсу владыке,
 380
 Сели; но все озирались кругом, опасаясь убийства.
 Очи водил вокруг себя Одиссей, чтоб узнать, не остался ль
 Кто неубитый, случайно избежавший могущества Керы?
 Мертвые все, он увидел, в крови и в пыли неподвижно
 Кучей лежали они на полу там, как рыбы, которых -

385
 На берег вытащив их из глубокозеленого моря
 Неводом мелкопетлистым — рыбак высыпает на землю;
 Там на песке раскаленном их, влаги соленой лишенных,
 Гелиос пламенный душит, и все до одной умирают.
 Мертвые так там один на другом неподвижно лежали.

390
 К сыну сперва обратясь, сказал Одиссей хитроумный:
 «Должен теперь, Телемак, ты сюда пригласить Эвриклею;
 Нужное слово желаю я молвить разумной старушке».

Так говорил Одиссей. Телемак, повинуюся, отпер
 Двери, позвал Эвриклею и так ей сказал: «Эвриклея,
 395
 Добрая няня моя, так давно за рабынями в доме
 Нашем смотрящая, все сохраняя усердно в порядке.
 Кличет отец, говорить он с тобою намерен; поди к нам».

Кончил. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетело

Слово. И, двери отперши тех горниц, где жили служанки,
 400 Вышла она; и старушку повел Телемак к Одиссею.
 Взорам ее Одиссей посреди умерщвленных явился,
 Побтом и кровью покрытый; подобился льву он, который,
 Съевши быка, подымается, сытый, и тихо из стада —
 Грива в крови и вся страшная пасть, обагренная кровью, —
 405 В лог свой идет, наводя на людей неописанный ужас.
 Кровию так Одиссей с головы был до ног весь обрызган.
 Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Эвриклея
 Громко хотела воскликнуть, чудясь толь великому делу;
 Но Одиссей повелел ей себя воздержать от восторга;
 410 Голос потом свой возвысив, он бросил крылатое слово:
 «Радуйся сердцем, старушка, но тихо, без всякого крика;
 Радостный крик подымать неприлично при виде убитых.
 Днев их суд поразил; от своих беззаконий погибли;
 Правда была им чужда, никого из людей земнородных,
 415 Знатный ли, низкий ли был он, уважить они не хотели.
 Страшная участь их всех, наконец, злополучных, постигла.
 Ты же теперь назови мне рабынь, здесь живущих, дабы я
 Мог отличить развращенных от честных и верных меж ними».
 Так он сказал. Эвриклея старушка ему отвечала:
 420 «Все я, мой сын, объявлю, ничего от тебя не скрывая;
 В доме теперь пятьдесят мы имеем служанок работниц,
 Разного возраста; заняты все рукодельем домашним;
 Дергают волну; и каждая в доме свою отправляет
 425 Службу. Двенадцать из них, поведением развратных, не только
 Против меня, но и против царицы невежливы были.
 Сын твой в хозяйство вступил; но разумно ему Пенелопа
 В дело служанок мешаться до сих пор еще запрещала.
 Я же наверх побегу объявить ей, великую нашу
 Радость: она почивает; знать, боги ей сон ниспослали».
 430 Так, возражая, сказал Одиссей хитроумный старушке:
 «Нет! не буди, Эвриклея, жены; прикажи, чтоб рабыни —
 Те, на которых ты мне донесла, — здесь немедля явились».
 Так говорил Одиссей, и поспешно пошла Эвриклея
 435 Кликнуть рабынь и велеть им идти к своему господину.
 Он же, позвав Телемака с Филотием, с старым Эвмеем,
 Бросил крылатое слово, свою изъявляя им волю:
 «Трупы теперь приберите; пускай вам помогут рабыни

Вынести их, а потом все столы, все богатые стулья
 Дóчиста здесь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.
 440 После ж, когда приберете совсем пировую палату,
 Всех поведением развратных рабынь из нее уведите;
 Там на дворе, меж стеною и житною круглою башней,
 Смерти предайте беспутниц, мечом заколов длинноострым
 Каждую; пусть, осрамивши развратом мой дом, наказание
 445 Примут они за союз непопозволенный свой с женихами».

Так говорил он. Тем временем все собралися рабыни,
 Жалобно воя; из глаз их катилися крупные слезы.
 Начали трупы они выносить и в сенях многозвучных
 Царского дома, стеной обведенного, клали их тесным
 450 Рядом, один прислоняя к другому, как сам Одиссей им
 Делать предписывал; дело ж не по сердцу было рабыням.
 Вынеся трупы, они и столы и богатые стулья
 Дочиста все ноздреватою, мокрою вытерли губкой.
 Заступом тою порой Телемак, свинопас и Филойттий
 455 В зале просторной весь пол, обагренный пролитую кровью,
 Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.
 Залу очистив и все приведя там в обычный порядок,
 Выйти оттуда они осужденным рабыням велели,
 Собрали их на дворе меж стеною и житною башней
 460 Всех и в безвыходном заперли месте, откуда спасенья
 Быть не могло никакого. И сын Одиссеев сказал им:
 «Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
 Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу
 Здесь осрамившие, в доме моем с женихами слюбившись».

465 Кончив, канат корабля черноносого взял он и туго
 Так натянул, укрепивши его на колоннах под сводом
 Башни, что было ногой до земли им достать невозможно.
 Там, как дрозды длиннокрылые или как голуби, в сети
 Целою стаей — летя на ночлег свой — попавшие (в тесных
 470 Петлях трепещут они, и ночлег им становится гробом),
 Все на канате они голова с головою повисли;
 Петлями шею стянули у каждой; и смерть их постигла
 Скоро: немного подергав ногами, все разом утихло.
 Силою вытащен после на двор козовод был Меланттий;
 475 Медью нещадною вырвали ноздри, обрезали уши,
 Руки и ноги отсекали ему; и потом, изрубивши

В крохи, его на съедение бросили жадным собакам.
 Руки и ноги свои, обгаренные кровью, оmyвши,
 В дом возвратились они к Одиссею. Все кончено было.
 480 Тут Одиссей, обратясь к Эвриклею, сказал ей: «Немедля,
 Няня, огня принеси и подай очистительной серы;
 Залу нам должно скорей окурить. Ты потом Пенелопе
 Скажешь, чтоб сверху сошла и с собою рабынь приближенных
 Всех привела. Позови равномерно и прочих служанок».
 485 Так повелел Одиссей. Эвриклея ему отвечала:
 «То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
 Прежде, однако, тебе принесу я опрятное платье;
 Этих нечистых отрепьев на крепких плечах ты не должен
 В доме своем многославном носить; то тебе неприлично».
 490 Ей возражая, отвечивал так Одиссей многоумный:
 «Прежде всего мне огня для куренья подай, Эвриклея».
 Волю его исполняя, пошла Эвриклея и скоро
 С серой к нему и с огнем возвратилась; окуривать начал
 Серой столовую он и широкий, стеной обнесенный
 495 Двор. Эвриклея, прошед через светлые дома покоя,
 Стала служанок собирать и немедленно всем им велела
 В залу прийти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
 В залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
 Голову, плечи и руки они у него целовали.
 500 Он же дал волю слезам; он рыдал от веселья и скорби,
 Всех при свидании милых домашних своих узнавая.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ПЕСНИ

Вечер тридцать девятого и утро сорокового дня

Эвриклея приносит радостную весть Пенелопе, которая идет вместе с нею в пировую палату. Пенелопа медлит узнать своего супруга. Одиссей, чтобы обмануть жителей города, учреждает шумную пляску; оmyвшись в купальне, он возвращается к Пенелопе и, сказав ей тайну, только им двум известную, уничтожает все ее сомнения. Все ложатся спать. Одиссей и Пенелопа рассказывают друг другу свои приключения. С наступлением утра Одиссей идет к отцу своему Лаэрту.

Сердцем ликуя и радуясь, вверх побежала старушка
 Весть принести госпоже, что желанный супруг возвратился.
 Были от радости тверже колена ее и проворней
 Ноги. Подкравшись к спящей, старушка сказала: «Проснися,
 5 Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтоб очами
 Все то увидеть, о чем ты скорбела душою вседневно.
 Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но всё, наконец, он
 С нами, и всех многобуйных убил женихов, разорывших
 Дом наш и тративших наши запасы назло Телемаку».
 10 Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
 «Друг Эвриклея, знать, боги твой ум помutilи! Их волей
 Самый разумнейший может лишиться мгновенно рассудка,
 Может и слабый умом приобрести несказанную мудрость;
 15 Ими и ты обезумлена; иначе в здравом рассудке
 Ты бы не стала теперь над моею печалью ругаться,
 Радостью ложной тревожа меня! И зачем прервала ты
 Сладкий мой сон, благодатно усталые мне затворивший
 Очи? Ни разу я так не спала с той поры, как супруг мой
 Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
 20 Нет, Эвриклея, поди, возвратися туда, где была ты.
 Если б не ты, а другая из наших домашних служанок
 С вестью такой сумасбродной пришла и меня разбудила —
 Я бы не ласковым словом, а бранью насмешницу злую
 Встретила. Старости будь благодарна своей, Эвриклея».
 25 Так, возражая, старушка своей госпоже отвечала:
 «Нет, не смеяться пришла, государыня, я над тобою;
 Здесь Одиссей! Настоящую правду, не ложь я сказала.
 Тот чужеземец, тот нищий, которым все так здесь ругались, —
 Он Одиссей; Телемак о его уж давно возвращенье
 30 Знал — но разумно молчал об отце он, который, скрываясь,
 Здесь женихам истребление верное в мыслях готовил».
 Так отвечала старушка. С постели вскочив, Пенелопа
 Радостно кинулась няне на шею в слезах несказанных.
 Голос возвысив, она ей крылатое бросила слово:
 35 «Если ты правду сказала, сердечный мой друг, Эвриклея,
 Если он подлинно в дом свой, как ты говоришь, возвратился.
 Как же один он с такой женихов многочисленной шайкой
 Сладил? Они всей толпою всегда собиралися в доме».
 Так, отвечая, разумной царице сказала старушка:

40 «Сведать о том не могла я; мне только там слышался тяжкий
 Вой убиваемых; в горнице нашей, забившись в угол,
 Все мы сидели, на ключ запершись и не смея промолвить
 Слова, покуда твой сын Телемак из столовой не вышел
 45 Кликнуть меня: он за мною самим Одиссеем был послан.
 Там Одиссей мне явился, меж мертвыми страшно стоящий;
 Трупы их были один на другом на полу, обгавленном
 Кровью, набросаны; радостно было его мне увидеть.
 Потом и кровью покрытый, он грозному льву был подобен.
 Трупы убитых теперь все лежат на дворе за дверями
 50 Кучею. Он же, заботясь дом окурить благовонной
 Серой, огонь разложил; а меня за тобою отправил.
 Ждет он; пойдем; наконец вам обоим проникнет веселье
 Душу, которая столько жестоких тревог претерпела:
 Главное, долгое милого сердца желанье свершилось;
 55 Жив он, домой невредим возвратился и дома супругу
 С сыном живыми нашел, а врагов, истребителей дома,
 В доме своем истребил: и обиды загладило мщенье».

Добрая старушке разумная так Пенелопа сказала:
 «Друг Эвриклея, не радуйся слишком до времени; всем нам
 60 Было бы счастьем великим его возвращенье в отчизну —
 Мне ж особенно и милому, нами рожденному сыну;
 Все я, однако, тому, что о нем ты сказала, не верю;
 Это не он, а один из бессмертных богов, раздраженный
 Их беззаконным развратом и их наказавший злодейства.
 65 Правда была им чужда; никого из людей земнородных —
 Знатный ли, низкий ли к ним приходил — уважать не хотели:
 Сами погибель они на себя навлекли; но супруг мой...
 Нам уж его не видать; в отдаленье плачевном погиб он».

Ей Эвриклея разумная так, возражая, сказала:
 70 «Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
 Он, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вечно
 Он не воротится; если же так ты упорна рассудком,
 Верный он признак покажет: рубец на колене; свирепым
 Вепрем, ты ведаешь, некогда был на охоте он ранен;
 75 Ноги ему омывая, рубец я узнала; об этом
 Тотчас хотела сказать и тебе; но, зажав мне рукою
 Рот, он меня, осторожно-разумный, принудил к молчанью.
 Время, однако, идти; головой отвечаю за правду;

Если теперь солгала я, меня ты казни беспощадно».
 20 Добрая старушка разумная так Пенелопа сказала:
 «Трудно тебе, Эвриклея, проникнуть, хотя и великий
 Ум ты имеешь, бессмертных богов сокровенные мысли.
 К сыну, однако, с тобою готова идти я; увидеть
 Мертвых хочу и того, кто один всю толпу истребил их».
 25 С сими словами она по ступеням пошла, размышляя,
 Что ей приличнее: издали ль с ним говорить, иль, приблизясь,
 Голову, руки и плечи его целовать? Перешедши
 Двери высокий порог и в палату вступив, Пенелопа
 Села там против супруга, в сиянье огня, у противной
 90 Светлой стены; на другом он конце у колонны, потупив
 Очи, сидел, ожидая, какое разумная скажет
 Слово супруга, его там своими глазами увидя.
 Долго в молчанье сидела она; в ней тревожилось сердце;
 То, на него подымая глаза, убеждалась, что вправду
 95 Он перед ней; то противное мыслила, в рубище жалком
 Видя его. Телемак напоследок воскликнул с досадой:
 «Милая мать, что с тобой? Ты в своем ли уме? Для чего же
 Так в отдаленье угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
 Слово супругу сказать и его ни о чем не расспросишь?
 100 В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
 Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
 Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
 Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцем бесчувственной камня».
 Сыну царица разумная так, отвечая, сказала:
 105 «Сердце, дитя, у меня в несказанном волнении, слова
 Я произнести не могу, никакой мне вопрос не приходит
 В ум, и в лицо поглядеть я не смею ему; но, когда он
 Подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой, мы способ
 Оба имеем надежный друг другу открыться: свои мы
 110 Тайные, людям другим неизвестные, знаки имеем».
 Кончила. Царь Одиссей, постоянный в бедах, улыбнулся;
 К сыну потом обратясь, он бросил крылатое слово:
 «Друг, не тревожь понапрасну ты мать и свободную волю
 Дай ей меня расспросить. Не замедлит она убедиться
 115 В истине; я же в изорванном рубище; трудно в таком ей
 Виде меня Одиссеем признать и почтить, как прилично.
 Нужно, однако, размыслив, решить нам: что сделать полезней?

Если когда и один кто убит кем бывает и мало
 Близких друзей и родных за убитого мстить остается —
 120 Всё, избегая беды, покидает отчизну убийца.
 Мы ж погубили защитников града, знатнейших и лучших
 Юношей в целой Итаке: об этом должны мы подумать».

Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
 «Все ты умнее, родитель, придумашь сам; прославляют
 125 Люди твою повсеместно премудрость; с тобою сравниться
 Разумом, все говорят, ни один земнородный не может;
 Что повелишь, то и будет исполнено; сколько найдется
 Силы во мне, я неробким твоим здесь помощником буду».

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 130 «Слушай же; вот что мне кажется самым удобным и лучшим:
 Все вы, омывшись, оденьтесь богато, как будто на праздник;
 Так же одеться должны и рабыни домашние наши;
 С звонкою цитрой в руках песнопевец божественный должен
 Вести хоровод, управляя шумящею пляской, чтоб, слыша
 135 Струны и пение в доме, соседи и всякий, идущий
 Мимо по улице, думать могли, что пируют здесь свадьбу.
 Должно, чтоб в городе слух не прошел о великом убийстве
 Всех женихов многославных до тех пор, пока не уйдем мы
 За город на поле наше, в наш сад плодovitый; там можем
 140 Все на просторе устроить, на помощь призвав олимпийцев».

Кончил. Его повеление было исполнено скоро;
 Чисто омывшись, оделись богато, как будто на праздник
 Все; хоровод учредили рабыни; певец богоравный,
 Цитру настроив глубокую, в них пробудил вождельне
 145 Сладостных песней и стройно-живой хороводных пляски.
 Дом весь от топанья ног их гремел и дрожал, и окружность
 Вся оглашалась пением звучным рабов и служанок;
 Всякой, по улице шедший, музыку и пение слыша,
 Думал: «Решилась свою пировать напоследок царица
 150 Свадьбу; неверная! Мужа, избранного сердцем, дожидаться,
 Дом многославный его сохраняя, она не хотела».

Так говорили они, о случившемся в доме не зная.
 Тою порой, Одиссея в купальне омыв, Эвринома
 Тело его благовонным оливным елеем натерла.
 155 Легкий надел он хитон и богатой облекся хламидой.
 Дочь же великая Зевса его красотой озарила,

Станом возвысила, сделала тело полней и густыми
 Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закутила.
 Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
 160 Девой Палладой и богом Ифестом наставленный в трудном
 Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
 Так Одиссея украсила дочь светлоокая Зевса.
 Вышел из бани, лицом лучезарный, как бог, возвратился
 Он в пировую палату и сел на оставленном стуле
 165 Против супруги; глаза на нее устремив, он сказал ей:
 «Ты, непонятная! Боги, владыки Олимпа, не женским
 Нежноуступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;
 В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
 Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
 170 Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
 Слушай же, друг Эвриклея; постель приготовь одному мне;
 Лягу один я — когда в ней такое железное сердце».
 Но Одиссею разумная так отвечала царица:
 «Ты, непонятный! Не думай, чтоб я величалась, гордилась
 175 Или в чрезмерном была изумлении. Живо я помню
 Образ, какой ты имел, в корабле покидая Итаку.
 Если ж того он желает, ему, Эвриклея, постелю
 Ты приготовь; но не в спальне, построенной им; а в другую
 Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
 180 Мягких овчин, на овчины же полость с широким покровом».
 Так говорила она, испытанью подвергнуть желая
 Мужа. С досадою он, обратись к Пенелопе, воскликнул:
 «Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
 185 Кто же из спальни ту вынес кровать? Человеку своею
 Силою сделать того невозможно без помощи свыше;
 Богу, конечно, легко передвинуть ее на другое
 Место, но между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
 Взял, не шатнул бы ее; заключалась тайна в устройстве
 Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
 190 Сделал ее. На дворе находилась маслина с темной
 Сению, пышногустая, с большую колонну в объеме;
 Маслину ту окружил я стенами из тесаных, плотно
 Слаженных камней; и, свод на стенах утвердивши высокий,
 Двери двустворные сбил из досок и на петли навесил;
 195 После у маслины ветви обсек и поблизости к корню

Ствол отрубил топором, а отрубок у корня, отсюда
 Острою медью его по шнуру обтесав, основаньем
 Сделал кровати, его пробуравил, и скобелью брусья
 Выгладил, в раму связал и к отрубку приладил, богато
 200 Золотом их, серебром и слоновою костью украсив;
 Раму ж ремнями из кожи воловьей, обшив их пурпурной
 Тканью, стянул. Таковы все приметы кровати. Цела ли
 Эта кровать и на прежнем ли месте, не знаю; быть может,
 Сняли ее, подпилив в основании масличный корень».

205 Так он сказал. У нее задрожали колена и сердце.
 Признаки все Одиссеевы ей он исчислил; заплакав
 Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
 Мужу и, милую голову нежно целуя, сказала:
 210 «О, не сердись на меня, Одиссей! Меж людьми ты всегда был
 Самый разумный и добрый. На скорбь осудили нас боги;
 Было богам неужодно, чтоб, сладкую молодость нашу
 Вместе вкусив, мы спокойно дошли до порога веселой
 Старости. Друг, не сердись на меня и не делай упреков
 Мне, что не тотчас, при виде твоём, я к тебе приласкалась;
 215 Милое сердце мое, Одиссей, повергала в великий
 Трепет боязнь, чтоб меня не прельстил здесь какой иноземный
 Муж увлекательным словом: у многих коварное сердце.
 Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила б
 К лести пришельца и с ним не бежала б, любви покорясь,
 220 В Трою, когда бы предвидеть могла, что ахейне ратью
 Придут туда и ее возвратят принужденно в отчизну.
 Демон враждебный Елену вовлек в непристойный поступок;
 Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела,
 Страшного, всех нас в великое бедствие ввергшего дела.
 225 Ты мне подробно теперь, Одиссей, описал все приметы
 Нашей кровати — о ней же никто из живущих не знает,
 Кроме тебя, и меня, и рабыни одной приближенной,
 Дочери Актора, данной родителем мне при замужестве;
 Дверь заповеданной спальни она стерегла неусыпно.
 230 Ты же мою, Одиссей, убедил непреклонную душу».

Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
 Плача, приникнул он к сердцу испытанной, верной супруги.
 В радость, увидевши берег, приходят пловцы, на обломке
 Судна, разбитого в море грозой Посидона, носяся

²³⁵ В шуме бунтующих волн, воздымаемых силою бури;
 Мало из мутносоленой пучины на твердую землю
 Их, утомленных, изъеденных острою влагой, выходит;
 Радостно землю объемлют они, избежав потопленья.
 Так веселилась она, возвращенным любясь супругом,
²⁴⁰ Рук белонежных от шеи его оторвать не имея
 Силы. В слезах бы могла их заставить златотронная Эос,
 Если б о том не подумала дочь светлоокая Зевса:
 Ночь на пределах небес удержала Афина; Деннице ж
 Златопрестольной из вод океана коней легконогих,
²⁴⁵ С нею летающих, Лампа и брата его Фаэтона
 (Их в колесницу свою заложив), выводить запретила.
 Так благонравной супруге сказал Одиссей хитроумный:
 «О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим;
 Много еще впереди предлежит мне трудов несказанных,
²⁵⁰ Много я подвигов тяжких еще совершить предназначен.
 Так мне пророка Тиресия тенью предсказано было
 Некогда в области темной Аида, куда нисходил я
 Сведать, настанет ли мне и спутникам день возвращения.
 Время, однако, идти, Пенелопа, на ложе, чтоб, в сладкий
²⁵⁵ Сон погрузившись, свои успокоить усталые члены».
 Умная так отвечала на то Одиссею царица:
 «Ложе, возлюбленный, будет готово, когда пожелает
 Сердце твое: ты по воле богов благодетельных снова
 В светлом жилище своем и в возлюбленном крае отчизны;
²⁶⁰ Если же всё, наконец, по желанью исполнили боги,
 Друг, расскажи мне о новых тебе предстоящих напастях;
 Слышать и после могла б я о них; но мне лучше немедля
 Сведать о том, что грозит впереди». Одиссей отвечал ей:
 «Ты, неотступная! Странно твое для меня нетерпенье.
²⁶⁵ Если, однако, желаешь, я все расскажу; но не будет
 Радостно то, что услышишь; и мне самому не на радость
 Было оно. Прорицатель Тиресий сказал мне: «Покинув
 Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
 Странствовать снова и странствуй, покуда Людей не увидишь,
²⁷⁰ Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
 Также не зревших еще на водах кораблей быстроходных,
 Пурпурно-грудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
 Их по морям. От меня же узнай несомнительный признак;

Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
 275 «Что за *лопату* несешь на блестящем плече, иноземец?» —
 В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
 Долгое странствие. Мощному там Посидону принесши
 В жертву барана, быка и свиной оплодителя вепря,
 В дом возвратись и великую дома сверши экатомбу
 280 Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
 Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
 Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
 Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
 Счастьем богатый». Вот то, что в Аиде сказал мне Тиресий».

285 Выслушав, умная так Пенелопа ему отвечала:
 «Если достигнуть до старости нам дозволяют благие
 Боги, то есть упование, что наши беды прекратятся».

Так говорили о многом они, беседею сладко.
 Тою порой Эвринома с кормилицей, факелы взявши,
 290 Ложе пошли приготовить из многих постилок; когда же
 Было совсем приготовлено мягкоупругое ложе,
 Лечь на постелю свою, утомая, пошла Эвриклея;
 Факел пылающий в руки взяла Эвринома и в спальню
 Их повела, осторожно света перед ними; с весельем
 295 В спальню вступили они; Эвринома ушла; а супруги
 Старым обычаем вместе легли на покойное ложе.
 Скоро потом Телемак, свинопас и Филойтий, окончить
 Пляску велев, отослали служанок и сами по темным
 Горницам, всех отпустив, разошлись, там легли и заснули.

300 Тою порою, утехой любви удовольствовав душу,
 Нежно-веселый вели разговор Одиссей с Пенелопой.
 Все рассказала она о жестоких, испытанных ею
 Дома обидах: как грабили дом женихи беспощадно,
 Сколько быков круторогих, и коз, и овец, и свиной там
 305 Съедено ими, и сколько кувшинов вина дорогого
 Выпито. Выслушав, все о себе в свой черед рассказал он:
 Сколько напастей другим приключил и какие печали
 Сам испытал. И внимала с весельем она, и до тех пор
 Сон не сходил к ней на вежды, покуда не кончилась повесть.

310 Он рассказал: как вначале ограбил киконцов; как прибыл
 К людям, которые лотосом сладким себя насыщают;
 Что потерпел от циклопа и как за товарищей, зверски

Сожранных им, отомстил и от гибели спасся плачевной;
 Как посетил гостелюбца Эола, который радушно
 315 Принял его, одарил и отправил домой; как в отчизну
 Злая судьба возвратиться ему не дала; как обратно
 В море его, вопиющего жалобно, буря умчала;
 Как принесен был он к берегу лихих лестригонов: они же
 Разом его корабли и спутников меднообутых
 320 Всех истребили; а он с остальным кораблем чернобоким
 Спасся. Потом рассказал он о хитрых волшебствах Цирцеи;
 Также о том, как в туманную область Аида, в котором
 Душу Тиресия велено было спросить, быстроходным
 Был приведен кораблем, там умерших товарищей тени
 325 Встретил и матери милой отшедшую душу увидел;
 Как он подслушал сирен сладострастно-убийственный голос;
 Как меж плавучих утесов, Харибдой и Скиллой, которых
 Смертный еще ни один не избегнул, прошел невредимо;
 Как святотатно товарищи съели быков Гелиоса;
 330 Как в наказание за то был корабль их губительным громом
 Зевса разрушен, и всех злополучных спутников бездна
 Вдруг поглотила, а он, избежав истребительной Керы,
 К берегу Огигии острова был принесен, где Калипсо
 Нимфа его приняла, и, желая, чтоб был ей супругом,
 335 В гроте глубоком его угощала и даже хотела
 Дать напоследок ему и бессмертье, и вечную младость,
 Верного сердца, однако, его обольстить не успела;
 Как принесен был он бурей на остров людей феакийских,
 С честью великой его, как бессмертного бога, принявших;
 340 Как, наконец, в корабле их он прибыл домой, получивши
 Множество меди, и злата, и риз драгоценных в подарок.
 Это последнее он рассказал уж в дремоте, и скоро
 Сон прилетел, чарователь тревог, успокоитель сладкий.
 Добрая мысль родилась тут в уме светлоокой Паллады:
 345 В сердце своем убедившись, что сном безмятежным на ложе
 Подле супруги довольно уже Одиссей наслаждался,
 Выйти из вод Океана велела она златотронной
 Эос, чтоб светом людей озарить; Одиссей пробудился.
 С мягкого ложа поднявшись, сказал он разумной супруге:
 350 «Много с тобой, Пенелопа, доньше мы бед претерпели
 Оба: ты здесь обо мне, ожидаемом тщетно, крушилась;

Я осужден был Зевесом отцом и другими богами
 Странствовать, на́долго с милой отчизной моей разлученный.
 Ныне, опять мы на сладостном ложе покоимся вместе.
 355 Ты наблюдай, Пенелопа, за всеми богатствами в доме,
 Я же потщусь истребленное буйными здесь женихами
 Все возратить: завоюю одно; добровольно другое
 Сами ахейцы дадут, и уплатится весь мой убыток.
 Надобно прежде, однако, наш сад плодovitый и поле
 360 Мне посетить, чтоб увидеть отца, сокрушенного горем.
 Ты ж без меня осмотрительна будь, Пенелопа. С восходом
 Солнца по городу быстро раздастся молва о убийстве,
 Мною совершенном, о гибели всех женихов многобуйных.
 Ты удалися с рабынями вместе наверх и сиди там
 365 Смирно, ни с кем не входя в разговор, никому не являйся».

Кончив, на плечи свои он накинул прекрасную броню,
 Сына с Филойтием, с верным Евмеем позвал и велел им
 Также Ареево в руки оружие взять и облечься
 В брони; то было исполнено; крепкою медью покрывшись,
 370 Вышли они, Одиссей впереди, из ворот. Восходила
 В тихом сиянии Эос. Афина их, мглой окруженных,
 Вывела тайно по улицам людного города в поле.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ СОДЕРЖАНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ПЕСНИ

Сороковой день

Души женихов, приведенные Эрмием в Аид, встречаются там Ахиллеса и Агамемнона. Амфимедон рассказывает о погибели женихов Агамемнону, который воздает хвалу мужественному Одиссею и благонравной Пенелопе. Тем временем Одиссей открывается отцу; за обедом он узнан Долионом и его сыновьями. Весть о погибели женихов возбуждает в городе мятеж. Эвпейт ведет своих сообщников против Одиссея. Одиссей остается победителем. Между враждующими заключается мир с помощью Афины.

Эрмий тем временем, бог килленийский, мужей умерщвленных
 Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой

Жезл золотой (по желанью его наводящий на бойких
 Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных),
 5 Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
 С визгом; как мыши летучие, в недре глубокой пещеры,
 Цепью к стенам прилепленные — если одна, оторвавшись,
 Свалится наземь с утеса, визжат, в беспорядке порхая, —
 Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
 10 Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;
 Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана.
 Мимо ворот Геллисовых, мимо пределов, где боги
 Сна обитают, провеяли тени на асфодилонский
 Луг, где воздушными стаями души усопших летают.
 15 Первая им повстречалась тень Ахиллеса Пелида;
 С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов,
 Бодрый Аякс, красотою и мужеством бранным и силой,
 После Пелеева сына, ахеян других затмевавший.
 Легкой толпою они окружили их. Тихо и грустно
 20 Тень Агамемнона, сына Атревеева, тут подошла к ним;
 Следом за ней подошли и все тени товарищей, падших
 В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
 Слово душа Ахиллеса к душе Агамемнона прежде
 Всех обратила: «Атрид, нам казалось, что Зевс громолюбец
 25 Боле к тебе, чем к героям другим, благосклонствовал; им ты
 Был над владыками сильными первовластителем сделан
 В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы.
 Но и тебе повстречать на земле предназначено было
 Страшную Мойру, которой никто не избег из рожденных.
 30 О! для чего, окруженный величием, властью и славой,
 Ты не погиб меж товарищей бранных у стен Илиона!
 Холм бы над прахом твоим был насыпан ахейцами, сыну
 Славу великую ты навсегда бы в наследство оставил;
 Ныне ж плачевною смертью по воле судьбины погиб ты».
 35 Тень Агамемнона тени Пелидовой так отвечала:
 «Сын Пелеев, избранник богов, ты завидно был счастлив;
 Пал далеко от Аргоса в Троянской земле ты, но пало
 Много тобой умерщвленных троян вокруг тебя, и за труп твой
 40 Бились ахейцы славнейшие; ты же под вихрями пыли,
 Тихий, огромный и страшный, лежал там, забыв колесничный
 Бой; и день целый мы бились все за тебя, и конца бы

Не было битве, когда бы Зевес не развеял нас грозой.
 Вынеся тело из боя твое, к кораблям возвратились
 С ним мы; его положивши на одр и водою омывши,
 45 Маслом натерли прекрасную голову; много рыдало
 Вкруг бездыханного трупа ахейя, свои от печали
 Волосы рвавших. И с нимфами моря из бездны глубокой
 Вышла скорбящая мать; и раздался ее несказанный
 По морю крик: трепетание страха проникло ахейя;
 50 Все всколебались, и все б к кораблям убежали глубоким,
 Если бы их не успел удержать многознающий старец
 Нестор, всегда подававший советы разумные; полный
 Мыслей благих, обратясь к товарищам, так им сказал он:
 55 «Стойте, ахейцы! Куда вы бежите, аргивяне? Что вас
 Так испугало? То с нимфами моря из бездны глубокой
 Скорбная мать подымается мертвого сына увидеть».

Так он сказал; ободрились ахейские мужи. И труп твой
 Нимфы прекрасные, дочери старца морей, окружили
 С плачем и светлобожественной ризой его облачили;
 60 Музы — все девять — сменяясь, голосом сладостным пели
 Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами
 Слушать не мог сладкопения Муз, врачевательниц сердца;
 Целых семнадцать там дней и ночей над тобой проливали
 Горькие слезы бессмертные боги и смертные люди;
 65 Но на осьмнадцатый день был огню ты торжественно предан;
 Мелкого много скота и быков криворогих убили
 В почесть твою; и в божественной ризе, помазанный сладким
 Медом и мазью душистою, был ты сожжен; и ахейцы,
 70 В медь облачась, у костра, на котором сгорал ты, кипели,
 Конные, пешие, в быстрых блестя колесницах; великий
 Говор и шум был; когда же Ифестово пламя пожрало
 Труп твой, с восходом Денницы мы собрали белые кости,
 Чистым вином их омыли, умастили мазью; златую
 75 Урну дала сокрушенная мать; Дионис ей, сказала,
 Ту подарил драгоценную урну, созданье Ифеста.
 Ныне хранятся в ней кости твои, Ахиллес лучезарный,
 Вместе с костями Патрокла, погибшего прежде во брани,
 Но далеко от костей Антилоха, который тобою,
 80 После Патрокловой смерти, всех боле ахейя любим был.
 Холм погребальный великий над вашими урнами был тут

Ратью святой копыеносных аргивян у светло-широких
 Вод Геллеспонта на бреге, вперед выходящем, насыпан;
 Будет далеко он на море видим пловцам мореходным
 Наших времен и грядущего времени всем поколениям.
 85 Мать же твоя принесла тут дары, у богов испрося их;
 Были ценою победы на играх они для ахеян.
 Часто бывал, Ахиллес, ты свидетелем игр похоронных
 В честь многославных, похищенных смертью, царей и героев;
 Зрел ты, как юноши, алча венца, снаряжались к бою,-
 90 Здесь же тебя привело б изумление в трепет при виде
 Чудных даров, среброногой Фетидой в награду победы
 Нам от богов принесенных: ты был их избранный любимец.
 Так и по смерти ты именов жив, Ахиллес, и навеки
 Слава твоя сохранится во всех на земле поколениях.
 95 Мне ж послужило ль к чему окончание славное брани?
 Страшное Зевс приготовил мне в землю отцов возвращенье:
 Смерть от Эгиста предательством гнусным жены развращенной».

Так говорили о многом они в откровенной беседе.
 Тут им явился, увидели, Эрмий аргусоубийца,
 100 Души в Аид женихов, Одиссеем убитых, ведущий.
 Оба они, изумяся, приблизились к теням; в густом их
 Сонме душа Агамемнона, сына Атревеева, душу
 Амфимедона, Мелантова славного сына, узнала.
 Житель Итаки, он гостем издавна Атриду считался;
 105 Амфимедонову душу душа Агамемнона грустным
 Словом спросила: «Что сделалось с вами? Зачем вас так много,
 Юных, прекрасных, в подземную область приходит? Никто бы
 Лучших не выбрал, когда б надлежало меж первыми в граде
 Выбрать. В пучине ли вас погубил Посидон с кораблями,
 110 Бурю пригнав и великие волны воздвигнув? На суше ль
 Враг многосильный сразил вас внезапно, захваченных в поле,
 Где вы ловили его криворогих быков и баранов,
 Или во граде, где жен похищали и грабили дома
 Дерзкой толпою? Ответствуй; мне гостем считался ты в жизни.
 115 Помнишь ли время, когда твой отеческий дом посетил я,
 Вызвать спеша Одиссея, чтоб с братом моим Менелаем
 Шел в кораблях разрушать Илиона могучие стены?
 Целый мы плавали месяц по темно-широкому морю
 Прежде, чем был убежден Одиссеей, городов сокрушитель».

120 Амфимедонова тень отвечала Атридовой тени:
 «Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
 Памятно все мне, о чем говоришь ты, питомец Зевесов.
 Если же ведать желаешь, тебе расскажу я подробно,
 Как мы погибли, какую нам смерть приготовили боги.
 125 Спорили все мы друг с другом о браке с женой Одиссея;
 В брак не желая вступить и от брака спастись не имея
 Средства, нам гибель и смерть замышляла в душе Пенелопа.
 Слушай, какую она вероломно придумала хитрость.
 Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
 130 Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
 «Юноши, ныне мои женихи, — поелику на свете
 Нет Одиссея, — отложим наш брак до поры той, как будет
 Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
 Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
 135 Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
 Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
 Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова».
 Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
 Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
 140 Факел зажегши, сама все, натканное днем, распускала.
 Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
 Но, когда обращением времен приведенный четвертый
 Год совершился, промчались месяцы, дни пролетели, —
 Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
 145 Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
 Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
 Но лишь, окончив свой труд принужденный, она напоследок
 Ткань, как луна или как солнце блестящую, нам показала,
 Демон враждебный внезапно привел Одиссея в Итаку;
 150 В дом он сначала пришел к свинопасу Евмею; туда же
 Был приведен и подобный богам Телемак, совершивший
 Свой от песчаного Пилоса путь в корабле чернобоком.
 Оба они, там замыслив ужасную нашу гибель,
 В город вошли многославный; сперва Телемак, Одиссеев
 155 Сын; а за ним напоследок и сам Одиссей хитроумный;
 Он приведен был Евмеем, одетый в убогое платье,
 В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
 Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.

Нам же (и самым разумным из нас) не входило ни разу
 160 В мысли, чтоб это был сам Одиссей, возвратившийся тайно
 В дом свой: в него мы швыряли; его поносили словами;
 Долгое время он в собственном доме с великим терпением,
 Молча, сносил и швырянье, и наши обидные речи.
 Но, ободренный эгидоносителем, грозным Зевесом,
 165 Он с Телемаком вдвоем все доспехи прекрасные собрал,
 В дальний покой перенес их и там запертыми оставил;
 После коварным советом своим побудил Пенелопу,
 Страшные стрелы и лук Одиссеев тугой нам принеся,
 Вызвать нас, бедных, к стрельбам и к верной гибели нашей.
 170 Мы же (и самый сильнейший из нас) не могли непокорный
 Лук натянуть тетивою: на то не достало в нас силы;
 Но, когда поднесен Одиссеем был лук свинопасом,
 Всею толпой на него закричали мы, лук Одиссеев
 В руки давать запрещаю бродяге, хотя и просил он.
 175 Нам вопреки Телемак богоравный на то согласился.
 Взявши могучий свой лук, Одиссей, в испытаниях твердый,
 Вмиг натянул тетиву, и сквозь кольца стрела пролетела.
 Прянув тогда на порог, из колчана он высыпал стрелы,
 Страшно кругом озираясь. И был Антиной им застрелен
 180 Первый; и бешено стал посылать он стрелу за стрелой;
 Не было промаха; падали все умерщвленные; было
 Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавал из бессмертных,
 Бросаясь на нашу толпу, он по всей разогнал нас палате.
 Страшное тут началось убийство, раздался великий
 185 Крик; был разбрызган наш мозг, и дымился затопленный кровью
 Пол. Так плачевно погибли мы все, Агамемнон. Еще там
 Наши лежат погребенья лишённые трупы; о нашей
 Смерти не ведал еще ни один из родных и из ближних;
 Наши кровавые раны еще не омыты, еще нас
 190 Пламень не сжег, и никто не оплакал, и почести нет нам».

Амфимедоновою тени Атридова тень отвечала:
 «Счастлив ты, друг, многохитростный муж, Одиссей богоравный!
 Добрую, нравами чистую выбрал себе ты супругу;
 Розно с тобою себя непорочно вела Пенелопа,
 195 Дочь многоумная старца Икария; мужу, любящим
 Сердцем избранному, верность она сохранила; и будет
 Слава за то ей в потомстве; и в песнях Камен сохранится

Память о верной, прекрасной, разумной жене Пенелопе.
 Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
 200 В руку убийцы супруга предавшей: об ней сохранится
 Страшное в песнях потомков; она навсегда посрамила
 Пол свой и даже всех жен, поведением своим беспорочных».

Так говорили о многом они, беседуя грустно
 В темных жилищах Аида, в глубоких пределах подземных.
 205 Тою порой Одиссеей и спутники, вышед из града,
 Поля достигли, которое сам обрабатывал добрый
 Старец Лаэрт с попеченьем великим, давно им владея.
 Сад там и дом он имел; отовсюду широким навесом
 Дом окружен был; и днем под навесом рабы собирались
 210 Вместе работать и вместе обедать; а ночью там вместе
 Спали; была между ними старушка породы сивельской;
 Старцу служила она и пеклася о нем неусыпно.
 Так Одиссеей, обратясь к Телемаку и к прочим, сказал им:
 «Все вы теперь совокупно войдите во внутренность дома.
 215 Лучшую выбрав свинью, на обед наш ее там зарежьте;
 Я же к родителю прямо пойду: испытать я намерен,
 Буду ль им узнан, меня угадают ли старцевы очи,
 Или от долгой разлуки я стал и отцу незнакомцем?».
 Так говоря, он оружие отдал рабам; и поспешно
 220 В дом с Телемаком вступили они; Одиссеей же направил
 Путь к плодоносному саду, там встретить надеясь Лаэрта.
 В сад он вступив, не нашел Долиона, и не было также
 Там ни рабов, ни детей Долионовых; посланы были
 Все они в поле терновник собирать для ограды садовой;
 225 С ними пошел и старик Долион указать им дорогу.
 Старца Лаэрта в саду одного Одиссеей многоумный
 Встретил; он там подчищал деревцо; был одет неопратно;
 Платье в заплатках; худыми ремнями из кожи бычачей,
 Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтоб иглы
 230 Их не царапали; руки от острых колючек терновых
 Он защитил рукавицами; шлык из потершейся козьеи
 Шкуры покровом служил голове, наклоненной от горя.
 Так Одиссею явился отец, сокрушенный и дряхлый.
 Он притаился под грушей, дал волю слезам и, в молчанье,
 235 Стоя там, плакал. Не знал он, колеблясь рассудком, что сделать:
 Вдруг ли открывшись, ко груди прижать старика и, целуя

Руки его, объявить о своем возвращенье в Итаку?
 Или вопросами выведать все от него понемногу?
 Дело обдумав, уверился он напоследок, что лучше
 240 Опыту старца притворно-обидною речью подвергнуть.
 Так рассудив, подошел Одиссей богоравный к Лаэрту.
 Голову он наклонял, дерево подчищая мотыгой.
 Близко к нему подступивши, сказал Одиссей лучезарный:
 «Старец, ты, вижу, искусен и опытен в деле садовом;
 245 Сад твой в великом порядке; о каждом равно ты печешься
 Дереве; смоквы, оливы, и груши, и сочные грозды
 Лоз виноградных, и гряды цветочные — все здесь в приборе.
 Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
 Старец, что сам о себе ты заботишься плохо; угрюма
 250 Старость твоя, ты нечист, ты одет неопратно; уж верно
 Твой господин до тебя так недобр не за леность к работе.
 Сам же ты образом вовсе не сходен с рабом подчиненным;
 Царское что-то и в виде и стане твоём нахожу я;
 Боле подобен ты старцу, который, омывшись, насытись,
 255 Спит на роскошной постели, как всякому старцу прилично.
 Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
 Кто господин твой? За чьим плодоносным ты садом здесь смотришь?
 Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
 Вправду ль на остров Итаку я прибыл, как это сказал мне
 260 Кто-то из здешних, меня на дороге сюда повстречавший?
 Был он, однако, весьма неприветлив; со мной разговора
 Весть не хотел и мне не дал ответа, когда я о госте,
 Некогда принятом мною, его расспросить попытался:
 Жив ли и здесь ли еще, иль уж в область Анда сошел он?
 265 Ведать ты должен, и выслушай то, что скажу я: давно уж
 Мне угощать у себя посетившего дом мой случилось
 Странника; много до тех пор гостей из далеких, из ближних
 Стран приходило ко мне; но такой между ними разумный
 Мне не встречался; он назвал себя уроженцем Итаки,
 270 Аркезиада Лаэрта, молвою хвалимого, сыном.
 Принял я в доме своем Одиссея; и мной угощен был
 Он с дружелюбною роскошью — много запасов имел я
 В доме; и много подарков мой гость получил на прощанье:
 Золота дал я отличной доброты семь полных талантов;
 275 Дал серебрелитную чашу, венчанную чудно цветами,

С нею двенадцать покровов, двенадцать широких вседневных
 Мантий и к верхним двенадцати ризам двенадцать хитонов;
 Кроме того, подарил четырех рукодельных невольниц:
 Были они молодые, красивые; сам он их выбрал».

260 Крупную старец слезу уронив, отвечал Одиссею:
 «Странник, ты подлинно прибыл в тот край, о котором желаешь
 Сведать; но им уж давно завладели недобрые люди.
 Ты понапрасну с таким гостелюбьем истратил подарки;
 Если б в Итаке живым своего ты давнишнего гостя

275 Встретил, тебя отдал бы он так же богато, принявши
 В дом свой: таков уж обычай, чтоб гости друг друга дарили.
 Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
 Сколько с тех пор миновалось лет, как в своем угощал ты
 Доме несчастного странника? Странник же этот был сын мой,

290 Сын Одиссей — злополучный! Быть может, далеко от милой
 Родины рыбами съеден он в бездне морской иль на суше
 Птицам пустынным, зверям плотоядным достался в добычу;
 Матерью не был он, не был отцом погребен и оплакан;
 Не был и дорогокупленной, верной женой Пенелопой

295 С плачем и криком на одр положен; и она не закрыла
 Милых очей; и обычной ему не оказано чести.
 Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
 Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
 Кто твоя мать? Где корабль, на котором ты прибыл в Итаку?

300 Где ты покинул товарищей? Или чужим, как попутчик,
 К нам привезен кораблем и, тебя здесь оставя, отплыл он?»
 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Если ты знать любопытствуешь, все расскажу по порядку:
 Я родился в Алибанте; живу там в богатых палатах;

305 Полипимонид Афейд, той страны обладатель, отец мой;
 Имя дано мне Эперит. Сюда неприязненный демон
 Против желанья меня, от Сикании плывшего, бросил;
 Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым.
 Должен, однако, ты ведать, что с тех пор уж пять совершилось

310 Лет, как, моё посетивши отечество, сын твой пустился
 В море. Ему ж при отплытии счастливый путь предсказали
 Птицы, взлетевшие справа; я весело с ним разлучился;
 Весело поплыл и он; мы питались надеждою сладкой:
 Часто видаться, друг другу подарками радуя сердце».

315 Так говорил Одиссей; и печаль отуманила образ
 Старца; и, прахом наполнивши горсти, свою он седую
 Голову всю им, вздохнув со стенаньем глубоким, осыпал.
 Сердце у сына в груди повернулось, и, спершись, дыханье
 Кинулось в ноздри его, — он сражен был родителя скорбью.
 320 Бросаясь к нему, он, его обхватя и целуя, воскликнул:
 «Здесь я, отец! Я твой сын, Одиссей, столь желанный тобою,
 Волей богов возвратившийся в землю отцов через двадцать
 Лет; воздержись от стенаний, оставь сокрушенья и слезы.
 Слушай, однако: мгновенья нам тратить не должно, понеже
 325 В доме моем истребил я уж всех женихов многобуйных,
 Мстя им за все беззакония их и за наши обиды».
 Кончил. Лаэрт изумленный ответствовал так Одиссею:
 «Если ты подлинно сын Одиссей, возвратившийся в дом свой, —
 Верный мне знак покажи, чтоб мое уничтожить сомненье».
 330 Старцу Лаэрту ответствовал так Одиссей хитроумный:
 «Прежде тебе укажу я на этот рубец; мне поранил
 Ногу, ты помнишь, клыком разъяренный кабан на Парнасе;
 Был же туда я тобою и милою матерью послан
 К Автоликону, отцу благородному матери, много
 335 (Нас посетив) посулившему дать мне богатых подарков.
 Если ж желаешь, могу я тебе перечесть и деревья
 В саде, которые ты подарил мне, когда я однажды,
 Бывши малюткою, здесь за тобою бежал по дорожке.
 Сам ты, деревья дая, поименно мне каждое назвал:
 340 Дал мне тринадцать ты груш оцветившихся, десять отборных
 Яблонь и сорок смоковниц; притом пятьдесят виноградных
 Лоз обещал, приносящих весь год многосочные грозды:
 Крупные ж ягоды их, как янтарь золотой иль пурпурный,
 Блещут, когда созревают они благодатью Зевеса».
 345 Так он сказал. Задрожали колена и сердце у старца;
 Все сочтены Одиссеевы признаки были. Заплавав,
 Милого сына он обнял, потом обеспамятел; в руки
 Принял его, всех лишеного сил, Одиссей богоравный;
 Но напоследок, когда возвратились и память и силы,
 350 Голос возвысив и взор устремивши на сына, сказал он:
 «Слава Зевесу отцу! Существуют еще на Олимпе
 Мстящие боги, когда беззаконники вправду погибли.
 Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подымется в граде

Скоро мятеж, и сюда соберется народ, и с ужасной
 355 Вестью гонцы разошлются по всем городам кефаленским».
 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен.
 Лучше пойдем мы в твой дом, находящийся близко отсюда;
 Я уж туда Телемака с Филойтием, с старым Евмеем
 360 Прямо послал, им велев приготовить обед нам обильный».
 С сими словами к красивому дому направили путь свой
 Сын и отец; и, когда напоследок вступили в красивый
 Дом, Телемак там с Филойтием, с старым Евмеем, состряпав
 Пищу, уж резали мясо и в кубки вино разливали.
 365 Тою порою, Лаэрта в купальне омывши, рабыня
 Старцево тело его благовонным елеем натерла,
 Чистойо мантией плечи его облекла; а Афина,
 Тайно к нему подошедши, его возвеличила ростом,
 Сделала телом полней и лицу придала молоджавость.
 370 Вышел из бани он светел. Отца подходящего вида,
 Сын веселился его красотою божественно-чистой.
 Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
 «О родитель! Конечно, один из богов олимпийских
 Так озарил красотою твой образ, так выпрямил стан твой!»
 375 Кротко на то Одиссею Лаэрт отвечал многославный:
 «Если б — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
 Был я таков, как в то время, когда с кефаленскою ратью
 Нерикон град на утесе земли матерой ниспровергнул,
 Если бы в доме вчера я таким пред тобою явился,
 380 Броню надел на плеча и, тебе помогая, ударил
 Вместе с тобой на толпу женихов — сокрушил бы колена
 Многим из них я; и ты бы, любуясь отцом, веселился».
 Так говорили они, беседею сладко друг с другом.
 Стряпанье кончив, обильный обед приготовив и севши
 385 Вместе за стол надлежащим порядком на креслах и стульях,
 Весело подняли руки они к приготовленной пище.
 Скоро с работы пришел и старик Долион с сыновьями;
 Звать их за стол к ним навстречу рабыня сикельская вышла.
 (Всех сыновеи воспитала она, а за старым отцом их,
 390 Слабым от лет, с неусыпным усердием в доме пеклася.)
 В двери столовой вступивши, при виде нежданного гостя,
 Все изумились они и стояли, не трогаясь с места.

Ласково к ним обратясь, сказал Одиссей хитроумный:
 «Что же ты медлишь? Садися за стол к нам, старик; удивление
 395 Ваше оставив, пообедайте с нами; давно уж сидим мы
 Здесь за столом, дожидаясь, чтоб вы возвратились с работы».

Так он сказал. Доллион, подбежав к своему господину,
 Руки его целовать с несказанною радостью начал;
 Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
 400 «Здесь, наконец, ты, наш милый, желанный! Увидеть нам дали
 Боги тебя — а у нас уж в душе и надежды свиданья
 Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будут с тобою!
 Нам же теперь объяви, чтоб могли мы всю истину ведать,
 Дал ли уже ты разумной супруге своей Пенелопе
 405 Знать о своем возвращенье? Иль вестника должно послать к ней?»

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Сказано все ей, старик; не заботься об этом напрасно».

Так отвечал Одиссей. Доллион поместился на гладком
 Стуле. Его сыновья, своему поклонясь господину,
 410 С словом приветливым руку пожали ему и обедать
 Сели с другими за стол близ отца своего Доллиона.
 Так пировали они в многославном жилище Лаэрта.
 Осса тем временем с вестью ходила по улицам града,
 Страшную участь и лютую смерть женихов разглашая;
 415 Все взволновались жители града; великой толпою
 С ропотом, с воплем сбежался народ к Одиссееву дому;
 Вынесли мертвых оттуда; одних схоронили; других же
 В дома семейные их по пным городам разослали,
 Трупы развезть поручив рыбакам на судах быстроходных.
 420 На площадь стали потом все печально собираться; когда же
 На площадь все собрались и собрание сделалось полным,
 Первое слово к народу Эвнейт обратил благородный;
 В сердце о сыне своем, Антиное прекрасном, который,
 Первый застреленный, первую жертвою был Одиссея,
 425 Он сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
 «Граждане милые, страшное зло Одиссей нам, ахейцам,
 Всем приключил. Благороднейших некогда в Трою увлекши
 Вслед за собой, корабли и сопутников всех погубил он;
 Ныне ж, домой возвратясь, умертвил кефаленян знатнейших.
 430 Братья, молю вас — пока из Итаки не скрылся он в Пилос
 Или не спасся в Элиду, священную землю эпеян, —

Выйти со мной на губителя; иначе стыд нас покроет;
 Мы о себе и потомству оставим поносную память,
 Если за ближних своих, за родных сыновей их убийцам
 435 Здесь не отмстим. Для меня же, скажу, уж тогда нестерпима
 Будет и жизнь; и за ними, погибшими, в землю сойду я.
 Нет! не допустим, граждане, их праведной кары избегнуть»
 Так говорил он, печальный, и всех состраданье проникло.
 Фемий тогда и глашатай Медон, в Одиссеевом доме
 440 Ночь ту прошедшие, вставши от сна, пред народным собраньем
 Оба явились; при виде их каждый пришел в изумленье.
 Умные мысли имея, Медон им сказал: «Приглашаю
 Выслушать слово мое вас, граждане Итаки; не против
 Воли Зевесовой так поступил Одиссей благородный;
 445 Видел я сам, как один из бессмертных богов олимпийских
 Там появился внезапно, облекшийся в Менторов образ;
 Он, всемогущий, то, стоя пред ним, возбуждал в Одиссее
 Бодрость, то, против толпы женихов обращаясь, гонял их,
 Трепетных, из угла в угол, и все друг на друга валились».
 450 Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным.
 Выступил тут пред народ Галиферд, многоопытный старец,
 Сын Масторов; грядущее он, как минувшее, ведал;
 С мыслью благой обратясь к согражданам, так им сказал он:
 455 «Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
 Вашей виною, друзья, совершилась беда роковая;
 Мне вы и Ментору мудрому не дали веры, когда мы
 Вбóремя вас убеждали унять сыновей безрассудных,
 Много себе непозволенных дел позволявших, губивших
 Дом Одиссеев и злые обиды нанесших супруге
 460 Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вечно.
 Вот вам теперь мой совет; моему покоритесь слову:
 Мирно оставайтесь здесь, чтоб беды на себя не накликать
 Злейшей». Сказал; половина большая собранья с свирепым
 Воплем вскочила; покойно на месте остались другие.
 465 Те ж, негодуя на речь Галифердову, вслед за Эвнейтом
 Бросились шумно-неистовым сонмом готовиться к бою.
 Все, облачившись в крепкие медноблестящие брони,
 За город вышли и там собрался великой толпою.
 Их предводитель Эвнейт, обезумленный горем великим,
 470 Мнил, что за сына отмстит; но ему не назначено было

В дом свой опять возвратиться; его стерегла уж судьбина.
 Тут светлоокая Зевса Кронниона дочь обратила
 Слово к отцу и сказала: «Кроннион, верховный владыка,
 Мне отвечай, вопрошающей: что ты теперь замышляешь?
 475 Злую ль гражданскую брань и свирепокровавую сечу
 Здесь воспалить? Иль противникам миром велеть сочетаться?»
 Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кроннион:
 «Странно мне, милая дочь, что меня ты о том вопрошаешь;
 Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
 480 Всех их, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочешь
 Сделать теперь, то и сделай. Мои же тебе я открою
 Мысли: отместил женихам Одиссей богоравный — имел он
 Право на то; и царем он останется; клятвой великой
 Мир утвердится; а горькую смерть сыновей их и братьев
 485 В жертву забвению мы предадим; и любовь совокупит
 Прежняя всех; и с покоем обилие здесь водворится».

Кончив, велел он идти нетерпением горевшей Афине.
 Бурно в Итаку с вершины Олимпа шагнула богиня.
 Те же, насытятся вдоволь, обед свой окончили. Голос
 490 Свой Одиссей тут возвысил и бросил крылатое слово:
 «Должно, чтоб кто-нибудь вышел теперь посмотреть: не идут ли?»
 Так он сказал, и один из младых сыновей Долиона
 В двери пошел; но с порога дверей, подходящих увидя,
 Громко воскликнул и быстрое слово Лаэртovu сыну
 495 Бросил: «Идут! Поспешите! Оружие в руки! Их много!»
 Все побежали немедя и в крепкие брони оделись;
 Был Одиссей сам-четверт; Долионовы стали с ним рядом
 Шесть сыновей. И Лаэрт с Долионом оружие также
 500 Взяли — седые, нуждой ополченные ратники-старцы,
 Все совокупно, облекшись в медноблестящие брони,
 Вышли они, Одиссей впереди, из дверей. К Одиссею
 Тут подошла светлоокая дочь громовержца Зевеса,
 Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина;
 Радостью был он проникнут, ее пред собою увидя.
 505 К сыну потом обратясь, он бросил крылатое слово:
 «Друг Телемак, наступила пора и тебе отличиться
 Там, где, сражаясь, великою честью себя покрывает
 Страха не знающий муж. Окажися достойным породы
 Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».

510 Кротко отцу отвечал рассудительный сын Одиссеев:
 «Сам ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
 Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».

Так он сказал. Их услышав, Лаэрт вдохновенно воскликнул:
 «Добрые боги, какой вы мне день даровали! О радость!

515 Слышу, как сын мой и внук мой друг с другом о храбрости спорят!»
 Дочь многосильная Зевса, к нему подошедши, сказала:
 «Бодрый Аркезиев сын, из товарищей всех мне милейший,
 В помощь призвавши Зевеса-отца и Афины Палладу,
 Выдь на врага и копьё длиннотенное брось наудачу».

520 Слово ее пробудило отважность великую в старце;
 Он, помоляся владыке Зевесу и грозной Палладе,
 Вышел вперед и копьё длиннотенное бросил, не целясь.
 В медноланитный Эвпейтов шлем он попал, и, защиту
 Меди пробивши, расколотый череп копьё просадило;

525 Грянулся навзничь Эвпейт, и на нем загремели доспехи.
 Тут на передних удара сам-друг, Одиссей с Телемаком
 Начали быстро разить их мечом и копьём; и погибли
 Все бы они и домой ни один не пришел бы обратно,
 Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса

530 Громко не крикнула, гибель спеша отвратить от народа:
 «Стойте! Уймитесь от бедственной битвы, граждане Итаки!
 Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!»
 Так возопила Афина; все схвачены трепетом бледным
 Были они и, оружие в страхе из рук уронивши,

535 Пали на землю, сраженные криком богини громовым;
 В бегство потом обретясь, устремились, спасаясь, в город.
 Громко тогда завопив, Одиссей, непреклонный в напасть,
 Кинулся бурно преследовать их, как орел поднебесный.
 Но громовую стрелю Кронниона вдруг раздвоилось

540 Небо, и ярко она пред Афиной ударила в землю.
 Дочь светлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:
 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
 Руку свою воздержи от пролития крови, иль будет
 В гнев приведен потрясающий небо громами Кроннион».

545 Так говорила богиня. Он радостно ей покорился.
 Скоро потом меж царем и народом союз укрепила
 Жертвой и клятвой великой приявшая Менторов образ
 Светлая дочь громовержца богиня Афина Паллада.

ИЛИАДА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Гнев нам, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
 Гибельный гнев, приключивший ахеянам много великих
 Бедствий и воинов многих бесстрашные души низведший
 В область Аида, их трупы оставя на пищу окружным
 5 Птицам и псам, — так свершалася воля Кронниона Зевса —
 С тех пор, как сильной враждою разрознены были владыки,
 Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес богоравный.
 Кто из бессмертных зажег в их груди толь свирепую злобу?
 10 Феб, сын Латоны и Зевса. Атридом прогневанный, язву
 Он ниспослал на ахейскую рать, и бесчисленно гибли
 Люди, понеже был жрец Аполлонов Хризес недостойно
 Сыном Атрея обижен. Чтоб выручить дочь из неволи,
 С выкупом старец богатым пришел к кораблям крепкозданным,
 Жреческий жезл золотой Аполлоновым лавром обвивши.
 15 Всех обходил он ахеян, склоняя сердца их на жалость;
 Паче ж других убеждал двух Атридов, вождей над вождями:
 «Вы, Атриды, и вы, броненосцы ахеяне, сила
 Вечных богов олимпийских да вам неспровергнуть поможет
 Город Приамов и путь вам успешный устроит в отчизну;
 20 Вы же отдайте мне дочь, за нее многоценный принявши
 Выкуп и сына Зевесова чтя, стрелоносного Феба».
 Так он молил: восклицаньем всеобщим решили ахейцы
 Просьбу исполнить жреца и принять предложенный им выкуп.
 Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
 25 Старца моленье отверг он и так раздраженный примолвил:
 «Если, докучный старик, от моих кораблей крепкозданных
 Ты не уйдешь во мгновение иль снова дерзнешь подойти к ним,
 Жезл твой и лавр Аполлонов тебя от беды не избавят.
 Дочь же твоя из неволи не выйдет; до старости поздней
 30 В доме моем, в отдаленном Аргосе, с домашними розно,
 Будет работать она и моею наложницей будет;
 Но удались и меня не гневи: иль домой ты отсюда
 Цел не пойдешь». Так сказал он; испуганный жрец удалился.
 Берегом моря широкошумящего молча пошел он;

35 Стал вдалеке от судов, сокрушенный, и начал молиться
 Фебу царю, светлокудрой Латоной рожденному богу:
 «Бог, облетающий с луком серебряным Хризу и Скиллы
 Светлый предел, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущий,
 40 Если тебе я когда угодил, изукрасив священный
 Храм твой и жирные коз и быков пред тобою сожегши
 Бедрa, мое благосклонно услышь и исполни моление:
 Слезы мои отомсти на данаях твоими стрелами.
 Так говорил он, моляся, и был Аполлоном услышан.
 Гневный поспешно сошел Аполлон с высоты олимпийской,
 45 Тул затворенный и лук за спиною неся; и ужасно
 Стрелы гремели, стуча о плеча раздраженного бога
 В грозном его приближенье; как черная ночь подходил он.
 Сев на виду кораблей, он пустил неизбежные стрелы;
 Страшно серебряный лук зазвучал, разогнувшись. Сначала
 50 В мулов и вольнобродящих собак он стрелял, напоследок
 Горькие стрелы свои обращать и на ратных данаев
 Начал: всечасно бесчисленны трупов костры пламенели.
 Девять уж дней облетала погибель весь стан, на десятый
 Созвал Пелид Ахиллес на собранье все войско ахеян.
 55 Мысли его обратила на то светлорукая Ира:
 В страхе богиня была, погибающих видя аргивян.
 Все собрались они, и собрание сделалось полным;
 Первый, поднявшись, так им сказал Ахиллес быстроногий:
 «Видно, Атрид, нам придется опять, избраздивши все море,
 60 В дома свои возвратиться, ежели только удастся
 Смерти кому избежать; нас война и чума совокупно
 Губят: спросить надлежит нам пророка, жреца или какого
 Снов изъяснителя — сны равномерно приходят от Зевса —
 Пусть истолкует он, чем Аполлон так ужасно прогневан?
 65 Был ли обет не исполнен? принести ли ему экатомбу
 Медним? или жертвенный запах отборных козлов и баранов
 Должен его усладить, чтоб от нас отклонилась зараза?»
 Кончив, он сел. И тогда поднялся птицеведатель зоркий,
 Старец Кальхас Тесторид, из вещателей самый премудрый:
 70 Ведал он все настоящее; ведал, что было, что будет;
 Дар звездознания прияв от бессмертного сына Латоны,
 Он управлял и судами данаев, плывущими в Трою.
 Мыслей благих преисполненный, так он сказал Ахиллесу:

«Ведать желаешь, Пелид, многославный любимец Зевеса,
 75 Чем раздражен далекопоражающий Феб Олимпиец:
 Истину всю вам открою; но ты, Ахиллес, поклянися
 Мне, что и словом и делом меня защитишь, поелику
 Думаю я, что моим оскорбится пророческим словом
 Муж, обладатель Аргоса и всех повелитель ахеян.
 80 Сильного страшно царя человеку простому прогневать:
 Если сперва и воздержит он гнев свой, то памятным сердцем
 Будет досадовать тайно, покуда себя не насытит
 Мщеньем. Размысли, ты можешь или нет даровать мне защиту?»
 Вещему старцу ответствовал так Ахиллес быстроногий:
 85 «Смело открой нам тебе откровенную волю бессмертных;
 Я ж Аполлоном, любимцем Зевеса (ему же всегда ты
 Молишься, волю богов возвещая данаям), клянуса
 Здесь, что, покуда живу и сиянием дня утешаюсь,
 Руку поднять на тебя не дерзнет ни один из данаев
 90 Близ кораблей крепкозданных; хотя бы и сам Агамемнон,
 Между ахейцами первым слывающий, тобой обвинен был».

Тут, ободренный, сказал Ахиллесу Кальхас прорицатель:
 «Бог раздражен не забвеньем обета, не ждет экатомбы;
 Он за жреца, Агамемноном здесь оскорбленного, гневен;
 95 Гневен за то, что не выдали дочери старцу, что выкуп отвергнут;
 Вот что на нас навлекло все беды и еще навлечет их
 Много. И Феб далекопоражающих рук не опустит
 Прежде, покуда, отцу светлоокою деву без всякой
 Платы, без выкупа выдав, святой не пошлем экатомбы
 100 В Хризу: иначе ничто не смирит раздраженного Феба».

Так говорил он; и быстро поднялся пространнодержавный
 Пастырь народов Атрид, повелитель царей Агамемнон,
 Гневом проникнутый; сердце его преисполнено было
 Черною злобой, и очи как яркое пламя горели.
 105 Грозно взглянув на Кальхаса, воскликнул Атрид Агамемнон:
 «О зловещатель! ты доброго мне никогда не пророчил;
 Сердце твое лишь напасти предсказывать любит; ни разу
 Словом и делом благим от тебя я порадован не был.
 110 Ныне в собрание ахейских вождей утверждать ты дерзаешь,
 Будто за то нас казнит Аполлон стрелonosец, что мною
 Был от отца Хризеиды, невольницы пленной, не принят
 Выкуп; но я несказанно желаю прекрасную деву

В дом свой увести: мне она и самой Клитемнестры супруги
 Стала милее, понеже ее превосходит высоким
 115 Станом, лица красотой, и умом, и искусством в работе.
 Но и ее уступить я согласен, когда уж так должно, —
 Лучше, конечно, мне видеть спасенье, чем гибель народа.
 Только от вас за убыток я должен иметь воздаянье.
 Мне ль одному без возмездия быть? Неприлично, то все вы
 120 Видите сами, чтоб дар мой почетный был мною утрачен».

Тут, возражая, сказал Ахиллес богоравный Атриду:
 «Ты, многосильный Атрид, ненасытный копитель корыстей,
 Как же ты требовать можешь подарка себе от данаев?
 Разве имеют в запасе какое богатство данаи
 125 Наши добычи из всех городов мы давно разделили;
 Должно ли все разделенное вновь собирать, чтоб делиться
 Снова? Отдай ты теперь Хризеиду, покорствуя богу;
 Втрое и вчетверо будет тебе воздаянье, когда нам
 Град Илион крепкостенный Кроннион разрушить позволит».

130 Царь Агамемнон, ответствуя, так возразил Ахиллесу:
 «Сколь ты ни силен, Пелид богоравный, но мыслишь напрасно
 Сердце мое обольстить; вам меня провести не удастся.
 Или ты думаешь, сам награжденный богато, что буду
 Я терпеливо сидеть без награды, твоей покорившись
 135 Воле? Пускай за утрату мою отдадут мне данаи
 То, что по мысли моей и достоинства равного будет.
 Иначе, если откажут данаи, своею рукою
 Я иль твое, иль Аяксово, или на часть Одиссею
 Данное взять к вам приду, не заботясь о вашей досаде.

140 Но об этом и после есть время подумать, теперь же
 Черный корабль на священное море немедленно спустим,
 Выберем сильных гребцов и, корабль нагрузив экатомбой,
 В нем Хризеиду, прекрасную, светлокудрявую деву,
 С миром отпустим к отцу, — корабля ж предводителем будет
 145 Идоменей, иль Аякс, иль герой Одиссей богоравный,
 Или ты сам, Ахиллес, меж ахеян ужаснейший, бога,
 Злых посылателя стрел, поспеши усмирить экатомбой».

150 Мрачно взглянув на Атрида, сказал Ахиллес быстроногий:
 «Ты, облеченный в бесстыдство, копитель богатств ненасытный,
 Кто из ахеян исполнить твое повеленье захочет,
 Если пошлешь иль в сражение, иль в трудный поход за добычей?»

Я же сюда с кораблями пришел не троян копыеносных
 В битве губить: мне от них никакой не бывало обиды;
 Не были ими ни кони мои, ни быки своевольно
 155 Схвачены, также они и полей многоплодно-обильной
 Фтии моей не топтали: покрытые густо лесами
 Горы и море пространно-шумящее нас разлучают.
 Здесь для тебя мы, чтоб ты веселился, бесстыдный, чтоб брату
 Честь возвратил и чтоб Трою, собачьи глаза, ниспровергнул,
 160 Мстя за свое оскорбление: но ты и не мыслишь об этом;
 Ныне ж и взять у меня мой участок добычи грозишься,
 Стоивший мне несказанных трудов, мне ахейцами данный.
 Здесь не бывало таких, как твой, мне участков, когда нам
 Город такой многолюдный троянский разрушить случалось.
 165 Бремя тревог утомительно шумного боя лежало
 Все на плечах у меня, при разделе ж богатой добычи
 Лучшая часть доставалась тебе, и, довольствуясь малым,
 Я к кораблям возвращался, трудом боевым изнуренный.
 Нет, мне пора возвратиться в мою плодоносную Фтию;
 170 Время домой отвести корабли крутоносые. Ты же
 Здесь без меня ни добыч, ни богатств не сберешь, злой обидчик».

Пастырь народов Атрид, возражая, сказал Ахиллесу:
 «Хочешь бежать ты — беги! Умолять, уж конечно, не буду
 Я, чтоб остался ты здесь для меня; здесь найдется довольно
 175 Бодрых вождей для добытия славы; за нас и Кронион.
 Ты из питомцев Зевеса царей для меня ненавистней
 Всех; ты всегдашний заводчик раздоров, смятений и брани.
 Правда, ты силен; но сила даруется нам без заслуги
 Небом. Веди же в отчизну свои корабли и дружины,
 180 Властуй спокойно своей плодоносною Фтией; ты здесь мне
 Совсе не нужен; о гневе твоём не забочусь; напротив,
 Слушай: когда уж берет у меня Аполлон Хризеиду,
 В собственном я корабле и с своими людьми не замедлю
 Деву послать; но зато из шатра твоего Бризеиду,
 185 Дар твой почетный, своею рукою исторгну, чтоб знал ты,
 Сколь я сильнее тебя, чтоб вперед и другие страшились
 Дерзостно мне возражать и со мною надменно равняться».

Так он сказал. Закипело в косматой груди Ахиллеса
 Сердце; меж двух волновался он, сильно озлобленный, мысльей:
 190 Острый ли меч от бедра отхватив, сквозь данаев прорваться

Прямо к Атриду и разом его умертвить; иль кипучий
 Гнев успокоить и руку свою воздержать от убийства.
 Тою порой как рассудком и сердцем он так колебался,
 Выхватив меч из ножен в половину великий, слетела
 195 С неба Афина Паллада — ее светлорукая Ира,
 Сердцем обоих любя, за обоих тревожась, послала;
 Став позади Ахиллеса, его за густые схватила
 Кудри богиня, ему лишь открывшись, незримая прочим.
 Очи назад обратил, изумясь, Ахиллес; он Афину
 200 Разом узнал, устрешенный ее пламенеющим оком.
 К ней обратился лицом он и бросил крылатое слово:
 «Дочь потрясателя грозной эгиды, зачем ты, богиня,
 Здесь? Любоваться ль пришла самовластным нахальством Атрида?
 Я же тебе говорю, и тому неминуемо сбыться:
 205 Жизнью он за свою безрассудную гордость заплатит».
 Так отвечала Афина богиня лазурные очи:
 «Гнев успокоить твой, если покорен мне будешь, сошла я
 С неба — меня светлорукая Ира, тебя и Атрида
 Сердцем любя, за обоих вас сердцем тревожась, послала.
 210 Вдвинь же убийственный меч свой в ножны и покойся; словами
 Можешь с ним ратовать, сколько душа пожелает. Тебе же
 Я предскажу, и мое предсказанье исполнится верно:
 Некогда втрое богатою платой твое оскорбленье
 Гордый загладит; теперь усмирися и будь нам покорен».
 215 Так, отвечая богине, сказал Ахиллес быстроногий:
 «Слово, богиня, уважить твое, без сомнения, должно,
 Сколь бы ни злилась душа; то будет, конечно, полезней:
 Смертный, покорный богам, завсегда и богами внимаем».
 Тут, к рукояти серебряной крепкую руку притиснув,
 220 Меч свой великий в ножны он, покорствуя слову богини,
 Вдвинул. Она же на светлый Олимп улетела, в жилище
 Зевса-эгидодержавца, в собрание прочих бессмертных.
 Снова Пелид обратился с ругательной речью к Атриду.
 Так он ему говорил, преисполненный яростным гневом:
 225 «Пьяница, сердце оленье, собачьи глаза, никогда ты,
 В панцирь облекшись, воинства в бой не водил, ни однажды
 С первыми вместе вождями в засаду засева, не решился
 Выждать врага — ты в сраженье лишь смерть неизбежную видел.
 Легче, конечно, бродя по широкому стану ахеян,

230 Силой добычи у тех отымать, кто тебе прекословит;
 Царь-душегубец, ты, видно, не смелых людей повелитель;
 Иначе, думаю, ныне в последний бы раз так обидно
 Здесь говорил. Но послушай меня: я священным клянуся
 235 Этим жезлом, и столь верно, как то, что ни листьев, ни ветвей
 Он уж не пустит, покинув, отрубленный, гору, и вечно
 Зелен не будет — теперь от коры и листов он очищен
 Острою медью; его скиptronосцы, владыки ахеян,
 Правды блюстители, держат в руках, на земле сохраняя
 Зевсов порядок. И ныне моей он великою клятвой
 240 Будет. Наступит пора; Ахиллеса ахеяне станут
 Все призывать. И не будешь ты им, сколь ни сетуй, защитой
 Против людей истребителя Гектора, их беспощадно
 В бое толпами губящего; сердце свое лишь измучишь,
 Поздно раскаясь, что лучшего между ахеян обидел».

245 Так он сказал и, свой жезл, золотыми гвоздями обитый,
 Бросив на землю, нахмуренный сел. Агамемнон
 Гневно словами его оскорблять продолжал. Тут поднялся
 Звонкоголосный, приветноречивый витязь пелійский
 Нестор, которого речи лилися как мед благовонный
 250 С сладостных уст; два колена людей говорящих, с ним вместе
 Жившие, кончили жизнь и исчезли; во граде священном
 Пилюсе царствовал он уж над третьим людей поколеньем.
 Мыслей благих преисполненный, так он сказал пред собранием:
 «Горе нам! злая печаль всю Ахейскую землю обмет,
 255 Будут Приам, и Приамовы все сыновья, и трояне
 В сердце своем ликовать несказанно, когда к ним достигнет
 Слух о раздоре, смутившем вождей знаменитейших наших,
 Первых меж нами и мудрым советом и мужеством в битве.
 Дайте, о дайте мне вас образумить! меня вы моложе
 260 Оба; и с лучшими, нежели вы, современно на свете
 Жил, и знавался, и не был от них за ничто принимаем.
 Я уж не вижу теперь, не увижу и после, подобных
 Славным любимцам богов Пиритою, Дриасу, Кенею,
 Или Эксадию, или владыке людей Полифему,
 265 Или Тезею, Эгееву богоподобному сыну:
 Силою с ними, конечно, никто на земле не равнялся;
 Сами сильнейшие, в бой и сильнейших они вызывали;
 Страшных кентавров они на горах истребили. В то время

Я их товарищем был, к ним пришел из далекого града
 270 Пилоса, призванный ими самими, и подвигов много,
 Ратуя вместе, тогда мы свершили; никто б из живущих
 Ныне людей земнородных не в силах был с ними бороться.
 Но и они мой ценили совет, моему покорялись
 Слову. И вы покоритесь ему. Нам покорность полезна.
 275 Пленницы ты у него не бери, Агамемнон, — ты властен
 Взять, но ее получил он от рати ахейской в почетный
 Дар; а тебе, благородный Пелид, неприлично так спорить
 Дерзко с царем — ни один на земле из царей скиптроносных,
 280 Зевсом прославленных, не был подобною честью украшен.
 Если, рожденный богиней, ты в дар получил при рождении
 Более мужества, выше он властью, он царь над царями.
 Ты же, Атрид, успокойся и к просьбе моей благосклонно
 Слух преклони, не враждуй с Ахиллесом: ахеянам твердой
 Он обороною служит в пылу истребительной брани».

285 Нестору так, возражая, отвечал царь Агамемнон:
 «Старец! ты правду сказал, и разумен совет твой; но этот
 Гордый всегда перед всеми себя одного выставляет,
 Всеми господствует, всем управляет как царь самовластный.
 Хочет для всех быть законом, который никем здесь не признан.
 290 Если искусно владеть он копьем научён от бессмертных,
 Вправе ль за то раздражать здесь людей оскорбительным словом?»
 Речь перебивши его, отвечал Ахиллес богоравный:
 «Жалким, достойным презрения трусом пусть буду я признан,
 Если во всем, что замыслишь ты, буду тебе покоряться.
 295 Властвуй другими и все им предписывай, я же
 Власти твоей признавать не хочу и тебе не поддамся.
 Слушай, однако, и в сердце свое запиши, что услышишь.
 Против тебя и других за невольницу рук подымать я
 Вовсе не думаю: данное вами возьмите обратно;
 300 Но до того, что мое на моих кораблях крепкозданных,
 Я ни тебе, ни твоим не дозволю дотронуться. Если ж
 Хочешь, отдавай — тогда все ахейцы увидят, как черной
 Кровью твоею мое боевое копьё обольется».

Тут, разъяренные оба, ругательный бой прекративши,
 305 Встали и собранных всех к кораблям распустили ахеян.
 К черным своим кораблям Ахиллес возвратился с Патроклом,
 Сыном Менетия, с ним и другие друзья мирмидоны.

Тою порою корабль на соленую влагу, избравши
 Двадцать гребцов, повелел Агамемнон спустить с экатомбой,
 310 Фебу назначенной; сам Хризеиду прекрасно-младую
 Ввел на корабль и его Одиссею премудрому вверил.
 Все собрались мореходцы и в путь устремились влажный.
 Тут повелел очищаться ахеянам царь Агамемнон;
 Разом омывшись, они все нечистое бросили в море.
 315 После ж, дабы усмирить Аполлона, сожгли экатомбу
 Коз и быков на берегу неприютно-бесплодной пучины.
 С облаком дыма возшло к небесам благоволие жертвы.
 Так очищалася рать. Той порою Атрид Агамемнон,
 Все, чем грозил Ахиллесу, спеша совершить, Эврибата
 320 Вместе с Талтибием, царских глашатаев, призвал.
 Были проворные слуги они; им сказал Агамемнон:
 «Оба идите в шатер Ахиллеса, Пелеева сына;
 За руку взяв Бризеиду, ко мне возвратитесь с прекрасной
 Девой; а если ее не захочет он выдать, за нею
 325 Сам я с другими приду, и тогда огорченье сильнее
 Будет ему». Так сказав, их послал он с грозящим к Пелиду
 Словом. Пошел неохотно ко берегу бесплодного моря,
 Скоро они к кораблям и шатрам мирмидонским достигли.
 Близ корабля и шатра своего Ахиллес богоравный
 330 Мрачный сидел; и не радостно было ему их явленье.
 Полные страха, глашатаи в смутном молчанье
 Оба стояли, к нему обратиться не дерзая вопроса.
 Он же, их робким смятеньем растроганный, кротко сказал им:
 «Милости просим, глашатаи, воли людей и бессмертных
 335 Вестники; смело приближьтесь; виновны не вы — Агамемнон,
 Взять у меня Бризеиду сюда вас приславший, виновен.
 Друг благородный Патрокл, приведи Брисеиду и выдай
 Им; пусть за ними последует! Я же в свидетели ныне
 Вас пред судом и блаженных богов и людей земнородных,
 340 Также равно и пред ним, необузданным, здесь призываю:
 Если случится, что снова в беде я ахеянам буду
 Нужен... Безумный! он сам на себя и других накликает
 Злую беду, ни назад, ни вперед не глядя и ахеян,
 Быющих близ кораблей крепкозданных, защиты лишая».

345 Так говорил он. Патрокл благородный, покорствуя другу,
 Вывел Бризееву дочь из шатра и глашатаям выдал

Милую деву. И с нею к ахейским шатрам возвратились
 Оба. За ними ж она с отвращеньем пошла. И, заплавав,
 Сел Ахиллес одиноко, вдали от друзей, на пустынном
 350 Береге моря седого. Смотри на свинцовые волны,
 Руки он поднял и, милую мать призывая, воскликнул:
 «Милая мать, на недолгую жизнь я рожден был тобою.
 Славу за то даровать обещал мне высокогремящий
 Зевс Олимпиец. Но что ж даровал он? какая мне слава?
 355 Царь Агамемнон, владыка народов, меня обесчестил,
 Взял достоянье мое и теперь им бесстыдно владеет».
 Так говорил он в слезах, и услышала жалобы сына
 Мать в глубине неиспытанной моря, в жилище Нерея.
 Легким туманом с пучины седой поднялася богиня;
 360 К сыну, лиющему горькие слезы, приблизясь, с ним рядом
 Села она и сказала ему, потрепавши рукою
 Щеки: «О чем же ты плачешь, дитя? что твою сокрушает
 Душу? Скажи, не скрывайся, со мной поделися печалью».
 Так ей, вздохнув глубоко, отвечал Ахиллес быстроногий:
 365 «Ведаешь все ты сама; мне не нужно рассказывать. В Фивы,
 Град Этеонов священный, ходили мы сильной дружиной;
 Град истребив, мы сюда возвратились с великой добычей;
 Все разделили как следует между собою ахейцы;
 Сыну Атревеву даром почетным была Хризеида,
 370 Дочь молодая Хризеса, жреца Аполлонова. Тяжким
 Горем крушимый, чтоб выручить милую дочь из неволи,
 С выкупом старец богатым пришел к кораблям крепкозданным,
 Жреческий жезл золотой Аполлоновым лавром обвинивши;
 Всех обходил он ахеян, склоняя сердца их на жалость;
 375 Паче ж других убеждал двух Атридов, вождей над вождями.
 Всех он молил; восклицаньем всеобщим решили ахейцы
 Просьбу исполнить жреца и принять предложенный им выкуп.
 Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
 Старца моленье отверг он, жестокое слово примолвив.
 380 Жрец удалился разгневанный; Феб, издалека разящий,
 Жалобный голос им многолюбимого старца услышал;
 Злую стрелу истребления послал он, и начали гибнуть
 Люди; и, смерть разнося по широкому стану ахеян,
 Фебовы стрелы ужасно летали. Тогда прорицатель,
 385 Ведатель воли далекоразящего бога, открыл нам

Гнева причину; и первый я подал совет примириться
 С Фебом. Атрид раздражился; стремительно встав, он грозил мне
 Яростным словом: и ныне его совершилась угроза.
 В Хризу на быстром везут корабле Хризеиду, младую
 390 Деву, ахейцы с дарами царю Аполлону. И были
 Присланы два уж глашатая в царский шатер мой Атридом
 Взять Бризеиду, за подвиги данную мне от ахеян.
 Если ты можешь, вступиися за честь оскорбленного сына,
 Милая мать; полети на Олимп к Громовержцу, и если
 395 Словом иль делом когда угодила ему, помолился
 Ныне за сына. Не раз от тебя я в Пелеевом доме
 Слышал, как Зевс чернооблачный некогда был лишь тобою,
 Прочим богам вопреки, от беды и позора избавлен:
 Против него сговорясь, олимпийцы Афина Паллада,
 400 Ира и бог Посидон замыслили связать Громоносца;
 В помощь к нему ты, богиня, пришла, и от срама избавлен
 Был он тобой; на Олимпе привела ты сторукого — звали
 Боги его Бриареем, он слыл у людей Эгеоном.
 Грозный титан, и отца своего превзошедший великой
 405 Силою, рядом с Кронионом сел он, огромный и гордый;
 Им устрешенные, боги связать не посмели Зевеса.
 Ныне и ты близ Крониона сядь и, рукою колена
 Тронув его, помолись за меня, чтоб послал он троянам
 Помощь, чтоб к морю они оттеснили ахеян, чтоб, гибель
 410 Видя, ахейцы своим похвалились царем, чтоб и сам он,
 Гордый, пространнодержавный владыка людей Агамемнон
 Горько постигнул, что лучшего между ахеян обидел».

Сыну Фетида в слезах, сокрушенная, так отвечала:
 «Горе! дитя, для чего я тебя родила и вскормила!
 415 Здесь, близ твоих кораблей, не крушась и не плача, сидеть бы
 Должен ты был, на земле обреченный так мало, так мало
 Жить. Но безвременно здесь умереть, в сокрушенье истратив
 Жизнь — для того ли тебя мне родить повелела судьбина?
 С этою жалобой к молниелюбцу Зевесу отсюда
 420 Я подымусь на Олимп снегоносный. Меня он услышит.
 Ты же вблизи кораблей крепкозданных спокойно, питая
 Гнев на Атрида, сиди и в сраженье отнюдь не мешайся.
 Зевс на поток Океан к эфиопам вчера беспорочным
 Вместе со всеми богами на праздник пошел; он оттуда

Прежде двенадцати дней возвратиться не может.
В дом меднокованный к Зевсу тогда я приду и, колена
Тронув его, помолюсь о тебе, и молитвы, конечно,
Он не отринет». С сим словом исчезла богиня, оставя
Гневного сына в тоске по красноопоясанной деве, насильно,
Сердцу ее вопреки, от него уведенной к Атриду.
В Хризу тем временем плыл Одиссей с экатомбой; когда же
Быстрый корабль их в глубокую пристань проникнул, свернули
Все паруса и уклали на палубе их мореходцы,
Мачту потом опустили в хранилище крепким канатом,
Быстро на веслах корабль довели до притонного места,
Якорный бросили камень, канатом корабль прикрепили
К берегу, сами сошли на волной орошаемый берег.
С ними была снесена и великая Фебова жертва;
С ними сошла с корабля и спутница их Хризеида.
Деву немедля приведши во храм, Одиссей многоумный
Сам ее отдал руками отцу и сказал, отдавая:
«Прислан к тебе, о Хризес, я Атридом, владыкой народов,
Дочь возвратить и принести экатомбу священную Фебу
В дар за ахеян, чтоб гнев укротился великого бога,
Им приключившего тьмы сокрушающих сердце напастей».
Так говоря, Хризеиду он отдал; с веселием принял
Старец любезную дочь. По порядку потом экатомбой
Фебов высокий алтарь окружили ахейцы, омыли
Руки и горсти наполнили жертвенным чистым ячменем;
Стал посреди их Хризес и, молясь Аполлону, воскликнул:
«Бог, облетающий с луком серебряным Хризу и Скиллы
Светлый предел, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущий,
Ты благосклонно услышал мою и исполнил молитву,
Честь мне воздав ниспосланием бед на ахеян:
Выслушай вновь и исполни молитву мою благосклонно —
Гнев свой великий смир и беды отвори от ахеян!»
Так говорил он, моляся, и был Аполлоном услышан.
Те ж приготовленным в жертву скотам, их ячменем осыпав,
Шеи загнули назад, всех зарезали, сняли с них кожу,
Тучные бедра отсекли, кругом обложили их жиром,
Жир же кровавого мяса кусками покрыли; все вместе
Старец зажег на костре и вином оросил искрометным;
Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями;

465 Бедро сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
 Все разрубили на части; на вертелы вздев осторожно,
 Начали жарить; дожаривши, с вертелов сняли и, дело
 Кончив, обильно-богатый устроили пир; началось
 Тут пированье, и все насладились пищей; когда же
 Был удовлетворен голод их сладостно-вкусною пищей,
 470 Юноши, чашу до края наполнив вином благовонным,
 В кубках его разнесли, по обычаю справа начавши.
 Целый день славив мирительным пением Феба, ахейцы
 Громко хвалебный пеан воспевали ему; совокупно
 Пели они стрелоносного бога; им благосклонно внимал он.
 475 Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная;
 Все улеглись на бреге они у причал корабельных.
 Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
 Плыть собрались они к отдаленному стану ахейан.
 Ветер попутный им дал Аполлон, и они, совокупно
 480 Мачту подняв и блестящие все паруса распустивши,
 Поплыли; парус середний надулся, пурпурные волны
 Шумно под килем потекшего в них корабля закипели;
 Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.
 К берегу пристав и достигнув широкого стана ахейан,
 485 Быстрый корабль свой они на песчаную сушу встянули;
 Там на подпорах высоких его утвердили и сами
 Все разошлись, кто в шатер, кто на черный корабль крутобокый.
 Близко своих кораблей крепкозданных сидел, продолжая
 Гнев свой питать, Ахиллес богоравный крылатые ноги;
 490 Он никогда не являлся уже на совете вождей многославных,
 Он не участвовал в битвах; в бездействии милое сердце
 Он изнурял, по тревогах и ужасах брани тоскуя.
 Тою порою с двенадцатым небо украсившим утром
 Вечноживущие боги на светлый Олимп возвратились
 495 Все, предводимые Зевсом. Фетида, желание сына
 Помня, из моря глубокого с первым сиянием утра
 Вышла; взлетев на высокое небо Олимпа, богиня
 Зевса нашла там; один, от богов отделяясь, всю землю
 Видя, на высшей главе многоглавого был он Олимпа.
 500 Сев близ него, окружила колено священное бога
 Левою рукою Фетида, а правой его подбородок
 Глядя, Крониону туч собирателю нежно сказала:

«Если, отец, я тебе меж богами когда угодила
 Словом иль делом, мое благосклонно исполни моление:
 505 Сына утешь моего, осужденного рано покинуть
 Жизнь; обесчестил его повелитель царей Агамемнон,
 Дерзко похитивши данный ему от ахейн подарок.
 Ты же отмети за него, миродержец, всесильный Кронион!
 Пусть побеждают ахейн трояне, пока воздаянья
 510 Полного сын за обиду свою от царя не получит».
 Так говорила она, и не вдруг отвечал Громовержец;
 Долго сидел он в молчанье; Фетида ж, к объятому прежде
 Ею колену прижавшись крепче, вторично сказала:
 «Прямо ответствуй, Зевес; никого ты страшиться не можешь;
 515 Иль согласишься, тогда утверди мановеньем обет свой;
 Иль откажи, чтоб узнала я, сколь пред тобою ничтожна».
 Тяжко вздохнув, воздымающий тучи Зевес отвечал ей:
 «Трудное дело ты мне предлагаешь; меж Ирой и мною
 Ссора опять загорится; ругательным словом рассердит
 520 Ира меня; перед всеми бессмертными вечно со мною
 Вздорит она, утверждая, что я за троян заступаюсь.
 Ты же отсюда уйди, чтоб тебя не заметила Ира.
 Способ найду я тебе угодить; на меня положися;
 Слово свое головы мановеньем
 525 Знаменье это для всех олимпийцев есть знак величайший
 Власти моей: неизменно мое, непреложно и твердо
 Слово, когда подтверждаю его головы мановеньем».
 Кончил и черногустыми бровями повел Громовержец;
 530 Благоуханные кудри волос потряслись на бессмертном
 Бога челе: содрогнулись кругом все вершины Олимпа.
 Тайную кончив беседу, они разлучились; с Олимпа
 В бездну соленую быстрым полетом слетела Фетида;
 Зевс возвратился к себе, поднялися почтительно боги
 С тронов своих перед вечным отцом; ни единый
 535 Сидя его не отважился выждать, но, встав, все навстречу
 Вышли к нему. На высоком престоле он сел. От очей же
 Иры не скрылось, что к ним приходила беседовать тайно
 Дочь среброногая старца морского Нерея Фетида;
 К Зевсу немедленно грубое слово она обратила:
 540 «Кто из богов, лицемер, там шептался так скрытно с тобою?
 Вечно ты любишь, я знаю, себя от меня отклонивши,

В тайне с другими советы держать, и ни разу еще ты
 Мне наперед не сказал откровенно о том, что замыслил».

545 Ире отвечал так повелитель бессмертных и смертных:
 «Ира, не мни, чтоб мои все советы постигнуть возможно
 Было тебе; и супруга верховного бога не в силах
 Вынести их. Что тебе сообщить я признаю приличным,
 Прежде тебя не услышит о том ни бессмертный, ни смертный;
 Если же что от богов утаить я намерен, не смей ты

550 Спрашивать дерзко о том и моею не разведывай тайны».

Ира-богиня воловьи глаза отвечала Зевесу:
 «Странное слово сказал ты, ужасный Зевес; никогда я
 Делать вопросы и в тайны твои проникать не дерзала,
 Все, как хотел, ты задумывал, все исполнял без помехи.

555 Но я тревожуся, мысля теперь, что тебя обольстила
 Дочь среброногая старца морского Нерея Фетида,
 Утром с тобой здесь сидя и колена твои обнимая:
 Ей головы мановеньем, конечно, ты дал обещанье
 Честь Ахиллесу воздать погублением многих ахеян».

560 Ире отвечал так воздымающий тучи Кронийон:
 «Вечно, безумная, ты примечать и подсматривать любишь!
 Труд бесполезный! ничто не удастся тебе! от себя лишь
 Только меня отдалишь; то стократно прискорбнее будет!
 Быть ли, не быть ли тому, что тебя устрашает, на это

565 Воля моя. Замолчи же и мне не дерзай прекословить.
 Или тебе не поможет никто из богов олимпийских,
 Если я, встав, подыму на тебя неизбежную руку».

Так отвечал он. Богиня воловьи глаза ужаснулась;
 Села в молчаньи и милое сердце свое умирала.

570 Было прискорбно то собранным в доме Зевеса бессмертным.
 Начал тогда многославный художник Ифест, чтоб утешить
 Мать светлорукою, так говорить, обратясь к ней и к Зевсу:
 «Горько и всем нам, богам, на Олимпе живущим, несносно
 Будет, когда вы так ссориться здесь за людей земнородных

575 Станете, всех возмущая бессмертных; испорчен веселый
 Будет наш пир; и чем дале, тем хуже. К тебе наперед я,
 Милая мать, обращаюсь, хотя и сама ты разумна:
 Зевсу-отцу уступи, чтоб не гневался боле отец наш,
 Сильный Зевес, и чтоб весело мы пировать продолжали:

580 Он громовеержец, он царь на Олимпе, он, если захочет,

С наших престолов нас всех опрокинет; он бог над богами.
 Словом приветным порадуй его и к нему приласкайся;
 Снова он милостив будет ко всем нам, богам олимпийским».

Так он сказал и, поспешно приблизившись, кубок двудонный
 585 Подал божественной матери в руки, примолвив: «Герпенье,
 Милая мать; покорися, хотя то тебе и прискорбно;
 Здесь ненавистных побоев твоих мне своими глазами
 Видеть не дай: за тебя заступиться не в силах я буду,
 Как бы того ни хотел; одолеть Олимпийца не можно.

590 Было уж раз, что, когда за тебя я поспорил, меня он,
 За ногу взявши, с Олимпа швырнул, и летел я оттуда
 Целый, кувыряясь, день и тогда лишь, как стало садиться
 Солнце, совсем бездыханным ударился оземь в Лемносе;
 Дружески был я синтейцами добрыми поднят полмертвый».

595 Так говорил хромоногий Ифест.
 Ира с улыбкой взяла от него поднесенный ей кубок.
 Стал он потом подносить по обычаю, справа начавши,
 Сладостный нектар, его из глубокой черная кратеры;
 Подняли смех несказанный блаженные боги Олимпа,

600 Видя, как с кубком Ифест, суетясь, ковылял по чертогу.
 Вечные боги весь день, до склонения солнца на запад,
 Шумно пируя, себя услаждали роскошною пищею,
 Дивными звуками цитры, игравшей в руках Аполлона,
 Также и муз очередным, сердца пронизающим пеньем.

605 Но когда уклонилось на запад блестящее солнце,
 Боги, предаться желая покойному сну, разошлись
 Все по домам. Им построены были те дома
 Дивно искусной рукой хромоногого бога Ифеста.
 Также и молний метатель могучий Кронийон в чертоге,

610 Где отдыхал он обычно, блаженному сну предаваясь,
 Лег и заснул; с ним на ложе легла златотронная Ира.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Боги другие и мужи, коней обуздатели, спали
 Мирно всю ночь, но от Зевса спокойствие сна убегало.
 Сердцем колеблясь, он мыслил о том, как воздать Ахиллему
 Честь истребленьем ахейн при их кораблях крепкозданных.

5 Вот что, размыслив, нашел напоследок он самым удобным —

Ввергнуть Атрида в обман, в заблуждение.
 К богу сна обратился и бросил крылатое слово Кронийон:
 «Бог сновиденья, лети к кораблям крепкозданным Ахеян;
 В царский шатер Агамемнона, сына Атревеева, вшедши,
 10 Все то ему повтори, что теперь от меня ты услышишь.
 Вывесть немедля он в бой густовласых ахеян
 В полном оружии».

.....
 Были вождями дружин беотийских Леит, Пенелейон,
 495 Аркесилай, Профонеор и Хлоний; их рать составляли
 Жители тучных Хирийских лугов, каменистой Авлиды,
 Схойния, Схолы, лесисто-глубоких долин Этеонских,
 Феспии, Греи, широкопространных полей Микалесса,
 500 Светлых окрестностей Харма, Эритры, Илезия, Илы,
 Жители града Петеона, жители стен Элеона,
 Копы, Эвтрезы, Охалии, жившие в зданьях красивых
 Града Медеона, в Тизбе, стадам голубиным привольной,
 Вкруг Короней, на пышно-зеленых лугах Галиарта,
 Жители града Платей, полей обработанных Глисссы,
 505 Фив крепкостенных, прекрасными зданьями славного града,
 Града Онхеста, где лес посвящен Посидону заветный,
 Арны, златым виноградом богатой, лугов благовонных
 Низы, Мидей и стен Анфедона, на крайних лежащего гранях;
 С ними пришло пятьдесят кораблей крепкозданных, и в каждом
 510 Было сто двадцать отборных бойцов молодых беотийских.
 Но аспедонян и всех, Орхомен населявших Минийский,
 Были вождями Ареевы дети, Ялмен с Аскалафом, —
 Их родила Астиоха, Акторова дочь; потаенно
 В верхнем покое царева жилища стыдливая дева,
 515 Свидясь с Ареем могучим, упала в объятия бога, —
 Тридцать они кораблей привели к берегам Илиона.
 Были вождями дружины фокеев Эпистроф и Схедий,
 Их же отцом знаменитый был Ифит, потомок Навбола;
 Жители стен Кипариссы, утесов Пифона суровых,
 520 Жители града прекрасного Хризы, богатых полей Панопея,
 Давлиса, Анеморей, соседней с Гиамполом, также
 Пахари тучных полей, вдоль Цефиссы священной лежащих,
 С ними и жители близкой к истокам Цефиссы Лилен,
 Сорок судов темноносых оснатив, пришли за вождями. Поставив.

545 В строй меднолатых фокеев, вожди их дружину
 Левым крылом к беотийскому ближнему строю примкнули.
 Был полководцем локрийн Аякс Оилей быстроногий;
 Ростом своим Теламонову сыну, другому Аяксу,
 Он уступал, но хотя невелик и холстинною тонкой
 550 Броней покрыт был, могучим метаньем копья побеждал он
 Между ахейцами всех; населяли ж локрияне грады
 Кинос, плодами обильную Авгию, Бесу, Фронийский
 Луг, орошенный Воагрием, Тарфу, Опунт, Калиарий;
 Сорок привел он с собой кораблей из Локриды, лежащей
 555 Против святых берегов окруженной волнами Эвбеи.
 Но боелюбных абантов, эвбейский народ, населявший
 Халкис, Эретрию, область вина Истиэю, приморский
 Город Керинф, на горе неприступно построенный Диум,
 Стены Кариста и роскошью нив окруженную Стиру,
 560 Вел Эльпенор, многославный потомок Арея; рожден был
 Он Халконоем, Эвбеи царем; и с веселием в битву
 Шли с ним абанты его, заплетенные густо на тыле
 Косы носившие, ясенных копий метатели, броней
 Медь на груди у врага пробивать приобыкшие ими.
 565 Сорок пришло кораблей крепкозданных с эвбейской дружиной.
 Строем к эвбейской дружине примкнули афиняне; градом
 Их и всей областью властвовал прежде питомец Паллады
 Царь Эрехтей, дароносной Землею рожденный; Паладой
 Был он воспитан во храме великом, где жертвой обильной
 570 Агнцев и тучных быков утешали ей сердце младые
 Девы и юноши, празднуя кругосвершение года.
 Ратью Афин Менестей полководствовал, сын Петеона,
 С ним же из всех на земле обитающих в трудном искусстве
 Конных и пеших устраивать в битву никто не равнялся,
 575 Кроме великого Нестора — старше, однако, его был
 Нестор годами. Привел пятьдесят кораблей он с собою.
 Сын Теламонов Аякс от берегов Саламины двенадцать
 Черных привел кораблей: он придвинул их к строю афинян.
 Жителей Аргоса, башневенчанного града Тиринфа,
 580 Азины, скрытой в глубоком заливе морском Эрмионы,
 Винобогатых холмов Эпидавра, Эйоны, Трезены,
 Юношей Масия, жителей волнообъятой Эгины
 Был полководцем герой Диомед, вызыватель в сраженьи;

565 Вожь их второй был Сфенел, многославного сын Капанея;
 Третий же вожь Эвриал, богоравный герой, Мекисфеев
 Сын, Талаона державного внук; но главою над ними
 Был Диомед, вызыватель в сраженьи; пришел от Аргоса
 Он к берегам Илиона с осьмьюдесятью кораблями.
 Жители древней Микены, домов велелепием славной,
 570 Арефирей прекрасной, Коринфа богатого, светлых
 Зданий Клеонии, жители града Орней, старинных
 Стен Сикиона, Адрасту подвластного в прежнее время,
 Жившие в древних стенах Гиперезии, в граде Пеллене,
 В Эгии, в крепко-нагорных стенах Гоноэсы твердынной,
 575 Пахари тучных приморских полей, достигавших до самой
 Гелики, — вслед за царем Агамемноном, сыном Атрея,
 Сто кораблей привели; полководец избраннейших, сам он
 Шел перед ними, сияющий медной броней, прекрасный,
 Гордый; величие прочих вождей затмевал он, понеже
 580 Был их глава и сильнейшей дружиной начальствовал в войске.
 Жители скрытого между холмов Лакедемона, Спарты,
 Феры, Мессаны, где много слетаются стад голубинных,
 Пахари тучных полей, окружающих грады Брисею,
 Авгию, Амikle, жители Гелоса, близкого к морю,
 585 Лаоса, светлых равнин, орошенных Этилосом, были
 Братом царя предводимы, отважным в боях Менелаем;
 Вывел на смотр шестьдесят кораблей он; но строем отдельным
 Ратных поставил и их, на себя одного уповая,
 В бой возбуждал: пламенело его нетерпением сердце —
 590 Мщенье свершить за позор, приключенный обидой Елены.
 К ним примкнули пилияне, жители тучных Аренских
 Пажитей, Фрия, где был перевоз чрез Алфей, Кипариссы,
 Энии крепкой, Птелеона, Гелоса, Амфигенеи,
 Также и града Дориона, где Тамириса фракийца
 595 Встретили музы и в нем уничтожили дар песнопенья:
 Он из Эхалии шел; посетивши там Эврита, хвастал
 Он перед ним, что победу одержит, хотя бы и сами
 Музы, Зевеса-эгидоносителя дочери, спорить
 С ним в песнопении стали; и в гневе его ослепили
 600 Музы, и дар пробуждать сладкопенье в струнах он утратил.
 Был полководцем дружины пилиян богатый годами
 Нестор; он в Троию привел девяносто судов крепкозданных.

Люди Аркадии — храбрый народ — на покате Киллены
 Жившие (там, где находится Эпитов памятник древний),
 605 Жители паств Орхомена, лугов, окружающих Фенос,
 Рипы, Стратии, напору всех ветров открытой Энипы,
 Злачнополянной Тегей, пределов Стимфала, Паррасия, тучной
 Жатвой обильных полей Мантинеи, прекрасного града, —
 Агапенора, Анкеева сына, вождем признавали:
 610 В Троию привел шестьдесят кораблей он, и много аркадских
 Воинов храбрых пришло с ним в его кораблях крепкозданных.
 Сам Агамемнон, владыка народов, его кораблями
 Теми снабдил для отплытия в темное море, понеже
 Было аркадянам вовсе неведомо дело морское.
 615 Живших в Элиде священной, в Вупрасии, в крае, который
 Грады Мирзин пограничный, Гирмину, Алезий до самых
 Скал Оленийских в пределах своих заключает, четыре
 Храбрых вожда предводили — у каждого девять летучих,
 Полных эпейцами, было в строю кораблей: Амфимаху,
 620 Сыну Клеата, одна из дружин покорялась; другая
 Талфию, сыну Эвритоса Акториада; вождем был
 Третьей эпейской дружины Диор, Амаринков отважный
 Сын, а четвертой начальствовал вождь Поликсен богоравный,
 Сын Агасфена-властителя, внук знаменитый Авгея.
 625 Мужу Дулихия, люди святых островов Эгинадских,
 Жившие на море шумном соседственно с берегом Элиды,
 Власть признавали Мегеса, подобного силой Арею;
 Был он Пилея, коней обуздателя, сыном, Пилея,
 Ссорой с отцом принужденного скрыться на остров Дулихий;
 630 Сорок Мегес кораблей быстроходных привел к Илиону.
 Царь Одиссей предводителем был кефалонян могучих,
 Живших в Итаке суровой, на шумно-лесистых вершинах
 Нерита, вдоль берегов Крокилеи, меж скал Эгилиппы;
 Жители Зама, полей хлебодарных Закинфа и твердой
 635 Близко лежащей Эпирской земли матерой, равномерно
 Все Одиссею, как Зеве многомудрому, были подвластны.
 В Троию с собой он двенадцать привел кораблей красногрудых.
 Сын Андремонов Фоант полководствовал ратью этолян,
 Живших в стенах Плеурона, в Халкиде приморской, в Олене,
 640 В горном краю Каледонском, в окрестностях града Пиллены;
 Войско ж этолян избрало Фоанта вождем, поелику

Был Оиней уж в Аиде, и не было боле на свете
 Храбрых его сыновей, и давно Мелеагр светлокудрый
 В область сведен был подземную; сорок пришло кораблей с ним.
 665 С Идоменеем пришли копьеносные критяне; жили
 В Гноссе они, в окруженной бойницами твердой Гортине,
 В Ликте, в Милете, окрест белостенного града Ликаста,
 В Фесте, в Ритионе, множеством жителей шумнокипящем,
 Также и в прочих краях многолюдных стоградного Крита.
 650 Идоменей, копьeverжец могучий, был главным вождем их;
 С ним Мерион, истребителю ратей Арею подобный;
 Вместе они обладали осьмьюдесятью кораблями.
 Силы Иракла великого сын Тлеподем из Родоса
 Девять привел кораблей с необузданно храброй дружиной.
 655 Люди его населяли три города: в твердом Кампире
 Жили одни, в светлостенном Ялиссе другие и в Линде
 Третьи; их вождь Тлеподем, копьеборством герой знаменитый,
 Был Астихою Ираклу рожден; Астихоу ж похитил
 Сильный Иракл с берегов Селлеэнта, потока Эфиры,
 660 Там, где он многих питомцев Зевесовых грады разрушил.

.....

 Старца седого, питомца Ареева. В страхе, что будет
 Месть за убийство ему от сынов и от внуков Иракла,
 665 Он поспешил корабли изготовить и с верной дружиной
 Храбрых товарищей в темно-пустынное море пустился;
 Много тревог испытавши, достигли они до Родоса,
 Где и остались жить, разделившись на три колена,
 Свыше хранимые Зевсом, владыкой бессмертных и смертных;
 670 Пропил на них изобилие щедрой рукою Крониион.
 Прибыло три корабля легкокрылых из Симы с Ниреем,
 Сыном Харопа-царя и Аглаи, с Ниреем, который
 Всех затмевал красотою своею данаев, пришедших
 В Троию; с одним лишь не мог беспорочным Пелидом равняться;
 675 Был он не мужествен; войско его малочисленно было.
 Жителей волнообъятого Низира, Каза, Картата,
 Коса (где град свой имел Эврипил), островов Калиднийских
 Были вождями Фейдин и Антифон, два брата; отец их
 Был знаменитый Фессал Ираклид, повелитель народов;
 680 Тридцать они кораблей привели к берегам Илiona.

Те же, которыми был обитаем Аргос Пеласгийский,
Жители Алоса, града Алопы, Трахин многолюдных,
Фтии, Эллады, прекрасноцветущими девами славной
(Имя же общее их мирмидоны, эллины, ахейцы), —
685 С ними привел пятьдесят кораблей Ахиллес богоравный.
Но в то время они не готовились к бою, в то время
Некому было вести их могучего строя в сраженье:
Праздно сидел посреди кораблей Ахиллес быстроногий,
Злясь за свою Бризеиду, прекраснокудрую деву,
690 Взятую некогда в плен им с трудом несказанным в Лирнесе:
Он испровергнул тогда и Лирнесе, и высокие Фивы,
После того как Миней и Эпистроф, метатели копий,
Дети царя Селепида Эвена, сраженные в бое им, пали.
Праздно он гневный сидел... но воздвигнуться должен был скоро.
695 Жителей тучной Филаки, лугов цветоносных Пираза,
Агнцам привольной Итоны (Деметре любезного края),
Морем омытой Антроны, травяных равнин Птелеонских
Протесилай многославный вождем был, покуда сиянем
Дня веселился; но был он землей уж покрыт, и в Филаке
700 Тяжко о нем тосковала вдова, раздирая ланиты.
Дом недостроенным свой он оставил: из всех он ахейн
Первый убит был дарданцем, ступя на Троянскую землю
Первый. Был избран другой вождь; но войско о прежнем скорбело;
Вождь же избранный был храбрый Подаркос, питомец Ареев,
705 Сын обладателя стад Ификлая, Филакова сына,
Протесилаев родной, но гораздо родившийся позже
Брат: был и старше годами и силою крепче
Протесилай богоравный, Арею подобный. Имело
Войско вождя, но крушилось оно, помяная о мертвом.
710 Сорок в Дарданию прибыло с ним кораблей чернобоких.
Живших близ вод Бебенского озера, в Фере и Бебах,
Жителей пышного града Иолкоса, светлой Глафиры
Вождь знаменитый Эвмел предводил, сын Адметов, Алцестой,
Самой прекрасной из всех дочерей Пелиаса, рожденный;
715 Было одиннадцать с ним кораблей у берегов Илиона.
Живших в Метоне, окрест Таумакии, между суровых
Скал Олизона, среди цветоносных лугов Мелибей
Был предводителем дивный стрелок Филоктет.

.....

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ ТЕКСТОВ

〈Повесть о войне Троянской〉

Глава первая

Сбор войска в Авлиде

Время настало свершиться судьбам Илиона: святое
Звание гостя Парис осквернил, приневолив Елену
Лестью и силой супруга, и дочь, и отчизну покинуть.
Все поднялись Ахейцы, кто волей, стыдом Менелая
5 В гнев приведенный, кто нехотя, хитростью пойманный. Избран
Войска вождем и главою царей был Атрид Агамемнон,
Многодержавный потомок Пелопса, которого племя
Гневным Эриниям предано было богами. В Авлиде
Царь скиptronосный велел с кораблями собраться Данаям.
10 Тысяча их кораблей крутогрудых в широком заливе
Стала, от бурь огражденная справа и слева стенами
Скал, отражающих волны, теснимые узким Эврипом.
Стан их, широко покрывший изгибистый берег залива,
Полон был крика людского, и конского ржанья, и стука
15 Броней: там в войско единое вся собралася Эллада.
Были там мужи с берегов Эротаса, где лебеди звонким
Гласом трубят по зарям на водах, камышами покрытых;
Были там мужи Микены, Циклопами созданной; были
Мужи песчаного Пилоса, злачноравнинной Элиды,
20 Где табунами коней легконогих усыпаны паствы;
Были Аттийцы, которых питает Гимет медоносный;
Были там мужи Беоции с тучных долин, Китероном
Многопещерным, где страшная Сфинга жила, осененных;
Мужи Фокиды, поймой ключом Касталийским, его же
25 Тайно рождает Парнас двuverшинный, где Пифия с богом
В страшных терзаннях беседует; мужи Аркадии злачной,
Где лавроносный Ликей обегая, своей семиствольной
Звонкой свирелию Пан сладкопению пастырей горных
Вторит, незримый. Сошлись отовсюду: с равнин Фессалийских,
30 С пажитей пышных Пеней, из Фтии земли Мирмидонов,
С долов Тимфреста, с высот Пелиона, Олимпа и Осы;

Также от многих пришли островов: из Итаки, с утесов
 Делоса, морем рожденного ложа Латоны; из Крита,
 Где, окружая пещеру Идийскую, в ней же младенца
 35 Зевса поила своим молоком Амалтея, куреты
 Звоном оружий младенческий крик заглушали, чтоб не был
 Кроном услышан; с берегов каменистой Китеры, пред ними ж
 Некогда в тихом сиянии утра из вод поднялася
 Пены небесная дочь Китерея — Анадиомена.
 40 Было бесчисленно войско: цари и герои Эллады
 Им предводили. Верховный их вождь Агамемнон, отличный
 Видом властительным, станом высокий, величия полный,
 Взором единым всеял уваженье и трепет невольный
 45 В каждого, с кем ни встречался, и кто бы он ни был, простой ли
 Ратник, иль царственный вождь, и один ли, иль с целою ратью.
 Сходствовал с братом лица красотой Менелай златовласый,
 Мужеством пламенный, подвигов жадный, всегда выходил он
 Первый на сбор и других вызывал громогласно в сраженье.
 Сын Телемонов Аякс, великан Саламинский, над всеми
 50 Чернокудрявой своей головой возвышался, покрытый
 Тяжким щитом семикожным, на всех наводил он великий
 Трепет железною силой и бешеным мужеством; вместе
 С братом, воинственным Тевкром, искусным в стрелах из тугого
 Лука, он был и любовь, и надежда всей рати ахейской.
 55 В стане другом находился Аякс, Оилея Локрийца
 Сын: малорослый плечистый силач, быстроногий, как серна,
 Был он божественно смел, но свиреп, необуздан и дерзко
 Всякой святыней ругался. Герой Диомед, сын Тидеев,
 В бое губительно яростный, так что и в бога Арея
 60 Бросить дерзнул бы копьём святотатным, не в бое был кроток,
 Тих и, ужасный врагу, как младенец, незлобен с своими.
 Царь Одиссей, обладатель Итаки, был столько ж отважен,
 Сколько на хитрые козни искусен; притворным безумством
 Мыслил избегнуть он брани, но в сына вонзить не решился
 65 Острога плуга, и сердцем родительским ложь обличилась.
 Нестор, песчаного Пилоса царь многолетний, был всеми
 Чтим, как испытанный жизнью мудрец; расцвело и созрело
 Три поколения с тех пор, как в Нелеевом граде священном
 Царствовал он, и на старости мужеством юный; когда он
 70 В бой выходил, сединами прекрасный, свои ободрялись;

Мнилось им зреть в нем героя минувших давно поколений;
Сладостью битвы делиться пришедшего с ними. Врагам же
Был он ужасен, как древнего воина призрак, Андом
Присланный им на погибель. Наследник Иракловых страшных
75 Стрел, Филоктет, многочтимый вождями и войском, был грустью
Мрачнобезмолвной снедаем: он тело великого друга
Предал огню, но ударом ноги святотатственным в землю
Тайну Ираклова гроба открыл, и сердце его сокрушила
Мысль о божественном спутнике; в трепете ждал он всечасно
80 Грозных, идущих казнить нарушителей клятвы Эринний.
Мужеством, силой, лица красотой и легкостью бега
Всех затмевал Ахиллес, сын бессмертной богини, на пире ж
Брачном ее раздружились богини и жребий решился
Трою. Напрасно богиня, заботясь бессмертие сыну
25 Дать, погружала во пламень его олимпийский. Проникнул
Тайну Пелей и с тех пор навсегда разлучились супруги;
В доме отца, под водами, в кругу Нереид беспечальных
Грустно богиня живет; устарелый Пелей одиноко
Скучные годы проводит в земле Мирмидонской. Напрасно
90 Мать, предугнав, что погибнуть во младости сыну, когда он
В Трою пойдет; и достигнуть старости, если избегнет
Брани, его под одеждою девы сокрыла в Скиросе,
Где он, любовью окованный, в сладком забвении долго
Чужд был себе — но труба перед ним загремела и вспыхнул
95 В деве молодой полубог — с геройским презрением он отдал
Долгую жизнь за мгновенную славу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич

ГОМЕР В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ В. А. ЖУКОВСКОГО

Можно без всякого преувеличения сказать, что Гомер был спутником Жуковского на всем протяжении его творческой жизни. Почти 45 лет — от эстетических штудий 1807 г. до незавершенного перевода «Илиады», прерванного смертью поэта в 1852 г., — он мысленно обращался к его наследию, черпая вдохновение для своего творчества.

Великий русский лирик, Жуковский через Гомера и в Гомере выявлял свой эпический потенциал и отражал тенденции и пути постижения русской словесной культурой гомеровского эпоса и одновременно эпоса нового времени — от лиро-эпической поэмы к роману. Репрезентативная природа гомеровского эпоса в творческом сознании Жуковского обнаруживается в двух ипостасях: через критико-эстетическую рефлексию, проявившуюся в круге чтения, конспектах, статьях, эпистолярной, дневниках, педагогических трудах, и через творческую деятельность, плодом которой стали «гомеровские сюжеты» в балладах и собственно переводы гомеровских поэм, а также грандиозный замысел «Повести о войне Троянской» — своеобразной антологии античных сюжетов, извлеченных из мифологии, древнегреческих трагиков и прежде всего из «Илиады» и «Одиссеи».

Этапы этого пути, длительного во времени и интенсивного в пространстве творчества, мы и попытаемся обозначить в предлагаемой статье.

«Конспект по истории литературы и критики» (1805—1810 гг.) — важнейший документ эстетического самоопределения Жуковского. Создававшийся в атмосфере программных элегико-балладных опытов (от «Вечера» до «Людмилы» и «Кассандры»), он запечатлел процесс постижения жанрово-родовой специфики литературы. Лирическая, драматическая и эпическая поэзия — три основных раздела «Конспекта...», создаваемых на основе штудирования основополагающих трудов западноевропейской эстетики (подробнее см.: Эстетика и критика. С. 13—21), насыщены «Замечаниями во время чтения», которые фиксируют

моменты отталкивания от нормативных поэтик классицизма. Прежде всего Жуковский ратует за свободу творчества: «Всякий выбирай свою дорогу; лишь бы только она привела его [гения] к назначенной цели, которая есть нравиться и восхищать» (С. 65), и это кредо определяет его взгляд на эпическую поэзию.

Как и для конспектируемых авторов (Лагарпа, Баттё, Блера, Вольтера, Тома), эпические поэмы Гомера для Жуковского — великие образцы. Именно в них он черпает материал для размышлений о природе морального и чудесного в эпосе, об историзме и характере национального в поэзии вообще, о сущности героики; именно они становятся точкой отталкивания для методологически важных положений о переводе «стихов стихами».

Разумеется, раздел «Эпическая поэзия», созданный приблизительно к 1807 г., имеет еще во многом учебный характер и относится к тому типу «экстрактов», который был близок молодому Жуковскому: «чужое» и «свое» находятся здесь в определенных пропорциях. Но путь к своему Гомеру уже очевиден и проблемно обозначен.

Прежде всего, опираясь на образцы гомеровского эпоса, Жуковский акцентирует значение эпической поэмы как в истории словесной культуры, так и в нравственном развитии общества. «Эпическая поэма есть самая моральная из всех родов поэзии...»; «Эпическая поэма расширяет наши понятия о совершенстве человека...» (С. 65) — эти эстетические максимы автора «Конспекта...» постоянно и отчетливо спроецированы на мир Гомера. Он ищет в его поэмах «главные пружины» эпического действия и воздействия на душу читателя. Необходимо заметить, что пока явное предпочтение отдается «Илиаде», ибо «в “Одиссее” не находим величия “Илиады”» (С. 77), «“Илиада” есть венец Гомера» (Там же).

Жуковский вслед за Вольтером, автором «Опыта об эпической поэме», сравнивает Гомера с Вергилием и Луканом, Тассо, Камюэнсом и Мильтоном. Конспектируя Блера, он развивает эти сравнения, подключая размышления о «Неистовом Роланде» Ариосто и «Генриаде» Вольтера. При штудировании «Лицея» Лагарпа и «Опыта» Баттё поэмы Гомера, вписанные в большой контекст мировой эпопеи, Жуковский делает «оселком» воздействия эпической поэмы на душу человека. Одним словом, весь огромный материал раздела «Эпическая поэзия» гомероцентричен: поэмы Гомера — точка отсчета и образец эпоса, мерило нравственных ценностей и эстетических открытий.

В перспективе последующих обращений русского романтика к наследию Гомера важно акцентировать два момента: 1) интерес к поэтике гомеровского эпоса; 2) постоянное внимание к образу Ахилла и приемам его изображения.

Опираясь на положение о том, что «Гомер воспел историю и басни своего времени», Жуковский подчеркивает: «Гомер в своих баснях сообразовался с своим веком; изображая богов такими, каким верили, людей, какие были» (С. 56). В Гомере и его поэмах он прежде всего видит выражение «исторической» и «национальной» мифологии. «Гомер, — замечает он, — сочинял свои поэмы скоро после Троянской войны; но век его был непросвещен, и все его вымыслы были не иное что, как религия народная, представленная в картине. Он не вымышлял, а изображал то, чему верили его современники» (С. 58); «Гомер изобразил нравы своего времени, простые, близкие к натуре, привлекательные в поэзии и в морали» (С. 76). Опираясь на эти суждения, автор «Конспекта...» формулирует важное для себя методологическое положение: «Натура есть модель поэзии. Поэт должен ее описывать и представлять во всей ее неукрашенности» (Там же).

И далее постоянно и последовательно Жуковский фиксирует мастерство Гомера как «великого живописца» в передаче истории и нравов своего времени, в воссоздании подробностей («В сих-то подробностях поэзия наиболее пленяет человека» — С. 56), в изображении героев, в создании «сильного и пламенного слога» («Огонь и простота составляют главное отличие Гомера» — С. 70; «Язык Гомеров замечателен гением: сила, огонь, живописность, приятность, гармония в высочайшей степени — вот его достоинства» — С. 98), как великого архитектора: «“Илиада” есть обширное здание (...), чем больше его рассматриваешь, тем больше удивляешься великому, необъятному духу строителя» (С. 98).

Но, пожалуй, главное, что русский романтик отмечает в Гомере и мирообразе его эпоса — «возвышенность духа» (С. 71) и человеколюбие: «Ненависть незнакома сердцу Гомера» (С. 97). Дух гомеровского эпоса отвечал душевному складу Жуковского, суть поэзии которого и ее символ: «посол души, внимаемый душой».

Уже в «Замечаниях во время чтения», которые сопровождают раздел «Эпическая поэзия» с первых страниц, Жуковский обращает свой взор на центрального героя «Илиады» — Ахилла. И во всем гомеровском тексте «Конспекта...» этот образ становится сюжетно и композиционно моделирующим. «В Гомере самое бездействие Ахилла еще больше, так сказать, его выказывает. Герои нам только тогда кажутся возвышенными, когда нет Ахилла: он является, и всё исчезает. Но и Ахилл не в совершенном бездействии; он действует своим гневом; он иногда является; и наконец затмевает подвиги всех греков поражением Гектора» (С. 50); «Ахилл есть в сем роде совершеннейшее произведение духа» (С. 76); «Действие “Илиады” есть *отмщенный Ахилл*; из сего простого предмета Гомеров гений составил обширную, превосходную поэму»

(С. 97. Курсив автора) — эти три последовательно сформулированные эстетические положения воссоздают поэтическую философию гомеровского героя, его «отличительный образ».

Жуковский подчеркивает *силу* Ахилла, но эта особенность его характера имеет не только внешний («сила воина»), но и внутренний смысл — сила человека. Полемизируя с Баттё, Жуковский сравнивает живописца и поэта, подчеркивая, что первый «изображает для глаз физических», второй — «для глаз умственных» (С. 79). Развивая это положение, автор «Конспекта...» обращается для его конкретизации снова к Гомеру и его герою. «Видя положение и жесты Ахилла, изображенного на картине, — замечает он, — я еще должен угадать его чувства и сам себе их выразить. Поэт за меня их выражает; по ним я угадываю положение и наружный вид героя, которые сверх того вижу в описании и могу вообразить с довольною ясностию» (С. 79).

Жуковский идею «отмщенного» и «бездействующего» Ахилла связывает с природой эпического дара Гомера, который «состоял в искусстве изображать» (С. 57). Не комментируя подробно свою мысль, он пишет: «Герои Гомеровы ослепительны, но они похожи на романических героев» (Там же). И в этом заявлении — предчувствие балладного Ахилла 1812—1814 гг.

Раздел «Эпическая поэзия» и ее гомеровский субстрат — эстетический пролог к гомеровскому тексту Жуковского, к творческому его воплощению. Но и в 1807 г. он словно примеряет гомеровский эпос к новому времени. «...Всё подвержено перемене: люди изменяются с каждым веком, их понятия о вещах и, следовательно, самый образ представления сих вещей должны изменяться вместе с ними» (С. 55) — это эстетическое положение, связанное с чтением «Опыта об эпической поэзии» Вольтера, Жуковский проецирует на свою творческую практику. И в этом смысле 1809—1814 гг. оказываются новым этапом в прочтении и постижении Гомера и его эпоса.

В письмах к Александру Тургеневу из Муратова от 1809—1810 гг. Жуковский завязывает крепкий узел вокруг Гомера. Глубокий интерес к истории и замысел исторической поэмы «Владимир» он вписывает в гомеровский контекст. В планах «Владимира» среди многочисленных списков источников Гомер и его «Илиада» занимают едва ли не первое место. Он отмечает *Каталог войск* у Гомера и делает замечание: «Сравнить с Тассом и Вергилием. Можно выдумать очень хорошие описания: для этого надобно заглянуть в древнюю географию...» (ПЖТ. С. 67). Далее следует конкретизация замысла с постоянным обращением к тексту «Илиады»: «Сравнение войска с лебедями и пчелами» (Песнь II). Единоборство Париса и Менелая. Приготовление к нему (III книга, ст. 150). Сравнение

Диомеда со львом (V, 205). О Славянском гостеприимстве в описании чьей-нибудь смерти — подражание Гомеру VI песни» (Там же).

Гомеровский подтекст в поэме из истории Древней Руси естественен. Гомеровские сравнения, описания, образы не только и не столько образец для подражания, сколько лаборатория выработки своего стиля исторического повествования и поэтики национального эпоса. Через «чужое» — к «своему» (не случайно в поле внимания автора эвентуальной поэмы оказывается вся мировая эпическая поэзия — от Гомера и «Слова о полку Игореве» до Вальтера Скотта) — так можно было бы определить направление поисков русского романтика, если не учитывать, что гомеровский эпос уже вошел в генетический код поэзии Жуковского на правах «чужого — своего».

В письме от 12 сентября 1810 г. Жуковский подробно раскрывает процесс постижения поэзии Гомера. «Гомера, — пишет он А. И. Тургеневу, — читаю на Английском, имея перед собою и Фоссов перевод». И далее, конкретизируя характер своего чтения, он высказывает тонкие суждения не только о двух переводах (немецком — Иоганна Фосса и английском — Александра Попа), но и о природе «Гомерова духа»: «Не соглашаюсь однако, чтобы Фоссов перевод был лучше Пóпова; может быть, в первом найдешь более истинного Гомерова духу и Греческой простоты, но он сух, и чувствительно, что Немец Фосс изо всей силы хотел быть Греком. Поп растянут и иногда очень удаляется от Гомерова духа, особливо когда дело дойдет до богов, говоря о которых он вмешивает такие выражения, которые более приличны новейшим метафизикам, зато язык его стихотворнее. Эти два перевода по-настоящему надобно читать вместе: один увеличит цену другого; Пóпова щеголеватость сделает приятнее Фоссову простоту, а Фоссова сухость сделает еще приятнее Пóпову блистательную поэзию» (ПЖТ. С. 63).

Оба перевода с многочисленными пометами и маргиналиями поэта сохранились в его личной библиотеке (см.: Описание. № 1315, 2651), и весь этот материал (подробнее см. примечания к «Отрывкам из “Илиады”») — отражение последовательного, целенаправленного и творческого вхождения в мир Гомера, постижения его тайн и своеобразного «примеривания» его к своим поэтическим замыслам.

В статье «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» (ВЕ. 1810. Ч. 49. № 3. С. 190—198), своеобразном эстетическом постскрипту к эпистолярной рефлексии о переводах Гомера и их чтению, Жуковский, опираясь на размышления Жака Делиля, формулирует свои принципы перевода «стихов стихами». И вновь точкой отталкивания становится материал переводов Гомера. «Тем, которые утверждают, что лучший перевод в стихах обезображивает оригинал и ослабляет его красо-

ты, — замечает Жуковский, — я укажу на Гомера, переведенного Попом. Многие, знающие греческий язык, утверждают, что английская “Илиада” нравится им более греческой...” (Эстетика и критика. С. 284). Жуковский говорит о тех правилах, которых «необходимо надлежит держаться, переводя стихи стихами» (Там же). Первое правило, которое он далее и развивает подробно, выражено афористически: «излишнюю верность почитаю излишнею неверностию» (Там же). И далее, обращаясь к различным аспектам языка: отдельным выражениям, соединению оборотов, сравнениям, географическим и этнографическим подробностям, Жуковский показывает, что делает и должен делать «переводчик искусный». Он обращает особое внимание на «свойства обоих языков» и «физиономию переводимого писателя», на характер поэмы и «движение слога».

Статья «О переводах...» стала методологической основой для проникновения в мир Гомера, для его русской транскрипции. И хотя до переводов гомеровских поэм было еще далеко, Жуковский готовился к этому шагу долго и тщательно, примеряя «гомеровские одежды» в эстетической рефлексии об эпической поэзии, в образном строе исторической поэмы «Владимир», в теории перевода, наконец, в оригинальных опытах 1809—1814 гг.

Три античные баллады: «Кассандра» (1809), «Ивиковы журавли» (1813), «Ахилл» (1812—1814) — стали первыми экспериментами в воссоздании духа русской античности. Жуковский ищет поэтические средства для стиля русской «баллады рока», для воссоздания в ней античного колорита. И если две первые баллады — переводы из Шиллера были ориентированы на известный источник и стали одновременно с постижением античности открытием русского Шиллера, то «Ахилл» стал уникальным опытом своеобразной приватизации Гомера, духа его «Илиады». Исследователи давно и справедливо отметили связь баллады Жуковского с гомеровским эпосом, и эта связь полисемантическая: в ней обнаруживается весь предшествующий опыт чтения, эстетического комментария и теоретических размышлений о переводах Гомера. Вряд ли можно согласиться с утверждением о зависимости «Ахилла» от гnedичевского перевода «Илиады» (Егунов. С. 222): этому противоречит творческая история баллады (подробнее см. комментарий к ней в т. 3 наст. изд.), созданной ранее известных публикаций отрывков из «Илиады» Гнедича.

«Кассандра» заканчивалась «гласом»: «Пал великий Ахиллес!» «Ахилл» — монолог гомеровского героя, выбравшего смерть «в молодости со славою», песнь («Лиру взял, ударил в струны, // Тих его печальный глас...») страдающей души. В горниле событий Отечественной войны 1812 г., участником и очевидцем которой был поэт, в атмосфере памяти о ее героях и друге юности — Андрее Кайсарове, трагически

погибшем в 1813 г., Жуковский делает античного героя автопсихологическим образом. Вместе с ним «распространяется душа» самого поэта, вобравшего в античной балладе отзвуки и мелодии «Певца во стане русских воинов». Ахилл Жуковского — это поистине герой гомеровского эпоса, переведенный на язык патриотической экзальтации Отечественной войны 1812 г.

«Бездействующий» герой Гомера, говоря языком «Конспекта...» Жуковского, «выказывает» себя в душевном и духовном деянии. Насыщая текст монолога Ахилла стилистическими формулами «лирики душевных состояний» — «печальный глас», «свет души», «денница печальная», «роковая стрела», «моя весна», «сирая душа», «милый свет», «легкая тень сновиденья», «сладкий глас души родной», «нежный взор», «холм уединенный», — автор баллады «одушевляет» Гомера и вписывает его эпического героя в мир формирующегося русского романтизма.

Дискуссия о гекзаметре, в которой принимали участие друзья-арзамасцы С. Уваров, А. Воейков, К. Батюшков (подробнее см.: Егунов. С. 174—202), не могла пройти мимо внимания Жуковского. Его «Аббадона», отрывок из «Мессиады» Клопштока (1814), гексаметрические стихотворения долбинской осени 1814 г. — путь к постижению стиховой фактуры гомеровского эпоса. В письме к Н. И. Гнедичу от конца 1814-го — начала 1815 г. он пишет: «Вы выбрали себе славную работу: Россия будет Вам благодарна за старика Гомера, которого Вы ей усыновляете; я радуюсь, между прочим, и старому гекзаметру, который вотще нашим почетным любимцам Феба, ближе к гармонии вдохновенных лир, чем сухой и прозаический ямб, освященный привычкою» (Книжки недели. 1896. № 1. С. 9). Гексаметры, которые Жуковский использует в шутливой домашней поэзии, обретают масштаб мировидения.

«Гомер на все времена» — так можно определить пафос дальнейшего постижения Жуковским личности и творчества античного певца. В «Выписках из немецкой эстетики и критики» (1818) он обращает внимание на следующий фрагмент из статьи Ф. Шиллера «О стихотворениях Бюргера»: «Народного поэта в том смысле, в каком был им Гомер для своего века или трубадур для своего, напрасно искать в наше время. Наш мир уже не гомеровский, где все члены общества стояли по чувствам и помыслам примерно на одной ступени» (Эстетика и критика. С. 303. Перевод А. Горнфельда). Жуковский разделяет гердеровскую концепцию народной поэзии. Рассматривая народную поэзию как голос истории и выражение национального духа, немецкий просветитель в русле своей концепции органического развития определяет Гомера как народного поэта. Автор «Выписок...» особенно внимательно читает «Предисловие к народным песням» и фиксирует следующий фрагмент

этого труда: «Поэзия изначально народна. Она жила в ушах народа, на устах живых певцов, на струнах их арфы; она воспевала историю, события, тайны, чудеса и знамения; она была подобна цветку, раскрывавшему своеобразие каждого народа, его языка и страны, его дел и предрассудков, страстей и дерзаний, его музыки и его души. Гомер — народный поэт» (Там же. С. 304—305). См. также: *Реморова Н. Б. Жуковский и немецкие просветители*. Томск, 1989. С. 159.

Позднее, через 10 лет, он конкретизирует это положение Гердера в переводе его четверостишия «Homer», предназначенного для журнала «Собиратель». На страницах этого журнала одного автора в разделе «Выписки» он приведет гердеровский текст без перевода (Собиратель. 1829. № 2. С. 29), но в рукописях поэта, в папке «Материалов для журнала “Собиратель”» сохранился перевод Жуковского под немецким заглавием:

Номег

Веки идут, и веки уходят, а пеньё Гомера
Всё раздается, и свеж, вечен Гомеров венец.
Долго думав, природа вдруг создала и, создавши,
Молвила так: одного будет Гомера земле!

(Подробнее см.: ПССиП. Т. 2. С. 265, 648—649).

Перевод Жуковского точно передает смысл и форму подлинника. Вслед за Гердером Жуковский определяет свой взгляд на Гомера как «вечного поэта». В общем контексте «Собирателя» образ Гомера корреспондирует с образом и мыслями «Творца великих вдохновений» — Гёте. Еще в стихотворении 1827 г. «К Гёте» Жуковский воспел гений Гёте, который был для него «животворителем». А стихами: «Земле знакомую одежду // Не скоро скинет *гений* твой» (ПССиП. Т. 2. С. 252. Курсив автора) он предвосхитил формулу: «одного будет Гомера земле» (у Гердера: «*einen Homerus der Welt*»). В «Собирателе» рядом с «Мыслями (из Гёте)», утверждающими идею бесконечности времени и вечной жизни «божественного», Жуковский приводит свой перевод фрагмента из 6-й песни «Илиады» (ст. 145—149), оформленный под заглавием «Главк Диомеду» как самостоятельная мысль античного эпика, его поэтическая максима:

Друг, для чего о породе моей меня вопрошаешь?
Листьям лесным племена человеков подобны. На землю
Ветер бросает увядшие листья; другие выводит
Лес, оживая с весной молодою. И люди подобно!
Племя одно настает — исчезает племя другое.

(ПССиП. Т. 2. С. 266).

В контексте гетевских «Мыслей», с одной стороны, и в соотношении с переложенными Жуковским стихами из 102-го Псалма, опубликованными рядом: «Дни человека яко трава. Как сельный цвет отцветает он. Ветер пройдет над ним, и его не будет, и место, на коем он цвел, не узнает его» (Собиратель. 1829. № 1. С. 13), гомеровское пятистишие воспринимается как идея преемственности человеческого бытия и вечной жизни поэзии. Эту же мысль развивает и отрывок о Гомере немецкого поэта, переводчика «Илиады» Фридриха Леопольда Штольберга, включенный в раздел «Поэзия».

Гомеровский текст в «Собирателе» стал прологом к поэтическому постижению «Илиады». «Малая Илиада» Жуковского, созданная в 1829 г. и органично вошедшая в контекст альманаха «Северные цветы на 1829 год», — продолжение и развитие концепции «своего Гомера» — русского романтического Гомера. Не вступая в соревнование с законченным и готовым к печати переводом Гнедича, Жуковский в «Отрывках из “Илиады”», где перевод гомеровских гекзаметров прославлялся оригинальными стихотворными скрепами, объединяющими фрагменты эпического текста, от балладного «Ахилла» идет к лиро-эпической «Ахиллиаде». Отбор материала и принципы его поэтической организации ведут к переакцентировке эпического сюжета: «Если цель Гомера показать всю Троянскую войну, то для русского поэта главным оказывается духовное, нравственное содержание жизни древних греков» (*Макушкина С. Ю.* В. А. Жуковский и Гомер: Путь к эпосу. АКД. Томск, 2002. С. 13). Воплощением этой жизни для Жуковского вновь оказывается Ахилл. Его судьба и трагический выбор уже не объект субъективной рефлексии, как это было в балладе, а следствие эпического действия. В общем контексте лиро-эпических опытов Жуковского (от «Орлеанской девы» и «Шильонского узника» к «Отрывкам из “Илиады”») античный триптих (Вергилий, Овидий, Гомер) имеет свой внутренний сюжет. История разрушения Трои, великой любви Цейкса и Гальционы, трагического выбора Ахилла отчетливо спроецирована на поэзию нового времени, выявляя вечные страсти и вечный поединок человека с судьбой.

Лиро-эпические опыты Жуковского 1820-х гг. обладают огромным экзистенциальным потенциалом, и в этом смысле в судьбе Ахилла, в его выборе Жуковский намечал связь гомеровского эпоса с эпосом нового времени. «Отрывки из “Илиады”», с их поэтикой фрагментарности и открытого финала, свободой перехода от части к части, авторским вмешательством в канонический текст, героцентризмом и идеями гуманизма, вводили Гомера и его эпос в мир романтического сознания, и диалог культур придавал «своевольному» переводу мирозидательный смысл.

В «Отрывках из «Илиады» Жуковский выявлял не просто созвучность гомеровского эпоса мыслям и чувствам современного человека; он формировал в них модель национального эпоса как героико-психологического. Война и мир, воин и человек, жизнь и смерть эпохи Троянской войны, психология и философия судьбы и выбора окрашивались в переводе-реконструкции Жуковского стилистическими красками романтической поэзии. Словарь «лирики душевных переживаний», вопросительная интонация, мелодика стиха, связанная с нарушением дактилической формы гекзаметра и разнообразными приемами интонирования, психологические оппозиции и антиномии — за всем этим открывалось пространство романтического эпоса и своего Гомера.

От «Ахилла» к «Ахиллиаде» — в течение 15 лет, параллельно с переводом гнедичевской «Илиады», Жуковский воскрешал Гомера для русского читателя. И если Гнедич знакомил русскую публику с подлинным Гомером, переведенным со всей классической основательностью, то Жуковский, не модернизируя античный эпос, искал в нем вечную жизнь страстей, ибо «страсти везде одинаковы, но их изображение различно» (Эстетика и критика. С. 56). В жизни и судьбе гомеровского Ахилла, в его балладном и лиро-эпическом вариантах, он открыл «резервы человечности» (М. Бахтин) «Илиады» и отыскал созвучность ее языка и стиля романтической культуре, эпосу нового времени.

1830-е гг. в творческом сознании Жуковского неразрывно связаны с освоением большой эпической формы. «Повествовательная поэзия», принципы которой он развивал в эстетической рефлексии (см. письма к П. А. Плетневу), потребовала обращения к новым жанрам (повесть и сказка), новым стиховым моделям (белый ямб, сказовый гекзаметр). Античные баллады, созданные в 1829—1833 гг. («Торжество победителей», «Поликратов перстень», «Жалобы Цереры», «Элевзинский праздник») сопрягали философию и поэтику шиллеровской античности с гомеровским эпическим колоритом. Так, переводя «Элевзинский праздник» (впервые: Новоселье. Ч. 2. СПб., 1834), Жуковский насыщает текст отсутствующими у Шиллера сложными (составными) эпитетами: «копыеносная Паллада», «крепкостенный град», «светлоглавый Аполлон», «приютно-безопасный кров», «согласно-мерный звон». Эта же особенность гомеровского стиля отчетливо проявляется в поэтике «Ундины», «старинной повести», входящей к прозаической повести Ф. де Ламотт-Фуке. Большое количество составных эпитетов, передающих причудливость водной стихии (светло-лазурные, чудно-прозрачные воды) и загадочность, противоречивость характера главной героини (мучительно-милое, божественно-милое создание), придают тексту гекзаметрической сказки гомеровский колорит. Сказки, баллады и повести 1830-х гг. Жуковский окропляет

«живой водой» как национального фольклора, так и гомеровского эпоса. Гомер входит в генетический код его романтической поэзии. По воспоминаниям И. В. Киреевского, еще в 1830-е гг. Жуковский говорил, что по окончании своего педагогического дела ему «хочется возвратиться к поэзии и посвятить остальную жизнь греческому и переводу “Одиссеи”» (Киреевский И. В. Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 26).

Но поистине гомеровский Ренессанс поэзия Жуковского переживает в 1840-е гг. Замыслы книги «Повестей для юношества», грандиозной «Повести о войне Троянской», отраженные в многочисленных планах и проспектах, списках и набросках начала 1840-х гг., неизменно включают в себя имя Гомера без всякой конкретизации. Оказавшись с 1841 г. вне родины, оторванный от живого литературного процесса и друзей, Жуковский, может быть, особенно остро ощутил судьбу гомеровского Одиссея. Именно «Одиссея», ее перевод, который был скорее «воссозданием, восстановлением, воскресением» Гомера, почти на 7 лет вошла в его жизнь не только как литературный труд, но и как важный фактор жизнестроительства, как «Одиссея духа». В этом смысле необычайно перспективно рассмотрение этого деяния Жуковского через призму религиозно-философского определения как его «Теодиссеи» (подробнее см.: Виноцкий. С. 239—261).

Как минимум три обстоятельства спровоцировали в начале 1842 г. обращение Жуковского именно к переводу «Одиссеи». Во-первых, автopsихологическая ситуация возвращения на родину, так и не реализованная до конца жизни, а также концепция семейной идиллии и меланхолическое чувство неизбежной утраты. Во-вторых, отторжение от духа современной поэзии и даже противостояние ему: «Новейшая поэзия, конвульсивная, истерическая, мутящая душу, мне опротивела, хочется отдохнуть посреди свежих видений первобытного мира» (из письма великому князю Константину Николаевичу от 26 октября 1842 г. // С 7. Т. 6. С. 359). В-третьих, творческое честолюбие, стремление оставить о себе память в поколениях: «Моя русская *Одиссея* будет моим твердым памятником на Руси» (из письма П. А. Плетневу от 1 июля 1845 г. // Переписка. Т. 3. С. 555); «Одно от меня, вероятно, останется потомству: перевод “Одиссеи” (...). Этот перевод почитаю своим лучшим, главным поэтическим произведением» (из письма А. М. Тургеневу от 11 ноября н. ст. 1847 г. // РА. 1892. Ноябрь. С. 392—393. Курсив мой. — А. Я.).

Судьбоносность этого творения зафиксирована в подробной росписи всех его этапов почти подневно, а также в обширной эстетической рефлексии (см. примечания в наст. изд.) по его поводу. По существу, Жуковский написал колоссальный комментарий к своему переводу, где раскрыл свое отношение к поэзии Гомера вообще и к «Одиссее» в част-

ности, подробно воссоздал принципы и методику своей работы над переводом, дал свою философию «первобытного мира» и его созвучности миру современному, обосновав связь Гомерово́й поэзии с меланхолией и христианскими ценностями, наконец, сделал попытку обосновать необходимость «Одиссеи для юношества». Эта «очищенная» «Одиссея» так и не появилась, хотя Жуковский подготовил список специальных изъятий из текста своего перевода: «Хочется ⟨...⟩, чтобы чтение “Одиссеи” сделалось доступно всем возрастам» (из письма имп. Александре Федоровне от 12 (24) октября 1843 г. // ПЖиГ. Вып. 1. С. 91).

Семилетнее общение с Гомером и постоянная жизнь в мире его «Одиссеи» были спасительны и мирозидательны для русского романтика. «Одиссея» «примиряла» его с жизнью: превратности семейной жизни, недуги и надвигающаяся слепота, гримасы революционных событий 1848 г., тоска по родине — всё это редуцировалось в зеркале «тогдашнего мира, в котором всё имело жизнь, пластически могучую в настоящем, но и всё было ничтожно, ибо душа не имела за границей мира своего будущего и улетала с земли безжизненным призраком; и вера в бессмертие, посреди этого кипения жизни настоящей, никому не шептала своих великих всеоживляющих утешений» (из письма А. П. Елагиной от 1844 г. // Москвитянин. 1845. Ч. 1. С. 39).

И хотя сам Жуковский жаловался на молчание друзей, сетовал на равнодушие публики и критики к своему творению, перевод «Одиссеи» имел важные последствия: в эпоху становления русского романа, вхождения в словесную культуру молодых Тургенева и Гончарова, Достоевского и Л. Толстого Жуковский вместе с Гоголем (не случайно создание «Мертвых душ» проходило под знаком «Одиссеи») формировали модель национального эпоса, его этико-философскую основу и мениппейный подтекст. Русский Гомер входил в генетический код русского романа, определяя его эпический потенциал и «резервы человечности». Пути русской прозы и поиски Жуковского в области «повествовательной поэзии» имели очевидные точки соприкосновения.

В конце своего жизненного и творческого пути Жуковский на первый взгляд неожиданно обращается вновь к Гомеру, к переводу «Илиады»: как явствует из письма П. А. Плэтневу, к 1 (13) сентября 1851 г. уже были готовы две песни (Переписка. Т. 2. С. 699). В русскую словесную культуру к этому времени уже прочно вошел перевод «Илиады» Гнедича. И если «Одиссея» Жуковского, по существу, впервые знакомила русского читателя с поэтическим переложением этого гомеровского творения, то с «Илиадой» всё обстояло иначе: перевод Гнедича не только заполнил эту лауну, но и получил всеобщее признание, стал литературной классикой. Вряд ли Жуковский вступал в творческое со-

ревнование с Гнедичем, ибо хотел даже взять «из перевода Гнедичева все стихи, им лучше меня переведенные, в чем, разумеется, признаться публице» (С 7. Т. 6. С. 593).

Можно только догадываться о том, какова была сверхзадача Жуковского — переводчика «Илиады», что тревожило его творческое воображение и насколько этот перевод соответствовал его душевному состоянию. Не исключено, что, работая над переводом второй части «Одиссеи» (последних двенадцати песен), Жуковский почувствовал созвучность гомеровского эпоса событиям революции 1848 г., очевидцем которой он оказался. И если в своей Теодиссее в столкновении Одиссея с женихами Пенелопы он воссоздал отзвуки распри во франкфуртском парламенте и разгул черни (подробнее см.: Виноцкий. С. 240—261), то в работе над «Илиадой» его внимание мог привлечь аллюзионный подтекст бессмысленного кровопролития и разрушения Трои. Мотивы разорения дома, гибели семейного очага в зеркале европейского хаоса могли обрести особый масштаб и актуальность. Тем более что замысел «Повести о войне Троянской», который сопровождал работу над переводом гомеровских поэм, последовательно и целенаправленно вбирал в себя проблематику древнегреческой трагедии Еврипида и Софокла. «Илиада» после «Одиссеи» могла в творческом сознании Жуковского обрести трагический подтекст фатального крушения мира в его субстанциальном понимании. Наконец, после опыта перевода «Одиссеи» Жуковский, уже обращавшийся к реконструкции сюжета «Илиады», возможно опираясь и на гнедичевский перевод и даже включая в свой текст его фрагменты, не хотел ли подарить русской культуре романтическую «Илиаду», актуализируя ее персоналистский подтекст в судьбе Ахилла?!

Но это всё предположения, ибо вместо продолжения перевода «Илиады» Жуковский обратился к созданию оригинальной поэмы «Странствующий жид», где в центре оказалась история искупления и трагического выбора библейского героя.

Еще в «Конспекте по истории литературы и критики» Жуковский писал: «“Илиада” и “Одиссея”. Кто хочет читать Гомера, тот должен вспомнить, что его поэмы после Библии почитаются древнейшими книгами» (Эстетика и критика. С. 70). История Агасфера на фоне судьбы Наполеона и мировых потрясений нового времени в сознании Жуковского соотносилась с гомеровским эпосом.

Очевидно одно: Гомер сопровождал Жуковского всю его творческую жизнь и был его постоянным спутником и собеседником. От «Конспекта...» до предсмертного обращения к переводу «Илиады» Жуковский искал в его поэмах ответы на свои размышления о природе национального эпоса.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

В эдиционной практике три перевода Жуковского из Гомера никогда не объединялись в отдельный и специальный том и растворялись в общем корпусе других текстов. Этому были свои причины. В прижизненных изданиях (а речь может идти только о последнем С 5, так как «Одиссея» и «Илиада» до этого времени еще не были созданы) этого не произошло из-за хронологического принципа расположения произведений: поэтому «Отрывки из Илиады» оказались в пятом томе, а «Одиссея» как «новое стихотворение» завершала последние изданные при жизни поэта тома — восьмой и девятый. Перевод «Илиады» Жуковский закончить не успел, и он не смог войти в С 5. В посмертных изданиях в силу ряда обстоятельств (разграничение законченных и незаконченных текстов, жанрово-родовой принцип расположения материала, неопределенная хронология и т. д.) гомеровские переводы Жуковского традиционно распределялись по разным томам. Так, в Полном собрании сочинений 1902 г. под ред. А. С. Архангельского (ПСС) «Отрывки из Илиады» находятся в 5 т., «Одиссея» составляет 6—8 т., «Илиада» включена в 5 т. как незаконченный текст.

А между тем идея «гомеровского тома» была высказана самим Жуковским. В конце 1848 г. он признавался П. А. Плетневу: «Приходило в голову, и не раз, искушение приняться за Илиаду, дабы оставить по себе *полного собственного Гомера*» (С 7. Т. 6. С. 593. Курсив мой. — А. Я.). Но если в 1848 г. эта идея носила характер творческого замысла, то незадолго до смерти, когда он уже приступил к переводу «Илиады», в письме к тому же адресату от 22 ноября (4 декабря) 1851 г. оформляется издательская концепция объединения «Одиссеи» и «Илиады» в пределах одного тома. «Прошу, — пишет Жуковский, — исключить, однако, из своей обязанности перепечатывание особенно “Одиссеи”, которая может последовать, если окончится начатый мною перевод “Илиады”; если же “Илиада” не переведется, то и перепечатывание “Одиссеи” не будет нужно» (Переписка. Т. 3. С. 718).

И хотя Жуковскому не удалось оставить «полного собственного Гомера», в истории русской словесной культуры именно Жуковский как никто другой приблизился к осуществлению этого замысла. «Одиссея» навсегда вошла в русскую литературу как самый совершенный и, по существу, единственный перевод гомеровской поэмы, а два обращения к «Илиаде» на протяжении 20 лет с разных эстетических позиций и переводческих установок можно рассматривать как оригинальные творческие эксперименты поэта и этапы в постижении русского Гомера.

Именно поэтому предлагаемый «гомеровский том» редакционная коллегия данного издания рассматривает как опыт систематизации всего материала, связанного с идеей «полного собственного Гомера» Жуковского.

Что касается корпуса текстов, вошедших в данный том, то в его состав включены три перевода Гомера, три этапа его творческого постижения Жуковским: «Отрывки из Илиады» (1828), «Одиссея» (1842—1849), «Илиада» (1849—1850). Несмотря на то что перевод «Илиады» не завершен, мы посчитали возможным включить его

в состав основных текстов, так как дошедший до нас текст отражает последнюю волю поэта и в этом смысле является дефинитивным: смерть Жуковского оборвала эту работу.

Раздел «Из черновых и незавершенных текстов» включает обнаруженный в архиве фрагмент грандиозного замысла Жуковского, связанного с осмыслением гомеровского эпоса — «Повести о войне Троянской». Творческая история этого произведения, причины нереализованности этого замысла — дополнительный материал для понимания пути Жуковского к созданию «полного собственного Гомера». Его размышления об «очищенной Одиссее» как «самой воспитательной книге для юношества», идея целостного взгляда на гомеровский мир и античный эпос обретают в «Повести о войне Троянской» свое наглядное выражение. Кроме того, в этот раздел включены впервые публикуемые фрагменты перевода «Отрывков из Илиады», не вошедшие в основной текст.

Традиционно переводы Жуковского из Гомера комментировались скупо и односторонне. Это обстоятельство имело свои объективные причины: специалисты по Жуковскому в большей степени обращали внимание на них как на факты творческой биографии поэта, специалисты по античной литературе рассматривали их прежде всего с позиций соотношения древнегреческого оригинала и перевода, фиксируя все отступления русского поэта от подлинника.

Кроме того, недостаточное внимание к текстологии гомеровских переводов, игнорирование принципов дефинитивности текста приводило к искажению авторской воли, к появлению ошибок и опечаток в тексте. Так, опечатка, вкравшаяся в посмертные издания (в кн. 6.101 Навсикая вместо «белорукой» стала «белокурой»), привела к тому, что А. Н. Егунов обвинял Жуковского в искажении гомеровского подлинника: «на цвет ее волос указания у Гомера нет». Об этом см.: *Одиссея*. С. 337.

В данном издании сделана попытка полного текстологического описания всех известных на сегодняшний день автографов и авторизованных копий переводов Жуковского из Гомера. Некоторые из них впервые введены в научный оборот, что позволило прояснить процесс работы поэта над текстом, а в некоторых случаях уточнить их датировку (см., например, «Отрывки из Илиады»). Кроме того, были обнаружены новые фрагменты текстов, не вошедшие в прижизненные и посмертные издания сочинений Жуковского (см. раздел «Из черновых и незавершенных текстов»).

Важное место в примечаниях занимают материалы личной библиотеки поэта, хранящиеся в книжных собраниях НБ ТГУ и ПД. Во-первых, описание всех изданий поэм Гомера, сохранившихся в библиотеке Жуковского, опровергает мнение о его «ненаучном» подходе к Гомеру. Во-вторых, многочисленные пометы и записи, нередко являющиеся подстрочным переводом (см. издания «Илиады» в немецком переводе И. Г. Фосса) обогащают представление о характере перевода Жуковского.

Обращение к рукописям поэта, прежде всего к подстрочному переводу Карла Грагофа, вносит существенные коррективы в понимание переводческих принципов русского поэта.

Как и в предшествующих томах, в основу публикации законченных текстов («Отрывки из Илиады», «Одиссея») положено С 5 как выражение последней авторской воли. Необходимо заметить, что Жуковский, особенно в период работы над «Одиссеей», придавал важное значение корректуре НС и С 5. В многочисленных письмах

к друзьям (см.: *Летопись*) он подробно говорит об этом. Так, в письме к Д. П. Северину от 12 (24) мая 1849 г. он сообщает: «Быстрота работы ничему не повредила, ибо я поправлял в печатной корректуре, и поправлял с величайшей строгостью, так что иной лист до 5-ти раз был ко мне присылаем» (РА. 1900. Кн. 3. № 9. С. 48).

В истории издания гомеровских переводов Жуковского особого внимания заслуживает публикация «Одиссеи» в серии «Литературные памятники» (*Гомер. Одиссея* / Перевод В. А. Жуковского; Отв. редактор М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 2000), подготовленная виднейшим специалистом в области античной литературы и культуры В. Н. Ярхо, к сожалению теперь уже покойным. Приложения, включающие две его программные статьи: «“Одиссея” — фольклорное наследие и творческая индивидуальность» и «В. А. Жуковский — переводчик “Одиссеи”», а также развернутые и исчерпывающие примечания к тексту, «Словарь мифологических сюжетов» и «Указатель имен и названий», стали новым и важным этапом в изучении и комментировании перевода Жуковского.

Вряд ли к этим разысканиям ученого можно что-либо добавить. Поэтому с любезного согласия дочери В. Н. Ярхо Аллы Викторовны Ярхо-Звонкин мы перепечатываем в данном томе одну из статей указанного выше издания «В. А. Жуковский — переводчик “Одиссеи”» и полный текст примечаний, а также «Словарь мифологических сюжетов» как не только выражение глубокого уважения к фундаментальному труду, но и образец научного комментария.

Дополнением к этим публикациям В. Н. Ярхо стали наши разыскания, связанные с творческой историей перевода «Одиссеи». К сожалению, объем текста автографов и крайне неразборчивый почерк позднего Жуковского не позволил на данном этапе изучения творческого наследия Жуковского предложить текстологический комментарий к «Одиссее». Это требует специального исследования.

В комментировании других произведений мы опирались на текстологические принципы, изложенные в статье «От редакции» в 1-м томе наст. изд.

В «Приложении», кроме пояснительной статьи «Гомер в творческом сознании В. А. Жуковского», примечаний к текстам, приводится специально подготовленная для данного издания «Летопись работы В. А. Жуковского (по материалам его эпистолярия) над переводом “Одиссеи”».

В заключение хотелось бы выразить самую глубокую признательность и благодарность А. В. Ярхо-Звонкин за разрешение использовать в нашем издании публикации покойного В. Н. Ярхо, а также Н. В. Самовер, помогавшей в подготовке рукописных материалов и любезно познакомившей с рукописью своей статьи о копии перевода «Илиады», находящейся в собрании НБ МГУ.

Отрывки из «Илиады»

(«Жертву принеси богам, да пошлют Илиону спасенье...»)

(С. 9)

Автографы:

1) Научная библиотека ТГУ. Homers Werke von *Johann Heinrich Voss*. Erster Band. Vierte verbesserte Auflage. Stuttgart u. Tübingen, J.G. Cotta, 1814. MDCCC XIV.: Homers Werke von *Johann Heinrich Voss*. I—XII Gesang (S. 159—163). Zweiter Band — S. 152—154, 157—160, 162—166, 168—169, 183—184, 194—196, 198—199, 200, 203—

204, 207—208, 211, 212, 214, 216—220. На С. 5—6, на нижней крышке переплета и начиная со С. 204 неопубликованный текст перевода.

2) РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 15. Л. 1 об. — 22 — черновой (с параллельным перебиванием) всего опубликованного текста (Л. 2 об. — 17 об.), с нумерацией стихов по пятистишиям до 540). На л. 1 об. пронумерованный план перевода из девяти пунктов; на л. 2 — неопубликованные фрагменты под заголовками «Изображение Аполлона» (10 стихов), «Мановение Зевеса» (3 стиха); на л. 5: «Изображение олимпийских чертогов» (37 стихов); начиная с л. 18 об. — неопубликованный перевод (ок. 200 ст.). На л. 16 об., 18 об., 19, 20, 21 — даты: «3 июля—4 августа», «7—8 авг.», «9—10 авг.», «15—6 авг.», «21 авг.—23—24», «25 августа—26 августа». На обложке архивное описание: «Жуковский В. А. Черновик Илиады. Тетрадь I (16 л. 4°) — II (4 пис. л. 4°). Авт. арх. К. С. Сербиновича».

К о п и и:

1) РНБ. Оп. 1. № 32. Л. 1—14 — писарская, авторизованная, полный текст, с многочисленными поправками Жуковского.

2) ПД (Онегинское собрание). № 27.778. СХСVIII б. 49. Л.1 — 1об. — писарская, неавторизованная, 37 стихов. См. примечание к ст. 550—551.

В п е р в ы е: СЦ на 1829 год. С. 76—119 второй пагинации — с заглавием «Отрывки из Илиады» и примечанием внизу с. 76 под астериском: «Сей перевод сделан по некоторым особенным причинам. Переводчик, не знающий по-гречески, старался только угадывать Гомера, имея перед глазами немецкие переводы Илиады — *Фоссов* и *Штолльбергов*. Сей опыт его не должен быть сравниваем и не может выдержат сравнения с переводом Н. И. Гнедича, который передает нам самого Гомера, вслушиваясь в природный язык его; здесь, так сказать, один *отголосок отголоска*. Стихи, напечатанные курсивом, принадлежат *самому переводчику*: они служат *соединением отрывков*, вполне переведенных из Илиады и заимствованных из VI, XVII, XVIII, XIX и XX песней»; подписью «В. Жуковский», разбивкой на пятистишия (всего 600). Ц. р. 27 декабря 1828 г. Цензор К. Сербинович.

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х: С 4. Т. 6. С. 168—209 — с заглавием «Отрывки из Илиады», в рубрике «Смесь»; С 5. Т. 5. С. 67—98 — в подборке произведений за 1832 г., с заглавием «Отрывки из Илиады» (в оглавлении ошибочно: «Отрывок из Илиады»).

Д а т и р у е т с я: приблизительно 3—9 августа 1828 г.

«Отрывки из Илиады», или «Малая Илиада» (определение А. Н. Егунова), представляя собой первый опыт перевода В. А. Жуковским гомеровского эпоса. Традиционно датируется 1828 г. Основанием для датировки служило письмо В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу от 2 (14) сентября 1828 года: «Перевожу для детей своих отрывки из “Илиады”; и уже перевел довольно» (ПЖТ. С. 247).

Обнаружение чернового автографа позволяет уточнить время работы Жуковского над переводом. Дата на л. 16 об.: «3 июля», по всей вероятности, является опиской, так как на этом же листе чуть ниже «4 июля» зачеркнуто и исправлено на «4 августа». И далее, до окончания чернового текста канонических 600 стихов, опубликованных в СЦ, на л. 18 об. — 19 даты: «7 и 8 августа». Неопубликованные около 200 ст. (см. постишные примечания) датированы 10, 15, 16, 21, 23, 24 августа. Все это позволяет датировать черновой автограф «Отрывков из Илиады» приблизительно 3—9 августа 1828 г. Что касается времени начала работы (л. 1 об. — 16;

ст. 1—490), то никаких документальных свидетельств об этом обнаружить не удалось. Но и характер почерка, и параллельная работа над черновым и беловым вариантом позволяют предположить, что, по всей вероятности, Жуковский начал перевод незадолго до начала августа 1828 г., возможно в июле, о чем свидетельствует описка на л. 16 об. Подготовка публикации 600 стихов (см. писарскую копию) в альманахе «Северные цветы» оборвала эту работу. Как явствует из письма А. А. Дельвига к П. А. Вяземскому от 3 ноября 1828 г., уже к этому времени у него был текст «Отрывков из Илиады» и других произведений Жуковского, предназначенных для альманаха: «Жуковский вам кланяется, он мне нынче подарил с лишком 800 стихов¹, щедро и славно» (*Дельвиг А. А. Сочинения. Л., 1986. С. 333*).

К этому времени публика уже была частично знакома с «Илиадой» Н. И. Гнедича, чей полный перевод ко времени выхода «Отрывков» Жуковского был вполне завершен и находился в печати.

Это обстоятельство вызвало особое внимание современников к отношениям двух переводчиков. А. С. Пушкин в письме к П. А. Вяземскому в январе 1829 г. восклицал: «Читал “Цветы”? Каково “Море” Жуковского и каков его Гомер, за которого сердится Гнедич, как откупщик на контрабанду» (*Пушкин. Письма. Т. II. М.; Л., 1928. С. 61*). По свидетельству А. И. Дельвига, публикация перевода Жуковского послужила поводом к размовке напечатавшего «Отрывки» А. А. Дельвига с Гнедичем (*Дельвиг А. И. Мои воспоминания. Т. I. М., 1912. С. 56*. Подробнее см.: *Пушкин. Письма. Т. II. М.; Л., 1928. С. 331*).

«Малая Илиада» не является прямым полемическим выступлением Жуковского в отношении полного перевода Гнедича. Во-первых, этот факт специально оговаривается при первой публикации текста; во-вторых, упоминание о немецком переводе Фосса и Штольберга, об английском варианте Попа встречаются в росписи за 1805 г., а «отрывки из Гомера» значатся в «Перечне задуманных переводов и подражаний» того же времени (БЖ. Ч. III, С. 436). С другой стороны, П. А. Вяземский утверждает, что Гнедич «в литературе держался всегда без страха и без укоризны. (...) Он был чужд всех проделок, всех мелких страстей и промышленности (...). Он был в приятельских отношениях с Крыловым, Батюшковым, Жуковским, Пушкиным, Баратынским, Дельвигом, Плетневым, Тургеневым» (*Вяземский. Т. VIII. С. 455*). Издание своей «Илиады» Н. И. Гнедич презентует В. А. Жуковскому в 1829 г. с дарственной надписью «Почтенному другу Василию Андреевичу Жуковскому от Гнедича» (Описание. № 2504. С. 340). Однако постоянного сравнения двух «Илиад» переводчикам избежать не удалось. Так, В. Г. Белинский называет «Отрывки» в числе «замечательных переводов Жуковского» и отмечает их отличия от гнедичевского варианта: «В отрывках из “Илиады” стих легче, чем стих Гнедича; но в последнем, по нашему мнению, более жизни, более греческого духа и колорита» (*Белинский. Т. VII. С. 213*).

К началу работы над переводом Жуковский имеет оригинальный греческий текст «Илиады» (1823), итальянский перевод М. Чезаротти (1795), английский перевод А. Попа (1771) и немецкий И.-Г. Фосса (1814). См.: Описание. С. 187—190, 365. Он внимательно изучает русский прозаический перевод И. И. Мартынова и его комментариев, исправляя в каждом из четырех выпусков опечатки и логические ошибки, внося стилистическую правку и тщательно отслеживая передачу сложного

¹ Эта цифра соответствует общему объему текстов, опубликованных Жуковским в «Северных цветах на 1829 год»: кроме 600 стихов «Отрывков из Илиады», это 156 ст. баллады «Торжество победителей», 36 ст. «Видения» и 28 ст. «Моря». Итого 820 стихов.

эпитета оригинала. На полях он записывает собственные варианты «сладкоречивый»; «богоподобный»; «двуподвижный» и «двousedвижный» — для мартыновских эпитетов «приятнословный», «равнобожный», «обоюдодвижимый» (подробнее см.: БЖ. Ч. III. С. 455—463). Жуковский откликнулся на первый же выпуск «Илиады» Мартынова в серии «Греческие классики», оценив его вспомогательное значение в «Обзоре русской литературы за 1823 год»: «Переводчик, желая облегчить для нас чтение греческих поэтов, переводит с буквальной точностью, не заботясь нисколько о слоге. Книга его избавляет от скучного труда рыться в лексиконе — вот главное ее достоинство. Она не обогащает нашей словесности, но может быть полезна для тех, которые занимаются классической поэзией греков» (Эстетика и критика. С. 112).

Источниками, на которые Жуковский опирался непосредственно, по свидетельству самого поэта, послужили, прежде всего, немецкий и английский художественные переводы: «По незнанию Гомерова языка лажу с Фоссовым шероховатым, но верным (переводом?); переводя Фосса, заглядываю в Попе и дивлюсь, как мог он при своем поэтическом даровании так мало чувствовать несравненную простоту своего подлинника, который совершенно изуродовал жеманным своим переводом» (ПЖТ. С. 247).

Между строк «Ilias» И.-Г. Фосса в личной библиотеке поэта в Томске находится черновой автограф «Малой Илиады», который представляет собой более 800 стихов карандашного текста — перевод отрывков «с листа» и оригинальные связующие фрагменты Жуковского. Как известно, 600 стихов «Отрывков из “Илиады”» охватывают 9 сцен, начиная с прощания Гектора и Андромахи и заканчивая картиной битвы богов. Планы Жуковского в издании Фосса и стихи, соответствующие «Отрывкам», были опубликованы Г. А. Чупиной (БЖ. Ч. III. С. 434—454). Однако до соответствующего «Малой Илиаде» фрагмента Жуковский переводит зачин «истории» (13 стихов) — изображение Аполлона и волю Зевса, дважды на нижней крышке переплета и в тексте поэмы (С. 5—6):

⟨Изображение Аполлона⟩

Так молил Хризес и Феб услышал молитву.
Быстро потек он с вершины Олимпа разгневанный сердцем,
Лук тугой на плече. За спиною колчан затворенный.
Стрелы гревели биясь о хребет раздраженного бога
В грозном полете его: он страшен как ночь приближался,
Стал невдали кораблей и лук натянул и прицелился
Выстрелил: с звоном ужасным серебряный лук разогнулся.
Месков и псов быстроногих сначала сразил он; но скоро
В греков самих неизбежные стрелы направил; погибло
Много их; денно и ночью костры погребальны пылали.

⟨Воля Зевса⟩

Так сказал и подвинул густыми бровями Кронон!
Кудри волос амброзийских с главы громовержца шатнулись
Все вперед на чело: задрожала вершина Олимпа.

После этой завязки следует текст, соответствующий известным «Отрывкам», но на 600 стихе перевод не оканчивается, без всякого пропуска или деления следу-

ют еще 115 стихов подстрочника из двадцатой песни — в переводе Н. И. Гнедича «Битва богов» (см. ниже).

Публикуемая часть перевода содержит главным образом представление сцен военной брани: расстановка богов в бою, сражение Ахиллеса с Энеем, поражение Гипподама, Демолеона и Полидора, бой с Гектором и развернутое описание дальнейшего кровавого пути Ахиллеса.

«Малая Илиада» является эскизом полного варианта эпоса, что подтверждают планы Жуковского и отчеркивания фрагментов, пронумерованных цифрами от 1 до 6 в продолжение переведенных стихов (S. 202—317). Вкупе с пометами очевидно вырисовывается третья часть замысла сокращенной «Илиады», содержащая развязку противостояния двух героев. Сначала на небе (спор богов), а затем на земле (гибель Гектора и похороны Патрокла) разрешается история войны и противоборства, но отдельной частью и важнейшим финальным акцентом становится речь старого Приама, оплакивающего «самого смелого» и «равного богам в добродетели» сына.

Общий замысел продолжения не вошедшего в «Отрывки» сюжета выглядит следующим образом (нумерация отчеркиваний сделана Жуковским; аннотация содержания отчеркиваний наша. — Н. Н.):

(Без нумерации). Приготовление богов к бою (отчеркивание и подстрочный перевод 12 стихов);

1. «Сходка» Ахиллеса с Энеем (отчеркивание и перевод 19 стихов);

2. Битва Ахиллеса с Энеем, поражение от его руки Гипподама и Демолеона (отчеркнуто и переведено 35 стихов);

3. Гибель Полидора от руки Ахиллеса, встреча и битва с Гектором (48 стихов перевода);

4. Речь Ахиллеса над телом убитого им Пелегона, Гера укрощает Гефеста, спор богов (Песнь 21, переведено 14, отчеркнуто 121 стих);

Возвращение Аполлона, смерть Гектора, плач Андромахи, погребение Патрокла (Песни 21—23, отчеркнуто 868 стихов);

5. Речь Приама (Песнь 24, отчеркнуто 25 стихов).

Содержание отчеркнутых, но не переведенных стихов не единожды отражается в пяти планах Жуковского вместе с содержанием переведенных, что позволяет говорить о целостном осмыслении «Илиады». Ср.:

На С. 182

*Известие о смерти Патрокла
Перед сражением
Сражение с Гектором
Погребение
Приам*

На нижнем форзаце

*Речь Ахиллеса
Вооружение
Сражение с Энеем
Боги в бою*

*Сражение с Энеем
— с Полидором
— с [п/рзб.]
Возвращение Аполлона
Сражение с Гектором
— погребение Патрокла*

Приам

Более поздний автограф № 2 начинается с подобного нумерованного плана перевода, содержательно не вошедшего в опубликованные «Отрывки из “Илиады”» (1 об.):

1. Оружие и сходка
2. Предсказание
3. Приготовление к бою и битва
4. Полидор и Гектор
5. Сражение со Скамандром
6. Агенор
7. Сражение с Гектором
8. Погребение Патрокла
9. Приам

Помимо текста, полностью соответствующего переводу в издании Фосса, автограф содержит оригинальную вставку Жуковского, которая композиционно должна была соединить опубликованные 600 стихов «Отрывков» с последующим осуществленным вчера и запланированным переводом. Лист 5 занимает не содержащий значительной правки текст из 37 стихов, разбитый на пятистишия, под заголовком «Изображение олимпийских чертогов» (см. постишный комментарий).

Таким образом, замысел перевода «Илиады» носит экспериментальный, предварительный, но целостный характер. Сокращение поэмы Гомера не случайно и имеет свою логику.

Во-первых, по указанию самого поэта, перевод делается для его воспитанников — великого князя Александра Николаевича и его сестер («перевожу для детей своих отрывки из “Илиады”») — и, очевидно, предвещает идею об «образовательном» греческом эпосе «для юности», который, по нереализованному позднему замыслу поэта, должен был включать «очищенную, но не искаженную “Одиссею”», а также «лучшие места из трагиков и “Илиады” и “Энеиды”» (СС I. Т. 4. С. 662.). Поэтому Жуковский, следуя своим же переводческим принципам, выраженным позже в письме С. С. Уварову, и стремясь сохранить насыщенность и динамику внешнего и внутреннего, не только психологического, но и событийного действия, исключает всю предысторию «Илиады», оставляя только краткую завязку, пропускает описание языческих игр и состязаний после погребения Патрокла, а также развернутые эпические картины.

Во-вторых, понята последовательный отбор острейших драматических сцен, развивающих тему отмщения, героической жертвенности и воздаяния. Осмысление «Илиады» в конце 1820-х гг. представляет собой не только значительный шаг на пути к эпосу 1840—1850-х гг., но и часть поэтической историософии романтика. Эскиз «Илиады» создан в период шестилетнего молчания поэта после известных событий на Сенатской площади, а контекст публикации «Отрывков» в «Северных цветах» («Торжество победителей», «Видение» и «Море» Жуковского; стихотворения сосланного Кюхельбекера; басни Крылова; перевод «Ирландских мелодий» Т. Мура Вронченко и Вяземского) позволяет прочесть целостный героико-элегический сюжет как реквием по декабризму, песнь покаяния, поминовения и памяти (подробнее см.: Янушкевич. С. 202—206).

Первое обращение к эпосу Гомера играет важную роль в оформлении принципов передачи поэтической лексики в переводе «Одиссеи». Не зная греческого, Жуковский старается практически дословно передать немецкий текст, его семантику,

жертвуя размером и не укладываясь в гекзаметр. В творческой истории «Отрывков» конца 1820-х гг. прослеживается интенсивная работа Жуковского со сложным эпитетом, в результате которой оформляется оригинальная стратегия виртуозной и естественной передачи определений. Ср.:

Voss	Жуковский	Гнедич
<i>tiefstrudelnd</i>	<i>глубокошумящий</i>	<i>глубокопучинный</i>
<i>helmmumflattert</i>	<i>зривистым шлемом украшенный</i>	<i>великий</i>
<i>erzblinkend</i>	<i>медноблестящий</i>	<i>огромный</i>
<i>breitstirnig</i>	<i>крутолобый</i>	<i>крепкоцельный</i>

Об оригинальности замысла Жуковского свидетельствует и собственная транслитерация некоторых имен героев и богов (см. ст. В. Н. Ярхо «О транслитерации имен собственных и названий» в наст. изд.):

Voss	Жуковский	Гнедич
<i>Hermias</i>	<i>Эрмес</i>	<i>Гермес</i>
<i>Xanthos</i>	<i>Ксант</i>	<i>Ксанф</i>
<i>Hafästos</i>	<i>Ифест</i>	<i>Гэфест</i>
<i>Poseidon</i>	<i>Посидон</i>	<i>Посейдон</i>

Современники высоко оценили этот вольный перевод. В своем «Обзрении Русской словесности 1829 г.» И. В. Киреевский отмечает оригинальность и новаторство Жуковского по сравнению с другими вариантами прочтения Гомера: «Здесь в первый раз увидели мы в Гомере такое качество, которого не находили в других переводах: что у других напыщенно и низко, то здесь просто и благородно; что у других бездушно и вяло, здесь сильно, мужественно и трогательно; здесь все тепло, все возвышенно, каждое слово от души; может быть, это-то и ошибка, если прекрасное может быть ошибкою» («Денница, альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем». С. XL—XLI). К моменту публикации «Малой Илиады» русскому читателю уже были известны переводы поэмы Гомера: П. Екимова (1778); Е. Кострова (1787); перевод VII песни А. Ф. Мерзляковым, комментированный прозаический перевод И. И. Мартынова (1825).

Ст. 1. *Жертву принесши богам, да пошлют Илиону спасенье...* — Этот стих отсутствует в черновом автографе, который начинается со ст. 2.

Ст. 2. *Гектор поспешно потек по красиво устроенным стогнам...* — В черновом автографе (a2) вместо «потек» — «идет». В конце стиха — восклицательный знак.

Стогны — площадь, улицы в городе.

Ст. 2—5. В черновом автографе — с разметкой стоп.

Ст. 8—9. *...прозван Астианаксом (понеже лишь Гектор защитой был града)...* — В a2): «...(града защитой единый был Гектор)».

Понеже — нареч. — потому что, так как.

Ст. 10. *Ласково руку пожавши ему, Андромаха сказала...* — В a1) и a2): «Дружески руку пожавши ему, со слезами сказала».

Ст. 11. *Неумолимый...* — В a1) и a2): «Непостижимый!»

Ст. 16. *Если тебя, отнятого роком могучим, не станет?* — В а1): «...могучей судьбою...», в а2): «...когда ты своею судьбою будешь пог[ублен]».

Ст. 27. *Матерь царицу от пажитей густолесистого Плака...* — В а1): «...от берега темнелесистого Плака».

Пажить — пастбище, где пасется скот; Плак (Плака) — главный город греческого острова Милоса, сейчас — старейший жилой квартал Афин.

Ст. 34. *Там на холме смоковницы войско поставь...* — В а2): «Там на фиговом холме войско поставь! Нападенье...»

Смоковница — фиговое дерево, инжир.

Ст. 38. *...гривистым шлемом украшенный Гектор...* — В а1): «Гектор, украшенный, гривистым шлемом покрытый».

Гривистый; шлем военачальника в троянском войске украшался гребнем из конских волос.

Ст. 45. *Веще сердце и тайно гласит мне тревожное чувство...* — В а2): «Веще сердце мое и гласит мне тайное чувство...»

Ст. 52. *...как мысль о тебе...* — Вместо *мысль о тебе* в а2): «твоя печаль».

Ст. 53. *Вслед за одеянным...* — Вместо *одеянным* в а2) было «покрытым».

Ст. 55—56. *Или в Аргосе будешь с рабынями ткать для царицы, // Иль утомленная, тяжким сосудом в ключе гитерейском...* — В а2) вместо *тяжким сосудом* было «тяжким кувшином».

Аргос — в древности главный пелопонесский город, бедный водой; Гиперейская земля — в переводе означает «запредельная», «верхняя», то есть очень далекая.

Ст. 58—69. *«Может быть, видя, как плачешь в своем одиночестве, скажут... ~ Грозно над ним зашумевшею с медноогромного гребня.* — В черновом автографе (л. 3 об.) все эти стихи зачеркнуты и перебелены на л. 4. В основном работа носит стилистический характер, связанный с перестановкой слов, поиском ритма. В ст. 69 вместо «медноогромного» было «высокого медного».

Ст. 59. *Вот вдова знаменитого Гектора, бывшего первым...* — В а1): «В[от] супруга храброго, конеправящего, доброго Тр[оянца]»; в а2) варианты: «...бывшего первым...», «...первого в Трое».

Ст. 61. *...с новой вспомнишь тоской, что на свете...* — В а2): «...с новой печалью (вар.: «с горем») помянешь, что в свете...»

Ст. 73. *...и нежно лелеет...* — В а2): «...и тихо качает...»

Ст. 81. *...положил он в объятия нежной супруги...* — В черновом автографе: «...положил он на лоно любимой супруги...»

Ст. 88. *...ни смелый, ни робкий...* — В а2): «...благородный иль низкий...»

Ст. 103. *Пал Патрокл от руки благородного Гектора...* — В а1): «Пал Патрокл от руки великого Гектора...»; в а2) «великого» исправлено на «благородного».

Ст. 106. *Гектор совлек Ахиллесову броню, и сеча зажглася...* — Ср. а2): «Гектор сорвал Ахиллесову броню, и страшная сеча (вар. «битва») кипела».

Ст. 107. *...прежде столь бодрого в битве.* — В черновом автографе: «крепкою мышцей дотоле».

Далее шли еще три стиха, которые при перебеливании текста были изъяты:

Гектор как лев раздраженный рвался на него; но Аяксы
С ним Атрид Менелай и ахейцы, сражаясь упорно,
Сильлись мертвое тело (вар. «тело Патрокла») спасти от позорного плена.

Ст. 109. *Гибель Патрокла...* — В черновом автографе: а) «горькую гибель»; б) «жалкую гибель».

Ст. 133—134. *Рвутся, как львы разъяренные ~ приближается шумная битва.* — В а2) этим двум стихам соответствовал один: «Рвутся добычу огня; к кораблям приближается битва».

Ст. 135. *Робко меж тем Антилох к Ахиллесовой ставке подходит...* — Ставка — шатер старшего полководца в пункте, откуда ведется управление войсками во время сражения.

Ст. 142—143. *Непреклонный // Друг!* — В а1): «Друг жестокий!»

Ст. 144. *Вражий пожар...* — В черновом автографе: а) «наступ врага»; б) «приближение врага».

Ст. 153. *...почернела одежда...* — В а2): «...почернело душистое платье...»

Ст. 165. *...серебряный дом...* — Вместо *серебряный дом* было «серебряный грот».

Ст. 175. *...сиянием дня озаренный...* — В а2): «...и видит сияние солнца».

Ст. 187. *Что бодрюю душу твою сокрушило?..* — В а1): «...что сердце твое сокруш[ило]?»; в а2) вместо *бодрюю* было «добрую».

Ст. 224. *...должно покориться...* — Вместо *покориться* в а2): «укротиться».

Ст. 235. *...вздохи спирая в груди...* — Вместо *спирая* в черновом автографе: «стесняя».

Ст. 237. *Матерь, меня удержать...* — Далее в а2) зачеркнут следующий стих: «Так отвечала ему добронравная матерь Фетида...»

Ст. 262. *Яростный, пламенный, все низвергал он...* — В а1) вар.: «Яростный», «твердый», «отважный», «неистовый». В а2) вар. «огненный».

Ст. 270. *...беги, беги...* — В а2): «...воздвигнись, беги...»

Ст. 280—281. *...И Афина // Мощные плечи ему облачила эгидой ужасной...* — В а2): «...эгидою страшной...»

Эгида — атрибут Зевса, Афины и Аполлона как божеств грозных атмосферных явлений, символизирующий грозовую тучу, наводящий ужас и непроницаемый даже для молний.

Ст. 290. *Он взбежал на раскат и, став на виду у ахеян...* — Раскат — площадка для установки орудий.

Ст. 293. *Так оглушительный гром боевые трубы...* — Ср. а2): «Так дребезжанье пронзительной бранной трубы...»

Ст. 295. *Голос слышался...* — В а1): «Голос громкозвучный слышался».

Ст. 296. *Гибель почуя, подняли гривы и с топотом громким...* — В а2): «Чуя беду, натопорщили гривы и с топотом [зачеркнуто: «вздыбились»], страшным».

Ст. 297. *...правители их в иступленье...* — В черновом автографе вместо *в иступленье* было «изумленный».

Ст. 298. *...обратяся назад...* — В а2) вместо *обратяся назад* было «главы обратив».

Ст. 299. *...лица Ахиллесова...* — В а2) вместо *лица* — «чела».

Ст. 304. *...простерли его на одре...* — «...простерли на ложе...» (а2).

Ст. 306. *...друга, пред ним на одре...* — Вместо *друга* в черновом автографе было: «друга души».

Ст. 314. *Смутно они собрались на совет...* — «В круг многолюдный они собрались...» (а2).

Ст. 316. *Сердце тревожила мысль о явившемся в бой Ахиллесе...* — «Сердце тревожила мысль: Ахиллес возвратился».

Ст. 317. *...друг осторожный...* — Вместо *осторожный* в а2) — «прозорливый».

Ст. 327. ...ответствовал пламенный Гектор... — В черновом автографе вместо «пламенный Гектор» было «Гектор великий».

Ст. 328. ...теперь бесполезен... — В а2) вар.: а) «...теперь не уместен...»; б) «... меня не колеблет...»

Ст. 332. Был знаменит на земле... — В а2): «Был величаем везде...»

Ст. 334—335. ... во Фригии, в крае союзном // Пышной Меонии, проданы лучшие утвари наши... — Фригия — название области в центральной части Малой Азии; Меония — страна в средней части западного побережья Малой Азии, богатая золотом.

Ст. 336. ...могучий Кронион, Зевес Вседержитель... — В черновом автографе: «...превыспренный сын потаенного Крона...»

Ст. 338. Я ли укроюся в Трою?.. — В а2): «Я ль убегу. Безрассудный!..»

Ст. 344. Мы побежим к кораблям на решительный приступ. И если... — Черновой автограф: «Мы потечем к кораблям на губительный приступ. Когда же...»

Ст. 345. ...недоброе время... — Вместо *недоброе* — «не благое» (а2).

Ст. 346. ...я не страшуся... — Вместо *не страшуся* — «Я ль поколеблюсь...» (а2).

Ст. 352. В горе и плаче ту ночь над Патрокловым телом ахейцы... — Черновой автограф: «Оную ночь над Патроклом ахейцы в рыданье и горе...»

Ст. 355. ...львица грозная... — В черновом автографе вместо *грозная* было «косматая».

Ст. 356. ...из глубокого лога... — Вместо *глубокого* — «лесистого» (а2).

Ст. 359. ...надежды мои безрассудны... — «...напрасны мои уверенья...» (а2).

Ст. 364. ...кровью своей питаем... — В черновом автографе вместо *питаем* было «покроем».

Ст. 375. ...перси терзают... — Вместо *перси* — «груды» (а2).

Ст. 391. ...в мрачном молчанье... — В а2): «...сокрушенны...»

Ст. 402. ...глаза засверкали... — В черновом автографе вар.: а) «...зарделися очи...»; б) «...заискрились очи...»; в) «...запрыгали очи...»

Ст. 403. ...ужасное пламя... — В а2) вместо *ужасное* — «грозное».

Ст. 409. ...насекомые жадные... — Там же вместо *насекомые жадные* было «жадные мухи».

Ст. 410—411. В раны влететь ~ опозорить прекрасный. — В а2): «В раны закрасться; в них червь заведется; гниение скоро // В тело проникнет и образ прекрасный его исказится».

Ст. 415. Медленный года над ним совершился полет... — Черновой автограф: а) «Целого года круг совершился...»; б) «...Целого года свершилось течение...»

Ст. 429. ...отходят в шатер Ахиллесов... — «...спешат в Ахиллесову ставку...» (а2).

Ст. 432. ...обед разделить... — В а2): «...вкусить от трапезы...»

Ст. 435. ...душу мою раздирает... — Вместо *раздирает* в черновом автографе были следующие варианты: а) «наполняет»; б) «пронизает»; в) «пронизает».

Ст. 436. ...до самого поздния ночи... — «...пока не закатится солнце» (а2).

Ст. 442. ...думал о мертвом... — В а2) вместо *о мертвом* было «о милом Патрокле».

Ст. 447. ...ты лежишь, бездыханный!.. — В а2) вместо *бездыханный* — «убиенный».

Ст. 450. Льющего слезы во Фтии своей обо мне отдаленном... — В а2): «Льющего [горькие] слезы во Фтии своей о далеком...»

Ст. 455. В а2) вместо *свое утешал* было «питал»; вместо «погибну» — «умру я».

Ст. 457. В а1) вместо *белокрылых* было «черно-бедрых».

Ст. 460. ...в земле, бездыханный... — «...во гробе заснувший...» (а2).

- Ст. 461.** ...будет лежать... — В а2) вместо *лежать* было «спать».
- Ст. 462.** ...все боясь, что от Трои... — Там же вместо *все боясь* — «...истомясь непрестанным // Страхом...»
- Ст. 465.** *Каждый о том помышляя, что в доме далеком оставил.* — В а2): «Каждый молился о том, что в собственном доме (вар.: в далекой отчизне) оставил».
- Ст. 468.** «Или, Паллада, покинут тобой Ахиллес благородный?.. — «Дочь, для чего ж Ахиллес так ныне покинут тобою!» (а2).
- Ст. 469.** *Видишь, как он на берегу, у своих кораблей черногрудых...* — В а1): «Видишь, как он на берегу у своих кораблей круглогрудых»; в а2): «Видишь, как он на берегу у своих кораблей темноводных (вар. возвышенных)».
- Ст. 482.** ...быстро эфир проясняющим ветром... — В а2) вместо *быстро* было «хладным».
- Ст. 484.** *Круто согбенные латы, из ясеня твердого копья...* — В а2): «Панциры круто согбенны, копьа из ясени твердой...»
- Ст. 488.** *Зубы его скрежетали, и очи, как быстрое пламя...* — В черновом автографе: «Зубы скрипели его; и очи как острое пламя...»
- Ст. 494—495.** ...драгоценный меч... — В а2) вместо *драгоценный* было «изощренный».
- Ст. 496—497.** ...блеском подобный полному месяцу... — Там же вместо *блеском* — «блистаньем».
- Ст. 498.** ...на вершине утеса... — «...на горной вершине...» (а2).
- Ст. 499.** ...по шумящему морю... — В а2): «...по воле пучины...»
- Ст. 500.** *Так лучезарно светился божественный щит Ахиллесов...* — В а2): «Так разливал на окрестность блистание щит Ахиллесов...»
- Ст. 502.** ...он сиял, как звезда... — В а2): «...как звезда лучезарен был гривистый шлем...»
- Ст. 503.** ...воздымавшийся гребень... — В а2) вместо *воздымавшийся* было «воздвигавшийся».
- Ст. 507—508.** ...копье ~ тяжкоогромное — Там же вместо *тяжкоогромное* — «тяжкодебелое».
- Ст. 516.** ...изготовясь в кровавую битву... — «...всеоружием грозно покрытый...» (а2).
- Ст. 517.** ...как Гелиос дивной броней сиял... — В а2): «Лучезарный как солнца высокого неба...»
- Ст. 525.** ...разрешила язык — он промолвил... — В а2): «...вложила в безмолвного слово...»
- Ст. 535.** ...от могучего бога... — В а2) вместо *могучего* — «бессмертного».
- Ст. 538.** «Ксанф, для чего бесполезно мне смерть прорицаешь?.. — В черновом автографе: «Ксанф, для чего прорицаешь мне смерть! Не имею в том нужды!»
- Ст. 543—544.** Отсутствуют в черновом автографе.
- Ст. 547.** ...в обителях неба... — «...в чертогах Зевеса...» (а2).
- Ст. 550—551.** *В чертогах, Ифестом // Созданных с дивным искусством по воле Зевеса, на тронах // Боги сидели кругом Громовержца* —
- Описание жилища богов и их собрания, очевидно, должно было занять место в финале опубликованных «Отрывков» и служить своего рода экспозицией к сцене битвы богов и дальнейшей истории победоносного шествия Ахилла. Так как задуманный перевод «Илиады» не был полностью осуществлен, приведенная ниже вставка (см. автограф № 1 и копия № 2) не была включена в публикацию и распротраненный Жуковским сюжет ограничился менее чем тремя стихами. Ср.:

Горы отверзли врата беспредельного [лазурного] неба. И быстро
 Дикие солнцевы кони в лучах на востоке явились.
 Гелнос прежде блеснул на страны эфионов далеких
 Мирно живущих на крае земли; потом, отряхая
 5 Кудри лучистых велесов, он взлетел на лесистую Иду
 Свет проливая на скорбных троян и на бодрых ахеян.
 Тою порою стремясь по эфиру горы влетел
 В горний Кронионов дом Ифест хромоногий
 Встретил богинь обратил к ним угрюмое слово:
 10 Горы крылатые! Счастливым — быстрые! Ждущим в печали —
 Слишком ленивые! Мною построен чертог сей
 С воли отца, по размеру небесного муз песнопенья!
 Злата я не жалел, ни меди, ни темных металлов!
 Зданье мое совершенно! К нему не коснется
 15 Время; ни ржа его не съедает; ни пыль, земнородных
 Странников вечный товарищ, к нему не достигнет; искусство
 Здесь, что возможно ему сотворить, сотворило.
 Светлая кровля лежит на нетленных столбах неподвижно;
 Гладкий помост приглашает скользить беззаботную ногу;
 20 Троны богов, повинувась их воле, повсюду за ними
 Двинутся сами, как пес неотлучный вослед звероловцу.
 Служек из злата я вылил, чтоб были входящему Зевеу
 Твердой опорой; себе же подобных из меди. Но жизни
 Нет здесь ни в чем. Лишь вам и харитам небесным возможно
 25 В мертвое жизнь даровать. Прелейте ж из ваших сосудов
 Сладкую прелесть; создание мое оживите, чтоб боги
 Им, как и прежде могли веселиться, меня восхваляя.
 С ясной улыбкой летучие горы, кивнув головою
 Богу в ответ, расточили повсюду и жизнь и сиянье,
 30 Смертной душе нестерпимое вечным богам наслаждение.
 Боги вступили в святые чертоги и сели на троне.
 Вдруг засияло повсюду; повеяло вдруг издалека,
 Тихим, едва ощутительным веяньем... Дий приближался!
 Скоро, на служек златых, изваянных Ифестом, опершись
 35 Он из обители тайной в собрание вступил; преклонились
 Вставши боги пред ним; он потек величаво к престолу;
 Сел; за ним и все боги в молчании, каждый на трон своей.

Ст. 559. «Бог, колебатель земли, ты мои помышления знаешь... — В а2): «Землекрушитель, ты знаешь мои сокровенные мысли...»

Ст. 578. ...с улыбкой приветной... — «...с улыбкою сладкой...» (а2).

Ст. 596. В царстве глубокой подземной тьмы Айдоней возмутился... — В а2): «В царстве глубокия тьмы ужаснулся властитель Аида...»

Ст. 597. Бледен с престола сбежал он и фрикнул... — «С трона дрожа он сбежал и громко воскликнул...» (а2).

Ст. 600. ...страшный, мгlistый... — В а2) вместо *страшный* было «дикий».

Ст. 600. *Страшный, мгlistый, пустой и бессмертным самим ненавистный.* Далее в черновом автографе (а2) на л. 19 под датой: «10 августа» Жуковский переводит фрагмент из десятой песни (ст. 66—80), исключив ст. 77—79 (всего 11 стихов):

Столь великий был гром при нисходе с небес олимпийцев.
 В битву становится¹: против владыки морей Посидона
 Феб Аполлон, окрыленные² стрелы посящий в колчане,
 Против Арея богиня могущая древком³ Паллада Афина,
 5 Против Иры, любящая шум звероловной охоты
 В темных лесах⁴, неизбежного бога сестра Артемиды,
 Против Леты посол благовестный Крононов Эрмес⁵,
 Против Ифеста глубокошумящий⁶ властитель потока,
 Названный на небе Ксаифом, у смертных слывущий Скамандром⁷.
 10 Так на богов устремились боги. Но Гектора жадно
 Ищет в бою Ахиллес; Аполлон на него посылает Энея.

На л. 20—22 работа продолжается. Под датами: «15—24 августа» Жуковский переводит еще 95 стихов из 20-й песни (ст. 161—341):

С дикой угрозой подходит Эней, колебля⁸ густою⁹
 Гривой тяжелого шлема, огромным щитом заслонивши
 Грудь, и копьём медноострым своим потрясая.
 Ярости полный, бежит быстроногий Пелид¹⁰. Как могучий
 5 Лев выступает, когда на свое собирает убийство
 Целый народ звероловцев. Сначала спокойно и гордо
 Шествует он; но едва лишь копьё звероловца младого
 Тронет его, ... вздыбится грива, зубы оскалив¹¹,
 Он припадает на задние лапы, чтоб прыгнуть
 10 Пенится пасть
 Сим возбуждая себя, он ударяет справа и слева
 Сильным хвостом по бедрам и бокам, и глаза раскаленные
 Водит кругом, выбирая вонзить ли в единого когти
 Или на всех устремиться, прыгнув когтями на копыя.
 15 Так Ахиллес приближаясь, горя нетерпением сердца,
 Встретил Энея. Сошлись. Эней, копыя раскачавши

¹ Черновые варианты зачеркнуты: «В бой изготовились», «в бой устремяются».

² Первоначально: «золотые».

³ Зачеркнуто: «могущая в бранях богиня».

⁴ Первоначально: «Против Иры царица ловитвы, с золотыми стрелами, // Дева лесов...»
 Окончательный вариант написан на нижнем поле листа, чернилами по карандашу.

⁵ Черновой вариант: «Против Леты Эрмес крылами небес благовестный». Окончательный вариант, начиная со слова «посол», вынесен на нижнее поле страницы и написан после предыдущего варианта: «Против Иры...»

⁶ После этого было написано зачеркнутое слово: «поток».

⁷ Первоначально ошибочно: «Ксамандром».

⁸ Вариант: «потрясая».

⁹ Зачеркнутый черновой вариант: «Идут они навстречу друг другу, (нрзб) боя».

¹⁰ Зачеркнуто: «Мчится Пелид на него».

¹¹ Зачеркнуто: «...чтоб прыгнуть, // Пенится пасть, он ревет, и хвостом по бедрам и по ребрам // Справа и слева разит, возбуждая себя к нападеню; // Грозно он водит [глазами] кругом раскаленные очи, готовый // Когти вонзить в одного или броситься грудью на копыя...»

Бросил; оно ударилось в щит Ахиллеса и громкий
 Отзвн послышался, мощной рукой Ахиллес подставляет
 Щит под удар. Вонзилось копьё, но щит не проткнулся.
 20 Тут Ахиллес, устремивши копьё, попадает в Энеев
 Выпуклой щит у самого края, где медной оправы
 Слои тончайший лежал и полость из кожи воловией
 Тоньше была. Как буря насквозь пролетела Пелиона
 Ясень могучий, и щит затрещал. Эней уклоняся
 25 Поднял его. Копьё над самым плечом просвиставши
 В землю вонзенное, стало; и щит по краям раскололся¹.
 Сходятся грозно они, и копыя друг в друга бросают.
 Щит Ахиллесов не тронут; Энеев пронзен. Неизбежный
 Меч обнажив, устремился Пелид на врага; но могущий
 30 Бог Посидон, отуманивши очи ему, похищает
 Быстро Эней, оставив его за троянскую ратью.
 Смотрит Пелид богоравный — скрылся Эней — он воскликнул:²
 Горе мне! Чудо великое здесь пред глазами моими.
 Вижу копьё на земле; а мужа, в которого бросил
 35 Я, раздраженный, его, не встречаю нигде. Знать Эней
 Мраком окутали боги. Пускай бежал он. Со мною
 Он не посмеет уже силы свои испытать. То сказавши
 Он³ на Троян побежал, огромным копьём потрясая.
 Первым сражен им Наядой рожденный у снежного Тмола
 40 Сын Отринтов, потом Гишподам, затем Демолеон.⁴
 Вдруг через поле быстро бежит Полидор, сын Приамов,
 Младший из всех и милейший⁵ царю, он старость Приама
 Юностью нежной⁶ своей утешал, и в легкости бега
 С ним не равнялся никто; на сраженье впервые он вышел;
 45 С резвостью детской у всех впереди забавлялся беспечно
 Быстрым⁷ он бегом, доколе цветущая жизнь не исчезла.
 Вдруг⁸ на бегу поразило его копьё Ахиллеса
 Прямо в хребет, в том месте, где пряжкой златою
 Пояса панцирь был стянут; на вылет пронзило
 50 Чрево копьё; застонав, он упал на колена, и мраком
 Смертным покрылось младое лицо; он зажал извиваясь
 Рану, из коей вся внутренность вытекла с кровью, и умер.
 Издали Гектор увидел погибель милого брата.
 С горя глаза потемнели его; не стерпел⁹ он толикой

¹ Ст. 26—37 позднее были вычеркнуты: заключены в рамку и перечеркнуты крест-накрест.

² Этот стих вписан карандашом поверх двух зачеркнутых: «Тут рассеялся мрак, Ахиллесовы очи затмивший, // Он озирается — скрылся Эней. Изумленный, сказал он:...»

³ В начале стиха зачеркнуто: «В тучу...»

⁴ Далее зачеркнут стих: «Вдруг пред собой Полидора Приамова сына он видит».

⁵ «Милейший» написано карандашом поверх зачеркнутого: «самый любезный».

⁶ Вместо зачеркнутого «милрой».

⁷ Первоначально: «легким».

⁸ Зачеркнуто: «Быстро его...»

⁹ Первоначально: «не снес».

- 35 Скорби, он кинулся быстро, подняв копьё на Пелида.
 Радостно прынул, завидя его, Ахиллес с нетерпением.¹
 Здесь — воскликнул он² — ты, растерзавший мне душу сильнейшим
 Горем,³ убийца Патрокла! Свели нас бессмертные боги!
 К Гектору с сумрачным взглядом потом обратяся он молвил⁴:
 60 Ближе! Сюда! Чтоб скорее с заслуженной встретиться смертью!
 Громко отвечив гривистым шлемом укрывшийся Гектор:
 Сын Пелеев, не можешь меня утратить, как младенца.
 Тщетной угрозой! И сам я обидным пль дерзостным словом
 Мог бы тебя оскорбить! Я ведаю, сколь ты бесстрашен!
 65 Знаю и то, что с твоею моя не равняется сила,
 Но мы все во власти бессмертных! Могу и слабейший
 Нынче тебя поразить, лишь бы только дозволили боги⁵,
 Метко⁶ нацелив копьём, как твое на конце заостренном!
 Так сказал он, копьё раскачав и пустив в Ахиллеса.
 70 Но Афина его отвела от Пелидовой груди
 Легким своим дуновением. Оно отлетело обратно
 К Гектору, пало без силы пред ним. Ахиллес разъяренный
 Кинулся жадный его истребить⁷, с неистовым⁸ криком.
 Но Аполлон, невидимый⁹, его, окруженного мглою,
 75 Быстро унес. Троекратно за ним¹⁰ Ахиллес устремлялся
 С медноблестящим копьём, троекратно щитом потрясая,
 Видя, что Гектора нет, он, как яростный демон, воскликнул:
 Снова укрылся ты, пес кровожадный, от смерти! Погибель
 Близко прошла над тобою! Но видно усердно ты молишь
 80 Феба, дерзая в сраженьи! Тебя он похитил! Но скоро
 Свидимся мы! Я скоро кончу с тобою! Помогут
 Боги и мне! Теперь поспешим на щую¹¹ ловитву.
 Словно, как страшный пожар, в горах, засохших¹² от зноя
 В глубоких долинах мчится, леса зажигает и
 85 С шумом окрест.....необъятное пламя,
 Так на убийство, свирепый, ужасный¹³, как огненный¹⁴ демон.
 Мчится с копьём Ахиллес, и кровь по земле разливает,

¹ Зачеркнуто: «торжествуя».

² Было: «Вскрикнул он...»

³ Зачеркнут эпитет: «сильнейшим», перенесенный в конец предыдущего стиха.

⁴ Первоначально: «обратяся, он про(молвил)...»

⁵ Первоначально: «если боги допустят успешно...»

⁶ Вместо «метко» было «твердым».

⁷ Вариант «уничтожить» был отвергнут в процессе работы и возвращено первоначальное «истребить».

⁸ Черновой вариант: «торжественным».

⁹ Варианты: «сокровенный», «вдохновенный».

¹⁰ Первоначально вместо «за ним» было «с копьём».

¹¹ Вариант: «на другую».

¹² Было: «иссохших».

¹³ Вариант: «могучий».

¹⁴ Зачеркнуто: «пламенный».

- Как под погами волов крутолобых, ярмом отягченных,
 Мнутя ячменя снопы и зерно выпадает из класов.
- ⁹⁰ Быстрые¹ поги мычащих волов на току их молотят,
 Так с Ахиллесом божественным мощные кони, как вхри
 Мчались вперед по телам, по согбенным щитам; с обагранных
 Осей падала² кровь, и с шумящих колес кровавые
 Брызги летели. Так стремился свирепый, жаждущий славы
- ⁹⁵ Сын Пелеев, и руки свои опозорил он кровью³.

Два отрывка из 10-й и 20-й песни получают внутреннюю связь.

Н. Никонова, А. Янушкевич (подготовка текста чернового автографа).

Одиссея

(«Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который...»)

(С. 25)

Автографы:

1) ПД. № 27781 (Онегинское собрание). Л. 1—6 (22,8×37,3) — черновой, с заглавием: «Гомерова Одиссея», посвящением великому князю Константину Николаевичу и датами: 1842—1845. На л. 1, 1 об., 3 — перевод ст. 1—35 первой песни (ст. 1—25 разбиты на пятистишия); л. 4 — набросок подстрочного перевода ст. 26—34 первой песни и 9 стихов греческого текста. На л. 2 план работы (в столбец): Грамматич.(еский) разбор — Конструкция — Примечания — Переписывать набело — Греческое — Русское — Диктовать вслух — Читать дополнение — Предисловие — Примечания — Срав(нить) с Фосс(ом) — Попом.

2) РНБ. Оп. 1. № 45-1 — 45-4 (четыре тетради; в лист). В тетради № 1 — 210 л. (песни I—VI); в тетради № 2 — 224 л. (песни VII—XII); в тетради № 3 — 122 л. (песни XIII—XVII); в тетради № 4 — 142 л. (песни XVIII—XXIV) — черновой карандашом и чернилами, заключающий в себе переписанный проф. Карлом Грасгофом греческий текст «Одиссеи» и сделанный им же буквальный немецкий подстрочник, русский перевод Жуковского, весь писанный его рукою. Начиная с песни XIV (л. 29 третьей тетради) — авторизованная копия рукою камердинера Василия Калянова из-за болезни глаз Жуковского. Вся работа тщательно датирована. В 45-1 (с 25 января 1842 г. по 17 (29) февраля 1844 г.); в 45-2 (с 1 марта 1844 г. по 15 (27) декабря 1844 г.); в 45-3 (с 2 марта по 21 декабря 1848 г.); в 45-4 (с 13 февраля по 31 апреля 1849 г.). В тетради № 1 (л. 186) следующий план (в столбец): Предисловие. — О Гомере — О переводах Одиссеи — О моем переводе — Приложение. Алфавитный список — Мифологич(еские) лица и географич(еский) словарь. — Особенное прилож(ение) — Содержание песен — Карты — Мир Гомера — Особенности Греции — Итака — Дом Одиссея.

3) РНБ. Оп. 2. № 8. Л. 1—139 — черновой карандашом и чернилами (песни I—V), с пометами на л. 27: «начата 13/25 четверг — конч(ена) 25 марта / 6 апр. 1842

¹ Было: «сильные».

² Вместо «падала» было «капала».

³ Варианты: «покрывая и потом, и кровью руки свои», «и мощные руки покрывши свои потом и кровью».

сверено»; л. 53: «нач(ата) в 1842 г. конч(ена) 21 сент. / 3 окт. 1843 сверено»; л. 124: «нач(ата) 17/29 нояб. = 1/13 янв. — 12/24 генваря 1844 сверено»; л. 156 об.: «нач(ата) 14/26 генв. — конч(ена) 5/17 февр.». На л. 158 об. поправки для детского издания «Одиссеи». На об. верхней обложки план (в столбец): Предисловие. О моем переводе и переводах Г(омера) вообще — Что Гомер. Одиссея в особен(ности) — Географический словарь и генеалогия богов и героев — карты (2) — Дом Одиссея.

4) РНБ. Оп. 2. № 9. Л. 1—133 — черновой крандашом и чернилами (песни VI—XII), с указанием конечных дат работы: 7(19) февр. 1844 — 28 мая (9 июня) 1846 и пометами на л. 20: «нач(ата) февр. 4/19 — конч(ена) 14/29 февр. 1844 в Дюссельдорфе» (песнь VII); л. 69: «10/22 — 18/30 Дюссельд(орф) — 3/15 авг. — 24 а(вгуста) / 5 сент. Франкфурт» (песнь VIII); л. 78: «сверено — начато 2/14 окт. — 19/31 окт. 1844 Фр. н/М» (песнь IX); л. 97: «нач(ата) 19/1 окт. — 28/10 окт. 1844 Франкфурт — сверено» (песнь X); л. 131: «сверено 1846 1/13 мая»; «нач(ата) 7/19 декабря — 15/27»; «Поправки [нрзб.] 1 генв. 1845/20 дек. 1844». На нижнем переплете весь процесс работы сведен в следующую таблицу:

VI	331	3	19 февр — 29 февр	10
VII	347	21	1—3 марта (4—8) 9—14	8
VIII	586	39	22—30 апр (—) 15 авг — 5 сент	29
IX	566	69	30 сент — 10 окт	11
X	574	99	14—16 (—) 24—31 окт	12
XI	640	129	6 н. (—) 16—26	12
XII	453	163	4/19Д—12/24 (—) 14/26 — 15/27	8
	3497			90

(1-я графа — номер песни «Одиссеи»; 2-я — количество стихов в песне; 3-я — видимо, страница подстрочника; 4-я — время работы: везде 1844 г.; 5-я — количество дней, в которые была переведена данная песнь. Цифра под второй графой — общее количество стихов в VI—XII песнях; цифра под пятой графой — общее число дней, затраченных на перевод. — А. Я.).

5) РНБ. Оп. 1. № 46 (две тетради; в большую 4-ю д. л.). В тетради № 1 — 127 л. (песни I—VI); в тетради № 2—126 л. (песни VII—XII) — белой, частично писанный самим Жуковским, частично — писцом, с собственноручной правкой Жуковского. Экземпляр, приготовленный к печати, с цензурным разрешением (в конце каждой тетради) от 30 октября 1847 г. за подписью А. В. Никитенко.

6) РНБ. Оп. 1. № 47. Л. 1—64 (не считая белых), в лист, 4-ю и 8-ю д. л. — пачка с бумагами, озаглавленная самим Жуковским: «Принадлежащее к Одиссее». Содержит материалы перевода, алфавит I—XII песней, таблицы хода работ, выпуски и перемены к тексту «Одиссеи для юношества».

7) РНБ. Оп. 1. № 55. Л. 1—8 — тетрадь в 4-ю д. л., содержащая таблицу хода работы по переводу XIII—XVIII песен. При XIII песне замечено: «Начата 1845 мая 1—6». На л. 2—8 перевод XIII песни (ст. 31—268) — рукою неизвестного лица, с правкой Жуковского.

8) РНБ. Оп. 1. № 48 — печатный экземпляр 9 тома пятого собрания сочинений Жуковского (Одиссея. Песни XIII—XXIV), вышедшего в 1849 г., с поправками Жуковского. В начале присоединена писанная Жуковским таблица хода его работы по переводу «Одиссеи».

Впервые:

1) Новые стихотворения В. Жуковского. Том второй. Одиссея. I—XII песни. СПб., 1849.

2) Новые стихотворения В. Жуковского. Том третий. Одиссея. XIII—XXIV песни. СПб., 1849 (далее: НС).

3) Стихотворения В. А. Жуковского. Издание 5-е. Том осьмой. Одиссея. I—XII песни. СПб., 1849.

4) Стихотворения В. А. Жуковского. Издание 5-е. Том девятый. Одиссея. XIII—XXIV песни. СПб., 1849 (С 5).

Тексты НС и С 5 идентичны.

Печатается по С 5, с учетом отмеченных самим Жуковским опечаток и ошибок в количестве гекзаметрических стоп (РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 16—17).

Датируется: 13 (25) января 1842 г. — 28 декабря н. ст. 1844 г. (I—XII песни); 1 мая н. ст. 1848 г. — 11 (23) апреля 1849 г. (XIII—XXIV песни).

§ 1. Творческая история перевода

7 лет 2 месяца 29 дней — таково реальное время работы Жуковского над переводом гомеровской «Одиссеи», который он считал итогом своей поэтической деятельности: «Перевод “Одиссеи” (...) будет памятником, достойным отечества и который (...) хочу я оставить ему на своей могиле» (С 8. Т. 6. С. 430).

Фактически Жуковский переводил «Одиссею» около 4 лет. И если работа над первой частью заняла около трех лет, то, как неоднократно подчеркивал сам поэт, перевод второй части — «истинный tour de force» (С 8. Т. 6. С. 591), «последние 12 песен переведены менее нежели в 100 дней» — *Эти сто дней были счастливые дни!* (РА. 1901. № 7. С. 99. Курсив автора. — А. Я.).

Пауза в 4 года, возникшая между переводом первой (I—XII песни) и второй части (XIII—XXIV песни) гомеровской поэмы и связанная с объективными обстоятельствами: «сперва от собственной болезни моей, потом от беспрестанных тревог душевных мои работы расстроились: я не мог продолжать главного труда своего...» (С 8. Т. 6. С. 526); «Моя Одиссея дошла до 13-й песни и была бы уже кончена, если бы не остановили бы моей музы болезнь сперва моя, потом женина и разные печальные обстоятельства» (С 7. Т. 6. С. 624—625), была заполнена работой над «Рустемом и Зорабом», русскими сказками, «повестями для юношества», а главное — размышлениями об «очищенной Одиссее», о создании Пролога к ней и «Повести о войне Троянской». Гомер и его «Одиссея» не покидали Жуковского и в эти годы.

Приступая к работе над переводом, Жуковский имел «наполеоновские планы»: в конце 1843 г. в письме к великому князю Александру Николаевичу, от которого во многом зависели его пребывание за границей, покой и свобода, он общал: «Через год или через полтора приведу к Вам (если Бог позволит) и себя, и семью, и Гомера» (С 8. Т. 6. С. 466—467). В начале 1844 г. об этом же он пишет и своему другу, А. И. Тургеневу: «Если пробуду полтора года за границею, кончу...» (ПЖТ. С. 295).

Чтобы держать себя в постоянной форме, Жуковский тщательно планирует свою деятельность. Записи: «Переводить по 50 стихов в день», «по 60» и т. д. — до «100 стихов в день», указания на распорядок работы в течение дня (она приходилась на

следующие часы: утром от 5 до 7; от 11 до 12; днем от 2 до 4; итого 5 часов регулярной работы в день) — буквально прослаивают черновой автограф перевода.

Наконец, он создает специальные таблицы, фиксирующие процесс работы над «Одиссеей», с указанием точной датировки перевода отдельных песен. На основе этих таблиц можно конкретизировать все этапы создания перевода. Вот как это выглядит:

Песнь I.	«Перевод начат 13 (25) января 1842»;	«Кончен 6 апреля н. ст. 1842».
Песнь II.	Нет пометы;	3 октября н. ст. 1843.
Песнь III.	4 октября н. ст. 1843;	25 октября (4 ноября) 1843.
Песнь IV.	10 ноября н. ст. 1843;	13 (24) января 1844;
Песнь V.	14 (26) января 1844;	5 (17) февраля 1844;
Песнь VI.	7 (19) февраля 1844;	17 (29) февраля 1844;
Песнь VII.	1 марта н. ст. 1844;	14 марта (2 апреля) 1844;
Песнь VIII.	10 (22) апреля 1844;	24 августа (5 сентября) 1844;
Песнь IX.	1 октября* 1844;	10 октября 1844;
Песнь X.	14 октября 1844;	5 ноября 1844;
Песнь XI.	16 ноября 1844;	26 ноября 1844;
Песнь XII.	19 декабря 1844;	28 декабря 1844;
Песнь XIII.	«С 1-го по 6-е мая [1848] 213 стихов»;	27 октября 1848;
Песнь XIV.	28 октября 1848;	16 ноября 1848;
Песнь XV.	1 декабря 1848;	13 декабря 1848;
Песнь XVI.	14 декабря 1848;	20 декабря 1848;
Песнь XVII.	22 января 1849;	12 февраля 1849;
Песнь XVIII.	13 февраля 1849;	22 февраля 1849;
Песнь XIX.	2 марта 1849;	14 марта 1849;
Песнь XX.	15 марта 1849;	19 марта 1849;
Песнь XXI.	20 марта 1849;	24 марта 1849;
Песнь XXII.	25 марта 1849;	31 марта 1849;
Песнь XXIII.	3 апреля 1849;	7 апреля 1849;
Песнь XXIV.	17 апреля 1849;	11 (23) апреля 1849.

В письме к К. К. Зейдлицу от марта 1851 г. Жуковский писал: «Для курьеза посылаю тебе табличку, из которой увидишь ход перевода. Те числа, против которых стоят точки, означают те дни, в которые я занимался переводом» (Зейдлиц. С. 225—226). Приведенная таблица (см.: Летопись...) позволяет еще точнее представить работу над текстом перевода последних двенадцати песен. Так, XIV песня поэт переводил с 1 по 13—15 ноября 1848 г.; работа над XV песней заняла всего 7 дней (2, 4—6, 9, 11—12 декабря); над XVI — 4 (15—16, 18—19 декабря 1848 г.); над XVII — 11 (23—25, 27, 29—31 января, 1—4 февраля), над XVIII — 6 (14—19 февраля); над XIX — 7 (3, 5—7, 10—12 марта); над XX — 3 (16—18 марта); над XXI — 3 (21—23 марта); над XXII — 5 (25—29 марта); над XXIII — 3 (4—6 апреля); над XXIV — 4 (18—21 апреля 1849 г.). Интенсивность к концу перевода была поразительная — до 120 гекзаметров в день! Общий объем текста — 12105 стихов:

6207 — в первой части (I—XII песни); 5898 — во второй (XIII—XXIV песни). В оригинале — 12083 гекзаметра.

§ 2. Изучение переводов «Одиссеи» и литературы о Гомере.

К переводу «Одиссеи» Жуковский был подготовлен всей предшествующей творческой жизнью. Эстетические штудии 1807—1810-х гг., размышления о переводах Гомера Фоссом и Попом в письмах к А. И. Тургеневу 1808—1810-х гг., обращение к гомеровским образам и сюжетам в планах исторической поэмы «Владимир», опыты создания «нового рода поэзии» в переводах идиллий Гебеля, античные баллады, античный лиро-эпический триптих 1820-х гг. («Разрушение Трои», «Цейкс и Гальциона», «Отрывки из Илиады»), целенаправленное освоение возможностей русского гекзаметра в самых разных жанрах и формах, создание «сказочного гекзаметра», наконец, свидетельство И. В. Киреевского начала 1830-х гг. о мечте Жуковского — «возвратиться к поэзии и посвятить остальную часть жизни греческому и переводу “Одиссеи”»¹ — все это этапы постижения гомеровской «Одиссеи» как историко-литературного феномена и памятника словесной культуры.

Но кроме этого общеэстетического вхождения в мир «Одиссеи», Жуковский, особенно в начале 1840-х гг., пытается проникнуть в текст гомеровской поэмы, сравнивая различные ее переводческие версии. В переписке поэта постоянно речь идет о двух русских переводах — П. И. Соколова и И. И. Мартынова, немецком — И. Г. Фосса, английском — А. Попа и четырех французских, без конкретизации их авторов. Библиотека поэта позволяет расширить круг этих источников. Прежде всего приведем полный список переводов «Одиссеи» и литературы о Гомере, сохранившихся в библиотеке поэта и до сих пор не привлекавших внимания исследователей:

1. Одиссея, или странствования Улисса, героическое творение Гомера. [Пер. с греч. Петр Соколов]. Изд. 2-е, вновь исправл. Ч. 1—2. СПб., 1815;
2. Одиссея, переведенная с греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. Ч. 1—4. СПб., 1826—1828;
3. Homer's Odyssee. Erläutert von J. S. Zauper. Abth. 1—4. Wien, 1827—1828;
4. Homeri Odyssea [In graece]. Mit erklärenden Anmerkungen von G. Chr. Crusius. 2 Ausgabe. Hefte 1—6. Hannover, 1837—1842;
5. Homer's Werke von Johann Heinrich Voss. 4 verbesserte Auflage. Bde. 1—4. Stuttgart u. Tübingen, 1814;
6. Homer's Werke, im Versmass der Urschrift übersetzt. I. Odyssee, übersetzt von F. Wiedasch, Professor zu Wetzlar. Stuttgart, 1830;
7. Homer's Werke. Prosaisch übersetzt von J. S. Zauper. Bde. 3—4. Odyssee. 2 Auflage. Prag, 1840;
8. Homer's sämtliche Werke. Th. 2 [Odyssee. Übersetzt von J. H. Voss]. Leipzig, 1843;
9. Homer's Werke von Johann Heinrich Voss. Bd. 1. Stereotyp-Ausgabe. Stuttgart u. Tübingen, 1839;
10. Homer's Werke von Johann Heinrich Voss. In einem Bande. Stuttgart u. Tübingen, 1840;

¹ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1861. С. 26.

11. Homer's Werke von Johann Heinrich Voss. Stereotyp-Ausgabe. Bde. 1—2. Stuttgart u. Tübingen, 1847;
12. Homer's Odyssee. Übersetzt von Dr. A. L. W. Jacob. Berlin, 1844;
13. Homère. L'Iliade et l'Odyssee. Traduits en français par le Prince Le Brun. Nouv. éd. Paris, 1841;
14. L'Odyssee d'Homère. Suivie du Combat des rats en des grenouilles, des Hymnes, des Epigrammes et des Fragments. Traduits par Mme Dacier, Mm. Trianon et E. Falconnet. Paris, 1841;
15. L'Odyssee d'Homère, traduite en français, par Dugas Montbel. T. 1—3. Paris, 1833;
16. Odyssee. Trad. nouv., accompagnée de notes, d'explications et de commentaires, par Eug. Bareste. Illustrée par Th. Devilly et A. Titeux. Paris, 1842;
17. L'Odyssee d'Homère. Trad. nouv. par P. Giguet. Paris, 1844;
18. The Odyssey of Homer. Translated into English blank verse, with notes, by W. Cowper. 5th ed. London, 1820;
19. The Odyssey of Homer. Translated by Alexander Pope. T. 1—5. London, 1760;
20. The Odyssey of Homer. Translated by Alexander Pope. T. 1—4. London, 1771;
21. Observations sur l'Odyssee d'Homère. Par Dugas Montbel. Paris, 1833;
22. Über der Ursprung des Homerischen Gesänge. Von C. E. Geppert. Th. 1—2. Leipzig, 1840;
23. Homerische Vorschule. Eine Einleitungen in das Studium der Ilias und Odyssee. Von Wilhelm Müller. 2 Auflage, mit Einleitung und Anmerkungen von D.C.W. Baumgarten-Crusius. Leipzig, 1836;
24. Erklärende Anmerkungen zu Homer's Odyssee. Von Gregor Wilhelm Nitzsch. Bde 1—3. Hannover, 1826;
25. [Ouvarov S.] Über das Vor-Homerische Zeitalter. Ein Anhang zu den Briefen über Homer und Hesiod von Gottfried Herrmann und Friedrich Creuzer. Spb., 1819;
26. Ithaca, oder Versuch einer geographisch-antiquarischen Darstellung der Insel Ithaca nach Homer und den neuern Reisenden. Von Carl Christian Ernst Schreiber. Leipzig, 1829;
27. Über Homerische Geographie und Weltkunde. Von K. H. W. Völker. Hannover, 1830;
28. Homer und Hesiod. Ein Versuch über das griechische Alterthum. Von Joh. Jak. Wagner. Ulm, Stettin, 1850;
29. Odysseus und Nausikaa. Trauerspiel in 5 Aufzügen von Göthe. Ein Ergänzungsversuch von Heinrich Viehoff. Düsseldorf, 1842. См.: Описание. № 86, 88, 1313—1322, 1333, 1324, 1329—1332, 1328, 2649, 2650, 941, 1097, 1711, 1756, 1798, 2076, 2344, 2371, 2326.

Уже один взгляд на этот список переводов и книг о Гомере и «Одиссее», имеющих в библиотеке поэта (тем более если к этому добавить, что многие из них (17 из 29) содержат самые разнообразные пометы Жуковского-читателя), позволяет усомниться в категоричном суждении строгого критика Жуковского: «Нигде у Жуковского нельзя найти понимания того, что перевод Гомера требует филологической подготовки, изучения литературы о Гомере, археологии и т. д. Эта мысль ему была совершенно чужда, и в своей работе над Гомером он не пользовался никакими пособиями вне текста поэм» (Егунув. С. 359).

Что касается отношения к переводам «Одиссеи» (в библиотеке их 20), то Жуковский недвусмысленно выразил свою позицию в многочисленных письмах (см.: Летопись...). Его, прежде всего, не удовлетворяла в них, с одной стороны, робость и буквализм в ущерб богатству родного языка (перевод Фосса), с другой — осовременивание языка и стили оригинала (перевод А. Попа, французские переводы принца Лебрюна, Дюга Монтебеля, Евгения Бареста и Мари Дасье: по-видимому, о них он говорит в письме к П. А. Вяземскому от 9 (21) февраля 1844 г.; перевод П. Жиго, скорее всего, появился позже и даже не был разрезан). Прозаические переводы он вообще рассматривает не как художественное творчество, а как пересказ гомеровского текста. Из двух русских переводов он отмечает, несмотря на педантизм автора, перевод И. И. Мартынова, который «может быть полезен для технических терминов в последних песнях...» (из письма А. П. Елагиной от 5/17 декабря 1844 г. // Наше наследие. 2003. № 65. С. 83). Пометы в «Одиссее» Мартынова (№ 2) свидетельствуют, что Жуковский обращался к некоторым реалиям из его перевода.

Что касается других переводов, не упоминаемых в письмах, то они использовались в разных целях. Так, с трудом немецкого профессора Ф. Видаша (№ 6) он, видимо, познакомился на раннем этапе своей работы. Его отчеркивания и подчеркивания в предисловии и введении связаны прежде всего с пониманием природы эпоса и гомеровской поэзии. Так, в предисловии (Vorerinnerung. S. 1—2) он отчеркивает три фрагмента, отражающие характер особой «безыскусственности» гомеровской поэзии и ее значение для народного просвещения:

Из всех богатств классической древности судьба не могла сохранить для нас подарка, приносящего большее исцеление, чем гомеровские песни. (...) То главное, на что мы хотели бы обратить внимание, говоря об этом роде поэзии: он самый простой, самый безыскусный, самый понятный и тем самым общедоступный. (...) Эпос остается самой открытой, самой внятной, самой невинной, самой душевной, самой человеческой песнью, так как он вышел из самой глубины живого сказания и обогащается только этим светлейшим верованием народа. (...) Поэтому именно гомеровские песни, эти безыскусные дети свободы и бессознательно творящего духа, так важны и значимы для народного образования и просвещения. Они говорят с каждой душой... (Перевод Н. Никоновой).

Во введении (Einleitung. S. 7) «Homeros und seine Gesänge» (Гомер и его песни) отчеркнуты фрагменты о личности Гомера, о географии островов Древней Греции, о родине Гомера, о двух различных точках зрения на возникновение «Одиссеи», о эпических песнях, которые были до Гомера, об эпическом роде поэзии. Особенно выделены слова о Гомере: «König ist nur der Obste unter Gleichen» (Король есть только высший среди равных).

Одним словом, Ф. Видаш, так же как французский переводчик Дюга Монтебел (№ 15), был для него источником сведений о гомеровском эпосе, спорах о нем, разгоревшихся в критике. Так же как и они, Жуковский не может принять теорию известного немецкого критика Фридриха Августа Вольфа (1759—1824) об отсутствии реального Гомера и его произведений. «Гомеровский вопрос» был в центре внимания Жуковского-читателя.

Его интересуют реалии и мифологические имена. Так, в переводе И.-С. Цаупера (№ 7) он внимательно изучает комментарий, отмечая подчеркиванием примечания к следующим статьям: Hyperion, Urgroswüger, die Taphier, Game, Zakinthos,

Ephire, Offa, Hellas und Urgos, Ikarios, Tiro, Dämon. В переводе Евгения Бареста (№ 16), кстати, снабженного любопытными иллюстрациями современных французских художников Теодора Луи Девиля (1818—1886) и А. Тито, Жуковский на с. 7 предисловия отмечает фрагмент об обычаях и нравах гомеровской эпохи. Подобные пометы есть и в других изданиях «Одиссеи» (№ 4, 6, 11, 14), а также в специальных трудах Карла Эдварда Гепперта (1811—1881) «О происхождении гомеровских песен» (№ 22), Вильгельма Мюллера (1794—1827) «Гомеровская пропедевтика. Введение в изучение “Илиады” и “Одиссеи”» (№ 23), Грегора Вильгельма Нитцша (1790—1831) «Пояснительные замечания к “Одиссее” Гомера» (№ 24), К. Фёлькера «О гомеровской географии и космогонии» (№ 27). Работая над переводом шестой песни, повествующей о встрече Одиссея и Навзикаи, он читает опыт завершения («Ein Ergänzungsversuch») незаконченной пьесы Гёте «Odysseus und Nausikaa» немецким писателем Генрихом Фигофом (1804—1866), что зафиксировано в дневниковой записи от 23 января (4 февраля) 1844 г. (ПССиП. Т. 14. С. 279).

Нередко он превращает переводы Гомера в своего рода записные книжки. Так, на страницах упоминавшейся уже книги Дюга Монтбела, кроме отметок (вопросительным знаком или минусом) в песнях 1, 2, 5, 8, 9 соответственно в прозаическом французском переводе и тексте оригинала отдельных слов и выражений, он на задней крышке переплета набрасывает целый конспект, отражающий направление его поисков:

Древняя Греция

Предисловие

О переводе

Прозаические переводы

Характер перевода поэт(ический)

Гомер

Его характер в Илиаде

Его характер в Одиссее

О переводе Одиссеи

О переводчиках

О моем переводе

Пространство и время

Боги и герои

Мир в древности

Греция, Троя

Итака и земли

Нравы и обычаи

Брак Фетиды и рождение Ахиллеса

Спор богов

Суд Париса

Похищение Елены

Вооружение греков

Оплей. Ахилл

Греки

Ифигения, Клитемнестра Электра. Орест	Эврипид Софокл	Филоклет

Осада Трои Приам и его семейство Боги. Гнев Ахилла Битва с <прзб.> Битва с <прзб.> Смерть Патрокла Смерть Гектора Приам		} Илиада
Неоптолем. Филоклет Конь Разрушение Трои	Софокл Энеида	

Этот план-конспект, созданный, по всей вероятности, в октябре (9 октября Жуковский заканчивает работу над девятой песнью и прекращает пометы в тексте перевода Дюга Монтбела), отражает подготовку к написанию предисловия и вместе с тем к осуществлению замысла «Повести о войне Троянской». Письмо к А. П. Елагиной от 5/17 декабря 1844 г., фрагменты из которого были опубликованы в «Москвитянине» (1845. № 1), вобрало основные положения этих записей.

Особого внимания заслуживает экземпляр перевода «Одиссеи» немецкого филолога-классика А. Л. В. Якоба (№ 12). Жуковский приобрел его, приступив уже к работе над второй частью перевода, и поэтому пометы в нем отражают этот этап работы. Прежде всего, сам вид книги: отсутствие обложки и некоторых страниц (385—388, 407, 408), сильная потрепанность, а также множество помет и записей — свидетельствует о том, что поэт постоянно обращался к ней. В самом тексте он отмечает вопросительным знаком отдельные стихи в 14 и 15-й песнях (14. 210, 14. 230, 14. 284, 14. 297, 14. 350, 14. 441; 15. 35, 15. 55, 15. 90, 15. 130, 15. 278, 15. 297, 15. 332). На с. 340—398 рядом с текстом песен 21—24-й он фиксирует даты своей работы над переводом:

С. 340 (21. 100—400)	21 (вторник) — 24 (суббота);
С. 335—364 (22. 70—350)	25 (суббота) — 29 (четверг);
С. 367—375 (23. 100—250)	30 (пятница) — 2 (понедельник);
С. 379—398 (24. 100—480)	3 (вторник) — 8 (воскресенье).

Как явствует из общей хроники работы над текстом, все даты относятся к марту-апрелю 1849 г. Но важнее другое: как и все переводы, находившиеся в библиотеке поэта, версия Якоба была необходима Жуковскому для сверки с подстрочником, для пояснения «темных мест». Он искал наиболее адекватный оригиналу вариант и вместе с тем через соотношение с немецкими, английскими, французскими переводами вырабатывал свою переводческую стратегию, свою русскую версию положения Гомера.

Именно столь скрупулезная и целенаправленная предварительная и сопутствующая переводу исследовательская работа (что для Жуковского было нормой) по-

звонила ему сформулировать свои представления о природе гомеровского эпоса и своеобразии его «Одиссеи», а главное — разработать оригинальную эстетику ее переложения на русский язык.

§ 3. О подстрочном переводе К. Грасгофа

Творческую историю «Одиссеи» Жуковского невозможно представить без подстрочного перевода К. Грасгофа. Сам Жуковский придавал ему особое значение, что проявилось в его подробных рассуждениях о характере этого источника и принципах работы с ним. Даже в предисловии к печатному тексту «Одиссеи» он не только не скрыл факта использования подстрочника, но и познакомил читателя с процессом вхождения в текст гомеровской поэмы именно с его помощью.

Наиболее подробно он описал этот процесс в письме к П. А. Вяземскому от 9 (21) — 12 (24) февраля 1844 г., которое уже неоднократно цитировалось выше в связи с эстетикой перевода Жуковского. Приведем характерный пассаж из этого письма по поводу подстрочного перевода. «Вот как это все идет, — сообщает Жуковский, — я перевожу не с оригинала, ибо не знаю по-гречески; но можно считать, что перевожу с оригинала, ибо здесь нашелся ученый профессор Грасгоф, филолог, которого особенным занятием были комментарии Одиссеи. Он переводит для меня Одиссею построчно: то есть он сперва ее переписывает, ставя строчки весьма далеко одна от другой; под каждым словом греческим ставит слово по-немецки; под каждым словом немецким грамматические замечания на греческое слово. Четвертую строку составляет уже мой перевод, который сначала творится карандашом; переносится потом на белую страницу, потом переписывается в книгу и таким образом, прошедши разные мытарства, очищается и становится достойным вступления в рай печати» (Гиллельсон. С. 44).

Впервые особое внимание на этот источник творческой истории перевода обратил А. Н. Егунов, дав его предварительное описание, но из-за предвзятого в целом отношения к переводу Жуковского невысоко оценил и деятельность немецкого эллиниста: «Грасгоф выполнил порученный ему заказ вполне добросовестно в пределах знаний и навыков гимназического учителя. (...) его подстрочник своим средне-литературным, «гимназическим» языком невольно вводил Жуковского в заблуждение относительно гомеровского стиля». Ученый, в частности, поставил в вину Грасгофу, что тот «видимо, не сообщил Жуковскому никаких сведений о наличии диалектных форм в эпическом языке» (Егунов. С. 361—362). Материалы архива Жуковского позволяют внести коррективы в эту оценку и более объективно оценить колоссальный по объему и беспрецедентный по своему характеру труд немецкого ученого.

Карл Грасгоф (1799—1874), профессор древнегреческого языка в Дюссельдорфе, безусловно, был профессиональным эллинистом, о чем свидетельствуют его брошюры, посвященные гомеровским реалиям («Корабль у Гомера», «Домашняя утварь у Гомера и Гесиода»). О личности К. Грасгофа самую полную информацию дает и сам В. А. Жуковский. В переписке с близкими — П. А. Вяземским и А. П. Елагиной, а также в письме к С. С. Уварову он сообщает, что Карл Грасгоф — «честный, ученый профессор» в Дюссельдорфе, воплощение «немецкой совестливой, трудолюбивой учености», «великий эллинист» (СС I. Т. 4. С. 658), «который в особенности занимается объяснением Гомера» (Там же. С. 658—659).

Именно постоянная исследовательская работа над текстом гомеровских поэм и позволила ему в достаточно короткое время создать такой подстрочник. Правда, о времени работы над ним не все ясно. Традиционно считалось, что Жуковский познакомился с Грасгофом уже после женитьбы и переезда в Дюссельдорф, то есть во второй половине 1841-го — начале 1842 г. Но в неопубликованных ранее текстах дневников имеется неожиданная запись от 28 декабря 1840 г.: «У меня Грасгоф...» (ПССиП. Т. 14. С. 232), позволяющая предположить предварительную договоренность по поводу подстрочного перевода, так как русский поэт хотел иметь его, приступая к работе над «Одиссеей». Скорее всего, речь идет о брате Карла Грасгофа художнике Отто Грасгофе (1812—1876), который в 1838—1845 гг. работал в Москве и Петербурге (подробнее см.: Художники народов СССР: Библиографический словарь. Т. 3. М., 1976. С. 153). Дневниковые записи от начала января 1842 г. об «уроках Одиссеи» и о встречах с Грасгофом в Дюссельдорфе, который, вероятно, и давал эти уроки (ПССиП. Т. 14. С. 267), свидетельствуют о том, что подстрочник к этому времени уже был почти готов.

Карл Грасгоф не являлся случайной фигурой в творческой биографии Жуковского. Из личной переписки двух переводчиков сохранилось письмо К. Грасгофа к Жуковскому, свидетельствующее о тесном сотрудничестве в осмыслении античного эпоса (РНБ. Оп. 2. № 203). Приведем его полный текст:

Ew. Exzellenz

Habe ich den Schluss der Übersetzung der Odyssee im Oktober d. J. durch Herrn Banquier Scheuer zugehen zu lassen die Ehre gehabt, ohne dabei schriftlich meinen aufrichtigen Dank für das mir durch die Übertragung der Arbeit bewiesene Vertrauen, so wie für die mit meiner öfteren Saumseligkeit gehabte gütige Nachricht gebührend auszusprechen. Da ich nun nicht gern die Sonne dieser Fahrer über meiner Unart und der Vernachlässigung der Ew. Exzellenz schuldigen Respekt untergehen lassen möchte, ohne Ihrer Verzeihung gewiss zu sein, so beeile ich mich noch vor dem Schlusse desselben, diese Versäumnis wo möglich nachzuholen: in der festen Überzeugung, dass Hochdieselben mich durch die vielen namentlich beim Anfange neues Schuljahres auf mir lastenden Amtsgeschäfte genugsam entschuldigt hatten und nicht aufhören werden, mich Ihrer mir so werten Wohlgelegenheit auch fernerhin für würdig zu achten. Sollte Ew. Exzellenz kostbare Zeit es gestatten, mich in dieser Hinsicht durch einige freundliche Zeilen zu beruhigen, so würden diese mir ein wertres Andenken bleiben an das ehrenvolle Verhältnis, in welchem ich eine Zeit lang zu Hochdenselben zu stehen gewürdigt war.

Wollen Ew. Exzellenz das Ihnen geliehene Exemplar der englischen Übersetzung des Homer von Pope als ein geringes Andenken an mich und als einen aufrichtigen Beweis meiner Überzeugung, dass dieses Werk bei Hochdenselben würdigeren Händen beruhe, für Ihre Bibliothek behalten, so werden mich Ew. Exzellenz dadurch ungemein glücklich machen. Doch bedinge ich mir dafür — Sie verzeihen meine Kühnheit — dafür ein Exemplar Ihrer Übersetzung sobald diese die Presse verlassen haben wird, als Gegengabe aus auf deren Besitz ich nicht wenig stolz sein werde, wenn schon es mir nicht vergönnt ist, an der Treue und Schönheit der russischen Übertragung durch eigene Lektüre mich zu weiten.

Genehmigen Ew. Exzellenz die Versicherung ausgezeichnetster Hochachtung, welche gegen Hochdieselben nach wie vor hegt

Düsseldorf, den 19. Dezember 1845

Ew. Exzellenz
ganz gehorsamer Diener
K. Grashof

Я имел честь послать Вашей светлости окончание «Одиссеи» в октябре этого года через господина Банкира Шойера, не написав, как должно, о моей искренней благодарности за оказанное мне доверие в работе над переводом, а также за испытанное удовольствие. Так как я не хотел бы умалить должного почтения к Вашей светлости из-за своей невоспитанности и небрежности, не ожидая Вашего прощения, я тороплюсь исправить это упущение: в твердой уверенности, что Вы меня уже достаточно простили, именно из-за множества моих служебных дел в связи с началом учебного года и не перестанете оказывать мне свое почтение таким дорогим мне расположением и впредь. Если Вам позволит драгоценное время успокоить меня по этому поводу несколькими дружелюбными строками, то они останутся для меня ценной памятью о тех отношениях, в которых я имел честь состоять с Вами какое-то время.

Если Вы желаете оставить в своей библиотеке одолженный экземпляр английского перевода Гомера Поупа как скромную память обо мне и как искреннее доказательство моего убеждения, что это произведение у Вас будет находиться в достойных руках, тем самым Вы окажете большую честь. Но все же я оставляю за собой право — Вы простите мне мою дерзость — на экземпляр Вашего перевода, как только он будет напечатан, как на встречный дар, обладанием которого я буду не менее гордиться, если уж мне не суждено познать верность и красоту русского перевода в собственном чтении.

Примите мои искренние уверения в наивысшем уважении, которое я к Вам испытываю, как и прежде.

Дюссельдорф, 19 декабря 1845
Вашей светлости покорный слуга
К. Грасгоф

Сотрудничество переводчиков с публикацией «Одиссеи» не окончилось. Работать над «Илиадой» Жуковский начинает также в непосредственной связи с немецким подстрочником. Очевидно, не вполне удовлетворившись предоставленным ему Фишингером интерлинейрным переводом первых полутора песен «Илиады», Жуковский вновь прибегает к помощи К. Грасгофа. В архиве Жуковского РНБ имеется рабочая тетрадь из 76 листов с заготовкой для перевода, композиция которой аналогична переводу «Одиссеи». На страницах тетради подстрочно переведено всего три первых песни «Илиады», с 241 ст. II песни — рукой Грасгофа. Подстрочник Грасгофа, в отличие от перевода его несостоявшегося преемника г-на Фишингера, более ясен, разборчив и точен. Для немецкого профессора контакт с русским переводчиком также не прошел бесследно. Результатом пословного разбора гомеровского эпоса стало, в частности, его исследование домашнего обихода в произведениях Гомера и Гесиода (“Über das Hausgerath bei Homer und Hesiod.” Jahresbericht über das Königliche Gymnasium zu Düsseldorf. Düsseldorf, 1858).

Немецкий подстрочник «Одиссеи», следуя мысли Жуковского, отвечает самым строгим требованиям переводчика: он дает порядок слов оригинала, образ выра-

жения и инверсии греческого поэта, «весь буквальный смысл “Одиссеи”»; представляет собой «благословенную галиматью», потому что «хаотически верен» оригиналу и «верно сохраняет» его «древнюю физиономию» [СС 1. Т. 4. С. 659]. Из слов Жуковского следует главный вывод — о беспрецедентности этого лингвистического и переводческого опыта, потому что переписать всю «Одиссею» вслед за Гомером, а затем перевести построчно более 12000 стихов и фактически снабдить каждое слово комментарием есть кропотливый труд, заслуживающий не меньшего уважения, чем сам перевод античного эпоса. Изучение текста Грасгофа позволяет объективно оценить сходства и различия оригинала Гомера и русской версии Жуковского: не только определить границы точности и вольности, но понять оригинальную концепцию античного лиро-эпоса русского романтика.

Листы с переводом Грасгофа вклеены в тетради таким образом, что соседняя страница остается чистой для русского чернового перевода Жуковского. В архиве В. А. Жуковского в РНБ сохранилось четыре рабочие тетради (Ф. 286. Оп. 1. № 45—1 — 45—4). Перевод каждого стиха представляет собой три строки, первая из которых — греческий вариант, вторая — немецкий текст, написанный аккуратным разборчивым подчерком, третья строка состоит из грамматических указаний (например, N. s. — Nominativus singularis).

Немецкий текст К. Грасгоф снабжает своего рода **примечаниями переводчика**, которые даны в круглых и квадратных скобках. Количество таких пояснений, адресованных Жуковскому, составляет более 10 % от объема всего подстрочника, а в некоторых песнях комментируется каждое четвертое слово. В этих добавлениях отражается личность и метод Грасгофа-переводчика. Их можно подразделить на четыре группы:

1. Синонимы

Традиционно автор любого подстрочного перевода представляет в скобках вариант того или иного слова, то есть синоним. При этом по направленности возможно два типа пояснений переведенного слова или выражения в зависимости от точки зрения автора. В первом случае переводчик включает в основной текст вариант, полностью соответствующий лексико-грамматическим нормам языка перевода, а в скобках приводит более близкий к оригинальному, но не органичный для принимающей языковой системы перевод. Во втором случае автор подстрочника не пытается перенести переводимый текст на свою почву и сохраняет лексическую или грамматическую чужеродность единицы, а в скобках поясняет ее абсолютно приемлемым и понятным образом. К. Грасгоф в соответствии со своей задачей придерживается второй стратегии. Например:

krumm [-hörnige] Rinder — криво(-рогие) быки
 brandfarbigen (funkelnden) Wein rothen — огненно-яркое (сверкающее) вино
 красное
 die verbundenen (treuen) Freunde — связанные (верные) друзья.

В большинстве своих пояснений в скобках К. Грасгоф приводит современный немецкий вариант гомеровского словоупотребления, представляя Жуковскому в

основном тексте максимально близкие античному эпосу смыслы и соответствующие им формы. Отличие, возникающее между единицами текста и поясняющими их скобками, обуславливается при этом не особенностью немецкого языка, но спецификой образности гомеровского эпоса. Если бы *подобного рода* подстрочник был выполнен на русском языке, он нуждался бы в большинстве случаев в тех же пояснениях. Однако их количество необычно высоко в сравнении с любым другим подстрочным переводом. Поскольку Грасгоф стремится как можно точнее передать значение слова и одновременно оставаться объективным, то любые коннотации оговариваются. Так появляется самая многочисленная группа пояснений — это *стилистические и семантико-стилистические контекстуальные синонимы*, переводящие поэтические единицы в единицы общей лексики. Например, в немецком языке прилагательное “fett” — «жирный, тучный, густой» имеет потенциальное значение «богатый» только в устной разговорной речи, что поясняется Грасгофом каждый раз в скобках: «ein fettes (reich ausgestattetes) Haus», «einen fetten (reichen) Tempel» и др. Кроме того, репрезентативны следующие примеры:

- wohlgegründete (gebaute) — возведенные (построенные);
- geben (verleihen) — давать (придавать (напр. силу, блеск));
- leidlos (ungefährdet) — бескручинный (находящийся вне опасности);
- leidleer (unschädlich, günstig) — беспечальный (безобидный, благосклонный);
- die nieder gelagerten (eingeschlafenen) — лагерем расположившиеся (уснувшие);
- das Gekräusel (Schauern) — рябь (дрожь);
- ein Junger (Säugling) — юнец (сосунок).

Сюда же можно отнести приводимые в круглых скобках *полные синонимы* [6].

Например:

- der Berg (Gebirge) — гора (горы);
- mühselig (beschwerlich) — тяжелый, тягостный, обременительный, изнурительный;
- der Wald (Dickicht) — лес (чаща);
- der Ankerplatz (Reede) — рейд;
- kolonisierten (bevölkerten) — заселяли;
- die Höhlen (Grotten) — пещеры, гроты;
- zwar (freilich) — правда;
- duften (riechen) — пахнуть, издавать приятный запах;
- der Panter (Leopard) — пантера (леопард);
- der Eber (Schwein) — вепрь (свинья);
- ausdauernd (standhaft) — выносливый (стойкий) и др.

Их появление связано с предназначением подстрочника, который выполняется не для общего ознакомления читателя с содержанием оригинала, а для дальнейшего перевода Жуковским, свободно владевшим немецким, но не являвшимся носителем языка и не понимавшим по-гречески.

2. Пояснение мифологических имен

К таким примечаниям относятся, во-первых, фонетические варианты имен греческих богов и героев «Одиссеи». Они являются постоянными. Так, на протяже-

нии двенадцатой песни Скилла упоминается Грасгофом более десяти раз всегда с пояснением оригинального звучания (Skylla(e) или Skylle(a)). Автор уточняет каждый раз семантику греческих окончаний, обозначающих потомка, наследника рода, выраженных на немецком как -iun. Также Грасгоф последовательно, многократно комментирует семантику античных персонажей и реалий:

das Gorgeische (der Gorgo) Haupt — голова горгоны (горгона);
 Eëlios (Helios) — Гелиос;
 gute Knabenernährerin (sie erzeugt einen guten Menschenschlag) — добрая юношей кормилица (она производит хорошее потомство);
 Planktae (Irrfelsen) — бродящие скалы;
 die Krataeir (Göttin der Gewalt) — кратейя (богиня насилия);
 Thrinakischen (-kia) aber zur Insel* wirst du kommen (*= Insel des Dreizacks, d. i. wo der Dreizack des Neptuns regiert) — К Тринакии острову ты придешь (*= остров трезубца, т. е. где правит трезубец Нептуна);
 Notos (Süd) — Нот (южный);
 Zephyros (West) — Зефир (западный);
 Euros (Ost) — Евр (восточный);
 so sollen sie binden dich im Schiffe dem schnellen an Händen [—] Füßen und (Eine Büchse auf dem Kielbalken, in der der Mast unten steht) — так должны они привязать себе к кораблю быстрому руки (букса на балке кия, на которой внизу крепится мачта).

Жуковский действительно учитывает эти пояснения и опирается в первую очередь на них, не используя, очевидно, пособий, дополнительной или справочной литературы. Поэтому в русском переводе возникают помехи там, где Грасгоф непоследователен. Так, оставленное без пояснений «die Asphodill — Wiese», обозначающее асфодиловое поле (асфодил или аффодил — лилейное растение, считавшееся в греческой мифологии цветком мертвых), логично прочитывается Жуковским как немецкое сложное слово, первая основа которого образована от имени собственного, и в русском тексте возникает «Асфодилонский луг» (П. 11. Ст. 539). Некоторые неточности в переводе Жуковским имен и реалий греческой мифологии вызваны явными ошибками Грасгофа и чрезвычайной насыщенностью текста его пояснениями. Например, в немецком варианте появляется сочетание «der schönen Halosydne(a) (Meerbefeuchteten)» (П. 4. Ст. 404), которое в соответствии с системой пояснений в подстрочнике должно переводиться не иначе как «прекрасной Халосидны (морем омытой)», что и делает Жуковский. На самом деле имеется в виду не имя морского божества, а постоянный эпитет Амфитриты, или Фетиды, — «морская» [7. С. 378].

3. Восполнение недостающих служебных единиц и уточнение грамматических значений

В квадратных скобках подстрочника нередко приводятся недостающие, с точки зрения немецкой грамматики, в пословном переводе служебные части речи — глагол-связка “sein”, безличное местоимение “es” в роли подлежащего, указательные, возвратные и притяжательные местоимения, выполняющие функцию арти-

кля и несущие грамматическое значение «определенности-неопределенности», а также пояснение модальности немецких глаголов в соответствии с гомеровской, и др. Например:

und unter den Toten soll (werde) ich scheinen — и среди мертвых я должен (буду) светить;
würde (möchte) ich zerstürmen — я бы разбил (хотелось бы);
wenn aber [du willst] — если же [ты хочешь];
unser beider (unsere) Stimme — нас обоих (наши) голоса;
setzte [mich] — цел;
er erkannte [mich] ⟨...⟩, nachdem er gesehen hatte [mich] mit den Augen — он узнал [меня] ⟨...⟩, как только увидел [меня] глазами.

4. Собственные комментарии и инструкции относительно перевода

Например, в следующем объяснении Грасгоф раскрывает смысл предложения и указывает на особенности употребления отрицаний:

Nicht, künstlich gefertigt habend, nicht einmal anderes etwas möge er künstlich gefertigt haben, (d. i. nachdem er durchfertigt hat, braucht er um seine Kunst zu zeigen nichts anderes gefertigt zu haben. — Die Negationen heben sich nicht auf)

(Нет, искусно изготовив, ничего другого не нужно было ему искусного изготавливать, (т. е. после того, как он закончил, ему не надо делать что-то еще, чтобы показать свое искусство. — Отрицания неминуемы)).

В. А. Жуковский в целом следует указаниям Грасгофа, но остается верным своему главному переводческому принципу избирательного сродства, синтезу «своего» и «чужого», рабски следуя тому, с чем согласен, и переименовывая то, что видится ему по-иному. Так, например, постоянная номинация жилища богов и мифологических героев, куда попадает Одиссей, варьируется в поясняющих прямое деновативное значение синонимах: «im Säale (Paläste)» или «in Saelen (im Hause)» — в зале (во дворце) или в залах (в жилище). Жуковский переводит это указание чаще всего как «в доме», сохраняя парадоксальность своего метода — точно следуя букве подлинника, он добивается абсолютно нового звучания перевода. Обстоятельство места «в зале (во дворце)» позволяет читателю оценить размер, атрибутику пространства, что принципиально для Грасгофа, написавшего позже отдельную научную работу об устройстве дома и быта у Гомера. «Das unliebliche (herbe) Schicksaal» (неласковая (жесточая) судьба) приобретает у Жуковского яркую стилистическую окраску — «участь их злополучная».

Свою роль в образной системе русского эпоса сыграло особое внимание немецкого переводчика к образам кораблей. В 1834 г. вышла его работа о кораблях в произведениях Гомера и Гесиода, и в своих пояснениях к подстрочнику Грасгоф тщательно поясняет устройство корабля. Например, в примечании к ст. 37 VIII песни переводчик раскрывает принцип крепления весел к кораблю: “Schüssel sind Naken oder Achsen, an welche das innere Ende der Ruder im Schiffe beteiligt wird, während nicht gerudert wird”. Чрезвычайно внимателен Грасгоф и к оттенкам эпитетов, определяющих корабли. К примеру, он специально уточняет значение греческого

прилагательного *voos*: «Das Adjektiv wird als Beiwort der Schiffe immer in der Bedeutung 'schnell' genommen. Hier scheint es aber die auch sonst vorkommende Bedeutung 'spitz', 'gespitzt' zu haben» («Прилагательное употребляется как постоянный эпитет кораблей со значением «быстрый». Здесь оно, кажется, имеет дополнительное значение «острый», «заостренный»). В результате в одном стихе подстрочника корабли получают пять определений: «Den Schiffen schnellen (spitzen) diese vertrauend hurtigen (flinken, schnellen)» (VII. 34; РНБ. Оп. 1. № 45—2. Л. 4). Думается, благодаря такому вниманию немецкого переводчика корабли у Жуковского снабжаются обилием оригинальных сложных эпитетов.

В целом стратегия переводчика определяется характером поэтического слова в его оригинальном творчестве, где каждое слово имеет «ореол осмыслений». В особенности это касается эпитетов. Грасгоф стремится перевести буквально и, конечно, сохраняет все эпитеты Гомера. Жуковский не только сохраняет постоянные эпитеты, но и распространяет их. Например, только в первых двенадцати песнях встречаются 54 упоминания качеств Одиссея: Одиссей не только «божественный», но и «многоумный», «богоравный», «многохитрый», «хитроумный» и «многостойкий». У Грасгофа характеристики «*der vielgewendete Odysseus*» (опытный, многоумный); «*viel gepriesener*» (многовосхваляемый) и «*glänzender Odysseus*» (блистательный Одиссей) употребляются 12 раз, что примерно в 4 раза меньше, чем у Жуковского. Такая же ситуация возникает при характеристике богов: для Жуковского это не только «бессмертные боги» — «*unsterbliche Götter*», но и «блаженные боги», «вечные боги». В произведении романтика помимо объективного плана, акцентирующего некоторые закономерности космоса жизни, возникает не менее значимый пласт, вырабатывающий из этой системы субъективные смыслы. Особенно ярко это выражается в описании стихий — моря и ветра. Излюбленная водная стихия у Жуковского предстает реализацией высших сил, а потому море у него не только «глубоко-пучинное», «винно-черное», «туманное», «широкое», что находит соответствие в немецком переводе-посреднике, но и «высокоприбойное», «широкодорожное» и «священное». В переводе Грасгофа ветер — это «*der hellpfeifende Wind*» или «*der schöne Wind*», что значит — звонко (громко) свистящий и прекрасный ветер. Жуковский привносит целый ряд определений и новые оттенки значения — ветры здесь «бушевавшие», «грозящие», «губящие». Таким образом, ветер Жуковского превращается из гомеровского задорного вестерка в бушующую стихию, способную перевернуть жизнь героя. Словом, эпитеты у Грасгофа передают гомеровские определенные, постоянные характеристики, сохраняющиеся неизменными на протяжении всей поэмы, Жуковский же открывает новые стороны героев, явлений, понятий, привнося свое понимание произведения, творя свой индивидуально-авторский текст. Эта тенденция раскрывается в полной мере в окказиональных сложных эпитетах поэта, придающих русской «Одиссее» неповторимую окраску индивидуальной романтической системы Жуковского, отражающих самостояние главного героя: «кресло прекраснозурное», «суда крутобокие», «корабли сиеносые», «мирмидонцы копьеборные», женихи «короткожизненные и горькобрачные». В то же время русский поэт не стремится поупражняться в словотворчестве: многие сложные эпитеты передаются описательно или в простых эквивалентах («*hochstrebender*» — «высокий», «*waldreich*» — «богатый лесами» и др.). Словотворчество Жуковского размыкает границы переводимых образов и обогащает их новыми оттенками значения. С его помощью Жуковский пытается стили-

зировать чужеродность гомеровских инверсий и словоупотребления, соблюсти, по его собственному признанию, «место» в строке, не нарушая норм русского языка и передавая содержание Грасгофа. К примеру:

Грасгоф

wenn irgendwie plötzlich gekommen sein wird des Windes Stürmen (Wehen),
entweder des Notes (Süd) oder Zephyros (West) *des widrig wehenden*, welche in der
Regel am meisten
ein Schiff zerstürmen, der Götter wider Herren (Schutzpatrone)? (12. 288—290)
(если как-нибудь вдруг придет ветра ураган (порыв),
или Нота (южного), или Зефира (восточного), *враждебно веющего*, которые как
правило чаще всего
корабль разбивают, богов вопреки покровителям (заступникам)?).

Жуковский

Вдруг с неожиданной бурей на черное море примчится
Нот иль Зефир *истребительно-быстрый*? От них наиболее
В бездне морской, вопреки и богам, корабли погибают (12. 288—290).

Таким образом, в «Одиссее» Жуковского происходит сложное взаимодействие объективного и субъективного в слове, характерное для всей его поэзии. Это слияние имеет сквозной характер и является результатом целостного осмысления переводчиком истории Одиссея, античной мифологии и эпоса Гомера. Фольклорность оригинальной «Одиссеи» выражается в «сказочности» русского перевода, которая соединяет искусство «сказочного гексаметра» Жуковского и черты национального аутентичного эпоса, реалии жизни русского народа. Ср.:

Песнь, стих	Грасгоф	Жуковский
4.455	nicht der greis der listigen vergass Kunst	старик не забыл <i>чародейства</i>
10.450	sorgfältig badete [—] und salbte fett mit Olivenöl	<i>Баней</i> себя освежили; душистым натершись елеем
10.472	Wunderlicher (Unbegreiflicher), endlich jetzt erinnere dich des väterlichen Landes	Время, <i>несчастный</i> , тебе о возврате в Итаку подумать
11.577	der aber überhin neun lag Pelethron (zu 100 Fuss = 1/6 Stadium)	Девять заняв <i>десятин</i> под огромное тело

Второе направление интерпретации Жуковским античного эпоса — включение религиозно-христианских понятий, имеющих в романтизме поэта оригинальные и устойчивые смыслы, прочитывающиеся как мифологемы. Главным образом сквозь эпический стиль Гомера просвечивает «душа» Жуковского:

Песнь, стих	Грасгоф	Жуковский
11.37—38	in die Grube [hinein], erfloss und das Blut das schwarze; die aber versammelten sich die Seelen unter heraus aus dem Erebos der Todten der abgestorben- en.	<i>Души</i> усопших, из темных бездны Эреба поднявшись: <i>Души</i> невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
10.492	der Seele sich bedienen sollende (um die Seele zu befragen) des Thi- bäers Tiresias des Sehers (Wahrsagers) des blinden, dessen Verstand unverrückt (unver- seheth) ist	<i>Душу</i> пророка, слепца, обладавшего разумом зорким, <i>Душу</i> Тиресия фивского должно тебе спросить там.
12.300	dass nicht irgendwo Jemand mit Frevl bösem	<i>святоотной</i> рукой не коснетесь
9.476—477	Sogar allzusehen dich sollten errei- chen (über dich kommen) die bösen Handlungen	<i>Святоотным</i> // Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель

Специального уточнения в связи с привлечением подстрочника Грасгофа требует самый богатый и полный лингво-культурологический анализ русского перевода, принадлежащий известному филологу-классику В. Н. Ярхо (см. его статью в наст. изд.). Мы имеем в виду его сопоставление перевода Жуковского с аутентичным греческим текстом Гомера, по итогам которого фрагменты комментируются как «добавление переводчика», «неточный», «не вполне точный», «неудачный» или «вольный перевод», перевод, который «не находит соответствия в оригинале». Поскольку неточности перевода «Одиссеи» связаны часто с естественными издержками и утратой смысла при переводе через подстрочник. Так, например, оригинальное «я пытался поднять руки (чтобы защитить Кассандру?), но опустил их на землю, умирая, пронзенный мечом» ошибочно переведено Жуковским как «попытался // Хладную руку к мечу протянуть я» из-за рабской дословности подстрочника и графической похожести немецких отглагольных форм «sterbend» (умирая) и «strebend» (стремясь).

Таким образом, интерлинейный перевод гомеровского эпоса, сделанный проф. К. Грасгофом, представляет собой уникальный опыт посредничества в межкультурной коммуникации, при котором в задачи переводчика входит не только буквальный перенос содержания Гомера, но и собственный избирательный комментарий. Поэтому обращению к Гомеру Жуковского продуктивно только сквозь призму немецкого подстрочника.

§ 4. Эстетические принципы и поэтика перевода.

«Наверное, ни об одном своем произведении Жуковский не писал так много и с такой любовью, как об “Одиссее”...» (Виницкий. С. 235); работу над поэмой он рассматривал как «важную миссию, имеющую не только литературное, но и

религиозно-дидактическое значение для современности»¹ — эти суждения исследователей вполне подтверждаются теми эпистолярными материалами, которые вошли в составленную для данного издания «Летопись...», и позволяют наглядно увидеть общественно-философскую, историософскую, дидактико-религиозную и эстетическую основу творческой деятельности Жуковского в процессе постижения «Одиссеи».

Прежде всего, Жуковский преследовал масштабную цель: «Одиссея» должна была стать не просто переводом гомеровского текста, но воссозданием целостного образа античности, увиденного через призму романтической культуры. Это определило особую поэтику перевода.

Жуковский не знал древнегреческого языка, о чем с присущей ему скромностью неоднократно признавался, в том числе и в предисловии к «Одиссее». Мери этого незнания не нужно, однако, преувеличивать. И уроки древнегреческого языка в Московском университетском пансионе, давшие начальные знания, и обращения к переводам с параллельным гомеровским текстом, и, наконец, «уроки Одиссеи», о которых поэт говорит в своих дневниках за январь 1842 г. (ср.: «12 (24). Понедельник. Первый урок Одиссеи»; «13 (25). Вторник. (...) 2-й урок Одиссеи»; «15 (27). Четверг. III урок»; «16 (28). Пятница. IV урок» — ПССиП. Т. 14. С. 267—268: далее записи до ноября 1842 г. отсутствуют), — все это вряд ли подтверждает утвердившееся мнение о том, что «Жуковский, предаваясь свободному творчеству, не считал безусловно необходимым изучать язык подлинника» (Егунов. С. 361). «Уроки Одиссеи» — это прежде всего постижение даже не столько древнегреческого языка как такового, сколько именно «языка подлинника». Жуковский мучительно постигал законы поэтического мышления автора «Одиссеи», природу ее органической целостности, о которой еще говорил Гердер, называя Гомера «народным поэтом» (Эстетика и критика. С. 305).

Подобная напряженная рефлексия помогла превратить недостаток в преимущество, создав для перевода специфическое пространство свободы, ограниченное на одном полюсе целостным восприятием гомеровского мира, а на другом — дословным смыслом гомеровского текста. В первом случае источником выступили лучшие европейские переводы «Одиссеи» — немецкий перевод И. Ф. Фосса и английский перевод А. Попа, а также целый ряд менее значительных — В. Купера, Г. Рошфора, П. Жиго, Д. Монбело, И. Цаупера, Ф. Штольберга, А. Л. В. Якоба и др. (см. § 2 наст. статьи). Из русских переводов эту функцию выполнили прозаические переложения «Одиссеи» П. И. Соколова и И. И. Мартынова и, косвенно, «Илиада» Н. И. Гнедича («поэтический же смысл дает мне немецкий перевод Фосса и несколько других переводов в прозе: один немецкий и два французских и еще один архиглупый русский (в прозе)»; из письма к великому князю Константину Николаевичу от 28 октября (9 ноября) 1842 г. // С 7. Т. 6. С. 359). Все указанные источники, проходя строгую оценку², формировали некий синтетический образ-эталон,

¹ *Вольге Ц.* Жуковский // История русской литературы. Т. 5. М.; Л., 1941. С. 391.

² Ср., например: «Лучший из них есть Фоссов; но Фосс дал своему поэтическому переводу характер подстрочного, то есть он жертвовал своим языком языку оригинала; он натянул свое узкое немецкое платье на гигантское тело грека; с этим преобразованием грек остался греком, это правда, но ему ходить неловко в узких немецких стихах; по швам рвется; и беспрестанно нашивки и заплаты. Перед ним другой стихотворный перевод; не столь исковерканный язык, как Фоссов; зато менее поэзии. Пóпов смешон своей чопорностью и претензией всё сказать

с которым должен был сверяться перевод. Его Жуковский называл «поэтическим» или «истинным» смыслом: «Из всего этого я угадываю истинный смысл греческого оригинала и стараюсь в переводе своем наблюдать ⟨...⟩ верность поэтическую ⟨...⟩» (Там же).

Второй, «буквальный», смысл давал подстрочный перевод Грасгофа, следовавший цель максимально точно передать не только семантические, но и грамматико-синтаксические особенности древнегреческого оригинала. Жуковский высоко ценил полноту подстрочника, действительно феноменальную, но воспринимал его как атомарный, превращающий гомеровский текст в хаос плохо согласованных единиц — «галиматью», «визг»: «Построчный немецкий перевод есть благословенная галиматья и часто совершенно непонятная; но я держусь исключительно этого перевода; он дает мне порядок слов оригинала, дает образ выражения греческого поэта; его инверсии и проч., но не дает ни гармонии стиха, ни действия отдельных слов, заключающегося в их звуке (зато дает их место), не дает того, что, так сказать, составляет запах каждого языка, ему одному свойственный» (из письма к П. А. Вяземскому от 9 (21) февраля 1844 г. // Гиллельсон. С. 44).

Подобный хаос, противостоя чаемому космосу Гомера, идеально соответствовал целям переводчика. Руками Грасгофа Жуковский произвел своеобразную деструкцию античного эпоса до элементарных смысловых единиц, из которых уже можно было созидать новый цельный мир, чьи очертания, в свою очередь, намечало изучение других переводов. Тем самым поэт освобождался от груза буквализма и получал возможность подлинного творчества. И в этом смысле Жуковский говорит о своем переводе как об «оригинальном творении». Рассказывая в письме к Вяземскому о работе с подстрочным переводом, Жуковский замечает: «В этом-то и состоит моя работа, которая из перевода превращает мой труд в оригинальное создание; я должен угадать и из себя дополнить все то, что дает мне подстрочный мой перевод и чего нет ни в одном из известных мне поэтических» (Гиллельсон. С. 45). В письме к С. С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 г. он так развивает эту мысль: «И вот в чем состоял, собственно, труд мой: мне надлежало из данного нестройного [подстрочного перевода] выгадывать скрывающееся в нем стройное, чутьем поэтическим отыскивать красоту в безобразии и творить гармонию из звуков, терзающих ухо, и все это не во вред, а с верным сохранением древней физиономии оригинала. В этом отношении и перевод мой может назваться произведением оригинальным» (СС I. Т. 4. С. 660).

По справедливому мнению С. С. Аверинцева, с помощью подобного хода в сферу переводческой работы включался не просто текст «Одиссеи», но и вся гамма культурных контекстов античности, разворачивался интенсивный диалог эпох и национальных ментальностей: «Оптимальным для Жуковского-переводчика было ⟨...⟩ соотношение силы и слабости оригинала ⟨...⟩. Или ⟨...⟩ иначе — оригинал был сколь угодно сильным, но по причине его временной, культурной и прочей отда-

лучше и блистательнее: Поп не имел понятия о святой простоте; он меня смешит и сердит. Французские переводы, которых у меня четыре, служат только для объяснения смысла; в них нет никакой поэтической верности. Есть у меня и русский в прозе, чей не знаю, но, кажется, должно быть покойного греховодника и секретаря покойной русской академии Соколова, ибо он посвящен покойному Шишкову. Жаль бранить мертвых, а этот переводчик сущая свинья: другой критики ему быть не может» (из письма к П. А. Вяземскому от 9 (21) февраля 1844 г. // Гиллельсон. С. 44).

ленности возникал контакт не столько с ним, сколько с возникшим вокруг него ассоциативным полем, где роились опять-таки невоплощенные возможности»¹.

Так, под пером Жуковского автор «Одиссеи» превращался в «русского Гомера», просто и естественно преодолевшего преграду веков и разговаривающего с читателем на общепонятном языке («рассказываю по-русски то, что он рассказал за 3000 почти лет по-гречески»; из письма императрице Александре Федоровне от 12 (24) октября 1843 г. // ПЖиГ. Вып. 1. С. 91). Эта установка была принципиальной и часто обыгрывалась в письмах, в которых Гомер, опровергая новейшие аналитические теории «Вольфа и разных немцев», персонифицировался и представлялся хорошим знакомцем, почти членом семьи, занимающим своими «сказками» и собеседника-переводчика, и, в перспективе, всю «гиперборейскую» публику, находя отклик в самых разных ее слоях: «⟨...⟩ мой добрый гений ⟨...⟩ подвел меня к старику Гомеру, который меня, безмянного для него гиперборейского старика, принял весьма благосклонно и с старческим, детским добродушием, передавая мне Одиссею, сказал: пересели ее на твой север, и пускай она, которую жадно слушали в мое время и старики, и юноши, и дети, под светлым небом Эллады, таким же чистым, сердцу отзывным голосом будет говорить старикам, и юношам, и детям твоего туманного севера — и в царских палатах посреди расцветающего царского семейства, и в уединенной учебной юноши, у которого от восторга станут дыбом волосы, когда повеет на него святая древность амброзиальным, не испорченным благоуханием» (С 7. Т. 6. С. 48). Сила этого предполагаемого впечатления заключалась, по Жуковскому, не в каких-либо моральных проповедях или идеях, а в самом духе античности, заключенном в «Одиссее», собрании «всех преданий старины греческой, рассказанных простодушно, без всякого попользования на поучение, а просто для того, что одному было весело рассказывать, а другим весело слушать» (из письма А. П. Елагиной от 5 (17) декабря 1844 г. // Наше наследие. 2003. № 65. С. 86).

Чтобы адекватно передать очарование «старика Гомера», переводчику нужно было ощущать себя его своеобразным подобием. И действительно, работу над переводом поэмы Жуковский рассматривал как акт мирозидительный, связанный с новым этапом его жизни, новым качеством его поэзии, определяемым как возраст (накануне шестидесятилетия), так и самим развитием литературного процесса.

«Моя Одиссея», «моя маленькая Одиссеюшка», «эта маленькая язычница», «3000-летняя дочка» — эти почти интимные определения объекта своего труда, его персонификация как живого существа, указания на созвучность перевода с идиллией семейной жизни: «Одиссея есть также (после жены, разумеется, и дочери) главная страсть души моей...» (из письма П. А. Вяземскому от 12 (24) февраля 1844 г. // Гиллельсон. С. 45); «гармонический голос его музыки, слитый часто с звонким голосом малютки-дочери...» (из письма великому князю Александру Николаевичу от 1 (13) апреля 1844 г. // С 8. Т. 6. С. 472) — за всем этим открывается глубинная связь творческой деятельности и жизни, «Одиссеи» Гомера и Одиссеи собственной судьбы. Не случайно Вяземский, узнав почти одновременно и о замысле Жуковского переводить «Одиссею» и о рождении дочери, писал ему 25 ноября 1842 г.: «Промежуток есть блестящее и отчасти назидательное странствие, *Одиссея*, из коей вышел

¹ Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // *Он же*. Поэты. М., 1996. С. 138—139.

ты героически чист и невредим, — это прекрасно! Но пора было свернуть паруса и пристать к берегу. Все это вместе делает из твоей жизни полную и прекрасную эпопею, редкое и утешительное явление в наше время насильственных обрывчатых событий» (Гиллельсон. С. 39).

Наверное, Жуковский постоянно повторял пушкинские слова: «Лета к презренной прозе клонят...», ибо уже в самом начале работы над переводом сообщал: «Этот труд приличен моим летам, в которые нет уже в нас прежнего огня, но в которые мы еще очень хорошо можем *рассказывать*» (из письма великому князю Александру Николаевичу от 29 января 1842 г. // С. 8. Т. 6. С. 430. Курсив Жуковского. — А. Я.). «Старость — второе ребячество; под старость любишь рассказы, — признавался поэт в письме к С. С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 г., — поэтому и мне захотелось присоединиться к простодушнейшему из всех рассказчиков и, не имея в запасе собственных басен, повторить на Руси его греческие стародавние басни. Одним словом, цель моя была: потешить самого себя на просторе поэтической болтовнею; это мне и удалось» (С. 1. Т. 4. С. 658). И далее постоянно, в разных вариантах Жуковским муссируется мысль о созвучности гомеровского мира его возрастному и философскому состоянию души. Мысли о возвращении на родину, странствия по волнам революционной стихии, спасение семейной идиллии — все эти реалии жизненной судьбы поэта находили свой отзвук в гомеровском эпосе и рождали его автопсихологический подтекст.

Стоит обратить особое внимание на слова «сказки», «рассказывать», «болтовня», регулярно прилагаемые поэтом к своему переводу. «Одиссея» воспринималась Жуковским как воплощение «прозаической» стихии, во многом противоположной «вдохновенной (...) поэзии». С понятием же прозы ассоциировался целый комплекс представлений: с одной стороны, объективность, нацеленность на предмет повествования, а не на личность и личностный взгляд автора («видишь одно верное отражение, а светлый кристалл отражающий как будто не существует»; из письма А. П. Елагиной от 5 (17) декабря 1844 г. // Наше наследие. 2003. № 65. С. 80), с другой — нарративный характер, ставящий в центр рассказ, занимательный и разнообразный, наконец, с третьей — простота и разговорный характер языка, редуцирующий ощущение «искусственной» стиховой организации («этот должен составлять средину между стихами и прозой, то есть, не быв прозаическими стихами, быть однако столь же простым и ясным, как проза, так чтобы рассказ, не смотря на затруднение метра, лился бы как простая, непринужденная речь»; С. 7. Т. 6. С. 47). В рамках подобной «прозы», составляя сложную переводческую задачу, обыкновенное, не теряя своей предметно-событийной конкретности, должно было, тем не менее, претворяться в поэтическое: «Выходишь из мира чудес с его блистательными образами, вступаешь в мир реального, все здесь, так сказать, очень обыкновенно, общее место, и нет ничего труднее, как передать поэтически обыкновенную мысль, не обезображивая ее излишними украшениями и не опошляя ее сухостью прозы» (из письма К. А. Фарнгагену фон Энзе от 25 октября 1848 г. // РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 28).

Возвышение до поэзии происходило благодаря приоритету целого над частностями. «Одиссея» мыслилась Жуковским как единый слитный организм, пронизанный общим мироощущением, имеющий строгую внутреннюю архитектуру («И какой чудный, величественно, строго развивающийся план»; из письма П. А. Вяземскому от 19 февраля (3 марта) 1849 г. // Гиллельсон. С. 64) и последо-

вательный стиль. В этой эстетической системе все элементы уравнивали друг друга и должны были представлять перед читателем только в единстве, о чем специально и неоднократно предупреждал переводчик: « (...) я старался переводить *целое*, желая сохранить весь общий эффект Гомера слога, которого отличительный характер: не отдельные *разительные стихи*, а *богатый поток целого*. Поэтому в иных, немногих местах я предпочитал целое отдельному и жертвовал отдельными стихами совокупному эффекту» (из письма А. С. Стурдзе от 10 марта н. с. 1849 г. // РС. 1902. № 5. С. 395. Курсив автора. — А. Я.). Именно поэту Жуковский неоднократно и решительно отказывал коллегам-журналистам и друзьям в их просьбах познакомить публику и ознакомиться лично с отрывками из перевода. Ср. из письма В. А. Сологубу от 14 (26) ноября 1844 г.: «... из “Одиссеи” не послал бы ничего. Она не иначе явится в свет, как вся целиком» (РС. 1901. № 7. С. 100); А. С. Хомякову от декабря 1847 г.: «Из “Одиссеи” я ничего не могу дать потому, что она должна вся сполна явиться, чтобы произвести действие свое в целом...» (С 7. Т. 6. С. 461); А. И. Тургеневу от 6 (18) января 1844 г.: «Ты все просишь стихов из “Одиссеи”, но из нее ничего вырвать нельзя: все один слиток» (ПЖТ. С. 295). Идея внутреннего единства всех частей («все один слиток», «...на отрывок она не годится, ибо в ней нет ничего блестящего; она может быть привлекательна только общею, тихою гармониею всех частей, совокупно взятых...» // С 7. Т. 6. С. 641) рождает неоднократно повторяющуюся аналогию, образную ассоциацию Гомера и его «Одиссеи» с природной водной стихией.

Символ Гомерово поэзии, по Жуковскому, — «рождающаяся из пены морская Анадюмена». «Это тихая, широкая, светлая река без волн, отражающая чисто и верно и небо, и берега, и все, что на берегах живет и движется»; «у Гомера нет отдельно разительных стихов, а есть поток их, который надобно схватить *весь* во всей его полноте и светлости» — эти фрагменты из писем А. П. Елагиной от 5 (17) декабря 1844 г. и С. С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 г., вошедшие затем в печатный текст предисловия к переводу, не только конкретизируют концепцию органической целостности семиосферы «Одиссеи», соотнося ее с эстетикой романтического универсализма, но и определяют поэтику переложения гомеровского эпоса.

В этом смысле своим переводом Жуковский не пытался реставрировать подлинник через следование частностям, в особенности языковым («Поэт нашего времени не может писать языком Гомера: будет кривлянье старой кокетки, которая хочет корчить 15-летнюю прелестную деву»; С 7. Т. 6. С. 48); он предпринимал попытку его целостной поэтической реконструкции. Тем не менее целое, о котором говорил поэт, имело характер не рефлексивно выверенной литературной постройки, но спонтанного выражения, где единство возникает органически: «В Гомере этого искусства нет; он младенец, постигнувший все небесное и земное и лепечущий об этом на груди у своей кормилицы природы» (Там же. С. 49).

Проблема поэтического языка — в центре переводческих поисков русского поэта. Главное для Жуковского в работе над переложением «Одиссеи» — «не изменить и законному государю моему, русскому языку» (из письма П. А. Вяземскому от 19 февраля (3 марта) 1849 г. // Гиллельсон. С. 44). Критикуя перевод Фосса, Жуковский замечал: «Фосс дал своему поэтическому переводу характер подстрочного, то есть он жертвовал своим языком языку оригинала; он натянул свое узкое немецкое платье на гигантское тело грека...» (Там же. С. 45). Жуковский как переводчик «Одиссеи» входил в мир Гомера не как робкий ученик и подражатель, не

как антиквар, а как соавтор, пытающийся создать русского Гомера. Поиск нужных слов для него был принципиален, но с помощью слов, взятых не в отдельности, а в глубинной связи, он через слова и стихи создал национальную картину мира, со-звучную, но не адекватную гомеровской.

Характеризуя лексическое пространство своего перевода, Жуковский писал: «Читается легко и без запинки, славянские слова выгнаны; везде язык просторечия, возвышенный в эпическое достоинство; иногда только славянское высокое слово, получившее полное право гражданства в русском языке, употребляется не по необходимости, а для точнейшего и действительнейшего выражения» (Там же. С. 45); «Относительно поэтического языка я попал в область общих слов, *lieux communs* и из этих одряхлевших инвалидов поэзии, всеми уже пренебреженных, надлежит мне сделать живых новорожденных младенцев» (С 7. Т. 6. С. 48).

Жуковский искал свой «строй языка», который, по его мнению, соответствовал языку Гомера. В это понятие он включал тщательно отобранную лексику, порядок слов, «течение гекзаметра», а главное — целостность восприятия, воздействие на душу читателя. Он проверял свои открытия на поэтах: Гоголь, Тютчев, Хомяков, А. Мальниц, Фарнгаген фон Энзе были первыми слушателями и ценителями труда русского переводчика «Одиссеи». И еще был «суд Пушкина», который для Жуковского всегда был «высший суд». Пушкинская оценка перевода «Шильонского узника»: «*tour de force*», — незримо присутствует в оценке «Одиссеи»: «Это истинный *tour de force*: менее нежели за сто дней я перевел XII-ть песней...» (из письма великому князю Александру Николаевичу от 17 (29) апреля 1849 г. // С 8. Т. 6. С. 591); «Таким образом мой монументальный труд свершился. (...) Это был *tour de force*» (из письма Д. П. Северину от 12 (24) мая 1849 г. // РА. 1900. № 9—12. С. 48). Пушкину Жуковский благодарен и за вхождение в мир гомеровского гекзаметра: «...я врезался в свойство Гомеровских стихов (и этим обязан я Пушкину, то есть его критике на некоторые стихи мои в первых опытах подражания Гомеру)...» (из письма П. А. Вяземскому от 19 февраля (3 марта) 1849 г. // Гиллельсон. С. 67).

В совокупности данные принципы — простота, объективность, синтетичность — подразумевали некий новый стиль, напряженно вырабатывавшийся по этому в 1830—1840-е гг., — стиль поздних сказок, повестей и переводов мирового эпоса, который «Одиссея» эксплицировала с наибольшей полнотой. «Единственною внешнею наградою моего труда, — обозначал Жуковский цель своих поисков, — будет тогда сладостная мысль, что я (во время оно родитель на Руси немецкого романтизма и поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских) под старость загладил свой грех и отворил для отечественной поэзии дверь эдема, не утраченного ею, но до сих пор для нее запертого» (из письма А. С. Стурдзе от 10 марта н. с. 1849 г. // РС. 1902. № 5. С. 394). Гомеровский «эдем» был патриархальной народной жизнью, где самые натуралистические, бытовые черты насыщались наивной поэтичностью: «(...) это беспрестанная идиллия, описание, простой быт семейный в хижине пастуха, с которым весьма мало разнится и быт во дворце царском, описание нравов простых, часто грубых, всё это имеет несказанную прелесть (...)» (Гиллельсон. С. 67). Учитывая подобное восприятие, можно сказать, что перевод «Одиссеи» вырастал из идиллии («Овсяной кисель» и др.), пафос которой задают «труды и дни», слитный поток человеческой жизни, согласованный с ритмами природно-космической действительности и пронизанный ощущением духовного единства людей.

В этом Жуковский видел залог подлинной поэзии. В «Гомеровых сказках» он находил источник чистоты и благоуханности, «прелесть несказанную в этой девственной святой поэзии» (из письма П. А. Вяземскому от 19 февраля (3 марта) 1849 г. // Гиллельсон. С. 45). Такая «первобытная поэзия» утверждает бытие, принимая его во всех проявлениях, она «так светла и тиха, так животворит и покоит, так мирно украшает все нас окружающее, так не тревожит и не стремится ни в какую туманную даль» (из письма С. С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 г. // СС I. Т. 4. С. 658). Мир «Одиссеи» осмысливается Жуковским как своеобразный отеческий дом, из которого в глубокой древности вышла европейская культура и в который она должна возвратиться, ощутив себя исчерпанной, потерявшей глубинные духовные основы. Главный мотив поэмы — возвращение — метафорически обыгрывается переводчиком многократно, становясь символом современного мироощущения. Показательно, что после завершения «Одиссеи» Жуковский в «Странствующем жиде» вновь обратится к этому сюжету, взятому, однако, в противоположном аспекте — как отчуждающее бегство. Действительность сегодняшнего дня пронизана неудовлетворенностью, тревогой, чувством раскола, спасение от которых — в первоистоках: «Представляя вам Гиперборейский портрет этого гиганта древней Греции, (...) я вам снова открываю дверь в этот мир чудес, я вас заставляю покинуть тяжелую атмосферу действительности, которая душит нас всех, и уношу вас в высокие, облачные страны идеалов, где дышится ароматным и девственным воздухом первых дней творения» (из письма К. А. Фарнгагену фон Энзе от 25 октября 1848 г. // РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 24).

Духовное возвращение, воскрешение патриархального мира предполагало, по Жуковскому, преобразование и сугубо литературное — отказ от усложненной художественной оптики и языка: «(...) в выборе слов надобно наблюдать особенную осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и негодно для Гомера; все имеющее вид новизны, затейливости нашего времени, все необыкновенное — здесь не у места» (С 7. Т. 6. С. 49). Приманка современного искусства, изощренность, лишь компенсирует утраченную цельность мироощущения, в рамках которого предмет и слово связаны напрямую и неразрывно, вплоть до возникновения устойчивых формул, чью функцию и значение переводчик отлично понимал и старался сохранить. Эти поэтические клише, растиражированные тысячелетней традицией, имеют, однако, свою внутреннюю обусловленность, и ее необходимо очистить, сделать очевидной для сегодняшнего читателя, «надобно возвратиться к языку первобытному, потерявшему уже свою свежесть от того, что все его употребляли, заимствуя его у праотца поэзии; надобно этот изношенный язык восстановить во всей его первобытной свежести» (Там же. С. 49).

И в этом контексте можно понять инвективы Жуковского в адрес современной поэзии. Уже в первых же эпистолярных размышлениях о причинах своего обращения к переводу «Одиссеи» Жуковский определяет их историософский подтекст. В письмах великим князьям Александру и Константину Николаевичам от 1842—1843 гг. он не просто противопоставляет гомеровский мир «буйству враждебного, всеразрушающего демократизма» (С 8. Т. 6. С. 449), «горячке, которая теперь кипит во всем, и везде производит бред сумасшествия» (С 7. Т. 6. С. 359), но и дает резкую характеристику современной поэзии. «Новейшая поэзия, конвульсивная, истерическая, мутная и мутящая душу, мне опротивела; хочется отдохнуть посреди светлых видений первобытного мира» (Там же); «Я живу в мире Гомера,

прислушиваясь к его славному гению, не слышу визгов сумасшедшего Гервега¹ и комп., которым рукоплещает еще не образумившаяся молодежь, посреди которой встречаются и молокососы с проседью» (С 8. Т. 6. С. 449) — эти суждения начала 1840-х гг. — предчувствие исторических последствий, вылившихся в события революции 1848 г., очевидцем и жертвой которых оказался поэт и его семья.

Работа над второй частью перевода оказалась в эпицентре разгула революции; это поистине была «жизнь на вулкане». Осенью 1848 г. Жуковский покидает опасный Франкфурт и переезжает в более спокойный Баден, где завершает работу над переводом, но в конце апреля 1849 г. ему с семьей приходится искать убежище в Швейцарии. Ритмы времени не могли не ворваться в творческий мир поэта. Два периода работы над переводом (1842—1844 и 1848—1849) принципиально отличались друг от друга как общей ситуацией общественно-политической жизни в Германии и Европе вообще, где Жуковский постоянно жил с 1841 г., так и мироощущением поэта. Если в первый период поздняя женитьба и предчувствие семейного счастья, рождение дочери и ожидание второго ребенка (сын Павел родился 31 декабря 1844 г.), общественная стабильность и ощущение внутренней свободы создавали атмосферу своеобразной идиллии, надежд и иллюзий, то второй период, ознаменовавшийся постоянными собственными недугами и болезнями жены, надвигающимся предчувствием смерти и слепоты, отрывом от родины и «жизнью на вулкане», вызванной событиями революции 1848 г., рождал мрачные мысли, страхи и ощущение общей нестабильности. Идиллия сменилась драмой, и это изменение общего настроения не могло не отразиться на стилистике перевода. Гомеровская «Одиссея» все больше превращается в Теодиссею Жуковского: его интерпретация темы женихов Пенелопы, расправы с ними «не привносится в текст извне и а posteriori, но рождается в процессе перевода как постепенное осознание смысла современной истории» (Виницкий. С. 260). Революционные события 1848 г. наложили свой отпечаток на восприятие Гомера: Жуковский создавал «Одиссею» своего времени.

Его перевод становился в определенном смысле утопическим проектом, призванным на новых основаниях перестроить современную литературу, а в пределе и всю культуру, соединив духовный опыт новой Европы и древнего мира. В художественной системе позднего Жуковского это приобретало характер универсального синтеза, в котором Гомер дополнялся персидским и индийским эпосом и русскими сказками. Особенно показательны здесь соседство античности с библейскими источниками — с переводом Нового завета и «Странствующим жидом»². Они составляли принципиальные полюса в культурно-философской концепции Жуковского, воплощая в себе древнее, дохристианское и современное, христианское начала.

Сплав двух литературных традиций, двух мироощущений — одна из сквозных целей романтизма, свидетельством чему являлись опыты Гельдерлина и йенцев,

¹ Резкое неприятие творчества немецкого поэта Георга Гервега (1817—1875) было связано и с его публицистической деятельностью. Подробнее см.: ПССиП. Т. 14. С. 536, а также: Разумова Н. Е. В. А. Жуковский — читатель «Стихов живого человека» Г. Гервега // ПМЖ. Вып. 15. Томск, 1989. С. 34—45.

² В этом смысле Жуковский выступал наследником культурной традиции пушкинской поры, в рамках которой восприятие Гомера и гомеровских текстов насыщалось интенсивными христианскими аллюзиями, см.: Майофис М. «Рука времен», «божественный Платон» и гомеровская рифма в русской литературе первой половины XIX века: (Комментарий к непрочитанной поэме Н. И. Гнедича) // НЛО. 2003. № 2. С. 145—170.

Шелли и Китса, Шатобриана и Гюго. Переводчик «Одиссеи» опирался более всего на французскую мысль, в которой центральным понятием выступала меланхолия¹. «Кажется мне, — замечал Жуковский, — что m-me Staël первая произнесла, что с религиею христианскою вошла в поэзию и вообще в литературу меланхолия» (С 7. Т. 6. С. 47—52). Действительно, Шатобриан в «Гении христианства» и де Сталь в трактате «О влиянии страстей на счастье людей и наций», используя понятие, необыкновенно популярное в эпоху сентиментализма, придали ему статус культурно-философской категории. Меланхолия, понятая как ощущение бренности, преходящести посюстороннего, конечного бытия перед лицом непостижимой и притягательной вечности, явилась определяющей чертой христианского мировосприятия. «Греки и римляне, вовсе не простирая своих взглядов за пределы жизни и не подозревая о радостях, более высоких, чем земные, не были склонны, как мы, к мечтаниям и желаниям, что вытекает из характера их религии. Именно в духе христианства следует прежде всего искать причину появления волны чувств, столь распространенной среди современных людей. Созданная для наших горестей и наших нужд, христианская религия непрерывно представляет нам двойную картину земных печалей и небесных радостей, и посредством этого она порождает в сердце источник близкой боли и далекой надежды, откуда проистекают неиссякаемые мечтания. Христианин рассматривает себя всегда как путешественника, идущего по долине слез и обретающего покой только в могиле. Мир вовсе не является предметом его вожделений, поскольку он знает, что дни жизни человека сочтены и что это мгновение быстро от него ускользает»².

Принимая различные формы в течение веков, меланхолия накладывала общий отпечаток на культуру Европы, чем все более отдаляла «цивилизованный» мир от «естественности» древних и диких народов. Знаменательно, что в повестях Шатобриана современный герой, в котором меланхолия разрастается до «мировой скорби», равно отчужден как от духа античности, являющегося ему в Италии и Греции, так и от жизни диких индейцев, в которой он пытается найти успокоение. Так, в философской традиции раннего французского романтизма христианское забвение земного в пользу небесного порождало в настоящем безысходный пессимизм, чувство тупика, сопровождающееся взрывом мятежных страстей: «(...) та волна, в которую меланхолия погружает чувства, сама же вновь порождает эту меланхолию, поскольку она вздымается в водовороте страстей, когда эти страсти бесцельно пожирают сами себя в одиноком сердце» (Там же. С. 394). Здесь исток индивидуалистического бунта и социальных революций, на фоне которых и возникла сама концепция меланхолии.

Обращение Жуковского к этому феномену современного сознания также происходило на фоне революционных событий 1840-х гг., и плодом его рефлексии явились статья «О меланхолии в жизни и в поэзии» (1846) и высказывания о переводе «Одиссеи» в письмах. «Наше время живет под мечом Дамоклеса: все на волоске» (из письма великому князю Александру Николаевичу от 11 (23) ноября 1848 г. // С 8. Т. 6. С. 562), — писал поэт, находясь едва ли не в центре мятежной Германии.

¹ См. о рецепции этой литературно-психологической категории в России: *Виплицкий И. Ю.* Анатомия меланхолии: Меланхолическая традиция в России и В. А. Жуковский // *Ученые записки Московского культурологического лицея № 1310. Сер. Филология. Вып. 2. 1997. С. 111—168.*

² Цит. по: *Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 393.*

Чувство непрочности жизненного уклада, надвигающегося крушения, которым пронизано мироощущение настоящего, имело, по мысли Жуковского, своим истоком «буйство враждебного, всеразрушающего демократизма», «грязный эгоизм» (из письма великому князю Александру Николаевичу от 1 (13) января 1843 г. // С. 8. Т. 6. С. 449), ставящий индивидуальный интерес выше общезначимого нравственного закона. Человек, цепляющийся за земные блага, не может не чувствовать их преходящий характер, а путь к истинному и вечному для его мятущейся души закрыт. Отсюда «горячка, которая теперь кипит во всем, и везде производит бред сумасшествия», не исключая и «новейшей поэзии, конвульсивной, истерической, мутной и мутящей душу» (С 7. Т. 6. С. 359). Последнюю Жуковский называет не иначе как «визгом» — «визгом сумасшедшего» (С. 8. Т. 6. С. 449).

Этим эксцессам «меланхолического сознания» противопоставляется искусство, где находит прибежище истинная меланхолия: «С другой стороны, я думаю, что революции, волнения, законодатели улиц, герои баррикад и т. д. — переходящи, поэзия же не пройдет и останется неизменной навсегда. (...) Печальные обстоятельства прервали окончание работы, и теперь мне делается довольно трудно ясно слышать гармонический голос Гомеровой Музы посреди завываний волков, столпившихся вокруг нас, чтобы разорвать все человечество. Но я все-таки буду спасаться время от времени под защиту старика Гомера, чтоб сделаться неприступным для всех тех известий, которые нас смущают и огорчают» (из письма К. А. Фарнгагену фон Энзе от 25 октября 1848 г. // РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 24—25). В интерпретации Жуковского целью поэзии является, однако, не создание некоего очарованного прекрасного царства, куда нет доступа волнениям мира. Напротив, в перевод «Одиссеи» и позднее творчество поэта, входит мощная струя историко-политической аллюзионности. Тем не менее, в истинном искусстве вся стихия земного, эгоистического очищается в соприкосновении с вечным и непреложным. Подобный примиряющий катарсис и есть положительное следствие меланхолии, позволяющее рассматривать ее не только как часть христианского мировосприятия, но как извечную составляющую человеческой культуры вплоть со времен Гомера.

Сущность меланхолии, по Жуковскому, одинакова во все времена — это «грустное чувство, объемлющее душу при виде изменяемости и неверности благ житейских, чувство или предчувствие невозвратной утраты без замены» (С 7. Т. 6. С. 50). Но истоки и, особенно, способы преодоления меланхолии глубоко разнятся. В античности она составляла ядро мировосприятия, поскольку действительность являлась человеку только в своих внешних формах, имеющих «жизнь пластически могучую в настоящем», но в свете вечности бранных, «ничтожных, ибо душа не имела за границей мира своего будущего и улетала с земли безжизненным призраком, и вера в бессмертие, посреди этого кипения жизни настоящей никому не шептала своих великих, всеоживляющих утешений». Этот контраст «светлой жизни древних, светлой, как украшенная жертва, ведомая на заклание» (там же) и ощущения темной поглощающей пучины, неподвластной человеку, составляет разительнейшее отличие античности. Напряжение, неизменно возникающее между двух предельно разведенных полюсов — красоты бытия и брэнности индивида, могло разрешиться только одним образом — героическим приятием «слепого, безжалостного фатума»¹. Подобный акт, с точки зрения Жуковского, имел характер нравственного катарсиса

¹ О меланхолии в жизни и в поэзии // Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 344.

са, поскольку реализовал свободу человека. Через него личность своеобразно возвышалась до самой себя.

Мысль том, что «судьба человека не столько результат действия надличностных сил, сколько итог совпадения человека со своей судьбой (...), результат (...) напряженных усилий самого человека, реализация его внутренней интенции»¹, явилась одной из ключевых для Жуковского. Так путь героя освещался этикой жизнестроительства, в чем состоял наиболее глубокий урок «Одиссеи» для современного читателя, который, принадлежа к сфере христианской культуры, должен был быть гораздо более восприимчив к подобному чувству, ибо «там, где есть Евангелие, не может уже быть той меланхолии, о которой я говорил выше, которой все запечатлено в до-евангельском мире: теперь лучшее, верховное, все заменяющее благо — то, что одно неизменно, одно существует, дано один раз навсегда душе человеческой Евангелием; правда, мы можем и теперь, как и древние, говорить: земное на минуту, все изменяется, все гибнет; но мы говорим так о погибели одних внешних, чуждых нам призраков, заменяемых для нас верным, негибнущим, существенным, внутренним, нашим; а древние говорили о гибели того, что одно было для них существенно и что для них, раз погибнув, уже ничем заменяемо не было» (С 7. Т. 6. С. 50). Прозрение «существенного, внутреннего, нашего», то есть субстанционально заложенного в человеке, преодолевает меланхолию, позволяя воспринять судьбу как результат собственного осмысленного выбора, а не вердикт слепых надличностных сил или случайное сплетение внешних обстоятельств.

Сложное и актуальное нравственное содержание, утверждающее, тем не менее, неизбежность этических ориентиров, превращало перевод «Одиссеи» в уникальное педагогическое орудие. «По моему мнению, — писал Жуковский министру просвещения С. С. Уварову, — нет книги, которая была бы столь прилична первому светлому периоду жизни, как “Одиссея”, возбуждающая все способности души прелестию разнообразною (...). Русская “Одиссея” будет доступна всем возрастам и может быть, если сделаны будут некоторые выпуски, дана без опасения в руки всякого юноши, начинающего читать *pro se*. (...) Таким образом и “Одиссея” могла бы сделаться самою привлекательною и в то же время самою образовательною детскою книгою» (СС 1. Т. 4. С. 658—662). Те пропуски, о которых говорил Жуковский (см. приложение к наст. изд.), касались как раз нежелательного буйства Одиссея, его жестокостей при расправах, то есть эксцессов нарождающегося индивидуалистического сознания. От них поэт и желал уберечь юного читателя, оставив ему все обаяние наивной патриархальной жизни, переданной со всей «сказочной» занимательностью, «первобытной» простотой и эпической масштабностью. Жуковский думал и об оснащении своего перевода своеобразным научно-педагогическим комментарием. В письме к А. С. Хомякову от 12 (24) сентября 1847 г. он посылает «роспись по алфавиту всех имен мифологических, исторических, географических и пр., находящихся в первых XII песнях “Одиссеи”» [всего 322 названия] и сообщает, что по окончании перевода последних XII песней будет «сделан такой же алфавит и их» (С 7. Т. 6. С. 638). Он хотел привлечь к этой работе Хомякова, предлагая ему сделать 13 примечаний к тексту (Там же. Сн. 1).

¹ Макушкина С. Ю. Мотив судьбы в переводе «Одиссеи» Жуковским // Проблемы литературных жанров. Мат-лы X Международной науч. конф. Ч. 1. Томск, 2002. С. 93.

В целом же Жуковский видел в «Одиссее» некую очищающую прививку, способную обновить современное культурное сознание, переключив его с гипертрофированной романтической субъективности на идеал античной гармонии: «И будет великое дело, если мне моим переводом удастся пробудить на Руси любовь к древним, как некогда я подружил их с поэзией немцев» (из письма П. А. Плетневу от 1 июля 1845 г. // Переписка. Т. 3. С. 556). Эта вера превращала подвижнический труд над переводом в последний урок, в поэтический памятник-завещание: «⟨...⟩ Моя русская “Одиссея” будет моим твердейшим памятником на Руси: она, если не ошибаюсь, верна своему греческому отцу Гомеру; в этом отношении можно ее будет почитать произведением оригинальным» (Там же).

Таким образом, творческая история перевода «Одиссеи», эстетическая рефлексия в связи с осмыслением гомеровского мира и выработкой переводческих принципов свидетельствует как о масштабности предпринятого и осуществленного замысла, так и о его мирозидательной роли в творческой биографии Жуковского.

§ 5. О посвящении и предисловии к переводу «Одиссеи»

В 1849 г. почти одновременно выходит в свет первая половина «Одиссеи» В. А. Жуковского (песни 1—12) сразу в двух изданиях: сначала в составе «Новых стихотворений В. А. Жуковского» (Т. 2. СПб., 1849)¹, а затем в 8-м томе пятого издания «Стихотворений В. Жуковского» (СПб., 1849). Оба издания имели одинаковое посвящение: «*Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу свой труд с глубочайшим почтением посвящает В. Жуковский*».

Начиная с седьмого посмертного издания сочинений Жуковского под редакцией П. А. Ефремова (СПб., 1878. Т. 5) посвящение по неизвестным причинам было снято, а потому вопрос о посвящении к «Одиссее» Жуковского в литературоведении и критике практически не возникал. А. Н. Веселовский ограничился лишь указанием на то, что «Жуковский доставил его (первый том “Одиссеи”) вел. кн. Константину Николаевичу, которому и посвятил свой труд» (Веселовский. С. 440), и ссылкой на письма Жуковского об этом. Другие исследователи и комментаторы творческого наследия поэта, по существу, игнорировали этот факт.

А между тем это посвящение представляет определенный интерес как для творческой истории перевода «Одиссеи», так и шире — для духовной биографии позднего Жуковского.

Великий князь Константин Николаевич (1827—1892), второй сын императора Николая I, приблизился к Жуковскому в 1839 г. В этом году ему исполнилось 12 лет, и Жуковскому было предложено состоять при младших великих князьях — Константине, Николае и Михаиле Николаевичах. К этому времени поэт официально завершил свою миссию наставника при наследнике Александре Николаевиче, и такое предложение, исходящее от императора, свидетельствовало о доверии к нему. Однако Жуковский деликатно отклонил это предложение, желая посвятить

¹ Далее Жуковский приводит даты по новому стилю. Первая половина «Одиссеи» была процензурована в Петербурге А. В. Никитенко еще 30 октября 1847 г. и печаталась в придворной типографии В. Гаспера в Карлсруэ. Она вышла из печати в составе «Новых стихотворений» в 1848 г., хотя и имеет помету 1849 г., вероятно, по аналогии со следующей второй частью, вышедшей с опозданием из-за революционных событий 1848 г. лишь в 1849 г.

остальные свои годы тем занятиям, «кои единственно мне свойственны, но давно мною оставлены», т. е. поэзии. Между тем в архиве поэта (Онегинское собрание ПД) сохранился доклад Жуковского о воспитании великого князя Константина Николаевича с резолюцией императора Николая I: «Совершенно согласен»¹.

По всей вероятности, Жуковский не сразу решился на отказ от предложения императора и готовился к своей новой миссии. Одним из пунктов воспитательной программы Жуковского было поручение 12-летнему великому князю «для упражнения в правильном изложении мыслей (...) каждое воскресенье написать письмо к какому-нибудь отсутствующему лицу. Когда очередь дошла до Жуковского, то его ответ понравился его высочеству и положил основу дальнейшей переписки, продолжавшейся до кончины поэта» (С 7. Т. 6. С. 342). Действительно, последнее письмо к великому князю написано 24 сентября (6 октября) 1851 г., за 6 месяцев до смерти поэта, а последнее известное письмо Константина Николаевича к Жуковскому датируется 11 (23) октября 1851 г.

Переписка Жуковского с великим князем Константином Николаевичем, длившаяся почти 12 лет, — любопытный документ не только человеческих отношений (великий князь подписывал свои письма: «Ваш верный друг» или «Ваш сердечный друг Константин»; Жуковский в свою очередь признавался: «я вам душою сродни»), но и важный источник для осмысления просветительства Жуковского, его эстетической позиции 1840-х годов, материал для творческой истории перевода «Одиссеи». К сожалению, известны не все ответные письма великого князя. Так, до нас не дошли его размышления о переводе «Одиссеи», которые порадовали поэта. «Вы говорите мне о моей Одиссее не одни общие фразы; вы говорите мне именно то, что я желал бы слышать от всякого, имеющего поэтическое чувство и зоркий вкус, читателя» (С 7. Т. 6. С. 369), — писал Жуковский 24 августа 1849 г. Но и дошедшие до нас и опубликованные 18 писем поэта и 11 писем великого князя² проясняют причины посвящения перевода «Одиссеи» именно Константину Николаевичу.

Своеобразной стихией жизни великого князя Константина Николаевича с детства было море. Император Николай I предназначал сына для службы во флоте, и уже в 1831 г. (т. е. в 4-летнем возрасте) он был назначен генерал-адмиралом, постепенно постигая все стороны жизни русского флота, атмосферу морских путешествий и тяготы корабельной службы. В начале 1840-х годов юный Константин повторил маршрут царя Итаки, а позднее командовал кораблями «Улисс» и «Паллада». Его воспитание было поручено адмиралу Ф. П. Литке, который не только сумел внушить ему любовь к морскому делу, но и способствовал нравственному становлению его личности. Не случайно Жуковский так высоко ценил деятельность Литке на этом поприще, и их переписка — еще одно важное звено в сюжете о переводе «Одиссеи». Литке не только внимательно прочитал это творение Жуковского, но и сделал тонкие замечания по поводу «некоторых ошибок в экзаметрах»³.

¹ Рукописный отдел РО ПД (архив А. Ф. Онегина). № 27819. См.: *Hofmann M.* Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris. P., 1926. P. 70—71.

² Впервые письма Жуковского были опубликованы П. А. Вяземским в «Русском архиве» за 1867 г. (Стб. 1386—1439); перепечатаны П. А. Ефремовым (С 7. Т. 6). Письма великого князя Константина Николаевича к Жуковскому впервые: РА. 1895. Т. 3. № 10. С. 140—146.

³ См. письмо Жуковского к Ф. П. Литке от 9 (20) октября 1848 г. // РА. 1887. Т. 2. № 6. С. 340.

Вся дальнейшая карьера Константина Николаевича связана с флотом: с 1855 г. он управлял Морским ведомством на правах министра, привлекая к службе в этом министерстве интеллектуальные силы России. Гончаров, Писемский, Григорович, Максимов украшали Морское ведомство в это время, способствуя развитию русской литературной маринистики. Участие великого князя в либеральных реформах своего старшего брата, императора Александра II, вызывало к нему симпатии русской интеллигенции. Наконец, нравственный облик Константина Николаевича, его филантропические деяния были общеизвестны. Как замечала А. Ф. Тютчева, дочь поэта Ф. И. Тютчева и фрейлина жены Александра II имп. Марии Александровны, «об великом князе Константине рассказывают очень много хорошего, говорят, что он очень образован, энергичен и исполнен патриотизма»¹. Ей же принадлежит и своеобразная портретная характеристика 25-летнего великого князя: «Великий князь Константин самый величественный из них (великих князей. — А. Я.), но он, как и прочие, очень прост в обращении, тем не менее, несмотря на его невысокий рост, в его взгляде, в его осанке чувствуется владыка»².

Сочетание высоких душевных качеств, скитальческой жизни по морям, государственного ума великого князя определило в сознании Жуковского его параллель с героем гомеровского эпоса. «Между тем пока вы странствовали по морям, как северный Одиссей...» (С 7. Т. 6. С. 363); «Вам Одиссея принадлежит по праву: вы на своем русском корабле посетили те места, которые за 3000 лет перед сим лет видел Одиссей. Что рассказал о нем Гомер за тысячу лет до Р. Х., то переводчик Гомера в XIX веке по Р.Х. посвящает русскому Одиссею; желаю, чтобы русское эхо греческой лиры было приятно для вашего слуха» (Там же. С. 365); «...вы окурены уже порохом и более видели земель в ваших странствиях, нежели мой Одиссей, представленный вам в русском costume» (Там же. С. 379) — эти и другие фрагменты из писем Жуковского к Константину Николаевичу определяют естественность возникновения мысли о посвящении именно ему перевода «Одиссеи».

Путь к этой мысли отчетливо прослеживается в переписке поэта и «русского Одиссея». Еще 13 апреля 1841 г. великий князь сообщает Жуковскому: «Вчера же я начал *Одиссею*»³. Ничего еще не зная о работе своего духовного наставника над переводом гомеровской поэмы (об этом Жуковский великому князю напишет лишь в конце 1842 г.: «Между тем стоустая молва не обманула вас: я *перевожу Одиссею*» — С 7. Т. 6. С. 358), 14-летний отрок по совету Жуковского пытается постигнуть мир «Одиссеи», возможно в немецком переводе. И далее, на протяжении всей переписки, Жуковский развивает свои принципы восприятия Гомера, эстетики его перевода, размышляет о соотношении новой и древней поэзии.

В письме от 28 октября (9 ноября) 1842 г., т.е. в самом начале работы над переводом, Жуковский уже высказывает желание о его посвящении великому князю: «Очень рад, что вы любите Одиссею; я сам люблю ее более Илиады. В Илиаде более высоких, поэтических образов, в Одиссее вся жизнь давно минувшего во всей ее детской беззаботности и в неподдельном простодушии. Если Бог даст мне кончить начатый труд, то Одиссея моя будет посвящена вам» (С 7. Т. 6. С. 359). Это желание

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания. Дневник 1853—1854. М., 1990. С. 146.

² Там же. С. 109.

³ РА. 1895. Т. 3. № 10. С. 145.

становится отчетливым решением, когда была закончена работа над первой частью перевода, первыми двенадцатью песнями, и 19 апреля (1 мая) 1848 г. Жуковский официально сообщает великому князю: «Основываясь на вашем позволении посвящать вам мой перевод, я выставил в начале тома ваше имя; надеясь, что вы мне за это пенять не будете» (Там же. С. 365)¹. В мае 1848 г. это посвящение стало уже реальностью, появившись на титульном листе сразу двух изданий перевода первой части «Одиссеи».

В переписке с великим князем переводчик «Одиссеи» играл естественную для него роль воспитателя, своеобразного гомеровского Ментора. И в этом смысле Константин Николаевич был для него одновременно и Телемахом. Уже в одном из первых писем великому князю от 10 (22) декабря 1840 г. Жуковский подробно развивает свою теорию нравственного самоусовершенствования. «Никто не родился совершенным; но достигнуть возможного совершенства есть цель нашей жизни» (С 7. Т. 6. С. 344), — замечает он. И затем на примере жизни Демосфена раскрывает путь каждого человека к совершенству: «То, что сделал Демосфен для того, чтобы быть *оратором*, каждый из нас должен делать для того, чтобы быть *человеком* в настоящем значении этого слова» (Там же. С. 345. Курсив Жуковского. — А. Я.). В последующей переписке, о чем бы ни рассуждал поэт, античный, гомеровский подтекст пронизывает его поучения. Достаточно прочесть пространное толкование «древней аллегории» о Геркулесовом выборе (письмо от 29 декабря 1840 г.), размышление о «светлых видениях первобытного мира» и «новейшей поэзии, конвульсивной, истерической, мутной и мутящей душу» (от 28 октября / 9 ноября 1842 г.), своеобразный трактат о Цареграде и Византии (от 21 октября / 2 ноября 1845 г.), эссе о соотношении «Илиады» и «Одиссеи», чтобы понять, сколь значим был для русского Ментора воспитательный потенциал античности вообще и гомеровского эпоса в частности.

Именно в этом контексте этико-эстетической и общественно-философской рефлексии Жуковского посвящение перевода «Одиссеи» великому князю Константину Николаевичу обрело органическую связь с идеей создания особого варианта перевода — «Одиссеи для юношества», «образовательной детской книги». Эту свою идею Жуковский изложил в письме от 12 (24) сентября 1847 г. к С. С. Уварову, бывшему тогда министром просвещения, а впоследствии отрывок из этого письма сразу же вслед за посвящением поместил в качестве предисловия к первым изданиям «Одиссеи».

Но, безусловно, и роль русского Ментора, и переписка с великим князем, и, конечно же, посвящение подсказали эту оригинальную транскрипцию перевода. В письме к Константину Николаевичу от 24 августа 1849 г. Жуковский, по существу, зафиксировал эту связь. «Если вы, — писал он, — не зная, как я, по-гречески, понял из моей Одиссеи, что такое трехтысячелетний старик Гомер, если он, в моем с него снимке, представился вам простосердечным, вдохновенным сказочником, бродящим из города в город, из селения в село, поющим или рассказывающим, под звуки лиры, сказки о славных днях старины, просто, неукрашено, болтливо, и если и у вас зашевелились волосы на голове от его непритворного вдохновения почти так же, как за 3000 лет они шевелились у старых и молодых на собраниях

¹ Как явствует из письма Жуковского к А. С. Стурдзе от 10 марта н.ст. 1849 г. он дал великому князю Константину Николаевичу «давно обещание приняться за “Одиссею”, и если удастся перевести, ему посвятить ее» (СС I. Т. 4. С. 664).

народных — то, конечно, работа моя удалась, и в разговоре моем с поэтом, отдаленном от меня почти 30-ю веками, *сердце сердцу весть подало*. Как должно перевести Гомера, о том я сказал в отрывке, помещенном вместо предисловия в начале «Одиссеи» (С 7. Т. 6. С. 369).

Таким образом, история с посвящением перевода «Одиссеи» великому князю Константину Николаевичу многосюжетна и таит еще не разгаданные загадки (почему и по чьей воле еще при жизни великого князя было снято посвящение в посмертных изданиях?)¹, но очевидно, что посвящение было далеко не случайно и эстетически значимо для Жуковского.

Жуковский нередко использовал прием двойной адресации своих произведений. В письме к великому князю Александру Николаевичу он сообщает, что хотя и посвятил «Одиссею» его брату, но перевод также посвящен и ему, так как будет напечатан в Собрании сочинений Жуковского, имеющем общее посвящение государю наследнику². И в этом контексте ассоциация с Телемахом распространяется и на старшего брата великого князя Константина Николаевича, ибо «тема нерушимого тандема отца и сына», «образ могучего и благородного царя, усмирителя бунтов и стража порядка» — важнейшие в историософской концепции Жуковского³.

Предисловие к прижизненному изданию «Одиссеи» — «Отрывок из письма» — заслуживает особого разговора. Еще в разгар работы над первой частью перевода, в 1845 г. у Жуковского возникает идея создания двух «Одиссей»: одной — для всех, другой — для юношества. В письме к А. П. Елагиной, отрывки из которого были опубликованы в первом номере журнала «Москвитянин» за 1845 г., он подробно говорит об «очищенном Гомере», которому «...намерен придать род Пролога, представить в одной картине все, что было до начала странствия Одиссея. Эта картина обхватит весь первобытный, мифологический и героический мир греков; рассказ должен быть в прозе; но все, что непосредственно составляет целое с Одиссеею, то есть Троянская война, гнев Ахиллов, падение Трои, судьба Ахилла и Приамова дома, все должно составить один сжатый рассказ гекзаметрами, рассказ, слитый из разных отрывков Илиады, трагиков и Энеиды, и приведенный к одному знаменателю. В этот рассказ вошли б, однако, некоторые песни Илиады, вполне переведенные. Таким образом Одиссея для детей была бы в одно время и живою историею древней Греции, и полною картиною ее мифологии, самую образовательную детскою книгою» (С 7. Т. 6. С. 51—52).

Рудименты этого грандиозного замысла сохранились в архиве поэта: подробные планы пролога к «Повести о войне Троянской», а также 97 гекзаметрических стихов первой главы — «Сбор войска в Авлиде» (подробнее см. раздел «Из черновых и незавершенных текстов» наст. тома).

¹ Не имея никаких документальных свидетельств, выскажем осторожное предположение, что причиной снятия посвящения стал скандал, связанный с историей внебрачной связи дочери Жуковского Александры, фрейлины имп. Марии Александровны, и великого князя Алексея Александровича (1850—1908), одного из сыновей имп. Александра II, в результате которой 14 ноября 1871 г. родился сын, получивший титул графа Белевского. А. В. Жуковская с богатым приданым была выдана за барона Вермана. Подробнее см.: *Белякова З. И.* Великие князья Алексей и Павел Александровичи: Дворцы и Судьбы. СПб., 1999. С. 20—23.

² РА. 1885. С. 532—533.

³ Об этом подробнее см.: *Вишицкий И.* Список сокращений. С. 254—256.

В июле 1845 г. в письме к П. А. Плетневу Жуковский развивает эти же мысли, собираясь издать собрание «сказок» «для детей взрослых, т. е. для народа» (С 7. Т. 6. С. 592). Наконец, в письме к С. С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 г. он вновь возвращается к замыслу, уже изложенному в письме к А. П. Елагиной, нередко цитируя из него большие отрывки. Здесь же он говорит о сомнительности этого предприятия: «...но на это едва ли достанет сил и времени» (Там же. С. 186), хотя в письме к П. А. Плетневу от 20 декабря 1848 г. сообщает о проделанной работе и ее результатах: «Я даже и начал было “пролог” к “Одиссее” — сводную повесть о войне Троянской. Стихов 200 гекзаметрами написано¹. В эту повесть вошло бы все лучшее, относящееся к войне Троянской и разным ее героям — все, заключающееся в Илиаде, в Энеиде и в трагиках, но от этого труда я отказался. Со временем напишу этот “пролог” в прозе к новому изданию Одиссеи» (Там же. С. 593).

Несмотря на то, что к концу 1848 г. Жуковский, видимо, отказывается от замысла «Повести о войне Троянской», готовя к печати перевод первой части «Одиссеи» (ц. р. от 30 октября 1847 г.), он решил все-таки поделиться с читателем идеей создания особой «Одиссеи для юношества». Выражением этого и явилось предпосланное первому изданию «Одиссеи» предисловие — «Отрывок письма». Как уже давно известно, это отрывок из письма к С. С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 г.

Жуковский в этом предисловии, развивая свои мысли о переводческих принципах, связанных с воссозданием атмосферы «Одиссеи» Гомера, — то, что он сам называет «поэтической исповедью», — не говорит о концепции «очищенного Гомера». Но в специальном «Прибавлении» к первой части перевода он, еще раз пояснив характер издания «для юношества, с выпусками», приложил 11 отдельных листов для заклейки 29 мест в книге (см. приложение в наст. томе). Ко второй половине «Одиссеи» подобных поправок поэта не было — по мнению П. А. Ефремова, «вследствие тогдашних неурядиц в Карлсруэ, помешавших печатанию» (С 9. Т. 4. С. 481).

Очевидно, что, не отказавшись еще от идеи «образовательной детской книги» — «Повести о войне Троянской», Жуковский в предисловии к первому изданию «Одиссеи» этот замысел не обнародовал и говорил лишь об «очищенной Одиссее». «Отрывок письма», предпосланный этому изданию, не случайно обращен к С. С. Уварову. Бывший арзамасец, один из теоретиков русского гекзаметра в 1810-е гг., граф Уваров (1786—1855) в 1840-е гг. был высокопоставленным чиновником, министром просвещения, и от него во многом зависела цензурная судьба «Одиссеи». Жуковский, живя в это время постоянно за границей, обращается к нему за помощью не просто как к бывшему приятелю, знатоку античности, но и как к официальному лицу: «Что же касается до издания очищенного, то оно, имея целью *образование* юношества (которого поэтическая сторона не должна быть пренебрегаема), входит в область министра просвещения: желаю знать его мысли об этом предмете» (С. 7. Т. 6. С. 186). Предисловие в этом смысле приобретало и тактический характер — для лучшего прохождения перевода через цензуру, хотя опасения Жуковского вряд ли имели основания.

Идея «очищенной Одиссеи», свидетельствующая о «чрезмерной щепетильности»² Жуковского, не получила поддержки Уварова. В письме Жуковскому от 10 ноября

¹ Как уже было сказано выше, в архиве поэта обнаружено лишь 97 стихов «Повести о войне Троянской», которые и опубликованы нами. Вопрос об остальных 100 стихах остается открытым.

² См. примеч. к письму С. С. Уварову // СС I. Т. 4. С. 750.

1847 г. он писал: «что же касается до *очищенного* издания “Одиссеи”, то, по моему мнению, нет никакой нужды к оному приступать. Везде и всегда юношество читает Гомера в *полных* изданиях, и нигде не замечено, чтобы это чтение производило соблазн малейший»¹. Возможно, столь категоричное суждение министра просвещения об «Одиссее для юношества» послужило причиной отказа от уже начатой работы над прологом и «Повестью о войне Троянской».

Но предисловие к первому изданию «Одиссеи» должно было появиться и не только в тактических целях. Пожалуй, только выбор адресата «отрывка письма» мог служить этому, хотя Жуковский не называет его имени, тем самым обращая «вместо предисловия» ко всем читателям, да и сами идеи, а нередко и целые фрагменты текста вошли в письма, обращенные к друзьям поэта и стали своеобразными концептами его эстетической позиции. Для Жуковского с переводом «Одиссеи» было много связано. В определенной степени это был его эстетический манифест, вероисповедание и завещание новой русской культуре. Как справедливо замечает исследователь, опираясь на текст этого письма-предисловия, «Жуковский вполне адекватно дал нам то, что он мог и должен был дать — романтическое видение Гомера как простоты по ту сторону сложности, наивности по ту сторону осуществившей и исчерпавшей себя изощренности»².

§ 6. «Одиссея» В. А. Жуковского в русской критике 1840-х годов

Работа над переводом «Одиссеи» стала важным этапом в творческом сознании Жуковского. Свидетельство тому — многочисленные письма поэта, в которых он попытался осмыслить его место в современном литературном процессе, обосновать актуальность гомеровского эпоса и раскрыть свою переводческую стратегию. Жуковскому казалось, что его русские друзья, коллеги-поэты и критики обошли молчанием этот его труд и проигнорировали эстетические открытия автора перевода.

Но русская критика 1840-х годов, прежде всего ведущие журналы, не просто обратила свой взор на «Одиссею» Жуковского, но и выявила методологическое значение этого «подвига» русского поэта. Статьи об этом переводе в «Отечественных записках» и «Современнике», «Журнале Министерства народного просвещения», «Библиотеке для чтения» и «Москвитянине» свидетельствовали о злободневности его появления. Как справедливо заметил современный исследователь, «40-е годы — время создания русской “Одиссеи” и вместе с тем ожесточенных дискуссий о Гомере и эпосе вообще»³.

Полемика К. Аксакова и Белинского вокруг «Мертвых душ» Гоголя, разгоревшаяся в 1842 г., остро выявила потребность русской литературы в новых формах отражения действительности, в эпосе. То, что в центре их спора оказался «гомеровский вопрос», лишь подчеркивало его актуальность.

К. Аксаков, Белинский, Гоголь, каждый по-своему, исходя из своих принципов, размышляли о гомеровском эпосе и его трансформации в новое время. Смысл

¹ См. примеч. к письму С. С. Уварову // СС. Т. 4. С. 750.

² Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 140.

³ Езунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. С. 346.

этих размышлений и споров удачно выразил в одном из «Философических писем» П. Я. Чаадаев. «В настоящее время, — писал он, — вопрос о том влиянии, которое Гомер оказал на человеческий ум, не оставляет больше сомнений... Но чего, мне кажется, мы не знаем, это той общей связи, которая существует между Гомером и нашим временем, того, что до сих пор уцелело от него в мировом сознании»¹.

Общая тенденция русской литературы 1840-х гг. к освоению эпических форм повествования: повести, очерка, романа — определяла интерес писателей и критики к «первообразу» эпической поэзии — гомеровскому эпосу. Характер охвата материала, приемы его обобщения, соотношение материальной и духовной жизни, принципы повествования — все это вызывало определенную реакцию. В этом отношении заслуживают самого пристального внимания высказывания о Гомере и его поэзии молодых Герцена и Гончарова, Тургенева и Достоевского, Островского, вступавших именно в эти годы в большую литературу. Для всех них поэзия Гомера — источник истинной поэзии и образец эпоса. В одном из автобиографических своих произведений, в «Записках одного молодого человека», Герцен писал: «Человечество своим образом перечитывает целые тысячелетия Гомера, и это для него оселок, на котором оно пробует силу возраста»². Перечитывание в 1840-е гг. Гомера, в частности «Одиссеи» в переводе Жуковского, было своеобразным оселком, на котором русская литература пробовала свои силы и возможности в создании национальных форм эпоса. Споры вокруг «Одиссеи» Жуковского приобретали именно методологическое значение.

Показательно, что Гоголь остро почувствовал уже после завершения Жуковским первой части перевода (I—XII песни) необходимость его вхождения в русское художественное и общественное сознание. 4 июля 1846 г., отправляя П. А. Плетневу статью «Об Одиссее», он писал: «Покамест тебе маленькая просьба (...). В прошлом году я писал к Языкову о том, чем именно нужна и полезна в наше время “Одиссея” и что такое перевод Жуковского. Теперь я выправил это письмо и посылаю его для напечатания вначале в твоём журнале, а потом во всех тех журналах, которые больше расходятся в публике, в виде статьи, заимствованной из “Современника”, с оговоркой вроде следующей: “Зная, как всем в России любопытно узнать что-либо о важном труде Жуковского, выписываем письмо о ней г. Гоголя, помещенное в таком-то номере “Современника”. Нужно особенно, чтобы в провинциях всякое простое читающее сословие знало хоть что-нибудь об этом и ждало бы с повсеместным нетерпением. А потому сообщ. немедленно потом и в “Пчелу”, и в “Инвалид”, и в «О(течественные) З(аписки)», и даже в «Б(иблиотеку) для Ч(тения)», если примут» (Гоголь. XIII, 84—85). Плетнев опубликовал статью Гоголя в XLIII томе «Современника» (1846. № 7). В Москве через посредство Н. М. Языкова она еще появилась дважды: в «Московских ведомостях» (1846. № 89. 25 июля) и в «Москвитянине» (1846. № 7. Отд. V, с примечанием, о котором просил Гоголь).

Сразу же после выхода в свет перевода «Одиссеи» критика была единодушна в его оценке. Так, рецензент «Современника» писал: «“Одиссея” В. А. Жуковского, бесспорно, самое замечательное литературное явление 1849 года. Замечательна она как по своему поэтическому достоинству, так и потому, что подала повод мно-

¹ Цит. по кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 531—532.

² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 279.

жеству отзывов, заметок, статей»¹. Ему вторил критик «Отечественных записок». Он начинал почти теми же словами: «Первое место между изящными произведениями принадлежит, бесспорно, переводу “Одиссеи”, совершенному Жуковским»². И далее так развивал это заявление: «...он составляет важный факт как в истории отечественной литературы вообще, так, в частности, в истории нашего знакомства с классической поэзией и в литературной жизни Жуковского»³. Подробно о тех впечатлениях, какие перевод Жуковского «производит на нас при современном состоянии литературы», говорил и С. Шевырѣв, особенно подчеркивая, что «в наше время выступает на этот подвиг тот поэт, который один только у нас и мог совершить его»⁴.

Конечно, преувеличением прозвучали слова Гоголя о том, что «появление “Одиссеи” произведет эпоху» (Гоголь. VIII, 236), но и в этих словах была доля истины. Автор «Мертвых душ» в своей оценке перевода Жуковского как никто другой исходил из опыта создания национального эпоса. Для него «Одиссея» Гомера — своеобразная энциклопедия древнего мира, так как «захватывает (...) публичную и домашнюю жизнь, все поприще тогдашних людей» (Там же). В переводе Жуковского Гоголь увидел не только «воссоздание, восстановление, воскресенье Гомера» (VIII, 237), но и современное содержание. В статье «Об “Одиссее”, переводимой Жуковским» он писал: «...что легло в дух ее содержания и для чего написана сама “Одиссея”, то есть, что человеку везде, на всяком поприще, предстоит много бед, что нужно с ними бороться, — для того и жизнь дана человеку, — что ни в каком случае не следует унывать, как не унывал и Одиссей, который во всякую трудную и тяжелую минуту обращается к своему милому сердцу, не подозревая сам, что таковым внутренним обращением к самому себе он уже творил ту внутреннюю молитву Богу, которую в минуты бедствий совершает всякий человек, даже не имеющий никакого понятия о Боге» (VIII, 239). Эта оптимистическая, хотя и не лишенная религиозного пиетизма концепция «Одиссеи» Жуковского у Гоголя была тесно связана с нравственными поисками. Современный эпос для него определяется, прежде всего, гуманистическим содержанием.

В этом отношении гоголевские оценки поэзии Жуковского в названной статье, и в статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность», также входящей в «Выбранные места из переписки с друзьями», пронизаны мыслью о великом нравственном ее значении. Вслед за Белинским Гоголь раскрыл поэтическую самобытность и оригинальность Жуковского в его переводах. «Не знаешь, как назвать его, — переводчиком или оригинальным поэтом. (...) Каким образом сквозь личности всех поэтов пронеслась его собственная личность— это загадка, но она так и видится всем» (VIII, 377). Но в отличие от всех своих предшественников Гоголь сделал попытку рассмотреть эволюцию поэта, выявить направление его движения. «В последнее время в Жуковском стал замечаться перелом поэтического направления», — так Гоголь определяет тенденцию обращения Жуковского к эпосу, а в связи с переводом «Одиссеи» прямо заявляет, что «вся литературная жизнь Жуковского была как бы приготовлением к этому делу» (VIII, 237). Конкретизируя этот процесс,

¹ Современник. 1850. Т. 20. № 3—4. Отд. III. С. 1.

² Отечественные записки. 1849. Т. 68. № 1. Отд. V. С. 1.

³ Там же. С. 2.

⁴ Москвитянин. 1849. Кн. 1. № 1. Раздел IV. С. 44—45.

автор «Мертвых душ», несмотря на преувеличения, выявил этический пафос русской поэзии, закономерность ее опытов в области национального эпоса.

Русская журнальная критика 1840-х годов, оценивая перевод Жуковского, наметила различные подходы к его прочтению и интерпретации. Если Гоголь, Белинский, Шевырев, в определенной степени Сенковский, прежде всего, подчеркивали его общественное и эстетическое значение, то представители «научной критики», ученые-классики (П. А. Лавровский, И. И. Давыдов, Б. И. Ордынский, Г. С. Дестунис) выявляли соответствие текста перевода подлиннику, пытались осмыслить природу разночтений.

Профессор Московского университета, известный эстетик и философ И. И. Давыдов, редактируя статью студента Главного педагогического института П. А. Лавровского «Сравнение перевода “Одиссеи” Жуковского с подлинником на основании разбора 9-й рапсодии», подчеркивал его роль как «литературного произведения» отечественной словесности, которое «возвышая умственную деятельность общества, содействует его духовному развитию»¹. Вместе со своим учеником он высоко оценивает стратегию Жуковского-переводчика, противопоставляя ее «недостатку чистоты и правильности языка» в «Илиаде» Гнедича, хотя и критически отзывается о «введении своей личности в перевод произведения, по преимуществу объективного»².

Молодой профессор греческой словесности Казанского университета, переводчик «Илиады» Б. И. Ордынский (1823—1861) на страницах того же журнала более резко оценивает позицию Жуковского-переводчика, его субъективность: «у переводчика много лишнего, ослабляющего, подкрашивающего в высшей степени простые слова подлинника»³. Он упрекает Жуковского в незнании «гомерова языка и быта», критикуя подстрочник Грасгофа. Сами пожелания критика вряд ли были приемлемы для Жуковского. «Чтоб перевод “Илиады” и “Одиссеи” удовлетворял настоящим потребностям, должно перевести эти поэмы, если не народным языком, то по крайней мере таким языком, который был бы чужд всех чисто литературных слов и выражений»⁴. Показательно, что Ф. М. Достоевский в письме к брату от 27 августа 1849 г. из Петропавловской крепости, вероятно, следя за ходом полемики, констатировал: «Прочел я с величайшим удовольствием вторую статью разбора “Одиссеи”; но эта вторая статья далеко хуже первой, Давыдова. То была статья блистательная...»⁵

Как всегда парадоксален О. И. Сенковский. Признавая бесспорную уникальность самого факта обращения Жуковского к переводу Гомера в такую «неизящную» эпоху, провозглашая переводчика «поэтом, когда все перестали быть поэтами»: «Жуковский, *последний из поэтов*, берет за руку самого первого поэта, слепого певца и (...) торжественно зовет нас на пир прекрасного»⁶, он в то же время не принимает «германофильство» Жуковского. Критикуя «немецкую ученость» в лице К. Грасгофа, утверждая, что «Гомер был мужик, малороссийский гусяр и пел на

¹ Отечественные записки. 1849. Т. 63. Отд. V. С. 2.

² Там же.

³ Там же. 1849. Т. 65. Отд. V. С. 30.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 159.

⁶ Библиотека для чтения. 1849. Т. 93. № 183. Ч. 1. С. 2. Курсив автора. — А. Я.

толкучих рынках городов Ионии»¹, Сенковский предлагает русифицированную версию «Одиссеи». Уже первые стихи этого перевода:

Про мужа порасскажи мне, муза, преувертливого, который очень много
Скитался, после того как Трои святой городишко разрушил...» —

напоминают поэтику «склонения на наши нравы» и эстетику простонародности. Мифологические антропонимы редактор «Библиотеки для чтения» рекомендует переводить на русский манер (вместо Зевса — Живбог, вместо Афины-Паллады — Синьдева, вместо Посидона — Текучист и т. д.). Столь же он изобретателен в трактовке образа нимфы Калипсо, которую характеризует как «покрывалиха, ложная скромница, женщина, закутывающая лицо свое в покрывало перед народом, и невоздержанная в страстях своих, готовая на все крайности, за глазами, при удобном случае, в стороне»². Фантазия барона Брамбеуса безгранична, но к прочтению перевода Жуковского его изыскания имеют самое косвенное отношение.

Наиболее основательно и талантливо интерпретировал «Одиссею» Жуковского профессор греческой словесности Санкт-Петербургского университета Г. С. Дестунис (1818—1895) на страницах «Журнала Министерства народного просвещения». Выявляя отступления русского поэта от оригинала, критик, прежде всего, подчеркивает главное: «Сила и игра страстей, полнота характеров, быстрота и краткость описаний, долгота и обилие рассказов, плавность и звучность стиха, дружба, в которой живет он [Жуковский. — А. Я.] с периодом, согласие стиха и периода Русского со стихом и периодом Греческим, сколько дозволяют Русский язык и избранный переводчиком размер: всё это перешло в Русский перевод. (...) Чувства переданы большею частию так верно, что там даже, где микроскоп Филологии не откроет в переводе Жуковского всех соответствующих слов, — тон чувства передан. (...) Верность этим общечеловеческим, глубоко-поэтическим началам Одиссеи именно и господствует в новом переводе»³. Жуковский обратил внимание именно на эту статью. В письме к П. А. Плетневу от 2 (14) июня 1850 г. он, в частности, замечает: «Я прочитал недавно в журнале Министерства Просвещения дельную статью о моей “Одиссее” (это в январском № 1849 г.). Она подписана Г. С. Я бы желал знать, кто этот Г. С. Написано со знанием дела, с достоинством, с чувством поэтическим» (Переписка. Т. 3. С. 668—669).

Уже современная критика, занимавшаяся сравнением перевода «Одиссеи» Жуковского с подлинником, была единодушна в признании его субъективности. «... Словом, — констатировал критик “Отечественных записок”, — В. А. Жуковский переводчик субъективный: переводя, он не отрывается от своей личности... — и от настоящего перевода “Одиссеи” нужно было ожидать, даже не читая его, что это будет скорее “Одиссея” Жуковского, чем — Гомерова “Одиссея”, переведенная Жуковским»⁴. Субъективность перевода тесно связывалась с романтической природой творчества поэта.

¹ Там же. С. 16.

² Там же. С. 20.

³ Журнал Министерства народного просвещения. 1850. Ч. 67. Отд. II. С. 62, 85, 64. Статья подписана криптонимом: Г. С.

⁴ Отечественные записки. 1849. Т. 65. № 8. Отд. V. С. 21.

Даже самые требовательные критики, выступавшие за объективность перевода гомеровских поэм, не могли не признать эстетическое обаяние перевода Жуковского. «Неужели филология и антикварство заглушит в критиках эстетическое чувство!..» — восклицал по поводу перевода Жуковского один из ревнителей точности и объективности в переводе Гомера. И добавлял: «Перевод Жуковского назначен не для тех, кто изучает древность, а для тех, кто хочет послушать Гомера на родном языке»¹. Позднее гомероведы, называя перевод Жуковского «вольным и украшенным»², говоря о том, что в нем поэт «заменял античный тон текста тонами собственной романтической палитры»³, вынуждены были констатировать: «десятки точнейших учений переводов, конечно, не дали бы того, что дал один этот перевод»⁴.

Споры о переводе «Одиссеи» не были столь бурными, как балладные баталии 1810—1820-х гг.: авторитет Жуковского как поэта был непоколебим. Но и эта полемика затрагивала важные вопросы современного литературного развития, в частности проблему национальных форм эпоса. Не касаясь всех частных этой дискуссии, ставящей целый ряд вполне конкретных вопросов гомероведения, заметим, что поиски Жуковского в области эпической поэзии не прошли бесследно для Гоголя, да и для всей русской литературы. Герцен, Тургенев, Некрасов, Островский, Достоевский, Толстой, начинавшие свой творческий путь в эпоху споров вокруг «Мертвых душ» и перевода «Одиссеи», вокруг проблем национального эпоса, каждый по-своему отзывались на эти споры в своем последующем творчестве. В этом смысле перевод Жуковского можно по праву назвать «русской Одиссеей». Гоголь преувеличивал влияние этого перевода на современное общество и его нравственное развитие, но он безусловно был прав, говоря о воздействии его на современную литературу.

А. Янушкевич (§ 1, 2, 5, 6), § 4 (совместно с В. Киселевым),

Н. Никонова (§ 3)

¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1850. Ч. 67. Кн. 8. Отд. II. С. 71.

² Егупов А. Н. Указ соч. С. 373.

³ Толстой И. Одиссея в переводе Жуковского // Гомер. Одиссея. М.; Л., 1935. С. 41.

⁴ Там же. С. 44.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Поправки В. А. Жуковского к «Одиссее для юношества»

Вот что было мною сказано в другом месте: «Я бы желал сделать два издания разом “Одиссеи” — одно для *всех* читателей, *полное*, другое для *юношества* с *выпусками* (весьма немногими) тех мест, которые не должны быть доступны юному возрасту. По моему мнению, нет книги, которая была бы столь прилична первому, свежему периоду жизни, как “Одиссея”, возбуждающая все способности души прелестью разнообразною; надобно только дать в руки молодежи не одну сухую выписку в прозе из Гомеровою поэмы, а самого живого рассказчика Гомера, который в одну раму заключил всю древнюю Грецию с чудесными ее преданиями, с ее первобытными нравами. Язык перевода моего, кажется мне, столь прост, что русская “Одиссея” может быть доступна всем возрастам и дана, если сделаны будут некоторые выпуски, без опасения всякому юноше, начинающему читать *про себя*. К этой очищенной, но не искаженной “Одиссее” можно бы в виде пролога присоединить рассказ в прозе о временах первобытных и баснословных Греции и особенно, с большею подробностью, о падении Трои; можно бы даже с прозою мешать и стихи, то есть переводить стихами лучшие места из трагиков, “Илиады”, “Энеиды” и прочее; таким образом в одном тесном объеме могли бы соединены быть и вся баснословная история древней Греции и самые душистые цветы ее поэзии; таким образом и “Одиссея” могла бы сделаться самою привлекательною и в то же время самою образовательною детскою книгою»¹.

Эта мысль отчасти здесь исполнена: к переводу «Одиссеи» прилагаются *поправки*, которые показали нам необходимыми для того, чтобы познакомить молодых читателей обоих полов с простодушным рассказчиком Гомером, не повредив чистоте их свежих идей и чувств теми вольными выражениями и картинками, которые весьма изредка встречаются у греческого поэта. Здесь означено, к какой песни и к каким стихам принадлежит каждая поправка: стоит только вырезать поправленные стихи и заклеить ими те, которые следует уничтожить в тексте. Иногда число поправленных стихов менее, нежели число тех, которые должны быть заменены ими: в таком случае *последние* заменяются точками. Для облегчения этой операции везде означено чертами то, что должно быть вырезано из прибавления и потом наклеено на соответственные места в тексте»².

¹ Из письма к С. С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 г. // СС I. Т. 4. С. 661. — *Ред.*

² Приводятся по изданию: Новые стихотворения В. Жуковского. Том второй. Одиссея. I—XII песни. СПб., 1849. Прибавление. Без нумерации страниц; после с. 453. В позднейших изданиях отсутствуют. См. о замысле «Одиссеи для юношества» выше (§ 4, 5).

Письмъ I, стр. 7, стихъ 69:

Сынъ его, былъ ослепленъ имъ. Хотя Посидонъ
Одиссея

Письмъ I, стр. 8, стихи 70—73:

70

Смерти предать и не властенъ, но, по морю всюду
гоняя,

Письмъ I, стр. 27, стихъ 362:

Споря о томъ, кто изъ ихъ предпочтенъ Пене-
лопою будетъ.

Письмъ I, стр. 31, стихи 426—429:

Вѣрная ключница, чтимая всѣми въ обители
царской.

Пѣсь III, стр. 85, стихи 265—274:

.....	265
.....	
.....	
.....	
.....	
.....	
.....	270
.....	
.....	
.....	
Хитрая лесть удалася ему. И немало богатыхъ	
Жертвъ онъ принесъ; и немало онъ храмовъ да-	
рами украсилъ,	

Пѣсь V, стр. 178, стихи 225—227:

225	
Дію. Онъ кончилъ. Тѣмъ временемъ темная ночь	
наступила,	
Въ сонъ Одиссей погрузился; богиня Калипсо	
заснула.	

Письм IV, стр. 104, стихи 11—14:

Крѣпкаго силой, плѣнявшаго юной красой, Ме-
гапенда.

.....

.....

.....

Письм IV, стр. 125, стихъ 333:

О безразсудные! мужа могучаго домъ много-
славный,

Письм V, стр. 163, стихи 1 и 2:

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпур-
ными Эось.

.....

Письм V, стр. 173, стихи 153—156:

Жизнь для него въ непрестанной тоскѣ по дале-
кой отчизнѣ.

.....

.....

155

Мрачный, весь дни проводилъ онъ, сидя на при-
брежномъ утесѣ,

Письмѣ V, стр. 171, стихи 119—129:

.....
..... 120
.....
.....
.....
.....
.....
..... 125
.....
.....
.....
.....
Васъ раздражила я, давъ злополучному, смерт-
ному мужу

Письмѣ X, стр. 367, стихи 480—482:

Я же, пришедши къ богинѣ, ей бросилъ крыла- 480
тое слово:
.....
.....

Письм VII, стр. 229, стихи 55—63:

.....	55
.....	
.....	
.....	
.....	
.....	
.....	60
.....	
.....	
.....	

Предковъ съ супругомъ. Ихъ дѣдомъ былъ сынъ
Посидоновъ, великій
Царь Навзитой; отъ него родились Рексеноръ
съ Алкиноемъ.

Письм X, стр. 358, стихи 340—342.

340 Какъ же могу, о Цирцея, на дружбу твою по- ложиться, Если въ свиной обратила моихъ ты спутниковъ вѣрныхъ! Нѣтъ, не надѣйся, чтобъ я твоему обѣщанью повѣрилъ

Письм X, стр. 358, стихъ 347.

Мечъ свой я вдвинулъ въ ножны и доверчиво руку ей подаль.
--

Письмѣ X, стр. 355, стихи 296—301:

Быстро, какъ будто ее умертвить вознамѣрясь; 295

въ испугъ

Стапегъ, упавъ на колѣна, пощады просить чаро-

дѣйка —

.....

.....

Строго потребуй тогда, чтобъ она поклялася ве-
ликой

Клятвой, что вреднаго замысла противъ тебя не 300

имѣеть :

Иначе ты не избѣгнешь могущества гибельной

чары.

Письмѣ X, стр. 357, стихи 333—339.

Вдвинь же въ ножны мѣдноострый свой мечъ, и

безъ страха

Ввѣрь мнѣ себя: ты отнынѣ мнѣ будешь возлю-

бленнымъ другомъ.

Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказалъ я: 335

.....

.....

.....

.....

Пѣснь X, стр. 335, стихи 7 и 8 :

Всѣ ежедневно они собираются въ царскомъ
жилицѣ;
Тамъ съ благороднымъ отцемъ и съ заботливой
матерью вмѣстѣ

Пѣснь X, стр. 336, стихи 11—13 :

Флейтъ оглашаемой. Въ домъ ихъ богатый вошли
мы; и цѣлый

.....
.....

Пѣснь X, стр. 371, стихи 542—546 :

.....
.....
.....
..... 545

Встала. Съ богиней поспѣшно вростаясь, я това-
рищей вѣрныхъ

Пѣснь XI, стр. 416, стихи 581 :

Шедшую къ Пивею, онъ оскорбилъ на лугу Па-
нопейскомъ.

Пѣснь XI, стр. 395, стихи 267 и 268:

Сыномъ ея былъ Праклъ, одаренный могуще-
ствомъ львинымъ.

.....

Пѣснь XI, стр. 397, стихи 305 и 306:

Ифимедію, жену Алоэя, потомъ я увидѣлъ; 305

.....

Пѣснь XI, стр. 398, стихи 322—324:

Дочь козкодя Миноса: ее убѣжать съ нимъ въ
Ленны
Бодрый Тезей убѣдилъ; по убилъ его Артемида

.....

Пѣснь XII, стр. 425, стихи 34:

Съль отъ другихъ въ отдаленіи, съла со мной и
вопросы

Пѣснь XII, стр. 432, стихи 133 и 134:

Геліосъ былъ ихъ родителемъ; свѣтлая мать
ихъ Неера,
Милыхъ своихъ дочерей воспитавши, въ Трина-
кринъ знойной

Страницы 269—274 уничтожить; а этот листок приклеить на 275 страницу текста.

Легкость сверкающих ногъ замѣчалъ Одиссей 265 и дивился.	
.	
.	
.	
.	
.	300
.	
.	
.	
.	
.	365
.	
.	
.	
.	

Этотъ листокъ наклеить на 393 страницу текста.

Прежде другихъ подошла благороднорожденная 235
Тиро,
Дочь Салмопеева, славная въ мѣрь супруга Кре-
фея,
Сына Эолова; все о себѣ мнѣ она рассказала.

.

.

. 240

.

.

.

.

. 245

.

.

.

.

Этотъ листокъ наклеить на 394 страницу текста.

250

.

.

.

.

255

.

Двухъ сыновей возрастила она : Пеліаса съ Нелеемъ ;

Слуги могучіе Зевса эгидоносителя были

Оба они ; обладая стадами барановъ , въ Іолхосъ

260 Тучнополяннстомъ жилъ Пеліасъ ; а Нелей жилъ
въ несчаномъ

Илиосъ . Послеъ предстала Азопова дочь Аптіона ;

Были ея сыновья Амфіонъ и Цетосъ ; положили

Первое Ѡивъ седьмивратныхъ они основапье и
много

Башеньъ воздвигли кругомъ , поелику въ широко-
равнинныхъ

В. А. ЖУКОВСКИЙ — ПЕРЕВОДЧИК «ОДИССЕИ»

Оценка принципов поэтического перевода, примененных Жуковским при работе над «Одиссеей», — задача отнюдь не новая. Первые отклики на этот перевод появились сразу же после его выхода в свет в России в 1849 г.¹ Затем уже в нашем веке к этому вопросу в разное время и в различных по назначению работах обращались филологи, достаточно убедительно выявившие и достижения Жуковского, и те качества русской «Одиссеи», которые отличают ее от оригинала². Естественно, что наиболее примечательные высказывания самого Жуковского и его критиков, наиболее яркие примеры, иллюстрирующие плюсы и минусы его перевода, давно известны, и настоящая статья не претендует на какие-либо открытия в этой области. Может быть, нам только удастся более подробно развить однажды высказанные мысли или пополнить уже сделанные наблюдения. Сначала, однако, надо посмотреть, в какой форме русский читатель успел познакомиться с «Одиссеей» к середине прошлого века.

1³

Длительные историко-культурные связи с Византией способствовали тому, что имя Гомера (в византийском произношении — Омира) было издавна знакомо на Руси, и в конце 16 в. его самого изображали в росписи кремлевских соборов в Москве, а в некоторых новгородских

¹ См.: *Ордынский Б. И.* — в «Отечественных записках» (1849. Ч. 45. Отд. V. С. 1—36) и в «Современнике» (1850. Т. 20. № 3, 4. С. 1—16, 27—44); *Дестунис Г.* — в Журнале Министерства народного просвещения (1850. Ч. 57. Отд. II. С. 59—99).

² См.: *Шестаков С. П.* В. А. Жуковский как переводчик Гомера (Чтения в Общ-ве любителей русской словесности при Казанском университете). Казань, 1902; *Толстой И. И.* «Одиссея» в переводе Жуковского // *Гомер. Одиссея.* М.; Л., 1935. С. XXXIII—XXXIX; *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв. М.; Л., 1964; *Савельева О. М.* Из античной поэзии // *Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского.* М., 1985. Т. 1. С. 523—531.

³ В этом параграфе широко использован материал первых глав упомянутой выше книги А. Н. Егунова.

монастырях помещали даже в нижнем ряду иконостаса. В Гомере видели «еллинского мудреца» и знали из него — главным образом по византийским хроникам и их переделкам — содержание «Илиады».

С «Одиссеей» в России раньше всего познакомились, очевидно, по роману Фенелона «Приключения Телемака», широко распространенному в кругу дворянства (Стародум в «Недоросле» хвалил Софью за то, что она читает «Фенелона, автора Телемака», ибо «кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет»). Перевод романа Фенелона, выполненный А. Ф. Хрущевым в 1734 г., вышел в свет в Санкт-Петербурге в 1747 г. (Похождение Телемаково, сына Улиссова. Ч. I—II); за ним последовало переложение в дактило-хореических гексаметрах В. К. Тредиаковского: «Тилемахида, или Странствия Тилемаха сына Одиссея» (СПб., 1766). Хотя назидательный роман Фенелона, полный реминисценций из Ветхого и Нового завета, Гомера, Геродота и особенно Вергилия, несмотря на его заглавие в 1-м издании (1699 г.)¹, имел отдаленное отношение к содержанию «Одиссеи», все же наблюдательный читатель мог узнать из очень кратких упоминаний об испытаниях, выпавших на долю ее главного героя у Полифема и лестригонов, между Скиллой и Харибдой, о пребывании у Цирцеи и в плену у нимфы Калипсо, о его свидании у входа в подземное царство с тенями умерших, о путешествии самого Телемаха в Пилос и Спарту.

Что касается собственно гомеровских поэм, то первый их перевод на русский язык был сделан прозой с латинского языка в конце 50-х — начале 60-х годов 18 в. неким Кириаком Кондратовичем, сыном солдата, павшего под Полтавой. Перевод остался в рукописи, и неизвестно, оказал ли он какое-нибудь влияние на последующих переводчиков.

В 1779 г. князю Потемкину был преподнесен перевод «Одиссеи», выполненный хоть и по-прежнему прозой, но непосредственно с древнегреческого Петром Екимовым, который до этого снискал себе известность как переводчик «Илиады» (1776—1778). Первое печатное издание прозаического перевода «Одиссеи» вышло в 1788 г. без имени переводчика, которым обычно считают будущего члена Российской академии Петра Соколова (1766—1835). Однако исследовавший этот вопрос А. Н. Егунов обратил внимание на то, что в 1788 г. Соколову было всего 22 года, а в экзаменационной ведомости академической гимназии за 1785 г. отмечено, что он «по-гречески читает и несколько слов знает». Едва ли этого было достаточно, чтобы за три года овладеть греческим в такой степени, которая позволила бы взяться за перевод «Одиссеи».

¹ «Продолжение четвертой книги Одиссеи Гомера, или Приключения Телемака, сына Улисса».

Поэтому Егунов предположил, что опубликованный в 1788 г. перевод, близкий по стилю к уже упомянутому переводу «Илиады» Екимова, и есть тот самый, который он преподнес «светлейшему». Оба перевода полны славянизмов, и Гнедич, вероятно, испытал их влияние, обратившись к «Илиаде». Эта поэма и до него привлекала внимание: несомненный интерес для истории русского переводческого искусства представляет перевод «Илиады», выполненный Ермилом Костровым александрийским стихом с парной рифмой (1787).

Из «Одиссеи» с конца 18 в. до 1815 г. появились в переводах только отрывки: «Улисс у Алкиноя» (8. 499—586) — А. Ф. Мерзлякова и вся кн. 6 — Н. Кошанского. Первый пользовался 5- и 6-стопным амфибрахией, напоминающим по своему звучанию гексаметр со слабым начальным слогом, и труд его скорее может быть назван вольным подражанием, чем переводом. Второй вернулся к александрийскому стиху, но не слишком стеснял себя ни точностью, ни объемом: из 331 стиха оригинала у него получилось 394, что вполне понятно, поскольку александрийский стих на 5 слогов короче гексаметра.

В 1815 г. вышло 2-е издание прозаического перевода «Одиссеи», снова анонимное, но на этот раз, по всей видимости, подготовленное П. Соколовым. Он постарался освободить его от множества славянизмов, которыми увлекался Екимов, придал именам собственным форму, соответствующую оригиналу (в частности, вместо латинизированного Улисса появился Одиссей), но греческого Соколов по-прежнему не знал и сверял перевод то ли с латинским, то ли с французским текстом «Одиссеи», не пытаясь устранить пропуски и небрежности 1-го издания.

Новый прозаический перевод (с параллельным греческим текстом) обеих поэм Гомера предложил в 20-х годах 19 в. И. И. Мартынов («Илиада» — 1823—1825, «Одиссея» — 1826—1828) в его известной серии «Греческие классики». Ч. XI—XII. Мартынов имел отдаленное представление об эпическом стиле и, в частности, исключал из текста определения, «без коих в переводе можно, а часто и должно обойтись», и не придерживался никакой системы в передаче постоянных эпитетов, хотя иногда находил удачные новообразования («златоуздые кони», «медноланистый шлем») и снабдил перевод примечаниями по части стиля и употребления сложных слов. Перевод Мартынова, сделанный под сильным влиянием очень популярного на рубеже 18—19 вв. прозаического французского перевода Битобе (1785), получил у современников отрицательную оценку, которая удерживалась за ним на протяжении нескольких десятилетий.

Переводы отдельных частей из «Одиссеи», опубликованные после Мартынова (1831 — Масальского из кн. 2. 155—255; 1840 — Джунков-

ского, кн. 1 целиком), заслуживают упоминания только потому, что в них был использован — на пути, проложенном Гнедичем, — гексаметр, употребление которого вызвало, впрочем, решительное сопротивление у литераторов, требовавших передачи простонародности и даже «вульгарности» языка Гомера. (Заметим, что предпринятые тогда же и чуть позже попытки «воссоздать» «Илиаду» языком и стилем русских былин с заменой Атрида на Атреевича воспринимаются сейчас, как кошмарный сон.)

Таков был фон, на котором Жуковский принялся в начале 40-х годов за «Одиссею». Правда, перед ним была уже совершенно законченная «Илиада» в переводе Гнедича, у которого можно было бы многому поучиться, был немецкий перевод Фосса, но Жуковский не ставил себе целью вступать с ними в соревнование и в своей «Одиссее» пошел совсем иным путем.

2

Интерес к античности, характерный для всех русских поэтов по меньшей мере с середины 18 в., пробудился в Жуковском достаточно рано и нашел отражение как в его собственном творчестве, так и — главным образом — в его переводах.

Первым произведением в этом ряду надо, по-видимому, считать переложение рифмованными ямбическими четверостишиями знаменитого отрывка из Сапфо, до сих пор не получившего однозначного толкования («Тот мне кажется равным богу...», фр. 31), — «Сафина ода» (1806). В том же году последовал перевод басни Лафонтена «Сокол и Филомела», который представляет собой несколько причудливый гибрид басни Гесиода о соколе и ястребе (Тид, 202—212) с известным мифом о превращении в соловья афинянки Прокны (см. примеч. к 19. 518). Затем, в 1809 г. по мотивам Горация (Оды. II. 3) было написано стихотворение «К Делию» и тогда же переведена баллада «Кассандра» Шиллера, использовавшего эллинистический миф об убийстве Ахилла, завлеченного троянцами под предлогом его бракосочетания с Поликсеной, дочерью царя Приама (см. вступительную заметку к СМС). Из менее известного немецкого поэта Маттиссона (1761—1831) Жуковский в 1812 г. перевел стихотворение «Элизиум», в основу которого положен рассказ о пребывании души в царстве мертвых, и героиней его является, соответственно, Психея (Душа). Затем Жуковский возвратился к Шиллеру, переведя одну из самых известных его баллад «Ивиковы журавли» (1813) и стихотворение «Явление богов» (1815), в котором действуют Зевс, Аполлон, Бахус, Эрот и Стикс. В промежутке

между этими переводами появилась собственная баллада Жуковского «Ахилл» (1814), написанная 4-стопным хореем по мотивам кн. XXIV «Илиады» (Приам у Ахилла), но с прибавлением обширных рассуждений Ахилла об ожидающей его скорой смерти, о гибели Патрокла и посмертной славе, — все это излагалось с сугубо меланхолическим настроением¹.

Завершает античную тему в первые два десятилетия творчества Жуковского обращение к римским авторам — Овидию (перевод одного эпизода из «Метаморфоз» — кн. XI. 410—748 — под названием «Цейкс и Гальциона», 1819) и Вергилию («Разрушение Трои» — кн. II «Энеиды», 1822). Переводы эти показательны в том отношении, что выполнены гексаметром, т. е. размером подлинника, что, как мы видели, в те времена было вовсе не обязательным правилом.

После семилетнего перерыва Жуковский опубликовал в журнале «Северные цветы» за 1829 г. в переводе с немецкого примерно 600 стихов из «Илиады», объединив отрывки из кн. VI и XVII—XX (от гибели Патрокла до выхода в бой Ахилла) с собственными стихами. Получилась небольшая поэма с Ахиллом в качестве главного героя, но открывающаяся прощанием Гектора — его будущей жертвы — с Андромахой. К этому же году относится переведенное из Гердера четверостишие «Гомер» («Вечен Гомеров венец»). Годом раньше вышло в свет «Торжество победителей» (1828), где присутствуют все главные герои, уцелевшие к концу Троянской войны и размышляющие о бренности земного. Затем последовали еще три перевода из Шиллера: «Жалоба Цереры» (она уже знает, что ее дочь похищена Аидом), знаменитый «Поликратов перстень» (оба в 1831 г.) и «Элевзинский праздник» (1833) с участием Аполлона, Афины, Посидона и все той же Цереры, открывающей людям секрет земледелия².

Третье, и самое результативное обращение Жуковского к античным авторам охватывает последнее десятилетие его жизни. В 1841 г. он уволился от государственной службы и поселился в Германии, где

¹ Заметим в порядке контраста, что в том же году Жуковский написал «Плач о Пиндаре», представлявший сатиру на кн. Д. И. Хвостова (1757—1835). Здесь он не без основания заметил о Пиндаре, «что одами его пленялся, // Не понимая их, весь свет...».

² Интересный анализ переводческих принципов Жуковского, ярко проявившихся в его «Торжестве победителей» и «Элевзинском празднике» и впоследствии нашедших отражение также в «Одиссее», см. в кн.: *Эткинд Е.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. С. 92—98. Для полноты же сведений об интересе Жуковского к античным мотивам упомянем отрывок «Война мышей и лягушек» (1831), написанный, может быть, по совету Пушкина, чтобы отразить литературные распри того времени, и перевод двустипхия, посвященного Фидию, из Палатинской антологии, XVI. 81 (1836, «Ты не всходил на Олимп, Зевс ли явился тебе?»).

в два приема (с января 1842 до конца 1844 и с октября 1848 по апрель 1849 г.) перевел «Одиссею», которой был очень увлечен, и чем дальше, тем больше: над первой половиной поэмы он работал почти три года, вторая заняла у него всего лишь 8 месяцев. По его собственному признанию, в последние месяцы он иногда переводил по 50, 60, 100 стихов в день. Может быть, под конец работа пошла быстрее и потому, что вторую половину поэмы с ее картинами домашнего быта Жуковский считал более привлекательной? В том же 1849 г. перевод вышел из печати в Германии и России¹.

Из этой короткой справки читатель легко может сделать вывод, что источником вдохновения в отношении античных мотивов служили для Жуковского обычно чужие произведения. Однако заключение это нуждается в существенной поправке, ибо каждое переводимое им стихотворение по справедливости становилось его собственным. Как верно писал один из современников Жуковского вскоре после его смерти, «образы, ему не принадлежащие, делались его образами не только потому, что он их себе усваивал, а и потому, что в его творческом даровании они получали новую способность жить и действовать в мире, **для которого они предназначались**, и потому что ни одною своею чертою они не отличали своего *нездешнего* происхождения»². Слова эти, сказанные около полутора столетий назад, вполне применимы и к «Одиссее» в переводе Жуковского, объясняя как его достижения, так и слабые стороны.

3

В наше время считается аксиомой, что, приступая к переводу иноязычного автора, переводчик должен одинаково хорошо знать два языка: тот, с которого он переводит, и свой родной. Наряду с этим он обязан проникнуть в историко-культурную обстановку того времени, когда появилось переводимое произведение, и чем больше оно удалено от нас, тем более необходимой становится эта работа. Принимаясь же за античного автора, переводчику приходится делать множество справок филологического и исторического характера, изучать бытовые реалии и семейные отношения, типы вооружения воинов и обычаи мореходов, какие были приняты за две-три тысячи лет до наших дней. Нет необходимости добавлять, что качество перевода будет зависеть от уровня художественного дарования переводчика.

¹ Стихотворения В. А. Жуковского. Издание 5-е. Том восьмой. Одиссея. I—XII песни. СПб., 1849.

² *Никитенко А. В.* Василий Андреевич Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности. СПб., 1853. С. 9 (курсив автора, подчеркнуто мною. — *В. Я.*).

Из всех этих неперенных предпосылок для удачного перевода Жуковский обладал только одной, хотя и самой важной: он был прекрасным русским поэтом и виртуозно владел стихотворной техникой. В остальном он значительно уступал тому же Гнедичу, проделавшему для своей «Илиады» огромную предварительную работу, которую вполне можно назвать историко-археологической. С Жуковским дело обстояло иначе. Древнегреческого языка он не знал, и в попытке овладеть им на старости лет не пошел дальше первого урока. Никаких исторических или философских изысканий он не производил, а делал перевод с немецкого подстрочника, изготовленного для него Карлом Грасгофом (1799—1874), профессором древнегреческого языка в Дюссельдорфе. Жуковский считал его «великим эллинистом», хотя в немецком словаре специалистов по классической филологии указаны всего 4 его небольшие работы, относившиеся к типу так называемых *Gymnasialprogrammen* — гимназических пособий по какой-нибудь частной теме. Грасгоф предпочитал гомеровские реалии («Корабль у Гомера», «Домашняя утварь у Гомера и Гесиода»), причем из перевода Жуковского не видно, чтобы он уделил особое внимание первой из них, а вторая вышла вовсе после его смерти. Университета в Дюссельдорфе не было, так что едва ли Грасгоф принимал какое-нибудь участие и в разгоревшихся в те времена спорах по «гомеровскому вопросу». Скорее всего, он был преподавателем классической гимназии, хорошо знавшим греческий язык, и к тому же невероятно трудолюбивым и добросовестным. Выполненный им по заказу Жуковского подстрочник, хранящийся в Санкт-петербургской Публичной библиотеке, является в своем роде уникальным.

В отличие от обычных подстрочников, цель которых — передать содержание оригинала, Грасгоф дал, в сущности, смысловое и грамматическое описание каждой его фразы. Первый ряд в строке занимает у него гомеровский стих, ниже подписан перевод каждого слова на немецкий язык и указано его грамматическое значение в греческом тексте. В каждом стихе отмечены также слоги, на которые в оригинале падает метрическое ударение. Получив в свои руки наряду с переводом Фосса такое подробное пособие, Жуковский, по его словам, «угадывал истинный смысл греческого оригинала» и, надо признать, во многом его угадал, хотя, возможно, и не всегда отдавал себе в этом отчет.

В своем отношении к «Одиссее» Жуковский исходил из того восприятия Гомера, которое было характерно для сентиментально-романтического направления в литературе последней четверти 18 в. «В Гомере, — писал он, — нет работы искусства: он младенец, видевший во сне все, что есть чудного на земле и в небесах, и лепечущий об этом

звонким, ребяческим голосом на груди у своей кормилицы природы»¹. Читатель, ознакомившийся с предыдущей статьей, едва ли согласится с такой оценкой, да и сам Жуковский на практике чаще ее опровергал, чем подкреплял.

Начнем с главного материала гомеровского эпоса — его искусственного, выработавшегося в процессе многовекового развития языка, который представляет собой истинную амальгаму одновременных фонетических и морфологических явлений из различных диалектов («ахейского», эолийского, ионийского), при том что архаизмы соседствуют со словами обычной и даже обиходной речи, свободно используются грамматические дублеты (типа русских «с тобой» и «с тобою») и применяется целый ряд других приемов. (О таком средстве эпической техники, как сложные определения и постоянные эпитеты, читатель уже знает из предыдущей статьи, § 5²). Необыкновенной изощренностью отличается ритмический строй обеих поэм. Принятый в них послушный воле автора дактилический гексаметр позволяет ему передавать самые тонкие смысловые нюансы. Чтобы изобразить в рассказе замедленность действия, в любой стопе, кроме пятой, два кратких слога могут заменяться одним долгим (получается так называемый спондей, который в русском стихосложении передается хореем); допускаются удлинение или сокращение гласных. Поскольку все эти приемы трудно оценить без привлечения языка оригинала, попробуем объяснить некоторые из них на примерах из русской поэзии.

Когда во вступлении к «Медному всаднику» Пушкин сначала пишет: «Здесь будет **город** заложен», а через каких-нибудь 7 стихов: «Прошло сто лет, и юный **град**...», то различие между разговорной интонацией, в которую облечено размышление Петра, и авторским отношением к красоте выросшего Петербурга ощущается читателем как употребление стилистических красок единого поэтического языка и не вызывает у него никакого сопротивления. Затем, в русском языке существует известная разница между формой «воскресение» как возврат к жизни и «воскресенье» как день недели, но это сравнительно редкий случай стилистической дифференциации грамматических форм, которую никоим образом нельзя установить, например, в «Домике в Коломне», где в строфе I употребляется выражение «...с тройным созвучием», а в строфе III рифмуются «увечья», «наречья» и «готов сберечь я». Ясно, что в последнем случае выбор формы слова диктуется соображениями метра,

¹ Жуковский В. А. Сочинения. 7-е изд. СПб., 1878. Т. VI. С. 369.

² Здесь и далее В. Н. Ярхо ссылается на свою статью «“Одиссея” — фольклорное наследие и творческая индивидуальность» (*Гомер. Одиссея*. Перевод В. А. Жуковского. М.: Наука, 2000.) — *Ред.*

как это было с грамматическими дублетами и у Гомера¹. Наконец, в гексаметре у русских поэтов встречается замена дактиля хореем, чаще всего — в переводах или подражаниях древним (опять же у Пушкина: «Чистый лбснится пол...»).

Возвращаясь после этого небольшого отступления к «Одиссее» Жуковского, спросим себя, в какой мере можно соотнести его переводческие принципы с особенностями языка Гомера. Начнем с его самого крупного достижения — необыкновенно легкого и гибкого гексаметра, с очень скудным употреблением замедляющих течение стиха хореев, и то лишь в начальной стопе (на все 12 с небольшим тысяч строк приходится немногим более сотни таких стихов). Гексаметром Жуковский пользовался и раньше — в частности, в уже упомянутых переводах из Овидия и Вергилия, но никогда этот размер не звучал у него так свободно, как в «Одиссее». Вот немного статистики. В первом 21 стихе эпизода из Овидия — 7 хореев, во всей кн. I «Одиссеи» — 3. Вместе с тем, в переведенной примерно за 20 лет до того кн. II из «Энеиды» Жуковский уже использовал накопление хореев в том же стихе, где в оригинале — 3 спондея: «Как погйбла Троя, как Приамово царство // Греки низринули...» (ст. 4). В «Одиссее» наиболее замечательный пример в этом отношении — пять стихов из кн. II. 594—598, независимо от того, признаем ли мы их творчеством автора «Одиссеи» или позднейшей вставкой (см. в Примечаниях вступительную заметку к кн. II). Здесь в оригинале на 4 первых гексаметра приходится 6 спондеев, изображающих, с каким усилием катит Сизиф в гору камень; заключает описание пятая, сплошь дактилическая стопа: камень быстро катится вниз. Точно так же в переводе: 6 хореев в первых четырех стихах и заключительный стих из одних дактилей².

¹ Может быть, еще более наглядный пример такого, обусловленного размером, употребления грамматических дублетов дал сам Жуковский в первом же четверостишии принесшего ему общероссийскую славу перевода из «Сельского кладбища» Томаса Грея.

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись в шалаш спокойный свой.

² С точки зрения построения стиха Жуковскому могут быть предъявлены две претензии. Во-первых, у Гомера прямая речь никогда не начинается с середины стиха, не кончается на ней и не прерывается указанием на говорящего. В переводе это правило иногда нарушается. Например: «Зевсу сказала: "Отец наш, Кронион, верховный владыка"» (I. 45; всего таких стихов около 60); или: «...То ведать // Должен я» (9. 280; всего свыше 30 случаев); или: «Добрый мой гость, — отвечал рассудительный сын Одиссея» (I. 209 = 226 = 302; всего таких стихов свыше 20). В сумме с такого рода нарушениями выходит около 110 строк, т. е. менее одного процента от общего числа стихов в 12083. Во-вторых, встречается незначительное количество

Другим замечательным свойством перевода Жуковского является обилие и богатство сложных прилагательных, примеры чего читатель найдет в первых же стихах поэмы: «многоопытный», «богоподобный», «хитроумный» Одиссей, «светоносный» бог Гелиос, «длинноогромные» столбы, поддерживающие небесный свод, «коварно-ласкательные слова», которыми Калипсо пытается удержать у себя Одиссея. А потом встретятся «бесплодносоленая бездна» и «широкотуманная зыбь» моря, «звонкопространные сени» и «громкозвучнокопытные кони» и еще десятки, если не сотни, других сложных определений, которые могут не всегда совпадать с оригиналом («меднокованные копья» там, где в оригинале просто «медные»; «звонкоприятный голос» Калипсо, где эпитет добавлен переводчиком, равно как определение «сладостноубийственный» в применении к голосу Сирен, отсутствующее в оригинале, но по существу верное), но в своей совокупности создают то обилие материальных, световых, цветовых и всяких прочих качественных характеристик, которыми отличается гомеровский эпос.

Вместе с тем следует заметить, что одно и то же сложное определение Жуковский часто без необходимости переводит по-разному. Так, самый употребительный постоянный эпитет Одиссея πολύτλας «многострадальный» передается восемью способами, из которых наиболее частый («богоравный», 9 раз) не имеет никакого отношения к «многострадальности». Далее в убывающем порядке следуют еще семь: «хитроумный», «в испытаниях твердый», «постоянный в бедах», «твердый в бедах», «многославный страдалец», «непреклонный в напастях», «многохитростный» (последние 4 — по одному разу). Двенадцать раз эпитет вообще опущен. Аналогичная картина — с определением πολύμτις: оно переводится то как «благородный» (8. 165), то как «богоравный» (11. 354; 13. 311), то как «хитромысленный» (9. 1), то как «многоумный» (21. 274) — ближе всего к оригиналу последний перевод, и им можно было бы везде воспользоваться без всякого ущерба для смысла (а в двух первых случаях — и для размера). Точно также вполне выдерживают замену в стихе определения «лучезарнокудрявая» и «светозарнокудрявая», служащие переводом одного и того же прилагательного εὐήλοκαμοῦ применительно к Эос (5. 390 и 9. 76). Или эпитеты «меднообутые» и «светлообутые» (εὐκυῖμιδες) — при спутниках Телемаха. Старший коровник (βοῶν ἐπιβοῦκόλος) Филойтий в одной и той же позиции в стихе назван «пастухов повелитель» (20. 235) и «простодушный коровник» (21. 199). Конечно, можно ска-

ошибок в размере: 20 раз не хватает 6-й стопы (напр., 8. 403; 9. 175; 12. 331), около 30 раз добавлена лишняя, 7-я (напр., 5. 171; 8. 290; 13. 275). Всего выходит около 50 случаев, т. е. и вовсе менее половины процента.

зять, что к середине 19 в. еще не вполне сформировалось представление о поэтике древнегреческого эпоса, не говоря уже о теории *ogal roetru*, и поэтому постоянные эпитеты могли производить впечатление ненужной тавтологии, которую переводчик считал себя вправе разнообразить по своему усмотрению. Может быть, в общем стиле перевода эти вариации мало что меняют, но по отношению к поэтической технике Гомера, где существенную роль играют постоянные эпитеты, сросшиеся с их носителями, такие вольности нельзя не признать некорректными¹.

Следующий вопрос — перевод повторяющихся стихов. Здесь мы сталкиваемся опять с двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, можно отметить случаи безупречного равенства, особенно в переводе типичных ситуаций или, например, 1. 261 сл. = 4. 345 сл. = 17. 136 сл.; 5. 178 сл. = 10. 343 сл.; 1. 356—360 = 21. 354—358; 11. 6—10 = 12. 148—152. Если, однако, читатель сравнит перевод 10. 517—525 и 11. 25—33, буквально повторяющихся в оригинале, то он увидит такие совершенно необязательные замены, как «другое» на «второе», «всех вместе призвав их» на «мною призванных вместе», — Жуковский явно избегал тавтологии в оригинале, хотя и писал, что «надобно сберечь всякое слово и всякий эпитет»².

Заметим попутно, что в других случаях Жуковский стремился соблюдать приемы «малой» поэтической техники, употребленные в «Одиссее». Так, он довольно близко к оригиналу передавал рамочное оформление отдельных отрезков текста, о котором речь шла в предыдущей статье (конец § 6). То же самое верно по отношению к некоторым особенностям синтаксической структуры оригинала. В 2. 115 сл. Антиной и в оригинале запутывается в собственной речи, и главное по смыслу предложение появляется только в ст. 123. Соответствует оригиналу анаколупф в 9. 431.

¹ Один раз Жуковский оказался, впрочем, в положении *plus goi que le goi mème*. Известно, что небо у Гомера всегда «звездное» (*ἰσπερβόεις*), независимо от времени дня или ночи. Однако один раз из этого правила сделано исключение: в кн. 11. 17 сл. говорится, что Гелиос всходит на звездное небо, а обращается к земле с неба (без определения!). По-видимому, автор понял, что при появлении солнца звезды исчезают с небосклона. А вновь появляются только после его исчезновения. Тем не менее, Жуковский оба раза оставил эпитет в неприкосновенности! В то же время надо освободить переводчика от напраслины, которую возвел на него Егунов. В кн. 6. 101 Навсикая так же названа в оригинале «белорукой» (*λευκόλευος*), как и многие другие женщины (см. примеч. к ст. 101); так было и у Жуковского в первом издании 1848 г. Впоследствии в текст вкралась опечатка, которая пошла кочевать по всем переизданиям, в результате чего Навсикая стала «белокурой»; из этого Егунов сделал вывод, что Жуковский не решился применить к ней обычный эпитет, а переделал его, «хотя на цвет ее волос указаний у Гомера нет». Действительно, нет, как не было и у Жуковского.

² Жуковский В. А. Сочинения. Т. VI. С. 184.

Одним из средств выразительности служат в «Одиссее» анафоры — и они не ускользнули от внимания переводчика: «*Многих* людей города... // *Много* и сердцем скорбел...» (1. 3 сл.); «*Поплыл* вперед, угадав... // *Поплыл* со всеми своими...» (3. 166 сл.); «*Или...* громаду пронзить... // *Или...* с утеса низвергнуть... // *Или* оставить...» (8. 507—509). То же самое следует сказать о передаче тавтологии оригинала там, где она не касается постоянных эпитетов («...*негодяй негодяя* ведет... // ...*равного с равным* бессмертные сводят», 17. 217 сл. или: «...избегшие...избегнув...избег», 1. 11—19, в оригинале различные формы глагола φεύω «избегать»), об игре слов («готовит...приготовлено», 4. 770 сл.; «...невиновную мать обвиняешь...», 20. 135), об одинаковом окончании двух смежных стихов (19. 563 сл.) и даже об аллитерациях (см. 1. 47—49 и примеч.; вполне соответствует оригиналу аллитерация на “с” в 3. 26 и 64; в 17. 221 два фл— переданы через два “пр-”, внутренняя рифма на оϝ в начале двух дактилей, 7. 122 — через сочетание “сад виноградный”).

Если переводчику и не всегда удастся воспроизвести перечисленные приемы именно в тех стихах, где они употреблены в оригинале, и он восполняет неизбежную утрату в другом месте, это вполне можно признать его правом (все подобные случаи отмечены в примечаниях).

Из той же области — перевод у Жуковского вереницы традиционных вопросов, которыми всякий раз хозяин встречает прибывшего в его дом незнакомца: кто он? кто его родители? откуда прибыл? Обычно таких вопросов бывает два-три, — в переводе число их может соответствовать оригиналу¹, может превышать его на один-два вопроса², но иногда разрастается вдвое и больше³, что, впрочем, не лишает достоверности передачу этой стороны эпического этикета.

Возвращаясь к более существенным проблемам перевода, отметим весьма умеренное употребление в них славянизмов, которые особенно сильно затрудняют современному читателю освоение «Илиады» Гнедича, но и в 19 в. едва ли легко преодолевались всеми.

Славянизмы у Жуковского встречаются двух видов: грамматические и лексические.

Из грамматических славянизмов чаще всего употребляется родительный падеж прилагательных женского рода на *-ья*, *-ия* («златотронная Артемиды», «для вечерняя пищи») и только изредка — усеченные прилагательные и причастия типа «малолетен», «отсутственна»; затем родительный падеж с предлогом *от* в значении *genetivus auctoris* («от

¹ 4. 312—314; 7. 238 сл.; 24. 257.

² 1. 166—169 (см. примеч.); 10. 325; 19. 105.

³ 1. 402—405 (6 вопросов против 3); 24. 298—301 (8 против 4), но и 4. 642—644 (6 против одного). Ср. 8. 573—578.

внимавших ему феакиян... вызванный к пенью вторично», 8. 190 сл.; «не чтим был от младших», 13. 142) и превосходная степень в значении сравнительной («чтоб удобнее сладить с сильнейшим», 3. 250, т. е. с более сильным; «огромнейший первого камень», 9. 537). Для русской поэзии первых десятилетий 19 в. формы эти были вполне привычными и либо воспринимались как поэтическая вольность, либо придавали речи совершенно определенный стилистический колорит¹. Встречаются они, хоть и не часто, и в позднем творчестве Пушкина («И тайна брачные постели», «И жало мудрая змеи»; «Старинны были», «И, грабежом отягощенны, // Боясь погони утомленны...»; «Исполнен труд, завещанный от бога...»). К превосходной степени вместо сравнительной читателей уже приучил в «Илиаде» Гнедич («Речи, сладчайшие меда...», I. 249; «воин, тебя несравненно храбрейший», VII. 114).

Что касается славянизмов лексических, то в них, в свою очередь, целесообразно выделить три группы.

В первую войдут такие славянизмы («брег, град, золото, молодой»), которые даже современным читателем воспринимаются совершенно спокойно как один из возможных лексических вариантов, не нарушающий стилистического единообразия текста. Во вторую — те, которые и во времена Жуковского осознавались как заведомо архаизмы («пажить, паства, сонм, брашно, тризна, лики, вонми, купно, паче, понеже») и, соответственно, напоминали читателю, что речь идет о «делах давно минувших дней». Употребление такого рода славянизмов в сочетании с названными выше грамматическими явлениями можно с известной долей условности сравнить с наличием в «искусственном языке» гомеровского эпоса достаточного количества морфологических дублетов и архаизмов, хотя сам Жуковский, не знавший греческого, едва ли об этом догадывался. Предлагаемое нами сравнение можно подкрепить также примерами обиходной речи, очень выразительно переданной в переводе. От Лаэрта остались «кожа да кости» (16. 145); «...чтоб не было хуже тебе и Египта и Кипра» (17. 448); женихи «всплеснувши руками, все помирали от смеху» (18. 99 сл.) — везде перевод отвечает словоупотреблению оригинала.

Не лишено интереса, что отмеченные выше приемы Жуковского-переводчика характеризуют не одну только «Одиссею». И родительный падеж на *-ья*, и усеченные причастия, и славянизмы лексические мы встретим в его переводах с новых языков, где оригинал не дает для них, как правило, никакого повода. Так, в переводе из Попа: «Сердце

¹ См.: Винокуф Г. О. О языке художественной литературы. М., 1991. С. 246—263, 270—276 (статья «Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина»).

мирные весталки», «О лики хладные, слезами орошенны!» Из Томсона: «Слиянные в хвалу, слиянны в обожанье...», «витязь, почто». Из Шиллера: «Алчет небесныя пищи», «Сводом лавров осененна», «рамена, скудель, тризна, втуне». Из Байрона: «Глухой тюремныя стены», «вихорь, вотще, пря». Из Уланда: «При свете полныя луны», «булат, власяница, внемля». Тут Жуковский делает свои переводы скорее фактом русской поэзии, чем русского искусства перевода. В «Одиссее», однако, его собственные художественные средства до известного предела оказались родственны стилю оригинала, что и обеспечило его «Одиссее» такое значение в приобщении русской читающей публики к миру античности. Но — повторим — до известного предела!

4

Если бы Жуковский, сопрягая две стилистические стихии — архаизацию и просторечие, остановился в выборе лексических средств на уровне приведенных выше примеров, можно было бы считать, что ему удалось соблюсти то равновесие между возвышенным и обыденным, которое характерно для Гомера. К сожалению, он пошел несколько дальше. Если славянизмы двух первых групп не вызывали других ассоциаций, кроме чисто стилистических, то третья группа славянизмов переносила читателя не просто в старину, а именно в русскую былинно-сказочную («спальник, кравчий, палаты, постав, вено, горница, бранный стол, пуховая постель», «переходы палат и дворы и притворы»), и они, естественно, несовместимы с картиной гомеровского общества, как несовместимы с ней и некоторые реалии из патриархального русского быта: «сан» (1. 274; 2. 197 и т. д.); «вельможи» (7. 189), которые садятся «по чину» (7. 98; 9. 8; ср. 15. 134), как это положено по закону местничества; слуги, которые «докладывают», что постель готова (7. 341), или «доносят» господину на неверных служанок, пока госпожа «почивает» (22. 429—431). На пиру сдвигают столы (1. 109), а один из женихов занимает свое место на краю стола (21. 145), в то время как из оригинала ясно, что перед каждым пирующим ставился отдельный стол. Женщины у Жуковского сидят за ткацким станком (5. 62; 7. 105; 10. 222; см. также примеч. к 4. 136), в то время как в оригинале они ходят вдоль него. Лесха превращается в шинок (см. 18. 329 и примеч.). Между тем эта часть словаря Жуковского не является невольной стилистической абберрацией: он и в самом деле видел своих героев среди патриархального быта, где правит строгий, но добрый царь-батюшка, которому прислуживает быстрая на исполнение его приказов «дворня». Вот уж воистину Одиссей и Телемах, Пенелопа и Елена попали в мир, «для

которого не предназначались» (см. примеч. 7)! Отсюда — значительно преувеличенное против оригинала употребление слова «царь» и производных от него.

Конечно, и Одиссей, и Менелай, и Алкиной — цари, и принадлежащий им дом — царский дом. Свойства царя обсуждаются не один раз (2. 230—234; 4. 589—692; 19. 109—114), высокая порода и впечатляющая внешность связываются с царским происхождением (4. 63; 17. 416; 20. 194; 24. 253), и все же, как мы помним, применительно к названным выше персонажам понятия «царь» и «царствовать» употребляются вообще скупо: 21 раз об Одиссее, 10 — об Алкиное, 5 — о Менелее.

В переводе картина несколько иная. Одиссей назван царем около 40 раз, причем чаще всего не в авторской речи, а в речи персонажей, где в оригинале сочетание «царь Одиссей» никогда не встречается. Менелай на протяжении кн. 4 и 1-й половины кн. 15 — 26 раз (в оригинале его имя употребляется либо вовсе без определения, либо с одним из традиционных эпитетов: «славный, золотовласый, вскормленный Зевсом»); к тому же он еще и «богоизбранный пастырь» (напр., 4. 156 = 15. 87), чего вовсе нет в оригинале, но что вполне отвечает представлению о царе «Божьей милостью». Алкиной назван царем сверх оригинала 28 раз; в оригинале в этих случаях его имя стоит либо вовсе без определения, либо с эпитетом μεγαλήτωρ «великодушный». Вероятно, известную роль в выборе слова «царь» в сочетании с трехсложным именем собственным сыграло его удобство для стиха, особенно в начале гексаметра, но царским титулом в переводе чаще, чем в оригинале, наделяются и особы женского рода, где соображения размера для такого мастера стиха, каким был Жуковский, едва ли могли иметь определяющее значение. Итак, Пенелопа — царица: 12 раз в оригинале, 19 — в переводе плюс еще 2 раза «сударыня» (в оригинале γυναί «жена», 19. 455, и τέκνον «дитя», говорит ей Еврикля, 23. 26); особенно пикантно обращение «царица» звучит в устах Одиссея (23. 183), уже расправившегося с женихами и признанного всеми его домашними. Арета — царица: 3 раза в оригинале, 13 — в переводе. Навсикая в переводе всегда «царевна», хотя в оригинале говорится либо «дева», либо употребляется местоимение (см. примеч. к б. 99).

Вот еще несколько примеров. Телемах посещает *царственный* град Лакедемон и *царя* Менелая в его *царском* жилище; сам Менелай пирует в *царских* палатах, Телемах и Писистрат достигают *царского* дома, звать их бегут *царские* рабы, коней привязывают к яслям в *царевой* конюшне (4. 1—4, 15, 21, 38, 40) — так в переводе. В оригинале ни одного из выделенных слов нет. В оригинале: «Отвечая ей, золотовласый Менелай сказал»; в переводе: «*Царь* Менелай отвечал благородной *царице* Елене».

При виде быка, упавшего под ударом жертвенной секиры, «возопили дочери, невестки и почтенная супруга Нестора» (3. 450—452); в переводе: «и невестки *царевы* и с ними *царевны*». Филотий, вспоминая Одиссея, восклицает: «О благодушный, великий мой *царь!*» (20. 209) — в оригинале: «безупречный Одиссей». «Прославленный дом» Алкиноя (8. 38) — «*царевы* палаты». Телемах, обуздывая женихов, напоминает им, что они безобразничают в его «красивом доме» (20. 319) — в переводе: «в *священных обителях царских*». Тот же Телемах, по Жуковскому, — «*власти державный наследник*» (22. 53); на самом деле Евримах, пытаясь избежать гибели, говорит Одиссею, что Антиной хотел стать царем на Итаке, а «твоего сына убить из засады». Наконец, Еврикляя, оправдываясь перед Пенелопой в том, что утаила от нее отъезд Телемаха, говорит: «Дочь моя, либо убей меня... либо оставь в доме» (4. 743 сл.). В переводе: «Свет наш царица, казнить ли меня... // Ты повелишь иль помилуешь...» Как тут не вспомнить лексикон русской сказки: «Государыня, царица-матушка, не вели казнить, вели миловать!»

5

Другая стилистическая тенденция, явно несовместимая как с патриархально-царственным «благолепием», так и с оригиналом, — вульгаризмы. Число их невелико. И те же самые примеры переходят из одной работы в другую. «Марать понапрасну рук не хочу» (18. 12 сл.); «умничать вздумал — не хуже стряпухи старой лепечет» (18. 26 сл.); «моих кулаков отведать» (20. 181); «гнилой старичишка» (20. 379 — добавление переводчика); «деревенщина грубая» (21. 85). Разумеется, в оригинале таких сильных выражений нет, но в оправдание переводчику можно сказать, что все эти выражения взяты из речи отрицательных персонажей — нахального Ира, наглого Меланфия, надменного Антиноя — и представляют собой попытку использовать лексические средства для изображения их характеров. С этой точки зрения показательна дифференциация в переводе слова ξένος «иноземец». Если в устах Евмея или Амфинома оно звучит как нейтральное «чужеземец», «странник» и даже «бедный скиталец» (14. 361; 18. 417, 420; 20. 191), то в речи женихов (и в первую очередь Антиноя) или дерзкой служанки Меланфо — только как «негодяй», «бродяга», «неотвязный, негодный бродяга» (17. 478; 18. 38; 19. 66 = 20. 78; 20. 377; 21. 288)¹. В остальном надо все же признать, что ругательствами по адресу Одиссея Жуковский не-

¹ Такое же «характерологическое» усиление в переводе — в 17. 478: «или беги неоглядкой отсюда», — говорит Антиной Одиссею-нищему. В оригинале: «уходи в другое место».

сколько злоупотребляет: сказано ли о нем в оригинале «нищий», «старик», «жалкий», «несчастный», или он вовсе никак не назван, в переводе Одиссей-нищий всегда «бродяга», «побродяга», «наглец» (см. 17. 449, 460; 18. 81, 389, 391, 400; 19. 68).

Другую группу вульгаризмов оправдать труднее. Если неблагозвучное слово «сволочь», употребленное Антиноем (17. 376), можно принять в его первоначальном значении «сброд» (ср. у Пушкина: «Из мелкой сволочи вербую рать»), то в устах Телемаха (20. 265) оно вовсе неуместно, как и выражения «жрать до упаду» (2. 57 = 17. 536, в оригинале «пировать»; ср. 1. 373) или «ошалел» (21. 369, добавлено переводчиком). С известной натяжкой можно согласиться, что Одиссей и Пенелопа обзывают множество женихов «шайкой» (16. 105; 18. 167; 19. 39; 23. 37), и он, не выходя из роли нищего, грозит Иру разбить ему в кровь «рыло» (18. 21), — в речи Афины (15. 12, 28) и тем более автора та же «шайка» «жрущих» женихов (20. 386; ср. 3. 315) или выражения вроде «в правую треснула руку» (18. 397), «треснулся об пол» (22. 94), «начали бегать они, ошалев» (22. 299, в оригинале: «бегали»), «издох», «издыхали» (18. 91; 22. 118) отнюдь не отвечают оригиналу.

Как видим, и вопрос о вульгаризмах также не решается вполне однозначно, как и об употреблении славянизмов.

6

Наряду с заметным колоритом патриархальной русификации в сочетании с некоторым злоупотреблением вульгаризмами в переводе «Одиссеи» присутствует еще одна черта, в высшей степени характерная для Жуковского-поэта, — налет сентиментальной идиллии.

Так, прислужницы Навсикаи являются в переводе не иначе как ее подругами (6. 84, 99 и т. д.). Одиссей-нищий и свинопас Евмей обращаются друг к другу: «Мой добрый хозяин», «Мой добрый Евмей», «Добрый мой гость»; Пенелопа начинает свои вопросы к Одиссею со слов: «Мой добрый старик» (14. 144, 167, 391; 15. 307, 341 сл., 486; 19. 105; в оригинале — либо только «старик», либо «чужеземец», либо вообще нет никакого обращения, и оно целиком добавлено переводчиком). Сам Одиссей провожает Телемаха в город напутствием: «Добрый путь, мой прекрасный» (17. 22, в оригинале: «однако иди», без всякого обращения). Теми же словами отвечает Евриклея на распоряжение Телемаха (19. 22, в оригинале «дитя»). Писистрат выходит навстречу Телемаху и «ласково» берет его за руки; Эйдофея приветствует Менелая с «ласковым видом»; Телемах предлагает Евмею задержать у себя чужеземца, «угощаемого с лаской» (3. 37; 4. 370; 16. 82, везде — добавления

переводчика)¹. Менелай **дружелюбно** треплет рукой щеки Телемаха, Калипсо и Афина — Одиссея (4. 610; 5. 181; 13. 285 сл.). Добавление наречия «дружелюбно» — еще один из приемов Жуковского (3. 374; 9. 124; 10. 312; 14. 45; 20. 326). Супруга Нестора — «кроткая сердцем» (3. 452); долго хранится память о «товарище нежноприветном, кротком сердцем» (8. 584). В результате такого рода добавлений среди положительных героев поэмы возникает атмосфера доброты, ласки и участия, свойственная отчасти и оригиналу, но в ее внешних проявлениях привнесенная переводчиком².

Идиллический покров окутывает в переводе супружеские взаимоотношения. Одиссей желает Навсикае, чтобы боги дали ей мужа «по сердцу» (6. 181 — добавлено переводчиком, как и в 6. 285: «ей по душе»). Мужа и жену Жуковский считает «сердцем избранными» (13. 45; 15. 356; 19. 266; 23. 150); верная своему долгу Пенелопа страдает от необходимости покинуть тот дом, где она «нашла счастье» (19. 581 = 21. 79). Между тем из поэмы ясно, что мужа девушке или вдове выбирали не по влечению ее сердца, а в зависимости от величины предложенного выкупа и сделанных подарков (6. 159; 11. 117 = 13. 378; 15. 367; 18. 276—279), и в оригинале «избранным сердцем» супругам соответствуют «законные» мужья и жены³. «Счастье нашла» — добавление переводчика: конечно, Пенелопе хорошо жилось с таким мужем, как Одиссей, вообще же «всякая (жена) скорбит, утратив даже другого (т. е. менее достойного) мужа» — таков точный перевод 19. 266. Соответственно, и Пенелопа предпочла бы умереть вместе с Одиссеем, чем «радовать мысли худшего мужа» (20. 82) — в переводе: «чем быть мне подругою мужа, противного сердцу». В самом же эпосе отношения между полами сводятся к тому, чтобы «насладиться любовью», идет ли речь о Калипсо или Пенелопе (5. 227; 23. 300), или «соединиться в любви на ложе» с Цирцеей (10. 235). Кстати говоря, сопротивление Одиссея стремлениям Калипсо в переводе несколько преувеличено: она ему явно не нравилась, но (судя по 5. 119 сл., 153 сл., 227) добивалась его любви не «напрасно», как добавлено в 1. 15, и он не был вовсе «непокорным ее желаньям» (5. 155). «Верного сердца его обольстить не успела» (23. 337) — тоже гораздо сильнее оригинала, где сказано: «но никак не могла убедить в груди его дух».

¹ Еще примеры добавленного переводчиком наречия «ласково»: 2. 384; 8. 10; 13. 332; 14. 54; 17. 45; 21. 192.

² Впрочем, и обращаясь к женихам, Телемах «кротко» (2. 208, 309 — конечно, только в переводе) говорит каждому: «Друг» (см. 1. 385 и примеч.).

³ Из этой же области — добавление в переводе «наших возлюбленных» жен в 4. 279 (в оригинале: «жен всех ахейцев»).

Наслаждение любовью — только один из возможных способов испытать «сладость» жизни. Если в оригинале говорится, что Одиссей спал (уснул), то в переводе читаем: «*сладко-целительный сон он вкусил безмятежно*», «*сладко на ложе своем отдыхал*» (7. 344; 14. 523 — и определение и обстоятельства добавлены переводчиком)¹. «...Выпили, сколько душа желала» (3. 342; 7. 184, 228); в переводе: «вином *насладились*». Знатные феаки «всегда пили и ели» в доме Алкиноя (7. 99) — «садились... питьем и едой *наслаждаться*». Имя дается человеку «в *сладостный дар*» (8. 554, добавление переводчика); бани — не горячие, а «сладострастные» (8. 249). В том случае, когда прилагательное «сладкий» уже содержится в оригинале, переводчик стремится еще усилить картину. В оригинале: «сладкий сон» — в переводе: «сон — усладитель печалей» (12. 310). В конце рассказа Одиссея Пенелопе им «овладел сладкий, расслабляющий члены (т. е. дающий им отдых от дневного напряжения) сон, освобождающий дух от забот». В переводе: «Сон прилетел, **чарователь тревог**, успокоитель сладкий» (23. 343). Заметим, что «сладостный — едва ли не самый употребительный эпитет в эллигической поэзии первых десятилетий 19 в., в том числе, конечно, и у Жуковского, и, вероятно, именно эта преувеличенная «сладость» дала основание Л. Толстому говорить, что Жуковский и Фосс «поют каким-то медово-паточным, горловым, подлым и подлизывающимся голосом»², — обвинение если и слишком резкое, но в чем-то не лишнее основания.

Перевод Жуковского вообще распространеннее оригинала именно за счет такого усиления. Поэтому «прекрасноустроенная» спальня Навсикаи становится «тайной девичьей спальней» (6. 15), а еда всегда — «роскошная» (4. 68; 8. 248; 15. 501), в том числе — и в хижине свинопаса: поужинав, Евмей и Одиссей «насытились едой и питьем»; в переводе: «Свой удовольствовав голод обильно-роскошной едой» (15. 303). Нестору и его гостям пора подумать об отдыхе (κοίτοιο, 3. 334) — «о ложе покойном и сне миротворном». Киприда умащается, «когда идет к пленительному хору Харит» (18. 194); в переводе: «В пламенно-быстрой и в *сладостно-томной* с Харитами пляске // Образ Киприды... сияет». «Намного лучше умереть, — говорит Леодей, — чем, оставаясь в живых, утратить то, ради чего мы всегда собираемся, проводя в ожидании все дни» (21. 154—156). В переводе: «...что так сильно // Нас привлекало вседневно сюда *чародейством надежды*».

Одно из таких «распространений» касается места рока в жизни гомеровского человека. Понятие это, вообще говоря, в гомеровском эпосе

¹ См. также: 5. 492; 9. 404; 10. 334; 12. 283; 14. 523 — везде добавления переводчика.

² Толстой А. Н. Письмо А. А. Фету, январь 1871 // *Он же*. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 61. С. 248.

отсутствует. Люди знают, что от рождения каждому **выделена** определенная **доля**, как выделяют ее при разделе добычи или жертвенного угощения. В 19 в., наоборот, думали, что древние греки всегда чувствовали тяготеющий над ними рок, в соответствии с чем Жуковский находил в «Одиссее» «року подвластных людей» (3. 3; 12. 386) там, где в оригинале говорится просто о смертных, а «живущих на земле» называл «живущими под властью судьбины» (6. 153). См. также примеч. к 7. 198; 10. 68; 12. 49 сл.; 14. 235 сл.; 19. 260; 21. 148.

Удачное наблюдение над «трансформацией художественной системы оригинала» в 5. 151—154 содержится в упомянутой выше статье О. М. Савельевой. В этих стихах «о тоске Одиссея по родине сказано крайне скупое, почти строго: «Она нашла его сидящим на берегу, и глаза его не высыхали от слез, а сладостная жизнь утекала (у него), тоскующего по возвращении: ведь нимфа никогда не нравилась ему...» В переводе это оказывается значительно расцвеченным: «Он *одиноко* сидел на утесистом бреге, и очи // Были в слезах, утекала *медлительно* капля за каплей // Жизнь для него в *непрестанной* тоске по *отчизне*, и, *хладный* // Сердцем к богине...» Добавление «одиноко», «медлительно капля за каплей», «усиление оригинала от “тоскующей по возвращении” до “в непрестанной тоске по отчизне”, от “не нравилась нимфа” до “хладный сердцем к богине” сразу сообщают тексту отношение, вызванное отображаемой ситуацией у самого переводчика, обнаруживая в нем поэта, о котором чаще всего говорят, что он смотрел на мир “сквозь призму сердца”»¹. Каким образом такое целеустремленное расширение оригинала в сторону «чувствительности» можно объяснить «младенческим лепетом» автора «Одиссеи», остается опять-таки загадкой.

Можно добавить, что персонажи «Одиссеи» вообще достаточно часто плачут, — в переводе они, как правило, «плачут навзрыд» (16. 22; 21. 82 сл.; 23. 206 сл.), «заливаясь слезами» (16. 219), проливая «потoki слез» (17. 32 сл.). Достав лук Одиссея, Пенелопа «плакала очень громко» (21. 56 сл.); в переводе: «...зарыдала и долго, // Долго рыдала она...» После того как Одиссей открылся Телемаху, «так они лили слезы сострадания» (16. 219); в переводе: «Так, заливаясь слезами, рыдали они и стонали».

Число примеров можно увеличить, но и из вышеприведенных видно, что язык автора «Одиссеи» сдержаннее и строже, чем перевод Жуковского. Надо ли ставить ему в вину эту «чувствительность»? Как известно, древнегреческий эпос был рассчитан на публичное исполнение, и рапсод имел достаточно возможностей, чтобы наделить «объективное»

¹ Савельева О. М. Указ. соч. С. 257 сл. См. также примеч. к 18. 188—194.

описание своими субъективными эмоциями: в его распоряжении всегда были модуляции голоса, мимика, жесты. Переводчик, предлагающий читателю напечатанный текст, лишен всех этих способов воздействия на него, и их приходится компенсировать лексико-стилистическими средствами.

Сравним четыре пассажа из последних книг в буквальном и поэтическом переводе.

19. 472: «Глаза у нее наполнились слезами и пресекался голос» —

Очи от слез затуманились, ей не покорствовал голос.

23. 231 сл.: «Так она сказала, у него же еще больше поднялось желание плача. Он плакал, держа (в объятьях) дорогую почитаемую супругу» —

*Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, прикинул он к сердцу испытанной, верной супруги.*

24. 234 сл.: «Проливал слезы» —

...дал волю слезам и, в молчанье... плакал.

24. 336 сл.: «Я назову тебе деревья... которые ты мне некогда подарил, — ведь я просил их у тебя одно за другим (έκαστα), будучи мальчиком и следуя за тобой по саду» —

*Если ж желаешь, могу я тебе перечесть и деревья
В саде, которые ты подарил мне, когда я однажды,
Бывши малюткою, здесь за тобою бежал по дорожке.*

Ясно, что перевод эмоциональнее оригинала именно за счет избытка лексических средств, и причину этого легко понять: Жуковский слишком проникался теми образами, которые ему предстояло воспроизвести, чтобы не наложить на них печать собственной индивидуальности. Это так же верно по отношению к Гомеру, как и к Грею, и к Гёте, и к Шиллеру, и ко всем другим поэтам, которых он перевел за полсотни лет¹. Поэтому, как мы убедились, с точки зрения строго филологической к «Одиссее» Жуковского может быть предъявлен значительный счет, окончательный итог которому с излишней, впрочем, суровостью

¹ См. анализ переводов из названных (и других) поэтов в кн.: Эткинд Е. Указ. соч. С. 55—73, 79—98, 101—115, и в том числе констатацию: «Романтическая эстетика Жуковского оказалась в высокой степени плодотворной для искусства перевода» (С. 110).

подвел А. Н. Егунов: «В целом “Одиссея” Жуковского принадлежит к вольным и “украшенным” переводам, в ней сильнейшим образом сказывается творческая личность поэта — посредника, заслонившего собой Гомера, и чтобы добраться до Гомера, читатель должен откинуть все, что принадлежит Жуковскому: останется фабула “Одиссеи”, последовательность рассказа, все ситуации, характеры (заметим, что это не так уж и мало. — *В. Я.*), но не словесное их воплощение»¹. Возникает, однако, целый ряд вопросов. Как можно передать характеры, не прибегая к их «словесному воплощению»? Для того ли делается перевод, чтобы читатель «изучал» иноязычного автора, как это положено филологу-классику, которому доступен оригинал? Как читатель, не знающий древнегреческого, сумеет «откинуть все, что принадлежит Жуковскому»? И самый последний: если бы «Одиссея» не была пронизана собственным отношением поэта, если бы Жуковский счел своей задачей буквальную передачу оригинала, то удалось бы его переводу в течение полутора столетий привлекать к себе внимание читателей всех возрастов? Ровно через 100 лет после первого издания «Одиссеи» Жуковского появился перевод П. Шуйского (Свердловск, 1949), несомненно более точный филологически. Кто сейчас помнит о его существовании? И уж вовсе излишне напоминать о том печальном опыте буквализма, который явил Брюсов переводом Верлена или Г. Шенгели — Байрона.

Откликаясь на выход в свет перевода Жуковского, один из рецензентов писал: «Верность общечеловеческим, глубоко поэтическим началам “Одиссеи” именно и господствует в новом переводе... Неужели филология и антикварство заглушит в критиках эстетическое чувство! Перевод Жуковского назначен не для тех, кто изучает древность, а для тех, кто хочет послушать Гомера на родном языке. И он услышит его — услышит и насладится»². Опасения Дестуниса по части «филологии и антикварства» оказались напрасными, надежда его оправдалась: лучшего перевода «Одиссеи», чем выполненный Жуковским (при всех его просчетах), у нас до сих пор нет, и никто не знает, когда он появится.

¹ Егунов А. Н. Указ. соч. С. 373.

² Дестунис Г. Указ соч. С. 98.

О ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ И НАЗВАНИЙ

Читатель, ознакомившийся со статьями в Приложении, наверное, уже заметил известное расхождение в транслитерации древнегреческих имен собственных в них и в переводе Жуковского. Так, в переводе читаем Эрмий, Эвбея, Радамант, в статьях — Гермес, Евбея, Радаманф. В еще большей мере с подобным явлением придется встретиться в примечаниях, и объясняется оно царящей в русском языке уже на протяжении двух веков прискорбной неразберихой в передаче античных имен. Этому есть две причины.

1. Имена, заимствованные из древнегреческого, проникали в Россию двумя путями: через Византию и — в латинизированной форме — через Западную Европу, при том что произносительные нормы в греческом в византийское время и в поздней латыни, откуда их заимствовали западноевропейские языки (из них в дальнейшем учитываются только немецкий и французский как главные источники заимствования античных имен в русском в 18—19 вв.), были различными.

2. В результате в русском в произношении древнегреческих имен часто возникали дублиеты, которые в свою очередь порождали достаточно безразличное отношение переводчиков к передаче имен собственных.

Объясним это подробнее.

(1) В древнегреческом существовало придыхательное **т** (тэта), которое в Византии стало звучать как **ф** и в старой русской орфографии передавалось через упраздненную со временем фиту. В западноевропейских языках этот звук сохранился в графике в виде **th**, хотя и в немецком и во французском произносился как простое **t**. Отсюда такие разночтения, как Эгист и Эгис**ф**, а у Жуковского Эйд**о**ф**е**я и Левк**о**тея, Закин**ф** и Эрман**т**.

(2) В древнегреческом не было звука, соответствующего русскому **ц**, и автор «Одиссеи» знал **Кирку** и **киклопов**, а отнюдь не **Цирцею** и **циклопов**. В греческом произношении **к** так и сохранилось, а в латинском примерно к концу 4 в. н. э. **к** перед **е** и **і** стало произноситься как **ц** и в таком виде перешло в новые европейские языки.

(3) Придыхание над начальным гласным слова, типа немецкого **h**, обязательное в древнегреческом, на Руси не сохранилось, а в графике западноевропейских языков получило отражение в виде **h**, которое в русском передавали через **г**. Так возникли варианты Гомер и Омир, Геракл и Иракл, Эрмий и Гермес.

(4) В древнегреческом интервокальное **s** звучало глухо, в западноевропейских языках оно озвончилось. Так появились дублиеты Тесей и Тезей, Сисиф и Сизиф.

(5) Звук, обозначавшийся в древнегреческом буквой «эта» (η) в Византии произносился как русское **и**; и западноевропейских языках сохранилось написание и произношение через **e**. Так к нам попали **Димитрий** и **Деметра**, а к Жуковскому — **Димоптолем** и **Мессена**.

(6) К исторически объяснимой разноголосице в транслитерации имен собственных присоединяется отсутствие до сих пор каких-либо ее твердых правил. У нас мирно соседствуют Калхас и Калхант, Пелопс и Пелоп — в одном случае исходят из формы именительного падежа, во втором — из основы косвенных падежей. В греческих именах с окончанием **-ос** его то сохраняют, то отбрасывают (ср. Кронос и Крон). Греческий дифтонг **ев-** передают то через **Ев-**, то через **Эв-** (ср. Еврипид и Эврипид). Так и у Жуковского: Креон и Антифонт, Иолкос и Асоп, **Евбея** и **Эвриал**.

(7) Наконец, не слишком заботился о верности оригиналу в передаче имен собственных и сам Жуковский, видоизменяя их по своему усмотрению, чаще всего — по соображениям метра. Так появился у него Автоликон, чье имя должно звучать по-русски как Автолик; возникли две формы одного и того же имени (Эвридам и Эвридамант, Эхеней и Эхиной); Галий и Лаодамант превратились в Галионта и Лаодама, Ификл и Антикл стали Ификлес и Антиклес, для чего вообще нет никаких оснований, и т. п.

В целом отбор вариантов, предпочитаемых Жуковским, определялся довольно противоречивыми тенденциями. Вслед за Гнедичем он почти всегда писал не **Евриклея**, а **Эвриклея** и т. п.: буква **э** лишь недавно (в конце 18 в.) вошла в русскую азбуку и ощущалась как «красивая». Но, в отличие от Гнедича, вместо «ученого» произношения на западный лад — Геракл, Гефест, Гера — он предпочитал более привычные, архаически звучащие варианты **Иракл**, **Ифест**, **Ира** (однако же Гомер в заглавии не стал у него Омиром). В то же время Жуковский находился под сильным влиянием немецкого языка — не будем забывать, что он делал свой перевод в Германии и по немецкому подстрочнику: отсюда в менее известных именах у него Левкотея, Пиритой, Тирезий, Навзикая и даже **Цетос**, **Полидейк** и **Эйвенор** там, где современный читатель

привык видеть Левкофею, Пирифоя, Тиресия, Навсикаю, Зефа (или Зета), Полидевка, Евенора. Однако самое частое и самое непривычное для современного читателя написание вторглось в его ономастику из французского языка — это Телемак вместо Телемаха. Это тоже объяснимо: у всех еще была в памяти (хотя бы понаслышке) осмеянная «Тилемахида» Третьяковского, и это от нее отмежевывался Жуковский в выборе имени гомеровского героя.

Совершенно очевидно, что при существующей многовековой традиции нет никакой надежды на полную унификацию в транслитерации имен собственных: ни один читатель не согласится с переименованием обольстительной волшебницы Цирцеи в Кирку, и нельзя от острова Хиос оставить одно Хи. Положение тем более осложняется, когда речь идет о тексте (и тем более поэтическом), воспроизводимом в серии «Литературные памятники», поскольку издание в ней «Одиссеи» является таким памятником не только ее древнему автору, но и русскому переводчику. Поэтому в настоящем издании пришлось пойти на некий компромисс, а именно: в переводе сохраняется то написание имен собственных, которое было принято Жуковским, а в Приложениях дается более современная их транслитерация, и на расхождение между ними указывается во всех необходимых случаях либо в примечаниях, либо в СМС, либо в Указателе имен и названий.

Так, если у Жуковского всюду стоит имя «Ира», то в Указателе говорится «Ира — см. Гера», и все нужные сведения даются на имя Геры. Но если расхождения написаний не так велико и оба варианта все равно стояли бы в алфавите рядом, то в Указателе говорится: «Эгист (Эгисф)...» или «Гебея (правильнее: Геба)...», где первое написание — принятое Жуковским, а второе — принятое современной наукой. Форма в скобках может указывать также на существование в русском языке двух одинаково принятых написаний: «Ахиллес (Ахилл)...».

ПРИМЕЧАНИЯ

Предварительные сведения

Историю дошедшего до нас текста гомеровских поэм надо начинать с упомянутого выше, в статье «“Одиссея” — фольклорное наследие и творческая индивидуальность» (§ 7), сообщения Цицерона о мерах, принятых при Писистрате для его сохранения.

Разумеется, слова Цицерона не следует понимать в том смысле, что до вмешательства Писистрата при исполнении гомеровских поэм царил полный произвол. Речь может идти о нарушении последовательности в порядке различных частей, о более частом исполнении одних эпизодов в ущерб другим, в результате чего какие-то части поэм могли быть забыты или утеряны, и т. д.¹ В то же время ясно, что люди, которым была поручена работа по упорядочению текста, должны были опираться на уже имевшиеся письменные экземпляры, восходящие к подлинным «гомеровским» редакциям.

Текст, канонизированный при Писистрате, не явился, однако, окончательным. Он был, несомненно, обязательным для его исполнения на Панафинейях, в других же, менее торжественных случаях рапсоды могли позволить себе и некоторые отклонения от него. Так, цитаты из гомеровских поэм, встречающиеся у авторов 5—4 вв. (Аристофана, Платона, Аристотеля), не всегда находят подтверждение в дошедшем до нас тексте — значит, либо у них были еще какие-то его источники, либо (что более вероятно) Гомера цитировали по памяти. В биографии Аквивиада, известного афинского политика последней четверти 5 в., содержится любопытный факт: у одного из школьных учителей, к которому он обратился за сочинениями Гомера, их вообще не оказалось, у другого они были, но с его собственными поправками. Даже если это свидетельство считать анекдотом, оно достаточно показательное. Поскольку Гомер был основой школьного преподавания, первый из учителей, по-видимому, помнил поэмы наизусть, что опять же не давало гарантии их точного воспроизведения. Другой учитель, как видно, не считал зазорным исправлять Гомера — достоверность такого текста становилась, конечно, сомнительной.

В какой мере могли помочь сохранению текста, не отягощенного всякими интерполяциями, два издания, предпринятые в 3 в., остается неизвестным. Арат из Сол (310—245 гг.), автор дошедшей до нас поэмы о звездном мире «Феномень», издал «Одиссею». Риан (3 в.), тоже известный эпический автор, — обе поэмы. И Арат, и Риан, будучи поэтами, должны были подходить к Гомеру с достаточным художественным вкусом, но представления о литературном вкусе в эллинистическое время достаточно серьезно отличались от вкусов тех, кто слушал сказителей в 8 в. Схолии (о них — ниже) упоминают предложения Риана по тексту 45 раз, из них 33 раза — к «Одиссее». Больше ничего об этих двух изданиях неизвестно.

Решающий вклад в сохранение гомеровского текста был сделан в 3—2 вв. александрийскими филологами. Обе поэмы Гомера издал сначала первый руководи-

¹ Римский прозаик Клавдий Элиан (конец 2 — начало 3 в.), писавший по-гречески, в своем собрании всякого рода занятых историй «Пестрые рассказы» (XIII. 14), повторяя уже известное нам сообщение Цицерона, добавляет к нему перечень песней, исполнявшихся рапсодами под отдельными названиями. Из него видно, что в репертуаре рапсодов имелись определенные пропуски и последовательность содержания не имела при этом решающего значения.

тель Александрийской библиотеки Зенодот (он возглавлял ее ок. 285—260 гг.), его примеру затем последовал Аристофан Византийский (ок. 257—180). Наконец, их дело завершил ученик Аристофана Аристарх Самофракийский (ок. 217 — ок. 145). В его распоряжении оказалось множество списков — как хранившихся в некоторых городах в качестве обязательных (по примеру афинского экземпляра времен Писистрата), так и принадлежавших в свое время достаточно авторитетным владельцам: Еврипиду-младшему, племяннику знаменитого афинского трагика, Антимаху (род. ок. 444), которого в древности причисляли к самым выдающимся эпическим поэтам, наконец Аристотелю. Существует предположение, что это был тот самый список, который великий философ составил для своего воспитанника Александра Македонского. Как бы то ни было, надо думать, что все эти люди пользовались не самыми худшими изданиями, в которые они могли вносить и свои поправки.

Судя по замечаниям Аристарха, сохранившимся в схолиях, дошедшие до него экземпляры содержали не слишком много разночтений, но все равно нуждались в сличении, выверке, устранении позднейших вставок и т. п. Аристарх проделал эту работу с чувством большой ответственности. В частности, он не стал изымать из своего издания Гомера те стихи или целые группы стихов, которые ему или его предшественникам казались «неуместными»: повторения однажды сказанного, чересчур подробные описания. Аристарх исключил из своего текста только те стихи, которые он счел безусловно подложными. В других случаях он обозначал подозрительные стихи специальными знаками на полях, так что все они дошли до нашего времени, и современные исследователи могут оценивать соображения Аристарха по-своему. Надо при этом помнить, что александрийские филологи были достаточно далеки от понимания стилистических законов эпоса и могли посчитать ненужным повторением те стихи, которые на самом деле вполне с этими законами согласуются. Например, в целом ряде случаев подвергался сомнению стих, содержащий распространенное обращение к герою («О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей богоравный»), хотя он и отвечал нормам гомеровского этикета.

На основании одного позднеантичного свидетельства Аристарху или его сотрудникам приписывалось деление текста каждой поэмы на 24 книги — по числу букв древнегреческого алфавита. (Античная «книга» — это 500—1000 строк, помещавшихся на одном папирусном свитке. Жуковский переводит это слово как «Песнь»; но в комментариях мы сохраняем общепринятое в науке слово «книга».) В настоящее время это свидетельство понимают таким образом, что Аристарх только узаконил, введя его в свое издание, уже сложившееся в течение 4 в. деление, которое восходило, вероятно, к практике исполнения отдельных отрывков текста раподами. При этом Аристарх не избежал некоторого насилия над смыслом ради того, чтобы число книг совпало с количеством букв в алфавите. Например, кн. 6 и 7, содержащие соответственно 331 и 347 стихов, по содержанию вполне могли бы быть объединены в одну и при том все еще уступали бы по объему кн. 4, насчитывающей 847 стихов.

Аристарх дважды издал гомеровские поэмы, и его второе издание послужило основой если не для всех, то для подавляющего большинства последующих изданий. Это подтверждается многочисленными находками папирусных отрывков с текстом «Одиссеи», число которых, начиная с последних десятилетий прошлого века, постоянно возрастает: в 1922 г. их было известно 57, к концу 90-х годов их количество превысило две с половиной сотни. Не больше десятка опубликованных папирусов

датируется 3 в. до н. э., т. е. предшествует изданию Аристарха (в них иногда можно обнаружить и исключенные им стихи); почти все остальные восходят непосредственно к нему, при том что наиболее поздние относятся к 7 в. н. э. По своей значимости для установления текста поэмы папирусы, естественно, не равноценны. Одни из них представляют собой школьные упражнения, другие — остатки солидных изданий, специально изготовленных для любителей словесности; в одном дошло несколько книг, в других — только обрывки от нескольких стихов; в одних подтверждается традиционное чтение, в других встречаются ненужные повторения или добавления — разбираться со всем этим приходится современным текстологам. Так или иначе, в новейших изданиях «Одиссеи» учитывается свыше 155 папирусных текстов. Вообще же о популярности гомеровских поэм в древности свидетельствует тот факт, что число всех папирусов, включая «Илиаду», «Одиссею» и так называемые *Homeric* (словари, пересказы, схолии и т. п.), доходит до 1100 экземпляров и составляет около 20 % всех опубликованных до сих пор литературных папирусов.

С подобных папирусных рукописей уже в последние века античности текст «Одиссеи» стали переносить на более надежный писчий материал — пергамен¹, в результате чего он дошел до нас во многих средневековых рукописях, изготовленных в Византии. Древнейшими среди них являются две из библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции (*Laurentianus* 32. 24 и 52), написанные на рубеже 10—11 вв.; еще около полутора десятков относятся к 13—14 вв., т. е. ко времени, когда после освобождения Константинополя от крестоносцев (1261 г.) снова оживился интерес к изданию античных авторов. Всего же в современных изданиях используется около 80 рукописей «Одиссеи».

В отличие от Византии, которая считала себя преемницей культурного наследия древней Греции, Западная Европа в течение всех средних веков Гомера не знала. Если на него и встречаются ссылки, то имеется в виду так называемая *Piias Latina* — составленное в 60-х годах н. э. достаточно скудное изложение «Илиады» на латинском языке объемом около 1070 гексаметров. «Одиссея» не удостоилась даже столь краткого изложения. В лучшем случае, можно было получить представление о ее содержании из пересказа у латинских мифографов — в первую очередь Гигина (см. вступительную заметку к СМС и статью «Одиссея» — фольклорное наследие...»). Впервые интерес к Гомеру возникает только у деятелей Возрождения в Италии (благодаря латинскому переводу «Илиады» и «Одиссеи», сделанному Леонтием Пилатом, узнали полного Гомера, в частности, Боккаччо и Петрарка). Итальянский же гуманист Лоренца Валла в 1442—1444 гг. перевел хорошей, хотя и суховатой, латинской прозой первые 16 книг «Илиады». Работу Валла продолжил его ученик Франческо Арретино, докончивший перевод «Илиады» и добавивший к нему всю «Одиссею». Их совместный труд появился в печати в 1474 г., познакомив Запад с Гомером, после чего прошло еще 14 лет до выхода его в свет — первым из древнегреческих авторов — на языке оригинала. Это издание осуществил в 1488 г. во Флоренции один из ученых греков, работавших в Италии, профессор в Падуе, Флоренции и позднее в Милане Деметрий Халкондил (или Халкокондил, 1424—1511). Затем в 1504 и 1507 гг. последовали издания, вышедшие у известного венецианского книгопечатника Альда Мануция. С тех пор каждая из гомеровских

¹ Самый ранний дошедший до нас пергаменный кодекс датируется 3—4 в. н. э. и содержит большие остатки кн. 13—15 и 18—24.

поэм бесчисленное количество раз издавалась и в оригинале, и в переводах во всем мире.

В настоящее время в научном обиходе чаще всего пользуются следующими изданиями «Одиссеи» (приводим их в порядке выхода в свет):

Homers *Odyssee für den Schulgebrauch erklärt* von K. F. Ameis und C. Hentze. Bearbeitet von P. Sauer. Несмотря на скромный подзаголовок, издание это, впервые вышедшее в 1856 г., сохраняет до сих пор свое значение благодаря аппарату, в котором указаны все повторяющиеся места текста, включая отдельные стихи и полустихия. К тому же, начиная с 1910 г., издание Аменза-Хентце стало выходить в переработке крупного специалиста по Гомеру Пауля Кауэра и в таком виде выдержало множество переизданий. В 1964 г. все его 4 тома были воспроизведены фотомеханическим способом в изд. Тойбнера, Штуттгарт.

Homeri *carmina recensuit et selecta lectionis varietate instruxit* A. Ludwich. *Odyssea*. Teil 1 (Lpz., 1889), Teil 2 (1901). Издатели «Одиссеи» до сих пор придерживаются классификации рукописей, произведенной Людвихом.

Homeri *opera recognovit brevique adnotatione critica instruxit* T. W. Allen. Vol. III—IV. Oxford, 1917—1919.

Homer. *The Odissey*. In two vol. with an English translation by A. T. Murray. L., 1919. Revised by G.E. Dimock. L., 1995.

Homère. *Odissée*. Text établi et traduit par V. Bérard. Vol. I—III. P., 1924 (с прозаическим французским переводом). Много переизданий вплоть до 1987—1995 гг.

Homeri *Odyssea*. *Recognovit* P. von der Muehll. Basel, 1946; Stuttgart, 1962 и переиздания, последнее — 1993.

The Odissey of Homer. Vol. 1—2. By W. B. Stanford. L., 1947—1948. 2nd ed. 1959 (с комментарием).

Omero. *Odyssea*. A cura di A. Heubeck, St. West [et alii]. Vol. I—VI. Fondazione Lorenzo Valla. Roma, 1981—1986. Текст сопровождается переводом на итальянский язык, вступительными статьями и обстоятельнейшим комментарием. В 1991—1993 гг. все тома были выпущены 4—6-м изданием.

A Commentary on Homer's Odyssey. Vol. I—III. Oxford, 1981—1985 (reprint. 1991—1992). Переработанный вариант комментария из предыдущего издания.

Odyssea. *Recognovit* H. van Thiel. Hildesheim. Olms. 1991.

При составлении настоящих примечаний были в той или иной мере использованы все названные издания, кроме последнего, известного мне только по библиографии (и, судя по ней, не самого надежного), а также примечания И. М. Тронского, которыми сопровождалось издание: *Гомер*. Одиссея. М.; Л., 1935. С. 437—524. Следует при этом иметь в виду, что в наших примечаниях только в редчайших случаях обращается внимание на разночтения в греческом тексте: Жуковский их, скорее всего, не знал, а если бы и знал, это едва ли как-нибудь отразилось в его переводе. Например, в кн. I начало ст. 356 (обращение Телемаха к Пенелопе) в традиционном тексте звучит: «Но, войдя в дом...», причем под словом *oikos* понимается женская половина. Наряду с этим в античности было и несколько иное чтение: «Но ты, войдя внутрь...» У Жуковского начало стиха переведено: «Но удались», что с одинаковым успехом может соответствовать любому из двух вариантов. Вернемся, однако, к александрийским филологам.

Свою работу над текстом гомеровских поэм они сопровождали составлением всякого рода комментариев, лексикографических пособий и прочих вспомогатель-

ных материалов, в которых объяснили ставшие непонятными гомеровские слова и выражения, а также могли обосновывать свои сомнения в подлинности тех или иных стихов. В этих занятиях они также имели предшественников, ибо уже в 5 в. понадобились разъяснения гомеровской лексики. Так, работу о гомеровских словах написал Демокрит; занимались толкованием эпоса софисты. (Здесь мы имеем в виду только лексикографические штудии. Сочинения античных авторов, затрагивавших роль богов у Гомера или находивших в нем всякого рода аллегории, — особая тема, имеющая только отдаленное отношение к филологическому пониманию текста поэм.) Ни один из трактатов, посвященных александрийцами и тем более их предшественниками объяснению Гомера, до нас не дошел. Широко использовали работы александрийцев более поздние филологи, из которых самым известным был ученейший Дидим (2-я пол. 1 в. до н. э.). Но и комментарий, составленный с учетом его заметок и трудов еще трех филологов, скорее всего в 1 в. н. э., также не сохранился. Известно только, что и из этого свода дважды делались выдержки: пока обработанный таким образом материал не послужил основой для так называемых схолиев — комментариев, размещавшихся на полях средневековых рукописей или между стихами. Эти схолии и являются для нас источником сведений о филологической работе Аристарха и других античных ученых, занимавшихся Гомером. К сожалению, до сих пор нет серьезного научного издания схолиев к «Одиссее», которое могло бы заменить устаревшее издание В. Диндорфа (Оксфорд, 1855; репринт — 1961).

КНИГИ ПЕРВАЯ — ЧЕТВЕРТАЯ

Эти книги еще с середины прошлого века по примеру одного немецкого филолога принято объединять под общим названием Телемахии: сам Одиссей в них участия не принимает, а действие сосредоточено вокруг фигуры его сына Телемаха, которого Одиссей, уходя на Троянскую войну, оставил грудным ребенком. В то время, когда начинается действие «Одиссеи», Телемаху исполнилось 20 лет, и он оказался лицом к лицу с многочисленными женихами, бесчинствующими в доме Одиссея и требующими, чтобы Пенелопа выбрала себе нового мужа. На возвращение хозяина дома, с их точки зрения, потеряна всякая надежда. Не рассчитывая в одиночку справиться с обнаглевшими женихами, Телемах, по совету Афины, явившейся к нему под видом старого друга Одиссея, отправляется в Пилос и Спарту в надежде навести справки об отце.

Аналитическая критика давно использовала Телемахию в качестве аргумента в свою пользу: автор поэмы о странствиях и возвращении Одиссея присоединил-де к ее основному содержанию некогда отдельно существовавшее произведение о путешествии Телемаха и этим обрек себя на непреодолимые противоречия. Так, зачем Телемаху отправляться на розыски Одиссея, если слушатели уже знают, что его возвращение предreshено богами? Не лучше ли было бы ему оставаться дома, чтобы охранять мать от посягательств женихов, на что, кстати, в самой Телемахии есть прямые указания (2. 361—370; 3. 313—316). С другой стороны, ничего не узнавшего Телемаха автор около месяца задерживает в Спарте, так что самой Афине приходится напоминать ему о необходимости скорейшего возвращения (15. 9—26). Чтобы обосновать самостоятельное существование Телемахии, приводятся также

два собрания богов — в начале кн. 1 и в начале кн. 5. По мнению аналитиков, автор «Одиссеи», добавив к ней Телемахию, счел нужным снабдить поэму новым введением, но «забыл» исключить ранее имевшееся. Само собой разумеется, что с исключением из нынешней «Одиссеи» книг 1—4 выпадают и те части кн. 15 и 16, в которых повествуется о возвращении Телемаха на Итаку, и, чтобы встретиться с отцом, Телемах должен был бы по какой-то неизвестной причине просто прийти из города к Евмею и застать там Одиссея.

Попробуем разобраться с этими доводами, помня, что мы имеем дело не с протокольной записью реально происходивших событий, а с художественным произведением, которое было рассчитано на слушателя и, соответственно, подчинялось своим законам.

Прежде всего, можно ли представить себе существование самостоятельной поэмы о путешествии Телемаха? Каков мог бы быть сюжет, положенный в ее основу? На этот вопрос возможен только один ответ: путешествие Телемаха в качестве содержания отдельного произведения имело бы смысл только в том случае, если бы в ходе его Телемах встречал не узанного им отца и между ними возникал конфликт, приводящий к трагической развязке. Тогда это была бы поэма, аналогичная по содержанию «Телегонии». Между тем в первых книгах «Одиссеи» неоднократно подчеркивается сходство Телемаха с отцом (см. 1. 203 и примеч.), чем заранее отвергается возможность их роковой встречи. Затем, если о «Телегонии» есть достоверные античные свидетельства, то на существование подобной же «Телемахии» нет нигде ни малейшего намека, и причина этого совершенно ясна: сколько раз один и тот же Одиссей мог бы погибать от руки своих сыновей? Существование «Телегонии» исключало возможность существования «Телемахии».

Поставим теперь вопрос иначе: так ли уж лишена смысла Телемахия в составе «Одиссеи», если подходить к ней не с позиций формальной ломки, а с точки зрения художественной концепции поэмы в целом?

По содержанию первые четыре книги делятся на две половины: положение на Итаке (кн. 1—2, всего 878 стихов) и пребывание Телемаха в Пилосе и Спарте, где он не получает надежных сведений об отце, но зато узнает, какая участь постигла после окончания войны Нестора, Менелая и Агамемнона (кн. 3—4, всего 1344 стиха, т. е. по объему в полтора раза больше первых двух). Водораздел между двумя половинами проходит между последним стихом кн. 2-й (ст. 434: наступила ночь) и первым стихом кн. 3-й (рассвет).

Назначение кн. 1—2 совершенно очевидно: они создают экспозицию для возвращения Одиссея. Без них автору пришлось бы вводить всю необходимую информацию уже в момент, непосредственно предшествующий расправе с женихами, и тем самым ослабить напряжение действия, ведущее к развязке. При нынешней структуре поэмы еще задолго до появления Одиссея слушателю становится известно, с какой опасностью тому придется столкнуться и что представляют собой его противники. Поведение наиболее дерзких женихов — Антиноя и Еврипахы — предвещает их отношение к Одиссею в образе нищего в последней трети поэмы. Наряду с Телемахом, в поле зрения слушателей оказываются и другие персонажи из окружения Одиссея: Пенелопа (о ее попытке отдалить необходимость выбора нового мужа впервые сообщается в кн. 2. 93—110, затем этот мотив повторяется в кн. 19. 139—156, опять же объединяя начало поэмы с приближающейся развязкой), верная няня Евриклея (в 2. 361—380 она помогает Телемаху собраться в путь и

клятвенно обещает хранить тайну его отъезда, в 19. 471—498 она узнает Одиссея и клянется хранить в тайне его возвращение), а в кн. 4 также глашатай Медонт, которому еще предстоит сыграть свою роль в последних книгах (4. 677—715; 22. 357—380; 24. 442—450).

Что же касается ожидаемого возвращения Одиссея, то кн. 1—2 и в этом отношении достаточно изысканно предвосхищают вторую половину поэмы. В первой половине многие, и прежде всего сам Телемах, почти перестали надеяться на встречу с Одиссеем (1. 162—164, 350 сл., 392, 409 сл.; 2. 46; 3. 88—91, 241 сл.; 4. 292 сл. Ср. 2. 96 сл., 182 сл., 332 сл., 365 сл.). Во второй половине Телемах — единственный, кто знает, что Одиссей уже на Итаке, в то время как все остальные продолжают сомневаться в его возможном возвращении в присутствии самого Одиссея-нищего (см. выше статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», примеч. 22). Впервые сообщается в Телемахии и о том, что Одиссей вернется, потеряв всех спутников (2. 174); потом это повторяется во втором блоке (9. 534 сл. = 11. 114 сл.; 12. 141) и в третьем (13. 340).

Книги 3—4 выполняют сразу несколько художественных задач. По содержанию они восходят к циклу поэм о возвращении героев из-под Трои и таким образом заполняют разрыв во времени между «Илиадой» и «Одиссеей». Поэмы эти до нас не дошли, как не дошло и эпическое произведение, автором которого считался некий Агий Трезенский — «Возвращения». Из позднего пересказа, однако, известно, что там речь шла о доле, доставшейся при возвращении из-под Трои Агамемнону, Менелаю, Нестору, Диомеду, Аяксу Локрийскому. «Возвращения» датируют 7 в., и едва ли автор «Одиссеи» мог их использовать, но он, конечно, знал более ранние поэмы с таким же содержанием. В круг этих сказаний и включаются в кн. 3 и 4 скитания самого Одиссея: о нем с уважением говорят и Нестор и Менелай, причем оба уверены в его скором возвращении, а их воспоминания перекликаются с рассказами самого Одиссея-нищего о «подлинном» Одиссее в кн. 14. 321—333, 470—502, и особенно в кн. 19. 185—299. Такой же «скрепой» между Телемахией и следующим за ней блоком служит трехкратное возвращение — каждый раз с особой целью — к истории Троянского коня (4. 269—289; 8. 492—520; 11. 523—537). С третьим блоком кн. 4 связывают также краткие воспоминания о роли, которую сыграла в войне Елена (4. 271—279; 17. 118 сл.; 23. 218—224).

В тех же «Возвращениях», как мы уже говорили, шла речь о трагической судьбе Агамемнона, и мотив этот, впервые затронутый в самом начале кн. 1, затем проходит через всю поэму, составляя яркий контраст по отношению к самому Одиссею и окружающим его персонажам. Там доверчиво вернувшийся в свой дом Агамемнон становился жертвой своей коварной супруги Клитемнестры и ее любовника Эгисфа, которому со временем отомстил сын убитого Орест. Здесь Одиссея, с величайшей предосторожностью вступающего под родную кровлю, ждет верная Пенелопа, всячески избегающая ненавистного ей сватовства, и месть совершается не руками неопытного юноши Телемаха, а самим грозным героем.

Отметим в кн. 3—4 также еще одно противопоставление: между тревожной неизвестностью об участи Одиссея и описанием беспорядка, творимого женихами на Итаке, с одной стороны, и обстановкой мирного налаженного быта, царящей в домах Нестора и Менелая, — с другой. Таким образом, две половины Телемахии служат введением к двум главным линиям в дальнейшем содержании поэмы. К кн. 1—2 примыкают все книги, содержащие описание событий на Итаке; к кн. 3—4 — вся средняя часть (кн. 5—12: скитания Одиссея, включая их

последний этап перед возвращением на родину). В то же время обе половины Телемахии достаточно тесно скреплены между собой: отъезд Телемаха в конце кн. 2 вызывает к жизни заговор женихов. Впервые о нем сообщается в конце кн. 4. 669—672, 698—702, затем говорится в кн. 13. 425—428 и 14. 180—182, пока, наконец, преступный замысел не терпит провала (15. 27—42; 16. 342—370). Как видим, заговор женихов вносит дополнительный и очень неблагоприятный штрих в их характеристику и в то же самое время снова связывает Телемахию со второй половиной поэмы.

При такой продуманности средств, объединяющих Телемахию с остальными книгами, не может быть и речи о том, что второе собрание богов осталось в начале кн. 5 по недосмотру автора. Причина этого повторения — в необходимости соединить со временем две линии повествования, касающиеся Телемаха и Одиссея. Телемах уже включен в действие, теперь пришла очередь Одиссея, и, соответственно, нужно новое собрание богов, аналогичное более раннему. После первого собрания Афина направлялась на остров Итаку, чтобы дать толчок событиям в кн. 1—4; после второго — Гермес направляется на остров Огигию, чтобы вывести из бездействия главного героя. Как видно, сочиняя кн. 1, автор уже держал в уме эту вторую задачу, поскольку о пребывании Одиссея у Калипсо упомянул в самом начале поэмы (1. 14), чтобы вернуться к нему в начале кн. 5 (ст. 14).

Что касается слишком длительного пребывания Телемаха в Спарте, то его возвращение на Итаку не имеет смысла раньше прибытия Одиссея, если только автор не хочет сделать его еще на целый месяц бессильным свидетелем бесчинств женихов. Так в путешествии Телемаха образуется промежуток, необходимый для почти одновременного с Одиссеем возвращения на родной остров, встречи отца с сыном и дальнейших совместных действий (см. ст. «Одиссея» — фольклорное наследие...», примеч. 19).

Из сказанного, конечно, не следует, что в тексте Телемахии нет ни более поздних добавлений, взятых под подозрение еще древними комментаторами (все заслуживающие внимания случаи такого рода отмечены далее в примечаниях), ни каких-либо других противоречий или несогласованностей (см., напр., примеч. к 1. 265—293). Надо, однако, помнить, что «Одиссея» возникла на рубеже устного бытования и письменной фиксации героического эпоса, когда автор не перебирал варианты, не пользовался черновиками и не перерабатывал однажды сказанного. Подходить к нему с требованиями, закономерными для творческого процесса писателей 19—20 вв., было бы совершенно несправедливо.

КНИГА ПЕРВАЯ

Собрание богов. Увещание Афины Телемаху

Ст. 1. *Муза, скажи мне...* — Обращение к Музе как вдохновительнице творца — традиционный прием древнегреческой поэзии, унаследованный от нее и в новое время. При этом в поэзии архаического и классического периодов (8—4 вв.) призыв к Музам носит, как правило, вполне искренний характер, отражая убеждение поэта в божественном происхождении его дара (см. ниже, 8. 487—492). Начиная с эпохи эллинизма (3 в.) обращение к Музе либо носит совершенно формальный

характер (ср. насмешливую эпиграмму в Палатинской антологии, 11. 130)¹, либо снижается до бытового уровня (ср. у Каллимаха изображение Муз в прологе его «Причин»). В русской поэзии оба типа отношения к Музе находят отражение в двух почти одновременных произведениях Пушкина. С одной стороны: «В те дни, когда в садах Лицея // Я безмятежно расцветал... // В те дни в таинственных долинах, // Весной, при кликах лебединых, // Близ вод, сиявших в тишине, // Являться Муза стала мне» (Евгений Онегин, гл. VIII, строфа I). С другой: «Усядьяся, Муза; ручки в рукава, // Под лавку ножки! не вертись, резвушка!» (Домик в Коломне, строфа IX).

В «Одиссее» Муза призывается обычно в единственном числе, в «Илиаде» — во множественном (I. 604; II. 484). Девять Муз упоминаются только в последней книге «Одиссеи», 24. 60. и у Гесиода, *Теог.* 60, 75—79, где они названы по именам.

В переводе Жуковского порядок слов изменен против оригинала, в котором первое же слово обозначает содержание всей поэмы: «**Мужа** воспой...» (Ср. начало «Илиады»: «**Гнев**, богиня, воспой...»). Перестановка в переводе Жуковского вызвана, вероятно, тем, что в оригинале «Одиссеи» употреблен глагол ἐννεπε с винительным падежом прямого дополнения; буквально: «Мужа назови мне, Муза...» Ср.: Гораций. Поэтика. 141 сл. *Многоопытный* — эпитет Одиссея, повторенный в оригинале в кн. 10. 330; там Жуковский заменил его на «многохитростный».

Ст. 2. ...*святой*... — Это частое у Гомера определение Илиона (Трои), как и некоторых других городов, не имеет религиозного значения, а только придает поэтической речи торжественный характер. ...*им разрушен*... — Собственно, разрушение Илиона не являлось делом рук одного Одиссея; здесь, вероятно, имелось в виду, что Одиссей предложил соорудить деревянного коня, который помог грекам взять Трою, и возглавлял засевший там отряд. См. 7. 494, 502; 8. 3; 9. 504, 530; 14. 448; 16. 442; 18. 356; 22. 230, 283; 24. 119. Отсюда в большей части приведенных стихов эпитет Одиссея πτολίπορθος — «разрушитель городов» (в переводе обычно: «городов сокрушитель»).

Ст. 3 сл. *Многих людей... Много ... скорбел*... — Анафора соответствует стилю оригинала.

Ст. 7. *Гибель они на себя навлекли святотатством*... — Ср. 10. 437, где в оригинале повторяется вторая половина стиха: «...от безрассудства погибли». Там, однако, речь идет о безрассудстве Одиссея, здесь — его спутников. См. статью «Одиссея» — фольклорное наследие..., § 4.

Ст. 8. *Съевши быков Гелиоса*... — См. 12. 319—400. *Быки* — многократная ошибка Жуковского, когда речь идет о стаде Гелиоса, состоявшего, естественно, из коров. Любопытно, что И. А. Крылов, взявшийся переводить не для печати «Одиссею», но остановившийся на ст. 27 кн. 1, так как, по его словам, не мог «сладить с гексаметром», тоже перевел здесь: «тучных волов... солнца».

Ст. 11. *Все уж другие*... — Соратники Одиссея, осаждавшие вместе с ним Трою. Впрочем, отнюдь не все были дома. См. СМС: Агамемнон.

Ст. 15. *Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей суфругом*. — В оригинале равен 9. 15. Жуковский переводит в первом случае «напрасно желая», во втором — «убеж-

¹ А круговые певцы самого обирают Гомера

И без стыда голоса: «Гнев, о богиня, воспой!»

(Перевод М. А. Гаспарова)

Здесь: круговые певцы — авторы киклических поэм.

дая». Правильнее всего — «сильно желая». *Напрасно* — добавление переводчика; фактически Одиссей все семь лет пребывания на острове Калипсо выполнял обязанность ее мужа. См. 5. 154 сл. и примеч.

Ст. 17. *Год, в который ему возвратиться назначили боги...* — Десятый год скитаний Одиссея, двадцатый — после отплытия под Трою. Ср. 2. 175. *Назначили* — собственно, «выпрями»; имеются в виду «прядильщицы» Мойры (7. 197 сл. — в переводе заменены латинским именем «Парки»), прядущие нить человеческой жизни.

Ст. 20. *...Посидон лишь единственный упорствовал гнать Одиссея...* — Так как он мстил Одиссею за ослепление своего сына Полифема. Ср. ниже, ст. 67—74; 9. 519—536.

Ст. 22—23. *...в отдаленной стране эфиопов // Крайних людей...* — Точнее: «удаленных от людей», как будет сказано впоследствии о феаках (6. 204 сл.). Как видно, в представлении автора, эфиопы живут на краю света с обеих его сторон, на западе и на востоке (ср. 5. 282 и примеч.), хотя могут локализоваться и в Африке (4. 84), как их будут представлять себе в 5 в. По-видимому, для автора «Одиссеи» эфиопы — сказочный народ, местожителство которого не отличается достаточной определенностью. Их название Αἰθίοπες возводили, вероятно, к корням αἶθ- — «жар» и оп- — «лик»: люди «с обожженными (загорелыми) лицами». *Экатомба* — по первоначальному значению слова — принесение в жертву сотни быков; затем — вообще богатое жертвоприношение.

Ст. 29 сл. *Эгист, Амфид, Орест* — См. СМС: Агамемнон. *Беспорочный* — т. е. «не заслуживающий упрека» — постоянный эпитет знатных людей. Здесь — в совершенно застывшем употреблении, так как Эгистф вполне заслужил и упреки и смерть. Так и Клитемнестра названа «божественной» (3. 265), и женихи вместе со своими предводителями — «богоравными» (14. 18; 21. 186, 277; в ст. 186 эпитет в переводе опущен).

Ст. 32. *...нас, богов, обвиняют!..* — См. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», § 4.

Ст. 44. *Светлоокая...* — Здесь и далее в оригинале прилагательное γλαυκῶτις, переводимое обычно как «совоокая». Этот эпитет является, скорее всего, пережитком воспоминаний о женском дворцовом божестве микенского или даже более раннего времени, которое представляли себе в облике птицы (ср. превращения Афины в ласточку — 22. 239, в орла — 3. 371 сл., в точнее не определяемую птицу — 1. 316). В свою очередь, «совиный лик» Афины — вероятно, остаток зооморфной стадии догреческой религии, когда Афина была совой, так же как «волоокая» Гера — коровой. Возможно, что Афины сближали с совой и по серому цвету ее глаз (тем более если сова являлась, как в Афинах, ее священной птицей) и что автор «Одиссеи» вообще не задумывался над происхождением этого эпитета или ассоциировал его с прилагательным γλαυκός «блестящий, сияющий, светлый».

Ст. 47—49. *Но теперь сокрушает мне сердце...* — Аллитерация на «с» (сокрушает сердце... свою судьбой... Одиссей... страждет... с своими) может соответствовать аналогичному приему в оригинале (созвучия на δ, π).

Ст. 50. *Пупе... моря...* — Остров нимфы Калипсо представляется расположенным в центре моря, вдали от всяких берегов.

Ст. 58. *Смерти единой он молит...* — Так как не рассчитывает на возвращение домой. Так же и Пенелопа предпочитает смерть безнадежному ожиданию Одиссея (18. 202—205; 20. 61—65, 78—82).

Ст. 62. сл. = 5. 21 сл.

Ст. 67. ...*обволнитель земли*... — В оригинале γαίφορος, понимаемое обычно как «земледержец», постоянный эпитет Посидона (ср. 3. 55).

Ст. 82. ...*остров Огигский*... — Жуковский перевел здесь Ὀγυγίη как определение, едва ли подозревая, что грамматическая принадлежность этого слова в греческом и в самом деле неустойчива. В «Одиссее» оно всегда соединяется с существительным «остров» (6. 172; 7. 244) и может быть понято и как имя собственное, и как определение. У Гесиода оно употреблено как эпитет реки Стикс, протекающей в подземном царстве (*Теог.* 806), — в этом случае еще отчетливее прослеживается сходство острова Калипсо с потусторонним миром. Существует ли какая-нибудь связь между прилагательным «огигский» и Огигом, персонажем аттического и беотийского сказаний о потопе, остается загадочным.

Ст. 86 сл. = 5. 30 сл. с заменой формы глагола.

Ст. 88. ...*густовласый ахеян*... — Собственно: «длинноволосые»; признак, отличающий знатных от несвободных.

Ст. 93. *Также, чтоб в людях о нем утвердилась добрая слава*... — Поскольку слушатель уже знает о предрешенном богами возвращении Одиссея, добавляется и другая мотивировка поездки Телемаха: чтобы заботой об отце он снискал себе добрую славу. См. 13. 442 сл.

Ст. 94—99. ... *она привязала к ногам золотые подошвы*... — Уже Аристарх считал интерполяцией: ст. 94—96 не к месту повторяют ст. 44—16 из кн. 5, где описывается полет Гермеса, чьим атрибутом обычно являются *золотые подошвы* (сандалии). Огромное *копы*, для описания которого используются стихи из «Илиады» (V. 7—16 сл.; VIII. 390 сл.), Афина берет с собой, только отпрявляясь в бой, — ниже, в ст. 102, явившись в образе Ментора, она держит в руках обычное копы с медным наконечником. Впрочем, не все современные исследователи разделяют мнение Аристарха, указывая, что использование не всегда к месту застывших формул является одним из признаков устной поэзии. *Амброзиальные* — принадлежащие бессмертным (ἀϊβροτοί) богам. ...*громоносного бога рождение* — дочь Зевса.

Ст. 101. ...*у порога*... — Т. е. у входа во двор, расположенный перед домом. Здесь чужеземцу полагалось ожидать, пока кто-нибудь, заметив его, пригласит войти в зал.

Ст. 103. *Гостя ... Ментеса* ... — В облике Ментеса Афина появляется только в кн. 1; в кн. 2—4 она предстает в образе итакийца Ментора; гость — собственно, чужеземец, связанный с кем-либо из местных жителей узами гостеприимства. Ср. ниже, ст. 182 сл.

Ст. 107. сл. *Вместе с рабами*... — В оригинале речь идет о наемных прислужниках женихов. Тот же случай — в кн. 15. 330. ...*наливали // Воду с вином*... — Собственно, смешивали вино с водой, так как греки употребляли вино, разведенное водой, обычно в пропорции 1:3, реже — 1:2.

Ст. 109. ...*их сдвигали*... — Точнее: «пододвигали» к каждому креслу отдельный столик, как это изображено в ст. 136. После окончания еды столы убирались.

Ст. 115. *Власть восприимет*... — Собственно: «царское достоинство» (τιςί — «почетная доля») со всеми сопровождающими его атрибутами.

Ст. 119. *Взял он за правую руку пришельца*... — Обычная форма приветствия пришедшего чужеземца.

Ст. 120. *Голос потом свой возвысил*... — Многократно повторяющийся формульный стих, вводящий прямую речь.

Ст. 121. *Радуйся...* (χαίρε) — Обычное в греческом языке обращение при встрече и прощании. См. 15. 40, 59, 229.

Ст. 122. *Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищею...* — Пришельца следует сначала угостить и только потом спрашивать о его имени, происхождении и цели приезда. Ср. 3. 69 сл.; 4. 60 сл.; 14. 45—47.

Ст. 130. *...для ног ... скамейка...* — См. 4. 136; 10. 315; 19. 57 сл.

Ст. 134—138 = 4. 52—56 = 7. 172—176 = 15. 135—139 = 17. 91—95 (= 10. 368—372; вероятно, позднейшая интерполяция, см. примеч.) Формульные стихи, описывающие приготовление к угощению.

Ст. 145. Отсутствует в одном папирусе I в. н. э. и в нескольких средневековых рукописях. По содержанию он лишний, так как об угощении вином уже сказано выше, ст. 140 сл.

Ст. 146 сл. = 8. 71 сл. = 14. 453 сл. = 15. 142 сл. = 16. 54 сл.

Ст. 149—151. *...цифру ... Фемию подал ... Петь принужденному...* — Фемий сопровождает свое пение переборами четырехструнной кифары (цитры); при этом подчеркивается, что он вынужденно участвует в пирах женихов. Ср. последствия этого в 22. 330—380. Имя Фемия — говорящее: «человек, который распространяет молву» (φήμη). В 22. 330 он назван сыном Терпия — «усладителя» (от глагола τέρπω «услаждать»), т. е., в конечном счете, певец Фемий, прославляя героев, *услаждает* слушателей. Говорящие имена вообще один из приемов автора «Одиссеи». Таковы, например, Антиной («мыслящий вопреки», «враждебный») — один из самых наглых женихов Пенелопы, Полиб («владелец многих стад»), принимавший в Египте Менелая (4. 126), Асфалион (от ἀσφαλῆς «надежный») — слуга Менелая (4. 216), возможно, Поликтор («много приобретенный», 17. 207). См. также 3. 36 и примеч.; 8. 111, 115 и примеч.

Ст. 163. *...от людей земнородных...* — В оригинале: «живущих на земле».

Ст. 166—169. = 14. 187—190. Впрочем, ст. 167—169 вместе с ответом на них, ст. 181 сл. Аристарх считал вставкой, проникшей из кн. 14: там вопросы, задаваемые Евмеем старому нищему, уместны; здесь, по отношению к знатному гостю, — не вполне вежливы.

Ст. 168 сл. = 16. 58 сл. — 223 сл.

Ст. 180. *...обменявшись блестящим железом...* — Гомеровский эпос представляет себе изображаемое им общество как еще не знающее денег и ведущее торговлю только путем обмена.

Ст. 187. *...старушкой служанкой...* — Жена Долиона, родом из Сицилии. См. 24. 211, 366.

Ст. 193 сл. *...на волнообъятм // Острове...* — Ср. выше, ст. 49. Афина, явившись в облике смертного, повторяет то, что известно ей как богине.

Ст. 203 сл. *Ты... С ним ...сходен.* — Ср. 3. 122—125; 4. 141—146.

Ст. 211. *Мать уверяет...* — Ср. отрывок из Менандра:

Никто отца не знает ведь наверное —

Все полагают либо верят на слово.

(Перевод А. Парина)

Вероятно, полусхутивное «общее место».

Ст. 219. *Пенелопта* — см. СМС.

Ст. 224. *Порядочный* — В оригинале: «разумный».

Ст. 232. *Менее стал бы о нем я крушиться...* — Ср. 5. 306—311; 24. 30—34; мотив, подхваченный Эсхилом: Хоэфоры. 345—353.

Ст. 234—237 = 14. 368—371.

Ст. 235 сл. = 24. 32 сл.

Ст. 237. *...Гартии взяли его...* — Т. е. он бесследно исчез. Ср. выше, ст. 230 сл.

Ст. 241—247 = 16. 122—128.

Ст. 242 сл. *Первые ... Первые* — Анафора, употребленная в переводе, близка к оригиналу. *Дулихий, Зам, Закинф, Итака.* — См. 9. 24—26 и примеч. к ст. 25.

Ст. 245 сл. *Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака // Средства не имеет спастись...* — В оригинале несколько иначе: «Она же и не отказывается от ненавистного брака и не в силах положить этому конец», т. е. согласиться на новый брак ввиду столь длительного отсутствия мужа. Ср. 18. 269 сл., где неузнанный Одиссей не только допускает для Пенелопы возможность нового супружества, если муж не вернется, но советует именно так и поступить, когда вырастет сын. Таким образом, женихи не нарушают обычного права, но злоупотребляют им, расхищая достояние женщины, к которой они сватаются. См. ст. 271—274.

Ст. 257. *Яда ... искал он...* — Ядовитые стрелы больше в «Одиссее» нигде не упоминаются; вероятно, этот вид оружия считался недопустимым из нравственных соображений, — ср. ниже, ст. 259.

Ст. 261 сл. = 4. 345 сл. = 17. 136 сл.

Ст. 265—292. Советы Афины Телемаху отличаются известной непоследовательностью, которая в глазах представителей аналитического направления служила доказательством позднего присоединения Телемахии к уже сформировавшейся «Одиссее». В самом деле, вторичный брак Пенелопы нельзя считать исключенным, если станет известно о гибели Одиссея (ст. 285—288, ср. выше примеч. к ст. 245 сл.), — но как можно подавать ей такой совет (ст. 271—274) до возвращения Телемаха из поездки? Затем, Афина предлагает Телемаху набраться терпения, если Одиссей жив (ст. 283 сл.), но последствия такого развития событий, как видно, не предусматриваются, коль скоро Телемах должен будет один обдумать план мести (ст. 289—292). Соображения эти, однако, легко отводятся, если признать оба подозрительных пассажира за позднейшую интерполяцию, внесенную сюда из следующей, второй книги (196 сл. = 1. 273 сл.; 2. 218 сл. = 1. 283 сл. с переменной лица), где они вполне на месте.

Ст. 269 сл. *Все объяви ты... После потребуй...* — Афина советует Телемаху таким официальным заявлением о требовании, предъявляемом к женихам, устранить возможную месть со стороны их родных.

Ст. 271—274. *Матери ... Ты предложи...* — Ср. 2. 113 сл., 195—197, где этот совет исходит от женихов.

Ст. 273 сл. = 2. 196 сл.

Ст. 276—288. — Ср. 2. 212—223, где Телемах почти буквально повторяет слова Афины.

Ст. 281. *Менелай* — см. СМС; *златовласый* (собственно: русский) — в обеих поэмах его постоянный эпитет.

Ст. 282. *Прибыл домой он последний из всех меднолатных Ахеян...* — О причине этого см. 4. 351 сл. *Меднолатные* — частое определение ахеян в «Илиаде». Слушатели, конечно, представляли себе здесь бронзовые доспехи; современные археологи полагают, что первоначально имелись в виду плащи, украшенные металлическими накладками.

Ст. 287. ...холм *гробовой* здесь насыпь... — Так называемый кенотаф, «пустую гробницу», которая воздвигалась умершему на чужбине. См. 9. 65 и примеч.

Ст. 291 сл. *Как бы тебе женихов ... погубить...* — Этот совет казался исследователям аналитического направления бессмысленным: если Пенелопа решится выйти замуж за одного из претендентов, то зачем губить остальных? Однако в случае смерти отца Телемах обязан был сам отомстить женихам за все оскорбления, нанесенные его дому, как это впоследствии делает Одиссей, отвергая мирные предложения женихов (22. 61—67).

Ст. 294. ...*отрок Орест...* — См. СМС: Агамемнон.

Ст. 296—298 = 3. 198—200.

Ст. 313. *К вам возвратяся...* — Т. е. на обратном пути из Темесы, см. ст. 179.

Ст. 316. ...*невидимо...* — греческому *ἀνόβια* (или *ἀνόβια*), более нигде не встречающемуся, уже в древности давали разные толкования, сближая его либо с корнем *от-* «видеть» (тогда: «невидимой птицей»), либо с сочетанием *ἀν'όβια*, от *όβη* «отверстие для дыма на крыше» (тогда: «взмыв вверх» или «ускользнув»), либо с названием породы орлов (ср. 3. 372).

Ст. 322 сл. ...*о печальном ахелли ... возврате...* — Имеются в виду раздоры между ахейцами, которые возбудила после взятия Трои Афина, и буря, поднявшаяся на море, когда греческий флот возвращался домой. См. ниже, 3. 130—164; 4. 495—518.

Ст. 327—331 = 18. 207—211 = 21. 63—66 (без первого стиха).

Ст. 340. *Эллада* — в гомеровском эпосе этим понятием обозначается либо царство Пелея в северной Фессалии (так обычно в «Илиаде»), либо в более широком смысле, как здесь, — вообще северная Греция. *Аргос* — здесь весь Пелопоннес.

Ст. 343—345. *Виновен... Зевес, посылающий... вдохновенье...* — В оригинале сказано: «Не певцы виновны, а, конечно, виновен Зевс, который дает вкушающим хлеб людям то, что желает дать каждому», т. е. речь идет не о вдохновении, которое посылает Зевс, а о доле, дарованной им людям, и певец поет о том, что случилось и чего нельзя изменить.

Ст. 348. *Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая...* — Неточный перевод. В оригинале речь идет о том, что люди больше всего прославляют ту песнь, которая является для них самой новой. Такова в данном случае для слушателей песнь о Троянской войне и ее последствиях по сравнению со сказаниями о далеком прошлом.

Ст. 352—355. = 21. 350—353 с заменой слова *ῥήθος* (здесь в значении: речь в собрании) на *τόσον* (лук).

Ст. 356—360. = 21. 354—358. Также 1. 358—360 = 19. 602—604; ст. 359 сл. = 16. 450 сл. *Изумяся...* — Т. е. впервые поняв, что сын уже взрослый.

Ст. 361. ...*в потемневшей палате...* — Точнее: «в тенистой», постоянный эпитет центрального зала (мегагона).

Ст. 369—376. Почти дословно повторяются речи Телемаха в народном собрании, 2. 139—145.

Ст. 376. ...*без платы...* — Т. е. без права родственников женихов предъявить счет мстителю за их возможное убийство. См. выше, ст. 269 сл. и примеч.

Ст. 377 сл. = 18. 410 сл. = 20 268 сл.

Ст. 381—383. ...*когда ты... будешь... царем...* — Характер царской власти на Итаке, видимо, был не очень ясен автору. Очевидно, помимо наследственных прав, нужны были и выдающиеся личные качества (ср. ниже, ст. 390 сл.), в которых Анти-

ной готов отказаться Телемаху. Поэтому вопрос о будущем царе (если не вернется Одиссей) остается во власти богов (ст. 395—398).

Ст. 385. *Друг...* — Здесь, как и в ст. 408, — добавление переводчика. В оригинале Телемах обращается к женихам просто по имени и вовсе не *кротко*. См. 2. 208, 309 — такое же смягчение оригинала.

Ст. 388. *...царем быть не худо...* — Истина, которая подвергается сомнению в трагедии 5 в. См.: Софокл. Царь Эдип. 582—589.

Ст. 391. *Много достойнейших власти...* — В оригинале речь идет о «царях» (басилевсах) — бывших племенных вождях или родовых старейшинах, подчиняющихся одному главному басилевсу. Ср. такое же положение у феаков, ст. 8. 390 сл. О царях во множественном числе в пределах одного полиса говорит и Гесиод, *ТцД*, 208, 248, 263.

Ст. 394. *...над рабами ... добытыми в битвах.* — В оригинале речь идет о пленных, захваченных в результате пиратских набегов. Пиратство, особенно если его жертвой были чужеземцы, в «Одиссее» не осуждается. См. 3. 71—74 и примеч.

Ст. 417—419. = 18. 304—306.

Ст. 427. *Двадцать быков...* — Очень высокая плата за рабыню. В «Илиаде», XXIII. 705 цена искусной рабыни — 4 быка. Впрочем, Евриклея — благородного происхождения, так как названы имена отца и деда.

Ст. 428 сл. *...себе не позволил // Ложка коснуться...* — Что бывает в противоположных случаях, известно из истории Феникса в «Илиаде», IX. 447—457.

Ст. 433. *...снявши сорочку...* — Т. е. хитон, нижнюю одежду без рукавов, надеваемую под плащ (гиматий, хлену, хламиду; Жуковский обычно переводит «мантия»). См. 3. 467; 4. 50, 115; 19. 242 и примеч. На Телемахе был короткий хитон, так как он мог снять его, когда сел на постели.

Ст. 438. *Крепко... ремнем затянула...* — Чтобы запереть снаружи дверь, открывающуюся внутрь, пользовались ремнем, привязанным к задвижке и продетым через отверстие в двери.

КНИГА ВТОРАЯ

Народное собрание на Итаке. Отъезд Телемаха

Ст. 1—5. = 4. 306—310.

Ст. 1. *Встала из мрака...* — Часто повторяемая формула. См. 3. 404 = 8. 1 и т. д. *...с перстами пурпурными...* — Собственно: «с розовеющими пальцами». Пурпурными греки называли густой красный цвет с фиолетовым оттенком. Здесь же имеется в виду феномен, особенно часто наблюдаемый в южных странах: перед восходом солнца на небе появляются расходящиеся из центра розовые полосы, которые наминают растопыренные пальцы руки.

Ст. 3 сл. = 20. 125 сл.

Ст. 11—13. — Ср. 17. 62—64.

Ст. 12. *Образ его... озарила Афина...* — Первый в «Одиссее» пример действий божества, направленный на возвеличение внешнего облика человека. Ср. далее б. 229—235; 8. 18—21; 16. 172—176; 23. 156—162. См. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», § 2.

Ст. 26. *Мы на совет не сходились...* — См. указанную статью, § 3. В оригинале, однако, упоминаются оба органа власти: народное собрание и совет старейшин. Ср. 3. 126 сл., где в переводе правильно названы и то, и другое.

Ст. 38. *Скипетр...* — Не только знак царского и жреческого достоинства, но и атрибут выступающего с речью в народном собрании. Ср. Ил. I. 234—246.

Ст. 42—44. — Ср. выше, 30—32.

Ст. 52. *Прямо в Икариев дом обратится...* — См. I. 245 сл. и примеч.: 271—274.

Ст. 53. *...наделенную щедро приданым...* — Оригинал допускает и другое толкование «получив брачный выкуп». См. 6. 159 и примеч.

Ст. 55—59 = 17. 534—538.

Ст. 64. *...не тревожит вас совесть?..* — В оригинале нет слова «совесть», вообще отсутствующего в языке эпоса, а употреблены два понятия, обозначающие чувство стыда. Первое из них (*αἰδώς*) предполагает осознание позорного поступка самим совершающим, второе (*νέμεσις*) — осуждение его со стороны других. Ср. ниже, ст. 136.

Ст. 70. *...друзья...* — Телемах обращается не к женихам, а к собравшимся гражданам.

Ст. 72. *...меднообутых...* — Т. е. пользующихся медными поножами. Постоянный эпитет. Ср. ниже, ст. 402, где корабельщики плывут, конечно, налегке.

Ст. 76. *Силою взяли...* — Преувеличение переводчика. В оригинале: «съели». *...сохранилась надежда...* — В оригинале: «право на возмещение». Ср. 22. 55 и особенно 23. 357 сл.

Ст. 89. *Три совершилось года...* — В определении продолжительности домогательства женихов автор не вполне последователен. В ст. 89 в оригинале сказано: «Вот уже третий год, скоро пойдет четвертый». В ст. 106: «когда же наступил четвертый год». В любом случае надо признать, что женихи стали свататься к Пенелопе не раньше седьмого года по окончании Троянской войны, когда на возвращение Одиссея и в самом деле оставалось мало надежды.

Ст. 91 сл. = 13. 380 сл.

Ст. 93—110 = 24. 128—146; начиная со ст. 94 = 19. 139—156, где ст. 153 не находит соответствия в кн. 2. Этот же стих повторяется в 24. 143 и оба раза, скорее всего, является вставкой, отсутствующей в большинстве рукописей. Разумеется, грамматические формы глагола в кн. 19 соответствуют первому лицу рассказчицы, т. е. Пенелопы. Некоторые исследователи отмечают известную нелогичность замысла Пенелопы: кто мог бы помешать ей ткать саван для Лаэрта и при новом муже? Поэтому высказывается предположение, что в первоначальном фольклорном варианте речь шла о том, что Пенелопа должна успеть соткать подвенечное платье, и только в контексте «Одиссеи», где важно было подчеркнуть преклонный возраст Лаэрта и его бессилие, место платья Пенелопы занял саван для свекра.

Ст. 120. *Древней...* — Добавление переводчика. Для современников Одиссея Алкмена, мать Геракла (II. 266—268), — вовсе не такой древний персонаж. *Тифо...* — См. II. 235—259. *Микена* — дочь бога реки Инаха, протекающей по территории Арголиды. Почему Антиной считает названных им героинь примером особых умственных качеств, сказать трудно.

Ст. 132 сл. *...трудно... // Мне расплатиться...* — Сын имел право возратить овдовевшую мать ее отцу только с обоюдного согласия. В противном случае он должен был заплатить ему пеню за бесчестье, нанесенное женщине.

Ст. 135. *Демон* (δαίμων) — как всегда в эпосе, точнее не обозначаемое божество. *Эриннии* — см. СМС.

Ст. 146 сл. ...*Зевес ... двух орлов ниспослал...* — Важное знамение, особенно если учесть, как редко в «Одиссее» Зевс вмешивается в события. Ср. 20. 102—104; 21. 413; 24. 539 сл.

Ст. 154. *Вправо умчались они...* — Т. е. вправо по отношению к прорицателю Галиферсу (ст. 157). Божественное знамение (удар грома, полет птиц) справа от говорящего считалось добрым знаком.

Ст. 160 сл. Формульное двустийшие, вводящее прямую речь. См. ст. 228 сл.; 24. 453.

Ст. 191. Отсутствует в лучших рукописях и внесен сюда по образцу Ил. I. 562.

Ст. 192. ...*навлечешь на себя наказание...* — Точнее: «наложим на тебя пеню» — женихи присваивают себе право, которым располагало только народное собрание или совет старейшин.

Ст. 196 сл. = 1. 273 сл. Ср. 2. 113 сл. По-видимому, автор мыслит Икария проживающим на Итаке или где-нибудь поблизости.

Ст. 201. ...*говорун поседельй...* — Переводчиком усилено значение оригинала, где сказано только «старче». Таково же добавление в ст. 253 — ироническая характеристика «мудрец».

Ст. 215—223. = 1. 277—279 + 283—288 с естественной заменой императива в речи Афины на первое лицо в речи Телемаха.

Ст. 226. *Вверил ему Одиссей... дом...* — Неожиданное утверждение, не находящее поддержки в контексте поэмы.

Ст. 228 сл. = 160 сл.

Ст. 230—234. = 5. 8—12.

Ст. 241. *Малой толпы женихов...* — Малой лишь по сравнению со всем полноправным населением Итаки. На самом деле их было 108, из одной только Итаки — 12. См. ниже, ст. 245, 250, и 16. 245—253.

Ст. 244 сл. ...*сладить... на пириестве трудно.* — Неверный перевод. В оригинале: «сразиться за пириество», т. е. изгнать женихов из дома Одиссея, где они пируют.

Ст. 261 сл. *Руки ... умыв...* — Об омовении перед молитвой или совершением ритуала см. 3. 440—445; 4. 750—752; 12. 336 сл. ...*возгласил он к Афине: «Ты...»* — Что накануне Телемаха посетила Афина, знает только поэт. Ст. 262 звучит в оригинале следующим образом: «Услышь меня, божество, которое вчера посетило наш дом». См. 3. 378 и примеч.

Ст. 273 сл. ...*когда ж не прямой ты // Сын Одиссеев...* — Странное предположение в свете неоднократных указаний на сходство Телемаха с Одиссеем (см. 1. 203 и примеч.). Вероятно, шутовское допущение в духе высказывания в кн. 1. 211 (см. примеч.)

Ст. 292. *Тою порой...* — Добавление Жуковского, вполне естественное с точки зрения современного читателя. Между тем в оригинале нет никакого указания на время, так как автору удобнее изображать события, происходящие одновременно, как последовательные (см. статью «Одиссея» — фольклорное наследие..., примеч. 19). Так и здесь: по совету Афины Телемах возвращается к женихам, проводит некоторое время среди них, а затем отдает распоряжение Евриклею о подготовке его в дорогу (ст. 297—381). Только после этого намерение Афины вводится формулой: «Умная мысль родилась тут в сердце...» (ст. 382), после чего богиня в образе Телемаха приступает к исполнению своего плана. ...*гребцов наберу...* — Речь идет о

спутниках Телемаха, которые вызовутся добровольно сопровождать его, поскольку народное собрание, распущенное Леокрытом (выше, ст. 257), так и не выделило ему просимого корабля с экипажем (ср. ст. 320). Обещание Антиноя (ниже, ст. 306—308) не следует принимать всерьез.

Ст. 303. ...*злой говорун...* — Вольный перевод. Смысл оригинала: «с необузданным нравом», «невыносимый в гневе».

Ст. 314. ...*советников слушая умных...* — В оригинале: «слушая речь других». Имеется в виду совет Афины-Ментеса.

Ст. 316. *Парки...* — См. примеч. к 1. 17. Здесь в оригинале — керы, женские крылатые божества смерти.

Ст. 325—330. *Нас Телемак погубить... замыслил...* — Опасения женихов носят иронический характер. Из 4. 663—668 ясно, что они не ждали от Телемаха столь решительных действий. В переводе этот иронический подтекст передан наречием *насмешливо* (ст. 311), в оригинале отсутствующим.

Ст. 334 сл. ...*тогда нам придется // Все разделить меж собой...* — Никакого права на имущество Телемаха женихи, разумеется, не имеют, и высказанное ими предположение можно рассматривать как еще одно свидетельство их необузданного своеволия (ср. ниже, ст. 367 сл.).

Ст. 340. *Курфы...* — В оригинале: «пифосы», сосуды, высотой до 2 м. Содержимое черпалось через отверстие сверху. Обнаружены при раскопках дворцов микенского времени.

Ст. 359 сл. — Ср. выше, ст. 214 сл.

Ст. 373. ...*мать... ни о чем не узнает...* — Пенелопе не полагалось спускаться в зал, где пируют мужчины (ср. 1. 352—355). Поэтому кратковременное отсутствие Телемаха могло быть ею не замечено.

Ст. 374 = 4. 588. Ср. 19. 192. ...*одинадцать дней иль двенадцать...* — Поговорочное выражение, обозначающее срок больше десяти дней. На самом деле, по хронологии «Одиссеи», Телемах возвращается домой спустя 35 дней после отплытия.

Ст. 375 сл. = 4.748 сл.

Ст. 378. ...*клятву свою совершила...* — Точнее: «закончила», т. е. сначала клятвенно призвала богов, а затем сформулировала содержание клятвы.

Ст. 386. *Нэзмон* и *Фроний* — говорящие имена («мыслящий» и «разумный»), противопоставляющие их носителей необузданным женихам.

Ст. 389. ...*запасы...* — Т. е. корабельная снасть: мачта, паруса, канаты и т. п. См. ниже, ст. 422—426.

Ст. 393. повторяющий только что употребленный формульный ст. 382, отсутствует в папирусе 4 в. н. э. и является позднейшей интерполяцией.

Ст. 402. ...*светлообутые...* — В оригинале то же определение εὐκνήμδες, что и в ст. 72 (см. примеч.).

Ст. 405 сл. = 3. 29 сл. = 5. 192 сл. = 7. 37 сл.

Ст. 407. отсутствующий в двух папирусах и нескольких рукописях, скорее всего, интерполяция по образцу 4. 428, 8. 50 и т. п.

Ст. 408. *Спутников густокудрявых...* — В оригинале то же определение, что и в 1. 88. См. примеч.

Ст. 409. ...*Телемакова сила святая...* — Частая в поэме формула, вводящая прямую речь Телемаха (16. 476; 18. 160 и т. д.); *сила святая* — описательная характеристика, равная просто имени персонажа. Ср. об Алкиное: 7. 167; 8. 2, 4 и т. д.

Ст. 421. ...*повеял Зефир*... — Таким образом, автор представляет себе путь Телемаха в Пилос как идущий с запада прямо на восток. В действительности он должен был пролегать с северо-северо-запада на юго-юго-восток.

Ст. 422—426 почти целиком совпадают с распоряжением Телемаха в кн. 15. 287—291.

Ст. 429 отсутствующий в ряде рукописей, некоторые античные грамматики считали интерполяцией, введенной по образцу Ил. I. 483, но его можно, вероятно, рассматривать и как сознательное заимствование из более ранней поэмы.

КНИГА ТРЕТЬЯ

В Пилосе

Ст. 1 сл. *Гелиос с моря прекрасного встал...* — Собственно: «оставив прекрасную гавань», где он отдыхал ночью. ...*на медном Своде небес...* — Греки представляли себе небо как медную или железную полусферу.

Ст. 3. *Року подвластных...* — Добавление переводчика. В оригинале сказано: «смертных людей». См. также примеч. к 19. 260 и 21. 148.

Ст. 4—6. ...*до Нелеева града... Пилоса.* — Нелей — сын Тиро от Посидона (см. II. 254—258), которому *народ приносил жертву*. Посидона почитали повсюду в Пелопоннесе и особенно в Пилосе, где его культ восходил к микенским временам. В одной из самых знаменитых табличек с линейным письмом Б, найденной в Пилосе и содержащей перечень 12 богов с полагающимися им жертвоприношениями, Посидон назван третьим, значительно опережая Зевса и Геру. При исполнении ритуала, которое застает Телемах, Посидон как водное и хтоническое божество получает в жертву животных с черной шерстью, в данном случае — *быков. Лазурнокудрявый* (собственно: «с волосами цвета морской волны») — постоянный эпитет Посидона, как и не переведенное Жуковским в этом стихе его определение «землеколебатель».

Местоположение гомеровского Пилоса оспаривалось уже в древности. В Ил. XI. 670—685 он явно предполагается севернее того места, где в историческое время находился город с тем же названием. Страбон помещал его в Трифилии, недалеко от Элиды. Между тем в 1939 г. в результате раскопок были открыты остатки микенского дворца в 17 км севернее исторического Пилоса, расположенного на западном побережье Мессении. Здесь же было найдено большое количество табличек с линейным письмом Б, в которых часто встречается название этого города. Поэтому нет оснований сомневаться, что, по крайней мере в «Одиссее», Несторов Пилос находится далеко от города под тем же названием, известным позднее. То обстоятельство, что Телемах за одну ночь преодолевает на корабле слишком большое расстояние, не следует принимать всерьез: и хронометрическая достоверность в данном случае не слишком заботила автора, и его сведения о западном Пелопоннесе не отличались точностью.

Ст. 7. ...*девять скамей...* — Правильнее: «мест для сидения» в несколько рядов. Как представить себе скамью, на которой уместилось бы 500 человек? Число 9 соответствует количеству городов, находившихся под властью Нестора (Ил. XI. 591—594), и числу кораблей, прибывших с ним под Трою (9 контингентов по 10 кора-

блей, всего 90, — см. там же, ст. 602). Как видно, Телемах застал в Пилосе очень пышное жертвоприношение с участием представителей от всех городов.

Ст. 9. *Сладкой...* — Здесь и далее добавление переводчика.

Ст. 14. *...застенчивым быть...* — Точнее: «стыдиться людей». См. 2. 64 и примеч. Тот же случай — ниже, ст. 24, где переведено: *прилично ли...*

Ст. 19 сл. почти равен ст. 327 сл., где те же слова применяются к Менелаю. Впрочем, ст. 19 отсутствует во многих рукописях и является, возможно, интерполяцией по образцу ст. 327.

Ст. 26 сл. *Многое... Многое...* — Анафора находит соответствие в оригинале.

Ст. 29 сл. = 2. 405; см. примеч.

Ст. 36, 39. *Писистрат* — говорящее имя, характеризующее свойства его отца («убеждающий войско» Нестор), как Телемах («далеко разящий» Одиссей), Астианкт в «Илиаде» («царь города» Гектор). В «Илиаде» Писистрат не упоминается, и исследователи, придерживающиеся мнения о составлении обеих поэм в Афинах в 6 в., при тиране Писистрате, видят в появлении этого имени в «Одиссее» афинскую интерполяцию. Ничто, однако, не мешает допустить обратное соотношение: поскольку род афинского правителя возводил свое происхождение к сыну Нестора (Геродот. V. 65. 3—4), то историческому лицу могло быть дано имя по его мифическому предку. *Фразимед* — опять говорящее имя («отважно мыслящий»). В отличие от Писистрата, он упоминается уже в Ил. IX. 81; XVII. 378, 705. Поэтому *младой* — едва ли удачное добавление переводчика: младшим сыном Нестора был Писистрат, ровесник Телемаха (ст. 50).

Ст. 40. *...утробы отведают им дав...* — Т. е. оказав особый почет как гостям.

Ст. 52—56. — См. I. 134—138 и примеч.

Ст. 63. *...двуручный кубок...* — постоянный эпитет. Собственно: «с двумя руками»: одну держит подающий, за другую берет принимающий. При раскопках в Микенах были найдены образцы таких золотых кубков, о которых Жуковский еще не мог знать. Отсюда его перевод (как у Гнедича: «двудонный»).

Ст. 65 сл. = 20. 279 сл.

Ст. 68. *...герой Геренейский...* — В оригинале: «геренейский конник», постоянное приложение к имени Нестора (ср. 102, 417, 474). Геренейский, по объяснению древних, — от названия города Герена, или Герения, в Мессении, где Нестор либо воспитывался, либо был спрятан Нелеем в то время, как Геракл разорил Пилос и убил всех остальных сыновей Нелея (Ил. XI. 688—692).

Ст. 70. *...понеже уж пищею вы насладились...* — См. I. 122 и примеч.

Ст. 71—74 = 9. 252—255. *Добычники вольные* (ст. 73) — пираты. Из этих стихов Фукидид. I. 5. делал вывод, что в гомеровское время пиратство не встречало осуждения, — разумеется, кроме тех случаев, когда о пиратах говорит пострадавший. Ср. ниже, 14. 85—88. Заметим, что и нападение Одиссея со спутниками на Исмар (9. 39—42) и поведение вымышленного им рассказчика, набравшего толпу «добытчиков» (17. 425), являлись типичной пиратской акцией.

Ст. 78. повторяющийся мотивировку из кн. I. 93, здесь едва ли уместен; в двух папирусах и в большинстве рукописей он отсутствует.

Ст. 81. *...под склоном... Нейона...* — Перевод основан на толковании малоопытного определения *ύποβίος*. Возможно, из него же возникло имя собственное Нейон в кн. I. 181. В других случаях горный хребет на Итаке назван Нерит (9. 21; 13. 351 — в переводе ошибочно «Нерион»).

Ст. 87. ...*в стороне отдаленной погибли...* — Добавление переводчика, наводящее на мысль, что речь идет о гибели героев под Троей. В оригинале иначе: «Обо всех остальных, сколько бы их ни воевало против Трои, мы знаем, где каждый погиб злой гибелью, его же гибель...»

Ст. 92—101 = 4. 322—331. При этом ст. 98—101 некоторые исследователи считают интерполяцией, внесенной из кн. 4. 328—331; там Телемах имел основание напомнить Менелаю, что Одиссей был ему полезен, приняв участие в Троянской войне. В то же время о каких-либо услугах, оказанных Одиссеем Нестору, ничего не известно.

Ст. 93. *Участь отца...* — Смягченный перевод. В оригинале: «злую гибель», как в ст. 87 — об остальных героях. Телемах готов услышать самое худшее.

Ст. 105. ...*предводимые бодрым Пелидом...* — См. СМС: Ахилл. ...*бодрым...* — Добавление переводчика.

Ст. 109—111. Аякс — см. СМС. Патрокл, Антилох — ср. 11. 468; 24. 16. О смерти Антилоха (см. 4. 187), павшего от руки вождя эфиопов Мемнона, повествовала клическая поэма «Эфиопида».

Ст. 114. ...*земнородных...* — Здесь и далее в оригинале: «смертных», частое определение людей в «Одиссее».

Ст. 118 сл. ...*вымышляя // Многие хитрости...* — Конечно, при участии Одиссея. См. ниже, ст. 122.

Ст. 130 сл. = 13. 316 сл., при том что ст. 131, совпадающий со ст. 317, скорее всего, внесен оттуда в кн. 3, где он не слишком на месте, так как далее следует подробный рассказ о бедствиях, постигших ахейцев. В книге же 13 ст. 317 является попутным кратким упоминанием.

Ст. 132. *Бедственный путь...* — Намек на богохульство Аякса Оилеида. См. 4. 502—504 и СМС.

Ст. 138 сл. ...*не в обычное время, когда уж садилось Солнце...* — Обычное время для народных собраний — утро. К тому же в данном случае ахейцы находились к вечеру в состоянии, мало пригодном для принятия разумного решения.

Ст. 143. *Агамемнон* — см. СМС.

Ст. 153. ...*одни на прекрасное море...* — Как видно из дальнейшего, это были, не считая самого Нестора (ст. 157), также *Одиссей* (ст. 162), Диомед, сын *Тидея* (ст. 167, 180), и *Менелай* (ст. 168). — В оригинале: «божественное» — бескрайнее море, с его непредсказуемыми капризами, вызывает почтение, как нечто, обладающее сверхъестественной силой.

Ст. 154. ... *Дев* (в оригинале: «жен») *глубоко опоясанных...* — Эпитет βαθύζωνος, как и сходный с ним βαθύκολλος, употребляется в эпосе только применительно к троянским женщинам. Объясняют его различно. По мнению одних, троянки подпоясывали платье не под грудью (как это делали в классическую эпоху греческие женщины), а ниже, чтобы оно облегло фигуру. По мнению других, поверх пояса оставляли достаточно ткани для образования глубокого напуска, в котором можно было что-нибудь спрятать («за пазухой»). Ср. 15. 469, где говорится, как финикийская рабыня вынесла таким способом похищенные ею драгоценные кубки (в переводе: «под платьем»). Второе объяснение кажется более вероятным.

Ст. 162—164. *Часть за царем Одиссеем... устремилась в обратный // Путь...* — Сам Одиссей нигде в своих рассказах об этом возвращении не упоминает. Может быть, Нестор хочет лишний раз подчеркнуть рассудительность Одиссея, не пожелавше-

го раздоров в войске? ...покориться... — Перевод сильнее оригинала, где сказано: «оказать услугу», «сделать любезность». Ахейские вожди под Троей достаточно ревниво берегли свою независимость, — без этого не было бы ни «гнева Ахилла», ни самой «Илиады».

Ст. 163. *В многовесельных...* — Собственно: «обоюдозакругленные», т. е. имеющие с обеих сторон форму свода; частое определение кораблей.

Ст. 166 сл. *Поплыл... Поплыл...* — Анафора находит соответствие в оригинале.

Ст. 169. *...какую избрать нам дорогу...* — В плаваньи по Эгейскому морю греки предпочитали держаться многочисленных островов. Поэтому и здесь надежнее было обогнуть остров Хиос с севера (на Псиру) или с юга (*ниже Хиоса*). Однако, повинувшись знаменью, данному Зевсом (в чем оно состояло, неизвестно), возвращающиеся решились плыть открытым морем (*разрезавши... по самой середине*) от острова Лесбос на запад и благополучно добрались до мыса *Гереста* на южной оконечности острова *Эвбеи*. Для слушателей «Одиссеи» это было еще одним доказательством того, что смертным следует полагаться на волю богов.

Ст. 188. *... Ахиллеса великого сыном...* — Неоптолемом. См. СМС.

Ст. 190. *Филоктет* — см. СМС.

Ст. 193. *...и в дальнюю землю...* — Т. е. Итака, находясь на западной окраине Греции, была меньше связана с основными центрами микенского мира.

Ст. 195—198. — См. 1.29 сл. и примеч.

Ст. 198—200. = 1. 296—298. Впрочем, Аристофан и Аристарх считали ст. 199 сл. интерполяцией: в кн. I Афина-Ментес призывает Телемаха к твердости духа, узнав о бесчинствах женихов; в кн. 3 об этом еще не было речи.

Ст. 214 сл. = 16. 95 сл.

Ст. 217. *...ахеян...* — Здесь, разумеется, речь идет только о жителях Итаки.

Ст. 224. *Самая память о браке... бы пропала...* — Точнее: «позабыли бы и думать», «пропала бы и мысль» о браке.

Ст. 242. *...смерть... приготовили боги...* — В оригинале горькая игра слов: «предназначили ему смерть бессмертные».

Ст. 248. *Как умерщвлен был...* — В оригинале другой оттенок. Телемах спрашивает не о том, каким образом был убит Агамемнон, а **как получилось**, что его убили.

Ст. 255. *Подлинно так все случилось...* — Перевод основан на устаревшем чтении. Сейчас принимается другое чтение, согласно которому смысл этого стиха следующий: «Ты и сам представляешь себе, что случилось бы, если б...»

Ст. 260, 263. *...за градом Аргосом...* — В оригинале в первом случае в словах *за градом* (без указания на Аргос) имеются в виду Микены, столица царства Агамемнона (ст. 305); во втором случае — внутренняя часть области Аргос, т. е. Арголида.

Ст. 260 сл. *... жены // Наши...* — Разумеется, не из владений Нестора, а вообще «жены ахейцев».

Ст. 265. *Клитемнестра* — см. СМС: Агамемнон. *Божественная* — см. 1. 29 и примеч.

Ст. 273 сл. *Множество... Множеством...* — Анафора находит соответствие в оригинале.

Ст. 280. *Тихой своею стрелой умертвил...* — Скоропостижную смерть греки приписывали стрелам Аполлона (обычно поражавшего мужчин) и Артемиды (обычно поражавшей женщин). См.: 7. 65; 11. 172, 198, 324; 15. 410 сл., 478; 17. 251 сл., 494; 18. 202; 20. 62, 80.

Ст. 291. *Вдруг корабли разлучив...* — Как видно из дальнейшего описания, буря отбросила большую часть кораблей Менелая (*половину* — недосмотр переводчика) сначала к северо-западному берегу *Крита*, потом заставила их обогнуть остров с запада и погнала вдоль южного берега до залива у *Феста*, где они и разбились. Оставшиеся пять кораблей отнесло к *Египту*. *Там* — не у *Йордана*, как можно понять из перевода, а недалеко от *Гортины* (в оригинале ст. 293, сказано: «есть некая крутая скала, обрывающаяся в море» — без наречия «там»).

Ст. 303. *...в Аргосе...* — Добавление переводчика. На самом деле: «в Микене».

Ст. 305. *Целье семь лет...* — В двух поздних рукописях и в ряде изданий меняют местами ст. 350 и 304, так что причастие κτείνας «убив» ставится в зависимость от глагола ἦνασσε «властвовал», «царствовал», а не от ἐμίσητο «совершил» (собственно, «замыслил», «уготовил»).

Ст. 314—316. = 15. 11—13.

Ст. 318. *...недавно... прибыл...* — Недавно — по сравнению с другими благополучно вернувшимися участниками войны. На самом деле, к моменту поездки Телемаха, после возвращения Менелая прошло уже три года.

Ст. 321 сл. *... в год долететь к нам не может // Быстрая птица...* — Сильное преувеличение: путь от Египта до Крита занимал 5 дней. Ср. 14. 257.

Ст. 327 сл. = 19 сл.

Ст. 332. *Должно отрезать теперь языки...* — Т. е. совершить заключительный акт жертвоприношения, сопровождаемый возлиянием богам (ст. 331, 341).

Ст. 338—340 + 342 = 21. 270—273.

Ст. 340 сл. *В чашах его разнесли... сотворили они возлиянье...* — Точнее: «уделили всем, начав возлияние кубками», т. е. из каждого кубка, прежде чем передать его собравшимся, отливали несколько капель на землю. Ср. 18. 418 сл.

Ст. 360 сл. *Самому ж мне на черный корабль возвратиться Должно...* — Вполне правдоподобный предлог для удаления Афины, целесообразность которого, однако, сразу же опровергается ее превращением в морского орла (ст. 372).

Ст. 368. *Долг* — в значении «выкуп», «возмещение» за нанесенный когда-то ущерб.

Ст. 378. *Был не иной кто, как Диева славная...* — Только здесь Телемах убеждается, что его покровительницей была Афина. Ср. 2. 261 сл. и примеч.

Ст. 390. *...кубок наполнил до края...* — В оригинале: «для пришедших старец смещал в кратере...», зачерпнув из которого он и совершает возлияние Афине, а за ним все остальные — из своих кубков (ст. 394 сл.).

Ст. 391. *...чрез одиннадцать лет...* — Перевод по чтению ἐνδεκάτωι. Схолии предлагают ἐν δεκάτωι «на десятый год», что более вероятно, чем точный расчет в 11 лет.

Ст. 395 сл. = 7. 228 сл.

Ст. 396—399. *Каждый...* — В оригинале: «одни», т. е. женатые сыновья Нестора, жившие в одном с ним дворце (см. ст. 412 сл.). Телемаху же Нестор указал место в *звонкопространном покое*, точнее в сенях — примыкавшей к дому крытой галерее, где обычно ночуют гости. Верно переведено в кн. 4. 302; 7. 336, 345.

Ст. 406 сл. *...на обтесанных... Камнях...* — Т. е. на мраморной скамье с внешней стороны мегарона.

Ст. 412. *Пестун ахейя* — Т. е. их советчик, к которому обращались в нужную минуту, помня о его долголетию и опыте.

Ст. 413. ...любий... — См. ст. 39 и примеч.

Ст. 419. *Паче других преклонить я желаю на милость Афину...* — Нестор выполняет обещание, данное им выше, ст. 382—384.

Ст. 420. ...бывшую с нами... — Во время вчерашнего жертвоприношения Посидону.

Ст. 435. ...пришла и богиня Афина... — Разумеется, невидимая.

Ст. 440. ...в обложенной цветами... — С цветочным орнаментом.

Ст. 452. *Кроткая сердцем...* — Добавление переводчика.

Ст. 453. *Те же...* — Другие сыновья Нестора, кроме Писистрата, на которого была возложена особая обязанность (см. сл. стих).

Ст. 454. ...зарезал ее... — Т. е. вскрыл шейные кровеносные сосуды, чтобы выпустить кровь.

Ст. 461 сл. = 12. 364 сл.

Ст. 464—466. *Тюю порой...* — Т. е. во время приготовления к пиру, а не предшествовавшего ему жертвоприношения. *Дева его и омыла...* — В эпосе мужчин омывают женщины, большей частью рабыни (4. 49; 8. 454; 17. 87; 19. 317—322; 23. 154; 24. 366), но эту обязанность может взять на себя и хозяйка дома (4. 252; 5. 264; 10. 361—364, 450) или ее дочь, как здесь. В историческое время этот обычай не существовал. О *Поликасте* в одном из фрагментов «Каталога женщин» Гесиода сообщается, что она родила от Телемаха сына Персеполя. Не ясно, избегает ли автор упоминания об этом или, наоборот, предполагает факт известным слушателям.

Ст. 486—494. = 15.184—192, т. е. описание остановки на обратном пути из Спарты повторяет ту же ситуацию на пути в Лакедемон. При этом автор, как видно, не отдавал себе отчета в том, что Мессению от Спарты отделяет горный хребет Тайгет, который не так легко преодолеть в повозке, запряженной парой коней.

Ст. 492 сл. = 15. 145 сл. Впрочем, ст. 493 отсутствует в двух папирусах и большинстве рукописей. Возможно, он введен сюда из кн. 15 как раз для того, чтобы еще больше сблизить два описания.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

В Лакедемоне

Ст. 5—9. *К сыну губителя ратей...* — Т. е. к Неоптолему, сыну Ахилла. *Дочь* — Эрмиона (ст. 14) — см. СМС: Гермiona. *Град мирмидонский* — столица Ахилла. Автор не объясняет, какой именно город он имеет в виду.

Ст. 11. ...прижитого им с молодою рабыней... — Такого рода связь, по-видимому, не вызывала осуждения в глазах автора, тем более что от законной жены не было наследников мужского пола (ст. 12—14). Ср. в противоположном случае поведение жены Аминтора в Ил. IX. 447—453.

Ст. 12. *Елена* — см. СМС.

Ст. 23. *Спальник...* — Здесь и в ст. 217 в оригинале: «слуга».

Ст. 27. ...из племени Дия... — Т. е. представители царских домов, так или иначе возводившие свое происхождение к Зевсу. Ср. ниже, ст. 44, 63 сл., 138, 156, где в оригинале употреблен обычный эпитет царей — «вскормленные Зевсом» (переведено каждый раз иначе).

Ст. 48—50 = 17. 87—89 ...*в гладких купальнях*... — Т. е. не в ваннных комнатах, а в больших чанах для купанья. Ср. ниже, ст. 128.

Ст. 50. *Косматые мантши*... — Хлены. См. примеч. к 1. 433.

Ст. 52—58 = 1. 134—140.

Ст. 59. ...*светлый*... *хозяин*... — Перевод может внушить подозрение, что речь идет о социальном статусе Менелая. В оригинале — его обычный эпитет «русый».

Ст. 67 сл. = 1. 146 сл.

Ст. 83 сл. ...*посетил финикиян*... *гостил у сидонян*... — Поскольку Сидон — финикийский город, то либо автор недостаточно ясно представлял себе географию этой части Ближнего Востока, либо имел в виду под финикиянами их колонии на северном побережье Африки, западнее Ливии (см. примеч. к ст. 85 сл.).

Ст. 84. *К черным проник эфиопам*... — В то время как в 1. 22—24 эфиопы локализируются на крайнем западе и на столь же отдаленном востоке (их вождь Мемнон — сын богини зари Эос. 4. 167 сл.), здесь, судя по указанию на соседние народы (египтяне, ливийцы), автор представляет их себе живущими в Африке. Отсюда — определение *черные*, добавленное в переводе.

Ст. 85 сл. *В Ливии был*... — Интерес к этой стране отражает начавшуюся колонизацию греками Киренаики, на северном побережье Африки. *Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают*... — Преувеличение: беременность у овец продолжается 5 месяцев. В идеальных условиях окот мелкого рогатого скота возможен дважды в год.

Ст. 91. ...*брат мой*... — Агамемнон.

Ст. 97 сл. ...*лишь только б // Были те мужи на свете*... — Переход не вполне логичный. В ст. 91—96 речь идет о гибели Агамемнона, и естественно предположить, что Менелай был готов отдать две трети своего имущества за спасение брата. Он, однако, переходит к воспоминанию об ахейцах, погибших под Троей. Вероятно, перестановка акцентов нужна здесь автору для того, чтобы легче было перейти к Одиссею (ниже, ст. 107).

Ст. 102 сл. *Горем*... *Горе*... — Анафора находит соответствие в оригинале.

Ст. 117, 120. ...*рассудком и сердцем колеблясь*... — См. статью «Одиссея» — фольклорное наследие...», § 4.

Ст. 122. ...*с копьем золотым*... — В оригинале: «с золотым веретеном», редкий эпитет по отношению к Артемиде. Уже в древности пытались толковать «веретено» в руках Артемиды как «стрелу», но ст. 131 показывает, что автору нужно буквальное значение слова ἡλακάτη.

Ст. 127. ...*много сокровищ имел*... — В оригинале имеется в виду богатство не одного *Полиба*, а города Фив, и повторяется стих из Ил. IX. 382:

Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся

(перевод Н. И. Гнедича)

Фивы — столица Верхнего Египта; особое значение приобрели на рубеже 14—13 вв. и затем с 715 по 663 г. В более позднее время — главный город области Фиваида. Стало быть, Менелай проник достаточно далеко от устья Нила вверх по его течению.

Ст. 129. *Талант* — единица веса, равная в Афинах в историческое время примерно 26,2 кг. Вес таланта, преимущественно золотого, в эпосе неизвестен.

Ст. 131. ...с корзиной овальной... — Едва ли верный перевод прилагательного ὑποκύκλος. Древние объясняли его как «с колесиками, приделанными снизу», т. е. корзину с шерстью можно было передвигать по полу на колесиках.

Ст. 135. ...нурирного цвета... — Собственно: «темно-фиолетового».

Ст. 136. ...на скамью протянувши... — Из перевода создается впечатление, что Елена села, вытянув вперед ноги на отдельно стоявшую скамью. В оригинале сказано: «села в кресло, (при котором) внизу была скамеечка для ног». Ср. I. 130 и примеч. В такой позе, естественно, гораздо удобнее пряхь, чем положив ноги на скамью.

Ст. 143 сл. Сходства, какое наш гость с Телемаком... имеет... — Собственно говоря, Елена никогда не видела Телемаха и, скорее, могла бы заключить, что гость похож на Одиссея, и поэтому должен быть его сыном.

Ст. 145. ...за меня, недостойную... — Точнее: «с собачьим взором», как Елена безжалостно называет себя и в Ил. III. 180.

Ст. 156. ...богоизбранный... — Перевод вносит представление о царе «милостью Божьей», чуждое древним грекам. В оригинале все то же определение, что и в ст. 44: «вскормленный Зевсом». См. примеч. к ст. 27.

Ст. 158—160. Эти стихи Аристарх подвергал сомнению, главным образом с точки зрения языка. Но и по существу, зачем нужна эта характеристика Телемаху, которому Афина, наоборот, советовала быть смелее в отношениях с людьми (ср. 3. 14 и примеч.)? Из контекста эти стихи изымаются без всякого труда.

Ст. 163—167. Эти стихи тоже вызывали в античности сомнения в их подлинности. Во-первых, Телемах прибыл к Менелая не за советом, а за сведениями об отце. Во-вторых, Менелай оставляет эти слова без ответа. В-третьих, гостю (а тем более сопровождающему его лицу) не полагалось сообщать о цели визита, пока его не спросит об этом хозяин — см. ст. 312—317.

Ст. 183. ...неумышленно... — добавление переводчика. Менелай мог догадываться, к чему приведут его горестные воспоминания. Ср. выше, ст. 102.

Ст. 187 сл. Антилох — см. 3. 109 сл. и примеч. *Денницы возлюбленный сын* — Мемнон, сын богини зари Эос.

Ст. 198. ...отрезанный локон волос... — Обычное приношение на могилу умершего. См. Эсхил. Хоэфоры, 1—9.

Ст. 200. ...его ты, конечно, видал... — В оригинале сказано сильнее: «знал». В «Илиаде» Менелай нередко выведен в близких отношениях с Антилохом: V. 561—575; XV. 567—577; XVII. 679—701; XXIII. 401—445, 566—611 (Здесь они, правда, повздорили, но потом верх взяла рассудительность Антилоха).

Ст. 220. ...подлить вознамерилась соку... — В оригинале θάρρακον «зелье», «средство», скорее всего, в виде порошка; ср. 10. 290, 317. В ст. 220 в оригинале сказано не *вознамерилась*, а «бросила зелье», которому дальше дастся пространная характеристика. Речь идет, как видно, о каком-то бодрящем средстве, вывезенном из Египта.

Ст. 228. *Фоон* (точнее: Фон) — согласно Геродоту (II. 113—116) и Страбону (XVII. I. 16), местный правитель, охранявший Канобское устье Нила.

Ст. 231. *Каждый в народе там врач...* — Первое в греческой литературе упоминание о высокоразвитом среди египтян медицинском искусстве. Ср. Геродот. II. 84.

Ст. 239 сл. ...о бывалом... расскажу... — В оригинале: «я расскажу подходящее» к случаю, т. е. нечто радостное, соответствующее настроению за трапезой.

Ст. 241. *Как Одиссей... подвизался...* — История о проникновении Одиссея в Трою с целью разведки излагалась в киклической поэме «Малая Илиада», но без всякого отношения к Елене. Здесь ее участие должно показать Телемаху существование между нею и Одиссеем давней дружеской связи.

Ст. 254 сл. *Тайны его... не открыть... // Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобоким...* — Не следует понимать это таким образом, что Елена собралась сообщить троянцам о пребывании в их городе узнанного ею Одиссея, как только он окажется в безопасности. Ей вовсе незачем было компрометировать себя перед троянцами, оказав услугу врагу и потом поведав об этом.

Ст. 256. *...о замысле хитром...* — Т. е. о деревянном коне.

Ст. 262. *Вольно...* — Неудачное добавление Жуковского, противоречащее его собственному переводу *виной Афродиты* (ст. 261). В оригинале: «я оплакивала несчастье, которое принесла мне Афродита, когда увела меня сюда».

Ст. 274—279. Поведение Елены в этом случае трудно примирить с покровительством, которое она незадолго до того оказала Одиссею, и с ее собственными высказываниями выше, почему Менелай и объясняет его вмешательством некоего божества, враждебного ахейцам.

Ст. 279. Считали интерполяцией уже античные филологи, называя это подражание голосам «очень смешным и невозможным»: откуда Елена могла знать голоса жен «всех ахейцев» (так в оригинале), и как могли бы сами ахейские вожди поверить, что их жены оказались в Трое? Соответственно, *возлюбленных жен* (ст. 279) и *знакомые слышались звуки* (ст. 281) — добавление Жуковского. В оригинале: «однако я, и сын Тидея, и божественный Одиссей, сидя внутри, услышали, как ты нас выкликала» (ст. 280 сл.).

Ст. 285—289. (в переводе от слов: *остальные ж*, конец ст. 284) отсутствовали в большинстве античных изданий и были исключены Аристархом. В пользу атетезы говорят следующие соображения: (1) по содержанию ст. 285—288 повторяют ст. 280—284; (2) ст. 285 сл. противоречат ст. 282 сл.; (3) некий Антикл (286; в переводе дана параллельная форма его имени *Антиклес*) нигде раньше в поэме назван не был, между тем как здесь — вопреки эпической технике — упоминается как лицо известное. Если даже имя Антикла встречалось, как сообщают схолии, в какой-то киклической поэме, автор «Одиссеи» должен был считаться с ходом собственного изложения.

Ст. 297—300 = 7. 336—339.

Ст. 300. *...из столовой...* — Правильнее: «из зала», где происходит всегда прием гостей, совместные трапезы и т. п.

Ст. 305. *...покрытой одеждою длинной...* — Перевод может создать впечатление, что речь идет об одеяле, которым укрылась Елена. В оригинале прилагательное *ταυτόπλεκτος* «длинноодежная» постоянный эпитет знатных женщин, правильно переведенный в кн. 12. 375 («длинноодежная дева»).

Ст. 306—310 = 2. 1—5.

Ст. 312. *Что побудило тебя...* — Вопрос может показаться несколько запоздалым, только если не учитывать специфики эпического эпитета. См. выше примеч. к ст. 163—167.

Ст. 315. *...возлюбленный...* — Напрасная замена в переводе постоянного эпитета Телемаха «рассудительный».

Ст. 322—331. = 3. 92—101. См. примеч.

Ст. 333—350. = 17. 124—141.

Ст. 336. ...*птенов*... — Т. е. детенышей.

Ст. 343. *Филомелед* (Филомелид) — персонаж, более нигде (кроме повторяющегося ст. 17. 134) не встречающийся. По объяснению византийских комментаторов, царь на острове Лесбос, принуждавший путников вступить с ним в состязание в борьбе.

Ст. 345 сл. = 1. 261 сл.

Ст. 351. Вводит рассказ о пребывании Менелая в Египте, присоединяя его, таким образом, к словам Нестора в кн. 3. 300—302.

Ст. 352. ...*обещанной я не свершил экатомбы*... — Т. е. перед отплытием из-под Трои. Ср. 3. 141—145; 4. 472—480.

Ст. 353. Вызывал подозрение уже у античных филологов, отчасти из-за неясности словесного выражения, отчасти потому, что нигде ничего не говорилось о каких-либо обетах, не исполненных Менелаем (в оригинале речь идет об указаниях богов).

Ст. 356 сл. *Он... на таком расстоянии, какое удобно // В день... корабль пробегает...* — Сильное преувеличение (ср. 3. 322 и примеч.). Длина дамбы, соединившей впоследствии Фарос с материком, составляла 7 стадиев, т. е. около 1150 м.

Ст. 359. ...*суда, запасенные темной водою*. — Стих, непонятный в переводе. В оригинале: «корабли, черпающие черную воду», т. е. поднимающуюся из глубины моря, куда не проникает дневной свет.

Ст. 365. ...*старца морского*... — Протея (ст. 385). *Идофея* — откуда Менелай знает ее имя и чем вызвана ее благосклонность, остается неясным. Впрочем, немотивированная помощь доброй волшебницы — обычный сказочный ход. Ср. ниже расположение Левкофеи к Одиссею, 5. 339—353.

Ст. 369. ...*голод терзал их*... — Эпические герои питаются исключительно жареным мясом: только голод может заставить их употреблять в пищу рыбу. Ср. 12. 331 сл.

Ст. 370. *С ласковым видом*... — Добавление переводчика, предупреждающее рассказ о полезном совете, который Эйдофея дала Менелаю (ст. 383—424).

Ст. 389 сл. = 10. 539 сл.

Ст. 404. *Алозидна* — в оригинале это не имя морского божества, а определение *ἄλοσδνῆ* «морская» (от *ἄλς* «море», *ἄλος* «морской»). Возможно, имеется в виду Амфитрита. В Ил. XX. 207 этот эпитет прилагается к Фетиде.

Ст. 412. ...*сочтя по пяти*... — Т. е. по числу пальцев на руке. Ср. 16. 245, где названы числа 10 и 20, тоже кратные пяти.

Ст. 417. *Разные виды... принимать*... — Способность к перевоплощению — сказочный мотив: особенно часто ею наделяются водные божества. Ср. в греческой мифологии превращение речного бога Ахелоя во время борьбы с Гераклом. См.: *Овидий*. *Метаморфозы*. IX. 1—88.

Ст. 440. ...*кожами сверху покрыв нас*... — Укрытие Одиссея и его спутников под туленьими шкурами — реликт распространенного фольклорного мотива, предполагающего маскировку человека под какое-нибудь животное: слона, медведя, барашка и даже черепаху.

Ст. 445 сл. ...*ноздри амброзией... помазав: // Был... запах чудовищ... уничтожен*... — В недавно обнаруженном папирусном отрывке из неизвестной ранее эпической поэмы «Меропида» Афина с той же целью окропляет амброзией шкуру, содранную ею с неуязвимого для людей великана Астера.

Ст. 455. ...не забыл чародейства... — Собственно: «коварного искусства». То же — в ст. 460.

Ст. 466 сл. = 373 сл.

Ст. 468—470. = 379—381.

Ст. 477. ...потоку Египту... — т. е. река Нил, название которого у Гомера не встречается.

Ст. 483. ...продолжительнотрудным путем... — См. ст. 357 и примеч.

Ст. 499—511. См. СМС: Аякс Оилейд. *Гифейская скала* — вероятно, недалеко от острова Миконоса, где впоследствии показывали могилу Аякса Оилеида. Тогда выходит, что буря отнесла его далеко на юг. Ст. 511, по свидетельству схолиастов, отсутствовал в античных рукописях и был внесен в текст, вероятно, после Аристарха.

Ст. 512—537. — См. СМС: Агамемнон.

Ст. 514. ...в виду нефристых утесов Маллеи... — Агамемнону незачем было плыть к Малее, т. е. к самой южной оконечности Пелопоннеса, чтобы попасть в Микены. Стало быть, либо надо допустить, что бурей его отнесло далеко к югу; либо что автор не совсем отчетливо представлял себе местоположение Микен; либо что в это описание вмешалась какая-то малоизвестная нам версия о встрече Агамемнона с Эгисфом (ст. 518).

Ст. 520. ...проводил он... — Добавление переводчика.

Ст. 538—541. — Ср. 10. 496—499.

Ст. 553. Был отвергнут еще в античности как ненужное добавление после ответа Протея в ст. 498 и вопроса в ст. 552. *Говоришь ты* (ст. 552) — добавление переводчика, впрочем вполне допустимое, так как Менелай повторяет слова Протея: 552 = 498.

Ст. 557—560. = 5. 14—17 = 17. 143—146. В кн. 4 подготавливается таким образом переход к кн. 5.

Ст. 561. ...приготовили боги иное... — Далее речь идет об Элисейской равнине (в переводе: *Элисейские поля*) — земле, находящейся далеко на Западе, за Океаном (ср. ст. 567), где, по Гесиоду, *Тид*, 161—172, обитают, избегая смерти, любимцы богов.

Ст. 569. *Супруг Елены* и поэтому зять *Зевса* — Менелай.

Ст. 570—576. Почти целиком повторяют ст. 425—431.

Ст. 582 сл. Одинаковое завершение стихов не имеет аналогии в оригинале.

Ст. 584 сл. *Холм гробовой... я наступал...* — См. 1. 287 и примеч.

Ст. 585 сл. = 17. 148 сл.

Ст. 590. *Трех быстрonoгих коней...* — Т. е. пару, составляющую упряжку, и одного пристяжного.

Ст. 597. *Так несказанно... пленяют...* — В оригинале: «ужасно услаждаюсь» — любопытное сочетание наречия с негативным значением и глагола — с позитивным. Ср. по-русски: «ужасно любит».

Ст. 599. ...желаешь, чтоб здесь я промедлил... — Несмотря на свой отказ, Телемах пробудет и Спарте еще месяц (см. в Примеч. вступительную заметку к кн. 1—4).

Ст. 602 сл. ...владеешь землею // *Тучных равнин...* — По греческим масштабам, земля в долине Еврота, где расположена Спарта, или в Элиде (см. ст. 635) — и впрямь широкая равнина, хотя в абсолютном измерении она не превышает в ширину 1,5 км.

Ст. 603. *Лотос* — здесь не дерево со сладкими плодами, как ниже, 9. 93 сл., а кормовое растение типа донника или клевера. *Галгант* — кипер, сыть.

Ст. 605. ...*ни широких полей*... — В оригинале: «широких дорог» (δρόμοι).

Ст. 610. ...*щеки ему потрепавши рукою*... — перевод, предполагающий некую фривольность в обращении (ср. 5. 181). В оригинале: «проведя рукою (от головы до плеча)».

Ст. 613—619. = 15. 113—119 (см., однако, примеч.). В переводе Жуковский, не считая, по-видимому, полное повторение обязательным, заменил в ст. 114 будущее время на прошедшее («выбрал тебе»).

Ст. 615 сл. ...*эта кратера Вся из сребра, но края золотые*... — Так же характеризуется корзина для шерсти, которой пользуется Елена, см. выше, ст. 131 сл.

Ст. 617 сл. *Федим* — говорящее имя: «сияющий», «сверкающий». *Царь сидонян*... — См. выше, ст. 84.

Ст. 620 + 625—627. = 17. 166—169.

Ст. 622 сл. *Коз и овцы приведя*... — Речь идет о совместной трапезе, пире в складчину. Может быть, автор слышал что-нибудь об известных в историческое время совместных трапезах (сисситиях) в Спарте. *Хлеб же прислали их жены*, на пирах не присутствующие.

Ст. 625. *Тою порой*... — Действие переносится на Итаку.

Ст. 628 сл. = 21. 186 сл.

Ст. 644. *Наемники* — феты, юридически свободные, но бедные люди, нанимавшиеся работать к богатым землевладельцам.

Ст. 647. ...*произвольно*... — Точнее: «добровольно».

Ст. 661 сл. — В оригинале это самостоятельный период, который Аристарх исключал из текста, считая его не слишком уместным заимствованием из Ил. I. 103 сл.

Ст. 663 сл. Почти = 16. 346 сл.

Ст. 681. ...*женщинами*... *благородными*... — Оценка дается по происхождению, не по моральным качествам. См. 2. 209, где употреблено то же самое прилагательное ἀγαοί. В «Илиаде» оно характеризует царей и героев. Здесь, впрочем, в устах Пенелопы не исключен иронический подтекст.

Ст. 689—693. — Ср. образ идеального царя в кн. 2. 230—234.

Ст. 701 сл. = 5. 19 сл.

Ст. 722. *Слушайте, милые*... — Стоящее в оригинале обращение φίλαι характеризует не столько доброе отношение Пенелопы к своим рабыням, сколько их принадлежность ей, и ближе по значению к притяжательному местоимению «мои».

Ст. 729. *О вы, безумные*... — Точнее: «негодные!»

Ст. 743. *Свет наш, царица*... — В оригинале νόμφα φίλη. Словом νόμφη обозначали обычно молодую женщину, недавно вышедшую замуж. К Пенелопе оно здесь не очень подходит. Поскольку, однако, Евриклее, вынычавшей самого Одиссея, его жена годится в дочери, здесь вернее всего было бы перевести: «дитя мое!», «дочь моя!».

Ст. 748 сл. = 2. 375 сл.

Ст. 750 сл. = 17. 48 сл.

Ст. 756. *Аркезиад* — Лаэрт (см. 14. 183; 16. 118).

Ст. 759 сл. — Ср. 750 сл.

Ст. 762. ...*непорочная*... — В оригинале: «неутомимая». Гнедич в «Илиаде» перевел «необорная». Эпитет ἀτρυτόνη сопровождает только имя Афины.

Ст. 768. — См. 1. 361 и примеч.

Ст. 771—773. ...*приготовлено... Было готово...* — Игра слов восходит к оригиналу.

Ст. 772 сл. = 13. 170 сл. с заменой имени собственного.

Ст. 780—783 + 785 почти = 8. 51—55. Ст. 783, как и 8. 54, был отвергнут еще в древности, так как мачту поднимают и паруса натягивают, когда корабль уже вышел из гавани и дует попутный ветер.

Ст. 785. ...*отведя на открытое взморье...* — В оригинале: «отведя корабль к крайней оконечности бухты», где женихи и ожидают наступления вечера, когда с суши подует попутный ветер. Днем в греческих морях во время мореходного сезона ветер дует со свежего моря на раскаленную землю, и, чтобы выйти из гавани, надо браться за весла. Соответственно, в оригинале сказано, что женихи «стали ужинать, сойдя с корабля».

Ст. 796. *Призрак...* — Т. е. образ, являющийся во сне.

Ст. 802. ...*ремня у задвижки не тронув...* — В оригинале: «вдоль ремня задвижки» (см. 1. 438 и примеч.), т. е. соответствует русскому «через замочную скважину» (ср. ст. 838, переведенный правильно). *Бесплотный* — добавление переводчика.

Ст. 824. *Темный призрак...* — Точнее: «окутанный туманом», «плохо различимый».

Ст. 831. *Если ты вправду богиня...* — Трудный для понимания стих. Пенелопа не может принять свою сестру за богиню, но может предполагать, что в ее облике явилось некое божество. Поэтому *вправду* в переводе — излишнее. *Слышала голос богини...* — несомненно, Афины (ст. 828 сл.).

Ст. 832. ...*и его... участь.* — Т. е. Одиссея.

Ст. 844. ...*утесистый остров...* — См. 9. 25 и примеч.

КНИГИ ПЯТАЯ — ДВЕНАДЦАТАЯ

Эти восемь книг с необходимым прибавлением к ним ст. 1—186 из кн. 13-й составляют второй из трех крупных блоков, на которые делится «Одиссея». Его началом служит новое собрание богов в кн. 5. 1—42, концом — возвращение корабля феаков, доставившего Одиссея на Итаку¹. В начале этого блока мы впервые знакомимся с Одиссеем, появление которого было достаточно хорошо подготовлено в кн. 3 и 4. Из двух наиболее часто применяемых к Одиссею определений — «многостральный» и «многоумный» или «хитроумный» — во втором блоке всестороннее подтверждение получает первое из них: некогда могучий герой, «разоритель городов», представлен в нем беспомощной игрушкой в руках богов и во власти стихий. Тем более впечатляющим станет во второй части поэмы обретение им своего героического статуса.

В начале второго комплекса Одиссей покидает остров Калипсо. Пребывание на нем означало полное выключение героя из реального мира, в котором только немногие не считают его безвозвратно погибшим. В конце второго комплекса Одиссей покидает остров феаков, тоже достаточно удаленный от реального мира, но с тем чтобы в этот мир вернуться и занять в нем принадлежащее ему место.

¹ Граница между 12. 453 и 13. 1 проведена при разделении текста «Одиссеи» на книги без учета того обстоятельства, что по содержанию 13. 1-186 тесно примыкает к предыдущим стихам.

Как и Телемахия, второй блок делится в свою очередь на две неравные по объему половины; правда, различие между ними по величине не столь значительно, как там. Если исходить из числа стихов, составляющих традиционный текст, то в кн. 5—8 мы насчитаем 1757 стихов, в кн. 9—12 + 13. 1—186 — 2419, т. е. вторая часть больше первой примерно на одну треть. (Если изъять из подсчета стихи, которые, как в кн. 11, скорее всего, являются позднейшими вставками, то возникнет другое соотношение: в первой половине блока окажется около 1720 стихов, во второй — около 2250). Между двумя половинами нет столь заметной разделительной черты, как в первом блоке (ночь — рассвет). Скорее, наоборот, кн. 9 начинается со слов, прямо примыкающих к концу кн. 8: «Отвечая ему, сказал...» По содержанию, однако, обе половины второго блока прямо противоположны.

В кн. 5—8 действие движется в поступательном направлении к конечной цели — возвращению Одиссея на родину (решение богов, посещение Гермесом острова Огигии, строительство плота, обещание Алкиноя, снаряжение корабля феаков). Не лишено основания наблюдение над последовательностью событий в этих книгах, которая предвещает аналогичное развитие действия в 3-м блоке. Сравним: Одиссей пробуждается в незнакомой земле (6. 119—121 = 13. 200—202); с просьбой о помощи он обращается к первой встреченной им девушке (6. 175—178) или к юному пастуху (13. 228—235); по их совету он ищет приюта во дворце Алкиноя (6. 295—303) или в доме Евмея (13. 404—411); следует описание дворца (7. 84—102) или хижины Евмея (14. 6—12). В дальнейшем в 3-м блоке события описываются значительно подробнее, но прообразом рассказа Одиссея у Евмея можно считать его же ответ на вопросы Ареты (7. 240—286), а метание диска у феаков (8. 185—199) сопоставить с дракой с Иром (18. 90—110).

В кн. 9—12 наступает ретардация: повествование возвращается к началу странствий Одиссея и завершается тем, с чего он начал свое пребывание во дворце Алкиноя (ср. 7. 244—266 и 12. 447—453). Этот прием *Vorgeschichte*, вложенный в уста героя, не только говорит сам по себе о достаточно изысканном мастерстве создателя поэмы, но и открывает перед ним новые возможности. Рассказ от первого лица позволяет изложить историю странствий Одиссея значительно подробнее, чем это мог сделать в небольшом отступлении сам эпический автор. В кн. 3. 162—164 Нестор сообщает, как Одиссей, собравшийся было отплыть из-под Трои вместе с ним и Менелаем, возвращается обратно. Одиссей свой рассказ перед феаками начинает с окончательного расставания с Троей (9. 37 сл.). Таким образом, воспоминания Одиссея заполняют промежуток во времени между действием «Илиады» и «Одиссеи», создавая преемственность в изложении сказания. Вместе с тем они вводят в поэму новый, фольклорный материал, который в 8 в., в эпоху Великой колонизации, являлся для слушателей более актуальным, чем в период оформления героического эпоса. Кн. 9—12 выполняют еще одну важную функцию: они объясняют, каким образом Одиссей в результате поочередно обрушившихся на него бедствий потерял все корабли и всех своих спутников и оказался один на один перед лицом новых испытаний.

В заключение следует предостеречь читателя от попыток искать на географической карте все те места (кроме земли киконов, см. 9. 39 и примеч.), которые пришлось посетить Одиссею во время его странствий. Такие попытки делались еще древними (см. 10. 25 сл., 81, 135 и примеч.; 12. 72, 262 и примеч.), не отстают от них и некоторые современные исследователи. Так, для одного лишь острова феаков

было предложено не менее 15 идентификаций, включая Палестину и Киренаику (Ливию), Тунис и Шотландию, Западную Италию и Андалузию, не говоря уже о доброй полудюжине островов. Царство феаков искали в Сицилии, на Мальте, Крите, Кипре, Фере (Санторине) и даже на далеком северном Гельголанде. Ясно, что применительно к сказочной атмосфере кн. 9—12 все эти поиски имеют еще меньше шансов на успех.

КНИГА ПЯТАЯ

Грот Калипсо. Плот Одиссея

Ст. 3. *Боги... собрались на великий совет...* — См. вступительную заметку к кн. 1—4. Так как Гермес может отправиться к Калипсо только после того, как будет окончен рассказ о пребывании Телемаха в Спарте, т. е. на шестой день после первого собрания богов, автору приходится возобновить эту картину в сознании слушателей.

Ст. 8—12 = 2. 230—234.

Ст. 11. *Если могли вы забыть Одиссея...* — Точнее: «судя по тому, что никто из народа не помнит божественного Одиссея». Перевод Жуковского, вполне соответствующий смыслу оригинала в кн. 2, здесь приводит к нелепице: Афина вовсе не упрекает богов в том, что они забыли Одиссея, а воспроизводит ситуацию, сложившуюся на Итаке.

Ст. 14. *Калипсо* — в этом образе соединяются два сказочных мотива. (1) Волшебница, долго удерживающая у себя героя, вдруг неожиданно для него (здесь это обосновывается волей Зевса) позволяет ее покинуть и оказывает ему необходимую помощь. (2) Настолько длительное исчезновение героя (имя Калипсо ассоциировалось у греков с глаголом *καλύπτω* («укрывать», «скрывать»), что его считают погибшим. С этой точки зрения не лишено смысла отождествление острова Огигии с подземным миром (см. примеч. к ст. 64). В сюжетном же плане длительное пребывание Одиссея вдали от дома необходимо для того, чтобы успел подрасти Телемах.

Ст. 14—17 = 4. 557—560 = 17. 143—146. В кн. 5 Афина повторяет слова Протея, как в кн. 17 их будет повторять Телемах.

Ст. 16 сл. = 141 сл.

Ст. 18. *...хотят умертвить Телемака...* — См. 4. 660—674, 768—786, 842—847.

Ст. 19 сл. = 4. 701 сл.

Ст. 31 сл. = 1.63 сл.

Ст. 23 сл. = 24. 479 сл.

Ст. 29 сл. *Эрмий, наш вестник... Нынче лети объявить...* — Только здесь Зевс дает поручение Гермесу; см. примеч. к ст. 3.

Ст. 30 сл. = 1. 86 сл. с заменой формы глагола.

Ст. 32. *...без участия свыше...* — Не вполне точное предсказание, так как в самый критический момент Одиссею все-таки поможет морская богиня Левкофея (ниже, ст. 333—353), а потом — Афина (ст. 382—387).

Ст. 33—42. Эти слова предназначены не для передачи их Калипсо, а для успокоения Афины, почему Гермес и не повторяет их перед Калипсо. *В день двадцатый...* (ст. 34) — См. 6. 170.

Ст. 35 сл. = 19. 279 сл. с заменой времени глагола.

Ст. 36—38 = 23. 339—341 с заменой времени глагола.

Ст. 38—40 = 13. 136—138.

Ст. 44—46 = 1. 96—98. См. примеч. к ст. 99.

Ст. 47 сл. почти равен 24. 3 сл.

Ст. 51. ...*рыболовом*... — В оригинале: «чайкой».

Ст. 55. Остров Калипсо, в изображении автора, находится далеко на западе, будучи отделен от материка огромным водным пространством (см. ниже, ст. 100—102, 174—176). Для его преодоления на плоту Одиссею потребуются 17 дней (см. ст. 278).

Ст. 57. ...*светлокудрявой*... — Собственно: «с волосами, лежащими завитками» (εὐπλόκατος), частый эпитет богинь и смертных женщин.

Ст. 60. ...и *дерева жизни*... — В оригинале речь идет о дереве, которое в античности сближали с туйей или пирамидальным кипарисом. Благодаря приятному запаху при сгорании оно использовалось для курений (ср. ст. 64).

Ст. 62. ...*сидя*... за *узорию тканью*... — Ткацкий станок стоял у греков вертикально, и женщина передвигалась от одной его стороны к другой. В оригинале сказано: «расхаживая перед станком». Тот же случай — 7. 105; 10. 222; 13. 108. Правильно переведено у Гнедича: «ткальный стан обходя» (Ил. I. 31).

Ст. 64. *Тополи, ольхи... кипарисы*... — На острове Калипсо преобладают деревья и растения, связанные с культом мертвых: черный тополь, ольха (ср. ст. 239), кипарис, фиалка (ст. 72). ...*лиющие дух*... — разогревшись на солнце, они издают приятный запах.

Ст. 72. ...и *злаков*... — В оригинале: «сельдерей».

Ст. 74—76. ...*изумился*... *изумлен*... с *изумлением*... — Тавтология в переводе соответствует оригиналу.

Ст. 79. *Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги*... — Образ Калипсо далек от круга Олимпийских божеств. Поэтому автор, сводя ее с Гермесом, считает нужным мотивировать их знакомство.

Ст. 83 сл. = 157 сл. Однако ст. 157 отсутствует в части рукописей или приписан на полях, а ст. 84 еще в древности считали позднейшей вставкой. И в самом деле, δάκρυς в 83 (=157) и δάκρυα в 84 (=158) создают ненужную тавтологию.

Ст. 86. ...с *любопытством*... — Добавление переводчика.

Ст. 91. *Прежде, однако*... — Стих равен Ил. XVIII. 387, где его начало переведено точнее Гнедичем: «Но войди ты в чертог...» Поскольку в «Одиссее» Калипсо уже успела посадить Гермеса в кресло (ст. 85), то приглашение войти звучит странно. Поэтому ст. 91, отсутствующий во многих рукописях, не без основания считают интерполяцией.

Ст. 93. ...с... *амброзией нектар*... — Бестелесная пища богов.

Ст. 99. ...*не сам произвольно сюда прилетел я*... — В оригинале Гермес выражается более определенно («Зевс повелел мне, не желавшему этого, отправиться сюда»), чтобы снять с себя ответственность за горе, которое он причиняет Калипсо. Ср. ст. 103. Деликатность Гермеса проявляется и в том, что он не называет Одиссея по имени.

Ст. 108. ...*при отплытии*... *раздражили Афины*... — См. 3. 133—135 и примеч. В оригинале: «при возвращении», хотя и это не очень точно: богохульство Аякса имело место до отплытия из-под Трои.

Ст. 110 сл. = 133 сл., где эти слова более уместны в речи Калипсо. Поэтому ст. 110 сл. были заподозрены в неподлинности еще античными филологами. Современные исследователи подвергают их сомнению по другой причине: при нынешнем составе текста получается, что скитания Одиссея являются таким же результатом гнева Афины, как и богохульство Аякса.

Ст. 112. *Требуют боги...* — В оригинале: «он (т. е. Зевс) требует».

Ст. 113 сл. *...ему не судьба... Воля... судьбы...* — В оригинале употреблены оба слова, обозначающие долю смертного: αἶσα и μοῖρα, чтобы усилить требование, предъявляемое к Калипсо.

Ст. 114 сл. = 41 сл. с различием в 1-й стопе.

Ст. 118. *...ревнивые...* — Собственно: «жестокие» (συχέτλοι).

Ст. 122 сл. *Гнали... Гнали...* — Анафоре перевода нет соответствия в оригинале.

Ст. 123. Внезапная смерть мужчины от стрелы *Артемиды* (а не Аполлона) — редкий случай. Ср. 3. 280 и примеч.

Ст. 127. *На поле, три раза вспаханном...* — Культовый брак Деметры и Ясиона означал засев полей, который у греков производился после третьей вспашки.

Ст. 131—133 = 7. 249—251.

Ст. 136. *...дать и бессмертье, и вечноцветущую младость.* — Очевидно, позволив ему вкушать нектар и амброзию.

Ст. 137 сл. = 103 сл.

Ст. 139 сл. *Пусть он... Морю... предается...* — В оригинале сказано сильнее: «пусть он пропадет на море».

Ст. 141 сл. = 16 сл. = 4. 559 сл.

Ст. 146. *Волю Зевеса уважив...* — В оригинале опять более сильное выражение: «страшась Зевсова гнева».

Ст. 155. *...желанью ее непокорный...* — Здесь перевод усиливает оригинал, где сказано: «проводил ночи, не желая того».

Ст. 157. — См. ст. 83 сл. и примеч.

Ст. 161. *...тебя отпустить... хочу я...* — Калипсо вовсе не хочет отпускать Одиссея. В оригинале она говорит: «тебя я отпущу».

Ст. 163. *...утверди ты перила...* — В оригинале сказано: «сколоти сверху палубу» (см. ст. 253), причем имеется в виду настил над частью палубы, чтобы убирать под него припасы и тем спасти их, если палуба будет заливать водой.

Ст. 177. *...ненадежный...* — Добавление переводчика, может быть и оправданное предыдущими стихами, но входящее в противоречие со ст. 243—257.

Ст. 178 сл. = 10. 343 сл.

Ст. 181. — См. 4.610 и примеч.

Ст. 184. *Но я клянусь...* — Калипсо призывает в свидетели все, что есть на небе, на земле и под землей. Нарушение такой клятвы каралось, согласно Гесиоду (*Теог.* 793—806), отлучением на один год от употребления нектара и амброзии с последующим исключением на 9 лет из общества богов.

Ст. 191. *...горячее, нежное сердце...* — Преувеличение переводчика. В оригинале: «милостивое», «склонное к состраданию».

Ст. 192 сл. — См. 2. 405 сл. и примеч.

Ст. 215. *...светлая нимфа...* — В оригинале «почтенная богиня».

Ст. 221. *Если же кто из богов...* — Одиссей остерегается называть по имени Посидона, гнева которого он имеет основание опасаться (ср. ниже, ст. 423, 446; 7. 271; 11. 101—103).

Ст. 229. ...облекая в хитон и хламиду... — См. 1. 433 и примеч.; 3. 467.

Ст. 230. *Риза* — в оригинале здесь, как и в 3. 467, *φῆρος* — собственно, большой кусок материи, набрасываемый в качестве верхней одежды. В кн. 3 этот «плащ» обозначает хламиду, которую надевает Телемах, здесь — женское покрывало. *Светлосеребряная* — в оригинале не более чем «оселепительно белая», т. е. из хорошо отбеленной льняной ткани.

Ст. 230—232 = 10. 543—545.

Ст. 235. ...с обеих сторон изощренный... — Имеется в виду либо двулезвийная секира, либо треугольный в плане топор.

Ст. 253. *В гладкую палубу сбил...* — перевод неточен. В оригинале сказано «установил палубу, укрепив ее частыми (наклонно стоящими) брусками; затем под конец обшил (плот по бортам) длинными досками».

Ст. 256 сл. ...из... // *Сучьев...* — Дополнение переводчика (как можно сплести сучья?). В оригинале сказано: «ивовым плетнем».

Ст. 259. *И, устроивши парус...* — В оригинале в следующем стихе перечисляются все канаты, которые наладил Одиссей (по современной терминологии: брасы, фалы и шкот), привязав к ним паруса. Жуковский заменил эти детали фразой: *чтоб его развить и свивать* (ст. 260), тем самым обеднив описание плота Одиссея, который скорее походил на хорошо оснащенный корабль.

Ст. 264. *Баней его освежив...* — т. е. омыв его. См. 3. 464—466 и примеч. Об омоении перед дорогой см. также 8. 449—454.

Ст. 270—277. Одиссей плывет с запада на восток, так что созвездие Большой Медведицы остается слева. *Воот* (Арктур) появляется на небе перед восходом солнца и середине сентября, к которому, следовательно, автор «Одиссеи» приурочивает плавание своего героя (ср. ниже, ст. 467—469). Однако Медведица не *свершает круг свой близ Ориона*, а «следит за Орионом», «остерегается» его (так в оригинале здесь и в «Илиаде», где XVIII. 487—489 буквально совпадают с кн. 5. 273—275), и поэтому во время его восхождения обращена к нему головой. С мифологической точки зрения, Медведица остерегается гиганта-охотника Ориона (ср. II. 572—574). *Свершающей* круг соответствует в оригинале «вращающаяся на одном и том же месте», т. е. вокруг полюса. ...себя... не купая в водах океана... — Не заходя за горизонт.

Ст. 271. ...сон не спускался... — Не следует понимать буквально. Одиссей не мог спать ночью, когда надо было выверять путь по звездам, но мог позволить себе поспать несколько часов днем, направив паруса по ветру.

Ст. 278 сл. = 7. 267 сл.

Ст. 282 сл. ...покинув // *Край эфиопян...* — См. 1. 22—25. Посидон должен был гостить у восточных эфиопов, так как Солимские высоты локализируются в Малой Азии, на восточном побережье Ликии.

Ст. 295 сл. *Эвр, Нот, Зефир, Борей* — перечисление ветров, дуящих со всех четырех сторон света, должно дать представление о силе начавшейся бури.

Ст. 304. *Зевс... взбутовил... море...* — На самом деле, как мы знаем, бурю воздвиг Посидон, но персонажи «Одиссеи» часто приписывают Зевсу действия, совершаемые, согласно автору, другими богами. Впрочем, Зевса и Посидона как возбудителей бури называет вместе Гесиод (*ТцД*, 667—678).

Ст. 309 сл. О битве за тело Ахилла, в которой особенно отличились Одиссей и Аякс Теламонид, см. ниже, 24. 36—42.

Ст. 311. *С честью б я был погребен...* — См. 1. 233—235; 3. 204; 19. 333.

Ст. 326. ...*избежав потопленья*... — В оригинале употреблена форма причастия настоящего времени: «избегая смертной кончины»: Одиссей не мог еще рассчитывать на окончательное спасение. ...*на палубе сел*... — Добавление переводчика. В оригинале сказано: «ухватился за него», т. е. за плот.

Ст. 334 сл. ...*приветноречивая*... — Собственно: «одаренная речью», «говорящая», поскольку богиня явилась в облике морской птицы нырка. *После богиня*... — Не считая принятого в сонм богов Геракла (Ил. 601—604), превращение Ино в богиню — единственный у Гомера случай обожествления смертного.

Ст. 337. Был заподозрен как вставка еще в древности, причем в качестве довода ссылались на ст. 353. Однако указание на исчезновение богини в ее териоморфном облике — недостаточное основание для исключения стиха, сообщающего о таком же ее появлении.

Ст. 338. ...*твердосколоченный*... — Добавление переводчика. Впрочем, несмотря на потерю мачт (ст. 316—318), Одиссей не спешит расстаться с плотом, пока «бревна удерживаются скрепами» (ст. 361).

Ст. 346. *Покрывало*, имеющее волшебную силу, — частый мотив в фольклоре мореплавателей. Как всякий талисман, его по миновании надобности следует немедленно вернуть давшему (см. ст. 348—350). ...*глаза отвратив*... (ст. 350) — так как смертному не положено видеть, что случится дальше (ср. Ил. 10. 528).

Ст. 371. ...*как конь, убежавший на волю*... — Не совсем точный перевод. В оригинале: «Одиссей забрался на одно бревно и поехал верхом, как на скаковом коне», — деталь, известная также из египетского рассказа о потерпевшем кораблекрушение. Здесь она, однако, представляется рудиментом, потерявшим свое первоначальное значение, поскольку введен мотив волшебного покрывала. Вообще же верховая езда упоминается у Гомера только как особое искусство (ср. Ил. XV. 678—683); в остальных случаях и в бою, и в путешествии употребляются колесницы. Единственное исключение — там же. X. 513, 541, где описывается необычная ситуация, да и сама кн. X считается в «Илиаде» одной из поздних.

Ст. 378. *Люди, любезные Зевсу*... — Точнее: «вскормленные Зевсом», т. е. цари феаков (см. б. 54 и примеч.).

Ст. 384 сл. *Позволила только Борей Бурию свирепствовать*... — По-видимому, буря отнесла Одиссея сильно к северу, и поэт представляет себе теперь его путь как идущий с севера на юг. Поэтому Борей для него благоприятен. Кроме того, Афина успокаивает волны **перед** Одиссеем (у Жуковского это слово не переведено), облегчая ему плавание; до тех пор волны били его со всех сторон (ст. 295 сл.).

Ст. 388. ...*два дня и две ночи*... — Этот срок соответствует словам Посидона в ст. 377 («плавай, испытав множество бедствий»; в переводе смысл оригинала ослаблен: *плавай на свободе*), но плохо вяжется с благодетельным вмешательством Афины.

Ст. 390. ...*лучезарнокудрявая*... — В оригинале тот же эпитет εὐλόκκος, что и в ст. 57 (см. примеч.).

Ст. 391. *Вдрузе успокоилась буря*... — Как видно из дальнейшего, на долю Одиссея еще выпадет достаточно трудностей, прежде чем он сумеет выбраться на берег. См. 402, 411 сл., 425—435, 451 сл.: только здесь речной бог «сдержал волну и навел впереди него (Одиссея) тишь на море (γαλήνη)», уже упомянутую несколько преждевременно в ст. 391.

Ст. 406 сл. = 297 сл.

Ст. 411 сл. ...*расшибаяся, блещут*... — Перевод, отчасти усиленный (*расшибаяся*), отчасти ослабленный против оригинала, где сказано: «кипя, ревут».

Ст. 421. ...*демон враждебный*... — См. 2. 135 и примеч. Здесь, может быть, Посидон (ср. ст. 423).

Ст. 442 сл. почти = 7. 281 сл.

Ст. 466—469. Хотя плавание Одиссея в ст. 270—277 приурочено к середине сентября, оно чаще представляется происходящим в более позднюю пору, когда ночи особенно длинные, а по утрам и вечерам холодно. См.: 11. 373; 14. 457; 15. 392; 17. 24 сл., 191, 572 сл.; 19. 64.

Ст. 478—480 + 483 = 19. 440—443.

Ст. 490. ...*безопасно от злого пожара*... — В оригинале сказано: «чтобы не пришлось ему разжигать огонь, (принеся) откуда-нибудь из другого места».

КНИГА ШЕСТАЯ

Прибытие Одиссея к феакам

Ст. 4. ...*издавна в... земле Иперейской*... — Т. е. в не определяемой точнее стране «поверх» (*ὑπέρ*) феаков, на севере, откуда они переселились южнее, на Схерию. *Издавна* — неточный перевод. В оригинале: «некогда раньше».

Ст. 8. ...*далеко от людей*... — Собственно: «за пределами» известного мира (ср. ст. 204), чем подчеркивается такая же удаленность Схерии от реальности, как и Калипсо на ее острове.

Ст. 10. ...*разделил их поля на участки*... — Раздел земли — существенный момент образования в Греции колоний, каким, собственно, и является в глазах аудитории поэта переселение феаков на Схерию. Такие же неперменные элементы колонизации — возведение городских укреплений и строительство алтарей для почитания вывезенных из метрополии богов.

Ст. 12. *Алкиной* — см. СМС. ...*многоумием богу подобный*.... — Точнее: «от богов наделенный многознанием».

Ст. 17. *Навсикая* — говорящее имя, от *ναῦς* «корабль» и, вероятно, глагола *καίνομαι* «превосходить», «выделяться». См. 8. 111—115 и примеч.

Ст. 20. *Светлые двери*... — «Сияющие», «сверкающие», «блестящие», т. е. отполированные до блеска.

Ст. 26. ...*о светлых одеждах*... — В оригинале то же определение, что в предыдущем случае, с той разницей, что «сияющие» в применении к одеждам является их постоянным эпитетом, употребленным здесь пролептически: Навсикая еще должна постирать одежды, чтобы они засияли, как положено.

Ст. 37. *Дать колесницу и мулов*... — Собственно: четырехколесную (см. 9. 241) повозку (*άμαξα*), предназначенную для перевозки груза. В нее запрягали мулов, в отличие от боевой колесницы, в которую запрягали лошадей (ср. 18. 264).

Ст. 38. *Повязки* (*ζώστρα*) схолиасты объясняют как «хитоны»; *покровы* — *πέπλοι*, т. е. женская одежда (см. примеч. к ст. 49).

Ст. 39. ...*то тебе неприлично*... — Преувеличенный перевод. В оригинале сказано: «и тебе так (т. е. на повозке) много лучше отправиться, чем пешком».

Ст. 43. ...*где ветры не дуют*... — Описание Олимпа близко здесь к изображению Елисейских полей в кн. 4. 566—568.

Ст. 49. *Светлоубранную...* — Собственно: «прекрасноодежная», постоянный эпитет знатных женщин. Здесь употреблен пролептически: Навсикая еще не успела одеться.

Ст. 54. *...владык многоумных...* — См. 8. 390 и примеч.

Ст. 57. *Милый...* — В оригинале: «милый папа» (*πάππα*), слово из лексикона детей, вполне подходящее к изображению идиллической обстановки в семье Алкиноя.

Ст. 63. *Два уж женаты...* — Но продолжают жить в отцовском доме. Ср. 3. 296; 10. 7—9, а также описание «большой семьи» Приама (Ил. VI. 241—250). Трое названы ниже как участники состязания в беге, 8. 118 сл.

Ст. 78. *...лакомства дать...* — В оригинале: «приятную пищу». Перевод, в котором одному дополнению соответствует два (*еду и лакомства*), вызывает представление, что мать дала с собой Навсикае также сладости.

Ст. 84. *...молодые подруги...* — Добавление Жуковского, как и в ст. 99. 198. В оригинале везде, включая ст. 80, где переведено «рабыни», речь идет о служанках (*ἄφίπολοι*). Другое дело, что при патриархальных нравах, царящих на Схерии, Навсикая ведет себя со служанками, как с подругами (ср. ниже, ст. 96—111).

Ст. 89. *...по зеленому брегу потока...* — Т. е. той самой реки, в устье которой заплыл Одиссей.

Ст. 99. *...царевна...* — Поскольку Алкиной был только одним из двенадцати «царей» (басилевсов), автор «Одиссеи», как правило, называет Навсикаю не царевной, а девой. Исключения (6. 115, где *βασιλεῖα* надо перевести «владычица», и 6. 149, где Одиссей на всякий случай называет Навсикаю *ἄνασσα* «госпожа», не зная, кто она такая) в переводе как раз отражения не нашли.

Ст. 101. *Песню же стала сама... петь...* — Возможно и другое толкование: «заводила (зачинала) игру», вероятно соединенную с танцем, как в кн. 8. 371—380: пляска с мячом. *...белорукая...* — Частый постоянный эпитет богинь, знатных женщин, но и служанок и даже рабынь, поскольку женское платье (пеплос) оставляло открытыми руки до плеча. См.: 6. 239; 18. 198; 19. 60.

Ст. 115 сл. *...в подружек...* — В оригинале — единственное число: Навсикая бросает мяч вверх, одна из девушек должна его поймать (см. 8. 372—377). *Он, отраженный Афиною...* — Дополнение Жуковского: непосредственного участия Афины в этом промахе нет, хотя он произошел, вероятно, не без ее замысла. Ср. ниже, 139 сл.

Ст. 119—121 = 13. 200—202; ст. 120 сл. = 9. 175 сл.

Ст. 129. *...обнаженное тело...* — В оригинале: «мужской член».

Ст. 148. *С словом приятноласкательным...* — В оригинале то же определение *μελίχιος* («сладостное», «любезное»), что и в ст. 143 и 146 (где оно переведено как «умиленное»), но соединенное с другим — *κερδαλέος* «умное», «обдуманное», «уместное».

Ст. 153. *...под властью судьбины...* — Преувеличение переводчика. В оригинале: «живущих на земле».

Ст. 159. *...одаренную венком богатым...* — Этот стих и в оригинале допускает различные толкования. Речь может идти в нем либо о подарках невесте со стороны жениха (ср. 13. 378 — в переводе не передано; 16. 391; 19. 529; 21. 161), либо о выплате выкупа ее отцу (ср. 15. 367), либо о приданом, которое дают за невестой (ср. 20. 335 и примеч.).

Ст. 162. *В Делосе... я...* — О посещении Одиссеем Делоса из других источников ничего не известно.

Ст. 164. *...храм...* — Дополнение переводчика. Названный выше *алтарь* расположен под открытым небом, в священном участке Аполлона. В оригинале сказано: «туда я прибыл».

Ст. 175. *...царевна...* — Здесь это обращение, исходящее от Одиссея, вовсе неуместно: он еще не знает, с кем имеет дело, и называет Навсикаю словом *ἀνασσα* «госпожа», обычно употребляемым применительно к богиням. Ср. 99 и примеч.

Ст. 189. *...без разбора по воле своей прихотливой...* — Перевод несколько снижает намечающееся в «Одиссее» изображение Зевса как блюстителя справедливости (см. статью «Одиссея» — фольклорное наследие..., § 3). В оригинале нет ни «без разбора», ни «прихотливой воли». Сказано лишь: «сам Зевс Олимпиец наделяет благополучием и благородных людей, и людей низкого происхождения, (давая) каждому сколько хочет». Почему Зевс захочет давать благополучие людям низкого происхождения, — другой вопрос, но о его безразличии к их нравственным качествам речи здесь нет.

Ст. 192 сл. = 14. 510 сл.

Ст. 196. *...благодарушного...* — Точнее: «великодушного», частый эпитет героев.

Ст. 204 сл. *...на последних пределах // Шумного моря...* — Точнее: «на море», «среди моря», как в 4. 355. Феаки живут, как и Калипсо, на острове, но, по-видимому, в противоположной стороне света.

Ст. 207 сл. почти = 14. 57 сл. *Зевес посылает // Нищих и странников* (точнее: чужеземцев), находящихся под его покровительством. Ср.: 9. 270 сл.; 13. 213; 14. 283 сл., 389; 16. 422. *...дар и убогий...* — Неточный перевод. Смысл оригинала: «подавание хоть и невелико, но от души».

Ст. 222. *Стыдно себя обнажить мне...* — Обычно это не считалось стыдом: см. 3. 464—466 и примеч.

Ст. 230—235 = 23. 157—162. См. примеч.

Ст. 266. *...вокруг Посидонова храма...* — в оригинале сказано *Ποσιδίον*, что может быть понято и как храм (ср. б. 10), и как алтарь, расположенный в священном участке Посидона (ср. ст. 164 сл.). Вероятно, агора (*площадь торговая*) примыкала к этому участку. Посидон особенно почитается феаками как их прародитель (7. 56).

Ст. 267. *...на... камнях огромных стоящего...* — В оригинале причастная конструкция относится к агоре, «укрепленной вкопанными камнями», т. е., как видно из кн. 8. 6, окруженной каменными сиденьями.

Ст. 280 сл. *Или какой... Бог низлетевший...* — Навсикая предполагает ироническое отношение к себе со стороны феаков.

Ст. 282. *Лучше б самой ей покинуть...* — В оригинале сказано: «вот и лучше, если она сама, отправившись (на поиски), нашла мужа на чужой стороне; ведь здешними она пренебрегает».

Ст. 287 сл. *...стала... она обращаться с мужчинами вольно...* — Перевод смягчает более сильное выражение оригинала: «имела общение».

Ст. 293. *Поместье* — Т. е. участок (*τέμενος*), выделяемый гражданами царю в личную собственность. См. Ил. VII. 194 сл.; XIII. 310—314.

Ст. 303—305. *...двор перешедши...* — Пройдя через огороженный стеной двор, Одиссей вступит в залу (мегарон), где перед очагом он увидит мать Навсикаю. К ней он и должен подойти. *...к покоям царицы...* — Добавление Жуковского, создающего

ситуацию, невыносимую в условиях древнегреческого общества, где доступ посторонним мужчинам на женскую половину (гинекей) был категорически запрещен. Ни о каких покаях Ареты ни здесь, ни далее речи нет. Там, тоже добавленное переводчиком, могло бы относиться только к мегарону.

Ст. 313—315 = 7. 75—77. Однако в первом случае стихи отсутствуют во многих рукописях и с полным правом считаются интерполяцией, внесенной сюда из кн. 7, где в наставлении Афины они гораздо более уместны. В ст. 312 Жуковский одним словом *чужеземцу* заменяет более сложный ход мысли оригинала: «...даже если бы ты был совсем издалека».

Ст. 325. ...*молитве, тобою не внятой*... — Одиссей не знает, что Афина помогла ему, усмирив ветры (5. 382).

Ст. 330. *Мощного дяди*... — Т. е. Посидона, брата Зевса.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Приход Одиссея к Алкиною

Ст. 9. ...*из Этира*... — Едва ли правильный перевод. В оригинале названа Апейра (Ἀπειρα, от прилагательного ἀπειρος «беспредельный») — мифическая страна, не находящая соответствия в реальной географии древнегреческого мира.

Ст. 20. *Скудель* — кувшин. В оригинале: «кальпида», сосуд для зачерпывания воды.

Ст. 23. ...*обладатель*... — Преувеличенный перевод. В оригинале: «который владычествует над здешними людьми» как верховный царь наряду с еще двенадцатью. См. 8. 390 и примеч.

Ст. 32. ...*иноземцев не любит народ наш*... — Эта не слишком благоприятная характеристика феаков вступает в явное противоречие с гостеприимством Алкиноя, который охотно помогает Одиссею вернуться на родину. К ст. 32 следует прибавить также 6. 274 и 8. 158—164. Указанному противоречию можно, вероятно, дать два объяснения. С одной стороны, недружелюбие феаков может явиться рудиментом древней версии, по которой Одиссею предстояло преодолеть в их земле новые трудности и пройти еще одно испытание. С другой стороны, в картину идеальной страны вкрапляются реалистические черты: в историческую эпоху в греческих полисах к иноземцам относились без особого почтения, о чем говорит необходимость для приезжего иметь в городе проксена, т. е. уважаемого человека, связанного с родиной чужеземца отношениями взаимного гостеприимства.

Ст. 37 сл. — см. 2. 405 сл. и примеч.

Ст. 50. *В сонме гостей*... — Правильнее: «вскормленных Зевсом царей».

Ст. 54 сл. ...*от одних*... *Предков*... — В оригинале: *τοκήες*, что означает скорее «родителей». В этом случае Арета приходится сестрой Алкиною, как среди богов Рея — Крону, Гера — Зевсу и т. п. Далее, однако, Арета названа племянницей Алкиноя (ст. 63—68) — более обычный случай в брачной практике греков. Следовательно, либо надо признать за словом *τοκήες* значение «предки», либо предположить во второй родословной позднейшую вставку.

Ст. 59. ...*властителем буйных гигантов*... — Поскольку у Гомера нет откликов на восстание гигантов против Зевса, то под гигантами, скорее всего, разумеются ди-

кие люди, подобные циклопам (ср. ниже ст. 206 и 10. 120, где в оригинале названы не великаны, а гиганты).

Ст. 65. ...на *пифе вторичного брака*... — Неправильный перевод. В оригинале имеется в виду, что Аполлон сразил Рексенора, когда тот был недолго женат и еще не имел мужского потомства.

Ст. 67. *Так почитает её*... — Высокое положение Ареты в стране феаков отражает воспоминание о пережитках матриархата в культуре Крита.

Ст. 75—77 = 6. 313—315 (см. примеч.).

Ст. 81. *Эрехтей* — легендарный афинский царь (см. Ил. II. 546—551). До открытия в Афинах памятников крито-микенской эпохи считалось, что в то время Афины не играли заметной роли в истории Греции, и, следовательно, названные выше в обоих поэмах стихи являются поздней вставкой. Сейчас, однако, эта точка зрения подвергается сомнению, и в ст. 80 сл. видят указание на то, что к последней четверти 8 в. уже сложилось представление об Афинах как центре культа одноименной богини.

Ст. 86—90. *Медные стены* — Т. е. покрытые пластинами из меди (бронзы). Так же точно двустворчатые *двери* были *не литыми из чистого золота*, а покрыты облицовкой из золота, как *притолки из серебра*. *Лазоревая сталь* — сплав стекла и меди темно-голубого цвета, широко употреблявшийся в крито-микенскую эпоху. *Князь* — дверной косяк. *Медный порог* (83, 89; ср. 7. 4) — обычно только в описании домов богов.

Ст. 91 сл. *Две... собаки*... — Т. е. по две (золотая и серебряная) с каждой стороны. Как создание Гесты, они мыслятся либо одушевленными, либо с заводом.

Ст. 96. *Лавки* — собственно: кресла с подлокотниками (θρόνοι). См. 5. 85.

Ст. 98. ...*садились чином*... — Понятие, отсутствовавшее в греческом быту и привнесенное Жуковским по образцу боярских собраний на Руси с их обычным местничеством.

Ст. 100. ...*лики златые*... — В оригинале: «золотые юноши», т. е. статуи юношей со светильниками в руках.

Ст. 103—111. Аналитическая критика считает позднейшей вставкой, так как упоминание о труде невольниц не имеет отношения к описанию дворца. К тому же в ст. 109 (*столь отличны их жены*) явно имеются в виду жены свободных феакийских граждан, хотя выше шла речь о рабынях.

Ст. 105. ...*сидя*... — См. 5. 62 и примеч. В оригинале сказано: «другие же ткали и пряли, сидя...».

Ст. 112—132. Описание *сада* Алкиноя — один из составных элементов той сказочной картины, которую являл собой для слушателей «Одиссеи» волшебный остров феаков, где земля плодоносит *круглый год* (ср. 117; ср. различные стадии созревания винограда, протекающие одновременно, ст. 122—126). Сад состоит из трех частей: фруктовый, виноградник, огород. В оригинале описание каждой из них вводится наречием *ἐνθα* с частицей *δέ* (ст. 114, 122, 127: «а там...»).

Ст. 115 сл. = 11. 589 сл.

Ст. 117. ...*и в холодную зиму, и в знойное лето*... — Перевод распространеннее оригинала, где сказано: «ни зимой, ни летом» не прекращается плодоношение. Зима и лето, — разумеется, только с точки зрения рассказчика.

Ст. 119. ...*зефир*... — Как западный ветер приносит обычно дожди и снег. Но у феаков и он — теплый.

Ст. 138. ...*был всегда призываем последний...* — Так как Гермес (*убийца Аргона*) считался подателем сна (см. 5. 47—49).

Ст. 144. ...*могучего...* — Добавление переводчика. Участников пира удивило не телосложение Одиссея, а появление в конце зала человека, чей приход был ими не замечен.

Ст. 150. ...*сан знаменитый...* — Модернизм переводчика. В оригинале: *υέρας* — «почетная доля», «почетная должность».

Ст. 153. ...*к огню очага подошел он...* — Как место, где совершаются жертвоприношения, очаг является убежищем для молящего о защите.

Ст. 152—232. Аналитическая критика считает созданием позднейшего «редактора», который вставил их между просьбой Одиссея о помощи (ст. 146—152) и реакцией Ареты на его слова (ст. 233—239) и тем нарушил последовательность изложения. Между тем эпический этикет требовал, чтобы чужеземца сначала накормили и только потом спрашивали, кто он и откуда прибыл (см. 1. 122 и примеч.). С этой точки зрения вмешательство Алкиноя и угощение Одиссея (ст. 167—206) вполне оправданно вклиниваются между ст. 154 и 233. См., впрочем, ниже, примеч. к ст. 215.

Ст. 155 сл. = 11. 342 сл. *Ранее всех... рожденный...* — Это позволяет Эхенею давать совет Алкиною (ст. 161—166).

Ст. 162. ...*стул среброкованный...* — Такое же кресло, как в ст. 96 (см. примеч.), но с деревянным сидением, обитым серебряными гвоздями.

Ст. 168. ...*объятого думой глубокой...* — Перевод создает представление, что речь идет о состоянии Одиссея в данный момент, в то время как в оригинале употреблен всего лишь постоянный эпитет героя: «хитроумный». Еще меньше подходит перевод «глубокою полного думой» в кн. 22. 115, 281, где Одиссею совершенно некогда думать.

Ст. 172—176. — См. 1. 134—138 и примеч.

Ст. 178 сл. = 13. 49 сл.

Ст. 185—187 = 8. 25—27.

Ст. 189. ...*вельмож...* — Модернизм переводчика. В оригинале: «старейшин». Излагаемый далее план не вполне осуществляется, поскольку сначала происходит народное собрание и игры, а потом во время пира Алкиной просит Одиссея рассказать о себе (8. 535—586), так что отправление его на родину переносится на следующий день.

Ст. 198. *В нить бытия роковую...* — Определение добавлено переводчиком. *Парки* (ст. 197) — см. 2. 316 и примеч. Здесь этому латинизму соответствуют в оригинале *Прядильщицы* (*κλώθες*) вместо обычных в поэме *Мойр*.

Ст. 201. ...*всегда нам открыто являются боги...* — Исключительный случай, объяснимый только особым положением феаков. Обычно боги являются людям только в человеческом облике.

Ст. 215. ...*несказанным... я голодом мучусь...* — Непонятное высказывание, так как Одиссей только что поел (ст. 176 сл.) и о повторном угощении больше нигде нет речи (ср. ст. 232). Возможно, ст. 213—221 — позднее добавление, не учитывающее контекста.

Ст. 225, повторяющий Ил. XIX. 333, где он вполне уместен, некоторые исследователи считают здесь позднейшей вставкой: Одиссей тоскует-де не по имуществу и рабам, а по родине и супруге. Следует, однако, заметить, что Одиссей никогда не за-

бывает о материальной стороне дела. Так, он готов дожидаться сколько угодно, пока феаки соберут ему подарки (11. 355—361) и озабочен их сохранением, оказавшись на не узнанной им Итаке (13. 207—209, 215—219, 361—371). См. также 19. 283—286. Не последнее место в последующем обосновании мести женихам занимает и то обстоятельство, что они расхищали добро Одиссея (22. 36 сл.; ср. 1.156; 14. 92).

Ст. 226 сл. = 13. 47 сл.

Ст. 228 сл. = 3. 395 сл.

Ст. 237. ...сама... вопрошу... — Прямой ответ на вопросы Ареты должен был бы заставить Одиссея открыть свое инкогнито, которым он дорожит. Однако герой обходит это затруднение, отвечая лишь на последний вопрос царицы: как на нем оказались платья, сотканые ею самой? С композиционной точки зрения ответ Одиссея создаст необходимую ретардацию для того, чтобы после его участия в играх (8. 165—234) изложить полную повесть его странствий.

Ст. 242 сл. ...рожденных Древним Ураном богов... (Οὐρανίωνες) — Не обязательно понимать как прямых «потомков Урана»: здесь этим именем обозначаются, скорее, вообще все «небожители» (οὐρανός «небо»).

Ст. 249—251 = 5. 131—133.

Ст. 253—255 = 12. 447—449.

Ст. 253. *Девять носившихся дней...* — Обычный в поэме срок для передачи долгого скитания по морю. См.: 10. 28; 12. 447; 14. 314.

Ст. 263. *Зевса ль она убоялась...* — Сомнение Одиссея вызвано тем, что он не знает о пребывании на Огигии Гермеса, передавшего Калипсо волю Зевса (5. 103—115, 146 сл.).

Ст. 267 сл. = 5. 278 сл.

Ст. 281 сл. почти = 5. 442 сл.

Ст. 283. ...в бессилие впал я... — В оригинале смысл противоположный: «собираясь с силами».

Ст. 291. ...подобные нимфам... — В оригинале сравнение с нимфами (точнее: богинями) относится не к служанкам, а к Навсикае: «среди них была и она, подобная богиням».

Ст. 304. *Следовать мне за собою она предложила...* — Одиссей умалчивает о том, что сама Навсикая советовала ему не сопровождать ее в город (6. 273—285); ее аргументы он выдает за свои. Таким путем он избавляет Навсикаю от упреков и выставляет себя в выгодном свете.

Ст. 313. ...возлюбленный зять мне... — Брак знатного пришельца с царской дочерью в неведомой стране — частый мотив волшебной сказки (ср. в греческой мифологии брак Беллерофонта с дочерью ликийского царя: Ил. VI. 191—195). Правда, Алкиной еще не знает всей правды об Одиссее, но и мотив этот носит здесь совершенно рудиментарный характер.

Ст. 319. *Сонный... плыть...* — О том, что греки предпочитали выходить в открытое море с наступлением ночи, см. примеч. к 4. 785. В данном случае, однако, волшебный сон Одиссея на мчащемся в безмолвии корабле феаков заставляет предполагать их первоначальную роль как корабельщиков смерти, которые доставляли умерших в иной мир (ср. 13. 80).

Ст. 322. *Дале которой уж нет ничего...* — Такое представление о местонахождении Евбеи трудно объяснимо: ионийские греки знали, конечно, что на запад от Евбеи простирается обширный материк.

Ст. 323. ...с златовласым... Радамантом... — И здесь неясно, какая связь существовала в глазах автора между Радаманфом, обитателем Елисейских полей (см. 4. 561 и примеч.), и феаками, и причем здесь *Титий*.

Ст. 336—339 = 4. 297—300.

Ст. 341. ...доложили... — Модернизм переводчика, взятый из административно-бюрократической лексики. В оригинале: «встав рядом, побудили Одиссея словами».

КНИГА ВОСЬМАЯ

Встреча Одиссея с феаками

Ст. 10. ...встречному... — Добавление Жуковского, предполагающее, что Афина созывает в народное собрание тех, кто уже направился по каким-то своим целям. В оригинале: «и, встав рядом, обращалась с речью к каждому мужу».

Ст. 15. ...любопытное рвенье... — В оригинале: μένος καί θυμός (см. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», § 4), собственно: «потребность и стремление».

Ст. 16. ...наполнилась площадь народом... — Не только старейшинами, как предполагал Алкиной. См. 7. 189 и примеч. и выше, ст. 11.

Ст. 22 сл. — Были заподозрены еще Зенодотом как поздняя вставка, поскольку в оригинале речь идет о многих видах игр, в то время как Одиссей принимает участие только в метании диска, да и то, отвечая на дерзость Евриала. Феаки, судя по всему, не имели намерения испытать Одиссея. ...надлежало... — Добавление переводчика, еще более усиливающее это несуществующее намерение феаков.

Ст. 25—27 = 7. 185—187.

Ст. 35 сл. *Пятьдесят два... меж... молодыми гребцами...* — Перевод не совсем точен. В оригинале: «...двух (т. е. капитана и кормчего) и пятьдесят, которые являются лучшими». Судя по каталогу кораблей в Ил. II, экипаж корабля в гомеровских поэмах состоял из 50 или из 120 гребцов. Соответственно, ниже, ст. 48, в оригинале повторено «два и пятьдесят».

Ст. 37 сл. ...собираются // В царских палатах... — В оригинале: «придя к нам».

Ст. 41. ...владык и судей... — См. ниже, ст. 390 и примеч. «Владыки и судьи» внесены Жуковским и в ст. 46, где сказано: «скиптроносцы».

Ст. 44. *Демодок* — говорящее имя (как у Фемия, см. 1. 149—151 и примеч.): «любезный народу», «любимый народом». В его образе иногда хотят видеть автопортрет Гомера, забывая о том, что Демодок как аэд-импровизатор принадлежит к более ранней стадии эпического творчества. Автор «Одиссеи», кто бы им ни был, уже рапсод (см. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», примеч. 28).

Ст. 45. ...что в его пробуждается сердце. — Точнее, исходя из норм «гомеровской психологии» (см. указанную статью, § 4): «о чем бы ни побуждал его петь его дух».

Ст. 47. ...звать... побуждал... — Преувеличение переводчика. В оригинале: «пошел звать», как в ст. 7 говорится об Афине, где *бустро* также добавлено переводчиком для живости изображения.

Ст. 51—55. — См. 4. 780—783 и примеч.

Ст. 58. Отсутствующий в лучших рукописях и в оригинале легко вычленимый из контекста (в переводе от слов: «там были»), является, по-видимому, позднейшей вставкой.

Ст. 63. ...*при рождении*... — добавление Жуковского. В оригинале: «Муза его особо возлюбила».

Ст. 67. *Лиру*... — Гомеровский эпос этого музыкального инструмента не упоминает, а везде говорит о кифаре, или форминге, имеющей деревянный резонатор и массивные боковые стойки. Родиной ее признавали Малую Азию, а лиру считали пришедшей с севера (на ней играл Орфей, происходивший из Фракии). Поэтому более правильно было бы везде переводить «цитра», если «кифара» или «форминга» не укладывается и стихотворный размер. Жуковский, кстати, так и поступает везде, кроме кн. 8.

Ст. 71 сл. — См. I. 146 сл. и примеч.

Ст. 77. *Распря... загорелась*... — Какой эпизод из мифологического предания имеется в виду, неизвестно. В схолиях есть сообщение о том, что после гибели Гектора между Ахиллом и Одиссеем возник спор, каким средством будет взята Троя, — силой или хитростью, но от этого еще далеко до *вражды знаменитых ахей*. О предсказании Аполлона в храме Пифийском (т. е. в Дельфах) в самом начале Троянской войны (*бедствий, ниспосланных богом*) также ничего не известно.

Ст. 83. *Начал... песнь*... — Неудачный перевод после того, как изложено все ее содержание. В оригинале: «это вот пел...».

Ст. 94. ...*заметил и понял причину*... — Неправильный перевод: как мог Алкиной понять причину слез Одиссея, не зная, кто он такой? В оригинале: «обратил внимание и заметил». В лучшем случае глагол νόησεν можно отнести к последующему, т. е. «понял, что песнь Демодока заставляет гостя плакать».

Ст. 96 сл. — См. 390 и примеч.

Ст. 111—115. Все приводимые здесь имена, как уже встретившиеся раньше Навсифой («с быстрым кораблем») и Понтоной («сведущий в морском деле»), имеют отношение к морю и к мореплаванию: *Окиал* (от прилагательного ὀκυάλος «быстрый»), *Элатрей* («гребец», то же самое — *Эретмей*), *Навтий* («моряк»), *Примней* (от πρῶνις «корма»), *Анхиал* (от прилагательного ἀγγυάλος «близкий» к морю, «прибрежный»), *Анабесионей* (всходящий на корабль), *Понтей* (от ποντος «море»), *Профеон* (от πρῶρη «корабельный нос»), *Амфиал* (от ἀμφί + ἄλς «примыкающий к морю»), *Политий* (правильнее: Полиней «богатый кораблями»), *Тектон* («строитель», «плотник»), *Евриал* (от εὐρύ + ἄλς «широкое» + «море»). У Жуковского некоторые имена искажены.

Ст. 127. ...*превозмогши... и лучших*... — Участники соревнования в борьбе разбивались на пары, и победившие в каждой паре вступали в спор между собой. Таким образом, Евриал вышел победителем из многоступенчатого состязания.

Ст. 165—234. Ответ Одиссея на оскорбительный вызов Евриала — первый шаг на пути его возвращения из статуса нищего странника в положение благородного героя. Таким образом, кн. 8 предвещает более развернутое раскрытие этого мотива во второй половине поэмы.

Ст. 166. ...*зломный*... — Точнее: «безрассудный», «наглый». В оригинале: ἀτάσθαλος — то же самое понятие, которым характеризуется поведение спутников Одиссея и Эгисфа (ἀτασθαλία, I. 7, 34). См. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...».

Ст. 187. *Камель*... — Т. е. каменный диск. Вес этих снарядов доходил в 6 в. до 7 кг.

Ст. 220. *В Трою*... — Одиссей позволяет себе сделать намек на свое героическое прошлое, который вместе с его реакцией на песнь Демодока подготавливает во-

прос Алкиноя (ниже, ст. 577 сл.) и его собственный рассказ (кн. 9—12). Некоторые современные исследователи, считая такое раскрытие инкогнито Одиссея преждевременным, рассматривают ст. 219 сл. как интерполяцию; однако в древности эти стихи подозрения не вызывали.

Ст. 224. *С Эвритом, метким стрелком эхалийским...* — Город под названием Эхалия локализовали в Фессалии, Мессении, на Евбее, и везде его царем называли Еврита. Гомеровские поэмы склоняются, по-видимому, к Мессении (Ил. II. 596; Од. 21. 14—31; см., впрочем, Ил. II. 730). *Иракл* — см. СМС: Геракл.

Ст. 249. *...сладофрастивые бани...* — Преувеличение переводчика. В оригинале: «горячие».

Ст. 251 сл. = 101 сл. кроме первого слова.

Ст. 257. *...поспешно...* — Такое же дополнение переводчика, как «побежал» в ст. 47 (см. примеч.).

Ст. 258. *Судьи...* — В оригинале: «эсимнеты», т. е. в данном случае «устроители игр», «наблюдатели за играми», что видно из ст. 258—260.

Ст. 266—366. Песнь Демодока вызывала неодобрительное отношение к себе еще в древности. Ксенофан и Платон осуждали автора за непочтительное отношение к богам и, особенно, изображение супружеской измены Афродиты. В современном гомероведении аналитическая критика считает этот эпизод позднейшим дополнением и постулирует его исключение, подчас вместе со многими примыкающими к нему стихами, как инородное тело в последовательном повествовании о судьбе Одиссея, хотя ни в одном из античных источников нет сомнений в его подлинности. В то же время, брак Ареса и Афродиты, замененный здесь их «незаконным» союзом, — достаточное древний элемент мифологической традиции, получивший отражение у Гесиода, *Теог.* 933—937. Здесь сообщается, что от Ареса Афродита родила Страх и Ужас, а также Гармонию — прародительницу фиванских царей. Затем, по своему общему колориту песнь Демодока мало чем отличается в изображении богов от аналогичных сцен, происходящих на Олимпе, в «Илиаде». См.: I. 536—600; XIV. 153—353; XXI. 385—513. Наконец, не лишено значения, что эпизод этот излагается не от лица автора «Одиссеи», который таким образом как бы дистанцируется от отношения к богам, характерного для беспечных феаков.

Ст. 267. *Прекраснокудрявая* — здесь в оригинале эпитет *εὐστέφανος* «прекрасно увенчанная», т. е. с диадемой (драгоценной повязкой) на голове.

Ст. 273. *...плаху поставил...* — В оригинале: «поставил наковальню на ее (обычное) место».

Ст. 275 сл. *...из железных... Проволок...* — Добавление переводчика. В оригинале: «сковал крепчайшие, неразрывные узы, чтобы они (т. е. Арес и Афродита) оставались недвижимо на месте». Придаточное предложение в переводе выпало.

Ст. 278. *...сетями... опутав...* — Механизм западни, сооруженной Гефестом, не вполне ясен. По-видимому, сеть, прикрепленная к опорной балке потолка (*μέλαθρον*), должна была, упав сверху, каким-то образом зацепиться за петли (*δέσματα*), которыми было опутано подножье кровати.

Ст. 285. *Златоуздый* — правильнее: «сверкающий золотом доспехов», как Афродита — своей диадемой.

Ст. 287. *Кифрида* — в оригинале употреблен другой культовый эпитет Афродиты — Киферея, который в древности объясняли тем, что у острова Киферы богиня явилась на свет из морской пены.

Ст. 294. *Синтийцы* — издавна переселившиеся на Лемнос фракийское племя. Отсюда характеристика их языка как *наречия грубого* (ср. Ил. II. 867, о карийцах, говорящих по-варварски, βαρβαρόφωνοι). Особое расположение Гефеста к синтийцам вызвано тем, что они дружелюбно приняли бога, когда Зевс швырнул его с Олимпа (Ил. I. 594).

Ст. 301. *...на обе хромающий ноги...* — Другое толкование прилагательного ἀμφυρόεις — «с сильными членами с обеих сторон», т. е. мастер на все руки. В «Илиаде» — постоянный эпитет Гефеста (I. 606; XIV. 239).

Ст. 303 = 2. 298, хоть и не лишен здесь смысла, но, вероятно, внесен позднее: его нет в большинстве рукописей, и он неизвестен схолиастам.

Ст. 309. *Гнусно ругается...* — В оригинале: «бесчестит».

Ст. 310. *Здесь сочетавшись.* — Добавление переводчика, хотя и не противоречащее контексту. *...тверд на ногах...* — т. е. быстроногий.

Ст. 318. *Пока не отдаст мне... подарков...* — По греческим обычаям муж имел право отослать жену, уличенную в нарушении супружеской верности, к отцу, потребовав возвращения данного за нее выкупа. В данном случае, однако, *отец* Киприды — тот же Зевс, который является отцом Гефеста.

Ст. 321. *...в медностенных палатах...* — Неточный перевод. В оригинале: «с медным порогом». Ср. 7. 83, 89.

Ст. 322. *...дароносец...* — Точнее: «податель благ» (ἐριοῦνης), постоянный эпитет Гермеса.

Ст. 340. *Сетью тройной...* — В оригинале: «пусть бы меня трижды опутали такие бесчисленные узы», где «трижды» не имеет точного значения «три раза», а указывает вообще на множество.

Ст. 348. *...при бессмертных богах...* — Которые явятся свидетелями при уплате пени оскорбленному супругу.

Ст. 363. *...в Пафосском лесу благовонном...* — Правильнее: «в священном участке». *Благовонный* (в оригинале: «богатый жертвами») относится к алтарю.

Ст. 372. *Рукодельный* — необычное определение для мужчины. В оригинале δαίφρων — здесь: «искусный», «знающий дело».

Ст. 374. *...к облакам темносветлым...* — В оригинале: «темным».

Ст. 379. *...затопали... в меру ногами...* — Более вероятен перевод: «захлопали в ладоши» (в такт пляске).

Ст. 385. *...возбудил Алкиноеву силу святую...* — В оригинале: «возрадовалась (γῆθησεν, тот же глагол в ст. 199, где перевод гораздо ближе к оригиналу) святая сила Алкиноя».

Ст. 386 сл. = 96 сл.

Ст. 390. *...двенадцать владык...* — В оригинале сказано: «народом правят двенадцать выдающихся царей-предводителей (βασιλεῖς ἀρχοί), сам я тринадцатый». Гомеровский басилевс — первоначально племенной вождь, глава общины, на котором лежали как административные и военные, так и судебные и жреческие обязанности. С этой точки зрения добавление Жуковского как здесь (*праведно-строгие судьи*), так и в 8. 41, 46, 96, 386 (*судьи*), может быть, и оправдано, но в оригинале судьи не упоминаются. Нет в ст. 391 и определения «главный». В документах линейного письма басилевс, по-видимому, глава местной администрации.

Ст. 403. *...с рукоятью серебряной...* — Т. е. с серебряными украшениями: гвоздями или бляшками. Это определение (ἀρλῶρήλος) переносится затем и на меч

(ст. 406; в переводе: *среброкованый*). Точно так же ножны не сделаны целиком из *слоновой кости*, а обложены пластинами из нее.

Ст. 422. ...на возвышенных креслах... — Т. е. с высокой спинкой.

Ст. 430. ...кувшии... — Здесь, в отличие от 7. 20, в оригинале речь идет о кубке, из которого пирующие отливали в начале трапезы на землю несколько капель вина в честь богов.

Ст. 443—448. Создают известные трудности в их понимании. Откуда у Ареты сомнение в честности феаков? Узел, который Арета советует завязать Одиссею, в 13. 217—219 больше не упоминается; все дары, не заключенные в *ковчег*, Одиссеей находят в целости. О наставлениях *Цирцеи* на этот счет (см. ст. 448) в кн. 12 ничего нет.

Ст. 453. *Нимфы ему, как... богу служили...* — В оригинале сказано: «когда за ним постоянно был уход, как за богом».

Ст. 456 сл. ...в *пифовую* // *Залу вступил...* — Неточный перевод. В оригинале: «направлялся к пьющим вино мужам», т. е. находился в помещении, соединявшем купальню с мегароном (такой коридор открыт, например, в Тиринфе). Только здесь, не входя в мегарон, и могла поджидать Одиссея Навсикая, чье присутствие на пиру среди мужчин было совершенно немыслимо.

Ст. 465+467 = 15. 180 сл.

Ст. 475. *Взявши с тарелки своей...* — В оригинале сказано: «отрезав», что является важной деталью: гомеровские герои за трапезой пользуются ножами. Об употреблении ими тарелок, напротив, ничего неизвестно.

Ст. 484 сл. — См. I. 146 сл.

Ст. 492—500. — См. СМС: Неоптолем, Троянский конь.

Ст. 510 сл. ...*позже* // *Было судьбой решено...* — Перевод создает впечатление, будто троянцы приняли свое решение, заранее зная о предстоящей гибели Трои. В оригинале период, введенный словами: «три решения казались им приемлемыми» (ст. 506), завершается словами: «последнее понравилось им больше всего» (ст. 510). Следующее за тем новое предложение: «И в самом деле городу была судьба...» — содержит уже комментарий автора к решению троянцев.

Ст. 517. *Деифоб*, согласно «Малой Илиаде», после гибели Париса взял в жены Елену. Автор «Одиссеи» либо считает это обстоятельство известным слушателю, либо сознательно о нем умалчивает.

Ст. 530 сл. *Там от печали... Так от печали...* — Повторение воспроизводит стилистическую фигуру оригинала: «У нее от горя, достойного сострадания...» — «Так у Одиссея выступили слезы сострадания».

Ст. 532—536 = 93—96. См. примеч. к ст. 94.

Ст. 554. ...*сладостный дар...* — Добавление переводчика.

Ст. 562. *Мглой и туманом одетые...* — Т. е. невидимые.

Ст. 565. *не раз говорил он...* — Исполнение этого предсказания — в 13. 125—186. Соответственно, ст. 565—570 = 13. 173—178 (с незначительными вариантами). Впрочем, александрийские филологи считали ст. 564—571 интерполяцией, внесенной сюда из кн. 13. В самом деле, непонятно, зачем Алкиной не к месту вспоминает о столь неблагоприятном пророчестве. В кн. 13, где он комментирует уже совершившийся факт, этот пассаж гораздо более уместен, а в кн. 8 он легко изымается из контекста.

Ст. 575 сл. почти = 6. 120 сл.

Ст. 579 сл. ...*ниспослали...* // *Боги...* — В оригинале: «выпрями». См. 7. 198 и примеч.

Ст. 581. ...*родного*... — Не вполне точный перевод. В оригинале: *πρός*, т. е. свойственник в результате брака. Соответственно, такой человек вместе с *зятем и тестем* противопоставляется *родственникам кровным*.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Рассказы у Алкиноя. Циклоп

Ст. 1 сл. = 11. 354 сл. = 377 сл.

Ст. 8. ...*по чину сидят*... — См. 7. 98 и примеч.

Ст. 15. ...*Ураниды боги*... — См. 7. 242 и примеч.

Ст. 21. ...*солнечносветлой*... — Скорее: «издалека видной», в силу ее рельефа. Ср.: 2. 167; 13. 234.

Ст. 22. ...*вершину лесистую*... — В оригинале более точное определение: «колышущую листьями», т. е. открытую ветрам.

Ст. 24 сл. ... *на самом // Западе плоско лежит окруженная морем Итака*... — Этот стих породил целую дискуссию о географическом положении упоминаемых в «Одиссее» западногреческих островов. Всего их автор называет четыре: Зам, Дулихий, Закинф и Итака (1. 242 сл.; 9. 24 сл.; 16. 247—251). Естественно предполагать, что Закинф и Итака — те же самые острова, которые назывались так и в историческое время. Зам (точнее: Саму) обычно отождествляют с Кефаллинией: имя Сама носил в историческое время ее главный город. Локализовать Дулихий не удастся; его отождествляли и с Левкадой, которая у Гомера вовсе не упоминается, и с неким городом на материке, что, впрочем, для нас в данном случае безразлично. Что же касается Итаки, то приведенные выше слова Одиссея противоречат и ее географическому положению (она — не самый западный из островов этой группы), и природным условиям, как они описываются в 4. 605—608: отнюдь не плоский, а гористый остров. Это породило в свое время гипотезу, что под Итакой автор имел в виду Левкаду, но и она лежит не на запад от Кефаллинии, а на север, и не среди других островов, как сказано в 9. 22 («вокруг нее»; в переводе это указание исчезло, будучи изменено на «много других островов»). В то же время, как показали современные исследования, топография самой Итаки (расположение гаваней, города, садов Лаэрта, участка Евмея) передана в поэме достаточно близко к действительности. Отсюда напрашивается вывод, что автор «Одиссеи», рапсод из Ионии, плохо знал географию запада Греции, а описание Итаки заимствовал из какого-то более раннего источника, лучше знавшего эту часть Греции. Что касается острова Астера (4. 846; точнее: Астериды), расположенного между Замом и Итакой, то он, скорее всего, придуман автором специально для того, чтобы было где поместить корабль женихов.

Ст. 30—32. Оцениваются современными исследователями весьма противоречиво. Одни видят в них изящный параллелизм (он передан и в переводе) в сопоставлении двух богинь, встретившихся на пути Одиссея. Другие, напротив, подозревают здесь интерполяцию, поскольку ст. 30 отсутствует в лучших рукописях и в кн. 10 нет ничего о попытке Цирцеи удержать у себя Одиссея (см. ст. 483—489).

Ст. 39 сл. ...*ко граду киконов, Измару*... — Киконы — фракийское племя, жившее вдоль северного побережья Эгейского моря. По Геродоту (VII. 110), они селились

у р. Гебр (нынешняя Марица). В «Илиаде» киконы сражаются на стороне троянцев (II. 846; XVII. 73). Исмар — единственный реальный пункт в странствиях Одиссея. После бури у мыса Малей (ниже, ст. 67—81) маршрут Одиссея пролегает через фантастические земли, поиск которых на географической карте лишен всякого смысла. Описание сражения с киконами во многом напоминает вымышленные рассказы Одиссея Афине, Евмею и Пенелопе (13. 250—268; 14. 199—359; 19. 172—307), где он избегает упоминания менее реальных событий, могущего подорвать к нему доверие. Поведение спутников Одиссея, послушавшихся своего предводителя и тем самым навлекших на себя беду (ст. 43 сл., 51—61), предвещает новые несчастья, которые также явятся следствием человеческого безрассудства (мех Эола, 10. 34—49; стадо Гелиоса, 12. 339—352, 401—419).

Ст. 60. ...по шести броненосцев отважных... — В оригинале: εὐκνήϊδες «прекраснопоножные», т. е. облаченные в поножи. По шести — трудно предположить, чтобы киконы старались соблюдать в бою равномерность в числе убитых. Здесь, как и в дальнейшем, речь идет, по-видимому, о подсчете потерь после того, как уцелевшие спутники были заново распределены по 12-ти кораблям.

Ст. 62 сл. = 10. 133 сл.

Ст. 65. *Три раза не был по имени назван...* — Трехкратное вызывание душ умерших предпринимается для того, чтобы они последовали за отплывающими на родину, где им будет сооружен кенотаф. См.: 1. 287 и примеч.; 4. 584.

Ст. 68 сл. = 12. 314 сл. Ср. 5. 293 сл.

Ст. 75 сл. = 10. 143 сл.

Ст. 76. ... светлазурнокудрявая... — первая половина эпитета — добавление Жуковского, не приходящее, впрочем, в противоречие с образом Эос как «светлой зари». О второй половине см. 5. 57 и примеч.

Ст. 81. ...обходящих Маллею... — Таким образом, корабли Одиссея уже достигли юго-восточной оконечности Пелопоннеса, которую они намеревались обойти через пролив, отделяющий ее от острова Киферы, чтобы плыть дальше на запад.

Ст. 83. *Лотофаги* — жители сказочной страны, прообразом которых могли послужить племена, населявшие Ливию и употреблявшие в пищу плоды, похожие на финики. См. Геродот. IV. 177. В посещении земли лотофагов отражается фольклорный мотив, известный в средиземноморском ареале, — вкушение пищи, заставляющей человека забыть свое прошлое. Так и Персефона, вкушившая в подземном царстве граната, не может покинуть навсегда его владыку Аида. Подобным же образом глоток воды из Леты — «реки забвения» — лишает умершего воспоминаний о его земной жизни.

Ст. 85—87 = 10. 56—58.

Ст. 88—90 = 10. 100—102.

Ст. 98. *Силой их... притачив...* — Неясным остается, каким образом Одиссей узнал о том, что произошло с отправленными на разведку спутниками. Позже, при посещении лестригонов, двое посланцев из трех возвращаются к Одиссею (10. 116 сл.); известие об участи спутников, превращенных Цирцеей в свиней, приносит Еврилох (10. 244 сл.). Вероятно, и здесь не все участники разведки польстились на внушение лотоса (ср. в оригинале, ст. 94: «тот из них, кто отведал плода, сладкого, как мед...») и при виде своих очарованных им товарищей, вернулись к кораблям. Тогда надо предположить, что к лотофагам были отправлены не три человека, а больше, и ст. 90 (в переводе ст. 88 сл.) является позднейшей вставкой по аналогии с 10. 102.

Ст. 103 сл. = 179 сл. = 471 сл. = 563 сл. = 12. 146 сл. Ср. также 4. 579 сл.

Ст. 105 = 62. См. примеч. В ст. 105 отчетливо видна формула, которая в данном случае не отвечает ситуации: у Одиссея и его спутников не было основания «сокрушаться сердцем», так как пребывание у лотофагов окончилось вполне благополучно.

Ст. 105 сл. ...в землю // Прибыли... циклопов... — В рассказе о встрече с Циклопом представлен фольклорный мотив, засвидетельствованный едва ли не у всех народов мира, от Исландии до Сирии и от северной Испании до Монголии. (Ср. русскую сказку о встрече Кузнеца с Лихом). В специальной работе, увидевшей свет в начале нашего века, было собрано и классифицировано свыше 220 вариантов этого сюжета. Если некоторые из них (в самой Греции, Италии, в рассказе о третьем путешествии Синдбада в сказках «1001 ночи») могли возникнуть уже под влиянием «Одиссеи», то в других случаях больше оснований говорить о типологическом сходстве, чем о заимствовании из литературного источника. В самой «Одиссее» в различной степени использованы два сказочных мотива, из которых первый состоит, в свою очередь, из трех следующих друг за другом эпизодов. Мотив А: 1) ослепление великана; 2) бегство под шерстью (или в шкуре) барана или другого домашнего животного; 3) подаренный великаном волшебный предмет, чаще всего кольцо, своим криком выдает местонахождение ослепившего; чтобы спастись, герою приходится отрезать себе палец. Мотив Б: герой, ранивший злого духа (лешего и т. п.), избегает мести со стороны товарищей пострадавшего, потому что тот в ответ на их вопросы говорит: «я сам (это сделал)» или «Никто». Мотив А 3 в «Одиссее» опущен, хотя рудимент его можно усмотреть в ст. 482 и 517. К названному двум мотивам присоединяется похвальба Одиссея, едва не приводящая к потере корабля (ст. 537—545) и, во всяком случае, провоцирующая губительное вмешательство Посидона в дальнейшую судьбу героя. Гомеровские циклопы едва ли имеют что-нибудь общее с упоминаемыми у Гесиода (*Теог.* 139—146) циклопами, кующими молнии для Зевса. Возможно, что Полифем и его сородичи названы циклопами за их огромную силу по аналогии с циклопами-кузнецами. В новогреческом фольклоре сохранился рассказ про Циклопа, хотя противник его и не назван по имени.

Ст. 125. ...кораблей красногрудых... — Точнее: «краснощеких». Нос корабля уподобляется человеческому лицу, которое иногда на нем изображалось. Соответственно, окрашенный с обеих сторон красной краской форштевень сравнивается со щеками.

Ст. 130. Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы... — В оригинале речь идет не о циклопах, а об упомянутых выше людях (*искусниках*), которые могли бы сделать этот остров «прекрасноустроенным».

Ст. 137. Якорь... — В оригинале речь идет о камнях, которыми в гомеровских поэмах пользуются как якорями.

Ст. 150—152 = 12. 6—8.

Ст. 159 сл. ...все двенадцать моих кораблей... — Здесь впервые названо число кораблей Одиссея (см. Ил. II. 637). ...*для себя...* — Т. е. для экипажа своего корабля.

Ст. 161 сл. = 10. 183 сл. = 476 сл. = 12. 29 сл.

Ст. 164. ...скудельных сосудов... — Здесь: амфор. То же самое в ст. 204.

Ст. 168—170 = 558—560 = 10. 185—187.

Ст. 175 сл. = 6. 120 сл. = 13. 201 сл. Ср. также 8. 575 сл.

Ст. 177—179 = 15. 547—549.

Ст. 178—180 = 562—564. Без ст. 180 = 11. 637 сл. = 12. 145 сл.

Ст. 179 сл. = 103 сл.

Ст. 186. ...*черноглавые дубы*... — Собственно: «с высокой кроной».

Ст. 187—192. *Муж великанского роста*... — Одиссей описывает здесь Полифема на основании более позднего впечатления. Войдя в пещеру, он еще не знает, как выглядит ее хозяин. Любопытно, что ни здесь, ни далее не упоминается единственный глаз Полифема, хотя это обстоятельство играет решающую роль в возникновении плана спасения от Циклопа (см. ст. 332 сл.).

Ст. 197. ...*Аполлона великого жреца*... — В переводе пропущено: «который оберегал Исмар», — естественно, до его разрушения.

Ст. 202. ...*семь... талантов*... — Магическое число «семь», вероятно, и здесь выбрано не случайно.

Ст. 204—207. ...*двенадцать... скуделей вином*... — Исмар славился своим вином. См. Архилох, фр. 2: «из-под Исмара вино».

Ст. 210. *В двадцать раз боле воды подбавляли*... — Указание на особую крепость и аромат вина. См. 1. 107 и примеч.

Ст. 252—255 = 3. 71—74, с той разницей, что Полифем нарушает закон гостеприимства, предписывающий сначала угостить чужеземцев и только потом спрашивать об их происхождении. См. 1. 122 и примеч.

Ст. 263. *Служим мы в войске Атрида*... — Неточный перевод. В оригинале сказано: «мы люди (соратники) Атрида». В греческом лагере под Троей ни один военачальник не воспринимал себя как человека, подчиненного Агамемнону.

Ст. 270. *Мстит за пришельцев... Кронион*... — Точнее: «за просящих защиты» — мысль, не раз повторяемая в поэме. См. 6. 207 сл. и примеч.

Ст. 272. ...*с неописанной злостью*... — Перевод сильнее оригинала, где сказано (как и далее, ст. 287, 368): «с безжалостным сердцем». Ближе всего к оригиналу перевод: *с злобной насмешкой* (ст. 368), хотя и там в оригинале нет подлежащего «людоед зверонравный».

Ст. 273. ...*вовсе безумен*... — Тоже усиление оригинала, где сказано *νίψος* «неразумен (как ребенок)».

Ст. 276. ...*мы породой их всех знаменитей*... — В оригинале: «мы их намного сильнее».

Ст. 288. ...*как бешеный зверь*... — Добавление переводчика. См. примеч. к ст. 272.

Ст. 302. *Меч мой уж был занесен*... — В оригинале: «ощупав меч рукой»: Одиссей по привычке не глядя хватается за рукоять меча.

Ст. 331. ...*пригласил я спутников жеребий кинуть*... — Решение преждевременное, так как Одиссей еще не знает, кто из оставшихся в живых станет вечером жертвой Полифема.

Ст. 337 сл. ...*полное стадо // Ввел*... — В отличие от ст. 238, когда Полифем оставил самцов снаружи. Впустив в пещеру все стадо, Полифем предоставил Одиссею и его спутникам возможность выбрать из нее (ст. 425—432).

Ст. 361. ...*безумцу я подал*... — В оригинале содержится характеристика не Циклопа (*безумец*), а его состояния: он выпил «безрассудно», не подозревая последствий.

Ст. 379. ...*хотя и сырой был*... — Точнее: «зеленый», «свежий». Впрочем, и этот перевод не снял бы недосмотра автора, который заставляет Одиссея обжигать кол дважды: см. ст. 328—330.

Ст. 403. *Полифем* — см. СМС.

Ст. 406. *...обманом иль силою...* — Циклопы не подозревают, насколько близок их вопрос к истине: Одиссей пустил в ход оба средства.

Ст. 422. *...тицетно...* — Дополнение переводчика. В оригинале: «я сплетал всякие обманы и план, поскольку дело шло о жизни».

Ст. 426. *...как шелк...* — Анахронизм переводчика: греки шелка не знали. В оригинале: «с черной шерстью».

Ст. 436 сл. = 306 сл. Одинаковое завершение двух соседних стихов соответствует оригиналу.

Ст. 449—451. *Первый... Первый...* — Анафора передает трехкратное повторение в оригинале определения протос «первый».

Ст. 460. *...злоковарный разбойник...* — Преувеличение переводчика. В оригинале сказано: «ничтожный Никто» (игра слов: οὐτιδανός — οὐτίς): Циклоп тяжело переживает не столько коварство Одиссея, сколько поражение, нанесенное ему таким ничтожным противником. Ср. ниже, ст. 513—516, где, впрочем, *малорослый урод, человечешко хилый* тоже несколько преувеличено. В оригинале: «малый ростом, ничтожный, бессильный».

Ст. 468. *...мигнув... глазами...* — Собственно: «кивком отбросив голову назад» в знак запрещения.

Ст. 471 сл. = 103 сл.

Ст. 477. *...навлекаем мы... гибель...* — В оригинале нет такого обобщающего вывода. Там сказано: «и, конечно, тебя настигло (твое) злодеяние, поскольку...»

Ст. 482. *На голос кинул...* — Поведение Полифема можно рассматривать как вариант мотива А 3 (см. примеч. к ст. 105 сл.): виновник расправы выдает свое местонахождение криком.

Ст. 483. *...его черноострого носа...* — В переводе сделана попытка исправить оригинал, где сказано: «едва не задел вершины руля», что представляется бессмыслицей: руль находился на корме, и камень, упавший впереди корабля, не мог его задеть. Объясняется эта несурязица тем, что ст. 483 повторяет ст. 540, где все находится на месте: второй камень, брошенный Полифемом, действительно упал позади корабля. Поэтому уже древние комментаторы считали ст. 483 интерполяцией, проникновение которой в текст вызвано тождеством ст. 482 и 484 со ст. 539 и 541, причем в ст. 482 употреблено уточняющее наречие «спереди» (προπάροθεν), а в ст. 539 — «сзади» (μετόπισθεν).

Ст. 491. *...на двойном расстоянии...* — Здесь нет противоречия с ст. 473 сл., который является формульным стихом, не претендующим на точность измерения, а просто обозначающим большое расстояние. В то же время, мифические герои могли обладать достаточно громкими голосами, чтобы Полифем услышал Одиссея и на расстоянии, вдвое превышающем первоначальное.

Ст. 502. *...Если... кто спросит...* — Похвальба Одиссея, навлекающая на него гнев Посидона, находится в русле «героической» этики: победивший срамит побежденного (живого или мертвого), называя себя и тем завещая славу о себе потомству. Выше, в ст. 475—480, еще не назвав себя, Одиссей оправдывает расправу с Циклопом как справедливую месть за попрание им законов гостеприимства.

Ст. 503. *...единственный...* — Добавление переводчика. Как говорилось (примеч. к ст. 187—192), автор избегает упоминания этой особенности во внешнем облике Циклопа.

Ст. 509. ...в людях... — Добавление Жуковского. *Телем* отличался способностью предсказывать циклопам, не имевшим близких связей с людьми.

Ст. 520 сл. ...погибшее зренье мое возвратит мне // Может... — О способности Посидона вернуть зрение Полифему в поэме нигде больше не говорится.

Ст. 528—535. Обращение Полифема к Посидону выдержано по всем канонам молитвы. Оно начинается с просьбы услышать молящего (κλύθι, опущенное в переводе); затем называется имя божества, его признаки (ст. 528) и обосновывается право обратиться к нему за помощью (ст. 529: Полифем — сын Посидона), наконец, излагается содержание просьбы, направленной против вполне определенного лица (ст. 530). Ср. Ил. I. 37—42. ...лазурнокудрявый... — см. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», § 5. Ст. 531, повторяющий ст. 505, отсутствует во многих папирусах и рукописях.

Ст. 550. ...светлообутых... — В оригинале тот же эпитет εὐκνήμιδες, что в ст. 60 (см. примеч.)

Ст. 553—555. Некоторые исследователи считают, что автор выходит здесь из роли: откуда Одиссей мог знать о замыслах Зевса? Однако, во-первых, это не единственный случай нарушения иллюзии повествования (см. 12. 374—390 и примеч., 13. 285 сл.); во-вторых, Одиссей, рассказывая феакам о случившемся, мог судить о намерениях Зевса на основании своего последующего опыта.

Ст. 556 сл. = 161 сл. См. примеч.

Ст. 556—558 = 10. 476—478. См. примеч.

Ст. 556—560 = 10. 183—187. Ср. 19. 424—438.

Ст. 558—560 = 168—170.

Ст. 562 сл. = 178 сл. См. примеч.

Ст. 565 сл. = 62 сл. См. примеч.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

У Эола, лестригонов и Цирцеи

Ст. 1. *Эолия* — здесь прилагательное: Эолов остров.

Ст. 3. *Остров плавучий*... — Представление о плавучих островах, присущее моряцкому фольклору, основано, вероятно, на том, что вследствие отсутствия или неточности лоций моряки заставляли искомый остров не в том месте, где предполагали. В С 5, видимо, опечатка: «пловучий», но в список «ошибок» (конец II тома) не включена.

Ст. 7. ...сыновьям дочерей он в супружество отдал... — Браки между родными братьями и сестрами, рано ставшие предметом табу, отражают древнейшую, эндогамную форму браков. См. примеч. к 7. 54 сл. О проживании женатых сыновей в одном доме с родителями см. 3. 396 сл.; Ил. VI. 242—246.

Ст. 13. *В град их прибывши*... — Каким образом кораблям Одиссея удалось найти доступ на остров, обнесенный неприступною медной стеною (ст. 3), автора не интересует.

Ст. 15. *Повесть о Трое, о битвах аргивян*... — Не вполне точный перевод. В оригинале сказано: «о плавании аргивян под Илион...»

Ст. 19. ...быка девяти годового... — Т. е. крупного; принимать определение в буквальном смысле слова нет необходимости.

Ст. 20. *Мех с... ветрами...* — Еще один фольклорный мотив, перекликающийся, с одной стороны, с заклинанием ветров, с другой — объясняющий внезапное возникновение бури, когда из мешка (пещеры) вырываются запертые там ветры. См. ниже ст. 47—49.

Ст. 25 сл. *Зефиру... Нас... провожать...* — Зефир — ветер, дующий с запада на восток. В античности еще со времен Фукидида (III. 88) владениями Эола называли Липарские острова, на север от Сицилии, выделяя в них особенно остров Стронгилу (Стромболи). В одном папирусном отрывке географического содержания Эоловы острова прямо характеризуются стихами из «Одиссеи», 10. 3 сл. Следовательно, направление на Итаку с запада на восток указывалось верно, но в этом случае Одиссею надо было сначала либо обогнуть Сицилию, либо пройти с кораблями через беспокойный Сицилийский пролив. Таким образом, соблазнительная попытка найти реальный прототип для острова Эола наталкивается на известные трудности, и значительно проще локализовать его где-то на далеком западе, подобно острову Калипсо.

Ст. 47. *Мех был развязан...* — Остаток фольклорного мотива, связанного с нарушением запрета. Хотя здесь запрет со стороны Эола нигде прямо не сформулирован, легко было о нем догадаться. С другой стороны, спутники Одиссея не знали о содержании мешка, так что и в этом отношении мотив запрета выступает в сильно ослабленном виде.

Ст. 56—58 = 9. 85—87. В кн. 10 эти стихи менее уместны. См. ст. 13 и примеч.

Ст. 59. *...с глашатаем...* — Так как после всего случившегося Одиссей не может больше рассчитывать на благосклонность Эола, он старается придать своему повторному визиту официальный характер, который обеспечивается присутствием глашатая. Тот же случай в ст. 101.

Ст. 68. *Сон роковой и безумие спутников...* — В оригинале несколько иначе: «меня ввели в заблуждение (букв.: ослепили) дурные спутники и вдобавок к ним крепкий сон».

Ст. 72, 75. *Прочь!* — Анафора в переводе соответствует оригиналу.

Ст. 74 сл. *...ненавистен... ненавистен...* — Одинаковое завершение соседних стихов не находит соответствия в оригинале, хотя мысль его передана верно.

Ст. 81 сл. *Лестригоны* — мифические великаны-людоеды, вошедшие в «Одиссею» из фольклора. *Ламос* в оригинале не название их города, а имя его основателя (Лам). *Многороватный* (τηλέπους) может быть принято и за название города Телпил, «Широковратный», которое некоторые исследователи толкуют в пользу его отождествления с подземным царством, всех принимающим. В древности лестригонов локализовали в различных областях от Сицилии до Центральной Италии. С другой стороны, упоминание Артакийского источника (см. ст. 107 и примеч.) заставляет поселить их в Пропонтиде. Наконец, ст. 82—86 наводят на мысль, что в мифе о лестригонах отразились слухи о северных землях с их короткими летними ночами (точный перевод ст. 86: «ибо сближаются пути ночи и дня»). Таким образом, ясно, что локализация этого сказочного племени — такая же попытка с негодными средствами, как все аналогичные толкования. В глазах автора «Одиссеи» лестригоны жили, по-видимому, где-то на востоке, так как корабль Одиссея вскоре после спасения достигает острова Цирцеи (ср. ст. 135 и примеч.).

Ст. 95. *Я... свой ... корабль поместил в отдаленье от прочих...* — В отличие от приключения у циклопов, где Одиссей оставляет 11 кораблей на Козьем острове, а сам

с одним кораблем отправляется на разведку, здесь он поступает наоборот. Смысл этого решения для дальнейшего развития действия ясен: с одной стороны, история странствий героя требовала, чтобы он отплыл на одном корабле, который со временем потерпит кораблекрушение; с другой стороны, из-под Трои Одиссей должен был выйти с 12-ю кораблями (см. 9. 159 сл. и примеч.) Таким образом, потеря всех кораблей, кроме одного, присоединяла сюжет «поэмы странствий» к героическому преданию о Троянской войне.

Ст. 100—102 = 9. 88—90.

Ст. 104. *В город...* — Как видим, по своему общественному развитию лестригоны находятся на более высокой стадии, чем циклопы. У них есть город и хорошо оборудованная гавань (ст. 87—94), а также *царь*, проводящий на площади народное собрание (ст. 114).

Ст. 105. *...дева им встретилась...* — Еще один реликт фольклорного мотива, в соответствии с которым скиталец встречается на своем пути волшебницу, очаровывающую его, с тем чтобы погубить (ср. роль Кошечны в русских сказках). Здесь, однако, лестригонская дева ограничивается тем, что приводит Одиссея и его спутников к своим соплеменникам.

Ст. 107. *Ключ Артаксийский* — реально существовавший источник у Кизика, на южном берегу Пропонтиды (Мраморного моря), должен был быть известен аудитории «Одиссеи» из сказания об аргонавтах (см. 12. 70), которым на их пути также пришлось встретиться с великанами. В контексте нашей поэмы эта подробность в достаточном коротком рассказе о лестригонах является, в сущности, излишней.

Ст. 120. *Великаны* — см. примеч. к 7. 59.

Ст. 133 сл. = 9. 62 сл. = 565 сл.

Ст. 135—138. *Остров Эя* — в античности его помещали у побережья Лация, на западе Италии. Однако происхождение Цирцеи и ее брата Ээта от *Гелиоса*, чей дворец находится, естественно, на крайнем востоке, показывает, что греки времен Гомера представляли себе остров Эю расположенным у восточных пределов Океана (см. 12. 1—4). Более поздняя локализация привязывала его к Колхиде, т. е. кавказскому побережью Черного моря. Во встрече Одиссея с Цирцеей нашли отражение многочисленные фольклорные сюжеты, распространенные в сказках разных народов. Это, прежде всего, неожиданное вмешательство Гермеса в качестве доброго волшебника, который вручает Одиссею спасительный корень, избавляющий его от происков колдуньи (ст. 302—306). Затем — угроза мечом (ст. 321 сл.) и воздержание героя от полового общения с завлекающей его волшебницей, пока она не даст клятвенного заверения в том, что не причинит ему вреда (ст. 337—344). Обычно такая волшебница (ведьма) несет наказание за свои замыслы против «доброго молодца». В одной былине о Добрыне он становится жертвой некоей Маринки, которая завораживает его и превращает в серого волка. По прошествии двух лет, двух месяцев, двух недель и двух дней мать Добрыни идет к Маринке и грозит превратить ее в собаку или в сороку. Та возвращает Добрыне прежний облик, и он сражает ее стрелами из лука. В «Одиссее» этот мотив значительно смягчен: Цирцея превращается в помощницу героя, так как она нужна автору, чтобы предостеречь Одиссея от еще ожидающих его испытаний (12. 37—141). В одной из сказок братьев Гримм герой попадает в таинственный лес (ср. ниже, ст. 150), где ведьма прикосновением жезла (ср. ст. 238) превращает его в камень. Отправившийся на розыски пропавшего его брат не поддается хитростям колдуньи и заставляет ее вернуть превращенному

человеческий облик. Вместе с ним освобождаются от чар и другие заколдованные ведьмой люди. *Дева...* — Добавление переводчика. *Сладкоречивая...* — В оригинале сказано: «страшная (так как владеет колдовским искусством), одаренная человеческим голосом (обычно боги обладают сверхмощным голосом)». Ээт назван *кознодем*, потому что он изыскивал способ погубить Ясона, приплывшего за золотым руном.

Ст. 143 сл. = 9. 175 сл.

Ст. 178 сл. *...снявши Верхние платья...* — В оригинале: «раскутавшись», т. е. отбросив одежду, которую они натянули себе на голову в знак траура по товарищам, погибшим от рук лестригонов.

Ст. 183—187 = 9. 556—560.

Ст. 189. *Спутники верные, слушайте...* — Формульный стих (ср. 12. 271, 340) здесь не совсем к месту после обильного пира на берегу (ст. 183 сл.). Стих был заподозрен как интерполяция еще alexсандрийскими грамматиками.

Ст. 190—192. *Нам неизвестно, где запад лежит...* — Достаточно загадочные: за три дня пребывания на острове Одиссей и его спутники имели довольно времени, чтобы понять, где запад и где восход (ср. ст. 187). Может быть, это метафора из языка моряков, обозначающая, что они сбились с пути?

Ст. 206. *Жеребьи... потрясли мы...* — Древние греки не тянули жребий, запуская руку в шлем (так каждый мог опознать брошенный им для жеребьевки предмет), а встряхивали его, следя за тем, чей жребий выскочит при этом наружу.

Ст. 208. *...двадцать два...* — Экипаж на корабле Одиссея состоял первоначально, как обычно, из 50 гребцов (см. 8. 35 сл. и примеч.). Поскольку Одиссей поделил оставшихся на две половины, автор, как видно, учитывает, что шестеро погибли в пещере Циклопа, забывая, что до этого еще шестеро стали жертвой киконов (см. 9. 60 и примеч.). Делать из этой забывчивости вывод о позднем происхождении эпизода у киконов едва ли есть основание.

Ст. 210—242. Рассказ Одиссея подменяет здесь авторскую речь: о том, что произошло, он узнал только позже от Еврилоха.

Ст. 213. *...питьем очарованным их укротила Цирцея.* — Стих этот понимают по-разному. Либо Цирцея смягчила нрав диких зверей и сделала их ручными (так понял и Жуковский), либо львы и волки — в прошлом люди, превращенные в зверей с помощью злого зелья (как фάρцака). Ср. ст. 432.

Ст. 218. *...остропалые львы...* — В оригинале: «с сильными когтями», причем эпитет относится и к волкам. *...шершавые...* — Дополнение переводчика.

Ст. 220 сл. *К дому... устремились...* — Собственно: «остановились перед дверью» (ср. ст. 310).

Ст. 222 сл., 227. *...сидя за... Тканью...* — См. 5. 62 и примеч.

Ст. 227. *...гармонией... наполняя...* — Понятие «гармонии» в музыкальном значении отсутствует у Гомера. Слово *ἀρμονίη* обозначает у него «соединение вместе», «скрепу», «связь».

Ст. 232. *...усомнившись...* — В оригинале сильнее: «заподозрив коварство».

Ст. 234 сл. *Прамнейское вино* — красное и очень крепкое вино; *светлое* — дополнение переводчика.

Ст. 236. *...чтоб память... пропала...* — Собственно, излишняя мера, в которой Цирцея не нуждается, чтобы превратить людей в свиней. (Отклик на эту подробность — ст. 397.) К тому же далее сообщается (ст. 240), что они не утратили человеческого разума.

Ст. 237 сл. ...ударом... жезла... — См. 13. 429 и примеч.

Ст. 242. *Свидина* — дерево «кизил кровавой» (*cornus sanguineus*), с ветвями красного цвета.

Ст. 252—258 во многом повторяют ст. 226—232 с соответствующей переменной лица рассказчика. 256 сл. = 230 сл.

Ст. 253, повторяющий 211, отсутствует в большинстве рукописей; вероятно, позднейшая вставка.

Ст. 264 сл. ...на колена... упав... — Собственно: «обхватив обеими руками (мои) колени» (см. ст. 324).

Ст. 265. ...с рыданьем бросил крылатое слово... — Формульный стих, отсутствующий в большинстве рукописей, считается здесь позднейшей вставкой. Ср.: 2. 362; 11. 154, 472, 616; 16. 22; 17. 40.

Ст. 266. ...повелитель... — В оригинале обычный эпитет героев — «вскормленный Зевсом». Без нарушения ритма и смысла можно было бы перевести «богоправный». См. перевод в ст. 443.

Ст. 283. *Всех обратила в свиней*... — Здесь Одиссей впервые слышит о том, что произошло с его спутниками; иначе трудно было бы объяснить его слова в ст. 338.

Ст. 290. *Пойло* — для современного читателя звучит как питье для скота. В оригинале речь идет о кикеоне — той же самой смеси, которая упоминается в ст. 234 и не может вызывать отвращения.

Ст. 301. ...мужество... все ты утратишь... — Здесь отражено обычное представление древних греков, по которому смертный, разделивший ложе с богиней, теряет мужскую силу. Впрочем, на Одиссея это правило, как видно из его отношений с Калипсо и затем с Цирцеей, не распространяется. Поэтому в оригинале есть еще один, более прагматический оттенок: сняв одежду, Одиссей останется безоружным, так как должен сначала освободиться от перевязи, которая держит меч. Ср. ст. 341.

Ст. 305 сл. *Моли* — волшебная трава, имеющая магическое значение, как в русском фольклоре — цветущий папоротник (ср. «Ночь накануне Ивана Купала» Гоголя). Какое именно растение имеется в виду, не знали уже древние. Феофраст в «Истории растений», IX. 15. 7, отождествлял его с особым сортом чеснока, росшим в равнине реки Пеней и на горе Киллене в Аркадии. Едва ли, однако, есть необходимость приписывать автору «Одиссеи» столь обширные ботанические познания; на сказочном острове Цирцеи могло расти любое волшебное растение. В современной лингвистике греческое *μόλι* сближают с санскритским *mūlam* «корень», и этого значения достаточно, чтобы приписать моли чудодейственное свойство. ...людям опасно с корнем его вырывать... — В оригинале: «смертным его трудно выкапывать», как и всякую волшебную траву. Далее, к сожалению, не указано, как должен был Одиссей применить моли, — хранить при себе, как талисман? Разжевать и проглотить?

Ст. 307. ...подав мне растенье... — Повторение этих слов из ст. 302 создает впечатление «рамочной композиции», в оригинале отсутствующей.

Ст. 315, повторяющий I. 131, исключал Аристарх; нет его и в некоторых рукописях.

Ст. 321 сл. — Ср. 294 сл.

Ст. 334. *Ложь мое*... — В оригинале: «наше»; Цирцея уверена в длительном пребывании у нее Одиссея.

Ст. 343 сл. = 5. 178 сл. Одиссей так же требует *клятвы* от Цирцеи, как впоследствии — от Калипсо.

Ст. 345 сл. = 15. 437 сл. = 18. 58 сл.

Ст. 350. *Все они дочери были потоков и рощей священных...* — Т. е. нимфы, прислуживавшие в доме Цирцеи.

Ст. 364 сл. — Ср. 3. 466 сл.; 8. 454 сл.

Ст. 366 сл. = 314 сл.

Ст. 368—372, повторяющие 1. 134—138 (см. примеч.), многие современные исследователи считают позднейшей интерполяцией, так как все приготовления к еде уже сделаны: столы пододвинуты к креслам, хлеб подан (ст. 354 сл.).

Ст. 374. *...с недобрым предчувствием...* — В оригинале не вполне удачно употреблено словосочетание, встречающееся ниже, 18. 154, и в Ил. XVIII. 224: там действительно персонаж предчувствует недоброе. Здесь же Одиссей уже знает обо всем случившемся, и сердце его скорбит о еще не возвращенных спутниках (ср. в оригинале: «но я сидел, думая о другом», т. е. не об еде, а о товарищах).

Ст. 421. *...Что их постигло?..* — Неточный перевод. В оригинале: «поведай о гибели остальных товарищей»; увидев, что Одиссей возвращается один, и зная от Еврилоха об исчезновении его спутников, оставшиеся на корабле уверены, что остальные погибли.

Ст. 423 сл. = 403 сл. с переменной формы глагола.

Ст. 430. — Позднейшая вставка, введенная по образцу 4. 77.

Ст. 432. *...она превратит вас...* — О превращении спутников в свиней Еврилох ничего не мог знать; его опасение вызвано, очевидно, видом львов и волков, в которых он подозревает заколдованных Цирцеей людей (см. ст. 213 и примеч.). Не исключается, впрочем, что автор бессознательно поделился знанием ситуации со своим персонажем.

Ст. 433. *...шершавых... лесных густогривых...* — Добавления переводчика.

Ст. 441. *Был мне и родственник близкий...* — Возможно, предполагается, что Еврилох был женат на Ктимене, сестре Одиссея, имя которой здесь, однако, не названо. См. 15. 363 и примеч.

Ст. 450. *Баней себя освежили...* — В оригинале омовение спутников Одиссея совершает сама Цирцея: «омыла и умастила жирным маслом». См. 3. 464—466 и примеч.

Ст. 455 сл. = 400 сл. Впрочем, ст. 456, отсутствующий в большинстве рукописей, является, вероятно, интерполяцией под влиянием ст. 401, где Цирцея обращается к одному Одиссею.

Ст. 469 сл. — Ср.: 19. 152 сл.; 24. 142 сл. Впрочем, ст. 470 отсутствует во многих рукописях и считается обычно поздней вставкой по образцу 19. 153 = 24. 143.

Ст. 472. *...несчастный...* — Неточный перевод. В оригинале — многозначное обращение δαῖμόν(ε) — «странный», «чудной».

Ст. 476—478 = 183—185 = 9. 556—558 = 12. 29—31; ст. 475 = 12. 28.

Ст. 483. *...исполни свое обещанье...* — Собственно, Цирцея такого обещания не давала, а только предложила Одиссею и его спутникам отдохнуть у нее от перенесенных испытаний (ст. 456—465).

Ст. 492 сл. *Душу... Душу...* — Анафора не находит соответствия в оригинале.

Ст. 494. *...в аде...* — Убежище умерших древние греки называли Гадесом или Аидом (ср. ст. 512).

Ст. 496—499 = 4. 538—541 с небольшой заменой.

Ст. 507. *...передам я Борейю...* — Борей — ветер, дующий с севера. Океан и вход в подземное царство предполагаются на юге или юго-западе по отношению к острову Эе.

Ст. 510. ...*свой теряющих плод*... — До его созревания, что указывает на их близость к бесплодному царству Анда. ...*из тополей черных*... — См. 5. 64 и примеч.

Ст. 513—515. *Быстро бежит там*... — Автор представляет себе здесь расположение рек в подземном царстве таким образом, что две большие реки — *Пирифлегетон* («пылающий огнем») и *Стикс* («внушающий ужас») с его притоком *Коцитом* («рекой воплей»), сливаясь, низвергаются в пропасть, где они впадают в *Ахерон* (его название греки сближали со словом *ἄχος* «боль, печаль, горе»). Современного читателя больше всего удивляет отсутствие среди них наиболее известной ему Леты — реки забвения.

Ст. 517—525 = 11. 25—33 с заменой глагольных форм.

Ст. 518—527. Описываемая здесь процедура жертвоприношений соответствует реальному ритуалу, принятому в Древней Греции для умилоствления умерших. Мрачному бесплодию мертвых отвечает принесение в жертву коровы, *тельцов не имевшей* (ст. 522), и животных *черной* масти (ст. 527).

Ст. 519. ...*смесью медвяной*... — Т. е. смесью из молока и меда.

Ст. 523. ...*драгоценностей много*... — Точнее: «ценных даров», под которыми едва ли разумеются не спорающие в огне изделия из драгоценных камней и металлов.

Ст. 526, 530. — Ср. 11. 34, 37.

Ст. 527. ...*к Эрребу*... — Т. е. в самую глубину подземного царства.

Ст. 528. ...*обратясь к Океану*... — Точнее: «а сам отвернись назад, к водам реки», т. е. Океана. При вызывании душ умерших опасно оборачиваться в их сторону.

Ст. 531—537 с небольшими вариантами = 11. 44—50.

Ст. 539 сл. = 4. 389 сл. В остальном, ст. 538—540 вызывают со стороны исследователей различное к себе отношение. Одни считают их позднейшей вставкой, так как в 11. 100—137 Тиресий ничего не говорит об обратном пути, кроме запрета покуситься на коров Гелиоса (ст. 110—115). Другие полагают, что автор, воспроизводя здесь, как и в ст. 496—499, соответствующие пассажи из кн. 4, сознательно сопоставляет судьбу двух героев, Менелая и Одиссея, после отплытия из-под Трои: в то время как первый, преодолев все беды, уже наслаждается мирной жизнью, второму предстоят еще новые испытания.

Ст. 543—545 = 5. 230—232.

Ст. 546 сл. = 12. 206 сл. с небольшими вариантами.

Ст. 558—560 = 11. 635.

Ст. 564 сл. = 491 сл.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Встреча в подземном царстве

Книга 11 вызвала особенно ожесточенную дискуссию между аналитиками и унитариями. Все согласны в том, что нисхождение в Аид представляет кульминацию странствий героя и является необходимой составной частью поэмы, хотя здесь оно и заменено вызыванием душ к входу в подземное царство. Расхождения начинаются по вопросу о том, насколько согласуются между собой отдельные части книги.

Аналитикам повод для подозрений в далеко идущей интерполяции дают главным образом два раздела. (а) Ст. 225—332, т. е. так называемый «каталог жен», не

имеющий никакого отношения к странствиям Одиссея и восходящий то ли к известным в многих отрывках псевдогесиодовским «Эоям» («Каталогу женщин»), то ли к общему с ними более раннему, «догомеровскому», источнику. В этой части поэмы обращает на себя внимание отход от диалогической формы, принятой в предшествующем (ст. 90—224) и последующем (ст. 385—564) разделах: Одиссей совершенно забывает о своем присутствии и уступает место эпическому поэту. Крайне неравномерно представлены отдельные персонажи: об одних говорится достаточно обстоятельно (Тиро и ее потомство, ст. 235—259, при том что к Нелею автор возвращается вскоре снова и приводит подробности, вовсе далекие от Одиссея, ст. 281—297; Эпикаста, ст. 271—280), о других — вкратце (ст. 321—327), третьи только названы (ст. 320). Имя Ифимедеи служит поводом для пространного рассказа не о ней, а о ее сыновьях, покушавшихся завоевать Олимп (ст. 305—319). Поэтому не без основания аналитическая критика объясняет включение в поэму «каталога жен» тем, что возведение тех или иных аристократических фамилий к знатым прародительницам (особенно — соединившимся с богами) повышало их авторитет и представляло интерес для слушателей, укрепляя в них местный патриотизм. Сам же состав каталога и мера подробности при изложении могли меняться от случая к случаю. (6) Ст. 565—627. Эти стихи считал интерполяцией еще Аристарх, и его мнение разделяется многими современными исследователями. В его пользу говорят следующие соображения. (1) До сих пор все герои выходили из недр Аида, чтобы поговорить с Одиссеем (большей частью указывается, что они напильсь жертвенной крови, ст. 98, 153, 390; в других случаях это предполагается само собой, ср. ст. 147—149). Здесь же он не мог бы увидеть перечисляемых далее героев и наблюдать их мучения, если бы сам не проник в Аид и не совершил его обход. Таким образом, возникает явное противоречие между *в ы з ы в а н и е м* *д у ш* из подземного царства и *н и с х о ж д е н и е м* в него. (2) В предыдущей части специально подчеркивалась бесплотность теней умерших, их неспособность управлять своими членами, утрата ими (кроме Тиресия) разума (ст. 205—222); здесь же Минос творит суд, Орион гонит дубиной зверей, Титий, Тантал, Сизиф испытывают человеческие муки, что скорее соответствует более поздним представлениям о загробном воздаянии, которые развивало в 6 в. мистическое учение орфиков. Гомеровскому эпосу эти представления совершенно чужды. (3) Ст. 565—567 составляют неудачный переход от описания мрачного величия Аякса к последующему повествованию: где и когда стал бы говорить с ним Одиссей? Опять же, последовав за ним в глубину Аида? (4) Ст. 628 сл. не имеет смысла после того, как Одиссей уже видел могучих героев прошлого, зато хорошо примыкает к ст. 564, объясняя вместе со следующими стихами, почему Одиссей так и не сумел дожидаться теней других героев. Менее единодушна аналитическая критика в оценке так называемого «интермеццо», вклинивающегося между ст. 332 и 385 и выполняющего несколько композиционных задач: оно вводит рассказ о судьбе других ахейских вождей, соратников Одиссея, обосновывает задержку с его отправлением на родину и содержит дополнительную характеристику общественного устройства у феаков.

Унитарии, не опровергая по существу доводы аналитиков, защищают единство кн. 11 главным образом с точки зрения мировоззрения автора и используемых в ней композиционных приемов. Если в кн. 9, 10 и 12 автор помещает своего героя на зыбкой грани между миром реальности и фантастики (а к последнему могут быть в известном отношении причислены и кн. 7 и 8, поскольку в описании острова

феаков нет недостатка в элементах утопии), то в кн. 11 тот же герой оказывается на пересечении мира живых и мира умерших. Связующим звеном между ними служат три эпизода из истории Ельпенора, охватывающие три смежные книги (его смерть, появление его души у входа в Аид, его погребение: 10. 551—560; 11. 51—80; 12. 8—15). Второй довод унитариев — симметрия в расположении материала внутри кн. 11. Встрече с тремя персонажами в первой ее половине (Ельпенором, Тиресием, Антиклеей, 51—224 = 174 стиха) соответствует встреча с таким же числом персонажей во второй половине (Агамемнон, Ахилл, Аякс, 385—565 = 180 стихов). Каталог жен (235—332 = 108 стихов) в какой-то мере уравнивается рассказом об остальных героях, встреченных в Аиде (566—630 = 65 стихов). Посередине кн. 11 оказывается уже упомянутое «интермеццо».

Признавая справедливость изложенных наблюдений, следует все же заметить, что ни один аналитик не отрицает значения самого путешествия Одиссея ко входу в Аид для художественной концепции автора, так же как невозможно пренебречь описанным выше различием в представлениях о подземном царстве. В конечном итоге доводы аналитиков оказываются более весомыми.

Ст. 6—10 = 12. 148—152. ...*повинуясь кормилу*... — Автор упустил из виду сказанное в 10. 506 сл.: кораблю будет сопутствовать Борей, и, стало быть, нет необходимости править рулем.

Ст. 8. ...*приветноречивою*... — См. примеч. к 10. 135—138.

Ст. 14—19. Отношение названных здесь киммериян к исторически существовавшему народу киммерийцев, вторгшихся на рубеже 8—7 вв. в Малую Азию и в течение всего 7 в. угрожавших ее спокойствию, является очередным предметом длительной дискуссии. Киммерийцев в «Одиссее», проживающих у *глубокоотекущих вод Океана* (ст. 13), т. е. далеко на западе, трудно отождествить с реальными киммерийцами, которые проникли на Кавказ и в Малую Азию, вероятно, из Северного Причерноморья. С другой стороны, описание в поэме их местожительства как страны вечной ночи, куда никогда не заглядывает солнце, противоречит движению корабля Одиссея с севера на юг или юго-запад (19. 507 и примеч.). Вероятнее всего, и здесь автор имел дело с племенем из области народной фантазии, местонахождение которого не отличалось определенностью.

Ст. 25—33 = 10. 517—527 с заменой глагольных форм. Ср. также ст. 34, 37 и 10. 526, 530.

Ст. 37 сл. *Души... Души...* — См. 10. 492 и примеч.

Ст. 38—43. Античная критика считала интерполяцией, и это мнение разделяют многие современные исследователи: изображение душ, поднявших *крик неслезанный*, противоречит дальнейшему представлению о безмолвных теньях, пребывающих в царстве мертвых. Исследователи, отстаивающие подлинность этих стихов, полагают, что указанное противоречие мог допустить и сам автор «Одиссеи».

Ст. 44—50 = 10. 531—537 с незначительными вариантами.

Ст. 51. ...*душа Ельпенора*... — См. 10. 552—560. По греческим поверьям, душа умершего не находит себе успокоения в Аиде, пока тело его не похоронено или хотя бы не совершены необходимые погребальные обряды. Отсюда обычай воздвигать кенотафы (см. 9. 65 и примеч.). В Ил. XXIII. 65—76 являющаяся Ахиллу во сне тень Патрокла требует ускорить его погребение, так как иначе другие тени не пускают ее в Аид. В особом положении оказывается и Ельпенор: не будучи похоронен, он находится за пределами Аида и поэтому еще не утратил сознания.

Ст. 63—65 = 10. 558—560.

Ст. 82. ...*отгоняющий тени*... — В переводе не делается различия между понятиями «душа» и «тень» — они взаимозаменяемы. Между тем в оригинале слово «тень» (σκῆ) употребляется во всей поэме только два раза в сравнении с душой умершего (10. 495; 11. 208), — во всех остальных случаях говорится о душе (ψυχή), остающейся после смерти. Это касается эпизода в Анде и в 24. 1—204.

Ст. 92. Этот стих иногда считают интерполяцией, как и 10. 456. Но там он действительно является лишним (см. примеч.), здесь же трудно себе представить, как иначе могла бы душа Тиресия обратиться к Одиссею.

Ст. 96—99. ...*по правде пророчить ... по правде пророка*... — Одинаковое завершение стихов не находит соответствия в оригинале.

Ст. 100—137. Прорицание Тиресия вызывает неоднозначное отношение со стороны исследователей. Представители аналитического направления указывают на то, что гораздо более подробные советы на будущее дает впоследствии Цирцея (12. 37—141), а Тиресий ограничивается только предостережением относительно стада Гелиоса. Унитарии, напротив, полагают, что автор сознательно поделил предсказание о судьбе Одиссея между Тиресием и Цирцеей: первый объясняет причину несчастий, преследующих героя (гнев Посидона), и предостерегает от того, чтобы не вызвать гнев еще одного бога — Гелиоса; наставления Цирцеи носят более прагматический характер. Кроме того, Тиресий затрагивает будущее Одиссея, раздвигая, таким образом, хронологические рамки поэмы. Доводы унитариев представляются здесь более убедительными, так как исключение из кн. 11 свидания Одиссея с Тиресием лишило бы вообще всякого смысла посещение Аида.

Ст. 102 сл. = 13. 342 сл.

Ст. 106. ...*знойной*... — Добавление переводчика; в оригинале нет никакого указания на климат острова.

Ст. 108. *Тучных быков*... — См. 1. 8 и примеч. И в самом деле, кто содержит быков стадами?

Ст. 109. ...*все знает*. — Добавление переводчика: всезнание не входило в полномочия Гелиоса.

Ст. 110—114 = 12. 137—141.

Ст. 113. ...*тебе*... — Добавление переводчика. В оригинале сказано: «предвещаю гибель кораблю и спутникам; сам же ты...» Переведя правильно *сам ты избежишь*, Жуковский не заметил противоречия с добавленным им *тебе*.

Ст. 114 сл. — Ср. 9. 534 сл.

Ст. 122—136 = 23. 269—283 с заменой личных форм глагола.

Ст. 122 сл. ...*токуда людей не увидишь... тищи... не солящих*... — В античности эту страну отождествляли с Эпиром, где был издревле известен культ Одиссея. Однако к обитателям Эпира, чье побережье омывается Ионийским морем, едва ли подходят ст. 123—130. Другой претендент на место, где окончатся странствия Одиссея, — гористая Аркадия; ее жители приписывали Одиссею введение у них культа Посидона (ср. ст. 130 сл.), и на монетах города Мантиней изображался Одиссей с веслом. Что удаленный от моря народ никогда не солит пищи, вполне закономерно для того времени, когда соль умели добывать только из морской воды.

Ст. 125. *Пуртурногрудых*... — См. 9. 125 и примеч.

Ст. 129 сл. ...*ты окончил ... странствие*... — Добавление переводчика. В оригинале сказано: «водрузив весло в землю и принеся жертву Посидону... ты вернешься домой».

Ст. 131. ...барана, быка и... вепря... — Особенно торжественное жертвоприношение, упоминаемое у Гомера только здесь. У римлян ему соответствовали *suovetaurilia*. Поручение Тиресия должно содействовать распространению культа Посидона (см. примеч. к ст. 122 сл.).

Ст. 135 сл. ...кончину // Встретишь... — Как видно, автор «Одиссеи» не учитывал существования мифа о встрече Одиссея с Телегоном (см. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», § 2).

Ст. 139. ...предназначили... — См. I. 17 и примеч.

Ст. 170. ...мне скажи... — Далее следуют три вопроса, которые в оригинале занимают каждый по три стиха (171—173, 174—176, 177—179). Второй и третий вопросы вводятся анафорическим *εἶτέ δέ μοι* (в переводе: «также скажи...»).

Ст. 175 сл. *Царский мой сан сохранился ли им?..* — Точнее: «моя почетная должность», под которой обычно разумеется царская власть. *Иль другой уж на место // Избран...* — В оригинале: «или кто-нибудь другой ею владеет?»; выборных царей гомеровский эпос не знает.

Ст. 181—183 = 16. 37—39.

Ст. 182 ст. = 13. 337 сл.

Ст. 184. ...ликому от народа не отдан... — В оригинале: «никто не владеет».

Ст. 185. *Дома своим Телемак достойным владеет...* — Антикляя ничего не знает о беспутстве женихов, которое началось уже после ее смерти. Но и Телемах был к этому времени еще слишком мал, чтобы выполнять обязанности судьи (*δικαστὸς ἀνὴρ*), как это написано в оригинале (в переводе: «облеченный саном высоким»).

Ст. 192. *В летнюю ж знойную пору иль поздней порою осенней...* — Собственно, Гомер различает только три времени года: зиму, весну и лето, причем последнее делится, как здесь, на две части: раннюю, до конца нашего июля (*θέρως*), и позднюю (*ὀπώρα*), до осеннего солнцеворота и наступления зимних бурь; это время соответствует нашей ранней осени.

Ст. 206 сл. *Три раза...* — Анафора воспроизводит стиль оригинала.

Ст. 215. ...мать благородная... — Собственно: «почтенная» (*πότνια*); частое определение матери (ср. в оригинале также II. 180), прилагаемое даже к матери нищего Ира (ниже, 18. 5; в переводе здесь эпитет опущен).

Ст. 225—332. — См. вступительную заметку к кн. II.

Ст. 245. — Интерполяция: первое полустишие употребляется применительно к девушке, а не к замужней женщине. Аналогично, *деве* в ст. 244 перевода соответствует в оригинале «женщина», «жена».

Ст. 260. *Антиона* — см. СМС.

Ст. 263. ...Фив... основание... — По наиболее распространенной версии, Фивы основал Кадм; по его имени их акрополь, а иногда и весь город называли Кадмеей. *Амфион* же и *Зеф (Цетос* у Жуковского) обнесли каменной стеной город, т. е., видимо, заселенную часть долины, простиравшейся у подножья акрополя.

Ст. 266. *Алкмена* — см. СМС.

Ст. 268. ...целомудренно... — Добавление переводчика. В глазах древних греков, связь с богом не нуждалась в такого рода оправдании.

Ст. 269. *Мегафа* — см. СМС: Геракл.

Ст. 271. *Этикаста* — см. СМС: Эдип.

Ст. 277. ...двери сама отворила... — Неточный перевод. В оригинале сказано: «она же ушла в дом могучего привратника Лида», который (привратник) следит, чтобы двери в подземное царство всегда были закрыты для находящихся в нем.

Ст. 283. *Деву прельстивший...* — Из перевода можно сделать заключение, что Нелей добивался от самой Хлориды согласия на брак. На самом деле сказано: «сделал огромные подарки (принес огромные дары)» — разумеется, отцу девушки.

Ст. 289—297. *...быков кроторогих...* — См. выше, примеч. к ст. 108. *Нелей* соглашался выдать замуж свою дочь Перо (в переводе — *Перу*) только за того, кто приведет ему стадо коров, похитив его у Ификла (в переводе — *Ификлес*), царя *Филаки*, в Фессалии. Сделать это взялся *профицатель* Меламп (не названный здесь по имени, но см. 15. 225—240), который хотел, чтоб Перо выдали замуж за его брата Бианта. Однако в Филаке Меламп был схвачен и провел год в темнице, после чего Ификл отпустил его за то, что тот открыл ему *тайны богов* (точнее: «речи», «замыслы»), а именно, как поступить, чтоб у Ификла родился сын. За время отсутствия Мелампа Нелей завладел его имуществом; вернувшись, Меламп отомстил Нелею и отдал Перо в жены Бианту.

Ст. 294 сл. = 14. 293 сл. *Но когда ... пробежали и годы...* — Перевод приблизительный. В оригинале: «когда закончились месяцы и дни, вскоре по завершении года (одного, а не многих!), когда прошли его времена (в́рад — времена года)». См. 14. 293, где переведено правильно.

Ст. 300. *Кастор* и *Поллидевк* — см. СМС.

Ст. 315. *Осу на древний Олимп...* — Согласно более частной версии, Алоады пытались взгромоздить *Осу* на *Пелион* (горные хребты в Фессалии), чтобы взять приступом Олимп. Здесь, как видно, они хотят добраться до неба, которое мыслится как обитель богов, вопреки обычному представлению, которое помещало их на Олимпе.

Ст. 321. *Федра, Прокрида, Ариадна* — см. СМС. Включение в «каталог жен» героинь из круга афинских мифов иногда считают интерполяцией, сделанной при записи текста гомеровских поэм при Писистрате. См. 7. 80 сл. и примеч.

Ст. 322. *Минос* (см. примеч. к 19. 172—179) назван здесь *кознодем*, вероятно, потому, что в построенный для Минотавра лабиринт заключал чужеземцев, предназначенных ему на съедение.

Ст. 326. *Мера* — дочь аргосского царя Прета, охотившаяся вместе с Артемидой, которая застрелила ее, узнав о ее связи с Зевсом. *Климена* — вероятно, супруга Филака и мать Ификла (выше, ст. 290). *Эрифила* — см. СМС: Амфиарай.

Ст. 333 сл. = 131 сл.

Ст. 338. *...мой гость...* — Поскольку Одиссей обратился к *Арете* первой с просьбой о покровительстве (7. 141—153).

Ст. 342 сл. = 7. 155 сл. Хотя ст. 343 отсутствует во многих рукописях и иногда считается позднейшей вставкой, повторение двустушия при имени Эхенея представляется достаточно законным.

Ст. 354 сл. = 9. 1 сл.

Ст. 373 сл. = 354 сл.

Ст. 387—389 = 24. 20—22.

Ст. 395 сл. = 55 сл.

Ст. 401 сл. = 24. 111 сл.

Ст. 402 сл. *...криворогих быков...* — См. выше, ст. 108 и примеч. *...во граде, где жен похищал...* — Перевод несколько вольный (в оригинале: «убили ...тебя, сражавшегося за город и женщин»), хотя по существу верный: разрушение города и увод в рабство женщин были целью всякой военной акции.

Ст. 421. *Кассандра* — см. СМС: Агамемнон.

Ст. 422. *...во грудь...* — Добавление переводчика. Вероятнее, что коварная (в переводе опущено) Клитемнестра нанесла удар сзади.

Ст. 423 сл. *...попытался ... руку к мечу протянуть...* — В оригинале: «я пытался поднять руки (чтобы защитить Кассандру?), но опустил их на землю, умирая, пронзенный мечом».

Ст. 430. *...богами ей данному...* — Добавление Жуковского, вносящее в текст чуждое древним грекам представление («Браки заключаются на небесах»).

Ст. 435—443. Были заподозрены как интерполяция александрийскими филологами — Аристофаном Византийским и, возможно, Аристархом. Достаточных оснований для этого нет.

Ст. 454—456. Были заподозрены как интерполяция античными филологами и некоторыми современными исследователями, так как они мешают переходу от рассказа Агамемнона к вопросу об Оресте и противоречат характеристике Пенелопы, данной в ст. 444—446. Защитники этих стихов указывают, напротив, что после всех похвал Пенелопе Агамемнон возвращается к мысли о своей жене-изменнице и что Одиссей целиком следует его совету вернуться на Итаку незамеченным.

Ст. 459. *Орхомен* и *Пилос* названы как достаточно удаленные от Микен места, *Спарта* — как царство Менелая, где Орест мог найти убежище у своего дяди.

Ст. 467—470 = 24. 15—18, кроме небольшого различия в самом начале.

Ст. 485. *...над мертвыми царствуя...* — Точнее: «обладая господством среди мертвых» (царем их был Аид). Одиссей делает такой вывод при виде сопровождающих Ахилла теней. Соответственно, в своем ответе (*нежели ... царствовать*, ст. 491) Ахилл не констатирует реальное положение вещей, а говорит о возможности выбора: лучше быть бедняком на земле, чем царем среди мертвых.

Ст. 493, 506. *Мой сын ... Неоптолем.* — См. СМС.

Ст. 497. *...без рук и без ног...* — Не следует понимать буквально. В оригинале: «старость ослабляет у него руки и ноги».

Ст. 503. *...старость его оскорбивших.* — Перевод внушает мысль, что Ахиллу известно что-нибудь о бедственном положении Пелея. Смысл оригинала несколько другой: «тех, кто захотел бы силой лишить его положенного почета».

Ст. 524 сл. *...двери громады // Мне ... поручили ахейцы.* — Переводчик исходил из значения слова «засада». Между тем ст. 525 был исключен Аристархом и находится под сомнением у современных издателей по следующим причинам. (1) Он повторяет Ил. V. 751 = VIII. 395, где речь идет об облаке, тумане (*νεφος*), окутывающем Олимп. Замена *νεφος* на *λόχος* привела к не слишком удачному образу: «разверзать и замыкать засаду», тем более что перед Одиссеем такая задача не ставилась. (2) С исключением ст. 525 вторая половина ст. 524 получает вполне законченный смысл: «мне же было поручено всё», т. е., как бы мы сказали, «общее руководство всеми», находившимися в деревянном коне, что Одиссей и делал (см. 4. 284—289).

Ст. 539. *Асфодилонский луг* — ошибочно переведенное переводчиком как имя собственное прилагательное *ἀσφοδελός*, т. е. луг, где произрастает асфodelь — растение, похожее на лилию. Его корни употребляли в пищу бедные люди. См. Гесниод, *Тид.* 4.

Ст. 544 сл. *...на победу // Злобясь мою...* — См. СМС: Аякс I.

Ст. 565—627. См. вступительную заметку к кн. II.

Ст. 569. *...умерших судил он...* — В эти стихи не следует вносить более позднее представление о Миносе как о судьбе умерших за их земную жизнь (впервые у Пла-

тона, Горгий. 523 с 6—7). Здесь Минос продолжает властвовать над мертвыми, как он властвовал над живыми, предоставляя каждому его долю прав (*δικας*).

Ст. 577. *Десятина* — в оригинале *πέλεθρον* (класс. *πλέθρον*), собственно, длина борозды, которую пропахивают на быке, прежде чем повернуть обратно; чуть больше 30 м.

Ст. 581. ...к *Пифию*... — Собственно, в Пифо, т. е. к дельфийскому храму Аполлона. ...на лугу *Панопейском*. — Панопей — город в Фокиде.

Ст. 582. *Тантал* — См. СМС.

Ст. 587. *Демон* — См. 2. 135 и примеч.

Ст. 589 сл. = 7. 115 сл.

Ст. 593. *Сизиф* — см. СМС.

Ст. 598. ...*обманчивый камень*. — Т. е. делающий тщетными любые попытки водворить его на место.

Ст. 604. Считается поздней вставкой, заимствованной у Гесиода, *Теог.* 952.

Ст. 610—612. ...*ремнем, на котором ... изваяны были*... — Подвиги Геракла были изображены не на ремне, а на позолоченной *перевязи* (ст. 609). *Медведи*, не считая созвездия, упоминаются у Гомера только здесь.

Ст. 621. ...*недостойного мужа*... — Микенский царь Еврисфей. Отданный ему в услужение за убийство своей жены и детей Геракл совершил свои знаменитые 12 подвигов.

Ст. 623. ...*пса троеглавого*... — Пес Кербер, чье имя у Гомера не встречается, сторож в Аиде; троеглавый — добавление переводчика на основании позднейших представлений.

Ст. 631. *Тезей* — афинский царь, отправившийся вместе с царем лапифов *Пифитоем* (см. 21. 296) в Аид, чтобы похитить в жены последнему Персефону. По позднему варианту, Аид прислонил их к стене подземного чертога, так что в их тела стал проникать камень. Спустившийся в Аид Геракл сумел оторвать от стены Тесея, который снова попал в Аид уже после смерти. Ст. 631 подозревают как вставку, сделанную при Писистрате с целью прославить Тесея, легендарного предка афинян.

Ст. 637 сл. = 9. 178 сл. См. примеч.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сирены, Скилла, Харибда, коровы Гелиоса

Ст. 4. *Легкие Оры*... — Добавление переводчика. В оригинале: *χοροί*, т. е. «места для пляски» (солнечных лучей). Из ст. 3—4 ясно, что остров Эя однозначно представляется расположенным на востоке. См. примеч. к 10. 135—138.

Ст. 6—8 = 9. 150—152.

Ст. 10. *Груп Эльпеноров*... — См. 10. 552—561; 11. 51—80.

Ст. 22—23. *Дважды узнавшие смерть*... — Смысл прилагательного *διουθιής* (букв.: дважды умирающий), скорее, «тот, кому суждено дважды умереть». Второй своей смерти Одиссей и его спутники еще не встретили. *Бросьте печаль и беспечно*... — Добавление переводчика, пожелавшего сильнее противопоставить долю умерших возможностям живущих.

Ст. 28—31 = 10. 475—478.

Ст. 38. ...*потом и от бога услышишь*. — Неверный перевод, затрудняющий понимание и без того нелегкого стиха. В оригинале: «напомнит тебе об этом само божество». Вероятно, Цирцея хочет этим сказать, что в случае неисполнения ее советов Одиссея постигнет бедствия, в которых он увидит волю богов.

Ст. 39—54, 158—201. В рассказе о Сиренах отражен частый в моряцком фольклоре мотив встречи странника с женщинами, которые очаровывают его и тем обрекают на смерть. Как представлял себе автор внешность Сирен, не ясно. В вазописи, начиная с 6 в., их изображают полуженщинами, полуптицами, в чем современные исследователи видят влияние Востока, но в поэме никакого намека на этот образ нет.

Ст. 41. ...*к тем двум*... — Указание на число Сирен перенесено сюда переводчиком из ст. 52 оригинала, где их имя употреблено в двойственном числе. В псевдогесиодовском «Каталоге женщин» (фр. 28 MW) число Сирен доведено до трех и названы их говорящие имена: Фелксиопа — «успокаивающая взор (или: своим ликом)», Мольпа — «песнь», Аглаофона — «с искрящимся голосом».

Ст. 45 сл. ...*на этом лузу*... — В вазописи (см. примеч. к ст. 39—54) Сирены обычно изображались сидящими на скале. Луг, на котором *белеет Много костей*, надо, по-видимому, представлять себе как прибрежную полосу между скалой и морем, омывающим остров Сирен.

Ст. 49 сл. ...*роковой*... *Голос*... — Определение добавлено переводчиком.

Ст. 59, 73. *Прежде и после* — неправильно понятое переводчиком противопоставление: Цирцея сообщает Одиссею не о двух опасностях, ожидающих его одна за другой, а о необходимости выбрать одну из них (ст. 56—58). В оригинале: «здесь (ἐνθὺν μὲν, ст. 59)... там же (οἱ δέ, ст. 73)». В дальнейшем Одиссей предпочитает уклониться от *Бродящих утесов* и провести корабль между Скиллой и Харибдой (ст. 202—224). Что касается Бродящих утесов, то здесь они названы, не как у других авторов, Симплегады («сталкивающиеся») и Планкты («бьющие», «ударяющие») — возможно, в результате контаминации двух сказочных образов, автор представлял их себе не столько движущимися, сколько производящими губительный вихрь от разбивающихся об них волн. В греческой мифологии Симплегады были известны уже из сказания об аргонавтах (см. ст. 69—72).

Ст. 61 сл. ...*никакая Птица*... — Образ, не известный из других источников.

Ст. 68. ...*пламенным вихрем*... — Т. е. кипением волн, разбивающихся о скалы. Ср. 202.

Ст. 73. ...*две*... *скалы*... — В одной обитает Скилла (ст. 85), из другой вырывается Харибда (ст. 104). Помещая их на небольшом расстоянии друг от друга, автор объединяет в одном эпизоде два мотива из моряцкого фольклора: встречу с чудовищным зверем-людоедом и необходимость преодолеть препятствие в виде водоворота. В древности проход между Скиллой и Харибдой локализовали в бурном Мессинском проливе; в наше время предлагают и другие проливы — Босфор, Гибралтар, хотя ясно, что никаких точных географических координат автор здесь не подразумевал.

Ст. 86—88. Александрийские филологи считали вставкой, сделанной ради сближения имени Скиллы со словом σκόλαξ «щенок». Однако никакого противоречия между ст. 85 и последующими ст. 86—88 нет, а конструирование этимологий на основе исходного звучания двух слов — частый прием у древнегреческих авторов.

Ст. 128. ...*быков и баранов*... — Надо: «коров и овец». См. 11. 108 и примеч.

Ст. 132. *Фэтуса* («святиющаяся») и *Лампетия* («сияющая») носят говорящие имена, соответствующие их происхождению от бога солнца.

Ст. 137—141 = П. 110—114: Цирцея повторяет слово в слово пророчество, данное Одиссеем Тиресием. Тем самым автор подчеркивает значение, которое он придает поведению спутников Одиссея на Тринакрии.

Ст. 145 сл. = 9. 178 сл. = 11. 637 сл.

Ст. 146 сл. = 90. 103 сл. См. примеч. Впрочем, ст. 147, скорее всего, вставка, так как он противоречит следующему стиху: при попутном ветре нет нужды грести веслами.

Ст. 148—152 = 11. 6—10.

Ст. 155. ...*богиня богинь*... — Преувеличение. В оригинале: «божественная среди богинь», т. е. не смертная, какой она выступала в общении с Одиссеем и его спутниками.

Ст. 169. *Демон* — здесь, очевидно, божество, враждебное мореходам, так как при безветренной погоде корабль медленнее проплывает мимо Сирен, которые предлагают возможность дольше искушать путников.

Ст. 178 сл. — Ср. ст. 50 сл.

Ст. 189, 191. *Знаем мы*... — Анафора воспроизводит стилистическую фигуру оригинала. Слова Сирен, гордящихся своим знанием прошлого и настоящего, напоминают Муз в изображении Гесиода, *Теог.* 27 сл.

Ст. 193. ...*подав я знак*... — Кивком головы или движением глаз (оригинал допускает оба толкования), так как руки у Одиссея были связаны, а у его спутников уши заклеены воском.

Ст. 202. *Дым и... шум*, производимые Планктами. — См. выше, примеч. к ст. 68.

Ст. 206 сл. = 10. 546 сл.

Ст. 212. *Всех вас избавил*... — В оригинале сказано: «однако и оттуда, благодаря моей доблести, замыслу и уму, мы бежали». Одиссей с полным основанием умалчивает о том, что шесть его спутников все же стали жертвой Полифема.

Ст. 253. *Рогом быка лугового их ловит*... — Собственно: «забрасывает в море рог», т. е. выпиленное из рога кольцо, через которое продевалась леска, чтобы рыбы не могли ее откусить. Ср. Ил. XXIV. 80—82 (пер. Н. И. Гнедича):

Быстро в пучину Ирида, подобно свинцу, погрузилась,
Ежели он, прикрепленный под рогом вола степового,
Мчится, коварный, рыбам прожорливым гибель несущий.

Ст. 260. *Скиллин утес миновал и избежав свирепой Харибды*... — Оригинал допускает здесь двойное толкование. Либо: «избежав скал, одну — страшной Харибды, другую — Скиллы»; либо: «избежав скал (т. е. Планктов), страшной Харибды и Скиллы». Жуковский перевел, приняв первое толкование; в пользу второго говорит 23. 327, где смысл совершенно однозначен.

Ст. 263. ...*Гелиосово стадо*... — О священном стаде Гелиоса см. также Гомеров гимн Аполлону, ст. 410 сл.

Ст. 300. ...*святотатной фрукой не коснетесь*... — Точнее: «никто в губительном безрассудстве не убьет».

Ст. 303 сл. — См. 10. 345 сл. и примеч.

Ст. 312. *Треть совершилася ночи*... — В оригинале: «когда была последняя треть ночи».

Ст. 314 сл. = 9. 68 сл. Вторая половина формульного ст. 315 (*темная ... сошла ночь*) здесь не вполне уместна, так как ночь еще не окончилась.

Ст. 332. — См. 4. 369 и примеч.

Ст. 335. *...я удалился...* — Точнее: «ускользнул», чтобы сотворить молитву в одиночестве.

Ст. 337. *Теплой...* — Добавление Жуковского.

Ст. 338. *Сладкий ... сон* Одиссея приводит здесь к столь же губительным последствиям, как в 10. 31—49.

Ст. 344. *Здесь принесем их богам...* — В жертву сжигались только часть туши, кости, обвитые жиром, и внутренности (ст. 360—365; ср. 3. 457 сл.); остальное поедали те, кто совершал жертвоприношение.

Ст. 345—347. *...воздвигнем... Храм...* — Это единственный обет такого рода у Гомера и единственное упоминание храма в материковой Греции, не считая Ил. II. 549. «Илиада» знает храмы только в Трое и прилегающей к ней Хрисе (I. 39; V. 466; VI. 88, 269, 275, 297, 309; VII. 83), «Одиссея» — в сказочной стране феаков (6. 10, но см. примеч. к 6. 164, 266). Ст. 346 отражает ситуацию в послемикенской Греции, когда в ней, наряду с алтарями, начали возводить храмы, — возможно, под иноземным (восточным?) влиянием.

Ст. 357. *Листьев нафвали они...* — чтобы украсить намеченное для жертвы животное, которое обычно обсыпали ячменем (ср. 3. 445).

Ст. 364 сл. = 3. 461 сл.

Ст. 374—390. Выпадают из стиля повествования от первого лица, принятого в кн. 9—12. Возникает вопрос, откуда Одиссей мог знать о том, что происходило на Олимпе? Объяснение, приводимое в ст. 389 сл., только запутывает ситуацию: в кн. 5, где Гермес встречается с Калипсо, нет ни слова ни об испытании, ожидающем Одиссея на Тринакрии, ни о сцене на Олимпе. К тому же сам Одиссей не знал о визите Гермеса на остров Огигию (см. примеч. к 7. 263). Таким образом, эти два стиха больше всего похожи на позднейшую вставку, имеющую целью ответить на поставленный выше вопрос. Что же касается ст. 374—388, то их изъятие, предложенное еще александрийскими филологами и поддержанное некоторыми современными исследованиями, представляется неприемлемым, так как они служат подтверждением мысли, заявленной уже во вступлении (1. 22—24): люди сами отвечают за свои поступки, боги шлют им только заслуженную кару. (О «безрассудстве», ставшем причиной гибели спутников Одиссея и женихов, см. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», § 3.) Поэтому остается только предположить, что автор «Одиссеи» сознательно допустил некоторую неувязку в изложении ради развития важной для него мысли. Другой пример неувязки в этом же отрывке — вмешательство Лампетии (ст. 375), извещающей Гелиоса о случившемся святотатстве: Солнце, которое все видит (выше, ст. 323), не нуждается в подобном донесении. На это также обращала внимание уже античная критика. Такая непоследовательность, однако, встречается в гомеровском эпосе. Ср. ст. 376, где Гелиос обращается к олимпийским богам, в то время как место его — на небе; или несколько выше, ст. 339—365, где Одиссей рассказывает о том, что произошло, пока он спал.

Ст. 386. *Року подвластных ...* — Добавление переводчика.

Ст. 398. *Били отборных быков...* — В оригинале сказано только, что спутники Одиссея шесть дней подряд пировали, а не занимались убоем скота.

Ст. 403—406 = 14. 301—304.

Ст. 415—419 = 14. 305—309.

Ст. 440. *Юношей тяжбу...* — Перевод, вызванный одним из толкований прилагательного αἰψός как «юный». Однако другое его значение — в качестве опреде-

ления при слове «крепкий», «сильный». Таким образом, здесь речь идет, вероятнее всего, о разборе тяжбы между двумя людьми, который производит на городской площади (агоре) специально назначенный человек.

Ст. 447—449 = 7. 253—255.

Ст. 451. *Мне говорить уж не нужно...* — Одиссей напоминает о рассказанном в 7. 241—297.

КНИГИ ТРИНАДЦАТАЯ — ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эти книги, начиная с 13. 187, составляют третий, самый обширный по объему и главный по содержанию композиционный блок «Одиссеи». К нему с самого начала тяготеют два блока, составляющие первую половину поэмы.

В первом блоке центральной фигурой был Телемах, во втором — Одиссей. В начале третьего блока внимание снова поочередно сосредоточено на каждом из них: на самом Одиссее, находящем приют в хижине Евмея, и на Телемахе, возвращающемся из Спарты. В кн. 16. 172—219 обе линии сливаются. Точно так же объединяются линии Пенелопы и Одиссея: в первой половине слушатель видел Пенелопу на Итаке, Одиссея — у Калипсо и феаков; во второй — Одиссеей уже на Итаке присутствует при появлении Пенелопы перед женихами (18. 158—303), ведет с ней две продолжительные беседы (19. 51—308, 508—604), затем она вмешивается на его стороне в спор при состязании (21. 311—358) и, наконец, подвергает его «испытанию» (23. 104—110, 173—181), которое ведет к соединению супругов.

Во втором блоке слушатель был погружен в мир фантастических стран и образов, в третьем он возвращается в мир суровой реальности, и в рассказах Одиссея, хоть они и вымышлены, нет больше места для волшебниц и великанов.

Не удивительно поэтому, что между первым и третьим блоком существуют многочисленные точки соприкосновения. Важнейший мотив отщепенности женихам, уже намеченный в кн. 1—4 и повторенный в кн. 11. 116—120, получает неуклонное развитие во второй половине поэмы (см. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», § 6). Беспкойству Пенелопы за судьбу Телемаха (4. 675—767) кладет конец доставленное ей известие о его благополучном возвращении (16. 328—339), а несколько стихов, сообщающих о возвращении из засады корабля с женихами (16. 351—354), примыкают непосредственно к кн. 4. 847. Сам Телемах в рассказе о своем путешествии (17. 107—149) кратко резюмирует содержание 3-й и 4-й книг. О хитрости Пенелопы слушатель узнавал в кн. 2. 93—110, затем эта история повторяется в 19. 133—156 и в 24. 128—146. О Лаэрте, для которого Пенелопа готовила саван, вспоминают в первом блоке (1. 185—189; 4. 735—741), во втором (11. 187—196) и снова — в третьем (15. 373—377; 16. 137—145), чем подготавливается встреча отца с сыном в 24. 226—348. Полное развитие получает в третьем блоке и мотив помощи Одиссею со стороны Афины, также представленный уже во втором блоке (см. указ. статью, § 2).

Симметричны по содержанию еще три эпизода в двух половинах поэмы: рассказу Агамемнона в Аиде о погребении Ахилла (24. 35—94) соответствует рассказ Одиссея душе того же Ахилла о подвигах его сына Неоптолема (11. 505—537); народному собранию на Итаке, созванному Телемахом (2. 1—259), — народное собрание после гибели женихов (24. 413—471); беседе Зевса с Афиной, предшествующей

возвращению Одиссея (1. 22—95), — их разговор, предшествующий установлению мира на Итаке (24. 413—471).

В свою очередь, 3-й блок делится на три части. (1) Кн. 13. 187 — кн. 16: Одиссей, вернувшись на Итаку, встречается с Евмеем, узнает об обстановке в собственном доме и дает узнать себя Телемаху. (2) Кн. 17—20: Одиссей у себя в доме становится свидетелем беспутства женихов и убеждается в верности ему Пенелопы; в этой части мотив предстоящей мести женихам звучит с особой силой. (3) Кн. 21—24: Одиссей расправляется с женихами, дает узнать себя Пенелопе и Лаэрту и готовится к сражению с родственниками убитых женихов, которое благодаря вмешательству Афины кончается примирением. По объему три части 3-го блока примерно равны между собой (1825 + 2031 + 1855 стихов; обратим внимание на симметрию крайних разделов, обрамляющих средний). Границей между первой и второй частями служит, как обычно, ночь. Между второй и третьей частями нет, напротив, никакого разделительного знака: в то время как женихи продолжают бесчинствовать за трапезой, Афина внушает Пенелопе желание устроить состязание между ними в стрельбе из лука (20. 373—394; 21. 1—4). Отсутствие паузы во времени между двумя частями не является случайным: оно способствует дальнейшему нарастанию напряжения — от последнего предзнаменования, сулящего гибель женихам (20. 350—357), во второй части, к расправе с ними — в третьей.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

Отплытие Одиссея от феаков и прибытие на Итаку

Ст. 1 сл. = 11. 333 сл.

Ст. 4. *...мой дом меднокованый...* — Та же неточность в переводе, что в 8. 321 (см. примеч.).

Ст. 14. *...себя ж наградим за убыток...* — О стремлении знати переложить свои расходы на народ см. также 19. 197. Здесь эта черта реальной действительности 8 в. не слишком согласуется с идиллическим образом жизни феаков.

Ст. 17. *Все по домам разошлись...* — Здесь кончается день, который начался в 8. 1, — пять книг (8—12) посвящены событию одного, 33-го, дня. Следующий за ним займет всего лишь 63 стиха (18—80), причем на этот раз не будет даже сообщено, о чем пел Демодок (ст. 27 сл.).

Ст. 30. *С неба ... сойти...* — См. 4. 785 и примеч.

Ст. 40. *...радуйтесь...* — См. 1. 121 и примеч.

Ст. 42. *Боги Ураниды...* — См. 7. 242 и примеч.

Ст. 43. *...жену без порока нашел...* — Перевод внушает мысль, что речь идет о жене, не запятнанной предосудительным поведением. В оригинале — обычный эпитет ἀνίμων «беспорочная».

Ст. 45. *Сердцем избранной сурфугой...* — Модернизм переводчика. В оригинале: «с законными женами».

Ст. 47 сл. = 7. 226 сл.

Ст. 49 сл. = 7. 178 сл.

Ст. 56. *...хитромысленный...* — В переводе неудачная замена стоящего в оригинале определения διός «божественный». Хотя эпический поэт часто употребляет

постоянные эпитеты героев, не соотнося их с ситуацией, в данном случае автор этого избегает, так как никаких «хитрых мыслей» в отношении феаков Одиссей не питает.

Ст. 66. ...домашних... — Добавление переводчика.

Ст. 67. *С... одеждой... и с хитомом...* — В кн. 8. 425, 441 уже было сказано, что Арета подарила Одиссею хитон и плащ. Автор, по-видимому, забыл об этом.

Ст. 73. ...с простыней... — Добавление переводчика: гомеровские герои простынями не пользуются. В оригинале: «полотно» (λίνον).

Ст. 80. *Сон непробудный...* — См. 7. 319 и примеч.

Ст. 104. *Грот* — место культового почитания нимф, *спявущих наядами*, т. е. тех, которых называют наядами.

Ст. 105 сл. ...кратер и... кувшинов // Каменных... — Речь идет, по-видимому, о фигурах, образованных сталактитами.

Ст. 130. ...божественной... — Добавление переводчика. В оригинале: «моей породь»: Алкиной — внук Посидона (см. 7. 56—63).

Ст. 135 сл. = 16. 230 сл. с заменой глагола.

Ст. 136—138 = 5. 38—40.

Ст. 142. *Старший и силою первый...* — Хочет ли Зевс сказать, что Посидон старше его, так как сам Зевс родился последним из детей Крона (так получается по Гесиоду, *Теог.* 453—458; иначе в *Ил.* XII. 355)? Или в понятие *πρῶτος* автор вкладывает значение «самый почтенный» — разумеется, после Зевса?

Ст. 149—152. ...корабль... Будет разбит... и горою великой задвину их город. — Слова Посидона предполагают два акта мести с его стороны, причем сказочный мотив, объясняющий недоступность людскому зрению чудесного города, сам по себе никаких сомнений не вызывает. Трудность состоит в том, что из ст. 158 не ясно, к чему сводился совет Зевса: превратить корабль в скалу и этим ограничиться или дополнить это наказание возведением горы вокруг всего города феаков? В рукописном чтении ст. 158 целиком = 152; так и перевел Жуковский. В то же время уже Аристофан Византийский предложил заменить в ст. 158 чтение *μῆα δέ* («а большую гору») на *μῆ δέ* («большой же горой не окружай»). Последний вариант больше соответствует ст. 183, хотя и неизвестно, внял ли Посидон просьбе феаков.

Ст. 170 сл. = 4. 772 сл. с заменой имени собственного.

Ст. 173—178 = 8. 565—570 (см. примеч.).

Ст. 182. ...двенадцать... — По числу «царей», делящих власть с Алкиноем (см. 8. 390 и примеч.)?

Ст. 196. ...темные сени *дерев черноглавых*. — Описание, значительно расширенное в переводе. В оригинале сказано: «зеленеющие (цветущие) деревья». Черные деревья обычно связаны с культом мертвых. См. примеч. к 5. 64.

Ст. 200—202 = 6. 119—121.

Ст. 243 сл. ...толями... *Беден...* — Ср. 4. 605.

Ст. 247. ...вод, безуцербно... текущих. — Собственно: «всегда достаточных (т. е. не пересыхающих) водопоев».

Ст. 256—286. Первый из большей частью вымышленных рассказов Одиссея. За ним последуют 14. 191—359, 462—502; 17. 419—444; 19. 165—299; 24. 263—314, в которых Одиссей выдает себя за критянина. Этому предлагают два объяснения: (1) Крит был известен как богатый остров, и это должно вызвать уважение к происходящему оттуда человеку; (2) Крит находился достаточно далеко от Итаки, так

что едва ли бы на Итаке нашелся человек, который мог бы изобличить Одиссея во лжи.

Ст. 272. ...финикийских людей благородных... — Финикийцы славились в древней Греции морской торговлей и пиратством. Характеристика их здесь как *благородных* (ἀγαθοί) является омертвевшим эпитетом и расходится с рассказами Одиссея (14. 288—297) и Евмея (15. 419—484).

Ст. 287 сл. ...щеки...рукой потрела... — См. 4. 610 и примеч. Здесь в оригинале сказано: «приласкала его рукой», т. е., вероятно, погладила по плечу рукой.

Ст. 293—295. В переводе упреки Афины несколько преувеличены. В оригинале сказано: «Ты всегда один и тот же, богатый на выдумки, ненасытный в обмане; даже находясь на своей земле, ты не хочешь отказаться от обманных и скрытных слов, которые тебе изначально любезны».

Ст. 316 сл. = 3. 130 сл.

Ст. 317. Мы к кораблям возвратились... бог разлучил нас. — Неточный перевод. В оригинале: «отправились назад на кораблях, а бог рассеял ахейцев».

Ст. 322 сл. ...меня ты // Словом... ободрила... — Аристарх считал эти стихи интерполяцией: в тексте нигде нет указаний на то, что Одиссей узнал Афины, когда она встретила ему в образе девушки в стране феаков (7. 14—77).

Ст. 335. Ты ж, Одиссей, не спеши узнавать... — Смысл оригинала другой: Одиссей ничего не спрашивает о своей супруге, желая сам ее испытать. Таким образом, Афина предполагает в Одиссее определенный образ мыслей, а не дает ему совета, как в переводе. Мотив испытания супруги достаточно распространен в сказке о возвращении мужа; здесь он, однако, входит в противоречие со следующими словами Афины. Античная критика считала ст. 333—338 позднейшей интерполяцией.

Ст. 337 сл. = 11. 182 сл. = 16. 38 сл.

Ст. 342 сл. = 11. 102 сл.

Ст. 343. ...умерщвлением... — В оригинале: «ослеплением».

Ст. 347 сл., равные 103 сл., отсутствуют в лучших рукописях. Не было их и в некоторых античных изданиях. Ст. 349 в оригинале начинается со слов: «Вот и тот грот, где ты...»

Ст. 363. ...пространного грота... — В оригинале определение θεοπέσιος «божественный», которое может иметь и переносное значение «величественный», но здесь употреблено в прямом смысле, так как грот посвящен нимфам (ст. 103 сл.).

Ст. 363 сл. Должен... Спрятать... — В оригинале глагол выражает побуждение, обращенное к обоим: «давай сложим». Афина так же принимает непосредственное участие в работе (ст. 370), как в 19. 33 сл.

Ст. 380 сл. = 2. 91 сл.

Ст. 385. Если бы вовремя... ты... не открыла... — Создается впечатление, что автор забыл о пророчестве, которое Одиссей получил от тени Тиресия.

Ст. 397 сл. ...чтоб не был никем ты // Узнал... — Обязательной составной частью мотива «муж на свадьбе своей жены» (см. статью «Одиссея» — фольклорное наследие...», § 2) является неузнаваемость вернувшегося супруга: либо он оброс длинными волосами и бородой, либо поменялся с кем-нибудь одеждой и т. д. Конечно, облик Одиссея за 20 лет и без того изменился, так что его нельзя было бы узнать и без дополнительной маскировки, но эпос требует от своих героев сохранения ими в любых условиях благородной внешности и осанки. Отсюда — необходимость вмешательства Афины.

Ст. 399. ...*златотемные кудри*... — Это определение составляет известное противоречие с 16. 176, где у Одиссея появляется черная борода. Впрочем, такой недосмотр можно не вменять в вину автору, занятому подготовкой решающих событий.

Ст. 403. ...*будешь противен*. — Преувеличение переводчика. В оригинале: «ты покажешься безобразным», что не помешает Пенелопе вести с нищим доверительную беседу (19. 53—308, 508—604).

Ст. 404 сл. = 15. 38 сл.

Ст. 407. *Встретишь его ты у стада свиней*... — Недосмотр автора: Одиссей застает Евмея в его доме (14. 5).

Ст. 412. *Тюю порою*... — В оригинале сказано: «Там оставайся и обо всем расспроси, пока я приду в Спарту и позову Телемаха...» Как видно из начала кн. 15, Афина является во сне Телемаху только на исходе ночи, незадолго до рассвета следующего дня (ст. 50—56), т. е. после того как Одиссей уже успел прийти к Евмею, рассказать свою вымышленную историю и уснуть. О том, почему Афине потребовалось столько времени, чтобы добраться с Итаки в Спарту, см. вступительную статью, примеч. 19, и 2. 292 с примеч.

Ст. 422 сл. ...*чтоб людей посмотрел*... — Добавление переводчика. *Нажил великую славу*... — См. 1. 93 и примеч.

Ст. 425. ...*женихи стерегут*... — См. 4. 842—847; 14. 180—182.

Ст. 426—428 = 15. 30—32.

Ст. 429. ...*фрикоснулася тростью*. — Т. е. волшебным жезлом, которым по законам волшебной сказки пользуются в поэме Цирцея (10. 238, 293, 319) и еще два раза сама Афина (16. 172, 456).

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Встреча Одиссея с Евмеем

Ст. 3. ...*свинопас богоравный*... — Определение объясняется тем, что автор либо пользуется высоким стилем, либо имеет в виду благородное происхождение Евмея (см. 15. 412—414), как и ниже, ст. 18, — женихов.

Ст. 8. ...*не спросясь*... — Усиленный перевод предлога *вооφiv* со значением «вдалеке, без, помимо».

Ст. 13—15. ...*двенадцать*... *закут*... *свиней*... *пятьдесят*... — Круглые цифры, как и ниже, 100 сл.: по 12 стад коров, овец и свиней. Ср. также 7. 103; 22. 421—424: по 50 рабынь во дворцах Алкиноя и Одиссея; 20. 106: двенадцать рабынь на мельнице в доме Одиссея.

Ст. 18. ...*богоравные*... — См. примеч. к 1. 29.

Ст. 22. ...*повелитель мужей*... — Видимо, тот же случай, что и выше, ст. 3: возвышенный стиль перенесен и на свинопаса, как в дальнейшем на коровника Филойтия (20. 185).

Ст. 31. ...*но из рук уронил он*... — Неточный перевод: Одиссей сознательно выпустил из рук посох, чтобы не дразнить собак.

Ст. 37. ...*когда б опоздал б минути*... — Модернизм переводчика: греки не знали счета на минуты. В оригинале: «ненамного». См. также 21. 243 = 392, где в оригинале вообще нет никакого указания на время.

Ст. 46. ...отдохнувши, ты скажешь... — См. I. 122 и примеч.

Ст. 50. Сучьев... — Точнее: «ветвей», срубленных с кустарника. См. 16. 47.

Ст. 55. ...ты, Эвмей... — Обращение автора к действующему лицу, ограниченное в «Одиссее» только личностью Евмея в трех следующих друг за другом книгах (14—16).

Ст. 57 сл. — Ср. 6. 207 сл. и примеч.

Ст. 59. Слишком же щедрыми... — Добавление переводчика.

Ст. 62. ...меня б он устроил... — Речь идет о некоем подобии отпущения на волю, которое вполне согласуется с патриархальным характером гомеровского рабства. Ср. 21. 214 сл. ...невесту с богатым приданым... — В оригинале: «многосватаную». Раньше этот эпитет был употреблен применительно к Пенелопе (4. 770, ср. 21. 149), так что Евмей высказывается языком героического эпоса.

Ст. 71. ...неволей... — Добавление переводчика, имевшего в виду версию, согласно которой Одиссей старался избежать участия в походе под Троию. В гомеровском эпосе этот вариант игнорируется, чтобы не нанести ущерб героическому облику Одиссея. См. 24. 116—119 и примеч.

Ст. 82. ...не страшась никакого за то наказанья... — В оригинале более тонкая нюансировка: «не помышляя ни о мести (со стороны богов), ни о сострадании». В первом случае имеется в виду осуждение извне, во втором — нравственный уровень самих женихов.

Ст. 90 сл. ...как прилично, Весть сватовство не хотят... — Т. е. обратившись к отцу Пенелопы и принося ему дары, вместо того чтобы истреблять чужое имущество. См. 2. 52 сл.

Ст. 97—104. ...черного Зама... — В оригинале нет указания на этот остров, а противопоставляются Итака и материк. Слово «материк» опущено переводчиком также в ст. 100, отчего меняется смысл оригинала. Здесь Евмей называет по 12 стад крупного рогатого скота, овец, свиней и коз, которых пасут на материке собственные пастухи Одиссея и наемные работники. На самой же Итаке (в оригинале: «здесь же»), на ее окраинах, пасутся еще 11 козьих стад и те свиньи, которыми ведает Евмей. ...особые... козоводы... — В оригинале: «прилежные», «лучшие в своем роде».

Ст. 112. Кубок... хозяину подал... — В знак благодарности и особого расположения. Ср. 13. 57.

Ст. 117. ... за обиду отмщая Атрея сына... — Перевод дает основание понять эти слова так, будто Одиссей погиб ради Менелая, мстя за похищение Елены. В оригинале смысл другой: «ради чести (удовлетворения) Агамемнона» (та же формула — в ст. 70) как верховного предводителя ахейского войска.

Ст. 145—147. ...его... не могу называть я... — Считая Одиссея погибшим, Евмей остерегается называть его по имени, то ли чтобы не напоминать о его смерти, то ли чтобы не тревожить душу покойника. ...братом... его... называю... — Перевод, основанный на том, что в «Илиаде» (VI. 518; X. 37; XXII. 229) прилагательное ἠθεῖος употребляется в обращении младшего брата к старшему. Однако обращение ἠθεῖε значит скорее «любимый», «дорогой». Так, согласно оригиналу, и здесь: «я называю его своим дорогим (господином), хоть и в его отсутствие». О «братских отношениях» с хозяином свинопас не помышляет, даже если он «богоравный».

Ст. 154. Платье тогда подаришь мне, хитон и хламиду... — Формульный стих (= 16. 79 = 17. 550 = 21, 339; ср. 14. 396), отсутствующий в большинстве рукописей; здесь, вероятно, интерполяция.

Ст. 156. ...ненавистней... ненавистных... — Игра слов, внесенная переводчиком. В оригинале Аидовы врата не имеют определения.

Ст. 158 сл. = 17. 155 сл. = 20. 230 сл. Ср. 19. 303 сл.

Ст. 160—162 = 19. 305—307. *Прежде, чем солнце окончит свой круг...* — Т. е. еще до окончания этого года. *Прежде, чем месяц... сменит... будет...* — Не совсем точный перевод. В оригинале говорится: «в день, когда один месяц исчезает, а другой возникает», т. е. в новолуние.

Ст. 181. *Ждут женихи...* — Автор второй раз (см. 13.425—428) возвращается к ситуации, описанной в 4. 842—847, чтобы восстановить в памяти слушателей ранее происшедшие события.

Ст. 187—190 = 1. 166—169.

Ст. 189 сл. = 16. 58 сл. = 223 сл.

Ст. 195. *...на просторе...* — Т. е. «в покое», «в тишине».

Ст. 200—204. Вымышленное происхождение Одиссея, как и его тяга к приключениям, напоминают реальную биографию поэта Архилоха (ст. 680—640). Видимо, ситуация была достаточно типичной для конца 8 — первой половины 7 в.

Ст. 232. *Лучшее брал я себе...* — Ср. 9. 160, 550 сл.

Ст. 235 сл. *...фоковой... Путь...* — В оригинале: «страшный».

Ст. 239. *...мы властью народа окованы были.* — В оригинале нет ничего о власти народа. Смысл оригинала в том, что в случае отказа от участия в походе им угрожало моральное осуждение со стороны народа.

Ст. 257. *Дней через пять...* — Точнее: «на пятый день». *...к водам... потока Египта...* — См. 4. 477 и примеч.

Ст. 258—272 = 17. 427—441.

Ст. 262. *...в них...* — Не у отправившихся в разведку, а у оставшихся сторожить корабли.

Ст. 282. *...смертию мне угрожавших...* — В переводе пропущена характеристика египтян, которые были готовы убить Одиссея, «ибо они были очень разгневаны».

Ст. 285. *Целых семь лет...* — Тот же фольклорный срок, которым определяется пребывание Одиссея у Калипсо (7. 259). Ср. семидневный период в 10. 80 сл.; 12. 397—399; 14. 249—252; 15. 476 сл.

Ст. 293 сл. = 11. 294 сл.

Ст. 299 сл. *Мы с благосклонно-попутным... Бореем // Плыли...* — Чтобы попасть из Финикии в Ливию, придерживаясь берегов (а такова была обычная практика греческих мореходов), помощь Борея требовалась только до достижения Газы, т. е. крайней юго-восточной точки Средиземного моря. Дальше морякам нужен был восточный ветер Нот. *...Крит был за нами...* — Для мореходов, плывущих в Ливию, расположенную на южном берегу Средиземного моря, Крит всегда оказывался «позади». Какое, однако, это могло иметь значение при огромном расстоянии между двумя этими точками? По-видимому, представление автора о юго-восточном Средиземноморье не отличалось достаточной определенностью.

Ст. 301—304 = 12. 403—406.

Ст. 305—309 = 12. 415—419.

Ст. 318—320. *Сыном его был... встречен...* — В основе этого эпизода лежит воспоминание Одиссея о его встрече с Навсикаей незадолго до возвращения на Итаку.

Ст. 322. *...гостил у него он...* — В послегомеровском эпосе существовала версия о пребывании Одиссея в стране феспротов после возвращения на Итаку. Здесь, в вымышленном рассказе «нищего», оно приурочено к странствиям Одиссея до прибытия на Итаку.

Ст. 325—330 = 19. 294—299.

Ст. 331—335 = 19. 288—292.

Ст. 348. ...самими богами избавлен. — Вмешательство чудесного пособника (в данном случае — не называемых точнее богов) — типичный ход волшебной сказки.

Ст. 349. Голову платьем... обернувши... — Чтобы оно не мешало плыть и оставалось сухим.

Ст. 361. ...возмутил... — Т. е. взволновал.

Ст. 368—371 = 1. 234—237. Впрочем, ст. 369 сл. отсутствуют во многих рукописях.

Ст. 378—385. Повторение в развернутой форме мотива, намеченного выше, ст. 124 сл.

Ст. 379. Этольский — Т. е. из Этолии, области на западе Средней Греции.

Ст. 386. ...нам посланный Дием... — Неточный перевод. В оригинале Евмей говорит: «коль скоро привел тебя ко мне демон». См. 2. 135 и примеч.

Ст. 421. (Сердцем он набожен был)... — Модернизм переводчика: принесение богам жертвы — обязательная часть пиршественного ритуала. В оригинале сказано: «не забыл свинопас и о богах, ибо ему были свойственны благородные мысли».

Ст. 435. Первую... вторую... — В оригинале сказано: «первую посвятил нимфам и Гермесу». Нимфам — как местным божествам Итаки (см. 13. 104, 335—360; 17. 211, 240—243), Гермесу (Эрмию) — как покровителю путешественников. См. также 16. 472 и примеч. Так как у Евмея было четверо помощников (см. выше, ст. 26), то оставшиеся 6 частей как раз делятся между ними, самим Евмеем и Одиссеем.

Ст. 448. ...сел за прибор свой... — Модернизация. В оригинале сказано: «сел около своей доли», т. е. у стола там, где Евмей положил выделенную Одиссеем хребтовую часть.

Ст. 451. — См. ст. 8 и примеч.

Ст. 453 сл. = 1. 146. См. примеч.

Ст. 476—489. Ветер с морозом... — В «Илиаде» тяготы войны, связанные с непогодой, никогда не упоминаются. Рассказ Одиссея — еще один пример дегероизации, свойственной всей поэме. Хрусталем... (ст. 477) — Модернизм переводчика. В оригинале назван лед.

Ст. 482. Пояс — вероятно, отделанный металлическими пластинками передник, употреблявшийся в микенские времена.

Ст. 483. — См. примеч. к 12. 312.

Ст. 510 сл. = 6. 192 сл.

Ст. 514. ...у каждого только одно... — Как видно из ст. 521 сл., у Евмея есть все же и запасной плащ (хлена). ...он его до износа... — Расширенный образ оригинала, где сказано: «не много у нас... на смену».

Ст. 515—517 = 15. 337—339. Впрочем, в кн. 14 эти стихи отсутствуют в лучших рукописях и являются, возможно, интерполяцией.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

Прибытие Телемаха к Евмею

Ст. 1. Тою порой... — В оригинале здесь, как и в 13. 412 (см. примеч.), нет указания на одновременность действия, а сказано лишь: «Афина же отправилась...» —

разумеется, по прошествии ночи, которая отделяет кн. 15 от кн. 14. Со ст. 56 начинается следующий за тем, 36-й день повествования (ст. 57—188). Если в некоторых комментариях делается попытка вместить 15. 1—388 в тот же 35-й день, который Одиссей приводит у Евмея, то это явно противоречит тексту кн. 13: пока Одиссей проснулся на Итаке, разговаривал с Афиной и переносил в пещеру подарки, давно наступил день, и Афина, чтобы явиться во сне Телемаху, должна была дожидаться следующей ночи. У Жуковского в подзаголовке «Песни 15» значится: «Тридцать пятый и тридцать шестой день. Утро тридцать седьмого» — соответственно, следует читать: «...Утро тридцать восьмого» и далее по всему оглавлению делать сдвиг на один день вплоть до «Песни 24»: «Сорок первый день».

Ст. 11—13 = 3. 314—316.

Ст. 15 сл. ...*без порока заставить Пенелопу...* — Перевод внушает подозрение, что Пенелопа в отсутствие Телемаха может решиться выйти замуж за кого-нибудь из претендентов. В оригинале мысль другая: «чтобы ты мог заставить еще дома непорочную Пенелопу». ...*отец уж и братья...* — Мотив, ранее нигде не упоминавшийся. Вся речь Афины (ст. 16—26), находящаяся в полном противоречии с образом Пенелопы, является, вероятно, средством побудить Телемаха к скорейшему возвращению домой.

Ст. 30—32 = 13. 426—428.

Ст. 33. ...*от обоих держась островов в отдаленье...* — Как видно, Афина советует Телемаху не входить в пролив между Замом (Кефалленией) и Итакой, где поджидают его женихи (4. 844—847), а пристать на северном побережье Итаки. Чтобы осуществить этот план, есть две возможности. (1) Обогнуть с запада Зам, для чего надо пройти около 30 км открытым морем от Киллены на побережье Элиды до Зама и совершить достаточно длинный переход вдоль его берегов. (2) Пройти вдоль побережья Элиды на северо-восток от Киллены, пересечь вход в Калидонский залив и вдоль Эхинадских островов (см. примеч. к ст. 299) подойти к Итаке с востока. Все эти выкладки имеют смысл только в том случае, если мы предположим достаточное знакомство автора «Одиссеи» с географией западной Греции. Вполне возможно, однако, что этим знанием он не располагал и над деталями плана, предложенного Афиной, вовсе не задумывался: ему важно было только не допустить встречи Телемаха с женихами.

Ст. 38 сл. = 13. 404 сл.

Ст. 63. Отсутствует в большинстве рукописей и, вероятно, является интерполяцией.

Ст. 64. ...*богоизбранный...* — См. 4. 156 и примеч.

Ст. 70. ...*безмерною... безмерно...* — Перевод воспроизводит стилистическую фигуру оригинала.

Ст. 113—119 = 4. 613—619. Отсутствие ст. 113—119 в нескольких папирусах и ряде рукописей побуждает некоторых исследователей постулировать здесь интерполяцию. Однако повторение групп стихов в тот момент, когда повествование возвращается к ранее описанной ситуации, — достаточно частый прием эпической техники.

Ст. 134. ...*по порядку...* — Добавление Жуковского. См. 7. 98 и примеч.

Ст. 135—139 = 1. 134—138. См. примеч.

Ст. 145 сл. = 190 сл. = 3. 492 сл.

Ст. 180 сл. = 8. 465 + 467.

Ст. 184—192 = 3. 486—494. См. примеч.

Ст. 193. ...до великого... *зрада*... — Собственно: до «высокого», т. е. расположенного на крутом склоне холма, вершину которого в микенское время увенчивал дворец.

Ст. 213. ...*прибежит*... — Несколько преувеличенная характеристика образа действий престарелого Нестора. В оригинале сказано: «но сам сюда явится, чтобы пригласить...»

Ст. 223—278. Эти стихи аналитическая критика считала позднейшей вставкой, так как в них слишком много места уделяется происхождению Феоклимена, якобы не играющего в дальнейшем существенной роли. С последним доводом согласиться трудно, так как именно Феоклимену принадлежат прорицания, предвещающие возвращение Одиссея и гибель женихов: 17. 155—161 и особенно мрачное 20. 350—372, непосредственно предшествующее расправе с женихами. Однако верно, что генеалогия Феоклимена дана с такой подробностью, которой ни в «Илиаде», ни в «Одиссее» не достаивается ни один второстепенный персонаж. Таким образом, вполне возможно, что ст. 225—255 являются более поздним дополнением вместо нескольких стихов, в которых в разумных пределах излагалась родословная Феоклимена.

Ст. 225. *Меламп* — см. 11. 289 и примеч. Впрочем, остается неясным, за что он был гоним Нелеем и как он ему отомстил.

Ст. 235. *Кера* — олицетворение смерти.

Ст. 244—247. *Амфиарей* — см. СМС. ...*волнователь народов*... — т. е. побуждающий народ к битве.

Ст. 250 сл. *Клита похитила... Эос*... — как и Ориона, см. 5. 121.

Ст. 254 сл. ...*раздраженный // Против отца*... — Намек на какой-то неизвестный миф.

Ст. 263. *Мне на вопрос отвечай*... — Странная просьба со стороны прорицателя, который сам должен знать, кого он встретил.

Ст. 273 сл. *Муж умерщвлен*... — О ком идет речь, неизвестно, но ясно, что Феоклимен спасается от кровной мести со стороны сродников и братьев убитого. В то же время в другой земле убийцу никто преследовать не будет — см. 280—283.

Ст. 287—291 почти = 2. 422—426. Формульным характером этого текста объясняется, что здесь гребцы поднимают парус прежде, чем корабль вышел в открытое море и подчинился попутному ветру.

Ст. 295. *Круно* — небольшая река в Элиде. *Халкис* (правильнее: Халкида) — река и небольшое поселение там же, недалеко от Крун. Впрочем, в большинстве рукописей этот стих отсутствует.

Ст. 297. *Феа* (в оригинале форма множественного числа: Феи) — пристань в южной Элиде.

Ст. 299. *Острые... острова*... — Страбон (X. II. 19) отождествлял их с Эхинадскими островами (см. примеч. к ст. 33), расположенными напротив устья р. Ахелоя (юг Акарнании).

Ст. 305. ...*пригласит ли... остаться*... — Т. е. на третью ночь.

Ст. 329. ...*до железного неба*... — См. примеч. к 3. 1.

Ст. 330. ...*рабы*... — Добавление переводчика. В оригинале здесь и в ст. 333 речь идет о наемных прислужниках. О таком статусе говорил выше и Одиссей (ст. 324).

Ст. 337—339 = 14. 515—517.

Ст. 345. *Бедных, которым бродить суждено по земле без приюта*... — Отсутствует в одной хорошей рукописи и добавлен на полях в двух других. Здесь он и в самом деле лишний, так как мысль целиком выражена в ст. 343 сл.: «нет для людей ничего

хуже скитания; ведь ради ненавистного желудка терпят они тяжкие беды». После этого ст. 345 («люди, которым выпали скитание, страдание и горе») — не более чем тавтология.

Ст. 363. *Климена*, сестра Одиссея, как и ее сестры, упоминается только здесь.

Ст. 373. ...*добрых людей*... — В оригинале *ἰδοῦσιν*, «тех, кто возбуждает *ἰδῶς*» — «почитание», «уважение», т. е. чужеземцев и молящих, которым покровительствует Зевс.

Ст. 388. *Мужу тому*... — Лаэрту.

Ст. 399. *Память минувших печалей*... — Общее место гомеровской эстетики, что сладостно воспоминание и о горестях, пережитых в прошлом. Однако добавление переводчика *веселым*... *разговором* в этом случае неуместно.

Ст. 403. *Сира* (в оригинале: Сирия) — в рассказе Евмея, вероятно, соответствует острову Сиру, расположенному западнее острова Делоса. Здесь он, однако, наделен чертами сказочного идеального царства. Ср.: Гесиод, *Тид*, 113—120.

Ст. 410 сл., 478 — См. 3. 280 и примеч.

Ст. 414. *Сын Орменонов*... — Правильнее: «Орменов».

Ст. 437 сл. — См. 10. 345 сл. и примеч.

Ст. 451 сл. ...*со мною гулять*... *он*... *Ходит*... — Модернизация, создающая представление о финикийке как няньке, гуляющей с ребенком. В оригинале: «я смотрю во дворце за мальчиком, настолько смысленным, что он бегает за мной из дому».

Ст. 460. *Крупный электрон, направленный в золото*... — Неточный перевод. В оригинале речь идет о золотом ожерелье с нанизанными кусочками янтаря (электра). ...*с чудным искусством*... — Добавление Жуковского.

Ст. 467. ...*царских вельмож*... — Модернизация. В оригинале: «приглашенных на пир мужей, которые окружали моего отца», т. е. старейшин.

Ст. 469. ...*под платьем*... — См. примеч. к 3. 154.

Ст. 477. ...*как то предназначено было Зевсом*... — Неточный перевод. В оригинале: «когда Зевс Кронид даровал седьмой день, тогда Артемида...»

Ст. 479 сл. ...*упала морскою // Курицей*... — Т. е. как подстреленная птица.

Ст. 491. *С нежной заботой*... — Несколько преувеличенный перевод. В оригинале: «заботливо».

Ст. 519. ...*Эвримах благородный*... — Может показаться странным, что Телемах советует Феоклимену искать приюта у одного из самых наглых женихов. Однако Евримах ничего не знает о близости Феоклимена к Телемаху и, как человек знатного происхождения, обязан оказать гостеприимство страннику. С другой стороны, после неблагоприятного для женихов прорицания Феоклимена (ст. 531—534) Телемах меняет свое намерение и поручает Феоклимена заботе своего надежного спутника *Пирея* (ст. 544—543).

Ст. 520. *Смотрит*... *народ, как на бога*... (в оригинале: «равного богу»). — Либо имеется в виду происхождение Евримаха (все знатные — «богоравные»), либо Телемах констатирует это с горечью. ...*с почтеньем великим* — тем более излишнее добавление переводчика.

Ст. 526. ...*посол Аполлонов*... — Т. е. посол бога, дающего людям прорицания, в том числе — и по полету птиц. Вообще же вещей птиц посылает обычно Зевс. См. выше, 2. 146; 15. 160—168; Ил. XXIV. 314—321.

Ст. 536—538 = 17. 163—165 = 19. 309—311.

Ст. 547—549 = 9. 177—179.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Узнавание Одиссея Телемахом

Ст. 10. *Махут хвостами...* — Устами Одиссея говорит поэт: сам Одиссей не может видеть этого, находясь в доме.

Ст. 11. *...в двери вошел...* — Точнее: «остановился в прихожей». *...он увидел...* — Напрасное добавление переводчика: Одиссей, оставивший сына младенцем, не мог узнать его в Телемахе, пока Евмей не назвал его по имени в ст. 23.

Ст. 22—24 = 17. 40—42.

Ст. 31. *...отец...* — В оригинале ласковое *πάτερ* «батюшка».

Ст. 37—39 = 11. 181—183.

Ст. 38 сл. — Ср. 13. 337 сл.

Ст. 41. *В дом тут вступил...* — Т. е. вошел из прихожей, где происходил разговор с Евмеем.

Ст. 54 сл. = 1. 146. См. примеч.

Ст. 58 сл. = 14. 189 сл.

Ст. 64. *...соткано было.* — Обычно говорится о Мойрах (ср. 7. 197 сл. и примеч.), но иногда, как здесь, переносится на всех богов (в оригинале: «что выпрыгало ему божество», *δαίμων*). Ср. 1. 17 и примеч.

Ст. 75 сл. = 19. 527 сл.

Ст. 77. *...дары ей... приносит...* — Скорее всего, не ей, чего нет в оригинале, а отцу, который и здесь мыслится живущим на Итаке. Ср. 2. 196 сл. См., впрочем, 18. 279—303, где подарки принимает сама Пенелопа.

Ст. 95 сл. = 3. 214 сл.

Ст. 107—109 = 20. 317—319.

Ст. 118 сл. *Сын... Сын...* — В оригинале тройная анафора, с которой начинают ст. 118—120: *μόνον* «одного лишь родил...».

Ст. 122—128 = 1. 241—247; ст. 122 сл. = 19. 130 сл.

Ст. 170. *Вместе подите немедля вы в город...* — Перевод усиливает значение оригинала, где сказано: «...как, уготовив женихам смерть и гибель, вам явиться в славный город (т. е. вместе или врозь)». *Немедля* — добавление переводчика, противоречащее ст. 270—273.

Ст. 176. *Черной... бороною...* — См. 13. 399 и примеч.

Ст. 206 сл. *...через двадцать // лет...* — Точнее: «на двадцатом году». То же самое в 17. 326 сл.; 19. 484 сл.; 21. 208 сл.; 23. 102 = 170; 24. 322 сл.

Ст. 233 сл. = 58 сл.

Ст. 230 сл. = 13. 135 сл. с заменой глагола.

Ст. 246. *Всех перечесть... я могу...* — Поименный список всех женихов дает Аполлотор, Эп. VII. 27—30, чьи цифры, однако, расходятся с гомеровскими. У Аполлодора общее число женихов достигает 136 (против 108 в «Одиссее»). Источник этих данных и списка в целом не ясен.

Ст. 253. *Двое рабов...* — В оригинале: «слуг», «прислужников».

Ст. 277. *...хотя бы в меня чем швырнули...* — Одиссей предвосхищает поведение женихов. См.: 17. 230—233, 279, 283, 462—464; 18. 394—396; 20. 299—301.

Ст. 281—298. Были заподозрены еще Зенодотом и Аристархом в неподлинности, основанием для чего, в частности, служило полное совпадение ст. 286—294 с

19. 5—13. В самом деле, Одиссей предвеляет здесь в тех же самых словах распоряжение, которое он впоследствии отдаст тому же Телемаху, — необычный случай использования техники повторов, вообще характерной для эпоса. К тому же в кн. 19 это, значительно более уместное, распоряжение тут же приводится в исполнение (ст. 31—34). Наконец, ст. 295—298 явно не учитываются в 22. 100—105: напротив, только здесь Телемах отправляется в помещение, где хранятся доспехи, и приносит копья, щиты и шлемы для Одиссея и его помощников. Таким образом, в кн. 16 мы имеем дело либо с остатком ранней версии, которую автор модифицировал в начале кн. 19, чтобы создать в дальнейшем дополнительное нарастание напряжения в сцене избития женихов, либо с более поздней вставкой, для введения которой в ст. 281 была использована та же формула, что в ст. 299.

Ст. 287 сл. *В палате // Дымно...* — Так как в мегароне (*палате*) обжаривали мясо зарезанных животных. Ср. 18. 307—310.

Ст. 294. *...роковое железо...* — Как правило, герои эпоса знают только оружие, изготовленное из бронзы (исключения — Ил. IV. 123; VII. 141). Поговорочный характер этого выражения показывает, что оно возникло в более позднюю эпоху, когда при изготовлении оружия бронза уступила место железу.

Ст. 320. *...знак...* — Т. е. предзнаменование победы в борьбе с женихами.

Ст. 336 сл. *Вслух... сказал... «Прибыл... царица»...* — Редчайший в эпосе пример сообщения, уместящегося в один стих и к тому же не предвараемого описанием того, где и в каком виде застал вестник адресата.

Ст. 346 сл. почти = 4. 663 сл.

Ст. 366. *Друг подле друга...* — Употребленное в оригинале прилагательное *ἑτασούτεροι* «близкие друг к другу» может, вероятно, означать и «друг за другом», т. е. сменяя друг друга. В сочетании с указанием на вершины второе толкование представляется предпочтительным. Тогда отпадает и стоящее в переводе *толпою*.

Ст. 391 сл. = 21. 161 сл.

Ст. 414—416 = 18. 208—210.

Ст. 422. *Зачем ты сирот притесняешь...* — Неточный перевод. В оригинале: «почему ты не заботишься о просящих (защиты)?», которым покровительствует Зевс (ср. 6. 207 сл. и примеч.). Неясно, однако, что имеет в виду Пенелопа. Далее она вспоминает, как Одиссей спас от народного гнева отца Антиноя, и, может быть, хочет сказать, что Антиной обязан так же охранять семью Одиссея, как сам Одиссей некогда защитил его отца? Ср. 423: «нечестиво замышлять зло по отношению друг к другу».

Ст. 434 сл. = 21. 320 сл.

Ст. 448. *...а мыслил иное.* — Смягченный перевод. В оригинале: «сам же ему (Телемаху) готовил гибель».

Ст. 450 сл. — См. I. 356—360 и примеч.

Ст. 471. *...на вершине Эрмейского холма...* — В оригинале: «когда я шел уже за пределами города, (там), где находится холм Гермеса...», т. е. на обратном пути (см. ст. 341, 352: Евмей уже ушел, когда в гавань входил корабль с женихами). Таким образом, *к городу близко уже* — недосмотр переводчика. Другое его добавление — *на вершине*. Его можно принять в том случае, если имеется в виду некий холм, посвященный Гермесу, хотя ранее нигде не упоминавшийся (и то неясно, зачем Евмею затруднять себе путь, поднимаясь на холм?). Существует поэтому другое толкование сочетания *Ἐρμῆος λόφος*. Под ним некоторые исследователи понимают

грудю камней, которую моряки и странники воздвигали Гермесу в благодарность за благополучное возвращение: к поставленной вертикально плоской каменной плите каждый, кто желал почтить бога, добавлял несколько камней (Ср. у Пушкина: «И гордый холм возвысился...»). Забираться на вершину такого холма было бы и вовсе святотатством.

Ст. 474. ...*деуострыми копями*... — Т. е. с плоскими наконечниками, заостренными с двух сторон.

Ст. 481. ...*и сна благодать ниспослала им боги*. — Добавление переводчика. В оригинале: «и насладились даром сна».

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ

Возвращение Телемаха на Итаку

Ст. 3. ...*золотые*... — В оригинале: «красивые». Золотые сандалии — обувь богов: 1. 94; 5. 44.

Ст. 6. ...*отец*... — См. 16. 31 и примеч.

Ст. 22. ...*мой прекрасный*... — Добавление переводчика. Ср. 16.91, где такому же обращению в переводе соответствует в оригинале «милий». Здесь же и вовсе сказано: «однако иди».

Ст. 25. См. примеч. к 5. 466—469.

Ст. 28. ...*беспрепятственно*... — Добавление Жуковского, видимо желавшего подчеркнуть, что женихам не удалось устранить Телемаха. См. то же в ст. 85, хотя и с меньшим основанием.

Ст. 36 сл. = 19. 53 сл.

Ст. 39. ...*руки*... — Добавление переводчика: руки целуют низшие по своему социальному статусу высшим. Ср. 16. 15. Выше, ст. 35, *руки* тоже добавлены переводчиком, но там нет противоречия с положением Телемаха среди рабынь.

Ст. 40—42 = 16. 22—24.

Ст. 48 сл. = 4. 750 сл. Впрочем, ст. 49 отсутствует в большинстве рукописей.

Ст. 87—89 = 4. 48—50. См. примеч.

Ст. 91—95. — См. примеч. к 1. 134—138.

Ст. 101—103 = 19. 594—596.

Ст. 117. ...*кованой*... — В оригинале «крепкосколоченной», что, естественно, больше подходит к деревянной колеснице.

Ст. 118 сл. ...*Елену... многих ахеян... погубившую*... — Не вполне точный перевод. В оригинале: «ради которой аргивяне и трояне вынесли много бед», так как такова была воля богов, а не субъективное желание Елены.

Ст. 121—141 = 4. 333—350.

Ст. 143—146 = 4. 557—560 = 5. 14—17. См. примеч.

Ст. 148 сл. = 4. 585.

Ст. 155 сл. = 14. 158 сл. См. примеч.

Ст. 160. ...*вблизи корабля*... — В оригинале: «находясь на корабле», что противоречит описанию в 14. 499, 527 сл. Переводчик стремился устранить небольшую несогласованность, достаточно частую в эпосе.

Ст. 163—165 = 15. 536—538 = 19. 309—311.

Ст. 166—169 = 4. 620 + 625—627.

Ст. 178 сл. = 85 сл.

Ст. 179—181 = 20. 249—251.

Ст. 197 сл. = 18. 108 сл.

Ст. 202 сл. = 24. 157 сл.

Ст. 207. *Итак, Нерион* (в оригинале: Нерит) и *Поликтор* — Не считая последнего, чьим сыном является один из женихов — Писандр (18. 299), эти местные герои (в античном значении слова, т. е. обожествленные смертные) больше нигде в поэме не упоминаются.

Ст. 213 сл. = 20. 174 сл.

Ст. 217 сл. *...негодяй негодяй... равного с равным...* — Перевод воспроизводит стилистическую фигуру оригинала.

Ст. 221. *...об притолку...* — В оригинале речь идет о дверных косяках. То же самое — в ст. 340.

Ст. 226—228 почти = 18. 362—364.

Ст. 234. *Пяткою... толкнул...* — Удар, нанесенный Одиссею Меланфием, носит кощунственный характер, так как дело происходит у алтаря нимф — божеств, особо почитаемых на Итаке (ср. 13. 355—360).

Ст. 262. *Цитры глубокой...* — Определение *γλαφυρός*, прилагаемое обычно к кораблям («выдолбленный», «полый»), здесь, очевидно, указывает на цитру с особенно хорошим резонатором.

Ст. 289. *...корабли...* — пиратские.

Ст. 300. *...полумертвый...* — Смягченный перевод. В оригинале: «завшивевший».

Ст. 327. *Мега* (Мойра) — здесь в значении «смертной доли».

Ст. 337 сл. — 202 сл.

Ст. 347. *Нищему... быть неприлично.* — Судя по близости к Гесиоду, *ТцД*, 317—319, — поговорочный стих.

Ст. 360 сл. *...Афина... ему повелела...* — Частый в эпосе случай двойной мотивировки: приказание Одиссею исходит сначала от смертного (ст. 350—352), потом от богини. Ср. 21. 1—4 и примеч.

Ст. 375 сл. *...негодяй всем известный...* — Несколько преувеличенный перевод (в оригинале нет слова «негодяй»), хотя и соответствующий облику Антиноя. *Сволочь* — множество, орава.

Ст. 381. *...неразумное... молвил...* — Неточный перевод. В оригинале: «нехорошо ты говоришь, Антиной, хоть ты и знатный».

Ст. 398. *Друг...* — См. примеч. к 1. 385.

Ст. 419—424 = 19. 75—80.

Ст. 424 сл. *...святая // Воля...* — Модернизм, вводящий в греческий мир христианское представление. В оригинале: «так, видно, захотел Зевс».

Ст. 427—441 = 14. 258—272.

Ст. 443. *Дметор* — персонаж, более не известный.

Ст. 458 сл. = 18. 387 сл. с заменой имени собственного.

Ст. 462 сл. *...в спину // Подле плеча...* — По-видимому, Одиссеей, желая уклониться от удара, оказался стоящим в полоборота к Антиною, и удар пришелся в верхнюю часть спины, там, где она переходит в плечо.

Ст. 468 сл. = 18. 351 сл. = 21. 275 сл.

Ст. 494. ...его... — Т. е. Антиноя.

Ст. 515. *Три дня и три ночи...* — Эти слова Евмея порождают известную трудность в определении того, сколько дней провел Одиссей в его доме. Он попал туда в день прибытия на Итаку и провел там свой первый день, 35-й по ходу действия «Одиссеи» (вся кн. 14). 36-й день посвящен целиком путешествию Телемаха из Спарты до Феры (15. 1—188). На следующий, 37-й, день Телемах отбывает из Феры и, миновав Пилос, плывет на Итаку (15. 189—300), после чего автор возвращается к Одиссею, которому Евмей рассказывает свою историю (15. 301—494). Утром 38-го дня корабль Телемаха достигает Итаки, а сам он направляется к Евмею, где и происходит его встреча с отцом (15. 495—16. 320). Здесь же они оба остаются ночевать (16. 452—481). На следующий, 39-й, день Одиссей в сопровождении Евмея отправляется в город. Таким образом, получается, что Одиссей проводит у Евмея 35, 36, 37 и 38-й день, т. е. 4 дня и соответственно 4 ночи, из которых один день, 36-й, у него ничем не занят. Был ли автор «Одиссеи» обеспокоен этим противоречием? Едва ли. Похоже, что, говоря о днях, проведенных Одиссеем у Евмея, он имел в виду только те, которые были заняты действием и рассказами.

Ст. 522. *Одиссей... считается гостем...* — Об этом в рассказе Одиссея у Евмея ничего не было; автор подготавливает здесь слушателя к версии, которая будет изложена в кн. 19. 185—203.

Ст. 534—538 = 2. 55—59.

Ст. 545. ...зачихнул Телемах... — Имеется в виду свойственное многим народам представление, что чихание подтверждает верность сказанного. Ср.: Ксенофонт. Анабасис. III. 2, 9; Катулл. XLV. 8 сл., 17 сл.

Ст. 550. ...красивую обувь... — Дополнение переводчика, заимствованное из 21. 341. В оригинале Пенелопа говорит: «я дам ему хлену, хитон и добрую одежду», причем последний член перечисления можно рассматривать как приложение к двум предыдущим. Входило ли уже здесь в намерения Пенелопы дарить бродяге обувь, и тем более красивую, неизвестно.

Ст. 551 сл. почти = 348 сл.

Ст. 565. — См. 3. 1 и примеч.

Ст. 568 сл. *Промолчал и прекрасный Сын Одиссеев...* — В оригинале нет этой иронической интонации. Там сказано: «не защитил меня ни Телемах, ни кто-либо другой».

Ст. 606. ...темная ночь наступила. — Ошибочный перевод: ночь наступает значительно позже, 18. 306. Здесь же в оригинале сказано: «уже наступила поздняя часть дня», между обедом и вечером.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Кулачный бой Одиссея с Иром

Ст. 5. *Арнеон* (правильнее: Арней) — Возможно, говорящее имя, образованное от глагола ἀρνεύω «добывать». ...так матью назван... — Намек на то, что мать прижила его неизвестно от кого.

Ст. 6 сл. ...величала... его... — Имя Ир (Ἰρος) напоминает имя вестницы богов Ириды (Ἰρίς), так как Ир у всех... был на посылках.

Ст. 10. ...*старичишка*... — Усиленный перевод. В оригинале: «старче».

Ст. 21. ...*рыло*... — Вульгаризм переводчика, не свойственный языку эпоса. В оригинале сказано: «чтобы я не облил тебе кровью грудь и губы».

Ст. 34. *И с хохотом громким*... — Смех женихов (и одобряющей их действия служанки Меланфо) — своего рода лейтмотив этой книги (см. далее ст. 40, 100, 111, 321, 350), выдающий их наглое самодовольство. Другое еще более компактное лексическое гнездо с тем же содержанием — кн. 20. 346, 347, 358, 375 (в переводе: «издеваясь»), ст. 390 — предвещает их близкую гибель.

Ст. 68—70. Не совсем точный перевод создает впечатление, что Афина только увеличила рост Одиссея, а телосложение у него сохранилось, несмотря на его превращение в старого нищего. Смысл оригинала другой: обнаруженная Одиссеем физическая мощь явилась результатом вмешательства ставшей рядом с ним Афины («укрепила его члены»).

Ст. 84—87. ...*на твердую землю*... — На материк. *В крохи изрубит*... — В оригинале сказано более откровенно: «вырвав стыдную часть, отдаст ее сырой на съедение псам». См. примеч. к 22. 476.

Ст. 91. ...*чтоб издох*... — Вульгаризм переводчика (как и выше, ст. 21). В оригинале: «чтобы при падении его тотчас покинула душа».

Ст. 108 сл. = 17. 197 сл.

Ст. 115 сл. — См. выше, 84—87 и примеч.

Ст. 122 сл. = 20. 199 сл. ...*добрый*... — Добавление переводчика.

Ст. 136. *Так суждено*... — В оригинале сказано несколько иначе: «у живущих на земле людей бывает такое умонастроение, какое в (этот) день посылает отец богов и смертных».

Ст. 155. — См. 20. 392—394 и примеч.

Ст. 158—303. Сцена выхода Пенелопы к женихам давно служит предметом самых противоположных оценок: аналитики считают ее неумелой позднейшей интерполяцией, унитарии — образцом мастерства автора. Сомнение аналитиков вызывает главным образом решение Пенелопы выбрать себе наконец мужа (ст. 271—274), несовместимое с ее прежним отвращением к новому браку. В какой мере это может породить большее уважение к ней (ст. 160—162) со стороны сына и еще не узнанного мужа, в присутствии которого оглашается решение Пенелопы? И почему сам Одиссей, вместо того чтобы негодовать, радуется тому, как его супруга вынуждает женихов сделать ей подарки (ст. 281—283)? Унитарии, напротив, указывают, что действия Пенелопы продиктованы непосредственным вмешательством Афины (ст. 158 сл., ср. ст. 186), предвидящей дальнейшее развитие событий; в частности, в ст. 160—162 излагается намерение не Пенелопы, а Афины (в переводе придаточное, начинающееся с «дабы», следует подчинить глаголу «вложила»). Затем, расправа Одиссея с Иром дает повод Телемаху пожалеть такой же участи женихам (ст. 235—239), а ответ Пенелопы Евримаху (ст. 251—271) возвращает повествование о судьбе Одиссея к исходному пункту — его отправлению под Трою — и таким образом связывает с далеким прошлым ближайшее будущее, когда Одиссей даст узнать себя женихам и Пенелопе. Поскольку предположение об интерполяции почти в полторы сотни стихов, затрагивающей главных героев поэмы, представляется маловероятным, высказывается мнение, что обсуждаемая сцена была заимствована автором из более ранней версии, где Одиссей уже успел открыться Пенелопе и поделиться с ней своими

планами в отношении женихов. Тогда в постулируемой «пра-Одиссее» провокационный выход Пенелопы к женихам должен был следовать за омовением ног Одиссея, — этот мотив в нынешней поэме тоже существенно модифицирован (см. 19. 346—348 и примеч.).

Ст. 158 сл. = 21. 1 сл.

Ст. 185 сл. = 22. 433 сл.

Ст. 188—194. Перевод сильно расширен против оригинала, где говорится: Афина «пролила сладкий сон на дочь Икария; та тотчас заснула на своем ложе, и члены у нее ослабели; тогда богиня богинь стала давать ей божественные дары, для того чтобы ахейцы изумились. Сперва она омыла ей прекрасное лицо тем амвросическим средством, которым умащается прекрасновенчанная Киферея, когда идет к пленительному хору харит» (пер. И. М. Тронского).

Ст. 198. ...*обе рабыни*... — Вызванные ранее, ст. 182.

Ст. 201 сл. ...*сладко... сладкую смерть*... — Тавтология восходит к оригиналу.

Ст. 207—211 = 1. 327—331. См. примеч.

Ст. 208—210 = 16. 414—416.

Ст. 220. ...*позабыл справедливость*. — Добавление переводчика. В оригинале: «нет в тебе больше подходящего разума и мысли». Понятие «справедливость» появляется в греческой поэзии только в назидательном эпосе Гесиода. Соответственно, и смысл ст. 227 — другой: «мать моя, я не досаую, что ты разгневана».

Ст. 233 сл. ...*сражение странника с Иром не их самовольством // Было устроено*... — В оригинале сказано: «что же касается схватки чужеземца с Иром, то она совершилась не по желанию женихов: первый оказался сильнее».

Ст. 246. ...*ясийского Аргоса*... — Вернее было бы «иасийского», т. е. Пелопоннеса, называемого так по имени легендарного царя Иаса, сына местного героя-эпонима Аргоса.

Ст. 251—256 = 19. 124—129, кроме начального обращения.

Ст. 272 сл. ...*ненавистная ночь ненавистного... Брака*... — Тавтология, внесенная переводчиком.

Ст. 283. ...*душою же их ненавидя*... — Перевод сильнее оригинала, где сказано: «в душе же помышляя иное».

Ст. 291. *Каждый... отпавил*. — Разумеется, только из числа женихов, живущих на Итаке.

Ст. 295. *Цепь*... — Такое же ожерелье, как упомянутое в 15. 460. См. примеч.

Ст. 298. *Эвридам* — обмолвка переводчика. В оригинале — Евридамант, упоминаемый далее в 22. 283.

Ст. 304—306 = 1. 417—419.

Ст. 313. ...*Одиссеева дома рабыни*... — Перевод слабее оригинала, где Одиссей говорит: «рабыни давно отсутствующего царя Одиссея», что в его устах звучит как грозное предупреждение.

Ст. 329. ...*в шинке*... — В оригинале: «в лесхе», т. е. в помещении общественного назначения, где днем собирались поговорить о новостях граждан, а ночью находили приют бездомные и нищие. *Закут* (ст. 328) — добавление Жуковского.

Ст. 346—348 = 20. 284—286.

Ст. 351 сл. = 17. 468 сл. См. примеч.

Ст. 359. ...*терновник*... — Этим словом переведено загадочное греческое αἰμαστός, которому дают и другое толкование: «мелкий камень». В этом случае предполагает

ся собрание для забора камней, чему больше соответствует употребленный здесь глагол λέγειν в значении «собрать». Тот же случай — 24. 224.

Ст. 362—364 почти = 17. 226—228.

Ст. 366—376. В речи, в которой Одиссей несколько выходит за пределы образа все сносящего бродяги, обращает на себя внимание высокая оценка крестьянского труда — черта, более характерная для наставительной поэмы Гесиода, чем для героического эпоса, и свидетельствующая о проникновении в него новых мировоззренческих веяний.

Ст. 368. ...*по косе*... — В оригинале: «по серпу», так как дальше идет речь, по видимому, о клевере (*траву луговую*), который греки убирали серпом.

Ст. 387 сл. = 17. 458 сл., кроме имени собственного.

Ст. 390—393 = 330—333.

Ст. 402. ...*издох*... — В оригинале «пропал», «погиб».

Ст. 403 сл....*Теперь мы за нищего ссоримся; тир наш испорчен*... — В оригинале: «нет никакого удовольствия от благородного пиршества, когда одолевает худшее (т. е. нищие, которые отвлекают внимание от пира)».

Ст. 410 сл. = 1. 377 сл. = 20. 268 сл.

Ст. 414—417 = 20. 322—325.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Встреча Одиссея с Пенелопой. Омовение ног

Ст. 2. ...*совокупно с Афиной*... — Т. е. рассчитывая на ее помощь.

Ст. 5—13 = 16. 286—294.

Ст. 29 сл. = 21. 386 сл.

Ст. 32. ...*с горбами щиты*... — Т. е. снабженные в центре круглой выпуклой бляхой из бронзы.

Ст. 33 сл. ...*Афина Паллада*... *светила*... — В гомеровском эпосе для освещения употребляются факелы и жаровни (ст. 64 сл.); *лампады*, известные в крито-микенскую эпоху, вышли затем из употребления в домашнем обиходе греков примерно до середины 7 в. Они сохранялись, однако, при отправлении ритуалов в святилищах, и использование лампы Афиной не даст основания подозревать эти стихи в позднейшем происхождении. Впрочем, появление света, озарившего весь зал (ст. 37—39), следует приписывать не столько употреблению лампы, сколько присутствию божества.

Ст. 51 сл. = 1 сл.

Ст. 53 сл. = 17. 36 сл.

Ст. 55—56. ...*стул, из слоновой // Кости точеный*... — Конечно, стул был деревянным, но с накладками из слоновой кости и серебра (*с оправой серебряной*).

Ст. 57. *Икмалион* — имя, более нигде не встречающееся.

Ст. 75—80 = 17. 419—424.

Ст. 86. ...*Аполлонов питомец*... — Аполлон воспринимается как идеал юношеской силы и красоты, которыми он, в свою очередь, наделяет молодых людей («питатель юношей» — один из его культовых эпитетов). О почитании его на Итаке см.: 20. 276—278; 21. 258 сл.

Ст. 105. ...*мой добрый старик?* — Преувеличение Жуковского. В оригинале: «кто ты, из какой земли (букв. “из каких людей”)?»

Ст. 110—114. ...*повелитель могучий...* — Здесь отражен идеальный образ царя, носителя божественной благодати. Ср. Гесиод, *Туд*, 225—237: картина идеального города, где чтут правду.

Ст. 124—129 = 18. 251—256, кроме начального обращения. Здесь эти слова приобретают особый смысл, будучи адресованы непосредственно Одиссею.

Ст. 134. *Мне ж не по сердцу никто: ни... ни...* — Перевод может внушить представление, что *просящего защиты, странника или глашатая* Пенелопа числит среди своих потенциальных женихов. Смысл оригинала другой: «потому-то (т. е. из-за настойчивости женихов) я не забочусь сейчас ни... ни...»

Ст. 139—156. — См. 2. 93—110 и примеч.

Ст. 162 сл. *Уж верно, не отрасль... дуба...* — Поговорочное выражение, имеющее в виду старинное представление о создании людей из дуба (ср. Гесиод, *Туд*, 143—145, о людях пятого, железного века) или из камней (ср. миф о Девкалионе и Пирре: Овидий. Метам. I. 381—415). В хетто-хурритской мифологии бог Кумарби от союза со Скалой порождает великана Улликумми. В устах Пенелопы поговорка означает, что она видит в нищем обыкновенного человека.

Ст. 172—179. *Остров есть Крит...* — В следующем далее описании сохранились воспоминания о главенствующей роли острова в крито-микенском мире. *Первоплемменная порода* (в оригинале: этеокритяне — «настоящие критяне») — исконные аборигены острова до его заселения *ахейцами*. *Кидоны* — см. 3. 292. *Дорийцы* соответствуют более поздней стадии в истории острова, наступившей после падения в XII в. ахейских центров и внедрения в Грецию новой волны переселенцев — дорян, которые упоминаются здесь единственный раз во всем гомеровском эпосе. *Кудрявые* — перевод определения τριχάκες в соответствии с устаревшим объяснением. Более надежно толкование «трехплеменные»: в историческую эпоху дорийцы делились на три племенные объединения: Гилеев, Диманов и Памфилов. *Пеласги*, как и этеокритяне, — догреческое население Эгеиды. *Едва девяти лет достигнув...* — Перевод прилагательного ἐννέωρος, означающего в других случаях «девятiletний», «достигший девяти лет», здесь лишено смысла. Гораздо надежнее его понимание в значении «каждые девять лет»: согласно толкованию, сохранившемуся у Платона (Минос. 319 е; Законы. 624 а—b), *Минос*, царь Кносса, сын Зевса, раз в девять лет удалялся в пещеру на горе Иде, где, по преданию, родился и вырос Зевс, чтобы получить от отца законы для своего государства. Поэтому здесь и сказано, что «Минос царствовал (каждые) девять лет», и он назван *собеседником* великого Зевса (в переводе *мудрый* отнесено ошибочно к Миносу). Это предание отражает древнейшее представление о сменяемости царя через определенный срок — девятилетний же период связан как с магическим значением «девятки» в античном мире и на Ближнем Востоке, так и с попытками согласовать лунный год с солнечным: 8 лунных лет с добавлением трех месяцев составляют примерно 8 солнечных лет; на девятый год начинается новый цикл.

Ст. 180. *Девкалион* — Здесь, разумеется, не единственный мужчина, уцелевший от потопа (см. выше, примеч. к ст. 162), а сын Миноса и царь Крита. Версия Одиссея отличается от той, которую он изложил Евмею (14. 204, 237): в беседе с Пенелопой Одиссей выдает себя за лицо более высокого социального положения.

Ст. 183. *Аитон* (правильнее: Эфон, Αἴθων) — Имя, произведенное от прилагательного со значением «горящий, пламенный» (о животных) или «блестящий, сияющий» (о металле).

Ст. 185 сл. *В Крите... в Крите...* — Анафора не находит соответствия в оригинале.

Ст. 187. *...у мыса Маллеи...* — Там же были отогнаны бурей в открытое море Менелай (3. 287) и сам Одиссей (9. 80), направлявшиеся домой из-под Трои.

Ст. 188 сл. *В устье Амизия...* — Неточный перевод. В оригинале сказано: «он пристал у Амнуса (пристани или якорной стоянки у Кносса), там, где грот Илифии, в опасной гавани, с трудом спасаясь от бурных ветров». Грот, посвященный Илифии — покровительнице рожениц, был открыт на Крите в 1929—1930 гг. Культ богини восходит к III тысячелетию, а грот должен был быть хорошо известен по всей Греции, если Одиссей упоминает его, чтобы сделать наиболее правдоподобным свой рассказ. *...богами спасенный.* — Дополнение переводчика.

Ст. 192. *...дней десять прошло* (и соответственно *двенадцать*, ст. 198)... — Указание на приблизительный срок. См. 14. 13—16 и примеч.

Ст. 194 сл. = 24. 271 сл.

Ст. 197. *Собранным с мира...* — См. 13. 14 и примеч. Выше, ст. 195, рассказчик говорит об угощении Одиссея сначала за свой счет, «из обильных запасов, имевшихся в доме».

Ст. 204. *...из глаз их...* — Множественное число — недосмотр переводчика. В оригинале речь идет об одной Пенелопе, к которой обращен рассказ Одиссея.

Ст. 225. *Двойная мантия* (хлена) — вдвое шире обычной, так что в холодную погоду можно обернуться ею два раза, а в теплую — носить, сложив в ширину вдвое. См. ниже, ст. 241. Противоположность ей — одинарная хлена, 24. 276.

Ст. 227. *Бляха* — собственно, булавка для скрепления краев одежды. Из множества образцов подобных изделий больше всего подходят к описанию в «Одиссее» броши с пластинкой, либо напаянной поверх булавки, либо подвешенной к двум ее концам. Изображенная на ней сцена напоминает инкрустации на ножнах и геммы крито-микенского времени, булавки же описанного типа найдены в восточно-эгейском ареале и относятся к рубежу 8—7 вв.

Ст. 242. *Сшитым по мерке...* — Добавление Жуковского. См. 1. 433 и примеч. В оригинале *τερψίδες* — либо, по древнему объяснению, «доходящий до ног», либо, скорее, «обрамленный по низу вышитой полосой».

Ст. 245. *...горбатый...* — Перевод зависит здесь от понимания оригинала, где сказано: *γυρός ἐν ὤμοισιν* «круглый в плечах», что может быть понято и как «горбатый», и как «широкоплечий». В то же время упоминаемого здесь Еврибата естественно отождествить с одноименным персонажем в Ил. II. 184; IX. 170, где он является глашатаем Одиссея и имя его («широко шагающий») вполне соответствует должности. Была ли у Одиссея необходимость выбирать в глашатаи горбуна, встреча с которым, по народному поверью, не сулит ничего хорошего?

Ст. 260. *...к несказанным стенам...* — Т. е. «к таким, которые я даже не хочу называть», чтобы не накликал новой беды. *...роковым...* — Добавление переводчика, как и ниже в ст. 597 и в 23. 19.

Ст. 266. *Сердцем избранного мужа...* — См. примеч. к 13. 45. В оригинале: «всякая (жена) скорбит, утратив даже другого (т. е. менее достойного) мужа».

Ст. 269. *Правду одну я скажу...* — При всем том странник забывает сообщить в своем рассказе о пребывании Одиссея у Калипсо и Цирцеи, чтобы не огорчать Пенелопу.

Ст. 271. *В области... феспротов...* — См. 14. 322 и примеч.

Ст. 277. *...святотатцы.* — Добавление переводчика. Гибель спутников Одиссея — результат мести персонально оскорбленного бога, а не нарушения каких-либо религиозных запретов.

Ст. 279 сл. = 5. 35 сл. с заменой времени глагола.

Ст. 288—292 = 14. 331—335.

Ст. 294—299 = 14. 325—330.

Ст. 305—307 = 14. 160—162. См. примеч. Упоминаемое здесь новолуние — следующий день, когда будут отмечать праздник в честь Аполлона. См. примеч. к ст. 86.

Ст. 309—311. — См. 15. 536—538 и примеч.

Ст. 317 сл. *...постелю... приготовете...* — В переводе пропущено дополнение ρήυεα «подушку» — признак обеспеченности хозяев и уважения к гостю. Продолжая играть свою роль, Одиссей отвергает предложенное ему ложе с покрывалом и подушкой (ст. 337 сл.).

Ст. 346—347. *Нет ли... старушки...* — Одиссей не хочет пользоваться услугами наглых молодых рабынь (ср.: 18. 326—336; 19. 65—69, 372—374), предпочитая иметь дело со старой верной Евриклей, которую он, вероятно, уже заметил в окружении Пенелопы. *...и зла и добра испытывшей?..* — Еврикля не испытала в жизни столько бедствий, сколько Одиссей. В оригинале сказано: «которая столько же вынесла в душе, сколько я», т. е. с такой же тоской ожидала его возвращения и так же тяготится бесчинствами женихов. В остальном эти стихи, как и следующее затем описание омовения ног, при котором Еврикля узнает Одиссея по шраму на ноге, являются, по всей видимости, остатком более ранней версии, заканчивавшейся узнаванием вернувшегося мужа по приметам. Имела ли смысл эта сцена в нынешней «Одиссее», где признание Одиссея Пенелопой наступает только после истребления женихов? На этот вопрос надо ответить утвердительно: сохраняя сцену омовения ног, автор добивается существенного художественного эффекта. (1) Достигает рядки трагическая ирония, возникающая перед омовением ног из слов Пенелопы о сходстве нищего с Одиссеем и причитаний Евриклей по погибшему господину (ст. 358—382), который на самом деле находится перед ними. (2) Став свидетелем этого эпизода, слушатель с напряжением ждет, когда и каким образом тайна Одиссея станет известна всем. (3) Таким образом, сцена омовения ног включается в ту цепь намеков и предсказаний о возвращении героя, которая охватывает всю поэму, постепенно ведя действие к кульминации (см. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», § 6).

Ст. 351 сл. = 17. 468 сл. = 21. 275 сл.

Ст. 387. *...две трети...* — Добавление переводчика. В оригинале нет никакого указания на соотношение холодной и горячей воды.

Ст. 389. *Сел к очагу...* — Перевод создает впечатление, что Одиссей все это время находился вдали от очага и только теперь сел поближе, чтобы Еврикля не узнала его. В оригинале сказано: «между тем Одиссей сидел у очага, но тотчас повернулся в тень, ибо он вдруг подумал, что та (Еврикля) узнает рубец...» *...лицом...* — Добавление переводчика. Одиссей повернулся к тени вместе со стулом.

Ст. 392—467. Самое знаменитое отступление, оформленное рамочной композицией, в греческой литературе, создает ретардацию там, где слушатель особенно заинтересован в скорейшем развитии действия.

Ст. 395. *Автоликон* — см. СМС: Автолик.

Ст. 401. ...ему на колена... — Ритуал, обозначающий принятие новорожденного в род предков.

Ст. 409. ...то значит: *сердитый*. — Греки, любившие всякого рода этимологические объяснения имен собственных, связывали имя Одиссея с корнем *οδυσσ* — «ненавидеть», «гневаться». Трудность в толковании этого имени состоит, однако, в том, что образованное от предполагаемого глагола *οδυσσομαι* причастие *οδυσσάμενος*, которое применяет к себе Автолик, может иметь как активное («возненавидевший», «разгневавшийся»), так и пассивное («ненавидимый», «испытывавший на себе гнев») значения. В отношении Автолика, известного воровством и обманом (см. СМС), второе значение является предпочтительным. Что касается Одиссея, то в первом случае указанное причастие может характеризовать его отношение к женихам, во втором — его положение скитальца, навлекшего на себя гнев богов (именно это значение имеется в виду в поэме: 5. 340, 423; 19. 275). При обсуждении этого вопроса один из исследователей пришел к выводу, что в имени Одиссея содержатся оба значения: он и сам жертва гнева, и обрушивает свой гнев на виноватых перед ним. Отразить все эти нюансы в переводе вряд ли представляется возможным.

Ст. 416 сл. *Бабка ж его... в слезах... целовала // Очи... и голову...* — Неточный и слишком пространственный перевод. В оригинале: «бабка же его, обняв Одиссея, целовала его в голову и прекрасные очи».

Ст. 424—428. — Ср. 9. 556—560 = 10. 183—187.

Ст. 440—443 = 5.478—480 + 483.

Ст. 457 сл. ...*кровь же...* // *Заговорили...* — Т. е. остановили путем магического заклинания, «заговора». Это единственный случай в гомеровском эпосе, когда для лечения раны применяется магическое средство. Свидетельствует ли это о более раннем происхождении рассказа или о проникновении в него элементов народной веры?

Ст. 473. *Сжав... подбородок...* — Точнее: «коснувшись подбородка» — жест, выражающий мольбу, любовь и преданность.

Ст. 474 сл. ...*тебя я... не узнала!..* — В переводе выпало важное приложение: «моего владыку»: Еврикляя видит в Одиссее одновременно и близкого человека, и своего господина.

Ст. 508 сл. — Ср. 103 сл.

Ст. 518. *Плачет Аида...* — Непонятный перевод. В оригинале здесь — развернутое сравнение («подобно тому как дочь Пандарея, зеленовато-желтый соловей, прекрасно поет с приходом весны...»), и речь идет о некоей критянке Аэдон, дочери Пандарея (в переводе: *Пандара*), выданной замуж за Цетоса (Зефа; см. СМС: Антиопа) и имевшей от него единственного сына Итила (в переводе: *Итилоса*). Завидуя своей многодетной невестке Ниобе, Аэдон решила убить во сне ее любимого сына, но ошиблась и поразила своего собственного. В ответ на ее просьбу боги превратили Аэдон в соловья, почему эта птица, согласно преданию, называется *αἴδων*. История Аэдон в таком виде из других источников неизвестна и является вариантом более распространенного мифа о Прокне, дочери афинского царя Пандиона, которая убила своего сына Итиса и дала отведать его мяса своему мужу Терее за то, что он силой овладел ее сестрой Филомелой. Спасаясь от разгневанного Терее, Прокна превратилась в соловья. См.: *Овидий*. *Метам.* VI. 412—674.

Ст. 527 сл. = 16. 75 сл.

Ст. 529. — См. 16. 77 и примеч.

Ст. 532 сл. *Сам запрещал...* — Смысл оригинала другой: «не позволяя», т. е. не давал Пенелопе морального права оставить его. Как мог неразумный отрок запрещать что-либо матери? *Требует сам...* — Слишком сильный перевод. В оригинале: «просит», «желает». Собственно, об этом желании в поэме нигде не говорится, и Пенелопа ссылается на него, вероятно, чтобы обосновать свое возможное решение заботой о сохранении имущества сына (ср. 534). *...чтоб из дома я вышла...* — Т. е. вернулась к отцу.

Ст. 539. *...в просторной столовой...* — Добавление переводчика: гуси паслись во дворе, как правильно переведено в ст. 552.

Ст. 562 сл. *...двое ворот...* — В оригинале игра слов: ἔλεφας «слоновая кость» и ἔλεφαροι «обманывать», κέραс «рог» и κραίνω «исполнять», «осуществляться».

Ст. 563 сл. *...из кости слоновой...* — Одинаковое завершение стихов воспроизводит стилистическую фигуру оригинала.

Ст. 572—579. Состязание в стрельбе из лука как способ выявить наиболее достойного претендента на руку царевны или овдовевшей царицы — достаточно распространенный фольклорный мотив (ср. СМС: Геракл). Что касается «Одиссеи», то место, где произойдет это состязание, и его техника (см. также 21. 120—122, 420—422) служат предметом давней дискуссии. Несмотря на попытки ряда исследователей искать место для соревнования во дворе, прилегающем к мегарону, наиболее вероятным представляется, что оно происходило в пиршественном зале (19. 573; 21. 4, 229, везде указан μεγάρων; в переводе это никак не отражено). Что касается хода соревнования, на который в тексте дается невнятный намек (21. 120—122), то было предложено три его объяснения. (1) Двулезвийные секиры закапываются одним лезвием в землю, и стрелу надо пропустить через отверстия для рукоятей. В этом случае, однако, пришлось бы стрелять лежа и держа лук горизонтально — поза совершенно невероятная. (2) В земляной пол по прямой линии вкапываются секиры (в переводе — *жерди!*) топоричами вниз, так что их рукояти возвышаются над уровнем земли примерно на 80 см. К концам рукояток припаяны железные кольца, диаметром около 10—13 см, чтобы вешать секиры на стену. Через эти кольца и надо пропустить стрелу, не задев ни одно из них. Поскольку греки стреляли из лука, опустившись на одно колено, это описание кажется вполне убедительным. Однако автор везде говорит, что стрелы должны пролететь через секиры, но не упоминает нигде колец. (3) Стрелу надо пропустить через отверстия, образованные прикасающимися друг к другу с тыльной стороны изогнутыми изнутри лезвиями. Между тем в последнее время возобладало мнение, что подобное состязание, как бы его себе не представлять, вообще не могло иметь места, так как стрела, пущенная с необходимой начальной скоростью, уже на расстоянии первых 10 м отклоняется на 20 см, и преодолеть этот закон баллистики не в состоянии самый искусный стрелок. Поэтому вполне вероятно, что вопрос о реальной возможности такого соревнования вообще не беспокоил автора «Одиссеи», которому нужно было вооружить своего героя луком, чтобы приступить к расправе с женихами.

Ст. 577—581 = 21. 75—79.

Ст. 581. *Счастье наша...* — Добавление переводчика. В оригинале: «покинув этот... дом, который я буду вспоминать и во сне».

Ст. 594—596 = 17. 101—103.

Ст. 602—604 = 1. 362—363; ср. 16. 449—451.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ

Перед убийством женихов

Ст. 4. *Эвриклея* — в оригинале: Евринома. Жуковский путем этой замены хотел, вероятно, согласовать ст. 4 со ст. 143, где, однако, в оригинале сказано: «мы (т. е. служанки) его укрыли». Евринома и раньше выполняет приказание Пенелопы в отношении странника: 19. 96. ...*покровом*... — Т. е. хленой, как в ст. 95 и 143.

Ст. 14. *Злобная*... — Добавление переводчика, противоречащее поведению собаки, защищающей своих щенков.

Ст. 64 сл. ...*в край тот*... — Туда, где находится вход в подземное царство. См.: 10. 508; 11. 13. ...*круговратно бегущий!*.. — Окружающий землю.

Ст. 66—78. Миф о Пандаровых дочерях не известен из других источников, и смысл его не ясен.

Ст. 77 сл. *Гартии* — см. 1. 237 и примеч. ...*чудовищам в рабство*. — В оригинале: «чтобы они служили ненавистным Эриниям», т. е. умерли.

Ст. 82. ...*противного сердцу!*.. — Собственно: «худшего» по сравнению с Одиссеем.

Ст. 103. ...*из звезднобестучного неба*... — Жуковский предвосхищает слова рабыни (ст. 113), хотя в оригинале и сказано: «прогремел с сияющего Олимпа, с высоты из облаков», поскольку невидимое людям жилище Олимпийских богов всегда окутано облаками.

Ст. 110. ...*проснулася ране*... — В оригинале: «еще не прекращала работы», т. е. не ложилась спать.

Ст. 113 сл. ...*его наполняют, сверкая, // Звезды*... — Распространенный перевод постоянного эпитета неба — «звездное», который, однако, не значит, что после появления зари (ст. 91) звезды все еще сверкают на небе (см. статью «Одиссея» — фольклорное наследие...», § 5).

Ст. 125 сл. = 2. 3 сл. = 4. 308 сл.

Ст. 130 сл. ...*Обычай // Матери*... *знаю*... — Чем вызвано это сомнение в гостеприимстве Пенелопы, не ясно; к тому же странник по своему социальному статусу явно не принадлежит к числу «лучших».

Ст. 135. ...*невиновную*... *обвиняешь*... — В оригинале та же риторическая фигура.

Ст. 141. ...*на пуховой постеле*... — Модернизм переводчика. В оригинале: «на постели и подушках».

Ст. 143. ...*я покрыла его одеялом*. — См. примеч. к 4.

Ст. 148. ...*разумная*... — Жуковский заменяет этим определением слова оригинала: «божественная среди жен». Обычно этот эпитет прилагается к лицам царского происхождения. Здесь, как и в случае с «богоравным» свинопасом Евмеем (14. 3 и примеч.), автор пользуется возвышенным стилем даже по отношению к лицам невысокого социального статуса.

Ст. 153. ...*двудонные*... — См. 3. 63 и примеч.

Ст. 156. ...*праздник*... — В честь Аполлона.

Ст. 174 сл. = 17. 213 сл.

Ст. 176. ...*коз привязавши...* — Лучшее чтение (*κατέδησαν*) дает другой оттенок: «и те двое привязали коз... он же сам...» *Многозвучные* — «гулкогремящие», т. е., вероятно, порождающие эхо.

Ст. 185. ...*главный пастух...* — В оригинале: «повелитель мужей», как ранее об Евмее (14. 22 и примеч.). Ср. выше, примеч. к ст. 148.

Ст. 187. ...*привезли на судах...* — с материка. См. 14. 97 и примеч.

Ст. 199 сл. = 18. 122 сл.

Ст. 209. *О, благодушный, великий мой царь!..* — Сильное преувеличение переводчика в монархическом духе. В оригинале: «безупречный Одиссей!»

Ст. 210. ...*в стороне Кефалленской...* — Собственно: «в народе кефалленян». Полагают, что автор пользуется этим собирательным именем для всех, над кем царствовал Одиссей. Ср.: 24. 355, 377, 429; Ил. II. 631; IV. 330.

Ст. 227. ...*порода твоя не простая...* — Несколько преувеличенный перевод. В оригинале: «так как ты, пастух, не похож на низкого и безрассудного мужа...»

Ст. 330 сл. = 14. 158 сл. См. примеч.

Ст. 235. ...*пастухов повелитель...* — Правильнее: «надзиратель за стадами». См. перевод в 22. 292.

Ст. 237—239 = 21. 202—204.

Ст. 242. ...*слева поднялся...* — Знамение, данное слева, считалось неблагоприятным. Ср. 2. 154 и примеч.

Ст. 249—251 = 17. 179—181.

Ст. 258. ...*велел Телемак...* — Как видно, вернувшийся с площади, и притом не один, а в сопровождении Феокламена (ст. 350).

Ст. 264 сл. ...*где произвольно пирует // Всякая сволочь...* — Добавление переводчика. ...*цареве жилище.* — Собственно: «мне он (этот дом) теперь принадлежит».

Ст. 267. ...*ссора...* — В оригинале сказано сильнее: «вражда и брань».

Ст. 268 сл. = 1. 377 сл. = 18. 410 сл.

Ст. 279 сл. = 3. 65 сл.

Ст. 284—286 = 18. 346—348.

Ст. 295 сл. почти = 21. 312 сл.

Ст. 299 сл. *Тут он ... швырнул...* — Это третье «оскорбление действием», нанесенное Одиссею. Показательно, что реальный результат этих действий постепенно ослабевает: в первый раз удар приходится в спину Одиссею (17. 462—465); во второй раз ему удается уклониться, и скамейка попадает в виночерпия (18. 394—398); в третий раз брошенная кость пролетает мимо, ничего не затронув (20. 299—302). Наряду с этим возрастает сопротивление Телемаха наглости женихов: на первый удар он никак не реагирует, после второго предлагает женихам разойтись (18. 405—411), после третьей попытки дает им гневную отповедь (20. 303—310), благодаря чему действие все ближе подводится к кульминации.

Ст. 317—319 = 16. 107—109.

Ст. 318 сл. *Рабынь принуждают... в священных обителях царских...* — Несколько усвоенный перевод. В оригинале: «чем смотреть, как вы... позорно обращаетесь с рабынями в (нашем) красивом доме». Впрочем, судя по ст. 6—8, далеко не все рабыни чувствовали себя жертвами позорного обращения.

Ст. 322—325 = 18. 414—417.

Ст. 328. ...*вы... питали надежду...* — Т. е. Пенелопа и Телемах.

Ст. 338. *Кротко...* — См. примеч. к I. 385.

Ст. 346 сл. *Смех... хохотали...* — См. 18. 34 и примеч.

Ст. 351. *...горе вам! Горе!..* — Феоклимен в пророческом экстазе уже видит картину избивания женихов.

Ст. 354. *Стены, я вижу, в крови...* — Видимая только прорицателю кровь, предвещающая убийство, — достаточно распространенный фольклорный мотив. В греческой литературе ср.: Эсхил. Агамемнон. 1090—1092; Геродот. VII. 140; Плутарх. Пирр. 31.

Ст. 355. *Привиденья* — души убитых.

Ст. 379. *...гнилой старичишка...* — Добавление переводчика.

Ст. 381. *...Телемак многомудрый...* — Добавление переводчика.

Ст. 392—394. Здесь, как и в 18. 155; 21. 98—100, 418; 22. 32 сл., — редкий в эпосе случай авторского комментария.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Состязание в стрельбе из лука

Ст. 1 сл. = 18. 158 сл. *...Афина вселила желанье...* — В 19. 572—576 такое решение уже приняла Пенелопа. Внушение Афины — очередной пример «двойной мотивировки». См. 17. 360 сл. и примеч.

Ст. 3. *...стрелы...* — В оригинале здесь и в ст. 81 названы не стрелы, а «седое железо», т. е. секиры; см. примеч. к 19. 572—579.

Ст. 4. *...тем приготовить им гибель.* — Это цель Афины, а не Пенелопы, которая ничего не знает о замысле Одиссея.

Ст. 6. *Мягкоодутлой...* — В оригинале: «полной». Впрочем, эпитет *παῦρος* «крепкий» больше подходит к руке сильного мужчины, как он и употреблен в 20. 299; 22. 326.

Ст. 14. *Ифит* — см. СМС: Геракл.

Ст. 19. *...быков круторогих...* — Добавление переводчика. В оригинале *τρίστα* относится к мелкому скоту, цыпла. Крупный рогатый скот пасется не на Итаке, а на материке. См. 14. 97—104 и примеч. *...разбойничье...* — Другое добавление переводчика. В оригинале: «мессенцы угнали на многовесельных кораблях» (естественно, не на одном). Само же похищение стад представляется автору обычным делом (ср. 11. 290—292), а не разбойничьим.

Ст. 21. *Геронты* — старейшины.

Ст. 28. *Зверский...* — В оригинале нет столь резкой осуждающей оценки; сказано *σχετλιος*, т. е. чрезмерно надеющийся на свою силу. Это говорится, однако, и про Ахилла, Гектора, Одиссея: Ил. IX. 630; XVI. 203; XVII. 150; Од. 11. 474; 12. 21, не говоря уже о самом Зевсе: Ил. II. 112; VIII. 361; Од. 3. 161. Впрочем, убийство гостя в собственном доме, конечно, преступление против *Зевесова закона*, и странно, что в поэме нет ничего о постигшем Геракла божественном возмездии.

Ст. 32 сл. *Эвритов лук... Эврит...* — Анафоре нет соответствия в оригинале.

Ст. 43. *...дубовый порог...* — Деревянный порог характерен для подсобного помещения в отличие от входа в зал, снабженного каменным порогом (17. 30; 20. 258; 23. 88 — в переводе определение нигде не сохранено).

Ст. 45. *Притолки...* — См. 17. 221.

Ст. 54. ...*обвернут блестящим чехлом...* — Скорее: «заключен в колчан».

Ст. 61 сл. ...*с запасом // Меди, железа...* — Т. е. стрел с медными наконечниками и секир, предназначенных для устройства соревнования.

Ст. 63—66 = 1. 328—331. См. примеч.

Ст. 73 сл. *Можете сами теперь...* — Перевод сильнее оригинала, где Пенелопа не предлагает себя в качестве *цены победы*. Сказано лишь: «Ну так вот, женихи, здесь видна награда. Я кладу лук...»

Ст. 75—79 = 19. 577—581.

Ст. 88. ...*в долгой разлуке...* — В оригинале: «так как она потеряла мужа»; женихи уверены, что Одиссей никогда не вернется.

Ст. 98—100. — См. примеч. к 20. 392—394.

Ст. 109. Отсутствует в ряде рукописей и является, по-видимому, интерполяцией, составленной в оригинале из половин стихов 97 и 98 кн. 14. Поводом для его исключения, по существу, является то, что Итака не входит в понятие *ахейской земли*, под которой обычно разумеется Пелопоннес.

Ст. 120, 260. *Жерди* — см. примеч. к 19. 572—579.

Ст. 128—130. ...*готов был ... приняться за дело...* — Неточный перевод. В оригинале: «и в четвертый раз он, наверное, натянул бы» тетиву, но отец дал ему знак, поскольку последнюю удачную попытку поэт оставляет за Одиссеем. *По условию и к отцу* — добавление переводчика. Ни о каком условии на этот счет между отцом и сыном ранее не сообщалось, и в оригинале Телемах обращается к женихам.

Ст. 138. ...*к ручке замочной...* — Здесь и в ст. 165 речь идет в оригинале о крючке на конце лука, за который следовало зацепить тетиву, предварительно натянув ее.

Ст. 145 сл. *Жертвозатель...* — Точнее: «наблюдающий за жертвоприношением», т. е. за тем, сторае ли жертва согласно обряду. Он же произносил молитву при возлиянии богам, — отсюда его место у кратера (в переводе: *подле кратеры*), откуда вино подносят... *начинают* (ст. 142). ...*на ...Крае стола...* — Неверный перевод: перед каждым пирующим ставился отдельный стол, Леодей был крайним в их ряду.

Ст. 148. ...*роковой...* — Добавление переводчика. Здесь, в отличие от 20. 392—394 и 21. 98—100, поэт воздерживается от собственной оценки происходящего.

Ст. 156. *Нас привлекало... чародейством надежды.* — Усиленный перевод. В оригинале: «ради чего мы всегда здесь собираемся, проводя в ожидании все дни». Ст. 16 сл. = 16. 391 сл.

Ст. 164—166 = 137—139.

Ст. 166. ...*беспечно.* — Как и в ст. 139, добавление переводчика, здесь особенно неудачное, так как противоречит всему тону предшествующей речи Леодея (ср. = также ст. 169).

Ст. 173 сл. ...*без сомненья...* — Повторение в двух стихах не имеет основания в оригинале.

Ст. 178. *Укруг* — круг затвердевшего топленого сала.

Ст. 183. ...*растаявши...* — растопив.

Ст. 186 сл. = 4. 628 сл.

Ст. 202—204 = 20. 237—239.

Ст. 214—216. *Вам я обожу найду...* — Отпущенные на волю рабы Одиссея становятся как бы членами семьи наравне с Телемахом (но не с самим Одиссеем, как в переводе). Ср. 14. 62—66 и примеч.

Ст. 217—222. В аналитической критике эти стихи вызывают не совсем обоснованное подозрение как поздняя интерполяция: в то время как во всех остальных случаях рубец на ноге Одиссея служит средством его признания старой няней и отцом (19. 407; 23. 73—75; 24. 331 сл.), Евмей и Филойтий были не столь близкими к царскому дому людьми, чтобы знать об этом приключении Одиссея в его юные годы. Но, с другой стороны, как иначе он мог доказать свою идентичность царю Итаки?

Ст. 224. *...и руки, и ноги...* — Добавление переводчика. *Голову и плечи* они целуют, как положено рабам в отношении господина. Ср. 17. 35; 22. 499, где упоминаются еще и руки.

Ст. 238. *Тронуться с места...* — В оригинале сказано: «чтобы ни одна не вышла за дверь». Поскольку уже говорилось, что двери, ведущие из женских покоев в зал, будут заперты, надо допустить, что еще какие-то двери соединяли женскую половину с двором, примыкавшим к мегарону.

Ст. 259. *...натягивать лук неприлично...* — Перевод, усиленный против оригинала, где говорится: «кто же (в такой день) пытается натянуть лук?» Антиной, очевидно, хочет сказать, что в день праздника Аполлона соревнование смертных в стрельбе может быть воспринято как вызов богу-стреловежцу. Конечно, со стороны Антиноя это не более чем уловка для самооправдания. На самом деле Аполлон вполне мог быть почтен состязанием в том виде искусства, в котором сам он признавался первым. См. 21. 338.

Ст. 265 сл. В переводе аллитерация (**по**утру **пу**скай ... **пр**иведет ... **пр**инести) отчасти соответствует оригиналу с пятикратным ассонансом *ai*.

Ст. 270—273 = 3. 338—340 + 342.

Ст. 275 сл. = 17. 468 сл. = 18. 351 сл. Впрочем, ст. 276 отсутствует в огромном большинстве рукописей.

Ст. 277. *...богоравный...* — См. примеч. к 1. 29.

Ст. 295—304. *...Эвритион, многославный кентавр...* ~*Праздновал там он с лапифами...* — Имеется в виду празднование свадьбы царя лапифов *Пирифоя* (Пирифоя), на которую были приглашены кентавры, в опьянении вздумавшие похитить у лапифов женщин. В традиционном изложении злая распря и возникла от бесчинства кентавров, а не одного Евритиона.

Ст. 311—358. Эпизод с участием Пенелопы аналитическая критика расценивает как остаток прежней версии, в которой узнавание супругов предшествовало расправе с женихами. Этим-де и объясняется достаточно решительный тон Пенелопы по отношению к женихам. Само по себе предположение об использовании автором целых блоков из более ранней эпической традиции не содержит ничего невероятного и во всяком случае не дает основания для изъятия тех или других стихов, о чем среди различных исследователей, как обычно, нет единого мнения. По лексическим и стилистическим соображениям вызывают известное подозрение ст. 334 сл., — и в самом деле, апелляция Пенелопы к благородному происхождению нищего может только еще больше раздражить женихов. Ст. 339—342 повторяют в более развернутой форме, заимствованной в 16. 79—81, обещание Пенелопы в 17. 550 и здесь, может быть, не слишком уместны. В остальном же опасение женихов навлечь на себя дурную славу (ст. 325—329), упреки Пенелопы по их адресу (ст. 331—333) и вмешательство Телемаха (ст. 344—353), действительно знающего о планах отца, не только вполне согласуются с ходом повествования, но и продвигают его к развязке.

Ст. 312 сл. почти = 20. 294 сл.

Ст. 313. ...*лишил их участка.* — Т. е. доли среди гостей дома. В оригинале, впрочем, сказано только: «обижал».

Ст. 320 сл. = 16. 434 сл.

Ст. 339—342. — Ср. 16. 79—81.

Ст. 347. ...*с многоконной Элидою смежном.* — В оригинале речь идет об островах, лежащих по пути из Элиды в Итаку.

Ст. 350—358 = 1. 352—360. См. примеч.

Ст. 361. *Так говорили одни...* — Перевод создает впечатление, что одним будут противопоставлены другие. В оригинале: «и так сказал кто-то из заносчивых мужей».

Ст. 369. *Ты, Эвмей, ошалел...* — Добавление переводчика.

Ст. 372. *Если бы силой такой я один одарен был...* — В оригинале несколько другая мысль: «если бы я был настолько сильнее всех женихов, насколько я сильнее тебя».

Ст. 382—385 = 236—239.

Ст. 386 сл. = 19. 29 сл.

Ст. 395. *Рого...* — Лук изготовлялся из двух рогов, скрепленных между собой в широкой части металлическим обручем. См. ст. 419, где в оригинале сказано, что Одиссей наложил стрелу на эту среднюю часть лука (πιχρς). Длина такого лука достигала примерно 1,5 м. (Ил. IV. 105—111).

Ст. 411. ...*провизжала...* — Сниженный перевод. В оригинале: «пропела звонкую песню».

Ст. 420. *Сидя на месте...* — Эту позу можно объяснить, если принять объяснение (2) в примеч. к 19. 572—579.

Ст. 428—430. *Должно... откуда светло...* — Перевод усиливает оригинал, придавая словам Одиссея угрожающую интонацию. Однако Одиссей еще не раскрывает своих намерений, хотя слова его и двусмысленны: «теперь пора приготовить за-светло обед ахейцам, а затем позаботиться об ином — пении и игре на форминге, ибо они — украшение пира». Слова: *на новый... им приличнейший лад перестроить.* — Добавление переводчика.

Ст. 434. ...*оружием медным блестящий.* — Т. е. вооруженный мечом и копьем, которые всегда были при нем. За щитами и шлемами Телемах пойдут позже: 22. 101—113.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Убийство женихов

Ст. 5. ...*друзья женихи...* — Добавление переводчика.

Ст. 25. *Не было там ни щита...* — вследствие распоряжения Одиссея: 19. 5—13.

Ст. 32. *Безумцы!* — Еще один пример авторского комментария (см. 20. 392—394 и примеч.), к тому же повторяемого действующим лицом: ср. 33 и 41; в оригинале они почти тождественны.

Ст. 37. ...*насилъствуя гнусно...* — В большинстве рукописей ст. 37 стоит после ст. 38 (в оригинале каждый из них составляет самостоятельный период), что пред-

ставляется более логичным: судьба его *благородной жены* для Одиссея гораздо важнее, чем участь рабынь (не *служанок*, как в переводе).

Ст. 43. Отсутствует в рукописях и папирусах. В самом деле, женихи еще пытаются вступить с Одиссеем в переговоры, в ходе которых мысль о бегстве подает им он сам (ст. 66).

Ст. 52 сл. ...*похищение власти царя...* — См. 1. 381—383 и примеч. *Телемаха... смерти предать...* — См. 4. 667—672; 16. 371—384, 421 сл.

Ст. 55—59. ...*назначить нам цену...* — Слова Евримаха предусматривают обычную с точки зрения гомеровского права процедуру выкупа за оскорбление дома Одиссея. Кроме возмещения «морального ущерба», Евримах предлагает взыскать с каждого стоимость *двадцати быков* (см. 1. 427 и примеч.; стоимость обычного вооружения — 9 быков: Ил. VI. 236), причем расходы он рассчитывает возместить за счет народа; в переводе эта мысль опущена. ...*теперь же твой праведен гнев...* — Пока не уплачена пеня или хотя бы не достигнуто соглашение о ее размере.

Ст. 59. *Гнев... гнев...* — Тавтология не находит основания в оригинале. Тот же случай — 66 сл. (*Кер... Керы...*).

Ст. 68. ...*задрожали колена...* — Страх женихов возрастает по ср. со ст. 42.

Ст. 78. ...*расстреляет он скоро ужасные стрелы.* — На самом деле, Евримах не сомневается, что у Одиссея достаточно стрел (ст. 72 сл.). В оригинале сказано: «тогда (т. е. когда женихи получают помощь) он стал бы стрелять в последний раз».

Ст. 82. ...*в печень возвизвись...* — Такое направление стрелы возможно только в том случае, если порог, на котором стоял Одиссей, возвышался над уровнем пола. С этой позиции и хочет сбить Одиссея Амфином (ст. 91). (Поэтому, видимо, в переводе ст. 250 добавлено определение «высокий», в оригинале отсутствующее).

Ст. 90 сл. ...*против него...* — Добавление переводчика: Амфином был единственным из женихов, настроенным доброжелательно к Одиссею (ср. 18. 120—152), и автор не случайно заставляет его погибнуть от копья Телемаха, предупредившего нападение на отца. ...*но сзади...* — Как видно, Телемах успел выбежать в зал и, таким образом, сумел поразить Амфинома ударом в спину. См. ст. 94—99.

Ст. 101 сл. *Щит, два копья... принесу я...* — Эти стихи находятся в явном противоречии с 16. 295 сл., которое можно объяснить двояко. Либо 16. 281—298 являются более поздней вставкой (см. примеч.), сделанной без учета ситуации в кн. 22, либо автор, пренебрегая последовательностью, ввел решение Телемаха, чтобы дать возможность Мелантию проникнуть в кладовую, оставшуюся не запертой (см. ниже, ст. 154—156).

Ст. 107 сл. ...*от защитных // Притолок.* — Определение добавлено переводчиком. На самом деле Одиссей не ищет защиты, прислонясь к дверным косякам, а опасается, как бы женихи не оттеснили его от дверей, ища для себя спасения (см. выше, ст. 76 сл.).

Ст. 115. ...*глубокою полного думой...* — Неудачный здесь и в ст. 281 перевод постоянного эпитета Одиссея *ποικιλομήτης* «хитроумный»: в изображаемой ситуации у героя нет времени погружаться в размышления. См. 7. 168 и примеч.

Ст. 118. ...*друг подле друга валяся, они издыхали.* — Распространенный перевод достаточно сжатого оригинала: «падали друг возле друга».

Ст. 122. *Четверокожным щитом...* — Т. е. из кож, положенных друг на друга в 4 слоя и обрамленных металлическим ободом. ...*облачивши плеча...* — В отличие от обычных в «Одиссее» овальных щитов, здесь, как и в 14. 479, имеется в виду щит

микенского времени, охватывающий полукругом все тело, от горла до ступней. Его носили на ремне через плечо.

Ст. 127. *Тайная* (ср. 132, 136, 332)... — Правильнее: «запасная» дверь, ведущая в обход мегарона во двор и расположенная не *недалеко от главных дверей* (ст. 26), а в противоположном углу слева и поэтому на *виду* (ст. 137) у стоящего напротив Одиссея. ...*от высокого залы просторной порога*... — В оригинале речь идет, по-видимому, о том, что к этой двери вело несколько ступеней и тем труднее было выйти через нее незамеченным. Как удалось сделать это Мелантию, остается неясным, равно как непонятным и, во всяком случае, не выполненным оказывается распоряжение Одиссея Евмею (129 сл.; см. 157, 162, где Евмей по-прежнему находится рядом с Одиссеем и Телемахом у входа в зал).

Ст. 134., повторяющий 78 (см. примеч.), считают обычно интерполяцией, так как из ст. 119—121 видно, что стрелы уже кончились. В переводе сделана попытка сохранить ст. 134, заменив сослагательное наклонение оригинала («стал бы стрелять») на изъявительное.

Ст. 144 сл. Аристарх исключал как интерполяцию, указывая на то, что одному человеку не под силу поднять такой груз. Непонятно также, почему Мелантий не разделил ношу на две равные половины, а для второго раза оставил только один шлем и щит (ст. 183 сл.). Между тем исключить эти стихи нельзя, так как снабжение женихов оружием необходимо, чтобы увеличить напряжение боя, которое приходится выдержать Одиссею. Поэтому ст. 144 сл. надо отнести на счет поэтической гиперболы (как, впрочем, и нагрузку Телемаха в ст. 109—111), а повторный поход Мелантия в кладовую понадобился автору для того, чтобы Евмей и Филоитий могли захватить его на месте преступления. Аналитическая критика, вообще считающая участие Евмея и Филоития в сражении с женихами не слишком удачным добавляющим последнего автора «Одиссеи», недоумевает по поводу того, зачем они так надолго отвлекаются на побочное занятие, каким, несомненно, является наказание Мелантия, в то время как они гораздо нужнее в качестве помощников Одиссея. Не следует, однако, забывать, что подробнейшее изложение деталей однажды упомянутого события — непрменный признак эпической техники (см. выше ст. «Одиссея» — фольклорное наследие..., § 5).

Ст. 192 сл. = 175 сл.

Ст. 197. ...*теперь не простишь*... — С высоты столба Мелантий раньше увидит восход солнца, чем остальные обитатели дома.

Ст. 205 сл. = 24. 502 сл.

Ст. 222. *Выгоним из дому*... — В оригинале сказано ближе к обычаям войны: «не оставим в живых сыновей, а дочерям и жене не позволим остаться в городе», т. е. продадим их в рабство.

Ст. 225. ...*стала она упрекать*... — Гнев Афины, как и следующее за тем желание испытать Одиссея и Телемаха (ст. 237 сл.), не находят в «Одиссее» достаточного обоснования. Возможно, что в каком-то из ранних вариантов при истреблении женихов Одиссеем применял только копья, и тогда перед началом сражения была уместна речь богини, порицавшей его за нерешительность.

Ст. 230. *Хитрость твоя*... — Имеется в виду вариант мифа, по которому мысль о деревянном коне была предложена Одиссеем, отчего происходит его эпитет πτολίπορθος (Ил. II. 278; Од. 16. 442) — «разрушающий города».

Ст. 249 сл. ...*один ...беззащитный*. — В оригинале: «эти же (т. е. Одиссей с помощниками) остались одни (т. е. без помощи Ментора) перед дверью». Об их беззащитности речи нет.

Ст. 251 сл. *Разом... не бросайте; // Бросьте... шесть...* — Небольшой недосмотр автора, ведущий к противоречию со ст. 271: если отступившим женихам пришлось извлекать копья из трупов, значит, вторая шестерка не была вооружена, и распоряжение Агелая не имело смысла. С другой стороны, автор, конечно, помнил, что Мелантий принес 12 копий, — стало быть, надо их все использовать, но тогда нет необходимости вырывать копья из тел павших.

Ст. 272 сл. *Снова... Снова...* — Анафоре нет соответствия в оригинале.

Ст. 273—276 = 256—259. Впрочем, из двух повторяющихся на столь близком расстоянии описаний (ст. 274—276 = 257—259) одно можно считать интерполяцией.

Ст. 287. *Полиферд* — говорящее имя: «Многодерзостный», подобранное автором для отца наглого Ктесиппа по принципу: «Яблоко от яблони...»

Ст. 294. *Сын Леокритов...* — ошибочный перевод. В оригинале: Леокрит (см. 2. 242), сын Евенора.

Ст. 297 сл. ...*наклонила... Паллада... эгиду...* — Свой щит, вселявший ужас в смертных. Аналитическая критика считает эти стихи интерполяцией: какой смысл имеет теперь вмешательство Афины, когда из женихов в живых остался один Леодей, а прислуживавшие им против воли Фемий и Медонт и без того перепуганы насмерть и к тому же останутся в живых? Против изъятия этих стихов говорят, однако, ст. 299 («остальные же напугались...») и ст. 307—309: в живых еще оставался не один Леодей, и автор выделяет его только потому, что он уже знаком слушателям (21. 144—166). Ведь и ранее он не называет поименно всех убитых женихов.

Ст. 308 сл. почти = 24. 184 сл.

Ст. 312. *Ноги целую...* — Здесь и в ст. 344 в оригинале сказано: «молю, припадая к твоим ногам».

Ст. 318. ...*жертвогадатель...* — См. примеч. к 21. 145 сл.

Ст. 322 сл. ...*молился Дио...* — В оригинале Одиссей не упоминает о Зевсе (Дие) и его запрещении, а говорит: «ты часто молился, чтобы долго не свершилось мое сладостное возвращение».

Ст. 335. *Алтарь богов*, а особенно Зевса, считался неприкосновенным.

Ст. 343 сл. = 311 сл.

Ст. 347 сл. ...*вдохновением боги // Душу согрели...* — Модернизированный перевод. В оригинале: «я — самоучка, бог же взрастил в моей груди всякие ходы (песен)». В стихах этих известное недоумение вызывала самохарактеристика Фемия как самоучки, поскольку на рубеже 8—7 вв. уже существовала школа рапсодов-гомеров, к которой, судя по его имени, принадлежал и отец Фемия. Таким образом, Фемий мог унаследовать у отца искусство рапсода вместе с «ходами песен», т. е. традиционными приемами эпической поэзии. Вполне вероятно, однако, что автор «Одиссеи» изображает в образе Фемия не своего современника, а певца легендарных времен, аэда-импровизатора наподобие Демодока, которому «ходы песен» были нужны еще больше, чем позднейшим рапсодам, имевшим дело с уже готовым материалом.

Ст. 348 сл. ...*тебя... я... // Буду... веселить.* — В оригинале: «мне кажется, что я пою перед тобой, как перед богом». Трудно объяснить здесь настоящее время глагола: Фемий не поет в данный момент перед Одиссеем, а только обещает делать

это в дальнейшем. Поэтому некоторые исследователи предпочитают толкование вроде: «я готов петь перед тобой, как...» Перевод Жуковского близок к такому пониманию несколько загадочного стиха.

Ст. 366. *Стал целовать их...* — Добавление переводчика. См. примеч. к ст. 312.

Ст. 371. *Мрачно взглянув...* — Эта формула употреблена здесь переводчиком не к месту. В оригинале: «улыбнувшись» — это первая за всю поэму улыбка на лице Одиссея, не считая сардонической усмешки в 20. 301. Вторая доброжелательная улыбка героя последует в 23. 111.

Ст. 376. *...властителем слова...* — В оригинале: «богатый на песни».

Ст. 397. *Кличет отец...* — Автор забыл, что Еврикля до сих пор не должна была знать, кто скрывается под обликом нищего, так как и сам Телемах ничего не знал об омовении ног Одиссея.

Ст. 413—416. *Диев их суд поразил...* — В переводе не отражен важный смысловой нюанс оригинала, где говорится: «укротила их божественная доля и преступные дела», т. е. в качестве причины гибели женихов выводятся как *μοῖρα*, каждому от рождения назначенная и безразличная к его поведению «доля» и их собственные поступки, являющиеся результатом того же «безрассудства» (416; ср. 22. 317; 23. 67; 24. 458), которое в свое время погубило спутников Одиссея и Эгисфа (1. 34 сл.; см. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», § 3, и примеч. 13). Их смерть, однако, произошла «вопреки судьбе», т. е. в речи Зевса еще больше подчеркивается личная ответственность человека.

Ст. 414 сл. = 23. 65 сл.

Ст. 421. *Пятьдесят работниц...* — круглое число (см. 7. 103 и примеч.), как и *двенадцать* в ст. 424. См. 14. 13—16 и примеч.

Ст. 425. *...невезливы были.* — В оригинале: «не почитавшие ни меня, ни даже Пенелопу».

Ст. 429—436. *...почивает... Те, на которых ты мне донесла... свою изъявляя им волю...* — Фразеология из крепостного быта, чуждая языку поэмы. В оригинале: «которой какой-то бог послал сон... Вели прийти именно тем, которые раньше замыслили здесь позорные дела... — Он же, призвав их, бросил крылатое слово».

Ст. 433 сл. = 18. 185 сл.

Ст. 442. *...житию круглою башней...* — В оригинале сказано только «круглая», и назначение ее неизвестно. По толкованию, которому последовал Жуковский, башня служила кладовой для продовольствия.

Ст. 444. *...осрамивши развратом...* — В оригинале: «пусть они навсегда позабудут о любовных утехах, которым они предавались, совокупляясь с женихами». С точки зрения гомеровской морали, поведение служанок можно рассматривать как измену своему господину, но едва ли как разврат. См. ст. 464, где перевод «осрамившие» вовсе не соответствует оригиналу: «те, которые осыпали дерзкими речами меня и мать».

Ст. 447. *Жалобно воя...* — Правильнее: «плача», «причитая» (см. перевод в 4. 719): едва ли Одиссей, не заинтересованный в огласке происшедшего, позволил бы рабыням громко выть.

Ст. 452 сл. = 438 сл.

Ст. 457 сл. почти = 440—442.

Ст. 465. *...канат корабля... взял он...* — Телемах по собственному усмотрению видоизменяет приказ, полученный от отца (ст. 443).

Ст. 476 сл. предполагают ту же процедуру, что и в 18. 86 сл. (см. примеч.). Этот вид казни имел, по-видимому, апотропеическое значение: лишение обидчика еще при жизни его мужской силы исключало возможность с его стороны заgrabной мести.

Ст. 483 сл. *...рабынь приближенных... и прочих служанок...* — В оригинале различаются более близкие к госпоже служанки, занимающиеся с ней прядением и тканьем (*ἀφίπτολοι*), хотя и они — рабыни, и остальные рабыни (*δμοαί*) — вероятно, занятые по хозяйству. Ср., например, 20. 105—110.

Ст. 496 сл. *...немедленно... немедленно...* — В оригинале нет никакого обстоятельства времени, к тому же повторенного дважды.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Узнавание Одиссея Пенелопой

Ст. 26. *...государыня...* — В оригинале: «милое дитя».

Ст. 29 сл. *Телемак... давно... Знал...* — Еврикля так же не могла знать этого, как Телемах — о ее тайне. См. 22. 397 и примеч.

Ст. 37 сл. почти = 20. 39 сл.

Ст. 43. *...из столовой...* — Все из того же мегарона, в котором все время собирались женихи.

Ст. 50. *...благовонной...* — Добавление переводчика, вряд ли удачное применительно к сере. Вероятно, внесено сюда по аналогии с курением ладана.

Ст. 56 сл. *...истребителей дома, // В доме своем истребил...* — Игра слов, отсутствующая в оригинале. *...обиды загладило...* — Добавление переводчика. В оригинале сказано коротко: «женихи жестоко обращались с ним, он же отомстил всем в своем доме».

Ст. 65 сл. = 22. 414 сл.

Ст. 71. *Он, я твержу...* — В оригинале Еврикля не ссылается на свои слова, а говорит: «о супруге, находящемся в доме вблизи очага, ты говоришь, что он никогда не вернется».

Ст. 81 сл. *...великий // Ум ты имеешь...* — Несколько преувеличенный перевод. Точнее: «хоть ты и многосведуща» — имеется в виду, скорее всего, жизненный опыт Еврикля.

Ст. 87. *Голову, руки и плечи...* — В оригинале: «поцеловать в голову и обнять».

Ст. 97 сл. *Милая мать...* — Здесь в переводе несколько смещены акценты. Смягчено обращение Телемаха (в оригинале сказано: «мать моя, непохожая на мать»), но усилена вторая часть фразы (*Ты в своем ли уме?* — В оригинале: «обладающая бесчувственным сердцем»). *...угрюмо...* — Добавление переводчика, никак не согласующееся с ответом Пенелопы, ст. 105—107.

Ст. 109 сл. *...свои мы // Тайные... знаки имеем.* — Здесь были бы уместнее всего слова, которые Пенелопа скажет далее, ст. 177—180, и которые, среди других доводов, побуждают ряд исследователей отвергать ст. 117—172 как позднейшую вставку (см. след. примеч.). Между тем автор с полным основанием откладывает эти слова до тех пор, пока Одиссей примет свой цветущий вид, ст. 153—164. Пока он одет в рубище и не смыл с себя пот и кровь, Пенелопе едва ли может прийти в голову мысль о том, чтобы разделить с ним ложе.

Ст. 117. *Нужно, однако... решить нам...* — Следующие за тем распоряжения Одиссея (ст. 117—152) аналитическая критика рассматривает как более позднюю вставку; недоверие распространяется часто и на дальнейшие стихи, вплоть до 172 и даже 176. Предложение об изъятии ст. 153—176 представляется совершенно неприемлемым: по содержанию ст. 153 возвращается к ст. 116, а следующие за тем слова Одиссея (ст. 162—172) откровенно провоцируют Пенелопу на ответ, ст. 174—180, ведущий в этой сцене к развязке. Что касается ст. 117—152, то они вполне объяснимы боязнью Одиссея, чтобы родственники убитых женихов не узнали раньше времени об их гибели. Ср. ст. 137—140, 361—372; 24. 353—355, 413—439. О том, почему автор откладывает признание Одиссея Пенелопой, см. предыдущее примеч. См. также примеч. к 23. 296.

Ст. 127 сл., повторяющие двустиишие из Ил. XIII. 785 сл., отсутствуют во многих рукописях и расцениваются иногда как интерполяция. Однако они засвидетельствованы в одном папирусе 3 в н. э., вполне соответствующем отношению Телемаха к отцу и предвещаают его участие в ожидаемом сражении, 24. 505—515, 526 сл.

Ст. 136. *...тифуют здесь свадьбу.* — Притворная свадьба сразу же после расправы с женихами, чьи трупы еще не погребены, и в момент встречи супругов вызывала удивление не у одного толкователя «Одиссеи». Мотив этот, однако, составляет устойчивый элемент фольклорного сюжета, в котором вернувшийся муж попадает как раз на свадьбу своей жены (см. ст. «Одиссея» — фольклорное наследие...», § 2), тем более что в «Одиссее» этот рудимент достаточно мотивирован. См. ст. 137—140, 152. Наконец, у Одиссея и Пенелопы есть основания после 20-летней разлуки повторить свою свадьбу.

Ст. 156. *...его красотой озарила...* — Уже в 18. 68—70 обнаруживается могучее телосложение Одиссея, мало соответствующее облику старого нищего. В дальнейшем поэт вовсе забывает об этой маскировке, так что Афине нет необходимости возвращать Одиссею его прежний облик, достаточно только усилить впечатление от его внешности.

Ст. 157—162 = 6. 230—235, с той разницей, что в кн. 23 отсутствует управляющий глагол «сделала». На этом основании некоторые исследователи считают ст. 157—162 интерполяцией, внесенной сюда из кн. 6. См., однако, примеч. к ст. 117.

Ст. 168—170 = 100—102.

Ст. 174. *Ты, непонятный!..* — Начало стиха, совпадающее с началом ст. 166 передает анафору, употребленную в оригинале.

Ст. 184. *Кто же... ту вынес кровать?..* — При сопоставлении со ст. 179 (выставка *большую кровать*) возникает некоторая неясность: почему Одиссей толкует слова Пенелопы таким образом, что кровать уже вынесена из спальни? Поскольку различные попытки устранить противоречие не привели к какому-либо результату, остается предположить, что для автора были важны не столько детали, сколько последствия этого «испытания» (см. ст. 181) Одиссея: владея тайной супружеского ложа, герой полностью доказывает свою идентичность.

Ст. 195. *После... ветви обсек...* — Одиссей сооружает ложе в уже построенной спальне, чтобы никто не мог видеть, как он это делает, и, таким образом, проведать его тайну.

Ст. 203 сл. = 24. 245 сл.

Ст. 212. *...веселой...* — Добавление переводчика по аналогии со ст. 283, где старость названа в оригинале счастливой, т. е. беспечальной.

Ст. 218—224. Эти стихи многие исследователи еще с античных времен считают в устах Пенелопы излишним отступлением и видят в них позднейшую вставку. Однако контраст между Пенелопой, не поддавшейся никаким искушениям, и обуянной страстью Еленой находится в русле того же противопоставления, в каком судьба Одиссея сопоставляется с участью Агамемнона и верность Пенелопы — с коварством Клитемнестры.

Ст. 223. *Собственным сердцем...* — Перевод отчасти оправдывает Елену. В оригинале сказано: «она же заранее не предвидела мрачной беды».

Ст. 228. *Дочь Актора...* — Кто это такая, остается загадкой, так как более нигде она не упоминается. То ли она умерла, и ее обязанности перешли к Евриноме (см. ст. 153, 289, 293, 295), то ли это сама Евринома, названная здесь единственный раз по отцу?

Ст. 233. *В радость...* — В переводе опущено наречие «как», вводящее следующее далее сравнение.

Ст. 246. *...в колесницу...* — Т. е. в колесницу Эос (денницы).

Ст. 249 сл. *Много... много...* — Анафоре нет соответствия в оригинале.

Ст. 268—283 = 11. 121—136 с соответствующей заменой личных форм глагола.

Ст. 296. *Старым обычаем...* — После этого стиха в схолиях содержится замечание: «Аристофан и Аристарх говорят, что здесь кончается “Одиссея”», которое вызвало бесконечную дискуссию и, в том числе, подозрение в неподлинности оставшейся части кн. 23 и всей кн. 24. Прежде всего, однако, следует отвергнуть предположение о том, что александрийские филологи считали ст. 296 концом поэмы. Во-первых, по своей грамматической форме ст. 295 сл. требует продолжения. В оригинале сказано: «затем они вот», чему отвечает ст. 297: «однако (между тем, в свою очередь) Телемах...» Во-вторых, ничего не известно о каком-либо античном издании «Одиссеи», которое бы обрывалось на ст. 296, отбрасывая всю оставшуюся часть поэмы. Наконец, тот же Аристарх подвергал сомнению подлинность первых двух сотен стихов в кн. 24 (см. ниже примеч. к 24. 1—204), — значит, он не отвергал всей последней книги целиком. Поэтому правы, вероятно, те исследователи, которые видят в замечании александрийских филологов указание на завершение в ст. 296 сюжетной линии поэмы: странствия Одиссея пришли к концу, женихов постигло отмщение, супруги обрели друг друга. Все последующее можно считать эпилогом, в котором не исключаются позднейшие вставки (см. примеч. к ст. 310—343, а также к 24. 1—204), но подлинность такого хорошо подготовленного (см. вступительную заметку к кн. 13—24) эпизода, как встреча Одиссея с Лаэртом, никакого сомнения вызывать не может.

Ст. 310—343. Служат опять предметом длительного спора, восходящего еще к античности: Аристотель признавал их подлинными, Аристарх их отвергал. В наше время дискуссия между аналитиками и унитариями продолжается с участием виднейших специалистов с обеих сторон. Аналитики указывают на бесполезность благого перечисления уже известных слушателю приключений Одиссея после того, как они подробно изложены в кн. 9—12, и на необычную для эпоса форму косвенной речи. Унитарии ссылаются на жалобу Ахилла в Ил. 1. 365—392, в которой также повторяется все, что уже знает слушатель. Там, однако, Ахилл посвящает в происшедшее Фетиду, которой предстоит действовать в соответствии с еще неизвестными ей обстоятельствами. В «Одиссее» новый рассказ ничему не служит и ни к чему не ведет. Возможно, что весь кусок сочинен каким-нибудь поздним рапсодом

для такого случая, когда исполнялась только вторая половина поэмы или еще более короткий отрывок из нее, начиная с прихода Одиссея в свой дом. По-видимому, позицию аналитиков надо признать более обоснованной. Впрочем, и аналитики и унитарии сходятся в том, что ст. 320, отсутствующий в большинстве рукописей (в оригинале он представляет собой законченный период, легко вычленимый из контекста), является позднейшей вставкой. Он и по содержанию противоречит 10. 125—132, где сказано, что погибли не все спутники: корабль Одиссея уцелел вместе с его экипажем.

Ст. 326—330. *Как...* — Четырехкратное «как» воспроизводит анафору оригинала.

Ст. 339—341 = 5. 36—38 с заменой времени глагола.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вторая встреча в подземном царстве. Заключение мира

Ст. 1—204. Последний крупный раздел поэмы, подвергавшийся многократному обсуждению с точки зрения его подлинности. Сомнение в ней выразил уже Аристарх, и многие современные ученые разделяют то же мнение, ссылаясь на целый ряд содержащихся в этой части представлений, несвойственных гомеровскому эпосу. К ним относятся: (1) Ни в одной из поэм Гермес не представлен как «психопомп», сопровождающий души в Аид, ибо (2) они сами находят туда дорогу (см. 10. 560 сл.; 11. 51—58 и примеч.). (3) При этом обязательным условием их приема в подземное царство является погребение умерших (см. 11. 70—73; 12. 9—16), в то время как тела женихов все еще лежат не похороненными (24. 186—190). (4) В обсуждаемых стихах души умерших сохраняют сознание и способность говорить, что противоречит представлению о них, отраженному в кн. 11. К этому присоединяются некоторые стилистические критерии, а также возможность совершенно безупречного присоединения 24. 205 к 23. 372: в конце кн. 23 говорится, что Афина вывела Одиссея со спутниками из города, в 24. 205 — «когда же они вышли из города». С другой стороны, целый ряд моментов связывает эту сцену с мотивами, уже представленными в поэме. (1) Рассказ о погребении Ахилла (ст. 35—94) в какой-то мере заполняет промежуток во времени между «Одиссеей» и «Илиадой», как это имеет место в 11. 506—537, где Одиссеей повествует перед Ахиллом о подвигах его сына Неоптолема. (2) Рассказ Агамемнона о его убийстве (ст. 95—97, 192—202) завершает ту линию противопоставления Одиссея Агамемнону и Пенелопы — Клитемнестре, которая уже разрабатывалась в кн. 3, 4 и 11 (см. СМС). (3) Сообщение Амфимедона о хитрости Пенелопы (ст. 128—146, см. примеч.) возвращает слушателя к началу поэмы, завершая, таким образом, и эту линию, а его предположение о роли Одиссея в решении Пенелопы устроить состязание в стрельбе из лука (ст. 167—169) восходит к ранней версии, по которой узnavание супругов происходило до истребления женихов (см. 18. 158—303 и примеч.). Таким образом, ясно, что ст. 1—204 нельзя ни целиком принять, ни целиком отвергнуть. Скорее всего, к окончательному оформлению этого эпизода, находившегося в составе «Одиссеи» с самого ее возникновения, приложил свою руку позднейший рапсод, на чей счет можно отнести все непоследовательности в изображении подземного царства.

Ст. 1. ...*бог килленийский*... — Гермес, происходящий от аркадской нимфы Майи, обитавшей на горе Киллене. В историческое время здесь был один из центров его культа.

Ст. 3 сл. = 5. 47 сл. с заменой начальных стоп.

Ст. 6. *С визгом*... — Собственно: «со стрекотом»; душа уподобляется здесь птице. То же самое в ст. 9.

Ст. 10. ...*в бедах покровитель*... — Этимология и смысл эпитета Гермеса *ἀκάκητα* остаются невыясненными. Возможно, он имеет значение «не приносящий беды», «податель блага».

Ст. 11. *Скала Левкада*... — Собственно, Левкадская скала, под которой может разуться и реальная скала на побережье острова Левкады, либо, скорее, какая-то фантастическая земля на далеком западе.

Ст. 12 сл. *Ворота Гелиосовы*... — Мыслятся на крайнем западе, где солнце исчезает за горизонтом. На западе помещается в «Одиссее» и вход в подземное царство. См. 11. 14—19 и примеч. *Боги сна*... — Понятие, не существующее в греческой религии. Речь идет о «народе снов», т. е. о снах, являющихся ночью и потому проживающих опять же на западе, где обитает Ночь (сны — ее сыновья. См.: *Гесиод*. Теог. 212).

Ст. 15—18 = 11. 467—470 с небольшим различием в начале.

Ст. 20—22 = 11. 387—389.

Ст. 24—202. Обращает на себя внимание пятичленная симметрия в объеме речей в этом разделе: по краям и в середине эпизода — три краткие (Ахилл: ст. 24—34; Агамемнон: ст. 106—119; снова Агамемнон: ст. 192—202, т. е. 11, 14 и 11 стихов); между ними — две обширные (Агамемнон: ст. 36—97; Амфимедон: ст. 121—190, т. е. 62 и 70 стихов).

Ст. 32 сл. = 1. 235 сл. = 14. 369 сл.

Ст. 36—94. Восходят, вероятно, к эпической традиции о смерти и похоронах Ахилла (см. СМС), отраженной впоследствии в киклических поэмах.

Ст. 37. *Аргос* — см. 1. 340 и примеч.

Ст. 47 сл. *Волосы рвавших*. — Правильнее: «остригавших». Эти волосы клали на тело умершего. См.: Ил. XXIII. 135, погребение Патрокла: «Всё посвященными мертвому телу покрыв волосами». ...*скорбящая мать*... — Морская нимфа Фетида, мать Ахиллеса, дочь *стафа морей* (ст. 58).

Ст. 78. ...*далеко*... — Правильнее: «отдельно», т. е. не в одной и той же урне.

Ст. 80. *Холм погребальный*... — На берегу Геллеспонта в историческое время показывали курган, который принимали за надгробие Ахилла. Наряду с этим существовала и другая версия — см. СМС: Ахиллес.

Ст. 111 сл. = 11. 401 сл.

Ст. 116—119. *Вызвать спеша Одиссея*... — Вероятно, имеется в виду нежелание Одиссея принять участие в Троянском походе. Согласно версии, содержащейся в послегомеровской поэме «Киприи», в состав посольства, отправляемого к Одиссею, входили Менелай, Нестор и Паламед. Агамемнон к посольству отношения не имел, и вся история о его дружеских связях с Амфимедоном является нововведением автора, который таким путем предоставляет им возможность для откровенного разговора.

Ст. 118 сл. *Целый мы плавали месяц*... // *Прежде, чем был убежден Одиссей*... — Этим стихам дают различное толкование. (1) В указанный месяц входит время, потра-

ченное на отправление из Микен, уговоры Одиссея и возвращение. В этом случае «плавание по морю» обозначает весь срок отлучки Агамемнона и Менелая. (2) Срок в месяц указывает на продолжительность пути от Греции до Трои, включая сюда вынужденную задержку в Авлиде. В любом случае *прежде чем* в переводе не имеет смысла; в оригинале сказано: «с трудом убедив Одиссея, мы плавали...»

Ст. 128—146 = 2. 92—110. См. примеч.

Ст. 149. *Демон враждебный...* — С точки зрения женихов.

Ст. 157 сл. = 17. 202 сл. = 337 сл.

Ст. 162. *Долгое время...* — Недосмотр переводчика. В оригинале сказано: «некоторое время», что, впрочем, тоже является известным преувеличением, легко объяснимым при той насыщенности действием, которая отличает кн. 17—23. На самом деле пребывание Одиссея в своем доме, включая расправу с женихами, заняло всего два дня.

Ст. 164. *Но, ободренный... Зевесом...* — См. 21. 412—415, которые аналитическая критика напрасно считает неподлинными. См. также ниже, ст. 182, где Амфимедон ссылается на помощь бессмертных Одиссею.

Ст. 167. *...побудил Пенелопу...* — Слушатели могли помнить, как Одиссей одобрил ее решение устроить состязание в стрельбе из лука (19. 583—587), а с точки зрения женихов, такой совет мог исходить и от него самого. См. также примеч. к 24. 1—204.

Ст. 184 сл. почти = 22. 308 сл.

Ст. 195 сл. *Мужу... // Сердцем избранному...* — См. примеч. к 13. 45.

Ст. 197. *...в песни: Камен сохранится...* — В оригинале сказано, что в песни, внушаемой бессмертными богами, для людей на земле сохранится слава о добродетели Пенелопы. Камены — латинизм переводчика; в греческой мифологии им соответствуют Музы.

Ст. 208. *...широким навесом...* — В оригинале — существительное κλοῖον, значение которого было непонятно уже в античности. Возможно, им обозначаются хозяйственные постройки, расположенные вокруг господского дома.

Ст. 209. *...рабы...* — В оригинале к слову βρωεῖς прибавлено определение ἀναγκαῖοι «вынужденные», которое некоторые исследователи толкуют таким образом, что речь идет о свободных, но обедневших людях, отдавших под залог (или вовсе потерявших) свой земельный участок и теперь «по необходимости» живущих на положении рабов.

Ст. 211. *...старушка породы сикельской...* — Жена Долиона. См. 387 сл.; 1. 187.

Ст. 237. *Руки его...* — Добавление переводчика.

Ст. 272 сл. = 19. 194 сл.

Ст. 294. *...дорогокупленной...* — Прилагательное πολυδωρος допускает два толкования: либо та, за которую будущий муж принес ее родным обильные дары; либо та, которая принесла с собой большое приданое. Первое толкование больше соответствует обычаям, принятым в эпосе. См. 6. 159 и примеч.

Ст. 304. *Алибант...* — Вымышленное название, созвучное глаголам ἀλόμαι «блуждать» и ἄλωю «неистовствовать». Точно так же имя Афейдант (в переводе: *Афейд*) ассоциируется с глаголом φείδομαι «беречь», «щадить» и отрицательным префиксом α-: рассказчик — сын «не щадящего». В этой «генеалогии» содержится намек либо на расправу Одиссея с женихами, либо на щедрость мнимого чужеземца, осыпавшего дарами Одиссея (выше ст. 271—279).

Ст. 336. ...*могу я тебе перечесть*... — Подобно тому как для признания его Пенелопой Одиссею недостаточно было показать рубец, а надо сообщить приметку, известную только им двоим, так и здесь он называет Лаэрту число подаренных ему деревьев, которое могло быть известно только ему и отцу.

Ст. 345 сл. = 23. 205 сл.

Ст. 359. ...*старым*... — Добавление переводчика. Евмей не старше Одиссея, раз он еще готов обзавестись семьей (14. 62 сл.; 21. 214 сл.).

Ст. 378. *Нерикон* (правильнее: Нерик) — вероятно, город на острове Левкада, который до прорытия канала, отделившего его от Акарнании, мог считаться оконечностью материка.

Ст. 389. *Всех сыновей*... — Имеются в виду дети Долиона; в переводе опущено слово «мать», т. е. жена Долиона и мать его детей.

Ст. 397. ...*к своему господину, как и своему поклоняясь господину*... (ст. 409) — Добавление переводчика.

Ст. 420 сл. *На площадь*... *На площадь*... — Анафора, не находящая соответствия в оригинале.

Ст. 424 сл. *Первый*... *первою*... *сокрушался*... *сокрушенный*... — Тавтология, принесенная переводчиком.

Ст. 445. *Видел я сам*... — Из слов Медонта следует более активное участие Афины в истреблении женихов, чем это имело место в кн. 22. Возможно, здесь сохранился остаток какой-то другой версии.

Ст. 453 сл. = 2. 160. См. примеч.

Ст. 457. ...*вас убеждали*... — см. 2. 157—176, 224—241.

Ст. 479 сл. = 5. 23 сл.

Ст. 482 сл. ...*имел он // Право на то*... — Добавление переводчика, справедливое с точки зрения оскорбленного мужа, но едва ли соответствующее гомеровскому праву: отвергнув предложение женихов о выкупе (22. 54—67), Одиссей тем самым навлек на себя месть их родных.

Ст. 495. *Идут!*.. — Почему родственники женихов решили искать Одиссея у Лаэрты, автор не объясняет, считая это само собой разумеющимся.

Ст. 497. ...*сам-четверт*... — Т. е. Одиссей, Телемах, Евмей и Филойтий, пришедшие к Лаэрту.

Ст. 502 сл. = 22. 205 сл.

Ст. 523. ...*медноланитный*... *шелом*... — Т. е. шлем с медными пластинами, защищавшими щеки.

Ст. 539. ...*громовую стрелю*... — Перуном, молнией.

В. Ярхо

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ

По ходу изложения в «Одиссее» затрагивается целый ряд мифологических сюжетов, литературная судьба которых прослеживается на протяжении всей истории античной литературы, от 8 в. до н. э. вплоть до 5—6 в. н. э., и при том в обеих ее ветвях — греческой и римской. Некоторые из этих мотивов получили отражение, наряду с «Одиссеей», также в киклических поэмах¹. Ни одна из них не сохранилась, но по немногочисленным фрагментам и особенно из прозаического пересказа поэм Троянского кикла мы можем понять, о чем шла речь в каждой из них и как это соотносится с изложением в «Одиссее». Хотя все эти поэмы были созданы, скорее всего, в то время, когда «Одиссея» уже существовала, при ее формировании автор мог рассчитывать на то, что изложенные в них мифы были знакомы его аудитории, так как содержание их составляли сказания, известные из достаточно распространенного репертуара рапсодов. Следовательно, автор «Одиссеи» мог в своем изложении варьировать объем информации о них: от более обширной, когда этого требовала его художественная задача, до одного намека или упоминания какого-нибудь персонажа.

В дальнейшем эти сюжеты получают развитие, видоизменение и переосмысление в древнегреческой лирике 7—5 вв. (Сапфо, Алкей, Сестихор, Пиндар), в афинской трагедии 5 в. (Эсхил, Софокл, Еврипид), затем — у эллинистических поэтов 3 в. (Феокрит, Аполлоний Родосский), с тем чтобы снова возродиться в творчестве последних представителей древнегреческого эпоса: в большой поэме Квинта Смирнского, которая так и называлась «После Гомера», и в небольшой — «Взятие Илиона» Трифиодора (3 в. н. э.).

На римской почве мифологическая тематика, связанная преимущественно с героями Троянской войны, сначала очень активно использовалась в трагедии республиканского времени (с рубежа 3—2 вв. до середины 1 в. до н. э.), перерабатывавшей греческие образцы. К сожалению, вся римская трагедия этих веков утеряна, и сохранившиеся

¹ См. о них примеч. 1 к статье «“Одиссея” — фольклорное наследие и творческая индивидуальность» // *Гомер. Одиссея*. Перевод В. А. Жуковского. М., 2000. Серия «Лит. памятники».

фрагменты представляют интерес только для специалистов. Главными же источниками для судьбы мифа в римской поэзии являются такие эпические произведения, как «Энеида» Вергилия, «Метаморфозы» Овидия и его же лирический цикл «Героиды» («послания» покинутых героинь своим возлюбленным) и «Фиваида» Стация (ок. 40—95), принадлежащего уже к эпохе Ранней империи. Немногом ранее Стация обращается к мифологической тематике философ и поэт Сенека (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.), оставивший 8 цельных трагедий¹.

Одновременно с развитием мифологических сюжетов в художественной литературе сравнительно рано (не позже 4 в.) стали появляться специальные исследования об употреблении мифов у Гомера и других классических авторов, а по меньшей мере со времен эллинизма начали составлять всякие словари и справочники по мифологии, предназначенные для нужд школы и ориентированные на достаточно широкую публику. С накоплением различного материала встал вопрос о необходимости привести в систему разбросанные всюду сведения. Из произведений такого рода до нас дошли собрания мифологических сюжетов, известные под именами Аполлодора и Гигина (первый датируется предположительно 2 в. н. э., второй — вполне надежно), при том что совершенно неизвестно, кто скрывается под этими именами. К ним можно прибавить возникший примерно в то же время более скромный по объему труд — «Метаморфозы» некоего Антонина Либерала. В самом конце античности возникает фиктивный «Дневник Троянской войны», дошедший под именем не менее загадочного Диктиса Критского.

Еще одним источником наших знаний о судьбе того или иного мифа являются схолии — античные и более поздние примечания, которыми обычно сопровождалось издания классических авторов от Гомера до Аполлония Родосского, а впоследствии — тех же Вергилия и Стация. Немалое место в схолиях занимали и всякие сведения по мифологии, в том числе — и заимствованные из уже названных выше пособий. Для римских авторов особой известностью пользовались схолии к Вергилию и Стацию, составленные соответственно грамматиками Сервием (4—5 вв. н. э.) и Лактанцием Плацидом (конец 4 или нач. 5 в. н. э.), которые в свою очередь послужили источником для анонимного средневекового свода (так называемый Первый Ватиканский мифограф). Он датируется периодом между 875 и 1075 гг. и подводит своеобразный итог мифографическим штудиям в античности. Это время и составляет верхнюю хронологическую границу для привлекаемых здесь источников.

¹ В это число включается и трагедия «Геркулес на Эте», принадлежность которой Сенеке находится под сомнением. Однако для судьбы мифа это обстоятельство существенного значения не имеет.

При решении вопроса о включении в словарь того или иного сюжета из числа затрагиваемых в «Одиссее» были приняты следующие критерии:

(1) Сюжет можно проследить в сохранившихся литературных памятниках. Например, не последнее место в поэме занимают образ Навсикаи и ее отношения с Одиссеем. Однако кроме сведений о недошедшей трагедии Софокла, в которой он восхитил зрителей своим изяществом при игре в мяч, мы никакими данными о дальнейшем развитии этого мотива не располагаем, почему и пришлось оставить Навсикаю за пределами настоящего словаря.

(2) Если из какого-нибудь многосоставного сюжета в «Одиссее» используется (или, наоборот, замалчивается) какой-то один мотив, то прослеживается дальнейшая судьба только этого мотива. Например, в поэме упоминается лишь один из подвигов Геракла — нисхождение в подземное царство за Цербером, и, следовательно, нет необходимости поминать в словаре все его остальные подвиги. С другой стороны, автор умалчивает о причине смерти Геракла и о его последних часах, — этот «пробел» приходится заполнять в словаре.

(3) В словаре прослеживаются только те линии мифологического предания, которые находят основание в самой «Одиссее». Так, скажем, весьма нетрадиционный взгляд на роль отдельных греческих вождей под Троей (Агамемнона или Ахилла) содержится в уже упомянутом «Дневнике Троянской войны» Диктиса. Однако ни к «Илиаде», ни к «Одиссее» эти новшества никакого отношения не имеют, а следовательно, ссылок на соответствующие главы сочинения Диктиса читатель в словаре не найдет. Другой пример. В поздних источниках есть рассказ о том, как Фетида, зная о неизбежной гибели Ахилла под Троей, спрятала его на острове Скирос, и как его там разыскали. Однако в гомеровских поэмах этот вариант, не соответствующий героической биографии Ахилла, полностью игнорируется; не будет он упомянут в статье об Ахилле и в нашем словаре. То же самое касается восходящей к эллинистическим временам версии о намерении Ахилла жениться на троянской царевне Поликсене. Для переговоров по этому поводу Ахилла якобы пригласили в храм на Троянской равнине, где он был коварно убит Парисом. Поскольку в гомеровских поэмах этот мотив отсутствует, то в статье об Ахилле и не будет ничего сказано по этому поводу. Поступить иначе — значило бы превратить этот служебный словарь в справочник по античной мифологии, для чего имеются другие издания¹.

¹ По этой же причине не даются отсылки к таким случаям, где упоминание мифологических персонажей или намеки на их судьбу сделаны мимоходом, как у римских поэтов времени Августа (часто — в сравнениях), у того же Сенеки, да и во множестве прозаических

Почти все авторы, на которых ниже даются ссылки, имеются в русских переводах и в отдельных изданиях (Эсхил, Софокл, Вергилий, Овидий и т. д.). Что касается авторов, чьи произведения вошли в разные своды, то читатель найдет их в следующих собраниях:

Гесиод — в кн.: Эллинские поэты / В пер. В. В. Вересаева. М., 1963; Гесиод, «Щит Геракла» и лирические поэты — в кн.: Эллинские поэты VII—III вв. М., 1999; Алкей, Сапфо, Стесихор — в кн.: Древнегреческая мелика. М., 1988; Аполлоний Родосский — в кн.: Александрийская поэзия. М., 1972; «Героиды» и «Наука любви» Овидия — в кн.: Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973; Антонин Либерал, Диктис и позднеантичный пересказ поэм эпического цикла — в кн.: Античные мифографы. СПб. (в печати); отрывки из поэм Трифиодора и Квинта Смирнского — в кн.: Памятники поздней античной поэзии и прозы 2—5 вв. М., 1964. Полный русский перевод Квинта Смирнского до сих пор не издан; читателям, не знающим древнегреческого, можно посоветовать издание с параллельным английским переводом: Quintus Smirnaeus. The Fall of Troy. L.; N.Y., 1913 (и многочисленные последующие переиздания).

АВТОЛИК (у Жуковского ошибочно: Автоликон) — отец Антиклеи, дед *Одиссея*. Его говорящее имя, произведенное от *αἴτος* и *λύκος* («истинный волк»), выдает основную черту его характера — коварство. Искусством воровать и не быть разоблаченным, а также давать ложные клятвы А. обязан Гермесу, который, по наиболее распространенной версии, был его отцом. Автор «Одиссеи» либо не знает этой генеалогии, либо умалчивает о ней, ибо в таком случае Гермес оказался бы прадедом *Одиссея*, и его помощь герою перед встречей с Цирцеей получила бы совсем другой, «родственный» характер, чем в нынешней «Одиссее» (см. прим. к 10. 135—136). Не отрицая указанных выше качеств А., автор объясняет их тем, что он приносил Гермесу обильные жертвы и тем снискал его расположение (19. 394—298). В Ил. X. 266 упоминается, как А. похитил у Аминтора шлем, украшенный кабаньими клыками. В Од. 19. 407 сл. сам А. признается, что вызвал гнев многих (см. примеч. к 19. 411), — вероятно, именно своим коварством. См. также СМС: Геракл. Единственный связный рассказ об А. сохранился у Гигина, № 201: А. долго воровал скот у Сизифа, который только тогда смог уличить похитителя, когда выбил на копытах у коров специальное клеймо. Находясь

сочинений: у историков Геродота и Фукидида, в диалогах Платона или Лукиана, в речах и трактатах Цицерона — словом, везде, где целью изложения является не сюжет, а пример, справка и т. п.

в доме А. для выяснения отношений, Сизиф успел соблазнить уже просватанную за Лаэрта его дочь Антиклею, будущую мать Одиссея, почему в афинской трагедии 5 в. последнего нередко называют «порождением Сизифа» (напр., у Софокла. Аякс. 190). И опять же, в «Одиссее» не встретится ни единого намека на сомнительные обязательства, при которых Одиссей появился на свет, — для автора он является единственным сыном Лаэрта, к которому тот испытывает самые искренние сыновние чувства.

АГАМЕМНОН — сын Атрея и Аэропы, муж Клитемнестры, отец Ореста. Царь Микен (в позднейшей традиции резиденцией А. нередко называют Аргос). В «Илиаде» — верховный предводитель ахейской рати под Троей, вызвавший своим надменным поведением гнев *Ахилла*; тем самым А. стал виновником больших потерь в греческом войске. В «Одиссее» имя А. один раз упоминается в связи с рассказом о раздорах среди ахейцев после взятия Трои (З. 143), — мотив этот содержался также в «Возвращениях» (ср. Аполлодор. Эп. VI. 1). Гораздо чаще автор поэмы останавливается на трагической гибели А., которую традиционная версия, наиболее обстоятельно разработанная в афинской трагедии 5 в., объясняет двумя причинами. (1) Родовое проклятье, тяготеющее над А. В особенно жестокой форме оно проявилось в предшествующем поколении: Атрей и его брат Фиест были изгнаны их отцом Пелопом за убийство сводного брата Хрисиппа, нашли убежище в Микенах и стали оспаривать право на освободившийся там царский престол. Чтобы завладеть им, Фиест соблазнил Аэропу и с ее помощью выкрал из стада Атрея золоторунную овечку, обладание которой давало право на царскую власть в Микенах. Обнаружив это предательство, Атрей пригласил Фиеста на пир и подал ему мясо его убитых малолетних детей («пир Фиеста»). В свою очередь Фиест, поняв, что он съел, проклял брата. От преступного союза с собственной дочерью он произвел на свет Эгисфа, который, выросши, отомстил за отца: он убил Атрея, а затем, пользуясь десятилетним отсутствием А., соблазнил его жену и составил заговор, завершившийся убийством А. (2) Участие в этом заговоре Клитемнестры объясняется как боязнь разоблачения ее связи с Эгисфом, так особенно ее мстью А. за принесение в жертву их старшей дочери Ифигении, поскольку только такой ценой А. мог обеспечить благополучное отплытие греческого флота под Трою.

Гомеровский эпос не использует ни одного из этих двух мотивов. Когда в «Илиаде» заходит речь о скипетре А., сообщается, что он переходил в порядке преемственности из рук в руки от Пелопа к Атрею, от Атрея к Фиесту, от того — к Агамемнону (II. 101—109), — ни о какой

вражде между братьями нет ни слова. В другой раз А. называет трех своих дочерей, и среди них — Ифианассу (IX. 142—145), явно призванную заменить Ифигению, о которой Гомер не хочет вспоминать. Только намек на жертвоприношение Ифигении можно усмотреть в «Илиаде», I. 106, где А. упрекает жреца Калханта в том, что тот всегда дает ему зловещие прорицания; подробнее этот мотив не разрабатывается, чтобы не бросать тень на предводителя всего ахейского ополчения.

В «Одиссее» единственной причиной гибели А. является измена Клитемнестры и желание Эгисфа избавиться от соперника, причем приходится констатировать некоторые противоречия, свидетельствующие о рудиментах менее известных версий мифа.

Обычный вариант излагается в 3. 262—275 и в 4. 524—537; в последнем отрывке о Клитемнестре вовсе нет речи, а упоминание сообщников Эгисфа противоречит всей последующей традиции, согласно которой Эгисф и Клитемнестра составили заговор в глубокой тайне и всячески избегали его огласки. Чаще, однако, супруга А. называется по меньшей мере соучастницей убийства (3. 234 сл.; 4. 92; 11. 409 сл., 427—434, 452 сл.; 24. 96 сл., 199—202); во всяком случае, она собственной рукой убивает троянскую царевну Кассандру, дочь Приама, привезенную А. домой в качестве пленницы (11. 420—423).

Теперь наступает черед Ореста, сына А., отмстить за убитого отца. В «Одиссее» расправа с Эгисфом, совершенная Орестом, расценивается однозначно положительно и ставится в пример Телемаху (1. 29—43, 294—296; 3. 195—298, 303—308¹). Что касается убийства матери, то упоминается только о ее похоронах вместе с Эгисфом (3. 309 сл.) — более подробного освещения этого события автор избегает. По-видимому, с его точки зрения, дальнейшая судьба Ореста не содержала в себе ничего трагического.

Остатками каких-то других версий надо признать несколько стихов в 4. 514—518, где Эгисф встречает А. вовсе не в Микенах, и в 3. 255—261; 4. 546 сл., содержащих загадочный намек на возможность совершения мести Менелаям.

Дальнейшее развитие миф получил в киклической поэме «Возвращения», известной только по краткому изложению, и у Стесихора в двухчастной поэме «Орестея». Судя по немногочисленным дошедшим от нее фрагментам, здесь уже использовался мотив жертвоприношения Ифигении и главным виновником убийства А. окончательно становилась Клитемнестра, которой Орест мстил за смерть отца. Обращался к

¹ В ст. 306 — указание на возвращение Ореста из Афин. По более поздней версии, юность Ореста прошла в Фокее, у Строфия, женатого на сестре А. В Афины он попадает только после убийства матери. См.: *Еврипид*. Ифигения в Тавриде. 940—975.

этой истории и Пиндар. В его XI Пифийской оде (474 г.) Клитемнестра недвусмысленно названа убийцей А. и Кассандры, Орест — мстителем за смерть отца, и попутно ставится вопрос о мотивах преступления Клитемнестры: месть за Ифигению или преступная любовная связь и боязнь пересудов среди граждан (ст. 17—29)?

Новое измерение судьба А. и Ореста получает в афинской трагедии V в., и прежде всего — у Эсхила в трилогии «Орестея» (458 г.), охватывающей события от возвращения А. до решения судьбы Ореста после совершения им мести за отца. Фигура стража, ожидающего целый год на крыше дворца огненного сигнала о взятии Трои (Агамемнон. 1—20), восходит к рассказу о дозорном, которого выставил Эгисф, чтобы следить за приближением А., в «Одиссее», 4. 524—528. Убийству, происходящему, как всегда в греческой трагедии, за сценой, предшествует большой эпизод, в котором Кассандра пророчит гибель свою и А. (ст. 1055—1326). В остальном именно у Эсхила выступают в сложном переплетении оба названных выше мотива: родовое проклятье как некая объективная реальность и субъективные доводы, побудившие А. принести в жертву Ифигению, а Клитемнестру — решиться на убийство супруга. За свои действия должны расплачиваться те, кто их совершил, и никакие ссылки на родовое проклятье не могут освободить виновных от ответственности. В отличие от трактовки «Одиссеи», Клитемнестра является зачинщицей и исполнительницей убийства А., и, соответственно, для Ореста необходимость, совершая месть за отца, убить свою собственную мать становится серьезнейшей нравственной проблемой. Судьбу царского дома Эсхил рассматривает как одно из звеньев длительного процесса, в котором рука об руку идут преступления и воздаяние: ахейское войско под предводительством А. разрушает Трою, мстя за похищение Елены, но жертвоприношение Ифигении¹, гибель многих ради одной Елены и разорение в Трое храмов богов навлекают на А. месть, совершаемую руками Клитемнестры; в свою очередь, она гибнет от руки собственного сына, которого только ареопаг (суд афинских старейшин) под председательством Афины оправдывает равенством голосов, разрывая тем самым зловещую цепь родового проклятья.

Софокл и Еврипид (у каждого из них была трагедия «Электра») сосредоточили внимание на переживаниях детей А. — его дочери Электры (вовсе не упоминаемой в гомеровских поэмах) и Ореста. У Софокла Электра ждет брата как избавителя от притеснений в доме Эгисфа; с его появлением осуществляется месть над убийцами отца, которую

¹ Еще полвека спустя этому событию посвятил специальную трагедию «Ифигения в Авлиде» Еврипид.

поэт расценивает как справедливую, освобождая брата и сестру от каких-либо нравственных проблем и возвращаясь, таким образом, в трактовке поведения Ореста к «Одиссее». Еврипид, напротив, не отрицая, что Клитемнестра заслужила кару, подвергает сомнению право на ее совершение со стороны родного сына. Сразив мать, Орест и Электра испытывают состояние глубокой подавленности. Трагедия Еврипида «Орест» (408 г.), начинаясь с изображения душевных мук, которые терзают матереубийцу, завершается трагическим фарсом, в котором Орест ищет спасения от смертного приговора сограждан в попытке новых убийств — Елены и ее дочери Гермионы, пока конец этому не кладет появление бога Аполлона.

Авторитет трех трагиков у последующих поколений был настолько велик, что в течение нескольких столетий почти никто не брался за новую обработку истории А. и его потомства. Только Сенека снова обратился к этой теме в трагедиях «Фиест» и «А.»; во второй из них, сохраняя основную сюжетную линию своего греческого предшественника, он вовсе не ставил себе целью проникнуть в ту сложную диалектику наказания и преступления, которая составляет самую примечательную черту эсхиловской трагедии.

Краткое изложение мифа с использованием предшествующей литературной традиции — у Аполлодора (Эп. II. 10—14; III. 21 сл.; VI. 23—25); Гигина (№ 85, 87, 88, 98, 117, 119, 258); Ватиканского мифографа (I. 20, 22; II. 45).

АЛКИНОЙ — царь феаков, муж Ареты, отец Навсикаи. Кроме помощи, оказанной в возвращении на родину *Одиссею*, известен участием в судьбе Ясона и Медеи. Когда преследовавшие беглецов колхи обнаружили их во владениях А., они потребовали выдачи им Медеи, и А. готов был на это согласиться при условии, что Медея еще не стала женой Ясона. Узнав об этом, Арета содействовала соединению молодых людей, и они благополучно продолжили свой путь на родину Ясона. См.: Аполлоний Родосский. Аргонавтика. IV. 1096—1169; Гигин. № 23.

Имя А. — говорящее; наиболее очевидна его связь со словами *ἀλκή* «доблесть» и *νοέω* «думать», «размышлять». Человек, сочетающий в себе доблесть со способностью к размышлению, является, конечно, идеальным царем.

АЛКМЕНА — фиванская царевна, затем жена Амфитриона, мать *Геракла* от Зевса. После краткого упоминания об этом союзе в «Одиссее» (II. 266—268) подробнее говорилось о нем в псевдогесиодовском «Щите Геракла», 27—56, и у раннего мифографа Ферекида, к которому,

по мнению исследователей, восходит сообщение Аполлодора, II. 4. 8. Произведения афинских драматургов, обрабатывавших этот сюжет, до нас не дошли. В сохранившихся трагедиях Алкмена выступает только у Еврипида в «Гераклидах» (941—960, 1045—1052), где она осуждает на смерть Еврисфея, который всю жизнь преследовал Геракла и перенес свою ненависть на его потомство, но в конце концов потерпел поражение в сражении с Гиллом, сыном Геракла (ср. Аполлодор. II. 8. 1). В трагикомическом освещении явление Зевса А. и возникшие из этого осложнения изображены в комедии Плавта «Амфитрион», которая восходит к какой-то не дошедшей до нас аттической комедии 4 или 3 в. В основном, по Плавту изложена история у Гигина, № 29.

АМФИАРАЙ — сын Оилея, аргосский полководец и прорицатель. Зная о том, что поход семи вождей против Фив обречен на неудачу, он уклонялся от участия в нем, но уступил настоянию своей жены Эрифилы (Од. II. 326). Последняя польстилась на драгоценное ожерелье, которое подарил ей вдохновитель похода семерых Полиник. При отступлении из-под Фив А. поглотила разверзшаяся перед ним земля («погиб златолюбия женского жертвой», 15. 247). Уходя на войну, А. завещал своему сыну Алкмеону (15. 248) отомстить матери, о чем автор «Одиссеи» так же избегает упоминания, как о гибели Клитемнестры от руки Ореста.

В послегомеровской литературе А. предстает благородным человеком, осуждающим поход Полиника против родного города (Эсхил. Семеро. 568—617; Еврипид. Финикиянки. 1109—1112). Поскольку с его именем связано учреждение на пути к Фивам Немейских игр¹, А. часто вспоминает Пиндар в своих Немейских одах. Заметную роль играет А. в «Фиваиде» Стация: он совершает гадания перед походом (III. 440—565), призывает воздать почести погибшему от укуса змеи Офельту (V. 731—753), отважно сражается под стенами Фив, где его по воле Аполлона поглощает живым вместе с колесницей разверзшаяся земля (VII. 690—823; VIII. 1—126). См. также Аполлодора (III. 6. 2, 4, 8; 7. 5); Гигина (№ 73; 74); Ватиканского мифографа (II. 49; 50).

АНТИОПА — по наиболее распространенной версии, дочь фиванского царя Никтея (в Од. II. 260 — речного бога Асопа). Забеременев от Зевса, она во время скитаний на Кифероне рождает близнецов; их подбирает и воспитывает пастух, назвав мальчиков Амфион и Зеф

¹ См. большой папирусный отрывок из недошедшей трагедии Еврипида «Гипсипила» (Вестник древней истории. 1996. № 1. С. 217—221).

(у Жуковского: Цетос). Попав в рабство к брату Никтея Лику и его жене Дирке, А. испытывает с их стороны всяческие притеснения. Со временем А. находит своих сыновей, которые мстят ее притеснителям, а затем, воцарившись в Фивах, окружают их стеной (II. 262—265 и примеч.). О злоключениях А. в «Одиссее» ничего нет. Этот мотив появляется впервые, по-видимому, в недошедшей трагедии Еврипида «А.» (см.: Вестник древней истории. 1996. № 1. С. 222—230), содержание которой излагает Гигин в № 8 (его же путанный рассказ в № 7 повторяется у Ватиканского мифографа, I. 96). См. также: Аполлодор. III. 5. 5.

АРИАДНА — дочь критского царя Миноса, которая помогла Тесею выбраться из лабиринта после убийства Минотавра. Согласно «Одиссее», бежав затем с Тесеем, А. была застрелена Артемидой «по наущению» Диониса (Вакха) (II. 321—325), при том что причина этого приговора совершенно непонятна. По более поздней версии, получившей обработку главным образом у римских поэтов, Дионис, влюбившись в А., сделал так, что Тесей забыл ее на острове Наксос (Дия), и сам овладел ею. См.: Катулл. 64, 116—206; Овидий. *Метам.* VIII. 174—182, Героиды. X, Наука любви. I. 527—564; Гигин. № 42; 43; Аполлодор. Эп. I. 8 сл.

АХИЛЛЕС (Ахилл) — сын Пелея и морской нимфы Фетиды, величайший из ахейских героев, сражавшихся под Троей. Во время действия «Одиссеи» его тень давно находится в царстве мертвых, причем, повествуя о его гибели, автор расходится с версией, изложенной в «Илиаде». Там сам А. знает, что ему суждена смерть от стрелы Аполлона (XXI. 278); вещий конь Ксанф пророчит ему гибель от бога и мужа (XIX. 417), и Гектор уточняет это пророчество: А. погибнет от рук Александра и Аполлона у Скейских ворот Трои (XXII. 359 сл.). Версия эта стала определяющей в последующей литературной традиции: в «Эфиопиде», у Аполлодора (Эп. V. 3), Гигина (№ 107), Квинта Смирнского (III. 21—185), Ватиканского мифографа (I. 36; II. 38). Обычно еще указывалось, что выстрел был направлен в единственное уязвимое место в теле А. — в пяту, которая одна осталась не закаленной, когда Фетида купала новорожденного А. в водах адской реки Стикс. Гомер, избегающий в «Илиаде» всего чудесного, отказывается от этой подробности, а автор «Одиссеи» опускает также соучастие бога: А. погибает в сражении, разгорается бой за его тело, которое ахейцы в конце концов отбивают, уносят в лагерь и устраивают там торжественное погребение. Ему предшествует оплакивание умершего Фетидой и ее сестрами-нереидами, а затем следуют погребальные игры у могилы, в которой похоронен его

прах (24. 35—94; см. впоследствии со множеством подробностей — у Квинта Смирнского, III. 525—787; IV. 88—595, и у Диктиса, IV. 13 и 15). Соответственно, нет и речи о перенесении А. на Елисейские поля, — этот вариант появляется, по-видимому, впервые только у лирических поэтов 6—5 вв. Ивика и Симонида. Автор «Одиссеи», хоть и знает о существовании Елисейских полей (см. примеч. к 4. 561), никак не связывает с ними посмертную долю. А.: тело его предается сожжению, а призрак покоится в Аиде (II. 467—540)¹.

Наконец, в «Одиссее» содержится еще воспоминание о походах на соседние с Троей города и острова, которые греки совершали под предводительством А. (3. 105 сл.). Этой темы автор касается очень кратко, так как она была известна слушателям по многочисленным возвращениям к ней в «Илиаде» (I. 163—168; II. 690—693; VI. 396 сл., 414—416; IX. 128—130, 328—334; XIX. 291—294; XX. 90—92, 187—194). Ср.: Аполлодор. Эп. III. 33; Диктис. II. 16 сл. Нет ничего в «Одиссее» и о подвигах, совершенных А. в промежутке между убийством Гектора и его собственной смертью: победах над предводительницей амазонок Пенфесилеей и вождем эфиопов Мемноном, о чем повествовалось в «Эфиопиде». См.: Аполлодор. Эп. V. 1, 3; Квинт Смирнский. I. 508—674; II. 388—548; Диктис. IV. 2—8.

АЯКС. Под этим именем в эпосе известны два героя, появление которых объясняется, вероятно, раздвоением некогда единого образа.

1. А. — сын саламинского царя Теламона, храбрейший после *Ахилла* герой в ахейском войске. В «Илиаде» он принимает участие в самых ответственных сражениях (битва у кораблей, XV. 414—563; бой за тело Патрокла, XVII. 115—139, 746—753), не боясь вступить в единоборство с самим Гектором (VII. 181—305). Поручается ему как двоюродному брату Ахилла и такая деликатная миссия, как посольство к гневающемуся герою (кн. IX). Никаких намеков на судьбу, ожидающую его в будущем, в «Илиаде» нет. В «Одиссее» ее герой встречает в подземном царстве тень А., который, в отличие от всех других умерших, не изъявляет желания вступить с ним в беседу (II. 543 сл., 563 сл.). Причина этого, которая в «Одиссее» излагается очень коротко (II. 546—548), была известна слушателям по сказанию, обработанному впоследствии в киклическом эпосе. Поэма «Эфиопида» повествовала о споре, разгоревшемся между А. и *Одиссеем* за доспехи погибшего Ахилла. В качестве судей *Агамемнон*, не желавший брать на себя ответственность за

¹ В «Одиссее» опускается и та версия, согласно которой Фетида перенесла Ахилла на остров Белый (см. примеч. к 24. 80), о чем сообщалось в не дошедшей до нас поэме «Эфиопида».

решение, привлек троянских пленников, которые присудили оружие павшего героя Одиссею. Узвзленный этим приговором, А. покончил с собой. «Малая Илиада» добавляла к этому новый мотив: впад в безумие, А. перебил принадлежавшие войску стада, приняв их за своих обидчиков — ахейских полководцев, и уже затем наложил на себя руки. Этот вариант лег в основу трагедии Софокла «А.»: осознав, что нападением на стада он навлек на себя осмеяние, несовместимое с достоинством и славой отважного героя, А. обрекает себя на смерть. Спору за оружие Ахилла посвятил большой раздел Овидий в «Метаморфозах» (XII. 620—628; XIII. 1—398) и еще более обширное повествование — Квинт Смирнский (V. 128—486); у обоих авторов спорящие герои состязаются в речах, выдержанных по всем правилам риторики. См. также у Аполлодора (Эп. V. 6 сл.) и Гигина, № 107.

2. А. — сын Оилея, предводитель локрийцев в греческом войске, А. «малый». В «Илиаде» он обычно принимает участие в сражениях рядом с А., сыном Теламона. В «Одиссее» сообщается о его гибели во время бури, обрушившейся на ахейский флот при возвращении (4. 499—511), причем упоминается участие в этом «раздраженной Афины». (См. также I. 322 сл., где прямо названа Афина; 3. 133—135 и примеч.). Краткость изложения в «Одиссее» объясняется тем, что слушатели знали о причине гнева богини: в ночь взятия Трои А. ворвался в ее храм и насильно овладел Кассандрой, оторвав ее от статуи Афины (об этом рассказывалось в киклической поэме «Разорение Илиона»). За святотатственный поступок А. грозило избиение камнями, но он спас себя ложной клятвой (о богохульстве А. писал в одном из своих стихотворений Алкей, № 8). Специально А. была посвящена трагедия Софокла «А. Локрийский», от которой дошли только ничтожные фрагменты. Вспоминали А. и его гибель многие авторы, повествовавшие о последнем дне Трои, в том числе Аполлодор (Эп. V. 22); Гигин № 116; Квинт Смирнский (XIII. 420—429; XIV. 502—589); Диктис. V. 12; Ватиканский мифограф, II. 79.

ГЕРАКЛ — сын *Алкмены* и Зевса, величайший греческий герой. При рождении он бы наречен Алкидом, а имя Г., происходящее от имени богини Геры и слова κλέος «слава», получил в Дельфах: он совершит свои подвиги, потому что его преследует Гера, и тем прославится. В «Одиссее», однако, никаких откликов на враждебное отношение Геры к Г. нет. В остальном, поскольку легендарная биография Г. была достаточно хорошо известна слушателям «Одиссеи», ее автор мог ограничиться краткими намеками, избегая нежелательных для него подробностей. Так, в 8. 224 (см. примеч.) Г. назван метким стрелком из лука наряду с царем Эхалии Евритом, — ни о какой связи между двумя персонажами автор

не сообщает. Между тем существовала версия, по которой Еврит обещал руку своей дочери Иолы тому, кто победит в стрельбе из лука его самого и его сыновей. Г. одержал победу, но Еврит своего слова не сдержал. За это впоследствии Г. пошел войной на Эхалию, разорил город, убил Еврита и его сыновей и взял в плен Иолу (Аполлодор. II. 6. 1; 7. 7). Согласно Софоклу (Трахинянки. 351—358), Г. взял Эхалию именно ради Иолы. Так или иначе, судьбы Г. и Еврита в мифологической традиции достаточно тесно связаны между собой, о чем автор «Одиссеи» умалчивает, выдвигая совсем другую причину смерти Еврита (см. 8. 225—228). В других источниках никаких указаний на эту версию нет.

Впрочем, автор по-своему последователен: уже ко времени после смерти Еврита он относит похищение его кобылиц, на поиски которых отправился его сын Ифит (21. 22—32). Поскольку в поэме нет ничего о взятии Эхалии, автору нет необходимости объяснять, почему Ифит остался в живых. Из рассказа Аполлодора (см. выше) можно сделать вывод, что Г. пощадил Ифита, так как тот после состязания в стрельбе предлагал выдать Иолу за победившего Г. В «Одиссее» коварное убийство Ифита мотивируется желанием Г. присвоить себе его лошадей (2. 27—30). В схолии к этому пассажи говорится, что кобылицы были украдены *Автоликом* и проданы им Г. Есть также вариант, по которому Г. завлек Ифита на верх крепостной стены в Тиринфе и сбросил его вниз (Софокл. Трахинянки. 268—273; другой схолий к Од. 21. 22). Аполлодор объясняет это преступление безумьем, охватившим Г. (II. 6. 2). В любом случае, вина Г. очевидна, и на этот раз автор «Одиссеи» ее не скрывает, хотя и умалчивает о постигшем Г. за это вероломство позорном наказании — рабстве у лидийской царицы Омфалы.

В стихах, касающихся Г. в кн. 11, которые считаются позднейшей вставкой, используется опять же фигура умолчания. Только мимоходом упоминается его первая жена Мегара, тень которой *Одиссей* встречает в Аиде (11. 269 сл.), между тем как служба у «недостойного мужа», на которую жалуется призрак самого Г. (11. 621—626), явилась как раз наказанием за совершенное в молодые годы убийство детей от Мегары. (По версии, принятой Еврипидом в трагедии «Геракл» и вслед за ним Сенекой в трагедии «Геркулес в безумье», убита была и сама Мегара, а событие это перенесено на конец жизни Г.).

Из всех подвигов Г. в «Одиссее» назван только последний, похищение из Аида «троеглавого пса» (11. 623—626), что может быть объяснено встречей Одиссея с Г. именно в подземном царстве. Сюжет этот присутствовал уже в «Илиаде». VIII. 366—369 (ср. здесь же имя Еврисфея, в «Одиссее» не названное), а затем затрагивался, естественно, в указанной выше трагедии Сенеки (ст. 788—819), у Аполлодора (II. 5. 12), мимохо-

дом у Гигина, в отдельном рассказе — у Ватиканского мифографа, I. 57 (с аллегорическим толкованием).

Умалчивая о взятии Эхалии и любви Г. к Иоле, автор «Одиссеи» ничего не сообщает о смерти героя от отравленной одежды, которую послала ему из ревности его вторая жена Деянира. Этот вариант излагался уже в поэме «Взятие Эхалии» некоего Креофила с острова Самоса или Хиоса, жившего в VIII или VII в. (его часто называли зятем или близким другом Гомера), а затем положен в основу сюжетов уже упоминавшихся «Трахинянок» Софокла, откуда он был заимствован Овидием (Метам. IX. 136—238), повторен в приписываемой Сенеке трагедии «Геркулес на Эте», у Диодора (IV. 38), Аполлодора (II. 7. 7), Гигина, № 36, Ватиканского мифографа, I. 58. Ср. также письмо тоскующей в одиночестве Деяниры Г. в IX «Героиде» Овидия.

Наконец, существовали две версии о посмертной судьбе Г. Согласно одной из них, он умер, как все смертные (Ил. XVIII. 117—119), и призрак его отлетел в Аид. По другой — он взят живым на Олимп, где боги выдали за него замуж Гебу — олицетворение юности. В «Одиссее», II. 602—604, в стихах, которые в античности приписывали орфику Ономакриту («интерполяция внутри интерполяции»), сделана попытка объединить оба представления, ради чего Геба и объявлена супругой Г. Его обожествление подробно описывает Овидий (Метам. IX. 242—272).

ГЕРМИОНА — дочь Менелая и Елены. В Од. 4. 5—9 сообщение о том, что Менелай выдает дочь замуж за Неоптолема, которому она была обещана под Троей, не сопровождается какими-либо драматическими подробностями. Между тем, согласно версии, преобладающей в последующей литературной традиции, Г. сначала была выдана за Ореста, а потом Неоптолем отобрал ее у мужа, ссылаясь на обещание Менелая и на безумье, в которое впал Орест после убийства матери (Аполлодор. Эп. VI. 14; Гигин, № 123; возможно, что изложение это восходит к недошедшей трагедии Софокла «Гермиона»). Следует заметить, что в обоих вариантах прослеживаются известные хронологические несообразности. Как Гермиона, пока шла Троянская война, могла быть выдана замуж за Ореста, если, по наиболее распространенной версии, Агамемнон оставил его грудным ребенком и к концу войны мальчику было чуть больше 10 лет? Если даже пренебречь этими расчетами, то как мог Менелай обещать свою дочь Неоптолему, если она уже была замужем за Орестом? (Иногда это объясняют тем, что Г. просватал за Ореста ее дед Тиндар, о чем Менелай не знал). Если же принять «бесконфликтную» версию «Одиссеи», то почему Неоптолем, вернувшись с войны, еще 10 лет дожидался, пока Менелай выдаст за него Г., которой к этому

времени стало далеко за 20 лет (согласно Аполлодору, Эп. III. 3, когда Елена бежала с Парисом, Г. было 9 лет). Из этого видно, что Г. не занимала прочного места в мифологической традиции, чем объясняется, в частности, различная трактовка ее образа у Еврипида. В «Андромахе» (ок. 424 г.) бездетная Г., ревнуя Неоптолема к Андромахе, замышляет с помощью Менелая истребить соперницу и ее сына, которых выручает пришедший к ним на помощь Пелей. В свою очередь, Г. приносит спасение Орест, подстроивший убийство Неоптолема в Афинах и явившийся в его дом, чтобы вернуть себе жену. В этой трагедии Г. является образцом жестокости и коварства, которые Еврипид не устал обличать в спартанцах в годы Пелопоннесской войны. Напротив, в «Оресте» (408 г.) того же Еврипида Г. чуть было сама не становится жертвой бессмысленной жестокости: чтобы отомстить Менелая, отказавшему ему в помощи, Орест замышляет убить Елену и Гермению, оказавшихся после убийства Клитемнестры в Аргосе. Преступление предотвращает Аполлон, приказывающий Оресту жениться на Г. (ст. 1653—1657). В совсем ином ключе изображаются, естественно, взаимоотношения Ореста и Г. в VIII «Героиде» Овидия.

ЕЛЕНА — дочь Зевса и Леды, супруга спартанского царя *Менелая*. Ее похищение троянским царевичем Александром послужило причиной Троянской войны, о чем говорится и в Од. 17. 118 сл. Впрочем, гомеровские поэмы склонны обвинять в этом не столько Е., сколько Киприду, пробудившую в ней страсть к Александру (Ил. III. 164 сл.; Од. 4. 261—264; 23. 218—224; см. примеч.). Тяжело переживает все происшедшее с ней и сама Е. (Ил. III. 242, 395—436). В книгах 4 и 15 «Одиссеи» Е. изображена уже после возвращения из-под Трои. Она мирно живет с Менелаем в Спарте, и хотя тот однажды и вспоминает о ее не совсем благовидном поведении, когда троянцы ввели в город деревянного коня, он объясняет его опять же вмешательством враждебного демона (4. 274—279; много веков спустя эту провокационную деятельность Е. будет объяснять вмешательством Афродиты Трифиодор, 454—486). С другой стороны, Е. оказывает неоценимую услугу *Одиссею*, когда тот проникает в Троию с целью разведки (4. 240—258; о помощи Е. Одиссею сообщалось и в «Малой Илиаде». Ср. также Еврипид. Гекуба. 239—250). Таким образом, автор «Одиссеи» явно не хочет обвинять в чем-нибудь Е. (ср. Ил. III. 154—160).

В дальнейшей традиции отношение к Е. не однозначно. Сапфо (№ 5) видит в ее поведении пример, утверждающий любовь как высшую ценность; Алкей, напротив, гневно порицает Е., видя в ней причину гибели как ахейских вождей, так и троянцев (№ 6—7). У Стесихора была

поэма, названная именем Е., в которой она сурово осуждалась. По преданию, за это Е., почитавшаяся в Спарте как богиня, поразила его слепотой, после чего Стесихор сочинил так называемую «Обратную песнь» («Палинодию»). В ней утверждалось, что Е. никогда не была в Трое. В этом случае Стесихор воспользовался версией, содержащейся уже в «Каталоге жен»: по ней, Гера вручила Парису ложный образ Е., а ее перенесла в Египет и поручила попечению местного царя Протея. В «Одиссее» этот вариант совершенно не учитывается: Протей выступает как морской старец, наделенный пророческим даром (4. 383—393) и не имеющий к Е. никакого отношения¹.

Эсхил в «Орестее» оценивал поведение Е. крайне отрицательно: ради одной жены, разорвавшей священные узы супружества, погибло множество воинов, и сам *Агамемнон* вынужден был принести в жертву Ифигению (Агамемнон. 62, 224—227, 447 сл., 686—698, 823, 1453). Еврипид, вообще не жаловавший Е. как представительницу спартанцев — противников афинян в Пелопоннесской войне, составил против нее целый обвинительный акт в «Троянках», 969—1032. Здесь Гекуба, отводя все попытки Е. возложить ответственность на Афродиту, беспощадно изобличает ее в измене мужу и жажде золота. Ср. также: Ифигения в Тавриде. 439—446; Орест. 56—61, 125—131. В то же самое время Еврипид посвятил Е. одноименную трагедию (412 г.), в которой использовал стесихоровскую версию: во время всей Троянской войны Е. находилась в Египте под наблюдением Протея, после смерти которого ей грозит супружество с новым царем, в то время как сама она хранит верность Менелаю. Неожиданная встреча с ним и поиски средств спасения составляют содержание драмы, относимой в творчестве Еврипида к типу так называемой трагедии интриги.

Достаточно парадоксальные попытки оправдания Е. находят себе место в торжественном красноречии: в «Похвале Е.» софиста Горгия (ок. 483—375) и в речи Исократ (ок. 436—338) «Е.». Спустя примерно 800 лет эти попытки возобновляются у Диктиса, нашедшего свои доводы для защиты Е. (1. 9 сл. 12). Из остальных мифографов только у Аполлодора встретятся краткие сообщения о Е., основанные на предшествующей традиции (Эл. V. 9. 13, 19. 21). Совсем новый мотив — стремление Е. в ночь взятия Трои укрыться от гнева обеих сторон и попытка Энея отомстить ей за все беды — у Вергилия, Эп. II. 567—603. Две «Героиды» Овидия, XVI и XVII, представляют собой обмен письмами между тоскующими в разлуке Парисом и Е.

¹ Рационалистическое объяснение версии с участием царя Протея см. у Геродота. II. 112—120.

КАСТОР и ПОЛИДЕВК — сыновья-близнецы Леды. По наиболее распространенной версии, отцом первого был ее земной муж Тиндар, отцом второго — Зевс; их обоих объединяют под именем Диоскуров — «юношей Зевса». Иногда их обоих считают сыновьями Зевса, что не мешает здесь же называть их по земному отцу Тиндаридами. К. и П. упоминаются уже в Ил. III. 236—242, а затем в Од. II. 298—304, однако оба как сыновья Тиндара. В позднейшей литературной традиции К. и П. выступают соперниками своих двоюродных братьев, у которых они похищают их невест. Преследуемые разгневанными женихами, К. и П. завязывают с ними бой, в котором К. погибает (эта версия содержалась уже в «Киприях», см. затем: Пиндар. Нем. X. 114—119; Феокрит. XXII. 137—211; Гигин, № 80; Ватиканский мифограф. I. 76). По другой версии (Аполлодор. III. 11. 2), спор между двоюродными братьями разгорается при дележе скота, угнанного ими из Аркадии, — результат остается тем же. П. как своему сыну Зевс дарует бессмертие (превращает его в созвездие), от которого тот отказывается, не желая расставаться с братом. Тогда Зевс разрешает им либо через день находиться то на небе, то в преисподней, либо чередоваться таким образом, чтобы один день П. находился на небе, а К. — в Аиде, а на другой день они менялись местами. В «Одиссее» принят второй вариант («братом сменяется брат»).

МЕНЕЛАЙ — спартанский царь, сын Атрея, брат *Агамемнона*, муж *Елены*. Как лицо, наиболее заинтересованное в возвращении похищенной супруги, М. играет достаточно значительную роль в «Илиаде»: он приводит под Трои ополчение на 60 кораблях (II. 581—590), вступает в поединок с Александром (III. 21—120, 314—383), принимает участие в важнейших сражениях (в том числе особенно активное — в битве за тело Патрокла: XVII. 1—122, 246—255, 553—581) и в соревновании в колесничном беге на погребальных играх в честь павшего героя (XXIII. 293—300, 401—447, 566—613). «Одиссея» ничего не сообщает ни о роли Менелая в захвате Трои (находился в деревянном коне, убил Деифоба. Об этом на основании «Малой Илиады» — у Вергилия, *Эн.* VI. 520—530; Аполлодора, *Эп.* V. 21; Гигина, № 108; Квинта Смирнского, XIII. 354—356; Диктиса, V. 12), ни о том, что до прибытия в Египет он владел только призраком Елены (Аполлодор, *Эп.* VI. 29), — в поэме он представлен радушным хозяином, вернувшимся домой после семилетних скитаний (3. 276—312), среди которых особенно выделяется его пребывание в Египте и получение пророчества от Протея (4. 347—585; ср. Гигин, № 118).

В афинской трагедии оценка М. резко меняется. У Софокла (Аякс. 1047—1162) он нечестиво сопротивляется погребению погибшего ге-

роя, у Еврипида представлен бесстыдным и лживым человеком, по-нуждающим Агамемнона принести в жертву Ифигению, но впоследствии отказывающим в защите Оресту (Орест. 682—721). Он готов помочь своей дочери *Гермионе* сжить со света Андромаху с сыном, и только вмешательство Пелея заставляет его отказаться от преступного замысла (Андромаха. 515—641). Единственное исключение в этой картине — образ М. в еврипидовской «Елене», где он неожиданно находит в Египте истинную Елену и вместе с ней спасается от местного царя Феоклимена.

НЕОПТОЛЕМ — сын *Ахилла* и царевны Деидамии с острова Скирос. При рождении он был назван Пирром («рыжеволосым»), имя же Н. происходит от слов νεος «новый», «молодой» и πτόλεμος «война». Толкуют его обычно так, что отец Н. ушел воевать, будучи молодым. Согласно «Киприям» и «Малой Илиаде», Ахилл попал на остров в результате бури и женился на Деидамии. По другой версии, Фетида скрывала сына среди служанок царевны, чтобы уберечь его от участия в Троянской войне (Аполлодор. III. 13. 8; Гигин, № 96). В «Илиаде» вторая версия, недостойная Ахилла, решительно отвергается (XI. 771—781), нет ее и в «Одиссее». Здесь Одиссей рассказывает тени Ахилла (II. 506—537), как он сам привез его сына со Скироса под Трою, не объясняя, почему Н. там оказался. (См. впоследствии у Софокла. Филоклет. 343—356; Аполлодор, Эп. V. 10 сл.; как всегда, очень подробно у Квинта Смирнского, VI. 57—113; VII. 169—460). Из подвигов, совершенных Н., Одиссей называет его единоборство с Еврипиллом, чему будет со временем посвящена трагедия Софокла «Еврипил» (дошли только отрывки). См. также Квинт Смирнский. VIII. 128—220; Диктис. IV. 17. Об остальных событиях, связанных с пребыванием Н. под Троей, автор «Одиссеи» предпочитает умалчивать. Между тем из других источников известно о крайней жестокости, проявленной Н. в ночь захвата города, когда он убил престарелого Приама, оторвав его от алтаря Зевса («Разорение Илиона»; Еврипил. Троянки. 16 сл., 481—483; Гекуба. 22—24; Вергилий. Эн. II. 533—558; Аполлодор. Эп. V. 21; Квинт Смирнский. XIII. 220—250; Диктис. V. 12). Нет ничего в «Одиссее» и о том, как сложились отношения между Н. и *Гермионой*, поскольку этот союз оказался для Н. губительным, и рассказ о нем нарушил бы идиллическую картину, нарисованную в 4. 5—9. По распространенной версии, отобрав у Ореста Гермину, Н. навлек на себя его месть, вследствие чего Орест, воспользовавшись пребыванием Н. в Дельфах, либо сам убил его, либо настроил против него тамошних жрецов и стал прямым пособником убийства (Еврипид. Андромаха.

1086—1165; Аполлодор. Эп. VI. 14; Гигин, № 123; Ватиканский мифограф, I. 41).

Совершенно особняком во всей литературной традиции стоит образ Н. в «Филоктете» Софокла, где в нем воплощены лучшие качества благородного героя — непримиримость ко лжи и обману.

ОДИССЕЙ — сын Лаэрта и Антиклеи, муж *Пенелопы*. В «Илиаде» О. играет очень значительную роль, как участвуя в сражениях (см. особенно XI. 310—488) и отправляясь в опасную разведку (X. 241—297, 339—579), так и выполняя целый ряд деликатных поручений, для которых требуются его ум и красноречие (возвращение Хрисеиды: I. 308—312, 430—447; посольство к *Ахиллу*: IX. 223—2306, 676—692; ср. также его речь в народном собрании, круто меняющую настроение в войске, II. 278—332, и оценку его ораторского искусства: III. 204—224). В «Одиссее» из подвигов, совершенных ее героем за время, прошедшее между действием двух поэм, называются только два: вылазка в Трою и вторжение в город в чреве деревянного коня (4. 244—289; 8. 487—522; 11. 523—525), — подробнее об этом было в «Малой Илиаде» и в «Разорении Илиона» (см.: Аполлодор. Эп. V. 8—13; Квинт Смирнский. VI. 57—113; VII. 169—430). В остальном, автор «Одиссеи» избегает воспоминаний, не слишком благоприятных для его героя: о попытке уклониться от участия в войне (отдаленный намек на эту историю можно предполагать в 24. 118), разоблачении его Паламедом и несправедливой мести последнему, о чем было в «Киприях» (см. Аполлодор. Эп. III. 6—8; Гигин, № 95; Ватиканский мифограф, I. 35). Что касается отражения в последующей литературе событий, описанных в поэме, то о споре за оружие см. *Аякс* (1); о встрече с циклопом см. *Полифем*; пребывание у Цирцеи, посещение Аида и возвращение на Итаку было содержанием ряда недошедших драм Эсхила. Заметную, и притом прямо противоположную роль играет О. в двух трагедиях Софокла. В «Аяксе» он, несмотря на вражду, разделившую его с Аяксом, успешно отстаивает право погибшего героя на погребение (1318—1392). В «Филоктете» О., напротив, наделен чертами бесстыдного прагматика, готового на любые уловки ради «пользы». Не слишком благоприятно отзываются об О. и персонажи Еврипида: Троянки. 274—291.

В более поздних литературных памятниках о некоторых приключениях О. (Циклоп, мех Эола, лестригоны, Цирцея) повествует Овидий (*Метам.* XIV. 180—319); краткий обзор его странствий дают Аполлодор (Эп. VII. 2—33) и Гигин, № 125, 126 (последний рассказ — несколько путаный).

О конце жизни О. в поэме сказано немного (11. 119—131); целиком этому была посвящена «Телегония» (ср. Аполлодор. Эп. VII. 34—36;

Гигин, № 127), где, в частности, сообщалось с совершении Одиссеем жертвоприношения, предписанного Тиресием.

О толковании в «Одиссее» имени ее героя см. 19. 411 и примеч.

ПЕНЕЛОПА — дочь Икария, жена *Одиссея*, мать Телемаха. После «Одиссеи» образ П. не привлекал особого внимания античных авторов. Какое-то участие она принимала в недошедшей трилогии или тетралогии Эсхила, посвященной возвращению Одиссея на Итаку: здесь одна из трагедий была названа именем П. Затем, после большого перерыва, П. появляется пишущей письмо своему супругу в I «Героиде» Овидия, содержание которой целиком заимствовано из «Одиссеи». После смерти Одиссея П., согласно «Телегонии», вышла замуж за героя этой поэмы и была вместе с ним отослана Цирцеей на Острова блаженных (Аполлодор. Эп. VII. 37). Имя П. современные лингвисты сближают с названием породы уток *πηνέλοψ*, которые отличаются тем, что, создав однажды брачную пару, сохраняют ее на протяжении всей жизни.

За версию, по которой П. вела себя в отсутствие Одиссея более чем вольно и даже произвела на свет от Гермеса лесного бога Пана (Аполлодор. Эп. VII. 38 сл.), автор «Одиссеи» ответственности не несет.

ПОЛИФЕМ — сын Посидона и морской нимфы Фоссы, одноглазый великан-людоед, принадлежащий к племени циклопов (правильнее: киклопов, так как их название происходит от *κύκλος* и корня *οπ-*, обозначающего способность видеть. Киклоп — «круглоглазый»). Образ П., вошедший в литературу в кн. 9 «Одиссеи», в 5—4 вв. многократно привлекал внимание афинских драматургов, преимущественно комедиографов. Сохранилась только сатирическая драма Еврипида «Киклоп», в которой действие, по условиям афинской сцены, сжато до одного дня, а в роли помощников Одиссея выступают сатиры, легко дающие обещания, но трусящие при необходимости приступить к ослеплению П. Эпизод из «Одиссеи» впоследствии воспроизвел Вергилий (Эн. III. 616—674). Вместе с тем в творчестве афинского поэта Филоксена (нач. 4 в.) образ П. претерпел совершенно неожиданную эволюцию: страшный великан был изображен влюбленным в нимфу Галатею. Дифирамб Филоксена не сохранился, но намеченная им трактовка получила развитие у Феокрита (идиллия XI), где П. напрасно ожидает от Галатеи взаимности. Так же изображен он у Овидия (*Метам.* XIII. 740—872). Впрочем, уже в 4 в. существовала версия, по которой Галатея в конце концов уступила притязаниям П., и от их союза произошли сыновья Гал, Кельт и Иллирий, ставшие соответственно прародителями галатов (галлов), кельтов и иллирийцев, подобно тому как, согласно другой

версии, от *Одиссея* и Цирцеи произошел Латин (Гесиод. *Теог.* 1012), давший свое имя обитателям Лация.

ПРОКРИДА — дочь афинского царя Эрехфея (или Кекропа) и Праксифеи. Выданная замуж за Кефала, она однажды изменила ему и бежала, ища спасения от гнева мужа, на о-в Крит. Здесь П. получила в дар от царя Миноса не знающее промаха копье и охотничьего пса, от которого не могла укрыться никакая дичь. Вернувшись в Афины и примирившись к Кефалом, П. отдала ему как страстному охотнику копье и пса. В свою очередь, заподозривши однажды мужа в неверности, она решила подстеречь его в лесной чаще. Кефал, услышав шорох, метнул копье и сразил П. насмерть. В «Одиссее», II. 320, П. только упоминается среди теней в подземном царстве. Затем основные линии мифа изложил в 5 в. Ферекид; именем П. была названа недошедшая трагедия Софокла; упоминал П. среди теней в подземном царстве вместе с Федрой и Вергилий (Эн. VI. 445). Однако связное изложение широко известного мифа сохранилось в различных вариантах лишь у достаточно поздних авторов: Овидия (*Метам.* VII. 670—863); Аполлодора (III. 15. 1); Гигина, № 189; Антонина Либерала, № 41; Ватиканского мифографа, I. 44.

ТАНТАЛ — сын Зевса, царь Лидии, славившийся своим богатством и близостью к богам. В Од. II. 582—592, при описании мучений Т., нет никаких указаний на их причину. В других источниках существуют на этот счет разные версии. По одной из них, Т., будучи допущен на пиры богов, разглашал среди людей содержание их разговоров (Еврипид. Орест. 4—10; Аполлодор. Эп. II. 1; Гигин, № 82) или похитил нектар и амброзию (Пиндар. Ол. I. 80—102). По другой версии, Т. принял на хранение золотого пса, украденного в святилище Зевса на Крите, и отрицал это под клятвой (недошедшая трагедия Софокла «Т.»; Антонин Либерал № 36). Наконец, желая проверить, насколько всеведущи боги, Т. убил своего сына Пелопа и подал им мясо в качестве угощения. Боги вернули Пелопа к жизни, а Т. покарали. (Сенека. Фиест. 144—175; Ватиканский мифограф, I. 12). О наказании Т. в подземном царстве см.: Лукиан. Разговоры мертвых. 17; краткие упоминания — у Лукреция (III. 980 сл.), который отрицает самую возможность загробной кары, и Овидия (*Метам.* IV. 457 сл.).

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ — Об этой хитрости, придуманной ахейцами, чтобы взять Трою, в «Одиссее» упоминается несколько раз (4. 271—289; 8. 492—515; II. 523—532). Подробнее о ней было рассказано в «Малой Илиаде» и в «Разорении Илиона», затем эту тему обстоятельно разрабо-

тал Стесихор в поэме «Деревянный конь» (дошли только фрагменты). С интервалом ещё в 400—500 лет к ней возвращались Вергилий (Эн. II. 13—267), Сенека (Агамемнон. 630—678) и Квинт См. (XII. 23—83; 104—156; 218—443; XIII. 21—59). Описанию Т. к. и связанных с ним событий посвящена чуть ли не вся поэма Трифиодора. Краткий рассказ о Т. к. см. у Аполлодора (Эп. V. 14—20); Гигина (№ 108, 135); Диктиса (V. 9, 11 сл.).

ФЕДРА — дочь критского царя Миноса и Пасифаи, жена Тесея. Основу мифа о Ф. составляет любовь к её пасынку Ипполиту, сыну Тесея от амазонки, которую в источниках называют по-разному. Так как в Од. II. 321, имя Ф. названо без всякого объяснения, можно предположить, что миф был достаточно хорошо известен слушателям. Однако первую литературную фиксацию он получил в афинской трагедии 5 в.: у Софокла была трагедия «Ф.», до нас не дошедшая. Еврипид обращался к этой теме дважды — в трагедии «Ипполит, закрывающийся плащом» (431 г.) и «Ипполит увенчивающийся» (428 г.). Первая не сохранилась, но известно, что в ней Ф. сама признавалась в любви Ипполиту и, получив от него гневную отповедь, обвиняла его перед Тесеем в попытке овладеть ею. Во второй трагедии Ф., сознавая глубину позора, в которую её ввергает преступная любовь, готова наложить на себя руки, но уступает попыткам кормилицы открыть Ипполиту тайну его мачехи. Реакция Ипполита остается неизменной, и Ф., боясь разоблачения, кончает с собой, оставив, однако, клеветническое письмо, обвиняющее Ипполита. В обеих трагедиях разгневанный Тесей призывал на голову сына проклятья и месть своего божественного отца Посидона, которые приводили к гибели невинного юноши.

В римской литературе Сенека в трагедии воспроизвел ситуацию не дошедшего еврипидовского «Ипполита». Овидий посвятил Ф. свою IV «Героиду» (письмо Федры Ипполиту), а в «Метаморфозах», XV. 497—546, использовал версию, по которой Ипполит после смерти принял облик италийского божества Вирбия; это, впрочем, не помешало Овидию очень обстоятельно изобразить, как погиб Ипполит. См. краткое изложение: Аполлодор (Эп. I. 17—19); Гигин, № 47; Ватиканский мифограф, I. 46.

ФИЛОКТЕТ — сын Пеанта, один из царей Фессалии. В «Одиссее» о нем сообщается только, что он был среди греков самым искусным стрелком из лука (8. 219 сл.) и вернулся живым из-под Трои (3. 190). В киклических поэмах его роль в Троянской войне описывалась значительно подробнее. Как один из женихов Елены, Ф. принял участие в

походе, но незадолго до высадки на берег, когда ахейцы сделали привал на острове Тенедос, был ужален змеей, и рана издавала такое зловоние, что мешала совершать жертвоприношения богам. Тогда *Одиссей* по приказу *Агаммемнона* отвез больного Ф. на о-в Лемнос («Киприи»; ср. Ил. II. 721—725). Судя по поздним источникам, в первоначальной версии Ф. остался на Лемносе добровольно, ибо был поручен заботам тамошних врачей, особенно искусных с исцелении от укусов змей (Филострат. Героик. 5. 2; схолий D к Ил. II. 722), и под Трою вернулся в надежде на неудавшееся до сих пор лечение. На десятом году войны ахейцам стало ясно, что Троя не может быть взята без участия Ф., владевшего луком *Геракла* (он получил его в свое время в награду от умирающего героя за то, что согласился поджечь под ним погребальный костер). Согласно «Малой Илиаде», за Ф. послали Диомеда, который побудил его следовать под Трою. Здесь Ф. был исцелен от раны и выстрелом из лука сразил Париса. Из этого видно, что первоначально роль Ф. в троянской эпопее была весьма значительна, поскольку с гибелью Париса отпадала, в сущности, причина войны. Пришлось ли Диомеду прибегнуть к какой-либо хитрости, чтобы заставить Ф. вернуться, неизвестно.

В дальнейшем образ Ф. посвятили свои трагедии все три афинских драматурга: Эсхил, Еврипид (431 г.) и Софокл (409 г.); сохранились только последняя из них и сравнительный анализ у риторика Диона Хрисостома (речи 52 и 59). Уже у Эсхила главная роль принадлежала не Диомеду, а Одиссею, и засвидетельствовано похищение лука, без которого Ф. оставался безоружным и был вынужден присоединиться к ахейскому войску. У Еврипида Одиссей также был главным действующим лицом в интриге, осуществленной с помощью Диомеда. По версии, предложенной Софоклом, нападению змеи Ф. подвергся не на Тенедосе, а на маленьком острове Хрисе близ Лемноса (там до конца I в. находился посвященный ему алтарь), и, самое главное, в товарищи Одиссею был придан не Диомед, а *Неоптолем*, причем оба они по-разному понимали свой нравственный долг. Одиссей руководствовался соображениями «пользы», Неоптолем не считал возможным поступиться честью благородного человека. Сам Ф., с негодованием отвергавший все попытки вновь привлечь его на сторону однажды предавших его Атридов, уступает просьбам Неоптолема, только повинувшись явившемуся с небес Гераклу, который изрекает волю богов.

В позднейшей литературе см.: Овидий (*Метам.* IX. 229—234; XIII. 45—54, 313—334); «Геркулес на Эте». 1607—1755; Аполлодор (Эп. III. 27; V. 8); Гигин, № 102; Квинт Смирнский (IX. 333—528; X. 223—241); Диктис. II. 14, 47; III. 18; IV. 19 сл.

ЭДИП — фиванский царь, сын Лаия и Иокасты (в «Одиссее» — Эпикасты). Наиболее известный вариант мифа о Э., восходящий к трагедии Софокла «Царь Эдип», сводится к следующему: Лаию было предсказано, что, если у него родится сын, он станет убийцей отца. Поэтому новорожденному младенцу Лаий пронзил сухожилия на ногах и велел подбросить его на горе Киферон. Однако ребенок был спасен и попал к бездетной царской чете в Коринфе, которая его усыновила, назвав Э. (имя Οἰδίπους сближают с глаголом οἰδῶ «опухать» и существительным πούς «нога») Выросши, Э. получил в Дельфах пророчество, что ему суждено убить отца и сойтись с матерью. Считая своими родителями коринфскую чету, он не вернулся домой, а отправился искать себе другого пристанища. В дорожной ссоре с повстречавшимся ему Лаием Э. убил его, не ведая, с кем имеет дело. Подойдя к Фивам, он освободил их от зловещей полуженщины, полульвицы Сфинкс и получал в награду царский престол и руку овдовевшей царицы, т. е. собственной матери. Все это составляет предысторию трагедии Софокла, в ходе действия которой выявляются все преступления, совершенные по неведению Э. Иокаста кончает с собой, а Э. ослепляет себя и готовится к изгнанию.

Эта сюжетная ситуация сложилась, однако, в литературной традиции далеко не сразу: в Од. 11. 271—280 сообщается, что боги вскоре раскрыли тайну нечестивого брака Э., вследствие чего Эпикаста повесилась, Э. же продолжал царствовать в Фивах, не помышляя о самоослеплении. Из Ил. XXIII. 679 сл. известно, также, что некогда состоялись надгробные игры по павшему Э., — вероятно, он погиб, защищая свою землю и свои стада от врагов. Ни о каком трагическом повороте в его судьбе здесь речи нет. Дальнейшее развитие миф получил в киклических «Эдиподии» и «Фиваиде», от которых дошло очень немного. Нет, однако, достаточных оснований утверждать, что уже в этих поэмах Э. лишил себя зрения.

Важно отметить, что в ранних версиях только Лаию было дано пророчество о возможной гибели от руки сына; сам Э., до тех пор пока он не стал героем Софокла, не получал никаких предупреждений о встрече с отцом и тем более — о браке с собственной матерью. Также Иокаста даже у Софокла ничего не знает о грозящем ей соединении с родным сыном. Из сказанного следует, что первоначальным содержанием мифа о Э. был тот же самый широко распространенный фольклорный мотив битвы отца с сыном, о котором уже говорилось во вступительной статье в связи с сюжетной линией Телемаха, а женитьба Э. на собственной матери оказывается вариантом сюжетного хода богатырской сказки: спасителю царства вручается рука царевны или незамужней царицы.

Наряду с Софоклом, к мифу о Э. обращались Эсхил и Еврипид, а также еще более десяти их современников и последователей — товарищей по афинскому театру. Ни одно из этих произведений не сохранилось, как и трагедия Юлия Цезаря «Э.». Единственный автор, кроме Софокла, чья трагедия «Э.» уцелела до наших дней, — Сенека. В ней ничто не напоминает о величии того бескомпромиссного анализа, который с трагической неизбежностью вел Э. к выявлению истины у Софокла, поскольку у Сенеки Э. заранее знает о грозящих ему бедствиях, и жуткие картины пророчеств способны только усилить его страх перед будущим.

Концу жизни Э. была посвящена другая трагедия Софокла — «Э. в Колоне» (поставлена в 401 г.). Здесь изгнанный из Фив Э. получал вечное успокоение в Земле Аттики, которой его могила должна служить защитой от врагов и залогом благополучия. В трагедии Еврипида «Финикиянки», содержание которой составляет братоубийственная распря сыновей Э., и сам он, и Иокаста изображены ещё живущими в своем дворце, хотя их трагическое прошлое уже стало известно. Иокасте не удастся предотвратить поединок между ее сыновьями от Э., и она кончает с собой на поле боя над трупами братьев-врагов (ст. 1349—1459). Э. после этого отправляется в изгнание в сопровождении верной дочери Антигоны (ст. 1539—1763). Контаминацию двух названных трагедий представляли собой «Финикиянки» Сенеки, сохранившиеся только в отрывках. В основном по «Финикиянкам» излагалась судьба Э. и Иокасты в «Фиваиде» Стация, с той лишь разницей, что Иокаста сама пробирается в лагерь аргиев, чтобы склонить к примирению Полиника (VII. 468—533; VIII. 240—258; XI. 315—353; 580—756).

Сжатое изложение мифа о Э.: Диодор, IV. 64; Аполлодор. III. 5. 7—9; Гигин, № 66, 67.

ЭРИНИИ — хтонические божества, родившиеся из капель крови оскопленного Урана. Гомеровский эпос, отвергающий подобные варварские представления, умалчивает о божественном происхождении Э., хотя и наделяет их достаточно многочисленными правами. Главное из них восходит к первоначальной функции Э. как мстительниц за оскорбление, совершенное в пределах рода. Соответственно, в их власти осуществить проклятие, изреченное отцом или матерью (Ил. IX. 454, 571; XXI. 412; Од. 2. 135; 11. 280); они наказывают за клятвopеcтупление (Ил. XIX. 259; ср. Гесиод. *Туд*, 803 сл.), насылают на человека ослепление, ввергающее его в беду (Ил. XIX. 87; Од. 15. 234), и подчиняют себе людей после смерти (Од. 20. 78). Более мирный характер носят такие качества Э., как знание грядущего (Ил. XIX. 418),

покровительство, оказываемое старшим против младших (Ил. XV. 204) и нищим (Од. 17. 475).

В последующей литературе, особенно в афинской трагедии, Э. выступают прежде всего как мстительницы за пролитую кровь и оскорбление, нанесенное в пределах рода. В «Орестее» Эсхила они преследуют поколение за поколением, запятнанные убийством кровных родственников (Агамемнон 1186—1193, 1433, 1468, 1476, 1481 сл., 1580, 1660; Хоэфоры. 577 сл., 912, 929 сл., 971; Евмениды. 210—212, 424—428, 492—500, 607); в его же «Семерых против Фив» Э. принадлежит право осуществить проклятья отца, адресованные оскорбившим его сыновьям (695, 766, 791, 887, 952, 977). Затем, Э. мстят вообще за всякое нарушение нравственных норм (Эсхил. Агамемнон. 59, 463, 1119; Евмениды. 269—272, 541—552; Софокл. Аякс. 835—844, 1389—1392). У Еврипида гнев Э. направлен главным образом против Ореста, которого они изводят припадками безумия (Орест. 255—276; Ифигения в Тавриде. 279—300).

Вместе с тем, по распространенному в мифологических представлениях закону совмещения противоположностей, Э. являются также благодетельными божествами, оберегающими тех, кто оказывает им почет, от болезней и гражданских распрей, а их землю — от недорода. В таком качестве изображены они в финале «Евменид» Эсхила, где Э. берут на себя обязанности милостивых богинь (ст. 917—1047). Одновременно карающими и дарующими благо являются они и у Софокла в трагедии «Эдип в Колоне» (ст. 38—45).

ЛЕТОПИСЬ РАБОТЫ В. А. ЖУКОВСКОГО НАД ПЕРЕВОДОМ «ОДИССЕИ» ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО ЭПИСТОЛЯРИЯ

(Из писем В. А. Жуковского к великому князю Александру Николаевичу, великому князю Константину Николаевичу, императрице Александре Федоровне, И. И. Базарову, А. Ф. фон дер Бриггену, П. А. Вяземскому, Н. В. Гоголю, А. П. Елагиной, К. К. Зейдлицу, А. П. Зонтаг, Ф. П. Литке, А. Мальтицу, П. В. Нащокину, П. А. Плетнёву, П. И. Полетике, Р. Р. Родионову, Д. П. Северину, В. А. Сологубу, А. С. Стурдзе, А. И. Тургеневу, А. М. Тургеневу, С. С. Уварову, К. А. Фарнгагену фон Энзе, А. С. Хомякову, С. П. Шевырёву).

29 января 1842 г. Дюссельдорф
Великому князю Александру Николаевичу

Я принялся опять за поэтическую работу и предпринял довольно трудную, которая всегда мне представлялась как заключительная, последняя, и обещала мне много наслаждения. Я принялся за Гомерову «Одиссею», которую, с помощью знающего весьма хорошо греческий язык профессора, перевожу с оригинала. Этот труд приличен моим летам, в которые нет уже в нас прежнего огня, но в которые мы еще очень хорошо можем *рассказывать*. Перевод «Одиссеи», если он удастся, будет памятником достойным отечества и который, как вы видите, хочу я оставить ему на своей могиле. Труд этот весьма приятно меня занимает; его довольно будет, чтобы наполнить все то время, которое я предполагаю провести с женою моею за границу, и мне будет очень радостно возвратиться в отечество с новым поэтическим произведением, не совсем недостойным его внимания. Я назвал вам свой главный или, лучше сказать, свой единственный труд; остальное время мое исключительно посвящено домашней жизни, и ничто постороннее в нее не входит (С 8. Т. 6. С. 430. Здесь и далее курсив Жуковского).

Около 2 марта н. ст. 1842 г. Дюссельдорф
Р. Р. Родионову

А теперь просьба и важная, просьба не деловая, а поэтическая. Вот в чем она состоит: отыщите мне русский перевод Гомеровою «Одиссеи»; этот перевод весьма старый и весьма давно напечатанный. Мне он весьма, весьма нужен. Прошу вас немедленно исполнить эту просьбу мою (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 124. Л. 6).

21 марта (2 апреля) 1842 г. Дюссельдорф
Р. Р. Родионову

В последнем письме я просил вас о доставлении мне русского перевода Гомеровою «Одиссеи» и теперь прошу о том же (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 124. Л. 8 об.).

Март 1842 г. Дюссельдорф

Императрице Александре Федоровне

...для внутреннего наслаждения и как бы из благодарности к доброй музе, которая в старину была мне доступна и украшала своими цветами жизнь мою, я принялся за большой труд, который очень приличен моим теперешним летам. Лирическая, вдохновенная пора поэзии для меня миновалась; могу быть только болтливым сказочником, как то бывает со всеми под старость; и если воображение мое, охлажденное временем, не может более вымышлять, то могу по крайней мере рассказывать за другими. Хочу передать России Гомеровы сказки и принялся за перевод «Одиссеи»; уже перевел почти две песни... (С 7. Т. 6. С. 327).

27 апреля н. ст. 1842 г. Дюссельдорф

Р. Р. Родионову

«Одиссею» получил (Собрание Музея А. С. Пушкина на Мойке. Ф. 5. Оп. 1. № 1. Л. 1).

28 октября (9 ноября) 1842 г. Дюссельдорф

Великому князю Константину Николаевичу

Между тем стоустая молва не обманула вас: я *перевожу* «Одиссею». С греческого, спросите вы? Нет, не с греческого, а вот как: здесь есть профессор, знаток греческого языка; он переводит мне *слово в слово* «Одиссею», т. е. под каждым греческим словом ставит немецкое. Из этого выходит немецкая галиматья; но эта галиматья дает мне порядок слов оригинала и его *буквальный* смысл, поэтический же смысл дает мне немецкий перевод Фосса и несколько других переводов в прозе: один немецкий и два французских и еще один архиглупый русский (в прозе). Из всего этого я угадываю *истинный* смысл греческого оригинала и стараюсь в переводе своем наблюдать не только *верность поэтическую* — что главное — но и *верность буквальную*, сохраняя по возможности и самый *порядок* слов, что на нашем языке довольно возможно с помощью перестановок (*inversion*), которые нашему языку свойственнее всех других новых языков.

Для чего я выбрал этот труд? Для того, чтобы дать себе великое наслаждение выразить на нашем языке во всей ее детской простоте поэзию первобытную: буду стараться, чтобы в русских звуках отозвалась та чистая гармония, которая впервые раздалась за 3000 лет перед сим под ясным небом Греции. Это наслаждение полное. Новейшая поэзия, конвульсивная, истерическая, мутная и мутящая душу, мне противела; хочется отдохнуть посреди светлых видений первобытного мира. Если же напишу что-нибудь *свое*, то оно будет далеко от той горячки, которая теперь кипит во всем, и везде производит бред сумасшествия. Очень рад, что вы любите «Одиссею»; я сам люблю ее более «Илиады». В «Илиаде» более высоких, поэтических образов; в «Одиссее» вся жизнь давно минувшего во всей ее детской беззаботности и неподдельном простодушии. Если Бог даст мне кончить начатый труд, то «Одиссея» моя будет посвящена вам. Просите Бога, чтобы дал здоровья вашему поэту и чтобы *сберег* ему то счастье, коим так милосердо его наградил (С 7. Т. 6. С. 359).

1 (13) января 1843 г. Дюссельдорф
Великому князю Александру Николаевичу

К двум вышеозначенным причинам заграничной моей жизни надобно прибавить *третью, литературную*. Здесьняя уединенная жизнь поможет мне начать и кончить поэтическую работу, которая может остаться литературным памятником для России; эта работа, уже начатая, есть перевод «Одиссеи». (...) «Одиссея» моя не сделала еще многих шагов вперед, дорога трудная; но, сколько могу судить сам, первые шаги ее довольно удачны. Сама же работа имеет для меня неизъяснимую прелесть. В наше время, когда и в поэзию врывается буйство враждебного, всеразрушающего демократизма, есть невыразимое наслаждение предаваться этой первобытной, светлой поэзии, которая живет девственными преданиями древности и образует особенный мир, не доступный земному грязному эгоизму. Я живу в мире Гомера и, прислушиваясь к его сладкому пению, не слышу визгов сумасшедшего Гервега и комп., которым рукоплещает еще не образумевшаяся молодежь, посреди которой встречаются и молокососы с проседью. Из цветов этой поэзии хочу свить последний свой поэтический венок, дабы положить его при прощании на алтарь отечества, ему в благодарный дар, а себе на память. Таковы мои планы. Назовете ли их воздушными замками? (С. 8. Т. 6. С. 449).

12 (24) октября 1843 г. Дюссельдорф
Императрице Александре Федоровне

Около меня и другие тени теперь летают, те, которые к нам вызывает поэзия. Теперь она прикликала ко мне гигантскую тень Гомера, и я рассказываю по-русски то, что он рассказал за 3000 почти лет по-гречески; перевожу «Одиссею», хочется перевести ее так, чтобы в моем переводе сохранена была ее прадедовская простота древнего Поэта и чтобы чтение «Одиссеи» сделалось доступно всем возрастам. Этот труд красит мое уединение (ПЖиГ. Вып. 1. С. 91).

Ноябрь 1843 г. Дюссельдорф
Н. В. Гоголю

А «Одиссея» идет вперед ровным шагом. Если будет возможность остаться еще на два года за границею, то привезу в Россию готовую «Одиссею» и еще, может быть, кое-что. — В Ницце ли Александра Осиповна? Рекомендуйте ей мою рождающуюся 3000-летнюю дочку, которую я люблю почти как родную (С. 1. Т. 4. С. 527—528).

Ноябрь 1843 г. Дюссельдорф
А. М. Тургеневу

...потом опять в Дюссельдорф, где теперь и живу в прежней тиши, перевожу «Одиссею» Гомерову (уже нахожусь в половине IV песни)... (РС. 1892. № 11. С. 379).

17 (29) декабря 1843 г. Дюссельдорф
Великому князю Александру Николаевичу

2-я причина: *моя теперешняя работа*. Я принялся за перевод «Одиссеи». Этот труд, который, вероятно, будет последним памятником моей жизни и памятником, достойным отечества (если совершится как должно), этот труд требует свежих сил, совершенного досуга и уединения. Все это я здесь имею вполне. Еще дух бодр, но уже откладывать не должно: с каждым новым годом расход сил душевных становится ощутительнее. Возвратясь теперь в Россию, я буду надолго оторван от работы, в которую только что углубился; меня займут хлопоты об устройстве домашнего моего быта; меня рассеют надолго мои внешние отношения; здесь же я заперт у себя и весь предан своей еще не совсем одряхлевшей музе. Она еще свежая старушка, и прежнего огня осталось еще в ней много; но если теперь расстанусь с нею на год, то едва ли она мне откликнется по прошествии года; а если и откликнется, то уже гораздо слабейшим голосом: лишний год на плечах шестидесятилетней музы великое время. Через год или через полтора привезу к вам (если Бог позволит) и себя, и семью, и Гомера (С 8. Т. 6. С. 466—467).

6 (18) января 1844 г. Дюссельдорф
А. И. Тургеневу

Отвечай на этот последний пункт. — Что такое: *Homère polyglotte*, изданное Дидотом? Не можешь ли прислать мне: *Ulysse Homère ou du véritable auteur de l'Iliade et de l'Odyssee*. Paris, chez Debure, 1829, fol. avec V tables géogr(aphiques) et XV tabl(es) de figures. 24 francs.

Ты все просишь стихов из «Одиссеи»; но из нее ничего вырвать нельзя: все один слиток. Я уже подхожу к концу IV песни. Кажется, идет. Труд так приятен, что совестно. Если пробуду полтора года за границею, кончу» (ПЖТ. С. 295).

9 (21) февраля 1844 г. Дюссельдорф
П. А. Вяземскому

...и где мне так хорошо с женою, дочерью и с старым бородачом Гомером. (...) Надеюсь, что ее здоровье скоро поправится; а я тою порою (если я сам буду здоров) кончу свою «Одиссею». Вижу отсюда, как ты нахмурился, когда тебе сказали в первый раз, что я принялся за «Одиссею». Перовский уже побранил меня за это. Я уверен, что и ты недоволен. Кто станет читать «Одиссею» и для кого весь этот *огромный* труд? Не беспокойся и не сердись, душа моя; будешь читать «Одиссею» и мою «Одиссею» прочтешь с удовольствием. Она будет верна своей чистой, неискusstvenной природе и, переселившись под наше небо, сохранит весь отблеск греческого, светлого, еще напоминающего о первой безоблачности мироздания, не испытавшего тех бурь, которыми в наше время так уродливо его искажает и тревожит. Да если бы и никто не прочитал мою «Одиссею», то этот труд можно предпринять просто для прелести труда. И прелесть несказанная в этой девственной святой поэзии. Но я уверен, что «Одиссею» будут читать и перечитывать, если мне удастся сохранить в своем переводе всю простоту оригинала и, будучи ему рабски верным, не изменить и законному государю моему, русскому языку. Вот как это все идет: я перевожу не с

оригинала, ибо не знаю по-гречески; но можно считать, что перевожу с оригинала, ибо здесь нашлся ученый профессор Грасгоф, филолог, которого особенным занятием были комментарии «Одиссеи». Он переводит для меня «Одиссею» построчно: то есть он ее сперва переписывает, ставя строчки весьма далеко одна от другой; под каждым словом греческим ставит слово по-немецки; под каждым словом немецким грамматические замечания на греческое слово. Четвертую строку составляет уже мой перевод, который сначала творится карандашом; переносится потом на белую страницу, потом переписывается в книгу и таким образом, прошедши разные мытарства, очищается и становится достойным вступления в рай печати. Таких очищенных претендентов на печатный рай находится уже в готовности *пять*; *шестой* находится еще в огне очищения; но он в конце нынешнего месяца будет готов также для рая. Построчный немецкий перевод есть благословенная галиматья и часто совершенно непонятная; но я держусь исключительно этого перевода; он дает мне порядок слов оригинала, дает образ выражения греческого поэта; его инверсии и проч., но не дает ни гармонии стиха, ни действия отдельных слов, заключающегося в их звуке (зато дает их место), не дает того, что, так сказать, составляет запах каждого языка, ему одному свойственный. В этом-то и состоит моя работа, которая из перевода превращает мой труд в оригинальное создание; я должен угадать и из себя дополнить все то, что не дает мне подстрочный мой перевод и чего нет ни в одном из известных мне поэтических. Лучший из них есть Фоссов; но Фосс дал своему поэтическому переводу характер подстрочного, то есть он жертвовал своим языком языку оригинала; он натянул свое узкое немецкое платье на гигантское тело грека; с этим преобразованием грек остался греком, это правда, но ему ходить неловко в узких немецких стихах; по швам рвется; и беспреостанно нашивки и заплаты. Перед ним другой стихотворный перевод; не столь исковерканный язык, как Фоссов; зато менее поэзии. Попов смешон своей чопорностию и претензиею всё сказать лучше и блистательнее: Поп не имел понятия о святой простоте; он меня смешит и сердит. Французские переводы, которых у меня четыре, служат только для объяснения смысла; в них нет никакой поэтической верности. Есть у меня и русский в прозе, чей не знаю, но кажется должно быть покойного греховодника и секретаря покойной русской академии Соколова, ибо он посвящен покойному Шишкову. Жаль бранить мертвых, а этот переводчик суцая свинья: другой критики ему быть не может (Гиллельсон. С. 44—45).

12 (24) февраля 1844 г. Дюссельдорф

II. А. Вяземскому

Я был прерван на этом патетическом месте письма моего. Хотел было тогда еще много говорить о своей «Одиссее»; но теперь как-то не хочется, хотя эта «Одиссея» есть также (после жены, разумеется, и дочери) главная страсть души моей. Скажу одно в предварительное тебе остережение: ты не должен ожидать найти в слоге моего перевода блеск выражений, который есть характер новейшего поэта; для перевода Гомера нужно было, так сказать, выбросить из памяти все приобретения, сделанные в письме от разработки его писателями, и перепрыгнуть как бы в ту эпоху, когда поэт, девственно простой, был выразителем первобытных понятий, впечатлений, чувств и образов. Эта простота составляет особенную трудность перевода: она всегда на границе прозаизма; но сделай малейший шаг в нашу область блеска

и эффекта, и Гомер является нарумяненным щеголем. Таким образом он беспрестанно бывает у Попа. У Фосса он немного мужиковат. Каков-то будет у меня, не знаю; пока *мой* мне нравится, разумеется, как сын отцу; но я отец беспристрастный. Кажется, что в моем переводе сохранена и верность оригиналу (замечательного в форме, в характере слога, в оборотах, в сохранении всех и самых мелких наблюдений, в простоте и пр.) и с ней вместе верность языку. Читается легко и без запинки; славянские слова выгнаны; везде язык просторечия, возвышенный в эпическое достоинство; иногда только славянское высокое слово, получившее полное право гражданства в русском языке, употребляется не по необходимости, а для точнейшего и действительнейшего выражения. По сию пору, кажется, всё это удалось; но кажется мне самому, что-то скажете вы, хотя, впрочем, не всему тому поверю, что вы скажете. — Например, твоя критика на слово *огромная* поэма в моем предисловии к «Наль» несправедлива, потому что это слово выражает особенный характер «Магабараты», имеющей полное право на титул — *огромный* — *всем и каждому* перед тобою так же, как и все предисловие, в котором ровно нет ничего. Постараюсь, чтобы предисловие к Гомеру было иного рода (Там же. С. 45).

6 марта н. ст. 1844 г. Дюссельдорф

А. И. Тургеневу

К книгам, о которых я к тебе писал, я желал бы, чтобы ты присоединил перевод давнишний Рошефора «Илиады» и «Одиссеи» в стихах. Мне, правду сказать, он ни на что не надобен; но просто я любопытен знать, как Француз в стихи укладывает Гомера и что выходит из его простоты под рюмянами французского петиметра (Rochefort). (ПЖТ. С. 296).

1 (13) апреля 1844 г.

Великому князю Александру Николаевичу

Прибавьте к этому прелесть поэтического занятия, к которому возвратился я с несказанным наслаждением: деятельность по сердцу, вдохновенные уединенные беседы с гением Гомера и гармонический голос его музы, слитый часто с звонким голосом малютки-дочери... (С 8. Т. 6. С. 472).

20 июля (1 августа) 1844 г. Франкфурт-на-Майне

Н. В. Гоголю

Я принимаюсь опять за «Одиссею» (СС I. Т. 4. С. 529).

2 (14) октября 1844 г. Франкфурт-на-Майне

Р. Р. Родионову

...прошу вас мне прислать поскорее перевод «Одиссеи» Мартынова. Я давно бы его выписал, но не знал о его существовании; недавно только открыл его в каталоге Смирдина. Пришлите немедленно. Очень обяжете. Книга в 4^х томах, должны быть и примечания. Один экземпляр напечатан с греческим текстом. Другой без текста. Если не найдете книги, то попросите Плетнева ее отыскать, которому за труд пришлю пиесу в стихах в его журнал» (Собрание Музея А. С. Пушкина на Мойке. Ф. 5. Оп. I. № I. Л. 4).

Октябрь 1844 г. Франкфурт-на-Майне

А. И. Тургеневу

Если Бог сохранит все, что вокруг меня, я надеюсь кончить к апрелю всю «Одиссею». (...) Если бы ты отыскал перевод Гомера *Рошфоров* (Rochefort) в стихах, то очень бы одолжил меня. Это старая книга, и ее надобно искать у букинистов. Да нет ли у Бодри перевода английского «Одиссеи» Соорег, кажется? Новый, Пóпов, есть у меня. Да что такое *Номèге polyglotte*? Нельзя ли также отыскать издания в греческом тексте, но крупного шрифта? (ПЖТ. С. 305—306).

3 ноября н. ст. 1844 г. Франкфурт-на-Майне

А. М. Тургеневу

А я уже X песней «Одиссеи» отделал (РС. 1892. № 11. С. 384).

8 (20) ноября 1844 г. Франкфурт

А. И. Тургеневу

Живу между женою, дочерью и Гомером. Прибавь к ним Гоголя, который гнездится теперь в том гнезде, в котором ты гнездился. (...) Я же подвигаюсь к концу XI песни. Нашел здесь двух русских переписчиков; один принадлежит к департаменту нашего священника, живущего теперь с причетом в Висбадене; а другой замечательное лицо потому, что он свергнувший с себя цепи раб: бывший мальчик Блока, от него бежавший и теперь бесприютный (ПЖТ. С. 306—307).

14 (26) ноября 1844 г. Франкфурт-на-Майне

В. А. Сологубу

Если же бы ее не случилось в запасе, из «Одиссеи» не послал бы ничего. Она не иначе явится в свет, как вся целиком. Нынешним утром я кончил одиннадцатую песню; но еще надобно будет долго поправлять ее (РС. 1901. № 7. С. 100).

5 (17) декабря 1844 г. Франкфурт-на-Майне

А. П. Елагиной

Милая моя душа, уж это и для меня непостижимо, как мог я так долго не писать к вам, как могли вы так долго сносить мое молчание и не кинуть ко мне хоть бранного слова. Жена моя не виновата перед вами, она давно написала к вам письмо, но я все этого письма не посылал для того, чтоб с ним послать и мое: а мое-то все и не писалось. И знаете ли, что особенная причина — Одиссея. У меня уже XI песен переведено и поправлено. Мне так хочется скорее этот труд (мой лучший и удачнейший труд) окончить, что Одиссея в полном смысле этого слова меня пожирает. Когда начинается перевод песни, все прочие работы и заботы в сторону — с ними и письма. Кончилась песня — и начинаются торг и разные плутни лени: сперва отложишь письмо для того, чтобы заняться поправками перевода; кончились поправки, начинается переписка; кончилась переписка — ахти! Как много времени прошло! Надобно приниматься за новую песнь. Принялся за новую песнь — по-

вторяется точь-в-точь та же история, и вот эта история повторяется... Но надобно вам знать, милая, что именно Одиссея чаще нежели что-нибудь другое заставляет меня об вас думать. Никому не хочется мне так ее прочитать, как вам; ибо знаю, что вы лучше всех других (и прочих многоумных литераторов) оцените эту работу и поймете, сколько нужно было иметь самобытного творчества переводчику, чтобы с нею успешно сладить. Может быть, я и пришлю к вам один переписанный мне экземпляр, но должно только вверить его надежному человеку; наши почтенные соотечественники худо исполняют поручения. (...) Я сделался смиренным поэтом-рассказчиком; во многих отношениях то, что пишу теперь, гораздо лучше того, что писал прежде, и очень рад, что мой добрый Гений именно в то время, когда внешний мир для меня стеснился в пределы моего домашнего садика, подвел меня к старику Гомеру, который меня, безымянного для него, Гиперборейского старика, принял весьма благосклонно и с старческим, детским добродушием, передавая мне Одиссею, сказал: пересели ее на твой Север, и пускай она, которую жадно слушали в мое время и старики, и юноши, и дети, под светлым небом Эллады, таким же чистым, сердцу отзывистым голосом будет говорить старикам, и юношам, и детям твоего туманного Севера; — и в царских палатах посреди расцветающего царского семейства, и в уединенной учебной юноши, у которого от восторга станут дыбом волосы, когда повеет на него святая древность амброзиальным, неиспорченным благоуханием, и в семейном кругу Авдотьи Петровны Елагиной, где по особенной симпатии поэтической ясно поймут (и не выдав моей Одиссеи в ее прежнем образе вечно новой девы в 2000 лет), что она, перелетев это пространство времени, очутилась между ними во всей прелести своей красоты. Вот что мне сказал Гомер — и я с тех пор всеми силами стараюсь исполнить его завещание. Так, чтобы он, когда появится его Одиссея на Руси, не грозным, мстительным Демоном передо мною явился и страшных Эриний на меня накликал, а в своем первобытном виде, и мне разоблачил бы лицо свое, и сказал бы мне дружески: благодарствую за дочь Одиссею; а тебе в награду за блаженный труд твой, показываюсь точно таким, каков я некогда был, с костями и с мясом, за 2800 лет перед сим, вопреки Вольфу и разным немцам, которые из всего мастера делать идею, и из идей которых часто нечего делать. Чтобы говорить вам без всяких картинностей, одиннадцать песен Одиссеи готовы; я переводом доволен; он кажется мне простее всех существующих; верен, как проза; но поэтический, и поэтический по образу и подобию Гомера (это ниже); язык же русский, а не греческий, как у немцев, и не такой, как во всех переводах французских и у Попа. Есть перевод английский Соорет, которого я не знаю и который весьма хвалят. Есть и два русских в прозе Соколова и Мартынова. Соколов чистый дурак, а Мартынов был искусный педант, но мне он может быть полезен для технических терминов в последних песнях, которые, кажется мне, будут труднее первых, более разнообразных. Спросите, как же я перевожу? С греческого и не с греческого. Нашелся честный, ученый профессор в Дюссельдорфе по имени Грасгоф (брат его живописец был, кажется, в Москве); сперва я пригласил Грасгофа читать со мною Гомера: он мне его диктовал, я писал, под каждое слово греческое ставил слово немецкое и грамматические примечания; но это показалось мне слишком продолжительным; Грасгоф мог заниматься со мной только час в день и только три раза в неделю — итого по три часа в неделю на Гомера, куда бы я с этим уехал? Я поручил Грасгофу сделать для меня подстрочный немецкий перевод. И я имею теперь всю почти Одиссею, таким образом переведенную; сперва строка греческая,

под нею строка немецкая; под каждым греческим словом немецкое, ему соответствующее; под каждым немецким словом грамматический анализ слова греческого. Чистая галиматья. Но я перевожу просто с этой галиматии; ибо передо мною весь порядок греческих слов, со всеми их инверсиями, я даже, читая стихи, могу иметь и понятие о гармонии звуков; но непосредственно поэтической прелести оригинала не могу чувствовать, и это едва ли для меня не выгоднее: это дает мне полную свободу угадывать поэтическим чутьем то, что лежит передо мною в немецких безжизненных каракулях, это дает моему переводу характер творчества, имея всю материальную сущность стиха: смысл и порядок слов; я в самом себе должен находить его поэтическую сущность, то именно, что непереводаемо, что надобно создать самому, чего нельзя взять из оригинала, что должно уже иметь в самом себе. Кажется, что здесь мое чутье меня не обмануло.

Перевод Гомера не может быть похож ни на какой другой. Во всяком другом поэте, не первобытном, а уже поэте-художнике, встречаешь беспрестанно с естественным его вдохновением и работу искусства. Какая отделка в Вергилии; сколько целых страниц, где всякое слово живописно поставлено на своем месте и сколько отдельных стихов, поражающих своею особенною прелестью. В Гомере этого искусства нет; он младенец, постигнувший все небесное и земное и лепечущий об этом на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, светлая река без волн, отражающая чистое небо, берега, и все что на берегах живет и движется; видишь одно верное отражение, а светлый кристалл отражающий как будто не существует. Переводя Гомера, недалеко уйдешь, если займешься fortunною каждого стиха отдельно, ибо у него нет отдельных стихов, а есть поток их, который надобно схватить весь, во всей его полноте и светлости. Надобно сберечь всякое слово и всякий эпитет, и в то же время все частное забыть для целого; и в выборе слов надобно наблюдать особенную осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и негодно для Гомера; все имеющее вид новизны, затейливости нашего времени, все необыкновенное — здесь не у места; надобно возвратиться к языку первобытному, потерявшему уже свою свежесть от того, что все его употребляли, заимствуя его у праотца поэзии; надобно этот изношенный язык восстановить во всей его первобытной свежести и отказаться от всех нововведений, какими язык поэтический, удаляясь от простоты первобытной, по необходимости заменил эту младенческую простоту. Поэт нашего времени не может писать языком Гомера: будет кривляние старой кокетки, которая хочет корчить 15-летнюю прелестную деву. Переводчик Гомера ничего не может занять у поэтов нашего времени в пользу божественного старика своего и его музы, 15-летней чистой девы. Относительно поэтического языка я попал в область общих мест, lieux communs, и из этих одряхлевших инвалидов поэзии, всеми уже пренебреженных, надлежит мне сделать живых, новорожденных младенцев. Но какое очарование в этой работе, в этом подслушивании рождающейся из пены морской Анадиомены, ибо она есть символ Гомеровою поэзии, в этом простодушии слова, в этой первобытности нравов, в этой смеси дикого с высоким, вдохновенным и прелестным, в этой живописи без всякого излишества, в этой незатейливости выражения, в этой болтовне, часто излишней, но принадлежащей характеру безыскусственному, и в особенности в этой меланхолии, которая нечувствительно, без ведома поэта, кипящего и живущего с окружающим его миром, все проникает, ибо эта меланхолия не есть дело фантазии, созидающей произвольно грустные, ни на чем не основанные сетования, а заключается в самой природе вещей тогдашнего мира, в котором

все имело жизнь пластически могучую в настоящем, но и все было ничтожно, ибо душа не имела за границей мира своего будущего и улетала с земли безжизненным призраком, и веря в бессмертие, посреди этого кипения жизни настоящей никому не шептала своих великих, всеоживляющих утешений. Кажется мне, что *т-ме Staël* первая произнесла, что с религиею христианскою вошла в поэзию и вообще в литературу меланхолия. Это современная бессмыслица. Что такое меланхолия? Грустное чувство, объемлющее душу при виде изменчивости и неверности благ житейских, чувство или предчувствие невозвратной утраты без *замены* — такова была светлая жизнь древних, светлая, как украшенная жертва, ведомая на заклание; те, которые ведут ее к жертвеннику, пляшут кругом и поют, и в шуме пляски забывают топор, который скоро повалит жертву. Эта незаменимость здешней жизни, раз утраченной, есть характер древности и ее поэзии; эта незаменимость есть источник глубокой меланхолии, никогда не выражаемой, но всегда тайно и явно присутствующей. Кто из новейших имеет более меланхолии Горация? Но Горация меланхолия понятна: она есть выражение естественное лица его; меланхолия новейших есть кривляние, есть маска. Там где есть Евангелие, не может уже быть той меланхолии, о которой я говорил выше, которая вся запечатлена в до-евангельском мире: теперь лучшее, верховное, все заменяющее благо — то, что одно неизменно, одно существует, дано один раз навсегда душе человеческой Евангелием; правда, мы можем и теперь, как и древние, говорить: земное на минуту, все изменяется, все гибнет; но мы говорим так о погибели одних внешних, чуждых нам *призраков*, заменяемых для нас верным, негибнущим, существенным, внутренним, нашим; а древние говорили о гибели того, что одно было для них существенно и что для них, раз погибнув, уже ничем заменяемо не было. Но куда же я убежал от Гомера? Возвращаясь к нему, скажу вам, что хочется сделать два издания Одиссеи русской: одно для всех читателей, другое для юности. По моему мнению, нет книги, которая была бы приличнее первому, свежему возрасту, как чтение, возбуждающее все способности души прелестию разнообразного; только надобно дать в руки молодежи не сухую выписку в прозе из Одиссеи, а самого живого рассказчика, Гомера. Я думаю, что с моим переводом это будет сделать легко; он прост и доступен всем возрастам, и может быть во всякой учебной и даже детской. Надобно только сделать выпуски и поправки; их будет сделать легко, и число их будет весьма невелико. К этому очищенному Гомеру я намерен придать род Пролога; представить в одной картине все, что было до начала странствия Одиссея. Эта картина обхватит весь первобытный, мифологический и героический мир греков; рассказ должен быть в прозе, но все, что непосредственно составляет целое с Одиссеею, то есть, Троянская война, гнев Ахиллов, падение Трои, судьба Ахилла и Приамова дома, все должно составить один сжатый рассказ гекзаметрами, рассказ, сшитый из разных отрывков Илиады, трагиков и Энеиды, и приведенный к одному знаменателю. В этот рассказ вошли б однако некоторые песни Илиады, вполне переведенные. Таким образом Одиссея для детей была бы в одно время и живою историею древней Греции, и полною картиною ее мифологии, и самою образовательною детскою книгою.

Сообщите все это Москвитянину, известному Вам сыну вашему Ивану Васильевичу Киреевскому, если он подлинно решился Москвитянствовать. Я бы желал, чтобы он очистил путь моей Одиссее, то есть чтобы он поговорил о Гомере, чтобы он его из безжизненной вольфианской идеи ввел опять в *существо телесное*, определил бы его высокою, ни с каким другим несравнимое достоинство, особенно определил бы достоинство Одиссеи, которое заключает в себе все предания стари-

ны греческой, рассказанные простодушно, без всякого поползновения на поучение, а просто для того, что одному было весело рассказывать, а другим весело слушать, чтоб посмеяться над педантами и комментаторами, древними и новыми, которые своими толкованиями и из Гомера делают подобного им скучного педанта, аллегорика, историка, тогда как он просто певец вдохновенный, увенчанный душистым венком, поющий беспечно на пиру, просто повторитель слышанных им сказок, преданный всем сердцем повериям своего времени. Эта работа Ивана Москвитянина о Гомере приготовила бы выход на сцену Одиссеи: а я бы после воспользовался разысканиями Москвитянина для моего собственного предисловия. (...) *Прибавлю к статье о Гомере. Я вижу в Одиссее сверх капитала моей поэтической славы (ибо все прочее мое забудут; а Одиссею не забудут: в ней Русь познакомится с Гомером, и познакомившись раз, не разлюбит его, и она же, т. е. Одиссея будет забавою и первым знакомством детей всех поколений будущих), вижу, говорю, в Одиссее и капитал материальный для детей после меня.* (...)

Прощайте. Еще поживем вместе. Нельзя же, чтобы вы и мои муратовцы не видали моей всей семьи и не читали вместе со мною Одиссеи (Наше наследие. 2003. № 65. С. 82—86).

1 июля 1845 г.

П. А. Плетнёву

...а будет он [пакет] увесист потому, что будет заключать в себе сверх письма и стихи работы вашего старого поэта, который из-за «Одиссеи» иногда заглядывает и в Русские сказки (...) Если достанет хорошего расположения, то при «Одиссее» постараюсь состряпать еще несколько сказок в разных тонах и разных характеров. Но удастся ли это сделать до своего отъезда отсюда, не знаю и даже сомневаюсь. Я остановился, кончив XII-ую песнь «Одиссеи» и написав «Ивана Царевича»; с тех пор как будто заколдобило: всю зиму хворал; после хворанья не писалось и теперь не пишется; и так будет до конца августа, ибо в конце июля надобно будет ехать в Швальбах пить воды и купаться. По возвращении оттуда примусь свежий за дело. По крайней мере могу надеяться, что кончу «Одиссею». Вяземский прислал мне ту записку, которую вы написали ему в ответ на его запрос, как бы напечатать «Одиссею» на казенный счет и сделать ее классическою книгою. Мне самому хлопотать об этом неловко; надобно чтоб все мои добрые приятели это пустили в ход. Но признаюсь (хотя я работаю над моею «Одиссеею» единственно из любви к ней и без всякого другого постороннего вида), я желал бы, чтобы мой труд мог обратиться в пользу моего семейства; как поэтическое произведение, моя русская «Одиссея» будет моим твердейшим памятником на Руси: она, если не ошибаюсь, верна своему греческому отцу Гомеру; в этом отношении можно ее будет почитать произведением оригинальным. И будет великое дело, если мне моим переводом удастся пробудить на Руси любовь к древним, как некогда я подружил их с поэзией немцев. По своей важности в этом отношении «Одиссея» может обратиться на себя внимание Русской Академии и Министерства Просвещения, понеже она может быть полезною образовательною книгою в руках юношества. Мне даже хочется сделать из нее книгу для *первого отроческого возраста*: перевод прост и при всей своей верности кажется мне удобопонятен, ибо язык не исковеркан греческими формами, хотя они и все сохранены с благоговением. Может быть и доставлю первые XII песней для

прочтения министру; он знает хорошо оригинал и лучше других будет в состоянии оценить перевод. Но хлопотать о деле издания поручаю вам, Вяземскому, Вьельгорскому. Вы же должны позаботиться и о том, чтобы это издание было на самых выгоднейших для меня условиях: о сем последнем, то есть о выгоде, я теперь *обязан* думать ⟨...⟩. К Уварову я писал, но совсем о другом, хотя впрочем и об «Одиссее» поместил несколько строк в письме своем... (Переписка. Т. 3. С. 554—556).

18 (30) июня 1845 г. Франкфурт-на-Майне

А. Ф. фон дер Бриггену

Я часто, часто сетовал на свое совершенное невежество в латинском и греческом языке и какое было бы для меня наслаждение под старость заняться переводом некоторых классиков в прозе; под старость проза (не прозаизм) становится привлекательнее. Все это, однако (и невежество и склонность к прозе), не помешали мне приняться за большой труд стихотворный, за перевод «Одиссеи». Он уже до половины кончен; другую половину, если буду здоров и если никакого препятствия не пошлет Бог, кончу к началу или в начале будущего года. Надобно Вам при всем этом знать, что мне теперь весьма удобно под старость заниматься рассказами Гомера и передавать их на свой лад моим соотечественникам: я завелся (тому уже пятый год) своей семьею; у меня уже теперь сын и дочь. ⟨...⟩ Когда напечатается «Одиссея», Вы также ее получите; но это еще долгая песня (С 7. Т. 6. С. 615—616, 618).

7 (19) июля 1845 г. Франкфурт-на-Майне

П. И. Полетике

...мне было бы так весело увидеть старого, доброго, любезного сердцу приятеля в *своем* доме, посреди *моей* семьи, посреди моего тихого, поэтического уединения, где бы я мог похвастать перед ним моими двенадцатью песнями «Одиссеи» и двумя живыми маленькими поэмками, из которых одна называется Александра Васильевна, а другая Павел Васильевич. ⟨...⟩ Возвратясь из Швальбаха, примусь снова за свою «Одиссею», которая с некоторого времени пришла в забвение (В. А. Жуковский. Чествование его памяти в С.-Петербурге. 29 и 30 января 1883 года / Издание Н. И. Стояновского. СПб., 1883. С. 56—57).

24 сентября (6 октября) 1845 г. Франкфурт-на-Майне

Н. В. Гоголю

Теперь начинаю вести жизнь по-старому. Принимаюсь за свои переводы. С одной стороны послания Павла, а с другой Гомер... (СС I. Т. 4. С. 534).

18 (30) октября 1845 г. Франкфурт-на-Майне

А. М. Тургеневу

Вот теперь и конец октября; а я все еще за свои работы не мог порядком приняться — стоит только раз их расстроить, не скоро опять устроишь. Надеюсь, что в ноябре все опять пойдет по маслу. А хотелось бы кончить начатое и привезти к вам «Одиссею» во всем полном уборе ее (РС. 1892. № 11. С. 386).

21 октября (2 ноября) 1845 г. Франкфурт-на-Майне
Великому князю Константину Николаевичу

Между тем пока вы странствовали по морям, как северный Одиссей, я не ленился путешествовать с своим греческим и вслед за ним проехал уже 12 станций: это значит, что уже у меня переведено 12 песней «Одиссеи». И я был бы уже у пристани, когда б не задержала меня болезнь на дороге. С последних месяцев прошлого года до нынешнего лета я все хворал; потом ездил лечиться в Швальбах; потом был должен сделать другие поездки — словом, около года почти провел я, не видавшись с моим героем. Теперь опять начинаю с ним беседовать, и великая была бы для меня радость, когда б я мог при возвращении моем в Россию представить его вам точно в таком виде, в каком его звал Гомер, но говорящего чистым, для всех привлекательным языком русским. Этим переводом «Одиссеи», если Бог поможет мне его совершить как должно, надеюсь несколько времени пожить в памяти отечества. Надежда занять уголок в этой памяти имеет великую прелесть. Но не она привлекает меня, а самый труд; ибо нет ничего очаровательнее чистой поэзии. Повторять верно на своем языке то, что гармонически сказано было ею в те первобытные времена, когда она еще говорила младенческим языком природы и истины, есть неописанное наслаждение; и это наслаждение дает мне избыточно беседа с моим Гомером, который могуч как Зевес-Громовержец, чист как Харита, простодушен как Психея и говорлив как лишенный зрения старик-прорицатель, которому в слепоте его видится прошедшее и будущее, и который знает, что около него толпится многочисленный народ, внимающий чудному его песнопению (С 7. Т. 6. С. 363—364).

22 октября (3 ноября) 1845 г. Франкфурт-на-Майне
Великому князю Александру Николаевичу

Наконец 3-я причина. Если бы я имел перед собою этот полный год до мая месяца 1847, то мог бы кончить начатую мною работу, для которой необходимо то уединение и то спокойствие, какими здесь могу вполне пользоваться. В нынешнем году я почти ничего не мог сделать: болезнь моя, начавшаяся в последних месяцах прошлого года, не позволила мне ни за что приняться до начала июля; потом я должен был ехать лечиться в Швальбах, где пробыл до конца августа; потом другие необходимые поездки; словом, я только что теперь начинаю приниматься за брошенный труд, и меня уже издали тревожит мысль, что не успею его кончить до отъезда и что, по возвращении в Россию, долго не буду иметь возможность за него снова приняться. А мне страшно откладывать: все кажется, что не доживу. В этом отношении один полный год здешней беззаботной жизни, исключительно посвященной труду моему, был бы для меня великим благодеянием (С 8. Т. 6. С. 497).

5 (17) ноября 1845 г. Франкфурт-на-Майне
Н. В. Гоголю

Не скоро найдется в России для меня такой покойный уголок, какой я здесь себе устроил; нигде не допишется «Одиссея» на просторе так, как здесь (...). Впрочем, скажу вам, что я все еще не принимался снова за «Одиссею» и ничего нового не

сделал с тех пор, как мы с вами расстались: какой-то вредноносный самум на нас обоих повеял. Но теперь снова берусь за перо. (...) А хотелось бы, очень бы хотелось привезти на родину конченную «Одиссею». Она будет моим гробовым монументом (СС I. Т. 4. С. 535).

3 (15) декабря 1845 г. Франкфурт-на-Майне
Великому князю Александру Николаевичу

Но величайшею было бы для меня милостию от государя императора, если бы в таком случае, когда мне будет позволено остаться за границею до начала мая 1847 г., его императорское величество соизволил мне дать и всемилостивейшее *разрешение не являться в будущем 1846 г.:* я чрез это *сберег бы месяца четыре для своей Одиссеи*, за которую все еще не мог порядком приняться от следствий болезни и которую весьма бы желал кончить до возвращения моего в отечество (С 8. Т. 6. С. 505).

24 декабря 1845 г. (5 января 1846 г.) Франкфурт-на-Майне
Н. В. Гоголю

Пишите ли вы? А я как будто заколдован. Гомер мой остановился на половине XIII песни, и вот уже год, как я за него не мог приняться и от болезни, и от лечения, и от поездок (СС I. Т. 4. С. 537).

10 (22) января 1846 г. Франкфурт-на-Майне
Великому князю Александру Николаевичу

Для меня будет большою радостью возвратиться в Россию с обновленными силами и с «Одиссеею», которая, вероятно, будет *последним* моим *поэтическим* трудом, но в которой оставил отечеству добрую о себе память, смиренно присоедяся к великому Гомеру и с совестиливою ревностию повторяя песнь его, которая и после трех тысяч лет сохранила свою звонкость и свежую прелесть. Окончением «Одиссеи» заключится важный период жизни моей, период поэзии (С 8. Т. 6. С. 505—506).

19 (31) марта 1846 г. Франкфурт-на-Майне
Н. В. Гоголю

У меня поэтический запор все еще продолжается. Гомер спит сном богатырским. Авось пробудится. Жду и надеюсь. (...) Отрывок перевода Крылова из «Одиссеи» хорош; но думаю, что мой перевод, при такой же точности, опрятнее. Наш дедушка Крылов не подмел горницы: убрал ее прекрасно, да на полу валяются бумажки (СС I. Т. 4. С. 538—539).

19 (31) марта 1846 г. Франкфурт-на-Майне
Д. П. Северину

Императрица, как я слышал, возвращается опять тою же дорогою в Россию. На какие города и когда она поедет, это еще таится в лоне бессмертных, как говорит Одиссей. Но из смертных конечно один из первых (ты) узнаешь эту тайну (РС.1902. № 4. С. 163).

2 (14) июня 1846 г. Франкфурт-на-Майне

Р. Р. Родионову

Просьба относится к Смирдину. Пускай он предложит мне свои условия. Например, не купит ли у меня мои сочинения и теперешние и «Одиссею» в вечное и потомственное владение? «Одиссею» я надеюсь выдать и для общего чтения и как учебную книгу, которую может быть министерство просвещения захочет произвести в классическую для всех учебных заведений (Это однако моя собственная идея). Если Смирдин захочет сделать такое приобретение моих сочинений и «Одиссеи», то наперед он должен знать, что я хочу, чтобы это был для меня капитал, и капитал не малый и чтобы он мне был заплачен тотчас, как скоро на продажу сочинений выйдет подписанное условие, и когда процензурованная «Одиссея» будет, вполне готовая к печатанию, отдана в руки книгопродавца издателя. Это пишу к вам для того, чтобы вы прежде снесли с Петром Александровичем Плетневым, он мой опекун по авторской части, а вы по финансовой: вам следует действовать совокупно; и в этом случае поручаю вам выгоды не мои, а семьи моей (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 128. Л. 21).

18 (30) декабря 1846 г. Франкфурт-на-Майне

Великому князю Александру Николаевичу

Даже и занятия мои как будто разбиты параличом: Гомер мой в оба последние года не подвинулся ни на шаг вперед. Дни уходят за днями; вижу, что мне суждено кончить главный свой труд под отечественным небом, а не с оконченным трудом на родину возвратиться. Постараюсь однако снова в начале года приняться за работу: авось хоть треть ее кончу до своего отъезда, о котором теперь беспрестанно думаю (С 8. Т. 6. С. 519).

23 января (4 февраля) 1847 г. Франкфурт-на-Майне

Н. В. Гоголю

При всем этом «Одиссея» молчит, и вот уже два года ровно, как она молчит (СС I. Т. 4. С. 541).

16 (28) февраля 1847 г. Франкфурт-на-Майне

Великому князю Александру Николаевичу

Я здоров в эту минуту совершенно; но сперва от собственной болезни моей, потом от беспрестанных тревог душевных мои работы расстроились: я не мог продолжать главного труда своего, для которого мне так нужны досуг и уединение (С 8. Т. 6. С. 526).

12 (24) марта 1847 г. Франкфурт-на-Майне

Н. В. Гоголю

Я еще не мог приняться за свою главную работу, за «Одиссею»; надобно размахаться, прежде нежели начать снова полет. И я размахался тем, что кончил «Руссте-

ма и Зораба», которого (в этом я уверен) ты прочтешь с удовольствием, ибо в этом отрывке, составляющем целое, высокая поэзия не Древней Греции, не образованного Запада, но пышного, пламенного Востока (СС 1. Т. 4. С. 549).

27 апреля (9 мая) 1847 г. Франкфурт-на-Майне

Великому князю Александру Николаевичу

...я провел эти года в совершенном отлучении от внешнего мира, жил для одной семьи и для одних своих литературных работ, которые, по окончании «Одиссеи» (если Бог позволит), должны получить *иной* характер. Другой жизни мне и искать теперь не можно: последние мои года должны быть посвящены моей душе для *моего* нездешнего будущего и душе моих детей для их здешней жизни. Вот почему мне особенно жаль, что последние два года, в которые было так много болезней, не продвинули вперед моего поэтического труда. Мне хотелось воротиться на родину, совершенно отделившись от всякой другой заботы, с трудом совершенным (который должен остаться моим памятником отечеству), с полной свободой перейти к другим занятиям... (С 8. Т. 6. С. 531).

6 (16) мая 1847 г. Франкфурт-на-Майне

А. Ф. фон дер Бриггену

И мое писательство, несмотря на устарелость (чтобы не сказать: старость), все еще тянется. Моя Одиссея дошла до 13-й песни и была бы уже кончена, если бы не остановили бы моей музы болезнь сперва моя, потом женина, и разные печальные обстоятельства. Если Бог позволит, кончу в год, лишь бы только иметь полное уединение и здоровье (С 7. Т. 6. С. 624—625).

5 июня 1847 г.

Д. П. Северину

Сверх болезни тяжкое горе: смерть сестры и четырехмесячная болезнь брата, который не раз был у дверей гроба и только теперь начинает поправляться. Все это остановило мою Одиссею, которая с самого дня рождения моего сына (1-го января с(тарого) с(тиля) 1845) ни на шаг не продвинулась вперед (РС. 1902. № 6. С. 512).

1 (14) июля 1847 г. Эмс

П. А. Вяземскому

Моим представителем могут быть двенадцать песней Одиссеи, которые скоро к вам будут отправлены. (...) Буду писать к нему [Уварову] сам, когда пошлю ему свои XII песен Одиссеи (как член академии ее президенту) (С 7. Т. 6. С. 631).

1 (14) августа 1847 г. Эмс

П. А. Вяземскому

Юбилей — идея хорошая; я бы рад был, когда бы она пришла в исполнение. 50-летие мое кончится 29 января 1848 года, в день рождения поэта. К тому времени

подоспеет половина Одиссеи. Она могла бы быть моим представителем (С 7. Т. 6. С. 631).

12 (24) сентября 1847 г. Дармштадт
А. С. Хомякову

По щучьему велению, по моему прошению, по вашему соизволению, посылаю вам, любезнейший Алексей Степанович, роспись по алфавиту всех имен мифологических, исторических, географических и пр., находящихся в первых XII песнях «Одиссеи»¹. Когда кончится перевод последних XII песней, будет сделан такой же алфавит и им. Вот вам порядочная работа; если за нее примитесь и ее совершите, то по милости вашей капитал мой «Одиссеи» увеличится значительными процентами. Сама же «Одиссея», т. е. ее первая половина, поехала в гости к цензуре в Петербург. Между тем я начну ее печатать здесь, в Карлсру, где есть русская типография и где отпечатано будет красиво, скоро и гораздо дешевле, нежели в Пбге. Надеюсь, что печатание будет кончено к моему отъезду весною в Россию: ибо я все собираюсь и на этот раз непременно буду один, если еще нельзя будет ехать жене. (...) После вашего отъезда из Эмса, я там несколько дней жил сиротою; но боги Одиссеевы сжамились надо мною и прислали мне Тютчева. Он приехал в Эмс нарочно для меня и для «Одиссеи», прожил там до моего отъезда, заставил меня прочитать ему «Одиссею», потом отправился, когда я уехал из Эмса, пошататься по Рейну, явился ко мне во Франкфурт, чтобы дочитать «Одиссею», и наконец пустился через Веймар в обратный путь — теперь он должен быть в Пбге. Мне было с ним весьма по душе. Какой оживленный, острый, поэтический и привлекательный ум (С 7. Т. 6. С. 638—639).

12 (24) сентября 1847 г. Франкфурт-на-Майне
С. С. Уварову

(...) Примите мою благодарность вместе с первыми XII-ю песнями «Одиссеи», которые предаю на суд ваш. Прочитайте мой перевод с тем участием, которое вы всегда оказывали моим литературным трудам, и скажите искренно свое мнение. П. А. Плетнев доставит вам манускрипт.

Вы спросите, как мне пришло в голову приняться за «Одиссею», не зная греческого языка, и из таинственно заносчивого германского романтика сделаться смиренным классиком? На это простой ответ: перешедши на старости в простое пристанище семейной жизни, мне захотелось повеселить душу первобытною поэзиею, которая так светла и тиха, так животворит и покоит, так мирно украшает все нас окружающее, так не тревожит и не стремится ни в какую туманную даль. Старость — второе ребячество; под старость любишь рассказы; поэтому и мне захотелось присоединиться к простодушнейшему из всех рассказчиков и, не имея в запасе собственных басен, повторить на Руси его греческие стародавние басни. Одним словом, цель моя была: потешить самого себя на просторе поэтической болтовнею; это мне и удалось: XII песен «Одиссеи» кончены; были бы кончены и все XXIV, но

¹ В этом алфавите указано 322 названия и, кроме того, назначено сделать 13 примечаний: в III песне к стихам 232—4, 267, 275, 495; в IV-й 188—198, 256; в VIII-й 391; в X-й 82—86; в XI-й 123, 601 и в XII-й 38, 63 и 439: «На все это следует сделать особенные примечания».

в последние два года всякого рода тревоги помешали мне приняться за продолжение труда моего: надеюсь на нынешнюю зиму; может быть, и все кончу. Пока моя главная цель достигнута: муза Гомерова озолотила много часов моей устарелой жизни; но то, что меня самого так сладостно, так беззаботно утешало, будет ли утехой и для читателей-соотечественников, с которыми хочу поделиться своими сокровищами, занятыми у Гомера, — не знаю. Если это случится, то меня будет радовать мысль, что на Руси останется твердый памятник поэтической моей жизни. Быть верным представителем Гомера... Но как же, спросите вы, не зная Гомерова языка, говорить языком его по-русски? Это я должен вам объяснить. Мне помогла немецкая совестливая, трудолюбивая ученость. В Дюссельдорфе я нашел профессора Грасгофа, великого эллиниста, который в особенности занимается объяснением Гомера. Он взял на себя помочь моему невежеству. Собственноручно, весьма четко он переписал мне в оригинале всю «Одиссею»; под каждым греческим словом поставил немецкое слово и под каждым немецким — грамматический смысл оригинального. Таким образом, я мог иметь перед собою весь буквальный смысл «Одиссеи» и иметь перед глазами весь порядок слов; в этом хаотически верном переводе, недоступном читателю, были, так сказать, собраны передо мною все материалы здания; недоставало только красоты, стройности и гармонии. И вот в чем состоял, собственно, труд мой: мне надлежало из данного нестройного выгадывать скрывающееся в нем стройное, чутьем поэтическим отыскивать красоту в безобразии и творить гармонию из звуков, терзающих ухо; и всё это не во вред, а с верным сохранением древней физиономии оригинала. В этом отношении и перевод мой может назваться произведением оригинальным. Но вопрос: имел ли я успех? Сам не могу быть себе судьей, ибо не могу сравнивать. Вы можете слышать самого Гомера — спросите у него, доволен ли он своим гиперборейским представителем, и сообщите мне его мнение. Я старался переводить слово в слово, сколько это возможно без насилия языку (от чего верность рабская становится часто рабскою изменою), следовал за каждым словом и в особенности старался соблюдать *их место в стихе* тем словам, которые на этом месте производят особенное поэтическое действие. Повторю здесь то, что сказал о труде моем в другом месте: «Перевод Гомера не может быть похож ни на какой другой. Во всяком другом поэте, не первобытном, а уже поэте-художнике, встречаешь с естественным его вдохновением и работу искусства. В Гомере этого искусства нет; он младенец, видевший во сне все, что есть чудного на земле и небесах, и лепечущий об этом звонким, ребяческим голосом на груди у своей кормилицы-природы. Это тихая, широкая светлая река без волн, отражающая чисто и верно и небо, и берега, и все, что на берегах живет и движется; видишь одно верное отражение, а светлый кристалл отражающий как будто не существует: око его не чувствует. Переводя Гомера (и в особенности «Одиссею»), недалеко уйдешь, если займешься фортуною каждого стиха отдельно, ибо у него, то есть у Гомера, нет отдельно разительных стихов, а есть поток их, который надобно схватить весь, во всей его полноте и светлости; надобно сберечь всякое слово и всякий эпитет и в то же время всё частное забыть для целого. И в выборе слов надлежит наблюдать особенного рода осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и не годится для Гомера; всё имеющее вид новизны, затейливости нашего времени, все необыкновенное — здесь не у места; оно есть, так сказать, анахронизм; надобно возвратиться к языку первобытному, потерявшему уже свою свежесть, потому что все его употребляли; заимствуясь у праотца поэзии, надобно этому обветшалому, изношенному языку вернуть его

первоначальную свежесть и новость и отказаться от всех нововведений, какими язык поэтический, удаляясь от простоты первобытной, по необходимости заменил эту младенческую простоту. Одним словом, переводя Гомера, надобно отказаться от всякого щегольства, от всякой украшенности, от всякого покушения на эффект, от всякого кокетства; надобно производить действия *неощутительно* целым, простотою, незаметностью, неприметностью выражений, стройностию широких, обильных периодов, иногда перерываемых как будто без намерения отдельными стихами мало блестящими, так чтобы каждый стих в периоде и каждое слово в стихе составляли одну общую гармонию, не нарушая ее никаким собственным, отдельным звонким, но часто диким звуком. Эта работа весьма трудная; для нее нет ясных правил; должно руководствоваться одним чутьем; и для меня эта работа была тем труднее, что я в этом отношении не мог согласоваться с оригиналом, ибо его не знаю, а мог только угадывать. Но зато какое очарование в этой работе, в этом подслушивании первых вздохов Анадиомены, рождающейся из пены моря (ибо она есть символ Гомеровою поэзии), в этом простодушии слова, в этой первобытности нравов, в этой смеси дикого с высоким и прелестным, в этой живописности без излишества, в этой незатейливости и непорочности выражения, в этой болтовне, часто чересчур изобильной, но принадлежащей характеру безыскусственности и простоты, и в особенности в этой меланхолии, которая нечувствительно, без ведома поэта, кипящего и живущего с окружающим его миром, всё проникает, ибо эта меланхолия не есть дело фантазии, созидающей произвольно грустные сетования, а заключается в самой природе вещей тогдашнего мира, в котором все имело жизнь пластически могучую в *настоящем*, но и все было ничтожно, ибо душа не имела за границу мира никакого *будущего* и улетала с земли безжизненным призраком, и вера в бессмертие, посреди этого кипения жизни настоящей, никому не шептала своих великих всеоживляющих утешений». — Вот вам моя поэтическая исповедь. Прибавлю: я везде старался сохранить простой, сказочный язык, избегая всякой натяжки, избегая всякого славянщизма, и по возможности соглашаясь с формами оригинала (которые все материально сохранились в переводе подстрочном) формы языка русского, так чтобы гомеровский стих был ощутителен в стихе русском, не заставляя его кривляться по-гречески.

Предприняв сделать новое, полное и, вероятно, последнее, которое будет *при мне* напечатано, издание моих сочинений, я начну его напечатанием последних томов, в которых будут новые мои повести и сказки, поэма «Рустем и Зораб» и XII первых песней «Одиссеи». Это составит три тома, которые успею отпечатать еще во время моего пребывания за границею, в Карлсру, где наблюдатель за печатанием будет известный вам Рейф и откуда мне легко будет получать последнюю корректуру, живучи во Франфурте. Печатание же станет несравненно дешевле, нежели в России, на хорошей бумаге и четкими буквами. В этом намерении посылаю вам «Одиссею», прося вас быть ходатаем за нее пред цензурою, и при этом случае благодарю вас за исходатайствование мне высочайшего позволения не представлять для нового цензурирования того, что было уже раз напечатано, и за покровительство ваше «Рустему». Вы спросите: что значат в манускрипте «Одиссеи» отметки и стихи красными чернилами? Вот что: мне хотелось бы сделать два издания разом «Одиссеи»: одно для всех читателей, *полное*, другое для *юности*, с *выпусками* (весьма немногими) тех мест, которые не должны быть доступны юному возрасту. По моему мнению, нет книги, которая была бы столь прилична первому светлому периоду жизни, как

«Одиссея», возбуждающая все способности души прелестью разнообразною; надобно только дать в руки молодежи не одну сухую выписку в прозе из Гомеровою поэмы, а самого живого рассказчика Гомера, который в одну раму заключил всю древнюю Грецию с чудесными ее преданиями, с ее первобытными нравами. Язык перевода моего, кажется мне, столь прост, что русская «Одиссея» будет доступна всем возрастам и может быть, если сделаны будут некоторые выпуски, дана без опасения в руки всякого юноши, начинающего читать *pro se*. К этой очищенной, но не искаженной «Одиссее» можно бы в виде пролога присоединить рассказ в прозе о временах первобытных и баснословных Греции и особенно, с большею подробностью, о падении Трои (можно бы даже с прозою мешать и стихи, то есть переводить стихами лучшие места из трагиков, «Илиады» и «Энеиды»; но на это едва ли достанет сил и времени); таким образом в одном тесном объеме могли бы соединиться и вся баснословная история древней Греции и самые душистые цветы ее поэзии; таким образом и «Одиссея» могла бы сделаться самою привлекательною и в то же время самою образовательною детскою книгою. *Отметки* красными чернилами означают те места, которые следует исключить, а *стихи*, красными чернилами написанные, должны быть вставлены в замену стихов исключенных. Вы сами увидите, что число последних невелико и что их отсутствие не будет заметно в поэме и нисколько не изменит ее характера. Я внес эти заметки в манускрипт для того, чтобы цензура могла за один раз пропустить оба издания. Что же касается до издания очищенного, то оно, имея целью образование юношества (которого поэтическая сторона не должна быть пренебрегаема), входит в область министра просвещения: желаю знать его мысли об этом предмете.

Извините, что письмо мое так длинно; я сделался стар, следовательно и боллив; младшие дети, особливо прижитые на старости, милее нам старших: не мудрено, что я, устарелый гипербореец, разболтался с вами о своей младшей дочке, прижитой с вечно юною музою Гомера. Я же ее нарядил в ее отечественные гексаметры; а вы на Руси были первым возобновителем и распространителем этой эллинской выкройки: от вас получил ее Гнедич, вашим добром и бью вам челом. Надеюсь, что вы недолго заставите меня ждать вашего ответа. Не можно ли с этого письма прислать мне список? Я употребил бы его вместо предисловия к «Одиссее». (СС I. Т. 4. С. 658—662).

11 ноября н. ст. 1847 г.

А. М. Тургеневу

Весьма уже немного остается тех, для кого я писал: новое поколение не обратит на меня того благоволящего внимания, какое уделяли мне мои современники. О жизни в потомстве я не мечтаю. Одно от меня, вероятно, останется потомству: перевод «Одиссеи». Ибо в этом переводе сохранена вся свежесть Гомеровою поэмы, и то, что жило 3000 лет не увядая, не увянет и в моем русском образе. Этот перевод почитаю своим лучшим, главным поэтическим произведением. Но еще остается целая половина труда; позволит ли Бог окончить. В последние два года я не мог продолжать мои работы. Даст ли мне ею заняться как должно зима, не ведаю. (...) Но, по несчастью, засел за «Одиссею»; она мною и овладела. С тех пор все откладываю, но напишу ко всем, когда кончу IV песнь... (РС. 1892. № 11. С. 392—393).

28 ноября (10 декабря) 1847 г. Франкфурт-на-Майне

Р. Р. Родионову

Уже отпечатаны три листа VI тома, где «Рустем и Зораб» и все новое, и один лист VII, где «Одиссея». Думаю, что будет издание красивое. (...) Прошу только, чтобы «Одиссея» отнюдь не ходила по рукам. Она много выиграет, когда будет прочитана в связи и печатная (РНБ. Ф 286. Оп. 2. № 129. Л. 35).

От декабря 1847 г. Франкфурт-на-Майне

А. С. Хомякову

Из «Одиссеи» я ничего не могу дать потому, что она должна вся сполна явиться, чтобы произвести действие свое в целом: на отрывки она не годится, ибо в ней ничего нет блестящего; она может быть привлекательна только общею, тихою гармониею всех частей своих, совокупно взятых. Первый том печатается здесь в Карлсру. Второй том еще не родился. Когда печатание всех томов кончится, буду иметь счастье представить вам свое поэтическое дитя, которого лепетание вы уже слышали. А ргoros: не слишком спешите с вашими, обещанными мне, примечаниями. В первом томе «Одиссеи» их нельзя будет напечатать, ибо это первое издание выйдет вместе со всеми другими моими *творениями*. Я печатаю здесь полное их собрание. Одни только самые необходимые примечания будут прибавлены к «Одиссее»... (С 7. Т. 6. С. 641).

Около 31 декабря ст. ст. 1847 г. Франкфурт-на-Майне

Р. Р. Родионову

Вот вам, любезнейший Ростислав Родионович, толстый пакет, который прошу передать П. А. Плетневу. Тут «Одиссея» в черновой рукописи; два манускрипта для отдачи в цензуру и оглавление моих осьми томов, на которое и вы может быть любопытствуете взглянуть (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 134. Л. 1).

Конец 1847 г. Франкфурт-на-Майне

Н. В. Гоголю

Между тем и «Одиссея» и «Рустем» печатаются в Карлсру. Полное издание моих сочинений выйдет, если поможет Бог, в начале осени 1848 (СС 1. Т. 4. С. 550).

18-го (30-го) января 1848 г. Франкфурт-на-Майне

Д. П. Северину

Переводя Одиссею, я не забываю сам устраивать для них [своих детей] Guckkas-ten* (* *райк, развлечение* — нем.) (РС. 1902. № 6. С. 514).

18 февраля 1848 г. Франкфурт-на-Майне

А. Мальтицу

Тотчас же, как будет напечатана Одиссея, я пришлю ее вам, но с условием, чтобы вы мне сказали Ваше мнение (РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 13. Подлинник по-французски).

7 марта н. ст. 1848 г. Франкфурт-на-Майне

Р. Р. Родионову

Я остановил печатание сочинений до дальнейшего распоряжения. По окончании VI тома, где новые стихотворения, и VIII, где «Одиссея», более печататься ничего не будет: после можно закончить, если позволит обстоятельство. (...) В худую минуту начали мы издание полных моих сочинений, но эта проруха обратилась и в пользу. «Одиссея» на сих днях отпечатается; «Новые стихотворения», составляющие особенный отдельный том, отпечатаны. Все отправится по первому пароходству в Петербург (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 134. Л. 12).

21 марта (2 апреля) 1848 г. Франкфурт-на-Майне

Р. Р. Родионову

Между тем два тома моих сочинений отпечатаны: один под заглавием «Новые стихотворения», другой — первых двенадцати песен «Одиссеи»; они составляют нечто отдельное. Рейф отправит их с первым пароходством в Петербург на имя своего корреспондента, который войдет в сношение с вами и которого адрес я вам доставлю (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 134. Л. 26).

31 марта (12 апреля) 1848 г. Франкфурт-на-Майне

Р. Р. Родионову

(...) по мере печатания Рейф будет получать деньги от Бетмана; он будет держать корректуру, сообразуясь с печатным экземпляром; все новое, где нужна была моя корректура (то есть шестой том, где «Новые стихотворения», и восьмой, где «Одиссея»), отпечатаны и будут к вам отправлены с открытием мореплавания (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 134. Л. 32 об.).

7 (19) апреля 1848 г. Ганау

Н. В. Гоголю

(...) ты, вероятно, посетив Святую землю *откровения*, заглянул и в классическую землю героических *басен*, в Троаду, из которой пустился в свое долгое странствие наш Одиссей... (СС I. Т. 4. С. 550).

19 апреля (1 мая) 1848 г. Франкфурт-на-Майне

Великому князю Константину Николаевичу

Еще должен сказать об одном: первые XII песен «Одиссеи» переведены и почти напечатаны. Скоро печатание кончится. Основываясь на вашем позволении посвятить вам мой перевод, я выставил в начале тома ваше имя; надеюсь, что вы мне за это пенянь не будете. Вам «Одиссея» принадлежит по праву: вы на своем русском корабле посетили все те места, которые за 3000 лет до Р. Х. видел Одиссей. Что рассказал о нем Гомер за тысячу лет до Р. Х., то переводчик Гомера в XIX веке после Р. Х. посвящает русскому Одиссею; желаю, чтобы русское эхо греческой лиры было приятно для вашего слуха (С 7. Т. 6. С. 365).

15 (27) мая 1848 г. Франкфурт-на-Майне

Д. П. Северину

Теперь же к стихам присоединяю и рыльце стихотворца, которому прошу дать приют в вашем кабинете, недалеко от той полки, на которой отведена будет квартира Рустему, Ивану Царевичу и Одиссею (РС. 1902. № 6. С. 515).

16 (28) мая 1848 г. Франкфурт-на-Майне

Великому князю Константину Николаевичу

Пользуюсь случаем, чтобы представить вашему императорскому высочеству два тома сочинений моих, вышедших из печати: в этих томах все новое. В последнем найдете вы и первые XII песней «Одиссеи», которой перевод посвящен вашему имени. Примите благосклонно эту младшую дочь мою. По обычаю всех стариков, я люблю ее, рожденную мною на старости, более всех моих старших детей, из которых первое родилось за 50 лет перед этим (С 7. Т. 6. С. 366).

4 августа 1848 г. Франкфурт-на-Майне

А. Мальтицу

Вообще, детей, которых получают на старости лет, любят больше, чем тех, которых получили в молодом возрасте. Вот почему мои последние дети, помещенные отдельно в двух томах, которые вам были посланы, и особенно моя маленькая Одиссеюшка, мне нравятся больше, чем другие дети, занимающие предыдущие тома (вы их получите по мере того, как они будут выходить в свет), и вот почему комплименты, которые вы достаиваете расточать этой маленькой язычнице, трогают мое православное сердце. Все-таки вы можете претендовать на титул крестного отца моего дитяти, и это объясняет ваше к нему пристрастие: вам почти первому я доверил мое предположение обрусить Одиссею, и только благодаря вам этот проект получил начало осуществления: вы не ограничились приглашением поступить на службу к Гомеру, а прямо завербовали меня, давши мне вперед жалование в виде подарка греческой Одиссеи; это, по правде, не сделало меня более греком, чем прежде, но это было чародейством вашей музыки, и вот XII первых песен Одиссеи уже напечатаны, и я скоро примусь за изучение двенадцати последних, ободренный вашим великодушным одобрением (уф, какой период!) (РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 15. Подлинник по-французски).

12 (24) августа 1848 г. Франкфурт-на-Майне

Р. Р. Родионову

3. В особом пакете здесь приложена тетрадка, которую передайте П. А. Плетневу. В ней заключаются прибавления к «Одиссее», которые не были представлены в цензуру. Если последует остановка по поводу посвящения в. к. Константину Николаевичу, то П. А. Плетнев может это дело привести в порядок, исходатайствовав у великого князя моим именем позволения на посвящение, которое им мне давно дано лично.

4. Прилагается при сем регистр, к которому приложено распоряжение, как и кому раздавать назначенные мною экземпляры моих сочинений. Что найдете вы

более выгодным: теперь ли пустить в продажу «Новые стихотворения» или подождать, когда кончится вся «Одиссея» и будет напечатана? Тогда стихотворений будет три тома и еще подоспеет довольно толстый том прозы. Решите это в общем собрании (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 134. Л. 52).

13 (25) августа 1848 г. Франкфурт-на-Майне

П. А. Плетнёву

...приложенная тетрадка должна быть представлена цензору. Если не захотят пропустить посвящения великому князю Константину Николаевичу, то потрудитесь взять от него на то письмо или позволение. Просто можно через Уварова объявить ему письмо моим именем, что позволено (Переписка. Т. 3. С. 603).

21 августа (2 сентября) 1848 г. Соден

Р. Р. Родионову

Я послал к вам два билета, один в 5000 сер.<ебром>, друг.<ой> в 4500. Последний послужит для платы за напечатание второй части «Одиссеи», которую, если Бог поможет, постараюсь кончить нынешнею зимою (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 134. Л. 54 об.).

30 августа 1848 г. Баден-Баден

Великому князю Константину Николаевичу

Я послал вам давным-давно отпечатанную 1-ю часть «Одиссеи»; опираясь на ваше позволение, лично вами мне данное, я позволил себе посвятить перевод мой вашему имени; не знаю, получили ли вы мою посылку? Ласкаюсь надеждою, что приношение вам моего последнего (и кажется) значительного труда поэтического не будет вашему высочеству неприятно (С 7. Т. 6. С. 367).

6 (18) октября 1848 г. Баден-Баден

Р. Р. Родионову

2. Какие предприняли вы действия по поводу полученных вами экземпляров моего издания? Думаю, что лучше не предпринимать ничего, пока не все будет доставлено и пока не напечатается последний том «Одиссеи», переводом которого займусь в Бадене (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 134. Л. 61 об.).

7 октября 1848 г. Баден-Баден

П. А. Плетнёву

У меня напечатано четыре тысячи экземпляров Полных сочинений и две тысячи Новых стихотворений. *Полных* сочинений только четыре последние тома отправил в Петербург, их продавать нельзя; Новых сочинений все экземпляры отправлены. Их бы продавать можно. Но должно ли? Не подорвет ли это расхода Полных? Оставляю этот вопрос на разрешение Комитета. Не подождать ли, когда переведется вся «Одиссея» (этою работою займусь в Бадене, но допустят ли кончить немецкие республиканцы — не ведаю)... (Переписка. Т. 3. С. 605).

9 (20) октября 1848 г. Баден-Баден

Ф. П. Литке

Благодарю вас за доброе слово о моей Одиссее. Признаюсь, люблю сам эту дочку мою, прижитую под старость с Музою Гомера: это мой самый отделанный, самый совестливый труд. Вы понимаете, что в 65 лет можно о самом себе говорить, как о постороннем. Жаль, что вы не указали мне тех стихов, в которые попали лишние стопы или в которых недостает стоп; я уверен, что таких стихов более десятка отыщется: многие отыскал я сам. Но весьма легко сделать такую ошибку в гекзаметрах; ибо метр, сам по себе ощутительный, легко пропадает в целом. Вам бы легко было означить эти стихи, они все номерованы; означили бы только *песнь* и *стих песни*. Пришлите их с первым курьером. (...) Если же будет какой-нибудь покой, если здоровье жены пойдет лучшим путем, если не схватит нас вихорь революции или войны междоусобной, в эти зимние месяцы постараюсь кончить Одиссею; большая часть XIII-й песни переведена урывками (РА. 1887. № 6. С. 340).

25 октября 1848 г. Баден-Баден

К. А. Фарнгагену фон Энзе

Льстя себя надеждой, что те приятные минуты, которые я провел с вами с глаз несколько лет тому назад, не изгладились совсем из вашей памяти (добро, оказываемое другим, не забывается), я себе позволяю обратиться к вам с этими строками и просить вас отнестись снисходительно к поэтическому приношению, которое я присоединяю к своему письму. Я долго колебался: посылать ли его вам, утруждать ли ваше внимание стихами, да еще русскими — в подобное время! Это как — если бы я предложил читать, сидя на вулкане во время извержения. С другой стороны я думаю, что революции, волнения, законодатели улиц, герои баррикад и т. д. — проходящи, поэзия же не пройдет и останется неизменной навсегда. А так как дело идет об одном из представителей поэзии, которые лучше всего доказали эту истину своим примером, так как дело идет о Гомере, поэтическая жизнь которого еще продолжается, тогда как столько царств уже исчезло и память о них сохраняется лишь по необходимости или благодаря перу тех, которые забавлялись тем, что запечатлевали на меди или бумаге их мимолетное существование, — я решил рискнуть и послать, тем более, что представился благоприятный случай. Я рассудил даже, что при данных обстоятельствах было хорошо поступить так. При посещении вас, М. Г., я вам прочел отрывок из начала перевода моей Одиссеи. Мне показалось, что эта работа вас заинтересовала. Правда, что тогда поэтический горизонт был ясен, и ничто не предвещало того урагана, который теперь свирепствует повсюду и ничем не дает заниматься, кроме произведенного им разрушения. Но, повторяю, дело идет о Гомере. Представляя вам Гиперборейский портрет этого гиганта древней Греции, я заставляю вас обратить ваши взоры к нему, т. е. я вам снова открываю дверь в этот мир чудес, я вас заставляю покинуть тяжелую атмосферу действительности, которая душит нас всех, и уношу вас в высокие, облачные страны идеалов, где дышится ароматным и девственным воздухом первых дней творения; бросив взгляд на перевод, вы немедленно начнете сравнивать копию с оригиналом: это заставит вас глубже ценить красоту последнего и даже недостатки перевода сделают вам более ощутительным тайну невыразимой красоты, которая тихо овладевает душой, радует и успокаивает ее. Таким образом, представляя вам свою смиренную русскую Одиссею, я вас, против вашей воли, приведу к самому старику Гомеру, в чаше которого вы найдете мгновенное

успокоение, сильно необходимое в такое время, когда измученная душа не находит точки опоры. Представляя вам свою работу, я не прошу вас сообщать мне обыкновенного мнения по поводу ее ценности, какова бы она ни была. Все, что происходит вокруг нас, не даст вам на это свободной минутки. Я стремлюсь только напомнить вам о себе и выразить вам видимым образом свое высокое уважение (*vénération*) к вам и свое искреннее желание сохранить ваше расположение. Я не знаю, когда мне удастся представить вам вторую половину своей работы. Я еще только в конце XIII песни. Первые 12 уже окончены. Печальные обстоятельства прервали окончание работы и теперь мне делается довольно трудно ясно слышать гармонический голос Гомеровой Музы посреди завываний волков, столпившихся вокруг нас, чтобы разорвать все человечество. Но я все-таки буду спасаться время от времени под защиту старика Гомера, чтоб сделаться неприступным для всех тех известий, которые нас смущают и огорчают. Я уже давно живу с большой женой и двумя детьми в Бадене, где в настоящее время сравнительно спокойнее, чем где-либо (РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 24—25. Подлинник по-французски).

11 (23) ноября 1848 г. Bade-Bade, maison Kleinmann

Великому князю Александру Николаевичу

Наше время живет под мечом Дамоклеса: все на волоске; но Дамоклес по крайней мере сидел на пиру, а теперь и того нет. Никому пировать не хочется, да и не на что: все разорены. Чтобы отвести душу от настоящего, я принялся опять за работу, от которой давным-давно по неволе отстал, опять за мою «Одиссею», которую, может быть, зимою и кончу, если какое-нибудь новое наводнение нас здесь не потопит или отсюда не выгонит. (...) Совершенно могильное спокойствие Бадена дает полную возможность работать (С 8. Т. 6. С. 562).

22 ноября (3 декабря) 1848 г. Баден-Баден

Р. Р. Родионову

Полное собрание сочинений пойдет в продажу не прежде будущего года; между тем переведется и 2 часть «Одиссеи»; по мере, как работа будет идти вперед, я буду здесь печатать; теперь на это деньги готовы; таким образом, разом пустим в продажу все девять томов (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 134. Л. 72).

3 (15) декабря 1848 — 19 (31) января 1849 г.

Великому князю Александру Николаевичу

В последнем моем письме вы читали проект манифеста, который я (написав его между строками моей «Одиссеи») обнародовал именем короля Прусского в маленькой каморке, служащей мне кабинетом (С 8. Т. 6. С. 567).

20 декабря 1848 г. (1 января 1849 г.)

Bade-Bade. Maison Kleinmann

А. П. Зонтаг

Гугерт обещает ей [жене] выздоровление, уверен, что можно будет пуститься в дорогу в начале июня и последней станцией ее лечения назначает Ревель и купание в море. Такова моя собственная и моей Пенелопы Одиссея (УС. С. 122).

22 декабря 1848 г. (1 января 1849 г). Баден-Баден

Р. Р. Родионову

Я уже начал печатать вторую часть «Одиссеи». Если буду здесь, то все будет готово к концу марта (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 134. Л. 66).

27 декабря 1848 г. (8 января 1849 г.)

А. М. Тургеневу

Получил я твою записочку, в которой ты уведомляешь меня о доставлении тебе новых моих стихотворений Родионовым. Хорош же ты! вместо того, чтобы потешиться на старости лет сказками Гомера, которые уже три тысячи лет веселят добрых людей (в России только не могли они никого веселить потому, что их наш покойный Соколов и наш покойный Мартынов чудно перепортили), ты вздумал на старости лет их называть бреднями, правда, поэзия — бредни, и может быть я бы не начал переводить «Одиссею» в ту минуту, когда мне 65 лет стукнуло, но за семь лет начатое надобно кончить. Но ты не брани Гомера, не называй бредом его поэзии. И почему же, браня «Одиссею», ты хвалишь «Кота в сапогах»? Чем лучше «Кот» Лаэртова сына? Стыдись, Ермолафушка. Стою не за себя, а за старика Гомера, которому я обязан столькими сладкими минутами... (РС. 1892. № 11. С. 394—395).

16 января 1849 г. Баден-Баден, дом Клейнмана

К. А. Фарнгагену фон Энзе

⟨...⟩ Чтение вашего любезного письма обрадовало мое сердце; эту радость автора можно сравнить с радостью отца, который, после того как посвятил все свои заботы воспитанию дочери, наконец решается ввести ее в свет и слушает первые похвалы, расточаемые его детищу тем, чье одобрение ему дорого и ценно. Итак, моя дочь, дитя моих старых лет, которую я особенно люблю, произвела на вас впечатление, утешительное для сердца ее отца; и вы нашли, что можно узнать эту прелестную греческую девушку, родившуюся 3000 лет тому назад под прекрасным небом Ионии, хотя она и приняла на себя по волшебству поэтической метапсихозы вид гиперборейской девушки. Сердечно благодарю вас за то, что вы сообразовали сказать мне это в таких приятных выражениях. Следует ли поставить на счет личного самолюбия удовольствие, которое мне доставило ваше одобрение, слишком лестное и вполне достаточное, чтобы насытить самое ненасытное самолюбие? — Я не думаю. Удовольствие, которое доставило мне ваше дружеское письмо, не что иное, как наслаждение симпатии, это — восхищение, которое заключается в разделении того счастья, которым мы уже вполне насладились единолично и которое, будучи разделено, становится двойным. Я почувствовал, что наслаждаюсь в те мгновения, когда, будучи перенесен в святилище великого поэта древности, старался уловить внутренним слухом гармонию тех звуков, для которой закрыто мое внешнее ухо, уловить, чтобы передать ее на языке моей родины. Это вторичное воссоздание великого творения, уже вполне законченного, включает награду в самом себе, — им глубоко наслаждаешься. В моем возрасте нельзя требовать большего. Всякий раз великое наслаждение — слышать голос, которому веришь, гласящий, что эта внутренняя радость, которую испытал уединенно, не была иллюзией, что это не был пустой сон, а что от него осталось нечто реальное. Итак, благодарю вас за то, что

своим одобрением вы обеспечили уверенность в жизненности моей работы. Приемы, которыми вы ее характеризуете, для меня высшая награда. Они усиливают мое пылкое рвение — кончить начатый труд. Уже два месяца, как я снова принялся за работу, и если какое-нибудь большое препятствие не парализует моих сил, я надеюсь, что все будет кончено к концу марта. Я уже перевел XVI песен, XVIII-я уже напечатана. Мой перевод печатается по мере того, как продвигается. Однако я скажу, что вторая половина Одиссеи представляет переводчику больше трудностей для преодоления, чем первая, по той причине, что тут все более просто. Выходишь из мира чудес с его блистательными образами, вступаешь в мир реального, все здесь, так сказать, очень обыкновенно, общее место, и нет ничего труднее, как передать поэтически обыкновенную мысль, не обезобразивая ее излишними украшениями и не опошляя ее сухостью прозы. Поэтические выражения скорее найдешь для величественного сюжета, который их возвышает сам своей природой, чем для кучи мелких подробностей, которые не подходят под эти поэтические выражения. Битва со львом (если не быть трусом) менее трудна, чем сражение с комарами, которые везде жалят и ни с какой стороны неприступны. Тотчас, как моя работа будет кончена, я ее передам на ваш суд. В то же время мне было бы очень, очень интересно знать, есть ли у вас время просмотреть содержание I-го тома *Новых стихотворений*: они все родились между строками Одиссеи (РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 28—29. Подлинник по-французски).

19 февраля (3 марта) 1849 г. Баден-Баден
П. А. Вяземскому

...я не принимался за ответ, потому что на руках было дело по части «Одиссеи», которое надлежало кончить прежде, дабы ничто мне не препятствовало вполне, без всякой оглядки предаться наслаждению отвечать на письмо твое. Это дело состояло в правке корректуры XVI песни и в поправке манускрипта XVII и XVIII, которые должны быть немедленно переписаны и преданы тиснению. Ошибок (обыкновенно открывающихся сперва при перечитывании черного манускрипта, потом при прочтении чистого списка, потом наконец при многократных поправках корректур) оказалось великое множество. Эти ошибки кусали бы мою поэтическую совесть также неотступно, как комары и мошки кусают лицо, мешая наслаждаться зрелищем природы (они, мне помнится, испортили для меня великолепное зрелище Mont Blanc с высоты Col de Balme); эти ошибки не дали бы мне покойно говорить с тобою и помешали бы мне глядеть на ту магическую картину, которую мне открыло письмо твое. Вот наконец я и отделался. Теперь у меня целая половина последнего тома «Одиссеи» отделана начисто. Могу на этом переломе трудной моей дороги, на этом хребте Col de Balme остановиться спокойно; комаров и мошек нет. Передо мной чудная перспектива спереди и сзади — впереди мой *Гомер*, чистым девственным снегом покрытый Mont Blanc, возвышающийся светлым от солнца, лучезарным великаном над шамунийскою долиною жизни; а сзади вид на бегущую вниз другую долину, долину прошедшего, с которой ты сдернул занавес своею поэзией и прозою. На этом верхнем пункте (point culminant) останавливаюсь, чтоб слушать твой родной голос и всем сердцем на него отозваться. (...) И если этот мой праздник, родившийся вдруг из твоей головы, как Анадиомена из глубин моря (видишь, что во мне беспрестанно колобродит Гомер), во всем там удался совершенно, то и у меня здесь он взял *свое* вполне. (...)

Последняя часть «Одиссеи» привлекательнее первой; это беспрестанная идиллия, описание, простой быт семейный в хижине пастуха, с которым весьма мало разнится и быт во дворце царском, описание нравов простых, часто грубых, всё это имеет не сказанную прелесть; не имея возможности понимать «Одиссею» в оригинале, я только по своему переводу с нею познакомился — прелесть! (не перевод, а «Одиссея»). И какой чудный, величественно, строго развивающийся план. Одним только немцам могла прийти в голову коммунистическая идея, что не было Гомера, что он составное лицо, без личности, без собственности, что его поэмы созданы всеми, то есть никем. План «Илиады» проще; там, однако, всем преобладающий Ахилл и сосредоточение всех действий около него для того, чтобы его возвеличить, и всем властвующая мысль о его безвременной смерти составляют что-то удивительно гармоническое и целое. В «Одиссее» более разнообразия; но всё сливается в этом ожидании *возвращения* Одиссея, которое страшным образом владычествует действиями женихов Пенелопы и выражает неизбежную власть карающего Фатума; особенно это чувствительно в последней половине; в первой эпизод похождения Одиссея развлекает внимание; в нем Гомер собрал все народные сказки своего времени и отдал их в наследство векам и всем народам. И я работаю с великим наслаждением над этою последнею половиною; она труднее первой, понеже надобно выражать бесчисленные мелочи, не упуская ни одной подробности, выражать *обыкновенности* простым, но не завялым языком — но в этой-то трудности и заключается истинная прелесть: большое наслаждение биться на кулачки с таким молодцом, как Гомер (лишь бы только не выйти из боя с разбитым рылом); но, кажется, этого не будет; сколько можно самого себя судить, мой перевод довольно близко выражает Гомеровскую старину и простоту, и вторая половина, кажется мне, святее первой: я врзался в свойство Гомеровых стихов (и этим обязан я Пушкину, то есть его критике на некоторые стихи мои в первых опытах подражания Гомеру). Мне же судить самого себя легче, нежели кому-нибудь, благодаря моей беспамятности. Я читаю всё своё, особенно теперь написанное, как чужое; теперь у меня переведено уже почти VII песней из второй половины — ни одного стиха не помню, от этого мне не нужно, следуя совету Горация, запира́ть стихи мои в ящик на несколько лет, дабы их забыть и потом легче увидеть ошибки, исчезающие от привычки. В каждой корректуре, которую мне ежедневно привозит почта из Карлсру, я читаю нечто совершенно для меня новое; ошибки бросаются сами в глаза, и после пяти корректур всё чисто. Когда всё отпечатается, перечитаю всё разом, целиком и тогда поправки, которые, конечно, найдутся, напечатаю в конце книги.

Я послал мой перевод Фарнгагену (теперь держащему скипетр германской критики в руке своей), он знает хорошо по-русски и знаток греческого языка. Его оценка моей «Одиссеи» меня порадовала. Это не есть дело самолюбия, а дело удачи милого труда, который останется навсегда моим памятником на Руси; я уверен, что «Одиссею» мою *всегда* читать будут и долго после меня. В этом много приятного воображения, есть что-то трогательное. Я охотник до поминок. «Одиссеею», вероятно, кончится поэтическая моя дорога. Она примыкает к дверям прозы» (Гиллельсон. С. 64, 67).

10 марта н. ст. 1849 г.

Bade-Bade. Maison Kleinmann

А. С. Стурдзе

Не всегда исполняется то, чего мы наиболее желаем, то есть, сказать точнее, почти никогда не исполняется. Для меня же одно из живейших желаний моих

вполне совершилось: желание знать ваше мнение о моей «Одиссее», мой любезный Александр Скарлатович, и при оном желание, чтобы труд мой вами был одобрен. Я прочитал это драгоценное для меня одобрение в вашем письме к Северину и был им несказанно обрадован. Здесь дело идет не о самолюбии: в шестьдесят шесть лет не до игрушек самолюбия. Но душа любит во всякое время делиться тем, что ей дорого: последние годы, мною проведенные вместе с Гомером, в тишине моей семейной жизни, были счастливы. Передавая моему языку его девственную поэзию (которой гармония доходила до моего слуха посредством визгов подстрочного немецкого перевода), я некоторым образом принужден был спрашиваться с самим гением Гомера, не имея материального посредничества и в языке его, — и эта духовная беседа с тенью имела для меня чудную прелесть. Само по себе разумеется, что я не имел в виду похвастать перед публикою знанием языка, мне чужого и теперь еще совершенно неизвестного. Мне просто хотелось пожить поэтическим счастьем, пожить наслаждением творчества: оно так и было; эта главная цель достигнута. Но великое наслаждение заключается и в том, когда в придачу этому *лично* наслаждению скажет тебе голос, которому веришь, который для тебя имеет в себе пророческую гармонию Пифии, что та прелесть, которую ты находил в труде твоём, не есть *обман*, что есть в твоём труде *существенное исполнение*. Этот пифийский одобрительный лист теперь я имею благодаря Северину, который прислал мне письмо ваше в оригинале. Скажу вам, что ваш приговор для меня решительнее всех прочих, и я очень рад, что вы не приговорили моей Музы к отсечению буйной головы, а напротив, дали ей свое благословение; я бы должен был с смирением согласиться сам повести под топор свою старушку.

Из России я еще ни от кого не получил никакого отзыва, кроме одного — великого князя Константина Николаевича, которому я посвятил перевод мой (дав ему давно обещание приняться за «Одиссею» и, если удастся перевести, ему посвятить ее); его письмо меня порадовало не похвалами (которые здесь были неизбежною учтивостию), а умною, поэтическою оценкою самой поэмы Гомера. Еще один был весьма для меня приятный отзыв — от Фарнгагена (который играет теперь значительную роль между Лагарпами Германии): бывши в 43-м году в Берлине, я читал Ф. Г. начало моего перевода (тогда была только половина первой песни готова); Ф. Г., который хорошо знает по-русски, хороший эллинист, нашел перевод близким; теперь я послал ему первый том русской «Одиссеи», и он отозвался слишком одобрительно о моей работе. Но опять, повторяю, всего более радует меня ваш отзыв.

Вы говорите в письме к Северину об *очной ставке*, о *публичной очной ставке* на подмостках «Москвитянина»: убеждаю вас не оставлять этого намерения. Такого рода сравнение, сделанное вами, хотя бы оно было и осуждением моего труда, будет иметь действие решительное на общий вкус: у нас классическая поэзия, эта первобытная, девственная поэзия, еще небывалый гость. Если подлинно мой перевод удачен, то надобно, чтоб красноречивый, поэтический голос растолковал его достоинство русскому свету; будет значительною эпохою в нашей поэзии это позднее появление простоты древнего мира посреди конвульсии мира современного. Надеюсь, что вы мне поверите, если скажу вам, что я не о похвалах ваших думаю; нет, желаю вашего суда, и суда строгого; все, что вы заметите ошибочного, как судья, более нежели кто посвященный в тайны поэзии, наперед принимаю, и все будет (если еще сам я буду налицо) совестливо исправлено. Единственною внешнею наградою моего труда будет тогда сладостная мысль, что я (во время оно родитель

на Руси немецкого романтизма и поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских) под старость загладил свой грех и отворил для отечественной поэзии дверь Эдема, не *утраченного* ею, но до сих пор для нее *запертого*. Если бы не лежало на плечах моих шестидесяти шести лет, я бы не остановился на этой дороге; но теперь уже нельзя и не должно терять времени в болтовне с созданиями языческого, светлого мира. Спешу докончить свою сладостную беседу с моим 3000-летним стариком: потом за другое дело; об этом другом еще надеюсь с вами перемолвить после. Теперь надобно кончить одно. И работа кипит. Обстоятельства загнали меня в Баден-Баден. Здесь, пользуясь уединением и стараясь заткнуть уши от сатанинского визга нашего времени, я снова принялся за перевод «Одиссеи», более двух лет неподвижный. Перевожу и в то же время печатаю. С октября месяца по март я перевел XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII и половину XIX песни. Если так пойдет работа и никакой беды со мною не случится, то, с помощью Божию, надеюсь кончить мой труд к половине апреля. XIII—XVI песни отделаны начисто и уже напечатаны. Благословите, а если не поленитесь, отвечайте на письмо мое. Обнимаю вас. Сердечный поклон от меня милой вашей жене, вашей дочери

и ваш $\left\{ \begin{array}{l} \text{ему — внуку,} \\ \text{ей — внучке,} \\ \text{им — внучатам.} \end{array} \right.$

Ваш Жуковский.

Я не понимаю 97-го и 98-го стихов XVI песни; не понимаю их ни в подстрочном переводе, ни в переводе Фосса, ни в других переводах. Я перевел так, держась одного буквального смысла:

Или, быть может, ты братьев винишь, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем великом раздоре?

Но и тут нет ясного смысла. Как понимаете вы эти два стиха? Переведите их перифразою.

Одно общее замечание на мой перевод; я старался переводить *целое*, желая сохранить весь общий эффект Гомерова слога, которого отличительный характер: не отдельные *разительные стихи*, а *богатый поток целого*. Поэтому в иных, немногих местах я предпочитал целое отдельному и жертвовал отдельными стихами совокупному эффекту. Согласны ли вы на это? Во всяком случае, критикуйте беспощадно. В том будет польза общая (РС. 1902. № 5. С. 393—395).

5 (18) марта¹ 1849 г. Баден-Баден

А. П. Зонтаг

Благодарствуйте, душа моя Анна Петровна, за милые и премилые письма. В обоих много для меня и для жены моей прелести. В последнем только то дурно, что вы его оканчиваете *тревогою* от неполучения письма из Одессы, и после уже ничего не пишете, и тем оставляете меня в недоумении. Но вот нынче пришло письмо от

¹ В подлиннике стоит апреля, но ниже в тексте письма *нынешний день* назван *половиной марта*. Сведения, которые дает здесь Жуковский о своем переводе, сопоставленные с собственной его табличкой, присланной Зейдлицу (Зейдлиц, стр. 227), убеждают, что *апрель* в заголовке есть опечатка.

Дуняши: она пишет, что вы у нее гостили на масленице, следовательно все хорошо — сохрани Бог вас, нас и наших. Я не отвечал еще на ваше первое письмо, оттого что до окончания Одиссеи хотел было отложить попечение о всех письмах; но ваше второе письмо подошло меня сказать вам несколько слов, то есть сообщить вам одну мысль, которая при чтении обоих писем завладела моим сердцем.

Вот в чем дело: вы так мило говорите о нашем прошлом¹, и так мило, просто, правильно и приятно, и практически правдиво пишете по-русски, что мне живо захотелось вас из биографа великих мужей древности для детей превратить в нашего семейного биографа. Вы живете так тихо, так уединенно, и около вас все наше бывшее (правда, много измененное, но тени прошедшего живущее самих живых его образов). Вы живете там, где каждая тропинка, каждый уголок имеет для вас знакомое лицо и родной голос; вы более, нежели все мы, знаете и помните о том, что было, ибо у вас в уме всегда было более практического, нежели у всех нас — возьмитесь за перо и запишите все, что вспомните. Не делайте никакого плана. Каждый день что-нибудь, как придет в мысль и в сердце. Прошу от вас этого для себя: у меня странная память; в ней все под спудом; иногда воспоминания ясно и живо выскакивают из какого-то закоулка души, повеют, как тени, мимо внутренних очей и пропадут, и все опять смешается в один хаос. У вас, я знаю, в душе прекрасный порядок, и вы имеете дар все просто и точно высказывать, так что простая истина имеет что-то поэтическое. Одним словом, скорее, скорее возьмитесь за перо и возвратите себе и мне наше прошедшее; меня эта мысль так пленяет, что сердце бьется и боюсь, что вы заупрямитесь.

Я бы на вашем месте сделал так: сперва просто написал бы хронологический, табellarный порядок всех главных событий, по годам, как вспомнится. Потом сделал бы роспись всех лиц, нам знакомых (от моего Максима до Императрицы). Имея эти две росписи, каждый бы день брал из них, какой-нибудь предмет для описания; не подчиняя себя никакому плану, а так, на волю Божью, на произвол сердца, на вдохновение минуты. Какое было бы это занятие, полное, животворное, воскресительное для прошедшего, живительное для настоящего и приготовительное для здешнего и загробного будущего — для вас, моя милая, для вас, живущих над нашею колыбелью, недалеко от гробниц наших *прежних*, в виду нашей церкви и (*helas!* тысячу раз *helas!*) недалеко от тех кучек, которые означают фундамент разломанного нашего дома. Не понимаю, как еще доселе эта мысль не пришла вам сама в голову! Что бы уж было написано, если бы вы давно приняли за это? Боюсь, что вы поленитесь! У вас же теперь Петерсон². Он мог бы быть вашим секретарем! вы бы могли ему диктовать. Да и мог бы он тотчас переписывать для меня. Ну! помогите вам Бог. Надеюсь, что моя мысль зажжет ваши; сами тогда увидите, как населится ваше уединение.

Теперь несколько слов о себе. Я запряг тройку Пегасов в русскую телегу, посадил на козлы Гомера и скачу во всю Аполлоновскую с Одиссеею. Уж теперь подъехал к XX станции, Пегасов кормят; послезавтра доеду до XXI. Говоря по-русски: с 27 н. с. октября месяца я принялся за вторую часть Одиссеи — и до нынешнего дня, то есть до половины марта (переводил же всего-на-всего 65 дней) отделал начисто VII песней, работа льется, как по маслу: типография у меня сбоку: корректур могу делать

¹ В письмах от 16 января Анна Петровна дала ему сведения о целом ряде лиц, связанных с прошлым их обоих.

² А. П. Петерсон, побочный сын П. И. Юшкова, живший в то время с Анной Петровной в Мишенском.

сколько хочу, а в корректуре поправляется гораздо лучше, нежели в рукописи; и надеюсь (если Бог даст, что буду сам здоров и все мои), что все кончится и отпечатается к половине апреля — нового стиля. Никогда я еще так свежо и живо не писал. Вторая часть, думаю, будет лучше первой; но для перевода она труднее, ибо все мелкие, прелестные подробности, которых нельзя потерять ни одной, но которые тогда только сохраняют свою прелесть, когда бывают выражены легко, без натяжки, простым, обыкновенным, но поэтическим языком, без всяких вставок, вынуждаемых мерою, с полным сохранением языка собственного и со сбережением всей физиономии языка оригинального, так чтобы это *чужое* было заметно, как *природное*, но было чистое выражение природного, а не кривляние. Меня весьма порадовало то, что пишет Стурдза о переводе моем к Северину: мнение Стурдзы для меня составляет (относительно искусства) всю литературную публику. Еще пишет ко мне из Берлина Фарнгаген (знаток греческого и русского языков и теперь один из почетных критиков Германии), что он находит, что мой перевод, из всех ему известных, не выключая и Фоссова, самый ближайший к оригиналу. Пишу это вам не из хвастовства, а только потому, что мне это любо: дать России Гомера живьем великая радость. Меня не забудут, и будут обо мне вспоминать именно в минуты чистейшего поэтического наслаждения; моим детям весело будет читать Одиссею... Но доволью, я заговорился.

Нет, еще слово о вашей критике¹. Одно вы навели на меня сомнение. *Птенцы* — вы говорите, что это слово значит *птички*; я видел в нем *питомцев*. Не знаю, прав ли я. Лексикона академического у меня нет. Если ошибся, после поправлю. О *реять* говорить нечего. *Яркий* ячмень я употребил в смысле блестящего, как у Гомера; не знаю, хорошо ли выражение, и готов согласиться на *крупный*, но это уже должно остаться до второго издания. За *милое сердце* крепко вступаю и никак не соглашусь его превратить ни в *ретивое*, ни в *сердечушко*: я сохранил это выражение, как *гомерическое*, оно именно потому и прилично, что имеет этот локальный характер. Оно входит в разряд многих оборотов, которые чисто греческие, но могут легко быть нами присвоены, потому что уже ими овладел славянский перевод Евангелия, например: *говоря сказал*, и тому подобное. Ретивое сердце употребить нельзя: слыш-

¹ Здесь Жуковский отвечает на письмо Анны Петровны от 1 февраля, где она между прочим делала замечания на Одиссею. Приводим эту часть ее письма:

«Мне кажется, надобно было сказать *ярый ячмень* и *ярая пшеница*. Т. е. не светлым (ярким), а яровым, посеянным песнею. Ибо, хотя вы и не занимаетесь хлебопашеством, но знаете, что хлеб сеют озимый и яровой, и этот яровой хлеб в наших старинных русских сказках и песнях называют *ярым*. Но ячмень бывает всегда ярый, а пшеница и озимая, следовательно во втором издании, мне кажется, пшеницу должно называть *ярою*, а ячмень пусть будет *крупный*. Страница 125, стих 335: «У великого дома в логовище лань однодневных сосущих *птенцов* положила». Я не знаю, как по-русски называются детеныши лани, только конечно уж не птенцами! Птенцы — это птицы, птичьи дети. На стр. 139, в стихе 338 в первый раз встречается: «и во мне растерзалось *милое сердце*», — Мне как-то этот эпитет *милого* сердца, относящегося к самому себе, кажется неприличным. Может статься, наш немец-Эллинист не мог иначе выразить эллинского слова по-немецки, как *mein liebes Herz*; но по-немецки это возможно, терпимо, а по-русски если не *бедное* сердце, то не лучше ли *ретивое*, или *сердечушко*?»

Наконец, в последнем пункте она замечает, что в Одессе всюду употребляется корабельный термин *ранна* вместо *рея*, тогда как на юге, у Черного моря, раннами зовут пирамидальные тополя; в словаре она, впрочем, нашла и ранну в смысле морского термина.

Все эти замечания мы сочли не лишними интереса, потому что Жуковский относился к ним очень внимательно и некоторыми из них решил воспользоваться при втором издании. Приведем, что тем не менее в Одиссее до сих пор остались *птенцы лани* и *яркий ячмень*. (УС. С. 126)

ком по-русски. Я употребляю многие наши народные поговорки (напр. *милости просим*) но такие, которые *не* исключительно нам принадлежат, а составляют общее, простодушное, всем народам принадлежащее. — Вы смешны, душа моя, извиняясь предо мною в вашей дерзости критиковать меня. Вы, например, так меня похваляли, как никто похвалить не может; если те замечания, которые вы сделали, составляют *итог всего*, что *можно* заметить, то мое творение совершенно. Полдюжины выражений в 6000 стихов! Господи, помилуй! Да это такая багатель, такой антраша, что хоть на стену лезь от радости. После ученых, отчетливых критик Стурдзы и Фарнгагена — скажу вам без всяких маскарадных, хвалебных закорючек — для меня всех прочих критиков дороже ваше мнение и моей милой Авдотьи Петровны. У вас чудное чутье русского языка, у нее чудное чутье поэзии, да и по-русски пишет она, как никто, — именно той поэзии, которая заключается в том *je ne sais quoi*, которое всюду и нигде; так что, слив вас двух в одно, я могу иметь полную критику, лучшую оценку прекрасного и глубокое понятие о не прекрасном, и все это не в угождение авторского самолюбия (которого во мне теперь совсем нет), а как дележ того, что мило душе, с родными душами. Жалею, что нет для меня суда Пушкина: в нем жило поэтическое откровение. Вот почему и весело бы было для меня, несказанно весело, если бы вы обе, мои соколыбельницы, вы и Дуняша, поболее разболтались со мной о моей милой Одиссее, которую теперь записываю при шуме детей моих, около меня прекрасно играющих, и в виду их матери, которая однако ее читать не может и которую в этом отношении вы обе для меня заменяете. При сем письмо от жены и мой портрет, нарисованный вчера моею дочкою Александрю Васильевною» (УС. С. 123—126).

17 (29) апреля 1849 г. Баден-Баден. Maison Kleinmann

Великому князю Александру Николаевичу

...мне хотелось сделать вам *приношение*, хотелось *кончить* «Одиссею», чтобы иметь право сказать вам: примите мой смиренный подарок. «Одиссея» кончена; она посвящена великому князю Константину Николаевичу; но она составляет последние два тома *полного издания* моих сочинений, которые вы благоволили позволить мне посвятить вашему имени. Это издание отпечатано здесь, и оконченная «Одиссея» также почти вся отпечатана (...).

Я давно не имел счастья писать к вашему высочеству; это объясняется тем, что мне хотелось, во что бы то ни стало, кончить к сроку «Одиссею», и я отложил всякую переписку до окончания главного труда моего. Это истинный *tour de force*: менее нежели во сто дней я перевел XII-ть песней, которые по мере перевода печатались и теперь совсем почти отпечатаны. Если бы я не попал в Баден, где посреди кипятка Германии царствует полное спокойствие, о таком подвиге было бы и подумать невозможно» (С 8. Т. 6. С. 591).

6 (18) мая 1849 г. Страсбург

Р. Р. Родионову

Долгое же молчание мое изъясняется тем, что я отложил всякую переписку до тех пор, как кончу «Одиссею». Я кончил ее еще 11/23 мая; но после был занят поправкою и корректурою и от напряженной работы сделался так ленив, что во все

это время не мог решиться приняться за перо. (...) «Одиссея» отпечатана до последнего листа, который еще не был у меня в корректуре. Тут захватила нас революция, и Рейф теперь в Страсбурге. Он говорит, что можно будет скоро все привести в порядок (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 130. Л. 12—13).

12 (24) мая 1849 г. Страсбург
Д. П. Северину

Одиссея кончена. (...) Я ее однако уже кончил 23 апреля, но мне хотелось прибавить: *и напечатана.* И уже послан был в типографию последний лист, как вдруг буря перебросила меня в Страсбург. Но это однако не помешало ничему. В то же время переброшен был из Карлсру в Страсбург и Рейф, опекун печатания Одиссеи. Сию минуту я отправил корректуру последнего листа в типографию. Дело с концом. Бог поможет остальному. Таким образом мой монументальный труд совершился. Уведомь об этом Стурдзу; он принимает живое участие в моей работе. Это был *tour de force*. Я начал переводить XIII-ую песнь в конце октября; XXIV была кончена 23 апреля, но всего-на-всего работал я менее 100 дней. Быстрота работы ничему не повредила, ибо я поправлял в печатной корректуре, и поправлял с величайшею строгостию, так что иной лист до пяти раз был ко мне присылаем. А в корректуре поправляется лучше. И думаю, что последняя половина, хотя и труднее первой, переведена вообще лучше. *D'un seul jet**. Перешли это моему Аристарху (**в один присест, в один прием* — фр.) (РА. 1900. № 9—12. С. 48).

17 (29) мая 1849 г. Страсбург–Базель
Р. Р. Родионову

Мои же распоряжения на счет № II суть следующие:

а) IX том, в котором заключается «Одиссея», посылается неполный. Последний лист еще не отпечатан. Но я хотел, чтобы отправление было сделано немедленно, ибо Карлсру скоро делается местом битвы. В пылу брожения и пожара может и мое бедное имущество разлететься дымом. Последний лист будет отпечатан скоро и доставится после; если же что недоброе с ним случится, то об этом вам будет сделано уведомление; можно будет тогда отпечатать этот последний лист в Петербурге; я пришлю поправленный оригинал. Разница в печати придаст изданию оригинальную физиономию.

б) С печатными экземплярами посылается и рукопись (не поправленная) «Одиссеи» второй части; отдать ее в цензуру, а когда выйдет из цензуры, отпечатанный пропуск приложить к тому тому, где «Одиссея», вторая часть. (...)

д) Второй том «Одиссеи» должен продаваться особенно тем, которые получили два первых тома «Новых стихотворений». Он имеет и особый титул: Н.с. том III. Напечатать объявление. Цену назначьте сами. Чем дороже, тем лучше (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 130. Л. 16—16 об.).

7 (19) июня 1849 г. Тун
Д. П. Северину

Скоро к тебе явится второй том моей Одиссеи, или IX Полного собрания. Ошибкою переплетчика в этом томе помещено мое посвятельное письмо Наследнику:

его место во главе всего издания, то есть первого тома. Советую тебе велеть переплести, как то изображено в приложенном рисунке (РА. 1900. № 9—12. С. 49).

11 (23) — 13 (25) июня 1849 г. Тун

Д. П. Северину

На сей почте посылается тебе второй том Одиссеи. Может быть твой экземпляр уже послан тебе Рейфом. Если ты его получил, то отошли этот от меня Стурдце. Если же не получил, то и не получишь, ибо я предупредил Рейфа, что пошлю от себя. Тогда оставь у себя этот. Прошу принять с любовью младшую дочку старика Жуковского. Она лучше всех прежних поэтических дочек его и повеселила крепко душу его на старости. Теперь прости, поэзия; милости просим, святая проза. Уже много есть у меня деток и от этой второй жены. Я намерен некоторых из них, если успею, послать к тебе для доставления Стурдце, ибо они такого рода, что им не только нужно его одобрение, но и его строгий экзамен, его выправка. (...) Мне на тебя завидно: как тебе весело будет читать Одиссею! (РА. 1900. № 9—12. С. 49—50).

23 июня 1849 г. Берн

К. А. Фарнгагену фон Энзе

Тороплюсь поднести вам вторую часть моего перевода Одиссеи, прося вас принять мое подношение с той же благосклонностью, которую вы уже выказали к началу моей работы. Перевод был окончен быстро, но без небрежности. Несмотря на то что я употребил на мою работу менее ста дней, я делал исправления с большой взыскательностью: печатание производилось одновременно с переводом, и я мог делать исправления перевода даже в корректуре; это очень легко, потому что Баден, где я жил, близко от Карлсру, где была моя типография. Вы знаете по опыту, что гораздо лучше поправляешь по напечатанному, чем по оригиналу; манускрипт скрывает ошибки, напечатанное делает их ощутительными. Я держал иногда от 5 до 6 корректур одного и того же листа. Мне кажется, Гораций советует поэтам сохранять свои произведения под ключом девять лет, прежде чем отдать их публике, — этот совет бесполезен для меня; если поэту вообще необходимо девять лет, чтобы забыть свои стихи и быть в состоянии читать их, как чужое произведение и лучше чувствовать ошибки, которые в них находятся — мне надобно только несколько часов для этого полного забвения; я читал каждый корректурный лист, как что-то новое для себя; подобная способность забывать (в этом случае счастливая) сокращает время и дает часам цену годов. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы у вас не было основания сказать мне: лучше бы ты сделал, если бы исправно последовал совету старого Горация. Во всяком случае моя работа кончена. Глупая революция разрушила Баден, но имела любезность отсрочить свой взрыв до момента, когда я отдал последнюю песнь в типографию. Корректурные листы этой последней песни должны отыскивать меня в Страсбурге, куда я переехал со своей семьей в момент появления *великого* Струве в Бадене. Мое окончательное «Печатать!» могло быть написано только в Базеле. Наконец все кончено. Издание даже послано в Петербург. Я надеюсь, что моя гиперборейская Одиссея, как ее греческий герой, безопасно пройдет между Сциллой и Харибдой революции; ее путь лежит в Карлсру через Мангейм и Кельн — роковая дорога, где собрались в данный момент все чудови-

ща поэтического вымысла под пошлой формой красных разбойников. Экземпляр, предназначенный для вас, пойдет по верной дороге: примите его с благосклонностью и сохраните благосклонность к тому, кто его посылает вам в дар (РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 31. Подлинник по-французски).

Июнь 1849 г.

К. А. Фарнгагену фон Энзе

[В бумагах Фарнгагена сохранился листок руки Жуковского (июнь, 1849 г.), следующего содержания:]

Главные поправки, которые нужно сделать в первом томе Одиссеи. Прочие поправки напечатаны в конце тома. [Все эти правки внесены в издание П. А. Ефремова].

Лишние стопы	
Песнь — стих	Ч и т а й
VIII — 57	Все переходы палат и дворы и притворы народом.
X — 350	Все они дочери были потоков и рощей священных.
XI — 186	Всех угощая, как то облеченному саном высоким Следует; все и его угощают. Лаэрт же не ходит.
XI — 243	Воды пурпурные встали горой и слившись прозрачным.
XI — 395	Слезы я пролил, увидев его; состраданье проникло Душу мне, мертвому другу я бросил крылатое слово.
XII — 268	Словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный.
XII — 430	Солнце — себя я узрел меж скалами Харибды и Скиллы.
Недостаёт стопы	
Песнь — стих	Ч и т а й
X — 167	Сквозь переплетши тростинки и плотно скрутив их, веревку Свивши, связал я оленю тяжелому длинные ноги;

(РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 16—17).

25 июня 1849 г.

Д. П. Северину

А Одиссея! Hélas! Hélas! Чуть ли она не разлетелась дымом. Все экземпляры IX-го тома, или 2-го Одиссеи разлетелись дымом, были отправлены из Карлсру по Рейну; их остановили в Мангейме; а Мангейм, говорят газеты, бомбардирован; и во всех газетах повторения, что пакгауз с товарами сгорел; еще и не имею известия; но кажется, что мне придется петь панихиду (РА. 1900. № 9—12. С. 51).

11 июля 1849. Баден-Баден

И. И. Базарову

Получили ли Вы второй том Одиссеи, посланный Вам через Северина? Уведомьте (С 7. Т. 6. С. 644).

24 августа 1849 г. Варшава

Великому князю Константину Николаевичу

(...) Письмо ваше наконец порадовало меня и в поэтическом отношении. Вы говорите мне о моей «Одиссее» не одни общие фразы; вы говорите мне именно то, что я желал бы слышать от всякого, имеющего поэтическое чувство и зоркий вкус, читателя. И меня радует, как автора, то, что вы с этим свежим, никакими школьными правилами не испорченным чувством, нашли в моем переводе именно то, к чему я наиболее стремился, и без чего, какое бы ни имел впрочем достоинство перевод, он был бы негоден: простоту святой, непорочной, девственной древности. Если вы, не зная, как и я, по-гречески, поняли из моей «Одиссеи», что такое трехсоттысячелетний старик Гомер; если он, в моем с него снимке, представился вам простосердечным, вдохновенным сказочником, бродящим из города в город, из селения в село, поющим или рассказывающим, под звуки лиры, сказки о славных днях старины, просто, неукрасенно, болтливо, и если и у вас зашевелились волосы на голове от его непритворного вдохновения почти так же, как за 3000 лет они шевелились у старых и молодых на собраниях народных — то, конечно, работа моя удалась и в разговоре моем с поэтом, отделенном от меня почти 30-ю веками, *сердце сердцу весть подало*. Как должно переводить Гомера, о том я сказал в отрывке, помещенном вместо предисловия в начале «Одиссеи». Желаю знать от вас, исполнил ли я эти условия. Но, возвращаясь к письму вашему, скажу, что я радуюсь не за себя особенно вашими замечаниями на перевод мой (вы меня хвалите), но особенно за вас; и эти замечания столько же бы меня за вас обрадовали, когда бы они были строгим неодобрением труда моего; радуюсь за вас тому, что вижу из написанного вами, как вам доступна поэзия (С 7. Т. 6. С. 369—370).

Около 27 августа 1849 г. Варшава

Р. Р. Родионову

Любезнейший Ростислав Родионович. Я от вас давным-давно не имею никакой вести. Совсем не знаю о судьбе 2 тома «Одиссеи» и только здесь услышал от некоторых, что они уже видели ее вышедшую в свет (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 130. Л. 18).

1 сентября 1849 г. Варшава

С. П. Шевырёву

Не могу не написать к вам несколько строк, любезнейший Степан Петрович. Ну уж полакомили вы меня вашими статьями об «Одиссее». Мне до приезда моего в Варшаву не было известно, сказал ли кто хоть слово о моей новорожденной дочке и о ее вступлении в свет. Вы приняли ее, как добрый друг, отец и покровитель, и она с хорошою репутациею покажется перед людьми. Рекомендую в вашу милость вторую часть «Одиссеи»: эту часть я переводил соп атоте и люблю ее более первой. Труд совершился неимоверно скоро, в 94 или 96 дней; но поправка была совестная; перевод шел рядом с печатанием; но по близости Карлсру (где типография) от Бадена (где я жил) я мог иметь до шести корректур одного и того же листа и поправлял до тех пор, пока не был сам доволен: в корректуре гораздо лучше видятся ошибки, нежели в рукописи. Остались только некоторые места, которые надлежало

бы поправить; да я их и поправил, но этих поправок не мог уже напечатать. Бунт выгнал меня из Бадена; корректуру последнего листа я уже послал из Страсбурга в Карлсру. Вот вам мой отчет. Желал бы доставить вам эти варианты для «Москвитянина»; но здесь в Варшаве не успел этого сделать. (...) А вы потешьте меня, сказав мне два слова о моей второй части; вероятно, вы напишете об ней статью в дополнение к написанным; был бы для меня самый приятный от вас подарок получить все статьи вместе (РС. 1901. № 7. С. 99).

9 сентября (11 октября) 1849 г. Баден-Баден
Великому князю Александру Николаевичу

Можно ко всему этому прибавить и то, что работа артиста зависит от расположения духа и что живописец, хотя и может во всякую минуту взять в руки кисть, но не всегда может успешно работать этою кистию. Я приведу здесь в пример самого себя (живопись и поэзия родные сестры). Я перевел последние XII песней «Одиссеи» менее нежели во сто дней: это невероятно скоро; но с этих пор до настоящей минуты не могу приняться ни за какую работу, и этой силы не могу дать себе произвольно (С 8. Т. 6. С. 598).

29 сентября (11 октября) 1849 г. Баден-Баден
П. А. Плетнёву

...скажите мне слова два о второй части моей «Одиссеи» — я переводил ее сопого, и работа шла невероятно быстро; менее нежели во 100 дней переведены были и даже отпечатаны все XII песней; поправка шла рядом с переводом; я поправлял в корректуре, что гораздо лучше и вернее, нежели в манускрипте, и почти всегда имел 6 корректур каждого листа (это было возможно по причине близости Бадена, где я жил, от Карлсру, где производилось печатание). И как будто свыше было определено, чтобы тишина в Бадене продолжалась до окончания труда моего. Последний лист был отпечатан и несколько корректур его было уже отправлено в Карлсру, как вдруг вспыхнул мятеж, который принудил меня немедленно переехать с семьей в Страсбург. Туда явился и Рейф из Карлсру; он также бежал от мятежа, но не забыл мне привезть последнюю корректуру, которая и подписана была в Страсбурге. Несмотря на бунт, все экземпляры были немедленно отправлены по Рейну в Мангейм, из Мангейма в Кельн, а из Кельна по железной дороге в Штетин; и я уже давно имею известие от Шлецера, что все благополучно отправлено в Петербург. Но из Петербурга нет никаких вестей. И я прошу вас убедительно дать мне какое-нибудь известие. Мое бегство в Страсбург не позволило мне сделать эрраты; некоторые места мною поправлены в самом тексте; а некоторые опечатки надлежало бы непременно заметить: но напечатанию всего этого положила препятствия вооруженная Баденская вольница. (...) Скажите поболее о себе; дайте свое мнение об моей «Одиссее». Я сообщу вам после то, что мне пишет об ней Фарнгаген фон Энзе (теперь один из первых критиков в Германии); он знает прекрасно и греческий и русский язык; если он мне не льстит, то могу считать мою работу удачною. — Простите, любезный друг; скажите обо мне весть всем нашим друзьям, совершенно меня забывшим. Не диво ли? Каждому из них я послал по экземпляру моего Гомера. Ни один не откликнулся! Ни один не сказал спасибо! И поэт и труд поэта остались в пренебрежении именно от тех ценителей, которых бы голос было

так приятно услышать. Но я трудился для сладости труда, и для меня довольно (Переписка. Т. 3. С. 615, 617).

19 (31) октября 1849 г. Баден-Баден
Великому князю Константину Николаевичу

Вот почему, при чтении вашего милого письма, я так обрадовался вашей доступности поэтическому вдохновению, обрадовался не потому, что вы *хвалили мой перевод*, а потому, что *таким языком* говорили мне о самом Гомере. (...) Поэзия народная, в которой отзывается вся жизнь народа, Гомер, Данте, Шекспир, Мильтон, греческие трагики, некоторые чудные поэты Востока (не называю никого из новейших) — вот товарищи жизни. Беседа с ними во всякое время есть очарование (С 7. Т. 6. С. 371).

31 октября (12 ноября) 1849 г. Баден-Баден
Н. В. Гоголю

Обними за меня Шевырева. Благодарю его за дружеский ответ на мое письмо из Варшавы. Он очень, очень бы одолжил меня, доставив мне через Булгакова свои статьи об «Одиссее» (если можно, и первую и вторую), если эта написана (СС 1. Т. 4. С. 551).

31 октября (12 ноября) 1849 г. Баден-Баден
А. Ф. фон дер Бриггену

Мы принуждены были поселиться в Баден-Бадене. (...) И действительно, пребывание прошлой зимою в Бадене было полезно и жене моей, (...) и мне, которому покойная жизнь в Бадене дала возможность перевести и напечатать менее нежели во сто дней последние XII песней Одиссеи. (...) Получили ли Вы вторую часть Одиссеи? Желал бы знать Ваше мнение о моем переводе (С 7. Т. 6. С. 627—628).

3(15) ноября 1849 г. Баден-Баден
А. С. Стурдзе

Но бунт не помешал мне кончить и даже напечатать вторую часть «Одиссеи». Она отправлена давно в Россию, и я полагаю, что экземпляр, вам назначенный, находится теперь в руках ваших. Эту вторую часть я переводил *con amore*; она привлекательнее первой. И перевод мой был кончен неизмеримо скоро: менее, нежели в сто дней, переведены все XII песней; возможность этого изъясняется тою совершенною независимостью и тишиною, которыми я пользовался прошлою зимою. Замечательно то, что эта тишина нарушилась не прежде, как накануне отпечатания последнего листа «Одиссеи»: последнюю корректуру этого листа я послал в Карлсру уже из Страсбурга, куда должен был убраться из Бадена. Прошу вас сказать мне слово о моей работе. (РС. 1902. № 5. С. 397).

11 ноября 1849 г. Баден-Баден
И. И. Базарову

Прислал ли я Вам вторую часть Одиссеи? (С 7. Т. 6. С. 645).

6 (18) декабря 1849 г. Баден-Баден

П. В. Нацокину

Мои литературные подвиги вам должны быть известны хоть отчасти. Не думаю, чтобы они возбудили какие-нибудь впечатления на Руси: я напечатал до ста экземпляров (для раздачи моим соотечественным друзьям и знакомцам) «Одиссеи» и «Рустема», которые мне самому кажутся лучшим из всего, что мне случилось намарать на бумаге пером моим — почти ни один не сказал мне даже, что *получил* свой экземпляр. Если так приятели и литераторы, что же просто читатели? Впрочем, я и не для участия от кого бы то ни было (сколь оно ни приятно) работаю над «Одиссеей»; я пожил с святою поэзиею сердцем, мыслию и словом — этого весьма довольно (Загарин. Приложение. С. LXX).

8 декабря 1849 г. Баден-Баден

И. И. Базарову

Очень рад, что моя поэтическая слава заглянула в Висбаден и что Винтер, хотя и холоден быть должен по своему имени, с таким жаром принял участие в моей Гиперборейской Одиссее (С 7. Т. 6. С. 646).

Конец 1849 г. Баден-Баден

Великому князю Константину Николаевичу

Я промедлил моим ответом, хотя по прочтении письма и загорелось во мне сильное желание отвечать на него. Приношу вашему высочеству мою повинную голову; тем более я виноват перед вами, что обязан вам благодарностию за то участие, которое вы принимаете в моей дочке «Одиссее», вашей крестнице. Она моя фаворитка; она повеселила меня на старости лет так мило и живо, что мне казалось всегда в ее поэтическом присутствии, что я сбросил с своих плеч лет сорок. Она же из поэтических детей моих та, которая наидолее переживет меня. Поэзия в наше время утратила много своего кредита, утратила и от того, что наше железнодорожное и журнально-сумасбродное время не имеет ничего в себе поэтического, и от того, что поэты затащили ее в грязь партий, в болото безверия и в лужу безнравственной чувственности. Вследствие этого не могу надеяться, чтобы «Одиссея» произвела на большинство современных читателей какое-нибудь сильное действие; да я и не имел целию производить какое-нибудь действие. Мне просто хотелось заглянуть в первомир поэзии, в этот потерянный Эдем, в котором во время оно дышалось так легко и целебно. Гомер отворил мне заповедную дверь в него, и я пожил счастливо с его светлыми созданиями, которых веяние было так гармонически-очаровательно посреди визгов и мифитического зловония бунтующей толпы, парламентных болтунов и ложно-вдохновенных поэтов настоящего времени. Со всем тем я не вовсе отказываюсь и от поэтически-благотворного действия моей поэмы. В шестьдесят лет можно судить о самом себе, как о постороннем, без пристрастия и без суетной хвастливости. Опираясь на собственном внутреннем чувстве, я думаю, что в переводе моем сохранена та первобытная простота, которая должна быть так пленительна в Гомере (особенно в «Одиссее»). Говорю *должна* быть, ибо оригинал «Одиссеи» в гармонии поэтического языка ее мне не знаком. Я старался угадывать эту гармонию чутьем; но то же самое

поэтическое чутье шепчет мне, что я действительно угадал ее. Это же говорят мне и те, которые знают дело и которые могут сравнивать с подлинником слепок. Если же эта первобытная поэзия подлинно мною сохранена, то в ее природе так много живого, что она не пропадет и для потомства. Неприметно и таинственно будет она продолжать жить, подобно тому, как живут теплые ключи, бьющие из сердца самой природы и не иссякая дающие силу и исцеление тем, кто их пьет в их источнике.

Мой труд не прибавил ничего к моей поэтической известности; не более шести человек (считая в числе их и ваше высочество) сказали мне свое мнение о моей работе (нет! мой счет неверен, еще к шести надобно прибавить трех); в моей семье я ни с кем не мог поделиться своими поэтическими конфетами: ел их один; только в Варшаве попалась мне в руки дельная критика Шевырева; — одним словом, я не заботился о славе и похвале; но мне радостно думать, что после меня останется памятник твердый здешней моей жизни, и что в моей, меня пережившей семье, и во всех семейных кругах, где будет сохранено чувство истинной поэзии, будут весело, поминая меня, отдыхать от суматох житейских за чтением — моего Гомера, как отдыхает усталый путешественник под тенью придорожного дуба подле водоема с чистою водою, и мысленно благодарит того, кто некогда посадил этот дуб и построил этот водоем для проходящих (С 7. Т. 6. С. 372—374).

20 января (1 февраля) 1850 г. Баден-Баден

Н. В. Гоголю

Ты так обленился, что и об второй части «Одиссеи» не сказал мне ни слова, а я ею более доволен, нежели первую. Как ты? (СС I. Т. 4. С. 554).

3 (15) февраля 1850 г. Баден-Баден

П. А. Плетнёву

Наконец ваше письмо прибыло ко мне из Варшавы; оно порадовало мне сердце за мою «Одиссею», которая не есть от меня дар современникам — в наше время литература взяла уродливое, безнравственное, лишенное всякого очарования направление. Но об этом предмете будем говорить после. Теперь надобно нам заняться материальною стороною «Одиссеи» и моих сочинений — то есть их распродажею. То, что вы и весьма немногие говорите мне о труде моем, который так сладостно повеселил мою старость и озолотил мне многие плоды жизни, для меня весьма удовлетворительно. Я весьма однако сожалею, что вошел в убыток и напечатал особенные экземпляры для моих друзей и знакомых; вместо ста экземпляров мне бы должно было раздать десяток, не более. Ни один не только не порадовал меня изъяснением своего участия, но и не потрудился уведомить о получении экземпляра. Это мне было больно и досадно, особенно от Смирновой, от Вьельгорского, от Карамзиных. (...) Вы называете мой перевод второй части «Одиссеи» подвигом исполнским — это особенно в том отношении правда, что моя работа была *постоянная и без всякого внешнего подкрепления*; первые 12 песней переведены во Франкфурте; там жил в моем доме Гоголь, я читал ему мой перевод, он читал его мне и судил об нем как поэт; потом я читал его вместе с Хомяковым, наконец с Тютчевым — все это было истинным поэтическим наслаждением, не пиром самолюбия, а просто лакомством за трапезою Гомера. Ничего этого я не имел, переводя вторую часть «Одиссеи» в Бадене; никто

бы лучше моей жены не оценил труда моего и не дал мне совета — у нее и душа и чутье поэтическое; но я еще не выучил ее по-русски; и ни с кем из русских, мною встреченных в Бадене, не приходило мне и в мысли познакомить моего лавроносно-го старца Гомера. Я был вполне одинок... Но куда я убежал от моих предположений насчет распродажи моего издания? Еще однако одно маленькое отступление: у меня такая беспамятность, что я почти ни слова не помню из «Одиссеи». Знаю только наизусть одну первую песнь; но теперь думаю, что и ее не буду уметь прочесть без книги. Я могу читать мой перевод как чужой; это было со мною и во время моей работы. Окончив песнь, я отсылал ее в типографию, и когда приносили ко мне корректуру, я читал ее, как нечто вовсе для меня новое, и это было почти так со всякою корректурую. От этого и ошибки ярче бросались в глаза. Вот и теперь, перечитав ваши письма и полакомившись, не вашими похвалами, а вашею поэтическою симпатиею, мне захотелось развернуть вторую часть «Одиссеи», и я прочитал песни стрельбы из лука и убийства женихов как нечто, не только не мною писанное, но и как нечто, никогда мною не читанное. И мне стало грустно, что эта прелесть труда для меня миновалась. Нет сомнения, что во всяком создании поэтическом самое сладостное для поэта есть самый акт создания, и что *продолжение* работы усладительнее самого ее *совершения*. (...) Это была большая ошибка с моей стороны, что я напечатал особенно 2000 экземпляров новых стихотворений и не отложил публикации до окончания «Одиссеи»... (Переписка. Т. 3. С. 630—632).

23 января 1850 г.

А. Мальтицу

Я хотел просить вас взяться послать мой ответ принцу Иоанну с экземпляром моей гиперборейской Одиссеи. Эта последняя, чтобы явиться прилично принцу («настоящему поэту»), должна была принарядиться; для этого я должен был поручить ее заботам литературного парикмахера, живущего в Карлсру, а он имел доброту быть осмотрительным в своей работе и, следовательно, страшно задержал — что часто бывает с его германскими соотечественниками, — а поэтому мой ответ принцу (а с ним и вам) благополучно запоздал. Но вот, наконец, мое письмо с Одиссеей, на которой я вас прошу написать адрес и послать к принцу прямо и чрез посредство г-на Шредера — это вполне предоставляется на ваше усмотрение (РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 33—34. Подлинник по-французски).

2 (14) марта 1850 г. Баден-Баден

Великому князю Константину Николаевичу

...но мне самому как-то чудно и в то же время умилительно подумать, что вы, которого я, покидая Россию, оставил еще за учебным столом, уже теперь отец семейства, что вы окурены уже порохом и более видели земель в ваших странствиях, нежели мой Одиссей, представленный вам в русском костюме... (С. 7. Т. 6. С. 379).

6 марта 1850 г.

П. А. Плетнёву

Второй том «Одиссеи» может большею половиною остаться у нас на руках. Это поздний урок: на Руси нельзя еще выдавать первого тома прежде второго. Осо-

бливо, когда дело идет об «Одиссее» и тому подобном. Русский человек беззаботен. Он не купит продолжения и «Вечного жида» и «Фоблаза»; чего ж тут надеяться для «Одиссеи»? Если же останется на руках довольно экземпляров второго тома, то можно будет перепечатать в том же количестве первый... (Переписка. Т. 3. С. 644).

18 (30) апреля 1850 г. Баден-Баден
П. А. Вяземскому

Мне хотелось сделать вам сюрприз и привести всю переведенную мною Илиаду. (...) Илиады переведено полторы песни, и с нею бы сладил легче, нежели с Одиссеею; ибо в ней более поэтического и высокого, которым гораздо удобнее владеть, чем простым и невдохновенным, которое упрямо лезет в прозаически-тривиальное. (...) У нас нет настоящего чтения — есть одна необходимость убивать как ни попало время читаемою книгою; то же, что в книге, не производит ни в ком участия; кто печатает свои мысли, тот ни с кем ими не делится. Например, переводить 24 песни Одиссеи было довольно отважное, прибавлю — безнадежное, предприятие. Первая половина Одиссеи напечатана прежде второй: что же? Более половины тех, кто купил первую половину, не полюбопытствовали прочесть второй. Несмотря на это я все-таки, когда отделаюсь от своей педагогической работы, переведу Илиаду: тогда после меня останется прочный монумент моей жизни. Если, как пишет мне Фарнгаген, говоря о моем переводе: “Wir, Deutchen, haben nichts so gelungenes”*, то из этого следует, что мой перевод есть ближайший к подлиннику, ибо до сих пор таким слыл Фоссов: дать отечеству чистого Гомера есть великое утешение. Хотя заживо я не буду иметь никакой славы, но Гомер, и с ним мой голос, отзовутся в потомстве отечества. А мне за это в прибавок — наслаждение трудом, несказанно для души животворным (**Мы, немцы, не имеем ничего столь замечательного* — нем.) (С 7. Т. 6. С. 637—638).

2 (14) июня 1850 г. Баден-Баден
П. А. Плетнёву

Я прочитал недавно в журнале Министерства Просвещения дельную статью о моей «Одиссее» (это в январском № 1849 г.). Она подписана Г. С. Я бы желал знать, кто этот Г. С. Написано со знанием дела, с достоинством, с чувством поэтическим. Автор не вошел в подробный разбор перевода, отложив этот труд до окончания моего труда. Теперь «Одиссея» кончена. Кончил ли мой Аристарх свою обещанную работу? Я бы рад был, если бы он занялся сравнением русского с греческим, он бы и мне мог сказать много поучительного, ибо я не знаю своего подлинника. Если бы он заметил и ошибки, я бы охотно воспользовался добросовестными замечаниями для второго издания. Уведомьте его об этом, ежели знаете, кто он, и мне перешлите его имя... (Переписка. Т. 3. С. 668—669).

16 (28) июня 1850 г. Баден-Баден
Великому князю Александру Николаевичу

Но меня радует мысль оставить твердый памятник моей поэтической жизни, даровав моему отечеству всего Гомера таким, каков он есть. Это мне удалось в «Одиссее» (не назовите этого чванством). Нет! Немцы, знатоки русского и грече-

ского языка, говорят мне и печатают, что мой перевод лучше Фоссова, а Фоссов лучший из всех известных переводов Гомера. Это меня тянет к «Илиаде». Но если мой перевод Гомера, если Гомер получит через меня на Руси ту привлекательность, благодаря которой он живет уже три тысячи лет в памяти людей, то вместе с ним и я останусь жив на долгие времена в памяти моей России (РА. 1885. № 7. С. 359).

25 июня (7 июля) 1850 г. Баден-Баден
Великому князю Александру Николаевичу

Это письмо будет вручено Вашему Высочеству Рейфом, который имеет счастье быть лично вам известен; представляю вам в нем крестного отца моей «Одиссеи», может быть и моей «Илиады»... (РА. 1885. № 7. С. 360).

1 (13) февраля 1851 г. Баден-Баден
Н. В. Гоголю

Если бы ее не было [имеется в виду педагогика, которой Жуковский активно занимался в тот момент], то я бы перевел всю «Илиаду»; полторы песни переведены (каталог кораблей сбросил с плеч: это было самое трудное), все пошло бы по маслу; <...> надеюсь, что «Илиада» от меня не уйдет: великое было бы дело оставить по себе в наследство отечеству полного Гомера (СС I. Т. 4. С. 555).

Март 1851 г.
К. К. Зейдлицу

Теперь обращаюсь к письму твоему: оно порадовало мою душу. Ты поэтическим языком поговорил со мною о моей поэзии; я давно такого лакомства не имел; как ни уютно мне в моей семье, но с моею поэзией никто здесь не знаком. Русского языка мои ближние не знают. И это составляет особенное достоинство моего перевода «Одиссеи», что он совершился без свидетелей, выключая одного Гоголя, который читал первые 12 песен: остальные я переводил в Бадене. Для курьеза посылаю тебе табличку, из которой увидишь ход перевода. Те числа, против которых стоят точки, означают те дни, в которые я занимался переводом; из этого увидишь, что последние 12 песен переведены менее нежели в 100 дней. *Эти сто дней были счастливые дни!* Для чего я работал? Уж, конечно, не для славы. Нет, для прелести самого труда! Ничто не может сравниться с тем наслаждением, какое заключалось для меня в уединенной, безмятежной беседе с поэтическими, девственно-непорочными видениями Гомера, которые прилетали ко мне из светлой старины и навевали мне на душу свежий воздух поэзии первобытной. Работал не для славы! Там, на Руси, не многим может понравиться Гомер; а в Европе мой Гомер никому не слышен. Но все великое услаждение — поделиться им с теми, кто, как ты, его знают и смотрят на его создание глазами поэтическими. И я всем сердцем благодарю тебя — не за твое одобрение, а за то, что ты не поленился поделиться со мною тем чувством, которое произвела в тебе моя «Одиссея». О славе — скажу опять — я не забочусь; в 68 лет не до славы; но весело думать, что после меня останется на Руси твердый памятник, который между внуками сохранит обо мне доброе воспоминание. Теперь мой Гомер есть, так сказать, тайна; в наше время нет места поэзии Гомерической; но

эта поэзия живуща: со временем она свое возьмет, и мысль, что в будущее время я буду для отечества довольно верным представителем *этой* поэзии, меня веселит и кажется мне чем-то существенным (Зейдлиц. С. 225—226).

ПЕРЕВОД НАЧАТ В ЯНВАРЕ 1842 ГОДА.										
До 1-го октября 1844 года переведено VIII песен.										
Чис- ла.	В 1844 году во Франкфурте.			В 1848 году в Бадене.			В 1849 году в Бадене.			
	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель
1	IX	...		XIII	...	XV		...		
2		С 1-го по 6-е мая 213 стихов.	XIX	
3	XXIII
4
5	...	X		
6
7	XXIII
8					
9				
10	IX				
11					
12						...		XVII	...	
13					...	XV		XVIII		
14	X			XIV		...	XIX	
15	XX	
16	...	XI			XIV	XXIV
17
18
19		...	XII			XX	...
20		...				XVI			XXI	...
21	
22					XVII	XVIII	...	
23	
24		XXI	XXIV
25		XXII	
26	...	XI							...	
27	...			XIII			
28	...		XII	XIV					...	
29	
30	
31		XXII	

(Зейдлиц. С. 227).

К. К. Зейдлицу

Твой голос о моей «Одиссее» был сладкою для меня гармонией. Не поставь моего удовольствия слушать твой приговор на счет суетного самолюбия; нет, в мои

лета нет уже самолюбия; да я и всегда был чужд его ребячеству. Но в том чувстве, с каким я слушаю похвалу Одиссеи моей, выходящую из души поэтической, есть нечто подобное чувству отца, который, выводя в свет свою милую дочь, видит, с какою симпатией, с каким благоволением встречаются ее некоторые немногие, которых мнение ему драгоценно. Ты принадлежишь к числу этих немногих. И ты поймешь, что я переводил Гомера не для *похвалы*, а чисто для того высокого внутреннего наслаждения, которое объемлет душу в безмолвном святилище поэзии: и это святилище было для меня à la lettre безмолвное, ибо никто в моей семье не мог вслушаться в русское пение Гомера. Из моих русских соотечественников только один отозвался о нем письменно, и другой еще печатно; ты третий, и самый значительный для меня, как по твоему поэтическому чутью, так и по знанию дела. То, что ты находишь в моем переводе, есть именно то, к чему я сам желал дойти. Это стремление сохранить в моей копии младенчески-чистый характер первобытной поэзии моего подлинника было для меня поэтической жизнью во всей ее святости. И в этой мысли для меня много утешительного, хотя она сама по себе мечта, — в мысли, что моему отечеству останется в моем Гомере *мой вечный памятник*: если подлинно в нем отзываются чисто и гармонически те звуки, которые три тысячи лет утешают сердца избранных, то надолго и на Руси останется отзыв моей поэтической жизни (Зейдлиц, С. 225).

Весна 1851 г.

К. К. Зейдлицу

Я начал переводить «Илиаду» и перевел уже первую песнь и половину второй, и если бы так пошло, то весьма вероятно, что я кончил бы всю поэму (которую гораздо легче переводить нежели «Одиссею») к моему отъезду в Россию (Зейдлиц, С. 234).

22 ноября (4 декабря) 1851 г. Баден-Баден

П. А. Плетнёву

Также прошу вас взять на замечание то, что я говорю об «Одиссее» для юношества; всего было бы лучше, когда бы вы взяли один экземпляр ее, и по моим указаниям научили переплетчика, что и как заклеить; если же это сделано не будет, то поправленные места вместо пользы сделают вред, ибо обратят двойное внимание на те места, которые должно выкинуть (...) (Переписка. Т. 3. С. 717—718).

«Прошу исключить однако из своей обязанности перепечатывание особенно «Одиссеи», которая может последовать, если окончится начатый мною перевод «Илиады»; если же «Илиада» не переведется, то и перепечатывание «Одиссеи» не будет нужно (...) Я должен обратить здесь внимание В. С. на одно обстоятельство: 3 тома Новых стихотворений, в числе которых находится и «Одиссея», могли бы быть исключительно определены на раздачу в награду учащимся в казенных заведениях при публичных экзаменах. Чтение «Одиссеи» особенно могло бы распространить вкус к классической поэзии, которая у нас слишком забыта. Желая, чтобы «Одиссея» досталась в руки юношества без всяких грехов, я присоединил к 1-й части некоторые поправки, на которые во всяком экземпляре, назначаемом для юношества, могут быть заменены те места текста, которые не следует давать в

руки юношам. Благоволите учредить. Чтобы означенные места, при переплете экземпляров, были по моему указанию, напечатанному в I-м томе “Одиссеи”, исключены и заменены другими: это сделает “Одиссею” самою здоровою нравственною и поэтическою пищею для наших молодых читателей» (*Из копии письма Министру Просвещения, приложенной к письму Плетневу.* — Переписка. Т. 3. С. 718—719).

Сост. В. Киселев, В. Красман, Н. Никонова, А. Плотникова, А. Янушкевич

Илиада

(«Гнев нам, богиня, воспой Ахиллеса, Пелесева сына...»)

* Комментарий подготовлен при содействии гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МД-915.2009.6 (С. 348)

Автографы: 1) РНБ. Оп. 1. № 56. Л. 12—19 об. Черновая рукопись ст. 1—25 первой песни (л. 12—12 об.) и ст. 494—718 второй песни (л. 13 — 19 об.). Писано карандашом с многочисленными исправлениями. На полях проставлены даты перевода. На форзаце тетради находится расчет приблизительного объема текста и стоимости печати полного перевода «Илиады» (л. 2).

2) РНБ. Оп. 1. № 68. Л. 1—75 об. Черновая рукопись, включающая в себя немецкий прозаический перевод «Илиады» и собственноручный перевод Жуковского (песнь первая и ст. 1—12, 494—718 второй песни). Писано частично карандашом, частично чернилами. На полях проставлены даты перевода (см. ниже).

К о п и я: ОР НБ МГУ — писарская, авторизованная, писана чернилами с многочисленными поправками. Две тетради, первая содержит рукопись первой песни «Илиады» (24 л.), вторая — ст. 494—718 второй песни (12 л.).

При жизни Жуковского не печаталось.

В п е р в ы е: ПроPILEи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Книга IV. Москва: В университетской типографии, 1854. С. 1—32 первой пагинации. Ц. р. от 1 июня 1854 г., цензор Д. Ржевский, 31 декабря 1854 г., цензор М. Похвистнев. Название в оглавлении: Илиада. Песнь первая и отрывки второй. Перевод В. А. Жуковского. Заглавие в тексте: Илиада (Песнь первая и второй песни ст. 494—718).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по авторизованной копии и черновому автографу № 2.

Д а т и р у е т с я: 2 (14) октября 1849 г. (ст. 1—26 первой песни); 3 (15) октября 1849 г. (ст. 1—12 второй песни); 5 (17) октября — 17 (29) октября 1849 г. (ст. 494—718 второй песни); 22 июля (3) августа — 12 (24) августа 1850 г. (ст. 27—611 первой песни).

В конце 1848 г. Жуковский признался П. А. Плетневу: «Приходило в голову, и не раз, искушение приняться за Илиаду, дабы оставить по себе полного собственного Гомера. Мысль была та, чтобы перевести все по теперешней методе с подстрочного немецкого перевода, и потом взять бы из перевода Гнедичева все стихи, им лучше меня переведенные (в чем, разумеется, признаться публике). Таким образом, два труда слились бы в один — но не по летам моим приниматься за такой долговре-

менный труд, который овладел бы всею душою и отвлек бы ее от важнейшего — от сборов в другую дорогу» (С 7. Т. 6. С. 593). Тем не менее, закончив в апреле 1849 г. перевод «Одиссеи» и опубликовав вторую часть поэмы, Жуковский, согласно авторским пометам в черновике, являющимся главным основанием датировки, уже 2 (14) октября 1849 г., находясь в Баден-Бадене, приступил к переводу «Илиады». Перевод был начат с первой песни, из которой поэт вчерне перевел начальные 26 стихов. Перевод второй песни, однако, представлялся Жуковскому более сложной задачей: «каталог кораблей сбросил с плеч: это было самое трудное» (письмо Н. В. Гоголю от 1 (13) февраля 1851 г. // Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 1. С. 233). 3 (15) октября Жуковский перевел первые двенадцать стихов, с 5 (17) по 17 (29) октября 1849 г. — почти весь «каталог кораблей» (ст. 494—718). Как гласят пометы в черновой тетради, поэт переводил приблизительно по 20 стихов в день.

После этого в работе над «Илиадой» произошел почти годичный перерыв, заполненный педагогическими трудами и другими творческими замыслами. Однако само намерение вернуться к переводу сохранилось и переросло в план полного воссоздания поэмы, о чем Жуковский уведомил своих друзей. Так, 3 декабря 1849 г. он обратился к Д. П. Северину с просьбой о присылке перевода Н. И. Гнедича: «Об Илиаде не заботься; возвращаю в целости; а если потеряю, то сам ее переведу, чтобы вознаградить твой убыток» // РА. 1908. № 9—12. С. 53. 18 (30) апреля 1850 г. Жуковский поделился с П. А. Вяземским уже оформившейся мыслью: «Мне хотелось сделать вам сюрприз и привести всю переведенную мною Илиаду» (С 7. Т. 6. С. 637). Наконец, поэт получил возможность продолжить свою работу и с 22 июля (3 августа) по 12 (24) августа 1850 г. перевел всю первую песнь.

Довести свое намерение до завершения Жуковский не успел, будучи занят учебными проектами и поэмой «Странствующий жид». Но до самой смерти мысль о продолжении перевода не оставялась, вылившись даже в обращение к П. А. Плетневу с планом нового совместного издания «Илиады» и «Одиссеи»: «Прошу исключить, однако, из своей обязанности перепечатывание особенно “Одиссеи”, которая может последовать, если окончится начатый мною перевод “Илиады”; если же “Илиада” не переведется, то и перепечатывание “Одиссеи” не будет нужно (22 ноября (4 декабря) 1851 г.; Переписка. Т. 3. С. 718). На протяжении 1851 г. Жуковский неоднократно подтверждал свое желание закончить работу над переводом до возвращения в Россию: «Я начал переводить “Илиаду” и перевел уже первую песнь и половину второй, и если бы так пошло, то весьма вероятно, что я кончил бы всю поэму (которую гораздо легче переводить нежели “Одиссею”) к моему отъезду в Россию» (весна 1851 г., письмо К. К. Зейдлицу; Зейдлиц. С. 234); «...прошу тебя возвратить мне возвращенного мною тебе Гнедича. Постараюсь воспользоваться моим заточением и слепотою, чтобы вполне быть русским Гомером. Пришли поскорее Илиаду» (9-го (21-го) сентября 1851 г., письмо Д. П. Северину; РС. 1902. Июнь. № 6. С. 518—519); «Я постараюсь заняться переводом Илиады» (кон. окт. — нач. нояб. 1851 г., письмо Ф. И. Липману; Русский библиофил. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 36).

Первый опыт перевода гомеровской поэмы был произведен Жуковским в работе над «Отрывками из Илиады» (1828). В них нашло воплощение авторское понимание текста как сосредоточенного преимущественно на судьбе главного героя. Это восприятие сохранилось и в 1840-е гг., в период перевода «Одиссеи». 19 февраля (3 марта) 1849 г. поэт писал П. А. Вяземскому: «План Илиады простее; там, однако, всем преобладающий Ахилл и сосредоточение всех действий около него

для того, чтобы его возвеличить, и всем властвующая мысль о его безвременной смерти составляют что-то удивительно гармоническое и целое» (Гиллельсон. С. 67). Подобная «центростремительность» не позволяла Жуковскому воспринимать поэму как универсальный эпический текст, и она до времени заслонялась «Одиссеей», более соответствовавшей авторскому идеалу эпической всеохватности. Так, 28 октября (9 ноября) 1842 г. в письме великому князю Константину Николаевичу переводчик признавался: «Очень рад, что вы любите Одиссею; я сам люблю ее более Илиады. В Илиаде более высоких, поэтических образов; в Одиссее вся жизнь давно минувшего во всей ее детской беззаботности и неподдельном простодушии» (С 7. Т. 6. С. 359).

Тем не менее, сам интерес Жуковского к «Илиаде» был очень устойчив. Поэма мыслилась своеобразным дополнением эпического мира «Одиссеи» и в этом качестве фигурировала в планах писателя с середины 1840-х гг., когда возник проект «Одиссеи для юношества». Здесь сокращенный текст поэмы должен был сопровождать «род пролога», излагавший события «до начала странствия Одиссея»: «Эта картина обхватит весь первобытный, мифологический и героический мир греков; рассказ должен быть в прозе; но все, что непосредственно составляет целое с Одиссеей, то есть Троянская война, гнев Ахиллов, падение Трои, судьба Ахилла и Приамова дома, все должно составить один сжатый рассказ гекзаметрами, рассказ, сшитый из разных отрывков Илиады, трагиков и Энеиды и приведенный к одному знаменателю. В этот рассказ вошли бы, однако, некоторые песни Илиады, вполне переведенные» (5 (17) декабря 1844 г., письмо А. П. Елагиной; Наше наследие. 2003. № 65. С. 85).

Эта мысль, определившая концепцию и состав «Повести о войне Троянской», вскоре переросла в более обширный проект полного перевода «Илиады», который, вкуче с «Одиссеей», составил бы «твердый памятник моей поэтической жизни, даровав моему отечеству всего Гомера таким, каков он есть» (16 (28) июня 1850 г., письмо великому князю Александру Николаевичу; С 8. Т. 6. С. 359). Намерение Жуковского подкреплялось немногочисленными, но чрезвычайно важными для поэта оценками перевода «Одиссеи» как наиболее соответствующего духу и слову Гомера (С. П. Шевырев, К. А. Фарнгаген фон Энзе, Н. В. Гоголь; см. комментарии к О.). Тем самым перевод «Илиады» позволил бы воссоздать для русского читателя гомеровский мир во всей его цельности и разносторонности, дополнив «простое и невдохновенное» начало «Одиссеи», «которое упрямо лезет в прозаически-тривиальное», началом «поэтическим и высоким» (18 (30) апреля 1850 г., письмо П. А. Вяземскому; С 7. Т. 6. С. 637). Это, в том числе, оправдывало и соревнование с Н. И. Гнедичем, чей перевод, диалог с которым завязался уже в «Отрывках из Илиады», был бы скорректирован единым контекстом гомеровского творчества. Текст гнедичевской «Илиады», по замыслу Жуковского, присутствовал бы в новом переводе как постоянный фон для сравнения, более того — как органичная внутренняя составляющая, что позволяло бы контаминировать лучшие варианты стихов двух переводчиков. Судьей и ценителем в данном случае должно было выступить потомство, а сам перевод вкуче «Илиады» и «Одиссеи» превращался в поэтический памятник-завещание Жуковского: «...я все-таки, когда отделаюсь от своей педагогической работы, переведу Илиаду: тогда после меня останется прочный монумент моей жизни. Если, как пишет мне Фарнгаген, говоря о моем переводе: "Wir, Deutschen, haben nichts fo gelungenes", то из этого следует, что мой перевод есть бли-

жайший к подлиннику, ибо до сих пор таким слыл Фоссов: дать отечеству чистого Гомера есть великое утешение. Хотя заживо я не буду иметь никакой славы, но Гомер, и с ним мой голос, отзовутся в потомстве отечества» (Там же. С. 638).

Самыми значительными препятствиями в работе над «Илиадой» являлись незнание поэтом древнегреческого языка и почти полная слепота, что и обусловило особую технику перевода. «У меня уже есть точно такой немецкий перевод, с какого я перевел Одиссею, — писал Жуковский П. А. Плетневу 1 (13) сентября 1851 г., — и я уже и из Илиады перевел две песни. (...) нынешнею зимою этою работою заняться не могу: глаза не позволяют. (...) Для Илиады же найду немецкого лектора, он будет мне читать стих за стихом. Я буду переводить и писать с закрытыми глазами, а мой камердинер будет мне читать перевод, поправлять его и переписывать. И дело пойдет как по маслу!» (Переписка. Т. 3. С. 699). «Немецкий перевод», о котором говорится в письме, представлял собой подстрочник, сделанный проф. Фишингером. Он, так же как Грасгоф, перевел все двадцать четыре песни «Илиады», передавая смысл и, по возможности, грамматическую форму каждого слова древнегреческого оригинала. Этот перевод занимает половину чернового автографа № 2. Образцом могут служить начальные стихи первой песни:

Den Groll singe, Göttin, des Pelliden Achilles,
Den verderblichen, welcher zehntausend (unzählige) den Achäern Schmerzen gesetzt hat,
Viele aber starke Seelen dem Hades zugesickt hat
Der Helden, dieselben aber als Beute bereitet hat den Hunden
Den Raubvögeln und allen: des Zeus aber wurde vollendet der Wille –
Seit dem nun zum ersten Male beide sich auseinander stellten gestritten habend,
Der Atride sowohl, der König der Männer, als auch der göttliche Achilles.

Как и при работе над «Одиссеей», Жуковский переводил с данного немецкого подстрочника, привлекая для сравнения немецкий перевод И. Ф. Фосса и русский перевод Н. И. Гнедича. Дополнительным источником выступал для поэта новейший перевод А. Л. В. Якоба (Homer's Ilias. Übersetzt von Dr. A.L.W. Jacob. Berlin, 1846), находящийся в его библиотеке и содержащий несколько стилистических помет (Описание. С. 189, № 1326).

Работа над переводом «Илиады», в связи со смертью Жуковского 12 апреля 1852 г., была прервана на стадии чернового текста, еще не предполагавшегося к публикации. Последнюю авторскую волю здесь отражает авторизованная копия (ОР НБ МГУ), созданная в период с сентября 1850 г. по конец 1851 г. В ней переведенные Жуковским фрагменты, за исключением ст. 1—12 второй песни, были переписаны рукой камердинера Василия Кальянова из чернового автографа № 2. Копия состоит из двух тетрадей в четверть листа. В первой тетради с заглавием на первом листе «Гомерова Илиада. Перевод В. Жуковского. Том I» находится первая песнь, во второй (без заглавия) после шести чистых листов следуют с седьмого листа ст. 494—718 второй песни.

В обеих тетрадях присутствует авторская правка в несколько слоев. Первый ее уровень составляют исправления чернилами (иногда по карандашу), корректирующие ошибки в написании собственных имен и отдельных слов, а также восполняющие пропущенные при первоначальном переписывании слова, достаточно частые. Правка содержательного характера состоит здесь в замене ряда слов и, ино-

гда, фрагментов стиха, неправильно разобранных камердинером или требовавших доработки (ст. 33—35, 38—39, 50, 58, 72 первой песни и др.). Эта правка охватывает весь текст перевода, однако исправления сделаны рукой Жуковского только до ст. 419 первой песни, после идет правка рукой камердинера и другими чернилами.

Второй уровень правки включает в себя карандашные исправления рукой Жуковского, сделанные, очевидно, при помощи особой машинки, позволявшей писать вслепую. Исправления эти массированные, но только до ст. 217 первой песни. Далее они встречаются эпизодически, а во второй песни присутствуют только в трех стихах (555, 556, 590). В целом ряде случаев Жуковский, по-видимому, колебался в выборе лучшего варианта перевода: в стих внесена правка карандашом, но текст, написанный чернилами, не зачеркнут (ст. 32, 39, 48, 64, 72, 74, 84, 86, 91, 92, 103, 113, 118, 121, 122, 133, 134, 151, 214, 217, 231, 254, 610 первой песни).

О незавершенности как самого перевода, так и его редактирования свидетельствуют также пропуски отдельных стихов или частей стихов. В частности, не закончены в копии ст. 524 и 595 первой песни и ст. 601, 613 и 646 второй песни, а ст. 661, 662 второй песни вовсе не переведены. Кроме того, большой комплекс стихов предполагался к переработке. В копии они отмечены крестами, сделанными камердинером при зачитывании рукописи Жуковскому перед началом правки (в первой песни — ст. 32, 33, 42, 48, 50, 56, 86, 91, 119, 136, 139, 156, 159, 218, 226, 227, 230—232, 261, 294, 316, 332, 392, 417, 423, 438, 458, 474, 489, 507, 515, 516, 524, 541, 548, 554, 563, 595, 598, 609; во второй песни — ст. 543, 551, 559, 574, 590, 592, 601, 606, 613, 646, 648, 657, 660, 696, 711). В часть из отмеченных стихов были внесены исправления, о степени окончательности которых трудно судить, а часть осталась вовсе без доработки (подчеркнуты выше). В пяти стихах первой песни, отмеченных крестами, помимо того, присутствуют подчеркивания карандашом отдельных слов, вероятно предназначавшихся к замене или изменению: в ст. 392 слово «данную», в ст. 423 — «вчера», в ст. 507 — «подарок», в ст. 541 — «отклонивши», в ст. 554 — «помехи».

Первую публикацию перевода осуществил известный ученый-классик П. М. Леонтьев на страницах издаваемого им университетского сборника «Пропилеи», посвященного античной филологии, истории и культуре (Книга IV. М., 1854. С. 1—32). Источником текста для него выступила авторизованная копия, особенности которой были учтены и переданы по возможности в аутентичном виде. Так, он произвел в примечаниях параллельные варианты перевода, не зачеркнутые Жуковским, сохранил авторские подчеркивания, пропуски слов и не полностью переведенные стихи, пометил астерисками стихи, предназначавшиеся к переработке, а во вступительной заметке оговорил основные сомнительные места в прочтении текста, приведя, в том числе, факсимиле нескольких подобных слов из первой песни (ст. 60 «только», ст. 82 «покуда себя», ст. 83 «ты», ст. 101 «пространнодержавный», ст. 156 «покрытые тенистым лесом», ст. 171 «сберешь, злой обидчик»). В большинстве случаев чтения П. М. Леонтьева адекватны и приняты в настоящем издании (кроме ст. 156, в котором читается «покрытые густо лесами»), как и внесенные им минимальные исправления пропущенных переписчиком слов (например, во второй песни в ст. 592 «Алфей», ст. 606 «ветров», ст. 628 «Филея», ст. 648 «Фесте», ст. 660 «грады», ст. 696 «Деметре») и очевидных опусков.

Тем не менее, в процессе подготовки текста к печати редактор произвел в самой рукописи ряд правок, касающихся формы собственных имен. Они особенно обильны во второй песни и зачастую не разграничивают опуски камердинера и выраже-

ние воли Жуковского. Все подобные исправления отразились, соответственно, и в печатном тексте «Пропилеев». В настоящем издании написание имен собственных проверено по тексту автографа № 2, а также по тексту МИ и О. Также восстановлен по рукописи выпавший по каким-то причинам из текста «Пропилеев» ст. 569 первой песни.

Следующим издателем перевода выступил Д. Н. Блудов, в сотрудничестве с М. А. Корфом, П. А. Плетневым, А. В. Никитенко и Ф. И. Тютчевым готовивший к печати X—XIII тома «Сочинений Василия Жуковского» (СПб., 1857) с неопубликованными произведениями поэта. Текст «Илиады» вошел в том XII. Он готовился по черновому автографу № 2 и не учитывал публикации П. М. Леонтьева. Обилие неокончательных правок Жуковского подтолкнуло Д. Н. Блудова на контаминирующий подход. В результате текст перевода воспроизводился произвольно — частью по исправленным вариантам стихов, частью по первоначальным. В целом ряде случаев редактор сам исправлял неудачные, с его точки зрения, стихи (в первой песни — ст. 122, 132, 149, 156, 160, 177, 217, 232, 236, 275, 297, 521, 524, 591, 593, 595, 598, во второй песни — ст. 641 и 674). Например, ст. 232, имевший у Жуковского итоговый вид «Иначе, думаю, ныне в последний бы раз так обидно...» напечатан следующим образом: «А не то бы ныне в последний уж раз так обидно...».

Возвращение к тексту «Пропилеев» произошло в седьмом издании «Сочинений В. А. Жуковского» (СПб., 1878). П. А. Ефремов впервые объединил в 4 томе перевод «Одиссеи» с началом перевода «Илиады», реализовав мысль автора об их преемственности. Текст перевода был дополнительно сверен по авторизованной копии, а поправки Д. Н. Блудова устранены. Собственные корректуры П. А. Ефремова свелись к изменениям нескольких слов, которые являются описками камердинера. Так, в первой песни в ст. 316 «неприятно-бесплодной» заменено на «неприятно-бесплодной», в ст. 385 «далекогрозящего» — на «далекокоразящего», во второй песни в ст. 538 «Коринф» заменен на «Керинф», а в ст. 631 и 634 «кефалонян» и «Сам» — на «кефалонян» и «Зам». Все эти поправки принимаются и в настоящем издании. Из него, однако, убраны вставки из перевода Н. И. Гнедича в стихах и фрагментах стихов, не переведенных в копии. В издании П. А. Ефремова они были введены в квадратных скобках на месте ст. 524, 569, 595 (I песнь) и ст. 6, 601, 613, 636, 661—662.

Все последующие издания перевода, в том числе советского времени, воспроизводили текст ефремовских «Сочинений В. А. Жуковского».

Песнь первая

Ст. 1. *Гнев нам, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...* — Богиня — муза. См. комментарии к О. (I. 1). Ахиллес (Ахилл), Пелей — см. СМС.

Ст. 2. *...приключивший ахейцам много великих...* — В копии зачеркнутый вариант: «...тмы несказанных». Ахейцы (ахейяне) — одно из основных древнегреческих племен, обитавшее в Фессалии с начала II тыс. до н. э. и на Пелопоннесе. В эпическом языке И. под ахейцами подразумеваются все греки. Параллельно греки называются данайцами и аргивянами, словами так или иначе относящимися к ахейцам. Под аргивянами подразумеваются жители Аргоса, одного из главных городов ахейцев, а данайцы — племя, занимавшее полуостров Пелопоннес, включая и Аргос, до ахейцев.

Ст. 4. *В область Аида...* — Аид — царство мертвых. См. комментарии к О. (кн. II).

Ст. 5. *Птицам и псам, — так свершалась воля Крониона Зевса...* — Подразумевается обещание, данное Зевсом Фетиде, отомстить оскорбление, нанесенное ее сыну Ахиллу царем Агамемноном. Согласно обету троянцы получат временный перевес в войне и нанесут большой урон войску ахейцев. См. ст. 493—530. Античные комментаторы полагали, однако, что под «волей Зевса» имелось в виду обещание, данное верховным богом Гее-Земле «освободить ее от бремени поколения героев» (киклическая поэма «Киприи»). Крон — см. СМС.

Ст. 7. *Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес богоравный.* — Атрид — Агамемнон, сын Атрея (см. СМС), «пастырь народов» — его постоянная характеристика в И.; «богоравный» — постоянный эпитет к имени Ахилла, также как и «быстроногий».

Ст. 9. *Феб, сын Латоны и Зевса. Атридом прогневанный, язву...* — В копии: «Феб, сын Латоны и Зевса; Атридом прогневанный, язву...». Латона (римский вариант имени, в древнегреческом тексте — Лето) — одна из возлюбленных Зевса, мать Аполлона и Артемиды. Феб — Аполлон, бог малоазийского происхождения, вошел в греческий пантеон в послемикенскую эпоху. В И. является защитником Трои, стены которой возвел сам, временно служа троянскому царю как раб. Язва — чумной мор, Аполлон может насылать эпидемические болезни.

Ст. 11. *...Хрисес...* — Хриз (Хрис), жрец храма Аполлона, располагавшегося недалеко от так называемых Гипоплакийских Фив, городе в Троеде у подножия горы Плака. Фивы были взяты отрядом ахейцев под предводительством Ахилла. Дочь Хриса Хрисеида досталась при разделе добычи Агамемнону. См. ст. 365—370.

Ст. 12. *Сыном Атрея обижен. Чтоб выручить дочь из неволи...* — В копии: «Сыном Атрея обижен; чтоб выручить дочь из неволи...».

Ст. 13. *...к кораблям крепкозданным...* — В копии зачеркнутый вариант: «быстро-летным». Лагерь ахейского воинства располагался у побережья, вдоль вытасненных на сушу кораблей. «Крепкозданные» — постоянный эпитет кораблей.

Ст. 14. *Жреческий жезл золотой Аполлоновым лавром обвивши...* — В древнегреческом тексте речь идет о венке из красной шерстяной ленты, надевавшемся на голову статуи Аполлона. Хрис берет ее как знак мольбы. Жезл золотой — отделанный золотом символ жреческого достоинства. Ср. ст. 28.

Ст. 16. *...двух Атридов...* — Агамемнона, вождя ахейского воинства, и его брата Менелая.

Ст. 19. *Город Приамов...* — Троию. Приам — см. комментарии к МИ.

Ст. 21. *...стрелоносно Феба...* — Атрибутом Аполлона является лук, стрелы Аполлона приносят мужчинам внезапную смерть.

Ст. 22. *...восклицием всеобщим решили ахейцы...* — В народном собрании гомеровской эпохи не знали голосования и выражали свое согласие или несогласие криками.

Ст. 30. *...в отдаленном Аргосе...* — Аргос — царство Агамемнона со столицей в Микенах. То же название имел город Аргос, которым правил Диомед.

Ст. 32. *...иль домой ты отсюда...* — В копии незачеркнутый вариант: «иль домой не пойдешь ты...».

Ст. 33. *Цел не пойдешь... Так сказал он; испуганный жрец удалился.* — В копии варианты: а) «...Цел. Он сказал, и испугавшись старик скрылся»; б) «...Цел. Он сказал, и поспешно испуганный жрец удалился»; в) «...Цел не пойдешь. Так сказал

он, поспешно испуганный жрец удалился»; г) «...Цел не пойдешь. Так сказал он; испуганный жрец удалился».

Ст. 34. *Берегом моря широкошумящего молча пошел он...* — В копии варианты: а) «Молча он берегом пошел безумолчно-шумящего моря...»; б) «Молча он берегом пошел неумолчно-шумящего моря...»; в) «Берегом моря широкошумящего пошел он...»; г) «Берегом моря широкошумящего молча пошел он...».

Ст. 35. *Стал вдалеке от судов, сокрушенный, и начал молиться...* — В копии варианты: а) «Так, удалясь от судов, сокрушенный, он начал молиться...»; б) «Стал вдалеке от судов, сокрушенный, он начал молиться...»; г) «Стал вдалеке от судов, сокрушенный, и начал молиться...».

Ст. 37—42. *Бог, облетающий ~ твоими стрелами...* — Являются древнейшей формулой молитвы, включающей в себя призывание бога с обращением по имени или культовому эпитету, перечисление заслуг перед богом и конкретную просьбу.

Ст. 37. *...Хризу и Скиллы...* — Правильно: Хрису и Киллы. Города в Троеде. От названия города Хрисы происходит имя жреца Хриса (Хриза).

Ст. 37—38. *...Скиллы // Светлый предел, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущий...* — В копии варианты: а) «Скиллу, // Светлоблаженный царь Тенедоса, Сминтей всемогущий...»; б) «Скиллу // Светлоблаженную, царь Тенедоса, Сминтей всемогущий...»; в) «Скиллы // Счастливый край, царь Тенедоса, Сминтей всемогущий...»; г) «Скиллы // Светлую область, царь Тенедоса, Сминтей всемогущий...»; д) «Скиллы // Светлый предел, царь Тенедоса, Сминтей всемогущий...»; е) «Скиллы // Светлый предел, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущий...». Тенедос — остров в Эгейском море у берегов Трояды и город на нем. Сминтей (Сминфей) — буквально «мышинный бог», культовое прозвище Аполлона в Троеде как владыки мышей и защитника от них, губителей зерна и распространителей чумы. Этот эпитет предваряет картины распространения эпидемии, вызванной стрелами Аполлона. Античными комментаторами эпитет связывался с мифом о том, как бог освободил от мышей поля в городе Хрисе. По сообщению древнегреческого историка и географа Страбона (География, XII, 1, 48), в этом городе в храме Аполлона — Сминфейоне — стояла изваянная знаменитым скульптором Скопасом статуя бога, попирающего мышей.

Ст. 39—40. *Если тебе я когда угодил, изукрасив священный // Храм твой ...* — В копии варианты: а) «Если когда я тебе угодил, разукрасив священный...»; б) «Если тебе я когда угодил, разукрасив священный...»; в) «Если тебе я когда угодил, изукрасив священный...». В древнегреческом тексте: «покрыв кровлей». Памятники микенского искусства изображают небольшие святилища, которые легко мог покрыть кровлей один человек; нечто вроде навеса над статуей бога, расположенной под открытым небом.

Ст. 40—41. *...коз и быков пред тобою сожгши // Бефра...* — В копии зачеркнутый вариант: «пред тобою сожигая...». Богом в жертву приносились отборные части туши животного (бедрa и куски мяса из других частей тела), завернутые в ломти жира. Боги, чье тело было эфирным, вкушали аромат сжигаемого мяса и жира. Ср. ст. 458—466.

Ст. 45. *...и лук за спиною неся; и ужасно...* — В копии зачеркнутый вариант: «...и лук за плечами имея; и громко...».

Ст. 46. *Стрелы гремели, стуча...* — В копии зачеркнутый вариант: «Стрелы звенели, биясь...».

Ст. 47. *...как черная ночь подходил он.* — В копии зачеркнутый вариант: «...он шествовал, ночи подобен».

Ст. 48. *Сев на виду кораблей, он пустил неизбежные стрелы...* — В копии незачеркнутые варианты: а) «Сев на виду кораблей, он пустил неизбежные стрелы...»; б) «Сев перед судами данаев, он стрелы неизбежные рушит...»; в) «Сев на виду кораблей, он испустил стрелы из лука»; г) «Сев на виду кораблей, он выпустил стрелы из лука»; д) «Сев на виду кораблей, выпустил стрелы из лука».

Ст. 49. *Страшно серебряный лук зазвучал...* — В копии незачеркнутый вариант: «(1 сл. нрзб.) серебряный лук зазвучал...».

Ст. 50. *...он стрелял, напоследок...* — В копии варианты: а) «...поражал он, но скоро...»; б) «...убивал он, но скоро...»; в) «...он стрелял, напоследок...».

Ст. 52. *...бесчисленны трупов костры пламенели...* — В копии зачеркнутый вариант: «...трупы в кострах пламенели...». В гомеровскую эпоху сожжение трупов было основной формой погребения, в И. и О. упоминается только этот вариант захоронения, хотя практиковалось и погребение в земле.

Ст. 53. *Десять уж дней облетала погибель весь стан, на десятый...* — В копии зачеркнутый вариант: «Десять уж дней облетали весь стан смертоносные стрелы...». Формула, обозначающая у Гомера неопределенный промежуток времени.

Ст. 54. *Созвал Пелид Ахиллес на собрание все войско ахеян.* — В копии зачеркнутый вариант: «Сын Пелесев в десятый созвал на собрание все войско». В греческом войске любой из царей имел право объявить военный совет.

Ст. 55. *Мысли его обратила на то светлорукая Ира...* — В копии зачеркнутый вариант: «Ира к тому светлорукая в нем возбудила желанье...». В И. Гера, также как Афина, выступает противницей троянцев. В «Киприях» это объяснялось ненавистью богинь к троянскому царевичу Парису, вручившему т. н. «яблоко раздора» с надписью «Прекраснейшей» Афродите, их сопернице. Гера — см. СМИ, «светлорукая» — постоянный эпитет богини, буквально: «с белыми локтями, руками».

Ст. 56. *В страхе богиня была, погибающих видя аргивян.* — В копии зачеркнутый вариант: «В страх привела богиню погибель аргивян. Когда...». Жители Аргоса, одного из центров микенского государства (см. комментарий к ст. 569—580 второй песни И.), представляют здесь все ахейское войско. Вероятно, это связано с рудиментами микенской культуры Матери-Земли, перенесенными на образ Геры.

Ст. 58. *Первый, поднявшись, так им сказал Ахиллес быстроногий...* — В копии зачеркнутый вариант: «Первый, поднявшись, тогда им сказал Ахиллес быстроногий...».

Ст. 60. *В дома свои возвратиться, ежели только удастся...* — В копии зачеркнутые варианты: а) «В землю свою возвратиться, если кому здесь удастся...»; б) «В дома свои возвратиться, если когда нам удастся...».

Ст. 61. *Смерти кому избежать; нас война и чума совокупно...* — В копии зачеркнутый вариант: «Смерти избегнуть, война и чума совокупно нас губят...».

Ст. 62. *Губят: спросить надлежит нам пророка, жреца иль какого...* — В копии варианты: а) «Спросим скорей прорицателя, или жреца, иль какого...»; б) «Губят. Спросить поспешим прорицателя, или жреца, иль какого...»; в) «Губят. Спросить надлежит нам пророка, или жреца, иль какого...»; г) «Губят: спросить надлежит нам пророка, жреца иль какого...». Гадатели, чаще всего по полету птиц, всегда сопровождали греческие войска и в послегомеровскую эпоху. От их предсказаний зависели важнейшие решения.

Ст. 64. *Пусть истолкует он...* — В копии незачеркнутый вариант: «Пусть нам откроет он...».

Ст. 65. *...экатомбу...* — Гекатомба — «стотельчая жертва», жертва из ста животных (быков, коз, баранов).

Ст. 67. ...*чтоб от нас отклонилась зараза?* — В копии зачеркнутый вариант: «...чтоб от нас удалилась зараза?».

Ст. 69. ...*Кальхас Гесторид...* — Правильно: Кальхас Фесторид. Главный предсказатель ахейцев под Троей. Жил в Микенах, по преданию обрел дар провидения в Дельфах от Аполлона. Фесторид — сын Фестора, также предсказателя и участника похода аргонавтов.

Ст. 70. *Ведал он все настоящее; ведал, что было, что будет...* — То есть обладал всеведением, характерная формула универсального знания у Гомера.

Ст. 72. *Он управлял и судами данаев, плывущими в Троию.* — В копии варианты: а) «Он на пути в Илион управлял кораблями данаев» (зачеркнуто); б) «Он управлял и судами данаев, плывущими в Троию» (правка чернилами, не зачеркнуто); в) «Он управлял и судами данаев в их плытии к Трое» (правка карандашом, не зачеркнуто).

Ст. 74. *Ведашь желаеть...* — В копии незачеркнутый вариант: «Знать ты желаеть...».

Ст. 77. *Мне, что и словом и делом меня защитишь, поелику...* — В копии зачеркнутый вариант: а) «Мне, что и словом меня и рукой защитишь, поелику...»

Ст. 81. *Если сперва и воздержит он гнев свой, то памятным сердцем...* — В копии варианты: а) «Если на первой поре и воздержит он гнев свой, то сердцем...»; б) «Если сперва и воздержит он гнев свой, то памятным сердцем...».

Ст. 82. *Будет досадовать тайно, покуда себя не насытит...* — В копии варианты: а) «Будет досадовать тайно до тех пор, пока не насытит...»; б) «Будет досадовать тайно, покуда себя не насытит...».

Ст. 83. *Мщеньем. Размысли, ты можешь иль нет даровать мне защиту?..* — В копии варианты: а) «Мщеньем его — рассуди ж, ты можешь ли дать мне защиту?»; б) «Мщеньем. Размысли, ты можешь иль нет даровать мне защиту?».

Ст. 84. *Вещему старцу отвечивал так Ахиллес быстроногий...* — В копии незачеркнутый вариант: «Так Ахиллес быстроногий сказал, отвечая Кальхасу...».

Ст. 86. ...*ему же всегда ты...* — В копии зачеркнутый вариант: «...ему же, Кальхас, ты...».

Ст. 91. ...*тобой обвинен был...* — В копии зачеркнутый вариант: «...был назван тобою...».

Ст. 92. *Тут, ободренный, сказал Ахиллесу Кальхас прорицатель...* — В копии варианты: а) «Так, ободренный, сказал пред собранием Кальхас прорицатель...» (зачеркнуто); б) «Так, ободренный, сказал тут Пелиду Кальхас прорицатель...» (не зачеркнуто, чернилами); в) «Тут, ободренный, сказал Ахиллесу Кальхас прорицатель» (карандашом).

Ст. 101. *Так говорил он; и быстро поднялся пространодержавный...* — В копии зачеркнутый вариант: «Так говорил он; поспешно тогда поднялся многославный...».

Ст. 103. *Гневом проицинутый...* — В копии незачеркнутый вариант: «Горько разгневанный...».

Ст. 103—104. ...*сердце его преисполнено было // Черною злобой...* — В оригинале говорится о грудобрюшной преграде (диафрагме), которую греки считали средоточием эмоций. У Жуковского источником эмоций становится сердце.

Ст. 106—107. *О злоещатель!.. ~ ни разу...* — Здесь Агамемнон, очевидно, вспоминает о прорицании Кальхаса в Авлиде, требовавшем в жертву богам Ифигению, дочь Агамемнона.

Ст. 112. *Выкуп; но я несказанно желаю прекрасную деву...* — В копии зачеркнутый вариант: «Выкуп богатый; но я несказанно желаю прекрасную деву...».

Ст. 113. *В дом свой увести: мне она и самой Клитемнестры супруги...* — В копии варианты: а) «В дом свой увести: мне она и законной жены...» (зачеркнуто); б) «В дом свой увести: мне она и самой Клитемнестры супруги...» (не зачеркнуто, чернилами); в) «В дом увести мой: она и жены мне моей, Клитемнестеры супруги» (зачеркнуто, карандашом); г) «В дом увести мой: она мне милее супруги» (не зачеркнуто, карандашом).

Ст. 114. *Стала милее, понеже ее превосходит высоким...* — В копии варианты: а) «Стала милее, понеже ее превосходит высоким...» (не зачеркнуто, чернилами); б) «Стала, понеже ее превосходит высоким и статным» (не зачеркнуто, карандашом).

Ст. 118. *Только от вас за убыток я должен иметь воздаянье.* — В копии варианты: а) «Но за убыток меня надлежит наградить вам подарком...»; б) «Но за убыток от вас надлежит мне иметь воздаянье» (чернилами, не зачеркнуто); в) «Только от вас за убыток я должен иметь воздаянье» (карандашом).

Ст. 119. *Мне ль одному без возмездия быть? Неприлично, то все вы...* — В копии варианты: а) «Мне ль одному одаренным не быть? Неприлично, и сами...»; б) «Мне ль одному без возмездия быть? Неприлично, и сами...»; в) «Мне ль одному без возмездия быть? Неприлично, то все вы...».

Ст. 120. *Видите сами...* — В копии варианты: а) «Видите вы...»; б) «Видите все...»; в) «Видите сами...».

Ст. 120. *...даф мой почетный...* — Особая доля, выделявшаяся царю до общего дележа добычи между воинами. Являлась своеобразным признанием особых заслуг, поэтому потеря подобного дара означала бесчестье, потерю статуса вождя и героя. В этом причина гнева Агамемнона, а затем и Ахилла.

Ст. 121. *Тут, возражая...* — В копии незачеркнутый вариант: «Так, возражая...»

Ст. 122. *...ненасытный копитель корыстей...* — В копии незачеркнутый вариант: «...ненасытно корыстолюбивый...».

Ст. 124. *Разве имеют в запасе какое богатство данай?..* — В копии варианты: а) «Разве имеют в запасе так много сокровищ данай?»; б) «Разве имеют данай какое богатство в запасе?»; в) «Разве имеют в запасе какое богатство данай?».

Ст. 127. *...Отдай ты...* — В копии зачеркнутый вариант: «...Отдай же...».

Ст. 128. *...воздаянье, когда нам...* — В копии зачеркнутый вариант: «...воздаяние, если...».

Ст. 129. *Град Илион крепкостенный Кронион разрушить позволит...* — В копии варианты: а) «Град Илион крепкостенный Зевес покорить нам позволит»; б) «Град Илион крепкостенный Кронион разрушить позволит». «Крепкостенная» — постоянный эпитет Трои.

Ст. 133. *...сам награжденный богато...* — В копии незачеркнутый вариант: «...сам одаренный богами...».

Ст. 134. *...без награды...* — В копии незачеркнутый вариант: «...без подарка...»

Ст. 138. *...иль Аяксово, или на часть Одиссею...* — Аякс, Одиссей — см. СМИ.

Ст. 141. *...черный корабль... стустим...* — Черный — постоянный эпитет корабля у Гомера. Греки по возможности вытаскивали корабли на берег до нового плавания.

Ст. 145. *Идоменей, иль Аякс...* — Идоменей — царь Крита, внук Миноса. Аякс — здесь Аякс Теламонид, сын царя Саламина (см. СМИ).

Ст. 151. *Если пошлешь иль в сраженье, иль в трудный поход за добычей?..* — В копии варианты: а) «Если велишь иль в сраженье идти иль в поход за добычей?»; б) «Если

велишь иль в сраженье идти или в трудный поход за добычей?»; в) «Если пошлешь иль в сраженье, иль в трудный поход за добычей?».

Ст. 154—155. ...*ли кони мои, ни быки своевольно // Схвачены...* — Скот — мера богатства и процветания, поэтому угон скота практиковался царями и предводителями грабительских отрядов, что часто было причиной межплеменных войн в Древней Греции.

Ст. 156. *Фтии моей не топтали: покрытые густо лесами...* — В копии варианты: а) «Фтии моей не топтали, лесистые горы и воды»; б) «Фтии моей не топтали, высоколесистые горы и воды...»; в) «Фтии моей не топтали: покрытые густо лесами...». Фтия — находилась в Фессалии, на реке Сперхее. Мифологическая родина Ахиллеса, царство Пелея (см. также комментарий к ст. 681—694 второй песни И.).

Ст. 157. *Горы и море пространно-шумящее нас разлучают.* — В копии варианты: а) «Море пространно-шумящее наши края разлучают»; б) «Горы и море пространно-шумящее нас разлучают».

Ст. 159. ...*собачьи глаза...* — У греков собака — образец бесстыдства.

Ст. 161. *Ныне ж и взять у меня мой участок добычи грозишься...* — В копии варианты: а) «Ныне ж грозишь ты отнять у меня мой участок добычи...»; б) «Ныне ж и взять у меня мой участок добычи грозишься...».

Ст. 163. *Здесь не бывало таких, как твои, мне участков, когда нам...* — В копии варианты: а) «Здесь не бывает подобных твоим мне участков, когда нам...»; б) «Здесь не бывало таких, как твои, мне участков, когда нам...».

Ст. 165. *Бремя тревог утомительно шумного боя лежало...* — В копии варианты: а) «Тяжкое бремя тревог утомительно шумного боя...»; б) «Бремя тревог утомительно шумного боя лежало...».

Ст. 170. *Время домой отвести корабли крутоносые. Ты же...* — В копии варианты: а) «Лучше домой мне отвести корабли крутоносые. Ты же...»; б) «Время домой отвести корабли крутоносые. Ты же...».

Ст. 171. *Здесь без меня ни добыч, ни богатств не сберешь, злой обидчик...* — В копии варианты: а) «Здесь, оскорбивши меня, ни добыч, ни богатства не скопишь»; б) «Здесь без меня ни добыч, ни богатств не сберешь, мой обидчик»; в) «Здесь без меня ни добыч, ни богатств не сберешь, злой обидчик».

Ст. 183. *В собственном я корабле...* — В копии зачеркнутый вариант: «В собственных я кораблях...».

Ст. 184. ...*из шатра твоего Бризеиду...* — Дочь царя лелегов Бриза (Брисея), супруга Минеса. После гибели мужа стала пленницей Ахилла.

Ст. 188. ...*Закитело в косматой груди Ахиллеса...* — Волосатая грудь считалась грехами признаком гневливости человека.

Ст. 189. ...*меж двух волновался он, сильно озлобленный, мыслей...* — Выражение, повторяющееся у Гомера, обозначающее выбор между двумя возможными способами действий.

Ст. 194. *Выхватив меч из ножен...* — В копии зачеркнутый вариант: «Меч выхватив из ножен...».

Ст. 198. ...*ему лишь открывшись, незримая прочим.* — Гомеровские боги обычно открывают себя лишь избранным, тем, кому предназначено их обращение.

Ст. 201. ...*бросил крылатое слово...* — Стандартная формула, открывающая прямую речь. Буквально переводится «оперенные», отсюда двойной смысл метафоры: не только «слово-птица», но и «слово-стрела».

Ст. 202. ...*потрясателя грозной эгиды...* — Зевса. Атрибутом его являлась Эгида — щит с головой Горгоны Медузы, внушающей необоримый страх. Впоследствии, следуя народной этимологии, это слово стали ассоциировать с козьей шкурой (от греч. «aix» — «козел»), которой был обтянут этот щит (согласно мифу, это шкура божественной козы Амалфеи). У позднейших мифографов Эгида — чудовище, из шкуры которого был сделан щит Зевса.

Ст. 206. *Так отвечала Афина богиня лазурные очи...* — В копии зачеркнутый вариант: «Так отвечая, сказала богиня лазурные очи...». Постоянный эпитет Афины в переводе Жуковского. В древнегреческом тексте имеет значение «светлоокая», «с блестящими глазами». Впоследствии эпитет переосмыслился как «совоокая», ассоциируясь с блестящими глазами совы, культового животного богини.

Ст. 211. *Можешь с ним ратовать, сколько душа пожелает. Тебе же...* — В копии: «Можешь с ним ратовать, сколько душа пожелает; тебе же...».

Ст. 212—214. *Я предскажу... ~ будь нам покорен....* — Предсказание Афины предвосхищает дальнейшее действие: просьбу Ахилла к Фетиде о помощи Зевса, который должен дать троянцам перевес в сражении.

Ст. 212. *Я предскажу, и мое предсказанье исполнится верно...* — В копии зачеркнутый вариант: «Я предскажу, и мое предсказанье свершится наверно...».

Ст. 214. ...*теперь усмирися...* — В копии не зачеркнутый вариант: «теперь успокойся...».

Ст. 217. ...*то будет, конечно, полезней...* — В копии варианты: а) «но, конечно, ж полезнее будет...»; б) «то, конечно, полезнее будет...»; в) «то будет, конечно, полезней...».

Ст. 225. ...*сердце олень...* — У греков олень — символ трусости.

Ст. 226. *В панцирь облекшись, воинства в бой не водил, ни однажды...* — В копии варианты: а) «В панцирь облекшись, дружин не водил на сраженье ни разу...»; б) «В панцирь облекшись, воинства в бой не водил, ни однажды...».

Ст. 227. *С первыми вместе вожжами в засаду засев, не решился...* — В копии варианты: а) «С первыми вместе из наших вождей (пропущенное слово) в засаду...»; б) «С первыми вместе вожжами в засаду засев, не решился...».

Ст. 228. *Выждать врага — ты в сраженье лишь смерть неизбежную видел.* — В копии варианты: а) «Сесть и врагов выждать — в том погибель ты верную видел»; б) «Выждать врага — ты в сраженье лишь смерть неизбежную видел».

Ст. 229. *Легче, конечно, бродя по широкому стану ахейн...* — В копии незачеркнутый варианты: а) «Правда, гораздо вернее, бродя по ахейскому стану...»; б) «Легче, конечно, бродя по широкому стану ахейн...».

Ст. 230. *Силой добычи у тех отымать...* — В копии зачеркнутый вариант: «Дар заслуженный у тех отнимать...».

Ст. 231. *Царь-душегубец, ты, видно, не смелых людей повелитель...* — В копии незачеркнутые варианты: а) «Царь, поглотитель народа, ничтожный людей ты владыка...»; б) «Видно, ты, царь-душегубец, не смелых людей повелитель...»; в) «Царь-душегубец, ты, видно, не смелых людей повелитель...».

Ст. 232. *Иначе, думаю, ныне в последний бы раз так обидно...* — В копии варианты: а) «Иначе ныне, Атрид, ты в последний бы раз так обидно...»; б) «Иначе, думаю, ныне в последний бы раз так обидно...».

Ст. 233—244. *Здесь говорил ~ лучшего между ахейн обидел...* — Слова Ахилла — отклик на заверения Афины в поддержке (ст. 212—214), герой уже наметил план мести Агамемнону.

Ст. 233—234. ...*священным клянуся // Этим жезлом...* — Жезл в руках Ахилла — скипетр, который передавался глашатаем оратору, выступающему в данный момент перед народным собранием.

Ст. 237—239. ...*его скиптроносцы, владыки ахеян ~ Зевсов порядок.* — Скипетр во время разбирательств держали в руках судьи, опирающиеся в своих решениях на нормы религиозно санкционированного права (Зевсовы уставы).

Ст. 237. ...*его скиптроносцы, владыки ахеян...* — В копии зачеркнутый вариант: «его скиптроносные мужи ахеян...».

Ст. 242. ...*людей истребителя Гектора...* — В И. постоянный эпитет Гектора (см. СМИ).

Ст. 248. ...*витязь пиллийский...* — В копии: «пиллийский витязь...». Точнее «пилосский». Нестор был царем Пилоса — города на западном побережье Пелопонесса (см. СМИ).

Ст. 250. ...*два колена людей...* — Античные комментаторы на основании этих строк заключали, что Нестору 60 лет. Существовала, однако, поэтическая традиция видеть в Несторе патриарха, прожившего уже более ста лет.

Ст. 254. *Горе нам! злая печаль всю Ахейскую землю обьет...* — В копии варианты: а) «Горе нам! злая обьет печаль всю Ахейскую землю...»; б) «Горе нам! злая печаль всю Ахейскую землю обьет...» (чернилами); в) «Горе нам! злая беда наступает, печаль всю Ахейскую землю обьет...» (карандашом).

Ст. 263—264. *Славным любимцам богов ~ Полифему...* — Перечисляются предводители лапифов, фессалийского племени, вступившего в борьбу с народом кентавров, полудедей-полуконей, и одержавшего победу (ср. О. XXI, 295—304). Битва кентавров и лапифов — разгоревшаяся после ссоры на свадебном пиру Пирифоя, сына Иксиона, — распространенный сюжет античного искусства, в И., однако, предлагается нетрадиционная версия, подразумевающая не одну битву, а ряд сражений, войну. Дриас — сын Ареса, участник охоты на каледонского вепря; Кеней — по легенде, был превращен богами из женщины в мужчину, убит кентаврами на свадьбе; Полифем — шурин Геракла, сопровождал его во время похода аргонавтов.

Ст. 263. ...*Пиритюю ...* — Правильно: Пирифою.

Ст. 265. ...*Тезею, Эгеву богоподобному сыну...* — Тесей — афинский царь, друг Пирифоя. Их дружба стала символом в античной традиции, подобно дружбе Кастора и Поллукса, Ахилла и Патрокла. Эгей — легендарный царь Афин (см. СМИ).

Ст. 268. *Страшных кентавров они на горах истребили. В то время...* — В копии варианты: а) «Страшных кентавров на горных вершинах они истребили...»; б) «Страшных кентавров они на горах истребили. В то время...».

Ст. 271—272. ...*никто б из живущих ~ с ними бороться.* — По гомеровскому предположению, каждое новое поколение героев слабее предыдущего.

Ст. 280. *Если, рожденный богиней, ты в дар получил при рождении...* — В копии варианты: а) «Если, рожденный богиней, в дар получил при рождении...»; б) «Если, рожденный богиней, ты в дар получил при рождении...». Фетидой, морской богиней, дочерью «морского старца» Нерея (см. ст. 358).

Ст. 286. *Старец! ты правду сказал, и разумен совет твой; но этот...* — В копии варианты: а) «Старец, ты правду сказал, и рассуден совет твой; но этот...»; б) «Старец, ты правду сказал, и разумен совет твой; но этот...».

Ст. 306—307. ...*Патроклом // Сыном Менетия...* — Патрокл — сын Менетия из Опунта, нашедшего прибежище у Пелея, отца Ахилла, и, по разным версиям, счи-

тавшегося либо сводным братом деда Ахилла, Эака, либо братом Пелея; Патрокл с раннего детства воспитывался вместе с Ахиллом, был его другом и наперстником. См. СМИ.

Ст. 307. ...*друзья мирмидоны*. — Воины из Фтии, царем которой является Ахилл.

Ст. 312. ...*в путь устремилися влажный*. — Отплыли в море.

Ст. 313. ...*повелел очищаться ахейнам*... — Подразумеваются религиозные церемонии подготовки к жертве, в том числе омовения.

Ст. 314. ...*все нечистое бросили в море*. — Сменили одежду, что могло иметь и гигиеническое значение после эпидемии.

Ст. 316. ...*неприятно-бесплодной пучины*... — В копии: «неприятно-бесплодной пучины». В автографе № 2: «неприятно-бесплодной пучины». Точное значение эпитета моря «бесплодное» было забыто уже греками послегомеровской эпохи. Возможно, эпитет означал «беспредельное, бесконечное».

Ст. 318. *Так очищалась рать. Той порою Атрид Агамемнон*... — В копии варианты: а) «Тою порою, как рать очищалась, Атрид Агамемнон...»; б) «Так очищалась рать. Той порою Атрид Агамемнон...».

Ст. 320. ...*Талфибием* ... — Правильно: Талфибием.

Ст. 331. *Полные страха, глашатаи в смутном молчанье*... — В копии варианты: а) «Полные страха, глашатаи в полном смущенье...»; б) «Полные страха, глашатаи в смутном молчанье...».

Ст. 332. *Оба стояли, к нему обратит не дерзая вопроса*. — В копии варианты: а) «Оба молчанья храня, говорить и спросить ни о чем не дерзая»; б) «Оба стояли, его ни о чем вопросить не дерзая»; в) «Оба стояли и вопросить ни о чем не дерзая» (не зачеркнуто); г) «Оба стояли, к нему обратит не дерзая вопроса».

Ст. 333. *Он же, их робким смятеньем растроганный, кротко сказал им*... — В копии варианты: а) «Он же, видя смятение их, в сердце растроганный кротко сказал им...»; б) «Он же, их робким смятеньем растроганный, кротко сказал им...».

Ст. 334—335. ...*глашатаи, воли людей и бессмертных* // *Вестники*... — Глашатаи находились под особым покровительством богов и были неприкосновенными.

Ст. 344. *Бьющихся близ кораблей крепкозданных, защиты лишая*... — В копии варианты: а) «Бьющихся подле своих кораблей, обороны лишая»; б) «Бьющихся близ кораблей крепкозданных, защиты лишая».

Ст. 348. *Оба. За ними ж она с отвращеньем пошла. И, заплакав*... — В копии варианты: а) «Оба. За ними она с отвращеньем пошла. И, заплакав...»; б) «Оба. За ними ж она с отвращеньем пошла. И, заплакав...». Брисеида привязалась к Ахиллу и даже надеялась, что он сделает ее законной женой (см. И., XIX, 297—299).

Ст. 351. *Руки он поднял и, милую мать призывая, воскликнул*... — В копии варианты: а) «Руки он поднял, и к матери милой с мольбой обратился...»; б) «Руки он поднял и, милую мать призывая, воскликнул...».

Ст. 352—354. *Милая мать ~ какая мне слава?..* — Ахиллу суждена богами смерть в молодом возрасте, если он отправится на Троянскую войну. Зная об этом, герой стремиться к великой славе, отвергая долгую бесславную жизнь, как в песне IX И. (ст. 411—416).

Ст. 358. *Мать в глубине неиспытанной моря, в жилище Нерей*. — В копии варианты: а) «Мать в жилище Нереевом, в бездне глубокого моря»; б) «Мать в глубине неиспытанной моря, в жилище Нерей». Через некоторое время после рождения Ахилла Фетида покинула мужа Пелея и вернулась к своему отцу, морскому богу Нерее.

Ст. 365—412. *Ведаешь все ты сама ~ лучшего между ахеян обидел...* — Ахил считает себя вправе не только самовольно прекратить участие в битвах, но и просить богов о даровании победы врагу, и все это из-за ссоры с верховным предводителем Агамемноном. Подобное поведение есть проявление т. н. «героической этики», свойственной гомеровскому эпосу: действия героев не оцениваются с точки зрения морали, главный критерий — доблесть и боевая мощь.

Ст. 365—392. *Ведаешь все ты сама ~ данную мне от ахеян.* — Данный фрагмент содержит пересказ предыдущих событий, что позволяло комментаторам считать его позднейшей вставкой. Подобные повторы, однако, являются характерной чертой эпической поэтики, в том числе в эпосе других народов мира.

Ст. 366. *Град Этеонов священный...* — Этион — царь Гипоплакийских Фив, отец Андромахи, супруги Гектора. Был убит Ахиллом при взятии города вместе с семьей его сыновьями. Священный — постоянный эпитет городов у Гомера.

Ст. 367. *Град истребив, мы сюда возвратились с великой добычей...* — В копии варианты: а) «Град опрокинув сюда мы пришли с многоценной добычей...»; б) «Град истребив, мы сюда возвратились с великой добычей...».

Ст. 370. *Дочь молодая Хризеса, жреца Аполлонова. Тяжким...* — В копии варианты: а) «Дочь Хризеса, жреца Аполлонова. Сокрушенный печалью...»; б) «Дочь молодая Хризеса, жреца Аполлонова. Тяжким...».

Ст. 371. *Горем крушимый, чтоб выручить милую дочь из неволи...* — В копии варианты: а) «Горем крушимый, чтоб выручить милую дочь из тяжелого рабства...»; б) «Горем крушимый, чтоб выручить милую дочь из неволи...».

Ст. 372. *...кораблям крепкозданным...* — В копии зачеркнутый вариант: «кораблям быстролетным...».

Ст. 379. *Старца моленье отверг он, жестокое слово примолвив.* — В копии варианты: а) «Старца моленье отверг он жестоко-ругательным словом.»; б) «Старца моленье, жестокое слово примолвив, отверг он»; в) «Старца моленье отверг он, жестокое слово примолвив».

Ст. 381. *Жалобный голос им многолюбимого старца услышал...* — В копии варианты: а) «Жалобы старца услышал; его ж он любил постоянно...»; б) «Жалобный голос им многолюбимого старца услышал...».

Ст. 382. *Злую стрелу истребленья послал он, и начали гибнуть...* — В копии варианты: а) «Злую стрелу послал он, и гибли толпа за толпою...»; б) «Злую стрелу истребленья послал он, и начали гибнуть...».

Ст. 387. *...стремительно встав, он грозил мне...* — В копии зачеркнутый вариант: «стремительно встав, и грозил мне...».

Ст. 388. *Яростным словом: и ныне его совершилась угроза.* — В копии варианты: а) «Яростным словом: угроза его совершилась ныне ж...»; б) «Яростным словом: и ныне его совершилась угроза».

Ст. 390. *Деву, ахейцы с дарами царю Аполлону. И были...* — В копии варианты: а) «Деву, ахейцы с дарами царю Аполлону. И ныне ж...»; б) «Деву, ахейцы с дарами царю Аполлону. И были...».

Ст. 391. *Присланы два уж глашатая в царский шатер мой Атридом...* — В копии варианты: а) «Присланы были в шатер мой два от Атрида глашатая ...»; б) «Присланы два уж глашатая в царский шатер мой Атридом...».

Ст. 397—406. *Слышал, как Зевс ~ связать не посмели Зевеса.* — Заговор богов против Зевса, очевидно, был описан в догомеровской эпической песне, но роль Фети-

ды, по-видимому, является новшеством, призванным мотивировать особую благосклонность к ней Зевса и готовность пойти навстречу просьбе.

Ст. 399—400. ...*Афина Паллада, // Ира и бог Посидон замышляли связать Громононца...* — В копии варианты: а) «Ира и бог Посидон замышляли его, Громононца...»; б) «Ира и бог Посидон замышляли связать Громононца...». Гера, Посейдон и Афина были врагами троянцев, поэтому упоминание об их мятеже могло помочь Фетиде уговорить Зевса на временную помощь Трое.

Ст. 401. *В помощь к нему ты, богиня, пришла, и от срама избавлен...* — В копии варианты: а) «Силой связать; ты, богиня, пришла, и от срама избавлен...»; б) «В помощь к нему ты, богиня, пришла, и от срама избавлен...».

Ст. 402—403. ...*звали // Боги его Бриареем, он слыл у людей Эгеоном.* — Упоминания о двояких названиях лиц и предметов — одно на языке богов, а другое на языке людей — встречаются у Гомера неоднократно, что имеет параллели в иных индоевропейских поэтических текстах. В рамках этой оппозиции «божественное» имя описательно и потому прозрачно (так, Бриарей значит «крепкосильный»), а «человеческое» — неясно по происхождению и смыслу. Бриарей — сын Урана и Геи, зять Посейдона, один из сторуких великанов (гекатонхейров), помогает Зевсу во многих сложных ситуациях, например в борьбе с титанами (см. «Теогонию» Гесиода).

Ст. 404—405. ...*и отца своего превзошедший великой // Силою...* — Античные комментаторы, в отличие от Гесиода, считали Бриарей-Эгеона сыном Посейдона.

Ст. 409. *Помощь, чтоб к морю они оттеснили ахеян, чтоб, гибель...* — В копии варианты: а) «Помощь, чтоб к морю они оттеснили ахеян, чтоб видели...»; б) «Помощь, чтоб к морю они оттеснили ахеян, чтоб, гибель...».

Ст. 410. *Видя, ахейцы своим похвалились царем, чтоб и сам он...* — В копии варианты: а) «Гибель, ахейцы своим похвалились царем, чтоб и сам он...»; б) «Видя, ахейцы своим похвалились царем, чтоб и сам он...».

Ст. 412. *Горько постигнул, что лучшего между ахеян обидел...* — Подразумевается, что Агамемнон во время ссоры с Ахиллом находился в состоянии аты, безумного и преступного ослепления. Подробнее разъяснит свое поведение сам Агамемнон в XIX песне (ст. 85—138), раскаиваясь в совершенном и примиряясь с Ахиллом.

Ст. 419. *С этую жалобой к молниелюбцу Зевесу отсюда...* — В копии варианты: а) «С этую жалобой к молниелюбцу Зевесу теперь же отсюда...»; б) «С этую жалобой к молниелюбцу Зевесу отсюда...».

Ст. 423. ...*на поток Океан к эфиопам... беспорочным...* — В гомеровских поэмах Океан — река, окружающая Землю, которую греки представляли себе плоской и круглой. Океан, таким образом, граница мира. Эфиопы — племя праведных и блаженных чернокожих людей, живущих у края света. Их посещают боги, участвуя в совместных пиршествах, как во времена «золотого века». В этом образе отразилось знакомство греков уже в микенскую эпоху с негритянскими народами Африки.

Ст. 426. ...*в дом меднокованный...* — Эпитет дворца Зевса, по-видимому отразивший воспоминания о бронзовых украшениях микенской эпохи (ср. также описание дворца царя феаков Алкиноя в О. (XIII, 4).

Ст. 437. ...*волной орошаемый берег.* — В копии зачеркнутый вариант: «волной бросаемый берег...».

Ст. 441. *Сам ее отдал руками отцу и сказал, отдавая...* — В копии варианты: а) «Отдал ее сам руками отцу и сказал, отдавая...»; б) «Сам ее отдал руками отцу и сказал, отдавая...».

Ст. 444. *В дар за ахейн, чтоб гнев укротился великого бога...* — В копии варианты: а) «В дар за ахейн, чтоб гнев укротился великого бога...»; б) «В дар за ахейн, чтоб бога великого гнев укротился ...»; в) «В дар за ахейн, чтоб гнев укротился великого бога...».

Ст. 447—448. *...По порядку потом экатомбой // Фебов высокий алтарь окружили ахейцы...* — Выстроили жертвенных животных перед алтарем-жертвенником.

Ст. 449. *...горсти наполнили жертвенным чистым ячменем...* — Ячменем, смешанным с солью, посыпали голову жертвенных животных (см. ст. 458).

Ст. 452. *Светлый предел, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущий...* — Приводится по исправленному автором идентичному ст. 38. В копии: «Светлоблаженный царь Тенедоса, Сминтей всемогущий...».

Ст. 459. *Шеи загнули назад...* — Так поступали при жертвоприношении олимпийским богам, при жертве богам подземным голову животного наклоняли.

Ст. 464. *...сладкой утробы вкусив...* — При жертвоприношении сжигалась лишь незначительная часть туши, символизировавшая собой целое животное. Остальное мясо ели участники жертвоприношения, поскольку, по представлениям греков, само оно есть совместный пир людей и богов. Предварительная проба внутренностей животного (сердца, печени и т. п.) входила в ритуал жертвенного пира.

Ст. 471. *...по обычаю справа начавши.* — Правая сторона считалась у греков счастливой. Данная формула — один из устойчивых компонентов стиля гомеровских поэм.

Ст. 473. *...пан...* — Ритуальный гимн Аполлону.

Ст. 477. *Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос...* — Устойчивая словесная формула, начинающая у Гомера рассказ о событиях следующего дня. Эос — см. СМИ.

Ст. 488—489. *...сидел, продолжая // Гнев свой питать, Ахиллес...* — Гомер в духе эпической поэтики ничего не говорит о поведении Ахилла в течение периода времени, когда ахейцы отвозили Хрисеиду. Действие прерывается и возобновляется с последней ситуации.

Ст. 500—501. *Сев близ него ~ подбородок...* — Прикосновение к коленям и подбородку у греков — ритуальный жест, выражающий мольбу.

Ст. 503. *...отец...* — Древняя форма обращения к Зевсу как к главе патриархальной семьи богов.

Ст. 521. *Вздорит она, утверждая, что я за троян вступаюсь.* — См. комментарий к ст. 55.

Ст. 524. *Слово свое головы мановеньем...* — В копии стих не окончен. В автографе № 2 варианты: а) Если (1 сл. нрзб.) подтвержу тебе головы мановеньем; б) Слово свое мановеньем главы утвердил я.

Ст. 525—527. *Знаменья это ~ головы мановеньем...* — Кивок головой Зевса заменяет клятву. Прочие боги клянутся водами Стикса.

Ст. 529. *Благоуханные кудри волос...* — Гомер здесь говорит о «божественных волосах».

Ст. 538. *...среброногая...* — Эпитет Фетиды, очевидно связанный с ее «морской» природой.

Ст. 548. *Прежде тебя не услышит о том...* — В копии зачеркнутый вариант: а) «Прежде тебя не узнает о том...»

Ст. 551. *Ира-богиня воловьих глаза...* — Постоянный эпитет Геры в переводе Жуковского. У Гомера — «волоокая». Эпитет связан с тотемным происхождением богини, ритуальным животным Геры являлась корова.

Ст. 555. *Но я тревожуся, мысля теперь, что тебя обольстила...* — В копии варианты: а) «Но я тревожуся несказанно мысля теперь, что тебя обольстила...»; б) «Но несказанно тревожуся я, мысля теперь, что тебя обольстила...»; в) «Но я тревожуся, мысля теперь, что тебя обольстила...».

Ст. 571. *...Ифест...* — Гефест. См. СМИ.

Ст. 584. *...кубок двудонный...* — У Гомера древний эпитет, о значении которого спорили уже античные комментаторы. По объяснению Аристотеля, это кубок, имеющий под дном ножку с подставкой, как наши бокалы. В переводе Н. И. Гнедича употребляется этот же эпитет, что, вероятно, выступило образцом для Жуковского.

Ст. 590—594. *Было уж раз ~ полмертвый...* — Речь идет о том, что Гефест хотел помочь Гере, когда Зевс подвесил ее на цепи между небом и землей, привязав к ногам наковальню, в наказание за злоумышление против Геракла (см. И., XV, 18—24). В другом месте И. (XVIII, 395—397) Гефест утверждает, что его сбросила на землю сама Гера, стыдясь хромоты сына.

Ст. 593. *...в Лемносе...* — Остров Лемнос в северной части Эгейского моря был в послегомеровскую эпоху центром культа Гефеста. Там, в районе горы Мосихл, на местах выхода природного газа горели непотухающие огни, известные как Лемносские. Это явление природы способствовало возникновению представления о божественной кузнице внутри горы и о Гефесте как ее хозяине.

Ст. 594. *...синтейцами добрыми...* — Племя синтиев — представители древнейшего догреческого населения Эллады. Впоследствии их отождествляли с пеласгами, легендарными предшественниками греков, или с фракийцами. Греки на Лемносе, очевидно, восприняли от этих племен отдельные аспекты культа Гефеста.

Ст. 595. *Так говорил хромоногий Ифест...* — В автографе № 2 варианты: а) «Так говорил хромоногий Ифест. И с улыбкой внимала...»; б) «Так говорил хромоногий Ифест. От него с благолепной...» Буквально: «хромой на обе ноги». На бога-кузнеца, очевидно, переносится хромота людей-кузнецов, частая в родоплеменном обществе, где ремесленниками становились инвалиды, которые не могли, как полноценные мужчины, обрабатывать землю и воевать. Отсюда же идет и пренебрежительное отношение богов к ремесленнику Гефесту.

Ст. 598. *Сладостный нектар...* — Напиток богов, который греки представляли себе наподобие красного сладкого вина необкновенного вкуса.

Ст. 610. *Где отдыхал он обычно, блаженному сну предаваясь...* — В копии параллельные незачеркнутые варианты: а) «Где всегда отдыхал он, блаженному сну предаваясь...»; б) «Где отдыхал он обычно, блаженному сну предаваясь...».

Песнь вторая

Ст. 1—12. *Боги другие и мужи ~ в полном оружии.* — Приводится по автографу № 2.

Ст. 7. *К богу сна обратился...* — Сон фигурирует здесь в качестве вестника Зевса, выполняющего его поручение, наподобие Ириды или Гермеса.

Ст. 13—493. В черновом автографе и копии не переведены.

Ст. 494—718. *Были вождями дружин беотийских ~ дивный стрелок Филоктет.* — Этот фрагмент, не до конца переведенный Жуковским, в комментаторской традиции получил название «каталога кораблей». Он представляет собой описание сбора ахейцев в Авлиде в Беотии для похода на Троию, созданное для не дошедшей до

нас поэмы о Троянской войне и позднее, с некоторой переработкой, вставленное в И. Именно поэтому в «каталоге» снова и снова говорится о прибытии кораблей, в то время как они давно уже вытаснены на берег перед Троей. «Каталог кораблей» содержит некоторую информацию о городах Микенской эпохи, отсутствующую в других частях гомеровских поэм. «Каталогу» посвящена обширная научная литература, о степени географической и исторической достоверности его споры идут от античности до наших дней.

Ст. 494—510. *Были вождями дружин беотийских ~ бойцов молодых беотийских.* — «Каталог кораблей», созданный первоначально как описание греческого войска, отправляющегося из беотийского порта Авлиды под Троей, начинает свой перечень с беотийцев и упоминает Авлиду в начале перечисления городов.

Ст. 496. *Хирийских лугов...* — Правильно: Гирийских. На месте Гирии были найдены рельефы на камне, изображающие корабли Микенской эпохи.

Ст. 498. *Феспии, Греи, широкопространных полей Микалесса...* — В копии варианты: а) «Греи, Феспии, широкопространных полей Микалесса...»; б) «Феспии, Греи, широкопространных полей Микалесса...».

Ст. 502. *...в Тизбе, стадам голубиным привольной...* — Множество диких голубей и сейчас гнездится на месте этого древнего поселения.

Ст. 503. *...на пышно-зеленых лугах Галиарта...* — Галиарт находится на берегу крупнейшего внутреннего водоема Греции — Копайдского озера, воды которого с древнейших времен использовались для искусственного орошения. Впоследствии озеро было осушено.

Ст. 505. *Фив крепостенных...* — У Гомера это Гипофивы («нижние Фивы»). «Каталог» представляет дело так, будто после взятия и разрушения Фив, крупнейшего города Беотии, Эпигонами, произошедшего незадолго до Троянской войны, уцелевшие жители поселились на равнине около холма, на котором располагались Фивы.

Ст. 508. *...стен Анфедона, на крайних лежащего гранях...* — Анфедон был расположен на берегу Евбейского пролива.

Ст. 511—516. *Но аспледонян ~ к берегам Илиона.* — «Каталог» рассматривает небольшую территорию на северо-западе Беотии как отдельную область племени миниев (миниев). Центром ее был древний город Орхомен, раскопки которого начал Г. Шлиман. О богатствах Орхомена говорит в И. Ахилл (IX, 381). Излагаемая в данном фрагменте легенда о происхождении царей миниев от бога войны Ареса, возможно, свидетельствует о том, что Арес был племенным богом миниев.

Ст. 513. *...Астиоха, Акторова дочь...* — Актор был царем Орхомена.

Ст. 517—526. *Были вождями дружины фокеян ~ к беотийскому близнему строю примкнули.* — Фокида, земля фокейцев, — область в средней Греции на запад от Беотии.

Ст. 519. *...утесов Пифона суровых...* — У Гомера — Пифос, древнейшее название Дельфов.

Ст. 520. *...Хризы... Панопея...* — Правильно: Криссы. Крисса была разрушена во время т. н. I священной войны ок. 595 г. до н. э. У Гомера она названа «божественной». Панопея, по преданию, находилась на том месте, где Прометей создал из глины первых людей. В И. говорится, что один из предводителей ахейцев Схедий властвовал в Панопее (XVII, 306—308).

Ст. 521. *Давлиса...* — По Софоклу, на дороге из Давлиса в Дельфы Эдип убил своего отца Лаия.

Ст. 527—535. *Был полководцем локриян ~ окруженной волнами Эвбеи.* — Речь идет об опунтских локрах, живших на берегу Эвбейского пролива; локры озольские, жившие позднее на берегу Коринфского залива, в гомеровских поэмах не упоминаются.

Ст. 529—530. *...холодную тонкой // Броней покрыт был...* — Панцири из многих слоев льняного полотна носили легковооруженные пехотинцы еще в IV в. до н. э.

Ст. 532. *Кинос...* — Согласно традиции, там некогда жил Девкалион, спасшийся со своей женой Пиррой во время потопа.

Ст. 533. *...Опунт...* — Опунт сделался впоследствии главным городом Локриды. Родом из Опунта были Менойтий и его сын Патрокл, ставший другом Ахилла.

Ст. 534—535. *Локриды, лежащей // Против святых берегов окруженной волнами Эвбеи.* — Поэт, малоазийский грек или житель одного из островов Эгейского моря — смотрит здесь на Локриду и Эвбею с Востока. Эвбея — большой остров, лежащий за Эвбейским проливом вдоль северо-восточного побережья Средней Греции.

Ст. 536—545. *Но боелюбных абантов ~ с эвбейской дружиной.* — Абанты, жившие первоначально в центре Эвбеи, в районе Эретрии и Халкиды, впоследствии распространили свое господство на всю Эвбею. Между Эретрией и Халкидой в конце VIII в. до н. э. началась война из-за плодородной Лелантийской равнины. К обеим враждующим сторонам присоединились многочисленные союзники. Эта т. н. Лелантийская война, затронувшая весь тогдашний греческий мир, является первым событием древнегреческой истории, о котором мы имеем сколько-нибудь достоверную историческую информацию. Оба города — Эретрия и Халкида — были важнейшими центрами греческой колонизации на раннем ее этапе. Гесиод в «Трудах и днях» (654—657) рассказывает, что он ездил в Халкиду из Беотии на состязания аэдов и одержал там победу. Позднейшая традиция утверждает, что он победил в этом состязании самого Гомера.

Ст. 542—543. *...абанты ~ Косы носившие...* — Здесь мы, очевидно, имеем дело с указанием на особое происхождение абантов. Высказывалось предположение, что они были фракийским племенем.

Ст. 543. *...ясенных копий метатели...* — У Гомера речь идет о том, что абанты не метали копья в противника, а поражали врага копьем, держа его в руке. Ясенных — ясеневых; древко копья у героев И. и О. изготовлялось из ясеня.

Ст. 546—556. *Строем к эвбейской дружине примкнули афиняне ~ пятьдесят кораблей он с собою.* — Афины, центр Аттики, в позднейшую эпоху важнейший политический и культурный центр Греции, не играли столь важной роли в гомеровское время. Не нашел себе общепринятого объяснения тот примечательный факт, что в противоположность всем прочим областям Греции, упомянутым в «Каталоге», в Аттике назван только один город — Афины. Враждебный Афинам мегарский историк Диевхид утверждал, что стт. 546—558 вставил в И. афинский тиран Писистрат для прославления Афин, что, однако, едва ли правдоподобно.

Ст. 548. *Царь Эрехтей...* — Мифическая традиция приписывает первому царю и основателю Афин Эрехтею происхождение от самой Матери-Земли. Исследователи видят здесь отголоски догреческих представлений о мужском божестве, рожденном Землей и отданном ею на воспитание женским божествам. Их роль выполняет у Гомера Афина.

Ст. 549. *...во храме великом...* — Очевидно, это свидетельствует о существовании в Афинах храма богини Афины, с которым традиция связывала героизированного

царя Эрехтея. Позднейшие источники называют этот древний храм Гекатомпедоном.

Ст. 550. *...утешали ей сердце...* — Гомер, по-видимому, считал адресатом жертвоприношений не Афины, а Эрехтея, поскольку животные мужского пола — ягнята и быки — приносились в жертву, как правило, мужским божествам.

Ст. 551. *...празднуя кругосвершение года.* — Т. е. ежегодно, в определенное время; из этих праздничных жертвоприношений, очевидно, развился впоследствии праздник Панафиной.

Ст. 552—554. *Ратью Афин Менестей полководствовал ~ никто не равнялся...* — Похвалы в адрес Менестея (Менесфея) никак не соответствуют его роли в И. в целом. Самое важное упоминание о нем — ст. IV, 327—348, где Агамемнон упрекает его за уклонение от сражения. Комментаторы считали эти стихи позднейшей вставкой афинян. Позднейшая мифографическая традиция утверждала, что Менесфей захватил власть в Афинах с помощью спартанских царей Кастора и Поллука во время путешествия в преисподнюю царя Тезея.

Ст. 555. *Кроме великого Нестора — старше, однако, его был...* — В копии варианты: а) «Кроме лишь Нестора — старше, однако, его был годами...»; б) «Кроме великого Нестора — старше, однако, его был...».

Ст. 556. *Нестор годами. Привел пятьдесят кораблей он с собою.* — В копии варианты: а) «Нестор. С ним в Троию пришло пятьдесят кораблей крепкозданных»; б) «Нестор годами. Привел пятьдесят кораблей он с собою».

Ст. 557—558. *Сын Теламонов Аякс от брегов Саламины ~ он придвинул их к строю афинян.* — Остров Саламин, расположенный в Сароническом заливе, недалеко от Афин и Мегар, долгое время был объектом соперничества этих городов и несколько раз переходил из рук в руки. Солон окончательно присоединил остров к Афинам ок. 600 г. до н.э. В сохояих к И. сохранилось обвинение в адрес Солона, будто он вставил ст. 558 в И., чтобы подкрепить права Афин на Саламин. В других местах И. Аякс Саламинский, сын Теламона, не изображается сражающимся рядом с афинянами.

Ст. 559—568. *Жителей Аргоса ~ с осьмьюдесятью кораблями.* — «Каталог» обращается к перечню войск, приведенных Диомедом, царем области в северо-восточном Пелопоннесе. Диомед — см. СМИ.

Ст. 559. *Жителей Аргоса, башневенчанного града Тиринфа...* — Аргос здесь рассматривается как резиденция Диомеда. В позднейшую эпоху город был важнейшим политическим центром Пелопонесса. Тиринф — микенская цитадель, обнаружена при раскопках археологов. На месте Тиринфа было найдено несколько табличек с текстами линейного письма Б.

Ст. 560. *Азины...* — Раскопки обнаружили в Азине микенскую крепость, избежавшую разрушения в конце позднеэлладского периода ШБ.

Ст. 561. *...холмов Эпидавра...* — Эпидавр стал впоследствии главным центром культа бога-врачевателя Асклепия.

Ст. 564. *...многославного сын Капанея...* — Капаней назван многославным в качестве участника похода Семерых на Фивы.

Ст. 569—580. *Жители древней Микены ~ и сильнейшей дружиной начальствовал в войске.* — Держава Агамемнона, о которой идет речь в данном фрагменте, помещается в «Каталоге» в северо-восточной части Пелопонесса, рядом с царством Диомеда. Граница между этими царствами оказывается, по «Каталогу», крайне искусствен-

ной и не могла отвечать исторической реальности какой бы то ни было эпохи. В то же время, дороги, которые вели от Микен в разных направлениях и обнаружены сейчас археологами, показывают, что Микены действительно были во второй половине II тыс. до н. э. центром значительного государства, в которое, вероятно, входил и Аргос. Сами Микены, раскопанные еще Г. Шлиманом, — важнейший центр микенской культуры, получившей свое название по имени этого города. Кроме замечательных памятников архитектуры и искусства, в Микенах были обнаружены документы хозяйственной отчетности — таблички линейного письма Б. Впоследствии Микены не играли сколько-нибудь значительной исторической роли.

Ст. 570. ...*Коринфа богатого*... — Как показали раскопки, Коринф, используя свое выгодное географическое положение на перешейке, соединявшем Пелопонесс со Средней Грецией и отделявшем Эгейское море от Коринфского залива Ионийского моря, сделался крупным центром транзитной торговли еще в Микенскую эпоху.

Ст. 572. *Стен Сикиона, Адрасту подвластного в прежнее время*... — Адраст — сын Талая; изгнанный из Аргоса, бежал в Сикион, где унаследовал от деда по матери Полиба царскую власть. Позднее выдал свою дочь замуж за претендовавшего на власть в Фивах Полиника и стал организатором похода Семерых против Фив.

Ст. 581—590. *Жители скрытого между холмов Лакедемона, Спарты ~ приключенный обидой Елены*. — «Каталог» обращается к Лаконии, юго-западной части Пелопонесса. Лакедемон здесь обозначает не город Спарту, как в исторические времена, а, по-видимому, область Лаконию. Спарта же, как и в историческую эпоху, главный город Лаконии, резиденция Менелая.

Ст. 587. ...*строем отдельным*... — Этим подчеркивается независимость Менелая от Агамемнона.

Ст. 590. *Мщенье свершить за позор, приключенный обидой Елены*. — В копии варианты: а) «Мсть совершить за позор, приключенный обидой Елены»; б) «Мщенье свершить за позор, приключенный обидой Елены».

Ст. 591—602. *К ним примкнули пилияне ~ девяносто судов крепкозданных*. — Этот фрагмент посвящен Мессении — юго-западной части Пелопонесса. Микенский город Пилос и царский дворец были обнаружены в итоге раскопок в 1939 г. Куруниотисом и Блегеном в районе современного поселения Ано Энглианос к северу от местоположения Пилоса классической эпохи. Неоднократные упоминания Пилоса (как и других городов Мессении, упоминаемых в «Каталоге») в найденных там табличках линейного письма Б говорят о том, что город носил это название уже в Микенскую эпоху. В других частях И. сохранились следы представления о Пилосе, расположенном севернее, в Трифилии (II, 545; XI, 670).

Ст. 592. ...*Фрия, где был перевоз чрез Алфей*... — Фриос, о котором идет речь, находился, очевидно, на месте удобной переправы через Алфей, крупнейшую реку западного Пелопонесса, на север от Пилоса. Очевидно, тождествен с Фриоссой, упоминаемой в И. (XI, 711).

Ст. 594—600. ...*где Тамириса фракийца ~ даф пробуждать сладкопенье в струнах он утратил*. — Здесь кратко излагается, вероятно, хорошо известное слушателям сказание о наказании дерзкого аэда Фамира, заявлявшего о своей готовности победить самих муз на соревновании, очевидно, в исполнении эпических песен. Сказание о Фамире предполагает, таким образом, существование уже в догомеровскую эпоху стожившейся практики состязания аэдов, о которых говорит Гесиод («Труды и

дни», 654—657). Примечательно, что Фамир назван фракийцем: традиция считала фракийцем и другого мифического певца и музыканта — Орфея. Наказание дерзкого, решавшегося состязаться с богами является весьма распространенным мотивом греческих мифов. Судьбе Фамира посвящена трагедия И. Анненского «Фамира Кифаред».

Ст. 596. *Он из Эхалли шел...* — Скорее всего, в Фессалии, на северо-востоке Греции.

Ст. 599. *...и в гневе его ослепили...* — В греческом оригинале слово более общего значения, букв. «изувечили». Слепота, напротив, является обычно неким свойством, сопутствующим образу поэта, ср. легенду о Гомере или образ Демодока в *О*.

Ст. 601. *Был полководцем дружины пилиян богатый годами.* — В копии стих не окончен: «Был полководцем дружины пилиян...». Приводится по автографу № 2.

Ст. 603—614. *Люди Аркадии ~ неведомо дело морское.* — Аркадия — область в центральном Пелопонессе, не имевшая выходов к морю. Упоминаемые в данном фрагменте города Тегея и Мантинее известны в числе основных полисов Аркадии классической эпохи.

Ст. 607 *...пределов Стимфала...* — Изгнание из лесного болота возле города Стимфала чудовищных птиц с острыми железными перьями фигурирует в мифографической традиции как шестой подвиг Геракла.

Ст. 613. *Теми снабдил для отплытия в темное море, понеже...* — В копии пропущено одно слово: «(...) снабдил для отплытия в темное море, понеже». Приводится по автографу № 2.

Ст. 615—624. *Живших в Элиде священной, в Вупрасии ~ внук знаменитый Авгея.* — Речь идет об Элиде, области в северо-восточной части Пелопонесса. Бупрасий был расположен, по-видимому, у границ пилосского царства Нестора.

Ст. 624. *Сын Агасфена-властителя, внук знаменитый Авгея.* — Агасфен был сыном царя Авгия, скотный двор которого очистил от навоза Геракла, направив туда воды рек Алффея и Пеней.

Ст. 625—630. *Мужи Дулихия, люди святых островов Эгинадских ~ привел к Илиону.* — «Каталог» переходит к царству Мегета на островах в Ионическом море. Дулихий — возможно, современный остров Лefканди: Эхинадские острова — мелкие острова у побережья Акарнании и Этолии — юго-западной части Средней Греции.

Ст. 629. *Ссорой с отцом принужденного скрыться...* — Филей, сын Авгия, царя Элиды, выступил против отца и поддержал Геракла в его конфликте с Авгием, когда тот отказался выдать Гераклу обещанную награду за очистку скотных дворов.

Ст. 631—637. *Царь Одиссей предводителем был кефалонян могучих ~ он двенадцать привел кораблей красногрудых.* — Согласно «Каталогу», Одиссей царствует не только над Итакой и небольшой территорией на материке, как это изображается в *О*., но еще над рядом островов, в том числе такими крупными, как Закинф и, очевидно, Кефаллениа. Подданные Одиссея названы здесь кефалонянами по названию последнего, самого большого из островов.

Ст. 632. *...в Итаке суровой...* — Остров Итака, ныне Фиаки, расположен между Кефалленией и Эхинадскими островами. Попытка немецкого археолога Дерпфельда отождествить гомеровскую Итаку с островом Левкадой (Лefканди), лежащим севернее у побережья Акарнании, не встретила поддержки исследователей.

Ст. 633. *Нерита, вдоль берегов Крокилеи, меж скал Эгилиты...* — Нерит, согласно *О*. (IX, 21—22; XIII, 351), гора на Итаке. Постоянные ветры с моря заставляли дрожать листья деревьев, росших на этой горе. Крокилея и Эгилита, возможно, находились в южной части Итаки.

Ст. 634. *Жители Зама, полей хлебодарных Закинфа...* — Остров Закинф, расположенный напротив побережья Элиды, и сейчас называется тем же именем. Самос — остров Кефалления на запад от Итаки.

Ст. 635. *Близко лежащей Эпирской земли матерой...* — Гомеровское выражение означает буквально «на материке». Автор «Каталога» представляет себе материковые владения Одиссея находящимися, по-видимому, где-то на побережье Элиды.

Ст. 638—644. *Сын Андремонов Фоант полководствовал ратью этолян ~ сорок пришло кораблей с ним.* — Этолия — область в западной части Средней Греции.

Ст. 639. *Живших в стенах Плеурана...* — Плеврон — город в устье Ахелоя. В пиловской табличке линейного письма Б говорится о посылке гребцов в Плеврон.

Ст. 640—644. *В горном краю Каледонском ~ В область сведен был подземную...* — В IX песни И. (ст. 529—599) рассказывается подробно об охоте на Каледонского вепря и о войне между этолянами — обитателями Каледона и куретами из Плеврона, разгоревшейся из спора за охотничьи трофеи. Упоминается там и о гибели Мелеагра от материнского проклятья. Фаос — внук Ойнея (Инея).

Ст. 645—652. *С Идомениеем пришли копьеносные критяне ~ они обладали осьмьюдесятью кораблями.* — «Каталог» переходит к острову Крит и его городам.

Ст. 646. *В Гноесе они, в окруженной бойницами твердой Гортине...* — Приводится по автографу № 2. В копии пропущено одно слово: «В Гноесе они, в окруженной (...) твердой Гортине...». Кносс — у Гомера столица Идомения (см. СМИ), главный город Крита в эпоху крито-микенской культуры. Тысяча табличек линейного письма Б, замечательные фрески и другие памятники искусства были найдены при раскопках кносского дворца, начатых А. Эвансом в конце XIX века. Гортина — город, известный большой надписью V в. до н. э. сохранившей местные древние законы; упоминается в О. (III, 293—294).

Ст. 647. *...в Милете...* — В древности знаменитый Милет на побережье Малой Азии считался колонией критского Милета.

Ст. 648. *В Фесте...* — По имени Феста получил название найденный там нерасшифрованный памятник минойской письменности — фестский диск. В микенскую эпоху Фест, очевидно, был подчинен Кносу: Фест многократно упоминается в документах кносского дворца; упоминается Фест и в О. (III, 295—296).

Ст. 649. *...стоградного Крита.* — В О. (XIX, 174) говорится, что на Крите были 90 городов. Это противоречие было отмечено уже в древности и было использовано так называемыми хоридзонтами как аргумент против принадлежности И. и О. одному автору.

Ст. 651. *...истребителю ратей Арея подобный...* — В гомеровском тексте вместо Арея упоминается Эниалий, который в микенскую эпоху был самостоятельным божеством, позднее отождествленным с Аресом.

Ст. 653—670. *Силы Иракла великого сын Тлеподем из Родоса ~ изобилие щедрой рукою Кронион.* — Ахейское государство на острове Родосе, возможно, упоминается в хеттских текстах ок. 1300—1250 гг. до н. э. под названием Ахийава. Силы Иракла великого сын — гомеровский парафраз, означающий собственно сына Геракла. Аналогичная формула употребляется также по отношению к Агамемнону, Этеоклу и может восходить к реальной титулатуре микенских царей.

Ст. 659. *...с берегов Селлеэнта, потока Эфиры...* — В гомеровском тексте под Эфиром подразумевается город, трудно поддающийся локализации.

Ст. 660. *...многих питомцев Зевесовых...* — Здесь это означает просто храбрых молодых воинов.

Ст. 661—662. В копии не переведены. В автографе № 2 вариант: «Юношей, в зрелость вступа, в отеческом доме // Там без ⟨1 нрзб.⟩ убил он Ираклова дядю Ликимна».

Ст. 663—669. *Старца седого, питомца Ареева ~ владыкой бессмертных и смертных...* — В данном фрагменте пересказывается миф об убийстве Тлеполомом в припадке гнева Ликимния, брата Алкмены, матери Геракла. После этого Тлеполом бежит на Родос от потомков Геракла, которого, очевидно, самого уже не было в живых, и основывает новое царство.

Ст. 670. *Пролил на них изобилие щедрой рукою Кронион.* — Пиндар в VII Олимпийской оде прямо говорит о золотом дожде из тучи, который Зевс пролил на Родос.

Ст. 671—675. *Прибыло три корабля легкокрылых из Симы с Ниреем ~ войско его малочисленно было.* — Царство Нирея находилось на острове Сим, у юго-западной оконечности Малой Азии.

Ст. 676—680. *Жителей волнообъятого Низифа ~ привели к берегам Илиона.* — Царство Фидиппа и Антифа располагалось на Додеканесских островах.

Ст. 677. *Коса...* — Кос — позднее местопребывание древнейшей школы врачей, к которой принадлежал отец медицины Гиппократ.

Ст. 681—694. *Те же, которыми был обитаем Аргос Пеласгийский ~ но воздвигнуться должен был скоро.* — Царство Ахилла располагалось в северо-восточной Греции, в Фессалии, которая названа «пеласгическим Аргосом» в противоположность Аргосу Ахейскому в Пелопонессе. Пелазгами греки называли полулегендарное древнейшее население Греции.

Ст. 683. *Фтия, Эллады...* — Фтия обычно фигурирует в И. как родина Ахилла (I, 155; IX, 363—364) и резиденция его отца Пелея (XIX, 322—324). Эллада — небольшая местность в Фессалии, название которой позднее было распространено на всю Грецию.

Ст. 684. *Имя же общее их мирмидоны, эллины, ахейцы...* — В остальных частях И., кроме «Каталога», все подчиненные Ахиллу воины именуются мирмидонами. Эллены (эллины) упоминаются у Гомера один раз и подразумевают одно из племен Фессалии, так же как и наименование ахейцы.

Ст. 689—693. *Злясь за свою Бризеиду ~ сраженные в бое им, пали.* — Лирнесс и Фивы (так называемые Гипоплакийские) — города в Троаде, вероятно, на берегу Адрамитийского залива. Гомер, по-видимому, представляет себе положение вещей так, что ахейцы во время одной из экспедиций в окрестности Трои, захватив Лирнесс, взяли там в плен Бризеиду, а в Фивах — Хрисеиду (см. I, 366—369).

Ст. 692. *...Миней...* — Позднейшая традиция считала его мужем Бризеиды.

Ст. 694. *...но воздвигнуться должен был скоро...* — В гомеровском эпосе будущее часто предвидят действующие лица, но предсказание дальнейшего хода событий от имени самого автора весьма необычно (ср. аналогичное предсказание в стт. 724—725).

Ст. 695—710. *Жителей тучной Филадель ~ прибыло с ним кораблей чернобоких.* — Царство Протесилая в северо-восточной Греции на берегу Пагасейского залива.

Ст. 697. *Морем омывтой Антроны...* — Антрона (Антрон) упоминается в гомеровском гимне Деметре. Деметра — см. СМИ.

Ст. 698—702. *Протесилай многославный вождем был ~ Первый убит был дарданцем, ступя на Троянскую землю...* — Как рассказывали «Киприи», ахейцам было предсказано оракулом, что тот из них, кто первым сойдет с корабля и вступит на троян-

скую землю, немедленно погибнет. Протесилай, который только что перед походом на Трою женился на дочери Мелеагра Полидоре (по другой версии Лаодамии), решился пожертвовать собой, первым ступил на берег и был убит. Позднейшие сказания повествовали о том, что по воле богов он был отпущен на одну ночь из царства Аида и смог навестить свою безутешную супругу. Протесилаю посвящена одноименная трагедия И. Анненского. Дарданцы — одно из названий троянцев, производное от имени прародителя троянцев Дардана, сына Зевса и Электры, дочери титана Атланта. Кого из троянцев автор И. подразумевает под убийцей Протесилая — неясно. Позднейшая традиция приписывала его гибель Гектору («Киприи»), Энею или Евфорбу.

Ст. 711—715. *Живших близ вод Бебенского озера ~ одиннадцать с ним кораблей у берегов Илиона.* — Царство Евмела находилось на северо-западе от Пагасейского залива.

Ст. 712. *...пышиного града Иолкоса...* — Из Иолка, резиденции царя Пелия, отправились за золотым руном в Колхиду аргонавты; в настоящее время на месте древнего Иолка обнаружены развалины дворца Микенской эпохи.

Ст. 716—718. *Живших в Метеоне ~ дивный стрелок Филоктет.* — Царство Филоктета располагалось на северо-восток от Пагасейского залива. В киклической поэме «Малая Илиада» рассказывалось о том, как ахейцы узнали от перешедшего на их сторону сына Приама Гелена, что Троя не может быть взята без лука Геракла. Так как Геракл оставил свой лук в наследство Филоктету, Одиссей и Неоптолем отправились на Лемнос и упросили Филоктета присоединиться к ахейскому войску (см. трагедию Софокла «Филоктет»). Язву Филоктета, раненого и брошенного на острове своими соотечественниками, излечил сын Асклепия Махаон. Подробнее об интересе Жуковского к этому сюжету и его опытах по переводу трагедии Лагарпа и Софокла см.: *Лебедева О. Б.* Драматургические опыты В. А. Жуковского. Томск, 1992.

В. Киселев

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ ТЕКСТОВ

⟨Повесть о войне Троянской⟩

(«Время настало свершиться судьбам Илиона: святое...»)

(С. 370)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 52. Л. 8 об. — 9 — черновой, ст. 1—95, с пометой около первого стиха: «18».

2) РНБ. Оп. 1. № 26. Л. 140 — белой, ст. 1—75, с заглавием: «Глава первая. Сбор войска в Авлиде» — на листе, вырванном из тетради с черновым автографом, с разметкой стихов до 100.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 118—119. Ст. 1—9.

Впервые полностью: БЖ. Ч. 2. С. 538—540. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту БЖ, со сверкой по автографу.

Датируется: 18 июля 1846 г.

Предлагаемая датировка — отражение лишь одного этапа работы над грандиозным замыслом, который не покидал поэта на протяжении нескольких лет, скорее всего с 1844-го по 1848-й гг. 18 июля 1846 г. (по н. ст.) Жуковский, как это явствует из чернового автографа, находящегося в контексте дневниковых записей июля 1846 г. (см.: Бумаги Жуковского. С. 118—119; БЖ. Ч. 2. С. 540), начал реализацию своего замысла, который сопровождал его во время работы над переводом «Одиссеи». Пауза с января 1845 г. по октябрь 1848 г. после перевода двенадцатой песни, вероятно, была заполнена размышлениями над этим замыслом.

В письмах Жуковского, посвященных переводу «Одиссеи», примерно с конца 1844 г. — начала 1845 г. возникает идея создания двух «Одиссей»: одной — для всех, а другой, «очищенной» — для юношества. Подробно проект этой второй «Одиссеи» был изложен поэтом в письме к А. П. Елагиной от 5 (17) декабря 1844 г., отрывки из которого были опубликованы в журнале «Москвитянин» (1845. № 1). Жуковский, в частности, писал: «К этому очищенному Гомеру я намерен придать род Пролога; представить в одной картине всё, что было до начала странствий Одиссеевых. Эта картина обхватит весь первобытный, мифологический и героический мир греков; рассказ должен быть в прозе; но всё, что непосредственно составляет целое с “Одиссеей”, то есть Троянская война, гнев Ахиллов, падение Трои, судьба Ахилла и Приамова дома, всё должно составить один сжатый рассказ гекзаметрами, рассказ, сшитый из разных отрывков “Илиады”, трагиков и “Энеиды” и приведенный к одному знаменателю. В этот рассказ вошли бы, однако, некоторые песни “Илиады”, вполне переведенные. Таким образом, Одиссея для детей была бы в одно время и живою историею древней Греции, и полною картиною ее мифологии, и самую образовательною детскою книгою» (С 7. Т. 6. С. 51—52; ср.: Наше наследие. 2003. № 65. С. 84). Эти же мысли он будет развивать и в письме к С. С. Уварову от начала 1848 г.: «...таким образом, в одном тесном объеме могли бы соединиться и

вся баснословная история древней Греции, и самые душистые цветы ее поэзии...» (С 7. Т. 6. С. 186).

В письме к П. А. Плетневу от 20 декабря 1848 г. Жуковский констатирует: «Я даже и начал было “пролог” к “Одиссее” — сводную повесть о войне Троянской. Стихов 200 гекзаметрами написано. В эту повесть вошло бы всё лучшее, относящееся к войне Троянской и разным ее героям — всё, заключающееся в “Илиаде”, в “Энеиде” и в трагиках; но от этого труда я отказался» (Там же. С. 593). Эти три эпистолярные вехи, отражающие рождение, развитие и смерть замысла «Повести о войне Троянской», фиксируют протяженность его воплощения — приблизительно с конца 1844-го по конец 1848 г.

Реконструировать этот замысел помогают прежде всего книги из библиотеки поэта (собрание НБ ТГУ). Пожалуй, впервые идея такого «пролога» зародилась у Жуковского во время чтения «Прекраснейших сказаний классической древности» («Die schönsten Sagen des klassischen Alterthums. Th. 1—3. Stuttgart, 1838; см.: Описание. № 2092) в обработке известного немецкого поэта Густава Шваба (1792—1850). В первой части содержатся истории Прометея и Геракла, сказания об аргонавтах и Эдипе. Одним словом, это сказания о богах и времени героев. Жуковский почти не оставляет помет в этой части и лишь на обороте нижнего форзаца появляется запись, своеобразное resume:

	Материковые острова
	Природа
	Люди
	Первые времена
Изображение Греции	
Сказан(ия) о Богах	
Сказан(ия) о Героях и времени Героев	
Море Гипербореев — Земля — Олимп —	
Пигмен	

Эта запись — развернутый план пролога к задуманной повести. Его общая связь с содержанием всего замысла уясняется из многочисленных записей Жуковского во второй части «Прекраснейших сказаний...» Шваба. Десятки схем, списки греческих городов — все это звенья той огромной подготовительной работы, которая предшествовала оформлению замысла. Эскиз этого замысла начинает постепенно вырисовываться.

Запись на верхней обложке — конспект одной из первых частей будущей повести, точнее Пролога к ней. Жуковский пытается выявить то, что предшествовало Троянской войне, обрисовать круг лиц, причастных к этим событиям:

Боги собрались на пир и там происходит раздор.
 Между тем прошло двадцать лет.
 В Греции царствует Менелай.
 Гераклес и Филоктет.
 Лония. Грех Адмета.
 Фивы.
 Аргос и Атрид.
 Пилос.

Диомед и Саламин.
Идомений.
Оилей.
В Пергаме царствует Приам. Спор за Елену.
Ида и Парис.
Похищение Елены.
Вооружение греков.
Нерей предсказывает.

Разработав предысторию Троянской войны, Жуковский на чистом обороте последней страницы второй части (с. 437) делает попытку создать общий план произведения. Вот как он выглядит:

I. Предисловие

 Предание о первых временах Греции.
 Происхождение Трои. Боги и Герои.
Повесть о войне Троянской.
 Похищение Елены.
 Собрание Греков. Авлида.
 Ифигения.
Отплытие. Филоктет. Телеф. Полидор.
Подвиг Аякса и Ахиллеса. Бризеида.
Гнев Ахиллеса. Подвиг Диомеда. Аякс.
Гектор. Спасение Троян. Смерть Патрокла.
Горечь Ахиллеса. Его битва. Оружие Гектора.
Приам перед Ахиллесом. Погребение Гектора.
Пентесилея. Смерть Ахилла. Смерть Аякса.
Неоптолем.
 Филоктет. Смерть Париса. —
 Сооружение коня. — Разрушение Трои.
 Сон Неоптолема. Поликсена. Отплытие Греков.
 Судьба вождей Аргивян. Кассандра и Агамемнон.
 Орест и Ифигения.

Этот план уже дает представление о задуманном произведении и его составе. Прежде всего, Жуковский находит заглавие для него: «Повесть о войне Троянской». Он предполагает создать стихотворную повесть, которая бы стала своеобразной поэтической энциклопедией Троянской войны, включила бы важнейшие ее эпизоды. Характерно, что поэт думает о предисловии к повести, которое бы, как уже было видно из записей в первой части, ввело читателя в мир греческой мифологии. Опираясь на свой опыт переводчика Гомера, Вергилия, Овидия, на балладные опыты («Ахилл», «Кассандра», «Торжество победителей»), Жуковский намечает грандиозную картину, в которой эпические события переплетаются с драматическими историями. Показательно, что в списке источников (нижний форзац второй части), на которые поэт хотел ориентироваться в своей работе, названия эпических произведений соседствуют с заглавиями трагедий:

Илиада.
Овидий. — Смерть Аякса.
Софокл. — Филоктет. Аякс.

Еврипид. — Ифигения в Авлиде; в Тавр. (иде). Гекуба.
Эсхил. — Агамемнон. Хозэфоры. Эвмениды.

Это сочетание драмы и эпоса далеко не случайно. Художественное развитие Жуковского 1830—1840-х гг. неразрывно связано с этой тенденцией. Его драматические поэмы и повести, опыты в эпическом и драматическом роде определяли новые пути развития русской поэзии, формировали особый тип повествовательности в поэзии.

Продолжая работу по оформлению замысла, Жуковский на обороте нижнего форзаца композиционно членит «Повесть о войне Троянской» на три части:

I. Спор богов. Похищение Елены. Сбор Греков. — Агамемнон. Нестор. Одиссей. Ахилл. Аякс. Диомед. Филоктет. Идомея. Парис. — Жертвоприношение) Ифигении. — Клитемнестра. — Отплытие. — Филоктет. — (Нрзб.) — Гнев Ахиллеса. — Гектор и Атрид. — Поединок.

II. Смерть Патрокла. — Ахилл. — Смерть Гектора. — Приам. — Пентезиля. — Мемнон. — Смерть Ахилла. — Смерть Аякса.

III. Неоптолем. — (Нрзб.) — Филоктет. — Смерть Париса. — Построение коня. — Разрушение Трои. — Поликсена. — Отплытие.

Это членение позволило поэту выделить наиболее значимые части и вместе с тем наметить основные этапы работы. Жуковский, следуя жанровому определению («повесть»), делает попытку выделить внутри частей отдельные эпизоды. Происходит дальнейший процесс кристаллизации замысла. На нижней обложке поэт оформляет план свособразной трилогии по мотивам греческого эпоса. Он записывает:

I. Первобытная история Греции. — География.
II. Война Троянская.
III. Одиссея.

В этой записи «Повесть о войне Троянской» занимает определенное место, свидетельствуя об органической связи ее замысла с переводом «Одиссеи».

Таким образом, записи Жуковского во второй части «Превосходнейших сказаний классической древности» Густава Шваба отразили этапы оформления замысла «Повести о войне Троянской», произведения, оригинального по своему сюжету. Сами сказания были для поэта, скорее всего, источником различных сведений, материалом, служившим импульсом для оформления структуры повести. Целый ряд сказаний («Подвиги Ахилла и Аякса», «Гнев Ахиллеса», «Парис и Менелай», «Гектор в Трое», «Смерть Патрокла» и др.) Жуковский отмечает в общем оглавлении и делает в их тексте пометы, связанные с конкретными деталями: имена, географические названия, генеалогия героев. Интересно стремление поэта иллюстрировать свои впечатления. Во второй части в различных местах на чистых листах он оставляет свои рисунки в присущей ему манере *au trait* (контуром). Уже на верхней обложке появляются наброски пейзажей: море, скалы, корабли. Затем на шмуцтитуле возникает голова воина в шлеме. На нижнем форзаце, вероятно, нарисован общий вид на храм в Авлиде. Жуковский-поэт и Жуковский-живописец неразделимы в своем стремлении проникнуть в далекие времена Троянской войны.

Не имея достаточных оснований для датировки этих записей, можно предположить, что они возникли в середине 1840-х гг., скорее всего ближе к 1845 г., когда возникла пауза в работе над переводом «Одиссей» и оформляется идея создания двух «Одиссей».

В пользу этого предположения говорят записи Жуковского во втором томе издания сочинений Еврипида в переводе немецкого филолога Иоганна Доннера (1799—1875). Записи на верхней крышке переплета и нижнем форзаце (Euripides Werke von J. J. C. Donner. Bd. 2. Heidelberg, 1841; Описание. № 1001) самым тесным образом связаны с записями во второй части «Прекраснейших сказаний...» Г. Шваба. Они их продолжение и развитие.

Второй том сочинений Еврипида привлек внимание Жуковского прежде всего трагедиями «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде». Именно их он отмечает в оглавлении. А на верхнем форзаце пытается весь эпизод, связанный с жертвоприношением, подробно разработать. Возникает следующий план:

Причина брани —	10
Собрание войск —	15
Вожди —	25
Дианин гнев —	10
Морская тишь —	5
Прорицание —	10
Скорбь Агамемнона —	
Его согласие — посольство —	} 15
Снова скорбь —	
Менелай —	15
Слезы отца —	15
Прибытие Клитемнестры —	15
Всеобщая радость —	10
Вопросы дочери —	50
Ответ отца —	40
Его удаление —	10
Ахилл в ставке —	15
Его разговор с матерью —	100
Слезы дочери —	50
Ахилл уходит —	50
Агамемнон и жрец —	100
Ахилл с воинами —	25
Ответ Ифигении —	50
Ее прощание с матерью —	50
Жертвоприношение —	100
Вестник к Клитемнестре	
Ее удаление. Орест	} 50
Задумчивость Агамемнона	

Этот план является своеобразной поэтической рекогносцировкой эпизода. Жуковский не просто предельно детализирует его, но указывает количество стихов, в которое должна оформиться каждая картина. Характерно, что уже в плане он

уделяет самое пристальное внимание психологическому состоянию героев, подчеркивая опорными словами эти моменты: скорбь, снова скорбь, слезы, всеобщая радость, задумчивость. Античная трагедия становится органической частью замысла «Повести о войне Троянской», о чем свидетельствует перевод фрагмента трагедии Софокла «Царь Эдип» (подробнее см.: БЖ. Ч. 3. С. 542—578).

Вслед за планом, связанным с чтением трагедий Еврипида, Жуковский дает общий план повести с указанием количества стихов в каждом эпизоде:

Ополчение Ахейя	100
Жертвоприношение Ифигении	700
Отплытие и прибытие	
Первые 9 лет осады	} 150
Гнев Ахиллов	350
Подвиги Диомеда	150
Подвиги Аякса	150
Подвиги Гектора	250
Смерть Патрокла	150
Скорбь Ахилла	
Подвиги Ахилла	} 350
Смерть Гектора	400
Ахилл и Приам	400
Неоптолем и жертвоприношение	
Поликсена	} 650
Филоктет	600
Смерть Ахилла и Аякса	500
Разрушение Трои	500
Судьба троянцев	200
Орест и Ифигения	500
	<hr/>
	6000

Цифра 6000, определяющая количество стихов всей повести, еще два раза крупно написана на нижней обложке, как бы подчеркивая решимость поэта начать свой колоссальный труд. По своему объему предполагаемая повесть уступала бы только переводу «Одиссеи». Характер плана со всей очевидностью свидетельствовал о тяготении Жуковского к созданию героического эпоса. Славные деяния и подвиги, героическая смерть — главные моменты замысла Жуковского. Абсолютное большинство гекзаметров должно было запечатлеть героике античного эпоса.

Так, на страницах книг из библиотеки Жуковского, примерно к 1846 г. вырисовывается оригинальный замысел стихотворной повести о Троянской войне, грандиозный по своему размаху и тяготеющий по своему характеру к героическому эпосу.

В рабочей тетради, где находится черновой автограф, вновь возникает подробный план, развивающий предыдущие, набросанные на страницах и обложках книг, но оформленный более четко:

I. Вооружение греков. II. Ифигения. III. Отплытие. Филоктет. Первые подвиги. Гнев Ахиллов. IV. Подвиги Диомеда и Аякса. V. Бедствия греков. Гектор. VI. Патроклова смерть. VII. Скорбь Ахилла. VIII. Подвиги Ахилла. Смерть Гектора.

IX. Приам. X. Смерть Ахилла, Аякса и Париса. XI. Неоптолем и Филоктет. XII. Разрушение Трои. XIII. Поликсена. XIV. Отплытие. Судьба троян. Смерть Аякса. Смерть Диомеда и Идоменей. Нестор. Менелай. XV. Агамемнон. Электра. Орест. Ифигения (РНБ. Оп. 1. № 52. Л. 69).

В архиве поэта сохранились черновой и белой варианты начальных стихов повести, представляющих собой реализацию первого пункта итогового плана: «Ополчение Ахейн» или «Вооружение греков» (предполагаемый объем — 100 стихов).

Датировать этот текст можно совершенно точно на основании записей в черновом автографе. На листах, предшествующих ему, находятся дневниковые записи 1846 года. Непосредственно на л. 7, где начинается текст повести, есть запись: «Июль. С ... числа в Швальбах», а затем указано число: «18». Именно 18 июля 1846 г., находясь с женой на швальбахских водах, Жуковский, вероятно, и начал реализацию своего замысла. Пауза в работе над переводом «Одиссеи» была заполнена. Вероятно, сразу же после окончания 97 стихов первой главы Жуковский начал перебеливать текст, продолжая совершенствовать его, о чем свидетельствуют многочисленные поправки в белом автографе. Предварительно поэт сделал разметку стихов. Как и было намечено в плане, глава должна была содержать 100 стихов. Но перебелив 76 стихов (на самом деле их оказалось 74, так как во время правки Жуковский вычеркивал некоторые стихи), не докончив очередной стих, он прерывает работу.

Ст. 2—3. ...приневолив Елену // Лестью и силой супруга, и дочь, и отчизну покинуть. — Черновой автограф: «...обольщением и силой // Дом свой, супруга и дочь, приневолив Елену покинуть».

Ст. 7. Многодержавный потомок Пелопса... — В черновом автографе: «Царь многогославный Аргоса, потомок Пелопса...»

Ст. 8. Гневным Эринниям предано было богами. — Черновые варианты: а) «Было Эринниям мстительным предано роком»; б) «Гневным Эринниям предано было судьбою».

Ст. 10. Тысяча их кораблей крутогрудых в широком заливе... — Черновой автограф: «Тысяча их кораблей крутобоких (собралась) в глубоком заливе...»

Ст. 11. ...справа и слева стенами... — Варианты: а) крепкой стеною утесов; б) утесов, входящих...; в) справа и слева стоящих...

Ст. 12. ...теснимые узким Эврипом. — Первоначально: «...тесненные в узком Эврипе».

Ст. 13. Стан их, широко покрывший изгибистый берег залива... — Варианты: а) «Стан их по всей изгибался поверхности берега...»; б) «Стан же Данаи (разбили) стоял на излучине...»; в) «Стан, покрывавший обширно изгибистый берег залива...»; г) «Собрано было в отдельных шатрах, отделенных от прочих...»; д) «Шатры Агамемнона красные были...»

Ст. 14—15. ...и стука // Броней... — Варианты: а) оружия звука; б) ударов оружия; в) лязгом доспехов; г) ...стука // Бранных доспехов...

Ст. 15. ...там в войско единое вся собралась Эллада. — Первоначально: «В едином была вся Эллада собрана».

Ст. 17. ...камышами покрытых... — Варианты: а) «...веселясь на водах, камышами одетых...»; б) «...отражаясь в водах, камышами одетых...»; в) «...веселясь на

водах, камышами покрытых...»; г) «...по утрам на водах, камышами покрытых...»; д) «...по зарям на водах, камышами покрытых...»

Ст. 40—41. *...цари и герои Эллады // Им предводили.* — Первоначально: «...все первые мужи Эллады // В нем собралися...»

Ст. 48. *Первый на сбор...* — Вариант: «Первый в броне...»

Ст. 61. *Тих и, ужасный врагу, как младенец, незлобен с своими.* — В черновом автографе: «Сердцем приветлив, не горд в обхожденьи, в речах откровенен».

Ст. 67. *...как испытанный жизнью мудрец...* — Варианты: а) «...разумный советник, постигнувший тайну...»; б) «...отец многоумный...»

Ст. 69. *Царствовал он, и на старости мужеством юный...* — Черновой автограф: «Властвовал он; не разрушила старость в нем бодрости прежней...»

Ст. 70. *В бой выходил, сединами прекрасный, свои ободрялись...* — Первоначально: «Был он прекрасен в бою сединами и старческим светлым // Образом; видя его пред собою, свои ободрялись...»

Ст. 74. *Присланный им на погибель. Наследник Иракловых страшных...* Этим стихом беловой автограф обрывается. Далее текст воспроизводится по черновому автографу. Страница в беловом автографе размечена до конца цифрами: 80, 85, 90, 95, 100, что позволяет предполагать продолжение работы.

О. Лебедева, А. Янушкевич

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

ОДИССЕЯ

Настоящий указатель ни в какой мере не притязает на полноту. В него не включены имена и названия, (1) объясненные в примечаниях; (2) вошедшие в Словарь мифологических сюжетов (см. наст. том. — *Ред.*), на который даются отсылки в примечаниях; напр., Агамемнон, Ахилл; (3) встречающиеся однократно, и притом в контексте, из которого ясно, кто это такие; например, сыновья Нестора в 3. 413 или служанки Елены в 4. 123—125; (4) более нигде не встречающиеся, на что указано в примечаниях; например, Дметор в 17. 443.

Ссылки на строки с упоминанием того или иного имени, включенного в Указатель, сделаны для примера и не являются исчерпывающими. Свойства и функции богов освещаются, как правило, только в той мере, в какой они представлены в «Одиссее».

Аглай — сын Дамастора, один из женихов Пенелопы (20. 321), убит Одиссеем (22. 247).

Анд — подземное царство (3. 410) и его бог (40. 492); в переводе часто «ад».

Алиферс — см. Галиферд.

Алкмеон — см. СМС: Амфиарай.

Амфином — сын Ниса, один из женихов Пенелопы (16. 394), убит Телемахом (22. 89—94).

Амфион — 1. Сын Зевса и Антиопы (см. СМС). 2. Сын Иасоса, царь минийского Орхомена (14. 283 сл.).

Амфитрион — супруг Алкмены (см. СМС), земной отец Геракла.

Амфитрита — морская богиня, олицетворение бурного моря (3. 91; 5. 422). В более поздних источниках супруга Посидона.

Антиклея — дочь Автолика (см. СМС), супруга Лаэрта, мать Одиссея (14. 85).

Антилох — сын Нестора, погибший под Троей (3. 144).

Антиной — сын Евпейта, один из самых дерзких женихов Пенелопы (4. 379), первая жертва мести Одиссея (22. 8—20).

Антифонт — 1. Спутник Одиссея, умерщвленный Полифемом (2. 17—20). 2. Житель Итаки, верный Одиссею (16. 68).

Аполлон — сын Зевса и титаниды Лето, бог-прорицатель, вещающий волю Зевса в своем храме в Дельфах (8. 79—82), вдохновитель певцов-сказителей (8. 488); не знающий промаха стрелок из лука (см. примеч. к 3. 280; примеч. к 21. 259), сражающий своим выстрелом мужчин (см. примеч. к 3. 280).

Аргивяне — одно из собирательных обозначений греческого войска под Троей (3. 379).

Аргос — чаще всего обозначение Пелопоннеса (4. 184), иногда — области Арголиты (3. 180).

Аргус — 1. Стоглазое чудовище, приставленное Герой сторожить Ио, возлюбленную Зевса, и убитое Гермесом (1. 38). 2. Пес Одиссея (17. 292).

Арей (Арес) — бог войны и кровопролития (11. 537); в Од. 8. 267—361, возлюбленный Афродиты.

Арета — супруга Алкиноя (см. СМС).

Артемиды — дочь Зевса и титаниды Лето (Латоны), сестра Аполлона, богиня-охотница; идеальный образ девичьей стройности и красоты (6. 102—108). См. также примеч. к 3. 280.

Асоп — бог речного потока в Беотии, отец Антиопы (см. СМС).

Атлант — титан, держащий на своих плечах небесный свод, отец Калипсо (4. 51—53); назван «кознодеем» как участник заговора титанов против Зевса, за что и осужден на вечное наказание. См.: *Гесиод*. Теог. 507—520.

Артей — царь Микен, отец Агамемнона и Менелая, именуемых соответственно Атридами (1. 29; 3. 257).

Афина (Афиня) — любимая дочь Зевса, вторая по значению в Олимпийском пантеоне. В гомеровском эпосе имя ее матери титаниды Метиды не упоминается, равно как и широко распространенная в позднейших источниках версия о ее рождении из головы Зевса. В «Одиссее» Афина выступает как постоянная покровительница ее героя, заботящаяся о его возвращении домой (1. 44—85; 6. 116; 7. 14—42 и т. д.; см. также статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...», § 2) и покровительствующая Телемаху (1. 85—316 и т. д.).

Афины — главный город Аттики. См. примеч. к 7. 80 сл.

Афродита — богиня красоты и чувственного влечения (5. 429), дочь Зевса и Дионы (8. 308; Ил. V. 370). Гомеровский эпос избегает варианта, по которому Афродита родилась из морской волны, оплодотворенной семенем Урана (*Гесиод*. Теог. 188—199), близ острова Кипр (отсюда ее имя Киприды), но именно там, вблизи Пафоса локализует ее священный участок (8. 352—366; см. также 8. 287 и примеч.). В «Одиссее» — возлюбленная Ареса, уличенная ее супругом Гефестом в измене (8. 267—361).

Ахерон (Ахеронт) — река в подземном царстве. См. примеч. к 10. 513—515.

Ахейне, ахейцы — одно из собирательных названий греческого войска под Троей (1. 206) и населения Пелопоннеса, который поэтому может быть назван ахейской землей (21. 107).

Аэт — см. Ээт.

Борей — северный ветер.

Вакх — см. СМС: Ариадна.

Галиферд — сын Мастора, прорицатель, живущий на Итаке (2. 157 сл.).

Гарпии — буквально: «похитительницы», «женские божества смерти».

Гебея (правильнее: Геба) — дочь Зевса и Геры, олицетворение вечной юности; отдана в жены обожествленному после смерти Гераклу (11. 603 сл.).

Гелиос — солнце и его олицетворение, бог Солнца, отец Цирцеи (10. 136—139), владелец священного стада, на которое покусились спутники Одиссея (12. 127—132, 353—361).

Гера (Ира) — дочь Крона и Реи, сестра и супруга Зевса. В «Одиссее» никакой роли не играет (см. 11. 604 и примеч.).

Гермес (Эрмий) — сын Зевса и аркадской нимфы Майи (см. примеч. к 24.1), вестник богов (5. 28—55), убийца Аргуса (1. 38; впрочем, о значении его эпитета ἀρκευόφοντης среди исследователей нет согласия), покровитель хитрецов (см. СМС: Автолик). О его функциях провожатого душ умерших в Аид см. примеч. к 24. 1—204.

Гефест (Ифест) — сын Зевса и Геры, бог-кузнец и искусный мастер (15. 117); центр его культа — Лемнос (8. 283 сл.), что связано, по-видимому, с вулканической деятельностью на острове горы Мосихл, под которой локализовали кузницу бога. В «Одиссее» выступает как мститель Аресу и Афродите за оскорбление его супружеских прав (8. 267—361).

Гея — олицетворение Земли, породившей гигантов и великанов (11. 576).

Гиганты — см. примеч. к 7. 59.

Гипересия — город в Ахее (15. 254), позднее называвшийся Эгирой.

Гиперион (Иперион, «пребывающий в высоте») — эпитет Гелиоса (12. 133).

Горгона — чудовище, вид которого внушает безотчетный ужас (11. 634).

Гортина — город на острове Крит (см. примеч. к 3. 291—300).

Данаи — одно из обозначений греческого войска под Троей (1. 346), не восходящее, в отличие от аргивян и ахейцев, к какому-либо топониму.

Деифоб — троянский царевич, сын Приама и Гекубы, после гибели Париса женившийся на Елене (8. 517).

Делос — остров из группы Киклад, считавшийся местом рождения Аполлона и Артемиды (6. 162).

Деметра — буквально: «Мать-Земля»; богиня производительных сил природы (5. 125).

Демодок — певец-импровизатор (аэд) у феаков (8. 44).

Дий — см. Зевс.

Диомед — сын Ойнея, один из самых выдающихся героев в греческом войске под Троей (3. 181).

Дия — небольшой остров вблизи северного побережья Крита (11. 325); в позднейшее время его отождествляли с Наксосом.

Додона — древний город в Эпире, где был расположен священный дуб Зевса; жрецы изрекали прорицания, гадая по шуму его ветвей (14. 327).

Долион (правильнее: Долий) — старый слуга в доме Одиссея (4. 735); идентичен ли он Долию, отцу наглых Меланфия и Меланфо (17. 212; 18. 322), остается спорным.

Дулихий — один из островов, соседних с Итакой (1. 242; см. примеч. к 9. 25).

Евбея (Эвбея) — большой остров, тянущийся вдоль побережья Локриды, Беотии и Аттики (3. 175).

Евмей (Эвмей) — старший свинопас в хозяйстве Одиссея (14. 1—22; 15. 402—484).

Евпейт (Эвпейт) — отец Антиноя (1. 383), некогда спасенный Одиссеем от народного гнева (16. 424—430); убит Лаэртом (24. 522—525).

Евриклея (Эвриклея) — дочь Опса, старая няня в доме Одиссея (1. 424—429), воспитавшая его самого (19. 401—405) и пользующаяся особым доверием Пенелопы.

Еврилох (Эврилох) — спутник Одиссея, избежавший чар Цирцеи и сообщивший Одиссею о судьбе остальных, посланных на разведку (10. 232—260); по его побуждению были зарезаны коровы Гелиоса (12. 339—352).

Евримах (Эвримах) — сын Полиба, наряду с Антиноем, один из самых знатных и дерзких женихов Пенелопы (2. 177—207); убит Одиссеем (22. 60—89).

Еврипил (Эврипил) — сын Телефа и Астиохи, сестры Приама; польстившись на дорогой подарок, полученный от брата, она послала Еврипила под Троию, где он был убит Неоптолемом (14. 519).

Еврит (Эврит) — см. СМС: Геракл.

Евритион (Эвритион) — кентавр, начавший буйствовать во время пира у лапифов (21. 292—304).

Египет — 1. Страна, в которой во время своих странствий оказался Менелай (4. 351—362); там же локализует Одиссей одно из своих вымышленных приключений (14. 246—287). 2. Река в Африке (14. 257), именуемая позднее Нилом (*Гесиод*. Теог. 338).

Елисейские поля — см. примеч. к 4. 561.

Ельпенор (Эльпенор) — спутник Одиссея, разбившийся при падении с крыши во время пребывания у Цирцеи (см. примеч. к 11. 51).

Закинф — один из островов, соседних с Итакой (1. 242; см. примеч. к 9. 24).

Зам — один из островов, соседних с Итакой (1. 242; см. примеч. к 9. 24).

Зевс, Зевес, Дий (имя, произведенное от основы косвенных падежей Δι-) — сын Крона (отсюда часто: Кронид, Кронион) и Реи, верховный бог Олимпийского пантеона, превосходящий силой всех богов и смертных (Ил. VIII. 5—27); «эгидодержавец», т. е. владеющий эгидой — щитом из шкуры вскормившей его козы Амалфеи; «собирающий тучи», т. е. посылающий гром и молнию. В «Одиссее» выступает также как гарант справедливости в отношениях между людьми (см. статью «Одиссея» — фольклорное наследие..., § 3); охраняет домашний очаг (22. 335); покровительствует странникам и нищим (6. 207); благоволит к Одиссею и соглашается на его возвращение домой (4. 62—77; 5. 21—42), посылая благоприятные предзнаменования (2. 146—154; 15. 160—168).

Зефир — западный ветер.

Зеф (у Жуковского — Цетос) — СМС: Антиопа.

Идоменей — сын Девкалиона, царь Крита, отличавшийся своей храбростью под Троей (3. 191).

Идофея — см. Эйдофея.

Икарий — брат Тиндара, отец Пенелопы; в «Одиссее» мыслится проживающим на Итаке или на одном из соседних островов (2. 52—54).

Ил — царь города Эфиры (17. 254 сл.), локализуемого либо в Феспротии, либо в Элиде. Не смешивать с троянским царем Илом, дедом Приама!

Илион — другое название Трои, по имени ее основателя Ила.

Иолк — город и область в Фессалии (11. 256).

Иперийон — см. Гиперион.

Ира — см. Гера.

Иракл — см. СМС: Геракл.

Исмар (Измар) — см. примеч. к 9. 39 сл.

Итака — родина Одиссея (см. примеч. к 9. 24).

Ифест — см. Гефест.

Ифит — см. СМС: Геракл.

- Калипсо** — дочь Атланта (см. примеч. к 5. 14).
- Кассандра** — дочь Приама, доставшаяся в качестве пленницы Агамемнону (см. СМС).
- Кентавры** — полулюди, полукони (см. примеч. к 21. 295—304).
- Кетейцы** — воины ополчения, пришедшего под Троию с Еврипилом (11. 520). Кетейцев локализовали в Мисии (Малая Азия), и в их имени предполагают воспоминание о хеттах.
- Кидоны** — обитатели северо-западной части Крита (3. 292).
- Киконы** — см. примеч. к 9. 39 сл.
- Кипр** — остров в северо-восточном углу Средиземного моря (4. 83).
- Киприда** — см. Афродита.
- Китера** (Кифера, правильное во множ. числе: Киферы) — остров, расположенный на юго-западе от южной оконечности Пелопоннеса (9. 81). Отсюда Китерея — имя Афродиты.
- Клитемнестра** — дочь Тиндара; см. СМС: Агамемнон.
- Коцит** — см. примеч. к 10. 513—515.
- Кратейя** (правильнее: Кратеида «насильственная») — морская нимфа, породившая Скиллу (12. 124).
- Креонт** — фиванский царь, отец Мегары (11. 269; см. СМС: Геракл).
- Крефей** — супруг Тиро (11. 258 сл.).
- Крит** — см. примеч. к 19. 172—179.
- Кронион** — см. Зевс.
- Ктесипп** (Ктезипп) — сын Полиферса, один из женихов Пенелопы (20. 287—292); убит Филойтием (22. 285).
- Лакедемон** — собственно, область в юго-восточной части Пелопоннеса, но также и название города, столицы Менелая (4. 1); то же самое, что Спарта (1. 91).
- Лаодам** (правильнее: Лаодамант) — феак, сын Алкиноя (7. 170; 8. 117—130).
- Лапифы** — см. примеч. к 21. 295—304.
- Латона** (Летò) — титанида, мать Аполлона и Артемиды (6. 106).
- Лаэрт** — сын Аркесия, отец Одиссея (1. 185).
- Левкоtea** (Левкофея) — морская богиня, снабдившая Одиссея спасительным покрывалом (5. 333—353). В нее превратилась Ино, когда бросилась в море, спасаясь от обезумевшего мужа. Имя Левкофеи — говорящее, произведенное от слов λευκός «белый», «ясный» (как морская гладь в ясную погоду) и θεά «богиня».
- Леда** — спартанская царица, супруга Тиндара (11. 298). См. СМС: Елена; Кастор и Полидевк.
- Лемнос** — остров в северной части Эгейского моря и город на нем (8. 283). См. Гефест.
- Леодей** (правильнее: Леод) — один из женихов Пенелопы, жертвогдатель (21. 144—166); убит Одиссеем (22. 310—329).
- Лесбос** — остров в северной части Эгейского моря (см. примеч. к 3. 169—180).
- Ливия** — страна на северном побережье Африки (4. 85).
- Майя** — аркадская нимфа, мать Гермеса от Зевса (14. 435).
- Малея** — мыс на южной оконечности Пелопоннеса (3.287).

Марафон — местность и поселение в Аттике, примерно в 40 км к северо-востоку от Афин (7. 80).

Медон (Медонт) — глашатай на Итаке, оставшийся верным Одиссею (2. 677); спасен Телемахом во время убийства женихов (22. 357—379).

Меламп — прорицатель (см. примеч. к 11. 289—297).

Мелантий (Меланфий) — сын Долия, козовод на Итаке, помогающий женихам и кончающий жизнь в страшных мучениях (22. 135—201, 474—477).

Меланто (Меланфо) — дочь Долия, дерзкая служанка Пенелопы (18. 321—339; 19. 65—95).

Мемнон — сын Эос и Тифона, царь эфиопов, пришедший на помощь троянцам и сразивший в бою Антилоха, сына Нестора (4. 187 сл.); затем был убит Ахиллесом.

Ментес — предводитель тафийцев, в облике которого Афина является Телемаху (1. 100—103).

Ментор — итакиец, старый друг Одиссея (2. 225—241), в образе которого Афина сопровождает Телемаха в его поездке в Пилос (3. 13—24).

Мессена — область в юго-западной части Пелопоннеса (21. 15).

Микена — город в северо-восточной части Пелопоннеса, столица Агамемнона (3. 303); в послегомеровских источниках обычная форма: Микены (см. статью «Одиссея» — фольклорное наследие..., § 1).

Мимант — мыс на ионийском побережье Эгейского моря, обращенный к острову Хиос (3. 172).

Минос — сын Зевса и Европы, царь Кносса на Крите (см. примеч. к 19. 172—179).

Мирмидоны — фессалийское племя, вождем которого был Ахиллес, а затем Нептолем (3. 189).

Навзикая (Навсикая) — дочь Алкиноя и Ареты, первой оказавшая помощь Одиссею на острове феаков (6. 17).

Навзитой (Навсифой) — сын Посидона и Перибей, отец Алкиноя, вождь феаков, при котором они переселились на остров Схерию (6. 7—11).

Наяды — нимфы-покровительницы водоемов, рощ, гротов (13. 104).

Нелей — сын Посидона и Тиро, отец Нестора, основатель Пилоса (3. 4 сл.; см. примеч. к 11. 289—297).

Нерион — см. примеч. к 3.81.

Нестор — сын Нелея и Хлориды, царь Пилоса, старейший из греческих героев, участвовавших в Троянской войне (1. 280 сл.); оказывает гостеприимство Телемаху и рассказывает ему о событиях, происходивших после взятия Трои (кн. 3).

Нот — южный ветер.

Океан — поток, окружающий со всех сторон земной круг; на его западной окраине находится вход в подземное царство (40. 508), еще дальше — Елисейские поля (4. 563—568).

Олимп — гора в Фессалии, обитель богов (6. 42—46; см. примеч. к 11. 315).

Орест — см. СМС: Агамемнон.

Орион — красавец-охотник, возлюбленный Эос; застрелен Артемидой (5. 121—124; причина здесь не объясняется, но, судя по поздним источникам, Орион пытался овладеть ею).

Ортигия — «остров куропатки», локализуемый в 15. 404 западнее острова Делос; в позднейшее время их обычно отождествляли.

Орхомен — древнейший город в Беотии, расположенный при впадении р. Кефис в Копайдское озеро (14. 283).

Оры — собственно, времена года, затем — их персонификация в образе юных дев (11. 295).

Осса — молва и ее олицетворение (1. 279; 24. 413).

Отос (правильнее: От) — вместе с братом Эфиальтом — великаны, сыновья Посидона и Ифимедии (11. 308; см. примеч. к 11. 315).

Паллада — культовой эпитет Афины, значение которого было неясно уже в древности.

Парки — в римской мифологии божества, аналогичные греческим Мойрам (см. примеч. к 1. 17); имя их без достаточных оснований введено в перевод Жуковским.

Патрокл — ближайший соратник Ахиллеса, убитый под Троей (3. 110; Ил. XVI. 782—857); его тень неразлучна в Аиде с тенью друга (11. 468).

Пафнос — см. Афродита.

Пean (правильнее: Пеон) — божественный врач, предок врачей (4. 232).

Певсенор — 1. Дед Евриклей (1. 425). 2. Глашатай на Итаке (2. 38).

Пелей — царь Фтии, отец Ахиллеса (11. 494).

Пелиас (правильнее: Пелий) — сын Посидона и Тиро, царь Иолка (11. 254).

Персефона — дочь Зевса и Деметры, супруга Аида, владычица подземного царства (10. 491; 11. 217).

Пиерия — горный хребет в Фессалии (5. 50).

Пизистрат (Писистрат) — сын Нестора (см. примеч. к 3. 36, 39).

Пилос — город в Мессении, столица царства Нестора (см. примеч. к 3. 4—6).

Пиритой (Пирифой) — царь лапифов (см. примеч. к 21. 295—304); вместе с Тесеем проник в Аид, чтобы похитить Персефону, но остался там навеки; в Од. 11. 631 только упоминается среди обитателей подземного царства.

Плеяды — созвездие, восходящее в начале лета и заходящее с началом зимы; их присутствие на небе определяет продолжительность времени, пригодного для судоходства (5. 272).

Полиб (Полибий) — 1. Житель египетских Фив, принимавший у себя Менелая (4. 126). 2. Феакиец (8. 373). 3. Итакиец, отец Евримаха (1. 395). 4. Жених Пенелопы, убитый Евмеем (22. 284).

Понтоной — глашатай у феаков (7. 179).

Посидон — сын Крона и Реи, брат Зевса (см. примеч. к 13. 142), повелитель морской стихии (5. 291—296); преследует Одиссея из мести за ослепление Полифема (1. 67—74; 9. 528—536); превращает в скалу корабль феаков, доставивший Одиссея на родину (13. 146—183).

Приам — троянский царь (3. 107; Приамов град — Троя).

Протей — морской старец, предсказавший Менелая его будущее и сообщивший ему о судьбе его соратников под Троей (4. 385—570).

Радамант (Радаманф) — сын Зевса и Европы. В Од. 4. 564 только упоминается как обитатель Елисейских полей; в позднейших источниках — неподкупный судья в царстве мертвых.

Салмоней — сын Эола и Энареты, отец Тиро (14. 236), царствовал сначала в Фессалии, затем переселился в Элиду.

Селена — луна и олицетворяющая ее богиня (9. 144).

Сидон — главный город Финикии (см. примеч. к 4. 83 сл.).

Сидония — побережье Финикии (13. 285).

Сизиф — сын Эола, царь Коринфа, обреченный выполнять в Аиде тяжкую и бессмысленную работу (11. 593—600). Причина такого наказания в «Одиссее» не указывается; в позднейших источниках в вину Сизифу ставится то, что он открыл отцу Эгины Асопу имя ее похитителя — Зевса.

Сикания — древнее название Сицилии (24. 307).

Сикелы — население Сицилии (20. 383), которую они колонизовали, в представлении греков, в конце 8 в. Современная наука относит заселение Сицилии сикелами к рубежу 13—12 вв.

Скилла — морское чудовище о шести головах, живущее среди моря в пещере напротив Харибды (12. 85—126).

Скирос — остров в Эгейском море, на восток от Евбеи (11. 508; см. СМС: Неоптолем).

Спарта — см. Лакедемон.

Стикс — река в подземном царстве, которой клянутся боги (5. 185; см. 10. 513—515).

Сунион — мыс на южной оконечности Аттики (3. 278).

Схерия — остров, на котором живут феаки (5. 34).

Тайгет — горный хребет на юге Пелопоннеса, отделяющий Лакедемон от Мессены (6.103).

Тантал — сын Зевса, испытывающий вечный голод и жажду в Аиде (11. 582—592). В «Одиссее» причина его наказания не называется; в позднейших источниках в вину Танталу обычно ставят то, что, будучи допущен на пиры богов, он разгласил среди людей содержание их бесед и пытался похитить нектар и амброзию (Аполлотор. Эп. II. 1).

Тафийцы — обитатели острова Тафос (I. 103, 413), жившие морской торговлей и пиратством (14. 452; 15. 427). Имел ли в виду автор «Одиссеи» расположенный на восток от Левкады остров, носивший то же название в историческое время, остается неясным.

Тезей (Тесей) — сын Эгея и Эфры, афинский царь, помогавший Пирифою спуститься в подземное царство за Персефоной; в Од. II. 631 только назван по имени.

Теламон — см. СМС: Аякс I.

Телемак (Телемах) — сын Одиссея и Пенелопы (I. 111). В поисках сведений об отце посещает Нестора в Пилосе (кн. 3) и Менелая в Лакедедоне (кн. 4); при возвращении избегает засады со стороны женихов (16. 334—370). Одиссей дает ему узнать себя (16. 164—214); вместе они очищают зал от оружия, которым могли бы воспользоваться женихи (19. 3—34). Затем Телемах помогает отцу в расправе с женихами (22. 29—115) и неверными слугами (22. 440—479), спасая при этом от смерти Фемия и Медонта (22. 355—378), и принимает участие в сражении с родственниками убитых женихов (24. 505—530).

Темеса — город, который в древности обычно идентифицировали с Тамассом на Кипре, славившемся добычей меди (I. 179).

Тенедос — остров вблизи побережья Трои, где укрылись ахейцы, инсценируя свое отплытие домой (3. 159).

Тидей — отец Диомеда (3. 167), участник похода семерых против Фив, который отныне обычно к поколению, предшествовавшему Троянской войне.

Тиндар (Тиндарей) — муж Леды, отец Кастора (см. СМС), Полидевка и Клитемнестры (24. 199).

Тирезий (Тиресий) — прославленный прорицатель из Фив (11. 90—151).

Тиро — дочь Салмоней, супруга Крефея, родившая от союза с Посидоном Нелея и Пелия (11. 235—259).

Титий — сын Геи, пытавшийся овладеть Латоной (11. 576—581).

Тифон — сын троянского царя Лаомедонта, возлюбленный Эос (5. 1). По версии, принятой в послегомеровской поэзии, Эос добилась от богов, чтобы ему даровали бессмертие, но не сумела (или забыла) добиться для него вечной молодости.

Тринакия (правильнее: Тринакия) — сказочный остров, где пасутся стада бога Гелиоса (12. 126); впоследствии его стали отождествлять с Сицилией.

Тритогена (правильнее: Тритогения) — эпитет Афины (3. 378), не получивший общепринятого объяснения ни в древности, ни у современных лингвистов.

Троя (Илион) — город и крепость у входа в пролив Геллеспонт (Дарданеллы), соединяющий Эгейское море с Черным. См. статью «“Одиссея” — фольклорное наследие...» § 1; СМС: Елена, Неоптолем, Одиссей, Троянский конь.

Фарос — остров, лежащий против западных рукавов Нильской дельты (4. 355).

Феакійцы, феакіяне — сказочный народ, населяющий остров Схерию (5. 35, 280).

Феб (вероятно: «сияющий») — культовый эпитет Аполлона (3. 279).

Фемида — первоначально олицетворение обычного права; в Од. 2. 68 — богиня, следящая за его соблюдением.

Феоклимен — прорицатель из Аргоса, сопровождающий Телемаха на обратном пути из Пилоса на Итаку (15. 224—286).

Фера (правильнее: Феры) — город на полпути между Пилосом и Спартой (3. 488), ныне Каламата. В наше время между Наварином (Пилосом) и Каламатой (Ферой) обнаружены остатки древней дороги, вероятно, микенского времени.

Феспроты — народ, населявший юго-западную прибрежную область Эпира (14. 315).

Фест — город в южной части Крита (3. 295).

Фетида — морская нимфа, супруга Пелея, мать Ахилла (11. 547).

Филотий (Филойтий) — старший коровник в хозяйстве Одиссея (20. 185).

Финикия — страна, расположенная на восточном побережье Средиземного моря (4. 83).

Форк (правильнее: Форкий или Форкин) — морское божество, сын Понта и Геи (1. 70).

Фразимед (Фрасимед) — сын Нестора (см. примеч. к 3. 36, 39).

Фракия — страна, расположенная на юг от устья Дуная до северного побережья Эгейского моря (8. 361).

Фтия — царство Пелея и Ахиллеса в Фессалии (11. 496).

Харибда — водоворот, который поглощает проплывающие мимо корабли (12. 104).

Хариты — божества, олицетворяющие очарование (6. 18), прислужницы Афродиты (8. 364).

Хиос — большой остров в восточной части Эгейского моря (3. 170).

Цетос — см. СМС: Антиопа.

Циклопы (киклопы) — сказочный народ великанов, вытеснивший из их прежней земли феаков (6. 5); соплеменники Полифема (9. 106).

Цирцея (правильно: Кирка) — волшебница, дочь Гелиоса, живущая на сказочном острове Эя (10. 135—139).

Эак — сын Зевса и Эгины, царь на острове, названном именем его матери; отец Пелея и Теламона, дед Ахилла и Аякса (11. 471).

Эвбея, Эвмей, Эвпейт, Эвриал, Эвриклея, Эврилох, Эвримах, Эврипил, Эврит, Эвритион — см. Евбея, Евмей, Евпейт, Эвриал, Эвриклея, Эврилох, Эвримах, Эврипил, Эврит, Эвритион.

Эвр — восточный ветер.

Эгист (Эгисф) — сын Фиеста, склонивший Клитемнестру к измене мужу (1. 29; см. СМС: Агамемнон).

Эгия (правильнее: Эги) — город в Ахее, на севере Пелопоннеса, где особенным почетом пользовался Посидон (5. 381).

Эйдофея (Идофея) — богиня, дочь морского старца Протея, недоумившая Менелая, как ему добиться пророчества от ее отца (4. 365—425).

Элида — область в северо-западном углу Пелопоннеса (4. 635).

Элизий — см. примеч. к 4. 561.

Эллада — первоначально область в Фессалии, входившая во владения Ахилла (44. 496; Ил. II. 683—685); затем вообще северная Греция; в сочетании с Аргосом — вся Греция (4. 340, 15. 80).

Энипей — река и ее бог (11. 238); Энипей считали притоком либо Пеней в Фессалии, либо Алфея в Элиде (см. Салмоней).

Эол — 1. Владыка ветров (10. 21 сл.). 2. Фессалийский царь, отец Крефея (11. 237) и Сизифа.

Эос — заря и олицетворяющая ее богиня. В переводе также: Денница (9. 151). См. Орион, Тифон.

Эпеос (Эпей) — строитель Троянского коня (8. 493).

Эпеяне — жители Элиды (13. 275); в историческое время неизвестны.

Эпикаста — см. СМС: Эдип.

Эрев (Эреб) — мрачные недра земли, царство мертвых (10. 527).

Эрембы — загадочный народ (4. 84), о месте жительства которого спорили уже в древности.

Эрехтей (Эрехфей) — древнейший афинский царь (7. 81 и примеч.).

Эримант (Эриманф) — горный хребет в Аркадии, северо-западной части Пелопоннеса (6. 103).

Эрифилы — супруга Амфиарая (см. СМС).

Эрмий — см. Гермес.

Эрмиона — см. СМС: Гермiona.

Эфиальт — см. Отос.

Эфиопы — сказочный народ, у которого любят гостить боги (1. 22—25 и примеч.; Ил. I. 423).

Эфира — город в Феспротии, известный приготовлением ядов (1. 254).

Эхеней — старейший из феаков (7. 155 сл.).

Эхет — легендарный жестокий царь (18. 84—87), которого схоластики помещают то ли в Сицилии, то ли в Эпире; современные исследователи считают его сказочным злодеем, содержащим пленников в горных пещерах или в подземельях.

Эт (Аэт) — сын Гелиоса (10. 137 сл.), обладатель золотого руна, за которым отправились аргонавты (12. 70—72).

Эя (правильнее: Ээя) — остров волшебницы Цирцеи (10. 135).

Язион (Ясион) — божество плодородия (5. 125), вероятно критского происхождения.

Язон (Ясон) — сын Эзона (Эсона), предводитель аргонавтов (12. 72).

Ярдан — река в западной части Крита, впадающая в море на северном побережье острова (3. 292).

В. Н. Ярхо

ОТРЫВКИ ИЗ «ИЛИАДЫ». ИЛИАДА. ПОВЕСТЬ О ВОЙНЕ ТРОЯНСКОЙ

Предлагаемый далее указатель является продолжением «Словаря мифологических сюжетов» и «Указателя имен и названий», сделанных для «Одиссеи» В. Н. Ярхо (см. выше). Его цель — систематизировать мифологические реалии (имена и географические названия) в других текстах данного тома. Имена и названия, зафиксированные В. Н. Ярхо, не аннотируются: дается ссылка на его «Указатель...». В указателе используются следующие сокращения: И — «Илиада», МИ — «Отрывки из Илиады» («Малая Илиада»), ПВТ — «Повесть о войне Троянской».

Абанты (И 2. 43, 49) — воинственное ионийское племя, жившее на острове Эвбея, были мастерами ближнего боя.

Авгей (И 2. 131) — сын Гелиоса и Гирмидоны, отец Агасфена, царь Элиды, обладатель огромных стад и конюшен, которые удалось вычистить только Гераклу.

Авгия (И 2. 39, 91) — город в Лаконии, юго-восточной части Пелопоннеса.

Авлида (И 2. 3; ПВТ 8) — гавань в Эвбейском проливе. Именно там, в Беотии, собрались перед походом на Троию корабли всех греческих племен.

Автомедон (МИ 512, 515) — возничий Ахиллеса, после гибели Ахиллеса Автомедон стал служить его сыну, Неоптолему.

Агамемнон (МИ 222, 422, 426; И 1. 24, 90, 94, 102, 105, 130, 246, 275, 285, 309, 313, 318, 321, 335, 355, 378, 411, 506, 2. 83, 119; ПВТ 6, 41) — сын Атрея и Аэропы, брат Менелая, царь Микен, предводитель греческого войска во время Троянской войны.

Агапенор (И 2. 116) — царь Тегей, предводитель аркадского войска.

Аглая (И 2. 179) — мать Нирея, предводителя войска из Симы в походе на Троию.

Адмет (И 2. 220) — царь города Фер в Фессалии, муж Алкесты, отец Эвмела, участник калидонской охоты и похода аргонавтов.

Адраст (И 2. 79) — царь Сикиона и Аргоса, возглавил поход Семерых против Фив.

Аид (МИ 25, 87, 599; И 1. 4, 2. 149; ПВТ 73) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Айдоней (МИ 596) — см. Аид в указ. В. Н. Ярхо.

Актор (И 2. 20) — царь асплдонян, населявших Орхомен минийский, отец Астиохи.

Акториад (И 2. 128) — два элейца, Ктеат и Эврит (Эвритос), сыновья жены Актора, Молионы, от Посейдона.

Алисий (И 2. 123) — название одного места в Элиде.

Алкеста (И 2. 220) — прекрасная дочь царя Пелия, сестра Акаста, жена Адмета.

Алкид (МИ 228) — см. Геракл СМС.

Алопа (И 2. 189) — город в пеласгическом Аргосе.

Алфей (И 2. 99) — бог одноименной реки в Элиде.

Амалтея (ПВТ 35) — коза-нимфа, молоком которой Адрастея вскормила Зевса.

Амаринк (И 2. 129) — отец Диора, царь эпеян в Элиде.

Амиклы (И 2. 91) — город в Лаконике, к югу от Спарты, назван в честь спартанского царя Амикла.

Амфигенея (И 2. 100) — город возле Мессены.

Амфимах (И 2. 126) — сын Ктеата, возглавил войско эпеян в походе на Троию.

Анадиомена (ПВТ 39) — см. Афродита в указ. В. Н. Ярхо.

Андремон (И 2. 145) — царь Калидона, муж Горги, отец Фоанта, предводитель этолийцев в троянской войне.

Андромаха (МИ 52, 95) — дочь Ээтиона, царя мисийского города Фивы Плакийские, жена Гектора, родила ему единственного сына Астианакта, которого греки убили, захватив Троию.

Анеморея (И 2. 28) — местность в Фокиде на южном склоне горы Парнас.

Анкей (И 2. 116) — самый сильный участник похода аргонавтов, был убит диким вепрем во время калидонской охоты, отец Агапенора.

Антилох (МИ 108, 135, 158) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Антифос (И 2. 185) — сын Фессала Ираклида, вождь Калидонских островов.

Антрона (И 2. 204) — город в Фессалии.

Анфедон (И 2. 15) — город в Беотии.

Аполлон (И 1. 11, 14, 28, 43, 44, 64, 86, 110, 182, 315, 370, 373, 390, 450, 457, 479, 602) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Аргивяне (И 1. 56) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Аргос (МИ 55, 456; И 1. 30, 79, 2. 66, 74, 188) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Арей (МИ 243, 348, 576, 582, 587; И 2. 19, 22, 47, 134, 158, 170, 211, 215; ПВТ 59) — см. указ. В. Н. Ярхо

Арефирея (И 2. 77) — город в Арголиде.

Аркадия, аркадский (И 2. 110, 117; ПВТ 26) — горная область в центре Пелопоннеса.

Аркадяне (И 2. 121) — жители Аркадии.

Аркесилай (И 2. 2) — один из предводителей беотийцев.

Арна (И 2. 14) — город в Беотии.

Артемиды (МИ 29, 577) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Асина (И 2. 67) — город в Арголиде.

Аскалаф (И 2. 19) — сын Ареса и Астиохи, брат Иалмена, вместе с которым Аскалаф участвовал в Троянской войне.

Аспедоняне (И 2. 18) — жители беотийского города Аспедон.

Астиоха (И 2. 20, 165) — 1) дочь орхоменского царя Актора, мать Аскалафа и Иалмена, рожденных от Ареса; 2) дочь Филака, жена Геракла, которому она родила сына Тлеполема.

Атрей (И 1. 12, 24, 369, 378, 2. 83) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Атрид (МИ 37, 114, 421, 438; И 1. 7, 9, 16, 17, 59, 102, 105, 121, 122, 148, 172, 203, 208, 223, 282, 318, 375, 387, 391, 422, 430, 442; ПВТ 6) — см. Атрей в указ. В. Н. Ярхо.

Аттийцы (ПВТ 21) — жители Аттики, полуострова на юго-востоке средней Греции.

Афина (МИ 280, 474, 478, 572, 586; И 1. 195, 199, 206, 399) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Афины (И 2. 59) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Афиняне (И 2. 53, 65) — жители Афин.

Ахейцы, ахейане, ахейский (МИ 13, 53, 139, 189, 217, 255, 260, 275, 278, 290, 303, 311, 337, 352, 420, 445, 476, 480, 543, 556, 579; И 1. 2, 15, 17, 22, 54, 79, 91, 109, 146, 150, 162, 229, 237, 240, 244, 254, 276, 283, 302, 305, 313, 341, 343, 347, 368, 374, 376, 383, 390, 392, 409, 410, 412, 444, 448, 454, 456, 472, 478, 484, 507, 509, 559, 2. 38, 191, 208; ПВТ 4, 54) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Ахиллес (МИ 18, 104, 106, 108, 135, 145, 151, 159, 169, 184, 192, 209, 217, 279, 280, 289, 294, 299, 305, 316, 320, 345, 353, 358, 376, 389, 398, 402, 419, 423, 429, 431, 437, 463, 468, 472, 477, 487, 500, 504, 509, 516, 537, 565, 580; И 1. 1, 7, 54, 58, 73, 76, 84, 92, 121, 130, 146, 148, 172, 188, 197, 199, 215, 240, 283, 292, 306, 319, 322, 329, 349, 364, 489, 559, 2. 192, 195; ПВТ 82) — сын Пелея и морской нимфы Фетиды, величайший герой Троянской войны.

Аякс (МИ 37, 113, 114, 116, 122, 128, 132, 261, 267; И 1. 138, 145, 2. 34, 35, 64; ПВТ 49, 55) — см. СМС.

Бебы, бебенский (И 2. 218) — озеро в Фессалии.

Беотия, беотийский (И 2. 1, 17, 33) — область в средней части древней Греции.

Беоция (ПВТ 22) — см. Беотия.

Беса (И 2. 39) — город на территории Средней Греции, в Локриде.

Боагрий (И 2. 40) — река в Локриде.

Бриарей (И 1. 403) — сын Урана и Геи, чудовище с пятидесятью головами и сотней рук, люди называли его Эгеоном.

Бризеида, Брисеида (МИ 429; И 1. 184, 323, 336, 337, 392, 2.196) — жена лирнесского царя, дочь Бриса, пленница Ахилла, которую пытался отнять у него Агамемнон.

Брисей (И 1. 346) — житель Лирнесса, города, расположенного рядом с Троей, отец Брисеиды.

Бупрасий (И 2. 122) — город в Элиде.

Галиарт (И 2. 10) — город в Беотии.

Гарма (И 2. 6) — местечко в Беотии между Фивами и Авлидой.

Гектор (МИ 59, 65, 71, 84, 93, 96, 98, 103, 106, 110, 118, 132, 144, 150, 196, 204, 208, 215, 226, 241, 255, 258, 273, 317, 327, 349, 370, 532; И 1. 242) — главный герой Трои, самый выдающийся из сыновей царя Приама и Гекубы, муж Андромахи.

Гекуба (МИ 48) — дочь фригийского царя Диманта, жена троянского царя Приама, которому она родила двенадцать сыновей.

Гелика (И 2. 83) — город в Ахайе, на севере Пелопоннеса, со святилищем Посейдона.

Гелиос (МИ 309, 517) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Гелос (И 2. 91, 100) — 1) город в Лаконике; 2) город в Элиде.

Гермиона (И 2. 67) — дочь царя Спарты Менелая и Елены, жена Неоптолема. После того как Неоптолем был убит, вышла замуж за Ореста.

Гиамполь (И 2. 28) — город в Фокиде.

Гимет (ПВТ 21) — горная цепь в Аттике.

Гипересия (И 2. 80) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Гирмина (И 2. 123) — приморский город в Арголиде со святилищем Посейдона.

Гистияэ (И 2. 44) — город на острове Эвбее.

Гносса (И 2. 153) — город на острове Крит.

Гоноэсса (И 2. 81) — город в Фессалии.

Гортина (И 2. 153) — город на острове Крите.

Грея (И 2. 5) — город в Беотии.

Давлия (И 2. 28) — город в Фокиде, на восточном склоне горы Парнас.

Данаи (И 1. 42, 51, 72, 87, 89, 123, 124, 135, 137, 190, 2. 180; ПВТ 9) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Дардания (И 2. 217) — город на нижних склонах горы Ида, основанный сыном Зевса, предком Приама, Дарданом, родоначальником троянцев.

Дарданянин, дарданец, дарданский (МИ 233, 303, 209) — живущий в Дардании, относящийся к данному городу.

Делос (ПВТ 33) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Деметра (И 2. 203) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Диомед (МИ 37, И 2. 70, 74; ПВТ 58) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Дион (И 2. 45) — город на острове Эвбее.

Диор (И 2. 129) — сын Амаринка, предводитель бупрасийцев во время Троянской войны.

Дорион (И 2. 101) — город в Северной Мессении, вблизи от Кипариссы.

Дриас (И 1. 263) — один из лапифов.

Дулихий (И 2. 132, 136) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Елена (МИ 451; И 2. 97; ПВТ 2) — прекрасная дочь Зевса и Леды, жена Менелая. Парис похитил Елену, что и стало поводом для начала Троянской войны. См. СМС.

Закинф (И 2. 141) — остров в Ионийском море, у западных берегов Пелопоннеса.

Зевс, Зевес, Дий (МИ 74, 75, 188, 193, 227, 334, 336, 363, 466, 474, 480, 545, 551, 554, 558, 570; И 1. 5, 9, 21, 63, 74, 86, 176, 239, 354, 397, 406, 419, 423, 426, 495, 498, 514, 517, 533, 539, 551, 552, 569, 571, 577, 578, 2. 105, 143, 167, 176; ПВТ 35) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Зефир (МИ 533) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Иалмен (И 2. 19) — сын Ареса и Астиохи, брат Аскалафа, участник Троянской войны.

- Идоменей (МИ 37, 438; И 1. 145, 2. 152, 157) — см. указ. В. Н. Ярхо.
 Илесий (И 2. 6) — город в Беотии.
 Илион (МИ 1, 60, 172; И 1. 129, 2.23, 75, 137, 187, 222, ПВТ 1) — см. указ. В. Н. Ярхо.
 Иолк (И 2. 219) — см. указ. В. Н. Ярхо.
 Ира (МИ 269, 310, 525, 572; И 1. 55, 195, 208, 400, 518, 520, 522, 537, 544, 545, 551, 560, 595, 610) — см. Гера в указ. В. Н. Ярхо.
 Иракл (И 2. 160, 165, 166, 171; ПВТ 74, 78) — см. указ. В. Н. Ярхо.
 Ираклид (И 2. 186) — дети Геракла и Деяниры.
 Ирида (МИ 269, 279) — крылатая вестница богов, богиня радуги. Муж Ириды — Зефир, в этом браке родился бог любви Эрот.
 Итака (И 2. 139, ПВТ 32, 62) — см. указ. В. Н. Ярхо.
 Итона (И 2. 203) — город в Фессалии.
 Ифест (МИ 246, 251, 389, 396, 405, 491, 550, 575; И 1. 571, 595, 600, 608) — см. указ. В. Н. Ярхо.
 Ифит (И 2. 25) — сын Эврита, друг Одиссея, подаривший ему лук и стрелы, полученные отцом Ифита от Аполлона.
- Каледонский** (И 2. 147) — относящийся к Калидону, городу в Южной Этолии.
Калиднийские острова (И 2. 184) — находятся возле острова Коса, у берегов Малой Азии.
Каллиарий (И 2. 40) — город в Локриде.
Кальхас (И 1. 69, 86, 92, 105) — сын Фестора, внук Аполлона, от которого Кальхас и получил дар провидения. В Троянской войне был прорицателем греческого войска.
Камир (И 2. 162) — город на западной стороне острова Родоса.
Капаней (И 2. 71) — царь Аргоса, отец Сфенела, участник похода Семерых против Фив.
Карист (И 2. 46) — город на острове Эвбея.
Касталийский ключ (ПВТ 24) — этот ключ давал пророческую силу и считался символом поэзии. Назван в честь дельфийской нимфы Касталии, которая, убегая от преследований Аполлона, прыгнула в ручей.
Кеней (И 263) — великан, царь лапифов, участник калидонской охоты.
Кефалоняне (И 2. 138) — жители Кефалонии, крупнейшего острова Ионического моря. Во время Троянской войны островитяне оказали поддержку Одиссею.
Кефисса (И 2. 29, 30) — река в Беотии, впадающая в одноименное озеро.
Киллена (И 2. 110) — священная гора на острове Делос, на склонах которой, по преданию, титанида Лето родила божественных близнецов Артемиду и Аполлона.
Кинос (И 2. 39) — город в Локриде.
Кипариса (И 2. 26, 99) — город в Мессении.
Киприда (МИ 578) — см. указ. В. Н. Ярхо.
Китера (ПВТ 37) — см. указ. В. Н. Ярхо.
Китерея (ПВТ 39) — см. Китера.
Клеония (И 2. 78) — город на пути из Коринфа в Аргос, основанный Клеоном, сыном Пелона.
Клитемнестра (И 1. 113) — см. указ. В. Н. Ярхо.
Клоний (И 2. 2) — один из беотийских вождей в Троянской войне.
Копа (И 2. 8) — город в Беотии.

- Коринф (И 2. 45, 77) — город в Арголиде, названный в честь сына Марафона.
Коронейя (И 2. 10) — город в Беотии.
Кос (И 2. 184) — остров у берегов Малой Азии.
Креон (МИ 425) — см. Креонт в указ. В. Н. Ярхо.
Крисса (И 2. 27) — город в Фокиде, недалеко от Дельф.
Крит (И 2. 156; ПВТ 33) — см. указ. В. Н. Ярхо.
Критяне (И 2. 152) — жители Крита.
Крокилея (И 2. 140) — остров, расположенный рядом с Итакой.
Крон (ПВТ 37) — отец Зевса, сын Урана и Геи.
Кронион (МИ 336; И 1. 5, 129, 175, 405, 407, 502, 508, 560, 608, 2. 177) — см. указ. В. Н. Ярхо.
Ксанф (МИ 519, 523, 538, 578) — город и река в Ликийи.
Ктеат (И 2. 127) — один из сиамских близнецов Молионидов.
Куреты (ПВТ 35) — демонические существа, были в окружении Великой матери богов Реи-Кибелы.
- Лакедемон (И 2. 88) — см. указ. В. Н. Ярхо.
Латона (И 9, 71; ПВТ 33) — см. указ. В. Н. Ярхо.
Лейт (И 2. 1) — сын Алектриона, один из вождей беотийцев в Троянской войне.
Лемнос (И 592) — см. указ. В. Н. Ярхо.
Ликаст (И 2. 154) — город на острове Крите, к востоку от Гносса.
Ликомед (МИ 426) — сын Креона, предводитель беотийцев.
Лилея (И 2. 30) — местность в Фокиде у истоков реки Кефиссы.
Линд (И 2. 163) — город-гавань на острове Родосе, со святилищем Афины.
Лирнес (И 2. 197, 198) — город в Малой Азии, около Фив.
Локрида (И 2. 41) — область в Средней Греции, к северу от Фокиды, у Эвбейского пролива.
Локрияне, локриец (И 2. 34, 38; ПВТ 55) — житель Локриды.
- Мантинейя (И 2. 115) — город в Аркадии.
Масий (И 2. 69) — город-гавань в Арголиде.
Мегес (И 2. 134, 137) — сын Филея, царь эпейн в Элиде, предводитель дулийцев в Троянской войне.
Медсон (И 2. 9) — город в Беотии.
Мекистей (И 2. 72) — сын аргосского царя Талая, брат Адраста, отец Эвриала (участника похода аргонавтов и Троянской войны).
Мелеагр (И 2. 150) — сын калидонского царя Ойнея и Алфеи, участник калидонской охоты на дикого вепря.
Мелибея (И 2. 224) — город в Магнезии, в Фессалии, у подножия горы Оссы.
Менелай (МИ 113, 114, 120, 130; И 2. 93; ПВТ 4, 46) — младший сын микенского царя Атрея и Аэропы, брат Агамемнона, муж Елены. См. СМС.
Менестей (И 2. 59) — сын Петей, предводитель афинян в Троянской войне.
Менетий (МИ 142, 360, 307) — сын Актора, аргонавт; женился на Сфенеле, которая родила ему сына Патрокла.
Меония (МИ 335) — древнее название Лидии.
Мерйон (МИ 115, 120, 130, 426; И 2.158) — сын Мола, был оруженосцем у своего дяди, критского царя Идоменейя.

Мессана (И 2. 89) — главный город Мессении, области на крайнем юго-западе Пелопоннеса.

Метона (И 2. 223) — город в Магнезии, в Фессалии.

Мидея (И 2. 15) — город в Беотии.

Микалесс (И 2. 5) — остров в Ионийском море, против острова Самоса.

Микены (И 2. 76; ПВТ 18) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Минейский (И 2. 18) — связанный с беотийским племенем Минеи.

Мирмидонец, мирмидоняне (МИ 141, 184, 358, 391, 399; И 1. 307, 328, 2. 191, ПВТ 30, 89) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Мирсин (И 2. 123) — город в Элиде.

Нелей (ПВТ 68) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Неоптолем (МИ 453) — сын Ахиллеса и Деидами, в ночь падения Трои убил Приама и его сына Полита.

Нерей (МИ 167, 181, 250; И 1. 358, 538, 556) — морской бог, сын Геи и Понта, обладает даром прорицания, способен менять свой облик, подобно морской стихии.

Нереида (МИ 163; ПВТ 87) — морская нимфа, дитя океаниды Дориды и Нерея.

Нерит (И 2. 140) — сын Нерея, брат нереид, возлюбленный Афродиты.

Нестор (МИ 146, 424, 439, 249, И 2. 62, 63, 109; ПВТ 66) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Нимфа (МИ 23, 549) — женское божество природы. Различались нимфы морской воды (нереиды), источников и рек (наяды), долин (напей), гор (ореады), роц (алсеиды), деревьев (дриады и гамадриады).

Нирей (И 2. 178, 179) — сын царя Харопа и Аглаи, предводитель войск из Симы в походе на Трою.

Ниса (И 2. 15) — город в Беотии, ныне известен под названием Мегара.

Нисир (И 2. 183) — остров в Карпафском море, между Телосом и Косом.

Одиссей (МИ 424, 430, 438; И 1. 138, 145, 311, 431, 440, 2. 138, 143; ПВТ 62) — царь острова Итака, единственный сын Лаэрта и Антиклеи.

Оилей (ПВТ 55) — царь локров в Опунте, отец Аякса Малого.

Оиней (И 2. 149) — см. Эней.

Окалия (И 2. 8) — город в Беотии.

Океан (МИ 310, 388, 550; И 1. 423) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Олена (И 2. 146) — город в Этолии, вблизи Плеврона, со святилищем Зевса.

Оленийские (И 2. 124) — относящийся к городу Олена.

Олизон (И 2. 224) — город в Фессалии.

Олимп, олимпийский (МИ 75, 227, 251, 254, 545, 555, 561; И 1. 44, 75, 221, 354, 394, 399, 402, 420, 494, 497, 499, 525, 530, 531, 566, 572, 579, 582, 388, 590, 598; ПВТ 31, 85) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Онхест (И 2. 13) — город в Беотии.

Опунт (МИ 361; И 2. 40) — главный город Локриды, средняя Греция.

Орнея (И 2. 78) — город в северо-западной Арголиде.

Орхомен (И 2. 18, 112) — город в Беотии.

Осса (ПВТ 31) — 1) гора в Фессалии, близ Олимпа; 2) молва, слух.

Паллада (МИ 291, 350, 467, 468, 572; И 1. 195, 399, 2. 54, 55) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Пан (ПВТ 28) — бог стад, полей и лесов, славен своим пристрастием к вину и веселию.

Панопей (И 2. 27) — город в Фокиде, неподалеку от Дельф.

Парис (ПВТ 2) — прекрасный сын троянского царя Приама, похитивший Елену.

Парнас (ПВТ 25) — гора в Фокиде, на склоне которой находился дельфийский храм Аполлона. В мифах — место обитания Аполлона и муз.

Паррасия (И 2. 114) — город в Аркадии.

Патрокл (МИ 103, 105, 109, 115, 120, 131, 149, 156, 194, 205, 210, 214, 225, 257, 268, 270, 303, 352, 361, 368, 369, 378, 390, 417, 470, 522, 530; И 1. 306, 337, 345) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Пеласгийский (И 2. 188) — то, что имеет отношение к пеласгам, древнейшим жителям Греции.

Пелей (МИ 147, 174, 197, 201, 269, 270, 274, 276, 366, 449, 460, 511, 518, 526, 581; И 1. 322, 396; ПВТ 86, 88) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Пелен (И 2. 80) — город в Аттике со святилищем Афины.

Пелиас (И 2. 221) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Пелид (МИ 566; И 54, 74, 131, 223, 277, 326, 2. 181) — см. Ахиллес.

Пелион (МИ 510; ПВТ 31) — гора в Фессалии, близ Оссы и Олимпа.

Пелопс (ПВТ 7) — отец Атрея и Фиеста, дед Агамемнона и Менелая.

Пеней (ПВТ 30) — речной бог, сын Океана и Тефиды.

Пенелеос (И 2. 1) — сын Гиппалма, один из предводителей беотийцев в походе на Троию.

Пергам (МИ 57, 102, 587, 595) — крепость в Трою.

Пилена (И 2. 147) — город в Этолии.

Пилияне (И 2. 98, 108) — пилосцы, жители города Пилоса.

Пилос (И 270; ПВТ 19, 66) — пелопоннесский город на берегу моря в Мессении.

Пирас (И 2. 202) — 1) город в Фессалии; 2) имя троянца, убитого Аяксом.

Пифия (ПВТ 25) — жрица в святилище Аполлона.

Пифон (И 2. 26) — чудовище-змея, рожден Гесей, обитал в Дельфах.

Плак (МИ 27) — гора у киликийских Фив.

Платея (И 2. 11) — город в Беотии.

Плеурон (И 2. 146) — город в Этолии.

Подарга (МИ 519) — одна из гарпий, родившая от бога ветра Зефира двух божественных бессмертных коней, Балия и Ксанфа.

Подаркес (И 2. 211) — сын Ификла, брат Протесилая, предводитель войск Филаки и Пираса в походе на Троию.

Полидамант (МИ 317, 328) — 1) союзник троянцев, товарищ Мемнона, убитый Аяксом Теламонидом; 2) сын троянского старейшины Панфоя, прорицатель и друг Гектора.

Поликсен (И 2. 130) — сын царя Агасфена, предводитель эпеян в походе на Троию.

Полифем (И 1. 264) — циклоп, сын Посейдона и нимфы Фоосы, ослепленный Одиссеем.

Посидон (И 1. 553, 558, 573, 593, 598, 400, 2. 13) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Приам (МИ 47, 49, 331; И 1. 19, 255) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Протесилай (И 2. 205, 213, 215) — сын Ификла, предводитель войск филиаков в походе против Трои.

Профоэнор (И 2. 2) — сын Арелика, предводитель беотийцев в походе против Трои.

Птелеон, Птелеонский (И 2. 100, 204) — город и гавань в Фессалии.

Рипа (И 2. 113) — город в Аркадии.

Ритион (И 2. 155) — город на острове Кипре.

Родос (И 2. 160, 174) — самый восточный остров Эгейского моря.

Саламин (И 2. 64) — остров у берегов Аттики.

Саламинский (ПВТ 49) — относящийся к острову Саламин.

Сам (И 2. 141) — остров в Ионийском море (Самос).

Селлеэнт (И 2. 166) — приток реки Пеней в Элиде.

Сикион (И 2. 79) — город в северной части Пелопоннеса.

Сима (И 2. 178) — остров у южных берегов Малой Азии, возле Родоса.

Синтейцы (И 593) — племя на Лемносе, Лесбосе и в Самофракии.

Скирос (МИ 452, 458; ПВТ 92) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Скол (И 2. 4) — местечко в Беотии, на берегу реки Асопа.

Сминтей (И 38, 452) — прозвище Аполлона.

Спарта (И 2. 88) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Стимфал (И 2. 114) — город в Аркадии.

Стира (И 2. 46) — город на острове Эвбее.

Стратия (И 2. 113) — город в западной Аркадии.

Сфенел (И 2. 71) — сын Капанея, возница Диомеда.

Схедий (И 2. 24) — сын Ифита, предводитель фокеев в походе против Трои, убитый Гектором.

Схойний (И 2. 4) — город в Беотии.

Талаон (И 2. 73) — царь Аргоса, отец Мекистея.

Тарфа (И 2. 40) — город в Локриде.

Таумакия (И 2. 223) — город в Магнесии.

Тевкр (ПВТ 53) — так троянцы были названы по имени царя Тевкра, сына речного бога Скамандра и нимфы.

Тегея (И 2. 114) — город в Аркадии.

Тезей (И 265) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Теламон (МИ 113; И 2. 35, 64) — сын Эака, брат Пелея, отец Аякса, царь острова Саламина, участник похода аргонавтов.

Тенедос (И 38, 452) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Тидей (ПВТ 58) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Тизба (И 2. 9) — город в юго-восточной Беотии.

Тириинф (И 2. 66) — город в Арголиде.

Тлеполем (И 2. 160) — сын Геракла и Астиохи, предводитель родосцев в походе на Трою.

Тлиполем (И 2. 164) — см. Тлеполем.

Трахины (И 2. 189) — город в Аргосе пеласгийском, по мифу, основан Гераклом.

Трезена (И 2. 68) — город в Арголиде.

Троя (МИ 46, 77, 182, 239, 274, 319, 322, 326, 329, 338, 362, 365, 371, 456, 462, 569; И 1. 72, 159, 2. 109, 117, 144, 181, 209; ПВТ 84, 91) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Фалпий (И 2. 128) — сын Эвритоса Акториада, один из предводителей эпейцев в Троянской войне.

Фамирис (И 2. 101) — фракийский певец.

Феб (МИ 577; И 1. 9, 21, 36, 75, 97, 100, 310, 380, 384, 387, 438, 443, 448, 472) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Фемида (МИ 545, 552) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Феникс (МИ 439) — сын фессалийского царя Аминтора, воспитатель Ахиллеса.

Фенос (И 2. 112) — город в северо-восточной Аркадии.

Фера (И 2. 89, 218) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Феспия (И 2. 5) — город в Беотии, на восточном склоне Геликона.

Фессал (И 2. 186) — сын Геракла, отец Антифоса.

Фессалийский (ПВТ 29) — относящийся к Фессалии (северная Греция).

Фест (И 2. 155) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Фетида (МИ 166, 180, 238, 254, 367, 388, 398, 406, 412, 413, 495, 501, 512, 532, 538, 556) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Фивы (МИ 18; И 1. 365, 2. 12, 198) — 1) город в Беотии (Семивратные Фивы); 2) город в Египте (Стовратные Фивы).

Филак (И 2. 212) — 1) царь одноименного города в Фессалии, отец Ификлеса; 2) царь города Эфиры, отец Астиохи.

Филака (И 2. 202, 206) — город в Фессалии.

Филоктет (И 2. 225; ПВТ 75) — сын Пеанта, вождь фессалийцев в троянской войне, обладавший луком Геракла.

Фоант (МИ 425; И 2. 145, 148) — сын Андромена, царь Плеврона и Калидона, вождь этолийцев в походе на Трою.

Фокида (ПВТ 24) — область в средней Греции.

Фракиец (И 2. 101) — житель страны к востоку от Македонии, по берегам Пропонтиды и Геллеспонта.

Фригия (МИ 334) — область в Малой Азии.

Фрия (И 2. 99) — город на берегу реки Алфея в Элиде.

Фронийский Луг (И 2. 40) — находящийся в городе Фроний в Локриде.

Фтия (МИ 450, 457; И 1. 156, 169, 180, 2. 190; ПВТ 30) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Халкида (И 2. 146) — город в Этолии.

Халкодонт (И 2. 48) — царь племени абантов на острове Эвбее, отец Эльпенора.

Хароп (И 2. 179) — царь города Симы, отец Нирея.

Хирон (МИ 511) — кентавр, сделавший царю Пелею копье, которое затем перешло к Ахиллесу.

Хриса (И 1. 37, 100, 389, 431, 451) — мифический остров, на котором находилось святилище Аполлона.

Хрисеида (И 1. 111, 127, 143, 182, 310, 369, 389, 439, 446) — дочь жреца Аполлона в Фивах Хрисеса, пленница и наложница Агамемнона.

Хрисес (И 1. 11, 370, 442, 450) — жрец Аполлона, дочь которого находилась в неволе у Агамемнона.

Циклоп (ПВТ 18) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Эвбея, эвбейский (И 2. 42, 43, 48, 52, 53) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Эвен (И 2. 200) — 1) царь Лирнеса, отец Минета и Эпистрофа; 2) царь Этолии; 3) река в Этолии.

Эвмел (И 2. 220) — сын фессалийского царя Адмета и Алкесты, был женат на сестре Пенелопы, Ифтиме.

Эвриал (И 2. 72) — сын Мекистея, возглавил аргосское войско в походе против Трои.

Эврибат (И 1. 319) — итакиец, глашатай, друг Одиссея.

Эврипил (И 2. 184) — сын Телефа и Астиохи, царь кетеев, воевал на стороне троянцев.

Эврит (И 2. 103) — царь города Эхалии и Фессалии, получивший в дар от Аполлона лук и стрелы.

Эвритос (И 2. 128) — см. Эврит.

Эвтреса (И 2. 8) — город в Беотии.

Эгей (И 265) — царь Афин, отец Тезея.

Эгеон (И 403) — сторукий великан, сын Геи.

Эгилипа (И 2. 140) — скалистая местность на острове Итаке.

Эгина (И 2. 69) — город на одноименном острове в Сароническом заливе.

Эгия (И 2. 81) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Эйона (И 2. 68) — гавань в Македонии.

Элеон (И 2. 7) — город в Беотии.

Элида (И 2. 122, 133; ПВТ 19) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Эллада (И 2. 190; ПВТ 15, 40) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Эллиспонт (МИ 256) — пролив, соединяющий Мраморное море со Средиземным, теперь носящий название Дарданельского.

Эльпенор (И 2. 47) — сын царя Халкодонта, предводитель эвбеян в Троянской войне.

Эней (МИ 132) — 1) царь Дардании в Троаде, сын царя Анхиза и богини Афродиты, предводитель дарданцев в троянской войне; 2) царь Калидона, в Этолии, отец Тидея и Мелеагра.

Эниспа (И 2. 113) — город в Аркадии.

Эос (МИ 387; И 1. 477) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Эпейцы (И 2. 126) — см. Эпеяне в указ. В. Н. Ярхо.

Эпидавр (И 2. 68) — город в Арголиде.

Эпирский (И 2. 142) — относящийся к Эпиру, мифической стране на севере Греции.

Эпистроф (И 2. 24, 199) — 1) сын Ифита, предводитель фокеев в Троянской войне; 2) сын царя города Лирнесса Эвена.

Эпит (И 2. 111) — царь города Фесан в Аркадии.

Эпия (И 2. 100) — город в Элиде.

Эретрия (И 2. 44) — город на острове Эвбее.

Эрехтей (И 2. 55) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Эриннии (МИ 536; ПВТ 8, 80) — богини-мстительницы, карающие убийц.

Эрмий (МИ 573) — см. указ. В. Н. Ярхо.

Эротас (ПВТ 16) — он же Эрос, греческий бог любви и страсти, сын Афродиты.

Этеон, этеонский (И 1. 366, 2. 4) — город в лесистой и гористой местности Южной Беотии со святилищем Деметры.

Этилос (И 2. 92) — приморский город в Лаконике.

Этоляне (И 2. 145, 148) — жители Этолии, области в Западной Греции.

Эфира (И 2. 166) — город пеласгов в северной Элиде, на реке Селлеэнте.

Эхалия (И 2. 103) — город в Фессалии.

Эхинадский (И 2. 132) — относящийся к островам в Ионийском море, против берегов Этолии и Акарнани.

Ялсс (И 2. 163) — город на острове Родосе.

В. Красман

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Арзамас-2.** — «Арзамас»: Сборник: В 2 кн. М.: Худож. лит., 1994.
- Батюшков** — *Батюшков К. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1989.
- БдЧ** — Библиотека для чтения.
- Белинский** — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.
- БЖ** — Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978—1988.
- Бумаги Жуковского** — *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. Приложение. СПб., 1887.
- Веселовский** — *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
- ВЕ** — Вестник Европы.
- Виницкий** — *Виницкий И. Ю.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М., 2006.
- Вольпе** — *Жуковский В. А.* Стихотворения / Вступ. ст., ред. и примеч. Ц. Вольпе. Л., 1939—1940. Т. 1—2. (Б-ка поэта. Большая сер.).
- Врем. ПК** — Временник Пушкинской комиссии. 1962—1994. М.; Л., 1963—1995.
- Вяземский** — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878—1896. Т. 1—12.
- ГАРФ** — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
- Гиллельсон** — Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) / Публ. М. И. Гиллельсона // Памятники культуры: Новые открытия. 1979. Л., 1980.
- Гоголь** — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937—1952.
- Гофман** — *Гофман М.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926 (*Hofmann Modeste. Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits. Paris, 1926.*)
- Дневники** — Дневники В. А. Жуковского / Примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903.

- Егунов** — *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964.
- Ежегодник** — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 1980. Л., 1984.
- Ж. и русская культура** — Жуковский и русская культура: Сб. науч. ст. Л., 1987.
- ЖМНП** — Журнал Министерства народного просвещения.
- Загарин** — *Загарин П. В.* А. Жуковский и его произведения. М., 1883.
- Зейдлиц** — *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783—1852: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.
- Зонтаг** — *Зонтаг А.* Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского / Вступ. заметка П. Висковатого // Рус. мысль. 1883. № 2. С. 266—285.
- Иезуитова** — *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л., 1989.
- ИВ** — Исторический вестник.
- Ил.** — Илиада.
- Кн.** — книга.
- Лебедева** — *Лебедева О. Б.* Драматургические опыты В. А. Жуковского. Томск, 1992.
- Метам.** — «Метаморфозы» Овидия.
- МТ** — Московский телеграф.
- НБ МГУ** — Научная библиотека Московского государственного университета.
- НБ ТГУ** — Научная библиотека Томского государственного университета.
- Нем.** — Немейские оды Пиндара.
- НЛО** — Новое литературное обозрение.
- НС** — Новые стихотворения В. Жуковского. СПб., 1849. Т. 1—2.
- ОА** — Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб., 1899. Т. 1—4.
- Од.** — Одиссея.
- Одиссея** — *Гомер.* Одиссея. Перевод В. А. Жуковского / Изд. подгот. В. Н. Ярхо. М., 2000. Сер. «Лит. памятники».
- «Одиссея» — фольклорное наследие...»** // Там же. С. 289—329. (статья В. Н. Ярхо).
- Ол.** — Олимпийские оды Пиндара.
- Описание** — Библиотека В. А. Жуковского: (Описание) / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.
- ПД** — Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), рукописный отдел.
- ПЖиГ** — Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. СПб., 1907—1909. Вып. 1—3.

- Переписка** — Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 1—3.
- ПЖТ** — Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
- ПМЖ** — Проблемы метода и жанра. Вып. 14—19. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988—1997.
- ПССиП** — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999—2009. Т. 1, 2, 3, 4, 13, 14.
- ПСС** — Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. / Под ред., с биограф. очерком и примеч. проф. А. С. Архангельского. СПб., 1902.
- Пушкин** — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1935—1948.
- Резанов** — *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. 2. СПб., 1916.
- РГБ** — Российская государственная библиотека, отдел рукописей.
- РНБ** — Российская национальная библиотека (С.-Петербург), отдел рукописей.
- РГАЛИ** — Российский государственный архив литературы и искусства.
- РС** — Русская старина.
- РА** — Русский архив.
- РБ** — Русский библиофил. 1912. Ноябрь-декабрь (специальный выпуск, посвященный В. А. Жуковскому).
- РВ** — Русский вестник.
- С 4** — Стихотворения Василия Жуковского: В 9 т. 4-е изд., испр. и умнож. СПб.: Изд-во А. Ф. Смирдина, 1835—1844.
- С 5** — Стихотворения Василия Жуковского: В 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. СПб., 1849. Т. I—IX; СПб., 1857. Т. X—XIII.
- С 6** — Сочинения В. Жуковского / Под ред. К. С. Сербиновича. 6-е изд. СПб., 1869. Ч. 1—6.
- С 7** — *Жуковский В.* Сочинения: С прилож. писем, биографии / Под ред. П. А. Ефремова. Изд. 7. СПб., 1878. Т. 6.
- С 8** — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.
- сл.** — один стих, слудующий за обозначенным.
- СМС** — Словарь мифологических сюжетов В. Н. Ярхо в наст. издании.
- СС 1** — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. / Вступ. ст. И. М. Семенко; Подгот. текста и примеч. И. М. Семенко, Н. В. Измайлова, В. П. Петушкова, И. Д. Гликмана. М.; Л., 1959—1960.
- ст.** — стих.
- Теог.** — «Теогония» Гесиода.
- ТиД.** — «Труды и дни» Гесиода.
- Тургенев** — *Тургенев А. И.* Хроника русского: Дневники (1825—1826) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964 Сер. «Лит. памятники».

УС — Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.

Фр. — фрагмент.

Щёголев — *Щёголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987.

Эн. — «Энеида» Вергилия.

Эп. — Эпитома, часть сочинения Аполлодора, сохранившаяся в выдержках.

Эстетика и критика — *Жуковский В. А.* Эстетика и критика / Вступит. ст. Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича; Подгот. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1985.

Янушкевич — *Янушкевич А. С.* В мире Жуковского. М., 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

Отрывки из «Илиады»	9
Одиссея	25
Илиада	348

Из черновых и незавершенных текстов

Повесть о войне Троянской	370
-------------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич. Гомер в творческом сознании В. А. Жуковского	375
Примечания к текстам.	389
Отрывки из «Илиады»	391
Одиссея	406
В. Н. Ярхо. В. А. Жуковский — переводчик «Одиссеи»	460
В. Н. Ярхо. О транслитерации имен собственных и названий	482
В. Н. Ярхо. Примечания	485
Словарь мифологических сюжетов. Составил В. Н. Ярхо	597
Летопись работы В. А. Жуковского над переводом «Одиссеи» (по материалам его эпистолярия). Сост. В. Киселев, В. Красман, Н. Никонова, А. Плотникова, А. Янушкевич.	623
Илиада	670
Из черновых и незавершенных текстов	
Повесть о войне Троянской	697
Указатель имен и названий. Составили В. Н. Ярхо (для «Одиссеи»), В. Красман (для других текстов).	705
Условные сокращения	727

Научное издание

Василий Андреевич Жуковский
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В двадцати томах

Том 6
Переводы из Гомера
«Илиада». «Одиссея»

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректоры: Е. Банькова, З. Полосухина
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Подписано в печать 24.05.2010. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная,
гарнитуры: Елизаветинская, Баскервилл.
Усл. п. л. 58,695. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ государственной регистрации 1037789030641.
Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)